РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ ПОД РУКОВОДСТВОМ
ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН

2 (24)

Апрель–май–июнь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА–МАГНИТОГОРСК–НОВОСИБИРСК
2009

Журнал издается в сотрудничестве с Институтом археологии РАН,
Институтом археологии и этнографии СО РАН
и Магнитогорским государственным университетом

Редакционный совет

член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев* (председатель)

член-корр. РАН *Х.А.Амирханов*, член-корр. РАН *П.Г.Гайдуков*,
академик РАН *А.П.Деревянко,* член-корр. РАН *С.П.Карпов*,
член-корр. РАН *Г.А.Кошеленко,*
член-корр. НАН Украины *С.Д.Крыжицкий*, член-корр. РАН *Н.А.Макаров*,
д.и.н. *Л.П.Маринович*, д.и.н. *Ю.М.Могаричев,*
академик РАН *В.И.Молодин*, д.и.н. *Э.Д.Фролов*

Редакционная коллегия

М.Г.Абрамзон (главный редактор)

В.А.Гаибов, *О.В.Гнэвек*, *В.Д.Кузнецов* (зам. главного редактора),
С.В.Мокроусов (зам. главного редактора),
И.В.Октябрьская (зам. главного редактора),
И.Е.Суриков, *З.М.Уметбаев*, *С.Г.Шулежкова*,
Л.И.Киреева (ответственный секретарь),

Editorial Board:

M.G.Abramzon (Editor-in-Chief),

V.A.Gaibov, O.V.Gnevek, V.D.Kuznetsov, S.V.Mokrousov, I.V.Oktyabrskaya,
S.G.Shulezhkova, I.E.Surikov, Z.M.Umetbayev.

Head, Editorial Office L.I.Kireyeva

© Российская академия наук, 2009
© Магнитогорский государственный университет, 2009
© Редколлегия журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2009

Международный симпозиум «Русская лексикография и фразеография в контексте славистики: теория и практика»

Магнитогорск, 18-20 ноября 2009 г.

Международный Комитет Славистов
Институт лингвистических исследований РАН
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Санкт-Петербургский государственный университет
Ernst-Moritz-Arndt-Universität (Greifswald, Institut für Slavistik)
Магнитогорский государственный университет

Редакционная коллегия журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» приняла решение опубликовать в данном номере статьи более 200 участников международного симпозиума, представителей 15 стран мира: Белоруссии, Болгарии, Венгрии, Германии, Казахстана, Польши, России, Сербии, Словакии, Соединённых Штатов Америки, Тайваня, Узбекистана, Украины, Хорватии и Чехии.

Разрабатывая программу симпозиума, оргкомитет стремился внести свой вклад в развитие культурных связей в условиях назревающей опасности утраты интереса к русскому языку и к русской культуре внутри страны и за рубежом. Проблематика симпозиума подсказана логикой развития славистики. Организаторы учитывали огромную роль словарей и справочников в процессе освоения русского языка не только в многонациональной России, но и в зарубежных странах, особенно – в славянских; исходили из необходимости укрепления международных контактов, объединения усилий ученых в деле укрепления позиций русского языка как языка великой культуры.

Научные статьи участников симпозиума расположены в журнале по четырнадцати разделам. В разделе 1-м «Русская паремиография в контексте славистики», который открывается программной статьей председателя Фразеологической комиссии Международного Комитета Славистов проф. В. М. Мокиенко, лингвисты из России, Польши и Чехии обсуждают проблемы лексикографирования пословиц и поговорок. Следующий раздел объединяет работы известных лексикографов (Х. Вальтер), Украины (Л.П. Дядечко, Ю.Ф. Прадед), Чехии (Л.И. Степанова), Белоруссии (Е.Е. Иванов), России (К.П. Сидоренко, Е.И. Зыкова и др.), работающих в сфере крылатологии. Раздел 3-й начинается глубоким теоретическим исследованием проф. Белгородского университета Н.Ф. Алефиренко, который намечает методологические векторы когнитивно-синергетической фразеографии. В числе концептов, описанных в этом разделе, – «Взаимность» (В.К. Радзиховская, г. Москва), «Чудо» (С.А. Анохина, г. Магнитогорск), «Книга» (И.С. Черепова, г. Санкт-Петербург), «Вера» (М.В. Сибирева, г. Москва), «Праздник» (И.В. Бугаева, г. Москва) и др. Историко-этимологический раздел представлен талантливыми работами А.Т. Липатова (г. Йошкар-Ола), Р. Баич (Сербия, г. Белград), Л.Я. Костючук (г. Псков), Е.Н. Поляковой (г. Пермь), И.С. Клинковой (г. Магнитогорск), Р.Н. Мароевича (Сербия, г. Белград) и др. Особого внимания заслуживает здесь

проект славянского фразеологического словаря проф. Л.К. Байрамовой (г. Казань), которая предлагает в многоязычном сопоставительном справочнике отразить универсально-уникальные, историко-этимологические и аксиологические черты сравниваемых славянских языков.

Статьи славистов: В. Хлебды (Польша, г. Ополе), А.А. Горбачевского (г. Челябинск), З. Дьёрке (Венгрия, г. Фегед), Ж. Финк (Хорватия, г. Загреб), С.И. Георгиевой (Болгария, г. Пловдив), Б. Родзевич (Польша, г. Щецин) и др. – вошли в раздел «Межкультурная коммуникация. Национальный и интернациональный аспекты в двуязычных и многоязычных словарях». Лингвокультурологические аспекты лексикографирования рассматриваются в работах Л.В. Савченко (г. Симферополь), Л.Н. Чурилиной (г. Магнитогорск), Г.В. Бобровской (г. Волгоград), Т.Е. Абрамзон (г. Магнитогорск), Т.И. Крыги (Украина, г. Нежин) и др. 6-го раздела. Принципы описания языковой личности сквозь лексико-фразеологическую призму излагаются в статьях челябинских исследовательниц Е.В. Харченко и Е.И. Головановой а также в совместном труде Т.М. Рогожниковой и Р.Н. Гариповой «Словарь языковой личности: ассоциативные портреты и лингвокультурные типажи» (г. Уфа). С опытом нескольких успешно работающих диалектологических школ (Красноярской, Ростовской, Пермской, Шадринской и др.) читатель может ознакомиться в 8-м разделе, где обсуждаются проблемы создания региональных словарей. В 9-м разделе собраны материалы по описанию языка русской субкультуры – сленга (В.А. Саляев, г. Орёл), жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России (О.А. Анищенко, Казахстан, г. Кокшетау) и др. В 10-м разделе несомненный интерес вызовет глубокая обобщающая статья проф. Л.А. Глинкиной (г. Челябинск) о путях развития отечественной лексикографии, исследование С.В. Лесникова (г. Сыктывкар) об автоматизированной информационно-справочной системе поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка и К.Р. Галиуллина (г. Казань) об интернет-лингвографии. В 11-м разделе, который открывается статьей основателя Челябинской фразеологической школы проф. А.М. Чепасовой «Теоретические основы фразеографии», 20 ученых из разных городов России пишут о принципах создания совершенно непохожих друг на друга фразеологических словарей. В круг проблем учебной лексикографии читателей вводят две статьи, посвященные словарям лингвокультурной грамотности, – проф. В.Д. Черняк (г. Санкт-Петербург) и проф. Л.А. Шкатовой (г. Челябинск). Два последних раздела журнала (13-й и 14-й) – доказательство интеграции словарного дела и литературоведения. Наряду с работами крупных лингвистов (А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко и др.), здесь помещены статьи известных литературоведов А.П. Власкина и С.Л. Слободнюка. Публикации в этой части журнала свидетельствуют о том, что на стыке лингвистики и литературоведения уже созрели идеи создания антологий художественных концептов отдельных писателей и целых литературных направлений.

Подготовка материалов симпозиума к печати (редактирование, корректура, систематизация) по поручению редколлегии журнала произведена научными сотрудниками Словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета (кандидатами филол. наук М.А. Коротенко, А.Н. Михиным, Л.Н. Мишиной) при участии канд. филол. наук С.А. Анохиной, д-ра филол. наук Л.Н. Чурилиной и канд. филол. наук., проф. Л.И. Швыдкой под руководством отв. за выпуск, д-ра филол. наук С. Г. Шулежковой.

Профессор С.Г. Шулежкова

ФИЛОЛОГИЯ

РУССКАЯ ПАРЕМИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВИСТИКИ

© 2009

В.М. Мокиенко

БОЛЬШОЙ СЛОВАРЬ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ (ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ)

«Большой словарь русских пословиц» – один из проектов, который стал заключительным томом паремиологической трилогии, задуманной и реализуемой членами Петербургского фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина на протяжении многих лет. Ведь фиксация первой пословицы была сделана одним из составителей (автором этих строк) еще в 1957 г. – в год рождения одного из двух его других соавторов (Т.Г. Никитиной и Е.К. Николаевой). Два тома – «Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений» [Мокиенко, Никитина 2008а] и «Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений» [Мокиенко, Никитина 2008б] недавно уже опубликованы и получили положительный резонанс в России и за рубежом. Последний, паремиологический, том и по количеству паремий (около 60 000 пословиц), и по лексикографическим приемам их обработки значительно отличается от двух предшествующих уже потому, что здесь описываются языковые единицы иного порядка – не «строевые единицы» речи, семантически близкие слову, каковыми являются поговорки (resp. идиомы, фразеологизмы) и устойчивые сравнения, но синтаксически законченные мини-тексты с дидактическим содержанием.

Пословицы и поговорки – жемчужины народного творчества, в которых отразился многовековой опыт, передаваемый из уст в уста, из поколения в поколение. В европейской и русской книжной и литературной традиции уже поэтому они овеяны особым авторитетом. На них ссылаются и легендарный Нестор, составивший Начальную русскую летопись, и автор «Слова о полку Игореве», и многочисленные писатели светских и религиозных произведений Древней Руси. Нередко ссылка на пословицу подытоживает смысл сказанного, придает ему особую доказательную силу, заставляет запомнить особо важную мысль. Не случайно такую функцию русские пословицы выполняют во многих баснях И.А. Крылова, воспринимаясь современными читателями как афоризмы самого баснописца. А некоторые классические произведения – напр., комедия А.С. Грибоедова «Горе от ума» – насквозь сотканы из пословиц и поговорок.

Издревле русские пословицы собирались любителями «красного слова», книжниками, филологами, ораторами, фольклористами. В первых русских словарях – «Азбуковниках» – значения слов нередко иллюстрируются пословичными сентенциями, имеющими не только иллюстративную, но и назидатель-

ную направленность [Ковтун 1989]. Изобилует пословицами знаменитый словарь В.И. Даля, в котором они используются в качестве контекстных иллюстраций. В рукописных отделах библиотек хранятся сборники пословиц, имевшие хождение уже с XVII в. Коллекционерами пословиц были и царь Петр Первый, и историк В.Н. Татищев, и многие писатели – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Н.А. Добролюбов, А.П. Чехов, А.М. Горький, М.А. Шолохов, И. Ильф и Е. Петров, А.И. Солженицын.

С XVIII в. появляются первые издания сборников пословиц, опирающиеся на опыт их употребления в письменных памятниках с XIV в. И. Колиевский (1717), Н. Курганов (1769), А. Барсов (1770), А. Богданович (1785), Д. Княжевич (1822), А. Сергеев (1830) и другие составители заложили основы русской паремиографии [Котова 2003, 2004]. Монументальным трудом, издававшимся неоднократно, стала книга «Пословицы русского народа» В.И. Даля [Даль 1861–1862; 1984]. В ней неутомимый собиратель русских слов подытожил труды предшественников и расположил свой огромный материал (свыше 30 тысяч пословиц, поговорок, присловий и т.п.) по рубрикам-темам. Число рубрик также впечатляет – их 179. До сих пор по количеству описанных пословиц собрание В.И. Даля никем не было превзойдено. Из него в основном и черпают все, кто предлагает нашим читателям русский пословичный материал (см. обзор в кн. [Иллюстров 1915], [Жигулев 1969], [Спирин 1985], [Аникин 1988], [Зимин, Спирин 1996, 2006], [Савенкова 2002а, 2002б], [Котова 2003, 2004], [Čokinová 2005], [Viellard 2005] и др.).

Немало занимались пословицами и ученые-фольклористы, этнографы, литературоведы, лингвисты. Если в прошлом веке основной целью изучения пословиц и поговорок было познание «духа народа», то теперь многих интересуют и чисто языковые особенности этих единиц, их употребление в художественной речи, взаимодействие с фольклорным фондом других народов, проблемы перевода на другие языки.

С течением времени менялась и точка зрения на термины *пословица* и *поговорка*. Древнерусское слово *пословица* было многозначным: оно характеризовало и любой словесный договор, и соглашение между отдельными людьми, и *соумышление*, и вообще – согласие, мир. Одним из таких значений было и ‘краткое, выразительное изречение, иносказание, сентенция’. Прежде не различали пословицы и поговорки. Знаменитое устойчивое сравнение из «Повести временных лет» – *погибоша яко обри*, например, летописец называет именно *пословицей*.

До сих пор в народной речи, у писателей и журналистов и у носителей языка, не искушенных в терминологических нюансах паремиологии, термины *пословица* и *поговорка* употребляются недифференцированно. Вот лишь несколько записей из диалектной речи разных регионов России, где *пословицами* обозначают и поговорки (т.е. народные фразеологизмы), и различные экспрессивные фигуры речи, и просто отражает речевой колорит того или иного говорящего: «– *На одном месте сидю как мед кисни.* [– *Как это?*]. – *Такой-то говорит* ***пословица****, такой-то –* ***поговорка****: сидю как мед кисну*». *Ряз.* (*Деулино* [ДС: 222]); «*К человеку и то* ***пословица****: копоруля! Вот у человека худая рука – говорят: копоруля. У одной пёрстов совсем нет, так называют копоруля*» (*Ср.-Урал.* [СРГСУ 4: 104]); «Ехид-

ной. Ето така *пословица*. Ехидной, мол, ты. Вроде ругань ето». «Да будь ты трою! – *пословица* такая» (*Перм*. [Сл. Акчим. 4: 107]). «Годященький – это *пословица* такая: годный или негодный» (*Перм*. [Сл. Акчим. 1: 209]). Нельзя поэтому не согласиться с составителями некоторых диалектных словарей, которые объективно определяют слово *пословица* в свободном речевом употреблении весьма широко, напр., «какое-л. слово или выражение» [ДС: 445].

Иное дело – употребление слов *пословица* и *поговорка* в качестве фольклорных, этнографических и лингвистических терминов. В европейской паремиологии уже давно возникла необходимость их строгого разграничения. В русской и зарубежной филологической и фольклористической традиции эти термины также постепенно стали различаться достаточно четко. В.И. Даль выразил это, принятое уже в его время, разграничение четко и лапидарно. *Пословица*, по его мнению, – это «коротенькая притча, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности», *поговорка* же – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения <...> это одна первая половина пословицы» [Даль 1984: 13–14]. К пословицам, следовательно, отнесены такие народные речения, как *Без труда не вынешь рыбку из пруда; Любишь кататься, люби и саночки возить; Ласковый теленок две матки сосет*, а к поговоркам – *погибоша яко обри, сваливать с больной головы на здоровую, чужими руками жар загребать*, т.е. такие единицы, которые многими лингвистами называются теперь фразеологизмами.

Конечно, и сейчас не все ученые и собиратели пословиц и поговорок используют эти термины традиционно. Один из известных лингвистов и лексикографов В.П. Жуков в своем «Словаре русских пословиц и поговорок» [Жуков 1966: 11] предлагает, в частности, весьма оригинальное их толкование. Под *пословицами* он понимает краткие народные изречения законченного синтаксического типа, имеющие одновременно прямой и переносный (образный) план, под *поговорками* – лишь те изречения, которые воспринимаются буквально. К первым отнесены речения типа: *Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало*, ко вторым – *Деньги – дело наживное* или *Коса – девичья краса*. Некоторые современные русские паремиологи-лингвисты принимают такое нетрадиционное разграничение пословиц и поговорок [Савенкова 2002а], большинство же следует давно принятой терминологической традиции.

В предлагаемом «Большом словаре русских пословиц» как образные, так и безóбразные пословицы описываются как языковые единицы одного структурно-семантического порядка. Безóбразные пословицы – в отличие от толкования В.П. Жукова – именуются не *поговорками*, а *пословицами*. Поговорки, т.е. народная фразеология (resp. идиоматика), потребовали особого типа лексикографической обработки по сравнению с пословицами и уже были описаны нами, как выше говорилось, в двух специальных больших словарях – поговорок и устойчивых сравнений [Мокиенко, Никитина 2008а, 2008б]. Включение безóбразных пословиц в настоящий словарь оправдано той дидактической ролью, которую они издревле играют наравне с пословицами образными. Ср. нравственную ценность таких безóбразных пословичных рекомендаций, как *Учиться – всегда пригодится*; *Труд кормит, а лень портит*; *Ученье лучше бо-*

гатства. Несмотря на то, что образа в них нет, их афористичность, ритмичность и смысловая емкость делают их пословицами, вполне адекватными образным – типа *Ученья корень горек, да плод сладок*; *Без труда не вынешь и рыбку из пруда* или *Ученье – свет, а неученье – тьма.* Именно так трактует разграничение пословиц и поговорок европейская традиция – ср. термины англ. *proverb* и *saying (idiom),* фр. *proverbe* и *dicton,* нем. *Sprichwort* и *Redensart* и т.п.

Авторы настоящего словаря, следовательно, термин «пословица» понимают традиционно – как логически законченное образное или безóбразное изречение афористического характера, имеющее назидательный смысл и характеризующееся особой ритмической и фонетической организацией (ср. [Розенталь, Теленкова 1985: 211, 222], [Тимофеев, Тураев 1974: 272–273, 276–277]. Поговорки же, понимаемые авторами как фразеологизмы в узком смысле слова, из корпуса данного словаря исключаются уже и потому, что стали объектом специального описания в двух недавно изданных словарях поговорок и сравнений.

Разумеется, каждый составитель большого словаря пословиц и поговорок постоянно сталкивается как с практической трудностью четкого, «классического» разграничения некоторых паремий на эти две группы, так и с искусом включения в словари или собрания близких по структуре и семантике языковых единиц, в принципе имеющих паремиологический статус, но не полностью соответствующих любому избранному определению пословицы или поговорки. Такому искусу поддался и великий В.И. Даль, включивший в «Пословицы русского народа» и праностики (приметы), и скороговорки, и некоторые загадки, и многое другое. Кстати, его современник, составитель монументального свода украинских паремий, М. Номис, даже в самом его названии подчеркнул некоторую расплывчивость объекта описания – «Українські приказки, прислів'я і таке інше» [Номис 1864]. Это «і таке інше» («и все такое прочее») симптоматично, несмотря на бытовизм стиля названия книги. До сих пор ни одно масштабное паремиологическое собрание не может полностью элиминировать «і такого іншого» из своих словников. Отсюда – попытки детализировать терминологический аппарат наименований описываемого объекта. Таково, напр., подключение к тематической классификации русских пословиц и поговорок в сборнике В.И. Зимина и А.С. Спирина [Зимин, Спирин 1996] и «жанрового» распределения некоторых из них на *молвушки, приговорки, присловья, дразнилки, загадки, скороговорки, считалки, приметы, слова привета и ответа* и др. (ср. анализ этого терминологического аппарата в рецензии [Мокиенко 2000]).

В Большом словаре русских пословиц мы, составители, не могли – да и не хотели – порывать с уже сложившейся паремиологической традицией, и потому в его корпус включены и такие паремии, которые не всегда «идеально» соответствуют принятому нами определению *пословицы.* Отказаться от описания близких к пословицам единиц – значило бы обеднить паремиологический фонд русского языка, складывавшийся веками. Такому подходу противоречил бы сам жанр нашего словаря – **жанр паремиологического тезауруса,** создававшегося, как и первые два тома поговорок и сравнений, на основе принципа лексикографической полноты, сформулированного Б.А. Лариным и давно принятого на вооружение ларинской словарной школой (см. [Мокиенко 1999]). В некоторых случаях поэтому между тремя томами нашего паремиологического тезауру-

са читатель может найти определенные пересечения. Таково, в частности, «дублетное» описание языковых единиц, имеющих компаративную структуру, во втором томе нашего тезауруса – «Большого словаря русских народных сравнений», и в третьем томе – «Большом словаре русских пословиц»: *Хозяин в дому как Аврам в раю; Деньги что галки: всё в стаю сбиваются; В худого коня корм тратить, что в худую кадушку воду лить; В монастыре что в лавке: всё за деньги; Несолоно хлебать что немилого целовать; Дураку наука что ребенку огонь; За красою как за ягодой: в лесок не сбегаешь* и т.п. Читатель, внимательно изучивший принципы описания таких единиц в обоих томах, убедится, что такое описание в каждом из них специализируется, поэтому полной дублетности таких паремий нет. Да, собственно, повторяемость одной и той же паремии в больших сборниках – также традиция, заданная необходимостью многоаспектного ее описания. Не случайно В.И. Даль в «Пословицах русского народа» некоторые пословицы и поговорки включает в разные разделы своей книги до 5–7 раз, чтобы продемонстрировать многоплановость их семантики и структуры.

Информация, заключенная в пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны, пословицы – это назидания, афоризмы, краткие рекомендации на различные случаи жизни. Вот почему многие сборники пословиц построены именно по тематическим циклам, подсказывающим «сюжет» таких назиданий – пословицы о Труде, Лени, Пьянстве, Учении, Храбрости, Трусости, Красноречии и т.п. С другой стороны, пословицы – это хранилища прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепки исчезнувших теперь образов и представлений, запечатленных, как правило, в лексических компонентах пословиц.

Такая двуединость пословиц рождает и разный подход к ним, и разное использование их говорящими и пишущими. Она, собственно, обусловливает возможность двоякого идеографического распределения пословиц и поговорок – синхронического, когда они группируются по своему актуальному значению, и диахроническому, когда группировка ориентируется на символьное значение стержневых компонентов паремий [Мокиенко 1982]. И тот, и другой подход имеет и теоретическую, и практическую (напр., дидактическую) проекцию.

Историки русской культуры справедливо видят в пословицах один из ценных источников изучения нашего прошлого. Одна из первых книг о русских пословицах – книга И. Снегирева «Русские в своих пословицах», изданная более чем полтора века назад [Снегирев 1831–1934], ставила перед собой именно такую цель. В таком же ключе писали о пословицах наши известные филологи и этнографы Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, И.И. Срезневский, С.В. Максимов, М.И. Михельсон, Б.А. Ларин, В.В. Виноградов. До сих пор еще идет поиск объективной методики этимологического анализа пословиц: зачастую погоня за историческими и этнографическими фактами препятствует строго языковой аргументации достоверности той или иной гипотезы. И тем не менее многие пословицы уже расшифрованы весьма достоверно, чтобы служить надежным путеводителем по лабиринтам русской национальной культуры. Опыт специализированного историко-этимологического истолкования русских пословиц уже нашел определенное отражение в наших словарях ([ШСП], [Мокиенко 2006]).

Многие стороны русской национальной культуры пластично иллюстрируются пословицами. Вот следы крестьянского и ремесленного быта, запечатленные в них: *Куй железо, пока горячо*; *Плотник без топора, что изба без угла*; *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*; *Каковы сани, таковы и сами*; *Без узды коня не удержишь*; *Щи да каша – пища наша*. Вот упоминания о забытых ныне народных праздниках и традициях: *Будет и на нашей улице праздник*; *Не все коту масленица*; *Делу время – потехе час*; *Масленица без блинов, именины без пирогов не бывают*. Вот – осколки свадебных обрядов и ритуалов, брачных советов и наказов: *Выбирай не невесту, а сваху*; *Ранняя женитьба – видимая беда*; *Муж любит жену красивую, а брат сестру богатую*; *Не бери приданое, бери милу девицу*; *В мае жениться – век маяться*; *Любовь да совет, так и нуждочки нет*. Вот – отражения духовной культуры и старинных крестьянских верований: *Бог-то Бог, да и сам будь не плох*; *На Бога надейся, а сам не плошай*; *Бог не выдаст, свинья не съест*; *Бог шельму метит*; *Сору из избы не выноси*. Как видим, в таких пословицах чувствуется не только вера в высшую силу – Бога, но и скепсис народного атеизма.

Немало в пословицах и чисто исторических фактов. Пословица *Повинную голову и меч не сечет* восходит, напр., к обычаю выдавать виноватого головой, известного на Руси с XII в.; *Язык до Киева доведет* хранит память о древнем центре восточных славян и о значении Киева для Древней Руси. *Москва не сразу строилась* напоминает нам о длительном, многовековом и многотрудном строительстве нашей столицы, упоминавшейся в летописи уже под 1147 годом. *Москва слезам не верит* – свидетельство народного недовольства феодальными притеснениями. Такие пословицы можно перечислять до бесконечности. При этом необходимо осознавать и опасность переоценки сугубо национальной маркировки «историзма» русских пословиц. Так, пословица *Москва не сразу строилась* имеет древнюю и широкую проекцию в европейскую паремиологию, где полноценными «субститутами» Москвы выступают многие города Европы – укр. *Київ не відразу відбудований*; бел. *Не за дзень Вільня станавілася; Не адразу Вільню пабудавалі*; польск. *Nie od razu Kraków zbudowano* [Котова 2000: 98]; франц. *Париж не строился в один день*; польск. *Рим не строился за один год*; англ., франц., нем., итал. *Рим не строился за один день* [Михельсон 1902, I: 637], [Rцhrich 1994: 1252]; нем. *Аахен (Кельн) за один день не строился* и под. Универсальность этой паремиологической модели отразилась в активном варьировании названия города в малом фольклоре и языках разных народов: *Аахен* – в датском, фризском и африкаансе, *Брюгген* – в датском, *Буда (Будапешт)* – в венгерском, *Кельн* – в африкаансе, датском, фризском, *Краков* – в белорусском и польском, *Любек* – в немецком, *Львов* – в польском, *Прага* – в чешском и словацком, *Варшава* – в польском, *Вашингтон* – в английском (в США), *Загреб* – в хорватском и словенском и т.д. «Рекордсменом» по представленности в самых разных языках в этом списке является *Рим*, название которого вошло в пословицы на таких языках, как африкаанс, болгарский, чешский, датский, английский, эстонский, финский, французский, немецкий, венгерский, итальянский, литовский, норвежский, польский, португальский, провансальский, ретороманский, румынский, шотландский, испанский, шведский. Пословицу с названием *Москва* заимствовали лишь восточные славяне – укр. *Не сразу (відразу) Москва будувалася (будувалась)* и бел. *Не за год Масква пастаўлена*, *Ма-*

сква не зразу будавалася ([Paczolay 1997: 449–451], [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 449]).

Вторая важная сторона пословиц – их современное восприятие и употребление в живой и художественной речи. Это необходимый элемент культуры речи, культуры народа. Поэтому нет писателя, который бы не обращался к пословицам как к эффективному стилистическому средству.

Россыпи пословиц встречаются у А. Пушкина, А. Грибоедова и Н. Гоголя, А. Островского и М. Салтыкова-Щедрина, И. Крылова и Ф. Достоевского, М. Шолохова и А. Твардовского, Ф. Абрамова, В. Гроссмана, В. Шукшина, А. Солженицына. Изобилуют они и на страницах русских газет и журналов, звучат по радио и телевидению, украшают или делают более выразительной нашу повседневную разговорную речь, откуда проникают в Интернет – особенно в таком популярном его жанре, как *антипословицы* [Вальтер, Мокиенко 2005]. Удачное употребление пословицы не только повышает эмоционально-оценочный потенциал текста, но и дает возможность точно и кратко охарактеризовать ситуацию (пословица, по сути, и есть яркий знак ситуации) минимальными средствами, но с максимальной смысловой емкостью.

Хотя многие пословицы хорошо известны говорящим и читающим – тем более, что смысл их можно восстановить и из их образа или синтаксической конструкции, – точная привязка к ситуации не всегда ощутима. Судя по опросам школьников, такие пословицы, как *Семь бед – один ответ*; *Своя рука – владыка*; *Новая метла чисто метет*, не всегда вписываются в соответствующий литературному употреблению контекст, а значит, и неверно понимаются. Еще сложнее обстоит дело с пониманием «глубинного» смысла пословиц: они нередко искажаются или даже коверкаются до анекдотических переосмыслений типа *Цыплят по восемь считают* (вместо *по осени*) или *Не плачь, коза, а то мамой будешь* (вместо *Не плачь, казак, – атаманом будешь*).

Противоречие между логикой синтаксиса и некоторой алогичностью двойного плана – одна из характерных особенностей пословиц. Ее часто используют писатели. Пословица, с одной стороны, предельно конкретизирует ситуацию, концентрирует на ней внимание, с другой – обобщает, выдает готовые сжатые формулы вместо развернутых конкретных характеристик. В этом смысле весьма точно сравнение процесса «сгущения мысли» в пословице с алгебраическим решением задачи, которое предложил известный лингвист А.А. Потебня [Потебня 1976: 520]. Алгебраичность пословицы, собственно говоря, и выделяет ее ярко из контекста, создает ощущение монолитности, воспроизводимости в готовом виде, целостности восприятия ее переносного значения. Целостности, разумеется, иной, чем у поговорки, – на уровне предложения, а не на уровне словосочетания.

Цель данного словаря – дать читателю максимально полное собрание русских пословиц, которое вобрало в себя большинство паремиологических коллекций наших предшественников, извлечения из произведений художественной литературы и публицистики, а также россыпи народной мудрости в многочисленных диалектных словарях и картотеках и в собственных записях живой речи.

Основным критерием отбора материала служил выше упомянутый принцип

лексикографической полноты, сформулированный Б.А. Лариным и реализуемый последователями ларинской школы. В паремиологической проекции этот принцип предполагает максимально полное описание всего корпуса русских пословиц с древнейших времен до начала XIX в. В сущности, предлагаемый словарь – это тезаурус русских пословиц, отражающий их бытование в возможно полной амплитуде времени и пространства существования живого русского языка.

Составители существующих лексикографических источников (словари и сборники А.А. Барсова, И. Богдановича, А.И. Богданова, И.М. Снегирева, В.И. Даля, П.К. Симони, М.И. Михельсона, В.Н. Добровольского, И.И. Иллюстрова, В.П. Аникина, Л.А. Введенской, В.В. Князева, А.М. Жигулева, М.А. Рыбниковой, В.П. Жукова, В. Танчука, И.С. Меркурьева, Б.И. Зимина и А.С. Спирина и др.) накопили уникальные материалы по русской паремиологии. Довольно большая их часть переходит из сборника в сборник, подтверждая их актуальность и стабильность существования во времени и пространстве. В советское время (особенно в сборниках А.М. Жигулева) наметилась и тенденция «улучшения» пословиц: диалектные варианты «исправлялись» на литературные, часть из них сокращалась, некоторым из традиционных пословиц придавалась «нужная» идеологическая направленность – атеистическая, колхозная, советская и т.д. (ср. [Weiss 1995, 1998, 1999], [Мокиенко, Никитина 2005]). Авторитет собрания В.И. Даля немало способствовал и тому, что доминирующим принципом организации такого материала в большинстве последующих словарей и сборниках русских пословиц стал принцип **тематический**. Лишь немногие из словарей организованы в **алфавитном порядке** ([Михельсон 1902–1903], [Танчук 1986], [РПП 1988]), причем – строго по первому компоненту, который часто выражен служебными словами и подвергается варьированию, что затрудняет поиски нужной пословицы.

В европейской же паремиографии XIX в. появились монументальные словари, построенные на алфавитном упорядочении пословиц и поговорок по первому знаменательному «стержневому» слову – обычно существительному, аккумулирующему основной смысл паремии. Таким словарем стал 5-томный тезаурус немецкой паремиологии К.Ф.В. Вандера [Wander 1867–1889, 1987], который по количеству описанного в нем материала до сих пор не превзойден ни одним соответствующим собранием пословиц в мире. «Стержневой» принцип был избран и последователями К.Ф.В. Вандера в славянской паремиографии – И. Франко, создавшим свод украинских пословиц и поговорок [Франко 1901–1910] и акад. Ю. Кржижановским, под руководством которого издан 4-томник польской паремиологии [NKP 1969–1978]. Показательно, что пока у русских паремиологов и фразеологов продолжались и продолжаются споры о термине *стержневое слово, стержневой компонент, фразеологическое гнездо* и т.д., составители наших лучших больших двуязычных фразеологических словарей – начиная с классического «Англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина и последовавшей за ним серии германо-русских, романо-русских и славяно-русских ([Кунин 1967, 1984], [Бинович 1956], [Бинович, Гришин 1975], [ФРФС], [ИРФС], [ИсРФС], [Гюлумянц 2004]; [Mokienko, Wurm 2002] и др.) ориентируются именно на «стержневой» принцип организации

словарных статей. Некоторым компромиссом в этом отношении стал сборник пословиц А.М. Жигулева 1969 г., где доминирующий тематический принцип распределения материала «разреживается» в конкретных подрубриках «полуалфавитным стержневым», сохраняя в целом также тематическую ориентацию.

Таким образом, для русской паремиологии собраний пословиц, организованных по стержневому компоненту, до сих пор не было. Определенной «пробой пера» в этом направлении стал небольшой «Школьный словарь живых русских пословиц» ([ШСП], [СРП]), составленный под руководством В.М. Мокиенко членами Петербургского фразеологического семинара именно по стержневому принципу. Небольшой объем того словаря (около 1 000 пословиц) намного облегчил здесь задачу расположения материала по стержневому принципу и позволил усовершенствовать такой принцип для применения его в настоящем тезаурусе.

«Большой словарь русских пословиц» восполняет значительную лакуну в русской паремиографии, вписывая соответствующий жанр в давнюю паремиографическую традицию Европы. Составители произвели максимально полное извлечение материалов из большинства русских паремиологических источников (см. список литературы). Не менее полно и системно корпус нашего словаря постоянно пополнялся извлечениями из большинства русских толковых и других словарей.

Особенно целенаправленно такое извлечение делалось из множества русских диалектных словарей XIX–XX вв. Расцвет русской диалектографии послевоенного периода, стимулированный программой лингвистического атласа, дал всем, кого интересует наше народное Слово, огромный свежий фактический материал. Для паремиологов столь ценный источник, как диалектные словари и картотеки центров региональной лексикографии России (Москвы, Петербурга, Пскова, Новгорода, Смоленска, Вологды, Волгограда, Саранска, Новосибирска, Томска, Омска, Иркутска и др.) оказался не только заманчивым объектом пополнения сокровищницы наших пословиц, но и весьма «твердым орешком» для практической работы. Ведь во многих диалектных словарях пословицы – в отличие от поговорок (res. фразеологизмов) – лексикографически не маркируются, входя (по классическому примеру «Толкового словаря» В.И. Даля) в иллюстративную, контекстную их часть. Потому искателю пословичных жемчужин приходилось с головой «нырять» в глубины контекстной части этих словарей, внимательно, строчка за строчкой, вчитываясь в текст диалектных иллюстраций, чтобы не упустить ни одной современной паремии, сокрытой в раковинах живой речи. Составители настоящего словаря именно так и поступали, многие годы регулярно «переваривая» диалектный материал, постоянно поступающий из медленно, но верно выходящих многотомных «долгостройных» словарей или небольших, но быстро выпускаемых региональных словариков. Такая чрезвычайно трудоемкая работа не только значительно пополнила паремиологический фонд русского языка, накопленный с XVII в. многочисленными собирателями «малого жанра» нашего фольклора, но и – что кажется первостепенно важным – позволила достаточно точно определить **пространственные границы** многих пословиц и их вариантов. В нашем словаре каждая пословица **предельно точно паспортизируется,** что также кардинально отли-

чает его от паремиологических собраний наших предшественников, где источник описываемых пословиц и поговорок, как правило, точно не указывается, а в лучшем случае к словарю или сборнику прилагается список используемой литературы. Региональные же пометы в русских собраниях пословиц и поговорок – лишь отдельные глоссы обобщающего характера: даже в надежном сборнике М.А. Рыбниковой [Рыбн. 1961], где попытка регионального «опомечивания» проводится наиболее последовательно (хотя и далеко не полно), оно делается лишь «крупномасштабно», пометами типа *севернорус.*, *южнорус.*, *центральные обл.* Материал настоящего словаря показывает относительность и неточность такой обобщенной региональной характеристики и значительно расширяет ее для паремий, описанных М.А. Рыбниковой. Для нас, составителей данного словаря, точная паспортизация каждой пословицы – не только и даже не столько показатель аутентичности описываемых паремий. Главная цель такой паспортизации – дать читателю максимально точную и полную их хронологическую и пространственную характеристику.

Пространственная (ареальная) характеристика выражается здесь эксплицитно: после вокабульной части словаря даются (по мере возможности, обеспечиваемой нашими источниками) локальные пометы, характеризующие **место фиксации** пословиц в использованных источниках. В случаях, когда ряд источников велик и цепь локальных помет была бы излишне пространна и пестра, ареальная характеристика имплицитно «закодирована» в точном приведении самих источников и может быть при необходимости легко воспроизведена самим читателем на их основе.

Хронологическая характеристика достигается имплицитно – путем точной паспортизации источников, которые расположены именно в **хронологическом порядке**. Именно поэтому на первых «паспортизационных» местах здесь оказываются такие источники, как П. Симони (Сим.), отразивший русскую паремиологию XVII–XIX вв., Т. Фенне, Н. Курганов, А. Барсов (1770), А. Богданович, А.И. Богданов, и т.д., а на последних – новейшие сборники русских пословиц и поговорок, современные общие диалектные словари или паремиологические исследования, в которых представлен оригинальный и свежий материал. Таким образом, точная паспортизация каждой пословицы становится ее точным ориентиром в пространстве и времени.

Точная паспортизация также позволяет не только весьма надежно определить, откуда тот или иной паремиограф черпал свой материал, но – что особо важно – насколько корректно он использовал такой материал и сколь велика его «корректировка» в современных «олитературенных» попытках его описания. Именно поэтому мы стремились как можно точнее отразить всю гамму **вариантов пословиц,** зафиксированных используемыми нами источниками. Первоначально мы планировали многие варианты – лексические, синтаксические, словообразовательные, синтаксические и др. – объединять в одной словарной статье. Опыт составления словаря и ориентация на предельно точное воспроизведение каждой пословицы, однако, заставили нас отказаться от такого объединения и лишь в немногих случаях (обычно, когда варианты встречаются в пределах одного или двух источников либо предельно формальны и не нарушают структуры и семантики паремии) оно проводится.

Многие словарные статьи нашего словаря благодаря аутентичности отражения первоисточников поэтому представляют собой своеобразные палимпсесты, вскрывая слои которых внимательный читатель может добраться до первоисточника с его истинной формой и семантикой. Тем самым словарь дает концентрированный материал для историко-этимологических и текстологических исследований нашего паремиологического наследия. В какой-то мере наш точно паспортизированный материал станет подспорьем и для паремиологических «Шерлоков Холмсов», поскольку с его помощью весьма легко установить, кто у кого «похитил» или просто «взял напрокат» ту или иную пословицу. Ведь в европейской (в том числе и русской) популярной паремиологии существует немало «самозванцев», претендующих на приоритет в отражении той или иной пословицы, в то время как она в ходу уже несколько столетий.

Точная паспортизация материала особенно ценна и тем, что позволяет математически точно доказать поразительную «живучесть» фольклора малого жанра во времени и пространстве. Многие русские пословицы, зафиксированные более трех веков назад и хранимые в архивах, картотеках или старых паремиологических собраниях, продолжают жить на обширной территории России, их употребляют в заброшенных деревнях Архангельщины, Псковщины или Сибири. Вот лишь несколько конкретных примеров такого рода.

Пословица *Не радуйся нашёд [нашот], не кайся потеряв* и ее варианты – *Не радуйся нашёд, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедчи, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедчи, не тужи, потеряв; Не радуйся нашедши, не плачь, потеряв; Не радуйся нашедши, не плачь, потерявши; Не радуйся – нашёл, не плачь – потеряешь; Не радуйся – нашёл, не тужи – потеряв* – зафиксирована в наших рукописных сборниках с начала XVII в. ([Петр. галер. нач. XVII в.: 30], [Сим.: 125], [Сим.: 184], [Татищев нач. XVIII в.: 58], [Снег. 1848: 285]), включена в знаменитый «Письмовник» Курганова конца XVII в. [Курганов 1793: 132] и вошла в собрание В.И. Даля и последующие сборники русских пословиц ([ДП 1: 41], [ДП 1: 112]). А в 1950–1960-е гг. она записана на Урале собирателем В.П. Бирюковым (*Не радуйся – нашёл, не тужи – потерял* [Бир. 1960: 21]), а позже (в 1967 г.) – сибирскими диалектологами в Иркутской области [ФСГ 1983: 161].

Пословица *Сухая ложка рот дерёт,* имеющая столь же старую фиксацию в наших сборниках ([Сим.: 139], [Татищев нач. XVIII в.: 63], [Лексикон 1731: 552], [Geyr 1981: 173], [Курганов 1793: 137], [Снег. 1831, 1: 109], [Снег. 1848: 388], [ДП 1: 133], [СР 2: 231] и др.), не только перешла в паремиологические собрания советского времени ([Рыбн. 1961: 151], [Соб. 1956: 123] и мн. др.), но и записана в живой диалектной речи – напр., в Архангельской [АОС 12: 240], Псковской области [СПП 2001: 133], на Печоре [Ставшина 2008: 684] и др. регионах.

Пословица *Треску бояться – [и] в лес не ходить,* также зафиксированная с XVII в. ([Сим. 144], [Снег. 1848: 484], [Рыбн. 1961: 120]), недавно записана в пермских диалектах К.Н. Прокошевой [Прокошева 1988: 159].

Такого рода примеры убедительно демонстрируют жизненную силу и долговечность устной традиции, не вытесненной ни книжной культурой, ни телевидением, ни Интернетом. И, может быть, даже наоборот – не вытесненной, а усиленной этими новыми средствами массовой информации, на что указывает

популярность такого жанра интернетных «приколов», как антипословицы [Mieder 1999: Вальтер, Мокиенко 2006]. Пословицы и поговорки, пройдя через каналы устной, письменной и масс-медиальной традиции, продолжают жить потому, что без них любая речь остается лишь бесцветным средством передачи информации, не задевающей собеседника и читателя за живое. Фразеологи разных стран, приехавшие в Магнитогорск на лексикографический симпозиум, немало сделали для того, чтобы такая языковая «живинка» получила словарное описание и обогатила кладовые нашей речи.

ЛИТЕРАТУРА

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь: ок. 25 000 фразеологических единиц. – Изд. 3-е, испр. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т.1–2.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. Ок. 20000 фразеологических единиц. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984.

Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956.

Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1975.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2005.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы). – СПб.; М.: Издат. дом «Нева», 2006.

Гюлумянц К.М. Польско-русский фразеологический словарь. Свыше 11 000 фразеологических сочетаний: в 2 т. – Минск: Экономпресс, 2004.

ДП: Даль В.И. Пословицы русского народа. – Изд. 3-е.: в 2 т. – М.; Худож. лит., 1984 (1-е изд. 1861–1862).

ДС: Словарь современного русского народного говора (д.Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И.А. Оссовецкого. – М.: Наука, 1969.

Жигулев А.М. Русские пословицы и поговорки. – М.: Наука, 1969.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Сюита, 1996.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. – Изд. 3-е, стер. – Ростов н/Д.: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2006.

Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. – СПб., 1915.

ИРФС: Итальянско-русский фразеологический словарь: ок. 23 000 фразеологических единиц / под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Рус. яз., 1982.

ИсРФС: Испанско-русский фразеологический словарь. 30000 фразеологических единиц / под ред. Э.И. Левинтовой. – М.: Рус. яз., 1985.

Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. – Л.: Наука, 1989.

Котова М.Ю. Очерки по славянской паремиологии. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ 2003.

Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / под ред. П.А. Дмитриева. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Котова М.Ю. Славянская паремиология: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2004.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – СПб., 1902–1903. (См. также переиздание с предисл. и комментариями В.М. Мокиенко. – М.: Рус. словари, 1994).

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008а.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских сравнений. Более 45 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008б.

Мокиенко В.М. О тематико-идеографической классификации фразеологизмов // Словари и лингвострановедение / под ред. Е.М. Верещагина. – М.: Рус. яз., 1982. – С.108–121.

Мокиенко В.М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеография // Славянская филология. Вып.VIII. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – С.56–70.

Мокиенко В.М. Рецензия на кн.: Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Сюита, 1996 // Revue des études slaves. – LXXII/3–4, 2000. – P.612–622.

Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Словарь пословиц: краткий словарь-справочник. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии: ок. 10 000 слов и выражений. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2005.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности // А.А. Потебня Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1985.

Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина – М.: Худож. лит., 1988.

Рыбн.: Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-н/Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2002а.

Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2002б.

Сим.: Симони П. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий / собрал и приготовил к печати Павел Симони. – СПб., 1899.

Сл. Акчим.: Словарь говора д.Акчим Красновишерского р-на Пермской области (Акчимский словарь). – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1984–2003. – Вып.1–5.

Снег.: Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: в 4 книжках. – М., 1831–1834.

Соб.: Соболев А.И. Народные пословицы и поговорки. – М.: Москов. рабочий, 1961.

Спирин А.С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1985.

СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала. – Свердловск: Изд-во Свердл. ун-та, 1964–1991. – Т.1–7.

СРП: Словарь русских пословиц: ок. 1 000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: Астрель; АСТ, 2007.

Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974.

Українські приказки, прислів'я і таке інше: Зб. О.В. Марковича і других / спорудив М. Номис. – СПб., 1864; – 3-е вид. Київ: Либідь, 1993.

ФРФС: Французско-русский фразеологический словарь / сост. В.Г. Гак, И.А. Кунина, И.П. Лалаев и др. / под ред. Я.И. Рецкера. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963.

ШСП: Школьный словарь живых русских пословиц / гл. ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Издат. дом «Нева»; «ОЛМА-ПРЕСС», 2002.

Čokinová Lenka. Z histórie zberateľstva parémií v Rusku // Parémie národů slovanských II. Sborník příspěvků z mezinárodni konference konané v Ostravě ve dnech 10.–11.2004. – Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 2005. – S.302–305.

Mieder Wolfgang. Phrasen verdreschen: Antisredensarten aus Literatur und Medien. – Wiesbaden: Quelle & Meyer, 1999.

Mokienko Valerij M. Wolfgang Mieder und die moderne slawische Parämilogie und Phraseologie // Res humanae proverbiorum et sententiarum. Ad honorem Wolfgangi Mieder. Edidit Csaba Földes. – Tübingen: Narr Verlag, 2004. – S.205–218.

Mokienko Valerij M., Wurm Alfréd. Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. – Olomouc: Univerzita Palaského v Olomouci, 2002.

Paczolay Gyula. European Proverbs in 55 languages with equivalents in Arabic, Persian, Sanskrit, Chinese and Japanese. Veszprem: Nyomda Rt., 1997.

Röhrich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1–V. – Feiburg–Basel–Wien, 1994.

Viellard Stéphane. Ippolit Bogdanovič ou l'avènement de la raison parémiographique // Les proverbes en Russie. Trois siècles de parémiographie (= Revue des études slaves. – T. 67, fsc. 2–3). – Paris, 2005. – P.307–323.

Wander Karl Friedrich Wilhelm. Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk. 5 Bde. – Leipzig, 1867-1889. Ndr. Darmstadt, 1964; Ndr. Kettwig, 1987.

Weiss Daniel. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion. Weiss (Hrsg.) // Slavistische Linguistik 1994. Referate des XX. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens (= Slavistische Beiträge 332). – München, 1995. – S.247–325.

Weiss Daniel. Die Entstalinisierung der Propaganda. Locher J.P. (Hrsg.) // Schweizer Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress in Krakau, August 1998. – Frankfurt, Bern, 1998. – S.461–506.

Weiss Daniel. Alle vs. einer: Zur Scheidung von good guys and bad guys in der sowjetischen Propagandasprache // Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konferenz Slavistischen Arbeitstreffens Konstanz, 7.–10.1999. Hsg. von Walter Breu (Slavistische Beiträge, Bd. 396). – München, 2000. – S.137–275.

THE BIG DICTIONARY OF RUSSIAN PROVERBS (COMPILING EXPERIENCE)

V.M. Mokienko

The dictionary, compiled by V.M. Mokienko and T.G. Nikitina, is the first modern complete book of Russian sayings that is three times larger than V. Dal's collection. The dictionary contains over 40 000 Russian sayings reflecting literary and folk speech of the 19th – 21st cc. The material for the dictionary has been collected from various sources for about 40 years. The majority of sayings get similar detailed consistent treatment.

© 2009

И.В. Калита

НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В НОВЕЙШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАРЕМИЯХ

Русский язык, на современном этапе переживающий революционные изменения, к началу нового века обозначает такие тенденции, как сленгизация, пейорация, засилье англицизмов, – и как объединяющее начало – экономия языковых средств посредством метафоризации. Метафоризация, базирующаяся на переосмыслении существующего значения, предполагает развитие коннотаций. Метафора, при экономии лексем, расширяет семантические поля, а в современном контексте вызвана к жизни изменением устоявшихся в советское время отношений и социальной стратификацией общества. Метафоризация культурного Текста в целом накладывает отпечаток как на каждый отдельный стиль речи, так и на единицы различных уровней. Новые литературные паремии отражают социальные изменения и быстро занимают свое место в языке. Один из вариантов метафоризации в современном языке – *парафразирование* существующих паремий, приближенных к ним высказываний известных писателей, фраз из кинофильмов и песен. Т.е. золотой запас культурного русского Текста на современном этапе переплавляется в соответствии со вкусом эпохи, с применением «новых технологий».

Словацкий русист Й. Сипко говорит о литературоцентризме как об одной из определяющих современных русских черт. Занимаясь исследованием этнокультурных особенностей русской публицистики, он создал иерархическую систему русских лингвокультурем, в которой на первое место выдвигает лингвокультуремы из русской литературы (первенство отдано пушкинизмам), на втором месте – лингвокультуремы из истории (на особом месте советизмы), на третьем – антропонимы.

«Библеизмы в новых условиях можно назвать воскресшими словами, посредством которых как самых авторитетных лингвокультурем оцениваются известные реалии. Англицизмы представляют собой языковое свидетельство того, как в России протекают процессы глобализации» [Сипко 2008: 7].

Интересен и показателен следующий пример, приводимый Й. Сипко: «В одной из групп наших словацких студентов-русистов мы преднамеренно предложили русские лексемы *окно, обезьяна, лебедь* и др. в качестве стимулов для ассоциативных тестов. В данной группе были три студентки из русскоговорящей среды. Их ассоциации значительно отличались от ассоциаций студентов-словаков:

	русские	словаки
ОКНО	в Европу	чистое
ОБЕЗЬЯНА	и очки, зеркало	некрасивая, прыгает
ЛЕБЕДЬ	щука и рак	птица, белый» [Сипко 2008: 118–119].

Говоря о текстах художественной литературы, являющихся как источниками, так и адептами стиля публицистического, нужно отметить, что, в отличие

от советского времени, в новых условиях они значительно демократизировались, раскрепостились тематически и стилистически. При общей тенденции языка к метафоризации, одним из весомых проявлений которой является сленг, наблюдаем парафразирование как черту времени, причем ярко прослеживается тенденция наложения нового социального фона, т.е. старые паремии проходят социализацию в новых социально-культурных условиях, впитывают акценты нового времени.

Социализация паремий происходит в народной среде и в авторской интерпретации. Среди *авторских* выделим *ситуативные* паремии, привязанные к контексту произведения, а вне его – вызывающие ассоциации с первоначальной единицей, но не обозначающие ничего конкретного, напр., у Д. Липскерова: *и на сапоге спасибо* (и на том спасибо).

Авторские паремии второго разряда можем назвать *общими*, они вписаны в текст конкретного произведения, вместе с тем, не требуют пояснений в общем коммуникативном акте. Такими парафразами богата рок-поэма С. Миляева «Петушки-Манхэттен», отражающая психологию постсоветской «растерянности» и в значительной мере – изменения ментальной картины русского человека; наравне с текстологическими параллелями этому способствует язык. Новые паремии указывают на конкретные «больные места» в процессе приспособления русского человека к изменившимся условиям, при разрушении устоявшихся норм в человеческих отношениях и взглядах на мир. Возможно, этими обстоятельствами можно объяснить присутствие в новейших паремиях лексемы *Бог*, свидетельствующей о традиционной вере, с другой стороны, ее позиционирование подчеркивает непомерный прессинг социальной обстановки. На основе паремии *Бог дал – Бог взял* у С. Миляева возникает *Бог дал – рэкетир взял;* на основе известного *Не боги горшки обжигают – Не боги деньгу отмывают,* при этом современный контекст подчеркивается не только мотивацией, уточнением социально новых связей, но и лексическим нестандартом, сленговой единицей *отмывают*, имеющей аналогичные эквиваленты в других славянских языках (чешск.: *praní špinavých peněz*, бел.: *адмыванне грошаў*). Паремийные единицы возникают и непосредственно на основе библейской семантики: *(Когда нас кидают с братаном, мы кидаем в два раза круче),* где актуализация значения подчеркивается сленговыми единицами: *кидать* (‘мстить’), *круто* (‘в высшей степени’).

Среди вечных тем всегда остаются *деньги, любовь, отношения с властью*, присутствующие в паремийных парафразах С. Миляева прямо и косвенно. Тема денег в постсоветское время часто связывалась с рэкетом:

90-е. Суровые нравы десятилетия, когда в первые пять лет престижной профессией считался рэкет, а во вторые – бандитизм, не могли не отразиться на языке. Блатная феня пережила второй взлет, завоевав теле- и киноэкран, СМИ и литературу. Русский язык без этого «аппендикса» порой был бесполезен, а то и опасен. Зато несколько правильно сказанных кодовых слов могли спасти жизнь [Смирнов 2008].

Автор рок-поэмы С. Миляев, кроме хорошо известного *бабки отстегивать,* приводит следующие актуализации: *Готовь Сане летом, а Олегу зимой (Готовь сани летом, а телегу – зимой); Братан, слышишь, рубит, а я подвожу.* Как и в

предыдущих примерах, автор не обходится без сленговых единиц, и, вводя лексему *рубить*, ставшую почти общеупотребительной: *рубить капусту, рубить зелень, рубить бабло* (‘зарабатывать деньги’), – создает понятную конструкцию благодаря использованию в качестве опоры широко известную поэтическую строку (*Отец, слышишь, рубит, а я отвожу*), куда изначально вложена семантика помощи старшему в работе. Вторая сленговая лексема *братан* не так однозначна, как *рубить*: она может обозначать брата, друга, сотрудника. Но в данном случае автор непосредственно за выражением дает пояснение: *Братан, слышишь, рубит, а я подвожу* (*С братаном сродным, в Покрове. Он героином торгует. А я ему помогаю*). Однако и без пояснения выражение несет смысл совместной работы.

Лексема *братан* широко употребима, она стала ядром для словообразования, а также средством обновления скороговорки, где первичная и вторичная номинации отражают национальномаркированные образы совершенно разных уровней:

На дворе трава – на траве дрова,
На дровах – братва, у братвы трава,
На траве двора – вся братва в дрова.

К русским темам относится тема алкоголя, которую С. Миляев не обошел в своем произведении. Известное выражение *Под лежачий камень вода не течет* трансформируется: *Под лежачий камень бухло не течет* (*бухло* – ‘спиртное’) и *Один рот, да и тот пьет*. Алкогольная тема у С. Миляева, следуя Ерофеевской и более глубокой, народной традиции, связана с философствованием. Приведем пример развернутой парафразы, где автор опирается сразу на несколько известных паремий, отражая, с одной стороны, русский литературоцентризм, характеризующийся знанием русской и мировой литературы, с другой – аналитичность подхода, основанного на ментальном русском восприятии:

А вам, мусора, я скажу под занавес только одно: гамлетовский вопрос «быть или не быть» закрыт, ибо исчерпан. Так же, как и вопрос «пить или не пить» <...> Быть и пить – однозначно! А иначе зачем тогда жить в России?! [Миляев 2002: 232].

Современные тексты часто характеризуют как метатексты, и количество метатекстовых ссылок у каждого читателя индивидуально, ибо оно зависит от степени его образованности (литературоцентризма) и в значительной степени от возраста, т.к. к ассоциативно порождающим текстам относятся не только тексты художественной литературы, но в значительной степени песенный материал и фразы из кинофильмов. Последняя строчка из вышеприведенной цитаты у русскоязычных среднего и старшего возраста вызовет ассоциацию со строками из песни Б. Окуджавы: *А иначе зачем на земле этой вечной живу?*; но не все носители языка младшего поколения увидят эту связь. Культурная информация, несущая интернациональный характер, отражая проблематику общечеловеческую, при параллельном употреблении с денотатом, культурологически ориентированным на русский ментальный Текст, усиливает его национально-культурный коннотат.

Коммуникативно значимый лингвокультурный фон может создаваться благодаря введению в текст национальнозначимых элементов, таких, как, напр.,

названия праздников. По аналогии с *Любовь – она и в Африке любовь* образовано *Пес Цербер – он и в Африке пес! Так же, как и мент, который даже на пасху и Рождество Христово – мент!* [Миляев 2002: 6].

К парафразам с советской бытовой окраской можно отнести следующую: *Не уголь же, блин, повезет – хомо сапиенсов в широком ассортименте*. Часто парафразы имеют окраску пейоративную, а их источником являются высказывания возвышенного характера: *От любви до ненависти – один шаг*, у С. Миляева – *от любви до ненависти – один трах.*

И, наконец, приведем пример, который довольно точно характеризует сегодняшнюю тенденцию, отражающую отношение к слову в русских СМИ, разговорной речи, свидетельствующую о сдвигах в ментальной матрице народа: *Слово не воробей, вылетит, ну и фиг с ним!*

Возможно, в психологическом плане это форма освобождения от навязываемой в советское время идеологической оболочки, необходимой для объяснения всех жизненных явлений. Оболочки, которая в новых условиях под воздействием различных факторов не выдерживает давления незнакомой среды.

Все обозначенные темы, вызывающие к жизни вторичные паремийные единицы в результате десемантизации первичных значений, указывают на болевые точки сосредоточения изменений в культурной информации, на происходящие метаморфозы в ментальной матрице.

«Именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность не только значениям ФЕ, символам или метафорам, но и смыслу всего текста, в котором они употребляются.

Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как ВФ (внутренняя форма – *И.К.*) по отношению к переносному» [Маслова 2007: 56].

Таким образом, при общей тенденции современного русского языка к сленгизации, ярко отражающейся в СМИ, новейшей литературе, разговорной речи, подобной тенденции в общем русле изменений подвержены и новейшие литературные паремии, в которых сленговые единицы служат 1) средством актуализации значений в новых условиях, 2) отражением общей языковой тенденции – огрубления языка, 3) средством экономии в коммуникативном процессе. Литературная метафоризация, представленная парафразированием существующих паремий, на которые накладывается отпечаток социальной стратификации, является одним из популярных современных приемов, языковым имиджем нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

Липскеров Д. Сорок лет Чанжоэ. Пространство Готлиба. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2005.

Маслова В. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2007.

Миляев С. Петушки-Манхэттен. – М.: Вагриус, 2002.

Сипко Й. В поисках истинного смысла. – Прешов: Филос. фак. Прешов. ун-та, 2008.

Смирнов Д. Отцы звали чувих на хазу, а дети – пелоток на метраж // Комсомольская правда, 4.09.2008 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://kp.ru/daily/24158.3/3724429/print/

NATIONAL VALUE STRATIFICATION IN CONTEMPORARY LITERARY PAREMIAS

I.V. Kalita

The author analyzes paremias used by S. Milyayev (rock-poem "Petushki-Manhattan"). New literary paremias are periphrases of well-known quotations and the like from books, soviet films and songs. Concrete examples of periphrasis make it possible to observe Russian mental world-image tendencies. Periphrasis is a marker of the Russian text corpus treasure trove changing at the beginning of the 21st century to comply with the tastes of the epoch thus reflecting the shift in the national value categories. Periphrasis is a most common metaphorization type, it is a style of the new era promoting a unique image of the contemporary Russian literature and socio-political publications.

© 2009

Н.Н. Семененко

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПАРЕМИОГРАФИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКОГНИТИВИСТИКИ

Отечественная паремиографическая практика имеет богатую историю, различные этапы которой достаточно четко иллюстрируют изменения в статусе паремий как объекта филологического изучения. Сложность и многоплановость формы и содержания паремий, многообразие видов паремий, каждый из которых вполне может быть объектом самостоятельного исследования, а также языковая, речевая и лингвокультурная полифункциональность народных афоризмов – все это стало причиной обращения к пословицам и поговоркам филологов с самыми различными исследовательскими задачами. Так, Л.Б. Савенкова отмечает, что среди основных аспектов изучения паремий можно выделить, прежде всего, главенствующий с начала XIX в. фольклористский и литературоведческий подходы; собственно лингвистический (в первую очередь, синтаксический) подход, установившийся со второй половины XX в., и, наконец, наиболее актуальный для данного исследования, лингвокультурологический подход, основы которого заложены еще в трудах В. Гумбольдта и И.М. Снегирева [Савенкова 2002: 7–10].

Лингвокультурологический подход к изучению паремий значительно расширил научные представления как об их семантике, поэтике, прагматике, так и о способности фольклорных мини-текстов выражать народную ментальность, но наиболее полное звучание проблема исследования ментальных единиц и структур на материале паремий приобретает с активным развитием на рубеже XX–XXI вв. когнитивной лингвистики как масштабного научного направления и когнитивной паремиологии как развивающегося направления общей когнитивной научной парадигмы [Алефиренко 2008а: 43–49]. В числе ведущих задач когнитивной паремиологии – разработка проблемы репрезентации ментальных единиц и структур посредством различных паремических жанров. При обращении к данной проблеме исследования базовой единицей анализа является, как правило, тематическая группа паремий, поскольку именно в составе тематической группы наиболее четко проявляются как системные, так и индивидуальные свойства и характеристики семантической структуры паремий – репрезентаторов тех или иных ментальных единиц.

Тематический принцип систематизации паремий наблюдается в сборниках самых различных исторических периодов, но ведущим он становится в XX в., что связано, по-видимому, с усилением идеологической функции паремий как авторитетного средства формирования мировоззрения. При составлении тематических групп авторы паремических сборников и словарей руководствуются различными принципами отбора материала, как правило, исходя из стремления сгруппировать уже имеющиеся в распоряжении исследователя паремии, самостоятельно собранные им или обнаруженные в более ранних сборниках. Реже наблюдаются попытки охватить все имеющиеся в печатных источниках единицы конкретной тематической направленности, и проблема подобного описания заключается не только в обширности и разнородности материала, но и в неоднозначности интерпретации смысла самих паремий, в высокой степени субъективности в формулировке их значения, а также в прагматической «гибкости» значения паремий, которые, в зависимости от контекста высказывания могут транслировать различные и даже иногда взаимоисключающие смыслы.

В данном исследовании нам хотелось бы коснуться ряда проблем, возникающих при когнитивном анализе тематических групп паремий. Задачи когнитивного анализа паремий достаточно обширны, поэтому стоит уточнить, что в данном случае в качестве основной исследовательской задачи подразумевается установление структуры когнитивной модели паремии и определение особенностей репрезентации отдельных слотов фрейма в конкретных мини-текстах. Подобный анализ проводится на материале тематических групп именно по той причине, что входящие в группу пословицы, как правило, базируются на однофреймовых моделях (при этом исключения оказываются не менее информативными, особенно в плане демонстрации процессов когнитивной интеграции).

Несмотря на кажущуюся очевидность вопроса о тематической отнесенности паремий, даже без углубления в когнитивный аспект исследования, непосредственно в процессе интерпретации значения пословиц мы сталкиваемся с множеством спорных моментов в отнесении той или иной паремии к определенной тематической группе. Отмечается это как в старых сборниках (наиболее яркий пример тому – сборник В.И. Даля, в котором одни и те же единицы могут об-

наруживаться в составе различных тематических групп или, даже без фактического «раздваивания», мыслиться как относящиеся к ряду смежных групп), так и в современных изданиях.

Выделяется несколько причин, вызывающих разночтения в отнесении пословиц к той или иной тематической группе: 1) пословицы – это поликонцептуальные единицы, смысловая структура которых связана не с одним ключевым концептом (как, к примеру, у фразеологизмов), а сразу с несколькими, причем иерархия и актуализация данных концептов напрямую зависит от дискурсивных установок; 2) в основе умозаключения, выраженного в пословице, лежит фреймовая структура, задающая ситуативное смысловое ядро высказывания, а фрейм, как известно, является сложно структурированной ментальной единицей, отдельные уровни которой активно вступают в интегративные связи с другими единицами и их структурными элементами [Алефиренко 2008б: 85]; 3) прагматическая значимость паремий, которая складывается, в первую очередь, из оценки характеризуемой в пословице ситуации, может существенно менять выражаемый смысл даже в пределах аналогичных контекстов, поскольку она учитывает абсолютно все дискурсивные критерии, влияющие на восприятие паремии.

Таким образом, смысловая полифония паремий, обусловленная сложностью их когнитивной структуры, создает множество позиций для объединения паремий в тематические группы, и выбор каждой конкретной позиции зависит, в первую очередь, от поставленных задач исследования. Для анализа взаимодействия способа репрезентации когнитем в пределах смысловой структуры паремии, с одной стороны, и прагматической функции народного афоризма, с другой стороны, наиболее подходящим является объединение в тематическую группу пословиц, базирующихся на идентичных и антитетических концептуальных связях, отраженных в их когнитивной структуре.

Способ репрезентации компонентов-когнитем (термин Н.Ф. Алефиренко) в контексте смысловой структуры паремии – это, по сути дела, определение их полярности по отношению к конкретным концептам, фреймам или отдельным слотам фрейма, сценариям и схемам, что определяется как следствие определенной прагматической установки.

Прагматическая установка прочтения смысла паремии определяется взаимодействием (1) дидактической ее составляющей (характер социокультурной функции паремии – сакральная, религиозно-бытовая, морализующая, эстетическая, когнитивно-установочная и т.д.) и (2) дискурсивной основой высказывания (паремия – продукт дискурса как речевой стихии, протекающей в определенных коммуникативных рамках, определяемых характером и целями общения). Первая составляющая будет влиять на когнитивную модель высказывания, вторая – на отбор лексических маркеров когнитивно-прагматической ситуации и форм языковой выразительности, определяющих связь игры слов и производства новых смыслов, а тематическая принадлежность паремии определяется по первой составляющей прагматической установки высказывания, а не по составу лексических маркеров и способам их языкового взаимодействия. Напр., для определения тематической принадлежности пословицы *Где огонь, там и дым* ведущей является ее способность репрезентировать по-

средством взаимодействия когнитем «Причина» и «Следствие» соответствующую концептуальную антитезу, что сообразуется с прагматической установкой высказывания, выражающейся в формировании сознания носителя языка целостного когнитивного представления о причинно-следственных связях абстрактных категорий через взаимодействие категорий предметных.

Трудности, связанные с определением состава тематической группы паремий, не ограничиваются кажущимся доминированием лексической семантики основных маркеров над глубинным смыслом высказывания. В частности, при составлении тематической группы паремий мы сталкиваемся с рядом спорных позиций, связанных с двояким смыслом паремии, когда ее когнитивная модель характеризуется явной двуплановостью. Напр., пословица *Маслена широко разлилась: затопила Великий пост*, отнесенная в сборнике В.И. Даля к тематической группе «Чудо – диво – мудреное», при прагматической установке «Смысл православного праздника не в его праздном проведении, а предшествующей духовной подготовке» репрезентирует следующие взаимодействующие когнитемы: слот «Праздность» фрейма «Праздник» и концепт «Воздержание», связанный со сценарием «Пост», в результате чего мы имеем языковое выражение когнитивно-денотативной ситуации «Пост – праздник – праздность». Если же брать за основу анализа прагматическую установку «Во время празднования нельзя забывать о его истинном назначении, подменяя причину (воздержание) следствием (празднование)», тогда есть смысл говорить о репрезентации посредством данной пословицы концептуальных антитез «Причина – следствие» и «Предшествующее – последующее», взаимодействующих через слот «Невоздержанность/чрезмерность» фрейма «Праздник». Кроме того, в данной когнитивной модели присутствует когнитема «Нарушение логики/порядка», и при подобном прагматическом прочтении текста паремии наиболее приемлемо ее отнесение к группе пословиц, выражающих «нарушение привычного порядка вещей как противостояние хаосу/греху», что вполне может быть воспринято как некое чудо, правда, скорее деструктивного свойства.

Определенные трудности с описанием тематической парадигмы паремий могут возникнуть также по причине неоднородности ее внутренней структуры. Как правило, при ближайшем рассмотрении, паремии внутри группы образуют подгруппы, характеризующиеся сходством когнитивных моделей, в основе которых либо находятся общие когнитемы, либо устанавливаются сходные интегративные связи между отдельными когнитивными компонентами структуры. Напр., пословицы тематической группы «Невезение» можно поделить на следующие подгруппы.

1. «Ироничное отношение к собственным несчастьям» (базируется на смысловом выражении когнитивно-денотативной ситуации «Невезение – самоирония – самокритика»). Напр., *Есть добра: баня стара, да рубаха нова*; *У нас по одну сторону море, по другую горе, по третью мох, по четвертую «ох»*.

2. «Непредсказуемость удачи, везения и неодолимость неудачи» (когнитивно-денотативная ситуация «Невезение – случайность – терпение»). Напр., *Либо деньгу дадут, либо в рыло поддадут*.

3. «Чужая удача на фоне собственной неудачи» (когнитивно-денотативная ситуация «Невезение – везение – зависть»). Напр., *Кому луковка облуплена, а*

нам тукманка не куплена; *Кому телята, а нам ребята*; *Кого мимо, а меня в рыло.*

4. «Жалеть о собственном невезении бесполезно» (когнитивно-денотативная ситуация «Невезение – судьба – терпение»). Напр., *Жалью моря не переедешь, веку не изживешь*; *Надобно жить, как набежит.*

5. «Невезение распространяется на все стороны жизни» (когнитивно-денотативная ситуация «Невезение – неотвратимость – непрерывность/постоянство»). Напр., *Ехало не едет и ну не везет*; *Нам, грешным, и ветер-то встречный.*

6. «Невезение – орудие судьбы» (когнитивно-денотативная ситуация «Невезение – случай – предопределенность»). Напр., *Одна корка – да и той подавился.*

Приведенные примеры не претендуют на полную представленность тематической группы «Невезение», а лишь иллюстрируют ее отдельные фрагменты. Общий же объем данной тематической парадигмы превышает 200 единиц только по материалам сборника В.И. Даля и включает в себя 17 основных подгрупп, каждая из которых представлена рядом когнитивных моделей – от одной до 7 разновидностей.

Таким образом, когнитивно-дискурсивное описание паремий, учитывающее весь спектр их категориальных семантических признаков, позволяет существенно расширить традиционный подход к их тематической группировке, что позволит решить ряд различных задач современной когнитивной паремиологии и паремиографии.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элпис, 2008.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород.: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008.

Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2002.

THEMATIC PRINCIPLE OF PAREMIOGRAPHY IN THE LIGHT OF MODERN COGNITIVE LINGUISTICS

N.N. Semenenko

The article considers thematic grouping of paremias in the light of the cognitive analysis. In particular, it deals with frame reference of proverbs and sayings of the same thematic group, and dwells upon polyphony of pragmatic senses expressed by thematically integrated paremias.

© 2009

Е.И. Селиверстова

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПРАКТИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

В практике составления словарей пословиц к настоящему времени опробованы различные принципы – алфавитный (сборники XVII в., словари И.М. Снегирева, В.П. Аникина, В.П. Жукова и др.), тематический (непревзойденным пока является словарь «Пословицы русского народа» В.И. Даля). В толковых словарях паремии в качестве устойчивых словосочетаний сопровождают демонстрацию словоупотребления семантизируемого слова. Особенно богат паремиями Толковый словарь В.И. Даля, в котором реализуется, хотя и непоследовательно, принцип опорного слова (по этому же принципу построен и словарь «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко 2005]). Специфический тип словаря представляет сборник Г.Л. Пермякова «Пословицы и поговорки народов Востока» (2001), ориентированный на показ паремий разных языков в рамках различных конструктивных типов.

В настоящее время ведется работа над Новым большим словарем русских пословиц, составляемым В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой по гнездовому принципу – оптимальному, по мнению авторов, для показа блоков пословиц, построенных по единому композиционному принципу, связанных между собой общностью основных образов, предметной близостью [Николаева 2008: 510]. В такой словарной статье будет хорошо видна вариантность и представлена концептосфера паремийных образов, однако она не будет полной, поскольку закрепленность паремий за определенной вокабулой осуществляется по принципу опорного компонента, т.е. часть единиц может отойти к другому блоку, если интересующее слово не является первым знаменательным. Так, паремии *Лучше торговать, чем воровать* [Даль, 4: 610]; *Воровать не смею, а торговать не умею* [ППЗ: 71]; *Безыменнику не то торговать, не то воровать* [Даль, 1: 80] в словаре следует искать, соответственно, в статьях *Торговать*, *Воровать* и *Безыменник*. По понятным причинам – значительный объем каждого тома и общий объем паремиологического источника – трудно объединить в словаре весь материал, связанный с каждой вербальной оболочкой концепта, поскольку в паремии таких концептов несколько, что обязало бы составителей показать ее в словаре несколько раз. Система отсылок, к которой обычно прибегают авторы словарей и которая могла бы сделать картину концептосферы более полной, – в данном случае аргумент, вступающий в противоречие со здравым смыслом издателя.

Между тем признание пословиц принадлежащими общей концептосфере культуры (обращение к кодам культуры, реализованным во фразеологизмах, отразилось в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [БФСРЯ 2006]), единому пласту единиц малых фольклорных жанров, одному паремиологическому пространству подводит к тому, что указания в словарной статье вариантов, синонимов или аналоговых единиц (*Попытка не пытка* и *Семь бед – один ответ*) – такая практика, ориентированная на демонстрацию средств вы-

ражения одного паремиосмысла разными способами, существовала до последнего времени [ШС 2002], – может показаться недостаточным. Некоторые наблюдения заставляют задуматься о возможности составления словаря нового типа, в котором могли бы отразиться сведения несколько иного характера: как живет та или иная паремия в окружении себе подобных или отличающихся единиц, из чего она складывается и что ее связывает с другими паремиями.

Не претендуя на конкретный проект составления очередного словаря пословиц, укажем лишь на некоторые явления паремиологического пространства, которые позволили бы отразить в словаре сведения, способные, на наш взгляд, расширить представление владеющих языком и изучающих его о процессах паремиотворчества – прошлого и потенциального, – о паремиях одного пословичного типа, о типичных структурах и повторяющихся фрагментах, о единицах, меньших, чем пословицы и повторяющихся в разных паремиях.

Введенный Ю.И. Левиным термин *паремиологическое пространство* указывает на среду, в которой формируются и функционируют паремии и которая ими же и создается. Различая локальные свойства объекта и его глобальные свойства, т.е. относящиеся к структуре объекта в целом, исследователь сосредоточивает свое внимание на структуре «окрестностей» отдельных пословиц и структуре отдельных фрагментов паремиопространства. Это позволило увидеть различные типы отношений близости между паремиями – синонимии, антонимии, квазисинонимии, омонимии, вариантности, предметной близости [Левин 1984: 110–117]. Рассматривая пословицы в окружении других, близких по определенным параметрам или более далеких, – мы видим многообразие связей не только между отдельными точками (пословицами), но и целыми фрагментами пространства.

К примеру, сопоставление таких выражений, как *Не гложи костей, береги для гостей!* ([Даль, 2: 176], [Сн.: 268]); *Незваные (частые) гости гложут (грызут) < и > кости* ([ППЗ: 32], [Рук. сб.: 90]); *Незачем в гости, у кого болят кости* ([ДП, 2: 155], [Сн.: 279]); *Опоздавшему (позднему, последнему) гостю <глодать> кости* ([Даль, 3: 230], [Соб.: 116], [Спир.: 132], [Сн.: 481], [Даль, 2: 177]), показывает несомненную повторяемость в паремиях пары компонентов *гость (гости) – кость (кости)* и их грамматических версий (с различиями в числе и падеже). Было бы резонно при семантизации одной паремиологической единицы (ПЕ) – *Гость не кость, за дверь не выкинешь* ([Сн.: 481], [Даль, 2: 177]) – привести и другую пословицу с тем же рифмованным биномом, поскольку он становится уже не просто маркером одной паремии, но явлением паремиологического пространства. А указание на более позднюю, историко-патриотическую паремию советского времени *Пришел Гитлер в гости, да растерял кости* [Раз.: 36] демонстрирует преемственность паремиотворчества по заданным канонам.

В пословицах особенно хорошо видна способность слова (компонента) быть осмысленным именно в противопоставлении («контрастивно») – это один из основных паремийных маркеров (см. [Бочина 2002]), яркий признак паремиологического пространства в целом. Так, около 90% пословиц с компонентом *алтын* основано на устойчивых биномах, обретающих разное семантическое прочтение, но преимущественно с элементом контраста; ср.: *Всем людям по гривне, а нам по алтыну* [ППЗ: 72]; *На грош браги, на алтын звяги* [Даль, 1: 674];

Продал на деньгу, а проел на алтын [ДП, 2: 33]; *Счастье бедному алтын, богатому миллион* ([Сн.: 468], [ДП, 1: 69]) и т.д. Нам представляется весьма наглядным для показа этой черты включение в словарную статью – скажем, частотной пословицы *Не было ни гроша (ни деньги), да вдруг алтын* ([Сн.: 261], [Соб.: 107]) – нескольких единиц с компонентом, входящим в разные биномы: *Если изверишься в алтыне (алтын), то не поверят и в рубле (в рубль)* ([Ил.: 244], [Сн.: 113]); *Работнику алтын, подрядчику (мастеру, нарядчику) полтина (рупь)* ([ППЗ: 61], [Раз.: 47]); *Федюшке дали денежку, а он и алтына просит* [Даль, 1: 428] – тем более что эта паремия обладает и воспроизводимой структурно-семантической моделью (ср. *Взял корову, просит и подойник* [Спир.: 141]; *Дал топор, дай же и топорище* [ММ: 170]; *Съел волк корову, идет, берет и веревку* [Рыб.: 122]).

Важной является и способность частей бинома изменять семантическую дистанцию – в ПЕ *На алтын да на грош не много утрешь (съешь)* [Даль, 1: 12] и *Ершей на деньгу, да сдобы на алтын, так и будет уха* [Даль, 1: 428] биномы *алтын – грош, алтын – деньга* лишены семантики контраста – и создавать своеобразные триады: *Алтыном полтина, а полтиною рублина* ([Сн.: 3], [Сим.: 76]); *Не пожалеть за рубль алтына, не придет рубль, так придет полтина* [Даль, 1: 12].

О том, что отдельные элементы пространства вступают в устойчивые семантические отношения с рядом иных его элементов, свидетельствует эксперимент, проведенный под руководством М.Ю. Котовой на материале славянских языков: испытуемым предлагалось закончить фразу, даже если она им незнакома. Начальными фрагментами были части распространенных паремий, осознаваемые отвечающими как маркированные структуры, поскольку в попытках продолжить фразу видна паремийная «намагниченность» первой части, к которой искомое притягивается преимущественно по паремийным принципам. Так, носители чешского языка закончили предложение букв. «Каково дерево, ...» версиями «такой и корень», «таков и плод», «таков и фрукт», «таков и сад» и т.д. Ответы, не соответствовавшие словарным инвариантам, оценивались как неправильные, что представляется нам не вполне справедливым, ведь в большей части приведенных ответов наблюдается соответствие паремийным биномам, существующим в иных единицах, но в рамках паремиологического пространства.

Общими элементами паремики являются и другие способы создания пословиц, в частности, повторение пословичных сегментов, служащих средствами передачи определенных смыслов, напр.,

~ на свинье не объедешь (Бабьего вранья и на свинье не объедешь [Сн.: 7]; *Суженого и на свинье не объедешь* [СП: 141]; этот фрагмент в сочетании с разными компонентами, задающими тему выражения, формирует принципиально различную семантику: с одной стороны – речь идет о безграничности женской лжи, а с другой – о предопределенности, о женихе, предназначенном Богом и судьбой (см. о выражении *на кривой не объедешь кого* [Мокиенко 2003: 292–306]);

~ ум короток (короткий) – указанный фрагмент, встречающийся в привычной для всех пословице *У бабы волос долог (волосы долги), да (а) ум короток* ([Сим.: 147], [Ил.: 116]), является носителем семантики ‘недалекости’ и сочетается с мотивом противопоставляемого длинного – будь то руки, плеть, платье,

язык, волосы: *У пастуха плеть длинная, а ум короткий* [Спир.: 97]; *У короткого ума длинный язык* [Соб.: 49]; *Пошли, господи, покупателя в долгом платье, да в коротком уме* [Рыб.: 155]; *Близок локоток, да ум короток* [Рыб.: 72]. Ср. выражения без указания носителя этого признака: *Руки длинны – ум короток* [Рыб.: 72]; *Волосы велики, да ум короток* [ППЗ: 25]; *Волос долог, да (а) ум короток* ([Сн.: 37], [Даль, 1: 235]). Ср. также иносказательную паремию *Было три жены, да все не острижены* [ДП, 1: 293] – т.е. 'волос долог, а ум, стало быть, короток', т.е. 'неумны'.

Некоторые пословичные структуры, повторяясь, становятся легко узнаваемыми, типичными. Активно тиражируются иронические паремии по модели предложений с отношениями временной обусловленности при участии союзов *как... так (и)*, указывающие на предпочтение разумного поведения, а не спонтанного, имеющего вынужденный характер действия «застигнутого врасплох» субъекта: *Как печь топить, так и дрова рубить; Как в пир идти, так и голову чесать; Как в церковь идти, так и заплаты чинить; Как на охоту ехать, так собак кормить* [Оркина 1998: 282–283].

Нельзя не признать и «новую» пословицу *Врагов бояться – пограничниками не быть* структурно-семантически родственной паремиям *Волков бояться – в лес не ходить* ([Рыб.: 119], [Ж.: 84]); *Смерти бояться – <и> на свете не жить* ([Даль, 1: 544], [Соб.: 124]). Окказиональные образования по известным моделям, как и одномодельные языковые единицы, показывают еще один вид отношений между отдельными точками паремиологического пространства.

Ярким доказательством единства паремиологического пространства является близость таких пословиц, как *Пуганая ворона куста боится* [СП: 127], *Пуганый волк и кочки боится* [Рыб.: 75]; *Пуганый заяц и пенька боится* [Рыб.: 75], объединенных общим смыслом, который, в сущности, можно свести в краткому 'Пуганый (= опытный) опаслив (=боится)', который и представлен в ПЕ соответствующими компонентами.

Таким образом, паремиологический фонд языка «инвентаризует» набор синтаксических моделей, фрагментов, биномов, пословичных идей, являющихся, как и пословицы в целом, элементами паремиологического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

Бочина Т.Г. Стилистика контраста: очерки по языку русских пословиц. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002.

БФСРЯ: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ; ПРЕСС-КНИГА, 2006.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2005.

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978–1980. – Т.1–4.

ДП: Даль В.И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.

Ж: Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000.

Ил.: Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. – СПб.: Скоропечатня М.А. Левенсона, 1915.

Левин Ю.И. Провербиальное пространство // Паремиологические исследования: сб. статей / сост. и ред. Г.Л. Пермяков. – М.: Глав. ред. вост. лит., 1984. – С.109–126.

ММ: Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова. – М.: Современник, 1986.

Мокиенко В.М. Почему так говорят? От Авося до Ятя: историко-этимологический словарь. – СПб.: Норинт, 1999.

Оркина Л.Н. Временная обусловленность фразеологизированных иронических высказываний // Семантика языковых единиц: докл. VI Междунар. конф. – М.: Изд-во Москов. гос. пед. ин-та, 1998. – Т.1.

ППЗ: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков / сост. М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Раз.: Разумов А.А. Мудрое слово. Русские пословицы и поговорки. – М.: Детгиз, 1958.

Рыб.: Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Сим.: Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетий. – СПб.: Отд. рус. яз. и словесности Императ. АН, 1899.

Сн.: Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи. – М.: Рус. кн., 1995.

Соб.: Соболев А.И. Народные пословицы и поговорки. – М.: Москов. рабочий, 1961.

СП: Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб.: Норинт, 2001.

Спир.: Спирин А.С. Русские пословицы: сборник русских народных пословиц и поговорок, присловиц, молвушек, приговорок, присказок. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1985.

ШС: Школьный словарь живых русских пословиц / под. ред. В.М. Мокиенко. – СПб: Издат. дом «Нева», 2002.

PAREMIOLOGICAL SPACE IN DICTIONARIY COMPILING

E.I. Seliverstova

Recognizing proverbs as units of an integral paremiological space, the author suggests revealing in the dictionary of proverbs some special parameters of the space so as to display a paremia among similar or different units, or to show fragments, smaller than proverbs, recurrent in different expressions.

© 2009

T. Szutkowski

JEDNOSTKI PAREMIOLOGICZNE Z KOMPONENTEM

onomastycznym w praktyce leksykograficznej (współczesność i perspektywy)

Widoczne w ostatnim czasie coraz żywsze zainteresowanie językoznawców przysłowiami i innymi jednostkami prowerbialnymi zaowocowało licznymi opracowaniami naukowymi, w których dokonuje się analiza niezwykle bogatego i różnorodnego materiału językowego w wielu, często bardzo różniących się od siebie, aspektach badawczych. Potrzebę odrębnego potraktowania paremii – co w pełni zasługuje na uznanie – dostrzegają organizatorzy międzynarodowych konferencji naukowych, poświęcając im samodzielne rozdziały w drukowanych zbiorach pokonferencyjnych [Фразеология и когнитивистика 2008: 309–369].

Z kolei w praktyce leksykograficznej obserwujemy nieco wolniejszy przyrost nowych słowników i opracowań w porównaniu z dość obszerną bibliografią prac teoretycznych z zakresu paremiologii. Potrzebę takich nowych zbiorów paremiologicznych w środowisku naukowym językoznawców (i nie tylko wśród specjalistów) odczuwa się coraz widoczniej. Niestety liczne istniejące do tej pory słowniki praktycznie tylko powielają zgromadzony i opracowany już uprzednio materiał faktograficzny. Większym modyfikacjom nie ulega nawet sam jego układ i metoda opisu. Są to tzw. antologie o charakterze popularnonaukowym [Masłowscy 2001], zbudowane – w przypadku języka polskiego – w oparciu głównie o korpus «Nowej księgi przysłów polskich» [Nowa księga przysłów... 1969]. W niektórych opracowaniach ich autorzy zdecydowali się na pewne „unowocześnienie" dotychczasowych zbiorów, porządkując materiał paremiologiczny w układzie tematycznym ([Зимин, Спирин 2005], [Świerczyńska 2001], [Hermann, Syjud 2005]), stosując układ alfabetyczno-gniazdowy według kryterium tzw. dominanty leksykalno-semantycznej ([Жуков 2000], [Masłowscy 2000]), niekiedy również włączając przysłowia w skład słowników frazeologicznych [Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami 2005]. Na szczególną uwagę zasługuje oryginalny i nowatorski „Słownik przysłów czyli przysłownik" autorstwa Katarzyny Kłosińskiej [Kłosińska 2004], w którym zamieszczone przysłowia zostały opatrzone wnikliwym komentarzem, podane zostały ich definicje, wyjaśnione pochodzenie, przytoczone synonimy i antonimy. Można z powodzeniem stwierdzić, że jest to pierwsze na polskim rynku wydawniczym opracowanie, w którym tak duży nacisk został położny na aspekt wielostronnego językoznawczego i kulturologicznego opisu jednostek paremiologicznych.

W ostatnich latach zaczęły ukazywać się także pierwsze słowniki paremiologiczne dwu- i wielojęzyczne ([Вальтер, Мокиенко 2006], [Rosyjsko-polski słownik paremiologiczny 2001], [Stypuła 2003], [Świerczyńscy 1998]), w których autorzy skupili się zwłaszcza na ustaleniu optymalnych ekwiwalentów, opracowując ich stosowną klasyfikację.

O tym, jak niezwykle różnorodny i jednocześnie złożony w kompleksowym opisie leksykograficznym jest materiał paremiologiczny, świadczy wieloelementowy system

parametrów opisowych. Można w nim wyróżnić następujące charakterystyki przysłów [Zmarzer 2001: 258]: 1) prototyp semantyczny (model lub inaczej inwariant semantyczny), 2) klasa ideograficzna, 3) typ znaczenia, 4) etymologia, 5) rejestr stylistyczny, 6) kontekst socjokulturowy, 7) struktura syntaktyczna, 8) organizacja rytmiczna, 9) stopień niepodzielności, 10) stopień adaptacji literackiej, 11) stopień adaptacji środowiskowej, 12) stopień przekładalności, 13) warianty leksykalno-semantyczne, 14) warianty uzualne, 15) warianty formalno językowe, 16) typ frekwencji, 17) status etnokulturowy, 18) status artystyczny, 19) asocjacje historyczno-kulturowe, 20) potencjał tekstotwórczy. Spośród tak licznych i różnorodnych parametrów opisu wybór odpowiedniego ich zestawu – w zależności od potrzeb i celu, jaki przyświeca autorowi słownika – nie jest z pewnością zadaniem łatwym. Ponadto wymaga niezwykle pogłębionej analizy i to zarówno w aspekcie synchronicznym, jak i diachronicznym.

Analiza komponentowa, tak powszechna w badaniach współczesnej idiomatyki ([Nowakowska 2005], [Tyrpa 2005]), wydaje się zasadna także w odniesieniu do jednostek paremiologicznych. Metoda ta pozwala bowiem zbadać mechanizmy motywacyjne, jakie zdecydowały o ostatecznym kształcie semantycznym i funkcjonalnym danej jednostki lub grupy jednostek. Problem ten dotyczy zwłaszcza komponentów onomastycznych, których frekwencja w zasobie paremiologicznym jest znaczna [Szutkowski 2009]. Oprócz tego nazwy własne jako komponenty paremii zasługują na uwagę ze względu na swoje znaczenie etnokulturowe, istotne zwłaszcza w badaniach lingwokulturologicznych.

Współczesna praktyka leksykograficzna jednoznacznie wskazuje na niemalże marginalne potraktowanie jednostek paremiologicznych z komponentem onomastycznym w słownikach dwujęzycznych. W «Rosyjsko-polskim słowniku paremiologicznym» jest ich zaledwie cztery: *Jak **Kuba** Bogu, tak Bóg **Kubie*** > *Каков до Бога, таков и от Бога*; *Przyszła kryska na **Matyska*** → *Есть и на чёрта гром*; *Wolnoć, **Tomku**, w swoim domku* → *Всякий чёрт в своём болоте ворочай*; *Uczył **Marcin Marcina**, a sam głupi jak świnia* → *Дурак дурака учит, а оба не смыслят.*

Ekwiwalenty tych czterech polskich przysłów oznaczone zostały jako częściowe, niepełne, o czym świadczy już sam brak komponentu onomastycznego w rosyjskich odpowiednikach.

Także tylko nieliczne jednostki paremiologiczne z komponentem onomastycznym uwzględnia słownik «500 gebräuchliche russische Sprichtwörter mit ihren deutsche und polnischen Parallelen» [Koszewska, Kierzkowska, Kowalik, Ledwon, Walter 2006], np.: *Nie przyszła góra do **Mahometa**, przyszedł **Mahomet** do góry* > *Если гора не идёт к **Магомету**, то **Магомет** идёт к горе*; *Wolnoć, **Tomku**, w swoim domku* > *В своём доме как хочу, так и ворочу*; *Zakochanetu i koza **Diana*** > *Любовь зла – полюбишь и козла.*

Nieco większą liczbę omawianych jednostek zawiera słownik Ryszarda Stypuły [Stypuła 2003], np.: *Każda **Agata** ma swoje tarapata* → *У каждого своя забота*; *Od świętej **Anki** chłodne wieczory i poranki* → *От святой **Анны** утром холодненько, да и вечером не тепленько*; *Jak kołek po płocie, tak **Maciek Dorocie*** → *Генеральской курице племянник*; *Na świętego **Grzegorza** idzie zima do morza* → *Святой **Григорий** зиму за море гонит*; *Co wie **Grześ**, to i cała wieś* → *Скажешь курице, а она всей улице*; *Czego **Jaś** się nie nauczy, tego **Jan** nie będzie umiał* → *Чему **Ваня** не научился, того **Иван** не выучит*; *Każda **Kasia** trafi na swego Jasia* → *Всякая невеста для своего жениха родится*;

Kazimierz Wielki *zastał Polskę drewnianą, a zostawił murowaną* → ***Казимир Великий*** *– король строитель: до него Польша была деревянной, а после него стала каменной*; *Nie trzeba było do tego* ***Napoleona*** → *А ларчик просто открывался*; *Za króla* ***Olbrachta*** *wyginęła szlachta* → *В царстве короля* ***Ольбрахта*** *перегибла шляхта*; *Wart* ***Pac*** *pałaca, a pałac* ***Paca*** → *Два сапога – пара*; *Wolnoć,* ***Tomku****, w swoim domku* → *Хозяин в дому, что медведь в лесу*; *Wyszedł jak* ***Zabłocki*** *na mydle* → *Остался на бобах <с носом>.*

Warto w tym miejscu zwrócić uwagę na fakt, że współczesne dwujęzyczne słowniki paremiologiczne uwzględniają zaledwie minimalną część ogólnego zasobu paremii z komponentem onomastycznym, który liczy ogółem – w języku rosyjskim i polskim – około 3500 jednostek. Ekscerpcja materiału faktograficznego była przeprowadzona na podstawie dwóch fundamentalnych dla obu języków zbiorów paremiologicznych: «Пословицы русского народа» В.И. Даля [Даль 2004] oraz «Nowej księgi przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich» [Nowa księga przysłów... 1969].

Tak rażąca dysproporcja ilościowa od razu składnia do refleksji nad przyczynami takiego zjawiska. Są one niewątpliwie różnorodne i dotyczą wielu aspektów leksykograficznej praktyki konstruowania słowników paremiologicznych. Między innymi odczuwa się brak dostatecznie dobrze opracowanej teorii motywacji semantycznej paremii z uwzględnieniem szczególnie nazw własnych, która powinna stanowić teoretyczny fundament podejmowanych działań w tym zakresie. Dobór odpowiednich i jednocześnie optymalnych parametrów opisu leksykograficznego stanowi kolejny problem do rozwiązania. Dogłębne rozeznanie w charakterze analizowanego materiału leksykograficznego pozwoli na dalszym etapie wytyczyć realnie możliwe do osiągnięcia cele konstruowanego opracowania.

Projektowany model odrębnego dwujęzycznego słownika jednostek paremiologicznych z komponentem onomastycznym powinien więc – naszym zdaniem – uwzględniać nie tylko aspekt ekwiwalencji, ale także problem możliwie pełnego opisu lingwokulturologicznego, zwłaszcza w odniesieniu do genezy danej nazwy własnej, jej związków z realną lub fikcyjną postacią-nosicielem, miejscem, obiektem itd. Związek pomiędzy pierwotną treścią onimiczną danego onimu a jej późniejszą transformacją na poziomie jednostki paremiologicznej najłatwiej zauważyć na przykładzie przysłów genetycznie powiązanych z Biblią czy mitologią, np. *Хозяин в дому, как* ***Авраам*** *в раю*; ***Ева*** *прельстила древом, простонала чревом*; ***Адам*** *грех сотворил – рай затворил*; *На луне* ***Каин*** *убивает* ***Авеля****, брат закалывает брата вилами; Począwszy od* ***Adama*** *to każdy człowiek kłama*; *Z* ***Adamowego*** *idziemy wszyscy rodu*; *Kto z ludźmi nieszczerze,* ***Judaszem*** *go witaj*; *Ubił sprawę jak* ***Judasz*** *w Wielki Piątek*. W jednostkach tego typu bowiem związek danego komponentu onomastycznego z etymonem jest czytelny. Sytuacja komplikuje się natomiast w tych przypadkach, w których ta swoista relacja, odpowiedniość ulega zatarciu. Tutaj z kolei z pomocą mogą przyjść gruntownie przeprowadzone badania historyczno-etymologiczne.

Niewątpliwą trudność w opisie leksykograficznym sprawią przysłowia kalendarzowe, powiązane ściśle z warunkami społeczno-przyrodniczymi danego terytorium, oraz przysłowia, w których utrwaliły się fakty historyczne, także charakterystyczne tylko dla jednej, konkretnej społeczności. Z kolei komentarz kulturologiczny tych jednostek zrodzi konieczność odwołania się do faktów z zamierzchłej już nierzadko przeszłości.

Powodzenie tego tak potrzebnego projektu leksykograficznego będzie zależało od

wielu różnorodnych czynników. Nie ulega jednak wątpliwości, że ta tak bardzo rzucająca się w oczy luka na słownikowym rynku wydawniczym winna być jak najszybciej wypełniona.

LITERATURA

Вальтер Х., Мокиенко В. Русско-немецкий словарь пословиц с европейскими соответствиями. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2006.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2004.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – Изд. 7-е, стер. – М.: Рус. яз., 2000.

Зимин В.И., Спирин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. – Изд. 2-е, стер. – Ростов-н/Д.; М.: Феникс; Цитадель, 2005.

Селиверстова Е.И. Пословица и контекст: прошлое и настоящее в лексикографическом аспекте // Frazeografia słowiańska / red. nauk. M. Balowski i W. Chlebda. – Opole: Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2001. – S.249–256.

Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во Белгородского гос ун-та, 2008. – Т.2. Идиоматика и когнитивная лингвокультурология.

Hermann B., Syjud J. Księga przysłów. – Chorzów: Wyd. Videograf Edukacja, 2005.

Kłosińska K. Słownik przysłów czyli przysłownik. Pochodzenie, znaczenie, zastosowanie. – Warszawa: Wyd. Świat Książki, 2004.

Koszewska A., Kierzkowska E., Kowalik E., Ledwon A., Walter H. 500 gebräuchliche russische Sprichtwörter mit ihren deutsche und polnischen Parallelen / red. T. Menzel. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2006.

Masłowscy D.W. Księga przysłów polskich. – Kęty: Wyd. Antyk, 2001.

Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich / red. nauk. J. Krzyżanowski. – T.1–4. – Warszawa: Wyd. Państwowy Instytut Wydawniczy, 1969.

Nowakowska A. Świat roślin w polskiej frazeologii. – Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005.

Rosyjsko-polski siownik paremiologiczny / red. nauk. J. Lukszyn. – Warszawa: Katedra Języków Specjalistycznych UW, 2001.

Stypuła R. Słownik przysłów i powiedzeń rosyjsko-polski, polsko-rosyjski. – Warszawa: Wyd. Wiedza Powszechna, 2003.

Szutkowski T. Nazwa własna w strukturze jednostek paremiologicznych (na materiale języka rosyjskiego i polskiego). – Szczecin, 2009 (w druku).

Świerczyńska D. Przysłowia są... na wszystko. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2001.

Świerczyńscy D.A. Słownik przysłów w ośmiu językach. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 1998.

Tyrpa A. Frazeologia somatyczna. – Jask: Wyd. Leksem, 2005.

Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami / oprac. A. Kłosińska, E. Sobol, A. Stankiewicz. – Warszawa: Wyd. Naukowe PWN, 2005.

Zmarzer W. Systematyzacja paremii w słowniku dwujęzycznym // Frazeografia słowiańska / red. nauk. M. Balowski, W. Chlebda. – Opole: Wyd. Uniwersytetu Opolskiego, 2001. – S.257–263.

PAREMIAS WITH PROPER NAME COMPONENT IN LEXICOGRAPHY
(CURRENT STATUS AND PROSPECTS)

T. Shutkovski

The article deals with lexicographic description of paremias containing an onomastic component. The author thinks that there is a need to compile a special bilingual dictionary which in parallel with paremia's meaning explanation will contain comprehensive linguistic and cultural characterization of onomastic components.

© 2009

Т.Г. Бочина

ПАРЕМИКА В СЛОВАРЕ МОТИВОВ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

В конце XX – начале XXI в. в лингвистике наблюдается активное развитие лексикографической теории и практики, что проявляется не только в количестве издаваемых словарей, но и в значительном расширении их репертуара, в появлении словарей, новых по предмету описания, способам и формам представления материала. Заметно оживились лексикографические исследования и в области русского фольклора ([Хроленко 1992], [Никитина 1993], [Бобунова 2004]). Необходимо признать, что создание лингвистических словарей, конкордансов и тезаурусов различных жанров народной поэзии ([Никитина 1993], [Бобунова 2006]), опережает разработку словарей фольклористического типа. Говоря о словаре фольклора, имеем в виду лексикографическое описание мотивов, общих мест, символов устного народного творчества.

В свое время Н. Крушевский писал: «Одно мировоззрение народа сменяется другим, но в силу <...> живучести, осколки прежнего мировоззрения не умирают, а продолжают жить, амальгамируясь с новым. Таким образом, новые народные произведения не возникают в строгом смысле слова, а с к л а д ы в а ю т с я из давно существовавшего материала», поэтому в них, «как и в музыкальных произведениях, встречаются постоянно одни и те же м о т и в ы, т.е. стереотипные приемы, варьирующиеся весьма незначительно» [Крушевский 1876: 21]. В связи с этим справедливо мнение тех ученых, которые в качестве основной единицы словаря фольклора видят мотивы [Путилов 1994] и символы (ср.: [Потебня 1914]).

Представляется, что словарь фольклора должен быть разножанровым и отражать мотивы не только как типичные сюжетные схемы какого-либо одного жанра фольклора, но и как общие места традиционного словесного творчества, обязанные своим существованием цитатному механизму и межжанровым взаимодействиям. В лексикографическом описании мотивов, характерных для рус-

ской народной традиции, целесообразно учитывать и тексты малых фольклорных жанров, поскольку они «в значительной своей части выполняют функцию словаря мотивов, которые <...> закодированы в форме, более эксплицитной, чем в отдельном слове, фразеологизме, тропе и т.д., но при этом в более компактной и удобозапоминаемой, чем в повествовательной сюжетной реализации мотива» [Левинтон 1988: 148].

В этой связи отметим две группы паремий, представляющих несомненную ценность при систематизации фольклорных символов и мотивов. Первую составляют пословицы со структурой **А не (есть) Б: В** типа *Голод не тетка (не теща), пирожка не подсунет*. Среди них лишь 18% паремий, в которых субъект и предикат выражены словами одного семантического поля: *Лапоть не сапог: вода в нем не стоит*, а подавляющее большинство представляют собой образное разуподобление, когда элементы А и Б принадлежат разным лексико-семантическим полям: *Стыд не дым, глаз не выест; Голод не сосед: от него не уйдешь.*

Хорошо известно, что отношения сравнения, подобия, сходства и различия предполагают смежность, рядоположенность сопоставляемых объектов в сознании, в модусе [Золотова 1998: 369]. Следовательно, образная (с точки зрения современного человека) дезидентификация опирается на былую связанность в сознании субъекта и термина сравнения А не Б, какими далекими они бы ни казались современному носителю языка. Своей образностью пословицы дезидентифицирующего сравнения обязаны сплаву стереотипных мотивов, закрепивших в коллективном сознании смежность самых разнообразных объектов и явлений жизни. Источниками данных мотивов и символов служили, как правило, мифы и произведения устного народного творчества.

В речении *Дождь не дубина, не убьет; беда – не смерть, в гроб не уберет* отрицание идентичности дождя и дубины произрастает из языческих верований в бога грозы Перуна, одним из атрибутов которого была богатырская палица = молния, первоначально дубовая дубинка. Это воззрение на мир отражено и в загадках о дожде: *На мху, на болоте гриб-волнуху заколотит* [ЗМ №314] и *Голенастый с голенастым на кулачки бьются* (дождь с землею) [ЗМ №305].

В старинных преданиях о сотворении мира говорилось о создании первых людей из дерева и камня, мотив превращения человека в камень неоднократно использован в сказках. Эта близость в народном сознании делала жизнь и камень величинами соизмеримыми, из сходства которых на определенном этапе познания было выделено их неравенство: *Жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит.*

Понимание жизни-живота как нитки, разрывание которой влечет за собой смерть (ср. миф о девах судьбы), отражено в паремиях *Животы не нитка: надорвешь, не подвяжешь; Дворянские животы и тонкие, да долгие: тянутся, да не рвутся; а посадские и толстые, да короткие.*

В пословицах о жене и муже широкое отражение нашла свадебная символика: *Муж не башмак, с ноги не сбросишь*; *Жена не сапог (не лапоть), с ноги не скинешь*; *Жена не гусли: поиграв, на стенку (на спичку) не повесишь; Жена не рукавица, с руки не сбросишь; Жена не рукавица, за пояс не заткнешь*; *Жена не седло: со спины не сымешь* (см.: [Бочина 2003]).

Некоторые из дезидентифицирующих образов обязаны своим происхожде-

нием жизненным реалиям, преломленным в поэтических формах загадки. Так, в поэтическом мире русских загадок кроется тайна контрастного сравнения души и гумна в пословице *Чужая душа не гумно: не заглянешь*. Гумно, как и рига, и овин, которые назывались также *раем* [Даль 4: 56], – это ток, где молотят хлеб. О молотьбе существует около пяти десятков загадок, в некоторых из них зерно называется *душой* в отличие от *тела* – соломы: *Шел мимо двора поповского, видел дело таковское: головы рубят, тело в вал валят, души в рай носят* ([ЗМ №2336], [ЗМ №2330], [ЗМ №2332]). Таким образом, в поэтическом сознании русского народа существовала устойчивая связь души и места, где молотят хлеб, которая получила иное преломление в пословице, построенной на отрицании их подобия.

В «Пословицах русского народа» В. Даля в разделе «Осторожность» помещена пословица *Ель не сосна: шумит неспроста*. Известно, что шум деревьев издавна символизировал человеческую речь: *Слушай дубрава, что лес шумит (говорит)*; *Всякое дерево своему бору шумит; Где б наша сосна ни стояла, только б нашему бору шумела*. В народной поэзии сосна и ель часто сопрягались, типичными были тавтологические сочетания типа *елка-сосёнка, зеленая ель-сосна*. Показательна и вопросительная формула *Ель аль сосна?* вопрос: да или нет, согласие или отказ? [Даль 1: 519], в которой положительный ответ связывался с елью, поэтому *ель шумит неспроста* в противовес сосне, которая «*Сосна шумит со-сна*» [Даль 4: 648].

Вторая группа народных изречений, на которую следует обратить особое внимание в связи со словарем русского фольклора, – это паремии, в которых используется традиционная рифма. Так, традиционными антиподами в русском фольклоре являются *калина* – символ обманчивой красоты, горькой доли, неволи, и *малина* – символ сладкой привольной жизни [Мокиенко 1986: 249–251]. С этой «калиново-малиновой» символикой тесно связана образная характеристика в пословице *Чужбина – калина, Родина – малина*, которая, конечно же, глубже противопоставления «горькая – сладкая жизнь». *Родина-малина* – это воля, свобода, широкое и открытое пространство без конца и края, что соответствует представлениям русских о хорошей, настоящей жизни, а *чужбина-калина* – обманчиво красивая жизнь, оборачивающаяся горькой неволей.

Именно о таких традиционных сближениях, как *горы – горе, пить – бить, поле – воля* А.А. Потебня писал, что «они основаны не на пустой игре словами, а на известном взгляде на природу» и что «под любимыми рифмами кроется <...> символ» [Потебня 1989: 299, 378].

Известно, что в первобытной поэзии ведущим началом являлась повторяемость не звуковых, а смысловых комплексов [Мелетинский 1972: 157]; наследуя и развивая семантическую традицию древнего искусства слова, народная поэзия использует рифму в ее подлинной смысловой ассоциативной функции. При этом «банальные» созвучия представляют собой, с одной стороны, прочную ассоциативную схему, в которой один элемент как бы притягивает второй, а с другой – схему гибкую, просторную, с обилием структурных и семантических вариаций.

Приведем лишь два примера. Народное представление о воде как о чужом и

опасном пространстве, негативная символика воды породили целый «куст» синонимических рифм, в которых слова лексико-семантической группы «Вóды» последовательно коррелируют с синонимами *горя-печали (кручина, тоска) и горя-несчастья (беда): Жидок путь водою, проходят его с бедою; Морских топит море, а сухопутных крушит горе; Лучше в пучину, чем в злую кручину; Катит беда, что девятая волна; Река – не море, тоска – не горе.* Устойчивость смыслового инварианта-мотива, аналогичность рифменных ассоциаций проявляют себя и в синонимии паремий с вариантными рифмами: *Остров в море, а сердце в горе – Остров окружило водою, а нас бедою*, и в синонимическом повторе ассоциативной схемы, усиливающем мотив паремии: *Жди горя с моря, беды от воды; От горя хоть в море, от беды в воду,* – и в замене или дополнении одного элемента рифмопары термином другой (даже в ущерб созвучию): *В море потоп, в пустынях звери, в мире беды да напасти; Кручиной моря не переедешь.*

Символическая рифма *пить – бить* является частным проявлением одного из общих мест фольклора и литературы – параллелизма пира и битвы [Потебня 1989: 294]. Рифма *пить – бить* во всех ее словообразовательных, словоизменительных и синонимических вариантах используется преимущественно в паремиях о пьянстве: *У Фили пили, да Филю ж побили; Кто пьет, тот и горшки бьет; Как не уймется от питья, не уйдет от битья; У нашего Тита и пито, и бито.* Отражены в паремиях и параллелизм атрибутов битвы и пира: *Колчан пригож* ***стрелами,*** *а обед –* ***пирогами***; *Хорошо на хорошо – ровно мед с* ***калачом****, а худо на худо – ровно с похмелья* ***батожьем***, – и сопоставление мертвых с пьяными: *Пьяный не мертвый: когда-нибудь да проспится.* Закономерным в этом ряду предстает и созвучие слов *батоги – пироги: Батог – не пирог, в зубах не вязнет, а в спине слышит; Батоги не пироги: приетчивы*; *Пирог не батог: в костях ничего, а брюхо полно.*

Итак, пословичные тексты являются одной из форм фиксации этнических стереотипов и мотивов художественной культуры. При этом пословица не только транслирует те или иные стереотипы и мотивы, но и толкует их, а также фиксирует развитие традиционных представлений. Поэтому паремии необходимо учитывать при создании словаря мотивов устной народной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Бобунова М.А., Хроленко А.Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: в 2 ч. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006.

Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Орел, 2004.

Бочина Т.Г. Русские пословицы и свадебный ритуал // Народное творчество. – №4. – 2003. – С.50–51.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т.1–4. – М.: Рус. яз., 1981–1982.

ЗМ: Загадки / изд-е подготовила В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1968.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: РАН, Ин-т рус. яз., 1998.

Крушевский Н.В. Заговоры, как вид русской народной поэзии. – Варшава: Тип. Ивана Носковского, 1876.

Левинтон Г.А. К вопросу о «малых» фольклорных жанрах: их функции, их связь с ритуалом // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1988. – С.148–152.

Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. – М.: Искусство, 1972. – С.149–189.

Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993.

Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989.

Потебня А.Ф. О некоторых символах в славянской народной поэзии. –2-е изд. – Харьков: Тип. «Мирный труд», 1914.

Путилов Б.Н. Мотив // Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – С.172–184.

Хроленко А.Т. На подступах к словарю языка русского фольклора: Заметки лингвофольклориста // Язык русского фольклора. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос ун-та, 1992. –С. 19.

PAREMIAS IN THE DICTIONARY OF RUSSIAN FOLK TUNES

T.G. Bochina

The article considers two paremia groups relevant to the classification system of folklore symbols and tunes. These groups comprise figurative proverbs and popular folk sayings with traditional rhymes. The author puts forward a plausible argument in favor of paremia inclusion in the dictionary of folk culture tunes.

© 2009

Л.С. Панина

ПАРЕМИИ КАК ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА
(Опыт словаря пословиц народов, живущих в Оренбургском крае)

> Народность, при единстве человечества, имеет свои отличительные черты, столь глубоко проведенные природой и духом народным в нравах, обычаях, поверьях и языке, что хотя многое в течение времени и изменяется, но всегда нечто остается неизменным.
>
> *И.М. Снегирев*

«Возникнув как историческая необходимость, язык призван отвечать тем требованиям, которые предъявляет к нему общество». Язык не просто отражает жизнь общества – он воздействует на нее.

Известно, что территория Оренбургской области заселена представителями более чем ста национальностей.

Паремиологические единицы не самая обширная, но самая характерная часть фольклорного наследия народа. К паремиям относятся пословицы и поговорки, которые оцениваются как проявления народного ума, народного характера, составляющие важную и чрезвычайно интересную часть национальной культуры.

Известно, что В.И. Даль определял пословицу так: «... коротенькая притча; сама же она говорит, что голая речь не пословица. Это – суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 1957: 13].

Эти высказывания дают основание считать, что под пословицами понимаются выражения, имеющие переносный характер («речь обиняком»), но отличающиеся от поговорок тем, что они имеют характер суждения и привязаны к определенной ситуации. Иначе говоря, пословицы, в отличие от других устойчивых сочетаний, функционируют как законченные предложения.

Пословицу характеризуют как результат мышления по аналогии, ибо в речи она маркирует подобие, сходство двух конкретных ситуаций, одна из которых входит в означающее, а другая является референтом пословичного знака.

Пословица сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации между вещами (т.е. указывать на модель ситуации) до тех пор, пока носители языка в состоянии уловить аналогию между значением предложения – деривационной базы – и набором признаков собственного пословичного означаемого. Это и побуждает признать, что пословица по своей сути должна быть аксиологичной. Аксиологичность пословицы осуществляется на уровне смысла, или, точнее, на уровне логики данной единицы, но при этом важно, что он отражает отношения между означающим и означаемым [Савенкова 2002: 15].

Нами изучались пословицы и поговорки народов, живущих в сельских районах Оренбургской области, а также пословицы и поговорки, собранные и

представленные в различных сборниках и словарях. В большинстве случаев эти пословицы и поговорки имеют одновременно и буквальный (прямой), и переносный смысл. В них как бы совмещаются два явления, что и создает образную основу. Напр., *Пошел в попы, так служи панихиды.* С одной стороны, здесь речь идет именно о попе, который в силу своего положения должен выполнять свою обязанность – служить панихиды. Но в переносном плане эта пословица относится ко всем людям: 'Если ты взялся за какое-то дело, то должен выполнять все, что при этом положено'. Употребляется она, как и всякая пословица, в определенной ситуации: когда кто-то хочет уклониться от своих обязанностей. Следовательно, пословица не только образна, но и ситуативна.

Как показал анализ пословичного материала разных народов Оренбуржья, очень много пословиц и поговорок создано по «моделям», т.е. встречаются у разных народов, хотя у каждого имеют свое лексическое наполнение. И тогда трудно сказать, у какого народа раньше появилось то или иное выражение, пословица или поговорка. Выделить собственно национальные образования очень трудно.

В изученных нами пословицах и поговорках обнаруживается система символов, свойственная определенным народам. Напр., символами брака служат перстень, венец, расплетение косы девушки у некоторых народов. Символика пословиц еще недостаточно изучена. Символами в пословицах и поговорках, по нашему мнению, чаще всего выступают слова, обозначающие цвет (*черный, белый, голубой, красный*), или наименования животных (*заяц, медведь, змея*). Отдельные названия предметов быта тоже приобрели символическое значение в пословицах. Так, *сапоги и лапти* регулярно противопоставлялись в пословицах различных народов. Напр., в русских, мордовских пословицах *сапоги* символизировали зажиточность, достаток, а лапти – бедность, простоту: *Лапоть знай лаптя, а сапог – сапога (морд., чув.); Правда – в лаптях, а кривда – в сапогах (рус., морд., чув.); Сапог сапогу брат (морд., удм.); Два сапога – пара (рус.)* и др.

Существует много вариантов одной пословицы, бытующих у разных народов. Напр., *Кто работает, тот и сыт (тат.); Глаза страшатся, руки делают (рус.); Глазам боязно, рукам страх невдомек (каз.); Стыд не дым, глаз не ест (рус.)* и др.

Известный лингвист А.А. Потебня еще в XIX в. обратил внимание на то, что пословицы представляют собой нечто схожее с алгебраическими формулами. То, что делает алгебра по отношению к конкретным величинам, то же – и пословица по отношению к пространным текстам. Эта мысль получила дальнейшее развитие в трудах более позднего времени (Г.Л. Пермяков, Ю.А. Гвоздарев, Л.Б. Савенкова и др.).

Как нами уже было отмечено выше, пословица аксиологична, следовательно, нельзя не согласиться с положением о том, что пословица – знак определенной ситуации или отношений между предметами и вещами. Нельзя не согласиться с мыслью Г.Л. Пермякова, предложившего «теорию клише» и считающего, что пословицу делают не реалии, а логическая конструкция, реалии же выступают лишь в качестве «строительного материала» [Пермяков 1979: 8]. Из одних и тех же наименований реалий, напр., *лес* и *звери* (которые сами по себе не представляют никакого изречения), в зависимости от характера объеди-

няющей их логической связи, получаются совершенно разные пословицы: *Каков лес, таковы и звери (морд.); Был бы лес, а звери будут (рус.); Сколько зверя ни корми, он все в лес смотрит (рус., белорус.) и др.*

Наличие таких структур (логических моделей) объясняет, почему у разных народов, территориально отдаленных друг от друга, существуют очень похожие по форме и содержанию пословицы. Ср.: *И ежу его ежата кажутся гладкими (корейск.); И медведь думает, что его медвежата самые красивые (морд.); Лягушке ее головастики кажутся лучом солнца (баш.)* и др.

Такие образования нельзя считать заимствованиями. Это реализация международных мотивов в устном народном творчестве согласно заданным логическим структурам. Взаимодействие и взаимопонимание, взаимопроникновение культур, языков приводит, конечно, к заимствованиям. Но, заимствуя, народ, как правило, творчески перерабатывает ту или иную пословицу или поговорку. Это может быть лексическое преобразование.

Примеры «чистого» заимствования также, на наш взгляд, нередки:

Пеший конному не товарищ (рус., укр., морд.); Кто ест скоро, тот и работает споро (белорус., рус.) и др.

В основе таких образных пословиц лежат обычно метафоры. Напр., *Одну веревку развяжешь, развяжешь и много (евр.); Настоящая дружба – чистый родник (баш.)* и др.

В основе других пословиц может лежать метонимия, напр., *Не двинешь рукой – не двинешь и ртом (баш.); Кто выпил молоко – остался цел, а кто посуду облизал – попался (баш.)* и др.

В основе многих пословиц лежит гипербола. К таким образованиям можно отнести: *Имеющий тысячу друзей – спасся, имеющий тысячу голов скота – погиб (баш.); Не имей сто рублей, а имей сто друзей (рус.)* и др.

Для того, чтобы выявить общность и специфику разноязычных пословиц и поговорок, нами использовался метод тематической подачи материала, разработанный Г.Л. Пермяковым. Пословицы и поговорки являются не знаками определенных ситуаций, а «логемами» – все пословицы одного смысла у разных народов являются вариантами одной и той же ситуации, т.е. пословица у каждого народа сохраняет способность сигнализировать о типовой ситуации или отношении между вещами.

Подобная классификации ситуаций положена в основу логико-тематических классификаций пословиц и поговорок ряда сборников (В.И. Даля, М.А. Рыбниковой, Ю.А. Гвоздарева, М.А. Дзагурова и др.).

Рассмотрев несколько примеров пословиц одной логико-тематической группы, можно представить отношения между объектами, используя символы математической логики. Так, в пословице *Не по хорошу мил, а по милу хорош* налицо простая зависимость, выражаемая логической связью «если.., то...», т.е. если есть (причина), то есть (будет) и следствие.

Примеры пословиц народов, живущих в Оренбургской области, подтверждают выводы Г.Л. Пермякова о том, что пословицы – знаки каких-либо жизненных или логических ситуаций и все пословицы одного смысла (одной ситуации) являются вариантами, а сама ситуация – их вариантом: *Каковы родители, таковы и дети (белорус.); Что в лесу крикнешь, то в ответ и услышишь (каз.);*

Что посеешь, то и пожнешь (рус., баш.); Как крикнется, так и аукнется (рус., укр.); Алмаз и в грязи блестит (каз.) и др. Отношения между объектами будут уже отличаться от отношений в приведенных выше примерах пословиц одной группы. Ср.: *Ворона останется черной, сколько ее ни мой (тат.); Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит (рус.); Сколько навоз ни суши, он все равно будет вонять (тат.); Попа и в рогожке видно (рус.)* и др.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: ГИХЛ, 1957.

Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. – М.: Наука, 1979.

Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 2002.

PROVERBS AS PHRASEGRAPHIC POTENTIAL OF MULTIETHNIC TERRITORY (BASED ON PROVERBS DICTIONARY OF ORENBURG TERRITORY ETHNIC GROUPS)

L.S. Panina

Proverbs and sayings of Orenburzhye ethnic groups are not signs of certain situations, but logemes, i.e. all proverbs possessing the same meaning are variants of the same situation. Each ethnic group proverb retains its capacity to point to a typical situation or relations between things.

© 2009

Н.С. Соловьева

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СЛОВАРЕ АНТИПОСЛОВИЦ РУССКОГО НАРОДА

Переделки пословиц, афоризмов и даже целых текстов – явление древнее и повсеместно известное. Однако процесс перевертывания, выворачивания наизнанку традиционных паремий в последние годы настолько интенсифицировался, что подобные единицы сформировали целый пласт особого языкового материала, обозначаемого общим термином *антипословицы* [Вальтер, Мокиенко 2005: 8]. Попытки лексикографического описания подобных единиц известны на материале немецкого, английского и русского языков. Антипословицы русского языка представлены в словаре «Антипословицы русского народа» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко.

Интенсификацию «осмеяния» пословиц исследователи связывают с тем, что они теряют свою назидательную функцию и не воспринимаются более как аб-

солютные истины. Пословицы и поговорки, являясь порождением аграрного общества, постепенно уходят из коммуникации, уступая место другим единицам. Кроме того, оценочные нормы, заложенные в традиционных паремиях, нередко подвергаются переоценке в «перекрученных» пословицах и поговорках ([Слышкин 2004: 184], [Карасик 2004: 74]).

С одной стороны, переоценка ценностей в антипословицах связана с тем, что они подвержены так называемому «стебу», являясь своеобразным вызовом, укоренившимся в обществе нормам [Вальтер, Мокиенко 2004: 98]. С другой стороны, нельзя не принимать во внимание того, что языковая картина мира является своеобразным отражением объективной реальности. В связи с чем представляется справедливым рассматривать антипословицы, не только как результат языковой игры, но и как «застывшие сентенции нового современного мировидения – национальной картины мира послеперестроечного поколения» [Дубичинский 2005: 632].

Для исследования того, насколько оценочные нормы, зафиксированные в антипословицах, отличаются от норм и оценок, заложенных в традиционных паремиях, обратимся к антипословицам, объединенным тематической группой «женщина», которая занимает одно из центральных мест в словаре «Антипословиц русского народа» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко. Как же изменились женские гендерные стереотипы и связанные с ними нормы и оценки?

Прежде всего, следует отметить изменение стереотипа о необходимости привлекательной внешности для женщины. В традиционных паремиях женщина ценится не за свою привлекательную внешность, а за хозяйственность, за спокойный и кроткий нрав: *Не будь красна и румяна, а чтобы по двору прошла да кур сочла* (ДП); *Родилась пригожа, да по нраву не гожа* (ДП); *Не родись красивой, а родись счастливой* (ДП).

В антипословицах привлекательная внешность женщины, напротив, считается ее обязательным атрибутом, залогом успеха как среди мужчин, так и в профессиональной сфере: *Была бы рожица, любовь приложится* (АРН); *Без труда полюбишь и козла, коли рожа крива* (АРН); *Красота и ум у женщины не роскошь, а средство передвижения по жизни* (АРН).

При этом в антипословицах отмечается стереотип, согласно которому наличие красоты у женщины исключает наличие ума и наоборот: *Задница-то у нее ровно золотой дукат, а вот голова дурная* (АРН); *У красивых задница гораздо шустрее, чем мозги* (АРН); *Если вы хотите жениться на умной, красивой и богатой, вам придется жениться три раза* (АРН).

Необходимость привлекательной внешности для женщины, отмечаемая в русских антипословицах, продиктована мощным влиянием англо-американской культуры, в которой привлекательная внешность считается залогом жизненного успеха женщины [Зыкова 2003: 149].

Исследователи не раз отмечали, что в русской языковой картине мира женские качества, среди которых преобладают негативные, получают бóльшую дифференциацию, чем мужские ([Кирилина 1999: 117], [Хакимова 2003: 15]). Негативные женские характеристики, к которым относятся болтливость, вздорный нрав, притворство и лживость, глупость, половая распущенность, представлены как в традиционных пословицах и поговорках, так и в антипо-

словицах: *Лучше в утлой ладье по морю ездить, чем жене тайну доверить* (ДП); *Чья бы корова мычала, только бы баба молчала* (АРН); *Сварливая жена – в доме пожар* (ДП); *Любите жену – надежный источник знаний ваших недостатков* (АРН); *Женские слезы не вода, а невода* (ДП); *Не верь девичьим слезам: крокодилы тоже плачут* (АРН); *Ум женщины – это ум курицы, ум умной женщины – это ум двух куриц* (АРН). *И муж не знает, где жена гуляет* (ДП); *Завтрак съедала сама, обед делила с другом, ужин отдавала мужу* (АРН).

Обращает на себя внимание то, что в антипословицах представлена такая негативная женская характеристика, как расточительность, безудержное желание тратить деньги на пустяки: *Что у женщины на уме, то мужчине не по карману* (АРН); *Женщина не роскошь, но требует денег* (АРН); *Последний крик моды – крик мужа* (АРН). В традиционных паремиях расточительность как женский недостаток не отмечается.

Кроме того, в антипословицах широко представлен стереотип продажной и алчной женщины: *Где баксы – там и бабы* (АРН); *Бабы на бабки падки* (АРН); *Я понял, стюардессы и принцессы, что нет любви, есть только интересы* (АРН).

Социологи отмечают, что в современном российском обществе в отношениях мужчины и женщины проявляется модель поведения буржуазного типа. Сущность этой модели заключается в том, что жизнь пересчитывается на деньги: на передний план выступают представления, о том, что все имеет свою цену и все можно купить. Женщина, не обладая властью и финансами, расплачивается своим телом за возможность жить в чьем-то доме, под чьей-то опекой, ходить в рестораны, получать подарки. Все это, в свою очередь, предусматривает ответную реакцию в виде сексуальных услуг [Астафьев 2002: 133].

Подобные отношения между мужчиной и женщиной в России существовали и ранее, что подтверждается языковым материалом: *Были бы бумажки, будут и милашки* (ДП), но оставались в тени в крестьянской царской России и в советский период с его принципом всеобщей уравнительной системы. Изменение социально-экономической структуры в послеперестроечном российском обществе способствовало широкому распространению в новой России буржуазной модели поведения в отношениях между мужчиной и женщиной. Как следствие, в российском обществе сложился новый стереотип продажной и жадной женщины, героини современных антипословиц.

Значительное количество антипословиц затрагивает сексуальные аспекты отношений между полами. В русском языке, как отмечает Л.Н. Пушкарев, «пословицы, посвященные чувственной любви, интимным отношениям между женщиной и мужчиной немногочисленны <...> Физическая, чувственная любовь не смакуется пословицей, попросту принимающей ее как реальность, как естественное стремление человека к продолжению своего рода <...> Народная пословица трезво судила о близости мужчины и женщины» [Пушкарев 1994: 123]: *Жены стыдиться – детей не видать* (ДП)*; Четки не спасут, жена рая не лишит* (ДП).

В антипословицах, напротив, женщина рассматривается мужчиной как сексуальный объект, что определяет потребительское отношение мужчины к ней: *Что у мужика на уме, то у женщины везде* (АРН); *Кончил (сделал) дело, баба с возу* (АРН); *Юбка лучше всего смотрится на спинке стула* (АРН); *Не одежда кра-*

сит девушку, а отсутствие оной! (АРН); *Девушка как пачка сигарет: один открывает, а другие пользуются* (АРН).

Подобное отношение к женщине во многом продиктовано изменениями в культуре современной России. Так, в средствах массовой информации на рубеже XX–XXI вв. формируется новая «патриархально-порнографическая парадигма» в репрезентации женщины. Вследствие чего отмечается обильное присутствие женского тела как сексуального объекта и собственно отсутствие женщины как личности [Михайлова 2000: 151].

Таким образом, в антипословицах, в отличие от традиционных пословиц и поговорок, появляются новые гендерные стереотипы. Женская красота приобретает существенную ценность, становясь залогом жизненного успеха ее владелицы. При этом ум и красота оказываются несовместимыми понятиями. Женщина, чаще всего воспринимаемая мужчиной как сексуальный объект, однако, сохраняет прежние недостатки, к которым, впрочем, добавляют жадность и расточительность.

В целом, вопрос о том, насколько точно зафиксированные в антипословицах гендерные стереотипы, соответствуют действительности, требует дальнейшего изучения. Несомненно, что антипословицы представляют действительность в гипертрофированной форме. Однако, нельзя не принимать во внимание того, что в русских антипословицах отражаются реальные тенденции, характеризующие современное российское общество.

ЛИТЕРАТУРА

АРН: Вальтер Х., Мокиенко В.М Антипословицы русского народа. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2005.

Астафьев Я.У. Экономика любви: формирование гендерных стереотипов // Социс. – 2002. – №1. – С.127–134.

Вальтер Х. Не бывает страшных женщин, бывают трусливые мужчины (женщины в русских антипословицах) // Проблемы фразеологической и лексической семантики: материалы междунар. науч. конф. (Кострома, 18–20 марта 2004 г.). – М.: ИТИ ТЕХНОЛОГИИ, 2004. – С.92–99.

ДП: Даль В.И. Пословицы русского народа: сб.: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1989.

Дубичинский В. Против чего же «Антипословицы»? // Грани слова: сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: Элпис, 2005. – С.629–634.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Изд-во «Ин-т социологии РАН», 1999.

Михайлова Т. В постели с «огоньком» (Визуальная репрезентация женщины в российских СМИ 1990-х гг.) // Женщина и визуальные знаки. – М.: Идея-Пресс, 2000. – С.144–151.

Пушкарев Л.Н. Духовный мир русского крестьянина по пословицам XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1994.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.

Хакимова Г.Ш. Гендерный фактор в английских паремиях в сопоставлении с русским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003.

GENDER STEREOTYPES IN THE DICTIONARY OF ANTIPROVERBS OF RUSSIAN PEOPLE

N.S. Solovyova

The article is concerned with gender stereotypes embodied in Russian antiproverbs. The author comes to the conclusion that antiproverbs reflect gender stereotypes transformations in modern society, which makes the dictionary of "Antiproverbs of Russian people" by H. Walter and V.M. Mokiyenko a valuable source for linguists studying them.

© 2009

Н.Н. Баскакова

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ ПРОЗЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-НАРОДНИКОВ XIX в.

Одним из направлений многоаспектного изучения творчества писателей-народников XIX в. является анализ паремиологического состава прозы А.Н. Левитова и Н.Н. Златовратского. Общей чертой их творчества является жанровое разнообразие (рассказы, повести, романы, очерки), а также широкое употребление пословиц и поговорок, которые представляют интерес в качестве фразеографического материала.

Подготовка «Словаря пословиц и поговорок в произведениях русских писателей-народников» является завершающим этапом исследования языкового своеобразия произведений А.Н. Левитова и Н.Н. Златовратского. Произведения Левитова и Златовратского дают богатый материал, иллюстрирующий потенциальные возможности как нетрансформированного, так и трансформированного использования пословиц и поговорок. На основании этого в «Словарь пословиц и поговорок из произведений русских писателей-народников» включаются не только распространенные в литературном языке паремии, но и различные типы их индивидуально-авторских преобразований.

В русской паремиографической практике обычно используется алфавитный или тематический принцип систематизации. Именно тематический принцип, на наш взгляд, является оптимальным для пословиц, т.к. позволяет представить концептосферы художественного текста.

Стержневым словом в Словаре считается главное существительное, если существительное отсутствует, то – прилагательное, глагол, причастие, числительное или местоимение. Все стержневые компоненты располагаются по алфавиту. Компонентами словарной статьи являются: заголовочная паремия и ее нормативные варианты, экспрессивно-стилистическая характеристика, словарная

дефиниция, иллюстративная часть из произведений Златовратского и Левитова. Особенностью словарной статьи является фиксация трансформированных паремий. За трансформом может располагаться комментарий, если он необходим для понимания оттенков смысла данного употребления устойчивой фразы в художественном тексте. Подобное построение и содержание словарной статьи помогает выявить особенности функционирования пословиц и поговорок в тексте. С целью облегчения поиска нужной единицы предполагается также дать покомпонентный указатель с алфавитным перечнем знаменательных слов, входящих в состав паремии.

К основным тематическим группам в творчестве Н.Н. Златовратского и А.Н. Левитова относятся: «народ», «община», «Бог», «труд», «пьянство».

Рассмотрим примерный образец словарной статьи:

КОСА

***НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ**. Один другому ни в чем не хочет уступить.*

***Нашла дока на доку**. Разг.*

– Замена компонентов **коса** и **камень** на компонент **дока** подчеркивает равенство в силе, опыте сталкивающихся характеров.

***Дока на доку** как тут **нашла**, все мы видели и все дивились этому, а бабы так и смеялись немало. Феклушка-то и полюби владимирца-то...*[Левитов 1956: 443]

***Налетела коса на камень**. И налетела коса на камень:*

– Ты со мной не смей так говорить... Слушай ухом, а не брюхом об чем говорят... Молодо-зелено так-то разговаривать! [Златовратский 1988: 530].

Одна словарная статья включает несколько иллюстраций из произведений разных авторов, что позволяет проследить сквозные фразеологические образы в повествовательной прозе русских писателей-народников.

Таким образом, «Словарь пословиц и поговорок из произведений русских писателей-народников» поможет системно изучить особенности использования паремий в художественном тексте, послужит доказательством того, что употребление паремий является яркой чертой определенного идиостиля. Словарь поможет оценить художественное мастерство писателей, проявляющееся в творческом применении паремий.

ЛИТЕРАТУРА

Златовратский Н.Н. Деревенский король Лир / Н.Н. Златовратский Повести, рассказы, очерки. – М.: Современник, 1988.

Левитов А.И. Накануне Христова дня // Русские повести XIX века (60-е гг.). – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. – С.435–485.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари, 1997.

PHRASEOGRAPHIC DESCRIPTION OF PAREMIA IN THE PROSE OF RUSSIAN NARODNIK (POPULIST) WRITERS OF THE 19th CENTURY

N.N. Baskakova

The article gives a sample of a vocabulary entry from "The Dictionary of Proverbs and Sayings in Books of Russian Narodnik Writers". The dictionary will help to enhance a systematic

study of proverbs use peculiarities in fiction; and will prove that paremias are a conspicuous feature of writers' individual style.

© 2009

Л.Б. Кацюба

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОСТИ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА В ПАРЕМИЯХ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЯ В.И. ДАЛЯ

В центре настоящего исследования стоит тема религиозности русского человека, рассмотренная на материале паремий, включенных в «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля.

Религиозность – особая категория нравственно-философского и культурно-исторического уровня, которая является значимой составляющей русской ментальности. Ее изучение в лингвокультурологическом аспекте видится нам актуальным, поскольку подобные исследования позволяют по-новому подойти к решению традиционных лингвистических проблем.

Обретение религиозности и принятие христианства имели огромное культурное значение для истории России. Они значительно изменили многие сферы жизнедеятельности русского человека: это и преодоление культурной ограниченности, и восхождение по ступеням образованности с помощью «учения книжного» в подготовке первых священнослужителей, и развертывание храмового строительства и иконописания, и другие проявления жизни и быта русских. Будучи важными вехами становления русской жизни, они отразились и закрепились в устной фольклорной традиции, в частности, в паремиях, которые удивительно сжато, в то же время емко и убедительно зафиксировали и передали веками накопленный опыт народа, его историю, мировоззрение, духовные ценности.

Сложнейшая тема религиозности этноса раскрыта в паремиях по-особому, применительно к крестьянскому быту. «Подняться до цельного и стройного религиозного мировоззрения в духе и истине слова Божия древнерусский человек не чувствовал себя в силах, сколько можно судить по его литературе, во внутренний смысл вопроса он вникал с трудом и неохотно, зато какая-нибудь внешняя подробность этого вопроса, приложение его к тому или другому практическому случаю – это могло приковывать к себе древнерусский ум с неотразимой силой» [Ключевский 2000: 344].

В.И. Даль в своем Толковом словаре характеризует религию как духовную веру, исповедание, богопочитание или основные духовные убеждения человека, а религиозность – как свойство, состояние верующего, твердого в вере человека [Даль 1994, 4: 90–91]. Паремии религиозной тематики показали, что глубокая вера в Бога – неотъемлемая часть души русского человека. Идея Бога и

религиозной веры, присущая человеку, лежит в плоскости его чувств – «уже мыслители древности обратили внимание на связь между религиозной верой человека и его психическими состояниями и переживаниями» [Угринович 1986: 47], на что указывает активное использование эмотивно-окрашенной глагольной лексики «религиозного» высокого стиля: *уповать, искушать, смирять, повелеть/повелевать, возносить, избавить, благословить, наставить/наставлять, отворять, налагать, совершаться, твориться, запинать* и т.д.

Как показало исследование, в паремиях религиозного цикла отражены несколько константных составляющих – концептов, раскрывающих понятие русской религиозности – «Бог», «Вера», «Церковь», которые включают такие концепты религии, как «Творец», «Крест», «Святые», «Икона», «Молитва», «Судьба» и др. Исследование специфики, взаиморасположения и взаимодействия данных концептов позволило объединить их в концептосферу «Религиозность» и описать структурную модель концептосферы.

Концептосфера «Религиозность»

Микросфера-концепт «Бог»	*Микросфера-концепт «Вера»*	*Микросфера-концепт «Церковь»*

Обратимся к фактам описания микросферы-концепта «Бог» и ее составляющих в паремиях, концептуальная сущность которых проявляется на разных уровнях языка.

Образ Бога, Лик Божий предстает в исследованных единицах в сложных, часто противоположных ипостасях, которые воплощены в отдельных концептах «Богочеловек», «Творец, высшая сила», «Судьба».

В концепте «Богочеловек» Бог представлен как «вочеловеченное» всевидящее, всеслышащее существо, близкое человеку, способное помочь, защитить или наказать: *Бог не как свой брат, скорее поможет; Только Богу и плакаться; Бог видит, да нам не сказывает; Бог терпел, да и нам велел; Бог накажет, никто не укажет; Дает Бог и цыгану; И Бог на всех не угодит*. Такое видение Бога, наделенного «земными» качествами людей, характерно не только для паремий, но и, как показывают исследования в области других наук, для русского менталитета в целом. Грамматически эта близость к простому человеку обусловлена синтаксической связью «антропоцентричных» глаголов с субъектом Бог: *строить, гулять, любить, сказать/сказывать, помогать, спасать, угождать, дать, наказывать, захотеть, терпеть*.

Что касается номинации Богочеловека, то паремии продемонстрировали теонимическую традицию, которая заключается в особом почитании Бога даже в человеческом обличии. Частотность употребления лексемы *Бог* в качестве формы выражения субъекта или объекта в паремиях превосходит теонимы, выражающие коннотацию близости, – *Христос* («человеческое» имя Сына Божия, Господа на земле), *он, ты*, которые встречаются в единичных фактах: *Вольно Христу добро достать; Христа-ради невест не выдают; Ни ты его, ни он тебя не обманет; Себя хлыщу – Христа ищу*. Практическое исключение местоимения *ты* из разряда номинаций Бога в паремиях – *Мужик всякому тыкает* – факт показательный, поскольку «у нас (русских – *Л.К.*) <...> простой человек гово-

рит всякому *ты*, и Богу и Государю (на франц. и Богу говорят вежливо, *вы*; на нем. вместо *ты,* говорят *вы, он и они*)» [Даль 1994, 4: 447]. Первоначальное обращение *на ты* ко всем без исключения, переросшее в «социальную примету в отношениях между людьми», обусловливающую «не низкий стиль, а доверительность и близость» [Колесов 2007: 2], в паремиях «дистанцировалось» от Бога. По отношению к Богу ты употреблялось, очевидно, только в случае индивидуальной мольбы, просьбы и не перешло во всеобщее правило обращения к Всевышнему. Русский человек интуитивно понимал Божественную недосягаемость и исключительность, и паремии по-разному выражают это понимание: утверждение через отрицание – *Бог не мужик, Бог не Макешь (Мокошь* – языческое божество), *Бог не Никитка, Бог не свой брат, Бог не Яшка*; утверждение всемогущества через сравнение на основе антитезы (наиболее продуктивной здесь выступила параллель концептуальных лексем *Бог-царь*) – *Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится; Одному Богу государь ответ держит; Бог помилует, так и царь пожалует; Коли царь Бога знает, бог и царя и народ знает*; *Человек предполагает, а Бог располагает;* подчеркнутое уважительное отношение в сложной форме именования субъекта *Бог*, напр., синтаксически цельными словосочетаниями – *имя Господне, сила Господня, Божья вода, Божья роса, Божьи дела, Божья воля, Божья власть, власть Господня, Божья помощь, образ Христов*, – что, несомненно, усиливает факт преклонения перед Богом.

Образ Бога видится и как сверхъестественная высшая духовная сила, способная влиять на судьбу человека и мира. Реализацию концепта «Творец, высшая сила» осуществили паремии *Бог души не вынет, сама душа не выйдет; Чего Бог не нашлет, того человек не понесет; Больше Бога не будешь; Не бойся никого, кроме Бога одного; Грозную тучу Бог пронесет.* Эта сверхъестественность, фантастичность образа нашла свое выражение в грамматическом аспекте: сочетающиеся со словом *Бог* глагольные лексемы более чем в 90% употреблений имеют форму будущего простого времени, обозначающего, что действие совершится в будущем, после момента речи. В этом факте видится еще и проявление надежды народа на лучшее будущее.

Наконец, образ Бога воплощен в паремиях через представление о Всевышнем как о Судьбе человека, о роке, о силе, полноправно и всецело располагающей жизнью человека: *Все в мире творится не нашим умом, а божьим судом; Всякая судьба сбудется; Суда Божьего околицей не объедешь; От судьбы не уйдешь; От Бога не уйдешь; Что будет, то будет; а будет то, что Бог даст.* Такое понимание наполнения микросферы-концепта «Бог» и вычленение из нее концепта «Судьба» основано на результатах анализа этимологической, семантической, философской природы слова *судьба* согласно ведущим лексикографическим исследованиям.

В словаре В.И. Даля эта лексема разъясняется в статье *СУДИТЬ* как ‘суд, судилище, судбище и расправа’ – в первом значении и как ‘участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределенье, неминучее в быту земном, пути провидения’ – в другом [Даль 1994, 4: 355–356]. В морфологическом аспекте (в косвенном падеже множественного числа) *судьба* трактуется лексикографом как ‘провидение, определение Божеское, законы и порядок вселенной, с неизбежными, неминучими их последствиями для каждого’ [Даль 1994, 4: 355].

Видение в судьбе человека Божественного участия, Божественного суда, неминуемого вмешательства Божьей воли в жизнь подкреплено мотивом смирения и кротости, который особенно ясно читается в реализации концептов «Творец, высшая сила» и «Судьба».

В фундаментальном коллективном труде «Языковая картина мира и системная лексикография» [ЯКМ 2006] реконструкция понятия смирения и его дериватов осуществлена со всей семантической полнотой. Многостороннее освещение лексемы *смирение* дано сквозь призму вовлеченности субъекта в ситуацию (отказ от борьбы путем волевого усилия субъекта, что свидетельствует часто о мудрости последнего: «Русский человек мудро смиряется перед лицом Провидения, ибо он твердо знает: чему быть, того не миновать» (В. Пьецух; цит. по [ЯКМ 2006: 458]); подчинения субъекта высшей силе (стихии, судьбе, року) либо в результате сдерживания субъектом своих импульсов, что обусловлено доверительным отношением к Богу, к воле Божьей. В последнем случае, как следует из приведенных в труде тезисов и примеров, лексема стилистически окрашена как церковная, а действие субъекта может трактоваться как подвиг [ЯКМ 2006: 454–460].

Семантика лексем *смирять/смирить/смириться* и их дериватов в паремиях во многом совпадает с пониманием лексемы *смирение* и ее интегральным лексикографическим представлением в монографии «Языковая картина мира и системная лексикография». Семантика смирения как концептуальной единицы в паремиологическом преломлении обращена к религиозно-нравственной, воспитательной теме и созвучна трактовке лексемы *смирять* в словаре В.И. Даля: ‘укрощать или обуздывать, отваживать от дикости; лишать природной дикости; обуздать нравственно, подчинить волю человека совести и рассудку’ [Даль 1994, 4: 325]: *Смирение и кротость побеждают строптивость; Смиряют страхом, карою; смиряют стыдом, унижением; смиряют вразумлением; Кротость смиряет; Умный смиряется, глупый надувается; Зверя смиришь, а человека не смиришь.* В этой связи правомерно, на наш взгляд, провести параллели с высказыванием протоиерея А. Меня о врожденной агрессивности человека, корни которой он видел в общем состоянии падшей человеческой природы: «Здесь в человеке просыпается шимпанзе. По существу, вся духовно-нравственная работа человека направлена против этого шимпанзе – истеричного, агрессивного, возбудимого. Он затемняет образ и подобие Божие» [Мень 1993: 187].

Исходя из сказанного, отметим, что в паремиях отражены первые воспитательные успехи, связанные с нравственно-психологическим воздействием на диких людей религиозного познания, которое постепенно трансформируется в устойчивое знание религиозных канонов и доверие к Богу: *Смиренных Господь духом спасает; Господь богатит и высит, убожит и смиряет.* Это путь познания мудрости мироустройства и подвижнического приближения к христианскому идеалу и смирению: *Ищи кротости, чтоб не дойти до пропасти.* Понятие смирения и кротости перерастает в особую категорию – маркер концепта «Бог», функционально значимую и структурно распространенную (дальнейшие исследования концептов «Вера» и «Церковь» убеждают нас в этом).

Таким образом, в проблеме исследования религиозности русского человека в паремиях (по фактам описания микросферы-концепта «Бог» и ее составляю-

щих) можно выделить следующие аспекты: сосредоточение русской культуры на фундаментальных религиозных понятиях и ценностях православия и воплощение «норм христианской морали в повседневной (личной, семейной и общественной) жизни русского человека, а также в его массовом сознании» [Православная вера и традиции благочестия 2002: 156–157].

Как показало исследование, в паремиях религиозного цикла отражены несколько константных составляющих – концептов, раскрывающих понятие русской религиозности – «Бог», «Вера», «Церковь». Изучение микроконцептосферы «Бог» и ее составляющих (концептов «Богочеловек», «Творец, высшая сила», «Судьба»), реализованных в паремиях, помогает ответить на вопросы, как культура отражена в языке и какую культурную ценность заключают в себе языковые единицы.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: ТЕРРА, 1994.

Ключевский В.О. Православие в России. – М.: Мысль, 2000.

Колесов В.В. Ты и вы [Электронный ресурс] / Режим доступа: http//webknow.ru/kultura_02174.html

Мень А. Дело Церкви – дело Божие (Беседа с С. Бычковым) // Путь. Междунар. философский журнал. – М.: Издат. группа «Прогресс», «Путь», 1993. – С.174–202.

Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII–XX веках: этнографические исследования и материалы / под ред. О.В. Кириченко, Х.В. Поплавской; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2002.

Угринович Д.М. Психология религии. – М.: Политиздат, 1986.

Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Яз. слав. культур, 2006.

RUSSIAN RELIGIOSITY THROUGH PAREMIAS (BASED ON V.I. DAL'S DICTIONARY)

L.B. Katsyuba

The article deals with the analysis of the attitude of Russian people to religiosity on the basis of paremias. Religiosity, as one of the most complex moral and philosophical, cultural and historical categories, is an important constituent of the studies on Russian mentality field in paremias.

© 2009

О.В. Гневэк

ИЗМЕНЕНИЕ СЕМАНТИКИ ЛЕКСЕМЫ *БОГ* (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц)

Слово *Бог/бог* в сознании носителей русского языка связано с представлениями о высшем вездесущем разуме, создавшем Вселенную и управляющем миром.

Согласно данным Большого толкового словаря русского языка под ред. С.А. Кузнецова (БТС), значение слова *Бог/бог* выступает в пяти основных лексико-семантических вариантах (ЛСВ): 1) ‘творец неба и земли всего сущего; вездесущий высший разум, управляющий миром’; 2) ‘одно из сверхъестественных существ, управляющих какой-либо частью мирового целого, покровительствующих кому-либо’; 3) ‘материальный образ такого существа в искусстве’; 4) ‘характеристика человека могущественного, наделенного властью над другими людьми’; 5) ‘характеристика предмета поклонения, восхищения (обычно об одаренном человеке, гении)’ [БТС: 86].

Не все вышеперечисленные значения реализуются в фонде фразеологических единиц (ФЕ) и пословиц, рассматриваемых нами как узуальные. Анализ современных фразеологических и паремиологических словарей свидетельствует о том, что ЛСВ ‘вездесущий высший разум, управляющий миром’ представлен достаточно широко. Он сохранился как фоновое знание в ФЕ типа *Побойся Бога* ‘имей совесть, постыдись, образумься’, *Не гневи Бога* ‘не следует жаловаться, нельзя быть недовольным’, *Бог миловал* (об отсутствии неприятностей, бед, о благополучном разрешении, завершении чего-либо), *Бог дал* (о появлении чего-либо), *Бог наказал* (о неудаче, неприятности), *Бог простит* (обычно при нежелании простить кого-либо), *Бог (вам, тебе, ему) судья* (при нежелании осуждать кого-либо), *Сам Бог велит (велел)* (о том, что само собой разумеется, неизбежно), *Бог дал, бог взял* (выражение смирения при утрате, потере), *Все под Богом ходим* ‘С любым может случиться неприятность, беда’, *На Бога надейся, а сам не плошай* ‘Человек должен действовать так, чтобы рассчитывать на свои силы’ [БТС: 86].

Значительно реже реализуются другие ЛСВ анализируемого слова. Лексема *Бог/бог* используется как ЛСВ характеристики одаренного человека во ФЕ *от бога* (писатель от бога), *Бог не обидел* (о том, кто в полной мере наделен чем-либо).

Значительно чаще лексема *бог* используется во ФЕ, обладающих разнообразными коннотативными значениями. Оценочное значение неизвестности содержится в единицах типа *бог знает, бог весть кто, не бог весть (что, кто)*. Коннотацию утвердительности передают ФЕ *видит бог, убей меня бог!* Характеристика некачественного осуществления деятельности содержится во ФЕ *как бог на душу положит*. В качестве пожелания успеха, удачи выступает выражение *Бог в помощь! Дай бог! С богом!* Для выражения удивления, негодования, радости

служит ФЕ *Бог с тобой!* Чувство нежелательности выражает ФЕ *Не приведи бог!* В функции сказуемого ФЕ *слава богу* имеет значение ‘хорошо’. Эта же ФЕ в функции вводного слова приобретает значение ‘к счастью’: Так, воспитаньем, ***слава Богу***, у нас немудрено блеснуть (А.С. Пушкин).

Сопоставление ЛСВ лексемы *Бог/бог* с практикой ее узуального употребления во ФЕ обнаруживает, что в составе фразеологизмов происходит процесс десакрализации высшей сущности и увеличения спектра переносных значений интересующей нас лексемы, при помощи компонента *Бог/бог* передаются разнообразные оценки действительности.

Аналогичные явления наблюдаются в пословицах и поговорках. Так, пословица *На тебе, Боже, что мне не гоже* в современном русском языке имеет значение ‘Кто-то под видом благотворительности, доброго дела избавляется от ненужных вещей’ [Островская 2002: 201]. Первоначально это выражение в качестве обращения имело другой компонент – *небоже* ‘убогий, бедняк, нищий’. Общее значение поговорки не изменилось, и новый компонент *Боже* принимает на себя коннотацию фамильярности, панибратства. Снижение коннотативного значения наблюдается и в поговорке *До Бога высоко, до царя далеко,* используемой для констатации конкретного жизненного опыта: ‘Неоткуда ждать помощи, некому пожаловаться’ [Островская 2002: 102]. Уравнивание божественной и светской власти формирует возможность оценки качества и разумности управления, что само по себе снимает ореол неподсудности действий творца. В пословице *Чем черт не шутит, пока Бог спит* ‘Всякое может случиться, всякое бывает’ [Островская 2002: 401] также ярко проявляется прагматико-оценочное отношение к творцу, не совпадающее с почтительно-безоценочным христианским отношением.

Основой подобного преобразования является, вероятно, возможность передавать при помощи ФЕ, содержащих в своем составе лексему *Бог, Боже,* разнообразные чувства и эмоции. Так, ФЕ *Боже (ты) мой (милостивый, милосердный, праведный*) в функции междометия может выражать и восторг, и удивление, и негодование. Решительное отрицание чего-либо предполагаемого выражает ФЕ *Господи боже мой!*, а в функции междометия эта же единица может передавать восторг, удивление, огорчение и т.п. В функции сказуемого или в значении частицы другая ФЕ *Ни боже мой!* употребляется для выражения отрицания – ‘Ни за что, ни в коем случае, нисколько’ [БТС: 86].

Совершенно очевидно, что фразеологизмы как языковые единицы фиксируют наличие совершенно особого концептуального наполнения лексемы *Бог/бог*, не совпадающего полностью со значениями и основной ее коннотацией, сложившимися в ее узуальном употреблении носителями языка. Эта традиция продолжена в трансформах, обозначенных как антипословицы русского языка.

Особо продуктивной единицей, подвергшейся трансформации, стала пословица *Кто рано встает, тому Бог дает* в значении ‘Человек, который встает рано, успевает сделать больше и более удачлив в своих начинаниях’ [Островская 2002: 155]. Общим для всех трансформов является обязательное сохранение структуры сложноподчиненного местоименно-соотносительного предложения и частичная или полная замена компонентов во второй части высказы-

вания: *Кто рано встает, с тем и Бог поддает; Кто рано встает, тому и Бог дает* [Вальтер, Мокиенко 2006: 42–43] и др.

В большинстве трансформов сохраняется в общих чертах первоначальное значение пословицы, и в тех случаях, когда сохраняется компонент *Бог*, процесс десакрализации приводит к появлению оскорбительной для христианской ментальности оценки содержания возможных взаимоотношений создателя и его созданий. В одном трансформе бог предстает в образе рубахи-парня, собутыльника, которому все земное и грешное не чуждо, в другом вездесущий высший разум принимает образ гомосексуалиста, награждающего своих созданий за старания довольно сомнительными утехами.

Множеством трансформов представлена в словаре Х. Вальтера и В.М. Мокиенко и другая пословица – *На Бога надейся, а сам не плошай* в значении ‘Человек должен действовать так, чтобы рассчитывать на свои силы’ [Островская 2002: 189]. При сохранении синтаксической модели замене обычно подвергается компонент *Бог/бог* в тематической части пословицы. В рематической части компонентная замена единична: *На дебуггер надейся, а сам ошибку в системе ищи; На гороскоп надейся, а сам не плошай; На дядю надейся, а сам не плошай; На лоха надейся, да сам не плошай; На полис надейся и сам не плошай* [Вальтер, Мокиенко 2006: 43].

Семантический анализ трансформов обнаруживает, что в сознании носителей языка далеко не всегда срабатывают ментальные «ограничители», накладывающие запрет на демонстрацию откровенно фривольного отношения к божественной сущности. Само высказывание, построенное по законам разговорно-бытового стиля, уже предполагает определенную десакрализацию отношения к творцу. Поскольку в фоновом знании носителей языка всегда представлена эталонная пословица, постольку при реализации каждого трансформа возникает ситуация контекстной синонимизации божественной сущности с явлениями, «развенчивающими» высшее божество: *лох, полис, дядя* и пр.

Небольшие группы трансформов созданы на основе пословично-поговорочных выражений *Не боги горшки обжигают* и *Заставь дурака Богу молиться...* Первое используется для указания на то, что человек способен справиться с самым трудным делом (для этого не нужно обладать сверхъестественными способностями) [Островская 2002: 210]. Трансформы строятся на основе компонентной замены либо в тематической, либо в рематической части выражений: *Не йоги горшки обжигают; Не боги Интернет-книгу пишут* [Вальтер, Мокиенко 2006: 43]. В обоих примерах сохраняется безоценочное отношение к творцу, поскольку скрытое противопоставление ориентирует на отождествление темы высказываний со словами *человек, люди*. Пословица *Заставь дурака Богу молиться, он и лоб разобьет (расшибет)* характеризует бездумное, чрезмерное старание в любом деле как отрицательное. Негативное отношение к бездумному старанию сохраняют трансформы *Заставь дурака Богу молиться – он и Богу готов лоб расшибить; Научи фанатика Богу молиться, он и небоскреб расшибет* [Вальтер, Мокиенко 2006: 43]. Десакрализация творца позволяет особенно ярко выразить оценку деятельности неумного, суетного человека.

Другой трансформ (*Заставь дурака Богу молиться – а сам не плошай)*, созданный по принципу контаминации частей двух пословиц, имеет значение, не

сопоставимое по содержанию со значением исходных единиц. В нем речь идет о возможности незаконного обогащения за счет неумного человека, занятого одобряемой со стороны окружающих, но по существу бессмысленной деятельностью. Здесь лексема *Бог/бог* приобретает значение высшей сущности, общение с которой является условием успешного проведения беззаконной деятельности, а следовательно, сам процесс общения оценивается как бессмысленный. Таким образом, творец превращается в существо, мешающее бесхитростным его созданиям сохранять свое материальное благополучие.

Единичные трансформы созданы и на основе других узуальных единиц. Так, на основе пословицы *Береженого Бог бережет* в значении 'Того, кто сам осторожен, осмотрителен, судьба хранит' [Островская 2002: 23] создана антипословица *Береженого Бог бережет, а небереженого конвой стережет* [Вальтер, Мокиенко 2006: 43]. Трансформ возник в результате произвольного распространения компонентного состава пословицы с одновременным изменением ее синтаксической структуры. Эти преобразования сужают значение известной пословицы до признания осторожности и осмотрительности в осуществлении незаконной деятельности. В этом контексте лексема *Бог/бог* служит именованием хранителя ловких мошенников, опытных преступников.

Пословица *Бог (Господь) не выдаст – свинья не съест* в значении 'Не пропадем, так или иначе сумеем выкрутиться из любой ситуации' [Островская 2002: 29] контаминируется с другой – *Гром не грянет – мужик не перекрестится* (ср. *Бог (господь) не выдаст, мужик не перекрестится* [Островская 2002: 42]). Контаминация стала причиной появления нового значения: человек начинает верить в Бога только тогда, когда тот обнаруживает свои могущество и силу. В этом трансформе лексема *Бог/бог* вновь используется в основном значении 'вездесущий высший разум, управляющий миром', но при этом контекстное окружение обнаруживает отрицательное отношение носителей языка к самому способу управления миром. Ведь глагол *выдать* в данном контексте синонимизируется с глаголом *предать*.

Пословица *Человек предполагает, а Бог располагает* употребляется тогда, когда хотят сказать, что жизненные обстоятельства складываются у кого-либо не так, как он рассчитывал [Островская 2002: 397]. Аналогичное значение сохраняется в трансформе *Прогноз предполагает, а Бог располагает*, созданном способом компонентной замены. При этом лексема *Бог/бог* сохраняет основное значение, сопровождаемое сакрализованным отношением к обозначаемому.

В целом, проведенный анализ ФЕ и пословиц, а также созданных на их основе трансформов позволяет сделать следующие выводы.

1. Представленные в толковых словарях русского языка ЛСВ лексемы *Бог/бог* не в полном составе участвуют в создании семантики пословиц и ФЕ. Активно эксплуатируются два ЛСВ: восприятие бога как высшего вездесущего разума, управляющего миром, и образная характеристика предмета поклонения, восхищения.

2. Наряду с известными ЛСВ лексемы *Бог/бог* в традиционных и новых сверхсловных единицах развиваются и реализуются новые значения и коннотации, отражающие изменения в концептосфере носителей современного русского языка.

Так, в антипословицах и фразеологических трансформах Бог может выступать как источник плотских утех; как свой парень, с известными слабостями, недостатками и пороками; как простодушный и недалекий правитель, которого легко обмануть; как бесполезное существо, принципиально не влияющее на судьбу своих творений; как корыстолюбивый, предприимчивый и циничный делец, часто выступающий покровителем мошенников и преступников; как неорганизованное беспечное существо, неспособное разумно управлять миром.

3. Новые ментальные представления в целом окрашены различными оттенками отрицательной коннотации: пренебрежительной, презрительной, иронической, фамильярной, панибратской.

Анализ трансформов убедил также в том, что чрезмерная увлеченность языковой игрой, погоня за оригинальностью может нередко сопровождаться утратой чувства меры. Новая эмоционально-оценочная окрашенность становится базой для переоценки духовных ценностей, разрушающей нравственную основу концептосферы носителей русского языка.

С одной стороны, создаются яркие, образные, смешные, очень точные по сути и глубокие по смыслу высказывания. С другой стороны, носители языка нередко «заигрываются» до цинизма. Думается, что со временем в русском языке сохранятся лишь наиболее удачные творения безымянных авторов новых пословиц и других сверхсловных единиц, отражающих реалии современности.

ЛИТЕРАТУРА

БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998.

Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2006.

Кузміч В. Жгучий глагол. Словарь народной мудрости. – Люберцы: Зеленый век, 2000.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы русской речи. – М.: Рус. словари, 1997.

Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Минск: Совр. литератор, 2007.

Словарь русских пословиц и поговорок / сост. Е.С. Островская. – М.: РИПОЛ классик, 2002.

Трушкин Б. Забавные афоризмы. – Ростов-н/Д.: Феникс, 2000.

SEMANTIC CHANGE OF THE LEXEME – BOG (THE GOD) (BASED ON MODERN PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AND COLLECTIONS OF RUSSIAN PROVERBS AND ANTI-PROVERBS)

O.V. Gnevek

The word Bog (the God) manifests itself in modern Russian in five lexico-semantic variants. However, as a component of larger-than-a-word units (proverbs, fixed phrases, etc.) it mainly realizes the meaning 'the supreme or ultimate reality, a creator and ruler of the universe, infinite Mind'. Both traditional phrases and their transformed versions display

desacralization of the God as the supreme mind; the spectrum of connotations becomes much wider. In anti-proverbs and phraseological transforms the God may appear as a source of carnal pleasures, as a plain fellow, as a simple-hearted and narrow-minded ruler, as a useless creature, or as a mercenary, adventurous, cynical businessman.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ КЕ

© 2009

С.Г. Шулежкова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Крылатые единицы (КЕ) – особые языковые знаки, исследование которых с лингвистических позиций учёными-славистами длительное время воспринималось как занятие сомнительное. В этом плане относительно «повезло» крылатым словам (КС): лексикологи не обходили вниманием ставшие нарицательными имена собственные (*Отелло, Казанова, Коробочка, Плюшкин, Голгофа, Олимп* и пр.*)* и существительные типа *хлестаковщина, обломовщина.* Но однословные крылатые единицы вместе с «коннотативными собственными именами» [Отин 2006] составляют, по нашим подсчётам, лишь десятую часть фонда КЕ национального языка. Гораздо сложнее обстояли дела со сверхсловными КЕ – крылатыми выражениями (КВ): большинство фразеологов, свято уверовавших в непогрешимость «узкого понимания» объекта своего исследования, не признавали языкового статуса львиной доли КВ, которые не соответствовали меркам «идиоматичности» и «эквивалентности слову».

– *Po co badać skrzydlate siował* – задаёт себе вопрос один из известных славистов-крылатологов, профессор Опольского университета В. Хлебда и отвечает, подобно альпинисту Дж. Мэллори, которого спросили, зачем, рискуя жизнью, он покоряет Эверест: – *Bo jest* [Chlebda 2005: 39]. Отмеченные, казалось бы, несовместимыми признаками – индивидуального творчества и общественного признания, – КЕ вызывали и вызывают неподдельный интерес и у носителей языка, и у составителей словарей. Они были востребованы и остаются востребованными, ибо способны «не только значительно точнее, но и более информативно, образно <...> и – самое главное – значительно более эмоционально» [Костомаров, Верещагин 1980: 10] передать суть сложных явлений (ср. *Восток – дело тонкое*, *прорубить окно в Европу*, *идти сквозь револьверный лай, избиение младенцев, скелет в шкафу*); служить образным названием единичных, уникальных событий или явлений (ср. *хрустальная ночь, августовский путч, беловежский сговор, стена плача, ночь длинных ножей*); выполнять характеризующую функцию или сжато выражать чью-либо жизненную позицию (ср. *маленький гигант большого секса*; *мать Тереза; милый друг; ловец человеков; двух станов не боец, но только гость случайный; тварь дрожащая; белый и пушистый; вечно вчерашние; исчадие ада; без лести предан; Ребята, давайте жить дружно!; Жила бы страна родная...*); использоваться в качестве лозунгов (ср. *В единстве наша сила; Если враг не сдаётся, его уничтожают; Есть у революции начало, нет у революции*

конца; Кадры решают всё; Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами; Они не пройдут!); быть средством передачи психологического состояния, иронической оценки каких-либо чувств, подтрунивания над собственной внешностью или своими действиями (ср. *Я другого люблю, умираю, любя; Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл; Я пережил свои желанья; Аз есмь червь, а не человек; В крови горит огонь желанья; Вы сгубили меня, очи чёрные; Я пью, всё мне мало, уж пьяною стала; Я сам обманываться рад*); быть поводом для словесной игры или средством достижения комического эффекта в условиях непринуждённой коммуникации; выполнять заголовочную функцию в письменной речи или контактоустанавливающую – в устной (ср. *Молчи, грусть, молчи; Здравствуйте, я ваша тётя; Гюльчатай, открой личико!; Кто на новенького?; Мир вашему дому!; Мишка, Мишка, где твоя улыбка?; Прости, небесное созданье, что я нарушил твой покой).* КЕ могут предварять рассуждения на какую-либо злободневную тему; сигнализировать об интересном происшествии; служить аргументом в споре; играть роль творческого импульса к созданию художественного произведения малой формы и эффектно его завершать. Вместе с пословицами, поговорками, безымянными фразеологизмами они являются органической частью культурного кода нации. Благодаря КЕ в памяти носителей языка хранятся концентрированные знания о мифических или исторических персонажах, о потрясших человечество событиях; «за ними стоят тексты, принадлежащие к реальному или желанному (воображаемому) семиотическому горизонту общества» [Chlebda 2005: 31, перевод наш – *С.Ш.*].

КЕ поначалу проходили «обкатку» в лексикографических, фразеографических, паремиологических, афористических, «цитатных» изданиях, прежде чем созрели теоретические основы науки, ознаменовавшей признание КЕ в качестве языковых знаков наряду со словами и фразеологизмами. Особую роль в процессе становления славянской крылатологии сыграли специальные словари КЕ, продолжившие традиции Г. Бюхмана, автора знаменитой книги «Geflügelte Worte» [Büchmann 1864]. В этом отношении у российской лексикографии есть несомненные заслуги (ср. [Рѣдниковъ 1883], [Тимошенко 1897], [Займовский 1930], [Ашукины 1955, 1960, 1966, 1986, 1987], [Булатов 1958], [Берков 1980], [Уолш, Берков 1984], [Афонькин 1985] и др.).

Россия, как и другие страны бывшего социалистического лагеря, во 2-й половине 80-х и в 90-е гг. прошлого столетия пережила небывалый всплеск интереса к КЕ. Это проявилось не только в высочайшей активности давно известных крылатых слов и выражений, но и в появлении массы новых КЕ. Потому неудивительно, что словарный бум конца XX – начала XXI в. коснулся и КЕ. Словарная практика и стала тем горнилом, в котором вызревала на переломе XX и XXI вв. наука о крылатых единицах – *крылатология* (по терминологии Л.П. Дядечко – *эптология* [Дядечко 2002]). В силу многогранности своего объекта исследования эта наука является интегральной: она теснейшим образом связана с лексикологией, фразеологией, синтаксисом, паремиологией, стилистикой, семиотикой, психолингвистикой, текстологией, коммуникативной лингвистикой и многими другими отраслями знаний о языке (см. работы монографического характера [Шулежкова 1995, 2002], [Дядечко 2002, 2007], [Chlebda 2005] и др.). Однако достижения крылатологии, в силу её «молодости» и отсут-

ствия налаженной системы квалифицированного рецензирования словарной продукции, далеко не всегда отражаются на качестве издающихся в последние годы справочников по КЕ. И касается это, прежде всего, самой «квалификации» КЕ и принципов их описания. Главный вопрос, стоящий перед каждым составителем справочника по КЕ, – «Что же представляют собой КС и КВ, которые должны описываться в специализированных словарях?». И главное, на что должен обращать внимание исследователь КЕ, – это их значение.

Значение КЕ отличается от значения «безымянной» языковой единицы (и слова, и фразеологизма) своеобразным семантическим «довеском». Оно «отягощено», «чревато» генетической памятью об авторе, создавшем КЕ; о произведении, из которого она вычленилась, или историческом событии, послужившем основой для её возникновения. Семантический «довесок», сохранённый генетической памятью носителей языка, характерен для всех КЕ (и КС, и КВ). Вот почему справочник КЕ непременно должен содержать и сведения об их происхождении, и характеристику их значений. Структура КС роднит его с обычными «безымянными» словами, а структура КВ (сверхсловность) роднит их с фразеологизмами и, конечно же, с цитатами. Однако цитаты только в том случае становятся крылатыми, если они обретают (помимо сверхсловности и связи с источником) дополнительные дифференциальные признаки: воспроизводимость; устойчивость компонентного состава и грамматической структуры (не исключающей вариантности); стабильность, постоянство семантики, закреплённой за данным оборотом в языковом узусе. То есть КВ, сохраняя генетическую память о своём источнике, должно обладать определённым набором признаков, свойственных любой устойчивой раздельнооформленной языковой единице (фразеологизму в широком понимании этого термина). Отказ составителя придерживаться строгих критериев отбора единиц, которые он называет крылатыми, может превратить его труд в нечто аморфное, где отсутствуют границы между «именными» (крылатыми) и «безымянными» языковыми единицами (в том числе поговорками, пословицами), с одной стороны, а также между сверхсловными языковыми единицами и обычными цитатами – с другой. Так, например, в книге «Современные крылатые слова и выражения», наряду с подлинными КЕ (такими, как *двадцать два несчастья, соль земли, страна берёзового ситца* и пр.), помещено множество «безымянных» единиц (ср. *как на ладони, как с гуся вода, как от козла молока, распатронить, распустить нюни, семи пядей во лбу, седьмая вода на киселе* и т. д.) [Грушко, Медведев 2000]). В «Словаре крылатых выражений Пушкина» [Мокиенко, Сидоренко 1999] и в «Школьном словаре крылатых выражений Пушкина» [Мокиенко, Сидоренко 2005] следовало бы ожидать описания лишь сверхсловных КЕ, то есть КВ, как это заявлено в обоих заголовках. Однако на долю крылатых выражений, таких, как *А счастье было так возможно, так близко!; бездны мрачной на краю; Быть можно дельным человеком / И думать о красе ногтей; в Европу прорубить окно; Все флаги в гости будут к нам; жизни мышья беготня; Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы; Россию поднял на дыбы; Тяжела ты, шапка Мономаха!; Что день грядущий мне готовит?* и пр., здесь приходится едва ли 16% из 1900 описанных в первом издании единиц. В основном же, возглавляют словарные статьи не ставшие крылатыми, «безымянные» слова, антропонимы, топонимы (ср. *нож-*

ки, треножник, черкешенка; Алина, Альбер, Борис Годунов, Гвадалквивир и др.); обычные пушкинские цитаты (ср. «*Как! Не почитать церковь божию! Прочь, хамово племя!.. Слыхано дело <...> псари вводят собак в божию церковь! собаки бегают по церкви*» из повести *«Дубровский»; «Недаром тёмною стезёй / Я проходил пустыню мира»* из послания «Козлову» и т.д.), а также редкие однословные КЕ (ср. *Онегин, Черномор, полу-милорд*). Таким образом, собственно крылатые выражения «тонут» в обилии не относящихся к ним языковых явлений.

Решив для себя основной вопрос об объекте словаря КЕ, современный составитель обрекает себя на выполнение обязательных процедур, основанных на важнейших принципах лексикографирования КЕ, какие бы цели он перед собой ни ставил, на какого бы читателя он ни рассчитывал. Авторы первых российских собраний КЕ нередко ограничивались простым указанием на источник происхождения крылатого слова или крылатого выражения. Собственно, этот принцип был единственным «опознавателем» собраний КЕ, отличавшим их от обычных сборников пословиц и поговорок, с одной стороны, и сближавших их с афористиконами – с другой. Не случайно так выглядит абсолютное большинство словарных статей в сборнике Ил. Редникова [Рѣдников 1883] и в справочнике С.Г. Займовского [Займовский 1930] (хотя у обоих составителей встречается немало вполне корректных толкований КЕ). В таком же ключе, несмотря на значительные успехи крылатологии, продолжают нередко создаваться современные справочники, претендующие на эптологический статус. В качестве наиболее типичного образца подобного рода изданий можно назвать «Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино», в который включено 15000! «слов, афоризмов, пословиц, поговорок, цитат и запоминающихся фраз из отечественных художественных кинолент, телефильмов и сериалов» [Кожевников 2001: 2]. Такие справочники занимают промежуточное положение между словарями КЕ и собраниями популярных цитат, к лучшим из которых принадлежит неоднократно переиздававшийся труд К.В. Душенко [Душенко 1997, 2002, 2007].

Однако от справочников по крылатым единицам современный читатель вправе ожидать бóльшего. Помимо сведений об источнике КЕ, её авторстве, составитель непременно должен давать семантическую характеристику каждой единице своего собрания. В качестве работ, где эти два принципа (и только они!) соблюдены, можно назвать изданную в серии «Золотые страницы» книгу «Крылатые слова» [Хацкевич 2001], энциклопедию «Крылатые слова» [Серов 2003], краткий словарь-справочник «Давайте говорить правильно!» [Зыкова, Мокиенко 2005], «Словарь крылатых слов и выражений» [Галынский 2005] и «Толковый словарь крылатых слов и выражений» [Кирсанова 2007].

Современный книжный рынок России «наводнён» справочниками и словарями КЕ. Они отличаются друг от друга не только качеством исполнения, соблюдением или несоблюдением принципов отбора КЕ, но и целым рядом других черт. Так, по «представленности» языков их можно разделить на одноязычные, русские (их абсолютное большинство), и двух- или трёхъязычные, встречающиеся чрезвычайно редко, что вполне объяснимо. КЕ, рождённые «конкретными литературными произведениями, публицистическими статьями, устными высказываниями, кинофильмами и т.д., имеют не только неповтори-

мую авторскую форму: эта форма вербализует обычно неповторимое, индивидуальное содержание, или понятия и понятийные комплексы, появившиеся только в данном тексте, вызванные к жизни данным автором», а потому при сравнении национальных корпусов КЕ «понятийная безэквивалентность (и, что очевидно, формальная) является скорее правилом» [Chlebda 2003: 11, перевод наш – *С.Ш.*]. Но, несмотря на эти сложности, помимо русско-норвежского [Берков 1980], русско-английских ([Уолш, Берков 1984], [Котий 2004]) русско-немецкого [Афонькин 1985, 2003] и русско-англо-латинского [Альбов 2006] словарей крылатых единиц, изданных у нас в стране, сопоставительные справочники с «исходными» русскими КЕ начали появляться в ближнем и дальнем зарубежье. Так, в Армении был опубликован «Русско-армянский словарь библейских крылатых слов» [Саркисян 2001]; в Киеве увидел свет четырёхтомник «Новое в русской и украинской речи» [Дядечко 2001-2003]; в Польше вышел русско-польский словарь крылатых единиц [Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003]; сотрудники Могилёвского государственного университета издали белорусский словарь крылатых выражений, восходящих к русскоязычным источникам XII – XX столетий [Іванова 2 2006], а группа германских исследователей во главе с проф. Х. Вальтером создала русско-немецкий словарь актуальных КЕ [Arzumanova, Mogutschaja, Poljakova, Walter 2007]. Отрадно отметить, что методика описания КЕ в сопоставительных словарях совершенствуется. Если в 80-е гг. прошлого века составители обычно ограничивались указанием на источник КЕ «основного языка» и включали в словарную статью (при отсутствии равноценного эквивалента) лишь более или менее удачный перевод КЕ, то в ряде словарей 2000-х гг. уже даются образцы употребления КЕ в сравниваемых языках и отмечаются расхождения в семантике сопоставляемых единиц (см. [Дядечко 2001-2003]). Высшим достижением в теории и практике двуязычного лексикографирования КЕ следует признать работу В. Хлебды над русско-польским словарём КС и КВ [Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003], где предложена новая, глубоко продуманная методика сопоставительного описания национальных корпусов КЕ. Она предполагает учёт своеобразия менталитетов разных этносов и творческие «вкрапления» в систему КЕ языка составителя-переводчика, когда единицам первого из описываемых языков не находится в языке перевода эквивалентов.

Справочники КЕ и по составу единиц, и по принципам их описания существенно отличаются друг от друга в зависимости от того, кому они адресованы. Среди них можно выделить учебные словари, чаще всего предназначенные для школьников (ср. [Булатов 1956], [Вартаньян 2001], [Мокиенко, Сидоренко 2005], [Ушакова 2005], [Марголинская 2006] и др.); популярные, рассчитанные на широкий круг любителей русского языка (ср. [Грушко, Медведев 2000], [Серов 2003], [Галынский 2005], [Зыкова, Мокиенко 2005], [Кирсанова 2007] и др.); нацеленные на определённые социальные слои, например, на военных (ср. [Жигулёв, Кузнецов 1982], [Василевский 1999]).

Жанры и виды источников – третье основание для классификации интересующих нас лексикографических работ. Среди справочников КЕ явно лидируют те, в которых описываются КС и КВ, восходящие к Библии (ср. [Горбачёв 1991], [Николаюк 1998], [Арапов, Барботько, Мирский 1999], [Иоффе 2000], [Познин

2000], [Грановская 2003], [Райкен 2005] и др.). К лучшим из них относится принятый к печати издательством «Флинта» «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной, отличающийся не только тщательностью проработки этимологической, семантической и стилистической зон каждой словарной статьи, но и добротностью иллюстративного материала, подкреплённого культурологическими справками. В России сложилась давняя традиция описания КЕ, сформировавшихся на базе античной культуры (ср. [Рѣдниковъ 1883], [Тимошенко 1897], [Михельсон 1902-1903] и др.). Ядром корпуса античных КЕ являются КС и КВ, связанные с мифами и легендами Древней Греции и Рима, помещаемые обычно в словари латинских крылатых слов и выражений (ср. [Казаченок 1993], [Левинский, Смирнов 2003], [Цыбульник 2005], [Андреева, Занько 2006] и др.). С первой половины 1990-х гг. начинают издаваться собрания КЕ, в известном смысле противопоставленные всем предшествующим, «литературоцентристским». В них фиксируются КЕ, восходящие по преимуществу к синтетическим видам и жанрам искусства, которые потеснили в XX столетии художественную и публицистическую литературу в качестве «поставщиков» новых КЕ. Ср. 4 выпуска материалов к словарю, где сгруппированы песенные, оперные, романсные, телевизионные и пр. КВ [Шулежкова 1993-1994]; словарь КВ из области искусства [Шулежкова 2003]; словари КЕ, порождённых кинематографом ([Елистратов 1999] и [Кожевников 2001, 2004]); фразообразовательный словарь «Вокруг да около рекламы» [Дядечко 2007].

Во второй половине XX в. начал формироваться новый тип словарей –«авторских». Почва для такого «поворота» лексикографической мысли была подготовлена множеством частных исследований (ср. монографию, посвящённую поэтической фразеологии А.С. Пушкина [Григорьева, Иванова 1969]; публикации о КЕ М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова и др. русских писателей XIX в. [Гладышева 1974, 1975, 1977]; очерки «Крылатые строки русской поэзии» [Коваленко 1989] и др.). «Авторские» словари отличаются от прочих принадлежностью описываемых единиц к определённому автору: К. Марксу – [Усиков 1988], А.С. Пушкину – [Шкляревский 1999] и [Мокиенко, Сидоренко 1999, 2005], И.В. Гёте – [Александрова 2000], В.С. Высоцкому – [Зайцевы 2000], Т.Г. Шевченко – [Щербина 2001], Н.В. Гоголю – [Прозоров, 1975, 2005]. Известно, что в России готовится словарь КЕ А.С. Грибоедова, а в Украине – русско-украинский словарь КЕ Н.В. Гоголя.

Несмотря на значительные успехи в области лексикографирования КС и КВ, проблема создания филологического словаря, который бы адекватно отразил состояние фонда КЕ современного русского языка, до настоящего времени ещё не решена. И связано это с несколькими причинами. Во-первых, почти полвека после выхода в свет собрания Н.С. и М.Г. Ашукиных [Ашукины 1955] составители справочников фактически ориентировались на описанный ими корпус КЕ, то слегка расширяя его, то (чаще) сужая. Отсутствие в России подлинной охраны авторских прав привело к тому, что на книжном рынке то и дело появлялись словари и справочники КЕ сомнительного происхождения, основанные на плагиате, без всяких ссылок на источники, на авторов, плодами чьих трудов воспользовались составители. Во-вторых, поскольку спрос на подобную продукцию всегда был достаточно высоким, редакторов мало заботило

соответствие содержания публикуемых словарей современному уровню науки о КЕ. В-третьих, лексикографические работы, посвящённые КЕ-неологизмам, долгое время не находили поддержки у российских издателей. В-четвёртых, абсолютное большинство собраний КЕ создано не на основе картотек, отражающих функционирование КС и КВ, а на основе ранее изданных справочников и словарей, а потому словарные статьи, как правило, не содержат иллюстративной зоны, которая могла бы подтвердить справедливость семантической характеристики, если таковая в справочнике приведена, или углубить её.

Попытка создания современного подлинно филологического справочника КЕ была предпринята группой учёных в ходе подготовки 2-го издания «Большого словаря крылатых слов и выражений русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008-2009]. В новой версии Словаря у многих КЕ, описанных ранее, были уточнены источниковедческие данные, на 70% обновлены иллюстрации в словарных статьях, скорректированы семантическая и стилистическая зоны большинства КС и КВ. Материалы почти 300-тысячной картотеки, пополнявшейся все последние годы, позволили установить, что многие давно известные КЕ выступают сегодня в новых значениях. Они трансформируются, становятся основой для фразеологических серий, звучат в непривычных стилистических регистрах, а хранившиеся в пассивном запасе пласты КЕ «оживают» и начинают активно использоваться в публицистике, в художественных произведениях разных жанров, в живой разговорной речи. Составители провели серьёзную работу по расширению индекса описываемых единиц. В результате он увеличился более чем на 26%, и количество проанализированных КЕ выросло почти до 5000. Обновление корпуса Словаря произошло за счёт привлечения единиц, рождённых не в последнюю очередь синтетическими видами и жанрами искусства. Ср., например, песенные КВ: *Каким ты был, таким ты и остался; Вот и встретились два одиночества; Отряд не заметил потери бойца; бросить в набежавшую волну;* романсные – *клён ты мой опавший; Отцвели уж давно хризантемы в саду; Он был титулярный советник, она – генеральская дочь* и пр. Значительное место среди «добавленных» единиц занимают КВ, которые восходят к кинофильмам (*основной инстинкт; Восток – дело тонкое [, Петруха]; В бой идут одни старики; За державу обидно; Комсомолка, спортсменка [, наконец, просто] красавица* и пр.); к названиям телепередач (*в мире животных, голубой огонёк* и др.), к рекламе (*Ваша киска купила бы «Вискас», А что это у нас граф Суворов ничего не ест?, И толстый-толстый слой шоколада* и пр.). Корпус описанных КЕ расширился за счёт высказываний государственных и политических лидеров России (ср. *мочить в сортире; Хотели как лучше, а получилось как всегда; Лягу на рельсы, если..; Есть человек – есть проблема, нет человека – нет проблемы* и пр.); за счёт единиц, рождённых в связи с различными общественно-политическими событиями в мире вообще и в России в частности (ср. *бархатная революция, белые колготки, большая восьмёрка, оранжевая революция* и пр.).

Задуманное «косметическое редактирование» обернулось глубокой переработкой первоначального текста Словаря. От известных отечественных изданий энциклопедического характера, посвящённых КЕ, Словарь существенно отличается не только внушительным объёмом проанализированных КС и КВ, но и

последовательно выдержанным принципом иллюстрирования каждой КЕ примерами её употребления. Кроме того, составители сопроводили каждую словарную статью справкой, которая в хронологическом порядке отражает историю её фиксации. В список книг, ссылки на которые сделаны в Словаре, естественно, вошли не все справочные издания по КЕ (это неизбежно повлекло бы за собой неоправданное увеличение объёма Словаря), а лишь те, которые являются наиболее значимыми и с точки зрения содержания, и с точки зрения реального вклада составителей в историю лексикографирования КЕ. В результате читатель увидит существенно отличающийся от издания 2000 г. двухтомный лексикографический труд. Разумеется, «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» не лишён недостатков. Однако путь, намеченный им, заслуживает внимания славистов.

Фонд КЕ национального языка может стать источником вдохновения для лингвиста-лексикографа, какие бы грани КС или КВ его ни интересовали. Но к числу первоочередных проблем, стоящих перед крылатологами, следует отнести создание филологического словаря КЕ энциклопедического типа. Эквивалентом подобному словарю должна стать его мультимедийная версия с многовекторными справочными указателями. Реализация такого масштабного проекта вряд ли возможна без качественно выполненного библиографического указателя по крылатологии, который бы позволил не только обобщить все достижения славянской «крылатографии», но и сконцентрировать усилия учёных на нерешённых вопросах этой новой отрасли знаний.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Т.С. Из Гёте. Крылатые слова. Цитаты. – М.: Аграф, 2000.

Альбов А.С. Русско-англо-латинский словарь крылатых слов и выражений. – М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006.

Андреева Л.А., Занько Ф.С. Русский литературный язык. Античные и библейские слова и выражения: словарь / М-во образ. и науки РФ, Татарский гос. гуманитар.-пед. ун-т: – Казань: Изд-во ТГГПУ, 2006.

Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. – М.; Лейпциг: Рус. яз.: Verlag Enzyklopedie, 1985; 2-е изд. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2003.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Госполитиздат, 1955; 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960; 3-е изд. – М.: Худож. лит., 1966; изд-во под ред. В.В. Вомперского. – М.: Правда, 1986; 4-е изд., доп. – М.: Худож. лит., 1987.

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов: 2500 ед. – М.: Рус. яз., 1982; 2-е изд. – М.: Рус. яз., 2003.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. – М.: Изд-во «Русские словари», ООО Изд-во «Астрель», ООО Изд-во «АСТ», 2000.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: около 5000 единиц: в 2-х т. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008-2009.

Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1980.

Библейская цитата: словарь-справочник / сост. М.В. Арапов, Л.М. Барботько, Э.М. Мирский. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Булатов М.А. Крылатые слова. – М.: Детгиз, 1958.

Вартаньян Э.А. Словарь крылатых слов и выражений. – М.: Рус. слово, 2001.

Василевский А.А. Крылатые слова, изречения и мысли о военном деле: словарь-справочник. – М.: Консалтбанкир, 1999.

Галынский М.С. Словарь крылатых слов и выражений. – М.: РИПОЛ классик, 2005.

Гладышева Л.А. Вечно живое слово Щедрина // РЯШ. – 1975. – №6. – С. 71-75.

Гладышева Л.А. Крылатые слова М.Ю. Лермонтова // РЯШ. – 1974. – № 5. – С.3-8.

Гладышева Л.А. Образы Гоголя на газетных страницах // РЯШ. – 1977. – №2. – С. 77-81.

Гладышева Л.А. Пушкинские строки в языке современности // РЯШ. – 1974. – №3. – С.3-12.

Горбачёв Н.А. Библейские афоризмы. – Саратов: Поволжское кн. изд-во, 1991.

Грановская Л.М. Словарь имён и крылатых выражений из Библии: Ок. 400 имён; Более 300 крылатых выражений. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003.

Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина / отв. ред. В.Д. Левин. – М.: Наука, 1969.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Современные крылатые слова и выражения. – М.: Рольф, 2000. – (Энциклопедии).

Душенко К.В. Словарь современных цитат. – М.: Аграф, 1997; 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЭКСМО, 2002.

Дядечко Л.П. Вокруг да около рекламы: фразообразовательный словарь. – Киев: Аванпост-Прим, 2007.

Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность. – Киев: ИПЦ «Київський університет», 2002.

Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология: учеб. пособие. – Киев: Аванпост-Прим, 2006; 2-е изд. – Киев: Аванпост-Прим, 2007.

Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие: в 4 ч. – Киев: Вид. дім «Комп'ютерпрес», 2001–2003.

Жигулёв А.М., Кузнецов Н.М. Слово в строю. Крылатые слова, образные выражения. – М.: Воениздат, 1982.

Займовский С.Г. Крылатые слова: справочник цитаты и афоризма. – М.; Л.: Госиздат, 1930.

Зайцевы Т. и С. Высоцкий В.С. (1938-1980). «Золотые мои россыпи...»: строки, ставшие крылатыми. – М.: Вагант-Москва, 2000.

Иоффе Г.А. Словарь библейских крылатых слов и выражений. – СПб.: Петербург-XXI век, 2000.

Казаченок Т.Г. Крылатые латинские изречения: тематический сб. – Минск: Вышэйшая шк., 1993.

Кирсанова А. Толковый словарь крылатых слов и выражений. – М.: Мартин, 2007.

Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика: высказывания видных политических, государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады: англо-рус. справочик-пособие. – М.: Р. Валент, 2004.

Коваленко С.А. Крылатые строки русской поэзии: очерки истории. – М.: Современник, 1989.

Кожевников А.Ю. Крылатые фразы отечественного кино. – СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Крылатые слова / отв. за вып. Ю.Г. Хацкевич. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – (Золотые страницы).

Костомаров В.Г. О пословицах, поговорках и крылатых выражениях в лингвострановедческом учебном словаре // В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1980. – С.3-17.

Котий Г.А. Русско-английский словарь крылатых слов и выражений / под ред. А.С. Дробашенко. – М.: Флинта: Наука, 2004.

Крылатыя выразы ў беларускай мове: тлумачальны слоўнік / аўт.-склад. С.В. Венілзіктаў, І.Л. Даніленка, С.Ф. Іванова І інш.; пад рэд. С.Ф. Івановай. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004 – 2006. – Ч. 1-2.

Левинский В., Смирнов И. Словарь латинских крылатых слов и выражений: рус.-лат. и лат.-рус. – М.: ТЕРРА-Кн. клуб, 2003.

Марголинская Е.Е. Школьный словарик крылатых слов русского языка. – Гарболово: Изд. Дом А. Громова. – М.: Вахмурка, 2006.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – СПб.: Тип. Акад. наук, 1902-1903. См. также стер. изд. этой кн., осуществлённое изд. центром «ТЕРРА» в 1994 г., и изд. с коммент. В.М. Мокиенко, предпринятое изд-вом «Рус. словари» в 1994 г.

Николаюк Н.Г. Библейское слово в нашей речи: Словарь-справочник. – СПб.: ООО «Светлячок», 1998.

Овсянников В.З. Литературная речь: толковый словарь современной общелитературной фразеологии. – М.: Молодая гвардия, 1933.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имён. – М.: ООО «А Темп», 2006.

Познин В. Чаша библейской мудрости: крылатые слова из Ветхого и Нового Завета. – Ростов н/Д: Феникс, 2000.

Прозоров В.В. Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя: словарь-справочник любителям русского слова. – Саратов: Саратовтелефильм-Добродея, 2005.

Райкен Л. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III; ред.-конс. К. Дюриес, Д. Пенни, Д. Рейд; пер. Б.А. Скороходова, О.А. Рыбаковой. – СПб.: Библия для всех, 2005.

Рѣдниковъ Ил. Сборникъ замѣчательныхъ изреченій, цитатъ, поговорокъ и т.п. различныхъ временъ и народовъ съ историческимъ и сравнительнымъ объясненіемъ. – Вятка: Тип. Куклина, 1883.

Саркисян А.Г. Русско-армянский словарь библейских крылатых слов / Ереван. гос. ун-т, фак. богословия, фак. рус. филологии; Рос.-армян. (славян.) гос. ун-т. – Тула: Гриф и К, 2001.

Серов В.В. Крылатые слова: Энциклопедия. – М.: Локид-Пресс, 2003.

Тимошенко И.Е. Литературные первоисточники и прототипы трёхсот русских пословиц и поговорок. – Киев: Тип. П. Барского, 1897.

Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1984.

Усиков Р.А. Маркс К. Крылатые мысли Карла Маркса из произведений и писем. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.

Ушакова О.Д. Афоризмы и крылатые выражения: справочник школьника. – СПб.: ИД «Литера», 2005.

Цыбульник Ю.С. Крылатые латинские выражения. – М.: АСТ «Харьков»: Фолио, 2005.

Шкляревский И. Пушкин А.С. (1799-1837). Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина. – М.: Воскресенье, 1999.

Щербина В. Євангеліє українців, або Крилаті вислови «Кобзаря». – Киев: Вид-во ім. Олени Теліги, 2001.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из области искусства: Материалы к словарю. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ; Челябинск: Факел, 1993–1994. – Вып. 1-4.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие: монография / С. Г. Шулежкова. – Челябинск: Факел, 1995; 2-е изд. – М.: Азбуковник, 2002.

Arzumanova K. Russisch-Deutches Wörterbuch aktueller geflügelter Worte / K. Arzumanova, L. Mogutschaja, M. Poljakova, H. Walter. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-universität, 2007.

Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz der deutschen Volkes. – Berlin: Haude und Spener, 1864; 2-е изд. – Berlin: Haude und Spener, 1866.

Chlebda W. Male wprowadzenie do skrzydlatologii ogólnej i stosowanej, a do ninejszego słownika w szczególności // W. Chlebda, W.M. Mokijenko, S.G. Szuleżkowa. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. – S.7-28.

Chlebda W, Mokijenko W.M., Szuleżkowa S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003.

Chlebda W. Szkice o skrzydlatych słowach: interpretacje lingwistyczne. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2005.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF POPULAR PHRASES (WINGED WORDS): PROBLEMS AND PROSPECTS

S.G. Shulezhkova

The author writes that krylatologiya (popular phrases and quotations theory) owes its origin to lexicography. However, its achievements do not always help to improve the quality of published dictionaries and seldom, if ever, affect the quality of published reference books because of the “youth” of the theory itself, on the one hand, and for the lack of a well-developed system of qualified critical-reviewing of dictionary publishing in Russia, on the other. Having defined selection principles and winged-phrase treatment in various dictionaries (including academic philological dictionaries), the author offers her own line of attack on winged unit urgent problems and outlines prospects of lexicographic processing of popular phrases.

© 2009

Х. Вальтер

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
(из опыта немецко-русского словаря библеизмов)

При обилии и многообразии одноязычных справочников по немецким и русским библейским словам и выражениям в европейской лексикографии пока практически отсутствуют двуязычные и многоязычные словари такого жанра. Единственным исключением в германо-русской лексикографии остаются два небольших, но полезных словаря: «Опыт краткого немецко-русского – русско-немецкого словаря» Т.С. Александровой [Александрова 1996] и «Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений» Н.Л. Адамия [Адамия 2004].

Предлагаемый «Немецко-русский словарь библеизмов» ставит иную цель – раскрыть максимально полно историю устоявшихся библейских слов и выражений в немецком языке в широком сопоставлении с русским на фоне других европейских (особенно славянских) языков. Библеизмы здесь описываются не только как языковые единицы, но и как аккумуляторы культурных коннотаций, наложивших глубокий отпечаток на духовную жизнь немецкого и русского народов. Словарные статьи показывают не только немалую культурную общность немецкого и русского языков в этой значимой общехристианской концептосфере, но демонстрируют и существенные формальные (resp. структурные) и семантические расхождения, вызванные как собственно конфессиональными различиями, так и различными традициями перевода Священного писания в Германии и России. Особое внимание составители уделяют так называемым «лакунам» – немецким библеизмам, которые отсутствуют в русском языке, несмотря на общность сакрального текста, из которого они вырастают.

Для сопоставления немецкого и русского корпуса библеизмов очень важны обстоятельства и результаты переводческой деятельности Мартина Лютера. Его перевод, как известно, был целенаправленно демократичным, Лютер ориентировался на народные источники, включая как народную, так и античную фразеологию и паремиологию. Именно народная основа перевода для читателей немецкой Библии создавала и создаёт достаточно прозрачный интертекстуальный фон. Поэтому большинство фрагментов Библии немецкому читателю вполне понятны, так же, как понятны и многие терминологические и полутерминологические слои лексики, используемые Лютером в переводе. Так, наименования денежных единиц в древней Иудее, названия растений и животных, реалии церковного богослужения и быта и т.д. Лютер целенаправленно передавал актуальными для его времени словами и выражениями. Русский же синодальный перевод Библии, появившийся лишь в конце XIX в., усиленно держался не только духа, но и буквы греческого оригинала. Поэтому русскому читателю многие подобные слова и обороты этимологически и культурологически

непонятны; – ср. *лепта, сребреник, крин, сикомора, смоковница, скиния, ковчег завета* и т.п. [Walter 2008: 428]. Они во многом создают у русских верующих и др. читателей Библии впечатление таинственности, «боговдохновенности» церковного текста. Эти существенные различия языковой канвы немецкого и русского сакральных текстов и отражаются на составе и функционировании библеизмов в обоих языках. В русском языке многие библеизмы, особенно церковнославянского происхождения, маркированы и формально, и семантически, и стилистически книжным фоном. Для немецких библеизмов, конечно же, такой фон тоже ощутим, однако он чаще просвечивает в содержании, чем в языковой форме. Более того, поскольку перевод Мартина Лютера ориентировался на народную речь, то многие немецкие библеизмы имеют «добиблейскую» языковую основу. Таким образом, Библия, с одной стороны, была источником книжности, посредником и источником просвещения, с другой стороны, слушая проповеди, повторяя молитвы, усваивая текст Библии в чтении и комментариях священников, немецкие верующие ещё со времён их недостаточной грамотности одновременно впитывали в себя и живые, созвучные им народные языковые элементы, метафорику и прозрачные образы. В какой-то мере «демократизацию» немецкого языка, инициируемую Мартином Лютером в Германии в 16 веке, можно сравнить с «демократизацией» русской языковой системы, осуществленной Пушкиным.

Словник нашего справочника формировался в основном из библейской фразеологии в широком смысле слова. Под *библеизмами* понимаются фразеологические и афористические единицы разного типа, вошедшие в немецкий и русский языки из Библии или возникшие на её основе, напр.: *das A und O, das A und das O – Альфа и омега [чего]; ein Buch mit sieben Siegeln – книга за семью печатями; Des vielen Büchermachens ist kein Ende – книгам несть числа; Erster unter Gleichen – первый среди равных, первый между равными; Bileams (Balaams, Walaams) Eselin, Bileams (Balaams, Walaams) störrischer Esel – Валаамова ослица; Schwerter zu Pflugscharen! – перековать мечи на орала; den Splitter im fremden Auge, aber den Balken im eigenen nicht sehen – в чужом глазу сучок видеть [, а в своём бревна не замечать] у кого* и мн. др.

Как видно из приведённых примеров, большинство библеизмов представляет собой достаточно точно воспроизведённые афоризмы или словосочетания из текстов Священного писания. Такие языковые единицы можно назвать **прямыми библеизмами**. Часть общего корпуса библеизмов в европейских языках тем не менее образована не с помощью прямого воспроизводства соответствующего афоризма или фразы, а является результатом комбинации слов, образов или сюжетов из Библии. В ряду таких оборотов встречаются различные структурные и семантические образования. Так, выражение *langer Laban* представляет собой слияние библейских аллюзий с переосмысленными в народноэтимологическом ключе славянскими экспрессивными лексемами; такие устойчивые сравнения, как *wie Lots Weib, arm wie Hiob,* в качестве устойчивых компаративов, подобных оборотам *wie Sand am Meer, wie Spreu im Winde,* в самой Библии не встречаются, а образованы позднее на основе соответствующих сюжетов; не встречаются в самой Библии такие шутливые обороты, как *im Adamskostüm (Evaskostüm) gehen – в костюме Адама* и *Евы. von Pontius zu Pilatus schicken – по-*

сылать кого-л. от Понтия к Пилату. Такие афоризмы и выражения мы называем **косвенными библеизмами.** Аргументом в пользу их включения в наш словарь является их тесная связь с библейским текстом и возможность комментироования их внутренней формы именно на этой основе. Разумеется, между этими двумя типами библеизмов есть и некая «переходная зона», делающая границы между ними в некоторой степени условными.

Основной трудностью употребления подобных библеизмов является неточное или ошибочное знание их первоисточника, а также неверное воспроизведение их формы и содержания. Эта трудность особенно рельефно обнаруживается в зеркале сопоставления немецкого и русского корпуса библеизмов.

В этом – основная специфика и основная трудность современного литературного употребления слов и выражений библейского происхождения. Многие пишущие и говорящие не могут точно идентифицировать источник таких языковых единиц, поскольку их библейский фон уже забыт, что разрушает или искажает историческую и культурологическую информацию, которая аккумулирована в них. На историко-этимологическую интерпретацию выражений такого рода в нашем словаре обращается особое внимание. Таковы, например, немецкие обороты *jmdm. steht (reicht) das Wasser bis zum (bis an den) Hals; jmd. hat das Wasser bis zum Hals(e) stehen (реже: bis an die Kehle; bis zur Kehle)* ‘кто-л. в отчаянном положении; чьё-л. положение, состояние, чьи-л. дела очень плохи (становятся критическими); о человеке или фирме, которые находятся в очень сложной, критической ситуации; ситуация поджимает кого-л’; *Ohne Ansehen der Person (seine Meinung, Kritik äußern)* ‘откровенно, объективно и нелицеприятно критиковать кого-л. (часто в отношении к начальству); *ein Auge auf jmdn. (etw.) werfen (richten, haben)* ‘обратить внимание на что-л., кого-л.; присмотреть себе кого-л., что-л’; *Black is beautiful* (лозунг 1960-х гг., направленный против господствующего «белого» идеала красоты, ‘о красивой темнокожей, смуглой или загорелой девушке’, ‘о предмете чёрного цвета’); *Unrecht Gut gedeihet nicht, Unrecht Gut tut selten gut* ‘Неправедное имущество хорошо не растёт’, *seinen Mund nicht auftun (aufmachen)* ‘молчать, когда следовало бы говорить о чём-л.; не пытаться выразить свое мнение, недовольство и т.п’; *jmdm. reinen (реже: klaren) Wein einschenken (auftischen, vorsetzen),* ‘говорить/сказать кому-л. всю правду даже тогда, когда она оказывается неприятной’; *Es geschieht nichts (Es gibt nichts) Neues unter der Sonne* ‘Всё в жизни повторяется; всё мире повторяется: в любом явлении, событии, действии можно отыскать черты уже происходившего прежде’; *auf Sand bauen; auf Sand gebaut haben* ‘полагаться на что-л. крайне ненадёжное; о том, что не подкреплено фактами, данными и т.п.; в своих планах, рассуждениях опираться на недостаточно надёжные и проверенные данные; основывать что-л. на очень шатких, ненадёжных данных и т.п’; *eher geht ein Kamel durch ein Nadelöhr,* ‘о чём-либо трудновыполнимом или о полной невозможности достижения какой-либо цели’ и др. Разумеется, степень забвения библейского фона у носителей немецкого языка зависит как от уровня их теологической осведомлённости, так и от образности и частотности соответствующих единиц. Так, два последних выражения – *eher geht ein Kamel durch ein Nadelöhr, Es geschieht nichts (Es gibt nichts) Neues unter der Sonne или auf Sand bauen* всё-таки достаточно часто ассоциативно сопрягаются говорящими с текстом Библии.

Такие же обороты, как *ein Auge auf jmdn. (etw.) werfen (richten, haben, seinen Mund nicht auftun (aufmachen) или jmdm. steht (reicht) das Wasser bis zum (bis an den) Hals* воспринимаются большинством носителей языка как разговорные, собственно немецкие уже потому, что их исходный образ предельно прозрачен. А «лозунговые» выражения типа *Black is beautiful* оцениваются (и, нужно сказать, во многом справедливо) как свежие заимствования – англицизмы. Наш комментарий предлагает читателю точную «привязку» таких фразеологизмов к Книге книг.

Вторым распространенным типом ошибочного употребления библейских крылатых слов и выражений является искажение их формы и содержания. Так, в современной немецкой речи выражение *aus seinem Herzen keine Mördergrube machen* 'ничего не утаивать (не скрывать); быть откровенным, не скрывать своего истинного мнения; рассказывать о себе не хуже, чем на самом деле' воспринимается говорящими уже в полном отрыве от библейского первоисточника. Выражение известно с начала XVIII в. В отличие от большинства фразеологизмов с компонентом *Herz*, которые прозрачны по исходному образу, это выражение непонятно уже потому, что слово *Mördergrube* давно уже вышло из употребления и существует только в составе нашего фразеологизма. Архаичность его объясняется именно его библейским происхождением, поскольку оно встречается уже в Ветхом завете: *Haltet ihr denn dieses Haus, das nach meinem Namen genannt ist, für eine Mördergrube* (Jeremias 7: 11). Слово *Mördergrube* входит в состав известного афоризма Иисуса Христа, который говорит книжникам и фарисеям, находясь в храме: *Mein Haus soll ein Bethaus sein; ihr habt daraus eine Mördergrube gemacht* (Matthäus 21: 13). Смысл слова и всей фразы проясняется при сопоставлении немецкого текста с переводами на другие европейские языки. Русский синодальный текст во многом является воспроизведением церковнославянского: *И учил их, говоря: не написано ли: дом Мой домом молитвы наречется для всех народов? А вы сделали его вертепом разбойников*. Слово *вертеп* в сочетании *вертеп разбойников* также является архаизмом и имеет значение 'притон, место, дом, где собираются с преступными или другими неблаговидными целями'. Более конкретно передано значение нем. *Mördergrube* и рус. *вертеп* в других европейских переводах Библии. Так, в английском и французском языках соответствующее слово передаётся обозначениями пещеры: *My house shall be called of all nations the house of prayer? But ye have made it a den of thieves,* франц.: *Ma maison sera appelée une maison de priure pour toutes les nations? Mais vous, vous en avez fait une caverne de voleurs.* Следовательно, *Mördergrube* в исходном тексте обозначает пещеру, логово, где скрываются разбойники. Тем самым раскрывается переносное значение немецкого оборота – 'не делать из сердца логово для преступников, прячущихся от честных людей, т.е. быть абсолютно открытым и искренним'.

Разумеется, далеко не всегда исконные формы и значения библейских крылатых слов и выражений являются затемнёнными. Многие из описанных в словаре оборотов и афоризмов прозрачны по содержанию и тем самым отражают древнюю мудрость и метафорику Книги книг, напр.: *mit reinem Herzen,* 'искренне, с полной откровенностью, доверчивостью, с добрыми намерениями, без злого умысла', – *с чистым сердцем; auf Sand bauen; auf Sand gebaut haben*, 'полагаться на что-л. крайне ненадёжное; о том, что не подкреплено фактами,

данными и т.п.; в своих планах, рассуждениях опираться на недостаточно надёжные и проверенные данные; основывать что-л. на очень шатких, ненадёжных данных и т.п.' – *строить/построить что на песке, быть построенным на песке; Alles (Jegliches, jedes Ding) zu seiner Zeit* 'Не следует торопить события, надо уметь терпеливо ждать' – *Всему своё время [и время всякой вещи под небом].* Немало, правда, в немецком и русском корпусе и таких библеизмов, которые, как и любые языковые единицы, порождают динамические изменения формы, не отражающиеся на их основном содержании. Так, например, выражение *die Zunge klebt am Gaumen; jmdm. klebt die Zunge am Gaumen* 'о большой жажде; кому-л. очень хочется пить' в немецком языке прозрачно и звучит современно, в то время как его русский эквивалент *у кого язык прильпе к гортани от жажды* консервирует в себе архаичные (церковнославянские) формы глагола, которые теперь передаются актуальными синонимами *прилип* или *присох,* а пословица *Der Prophet gilt nichts in seinem Vaterland – Несть пророка в отечестве своём* 'Заслуги своих близких, коллег, соотечественников люди часто не ценят, отдавая предпочтение авторитетам со стороны' в современном русском языке приобрела форму *Нет пророка в своём отечестве* [Мокиенко 2007].

Определённое отклонение библейских по происхождению слов и выражений от формы и смысла первоисточника во многом обусловлено их варьированием в литературном языке и разговорной речи, где они могут отклоняться от его «буквы», сохраняя при этом первородный библейский дух. Такие варианты нельзя считать «неправильными», поскольку они, как и варианты крылатых слов и выражений вообще, – лишь свидетельство динамики языковой системы, её постоянной эволюции. В ракурсе межъязыкового сопоставления такая динамика оставляет значимый след в виде так называемых «ложных друзей переводчика» – формально идентичных, но семантически расходящихся библеизмов. На эти случаи в нашем словаре также обращается особое внимание в виде «предостерегающих» комментариев. См: *ein Buch mit sieben Siegeln – книга за семью печатями* и европейские параллели – пол. *księga zamknięta na siedem pieczęci,* англ. *a book of seven seals, a sealed book, фр. un livre scellé de sept sceaux,* нидерл. *voor iemand een gesloten boek zijn* и др.; *Einer trage des andern Last – Носите бремена друг друга; die Zunge klebt am Gaumen, jmdm. klebt die Zunge am Gaumen – у кого язык прилип (прильпе, присох) к гортани от жажды; Wer's glaubt, wird selig – Блажен, кто верует; Блажен, кто верует, тепло тому на свете; ein Prediger (Rufer) in der Wüste – глас вопиющего в пустыне* и др. В таких межъязыковых соответствиях (а точнее – несоответствиях) обнаруживаются семантические, формальные, стилистические и другие несовпадения, несмотря на их заведомо общий источник. Немало и таких параллелей, у которых налицо большой перепад в употребительности. Типичный случай – высокая частотность в русском литературном языке и в интернете выражения *Валаамова ослица* и почти полная частотная периферийность немецкого *Bileams (Balaams, Walaams) Eselin.*

Фронтальное лексикографическое сопоставление немецких и русских библеизмов позволяет выявить практически все случаи межъязыковых отношений, давно вскрытых теоретиками и практиками перевода и на фразеологическом материале хорошо описанных как германистами [Райхштейн 1980], так и русистами [Eckert, Günther 1992].

Таким образом, предлагаемый читателю словарь ориентирован на такие параметры описания немецких библеизмов, которые демонстрируют мощный культурологический потенциал мудрых и образных выражений из Книги книг. Конечно, полностью исчерпать этот потенциал невозможно уже потому, что, как гласит сама Библия, *Des vielen Büchermachens ist kein Ende – Составлять много книг – конца не будет, и много читать – утомительно для тела; Выслушаем сущность всего: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом всё для человека*. (Эккл. 12: 12-13).

В своём небольшом словаре мы попытались описать лишь малую частичку того богатства, которое бережно сохранено немецким языком и проверено на прочность Временем.

ЛИТЕРАТУРА

Адамия Н.Л. Русско-англо-немецкий словарь пословиц, поговорок, крылатых слов и библейских изречений. – М.: Флинта: Наука, 2005.

Александрова Т.С. В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецко-русского словаря (с приложением текстов для чтения). – М.: Русские словари, 1996.

Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Словарь библейских крылатых выражений. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2007.

Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецко-русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1980.

Eckert Rainer, Günther Kurt. Die Phraseologie der russischen Sprache. – Leipzig; Berlin; München [u.a.]: Langenscheidt-Verlag Enzyklopädie, 1992.

Walter H. „Vergessenes Geld“ in deutschen Phraseologismen (über Scherflein, Deut, Obolus und andere alte Münzen mit ihren slawischen Äquivalenten) // A. Nagorko, S. Heyl, E. Graf (Hrsg.). Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow. 1. Aufl., Peter Lang. Berlin, Bern, Oxford, New York, 2008. – S. 427-440.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF BIBLICAL PHRASEOLOGY (BASED ON THE GERMAN-RUSSIAN DICTIONARY OF BIBLICAL EXPRESSIONS)

H. Valter

Full-scale lexicographic analysis of German and Russian biblical expressions makes it possible to reveal practically all cases of inter-linguistic relations. Thus, many biblical expressions reflect typical for both German and Slavic languages retrospective correlation. Other expressions display “pseudo-identity” or lacuna of corresponding German and Slavic parallels.

© 2009

Л.П. Дядечко, О.В. Петренко, Ю.Ф. Прадед

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ РУССКО-УКРАИНСКОГО И УКРАИНСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ КРЫЛАТЫХ ИМЕН И ВЫРАЖЕНИЙ Н.В. ГОГОЛЯ

Подготовка к изданию русско-украинского и украинско-русского словаря крылатых имен и выражений Н.В. Гоголя приурочена к знаменательной дате – 200-летию со дня рождения писателя, которому русский и украинский народы отдают дань уважения, вполне естественно, более глубокого, чем остальное человечество. Тем не менее инициирование этого лексикографического предприятия имеет и объективные основания. На фоне, с одной стороны, активно развивающегося в современной славистике жанра переводных словарей крылатых слов, а с другой – актуальных сегодня изданий русско-украинских и украинско-русских словарей разнообразных типов отсутствие соответствующего переводного словаря крылатых слов особенно ощутимо. Для составителей, к тому же, было очевидно, что восполнение лакун в этом направлении словарного дела начинать надо с оборотов автора, существенно пополнившего лексический и фразеологический составы русского и украинского языков и хорошо известного обоим восточнославянским народам. И всем этим требованиям отвечает именно Н.В. Гоголь. Более того, когда составители посмотрели под таким углом зрения на вклад конкретных авторов в расширение современного лексико-фразеологического фонда обоих языков, то оказалось, что гоголевские сочинения лидируют по количеству возникших на их базе крылатых единиц: в русском языке среди произведений классиков-прозаиков, а в украинском – среди текстов иноязычных авторов.

Богатое лексико-фразеологическое наследие, доставшееся от Н.В. Гоголя носителям обоих восточнославянских языков, не остается постоянным. В 2005 г. был выпущен в свет справочник В.В. Прозорова, специально посвященный описанию крылатых слов и выражений из сочинений Н.В. Гоголя,который подтверждает это: автор фиксирует более 60 новых с точки зрения «презумпции новизны» оборотов писателя (правда, часть из них признается лишь потенциально крылатыми).

Пересмотр состава восходящих к гоголевским текстам крылатых единиц в украинском языке фактически не осуществлялся с 1975 года, когда была опубликована книга А.П. Коваль и В.В. Коптилова «Крилаті вислови в українській літературній мові», где зафиксирован 21 «гоголизм».

Поэтому, наряду с решением непосредственных задач переводного словаря, цель настоящего издания – показать реальный вклад Н.В. Гоголя в лексику и фразеологию современных русского и украинского языков в соответствии с требованиями, которые предъявляются к лингвистической справочной литературе сегодня.

Одно из таких жестких требований – единство подхода в отборе и описании единиц.

Уже на этапе формирования словника оказалось невозможным простое сведение описанных в существующих словарях крылатых слов и не зафиксированных гоголевских оборотов ввиду разночтения самого понятия, давшего название лексикографическому жанру.

Согласно определению зачинателя этого словарного направления Г. Бюхмана, к крылатым словам, во-первых, могут быть отнесены «выражения и имена родного и иностранного языка», во-вторых, те из них, которые регулярно воспроизводятся соотечественниками, в-третьих, имена и выражения, исторический или литературный источник которых известен (доказуем) [Büchmann 1905: XXVI].

Каждый из трех выделенных Г. Бюхманом признаков в разной мере учитывался и по-своему понимался последователями, работавшими в жанре словарей крылатых слов: 1) родовое название «крылатые слова» позволяло включать в их состав не только выражения – сочетания слов, законченные высказывания, но и отдельные слова, причем не только имена собственные, как это указано в приведенном определении, но и нарицательные; 2) степень регулярности воспроизведения крылатых слов в речи не оговаривалась. Косвенно о ней можно судить по примерам, которые, однако, отсутствуют в большинстве словарей крылатых слов. Поэтому наряду с широко распространенными оборотами в издания попадали и выражения с индексом цитирования, не превышающим 1–2, т.е. случайные цитаты-реминисценции, которые вряд ли стоит квалифицировать как общеязыковые единицы; 3) известность и доказуемость источника небезосновательно – исходя из формулировки Г. Бюхмана – уравнивались, поэтому оказывался необязательным признак сохранения оборотом ассоциативной связи с первичным контекстом, да и сам источник трактовался очень широко. Нередко под ним понимались просто знания носителей языка о повседневной жизни и поведении человека, животных, о бытовавших или бытующих в народе приметах, обычаях и т.п., сохраняемые, как правило, внутренней формой многих фразеологизмов, отдельных образных слов.

Развитие фразеологии как особой научной дисциплины привело к четкому разграничению, с одной стороны, отдельных слов, с другой – устойчивых сочетаний слов, а среди этих последних – к выделению в самостоятельную группу крылатых выражений, противопоставленную остальным фразеологизмам по признаку наличия / отсутствия авторства. Это привело к необходимости трактовать крылатые выражения в строго лингвистическом смысле исключительно как единицы, ассоциативно связанные с автором, текстом-источником.

Формирование науки о крылатых словах и / или выражениях и как следствие признание за ними значительной частью ученого сообщества статуса языковых единиц способствовало уточнению характеристик их воспроизводимости. В качественном отношении воспроизведение крылатых слов и / или выражений принципиально отличается от повторения анекдотов, молитв, выученных наизусть правил и под. тем, что единицы с «печатью авторства» используются с номинативно-характеризующей целью и актуализируются в речи в единстве формы и содержания. В отличие от цитат, прямых и косвенных, крылатые фразы обладают собственной семантикой, не совпадающей с той, которую имел их текстовый прототип. В количественном отношении воспроизво-

димость должна быть регулярной, что в современной лексикографической практике подтверждается фиксацией в контекстах, число которых варьирует в разных словарях от 3 до 10.

На новом витке развития науки в одной из концепций была доказана кратковременность «крылатости» нарицательных имен (и, следовательно, признание вслед Г. Бюхманом крылатыми только собственные имена), а также распространенных в речи клише, оборотов, построенных по типичным моделям, легко конструируемых средним носителем языка [Дядечко 2006: 138–147; 152–166].

Таким образом, объектом данного словаря стали крылатые имена и выражения – имена персонажей и более или менее точные фрагменты из произведений Н.В. Гоголя, уже оторвавшиеся от первоисточника, но еще сохраняющие в сознании современных носителей языка ассоциативную связь с ним и относительно широко используемые в номинативно-характеризующей функции.

Самостоятельность крылатых выражений, утрата ими непосредственно цитатных признаков определялась по развитию у оборотов собственного значения и стабилизации у них компонентного состава, не исключающей вариантности, которая, наоборот, подчеркивает высокую степень освоенности языком, являясь результатом, с одной стороны, активного использования в речи, а с другой – давления языковой системы. Так, знаменитая реплика *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* из полной отчаяния и ужаса картины, нарисованной в воображении Городничего, извлеченная из своего первичного словесного окружения, наполнилась шутливо-ироническим смыслом и закрепилась во фразеологическом фонде русского языка с этим новым значением. Первый компонент у зафиксированной в десятках контекстов фразы в речевом обиходе нередко опускается, зато в нее может вводиться усилительная частица *ну* или *ну-ка*; глагол *подать* часто выступает в синонимичных формах *подайте* или *подайте-ка*; фамилия судьи, явно под влиянием сложного слова *тяп-ляп*, известного и в составе устойчивых оборотов *тяп да ляп* (*тяп и ляп*) и *делать что-л. тяп-ляп*, трансформируется в *Тяпкин-Ляпкин*.

«Крылатость» восходящих к гоголевским текстам образований, понимаемая прежде всего как ассоциативная соотнесенность с первоисточником в сознании носителей обоих языков, существенно обогащающая семантику оборотов и выступающая базой для обыгрывания двойного плана высказывания, устанавливалась опытным путем. Крылатыми признавались слова или выражения из сочинений Н.В. Гоголя только при условии, что эти единицы обнаруживались в примерах, в которых они оформлялись как обычная цитата, с прямой или косвенной ссылкой на источник. Отсутствие таких время от времени появляющихся указаний при крылатых оборотах – свидетельство забвения народом их происхождения, стирания «печати авторства».

В процессе работы выяснилось, что выдвинутым критериям не соответствует ряд единиц, которые тем не менее признавались в литературе гоголевскими: *а*) отдельные нарицательные существительные в переносном значении: *клубничка* – символическое обозначение флирта, эротики, секса; *б*) обороты с ошибочной атрибуцией: *фонарь под глаз ставить* [Грушко, Медведев 2000: 490]; *в*) фразеологизмы и пословицы, известные в народном обиходе и до Н.В. Гого-

ля и лишь введенные им в общелитературный обиход: *кувшинное рыло*; *небо коптить*; *пристало, как корове седло*; *чёртова пропасть, чёртова перечница* и др.; *г) распространенные разговорные конструкции клишированного или полуклишированного типа, ассоциативно-преемственная связь которых с гоголевским текстом не подтверждается примерами ни в прошлом, ни в нынешнем употреблении*.

Вполне вероятно, что, включенные Н.В. Гоголем в текст, такие разговорные обороты получили отсвет этого текста, приобрели на короткое время «печать авторства», сейчас же, если и встречаются, то лишь в качестве цитат-реминисценций в современных вариациях на тему гоголевских произведений, как, например, реплика Городничего из комедии «Ревизор»: *«Городничий: Ну, бог с ним, с инженером. А вот у Вас, Артемий Филиппович, в комнате один м.н.с. работает. Он, конечно, ученая голова и работать любит, но я пару раз видел, как он натрий в раковину выбрасывал, пиридин на столе перегонял. <...> Заглянет сюда: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь мат.-отв. лицо? Ляпкин-Тяпкин! А* ***подать сюда Ляпкина-Тяпкина!*** *А кто отв. за технику безопасности. Земляника! А* ***подать сюда Землянику!»*** (http://www.chemgu76.narod.ru/ Revizor.htm).

Не включены в предлагаемый словарь также выражения, принадлежащие другим авторам и только популяризованные Н.В. Гоголем, например, перефразировка афоризма Петрония *Большому кораблю – большое плавание*.

Несмотря на принятые ограничения при формировании словника, уже ясно, что издание будет содержать почти 200 слов и выражений, часть из них – для украинского языка весьма существенная – зафиксирована впервые.

При описании гоголизмов составители ориентировались на лучшие лексикографические традиции и прежде всего на «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко и С.Г. Шулежковой (2000), открывающий новое в своем жанре направление работ академического типа и дающий в статьях всю необходимую лингвистическую и источниковедческую информацию.

Двуединая цель составляемого словаря, переводного и толкового, а также многоаспектность и объем предоставляемого материала обусловили новаторский характер издания по нескольким позициям. Среди переводных словарей крылатых слов – это первый двусторонний переводной словарь и первый переводной писательский словарь, среди русско-украинских и украинско-русских словарей – это первый русско-украинский и украинско-русский словарь крылатых слов.

В русской и украинской лексикографии впервые так полно отражен состав крылатых единиц из произведений Н.В. Гоголя.

Динамический по характеру исполнения, словарь даст возможность наблюдать жизнь каждого ставшего крылатым оборота из гоголевского текста по тем примерам, которые имеются в статьях и которые отражают игру нашего и прошлых поколений со словом великого сатирика, по узуальным и окказиональным производным, появляющимся как следствие этой игры, как результат творчества русского и украинского народов.

ЛИТЕРАТУРА

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц – М.: Русские словари: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2000.

Грушко Е.А., Ю.М. Медведев. Современные крылатые слова и выражения: энциклопедия. – М.: Рольф, 2000.

Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология. – Киев: Аванпост-Прим, 2006.

Коваль А.П., Коптілов В.В. Крилаті вислови в українській літературній мові. – Київ: Вища школа, 1975.

Прозоров В.В. Крылатые слова и выражения из сочинений Н.В. Гоголя: словарь-справочник любителям рус. слова. – Саратов: Саратовтелефильм-Добродея, 2005.

Büchmann G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes. – Berlin: Verlag der Haude & Spenerschen, 1905.

CONCEPTUAL BASIS OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN AND UKRAINIAN-RUSSIAN DICTIONARY OF N.V. GOGOL'S WINGED WORDS AND EXPRESSIONS

L.P. Dyadechko, O.V. Petrenko, U.F. Praded

The article presents main principles of selecting and describing units in the first two-way translation concordance of popular phrases (winged words) that contains words and phrases from N.V. Gogol's works, which are widespread in Russian and Ukrainian.

© 2009

Л.И. Степанова

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Перевод фразеологических единиц, как известно, считается одной из наиболее трудных переводческих проблем. Многие лингвисты даже называют непереводимость категориальным признаком фразеологизмов. Почти неразрешимой проблемой становится для переводчика перевод крылатых выражений, которые в силу известности источника более тесно связаны с национальной культурной картиной мира и вызывают у носителей языка многочисленные ассоциации, которые чужды для представителя другого народа.

С. Влахов и С. Флорин выделяют следующие основные трудности при переводе фразеологических единиц: 1) распознавание устойчивых сочетаний в тексте подлинника (переводчик принимает фразеологизмы за переменные сочетания, считает их индивидуально-авторскими образованиями или, наоборот, приписывает свободному словосочетанию фразеологический характер и по-

дыскивает для него фразеологический эквивалент); 2) неправильное восприятие фразеологизма, когда переводчик под «гипнозом подлинника» неверно передает его значение в тексте перевода [Влахов, Флорин 1980: 180-181].

Эти же ошибки встречаются и при переводе крылатых единиц. Так, примером нераспознания крылатого выражения может послужить следующий отрывок из текста романа Б. Акунина «Алтын-толобас» в сравнении с его переводом на чешский язык:

– Не надо! — предупредил Николас, сам чувствуя, что в его голосе предательски звучат просительные нотки. – Остановитесь! Не надо! Не вынуждайте...

*– **Надо, Федя, надо,** – с напускной строгостью перебил его Шурик, почему-то назвав Фандорина чужим именем, и протянул руку к ходящему ходуном стволу.*

*“**Ale jo, Feno, ale jo,**” přerušil ho Šurik s hranou přísností. Bůhvíproč ho oslovil cizím jménem. Natáhl ruku k roztřesené hlavni.*

Выражение *Надо, Федя, надо!* – ставшая крылатой фразы из популярного фильма Л. Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), герой которого Шурик наказывает хулигана Федю. В чешском переводе используется разговорный оборот *Ale jo, Feno, ale jo* (букв. нет, надо, надо), но чешскому читателю, как и герою романа, остается неясным, почему его называют Федей. Здесь, по-видимому, следовало опустить имя собственное и передать выражение с помощью какого-л. фразеологизма или пословицы, разговорного оборота, напр.: *Kdo se dal na vojnu, musí bojovat* или *Když se musí, tak se musí* и т.п.

Гипнозом подлинника можно объяснить не совсем верный перевод следующего отрывка:

*– Ничего, – Мистер Пампкин ободряюще коснулся локтя молодого человека и произнес по-русски. – **Перемелется, мука будет**.*

*“V pořádku,” mister Pampkin se povzbudivě dotkl lokte mladého muže a řekl rusky: “**Boží mlýny melou pomalu, ale jistě**”.*

Значение поговорки *Перемелется, мука будет* определяется как ‘со временем пройдет, изживется, преодолеется трудное, плохое; наступят лучшие времена, придет, будет достигнуто необходимое, желаемое’ (БМС 2005: 454). В переводе в качества эквивалента приводится пословица ***Boží mlýny melou pomalu, ale jistě*** (букв. ‘Божья мельница мелет медленно, но неумолимо’), смысл которой можно передать как ‘Наказание может запоздать, но оно обязательно наступит, справедливость восторжествует, бог все видит’. Здесь лучше было бы употребить, например, фразеологизм *to nic, nějak bylo, nějak bude; nic si z toho nedělej* и т.п.

Сложность перевода крылатых выражений усугубляется отсутствием соответствующих одноязычных толковых и двуязычных переводных словарей. Так, если на русском языке после справочника Н.С. и М.Г. Ашукиных появилось уже несколько теоретических работ, посвященных крылатым единицам ([Шулежкова 1995, 2002], [Дядечко 2002]) и ряд словарей крылатых слов и выражений, напр., «Большой словарь крылатых слов русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000], [Дядечко 2002]; «Словарь крылатых выражений А.С. Пушкина», Словарь крылатых выражений, восходящих к отечественным кинофильмам [Мокиенко, Сидоренко 1999]; [Кожевников 2001], и др., то, например, в чешском языке нет ни одного специального издания, рассматривающего проблемы крылатых единиц. Переводчики ощущают также острый дефи-

цит двуязычных словарей: в славянских странах издано лишь несколько интересующих нас двуязычных словарей: [Берков 1980]; [Уолш, Берков 1984]; [Orłoś, Hornik 1996]; [Дядечко 2001-2003]; [Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003], – причем первые три включают в основном интернациональные обороты (ФЕ библейского и античного происхождения). Авторы «Русско-польского словаря крылатых слов» отмечают, что 52,5 % включенных в словарь русских крылатых единиц не имеет эквивалентов в польском языке, высокая степень эквивалентности отмечается лишь у интернациональных крылатых единиц (43%) [Chlebda, Mokijenko, Szuleżkowa 2003]. Данное утверждение – объективное доказательство трудности нахождения эквивалентов крылатых слов и выражений в иностранных языках.

В качестве способов передачи крылатых выражений при переводе романа Б. Акунина «Алтын-толобас», в котором содержится немало интересующих нас единиц, чешские переводчики используют:

1) перевод словом. С*р. <...> я должна проверить, правда ли Сосо стал такой* ***белый и пушистый****, годится ли он на нашу доску почета или лучше выбрать в тарге*ты *кого-нибудь другого. Такое у меня задание. <...> musím já zjistit, jestli se ze Sosa doopravdy stal takovej* ***andílek****, jestli se bude dobře vyjímat na naší desce cti, nebo jestli si máme najít nějakýho jinýho adepta. Tak to je můj úkol*. Переводчик передает значение оборота *белый и пушистый* ‘красивый и невинный’, заимствованный из известного анекдота, словом (*takovej) andílek* (букв. ‘(такой) ангелочек)’, что можно признать адекватным переводом. Разговорность усиливается окончанием *-ej*, характерным для чешского интердиалекта obecná čeština;

2) перевод крылатым выражением. Ср. – *Там, конечно, всякие хитрости, нанайский реслинг, подставки, но ничего уголовного. Умеренно грязный бизнес* ***эпохи недоразвитого капитализма****. – Jsou v tom samosebou všelijaký čachry, úplný artistický čísla, podvodný machinace s bílýma koňma, ale nic trestnýho. Přiměřeně špinavěj byznys* ***epochy rozvojovýho kapitalismu.*** В русском тексте используется трансформированное выражение *эпоха недоразвитого капитализма*, построенное на базе советизма *эпоха развитого социализма*. В чешском языке также существовало соответствующее клише *epocha rozvinutého socialismu*, но переводчики заменяют слово *rozvinutého* прилагательным *rozvojovýho*, что создает юмористический эффект, т.к. *rozvojový* означает ‘развивающийся’ (напр., развивающиеся страны), тем самым решается проблема компенсации смысловых оттенков и экспрессии, содержащихся в слове *недоразвитый;*

3) перевод калькированием. Ср. – *<...> Ты похож на* ***ежика в тумане****. – Почему? — удивился Николас. – То есть, почему в тумане, понятно. Но почему ежик? Разве я колючий? – « <...> Vypadáš jako* ***ježek v mlze.****» «Proč?» podivil se Nicholas, «Totiž proč v mlze, to je mi jasné. Ale proč ježek? Jsem tak pichlavý?»*. В данном романе Б. Акунина несколько раз упоминается популярный, любимый и детьми, и взрослыми трогательный мультипликационный фильм «Ежик в тумане» (1975 г., сцен. С. Г. Козлова), рассказывающий о том, как ежик-философ потерялся в вечернем тумане, в котором окружающий мир выглядел совсем иным, потусторонним. Название фильма стало крылатым выражением, обозначающим милого, но растерянного, оказавшегося в непонятной ситуации человека. Носителю языка этот образ вполне ясен, чешского же читателя перево-

дчики оставили без разъяснений, надеясь, вероятно, на то, что смысл оборота будет понятен благодаря чешским фразеологизмам *být jako v mlze, být v mlze 'быть сбитым с толку, не понимать чего-л'.* . Нам представляется, однако, что присутствие в чешском переводе существительного *ježek* вызывает у читателей недоумение;

4) описательный перевод нефразеологическими средствами. Ср. – *Забыл, что ты* ***несоветский человек****, — махнул рукой Влад. – Больно лихо по-русски чешешь. – «Já zapomněl, žes* ***nechodil do sovětský školky****», mávl rukou Vladík. «Moc ti to rusky nemyslí. Советский человек* – публицистический штамп советского времени, который обыграл В. Высоцкий в своей шуточной песне «Опасаясь контрразведки», написав строчку: *Жил в гостинице «Советской» несоветский человек.* Выражение Высоцкого *несоветский человек* стало крылатым. Переводчики удачно передают его свободным словосочетанием *nechodil do sovětský školky* (букв. 'Ты не ходил в советский детсад'). В данном контексте, где речь идет о том, что иностранец не понимает детского стишка, это вполне уместно. Но перевод последней фразы: (*Больно лихо по-русски чешешь)* выражением *Moc ti to rusky nemyslí* (букв. 'По-русски ты мыслить не умеешь') – явная ошибка, возникшая, вероятно, под влиянием оригинала.

Трансформированные крылатые выражения представляют собой почти непреодолимое препятствие для переводчиков: трансформации, как правило, не передаются, несмотря на то, что могут скрывать в себе важную информацию, которую переводчики не должны упустить. Так, в романе употребляется шуточное выражение *Долг платежом зелен*, вместо обычной поговорки «*Долг платежом красен*» – намек на необходимость вернуть долг «зелеными», т.е. долларами. В переводе этот немаловажный нюанс и шуточная окраска теряются, ср.: – *<...> Может, есть проблемы? Я помогу. Как теперь говорят,* ***долг платежом зелен****. – Он коротко хохотнул и перешел на серьезный тон. – Ксива, виза – проблем нет. – «<...> Třeba máš ňáký problémy? Já ti pomůžu.* ***Jsem ti zauzlovanej****.» Krátce se uchechtl a nasadil vážný tón. «Pas, vízum – to není problém».* На чешский язык пословица передается только одним жаргонным словом *zauzlovanej* (букв. 'повязан, обязан'). Если учесть, что задача переводчика — найти смысловое, экспрессивное и функционально-стилистическое соответствие переводимой единицы, то в данном случае эту задачу выполненной считать нельзя.

В случаях с крылатыми выражениями работа переводчика затруднена также многочисленными культурными ассоциациями, которые вызывают крылатые выражения у носителей языка. Культурологический аспект эквивалентности слов и выражений пока еще остается разработанным крайне недостаточно. «За языковой эквивалентностью лежит понятийная эквивалентность, эквивалентность культурных представлений» (Тер-Минасова 2000: 35). В следующем отрывке переводчикам не удалось передать культурные ассоциации, заключенные в русском тексте:

*– Знаешь, кто вчера на тебя охотился? <...> Киллер нового поколения, со своим стилем. Патриот шестидесятых: техасы, кеды, Визбор и все такое. Короче, «****Кавказская пленница****».*

– Какая пленница? — не понял магистр. – При чем здесь пленница?

«Víš, kdo tě včera honil? <...> Je to zabiják nový generace, má svůj vlastní styl. Patriot

šedesátých let: texasky, kecky, Okudťava a tak dále. Zkrátka film ***Kavkazská zajatkyně****».*

«Jaká zajatkyně?» nerozuměl magistr. «Co tady se zajatkyní?»

Популярная комедия режиссера Л. Гайдая "Кавказская пленница" (1967), ставшая символом шестидесятых годов XX в.и сама породившая большое количество крылатых выражений, известна каждому русскому читателю. Переводчики приводят буквальное название фильма, которое, разумеется, не вызывает у чешских читателей никаких ассоциаций. Таким образом, культурологическая информация оказывается утерянной, о чем остается только сожалеть, тем более, что в этом же отрывке можно отметить и хорошую находку переводчиков – имя барда Визбора, неизвестного чехам, заменяется именем популярного в Чехии Булата Окуджавы. Точностью перевода в данном случае, по нашему мнению, имело смысл пожертвовать, чтобы более точно передать культурологический фон текста.

Как мы видели, перевод крылатых выражений является действительно крепким орешком для переводчиков. Однако теория неполной переводимости вполне применима и к этим оборотам: талантливый переводчик сможет найти подходящий способ передачи значения крылатой единицы, даже если для этого придется чем-то пожертвовать. Задача переводчика – верно донести до читателя не только смысл, но и содержащуюся в тексте оригинала функционально-коммуникативную и культурную информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б. Алтын-толобас. СПб. – М.: Олма – Пресс 2001.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Худож. лит., 1966.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц. – М.: Русские словари: ООО «Изд-во "Астрель"»: ООО «Изд-во "АСТ"», 2000.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Изд-во «АСТ», 2005.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Изд-во «Международ. отношения», 1980.

Дядечко Л. Крылатые слова как объект лингвистического описания. История и современность. – Киев: ИПЦ «Киевский у-нт», 2002.

Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд-во СПбГУ; М.: Фолио-Пресс, 1999.

Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – Челябинск: Факел, 1995; М.: Азбуковник, 2002.

Кожевников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. – СПб.: «Изд. Дом "Нева"»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Akunin B. Tajemství zlatého tolobasu / Přel. V. Tafelová a E. Rozgonyiová. – Praha, 2003.

Orłoś T., Hornik J. Czesko-polski słownik skrzydlatych słów. – Wroclaw: etc., 1994.

Chlebda W., Mokijenko W., Szuleżkowa S. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna wydawnicza leksem, 2003.

TRANSLATING POPULAR EXPRESSIONS (WINGED WORDS)

L.I. Stepanova

The author centered her research on the translation of popular expressions (winged words) that are bound up with a national linguistic world image, evoke numerous cultural associations for native speakers and are unfamiliar to representatives of other nations. The translator's position is complicated by lack of monolingual explanatory and bilingual translation dictionaries of winged units. The author resorts to the translation of B. Akunin's novel “Altyn-tolobas” from Russian into Czech to illustrate mistakes made by the translator who failed to understand the popular expressions of the original for he knows neither their source, nor the native national-cultural conditions in which they are used.

© 2009

Е.Е. Иванов

КРИТЕРИИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ АФОРИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА КАК ОБЪЕКТА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Афоризмы (афористические единицы языка и/или речи) – это высказывания, синтаксически эквивалентные предложению, выражающие вневременную и нелокализованную связь между неединичными реалиями и являющиеся содержательно самодостаточными. Афоризмы составляют совокупность неоднородных по семантике, структуре и функциональным особенностям единиц, которые систематизируются на основании различных критериев.

В современной филологии не существует общепринятого подхода к систематизации афористического материала языка/речи. Ни одна из существующих классификационных схем ([Гаспаров 1987]; [Эпштейн 1987]; [Федоренко, Сокольская 1990]) не только не исчерпывает представления об афоризме как специфической категории высказывания во всем многообразии его типологических семантических, структурных и функциональных разновидностей, но и не является последовательной и непротиворечивой [Иванов 2009].

Декларируемые признаки тех или иных типов афоризма не всегда являются именно дифференциальными, определяются часто ad hoc. Этим объясняется то, что одни и те же разновидности афоризмов выделяются в рамках разных классификаций на основании неодинаковых критериев (ср., например, “*гномы*” и “*сентенции*” в [Гаспаров 1987] и в [Эпштейн 1987]), тогда как одни и те же типы афоризмов приобретают в разных классификациях различные дифференциальные признаки, а значит, и разное обозначение (ср., например, “*апоф(т)егма*” в [Гаспаров 1987] и “*гнома*” в [Эпштейн 1987]).

При систематизации разнородных по семантике, структуре и способам

функционирования афористических высказываний следует использовать ряд гетерогенных критериев, каждый из которых может быть положен в основу отдельной классификации с различными, специфическими в каждой из них типами афоризмов. Такой подход оправдан, когда предметом классификации является сложный объект, который на основании различных дифференциальных признаков может образовывать с другими однородными объектами более одного множества.

Первым и основным критерием систематизации афоризмов, дифференцирующим их на наиболее существенные типы, следует считать **способ функционирования афористических высказываний**, которые могут быть воспроизводимыми (прецедентные – языковые клише, цитаты) и производимыми (непрецедентные). Непрецедентные афоризмы по своей функциональной зависимости от контекста делятся на тексты (самостоятельные речевые произведения) и элементы текстов (реплики).

Второй по значимости критерий – **сфера бытования афоризмов**, которые могут употребляться преимущественно либо в устной речи (фольклорные афоризмы и афористические высказывания обыденной речи), либо в письменной. Последние дифференцируются на тексты литературные и массовой коммуникации (девизы, лозунги, призывы и другие эпиграфические тексты, надписи рекомендационного и регламентационного содержания, рекламные тексты и т.п.). Литературные афоризмы подразделяются на употребляемые в художественной речи (в том числе жанр афоризмов) и в функциональных стилях литературного языка (публицистике, языке науки, официально-деловой речи, конфессиональных текстах и т.д.).

Третьим критерием систематизации афористических высказываний является **содержательное отношение к действительности** [Іваноў 2003]. Все афористические высказывания дифференцируются на содержательно не противоречащие и содержательно противоречащие действительности. Ср.: *Лошади едят овес и сено* (А.П. Чехов) и *Сильнее кошки зверя нет* (И. Крылов) и т.п. Афоризмы, содержательно не противоречащие действительности, делятся по существенности/несущественности, необходимости/случайности и регулярности/нерегулярности проявления выраженных в них закономерностей действительности на номологические (“*законы*”) и неномологические (“*не законы*”). Формальным показателем такого разграничения является невозможность контрарных перефразирований афористических высказываний-законов без утраты ими значения истинности. Ср.: *Лучшее вино – старое, лучшая вода – свежая* (В. Блейк); *Мечтам и годам нет возврата* (А.С. Пушкин); *Нет того понедельника, который не уступил бы своего места вторнику* (А.П. Чехов) и т. п. Все закономерности действительности, которые не имеют силу закона дифференцируются по своей принадлежности/непринадлежности к глобальным вообще или к значимым, существенным в жизни человека проявлениям упорядоченности мира. Афоризмы, в которых выражаются закономерности второго типа, можно определить как грегерии (исп. gregueria), которые уже оформились в европейской литературе в качестве самостоятельной разновидности жанра изречений благодаря книге испанского писателя Рамона Гомеса де ла Серна (1888–1963) «Total de greguerías» (1955). Ср.: *До чего был бы однообразен снег, если бы господь бог не со-*

творил ворон! (Ж. Ренар); *Полная девочка похожа на булку* (А.П. Чехов); *Толстяки живут меньше. Зато едят больше* (С.Е. Лец) и т.п. Афоризмы, которые не относятся к грегериям, дифференцируются на директивные (или максимы) и декларативные (или сентенции) по зависимости/независимости форм и условий проявления выраженных в них закономерностей действительности от поведенческой реакции адресата. Формальное различие максим и сентенций заключается в том, что первые по своей синтаксической структуре могут быть только императивными предложениями. Ср.: *Не убий*, *Не укради*, *Не сотвори себе кумира, Чти отца твоего и матерь твою* и др. (Исход, 20: 4) и *Око за око, зуб за зуб* (Левит, 24: 20; Исход, 21: 24; Второзаконие, 19: 21); *Живи и жить давай другим* (Г.Р. Державин) и *Никакая деятельность не может быть прочна, если она не имеет основы в личном интересе* (Л.Н. Толстой) и т.п. Афоризмы, содержательно противоречащие действительности, дифференцируются на парадоксы и коаны в зависимости от возможности vs. невозможности определения выраженных в них закономерностей с точки зрения рационального восприятия и объяснения действительности. Характерным признаком афоризмов-парадоксов является то, что они не могут быть подвергнуты однозначной квалификации по критерию логической истинностности (их невозможно однозначно определить как истинные либо как ложные). Ср.: *Холостяки ведут семейную жизнь, а женатые – холостую* (О. Уайльд), *И невозможное возможно* (А. Блок); *Ум – это легкость и горе* (А. Платонов) и т.п. Коаны (так в дзэн-буддизме называются абсурдные загадки) не являются формально нелогичными, как парадоксы они бессмысленны, потому что их смысл не воспринимается в границах разумного, хотя с точки зрения своего автора каждый коан, конечно, имеет некое рациональное объяснение. Ср.: *Дважды два – стеариновая свечка* (И. Тургенев); *Все мы немножко лошади, Каждый из нас по-своему лошадь* (В. Маяковский) и т.п.

Четвертый критерий, значимый для систематизации афоризмов, – **ритмическая организация фразы**. Все афористические высказывания в этом смысле дифференцируются на прозаические и стихотворные [Федоренко, Сокольская 1990: 89]. Среди тех и других следует различать устоявшиеся в мировой и национальных литературах разновидности жанра афоризмов и традиционно неафористические жанровые формы и разновидности, которые могут спорадически использоваться для выражения обобщенных мыслей. Традиционной формой афоризмов в прозе является такой жанр, как изречения, а стихотворных афоризмов – античная гнома. Афористическое содержание часто вкладывается в различные стихотворные формы, к которым относятся некоторые виды философско-медитативной лирики (медитации, стансы, элегии и т.д.), эпиграммы, эпитафии, надписи и другие типы стихов-миниатюр как определенной национальной традиции (бейты, рубаи, танки, фрашки и т.д.), так и той или иной формальной разновидности (стихотворения в прозе, различные монострофы, так называемые «твердые» стихотворные формы – октавы, триолеты и т.д.).

Основные типы афоризмов можно представить в виде следующей схемы.

Данная классификация позволяет если не исчерпывающе, то, по крайней мере, непротиворечиво систематизировать весьма разнородный афористический материал языка/речи для его последующего описания вне традиционной фразеографии и паремиографии (словарей пословиц, крылатых выражений, цитат, литературных изречений), в рамках специальных словарей афоризмов (например, словаря крылатых афоризмов, словаря стихотворных афоризмов, словаря девизов, словаря парадоксов и т.п.), потребность в которых уже настоятельно ощущается.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М.Л. Афоризм. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С.43.

Іваноў Я. Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах. Frazeologické štúdie. – Bratislava, 2003. – T.III. – S.43–60. – (K 13. kongresu slavistov v L'ubl'ane).

Федоренко Н.Т., Сокольская Н.Т. Афористика. – М.: Наука, 1990.

Эпштейн М.Н. Афористика. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С.43–44.

APHORISM AS THE OBJECT OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION: CRITERIA OF SYSTEMATIZATION

E.E. Ivanov

When offering a definition of an aphorism as a language or speech unit, the author writes about the standard approach to aphoristic material systematization. As aphorisms are diverse both in meaning, structure, and function, it is necessary to introduce heterogeneous criteria for their systematization. Each of these criteria can become a basis for aphorism classification. These criteria comprise aphorism functions, the sphere of their use, reality comprehension subject matter, and rhythmic arrangement of a phrase. The basic types of aphorisms are presented in a special scheme.

© 2009

К.П. Сидоренко

«ГОРЕ ОТ УМА» КАК ОБЪЕКТ СЛОВАРЯ ИНТЕРТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦ

Широко известны слова А.С. Пушкина о языке комедии А.С. Грибоедова: «О стихах я не говорю, половина – должны войти в пословицу» (письмо к А.А. Бестужеву, конец января 1825 г.). Эта оценка оправдалась, но лишь отчасти: «Горе от ума», действительно, «вошло в пословицу», но пути его интертекстового движения были разными и при кажущейся «хрестоматийной» очевидности в определенной степени парадоксальными. За единицами, описываемыми в словарях крылатых слов и выражений, во-первых, стоит потенциальная цитатность, существующая на ассоциативном уровне и отнюдь не всегда подкрепляющаяся частотностью реальной. Во-вторых, источники крылатых выражений из «Горя от ума» не могут ограничиться кругом более или менее традиционным. Кроме того, в структуре «Горя от ума» обнаруживается и собственно цитатный субстрат, который, в свою очередь, требует особого комментария [Западов 1977: 61]. Учитывая это, можно сказать, что и лексикографическая обработка цитаты, интертекстовой (крылатой) единицы будет разной в зависимости от типа словаря. Так, в универсальном словаре крылатых слов [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000] насчитывается около шестидесяти крылатых единиц из «Горя от ума», представляющих собой наиболее употребительные выражения. При расширенном же охвате источников и формировании специализированной картотеки крылатых выражений из «Горя от ума» количество возможных словарных статей составляет более двух тысяч. Ниже предлагаются классификационные позиции, определяющие принципы тезаурусного словаря крылатых выражений из «Горя от ума».

1. Паремия, соотносимая с текстом «Горя от ума», как структурный и содержательный интертекстовый стереотип. Высказывания Грибоедова чаще всего

воспринимаются как паремиологические единицы различной структуры (*А впрочем, он дойдет до степеней известных; А смешивать два эти ремесла / Есть тьма охотников: Я не из их числа и т.п.*) и соответствующим образом представляются в словарях крылатых единиц.

2. Смысловая емкость моделируемого заголовка позволяет выделять и лексикографировать сегменты высказываний, когда исходный цитатный комплекс разделяется на части (сегменты), каждая из которых получает автономное место. Так, непосредственно мотивирующей базой для интертекстового гнезда может быть рассмотрен диалог между Хлёстовой и Скалозубом (действие III, явление 12), в котором предметом обсуждения становится военная форма: «[Хлёстова] Не мастерица я полки-то различать. [Скалозуб] А форменные есть отлички: / В мундирах выпушки, погончики, петлички». При интертекстовом шаге происходит смешение реплик, соответственно контексты, реализующие исходное высказывание как интертекст, выглядят следующим образом:

‘О Скалозубе, о его любви к армии и военной форме’: Не менее замечателен четвертый тип: глупый фрунтовик *Скалозуб*, понявший службу единственно в уменье *различать форменные отлички*... (Н.В. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность);

‘О деталях военной формы’: Уж кому, как не ему, штабс-капитану лейб-гвардии Финляндского полка [художнику П.А. Федотову] было знать все *форменные отлички – «в мундирах выпушки, погончики, петлички»*, все тонкости строевой службы, всю эстетику церемониальных маршей, смотров и парадов (Н. Кузьмин. Давно и недавно);

‘О внешнем педантизме, становящемся смыслом военной службы’: В отсутствие Пирогова произошла какая-то перемена в *«выпушках и петличках»*, и сиятельный *Скалозуб* [военный министр князь Чернышев] начал с того, что грубо указал ему на несоблюдение формы... (А.Ф. Кони. Пирогов и школа жизни).

Реплика Скалозуба, выступающая как объединяющая вокабула, распадается на единицы, являющиеся входом в отдельные словарные статьи (*а форменные есть отлички <...>; отлички; выпушки, погончики, петлички; выпушки; погончики; петлички* и т. д.).

Итак, структурно-семантической интертекстовой особенностью «Горя от ума» является тенденция к разделению паремиологического стереотипа. За счет этого объем авторского тезаурусного словаря крылатых выражений может значительно увеличиваться.

3. Традиционно учитываемая сфера, где используется крылатое выражение, – беллетристика, публицистика, литературная критика, письма. Однако необходимо рассматривать и лексикографические источники, где «Горе от ума» выступает как источник иллюстративного «крылатого» материала. О степени не только популярности, но и авторитетности «Горя от ума» можно судить уже по материалам четырехтомного «Словаря русского и церковнославянского языка» 1847 г., составители которого были современниками Грибоедова. Введение иллюстрации чаще всего определяется не столько потребностями функционального и семантического уточнения, сколько, по-видимому, стремлением выделить «ассоциативно сильный» текстовый фрагмент, так или иначе актуализировать цитату-высказывание афористического характера ради неё самой. Это

можно объяснить особенностями лексикографического пространства, где происходит кодификация не только толкуемого слова, но и интертекстовой единицы, в данном случае – иллюстративной цитаты. Можно выделить два типа «присутствия» текста Грибоедова в Словаре 1847 г.

Прежде всего, эксплицитный (традиционный). Имеется в виду наличие текстового фрагмента, сопровождающего толкование. Например, о специфике восприятия грибоедовского афоризма в первой половине XIX в. свидетельствует иллюстративный фон довольно объемной словарной статьи **душа**. Исходным является толкование ‘Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею’, сопровождающееся иллюстрацией *Безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе*. Лука, 12: 20. Затем дается иллюстрация из Жуковского (*Горели звезды; но в моей душе / Был светлый день*). Далее ряд значений иллюстрируется церковнославянскими цитатами, цитатой из Пушкина – (*Он всеобъемлющей душой на троне вечный был работник)*, чуть ниже следует одна иллюстрация из Крылова *(Я без души лето целое все пела*) и цитаты из «Горя от ума»: *будь плохонькой, да если наберется душ тысячи две родовых – тот и жених; хоть душу отпусти на покаянье; в глазах темно и замерла душа; он может быть и рад бы был душой*.

В одной словарной статье шесть цитат из Священного писания сочетаются с четырьмя цитатами из «Горя от ума».

Близкая в ассоциативном отношении интертекстовая тенденция прослеживается и в словаре М.И. Михельсона [Михельсон 1902-1903], например: «Ветром подбитый (иноск.) ветреный. Ср. *А Гильоме, француз, подбитый ветерком, Он не женат еще? Грибоедов*. Горе от ума. 1, 7. Чацкий»; «Выкинуть (удрать) штуку (иноск.) напроказить, поступить ловко, необычайно, неожиданно. <...> Ср. Ну, выкинул ты штуку: Три года не писал двух слов И грянул вдруг как с облаков. Грибоедов. Горе от ума. 1, 9. Фамусов». Подобного рода «лексикографических ситуаций» у Михельсона довольно много.

Имплицитный тип. Толкуемое слово является возможным представителем (заместителем) цитаты, т. е. его введение подразумевает скрытое подкрепление интертекстовой единицей и объясняется популярностью грибоедовской комедии. Наши наблюдения показывают, что употребление уменьшительно-ласкательных дериватов (диминутивов) в Словаре 1847 г. обычно соотносится с частотными словами (дом – домик, стульчик и т.п.) и не имеет универсального характера. И как курьез воспринимается введенное слово **отдушничек** – ‘Уменьш. слова отдушник’, сопровождаемое подробным отсылочным рядом: **отдушник** – ‘То же, что душник’; **душник** – ‘Небольшое отверстие в оконцах для впускания свежего воздуха в комнату, а в печах для выпускания тепла’. Думается, что свою роль здесь выполнило «Горе от ума», ср.: [Фамусов] *Сергей Сергеич, к нам сюда-с. / Прошу покорно, здесь теплее; / Прозябли вы, согреем вас; / Отдушничек отвернем поскорее* (Действие II, явление 5).

Сходный статус имеют выражения **арапка, побродяга, бочками сороковыми** и ряд других, позже последовательно вводимых в словари русского языка. Без труда можно доказать, как «эхо» Грибоедова таким же образом отзовется в словарях более поздних, в том числе и энциклопедических.

Необходимо учитывать и собственно научную лингвистическую литературу.

Так, классическая русистика дает довольно специфический материал, обойти который при лексикографировании грибоедовского интертекста не представляется возможным (естественно, речь не идет о сплошном расписывании всего иллюстративного материала). Например, при анализе одного из частных значений возвратных глаголов В.В. Виноградов пишет: «Часть глаголов на -ся относится к взаимному залогу <...> Взаимность обозначается <...> с помощью множественного числа (*«хоть подеритесь, не поверю»* – Грибоедов) [Виноградов 1947: 620]. У А.А. Шахматова встречаем: «<...> собственные имена лиц могут употребляться и во множественном числе <...> при обозначении собственным именем известного, знаменитого лица, названия должности или характеристичного для этого лица подвига <...> *А если хочешь, я князь-Григорию и вам фельдфебеля в Вольтеры дам»* [Шахматов 1941: 438]. В размышлении о значении форм творительного падежа существительного в русском языке А.М. Пешковский отмечает: «Творительный падеж. Здесь опять встречаем ряд частью однородных (и переходящих друг в друга), частью совершенно разнородных значений <...> Творительный причины: <...> *Случалось ли, чтоб вы, смеясь или в печали, ошибкою добро о ком-нибудь сказали?»* [Пешковский 1938: 283].

Показательно, что энциклопедические справочные пособия также не могут обойтись без «Горя от ума». Например, при объяснении историзма ***гвардионцы*** встречаем обработку слов Скалозуба (действие II, явление 6):

В «Горе от ума» Чацкий высмеивает страсть московских дворянских семей к мундиру, в особенности к гвардейскому <...> Скалозуб, не замечая иронии Чацкого, *хвалит его за то, что он коснулся «предубеждения Москвы / к любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / их золоту, шитью дивятся будто солнцам!»* Действительно, гвардейская форма, расшитая золотом, была намного красивей армейской. *«Гвардионцами»* же стали называть военнослужащих лейб-гренадерского, лейб-кирасирского и Павловского полков, отличившихся в кампании 1812 г. и причисленных к гвардии в 1813 г., то есть так называемую молодую гвардию [Федосюк 2001]. Ряд примеров подобного рода можно было бы продолжить.

Структурная и семантическая сжатость текста «Горя от ума» определила судьбу комедии как текста, находящегося в состоянии порождения во всех отношениях разнородных выражений, описание которых может быть адекватным при учете типа словаря интертекстовых единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Рус. словари: ООО “Изд-во Астрель”. ООО “Изд-во АСТ”, 2000.

Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове) / МГУ. – М.; Л.: Учпедгиз, 1947.

Западов В.А. Функции цитат в художественной системе «Горя от ума» // А.С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции: сб. ст. – Л.: Наука, 1977. – С.61–72.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: Сб. образных слов и иносказаний: Т. 1–2. – СПб., 1902–1903.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / со вступ. ст. С.И. Бернштейна. – 6-е изд. – М.: Учпедгиз 1938.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный 2-м Отд-нием Императорской АН: в 4 т. – СПб.: Типография Имп. АН, 1847.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / ред. и коммент. Е.С. Истриной. – 2-е изд. – Л.: Учпедгиз, 1941.

Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. – М.: Флинта: Наука, 2001.

"GORYE OT UMA" ("SORROW COMES FROM MIND") AS AN OBJECT OF INTER-TEXTUAL UNITS DICTIONARY

K.P. Sidorenko

The article offers classification principles underlying popular phrase thesaurus on the basis of A. Griboyedov's play "Gorye ot Uma" ("Sorrow Comes from Mind"). It is necessary to process not only traditional paremias, but also their segments. Processing "linguistic winged words" is also quite possible together with dictionary sources of explicit or implicit usage of quotations from Griboyedov's work.

© 2009

Е.И. Зыкова

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ «ШКОЛЬНОГО СЛОВАРЯ КРЫЛАТЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»

История лексикографической обработки крылатых слов (далее КС) достаточно хорошо известна. Жанр словарей крылатых слов уже более ста лет популярен в России. Достаточно вспомнить справочник «Крылатые слова» С.В. Максимова [Максимов 1891, 1995], словари Н.С. и М.Н. Ашукиных, В.П. Беркова, С.Г. Шулежковой [Шулежкова 1993,1994].

В русской лексикографической практике описания крылатых слов прочно закрепился алфавитный принцип расположения материала, начиная со справочника Ашукиных [Ашукины 1960]. Такой же принцип положен в основу «Большого словаря крылатых слов» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000], «Словаря крылатых выражений из области искусства» [Шулежкова 2003], «Большого словаря крылатых фраз отечественного кино» [Кожевников 2001], а также в структуру двуязычных словарей: украинско-русского словаря крылатых слов [Дядечко 2001–2003] и польско-русского [Chlebda, Mokienko, Szuleżkowa 2003].

Во фразеологическом семинаре при Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета СПбГУ под руководством

В.М. Мокиенко был разработан принцип лексикографического описания крылатых слов по стержневому слову. Стержневой подход помогает более компактно описывать ассоциативные гнезда крылатых слов, что позволяет не дублировать лексические и историко-этимологические комментарии в разных местах словаря. Данный структурный метод был апробирован в словарях поговорок и устойчивых сравнений [Мокиенко, Никитина 2008], а также в кратком словаре-справочнике крылатых слов, который вышел в серии «Давайте говорить правильно» [Зыкова, Мокиенко 2005].

Представляемый проект «Школьного словаря крылатых слов русского языка», с одной стороны, продолжает традиции лексикографирования крылатых слов, а также серию фразеологических словарей для школьников, которая составляется фразеологической группой В.М. Мокиенко. Так, например, уже два издания выдержал «Школьный словарь живых русских пословиц» [Ермолаева, Зайнульдинов, Кормилицина и др. 2007].

С другой стороны, авторы представляемого проекта В.М. Мокиенко и Е.И. Зыкова положили в основу структуры «Школьного словаря» принцип расположения материала по источнику крылатых слов, что позволило сформировать 4 больших раздела: античные КС, библеизмы, фольклоризмы и крылатые слова и выражения, источниками которых стала художественная литература.

При отборе материала мы вслед за С.Г. Шулежковой [Шулежкова 1995] под крылатыми словами и выражениями понимали образно-экспрессивные лексические, фразеологические и афористические единицы разного структурного типа, вошедшие в язык из определенных литературных, исторических, культурологических источников.

Следует отметить, что главным принципом формирования словника и определения структуры словаря, стала его ориентированность на адресата: учащихся русских школ, колледжей, учителей средних учебных заведений. Этим обстоятельством объясняется и тот факт, что последний раздел – КС из художественной литературы – является самым многочисленным, т.к. словник включает в себя крылатые слова из произведений, входящих в программу общеобразовательной средней школы РФ, и прежде всего, в курс русской литературы. По этой причине раздел литературных цитат подразделен на 5 подразделов: КВ из древнерусской литературы, из русской литературы XVIII в., XIX и XX вв., а также КС из произведений зарубежной литературы.

Внутри каждого из подразделов выделены гнезда авторов литературных произведений, ставших источниками КС.

Данный принцип структуры словаря предполагается разумным, учитывая его конкретного адресата – школьника. Он должен облегчить ученикам поиск нужного выражения, сконцентрировано представить информацию о культурном наследии изучаемого писателя, коими, несомненно, являются крылатые слова и выражения, а также расширить знания молодого поколения в области изучения языка писателя, с творчеством которого они знакомятся на уроках литературы.

В связи с этим список авторов – источников КС определялся строго в соответствии с Государственным стандартом по русской литературе для среднего образования РФ. В словарь включены 93 автора.

В настоящее время корпус словаря насчитывает более 1600 единиц. Общеизвестно, что самый цитируемый из русских писателей – А.С. Пушкин, поэтому в нашем словаре он занимает первое место по количеству включенных в него цитат: 217. Это лишь малая толика по сравнению с 3000 пушкинских цитат, входящими в «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина» [Мокиенко, Сидоренко 2005]. Второе место по количеству представленных КВ в ряду писателей занимают А.С. Грибоедов – 75 выражений и В.В. Маяковский – 73 выражения, затем Н.В. Гоголь – 67 единиц, И. Ильф и Е. Петров – 47, И.А. Крылов – 46, В. Шекспир – 32 КВ.

Еще одним принципом формирования словника был принцип частотности, т.е. в словарь включены единицы, которые не только восходят к произведениям, изучаемым в средней школе, но и наиболее активно употребляющиеся крылатые слова и выражения. Поэтому одним из важных критериев отбора КС в словник было количество их употреблений как в языке художественной литературы, так и в языке СМИ, о чем наглядно свидетельствуют контекстные иллюстрации, включенные в словарную статью.

Словарную статью возглавляет само выражение или крылатое слово, которое приводится с прописной буквы. Со строчной указывается его грамматическая характеристика, например, управление. Для крылатых выражений, структура которых представляет собой словосочетание, в круглых скобках указаны лексические варианты. Например: *БЛАГИМИ (ДОБРЫМИ) НАМЕРЕНИЯМИ АД ВЫМОЩЕН* или НИ [ОДНОГО] ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ (ЧЕРТЫ, ЛИНИИ).

Как видно из примера, в выражении выделяются и факультативные компоненты, или части цитат, которые нередко опускаются при употреблении данного КВ, условно обозначенные в квадратных скобках. Например: *БЛАЖЕН, КТО СМОЛОДУ БЫЛ МОЛОД [БЛАЖЕН, КТО ВОВРЕМЯ СОЗРЕЛ]* или *ЕШЬ АНАНАСЫ, РЯБЧИКОВ ЖУЙ! [ДЕНЬ ТВОЙ ПОСЛЕДНИЙ ПРИХОДИТ, БУРЖУЙ!]*

Далее в словарной статье приводится стилистическая помета данного выражения. В словаре используются 2 типа помет, которые уже были апробированы в вышеуказанных словарях крылатых слов. Это пометы из сферы функционирования данного выражения (*разг, прост, книжн, фольк., устар.*) и пометы эмоционально-экспрессивной окраски (*шутл, ирон, одобр, высок*) .

Кроме того, в статье дается толкование данного выражения. Вопрос о дефиниции КС достаточно сложен, что объясняется, прежде всего, их широким структурно-синтаксическим диапазоном: от отдельного слова до развернутой цитаты-афоризма. Типология дефиниций крылатых слов и выражений, представленная в данном проекте, была описана в предисловии к краткому словарю-справочнику крылатых слов из серии «Давайте говорить правильно» (Зыкова, Мокиенко 2005: 16-18). Она такова.

1. Толкование крылатых слов-лексем соотносится с толкованием лексики, напр.:

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК. Пренебр. О наивном, непрактичном, крайне доверчивом, но справедливом и сообразительном в случае необходимости человеке;

ЕХИДНА. Злой, язвительный и коварный человек;

ОБЛОМОВ. Неодобр.О ленивом, праздном и апатичном человеке.

2. Дефиниции крылатых выражений-словосочетаний фразеологического типа сопоставимы с толкованием разного рода фразеологизмов, напр.:

КРАСНОКОЖАЯ ПАСПОРТИНА. Публ. прост. О советском паспорте;

МОЛОТКАСТЫЙ, СЕРПАСТЫЙ СОВЕТСКИЙ ПАСПОРТ. Публ. Употребляется как образное описание паспорта гражданина СССР;

ЛЬВИНАЯ ДОЛЯ чего. Книжн. Большая и лучшая часть чего-л.

3. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз с афористическим обобщением и без него соизмеримы с толкованиями коммуникативных сочетаний или с толкованиями афоризма, напр.:

А БЫЛ ЛИ МАЛЬЧИК? Шутл. А было ли что-л, о чем говорят, что обсуждают?

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... Одобр. или шутл. Употребляется как характеристика необыкновенности русских женщин.

4. Дефиниции синтаксически законченных крылатых выражений с обобщенно-паремиологическим значением соотносимы с толкованием пословиц, напр.:

КОГО БОГ (ЮПИТЕР) ХОЧЕТ ПОГУБИТЬ (НАКАЗАТЬ, ПОКАРАТЬ), ТОГО ОН ЛИШАЕТ РАЗУМА. Посл. книжн. Потеря рассудка — самое страшное наказание для человека.

5. Дефиниции синтаксически законченных крылатых фраз вопросительного или восклицательного типа соотносятся с толкованием соответствующих фразеологических коммуникантов, напр.:

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА! Обычно шутл.1. Выражение удивления при неожиданной встрече с людьми, которых не рассчитывал встретить. 2. Выражение удивления в случаях, когда обнаруживают, что работа, теория, идеи, аргументы и т.п., выдаваемые за новые, оказываются, на самом деле, старыми и хорошо известными.

Основной частью словарной статьи является историко-этимологический комментарий об исходном источнике крылатого слова или выражения, их авторе. При этом для авторской цитаты указывается точно произведение и дата его написания, а в некоторых случаях, особенно для поэтических цитат, приводится авторский контекст-источник данного КВ, напр.: *КЛЯЧА ИСТОРИИ. Выражение из первой строфы стихотворения В.В. Маяковского «Левый марш» (1918):*

Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
***Клячу истории** загоним.*
Левой! Левой! Левой!

Для некоторых единиц дается указание на исходную языковую принадлежность, при заимствовании – на языковой источник, напр.:

ИСТИНА В ВИНЕ. Книжн. часто шутл.-ирон. Цитируется также по-латыни: In vino veritas. Слова Плиния Старшего (Естественная история, 14, 28, 22).

В некоторых случаях приводится развернутый комментарий с указанием всех вариантов вторичного цитирования КВ, напр.:

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. Посл. книжн. иногда ирон. Восходит к латинской пословице Et fumus patriae dulcis; Dulcis fumus patriae (букв. И дым отечества сладок; Дым отечества сладок). Аналогичные изречения встречаются в античной литературе — напр., в “Одиссее” Гомера: “... Видеть хоть

дым, от родных берегов вдалеке восходящий...” (1, 56-58) или у Овидия (“Понтийские послания” (1, 3, 33): “... чтоб мог увидеть дым отечественного очага”. В русском языке пословица появляется, видимо, в 70-е гг. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности. Она приводится в разных вариациях Державиным (стихотворение “Арфа” – 1798), Вяземским, Батюшковым. Крылатой она стала в русском литературном языке благодаря употреблению в комедии “Горе от ума” А.С. Грибоедова (д. 1, явл. 7 – 1824).

Одним из основных отличий данного словаря, кроме его явной ориентированности на адресата – школьников, является наличие контекстных иллюстраций, что позволяет создать достаточно полную картину реального функционирования крылатых слов и выражений в современном русском языке, показать их культурологический и коннотативный потенциал. Источниками контекстов послужили произведения современной художественной литературы, материалы СМИ, в том числе и Интернет-ресурсы.

Критериями подбора контекстов полужила необходимость проиллюстрировать все возможные нюансы употребления КС, случаи разнообразного их каламбурного обыгрывания, а также показать использование крылатых выражений в источниках разного рода. Для каждого крылатого выражения или слова мы старались привести около 5 контекстов, иллюстрирующих его с разных сторон, напр.:

ЛЕД ТРОНУЛСЯ, ГОСПОДА ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ! Ирон. Выражение из романа И. Ильфа и Е. Петрова “Двенадцать стульев” (1928). Что-л. неожиданно и резко изменилось к лучшему; наступил благоприятный переломный момент в какой-л. важной ситуации.

*Так, в Бирмингеме огромная толпа леди решила направиться в городской суд с требованием удовлетворить их требования. По этому поводу королевский прокурор Д. Диксон предупредил: – **Леди тронулись, господа присяжные заседатели!** ЛГ, 7.03.90, с. 16.*

*Уважаемый Евгений Сазонов-отец!... Разделяю Ваш восторг по поводу падшего бастиона и **тронутого льда!** Но это крохи, так сказать, мелкие ручейки, а где же бурный поток? ЛГ, 14.01.90, с. 16.*

***Лед тронулся, господа рыболовы!** (заголовок заметки) Пошел ладожский лед. Вчера он появился в верхнем течении Невы и уже к вечеру достиг Финского залива. (Зоя Федорова. СПб ведомости, № 83, 5.05.1996).*

***Шельф тронулся** // последним участником проекта по освоению Штокмана стала Statoilhydro (заголовок статьи). Вторым иностранным участником проекта по освоению штокмановского месторождения после французской Total станет норвежская Statoilhydro. (газета “Коммерсантъ” № 197(3773) от 26.10.2007,* http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=818952*)*

*Однако популярная писательница Полина Дашкова медлила. Предложения экранизации ее романов постоянно поступали, но она относилась к ним очень осторожно, так как боялась сериального «мыла». «Когда я слышу «текстухи», произносимые персонажами, я вижу за ними затюканного сценариста-халтурщика», – признавалась Дашкова. Но вот **лед тронулся** – вместе с Владимиром Железниковым, автором «Чучела», и его женой Галиной писательница решила написать сценарий (Дашкова не халтурит. Панорама ТВ, № 27, 2002).*

Для расширения диапазона использования словаря в конце приводится список всех крылатых слов и выражений в алфавитном порядке, а также список их авторов. Это поможет и учителю, и школьнику легче ориентироваться в словаре.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Госполитиздат, 1955; 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960; 3-е изд. – М.: Худож. лит., 1966; Изд-во под ред. В.В. Вомперского. – М.: Правда, 1986; 4-е изд., дополн. – М.: Худож. лит., 1987.

Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1980.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. – М.: «Изд-во "Русские словари"», ООО «Изд-во "Астрель"», ООО «Изд-во "АСТ"», 2000.

Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): Учеб. пособие: в 4 ч. – Київ, Видавничий дім 'Комп'ютерпрес', 2001-2003. – Ч. I-IV.

Ермолаева Ю.А., Зайнульдинов А.А., Кормилицына Т.В., Мокиенко В.М., Селиверстова Е.И., Якименко Н.Е. Школьный словарь живых русских пословиц. Около 1000 единиц / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: «Издательский дом "Нева"»: «Олма-пресс», 2002. – 2-е изд. – М.: ООО «Изд-во "Астрель"»: ООО «Изд-во "АСТ"», 2007.

Зыкова Е.И., Мокиенко В.М. Давайте говорить правильно! Крылатые слова в современном русском языке: Краткий словарь-справочник. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2005.

Кожевников А.Ю. Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. – СПб.: «Издательский дом "Нева"»; М.: «Олма-Пресс», 2001.

Максимов С.В. Крылатые слова. – М.: Терра, 1995.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «Олма Медиа-пресс», 2008.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских устойчивых сравнений. – М.: ЗАО «Олма Медиа-пресс», 2008.

Мокиенко В.М. Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: «Издательский Дом "Нева"», 2005.

Шулежкова С.Г. Песенные крылатые выражения. (18 век – Великая Отечественная война). Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1993, Вып. 2.

Шулежкова С.Г. Романсные и оперные крылатые выражения. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1993, Вып.1.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения из песен 2-й пол. 1940-х начала 1990 гг. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Челябинск: Изд-во ЧГПИ «Факел», 1994, Вып. 3.

Шулежкова С.Г. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Челябинск, изд-во ЧГПИ, «Факел», 1994, Вып. 4.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – Челябинск: Изд-во ЧГПИ «Факел», 1995.

Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства». – М.: Азбуковник, 2003.

Chlebda W., Mokienko V.M., Szuleżkowa S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. – Łask: Oficyna wydawnicza leksem 2003.

SCHOOL DICTIONARY OF RUSSIAN POPULAR PHRASES (WINGED WORDS): PRINCIPLES OF MODELING AND LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

E.I. Zykova

The school dictionary advanced by the author is the next one in the series of dictionaries for high school published by St.-Petersburg State University phraseological school of Slavonic languages. The dictionary has characteristic peculiarities of a word list arrangement and of a vocabulary entry. The dictionary is intended for secondary school students, teachers, and general readers.

© 2009

А.М. Григораш

КОМПЛЕКСНЫЕ ПРИЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ – НАЗВАНИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В СПЕЦИАЛЬНОМ СЛОВАРЕ
(на материале русскоязычной прессы Украины)

Все приемы индивидуально-авторской интерпретации фразеологических единиц (ФЕ), к которым мы причисляем и крылатые выражения (КВ), структурно представляющие собой словосочетания и предложения, подразделяются на **внутрифразеологические** и **контекстные**. Первые организованы с учетом языковых уровней, поскольку, «становясь во фразеологическом словосочетании действительно компонентами словосочетания, слова тем не менее остаются все-таки словами, точно так же, как и слова, употребленные в переносном значении, не перестают быть словами» [Шмелев 1977: 320], вторые – с учетом разновидностей фразеологического контекста. Этот фактор не может не влиять на характер описания КВ в задуманном нами словаре.

В зависимости от характера окказиональных преобразований КВ среди **внутрифразеологических приемов** выделяются:

фонетические (например, эмфаза);

лексические (связанные в основном с различного рода замещением компонентов КВ);

словообразовательные (субстантивация фразеологизмов, употребление компонентов сверхсловных языковых единиц с различными словообразовательными суффиксами, создание неологизмов на базе существующих КВ);

морфологические (использование категории рода при субстантивации КВ, употребление множественного числа компонента КВ вместо единственного);

синтаксические (эллипсис, расширение границ КВ, контаминация двух или нескольких КВ).

Контекстные приемы объединяют окказиональные преобразования КВ, актуализаторы которых находятся за пределами устойчивой сверхсловной языковой единицы, то есть во внутрифразовом, фразовом и сверхфразовом контекстах, в также в газетном материале в целом. Эти приемы, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы: не изменяющие внутренней формы КВ и приводящие к преобразованию его семантического плана.

Первая группа приемов включает ***способы параллельного линейного сопряжения слова и КВ, нанизывание и сцепление КВ, транспозицию и повтор***. Ко второй группе относятся ***межуровневая омонимия***, которая включает в себя семантическую двуплановость, «сосуществование» КВ и омонимического по компонентному составу свободного словосочетания, десемантизацию, а также ***метафорическое употребление*** КВ.

Комплексные приемы индивидуально-авторской интерпретации КВ представляют собой взаимодействие внутрифразеологических и контекстных приемов. Они могут объединять:

– распространение крылатого выражения двумя именами прилагательными, находящимися в интерпозиции и использующимися в функции уточнения + десемантизация, при которой благодаря наличию в газетном контексте ключевого словосочетания КВ воспринимается в прямом значении: *«**Вишневый детский соловьиный сад**. В Киеве 3 тыс. детей ждут усыновления. Такую статистику в понедельник обнародовал Городской центр ребенка. За последние полгода в столице усыновили только 65 малышей» («Известия-Украина», № 122 (26439), 12.07.03, с. 10; ср.:* А.П. Чехов, «Вишневый сад»*)*;

– распространение крылатого выражения именем существительным с предлогом, находящимся в постпозиции и выступающим в функции уточнения + десемантизация: *«**Белый пароход у дома**. В Черном море возле острова Змеиный обнаружен военный корабль времен Первой мировой войны. Таких миноносцев в Черноморском флоте были единицы» («Известия-Украина», № 101 (26418), 10.06.03, с. 9; ср.:* Ч.Т. Айтматов, «Белый пароход»*)*;

– распространение крылатого выражения в целом (в постпозиции) + десемантизация, при которой благодаря содержанию газетного материала крылатое выражение воспринимается в прямом значении, несмотря на то, что оно заключено в кавычки: ***«Вишневый сад» есть даже у Чубайса**. Власти Ялты планируют получать многомиллионные прибыли в бюджет города от постоянного проведения земельных аукционов. Ведь приватизация отдельных участков предусматривает взимание не только арендной платы, но и земельного налога. К тому же объекты собственников смогут закладываться в банки и перепродаваться» («Комсомольская правда в Украине», № 153/34 (23098), 22-29.08.03, с. 30-31; ср.* А.П. Чехов, «Вишневый сад»*)*;

– замещение базового компонента крылатого выражения лексемой близкого тематического плана + десемантизация: *«**Люди подземелья**. Сотрудникам территориальных центров Киева, обслуживающих одиноких малообеспеченных граждан на дому, и патронажным сестрам Киевского городского общества Красного Креста предоставлен бесплатный проезд в метрополитене. Бесплатным проездом будут обеспечены 1,584 тыс. человек, предоставляющих социальные услуги на дому для более чем 16 тыс. киевлян» («Известия-Украина», № 106 (26423), 2006.03, с. 1;*

ср.: В.Г. Короленко, «Дети подземелья»; индивидуально-авторское значение новообразованного крылатого выражения ***люди подземелья*** – '*те, кто в силу своих профессиональных обязанностей постоянно ездит в метро*')*;*

– замещение структурного компонента КВ окказиональной для него лексемой + десемантизация: *«**Коварство и логика**. Директор корейского офиса Samsung по вопросам экспорта присвоил $ 1,5 млн. То, что Джон Ли занимался мошенничеством с 2002 г., выяснилось совсем недавно, и его сразу же уволили» («Известия-Украина», № 154 (26471), 27.08.03, с. 12; ср.:* Ф. Шиллер, «Коварство и любовь»*)*. Следует отметить, что из множества контекстных приемов именно этот является наиболее распространенным в современной русскоязычной прессе Украины: *«**Финансы и поклонники**. Продолжающееся падение курса доллара США привело к тому, что реальные доходы ведущих нефтедобывающих государств, включая членов ОПЕК, упали на треть. И все более слабеющий доллар не вызывает у стран-членов нефтяного картеля желания снижать цены и увеличивать добычу» («Известия-Украина», № 154-155 (25994), 28.08.1, с. 10; ср.:* А.Н. Островский, «Таланты и поклонники»*); «**Мафия и море**. Военно-морские силы Колумбии перехватили стеклянную подлодку для перевозки наркотиков. Как стало известно во вторник, лодка способна взять на борт до 10 т наркотиков. Судно длиной 20 м сделано из прочного стекла и закамуфлировано тканью под цвет моря» («Известия-Украина», № 130 (26209), 26.07.02, с. 12; ср.: Э. Хемингуэй, «Старик и море»)*;

– замещение структурного компонента крылатого выражения антонимом + десемантизация: *«**Богатство не порок**. Счастье в деньгах. Это показал проведенный среди жителей Великобритании опрос. Около 80% женщин и 78% мужчин с доходом $ 1млн заявили, что деньги сделали их счастливыми в личной жизни» («Известия-Украина», № 132 (25724), 19.07.2000, с. 5; ср.: А.Н. Островский, «Бедность не порок»)*. Аналогичный пример: *«**Лето тревоги нашей**. И в футболе, и в политике случаются судебные ошибки, попадаются продажные арбитры. И там, и тут вольно трактуют писаные правила и постоянно изменяют неписаные. В обеих сферах играют на большие ставки и безуспешно борются с коррупцией» («Зеркало недели», № 23 (602), 17-23.06.06, с. 1, 2; ср.:* Д. Стейнбек, «Зима тревоги нашей»*)*;

– грамматические изменения лица и числа личного местоимения - базового компонента КВ + десемантизация: *«**И это все о нас**. Всем, кто живет «не хлебом единым», кто любит нашу Украину, интересуется ее прошлым, болеет за настоящее и будущее, рекомендуем посетить «Музей Культурної Спадщини» на ул. Московской, 40-Б» («Киевский вестник», №25 (5809), 23.08.03, с. 4; ср.:* В.В. Липатов, «И это все о нем»*)*;

– грамматическое изменение наклонения базового глагольного компонента КВ + десемантизация: *«**Что сказал бы покойник**. В Швейцарии обнаружены дневники итальянского диктатора Бенито Муссолини, которые он вел в 1935-1939 гг., сообщила в воскресенье газета Corriere de la Serra. Дневники хранились дома у человека, который во время войны был партизаном. Он принимал участие в аресте Муссолини в 1945 г. и взял с собой часть бумаг, которые были у дуче в момент ареста. Внучка итальянского диктатора Алессандра Муссолини считает, что это подлинные дневники ее деда» («Известия-Украина», № 132 (26449), 26.07.03, с. 9; ср.:* И. Хмелевская, «Что сказал покойник»*)*;

– изменение числа и рода базового компонента КВ + замещение структурного элемента окказиональной для него лексемой + десемантизация: *«**Унесенная взрывом**. Татьяна Лавриненко, погибшая на рынке, накануне трагедии предчувствовала беду» («Киевские ведомости», 4.09.04, с. 7; ср.:* М. Митчелл, «Унесенные ветром»*)*;

– замещение одного из структурных компонентов крылатого выражения окказиональным для него личным именем существительным + повтор этого компонента в свободном употреблении: *«**Стойкий оловянный Басаев**. Российский рынок детских игрушек захвачен террористами и фашистами. Немецко-фашистские солдатики российского и зарубежного производства бьются за покупателей с энкавэдэшниками и прочими сталинскими казаками. В других магазинах опять засада: бородатые «афганские моджахеды» рядом с нашими «спецназовцами». А на прилавках интернета есть и игрушечные чеченские террористы во главе с Шамилем **Басаевым**. Вот в таких солдатиков предлагает поиграть нашим детишкам сегодняшний российский рынок» («Известия. Украина. Украинский выпуск», № 67/27108, 14.04.06, с. 1, 4; ср.:* Г.Х. Андерсен, «Стойкий оловянный солдатик»*)*;

– замещение структурного компонента КВ окказиональной для него лексемой-рифмой к базовому элементу + повтор базового компонента в свободном употреблении + десемантизация: *«**Слезами клоуна**. Киевлянин Сергей Ермаков более 20 лет «режет» женщин и заставляет людей летать. Все это он проделывает в фокусах. Сергей с детства обожал цирк, ходил в цирковую студию, где был **клоуном** и жонглером. А после школы поступил в эстрадно-цирковое училище. Сейчас киевлянин показывает фокусы с картами, с кольцами, протыкает шпагой горло женщинам, а мужчинам режет ножом руки. Благодаря фокусам он также покоряет прекрасных дам. Свое мастерство Сергей демонстрирует не только украинской, но и китайской публике» («Киевские ведомости», 24.07.03, с. 10; ср.:* Г. Белль, «Глазами клоуна»*)*;

– замещение структурного компонента крылатого выражения окказиональным для него элементом-именем существительным + распространение в целом словосочетанием, находящимся в постпозиции и отделенным от базовой структуры КВ графически, + десемантизация: *«**Ни дня без водки – 13 лет подряд!** Существует целая программа обучения. Например, среди заданий этой программы – «расшифровка» составов специальных растворов. Наконец, важна постоянная практика: настоящий специалист, чтобы не потерять форму, каждый день должен дегустировать минимум три различных образца. На самом деле дегустация – это не употребление напитка, а его оценка. Причем вкус – только один из многих важных критериев. То есть пить водку (в прямом смысле) на дегустациях не нужно! Поэтому суммировать те минимальные дозы, которые я ежедневно – вот уже более 13 лет – пропускаю «через себя», просто нет смысла» («Комсомольская правда. Украина. Киевский выпуск», № 78 (2359/23755), 27.04.06, с. 19; ср.:* Ю.К. Олеша, «Ни дня без строчки»*)*.

Сложные образы, обладающие яркой экспрессивностью, как правило, создаются путем взаимодействия различных приемов индивидуально-авторской интерпретации ФЕ вообще и КВ в частности. Как отмечает В.П. Григорьев, «способы слово- и фразопреобразования взаимодействуют друг с другом, оказываются комплексными и разнонаправленными. Не учитывая взаимодействия

различных способов слово- и фразопреобразования, невозможно перейти от простого инвентаря приемов к его динамической структуре, к свойствам и различиям между «идиостилями» в синхронии и диахронии» [Поэт и слово 1973: 68-69].

Таким образом, комбинированные приемы индивидуально-авторской трансформации как отдельных КВ, так и их контекстов непременно должны найти отражение в специальном словаре КВ – названий художественных произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Поэт и слово: Опыт словаря / под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1973.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык: Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – С.288-333.

COMPREHENSIVE TREATMENT OF POPULAR BOOK-TITLE EXPRESSIONS (WINGED WORDS) IN A SPECIALIZED DICTIONARY (BASED ON UKRAINIAN PERIODICALS PUBLISHED IN RUSSIAN)

A.P. Grigorash

While on the subject of presenting famous book-title winged units in dictionaries, the author gives prominence to their functioning as newspaper headlines. This function entails a variety of individual contextual and intra-phraseological interpretations which are detailed in this article.

© 2009

Е.С. Дудко

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА: ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА И ПУТИ ИХ СЛОВАРНОГО КОММЕНТИРОВАНИЯ

Деятельность говорящего определяется двумя аспектами лексической сочетаемости: ее устойчивостью и идиоматичностью. В сознании говорящего хранится типовая, то есть общая, регулярно воспроизводимая сочетаемость слов и воспроизводимые в готовом виде крылатые слова, цитаты и другие прецедентные феномены.

Прецедентные тексты, ситуации, высказывания, имена, «сочетая коммуникативную и эстетическую функции, соотносят конкретный речевой акт с культурно-литературным багажом и эстетическим опытом читателей, становятся

символами определенных нравственных принципов поколения, эпохи» [Норман 1994: 96].

Приведем примеры прецедентных феноменов из классических текстов советской детской литературы:

1) *И вот опять ночь. Все в доме спят. Темно. Помигивает лампадка перед старинным черным киотом. По серому ночному потолку бегут белые бледные блики – то ли карета проехала на той стороне Фонтанки, то ли* ***луна пробирается сквозь волнистые туманы****, то ли ветер раскачивает где-то у Египетских бань газовый фонарь (Л. Пантелеев. Сто почтовых марок);*

2) *Но тут пришел наш учитель пения Борис Сергеевич. Он сразу подошел к роялю.*

– Нуте-с, начинаем! Где стихи?

Андрюшка вынул из кармана какой-то листок и сказал:

– Вот. Я взял размер и припев у Маршака, из сказки об ослике, дедушке и внуке. ***«Где это видано, где это слыхано...»*** (В. Драгунский. Денискины рассказы);

3. *Пока Федя читал задачу, песенка про титулярного советника кончилась и началась другая: Легко на сердце от песни веселой, / Она скучать не дает никогда, / И любят песню деревни и села, / И любят песню большие города! Эта песенка очень понравилась Феде. Он даже забыл про задачу и стал пристукивать карандашом по столу в такт* (Н. Носов. Федина задача).

Прецедентные феномены связаны с явлением интертекстуальности. «Текст – диалог автора не только с читателем, но и со всей современной и предшествующей культурой. Он несет на себе следы этого диалога в виде аллюзий, цитат, реминисценций» [Арнольд 1993: 8]. Интертекстуальное отношение, связанное с активной установкой автора текста на диалогичность, строится на взаимопроникновении текстов разных временных слоев, и каждый новый слой преобразует старый, «каждый текст оказывается включенным во всю систему созданных до него или параллельно с ними текстов» [Фатеева 2006: 10]. Например, в текстах классических произведений XX в., созданных для детей, встречаются отсылки как к произведениям современников (А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, К.И. Чуковского, С.Я. Маршака, С.В. Михалкова), так и русских классиков XIX в. (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, И.С. Крылова), к арабским сказкам («Али-баба и сорок разбойников»), к произведениям В. Скотта («Айвенго»), М. Твена («Том Сойер»); к текстам песен гражданской войны, Великой отечественной и мирного советского времени; к прецедентным именам, относящимся к разным историческим эпохам, странам, сферам деятельности.

И.В. Арнольд отмечает важность правильного восприятия и понимания интертекстуальных включений, к которым относятся прецедентные феномены. В языке сформулированы знания о мире других людей и предшествующих поколений, и понимание, которое осуществляется через язык, зависит от жизненного, культурного и исторического опыта индивида-реципиента, его владения различными кодами, от его общекультурной, то есть «межтекстовой компетентности». Одной из сторон процесса понимания является «декодирование знаков и интеллектуальное осознание их смысла и духовного содержания <...> Межтекстовая компетентность основана на том, что в объеме памяти читателя хранятся следы ранее прочитанного <...> схемы возможных интерпретаций, учи-

тывающих, что смысл включений может постепенно раскрываться в дальнейшем контексте или в авторских комментариях» [Арнольд 1993: 7- 9].

Восприятие и понимание основываются на сочетании прецедентных контекстов в данном тексте, в прототексте (исходном тексте) и требуют от современного носителя языка узнавания и припоминания. «Эффективность сопоставления всех релевантных, в том числе и экстралингвистических, контекстов зависит от эрудиции читателя и от его умения найти нужную информацию. При отсутствии узнавания “другого голоса” текст оказывается непонятым или понятым только поверхностно... Метод “ответного понимания”, опирающийся на взаимодействие этих “голосов“, определяется осознанием их конкретно-исторической обусловленности в исходном контексте и служит средством художественного познании действительности» [Там же: 8-9].

Принцип интертекстуальности заключается в том, что цитируемый текст вложен в цитирующий текст неявно и нуждается в разгадывании [Руднев 2001]. Автором текста могут быть подготовлены маркеры интертекстуальности: прямое указание на источник в сносках, или в словах кого-нибудь из персонажей, или в эпиграфах (пример 2). Эти маркеры могут опираться и на «заметную для читателя гетерогенность. Наталкиваясь на такие, как будто бы чуждые тексту элементы, нарушающие закон семиотического согласования, читатель стремится объяснить их» [Арнольд 1993: 10] (примеры 1, 3). Однако согласованность пресуппозиций автора и читателя достигается не всегда, так как между миром автора, его произведением, и миром читателя может лежать значительный временной промежуток, в течение которого произошли существенные изменения в жизни общества, а следовательно, и в языке, в частности, в составе прецедентных единиц.

Герменевтическое понятие «возможный мир» предполагает преодоление разрыва между собственным читательским миром и исторически возможным миром литературного произведения. И здесь возможна разная интерпретация текста современниками писателя и читателями других эпох, которая зависит от исторических изменений.

Проблема правильного восприятия и понимания прецедентных феноменов современным читателем связана с отсутствием авторского комментария к ним.

Понимание текстов основывается в значительной степени на понимании цитат, а это, в свою очередь, требует историко-культурных знаний и способности облекать эти знания в слово. Для того чтобы правильно понять текст, необходимо знать те тексты, к которым он отсылает. Поэтому актуальным является составление словаря прецедентных феноменов по текстам детской литературы.

О значимости каталогизирования и лексикографического описания прецедентных феноменов, обслуживающих определенную лингвокультурную общность, пишет Ю.А. Сорокин: «Так как метабазисные единицы являются и прецедентными единицами (цитатными коннекторами), используемыми в полной или редуцированной форме носителями русского языка, то собирание коннекторов – сверхблагое дело. Вот именно они (но не только) свидетельствуют об эмотивно-коннотативных и когитивно-когнитивных установках русской лингвокультуральной среды, об ее устойчивости и мощности, мере сохранности и трансформируемости» [Сорокин 2003: 25].

За основу для словаря хронологически отмеченной лексики советского периода из детских произведений можно взять модель, по которой построен «Словарь редких и забытых слов (из произведений русских классиков от Александра Сумарокова до Александра Блока)» В.П. Сомова (1996). «Не только у юного читателя, - отмечает автор словаря, - но и искушенного книголюба могут возникнуть затруднения при чтении шедевров отечественной литературы золотого и серебряного века. Особенно в тех случаях, когда контекст не помогает понять значение глоссы, а в толковых словарях оно отсутствует. Здесь и нужен глоссарий» [Сомов 1996: 3-4]. Задача такого словаря – снять лексические трудности (в данном случае связанные с прецедентными феноменами), которые возникают при чтении детских классических произведений, расширить и углубить языковую и историко-культурную компетенцию современного носителя языка.

Хорошим подспорьем для словаря станут материалы «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, который вводит в оборот прецедентные тексты нового типа – высказывания первых лиц советской страны. Каждый из таких текстов реализует определенную идеологему или соединение идеологем (квазиидеологем). При этом каждая идеологема вырастает из особого сочетания слов – сочетания, маркирующего эпоху социальной революции и построения социализма, и не всегда семантически соответствует толкуемому слову. «Словарь идеологем ориентирован на формирование языкового сознания примитивного человека. Примитивный человек должен испытывать чувство превосходства и не стремиться к сложным мыслительным операциям, требующим разъяснения. Эту стратегию позволяют осуществить вводимые Словарем в активный речевой оборот прецедентные тексты, облекающие то или иное идеологическое предписание в речевую форму» [Купина 1995: 44].

Лингвистические словари не всегда могут помочь в объяснении «периферийных семантических компонентов» [Стернин 1985], имеющихся у слова. Необходимо обращение к словарям, прежде всего, энциклопедического типа. В них выделяются «кванторы объективной культурной сверхинформации, которые, неся на себе печать эпохи и личности составителя словаря, в то же время лишены специальных установок на выражение сверхинформации (к.-хронотопы, к.-лексикографической культуры); кванторы-квалификаторы, которые содержат намеренную объективную, субъективную и идеологическую классификацию единиц описания с точки зрения их значимости в пространстве культуры своего времени и в информативном пространстве данного энциклопедического словаря (к.-идеологемы)» [Куликова 2007: 24].

Существенно могут помочь выполненные в форме словарно-энциклопедических описаний книжные издания своеобразного нового жанра – комментария к хронологически отмеченной лексике советского времени. К ним относится, например, книга Б. Сарнова «Наш советский новояз» [Сарнов 2002]. Фрагмент словарной статьи «Нам песня строить и жить помогает» поможет при описании прецедентного текста, встречающегося в рассказе Н. Носова «Федина задача» (пример 3).

Можно использовать также материалы книги М. Сеславинского «Честное пионерское», написанной специально для современного юного читателя, в ко-

торую не только включены прецедентные феномены, но и даются небольшие комментарии к ним. Встречающееся в тексте рассказа «Ночь в пионерской комнате» прецедентное высказывание «Пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза – будь готов!» и небольшой комментарий к нему может способствовать правильному восприятию многих текстов советской детской литературы, например, книги В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи».

Прецедентные феномены – основа обучения, аккультурации ребенка, то есть приобщения его к мировой и отечественной культуре и истории. Их знание определяет культурную грамотность, общественно осознается как необходимый признак образованного человека. Умение распознать и адекватно интерпретировать прецедентные феномены советской эпохи является условием полноценного восприятия многих, ставших классическими, текстов детской литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте: межвуз. сб. науч. трудов. – СПб.: «Образование», 1993. – С.4-12.

Куликова И.С., Салмина Д.В. Кванторы культурной сверхинформации в гипертексте энциклопедического словаря // Русское слово и русский текст: история и современность: сб. науч. ст., посвященный чл.-кор. РАО, проф. В.А. Козыреву / отв. ред. В.Д. Черняк. – СПб.: Изд.-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – С.23-32.

Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун.-та. «ЗУУНЦ», 1995.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: «Аграф», 2001.

Сарнов Б. Наш советский новояз. – М.: Материк – Альфа, 2002.

Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж.: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985.

Фатеева Н.Л. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2006.

CHILDREN'S LITERATURE OF THE 20th C. AND INTERTEXTUALITY: PRECEDENT PHENOMENA IN MODERN NATIVE SPEAKER'S PERCEPTION AND DICTIONARY COMMENT MEANS

E.S. Dudko

The paper deals with intertextual embedding in classical children's books of the Soviet period with special emphasis both on modern pupil perception and understanding of precedent phenomena, and the ensuing problem of lexicographic description of intertextual units. The author offers a dictionary model supplied with explanation of chronologically marked 20th century lexicon occurring in children's books.

© 2009

Н.А. Бабарика

ЗАИМСТВОВАННЫЕ КРЫЛАТЫЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Выражение «крылатые слова», восходящее еще к Гомеру (греч. ерea pteroenta), приобрело терминологическое значение после выхода в свет книги немецкого ученого Георга Бюхмана «Geflügelte Worte» (1864). Под крылатыми словами Г. Бюхман понимал «...постоянно воспроизводимое в широких кругах отечества изречение, выражение или имя безразлично какого языка, исторический источник или литературное происхождение которого известно (доказуемо)» [Büchmann 1905: XXVI]. Признавая главным источником крылатых единиц «печатные тексты», ученый вносит в справочник крылатые слова и выражения из произведений немецких и иностранных писателей, а также библейские и исторические цитаты. Таким образом, и в дефиниции и в лексикографической практике Г. Бюхман показал, что кроме крылатых слов национального фонда, в языке существует фонд единиц иностранного происхождения.

Стоит заметить, что термин «крылатые слова» употребляется преимущественно в немецком, славянских и скандинавских языках, а в английском и французском языках заменяется термином «цитата» («quotation», «citation»). Данное отличие в терминологии является существенным, так как не все крылатые слова являются цитатами и не каждая цитата может стать крылатым выражением. Цитата неотрывна от своего источника, в речь вводится для подкрепления излагаемой мысли авторитетным высказыванием, не развивает свою собственную семантику. Крылатое слово используется в речи в качестве готового способа выражения мысли (по С.Г. Займовскому), служит информантом о каком-либо событии, явлении или человеке, характеризуя, прямо или опосредствованно, новую реалию. Непременным условием существования цитаты является точность воспроизведения оригинала; эптоним (термин, предложенный Л.П. Дядечко, для обозначения крылатых слов и выражений как языковых единиц) находится вне прямой связи с контекстом, часто становясь объектом всевозможных переделок. Структурно эти единицы отличаются отсутствием интродуктивной части, обязательной для цитаты. Для эптонимов характерно обобщенное значение, закрепленная связь между обозначающим и обозначаемым, а у цитат такое значение и такая связь отсутствуют [Дядечко 2006: 42-48]. Нередко цитаты и крылатые слова сосуществуют на страницах словарей крылатых слов и выражений.

Ученые по-разному классифицируют крылатые единицы иностранных авторов. Исследуя функционирование и развитие фразеологического состава русского языка, Ю.Н. Афонькин выделяет крылатые слова иностранного происхождения и группу национальных крылатых единиц, к которым он относит и выражения, «заимствованные одним языком из какого-то иноязычного

источника, но не вошедшие во фразеологический фонд другого» [Афонькин 1990: 8]. О.В. Беркова вслед за Г. Бюхманом выделяет уже три группы крылатых слов: 1) интернациональные, которые используются в большинстве языков, многими народами; 2) региональные, восходящие к произведениям, характерным для группы родственных языков; 3) национальные [Беркова 1991: 87-88].

Крылатые слова изначально связаны с текстом, а значит – с определенным языком, но, выходя за его пределы, они становятся международным достоянием, причем функционируют не только в переводе на другие языки, но и в своей исходной форме (*Alea jacta est* – лат., *À la guerre comme à la guerre* – фр., *Drang nach Osten* – нем., *Time is money* – англ.). То есть национальный фонд крылатых слов включает в себя единицы, функционирующие как только в одном (*die Rotte Korah (нем.), I have a dream (англ.), У всякого своя доля і свій шлях широкий (укр.*), так и в нескольких языках (*Альфа и омега* (*l'alpha et l'oméga* – фр.), *авгиевы конюшни* (*Авгієві стайні* – укр.), *борьба за существование (the struggle for existence* – англ.), *человеку свойственно ошибаться* (*Irren ist menschlich* – нем.).

Важнейшими источниками заимствованных крылатых слов считаются сакральные христианские тексты, античная культура и мировая художественная литература (Э.М. Солодухо, С.Г. Шулежкова). В XX–XXI вв. лидирующую роль в пополнении международного фонда крылатых единиц начинают выполнять синтетические жанры искусства и тексты средств массовой коммуникации. Тотальная информатизация общества в XXI в., так называемая глобализация, ведет к всемирной культурной интеграции и унификации. Современные кинофильмы выходят на экраны одновременно во многих странах мира, книги переводятся и становятся популярными у читателей из разных стран. Значительную роль играет повсеместное распространение глобальной сети Интернет. Мировая литература, современное театральное и киноискусство, рекламные слоганы, выступления государственных деятелей становятся гораздо ближе к каждому носителю языка. Это сближение вызывает заинтересованность современного общества в историко-культурном и языковом наследии не только своего, но и других народов, что, в свою очередь, обусловливает появление сборников, энциклопедий и словарей афоризмов, крылатых выражений и цитат.

Заимствованные крылатые слова и выражения по-разному представляются в национальных лексикографиях, что зависит, в частности, от структуры издания. Словари крылатых слов весьма отличаются по своей макроструктуре. В лексикографировании крылатых слов создатели словарей руководствуются, как правило, двумя принципами расположения материала: «от источника к цитате» и «от цитаты к источнику» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008: 28].

Анализируя лексикографические труды отечественных и зарубежных авторов, можно прийти к выводу, что первый принцип прослеживается в зарубежных словарях и энциклопедиях («Geflügelte Worte» G. Büchmann; The Oxford Dictionary of Quotations; «Encyclopédie des citations» P. Dupré). Материал в Оксфордском словаре крылатых выражений (цитат) расположен по алфавитному порядку авторов с такими разделами, как, например, Anonimous (автор неизвестен), Ballads (баллады), Holy Bible (Священное писание) и др. В последних изданиях словарь «Geflügelte Worte» разделен на блоки: цитаты из Библии, из фольклора, из литературных произведений; отдельным блоком представлены цитаты

исторического происхождения. Материал, представленный в «Энциклопедии цитат» П. Дюпре, можно тематически разделить на два блока – в первом в хронологическом порядке расположены цитаты писателей, философов, государственных деятелей Франции, Древней Греции, Германии, Англии и др., во втором блоке – цитаты, восходящие к сакральным текстам (Библия, Коран и др.).

Авторы сборника «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» Н.С. и М.Г. Ашукины придерживались принципа «от цитаты к источнику». Все реестровые единицы этого словаря расположены строго в алфавитном порядке и сопровождаются содержательными словарными статьями. Данная работа сыграла огромную роль в русской лексикографии и стала прообразом для украинского словаря крылатых слов А.П. Коваль и В.В. Коптилова, который включает три раздела: в первый помещены исходно украинские крылатые слова и заимствованные, восходящие к сакральным текстам, античной культуре и мировой литературе, полностью освоенные украинским языком; во втором разделе представлены крылатые слова из русских литературных источников, употребляемые в основном без перевода; в третьем разделе размещены заимствованные крылатые слова и выражения, которые используются в украинской речи в своей исходной форме. Говоря о современных лексикографических трудах в славистике, хотелось бы отметить фундаментальную работу В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» (2008), в которой отдельным разделом поданы иноязычные крылатые единицы, обычно употребляемые в русской речи без перевода, а также иноязычные крылатые единицы, которые послужили основой для русских крылатых единиц (что характерно для интернациональных языковых единиц).

Словари крылатых слов отличаются и по своей микроструктуре. В словаре Г. Бюхмана подробно освещено происхождение крылатых слов, раскрыто их значение. Ряд заимствованных единиц, восходящих к «латинской» Библии, а также некоторые эквиваленты заимствованных единиц из иностранных литературных произведений, ставшие крылатыми, приводятся на немецком языке (*Salomonisches Urteil; Manna in der Wüste; Es werde Licht;* и др.). Широко представлены также заимствованные крылатые единицы, функционирующие в языке параллельно с их немецкими эквивалентами (*Comedy of errors//Eine Komödie der Irrungen; in vino veritas//Im Wein liegt Wahrheit* и др.). Включены в словарь и заимствованные единицы, функционирующие в языке в своей исходной форме (*Non olet; Yellow press; Cherchez la femme;* и др.).

Составители французского «словаря цитат» указывают лишь источник цитаты. Следует также заметить, что весь материал в «Encyclopédie des citations» переведен на французский язык, крылатые слова подаются как в контексте (*Dieu dit: «**Que la lumière soit**» et la lumière fut (Genuse, I, 3); Voici **l'Agneau de Dieu** qui va enlever le péché du monde (Ibid., 29),* так и без него (*Toi aussi, mon fils! (Jules César); Hélas! Pauvre Yorik (Hamlet)* и др.).

Анализируя макроструктуру словарей с точки зрения фиксации заимствованных единиц, можно прийти к выводу, что принцип построения материала «от цитаты к источнику» предполагает подачу искомых единиц в переводе на национальный язык, что приводит к «растворению» последних в общем корпу-

се национальных элементов. Казалось бы, облегчающий задачу выявления заимствованного фонда принцип «от источника к цитате» на самом деле не дает четкого разграничения между национальным, заимствованным и интернациональным фондом.

Разные лингвистические традиции проявляются не только в макро-, но и в микроструктуре словарей. Стоит только сравнить наличие и отсутствие толкований, акцентологические характеристики крылатых выражений, подачу вариантов, подтверждающих примеров и т.д.

Судя по составу словников, можно сказать, что заимствования имеют значительный удельный вес в эптонимическом корпусе национальных языков. Как правило, понятия интернационального и заимствованного в языке отождествляют, хотя элементы иностранного происхождения не всегда являются интернационализмами. В статье «Заимствования и интернационализмы в специализированных языках» отличительной чертой интернационального элемента Т.Р. Кияк считает его существование как минимум в трех неродственных языках при полном или частичном совпадении его внешней и внутренней формы. Иначе элемент является заимствованием на национальном уровне.

В Большом энциклопедическом словаре под редакцией В.Н. Ярцевой заимствование определяется как элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов. Заимствованные элементы приспосабливаются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа. Усиление взаимодействия языков при возрастающей роли культурных и экономических связей между народами приводит к образованию особого фонда интернациональных слов, имеющихся как в родственных, так и в неродственных языках [БЭС 1998: 158–159, 197].

Среди заимствований, исходя из современных реалий, как отдельную группу следует выделить интернациональные крылатые слова и выражения, значение которых в формировании фондов европейских языков существенно возросло в последнее время. Однако выявить интернациональный корпус только предстоит.

ЛИТЕРАТУРА

Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. – М.: Рус.яз., 1990.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск: МаГУ ; Greifswald: Ernst – Moritz – Arndt – Universitat, 2008 - 2009. – Т. I – II.

Беркова О.В. Крылатые слова и проблемы их лексикографирования: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

БЭС: Большой энциклопедический словарь: Языкознание / под. ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.

Дядечко Л.П. «Крылатый слова звук», или Русская эптология. – Киев: ИПЦ «Киевский университет», 2006.

Кияк Т.Запозичення та інтернаціоналізми у фахових мовах. Цит. по: http://eprints.zu.edu.ua/1068/1/06ktpifm.pdf

Коваль А.П., Коптілов В.В. «1000 крилатих виразів української літературної мови». Київ: Наукова думка, 1964.

Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М.: Азбуковник, 2001.

Büchman G. Geflügelte Worte. Der Zitatenschatz des deutschen Volkes. – Berlin: Verlag der Haude & Spenerschen, 1905.

Dupré P. Encyclopédie des citations. – Paris: Editions de Trevise, 1961.

The Oxford Dictionary of Quatations. 2nd ed. L., N. Y.,Toronto, 1966.

LOAN WINGED WORDS IN SLAVIC AND WEST-EUROPEAN TRADITIONAL LEXICOGRAPHY

N.A. Babarika

The article considers peculiarities of loan winged words and expressions in Slavic and West-European traditional lexicography, differentiates the notions of loans and internationalisms, gives basic sources of formation and replenishment of winged words international fund.

© 2009

К.В. Каменев

ФИКСАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ, ВОСХОДЯЩИХ К СИНТЕТИЧЕСКИМ ЖАНРАМ ИСКУССТВА

Крылатые единицы (КЕ) относятся к числу наиболее мобильных и активных пластов русского языка, чутко реагирующих на все изменения, происходящие в обществе. Их фонд постоянно пополняется и обновляется. Сегодня обогащение фонда КЕ русского языка происходит в первую очередь за счёт разнообразных синтетических жанров искусства, таких, как опера, оперетта, песня, кинематограф и телевидение. Р.Н. Юренев справедливо заметил, что «Как и всё в жизни, искусство находится в непрерывном развитии. И в этом развитии заметны две тенденции: искусства стремятся расширять свои возможности, обогащать свои средства, усиливать своё воздействие на человека. И, кроме того, искусства стремятся к совместному воздействию, сочетанию своих средств, к синтезу. И то, и другое обусловлено желанием художников как можно полнее, глубже и ярче воспроизводить жизнь» [Юренев 1997: 5]. Новые жанры искусства, поддержанные достижениями научно-технического прогресса в области массовых коммуникаций, стали наиболее активными и продуктивными поставщиками КЕ в современном русском языке, оттеснив прочие источники на второй план. Это не могло остаться без внимания фразеографов (фразеологов).

Начиная со второй половины XX в. составители словарей КЕ стали включать в свои словники всё больше единиц, восходящих к синтетическим жанрам искусства.

Первыми, кто обратил внимание на подобные единицы, были супруги Н.С. и М.Г. Ашукины. В их словаре «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» [Ашукины 1955], переизданном в 1987 г., содержится 80 единиц, обязанных своим происхождением разным жанрам искусства (романсу – *А счастье было так возможно, Без божества, без вдохновенья, И скучно, и грустно;* песне – *Молодым везде у нас дорога, Нам песня строить и жить помогает, Мы – кузнецы, и дух наш молод, Я другой такой страны не знаю, Где так вольно дышит человек;* кинофильму – *Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет, Путёвка в жизнь;* опере – *Фигаро здесь, Фигаро там, Что день грядущий мне готовит?*). И хотя в большинстве случаев этим жанрам отводится лишь роль посредника, способствовавшего популяризации той или иной КЕ, а в качестве её источника указывается стихотворный текст, это был первый шаг в данном направлении. До этого времени составители словарей вообще игнорировали единицы подобного рода, отдавая предпочтение КЕ из литературных источников.

В конце XX в. интерес лингвистов к КЕ возрос, обусловив создание новых словарей. Один за другим начинают издаваться новые собрания КЕ.

В 1999 г. был опубликован словарь «Крылатые фразы наших дней» [КФНД 1999], в 2001 г. выходят в свет книга «Крылатые слова» (Золотые страницы) [КС 2001] и «Словарь крылатых выражений» [Вартаньян 2001]. Но, как ни странно, авторы данных изданий практически не включают в свои словники единицы, порождённые искусством, отдавая предпочтение КЕ из античной и художественной литературы, которые здесь мирно соседствуют с безымянными фразеологизмами, пословицами и поговорками, афоризмами и цитатами. И это, несмотря на то, что уже изданы работы Н.С. и М.Г. Ашукиных [Ашукины 1955, 1960, 1966, 1986, 1987] и В.П. Беркова ([Берков 1980], [Уолш, Берков 1984]), в которых описано более 80 единиц, восходящих к искусству.

Совсем иначе обстоит дело со «Словарём крылатых слов (русский кинематограф)» [Елистратов 1999], в котором описывается около 1000 единиц, порождённых отечественным кинематографом. Если не считать статьи А.Ю. Ханютина [Ханютин 1993], содержащей список из 166 «кинопаремий», В.С. Елистратов был первым, кто предпринял «попытку комплексного лексикографического осмысления весьма значительного феномена русского языка и культуры XX века – крылатых слов и выражений из отечественного кинематографа и мультипликации» [Елистратов 1999: 3]. До этого времени данный пласт единиц не являлся объектом систематического описания ни в отечественной, ни в зарубежной лексикографии. В словаре даётся толкование каждой КЕ, указывается её источник, приводится краткий комментарий об особенностях её использования. Конечно, далеко не все из описанных здесь единиц в современном русском языке являются крылатыми. Связано это с тем, что автор включил в словарь «не только речения, которые популярны сейчас, но и те, которые были популярны 30, 40, 50 лет назад» [Елистратов 1999: 8]. Кроме того, следует учитывать такие немаловажные факторы, как временную специфику бытования КЕ и специфику «социально-пространственную» – представители разных социальных групп и

слоев населения неодинаково воспринимают один и тот же фильм. Конечно, есть фильмы, получившие всенародную любовь и признание и обогатившие русский язык КЕ, которые известны всем, но их количество невелико. Из 1000 киноцитат, включённых в словарь В.С. Елистратова, лишь около 200 единиц функционируют в современном русском языке в качестве крылатых.

Недостатком всех перечисленных выше словарей является организация словарной статьи, дающая лишь толкование КЕ, её автора и название источника. Как справедливо заметил В.П. Берков при такой подаче материала «не во всех случаях достаточно полно раскрывается значение и область применения цитаты: они [словари], в общем, рассчитаны на образованного читателя с определенным культурным багажом» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 14]. К тому же, в этих словарях не содержится примеров употребления КЕ. А ведь именно примеры позволяют выявить значения КЕ и то, в каких речевых и ситуативных контекстах они применяются; именно примеры позволяют судить о воспроизводимости КЕ и, соответственно, о правомерности отнесения той или иной единицы к разряду крылатых.

В 2000 г. был издан «Большой словарь крылатых слов русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000]. Он является одним из самых полных собраний КЕ. В нём зафиксировано около 4000 единиц, широко употребляющихся в современной русской речи, из которых свыше 600 восходят к синтетическим жанрам искусства. Каждая словарная статья содержит заголовочное выражение, функционально-стилистическую характеристику, указание на источники происхождения данного выражения, его толкование или обычное контекстное значение, а также примеры употребления в литературных, публицистических текстах и устной разговорной речи. Особо выделены цитаты, подвергшиеся каким-либо трансформациям. Отдельный раздел словаря посвящён иноязычным КЕ, употребляемым в русской речи без перевода, а также иноязычным КЕ, послужившим основой для русских КЕ, отмеченных в основном корпусе словаря.

Словарь Л.П. Дядечко «Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова» [Дядечко 2001-2003], содержащий около 1200 КЕ, хоть и уступает Большому словарю по объёму материала, но построен по тому же принципу. Каждая словарная статья начинается с заглавия (которое даётся на русском и украинском языках, в случае если единица является крылатой в обоих языках). Далее приводится цитата из текста-источника, даётся толкование значения (с указанием стилистических и иных особенностей употребления), приводятся примеры употребления в художественных, кинематографических и литературно-публицистических текстах, текстах газет, радио- и телепередач, а также в разговорной речи. Кроме этого, в словарной статье указывается, кем и когда уже было зафиксировано выражение (иногда со сведениями, демонстрирующими отличия в описании, в том числе при обнаруженных неточностях в определении источника выражения, приводятся дополнительные сведения об истории возникновения произведения, ставшего источником, его популяризаторе; при этом учитывается сосуществование в сознании носителей языка устойчивой ассоциативной связи как с литературным источником, так и с его экранизацией), об оценке, которую оно получило в обществе. В этом словаре содержится более 500 КЕ, порождённых разными жанрами искусства.

Качественным отличием этих двух словарей от других словарей КЕ является большое количество зафиксированных в них примеров употребления КЕ.

Словарь А.Ю. Кожевникова, изданный в 2001 г. и озаглавленный «Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино» [Кожевников 2001], при ближайшем рассмотрении оказывается собранием цитат. Из 15000 единиц, содержащихся в этом словаре, к разряду КЕ можно отнести не более 600, остальные же являются обыкновенными киноцитатами, зачастую чрезмерно громоздкими, приближающимися по форме к диалогам киногероев. Словарная статья построена здесь по тому же принципу, что в словарях цитат, и содержит лишь указания на источник. Данный словарь состоит из трех разделов. В первом разделе материал расположен в алфавитном порядке, во втором – по фильмам, которые представлены в хронологическом порядке. Третий раздел посвящён кинопсевдонимам, которые закрепились за актёрами после исполнения ими определённых ролей, напр., *Д'Артаньян* – акт. М. Боярский, *Иван Васильевич* – акт. Ю. Яковлев, *Сухов* – акт. А. Кузнецов, *Штирлиц* – акт. В. Тихонов, *Шурик* – акт. А. Ширвиндт и т.д.

Гораздо больше (около 1000) КЕ содержится в «Словаре современных цитат» [Душенко 2006]. Структура словарной статьи в нём очень проста. Автор ограничивается лишь указанием источника цитаты, не приводя примеров её употребления и не указывая, в каком значении она используется. Материал располагается по принципу «от автора к цитате», список авторов идёт в алфавитном порядке.

В 2002 г. был издан «Словарь крылатых выражений из области искусства» [Шулежкова 2002]. Данный словарь содержит более 1000 единиц и «представляет собою итог двадцатилетних наблюдений автора над крылатыми выражениями из области искусства. Материалом для него послужила картотека (более 120 тысяч единиц), отражающая употребление КВ из опер, оперетт, песен, романсов; КВ из кинофильмов, телевизионных жанров, эстрадных миниатюр; КВ, восходящих к названиям произведений изобразительного и музыкального искусства» [Шулежкова 2002: 5]. В словаре содержится богатый иллюстративный материал, наглядно демонстрирующий функционирование всех описываемых КЕ в современном русском языке. Словарная статья построена в этом словаре по тому же принципу, что и в Большом словаре КС (БСКС).

И, пожалуй, последним собранием КЕ, на которое стоит обратить внимание, является энциклопедия «Крылатые слова» [Серов 2003]. Как и в БСКС, в ней зафиксировано более 4000 КЕ, из которых 1/10 составляют единицы, порождённые синтетическими жанрами искусства. Материал располагается в алфавитном порядке, для каждой единицы даётся толкование и подробно описывается история её возникновения.

Но и здесь автор не приводит ни одного примера употребления КЕ, а потому читатель лишён возможности увидеть, в каком значении употребляется та или иная единица, какова её стилистическая окраска и частотность употребления, и, вообще, употребляется ли она в современном языке, или же давно ушла в пассивный запас, став архаизмом.

Подводя итог, хочется отметить, что активное употребление носителями языка КЕ, восходящих к синтетическим жанрам искусства, способствует тому,

что, несмотря на присущий составителям словарей консерватизм, единицы данного класса постепенно становятся предметом лексикографического описания.

«Большой словарь крылатых слов русского языка», «Словарь крылатых выражений из области искусства» и словарь «Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова» можно по праву считать эталонами словарей КЕ, на которые стоит равняться составителям новых словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Госполитиздат, 1955; 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1960; 3-е изд. – М.: Худож. лит., 1966; Изд-во под ред. В.В. Вомперского. – М.: Правда, 1986; 4-е изд., дополн. – М.: Худож. лит., 1987.

Берков В.П. Русско-норвежский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1980.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. – М.: «Изд-во "Русские словари"», ООО «Изд-во "Астрель"», ООО «Изд-во "АСТ"», 2000.

Вартаньян Э.А. Словарь крылатых выражений. – Тула: Родничок; М.: Астрель, 2001.

Душенко К.В. Словарь современных цитат: 5200 цитат и выражений XX и XXI вв., их источники, авторы, датировка. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Эксмо, 2006.

Дядечко Л.П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря): учеб. пособие: в 4 ч. – Київ, Видавничий дім «Комп'ютерпрес», 2001-2003. – Ч. I-IV.

Елистратов В.С. Словарь крылатых слов (русский кинематограф): около 1000 единиц. – М.: Русские словари, 1999.

Кожевников А.Ю. Большой словарь: крылатые фразы отечественного кино. – СПб.: Изд. Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2001.

Крылатые слова. – Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. – (Золотые страницы).

Крылатые слова: энциклопедия / авт.-сост. В. Серов. – М.: Локид-Пресс, 2003.

Крылатые фразы наших дней / под ред. А.П. Ходасовой. – М.: «РИППОЛ КЛАССИК», 1999.

Уолш И.А., Берков В.П. Русско-английский словарь крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1984.

Ханютин А.Ю. Паремиология кино // Киноведческие записки. – М. – 1993. – Вып. 19. – С. 45-55.

Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: более 1000 крылатых выражений. – М.: «Азбуковник», Изд-во «Русские словари», 2003.

Юренев Р.Н. Краткая история киноискусства. – М.: Издат. центр «Академия», 1997.

SYNTHETIC-ART-GENRE-BASED POPULAR PHRASES (WINGED UNITS) IN PRESENT-DAY DICTIONARIES

K.V. Kamenev

The article is devoted to the description of dictionaries of the second half of the 20th and the beginning of the 21st centuries containing winged units that owe their origin to synthetic genres of art.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

© 2009

Н.Ф. Алефиренко

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ КОГНИТИВНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ*

Отличительной приметой фразеографии XXI в. является своеобразное использование системоцентрического принципа словарной репрезентации фразем. Одно из них – применение синергетического подхода (синергетика – в переводе с греческого – ‘совместное действие’) к лексикографическому описанию зафиксированных в значении фразеологических единиц (ФЕ) явлений внешнего и внутреннего мира человека. С этой целью во фразеографии целесообразно обратиться к учению о процессах самоорганизации сверхсложных иерархических открытых систем, к которым принадлежат как язык в целом, так и его лексико-фразеологическая система в частности. Наше понимание взаимодействия идиоматики языка, сознания и культуры было представлено в монографии 2002 г. [Алефиренко 2002], теоретические положения которой воплощены во «Фразеологическом словаре» [Алефиренко, Золотых 2008].

С точки зрения методологии, когнитивно-синергетическая теория представляет междисциплинарный подход к фразеографированию, к формированию композиционно-смыслового содержания словарной статьи и репрезентации культурно-познавательного пространства фразеологического словаря в целом. В самом общем виде суть подхода определяется совмещением в рамках словарной статьи разных информационных потоков в их синтагматическом и парадигматическом моделировании.

В принципе синергетику, по определению ее основоположника Г. Хакена, интересует прежде всего «совместное действие многих подсистем (преимущественно одинаковых или нескольких различных видов), в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование. С другой стороны, для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизующимися системами, необходимо кооперирование многих различных дисциплин» [Хакен 1980]. В настоящее время данное определение в силу бурного развития синергетики существенно обогатилось фразеографически значимыми идеями за счет обращения к рассмотрению процессов диссипативного самообразования фразеологических структур, нелинейности и неус-

*Статья представляет фрагмент исследования (проект 2460), поддержанного ведомственной целевой программой «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009–2010 гг.).

тойчивости эволюции фразеологического состава языка как сложной динамической системы.

Синергетическое фразеографирование преследует эксплицирование и структурирование взаимно соотносительных (системно связанных) сведений о денотативном, коннотативном и потенциальном содержании представляемой в словарной статье языковой единицы. Такой принцип фразеографирования подчиняется одной задаче: с целью достижения максимального объяснительного эффекта отобранные для словарной статьи признаки и свойства стереотипной денотативной ситуации должны находиться в синергетическом сопряжении, взаимно друг друга покреплять, дополнять и усиливать. Именно в таком взаимном дополнении представлены в нашем словаре фраземы, входящие в одно фразеологическое гнездо со стержневым словом *лыко:* ***ЛЫКО*: ЛЫКА (ЛЫКОМ) НЕ ВЯЖЕТ, НЕ ВСЯКОЕ ЛЫКО В СТРОКУ, НЕ ЛЫКОМ ШИТ (подпоясан).**

ЛЫКА (ЛЫКОМ) НЕ ВЯЖЕТ (прост., неодобр.) Так пьян, что не в состоянии связно говорить.

Старая Русь не могла обойтись без лыка – липовой коры. Из лыка плелись коробки, туески и основная обувь русских крестьян – лапти. Каждый крестьянин должен был уметь если не плести, то хоть ремонтировать их. Сказать про человека, что *он лыка не вяжет*, значило, что он либо не в своем уме, либо пьян до предела. Именно в последнем смысле и сохранилось это выражение.

Лексикографическое описание данной фраземы содержит широкую интерпретацию денотативной ситуации.

НЕ ВСЯКОЕ ЛЫКО В СТРОКУ (прост.) Любая, каждая ошибка вменяется в вину, ставится в упрек.

Выражение показывает значимость в хозяйстве наших предков лыка. (*Лыко* – луб молодой липы, ивы и некоторых других деревьев, разделяемых на слои и узкие полосы). В старину на Руси из лыка плели лапти, лукошки и другие поделки. В Западной Украине и сейчас лапти называют лычаками. Полоски лыка для плетения назывались строками. Чтобы работа была аккуратной, мастер употреблял в строку не всякое лыко, а только чистое, отбрасывая лычки с неровностями, дырочками от сучков и т.д. Такая хозяйственная деятельность и послужила основой идиомы, которая приобрела, разумеется, более широкий смысл.

Лингвокультурологическое толкование данной фраземы дополняет первое некоторыми «технологическими» подробностями, без разъяснения которых смысловое содержание фраземы было бы ущербным.

НЕ ЛЫКОМ ШИТ (подпоясан) (прост.) Не хуже других в каком-либо отношении; не лишен знаний, способностей.

Выражение связано с важностью лыка в жизни Старой Руси. Лычная обувь, то есть лапти, были верным признаком бедности. Вот почему *не лыком шит* прежде означало: он не из простых, в переносном смысле: не такой уж он простак, себе на уме.

Культурологическая интерпретация фраземы сосредоточена лишь на смыслообразующих элементах, поскольку полностью опирается на два предшествующих толкования.

Становление лингвосинергетики несколько изменило фразеографические

акценты: от представления в словарной статье минимальных языковых единиц – к моделированию фразеологических объединений: фразеографических гнезд или фразео-тематических групп, содержательная сторона которых непосредственно связана с когнитивными и этнокультурными особенностями дискурсивного пространства как «среды обитания» представляющих культурный концепт фразем.

Методика синергетического фразеографирования предполагает, если следовать теории В.В. Морковкина, (1) распределение свойств рассматриваемых в словаре языковых единиц на (а) профильные и (б) непрофильные; (2) «максимально возможное умножение семантизирующих потоков, направленных на предъявление и объяснение профильных свойств» [Морковкин 2007]. К профильным автор относит такие свойства, которые определяют тип (профиль) словаря. Остальные признаки и свойства описываемой фраземы считаются непрофильными. Поскольку наш словарь культурно-познавательного профиля, мы, избрав когнитивно-синергетический принцип словарной репрезентации фраземы, стремились под этим принципом объединить все возможные семантизирующие потоки, которые бы в полном объеме эксплицировали профильные свойства заголовочной фраземы. Совместно действуя, они позволяют добиться наивысшей эксплицитности словарного описания. Эффективность синергетического фразеографирования зависит, разумеется, от качества теоретического знания, которое кладется в его основание. Важнейшим элементом этого знания является исходная лингвистическая база, разъясняющая основные теоретические и методологические положения, без которых когнитивно-синергетическое фразеографирование немыслимо.

Прежде всего, необходимо сформулировать основные системно-синергетические принципы, определяющие, с одной стороны, формирование и развитие фразеологических гнезд, привязанных к одному и тому же концепту, а с другой – их фразеографическую репрезентацию.

Важнейшими среди таких принципов являются: 1) принцип целостности, 2) принцип структурности, 3) принцип взаимозависимости системы и среды, 4) принцип иерархичности, 5) принцип динамического единения хаоса и порядка, 6) принцип непрерывности развития (стрела времени), 7) принцип множественности описания каждого фразеологического гнезда.

Принцип целостности предполагает системную репрезентацию фразеологического гнезда, характеристику фраземы с точки зрения взаимодействующих ее компонентов, но обладающей по сравнению с ними новыми качествами. Новые свойства фразеологического целого не сводимы к свойствам компонентов, но все же обусловливаются свойствами частей и их взаимодействием, обеспечивающим устойчивое существование фраземы во времени.

Принцип структурности требует лексикографирования всех фразем, отобранных для словаря, по одной и той же структурной модели.

Принцип взаимозависимости системы и среды реализуется не только традиционным иллюстрированием контекстуальных употреблений заголовочной фраземы, но и представлением ее дискурсивных свойств, предопределяющих место данной фраземы в культурно-познавательном пространстве языка. Наряду с традиционными указаниями на стилевой регистр фраземы (типа *книжн.,*

разг., прост., неодобр., ирон., устар. и др.), даются сведения коммуникативного, прагматического и дискурсивного характера.

Синергетический принцип динамического единения хаоса и порядка сводится к представлению в словарной статье смысловой гармонии логически несовместимых компонентов. Это примеры типа выше приведенных фразем *лыка (лыком) не вяжет, не всякое лыко в строку*. Таких фразем в русском языке очень много: *у черта на куличках (на рогах), чучело гороховое (шут гороховый, пугало гороховое), в ногах правды нет, ехать зайцем, таскать каштаны из огня, на лбу написано* у кого и т.п.

Принцип непрерывности развития (стрела времени) предполагает отображение в лексикографическом описании генетических и исторических аспектов появления, становления и развития фразем. С этой целью привлекаются элементы этимологических изысканий [Шулежкова 2007].

Принцип множественности описания каждого фразеологического гнезда предполагает возможность вариативного построения словарной статьи, что вполне успешно реализуется современными фразеографами (см. [Жизнь русской фразеологии 2008]).

В свете изложенных принципов фразеологические гнезда, входящие в один фразеографический блок, можно считать *когнитивными единицами*, которые призваны хранить знания о действительности в особой форме. Вокруг стержневой лексемы иерархически располагаются фраземодериваты и их фразеосемантические варианты, отражающие способность языка с помощью набора лексических фраземообразующих компонентов модифицировать семантическую структуру фраземообразующей базы (производящей фраземы) и даже порождать новые фраземы для именования познаваемых предметов, признаков, действий и явлений, которые, так или иначе, в своем экстенсиональном значении тесно связаны с семантикой производной вершины данного фразеологического гнезда. Другими словами, национальная языковая картина мира особым образом кодируется и структурируется во фразеосемантической группе. Когнитивно-ономасиологический анализ фразеологического гнезда, который, так или иначе, осуществляет составитель словаря, позволяет рассматривать изнутри гнездовую совокупность фразеологических номинаций как фрагмент концептосферы русского языка, показывающий видение человеком обозначаемого фраземами мира.

Отбор материала для словаря когнитивно-синергетического типа должен быть подчинен определенным **принципам**.

1. Фразеологическим признается устойчивый, воспроизводимый словесный комплекс со структурой словосочетания, сочетания слов или предложения, раздельно оформленный и обладающий повышенной экспрессивностью и усложненной коннотативностью.
2. Культурно маркированными считаем фраземы, которые либо отсутствуют в других (даже близкородственных) языках, либо передают особое мировидение и миропонимание, несмотря на близость компонентного состава фразем родственных языков.
3. Культурно маркированными являются следующие группы фразем:

• фраземы, отражающие элементы античной культуры: *ахиллесова пята* (книжн.). Наиболее уязвимое место у кого-л., слабая сторона в каком-л. деле. Согласно древнегреческой мифологии, Ахилл – один из самых сильных и храбрых героев, тело которого было неуязвимо, за исключением пятки. В мифе рассказывается: мать Ахилла, морская богиня Фематида, желая сделать сына неуязвимым, окунула мальчика в воды священной реки Стикс. Она держала его за пятку (пяту), поэтому пятка оказалась его единственно уязвимым местом. Именно туда Ахилл и был смертельно ранен стрелой Париса;

• фраземы, содержащие указание на собственно русские культурно-исторические реалии: *бить баклуши* – ‘праздно проводить время, бездельничать’. Известно, что в старину на Руси хлебали щи и ели кашу деревянными ложками, которые делали кустари: раскалывали, разбивали осиновый или липовый чурбан на баклуши (чурки), т.е. делали заготовки *(били баклуши)* для мастера-ложкаря. Работа эта считалась пустячной, ее выполнял обычно подмастерье. Потому и считалась она скорее бездельем, чем делом. Все, конечно, познается в сравнении, и работа эта казалась легкой лишь по сравнению с каторжным крестьянским трудом;

• фраземы, в компонентном составе которых имеются культурно и семантически освоенные лексемы. Такие фраземы кажутся исконно русскими, и лишь историко-культурный комментарий раскрывает их ценностно-смысловое содержание. Так, фразема *бить рынду* ‘звонить особым способом (обычно в полдень)’ содержит необычный компонент *рында,* который в современном русском языковом сознании является «белым пятном». Лишь специалисты знают, что в допетровской Москве рындами называли царских телохранителей, стоявших у трона. С конца XVII в. звание это было упразднено. Зато выражение *рынду бить* долгое время употреблялось в морском жаргоне. На флоте оно не имело отношения ни к царским стражникам, ни тем более к их избиению. Русские моряки переделали на русский лад английское выражение *Ring the bell*, передающее флотскую команду: *Ударь в колокол!* Заимствованная фраза была изменена не только фонетически: изменили свои значения и слова-компоненты *(ring* ‘бей’ преобразовали в русское слово *рында* ‘колокол на корабле’; *bell* по-английски означает ‘колокол’, этот компонент преобразовали в русский глагол *бить);*

• фраземы, состоящие из слов общенародного языка, но по своей семантике являющиеся культурно маркированными образованиями. Например, *быть в ответе* – ‘быть ответственным, отвечать за кого-либо или что-либо’. Казалось бы, очень понятное и простое словосочетание. Но это лишь поверхностное впечатление! Знакомство с русскими традициями, сложившимися при царском дворе, позволяет за обычным выражением вскрыть невидимый смысл. Оказывается, данная фразема хранит «следы» старинных дворцовых обычаев. После челобитной бояр и прочих чинов при появлении царя государь шел в церковь, после чего начинал «сиденье с бояры» (заседание царской палаты, или думы). Царь слушал судные дела, назначал боярам пути (должности) и среди них – самые ответственные и важные, которые обязывали государственных чинов «быть в ответе». В обязанности этих чиновников входило вести переговоры с иностранными послами, давать царские ответы или решения посольских дел.

Происходили переговоры в особой палате – «ответной» (или «посольской»);

• фраземы, возникшие путем фразеологизации фрагментов – сочетаний слов из художественных произведений (поэзии, басен, колоритных выражений известных литературных персонажей) [Шулежкова 2008: 524–528]. Так, фразема *<хоть> видит око, да зуб неймет* (шутл.) – ‘о чем-л. недоступном’ – своим появлением в русском языке обязана басне И.А. Крылова «Лисица и виноград»: хитрая лиса не может ухватить зубами ягоды *(«неймет» зуб*, то есть не берет, не достает). Фраземой передается всем понятный смысл – близкая, но недоступная удача. Этому способствует и буквальный смысл выражения: глаза видят желанный предмет, а добыть его невозможно. И в обычной жизни также нередко наблюдаются ситуации, когда что-то оказывается недостижимым, когда приходится порой мириться с тем, что «заветного» не видеть как своих ушей;

• фраземы библейского происхождения. Особенно нуждаются в интерпретации выражения, которые не содержат прямых религиозных номинаций. Так, фразема *вносить (приносить)/внести (принести) свою лепту* во что – ‘принимать посильное участие в чем-л.’ – лишена внешних признаков библейского происхождения. На самом же деле она отражает содержание одной из евангельских притч, рассказывающей про бедную вдову, которая во время сбора пожертвований в храме положила в денежную чашу, рядом с богатыми дарами знатных людей, все, что у нее было, – две жалкие лепты. Лепта – самая мелкая древняя монетка – грошик. («*Лептос*» по-гречески – ‘тоненький, мелкий’). Но Богу, говорится в притче, эти лепты вдовицы были приятнее всех остальных даров. Кстати, «лептой вдовицы» называют всякое скромное пожертвование, сделанное от чистого сердца;

• фраземы, отражающие этнокультурную специфику бытового характера. Так, этнокультурная специфика выражения *как с гуся вода* – ‘ничто не волнует, не трогает, ничто не действует’ – обусловлена давним магическим обычаем. Оказывается, это не простая поговорка, а часть древнего заклинания. Обливая больного «наговорной водой», знахарки или заботливые родители, купая чадо в бане, приговаривали: «Как с гуся вода, с нашего (Ивана, Катеньки) – худоба» (то есть болезнь). И верили, что всякие напасти «сбегут» с больного так же, как вода скатывается, не задерживаясь, с гусиных перьев. Действительно, с перьев любой водоплавающей птицы вода легко скатывается, так как они смазаны жиром, который выделяет особая железа, находящаяся на спинке птицы, у корня хвоста. Гуси, например, в/на воде выглядят свежо и бодро. Другие птицы, оказавшись в воде, приобретают жалкий вид. Поэтому и не говорят «как с курицы вода». Промокшая курица выглядит и на самом деле жалко и непривлекательно. Это зрелище вызывает совсем иные ассоциации; о жалком на вид или бесхарактерном человеке говорят *как мокрая курица;*

• фраземы, восходящие к народным поверьям и обычаям. В обороте *как рукой сняло,* пожалуй, ярче всего отразился обычай целительных «отводов». До сих пор в его переносном значении звучит вера в эффективность этого средства. Нередко слышим: «На даче стала чувствовать себя лучше. *Как рукой сняло* прежние недомогания». Такие выражения обычно обладают предельно «узкой» денотацией, всегда означая быстрое излечение от болезней. Знахари широко пользовались и пользуются этим приемом. Особенно часто «отводили рукой»

зубную или головную боль. При этом они проводили по больному месту рукой, делая своеобразный массаж. Создавалось впечатление, что боль буквально «снимается рукой». Этот способ врачевания распространен у многих народов. Недаром подобные выражения сохранились в активном употреблении не только в славянских языках.

В процессе структурирования культурно-познавательного пространства фраземы определяющими оказываются следующие факторы.

1. Реконструкция процесса концептуализации знаний об объекте фразеологической номинации. При этом важной рефлексивной операцией является поиск через анализ семантической структуры фраземы той ассоциативно-смысловой схемы, согласно которой состоялся выбор концептуальной структуры для фиксации того признака объекта косвенно-производной номинации, который обусловил внутреннюю форму фразеологического значения. На основе того факта, что в русской фраземике существуют единицы, обозначающие сходные объекты или признаки объектов, но при этом имеющие разный этимологический образ, есть возможность уже на начальном этапе фразеографического описания определить характер и тип когнитивной структуры, послужившей стимулирующим источником фразеологической (косвенно-производной) объективации предметно-чувственного восприятия стереотипной денотативной ситуации. Ср.: *садиться на своего <любимого> конька* и *оседлать своего <любимого> конька*. В первом случае смысловой акцент в этимологическом признаке делается на объекте действия – *любимом коньке*, с которым, собственно, и ассоциируется излюбленная тема для разговора, а во втором – на процессуальном признаке *оседлать* – перен. 1) ‘сесть верхом на кого- или что-н.’, 2) ‘полностью подчинить себе’ (разг. неодобр.), 3) ‘прочно занять, охватив, захватив инициативу в свои руки’.

2. Вторым шагом фразеографического описания является ретроспективная актуализация лексем, ставших донорами смысловых элементов для формирования семантической (семной) структуры фраземы. Тот факт, что в процессе кодирования довербальной информации у говорящего действительно имеется широкий выбор лексических единиц, подтверждается результатами психолингвистических исследований (А.А. Залевская, Е.С. Кубрякова). Доказательством того, что в процессе формирования фразеологического значения также осуществлялся выбор лексических единиц для вербализации ассоциативно-образных представлений о стереотипной денотативной ситуации, служат многочисленные вариантные структуры фразем; ср.: ***важная (крупная, большая) шишка*** – ‘*о человеке, имеющем большой вес, занимающем высокое положение в обществе*’, ***продавать<ся>/продать<ся> за чечевичную похлебку; отдавать/отдать первенство (первородство) за чечевичную похлебку*** – ‘предать кого-л., получив незначительное вознаграждение’.

3. Поскольку в ходе фраземообразования концептуальные и семантические структуры могут иметь несколько узуальных разновидностей, немаловажным во фразеографическом описании является анализ причин выбора именно зафиксированного языковым сознанием инварианта. Причем на довербальном уровне выбор узуальной формы представляется нам не просто выбором одной из когнитивных метафор и репрезентирующего ее концепта (обыденного пони-

мания денотативной ситуации), а *бифуркацией*, т.е. выбором вектора исторической динамики всех активированных когнитивных структур с целью формирования когнитивного субстрата современной фраземы.

Когнитивно-синергетический подход расширяет рамки и принципы фразеографического описания. Он позволяет максимально охватить динамику фраземообразования, понимаемую как процесс самоорганизации сложных открытых неравновесных, неустойчивых, нелинейных речемыслительных систем, спонтанно создающих в ходе бифуркации фразеологические структуры. И, пожалуй, главное: когнитивно-синергетический принцип фразеографирования позволяет избежать в культурно-познавательной части словарной дефиниции зеркального отражения фразеологического значения. Этот принцип обеспечивает нелинейную (многоканальную и многоярусную) репрезентацию формы и содержания фраземы на лексическом, грамматическом, прагматическом и лингвокультурологическом уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008.

Жизнь русской лексикографии в художественной речи: опыт уникального фразеологического словаря: в 2 т. / сост. А.М. Мелерович [и др.]. – Кострома: Изд-во Костром. гос. пед. ун-та, 2008.

Морковкин В.В. Синергетическое лексикографирование: понятие и технология осуществления // Мир русского слова и русское слово в мире. – Sofia: Heron press, 2007. – Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 465–474.

Хакен Г. Синергетика. – М.: Мир, 1980.

Шулежкова С.Г. Старославянские корни русских фразеологизмов (размышления над фразеологическим словарем старославянского языка) // Мир русского слова и русское слово в мире. – Sofia: Heron press, 2007. – Т. 2. Проблемы фразеологии. Русская лексикография: тенденции развития. – С. 333–337.

METHODOLOGICAL VECTORS OF COGNITIVE-SYNERGETIC PHRASEOGRAPHY

N.F. Alefirenko (Belgorod)

The article considers possible ways of applying cognitive-synergetic approach to lexicographic description of the human outside and inner world phenomena fixed in set expressions. It is, in fact, an interdisciplinary approach to the structure and content of a vocabulary entry and representation of the cultural-cognitive space in a dictionary of fixed phrases. A peculiar feature of this type of dictionary consists in combining different information streams in their syntagmatic and paradigmatic unity within a vocabulary entry.

© 2009

В.К. Радзиховская

ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ В СВЕТЕ СИНЕРГЕТИКИ

Лексикография уже сама по себе, представляя слово и интерпретируя его значение, описывает в полном объеме поле взаимности как область распространения языковых средств, служащих для передачи значения взаимного действия, – **действия, скоординированного в пространстве и во времени по цели относительно субъектов, находящихся в объектной зависимости по отношению друг к другу** [Радзиховская 2005[2]: 7]. Лексикография описывает собственно языковое знание. Будучи языковым знанием как третье знание о мире «рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 79], – оно вскрывает отражающиеся в языке «различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих <...> (наслоения религиозные, метафизические, общественные, юридические, естественно-исторические и т.д.)» [Там же.] в социально значимой и актуальной в целом области взаимных отношений. Будучи осознанным, языковое знание фиксирует информационную значимость языка как «орудия разумно-жизненного общения людей» [Лосев 1989: 11], по необходимости (и по возможности) контролирует его формирование.

Лексикография потому фактически описывает функционально-семантическую категорию (ФСК) взаимности как систему разноуровневых средств соответствующего значения, что грамматическая систематизация ФСК взаимности вынужденно прослеживается лексикографом: от него не может ускользнуть грамматическая организация слова, им фиксируются способы вхождения лексики в грамматическую систему языка, возможное взаимодействие с ней.

Рассмотреть же представление семантики взаимных отношений в словаре с позиции синергетики – значит показать семантику взаимности как сложную систему, т.е. как систему, способную к саморегулированию, саморазвитию. Саморазвитие сложной системы становится возможным благодаря присущим таким системам специфическим свойствам, которые мы определили как фундаментальные признаки сложной системы [Радзиховская 2005[1]: 48–67]. К ним мы относим системно организованные девять основополагающих свойств сложной саморегулирующейся системы, которые выстраивают всю языковую систему в целом и сохраняются в наименьших образованиях этого целого, в подсистемах, сохраняющих эти свойства, в функционально-семантических категориях, объединенных состоянием осмысленной подвижности, как это и является нам в ФСК взаимности:

– ***квантованность*** структурного строения ФСК взаимности;

– ***открытость*** семантики взаимных отношений в соотнесении явлений языковой и внеязыковой действительности;

– ***иерархичность*** ФСК взаимности в плане выражения (в уровнях организа-

ции языковой формы) и плане содержания (в противоположении совместности/взаимности, взаимности/полувзаимности, взаимности/антивзаимности);

– ***нелинейность*** соотношений ФСК взаимности в языке и речи;

– ***самосогласованность*** этих соотношений ФСК взаимности в языке и речи по принципу функциональной целесообразности;

– *сгармонизованность* ***динамической неоднородности***/*однородности* взаимного действия в языке и речи;

– *способность преодолевать* ***катастрофы*** *развития (кризисы разви*тия), в силу которой в языке и складывается сложная система ФСК взаимности;

– ***альтернативность*** *путей развития*, формирования языковых категорий, репрезентирующих сложную систему;

– ***эвристичность путе***й развития сложных систем.

«Язык, а значит и каждый отдельный языковой элемент, обязательно есть диалектическое слияние непрерывности и прерывности, цельности и дробности, нерасчлененности и членения» [Лосев 1989: 21]. Не будь дискретности и континуальности выражения значения в языке (членораздельности и связности речи) отдельных (отделяемых) форм – носителей значения, и в частности значения взаимности синтаксических конструкций предложения и словосочетаний, словообразовательных и грамматических форм – всего того, что в конце концов наиболее конденсированно представляется в слове и его функционировании, – невозможно было бы выделить соответствующую категорию в языке, невозможно было бы также пользоваться языком и понимать речь. ***Квантованность***, то есть расчлененность, языковой системы и организующей ее ФСК взаимности словарь фиксирует подачей взаимного значения отдельного слова, формирующего его словообразовательного суффикса, местоимения (ср., напр., в толковых словарях значения слов и выражений *взаимный, встречаться, друг друга, наперегонки* и пр.).

Необходимая для живого действия языка ***открытость*** слова является в том, что слово имеет выход во внеязыковую действительность и как феномен мыслительной деятельности [Выготский 1996: 14] взаимодействует со всеми уровнями языковой системы. Функционально-семантические категории и, в частности, ФСК взаимности, в иерархичности языковой структуры являют собой яркий пример открытости слова (крайнего в отношениях человека с миром) миру и создающему слово языковому центру, определяющему движение слова в процессе предицирования – «улаживания» этих отношений по формуле ‘это есть это’. Словарь русского языка идеально решает проблему соотношения центра (лексикографически центр маркирован специфическим для русского языка взаимным местоимением ***друг друга***) и периферии поля взаимности (***Взаимно!*** – этикетное выражение «*Разг.* Ответ на приветствие, поздравление, пожелание, комплимент равному или младшему по возрасту, положению» [Балакай 2004]): *друг друга – взаимно.*

Квантованное устройство механизма ФСК взаимности упорядочено его ***иерархичностью***, позволяющей на каждом уровне (т.е. до некоторой степени автономно, квазилокально) представлять взаимные отношения, чтобы языковая система как сложная система могла свободно, достаточно полно и тонко, во всем востребованном многообразии представлять ситуацию реализации взаим-

ных отношений. Ведь иерархичность строения системы проявляется в придании относительной «автономии ее уровням, подчиненным главному регулятору, но одновременно она является необходимым отказом от контроля всех происходящих в системе перемен» [Лем 2002: 314]. Однако при этом именно межуровневое взаимодействие обеспечивает полнокровную жизненность иерархически организованной системе, реализацию ее свойств как сложной системы (синергетических свойств): способность к самоорганизации, саморегулированию и саморазвитию.

Иерархичность устройства категории взаимности как биполярно организованной ФСК специфична своим межуровневым взаимодействием, реакцией на экспансию информационного пространства: способностью по возможности и необходимости свертывать и лишь по востребованной необходимости развертывать свое информационное пространство [Радзиховская 2005[2]]. ФСК взаимности в современном русском языке регулируется морфолого-синтаксически через **систему частей речи**, которая несет ответственность за удержание границ слова.

Взаимодействие разных уровней иерархии языковой системы в пределах функционально-семантических полей нагляднее всего отражает ее нелинейный характер. ФСК взаимности, как функционально-семантическая категория, системно объединяя разноуровневые средства при выражении взаимных отношений, являет собой яркий пример ее ***нелинейности***. Положение слова в языке и речи определяется по функциональной значимости, отмечаемой словарем (см., напр., описание слов *друг, дружный, дружно, дружба, дружить* в [БАС, 3]).

Словарь неравномерно фиксирует значение взаимности. См., напр., словарные статьи, посвященные единицам *целоваться, шептаться, рассориться, развестись* в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940, 3–4]. Само трансформационное преобразование в пределах ФСК взаимности возможно именно потому, что представление значения системой разноуровневых средств ***динамически неоднородно***. В различном функциональном режиме по функциональной целесообразности, неся смыслоразличительную функцию, двигаются слова и словообразовательные формы, синтаксические структуры простого и сложного предложения. И каждый уровень языковой системы не есть нечто буквально линейное, т.к. в силу все той же функциональной целесообразности в целях смыслоразличения каждый уровень языковой системы при номинации и построении предложения динамически неоднороден. В целях наилучшего самосогласования всего языкового механизма, и в частности, выражения так важных для успешной коммуникации отношений взаимности на каждом уровне и в каждой ситуации даже одни и те же языковые формы проявляют **разную силу** своей значимости: Есть ***война*** – *солдат* ***воюет, лют*** *противник – сам* ***лютует*** (А. Твардовский). Неоднородность значения отношений взаимности отчетливо видна в лексике ФСК взаимности. Формируя название действия «с двух сторон», мы выражаем в них разную оценку своего участия в нем: заключение брака со стороны мужчины и со стороны женщины в русском языке называется по-разному: ...*Я бы на вас женился, но вы не дождались – вон за этого гитариста замуж вышли* (А. Арбузов).

Явление динамической неоднородности представления семантики взаимности в значении слова можно увидеть в самом формировании взаимно-субъект-

ных (‘кто-то с кем-то’) и взаимно-объектных (‘кого-то с кем-то’) каузальных значений глаголов: *Умел он весело поспорить, / Остро и тупо отвечать, / Порой расчетливо смолчать, / Порой расчетливо повздорить, /* ***Друзей поссорить молодых / И на барьер поставить их, / Иль помириться их заставить****, / Дабы позавтракать втроем / и после тайно обесславить / Веселой шуткою, враньем...* (А. Пушкин) – семантика взаимности у взаимно-объектных глаголов (таких, как *поссорить*) слабее (чем у таких глаголов, как *помириться,* также *поспорить, повздорить*), она ускользает от внимания исследователей взаимного залога, а словари эту разницу фиксируют.

Динамическая неоднородность представления семантики взаимных отношений прослеживается в именах существительных – наименованиях лиц, вступающих во взаимные отношения с разной полнотой. Амплитуда интенсивности семантики взаимности в наименованиях лица простирается от полной квалификации лица как участника взаимного действия (*конкурент, соперник, дуэлянт*) и называния лица, исполняющего только какую-либо часть взаимного действия (*продавец – покупатель*), до наименований лиц, только стимулирующих взаимное действие (*издатель*, *сваха, судья* и др.). В пределах ФСК взаимности по функциональной целесообразности образуются лексико-семантические группы, являющие собой локальные иерархии событийно связанных наименований лиц: *жених, невеста – (сваха); истец, ответчик – судья; писатель, читатель – издатель (критик и книгопродавец); дуэлянты, секунданты – (дуэлист*).

Для обозначения лица как участника взаимного действия оказывается значимой социальная дифференциация в его наименовании, ибо «взаимность предполагает некую обоюдную, билатеральную или мультилатеральную акцию, более или менее одинаковую меру активности, отношение “противодействия”» [Мразек 1987: 114]. Мера активности и отношение «противодействия» обусловливается также уровнем социального общения. Поле взаимного действия имеет социальные ограничения: ‘кто кого может обижать и кто на кого может/должен обижаться’ – проблема социальная.

Языковой код эту ситуацию ограничения полей взаимности фиксирует в наименованиях лиц, вступающих во взаимные отношения, а также специально нарабатывает лексику (выходящую частично по субъективности семантики за пределы структуры языка, но необходимо с ней связанную) для использования по ситуации в обращениях: *господин, доктор, мадам* – или при компоновке художественного текста: *Обнялись они, мужчины, /* ***Генерал-майор с бойцом****? / – Генерал – с любимым сыном, / А боец – с родным отцом* (А. Твардовский).

Наиболее деликатно и аккуратно кодируются на русском языке интимные отношения, на основе которых строятся семейные отношения (поэтому у писателей есть основания сетовать на особенные трудности изображения интимных сцен на русском языке). И именно русская литература дает образцы умения держать дистанцию в передаче проявления интимных чувств и отношений. В русском языке в сравнении с другими языками наиболее гармонично противопоставлены значения слов *мужчина – муж, женщина – жена* как наименований участников разных полей взаимного действия, дифференцированных по объему отношений в социуме, по социальной значимости, что, естественно, отражает лексикография. Дифференциальная лексикографическая обработка

поля взаимных отношений с учетом динамической разнородности средств, их выражающих, представлена в «Толковом словаре русского речевого этикета» [Балакай 2004].

Словарное обозрение поля взаимности не может быть полным без выявления механизма, обеспечивающего ***самосогласованность*** функционирования языковой системы и выражение взаимных отношений. Функциональная согласованность мысле-рече-языкового действия как взаимного действия предъявляет соответствующие требования к языковому коду, формирующему структуру ФСК взаимности в языке с определенными характеристиками, адекватными природе явления, а именно, динамическую систему лексических и грамматических средств, взаимодействующих при передаче взаимного характера отношений. Согласовательным компонентом приведения в движение механизма взаимного действия и организации текстового поля взаимности становится наименование **объекта** взаимного действия – «объекта взаимного интереса»: *В своей глуши мудрец пустынный, / Ярем он барщины старинной / **Оброком легким** заменил: / И раб судьбу благословил. Зато в углу своем надулся, / Увидя в этом страшный вред, / Его расчетливый сосед. / Другой лукаво улыбнулся, / И в голос все решили так: / Что он опаснейший чудак*. (А. Пушкин); *Так! равнодушное забвенье / За гробом ожидает нас. / Врагов, друзей, любовниц глас / Вдруг молкнет. **Про одно именье** / Наследников сердитый хор / Заводит непристойный спор* (А. Пушкин).

Через объект взаимного интереса опосредованно (виртуально) может реализовываться взаимное действие (происходить самосогласование взаимных отношений): читатель общается с писателем через его книгу (*Уселся он с похвальной целью / Себе присвоить ум чужой...* (А. Пушкин)). По тому же самосогласовательному типу (через объект взаимного интереса, формирующийся по оценке) происходит реализация взаимных отношений – общений через Интернет. Невозможно, чтобы в языке не нарабатывалась лексика, системно организующая наименования **объектов** взаимного действия. Для каждого системно организованного поля взаимного действия складывается иерархия наименований объектов взаимного действия, направляемая формированием терминосистемы [Сергевнина 1978: 65–74], и в связи с этим соотнесенность наименования объекта взаимного действия с предметом (конкретного действия) и объекта мысле-рече-языкового действия представляется весьма показательной: «*дедов **мертвый капитал**» и «мыслей мертвый капитал*» (А. Пушкин).

По закону согласования в сложных системах взаимодействие грамматических и лексических средств реализует значение взаимного действия, происходит самосогласованность наименований действий и лиц – участников взаимного действия: *Кто б ни был ты, о мой читатель, / Друг, недруг, – я хочу с тобой / Расстаться нынче как приятель, / Прости* (А. Пушкин). В силу наибольшей устойчивости грамматических форм в функционально подвижный центр ФСК взаимности – предикативный центр предложения попадают названия участников взаимного действия – ее периферийные лексические элементы: «*Вот как мы сделались приятелями*» (М. Лермонтов). Согласование лексических и грамматических средств в речи направляет динамически неоднородные периферийные средства в центр ФСК взаимности: *Значит, там у вас все ябеды, все сваливают друг на друга* (Н. Носов «Витя Малеев...»).

Наиболее сильный разъединяющий момент взаимных отношений речи последнего времени кроется в оценочной компоненте – «модальности бытия»: *никому я ничего не должен* – «долг» мы рассматриваем как объект взаимных отношений, призванный выполнять функцию объединения. Ведущей позицией, разрушающей поле взаимности на оси времени, служит, на наш взгляд, распространившийся сейчас оценочный компонент неприятия, направляющий речь, – «отстой». В противовес ему положительной оценкой, направляющей нашу мысле-рече-языковую деятельность, звучит «круто», а когда-то на этом месте была оценка «железно», потом «нормально», но перспектива с положительной оценкой «круто» может быть и опасной.

Катастрофа слова поля взаимности как языковой формы, соотносящейся с явлением действительности, состоит в том, что, указывая на один предмет внеязыковой действительности, оно с большей или меньшей определенностью указывает на обязательное наличие другого более или менее такого же. Ономасиологическая катастрофа слова поля взаимности выливается в речи требованием контекста множественности [Янко-Триницкая 1968: 186]. Указание в тексте на отсутствие такового воспринимается как деструкция текста [Радзиховская 2005[1]: 26].

В ситуации катастрофы при обозначении взаимного действия оказывается сама возвратная форма глагола. Еще Ф.И. Буслаев отмечал специфику значения возвратной формы взаимного глагола, отрицая в нем значение возвратности: «если еще *мирюсь с кем* можно не без натяжки истолковать как ‘мирю себя с кем’, то *встречаюсь с кем, целуюсь с кем* уж никак не означают ‘встречаю себя с кем’, ‘целую себя с кем’; а следовательно, никакого оттенка возвратности эти глаголы, относящиеся к взаимным, не содержат» [Буслаев 1858: 352]. Семантика субъектно-объектных отношений взаимных глаголов (по сравнению с другими возвратными глаголами) совершенно исключительна и выходит за границы значения собственно возвратности, ибо объект этого действия находится вне субъекта, и, видимо, можно, подобно К. Вильчевской, говорить лишь об их «ложной, мнимой» непереходности [Wilczewska 1966].

Разрушающим моментом в семантической структуре слова является указание на хаотичность пространственной характеристики действия, нарушающей парность отношений субъектов, т.к. взаимное действие выделяется определенной соотнесенностью его участников, доминантной локализацией его относительно двоих субъектов. Словари отмечают эту специфику слов поля взаимности в интерпретации значения его квалификаторами (либо местоимением *друг друга*, либо указанием на форму косубъекта *с кем*). Отмеченная еще И.А. Бодуэном де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1963: 315] известная напряженность числа *два* в языке, которая представляется и нарабатываемой в языке ФСК взаимности, базируется на внеязыковой реальности, отраженной также в литературе и фольклоре: *Где больше двух, там говорят вслух* – говорит народная пословица, и в этом видна стратегия сохранения поля взаимности. Указание в словарной статье на нарушение пространственной упорядоченности действия выводит слово из языкового поля взаимности. В речи игнорирование парной обусловленности речевого действия ведет к неудачам речевого поведения и ситуативной потере его функциональной целесообразности: *Как все на свете, когда их собирается*

больше двух, они говорили, не слушая друг друга, так громко, отчаянно, на таких предельно-высоких, визжащих нотах, будто все, что они говорили, было выражением уже самой последней крайности и надо было, чтобы это знал, слышал весь белый свет (А. Фадеев). Здесь происходит нарушение поля взаимности, превращение его в шум, беспорядочность, что ставит границу проявлениям взаимных отношений и становится переходом их в совместные. Взаимные действия получают неопределенную направленность. Поле взаимных отношений страдает здесь не столько из-за количества субъектов действия, сколько из-за проявления в нем признаков антивзаимного действия [Радзиховская 2005[2]: 137].

Преодоление катастроф в поле взаимных отношений, например, создание семантики множественности и само создание поля взаимности в языке и речи, возможно разными путями. ***Альтернативность*** путей создания контекста множественности в языке дана наличием форм выражения множественности, субъектов и косубъекта – в сложной системе по необходимости всегда можно сформировать хотя бы окказиональный способ выражения.

Сложность ФСК взаимности такова, что при всей исходной определенности ее лексических и грамматических средств нельзя не только закрыть этот список – нельзя сделать это в силу открытости сложных систем, но невозможно доподлинно сказать, какие из имеющихся языковых форм не могут попасть в зону значения взаимного действия в тексте. Иначе, ФСК взаимности в языке как сложная система не только имеет альтернативы развития, но и ***эвристична***, непредсказуема в своем объеме и действии. Эвристичность представления взаимных отношений допускает к участию в их обозначении весь словарь.

Взаимная адаптация (коадаптация [Венда 1990: 23–25]) форм при передаче взаимных отношений задана квантовой природой сложных систем, формирующих в языке функционально-семантические категории. Саморегулирование механизмов коадаптации языковых форм при выражении взаимных отношений получается вследствие системной их организации – иерархичности, нелинейности, динамической неоднородности целенаправленно используемых языковых форм, способных бесконечно ориентироваться на передачу изменяющихся значений отношений человека с меняющимся миром.

Лексика поля взаимности составляет лишь периферийное основание ФСК взаимности, но **лексикография, идя за словом, обнаруживает его цельность как кванта сложной системы**. Осознание языковой категории взаимности носителями языка как сложного феномена необходимо сказывается на культуре мышления и общения; подвижность и устойчивость системы ФСК взаимности в языке позволяет ей эффективно и успешно обслуживать речь: формировать в тексте поля взаимности, создавать сгармонизованные, эстетически организованные тексты.

ЛИТЕРАТУРА

Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2004.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 2.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959.
Венда В.Ф. Системы гибридного интеллекта. – М.: Машиностроение, 1990.
Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996.
Лем С. Сумма технологии. – М.; СПб.: АСТ, 2002.
Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. – М.: Наука, 1989. – С. 5–92.
Мразек Р. Функционально-семантическое поле взаимности и совместности (на русско-чешском материале) // Československá rusistika. – 1987. – XXXII. – № 3. – С. 114–122.
Радзиховская В.К. Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: сложная система, ее свойства, принципы изучения. – М.: Прометей; Изд-во МПГУ, 2005[1].
Радзиховская В.К. Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: квантово-синергетический аспект. – М.: Прометей; Изд-во МПГУ, 2005[2].
Сергевнина В.М. Принципы системного анализа терминов // Термин и слово: межвуз. сб. – Вып. 1 (7). – Горький, 1978. – С. 65–74.
Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 1–4.
Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в русском языке. – М.: Наука, 1968.
Wilczewska Ę. Czasowniki zwrótne we współczesnej polszczyźnie. – Toruń, 1966.

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF RECIPROCITY FIELD WITHIN THE FRAMEWORK OF SYNERGY

V.K. Radzikhovskaya

The author reasons that lexicography when giving a word and its meaning describes in corpore reciprocity field as a sphere of linguistic means-spread serving to convey reciprocal action, well coordinated in space and time in reference to subjects objectively and mutually dependent. Reciprocity field from the viewpoint of synergy is a complex system capable of self-adjustment and self-development.

© 2009

С.А. Анохина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ КОНЦЕПТА «ЧУДО»

Значение слова и концепт, вербализуемый данным словом, взаимосвязаны и соотносимы как в содержательном, так и в структурном отношении. Анализ лексического значения имени концепта позволяет выявить важнейшие концептуальные признаки данного мыслительного образования. Поэтому лингвистические словари, фиксирующие лексические значения слов, связанных с каким-либо концептом, являются ценнейшим источником материала для исследования концепта. В данной работе предпринимается попытка воссоздания инвариантных для всех носителей современного русского языка существенных признаков концепта «Чудо» через анализ словарных статей, посвященных вербализаторам концепта.

Значения слов и фразеологических единиц, являющихся вербализаторами концепта, объединяются в семантическое поле, которое, как известно, включает в качестве обязательных элементов ядро – значение слова (или основное значение многозначного имени поля), представляющее собой семему, содержащую интегральные для всех элементов поля семы; центр поля – значения, имеющие в своем составе семы ядерной семемы, а также те или иные дифференциальные семы; и более или менее обширную периферию с размытыми границами, объединяющую единицы, связанные интегральными семами с единицами центра поля. В настоящей статье мы рассматриваем лишь ядро и центральную (околоядерную) часть семантического поля, вербализующего концепт «Чудо».

Имя исследуемого концепта «Чудо» является многозначным: в современных толковых словарях приводится различное (от двух до пяти) количество его значений, или семем. При этом словари фиксируют различные значения в качестве основного: в частности, в «Большом толковом словаре русского языка» это – ‘по религиозным и мифологическим представлениям: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божьей силы’ [БТС: 1485]; в «Русском толковом словаре» – ‘нечто небывалое, невероятное, удивительное, поразительное’ [Лопатины 2006: 877]. Современные толковые словари отражают своеобразное соперничество двух значений слова *чудо*, претендующих на роль основного значения, которые условно можно назвать религиозным и нерелигиозным. Ядром семантического поля *Чудо* и основным значением слова *чудо* мы считаем семему ‘нечто небывалое, удивительное, поразительное’. Именно это значение является наиболее общим, свободным, и с ним непосредственно связано максимальное количество других единиц поля. Первичность значения ‘нечто небывалое’ по отношению к значению, содержащему семы ‘вмешательство божественной силы’, на наш взгляд, подтверждается и обращением к этимологии слова *чудо*, которое является исторически производным от *чути* ‘чувствовать,

слышать, ощущать, познавать' [Шанский 2000: 366], т.е. чудом сначала называли то, что ощущается, и лишь впоследствии у этого слова появилась сема 'небывалое'. Таким образом, изначально в слове *чудо* отсутствовала идея божественного вмешательства, которая, видимо, сформировалась в период распространения и господства в славянской идеологии христианства. Еще одним доказательством «неядерности» семемы 'в религиозных представлениях: явление, вызванное вмешательством божественной силы' видится нам тот факт, что семы, составляющие это значение, отсутствуют в остальных семемах слова *чудо*, сформировавшихся на базе основного значения. При этом семы 'небывалое', 'необыкновенное', 'удивительное' присутствуют во всех вторичных значениях и в значениях всех слов, вербализующих концепт «Чудо».

Современные толковые словари расходятся и в характеристике других значений слова *чудо*: в «Большом толковом словаре русского языка», напр., отмечается наличие лексических омонимов *чудо*, которых нет в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (соответствующие значения толкуются в рамках одной словарной статьи). Вопрос о разграничении омонимии и многозначности до сих пор остается спорным. Нам представляется, что говорить о наличии омонимов у слова *чудо* не совсем оправданно, т.к. все его значения сохраняют семантическую близость: во всех семемах присутствует по крайней мере один из синонимичных компонентов – 'небывалый', 'необыкновенный', 'удивительный'.

Спорным является и определение статуса сложных существительных с первой частью *чудо-*, которая вносит в значение слова семы 'необыкновенный, выдающийся среди себе подобных'. В «Толковом словаре русского языка» эти явления включены в статью, посвященную слову *чудо*, в «Русском толковом словаре» рассматриваются отдельно. Однако при любом статусе сложные существительные с первой частью *чудо-* (*чудо-остров, чудо-дерево* и др.) являются вербализаторами концепта «Чудо», при этом они занимают околоядерное, центральное положение в семантическом поле *Чудо*, т.к. имеют непосредственную семантическую связь с ядерной семемой.

В целом слово *чудо* является примером радиальной полисемии, при которой все вторичные значения непосредственно связаны с одним первичным, поэтому все значения слова *чудо*, кроме основного (ядерного), составляют центр описываемого семантического поля. Обобщив все зафиксированные толковыми словарями современного русского языка значения слова *чудо*, мы получили следующий их перечень:

1) 'нечто небывалое, невероятное, удивительное, поразительное';

2) 'по религиозным и мифологическим представлениям: сверхъестественное явление, вызванное вмешательством божьей силы';

3) чего 'нечто поразительное, удивляющее своей необычностью';

4) в значении сказуемого 'о чем-нибудь хорошем: удивительно, поразительно' (разг.);

5) **чудо-** в сочетании с другими существительными 'необыкновенный, выдающийся среди себе подобных' (разг.);

6) **чудеса!** 'выражение крайнего удивления, недоверия' (разг.).

Центральную часть семантического поля, вербализующего концепт «Чудо», составляют 2–6 лексико-семантических вариантов слова *чудо*. Интегральной

семой, связывающей их с ядром поля, является сема ‘удивление’, которая в той или иной форме присутствует в толковании всех значений слова *чудо*. В то же время в языковой системе данная сема выступает как дифференциальная, позволяющая разграничить чудо и другие, близкие к нему, понятия. Именно сема ‘удивление’ выделяет чудо из ряда других явлений (слово *явление* в значении ‘всякое проявление чего-нибудь (каких-нибудь сил, процессов); то, что происходит, случается, имеет место; событие, факт’ [Лопатины 2006: 903] является родовым наименованием, или гиперонимом по отношению к слову *чудо*). Какое-либо явление может быть названо *чудом* только при условии, что оно вызывает удивление своей необычностью.

В центр семантического поля *Чудо* входят также синонимы имени поля. Согласно «Словарю синонимов русского языка» З.Е. Александровой, слово *чудо* является доминантой следующего синонимического ряда: *феномен, диво, невидаль, диковина, диво-дивное, невидальщина, игра природы, чудеса в решете* [Александрова 1975: 591]. В этом ряду объединены как лексические, так и фразеологические синонимы на основании близости их семантики. Слово *чудо* (в значении ‘нечто небывалое, невероятное, удивительное, поразительное’) выступает в роли доминанты в силу того, что оно наиболее полно передает общее значение синонимического ряда и принадлежит к широко употребительной, стилистически нейтральной лексике. В качестве ядерных компонентов семантического поля могут выступать несколько единиц, если они являются абсолютными синонимами, т.е. их значения совпадают полностью. Однако слово *чудо* абсолютного синонима в русском языке не имеет, все единицы синонимического ряда различаются либо семами содержательного характера, либо стилистически, что и обусловливает их включение не в ядро семантического поля, а в его центральную часть, непосредственно связанную с ядром, но объединяющую единицы, имеющие какие-либо отличия от ядерной единицы.

Слово *диво* имеет значение ‘то, что вызывает удивление, чудо’ [Ожегов 1999: 165]. При анализе значения данного слова очевидно, что его содержательная сторона полностью соответствует содержательной стороне слова *чудо*, оба этих синонима называют один и тот же круг предметов. Однако отнести *диво* к абсолютным синонимам слова *чудо* не позволяет его стилистическое отличие от доминанты: в толковании слова *диво* есть помета *(разг.)*, свидетельствующая о принадлежности данной единицы к сниженной, разговорной лексике. Таким образом, имя существительное *диво* является стилистическим синонимом слова *чудо*. К этому же типу синонимов относятся народно-поэтическое *диво-дивное*, функционирующее преимущественно в фольклорных произведениях; разговорное *диковина* ‘странная, удивительная вещь, явление’ [Ожегов 1999: 165], разговорное, ироничное *невидаль* ‘о чем-нибудь редкостном, необычном (в выражениях, отрицающих эту редкостность, необычность)’ [Там же: 402], разговорное *невидальщина*; а также фразеологическая единица *чудеса в решете* разговорное шутливое ‘о чем-нибудь необычном или непонятном’ [Там же: 889].

Многозначное слово *феномен* вступает в синонимические отношения со словом *чудо* только в одном (втором) значении – *‘о человеке или явлении, выдающемся, исключительном в каком-нибудь отношении’* [Ожегов 1999: 850], при этом сопоставление данного значения со значением доминанты синонимического

ряда позволяет выявить различия в семантике данных единиц: в значении слова *феномен* отсутствует (и не подразумевается) сема ‘удивление’, присутствующая во всех значениях слова *чудо*, т.е. являющаяся для него существенной. Следовательно, слово *феномен* имеет статус семантического синонима по отношению к слову *чудо*. Кроме этого, существительное *феномен* относится к книжной лексике, т.е. имеет и стилистические отличия от доминанты ряда. Таким образом, слово *феномен* является семантико-стилистическим синонимом слова *чудо*.

Фразеологический синоним *игра природы* имеет значение ‘исключительное, редкое явление, отклонение от обычных норм’ [ФСРЯ 2001: 166], которое практически совпадает с охарактеризованным выше значением слова *феномен*, за исключением стилистической окраски. Фразеологическая единица *игра природы*, как и доминанта синонимического ряда *чудо*, относится к нейтральной лексике, но при этом имеет отличия в семантике, т.е. является семантическим синонимом.

В центр анализируемого поля входят и родственные имени поля слова, непосредственно образованные от него, причем все эти единицы связаны словообразовательными отношениями именно с ядерной семемой, т.к. имеют в своих значениях интегральные для описываемого поля семы. Согласно данным словообразовательного словаря А.Н. Тихонова, производными от существительного *чудо* являются слова: *чудище, чудовище, чудак, чудасия, чудик, чудушка, чудушко, чудесный, чудной, чудный, чудовой, чудовый, чудом, причуда, чудесить, чудить, чудиться, чудо-богатырь, чудо-молодец, чудо-конь, чудо-печка, чудо-сани, чудо-юдо, чудодей, чудодейный, чудород, чудотворить* [Тихонов 1990: 382]. Все они, безусловно, имеют непосредственную семантическую связь с ядром семантического поля *Чудо*.

Рассмотрим статус околоядерных единиц в семантическом поле на примере слова *чудак* и его синонима *чудик*. Стилистические синонимы *чудак* и *чудик* имеют значение ‘тот, чье поведение отличается странностями, чьи поступки вызывают недоумение, удивление’ [Ефремова 2000: 994], при этом существительное *чудик* имеет просторечную окраску. Связь этих единиц с ядром поля осуществляется за счет интегральной семы ‘удивление’. В названном толковании значения не проявляется сема оценочности: странность в поведении может быть оценена как положительно, так и отрицательно. Вероятно, коннотативные семы позитивной и негативной оценки *чудака-чудика* являются потенциальными и актуализируются только в определенных контекстах, т.е. у данного слова есть имплицитная (скрытая) оценочная энантиосемия (способность слова обозначать противоположные явления, в данном случае – противоположные оценки).

Таким образом, центральная часть семантического поля, вербализующего концепт «Чудо», состоит из трех групп единиц, находящихся в одношаговых семантических отношениях с ядром поля, т.е. имеющих непосредственную связь с семемой ‘нечто небывалое, невероятное, удивительное, поразительное’:

1) вторичные лексико-семантические варианты слова *чудо*;
2) лексические и фразеологические синонимы слова *чудо*;
3) производные слова, образованные на базе слова *чудо*.

Все эти единицы, находясь в определенных зафиксированных лингвистиче-

скими словарями семантических отношениях друг с другом и ядром поля, отражают существенные признаки концепта «Чудо», являющиеся инвариантными для всех носителей современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник / под ред. Л.А. Чешко. – 4-е изд., репродуцир. – М.: Рус. яз., 1975.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000. – Т.2.

Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2006.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз. – 1990. – Т.2.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / под ред. А.И. Федорова. – М.: Топикал, 1995.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2001.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – 3-е изд., испр. – М.: Дрофа, 2000.

LEXICOGRAPHIC SOURCES AS THE RESEARCH BASIS OF SEMANTIC LINKS OF THE CONCEPT “CHUDO” (MIRACLE) VERBALIZATORS

S.A. Anohina

The article deals with the description of the nucleus and the central part of a semantic field Chudo (Miracle), which verbalize the concept. The source of the information is modern linguistic dictionaries; vocabulary entry analysis allows conclusions about essential features of the concept that are invariant for all native speakers of modern Russian.

© 2009

Н.В. Меркулова

КОНЦЕПТ «ЗАГОВОР» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(материалы к антологии русских национальных концептов)

Никакая другая история не может похвастаться таким обилием заговоров, бунтов и мятежей, как русская. Поэтому концепт «Заговор» не случайно оказался в центре нашего внимания. Хотя для называния действий, направленных

против существующей власти, в русском языке существует несколько языковых единиц, но именно лексема *заговор* является аккумулятором всех составляющих значений слов *мятеж, бунт* и *заговор*. *Бунт* – 'восстание, мятеж // открытое недовольство чем-л., протест против чего-л.' [СРЯ XVIII, 2: 166]; 'стихийное восстание, мятеж' ([МАС, 1: 125], [БТС: 103]); *мятеж* – 'бунт, народное возмущение, смута' [СРЯ XVIII, 13: 111]; 'стихийное вооруженное выступление в результате заговора против существующей государственной власти' ([БАС, 6: 1453], [МАС, 2: 321], [СОШ: 254]); *заговор* – 'тайное соглашение нескольких лиц о совместных действиях против кого-нибудь для достижения каких-нибудь определенных целей' [ТСУ, 1: 457]; '1. Тайное соглашение каких-нибудь лиц о совместных действиях против кого-либо, чего-либо для достижения каких-либо определенных политических целей. 2. Тайный уговор, сговор' [БТС: 317]. На этом основании мы считаем, что именно концепт «Заговор» выражает ментальные представления русского народа об исторических событиях, которые в историографии принято называть *мятежом, бунтом* и *заговором*.

По типу знания, отражения действительности концепт «Заговор» является сценарием, т.е. последовательностью нескольких эпизодов во времени; «это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития» [Попова, Стернин 2002: 84]. Сценарий фиксирует «отношения между действующими лицами (цель, причину или иную логику взаимоотношений), состав действующих лиц, их функции и обстоятельства совершения действия» [Шестак 2003: 14]. Естественно, концепт «Заговор» является фрагментом национальной концептосферы носителей русского языка, т.к. в нем сфокусированы представления русского этноса о «хорошей» и «плохой» власти, ее политике. Одновременно в концепте «Заговор» заложены представления конкретных людей, принадлежащих к разным социальным, профессиональным, возрастным и др. группам.

Формирование любого национального концепта проходит как на синхроничном, так и на диахроничном уровнях. Это обусловливает полноту репрезентируемых в концепте ментальных представлений народа. Особый интерес у исследователей вызывают индивидуальные концепты языковых личностей разных исторических эпох, которые являлись уникальными субъектами реальных сценариев заговоров.

В этом отношении показательны две исторические фигуры, которые сыграли немаловажную роль в истории России: Ем. Пугачев и В.М. Пуришкевич. Пугачев остался в российской истории, в первую очередь, как масштабный заговорщик, самозванец и бунтарь, поднявший в 70-е гг. XVIII в. на восстание огромные слои населения. Он стал не просто предводителем восставшего народа, а человеком, который смог создать и умело руководить повстанческой армией, тем самым, выступить на исторической арене и в роли военачальника. В.М. Пуришкевич же стал идейным вдохновителем малочисленного заговора против главного царского фаворита начала XX в. – Григория Распутина. Однако и его деятельность привела к не меньшим изменениям на исторической и политической арене страны. Объединяющим началом для обоих интересующих нас исторических фигур было их стремление измененить существующую власть насильственным путем.

В любом заговоре главными являются действующие лица. Причем это всегда две стороны: заговорщики и те, против кого заговор направлен. Вербализаторы, вычлененные нами из следственного дела Ем. Пугачева (99 языковых единиц в 1820 употреблениях) и дневниковых записей В.М. Пуришкевича (61 языковая единица в 210 употреблениях), указывают на многочисленные совпадения в расстановке действующих лиц двух таких разных заговоров как по времени, так и по масштабности. Так, в обоих источниках есть общий обязательный слой лексем и устойчивых словесных комплексов (УСК), называющих людей по их титулам, чинам, сословиям, занимаемым должностям и профессиям. Однако в записях Пуришкевича активно используются две группы вербализаторов, отсутствующие в допросных речах Ем. Пугачева: 1) языковые единицы, называющие Россию и русский народ как действующих лиц, и 2) лексемы и УСК, негативно называющие противников Пуришкевича.

Отсутствие подобных групп в следственном деле Ем. Пугачева объясняется характером памятника XVIII в. Для бунтаря называние людей по чину, титулу, должности и сословию было вызвано необходимостью: он обязан был на допросах подробно рассказывать о событиях, в которых принимали участие те или иные персонажи. Более того, Пугачев сумел создать подобие регулярной армии, поэтому в обоих противоборствующих лагерях были лица, называемые Пугачевым по чинам или должностям. Пуришкевич же вел дневниковые записи, где большое место отводилось его мыслям и внутренним переживаниям. Так, наличие в его текстах языковых единиц, называющих Россию и русский народ как действующих лиц, обусловлено политическими убеждениями монархиста, который возглавлял консервативно-националистическую партию «Черная сотня». Черносотенцы провозглашали русскую народность собирательницей земли русской и устроительницей русского государства [Политические партии России: 90–91]. Для Пуришкевича и его соратников русские – это великий, могучий народ, за судьбу которого они беспокоились и боролись, поэтому в дневнике Пуришкевича Россия и русский народ – это непосредственные действующие лица заговора, зачастую более ценные чем конкретный человек. 17 языковых единиц (в 22 употреблениях), называющих действующих лиц негативно, также относятся к группе, наименований лиц, участвовавших в заговоре. Пуришкевич, по свидетельству историков и современников, отличался крутым нравом и «острым» языком. Поэтому за данными вербализаторами стоят реальные люди, оказавшиеся по ту сторону заговора. Это Распутин, императрица Александра Федоровна и министры.

Более подробно остановимся на группе языковых единиц, называющих носителей титулов (титул – ‘почетное званье, величанье, именование по сану, достоинству’ [Даль, 4: 406]), по двум причинам: во-первых, состав данных групп в лексико-фразеологических полях «Заговор», репрезентирующих одноименные концепты разных эпох, в изучаемых памятниках количественно совпадает (по 12 единиц), но существенно отличается семантикой своих членов. Во-вторых, именно с помощью титулов называют и определяют тех людей, которые становились центром почти всех заговоров в России.

13 лексем и УСК (*государь, государыня, самодержец, император, императорское величество, императрица, помазанник Божий, король* и др.) означают ти-

тулы ‘верховного владетеля, монарха’ [СРЯ XVIII, 5: 200] и его носителя. В обоих памятниках самыми частотными оказались лексемы *государь, самодержец, император, монарх* и *царь*, т.к. именно эти титулы называют монархического правителя России.

Пугачев «претендовал» на место *государя,* поэтому в следственном деле много ярких примеров с титулованием как истинных монархов, так и самозванца. Ср. *Тут или в другом месте, – не упомню, пришло известие из Петербурга, что ея величество* ***государыня императрица*** *Елисавета Петровна скончалась, а всероссийский престол принял* ***государь император*** *Петр Третий* [СД № 1, л. 101: 57]; *На то я* (Пугачев – Н. М.) *ему подтвердил: «Я-де сам* ***государь*** *Петр Федорович»* [СД № 1, л. 114: 71].

Европейский аналог российского *императора – король* появляется в следственном деле Пугачева только в рассказе о прусском походе как фигура высшей политики, к которой самозванец не имел пока отношения: *А вскоре того и учинено с* ***пруским королем*** *замирение, и той дивизии, в коей я состоял, велено идти в помощь* ***прускому королю*** *против ево неприятелей* [СД № 1, л. 101: 57]. Зато лексемы *паша* ‘военачальник и правитель области в Османской империи’ [СРЯ XI–XVII, 14: 181], *султан* ‘государь Турции // азиатские султаны’ [Даль, 4: 359] и *хан* ‘азиатский владетель’ [Даль, 4: 542] обозначают реально действовавших людей, с которыми контактировал «Петр III»*. Напр., *Где Идорка представлял мне, чтоб послать* ***к Нурали-хану*** *указ и требовать у него на вспоможение людей, чтоб взойти на престол* [СД № 1, л. 120 об.: 78]; *И он, Емелька, спросил: «Отвезешь ли ты к* ***Аблай-хану*** *от меня письмо?»* [СД № 3, л. 328: 196]. Правда, Ем. Пугачев иногда «путает» (что, конечно же, совершенно непозволительно для человека, выдающего себя за императора) имена и титулы своих сторонников: называет Нуралы-хана Му(а)рали, а султана Среднего казахского жуза Аблая – ханом.

В.М. Пуришкевич по-разному называет императора Николая II: *царь, государь, монарх, помазанник Божий.* С точки зрения лингвистики, данные именования, в общем, являются синонимами и называют ‘всякого владыку, верховного главу страны’ [Даль, 1: 189]. С точки зрения исторической науки, это разные понятия, которые входят в состав титулования российского монарха. Полный титул Николая II как императора с 1894 по 1917 гг. был следующим: Божьей поспешествующей милостью, Мы, Николай Второй (в некоторых манифестах церковнославянская форма – Николай Вторый), Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсонеса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский,

*Нуралы-хан (правитель Младшего казахского жуза) занял по отношению к Пугачеву двойственную позицию: он формально поддерживал самозванца, но уклонялся от военной помощи, а в заявлениях к администрации края выражал готовность послать конные отряды казахов для совместных операций против восставших.

Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Метиславский и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель, Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голштейнский, Стормариский, Дитмарсенский и Ольденбургский и прочая, и прочая, и прочая [Балязин 2008: 53].

В дневнике Пуришкевича все единицы, называющие Николая II, свидетельствуют об одном: *я обратился к правительству с требованіем открыть* ***Государю*** *истину на положеніе вещей и без ужимок лукавых царедворцев предупредить* ***монарха*** *о грозящей Россіи опасности со стороны темных сил, коими кишит русскій тыл, – сил, готовых использовать и переложить на* ***Царя*** *отвѣтственность за малѣйшую ошибку, неудачу и промах его правительства в дѣлах внутренняго управленія, в эти безконечно тяжелые годы бранных испытаній, нисполанных Россіи Всевышнем* [Дневник: 4]; *Судьбѣ угодно было, чтобы я, а никто иной избавил от него* (Распутина – Н. М.) ***Царя*** *и Россію, чтобы он пал от моей руки* [Дневник: 57–58].

Интересно употребление Пуришкевичем единиц *помазанник Божий* и *самодержец*: *Как завладѣл ты* (Распутин – Н. М.) *царем до такой степени, что твоя воля, стала его волею; что ты был фактическим* ***самодержцем*** *в Россіи, обратив* ***помазанника Божьяго*** *в послушнаго, безпрекословнаго исполнителя твоей злонамѣренной воли и твоих хищнических аппетитов* [Дневник: 71]. Оба указанных титула обозначают верховного правителя: (*помазанник* – ‘лицо, над которым совершен обряд помазания (о монархах). Помазание – древнемагический обряд, сохранившийся в христианской церкви и состоящий в мазании лба особым «освященным» маслом в знак передачи благодати, благословения’ [ТСУ, 3: 279]; *самодержец* – ‘неограниченный, самодержавный монарх’ [ТСУ, 4: 17]), однако властвующим, по мнению Пуришкевича, был Распутин, а не Николай II.

Лексемы *императрица* и *царица* (‘супруга императора; государыня, властвующая над империею’ [Даль, 1: 295]) называют жену Петра III – Екатерину II и супругу Николая II – Александру Федоровну. Для Пугачева упоминание об императрице было лишь частью его легенды о царском происхождении. Для Пуришкевича же Александра Федоровна, после Распутина, являлась вторым по значимости врагом, т.к. именно через нее, по его мнению, оказывалось непосредственное губительное влияние на императора: *Его* (Распутина – *Н.М.*) *роковое вліяніе на Царя через посредство* ***Царицы*** *и нежеланіе Государя избавить себя и Россію от участія этого грязнаго, развратнаго и продажнаго мужика в вершеніи государственных дѣл, толкающих Россію в пропасть, откуда нѣт возврата* [Дневник: 5]. Однако Пуришкевич жалеет Александру Федоровну, понимая, что она поддалась влиянию Распутина под давлением своего горя (болезни сына): *Чѣм околдовал ты, негодяй – думал я, – и царя, и* ***царицу*** [Дневник: 71].

К данной группе относятся еще три языковые единицы, обозначающие ‘почетный дворянский титул (в России введен Петром I); носитель этого титула’ [СРЯ XVIII, 5: 223] – *граф, князь* и *великий князь*. Последний титул пе-

редавался по наследству в некоторых дворянских родах, а с петровского времени стал высшим дворянским титулом, жалуемым государем [СРЯ XVIII, 10: 72]. Лексемы *граф* и *князь* в следственном деле называют людей, направленных для борьбы с восставшими, и свидетельствуют о том, что угроза для российского трона со стороны Пугачева была воспринята самым серьезным образом. Так, в карательных операциях против пугачевцев участвовали *граф* П.И. Панин, *граф* З.Г. Чернышев, *князь* М.Н. Волконский, *князь* А.А. Вяземский и многие другие. Но главным «князем» в жизни Пугачева, его противником на поле битвы стал *князь* Петр Михайлович Голицын, который в январе 1774 г. был назначен командующим авангардными войсками карательной армии генерал-аншефа А.И. Бибикова. Позднее Голицын подавлял повстанческое движение в Башкирии, Закамье и Поволжье, некоторое время исполнял обязанности главнокомандующего карательными войсками [СД: 294–295]. Пугачев никогда не называет Голицына противником, более того, вся карательная армия у него ассоциируется с именем князя, и в этом, на наш взгляд, проявляется уважение к Голицыну как военачальнику: *Сего же стал я спрашивать, много ли с* ***князем Голицын[ым]*** *армии и пушек <...> Между тем* ***князь Голицын*** *приближался еще к крепости и начал производить стрельбу ис пушак. А как уже по-видимому и мне надлежало свои батареи открыть, что и исполнили. И в такое* ***князя Голицына*** *привел замешательство, что естли б выласка моя приготовленная, как прежде приказано было, и в таком случае ударить, то уповаю, что б* ***князь Голицын*** *приведен был в великой беспорядок. Но толпа моей конницы оробела, и из ворот выбить оную никак не мог. То хотя и долгое время продолжалась пальба с обеих сторон, но* ***князь Голицын*** *стал нас побивать. А я, видя неудачу, и что надежды нет отбитца, приказал Овчиннкову как можно стоять, сам поскакал в Берду* [СД № 1, л. 132–132 об.: 95]. Справедливости ради стоит отметить, что и П.М. Голицын восхищался мужеством и военными умениями своих противников: *«Дело столь важное было, что я не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики»* [СД: 298–299].

Языковые единицы *князь* и *великий князь* в дневнике Пуришкевича свидетельствуют о том, что в устранении Распутина принимали участие люди из знатных родов: *Я познакомил их с д-ром Лазавертом, и мы приступили сообща к дальнѣйшему обсужденію нашего плана, при чем* ***князь*** *Юсупов показал нам полученный им от В. Маклакова ціанистый кали* [Дневник: 18]; *<...> у* ***великаго князя*** *Дмитрія Павловича всѣ вечера вплоть до 16 декабря разобраны, а на вечер, который по словам Юсупова, был болѣе всего подходящим для выполненія нашего плана, у Дмитрія Павловича была назначена какая-то пирушка с офицерами-однополчанами и ни отмѣнить ее, ни перенести на другой срок* ***великій князь*** *не мог, так как, оказывается, сам назначил день этого собранія, и какая-то перемѣна его могла бы вызвать толки* [Дневник: 28]. Примечательно, что великий князь мог принадлежать только царской (императорской) фамилии.

Титул *граф* пришел в Россию из Западной Европы, в частности из Англии и Франции. Ввел его Петр I. Вместе с титулом жаловалось и большое состояние: земля, люди, деньги [Мурашев 2000: 16]. Графское достоинство Российской империи получали и женщины [Мурашев 2000: 19]. Пуришкевич, употребляя

слово *графиня*, показывает, что в ликвидации Распутина принимали участие и женщины, имевшие высокий титул: *Распутин может подумать, что собравшееся на верху дамское общество слушает музыку, и вслѣдствіе этого молодая* ***графиня****, знакомства с коей он так жаждет, не может к нему тотчас же сойти* [Дневник: 55].

Таким образом, рассмотрев одну из составляющих концепта-сценария «Заговор» – группу языковых единиц, называющих действующих лиц, участвовавших в заговоре, важно отметить следующие. Во-первых, формирование национального концепта «Заговор» проходит не только на синхронном, но и на диахроническом уровне, что позволяет дополнить его более интересными фактами и наблюдениями в ментальных представлениях носителей русского языка разных исторических эпох. Во-вторых, рассмотренные нами индивидуальные концепты имеют схожую структуру, более того, при подробном анализе выявляются типичные, а потому основные вербализаторы, формирующие национальный концепт. В-третьих, особенности индивидуального мировосприятия дают дополнительные оттенки для описания концепта, показывают вектор его изменения во времени.

ИСТОЧНИКИ

Дневник: Пуришкевич В.М. Дневник «Как я убил Распутина». – М.: Сов. писатель, 1990.

СД: Емельян Пугачев на следствии: сб. док. и материалов / отв. исполнитель Р.В. Овчинников. – М.: Яз. рус. культуры, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

Балязин В.Н. Последнее царствование XVIII века. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2008.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / ред. кол. С.Г. Бархударов [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – Т. 6.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985–1988.

Мурашев Г.А. Титулы, чины, народы. – СПб.: Полигон, 2000.

Политические партии России: история и современность: учебник для вузов / под ред. А.И. Зевелева и др. – М.: РОССПЭН, 2000.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – 2-е изд., стер. – Воронеж: Истоки, 2002.

СОШ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2002.

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1988. – Вып. 14.

СРЯ XVIII: Словарь русского языка XVIII в. – Вып. 1–17. – Л.: Наука, 1985–2007.

ТСУ: Толковый словарь современного русского языка: в 4 т. / гл. ред. Д.Н. Ушаков. – М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: моногр. – Волгоград: Перемена, 2003.

CONCEPT "CONSPIRACY" IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD-IMAGE
(FOR THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN NATIONAL CONCEPTS)

N.V. Merkulova

The author describes one of the most relevant concepts in Russian history. The research is based on the language of E. Pugachyov and V.M. Purishkevich, prominent historical figures who happened to be in the center of two significant conspiracies in Russian history. The article presents the analysis of the concept structure, traces its evolution over two centuries, and makes a correlation between the individual and the national within the concept under consideration.

© 2009

О.М. Лунцова

ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ГРАДИЕНТ-КОНЦЕПТА «ДРУЖБА-МИР-ВРАЖДА»
(на материале лексикографических и фразеографических источников)

В лингвоконцептологических исследованиях язык рассматривается как ключ к познанию концептуального сознания, поскольку «в самом слове и в его вербальной дефиниции фиксируются результаты когнитивных усилий человеческого разума» [Бабушкин 2001: 54]. Единицы языка, и особенно единицы его лексико-фразеологического уровня, представляют собой зеркало народной культуры, а семантические и структурно-семантические связи слов отражают актуальные для человека и социума связи и отношения между предметами и явлениями действительности, ее реальными и идеальными объектами и передают особенности национального мировосприятия [Шенделева 1999: 74]. Таким образом, по отношениям между значениями в семантическом пространстве языка можно судить о взаимоотношении концептов в национальной концептосфере [Попова, Стернин 2003: 12].

В данном исследовании рассматриваются три концепта русской лингвокультуры – *дружба, мир* и *вражда* – в их взаимосвязи, в едином концептуальном комплексе (имеющем форму градуальной оппозиции), названном нами «градиент-концепт *дружба-мир-вражда*» [Лунцова 2007].

Моделирование градиент-концепта *дружба-мир-вражда* осуществлялось на основании изучения семантических связей трех имен (*дружба, мир* и *вражда*), составляющих имя концептуального комплекса, а также его семантического пространства, нашедшего отражение в лексико-фразеологических средствах выражения. Материалом исследования послужили толковые, синонимические, антонимические, идеографические, фразеологические словари.

Традиционно в лексикографии антонимом слова *вражда* представляется слово *дружба*. При этом антонимическая пара *дружба-вражда* рассматривается

как дуальная (бинарная) оппозиция, не допускающая промежуточного компонента. Однако проведенный анализ семантики слова *мир* выявил наличие семантических связей между словами *дружба, мир* и *вражда*. Общими семантическими признаками для слов *дружба* и *мир* явились ‘дружеские отношения’, ‘приязнь’. Слово *мир* вступает в отношения противопоставления со словом *вражда* ввиду наличия у первого семантического признака ‘отсутствие вражды’. Так, *мир* занимает промежуточное положение между *дружбой* и *враждой* с некоторым смещением к положительному флангу (благодаря значению ‘дружеские отношения’), уравновешивая крайние точки оппозиции (в значении ‘отсутствие вражды’) [Лунцова 2007: 55–70].

Изучение лексико-семантического пространства *дружба-мир-вражда* позволило смоделировать множество многочленных градуальных оппозиций, отражающих различные концептуальные признаки градиент-концепта *дружба-мир-вражда*. Представляется, что количество градуальных оппозиций равно количеству семантических признаков, отражающих концептуальные признаки исследуемого градиент-концепта. Однако ввиду нежесткой структуры объекта исследования практически невозможным становится моделирование абсолютного числа его градуальных оппозиций. Следовательно, в нашем исследовании представлены только некоторые из них.

Прототипической (или *ядерной*) градуальной оппозицией градиент-концепта *дружба-мир-вражда* в русском языке мы считаем оппозицию *свой-другой-чужой*.

Любые другие градуальные оппозиции, репрезентирующие какие-либо аспекты градиент-концепта *дружба-мир-вражда,* являются производными. Напр., следующая градуальная оппозиция отражает категоризацию эмоциональной тональности межличностных отношений: *друг, брат, кореш – товарищ – приятель – знакомый – ‘другой’ – недоброжелатель, злопыхатель – недруг, неприятель, враг.*

На основе прототипической градуальной оппозиции в русском языке можно создать многочленные оппозиции из слов, принадлежащих разным частям речи, а также из фразеологических единиц, которые, вступая в смешанные синонимично-антонимичные группы, проявляют такое свойство фразеологии, как системность ([Кунин 1996: 129], [Добровольский 1991: 95, 98]). Напр.:

- *дружба – приятельство – лад, согласие – размолвка – разлад – рознь, вражда;*
- *дружеский – приятельский – приветливый – незлобный – терпимый – неприветливый – недружеский – нетерпимый – враждебный*;
- *дружить – приятельствовать – ладить – уживаться – не ладить – не уживаться – враждовать*;
- *быть на дружеской/короткой ноге, водой не разольешь, водить хлеб-соль – быть в ладу/ладах – обходить за версту, держаться в стороне – жить как кошка с собакой, на дух не переносить.*

Одними из важных семантических признаков слов *друг, дружба* являются ‘помощь’, ‘поддержка’, которые противопоставляются ‘зложелательству’, ‘вредительству’ – одному из важных семантических признаков слов *враг, вражда*. Противопоставление данных семантических признаков можно наблюдать

на примере следующей градуальной оппозиции: *друг – покровитель – доброжелатель – знакомый – недоброжелатель, зложелатель – враг.* То же самое семантическое противопоставление реализуется и на фразеологическом уровне: *прийти на помощь в трудную минуту, протянуть руку помощи, оказать поддержку, взять под свое крылышко, помочь в беде – пальцем не пошевелить, держаться в стороне – вставлять палки в колеса, подставлять ногу, давать подножку, выбивать из седла.*

Другими важными показателями дружеских отношений являются ‘радушие’ и ‘гостеприимство’, а неприязненных отношений – ‘отказ от общения’: *оказывать радушный прием, встречать с распростертыми объятиями – избегать общения, обходить за километр/версту – держать кого-либо на почтенном расстоянии, не подпускать близко – давать от ворот поворот, закрывать двери дома, указывать на дверь.*

Большое значение для градиент-концепта *дружба-мир-вражда* имеют такие семантические признаки, как ‘согласие’, ‘единодушие’, ‘разногласия’, реализующиеся в следующих многочленных градуальных оппозициях: *рука в руку, рука об руку, по дороге, по пути, душа в душу – между двумя стульями, и вашим и нашим, на два фронта – в разрез – в штыки, на ножах.*

Если обратиться к сфере деловых отношений, то категоризация их участников в русском языке выглядит следующим образом: *друг – партнер, напарник, компаньон – конкурент, соперник – враг.*

Также можно рассмотреть участников военных действий и представить градацию обозначающих их наименований: *друг – брат, товарищ – свой – союзник – двурушник, предатель – противник, враг.*

В сфере политики, если в основе сравнения находится эмоциональный признак ‘приятие’, а также ‘активность проявления эмоций и действий’, можно выделить следующих участников: *миролюбец, миротворец – дипломат – конформист – нейтральная сторона – оппозиционер – антагонист – агрессор.*

Для категоризации участников политических действий может быть предложена и другая оппозиция, если в основу сравнения положить признак ‘сотрудничество’: *(политический) союзник – нейтральная сторона – (политический) противник.*

Описание состояния политических отношений на любом уровне может быть представлено следующим образом: *согласие, мир – нейтралитет – разногласия – антагонизм – конфронтация – конфликт.*

Отношения между группами, проживающими на одной или соседской территориях, могут быть определены как *дружественные, добрососедские – нейтральные – междоусобные, враждебные.*

Представленные многочленные градуальные оппозиции, составленные на материале лексико-фразеологических средств, разумеется, не дают исчерпывающего описания градиент-концепта *дружба-мир-вражда* в русской лингвокультуре, а лишь позволяют увидеть некоторые концептуальные признаки изучаемого объекта. Однако, в целом, думается, что данное исследование позволяет по-новому взглянуть на проблему оппозиции *дружба-вражда* (уже не как на дуальную, а как на градуальную) и что результат исследования найдет свое отражение в идеографических словарях нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.

Добровольский Д.О. К проблеме фразеологических универсалий // Филол. науки. – 1991. – № 2. – С. 95–102.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996.

Лунцова О.М. Градиент-концепт *дружба-мир-вражда* в русской и английской лингвокультурах (на материале лексики и фразеологии): дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2007.

Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – 2-е изд., испр. – Воронеж: Истоки, 2003.

Шенделева Е.А. Полевая организация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999.

LINGUISTIC EMBODIMENT OF THE GRADIENT-CONCEPT "FRIENDSHIP-PEACE-ENMITY" (BASED ON LEXICOGRAPHIC AND PHRASEOGRAPHIC SOURCES)

O.M. Luntsova

The article deals with lexicological and phraseological representation of a gradient-concept "friendship-peace-enmity" as a set of synonymic and antonymic groups reflecting individual conceptual features of the object under study. The author comes to the conclusion that results of the research can be used in ideographic dictionaries of a new type.

© 2009

М.В. Сибирева

КОНЦЕПТ «ВЕРА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бытие человеческой жизни и весь мир в целом являются объектом мыслительной деятельности человека и отражаются в языке. Концепты рассматриваются как ментальные единицы описания языковой картины мира народа, группы людей, отдельных авторов и т.д.

Цель данной работы – анализ концепта ***вера*** в религиозном дискурсе, поскольку многие концепты в этом типе дискурса характеризуются отличительными особенностями. Исследование проводится на материале проповедей митрополита Филарета (Дроздова). Вторая причина, по которой наш выбор пал на творчество этого мыслителя и учителя Церкви, состоит в том, что в XIX в. соз-

нание большинства людей было религиозным, и мы можем говорить о религиозной картине мира того времени.

В научной литературе уже делались попытки описания концептов в религиозном дискурсе (Е.В. Бобырева, И.В. Бугаева, В.И. Карасик, О.И. Митрофанова, Е.В. Сергеева, В.В. Чернобров и др.). Так, И.В. Бугаева полагает, что у ряда общекультурных концептов можно выделить религиозный компонент, который не всегда учитывается исследователями, но игнорировать его было бы, во-первых, ошибочно, а во-вторых, в этом случае нельзя претендовать на полноту и всесторонность описания. «Ядро концепта составляют наиболее актуальные для носителей языка ассоциации, периферию концепта – менее значимые ассоциации <...> В разных видах дискурса ядро концепта, его доминантная сема будут различаться» [Бугаева 2005: 9].

Понятие «вера» является основополагающим для религиозного сознания, а поэтому важнейшей категорией богословия и философии. Существует принципиальное различие между церковным и секулярным раскрытием понятия веры, которое становится понятным при сравнении словарных определений и богословско-философских дефиниций.

Лексема *вера* многозначна, что фиксируется словарями. Так, в Словаре И.И. Срезневского лексема ***вера*** имеет значения ‘правда’; ‘присяга, клятва’; ‘сознание божественного закона, религия’ [МСДЯ, 1: 490–491].

В.И. Даль насчитывает шесть значений лексемы *вера,* учитывающих в том числе устаревшее и диалектное. Словарь В.И. Даля отражает православную картину мира. Из шести значений первые три относятся к религиозной сфере: «1) Уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно о предметах высших, невещественных, духовных; 2) Верование; отсутствие всякого сомнения или колебания о бытии и существе Бога; безусловное признание истин, открытых Богом; 3) Совокупность учения, принятого народом, вероисповедание, исповедание, закон (Божий, церковный, духовный), религия, церковь, духовное братство» [СЖВЯ, 1: 331–333].

В «Полном церковнославянском словаре» прот. Г. Дьяченко слово *вера* раскрывается через христианские понятия и является отображением христианского мира: «одна из добродетелей: верование, признание ч.-л. за истинное», «уверенность, внутренне убеждение в ч.-л., в особенности принятие христианского учения», «самое учение христианской веры, проповедь евангельская, религия христианская». Прот. Г. Дьяченко приводит 15 значений понятия «вера» и иллюстрирует примерами из Священного Писания [ЦСС: 115–116].

В словарях XX в. фиксируется три значения, два из которых непосредственно связаны с религией: «1) Убежденность, глубокая уверенность в ком-, чем.-н. *В. в победу. В. в людей;* 2) Убежденность в существовании Бога, высших божественных сил. *В. в Бога;* 3) То же, что вероисповедование. *Христианская в. Человек иной веры*» [Ожегов 2000: 74]. В «Словаре русского языка» также дано три значения, в том числе слово с пометой *устар.* и *разг.* «доверие» [МАС, 1: 149].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова те же значения расположены в ином порядке, что свидетельствует о мене ядерного и периферийного компонентов: «Состояние сознания верующего, религия (книжн.) *Вера в бога*», «религиозное учение, верование. *Христианская вера*».

И второе, интересующее нас значение: «Убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии, а также в истинности того, что не доказано с несомненностью. *Вера в черта. Вера в загробную жизнь. Вера в научную гипотезу*». В данном словаре дается также толкование слова с пометой в значении *перен.* и указывается на выразительный оттенок слова *книжн. шутл.* «Мировоззрение, направление в общественной жизни, науке, искусстве. *Он изменил кантианской вере и стал гегельянцем*». Подобное значение выделяется только в словаре Ушакова [ТСРЯ, 1: 125].

Данная статья в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова в послереволюционные годы (30-е гг. XX в.) демонстрирует двойственность понимания религиозной сферы. Хотя словарь создавался во время борьбы с религиозным мировоззрением, но семы ‘состояние сознания верующего’, ‘религия’, ‘верование’ являются первостепенными и иллюстрируются примером *«Вера в бога»*, а ‘убеждение в реальном существовании предметов религии или фантазии’ иллюстрируется «*вера в черта*». Происходит смешение понятий. Для С.И. Ожегова же последнее толкование понимается и иллюстрируется как *«Вера в Бога»*.

Как верно заметила Е.В. Сергеева, даже лексикографическое издание, созданное в «годы борьбы с религиозным мировоззрением, демонстрирует, что возможно минимизировать количество и толкование» религиозной лексики, но «насильственно исключить ее из русской языковой картины мира невозможно» [Сергеева 2007: 156].

В «Словаре современного русского литературного языка» даны три основных значения слова «вера», но значения ‘убежденность в существовании Бога’ нет [БАС, 2: 163–166].

Прошло богоборческое время, и уже новое издание «Большого академического словаря русского языка» в словарной статье «вера» дается три основных значения и последним приводится толкование «убежденность в реальном существовании Бога (или чего-л. сверхъестественного, фантастического, связанного с ним) как основа мировоззрения и психологии религиозного человека» [БАС РЯ, 2: 411–412].

Как видим, слово *вера* и его производные встречались в контекстах, описывающих не только религиозные переживания, но и бытовые, обыденные. Один из крупнейших русских религиозных философов В.В. Зеньковский писал, что для того чтобы понять «исходный и основной смысл понятия “веры”, правильнее всего обратиться все же к фактам религиозной веры – имея в виду, что внерелигиозное использование понятия “веры” является вторичным, повторяемым по аналогии с религиозной верой» [Зеньковский 1996: 40].

В «Пространном христианском катихизисе» митр. Филарета (Дроздова) *вера* определяется как «уверенность в невидимом – как в видимом, в желаемом и ожидаемом – как в настоящем» [Филарет (Дроздов) 2006: 15].

Святоотеческое понимание смысла слова *вера* раскрывается в трех основных понятиях: **догматическое** (вера церкви), **психологическое** (согласие с верой церкви) и **харизматическое** (дар Духа Святого), – и в трех стоящих за указанными образами сущностях – церковь, человек, Бог. Вера, будучи внешней по отношению к человеку, недоступной чувственному восприятию и достоверности, принимается человеком и становится в результате разумного выбора умопости-

гаемым верным основанием его жизни [Михайлов 2008: электронный ресурс].

В трудах митр. Филарета (Дроздова) можно выделить ряд содержательно значимых составляющих понятия ***вера***, таких, как *качество веры; проявление веры; действие веры; мера и степень веры; вера как путеводительница к Богу; вера, возвещаемая через проповедь; вера как любовь; доверие и послушание; добродетель; плоды веры и неверия; вера и христианское учение; принятие христианского учения как победа веры; вера в Бога как оружие*. В сочинениях митрополита Филарета слово *вера* получает дополнительные значения, не зафиксированные ни одним словарем. Происходит расширение семантики слова. Проиллюстрируем несколькими примерами.

- ‘Качество веры’: *«О, если бы нам известна была **вера**, какую имеют истинные последователи Христовы!»; «Да пребывает **истинная, святая вера** всегда **сердечно и действенно нашею**»*. Таким образом, *вера* может быть истинной, мнимой, живой, святой, искренней.
- ‘Проявление веры’: *«Открываешь ли око, пробуждаемое утром: открывай в то же время **око веры в сердце**, и взирай к Владычествующему днем и вечностью, и проси Его помощи провести начинающийся день»; «**дух веры** проникал и обнимал наши силы, способности, наклонности, желания, действия, чтобы он был главною движущею силою нашей жизни»; «предприемлешь ли что: прежде всякого другого советника, **советуйся с верою**»*. *Вера* проявляется в молитве, духе, в отношении к миру, в мировоззрении.
- ‘Действие веры’: *«**Вера** отверзает душу для принятия благодати»; «Ко Господу взывающая скорбь, взирающее желание обращалось бы в **молитву веры**; и **вера** приводила бы **исполнение молитвы**»*.
- ‘Мера, степень веры’: *«Ищи, приближайся, прикасайся: только **по вере ищи**, с **верою приближайся**, **верою прикасайся**»; «**начаток веры** от искреннего расположения вашего сердца»*. Человек постепенно научается верить, проходя через испытания и искушения разные этапы от начального до «веры до смерти», а иногда до мученической кончины ради свидетельства о Христе.
- *Вера является ‘путеводительницей к Богу и спасению’: «Одна **вера** приводит нас к Богу»; «В учении Христианском открывается **путь к праведности и святости, даруемой от Бога, посредством веры».***
- *Вера равна христианскому учению: «Прилично нам, Христиане, каждый раз, когда слышим какое **слово писания о вере**, испытывать, по повелению Господню, сие писание (Иоан. V. 39), и изыскивать, какое преподается в нем **учение и руководство собственно для нашей веры».***
- Победа *веры – принятие христианского учения: «Сия есть **победа**, победившая мир, **вера** наша»; «Провозвестник сей **великой победы** сказывает, что оружие, сила, искусство, которыми оная приобретена, заключаются в **вере**»; «**вера**, которая приобрела и приобретает духовную над миром **победу Церкви** и душе верующей, приобретает и **ратоборную победу** над врагами благоверному царству и верному вождю и воину»*.
- *Вера* в Бога – это ‘оружие’: Воин должен *«хорошо употреблять **победоносное оружие веры**»; «он непобедим и победоносен и в брани против врагов Царя и Отечества, потому что не страшится ни трудного подвига, ни смерти, **взирая очами веры** и **надежды** на небесный венец, прекрасный для всякого **подвизающегося***

верою и правдою *преимущественно величественный для непоколебимого и в смертном* ***подвиге за верность Вере, Царю и Отечеству».***

При анализе проповедей святителя отмечается значительное число устойчивых словосочетаний с компонентом *вера*, напр., для наименования верующего человека: *верующая душа; подвижник веры и добродетели; чада веры; други разума, не охотно покоряющегося вере*. Характерна в религиозной среде субстантивация прилагательного *верный* для наименования верующих, напр., *говорить о вере верным*.

Вера занимает одно из центральных мест жизни человека. В России христианская традиция была прервана. Отрадно, что в последние пятнадцать лет ситуация меняется, и можно проследить дальнейшее развитие концепта ***вера***, когда после революционной веры в коммунистическое будущее восстанавливается исконное значение одного из самых важных религиозных понятий.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В.В. Виноградова. – М.–Л.: Наука, 1948–1965.

БАС РЯ: Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.; СПб.: РАН; Ин-т лингв. исслед. – 2005. – Т. 2.

Бугаева И.В. Принять на себя подвиг (о церковной составляющей концепта) // Русский язык и ментальность. Вып. 6 / отв. ред. В.В. Колесов. – Ч. 1. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. – С. 9–16.

Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М.: Канон, 1996.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Михайлов П. Вера философов и вера богословов [Электрон. ресурс] // http://www.bogoslov.ru/text/272240.html

МСДЯ: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / сост. И.И. Срезневский. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902–1903.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 2002.

Сергеева Е.В. Лексическая экспликация концепта «религия» в русском языке // Политическая лингвистика. – Вып. (2) 22. – Екатеринбург, 2007. – С. 151–165.

СЖВЯ: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2005.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия, 1935–1940.

Филарет (Дроздов), митр. Пространный христианский катихизис Православной Кафолической Восточной Церкви. – М.: Изд-во РПЦ, 2006.

Филарет (Дроздов), митр. Сочинения Филарета, Митрополита Московского и Коломенского: Слова и речи: в 5 т. – М: Типография А.И. Мамонтова и К., 1873–1885.

ЦСС: Полный церковно-славянский словарь / сост. прот. Г. Дьяченко. – М.: Издат. отдел Моск. Патриархата, 1993. (Репринт. изд.).

CONCEPT "FAITH" IN RUSSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE
(LEXICOGRAPHIC ASPECT)

M.V. Sibiryova

The article considers concept "Faith" in religious discourse. It is a basic notion for true believers, but it is possible to note dramatic distinction between religious and secular understanding of the term. Works of Metropolitan Philaret Drozdov, the Russian theologian and well-known preacher of the 19th century, expand the word semantic structure and give it additional meanings.

© 2009

И.В. Бугаева

КОНЦЕПТ «ПРАЗДНИК» В РЕЛИГИОЗНОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Концепты как ментальные единицы, формирующиеся в сознании человека, изучаются с самых разных позиций. Для описания концепта используются различные методы. Во-первых, выявление этимона слова, во-вторых, описание группы однокоренных слов; в-третьих, изучение основных употреблений производных слов в диахронии; в-четвертых, установление синтагматических связей; в-пятых, установление парадигматических связей и сопоставление рассматриваемого слова-концепта с аналогичным в других языках. Такой подход к анализу слова и учет экстралингвистических факторов позволяет выявить национально-культурную специфику изучаемого концепта и определить его место в концептосфере языка.

В данной работе концепт «Праздник» анализируется как когнитивная единица. Выбор для исследования этого концепта обусловлен тем, что праздники в значительной мере определяют и формируют национальную и религиозную культуру.

Признавая, что в центре концепта находится набор архетипических изначальных понятий, обратимся к Этимологическому словарю русского языка, где находим: «**праздный, праздник**. Ввиду наличия *-ра-* заимств. из цслав., вместо исконнорусск. *порожний*» [ЭСРЯ, 3: 353]. Смотрим отсылку к словарной статье *порожний*: «укр. *порожний*, блр. *порожні*, др.-русск. *порожьнъ*, польск. *prozny*, ст.-слав. *праздьнъ*, болг. *празен, празден*, сербохорв. *празни, празан*, словен. *prazen*, чеш. *prazdny* [ЭСРЯ, 3: 330]. Это же архетипическое понятие 'пустоты, незанятости' находим в определении слова **праздьнъ** в Старославянском словаре, но там уже отражено развитие значений этого слова, учитываются переносные значения: «1. пустой, незанятый, праздный; *перен.* праздный, излишний prazdny, zbytecny; бессильный; 2. праздный, ничего не делающий; *праздьнъ дьнь*

свободный, нерабочий день volny, nepracovni den» [ССл: 497]. Отсюда вытекают значения глагола **праздьновати**: «1. быть свободным, праздным, ничего не делать; 2. посвящать свое время, отдаваться чему-либо; 3. праздновать» [ССл: 497].

В Полном церковнославянском словаре прот. Г. Дьяченко находим привычное для современного сознания значение ‘торжественное собрание, торжество’. В этом словаре **праздник** представлен как церковное торжество, посвященное воспоминанию о каком-либо знаменательном для церкви событии и отмеченное от обыкновенных дней особенным богослужением [ПЦСС, 1: 475].

Показательно то, что слово **праздник** не имеет самостоятельной словарной статьи в Словаре В.И. Даля, а рассматривается как производное от **праздный**. Справедливости ради отметим, что объединение в одну словарную статью однокоренных слов – отличительная черта этого словаря. Итак, вновь встречаем: *праздный дом праздная посуда, праздное место, праздное время* [ТСД, 3: 380]. В.И. Даль также приводит замечательные пословицы: *Праздный на грех натолкнется; Праздным бес качает; Праздность – мать пороков; Праздная молодость – беспутная старость*, – в которых на первом месте значение *лени, ничегонеделания* и отрицательная коннотация. Есть одно нейтральное значение прилагательного *праздный*, когда речь идет о женщине: *праздная*, т.е. ‘небеременная’. Анализируя глагол **праздновать,** В.И. Даль основным считает значение ‘быть праздным, не работать’, а на второе место ставит ‘совершать празднество’: *отправлять праздник, отдыхать, не работать в день памяти кого или чего, провожать такой день торжественно, совершать церковные обряд* [ТСД, 3: 381].

В современном представлении **праздник** – это «1. день торжества, установленный в честь или в память кого-чего-н. 2. выходной, нерабочий день. 3. день, особо отмечаемый обычаем или церковью. 4. день радости и торжества по поводу чего-н. 5. день игр, развлечений» [Ожегов 1978: 530]. Как видим, негативная сема ‘безделье’ отсутствует, а на первый план выдвинулась сема ‘торжество, радость’. Таким образом, в диахроническом исследовании наблюдается замена одной доминирующей семы на другую. Мотив такой замены понятен: среди тяжелых трудовых будней должны быть дни отдыха, которые предпочитается проводить в веселье и радости. Именно эти пять значений входят в современный объем понятия *праздник*.

Выявление синтагматических связей предполагает изучение основных употреблений слова на синхронном уровне, которое для концепта «Праздник» проведено нами ранее [Бугаева 2007: 68–73].

Секулярное и религиозное сознание по-разному моделирует и воспроизводит свое отношение к праздникам. Если в первом случае праздник ассоциируется с отдыхом и весельем, то во втором случае праздник – это праздничное богослужение и дела милосердия. В христианстве праздник бывает практически каждый день, что отразилось в пословицах: *У Бога всегда праздник; У Бога, что день, то и праздник; В Москве каждый день праздник* (по множеству церквей).

В современном обществе праздники делятся на две большие группы: государственные и религиозные. Государственные праздники едины для всех. Религиозные отмечают либо регионально в местах компактного проживания людей, исповедующих ту или иную религию, либо в социально ограниченных группах

(часто диаспорах) в местах смешанного проживания представителей разных религий или конфессий. Все праздники можно классифицировать следующим образом:

- светские праздники в разных этнокультурах;
- праздники в разных религиях;
- светские и религиозные праздники в рамках одной этнокультуры;
- праздники в рамках одной религии, но в разных этнокультурах.

Ниже рассматриваются православные праздники в разных славянских странах. Для анализа использовались церковные календари.

Церковный календарь основывается на астрономическом, но одновременно вместе с числами и названиями месяцев в нем приводятся названия христианских праздников. Выделяется три уровня календарных представлений. В основе лежит астрономический календарь, который совмещается с церковными праздниками (его точнее было бы называть христианским литургическим календарем), а в народном календаре происходит еще добавление погодно-бытовых примет (*Тимофей-полузимник; Пришел первый Спас – бери шубу про запас; Святой Федот тепло дает; Фадей о льнах радеет* и т.д.). Также в современном Православном календаре даты приводятся по старому и новому стилям (по юлианскому и григорианскому календарям). Особенность церковного календаря состоит в том, что на один календарный день может приходиться память нескольких святых и важный двунадесятый праздник. Например, на 25/7 марта находим: *Благовещение Пресвятой Богородицы; Преставление свт. Тихона, патриарха Московского и всея Руси; Прп. Саввы Нового; Иконы Благовещения Божией Матери.*

В богословии есть специальная наука эортология, которая изучает церковные праздники. Христианский литургический календарь во многом определяет ритм жизни славян. Структура такого календаря состоит из трех циклов христианского богослужения: суточного, седмичного и годичного. Праздники бывают неподвижные и подвижные. Они комбинируются, распадаясь на два годичных периода. Первый – синаксарный – фиксирует неподвижные праздники. Второй – триодный – фиксирует подвижные праздники. Все церковные христианские праздники литургисты делят на группы: ***воспоминания*** и ***памяти****. Отличается и длительность празднования. Есть дни, когда Церковь начинает готовиться к празднованию, то есть **предпразднство**, и дни после праздника, когда вспоминается праздник. Такие дни получили название **попразднство**.

Церковные праздники делятся на тематические группы: **Господские** (*Рождество Христово, Пасха, Сретение, Крещение*); **Богородичные** (*Успение, Благовещение*); **в честь святых**. В 3-й группе выделяется две подгруппы. В первую входят **персональные памяти** (*свт. Феодосия, архиеп. Черниговского*), а во вторую – **соборы** (*Собор вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого*). Все православные верующие в разных странах следуют литургическому календарю (в некоторых странах, правда, перешли на новый стиль). Но в каждом славянском языке сложилась собственная традиция наименований церковных праздников, которые не отражены ни в толковых

*__Памяти__ – форма множественного числа от существительного *память* указывает на то, что это литургический термин, обозначающий разновидность церковных праздников.

словарях, ни в переводных, что значительно усложняет работу переводчиков. Приведем простой пример официальных наименований: русск. *Вход Господень в Иерусалим, Вербное Воскресение; чешск. Vjezd Pána do Jerusalema, Kvetná neděle;* словац. *Kvetná nedel'a;* сербск. *Улазак Господа Иисуса Христа у Јерусалим, Цвети*. Кроме того, в каждом языке есть еще официальные редуцированные и народные названия христианских праздников. В этом случае понимание затрудняется или может быть ошибочным. Напр., в сербск. *Велико бдење, Јованђан, Велика Госпојина, Мала Госпојина, Детињци, Материце;* в болг. *Великден, Спасовден, Голяма Богородица, Малка Богородица, Кръстовден* и т.д.

Предложение о необходимости систематизировать и включить в словари церковную праздничную лексику поддерживает словацкий ученый А. Петрикова, которая пишет о том, что при переводе русской классической литературы «получаются **гибридные переводы** (выд. автором – *И.Б.*), или так называемые экзотические переводные эквиваленты, которые состоят из словацких, церковнославянских и русскославянских слов» [Петрикова 2007: 195].

Церковная праздничная лексика до сих пор не описана, следовательно, практически не представлена в современных сербских, чешских, словацких, болгарских и русских словарях.

Официальные номинации церковных праздников представляют собой устойчивые фразеологизированные словосочетания, которые в обиходе редуцируются. Редуцированные варианты распространены, тогда как употребление полных наименований ограничено церковными календарями и богослужебными книгами.

Обычно изучают концепты в одной культуре и языке, либо в контрастивно-сопоставительном плане. Религиозные концепты оказываются наднациональными, в разных языках духовные концепты той или иной религии идентичны. С другой стороны, в одном языке по отношению к разным религиям одни и те же концепты различаются, например, концепт «Рай» в христианстве и исламе.

На основе даже частичного анализа концепта «Праздник» можно сделать вывод о том, что развитие концепта предопределено внутренней формой слова, его этимологией. В процессе функционирования значение слова развивается, дополняется новыми семами, и концепт складывается из всех значений, присущих слову в различное время и в различных контекстах. Анализируя концептосферу языка, необходимо помнить и о богословском значении многих понятий, связанных, в данном случае, с православием.

ЛИТЕРАТУРА

Бугаева И.В. Праздники в России: концепт и культурема // Инновации в исследованиях русского языка и литературы: материалы междунар. симпозиума МАПРЯЛ. Болгария, Пловдив. 31 окт.–3 ноября 2006. – Пловдив: Университет. изд-во «Паисий Хилендарски», 2007. – Т. 2. – С. 68–73.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Рус. яз., 1978.

Петрикова А. Церковные праздники восточного и западного обрядов // Церковнославянский язык в системе современного религиозного образования: материалы

XV Междунар. Рождественских образоват. чтений. – М.: КРУГЪ, 2008. – С. 181–201.

ПЦСС: Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь: в 4 т. – М.: ТЕРРА – Книж. клуб, 1998.

ССл: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): ок. 10000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

ТСД: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1979.

ЭСРЯ: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3.

CONCEPT "FESTIVAL" IN RELIGIOUS DISCOURSE: LEXICOGRAPHIC ASPECT

I.V. Bugayeva

This is a study of an orthodox festival concept. Secular and religious consciousness forms and displays different attitude to festivals. Christian festivals happen to be nearly every day, which found reflection in many proverbs. Few, if any, church festival units found their way into modern dictionaries of Slavic languages.

© 2009

И.А. Голованов

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» КАК КОНЦЕПТ-УНИВЕРСАЛИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В современной филологической науке сложилась традиция составления словарей духовной культуры на материале данных определенного региона. Так, в 2000 г. в Екатеринбурге было осуществлено многотомное издание этноидеографического словаря «Традиционная культура Урала» на материале русских говоров Свердловской области (составитель О.В. Востриков). В четырех первых выпусках этого словаря объединены материалы по темам «Народный календарь», «Народная свадьба», «Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи», «Досуг». В 1998 г. в Москве была опубликована программа «Донского историко-этнографического словаря», подготовленная кафедрой общего и сравнительного языкознания Ростовского государственного университета по материалам духовной культуры, ремесел и быта донского казачества. В качестве заголовков словарных статей в том и другом словарях выступают ключевые имена концептов духовной культуры («Праздник», «Гадания», «Святки», «Масленица», «Семья», «Замужество», «Свадьба» и т.д.).

Первым в славистике опытом создания обобщающего этнолингвистического словаря традиционной духовной культуры явился широкоизвестный словарь «Славянские древности» под общей редакцией Н.И. Толстого. В статьях этого издания нашли отражение народные представления о мироустройстве, содер-

жится информация об обрядах, обычаях, праздниках, семейном укладе славян.

В развитие названной традиции в Челябинском государственном педагогическом университете разрабатывается концепция создания уральского регионального словаря духовной культуры по материалам фольклорных текстов, собранных на территории Челябинской области за последние 20 лет. Полагаем, что в нем должны найти отражение наиболее значимые концепты русской духовной культуры в региональном преломлении. Основу словаря составят как собственно региональные концепты (напр., «Пугачев», «Демидов», «Горный завод», «Казачество» и др.), так и концепты-универсалии, под которыми мы понимаем устойчивые концепты определенной этнокультуры, транслируемые от поколения к поколению посредством языка, классических литературных и фольклорных текстов.

Одним из важнейших концептов-универсалий русского национального сознания выступает концепт «Справедливость». Вокруг него группируются такие концепты, как «Правда», «Истина», «Праведный», «Правильный», «Должное», «Добро», «Милосердие» и др. В русском фольклоре, и в частности в преданиях, этот концепт репрезентируется двумя основными образами – «народного заступника» и «царя-избавителя», а также серией мотивов, группирующихся вокруг них.

Значимость идеи справедливости для русского сознания подтверждается многообразием типичных сочетаний, включающих слова *справедливый* и *справедливость: справедливость упреков, наказания, решения, суждения; чувство справедливости, борьба за справедливость; высокая справедливость, высшая справедливость, социальная справедливость; справедливый суд, справедливый судья (строгий, но справедливый), справедливое решение, справедливые законы, справедливое устройство мира, справедливое требование, справедливый гнев, справедливое негодование.*

В Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой у слова *справедливый* выделено четыре значения: 1) ‘действующий беспристрастно, в соответствии с истиной’; 2) ‘основанный на требованиях справедливости’; 3) ‘имеющий под собой основание, оправдываемый чувством справедливости’; 4) ‘соответствующий истине, действительному положению дел; правильный, верный’ [МАС, 4: 231]. Производное от него наименование *справедливость* имеет три значения: 1) ‘свойство по знач. прил. *справедливый*’; 2) ‘беспристрастное, справедливое отношение к кому-, чему-л.’; 3) ‘соответствие человеческих отношений, законов, порядков и т.п. морально-этическим, правовым и т.п. нормам, требованиям’ [Там же].

Таким образом, за данными словами стоит социально значимый смысл, который прошел длительный путь формирования – параллельно развитию общества. Этот смысл предполагает сопоставление, корреляцию двух сфер: того, «как есть в реальности», и того, «как должно быть (с точки зрения народного сознания)». Сама необходимость обращения к понятию «справедливость» связана с отсутствием гармонии между реальным и желаемым. Именно тогда возникает потребность в *исправлении* ситуации в соответствии с народным идеалом. Отсюда выражения *восстановить справедливость, попранная справедливость* и под.

Примечательно в этом отношении толкование В.И. Далем важного для понимания концепта «Справедливость» глагола *справливать/справлять* – ‘править, прямить, выправлять’ [Даль 1991: 298]. Справляют (выправляют, выпрямляют) то, что изогнулось, искривилось (ср. пример из словаря: *Справить ствол по струне*), то, что содержит неточности, ошибки (ср. *Как ни справляй, а в печатне новых ошибок наделают*). Отсюда употребление слова чаще всего связано с оценкой какой-то конкретной ситуации, принятия решения по ней.

Исправление действительности находится в руках конкретных людей. Они могут заниматься этим по своему статусу: старший в семье (отец, мать), судья, барин (ср. посл. *Приедет барин – все рассудит*), начальник, староста и т.п. Наивысший в этом смысле – царь-батюшка. Но исправить положение может и простой человек, равный другим по званию. И тогда это народный заступник. В уральских преданиях традиционными образами, осмысляемыми с этих позиций и связанными с реализацией идеи справедливости, являются Ермак, Емельян Пугачев и царь Петр I.

Ермак в преданиях предстает как атаман, разбойник, казак, который пришел на Урал с Волги или Камы. Главная его функция, как и в народных песнях, – заступничество: *«бедного человека он не трогал, богатых грабил»*.

Образ Пугачева как реализация народных представлений о справедливости – центральный в уральских преданиях. Подобно тому как в волшебной сказке социально обездоленный становится царем, так и в преданиях о Пугачеве бывший казак, бедняк обретает царскую власть и магические способности: *«Пугачев шайки собирал, чудеса творил. За бедных, за низкий класс был. Старики говорили, что он вообразил себя за царя. Я, говорит, Петр Федорович, царь»*.

С образом Пугачева в преданиях связано использование мотива мудрого суда, который имеет давнюю мифологическую традицию. В нем получило отражение древнее представление о том, что божественные силы оказывают покровительство невиновному. Однако в преданиях мифологические элементы, изначально входившие в названный мотив, приобретают реалистический характер: *«Вскоре он [Пугачев] вышел на площадь, где народ собрался, и стал судить схваченного казаками приказчика: «Обижал народ?» – «Обижал, измывался над нами». Постановил тут же повесить приказчика. Повесили при одобрительных криках крепостных»*.

К числу мотивов, с помощью которых раскрывается сущность Пугачева как царя и «народного заступника», относится и мотив пожалования, одаривания, который часто соединяется с мотивом мудрого суда. В русской народной прозе одаривание царем своих подданных – частный случай награды за заслуги. Реалистические элементы закономерно вписываются в традиционную канву мотива. Так, напр., в одном из преданий рассказывается о «царском» дознании, проводимом Пугачевым с целью выяснить, где запрятаны клады заводчика Лугинина (Илларион Лугинин – реальное историческое лицо, владелец Саткинского железоделательного завода). Когда «государев суд» был завершен и «государь-император Петр Третий» велел всем расходиться, из толпы вышла одна женщина и упала к ногам Пугачева: *«“Государь, ты не всех еще судил, не всех казнил. Вели допросить старую ведьму Шарабаниху, компанейщикову приживалку. Она знает, куда упрятал компанейщик свое золото”. Шарабаниху вытащили из*

толпы. Пугачев: “Так куда же запрятал от меня злато-серебро подлый компанейщик, Василиса Илларионовна?” – “Право, не знаю, батюшка-государь! Ненароком слыхала от внука, будто на реке и на Карагай-горе, а доподлинно не знаю, хоть убей старуху на этом месте”. “Полне-те, полне”, – смягчился Пугачев и отпустил Шарабаниху с миром, даже подарил ей золотой рубль».

В русских преданиях традиционно наказываются не только социальное зло, но и нравственные пороки: лень, воровство, самодурство. Так, в одном из пугачевских преданий, записанных на Урале, говорится: *«...сгорела и наша старая церковь: мужики, что с Пугачевым пришли, самогонки лишку хватили и спалили. А сам он тогда в Касеве находился, в избе Данилки Шитова. <...> Утром вышел он к народу в императорской форме и велел тут же выпороть перед всеми озорников, которые зря пожар затеяли»*.

Идея справедливости в народном сознании четко связывается с образом «доброго царя», «царя-избавителя». В уральских преданиях он персонифицирован в облике Петра I. Обращает на себя внимание близость Петра к рассмотренным выше образам Ермака и Пугачева. Различие между реальными прототипами оказывается гораздо более значительным, чем между соответствующими фольклорными персонажами. Данное сходство объясняется генетической общностью образов: каждый из них в какой-то мере восходит к древним патриархально-родовым представлениям о вожде. В дальнейшем почвой для общего изображения вождя и царя – персон, противоположных по своей социальной сущности, послужило сложное, неоднозначное историческое сознание народа и прежде всего его социально-утопические представления.

Петр Великий пользовался у уральцев особым уважением за то, что *«все ремесла сам прошел»* (кузнечное, сапожное, «плотнишное»), *«пробовал он и лапти плести <...> он все пробовал»*. Фольклорный образ царя, проявляющего интерес ко всем сторонам общественной жизни, наделен функциями, генетически восходящими к первообразу поведения «культурного героя». Не случайно в одном из преданий царь Петр выступает в роли строителя кораблей-пароходов.

В целом Петр выступает в преданиях как внимательный и справедливый по отношению к простому народу император. Такое его восприятие складывалось из рассказов о том, как он участвовал в процессе производства наравне с рядовыми работниками; как приближал к себе самых талантливых рабочих; как урезал барские вольности и т.п.

С образами приближенных Петром I людей связан художественный взгляд народа на личность «первого» Демидова – основателя многих заводов на Урале: *«Демидов здешними заводами управлял. Очень любил, по рассказам старых, честность, справедливый был»*. В повествованиях о Демидове отражены утопические взгляды людей на возможность существования «доброго» барина, который справедливо управлял своими подчиненными и даже «заступался» за напрасно обиженных. Во многих преданиях говорится о личном участии Петра I в судьбе Демидова, этим как бы подчеркивался факт передачи царем части своих функций талантливому человеку из народа.

Таким образом, в уральских преданиях о «народных заступниках» и «царях-избавителях» раскрывается народный идеал справедливости, отражаются социально-этические воззрения простых людей. Тексты несказочной прозы не

только сохраняют память о значимых событиях истории, но и дают им оценку с позиций народа.

Рассмотренный концепт выступает одной из составляющих регионального словаря духовной культуры, его реализация в фольклоре отражает, с одной стороны, процесс непрерывного духовного поиска русских людей, а с другой – стабильность традиционного мировоззрения, сохранение вечных, нетленных, передаваемых из поколения в поколение ценностей. Создание подобных словарей помогает современному человеку осознавать свою национально-культурную идентичность, способствует пониманию его собственного бытия.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1991. – Т. 4.

Донской историко-этнографический словарь: программа. – М.: б.и., 1998.

Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1995–2004. – Т. 1–3.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1984. – Т. 4.

Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. – Екатеринбург: Свердл. обл. дом фольклора, 2000. – Вып. 1–4.

"JUSTICE" AS A UNIVERSAL CONCEPT IN THE REGIONAL DICTIONARY OF SPIRITUAL CULTURE

I.A. Golovanov

The article puts forward a conception of the Ural regional dictionary of spiritual culture based on folklore texts recorded in Chelyabinskaya oblast. The core of the dictionary will comprise both regional and culturally-relevant all-Russian concepts conveyed by folklore works.

© 2009

И.А. Морозова

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Концепт «Женщина», один из базовых концептов русской культуры, представляет собой сложное ментальное образование, объединяющее все культурно обусловленные представления о женщине, сложившиеся в национальном сознании. В современных исследованиях концепт рассматривается с позиций лингвокультурологии, когнитивной и гендерной лингвистики. В рамках этих научных направлений изучению фразеологии в контексте культуры уделяется особое внимание, потому что важная роль «в объективации концепта и самом

концептообразовании принадлежит ФЕ, отражающим ценностные установки народа, транслирующим культурные стереотипы из поколения в поколение» [Чибышева 2005: 3].

К рассмотрению фразеологической объективации концепта «Женщина» обращалось уже немало лингвистов, выполнявших работы в основном на материале фразеологии одного языка (английского) или нескольких языков, включая русский. Специальному изучению русские фразеологизмы как средства объективации концепта «Женщина» пока не подвергались.

Для проведения такого исследования мы обратились к фразеологическим словарям XX–XXI вв., откуда методом сплошной выборки были извлечены фразеологические единицы (ФЕ), репрезентирующие рассматриваемый концепт. В результате было выявлено более 200 фразеологизмов.

Анализу подвергались все структурные типы фразеологизмов. Особое внимание уделялось номинативной плотности когнитивных признаков, поскольку, согласно Дж. Лакоффу, количество номинаций того или иного концепта или концептуального признака в языке прямо пропорционально его культурной значимости для данного народа [Лакофф 1988: 27].

В результате когнитивной интерпретации полученных фразеологических средств нами были выделены различные интегральные и дифференциальные когнитивные признаки, которые позволили условно разделить интересующие нас ФЕ на три группы: 1) единицы, дающие женщине внешнюю характеристику; 2) внутреннюю характеристику; 3) социальную характеристику.

В **первую группу** входят ФЕ, характеризующие лицо по признаку пола, возраста, внешности; данные когнитивные признаки рассматриваются как интегральные. Собственно половой признак «лицо женского пола» представлен «собирательными» фразеологизмами, обозначающими совокупность женщин, которая имплицитно противопоставлена совокупности мужчин (*женский/ нежный/слабый/прекрасный (экспресс.) пол, женский род (разг.), прекрасная половина (рода человеческого/человечества/общества), бабье/женское сословие и др.).*

В некоторых фразеологизмах это противопоставление выражено более ярко: *ваша сестра; наша сестра; между нами, девочками.*

Имеются ФЕ, обозначающие объединение женщин на основе какого-либо признака, помимо полового: *три грации, сестры по оружию, шерочка с машерочкой (шутл.* или *ирон.).* Одну женщину образно называют *дочь Евы (шутл.), Евина внучка (дочка), сосуд скудельный (книжн., устар.)* /1зн./.

Кроме того, традиционно женщина рассматривается, с одной стороны, как объект мужского внимания, поклонения, обожания и любви: *девушка моей мечты, дама/владычица сердца, царица дум/души/сердца*, – с другой стороны, как причина бед и несчастий мужчин: *дочь дьявола, Ищите женщину! (часто шутл.).*

В рамках интегрального признака «возраст» наибольшей номинативной плотностью характеризуется дифференциальный признак «старость». Старая женщина во многих фразеологизмах предстает как злобное существо с некрасивой внешностью: *баба-яга [костяная нога], старая карга (прост.), старая грымза (бран., прост.), чертова кукла, чертова перечница (грубо-прост.), старая скворечница/скворечня (прост., бран.).*

Все перечисленные ФЕ характеризуются отрицательной коннотацией, огра-

ниченной сферой употребления (просторечие). Нейтральную стилевую и стилистическую окраску имеет фразеологизм *глубокая старуха*; положительную коннотацию – ФЕ *божий одуванчик*.

Несколькими фразеологизмами объективирован дифференциальный признак «средний возраст женщины» (пора расцвета, зрелости): *бабий век, бальзаковский возраст, бабье лето* /2 зн./, *опасный возраст (часто шутл.)*, – одним – «период взросления» (*на возрасте)*.

Важными во внешней характеристике женщины являются красота, привлекательность (*девица-красавица, краса ненаглядная; гений чистой красоты (книжн., высок.), чистейшей прелести чистейший образец (книжн.-поэт.), небесное создание (высок., поэт.)* и др.). Гармоничным считается сочетание внешней и внутренней красоты (ума, духовности, благородства, скромности), поэтому перечисленные фразеологизмы содержат семы положительной оценки. Отсутствие такого сочетания, наоборот, получает отрицательную оценку: *кругла лицом как глупая луна (неодобр.), сиять как полная луна (неодобр.)*.

Считаем возможным отдельно рассматривать когнитивный признак «сексуальность», который объективируют ФЕ, не просто указывающие на привлекательность женщины, но и на особую ее соблазнительность: *лакомый кусок (кусочек – ум.-ласк.), сладкая женщина (нов., шутл.)*.

Негативно в женщине оценивается неаккуратность, неряшливость, отсутствие женственности: *драная кошка, кикимора болотная (прост., бран.)* /1 зн./, *синий чулок (устар., неодобр.), серая мышка (пренебр.), мужик в юбке (разг., ирон.)* и др. Между тем не меняющаяся со временем женская привлекательность имеет амбивалентную оценку: *вечная женственность (книжн., часто ирон.)*.

Следует отметить, что ФЕ, входящие в данную группу, характеризуют облик женщины в целом, не акцентируя внимания на отдельных деталях ее внешности, за исключением фразеологизмов *мраморные плечи (книжн., одобр.), талия в рюмочку, девичья кожа*.

Выделение **второй группы** основано на актуализации нескольких интегральных когнитивных признаков, характеризующих внутренний мир, характер, нравственные, интеллектуальные и психологические качества женщин. Достаточно большим количеством ФЕ объективирован признак «морально-нравственные качества», объединяющий дифференциальные признаки «целомудренность», «половая распущенность», «раскаяние».

Как известно, в языке фиксируется преимущественно отрицательная оценка предметов, явлений, а все «положительное» рассматривается как норма и не всегда находит отражение в языке. Поэтому по номинативной плотности признак «половая распущенность» превосходит остальные; имеется целый ряд фразеологизмов, называющих женщин, ведущих разгульный образ жизни, и их недостойное поведение: *красотки кабаре (пренебр.), попрыгунья-стрекоза (неодобр.), вавилонская блудница (книжн., неодобр.), соломенная жена (народн. ирон.), негде пробы ставить [на ком] (неодобр.), вешаться на шею, трепать юбки [хвосты (хвост)]* и др. Противоположный дифференциальный когнитивный признак («целомудренность женщин») представлен всего тремя фразеологизмами: *Василиса Премудрая (фольк.), царевна-недотрога (разг., шутл.), Жена Цезаря [должна быть] выше подозрений (книжн., часто шутл.)*. «Раскаянию» посвящены

ФЕ библейского происхождения: *кающаяся Магдалина (книжн., ирон.), представлять из себя кающуюся Магдалину (книжн., ирон.)*. Правда, они передают ироническое отношение к раскаявшейся женщине.

Интегральный когнитивный признак «интеллектуальные способности» так же, как и предыдущий, содержит дифференциальные признаки, отражающие негативную характеристику женщин: «глупость» – *Арина бесполденная (диал. /курск./ ирон.), куриные <цыплячьи, птичьи> мозги, глупая, как валаамова ослица (прост.),* «нелогичность» – *женская/бабья логика (пренебр. и неодобр.),* «неточность, недостоверность женских утверждений» – *бабка (бабушка) надвое сказала <гадала>, мерила баба клюкой, сорока короткохвостая (народн., пренебр.), одна баба сказала – ОБС (шутл.-ирон.), бабьи сказки/россказни/бабушкины сказки, бабьи сплетни.*

Наибольшим разнообразием средств выражения отмечена психологическая характеристика женщины (более 20 дифференциальных признаков). В русской фразеологической картине мира зафиксирована повышенная эмоциональность, слезливость женщин – *бабьи слезы, реветь/ныть/плакать как баба (как девчонка)* и др.; их изнеженность, неприспособленность к жизни – *кисейная барышня (пренебр.), тургеневская барышня/девушка, маменькина дочка*; капризность и избалованность – *принцесса на горошине (неодобр.), дамский/женский каприз*; болтливость – *бабий язык*; хаотичность, крикливость – *бабьи сборы.* Не остались незамеченными женское кокетство – *строить/состроить (делать/сделать) глазки, играть глазами, стрелять/(реже) стрельнуть глазами/глазками, делать авансы*; непостоянство – *башмаков еще не износила (шутл.-ирон.), девичья память.*

Традиционно положительно оценивается женская хозяйственность – *мастерица на все руки, женский/хозяйский глаз* и др.; упорство, целеустремленность – *девушка с характером (публ.), железная леди (публ., шутл.)*; храбрость, решительность – *в горящую избу войдет (одобр. или шутл.), свой парень (одобр.)*; веселый нрав – *весела, как вешний жаворонок/жавороночек (народн.-поэт.).* Среди отрицательных качеств женщины в русской фразеологии нашли отражение грубость, скандальность – *базарная баба<торговка>, рязанская баба (презр.);* злость – *змея подколодная (грубо-прост., неодобр., часто бран.), сущая/настоящая ведьма* и др.; коварство – *лернейская гидра (книжн. редко)*; хитрость – *лиса Патрикеевна (прост.)*; упрямство – *упрямая, как валаамова ослица (прост.)*; властность – *леди Макбет (книжн.)*; заносчивость – *фря какая* и др.

Амбивалентно в женщине оцениваются независимость – *кошка, которая гуляла сама по себе (шутл. и ирон.)* /1 зн./, авантюризм – *искательница приключений*; выносливость – *ломовая лошадь (одобр./неодобр.)*; любезность, обходительность – *дама, приятная во всех отношениях (шутл. и ирон.)*; медлительность – *спящая красавица (шутл. обращ.)*, что часто в словарях отражено с помощью специальных стилистических помет.

Когнитивные признаки в **третьей группе** отражают различные социальные роли женщины, ее отношения с другими людьми, профессиональную деятельность. Наибольшей номинативной плотностью в этом объединении отличается интегральный признак «семейное положение». Для женщины крайне важным считается удачно выйти замуж, иметь семью, детей. В русской фразеологии до-

вольно много единиц, объективирующих признак «замужество»: *принимать предложение, отдавать руку и сердце, расплетать/расплести косу (устар., народн.), выходить/выйти (идти) замуж* и др. Для обозначения женщины в роли жены могут использоваться разнообразные ФЕ, нейтральные и оценочные: *подруга/спутница жизни, замужняя дама, мужняя жена, первая леди* /2 зн./ *(нов. публ.), моя дражайшая (лучшая) половина (часто шутл. или ирон.), старая боевая лошадь (шутл. и ирон.)* и др. При временном отсутствии мужа женщина именуется *соломенной вдовой (шутл.), разводной женой*.

Незамужняя женщина рассматривается как отклонение от нормы, в этом случае для номинации используется большое количество фразеологизмов *(в девушках/в девицах (прост.), сидеть в девках (прост., экспресс.), в невестах засидеться, маком сидеть (народн., ирон.), отойти от призыва (прост., шутл.-ирон.), старая дева (девка), вековечная невеста (устар.), христова/божья невеста, бессемейная бобылка* и др.).

Когнитивный признак «профессиональная деятельность» представлен в основном устаревшими фразеологизмами: *классная дама (устар.), сестра милосердия, хозяйка (хозяин) медной горы* /2, 3 зн./ (*книжн. или публ. шутл.)*. К этому же объединению может быть отнесен признак «занятие проституцией», представленный эвфемистическими ФЕ: *дама из Амстердама (устар., шутл., ирон.), дама полусвета (книжн., ирон.), дама с камелиями (эвфем. ирон.), жрица Венеры (книжн.-поэт., эвфем.), представительница древнейшей (древней) профессии, ночная бабочка (нов.), женщина/девушка/девица/дама/особа легкого поведения (неодобр.)* и др.

Как видим, признаки, входящие в данную группу, отражают традиционные представления о предназначении женщины и ее роли в обществе.

Проведенный анализ ФЕ, объективирующих концепт «Женщина», позволил выявить целый ряд интегральных и дифференциальных когнитивных признаков концепта, которые в последующем будут использованы в комплексном описании данной ментальной единицы.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. – 3-е изд., испр., доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС Книга, 2006.

Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12–51.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – М.: АСТ, 2001.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – Изд-е 4-е, стер. – М.: Рус. яз., 1986.

Чибышева О.А. Концепт «женщина» в русской и английской фразеологии (на материале предметных фразеологизмов, именующих женщину): дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.

OBJECTIFICATION OF CONCEPT “WOMAN” IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES

I.A. Morozova

The paper analyzes differential and integral features of the concept acquired on the basis of cognitive interpretation of fixed phrases. The features under analysis are incorporated into three groups: external, internal, and social female characteristics.

© 2009

М.А. Голованева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА В КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Когнитивное пространство драматического дискурса, в котором функционирует среди иных средств фразеологическая единица (ФЕ), высвечивает специфику ее внутренней формы. Метафоричность и неметафоричность внутренней формы ФЕ есть полярные средства ее организации. Слова А.В. Кунина о том, что внутренняя форма фразеологизма – это «его мотивирующая образность, основанная на деривационных связях его значения со значением прототипа» [Кунин 1988: 149], подчеркивают значение переноса при рождении и формировании ФЕ. Однако немал пласт ФЕ, не обладающих метафорической основой, вплетенных в «фон» драматической речи, менее заметных при сплошной выборке, т.к. они не отличаются блеском неожиданности (насколько понятие неожиданности вообще применимо в рассуждениях о ФЕ). Процентное соотношение единиц указанных типов в языке драмы конца XX в. (приблизительно 40 к 60) свидетельствует о большей роли образной речи в создании художественного текста. Однако ФЕ без семантической двуплановости, обладающие неметафорической внутренней формой, также многочисленны. Общая фразеологическая «окрашенность» драматического языка свидетельствует о такой реализации когнитивной функции созидающего сознания драматурга, которая требует активизации разных пластов национального языка. «Для русского языкового сознания характерно картинно-образное представление действительности, потому что категоризация уясненного и прочувствованного содержания часто осуществляется путем метафоризации названий обыденных предметов окружающего мира» [Шипицына 2008: 116]. Когнитивно-прагматические условия порождают и такие отрывки в дискурсе драмы, где фразеологизм-метафора репрезентирует явление, процесс, одновременно давая им оценку в экспрессивной форме: Четвертая дама. *Говорят, когда она узнала, что у нашей королевы родился наследник, она* ***рвала на себе волосы*** *от злости.* Первая дама. *Ох, Риччо, пожалуйста, перестаньте, я сегодня* ***умру от смеха!*** Мария.

... мне легче расстаться с вашей головой, чем ***уронить хоть один его волос!*** (Л. Петрушевская. Ваша сестра и пленница); Старик. ***Невелика птица*** [о дочери] (Л. Петрушевская. Сестры); Алексей. *Хороши же святые –* ***с ног до головы*** *в грязи!* (В. Малягин. Отец Арсений).

На особом месте среди фразеологизмов с метафорической внутренней формой находятся компаративные сочетания. Н.Ф. Алефиренко пишет: «Это сложные билатеральные языковые знаки с аналитической структурой их означающих, которые, обозначая соответствующие явления действительности, тесно связаны с отражательной деятельностью человеческого мышления» [Алефиренко 1976: 44]. Большая употребительность ФЕ такого плана характерна для языка драмы по причине их повышенной эмоциональности. Кроме того, «...мировоззрение, зафиксированное в сравнениях, т.е. в текстовых реализациях мыслительной деятельности сравнения, – это здравомысленное знание, основанное на обиходном опыте, которое охватывает как культурную трансляцию, заключающуюся в воспринимании правил символично-культурных, служащих освоению культурного наследия людей, так и личный опыт людей» [Высочаньский 2008: 135]. Если данное генеральное определение несколько сузить и соотнести его с конкретным языковым материалом языка драмы, то можно привести слова этой же статьи, подтверждая эффективность функционирования компаративов в жизни дискурса: «стереотипы как компоненты языковой картины мира показывают представления, закрепленные в общественном сознании, репрезентативные для языка (языкового коллектива) характеристики предметов, в которых неотъемлемо заключены оценки и образцы поведения» [Там же: 136]. Многообразие структурных схем подобных конструкций позволяет варьировать степень эксплицитности обозначенных признаков в зависимости от степени их значимости для продуцента речи: Vf – C – N1 (verbum finitum – comparator – nominative; инфинитив – компаратор – существительное в им.п.) – *спать как младенец*; V2 N6–A5N5 (творительный сравнения: спрягаемый глагол 2-го л., местоимение в предл. п. – прилагательное и существительное в твор. п.) – *висите на мне банным листом*; V3 N4 – C – N4 (спрягаемый глагол 3-го л. – компаратор – существительное в вин. п.) – *держится* за столб*, как за жизнь*; A1 – C – N1 (прилагательное в им. п. – компаратор – существительное в им. п.) – *вумный как вутка*; V2 – C – Ad1 N4 (спрягаемый глагол 2-го лица – компаратор – причастие в им. п., существительное в вин. п.) – ходишь *как в воду опущенный* [С. Золотников. Сцены у фонтана]. Рогозин. *Что вы на мне* ***банным листом висите?*** Ремарка. *По другую* [сторону фонтанчика] *Федор Ляпунов* ***держится*** *за столб,* ***как за жизнь***. Ляпунов. *Потому что* ***живешь как корова!*** (С. Золотников. Сцены у фонтана); Жолудь. *За неделю солнце дважды выходило из берегов. Голуби, не стесняясь,* ***клевали*** *друг друга,* ***как коршуны*** (С. Золотников. Дурацкая жизнь); Миня. *Ты мне не веришь, Вася, а я* ***вумный как вутка****, понял? А Федька – дурачок, у него своя дорога...* (В. Малягин. После волка пустынного); Хабаров. *Не я ли тебе земли отыскивал... по снегам замерзал... по болотам,* ***как волк, рыскал!*** (М. Ворфоломеев); Щуплый. *Я же вижу, и ты все время* ***ходишь как в воду опущенный...***(В. Малягин. Отец Арсений).

Пласт фразеологических единиц, отличающихся отсутствием метафорической внутренней формы, также неоднороден. Если рассматривать в качестве

ФЕ любое устойчивое и воспроизводимое в речи как единое целое сочетание слов (точка зрения Н.М. Шанского, А.В. Кунина, Р.Н. Попова), то к этой группе можно отнести огромное количество конструкций, «пропитавших» как обыденную нехудожественную речь, так и язык драматического произведения (во втором случае даже в большей степени ввиду ее «концентрированности», «художественного сгущения»). Пример анализа только одной пьесы В. Малягина «После волка пустынного» статистически убеждает в активности подобных единиц: 32 употребления на фоне общего количества 8480 репликовых слов. Сюда входят как конструкции, построенные по структурной схеме полноценного предложения (Миня. *До них* ***тебе*** *разве* ***было дело****?*), так и нечленимые предложения (Глеб. *Свистните,* ***если что****...*). Лиза. *Скоро год мы все вместе живем – а кто мне хоть одно* ***доброе слово*** *сказал?; Но* ***пусть бы*** *он хоть сейчас нам* ***на глаза не попадался****!..*; Миня. *А ты немой притворись. С немого человека –* ***какой спрос****?; А я и глупый, и не знаю ничего, да еще* ***без роду без племени****...; Восемнадцать ей, Вася. И* ***дура дурой****, хотя телка здоровая [о девушке]; Чего им нас щадить? Они не дураки****, не то что я****! Дураки не думают, дураки понимают. А* ***это совсем другое дело****; Кузя, это* ***по твоей части****! Ты человек лесной, сермяжный, крови не боишься...; А может, оно и лучше было бы... Сказку хоть понять можно, а быль –* ***нечего и пытаться****...; Страшно мне...* ***Нет жизни****, нет никакой!*; Василий. *Таких дураков* ***еще поискать****! Вы же знаете, Миня у нас* ***сам по себе****; Но пока все –* ***между нами****; Потом началась охота... По одному* ***раз за разом****... Что ни год – нас становилось меньше*; Кузьма. *Да что тебе надо от меня, дурень стоеросовый?!; Да* ***кто*** *же* ***их, дураков... [знает]****; Да мы же* ***ни сном, ни*** *духом! [не знали]; Так ежели переписи нема –* ***пойдем*** *мы, однако,* ***восвояси****...; Да* ***я ее своими*** *вот этими* ***руками****,* ***ежели что****!..*; Старший. ***Мир вам****, честные поселяне, благословение от нашего лесного невежества!; Уж* ***мы и не чаяли*** *с вами* ***свидеться****...; Кажется, Миня ваш ныне* ***не в духе****?*; Глеб. *Если бы началась заваруха – давно бы мне* ***в сырой земле гнить****; У меня там капитан один приятелем – он сам и* ***в расход*** *ее может* ***пустить****...; Да знаю,* ***как же****...; Ну* ***мне пора****.* ***Счастливо*** *вам* ***оставаться****, ребятки...*; Федор. *Лиза в доме, Миня!* ***Если что*** *– крикнешь ее.*

Вычленяя из потока художественной драматической речи фразеологические единицы и разделяя их на группы с метафорической и неметафорической внутренней формой, можно, на наш взгляд, прийти к выводу об их участии в когнитивном освоении мирового пространства человеком-речетворцем с разной степенью эмоционального отношения, но с одинаковой целью обозначения, маркировки познаваемых объектов. Задействованность метафоры при создании таких «помет» обеспечивает привлечение уже существующих фрагментов знания, закрепленных во фразеологических единицах.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. К вопросу о структуре компаративных фразеологизмов // Вопросы словообразования и грамматической структуры украинского языка: сб. науч. тр. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровск. гос. ун-та, 1976. – С. 43–52.

Высочаньский В. Фразеологическая картина мира: ценностно-смысловая интерпретация действительности во фразеологических сравнениях // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв.

ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – С. 134–138.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1988.

Шипицына Г.М. Сопряжение языка и культуры в деривации устойчивых сочетаний слов // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика и познание. – С. 114–118.

PHRASEOLOGICAL UNIT IN COGNITIVE SPACE OF THEATRICAL DISCOURSE

M.A. Golovanyova

The article presents observational data on fixed phrases with a metaphorical and a non metaphorical inner form and their role in creating cognitive space of theatrical discourse of the last decades of the 20th century.

© 2009

И.С. Черепова

СЛОВАРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «КНИГА»: ЕГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Закрепленность концепта за определенным языковым знаком – именем концепта – дает возможность выявить его содержательную структуру с опорой на материал словарей различных типов.

Данные о содержательном ядре заключены в толковых словарях как источниках описания объективной картины мира, конвенциональных связей между мыслительными единицами, реализованными в языковой системе.

Но для того чтобы осветить сферу преломления концепта и его воплощение в языке и культуре народа, необходимо обратиться к словарям иного плана. Прежде всего нас интересует сфера фразеологии, поскольку именно в ней закреплены самые важные для носителей языка сочетания, основанные на их семантической и ассоциативной близости. Во фразеологических единицах часто оказываются зафиксированными связи языковых единиц, которые на современном этапе развития языка уже утратили свою прозрачность.

Фразеологический словарь под редакцией А.Н. Тихонова содержит следующую информацию о вхождении слова *книга* в состав фразеологизмов:

- *Взяться, приняться и т.п. за книгу* – ‘начать читать, заняться чтением’. – *То садился он на диван, то подходил к окну, то принимался за книгу*. Гоголь.
- *Засадить кого-л. за книгу* – ‘заставить кого-л. читать, заниматься’.
- *Читать, как в книге, как по книге* – ‘легко, свободно разбираться в

чем-л.' – *Великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой*. Лермонтов.

• *Книги в руки (кому-л.)* – 'кто-л. осведомлен в определенном вопросе'. – *Понятно, ему [Стасову] и книги в руки во всем, что касается рисунка, лепки, колорита*. Гаршин.

• *Книга за семью печатями* – 'о чем-л. совершенно непонятном, недоступном разумению'. – *Наши трудности, как и наши успехи, для многих американцев – книга за семью печатями*. Эренбург [ФСРЯ, 1: 502].

Первые три фразеологические единицы (ФЕ), зафиксированные в словарной статье, относятся к свободным фразеологическим сочетаниям, поскольку допускают различные вариации входящих в их состав компонентов и семантика выражений вычленяется из суммы значений их составляющих. Значение двух следующих единиц не выводится из семантики составляющих их компонентов.

Выражение *книги в руки* позволяет вычленить имплицитную семантическую связь между словами *книга* и *знание*. Выражение *книга за семью печатями* отражает восприятие книги как чего-то сакрального и именно поэтому недоступного для понимания, непостижимого разумом.

Однако показателем значимости концепта *книга* в русской культуре является не только наличие ФЕ, но и тот факт, что само слово с течением времени приобретает новые значения. Следовательно, в эпоху переосмысления ценностей данный концепт может оказаться востребованным.

Обратимся к «Словарю антипословиц русского народа» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко. Русская культура никогда не развивалась равномерно; восприятие переломных моментов находит свое отражение, в первую очередь, в языке. Появление такого жанра народного творчества, как антипословица, стало живой реакцией на изменения, которые происходят в обществе; возможно, это также попытка противостоять этим изменениям, поскольку большинство подобных единиц обладает негативными коннотациями.

Нас интересуют два типа антипословиц:

• единицы, образованные от исконной пословицы, в которой ключевым компонентом являлось слово *книга*. С опорой на ключевое слово мы обнаруживаем исконную пословицу и перечень антипословиц, то есть измененных по смыслу, но сохраняющих синтаксическую и ритмическую организацию выражений. Так, к исконным пословицам *Книги – наши друзья* и *Любите книгу – источник знания* (М. Горький) приведены антипословицы *Любите газету, неиссякаемый источник кульков для семечек; Любите жену – надежный источник знаний ваших недостатков; Читайте книги – некоторые из них специально для этого написаны* [Антипословицы...: 216];

• перифразы исконных пословиц, не содержащих ключевого слова *книга*.

К исконной пословице *Сколько волка ни корми, а он все равно в лес смотрит* приведена антипословица *Сколько книг ни читай, а императором не станешь* [Там же: 73].

Кроме того, мы обнаружили один вариант антипословицы, в котором ключевым словом является дериват от слова *книга: Книжки – наши друзья, наркотики – наши враги* [Там же: 216].

Таким образом, нами было выделено для анализа пять антипословиц. Наиболее интересными представляются антипословицы первой группы, поскольку базой для их создания послужили исконные выражения с именем концепта. Семантический сдвиг свидетельствует о масштабных изменениях в картине мира русского человека. Особенно ярко подтверждает это последняя в данной группе антипословица: *Читайте книги – некоторые из них специально для этого написаны* [Там же: 216]. Наличие неопределенного местоимения обнаруживает интенцию автора – желание подчеркнуть низкое качество издаваемых в последнее время литературных произведений, беллетристики. Тем самым подчеркивается и общее снижение значимости концепта *книга* в массовой культуре.

Информацию о культурологической ценности концепта «Книга» обнаруживаем также при обращении к «Словарю символов и знаков», который позволяет выявить различное и сходное в восприятии книги в разных культурах. Согласно этому словарю, «Книга – это также образ мира. Фрэнсис Бэкон отмечал, что Бог сотворил две книги: первая – это свиток Писания, открывающий нам Его волю, а вторая – свиток творения, открывающий нам Его могущество; и вторая представляет собой ключ к первой <...> Особым статусом в традиции наделяются священные тексты <...> С книгой как образом знания, мудрости связываются и негативные коннотации. Это обусловлено тем, что всякое знание имеет своим атрибутом страдание, и “во многой мудрости многие печали”. В Апокалипсисе пророчество предстает в образе книги, которая, будучи проглоченной, сладка в устах и горька во чреве (Апок. 10). Поиск тайного смысла в священных текстах, инициированный герменевтической традицией и задействующий различные методы истолкования, сближает образ книги с символикой лабиринта» [ССЗ: 168]. Во всех культурах и религиях книга воспринималась как источник знания, причем знания не эмпирического, а духовного; просветления.

Подобное восприятие подверглось с течением времени значительному изменению. Постепенно утратилась сакральность книги, ее принадлежность Богу. Тем не менее, язык – это «организм» более консервативный, нежели культурные традиции. В языке как анахронизмы запечатлеваются факты многовековой давности, что и позволяет нам определить, какие из них оказываются наиболее значимыми в определенной культуре. Для этого необходимо сопоставить полученные данные с данными словарей, в которых фиксируется современное состояние языка. О том, какие смыслы оказываются наиболее устойчивыми, можно судить, обратившись к «Словарю сравнений русского языка».

«Словарь сравнений...» В.М. Мокиенко содержит пять единиц, в состав которых входит слово *книга*.

- *Говорить как книга* (устар., народн.). 1. О толково, умно, гладко и обстоятельно говорящем что-л. человеке. 2. (ирон.) О говорящем что-л. самоуверенно, решительно, но (обычно) и наивно, непрактично и нереалистически человеке.
- *Читать в чьем сердце будто (словно, как) в книге* (книжн.). О чьем-л. свободном понимании чьих-л. мыслей, намерений, чувств. *Ср. Словно читать сердце.*
- *Читать в ком как по книге (как в открытой книге)* (книжн.). 1. То же, что *читать в чьем сердце будто (словно, как) в книге*. 2. О чьей-л. способности глубо-

ко проникать в какой-л. предмет, душевный склад, чувства и мысли другого человека.

• *Читать что как книгу.* 1. О глубоком понимании предмета, душевного склада другого человека, усвоении чужого образа мыслей кем-л. 2. О чьей-л. быстрой ориентации в незнакомой окружающей обстановке [Мокиенко 2003: 295].

Все толкования сравнительных оборотов в словарной статье апеллируют к ментальной сфере. Книга воспринимается как душа человека, или его жизнь в целом, а чтение книги – как глубокое ее понимание. Итак, в «Словаре сравнений...» отражено то же восприятие книги, что и в «Словаре символов»: сохраняется четкая ассоциативная связь между книгой и внутренним миром человека. Это весьма существенно для репрезентации лингвокультурного значения анализируемого концепта. Дело в том, что концепт «Книга» имеет двойственный характер: с одной стороны, он затрагивает предметную сферу, сферу артефактов, а с другой – через указанную ассоциативную связь он включается в ряд значимых для русской концептосферы явлений ментального характера.

Таким образом, проведенный нами краткий анализ материала словарей позволил осветить различные грани семантического наполнения лингвокультурного концепта «Книга». Двойственность концепта, выражающаяся в его соотнесенности с ментальной сферой и сферой артефактов, позволяет наметить пути дальнейшего исследования, в частности – перспективу анализа бытования концепта в текстах разных жанров и способов его репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

Антипословицы русского народа / сост. Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. – СПб: Изд. дом «Нева», 2005.

Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка: 11000 единиц. – СПб.: Норинт, 2003.

ССЗ: Словарь символов и знаков: сюжеты и явления в символах / авт.-сост. Н.Н. Рогалевич. – Минск: Харвест, 2004.

ФСРЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка: более 35000 фразеол. единиц / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – Т. 1: (А–П).

DICTIONARY REPRESENTATION OF CONCEPT “BOOK”: LINGUO-CULTURAL SIGNIFICANCE

I.S. Cherepova

The article considers dictionary material whose analysis allows to single out specific features of concept “book” content structure, its aspect sphere and embodiment in the national language and culture. It also reveals the concept duality that is expressed in its correlation with mental and artifact spheres.

© 2009

А.М. Плотникова

КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СЛОВАРЯХ
(на материале глаголов и глагольных фразеологизмов)

Идея представления значения слова как репрезентанта сценарной структуры организации знания принадлежит Дж. Лакоффу. Исследуя эмоцию гнева, он отмечает: «...выражения, обозначающие гнев в американском английском, не являются случайным набором, но представляют собой область, структурированную в терминах весьма разработанной когнитивной модели, имплицитно представленной в семантике языка» [Лакофф 2004: 527]. Эту когнитивную модель Дж. Лакофф называет прототипическим сценарием гнева, состоящим из ряда последовательных, сменяющих друг друга во времени этапов: событие, наносящее ущерб; гнев; попытка удержать гнев под контролем; утрата контроля; наказание [Там же: 515–521].

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) глаголов поступка и поведения насчитывает 156 единиц, объединенных базовым глагольно-именным оборотом *вести себя*. Глаголы поведения характеризуются ярко выраженными оценочными коннотациями, преимущественно отрицательными (*барствовать, беззаконничать, дебоширить, лицемерить, распутничать* и т.п.). Классифицируя глаголы поведения, Ю.Д. Апресян делит их на три типа в зависимости от типов норм в наивной этике: 1) нормы личного поведения (оно должно быть естественным и разумным)*: жеманиться, кривляться, манерничать, паясничать, скоморошничать, фиглярствовать* и др.; 2) нормы поведения с партнером (оно должно быть кооперативным): *артачиться, капризничать, ломаться, привередничать, упрямиться* и др.; 3) нормы общественного поведения (оно должно быть цивилизованным, т.е. не нарушающим общественного порядка): *безобразничать, бесчинствовать, дебоширить, озорничать, скандалить, хулиганить* и др. [Апресян 2006: 152–153].

Анализ семантики глаголов позволяет выявить принципы поведения, сложившиеся в языковом коллективе, культурные ценности, выработанные в течение многих веков и канонизированные в правилах хорошего тона. Многие из этих правил являются аксиомами поведения, они обязательны для всех членов общества, обеспечивают гармоничное существование человека в социальной среде. Так, совершенно очевидным правилом поведения является уважительное отношение к труду и отрицательное отношение к тем, кто бездельничает. Эти нормы получают языковое отображение в лексике (см., напр., значения глаголов *бездельничать, лентяйничать, лодырничать, лоботрясничать, балбесничать, баклушничать, шалопайничать, повесничать, тунеядствовать, дармоедничать, паразитировать, паразитничать, захребетничать*), во фразеологии (*бить баклуши, небо коптить, валять (ломать) дурака (дурочку, ваньку), плевать в потолок, гонять лодыря, палец о палец не ударить, сидеть сложа руки, лежать на печи (на боку), с жиру беситься, считать ворон (галок), переливать из пустого в порожнее, лодырь каких поискать, ленивый как боров, лень вперед (кого) родилась,*

жить за чужой счет, есть чужой хлеб, сидеть (жить) на шее), в паремиологии (*Без труда не вытащишь и рыбку из пруда; Труд человека кормит – лень портит* и др.).

В лексических значениях социальных глаголов кодируются знания о стереотипных, повторяющихся ситуациях (ситуациях обмана, хвастовства, скупости и т.п.), которые репрезентируют такие структуры знания, которые называют сценариями, или скриптами. Когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями.

Когнитивный анализ ЛСГ глаголов поведения предполагает выявление и интерпретацию основных когнитивных сценариев поведения человека, определение специфики их репрезентации в глагольной лексике русского языка. Анализ проводится по следующей модели: 1) выявление группы глаголов, лексические значения которых реализуют когнитивный сценарий, и лингвокультурологическая интерпретация семантики данной группы; 2) выделение базового слова – репрезентанта когнитивного сценария; 3) характеристика денотативной ситуации, которая выявляется на основе анализа и обобщения контекстов с исследуемыми глаголами (денотативная ситуация поведения человека включает состав участников и отношения между ними, типичные проявления поведения, мотивацию поведения, оценку поведения по параметру отношения к социальным нормам); 4) моделирование когнитивного сценария, предполагающее выявление состава событийных и логических пропозиций, определение временной последовательности пропозиций, характеристику позиции наблюдателя; 5) рассмотрение специфики варьирования когнитивного сценария, которая заключается в изменении состава и последовательности пропозиций, усложнении пропозиций, замене актантов и др.

Рассмотрим когнитивный сценарий хвастливого поведения.

1. Когнитивный сценарий репрезентируется глаголами: *хвастаться, хвастать, хвалиться, похваляться, бахвалиться, куражиться, фанфаронствовать, фанфаронить, важничать, чваниться, кичиться, пыжиться, зазнаваться, превозноситься, заноситься, возноситься, задаваться, надуваться* – и глагольными фразеологизмами: *бросать (пускать) слова на ветер, пускать пыль в глаза, шапками закидать, выставлять/выставить себя напоказ, ходить (расхаживать) петухом, ходить (расхаживать) как индейский петух/как павлин, верить/поверить как индейский петух в свою красоту, распускать хвост, много думать (воображать, возомнить, мечтать) о себе, напускать на себя важность, считать себя пупом земли, ходить (выступать) гоголем (козырем), надуваться спесью, надуться как мыльный пузырь, стать важным как фон-барон*.

2. Базовое слово – репрезентант когнитивного сценария: *хвастаться*.

3. Денотативная ситуация хвастовства представляет собой частную разновидность обмана, так как хвастающийся человек обычно пытается создать у окружающих ложное впечатление о своей значительности или ложное представление о том, чем он владеет. Такое поведение может быть как вербальным (человек может рассказывать о своих достоинствах), так и невербальным (человек

может демонстрировать свою значимость, выставлять напоказ то, что у него есть). Напр., в контексте соединяется вербальное и невербальное поведение: *Гордостью папы были руки его, действительно красивые: при каждом удобном случае он выставлял их напоказ и хвастал ими, так же как своим приятным голосом (Д. Мережковский).*

Субъект ситуации хвастовства, как показывает анализ контекстов с исследуемыми глаголами и фразеологизмами, часто говорит быстро, несдержанно, с повторами, получает удовольствие от своих слов, подчеркивая свою значительность горделивой осанкой, самодовольным видом, самолюбованием. Хвастающийся человек словно увеличивается в размерах, подобно воздушному шару или мыльному пузырю, тем объектам, которые могут лопнуть: *надувается спесью, надувается как мыльный пузырь*, – а то, о чем он говорит, также увеличивается в размерах: *делать из мухи слона, вошь с корову, блоха с лошадь*. Своими действиями он наносит урон своей репутации и вызывает насмешку у окружающих, его оценивают как несерьезного, легкомысленного и пустого.

4. Когнитивный сценарий хвастовства включает двух участников: *X* (субъект) и *Y* (объект, добиться расположения которого, произвести впечатление на которого хочет хвастающий человек), а также *N* (позицию предмета хвастовства). *Y* обычно является одновременно объектом и наблюдателем, оценивающим поступок субъекта как хвастливое поведение.

Когнитивный сценарий можно представить следующим образом: *X* полагает, что он обладает некими качествами, отличающими его от других, он хочет продемонстрировать *Y* свои достоинства. Для этого *X* говорит *Y* об *N*, т.е. о себе, своих достоинствах, о том, что есть, или показывает это. *Y* оценивает поведение *X* как нескромное, не соответствующее истинному положению дел.

5. Варьированию подвергается позиция предмета хвастовства: это могут быть материальные объекты (*Да, хорошо ему теперь бахвалиться над ним, потому что и место имеет, и жалованье, и дом – полная чаша.* – Д. Мамин-Сибиряк), качества и способности говорящего (*Высокий плешивый мужчина, он отличался чрезвычайной нечистоплотностью и хвастался своим знанием агрономии...* – А. Герцен), действия и поступки (*Он стал хвастаться перед Штольцем, как, не сходя с места, он отлично устроил дела, как поверенный собирает справки о беглых мужиках, выгодно продает хлеб и как прислал ему полторы тысячи...* – И. Гончаров).

В глаголах, образующих синонимический ряд *важничать* (*зазнаваться, превозноситься, возноситься, задаваться, гордиться, кичиться, чваниться, надуваться, величаться, фуфыриться, спесивиться, забуреть*), акцентируются внешние черты такого поведения: слова, горделивая осанка, высокомерие и назидательный тон, солидность и т.д. В контекстах семантика соответствующих глаголов всегда поддерживается указанием на способы поведения: *Но такие случаи бывали редко, и Николка важничал и держался, как большой: курил папиросы, сплевывал через зубы, ругался скверными словами и даже хвастался Петьке, что пил водку, но, вероятно, врал* (Л. Андреев); *Он был всегда необыкновенно важен, спокоен снаружи, держал себя по-джентльменски, отвечал всегда коротко, рассудительно и даже ласково, но как-то высокомерно ласково, как будто он чем-то чванился передо мною* (Ф. Достоевский); *Чванный этот офицер, несмотря*

на то, что отец его был полотером, очень кичился своим шляхетством и <u>*был налит до краев глуповатым гонором*</u> (К. Паустовский). Оценка хвастовства может варьироваться (от крайне отрицательной, если оно является способом обмана, до мягкой и снисходительной, если хвастовство рассматривается как проявление слабости человека, неумения быть скромным).

Различается оценка хвастливого поведения взрослого и ребенка. Оценка высокомерного, надменного поведения взрослого человека однозначно отрицательная, оценка такого же поведения ребенка достаточно мягкая: желание показать свое превосходство у ребенка – это не выражение пренебрежения к другим, а попытка продемонстрировать себя взрослым. Как показывает анализ контекстов, для обозначения поведения ребенка обычно используются не глаголы *кичиться, чваниться, превозноситься*, а глагол *важничать* и особенно *задаваться*, который и употребляется преимущественно в речи детей или при передаче детской речи в художественном тексте, например: *Выбежав в коридор, где толпились родители экзаменуемых, рассказал своим, что говорил инспектор, – и склонен был «позадаваться» своим успехом* (П. Бажов).

Работая над идеографическим словарем синонимов, коллектив под руководством Л.Г. Бабенко выделяет в словарной статье этого словаря зону прототипа. Прототип синонимического ряда с доминантой *хвастаться* отражает элементы когнитивного сценария*:* **Хвастаться** – ‘говорить о себе, своих достоинствах и о том особенном, что человек имеет или сделал, с преувеличенной гордостью, восхвалением, одобрением, выставлять напоказ свои достоинства, заслуги (часто мнимые, кажущиеся или заведомо сомнительные), пытаясь создать у окружающих ложное впечатление собственной значительности, продемонстрировать свое отличие от других. Поддаваясь желанию показать себя с благоприятной стороны, человек присоединяет вымысел или говорит неправду, ложь и тем самым наносит урон своей репутации, создает невысокое мнение о себе как о человеке несерьезном, легкомысленном и пустом, вызывает насмешливое отношение окружающих. Такой человек говорит быстро, несдержанно, с повторами, получает удовольствие от своих слов, подчеркивая свою значительность горделивой осанкой, самодовольным видом, самолюбованием, вниманием к тому, как он выглядит. Типичным примерами хвастунов являются Хлестаков и Тартарен (герой романа А. Доде)’ [БТССРР].

Анализ когнитивных сценариев позволяет не только определить компонентный состав лексических значений глаголов, но и продемонстрировать связь лексических значений глаголов с отображаемыми ими динамическими фрагментами мира. Кроме того, анализ когнитивных сценариев позволяет выявить те интерпретационные смыслы, которые связаны с образом говорящего и его оценкой ситуации, и реконструировать фрагмент процессуально-событийной картины мира, репрезентируемый глаголами поступка и поведения.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Яз. слав. культуры, 2006.

БТССРР: Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2008.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Лексико-семантические группы русских глаголов: словарь-справочник. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989.

COGNITIVE ACTION SCRIPT AND ITS DICTIONARY PRESENTATION (BASED ON VERBS AND VERBAL FIXED PHRASES)

A.M. Plotnikova

The article considers the meaning of verbs and verbal fixed phrases in the light of the cognitive approach. Peculiarities of cognitive action script modeling and its dictionary presentation are shown by the example of verbs and verbal phrases denoting boastful behavior.

© 2009

И.Г. Паршина

МОДЕЛИРОВАНИЕ В СЛОВАРЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО КОНТЕКСТА УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

(на материале словесного творчества поэтов Белгородчины)

При формировании иллюстративного блока словарной статьи фразеологического словаря, репрезентирующей устойчивые сравнения, необходимо прежде всего учитывать дискурсивно-когнитивное пространство фразеологизированного сравнения, которое создается всей семантической структурой высказывания, в рамках чего, собственно, и появляются, функционируют и воспринимаются устойчивые сравнения. Содержание поэтической фразы как ситуативно обусловленного образования интегрирует в себе не столько узуальные значения конституирующих ее языковых знаков, сколько комплексно (синергетически) репрезентируемые смыслы, концентрирующие всю совокупность знаний, которые в полном объеме обособленно не могут быть представлены ни языковыми единицами, ни мыслительными структурами. А вот разного рода знания, объективируемые вербальными и невербальными средствами поэтической речи, ассоциируемые лингвокреативным мышлением поэта и читателя, настолько многоаспектно интерпретируются и обрабатываются языковым сознанием, что становятся достаточными для адекватного восприятия поэтического смысла устойчивого сравнения. Любой обмен информацией в языковой форме, пишет Н.Н. Болдырев, предполагает установление соответствий между мыслительными сущностями в сознании общающихся, что достигается путем адекватного использования языковых единиц и речевых структур,

формирующих необходимые смыслы. Следовательно, дискурсивная деятельность человека может быть представлена как речевой обмен смыслами, где среди «языковых единиц, обеспечивающих этот процесс» [Болдырев 2002: 16], наиболее экспрессивным средством выступают устойчивые сравнения. Дискурсивный процесс, таким образом, обеспечивается постоянным взаимным воздействием знаний (смысла) и значений языковых единиц, являющихся их носителями. При подборе иллюстративного материала к фразеографируемому сравнению необходимо помнить, что и формирование, и функционирование устойчивых сравнений оказывается под двойным воздействием: с одной стороны, они являются носителями довербальных смыслов, на основе которых формировались их первичные значения, а с другой – дискурсивное использование устойчивых сравнений, предполагающее актуализацию отдельных элементов системных значений соответствующих слов, порождает новый, речевой, смысл, уже вербализуемый не только сравнительным оборотом, но и его контекстуальным окружением. Устойчивые сравнения совместно с контекстуальным окружением образуют так называемые фразеологические конфигурации, которые должны быть представлены в словарной статье в полном объеме. Напр.:

Ризомой – все хитросплетенья чаемых бедствий,
Гипнозом – тревожности, сложности, псевдопути,
А ***жизнь, как вода сквозь песок, проскользнет*** *без последствий,*
Без счастья, открытого в недрах семьи, взаперти

(В.К. Харченко).

В данном контексте значение сравнительного оборота (*жизнь проскользнет, как вода сквозь песок*) расширяется и приобретает видоизмененный смысл за счет включения дополнительных компонентов в его структуру (вместо *жизнь протечет (пройдет), как вода – жизнь* ***проскользнет сквозь песок***). Они не просто указывают на то, что жизнь проходит, исчезает незаметно, неуклонно, но и на то, что жизнь скоротечна (*проскользнет* – глагол одноразового действия). Дело в том, что передача дискурсивными средствами информации о целых событиях сопряжена с порождением сложных смыслов, кодирующих разноаспектный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – опыт типизации событий и явлений. В языковом значении кодируется только часть мыслительной информации, в то время как другая ее часть представляется в нашем языковом сознании мыслительными образами экстралингвистического характера, которые также должны быть хотя бы косвенно отражены в иллюстративной части словарной статьи.

Кроме этого, фразеологические конфигурации служат средством культурно-дискурсивной интерпретации объектов поэтического восприятия действительности, что обеспечивает полную репрезентацию в словаре результатов категоризации и концептуализации номинируемой устойчивым сравнением коммуникативной ситуации.

Отражение в словарной статье результатов концептуализации – осмысления поступающей информации, мысленного конструирования предметов и явлений – приводит к представлению в словаре характерных для данного этноязыкового сообщества культурно маркированных представлений о мире в виде поэтических концептов (т.е. традиционно фокусируемых в языковом сознании

смыслов). Основная часть этих концептов вводится в словарь значениями компонентов сравнения, обеспечивающих хранение полученных знаний и их передачу от человека к человеку и от поколения к поколению. Чтобы назвать какой-либо предмет или объект, необходимо признать его принадлежность именно к данной категории, то есть категоризировать.

Категоризация же – это познавательный процесс, мысленное соотнесение объекта или события, лежащего в основе устойчивого сравнения, с определенной категорией.

Категоризация – базовое понятие когнитивной фразеографии, которое содержит общие принципы представления в словарной статье результатов познавательного процесса и отображение в устойчивых сравнениях полученных знаний. Имеется в виду не только сам результат, но и то, *как* мы познаем окружающий мир, ***в какой форме*** и почему полученные знания мы сохраняем именно в виде устойчивых сравнений. Сталкиваясь с новым объектом или явлением в реальном мире, поэт соотносит его со своими знаниями и находит ему место среди уже сложившихся представлений о категориях объектов. Принадлежность объекта к той или иной категории определяется его сходством с основанием сравнения. Ср.:

Твои ***губы алеют, как ягоды****,*
Серебристых волос завитки,
Пусть не сломят тебя в жизни тяготы,
Пусть не дрогнут ресниц лепестки

(П. Сигида).

В стихотворении П. Сигиды в сравнительном обороте *губы алеют, как ягоды* обнаруживается наличие общего признака между субъектом (*губы*) и объектом сравнения (*ягоды*): они оба *алеют.* Наблюдая такую картину, поэт соотносит конкретное явление с определенной категорией путем сравнения (*губы алеют, как ягоды*). Таким образом, познавая и наблюдая окружающий мир, поэт автоматически подводит людей, растительный и животный мир, физические объекты и абстрактные понятия под определенные категории.

И категоризация, и концептуализация представляют собой в словаре разновидности классификационной деятельности, но различаются по своей цели. Процесс *категоризации* направлен на объединение сходных или тождественных единиц в более крупные разряды, а процесс *концептуализации* – на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания. Воспринимая объекты окружающего мира, поэты используют разные способы создания образа, выделяют в нем разные признаки, своеобразно членят образ и кодируют полученные смыслы в значениях языковых знаков, т.е. концептуализируют осмысленные предметы культуры. Сравним концепт «Вода» у двух поэтов (А. Шурховецкого и В.К. Харченко). У А. Шурховецкого:

Снег под ногами упругий,
Тонко свистят провода.
Пью я, ребята, за друга,
Нынче мне ***спирт, как вода***

(А. Шурховецкий).

Здесь сравнение *как вода* употреблено в значении ‘как нечто не опьяняющее, как то, что можно пить в большом количестве’. По-иному это устойчивое народное представление категоризируеся в стихотворении В.К. Харченко (*жизнь, как вода*), где содержательной доминантой концепта «Вода» выступает ее текучесть.

Различия в способах категоризации действительности объясняются разной интенциональностью даже одного и того же образа, по-разному воспринимаемому поэтами. В связи с неоднозначной интерпретацией сущности рассматриваемого явления отметим, что, в нашем понимании, интенциональность определяется свойством этноязыкового сознания поэта сравнивать, сначала направляя рефлексию на результаты эмпирического познания (опыт), и лишь затем – на душу познающего субъекта (носителя этого опыта).

Таким образом, деление мира на категории и отнесение конкретных предметов и событий к этим категориям является важнейшей функцией сравнений в формировании их поэтического содержания, репрезентируемого в словарной статье.

Словарная статья предполагаемого словаря должна содержать собственно лингвистические, когнитивно-прагматические и лингвокультурологические сведения. Будучи образцом систематизированного описания устойчивых сравнений в русском культурно-познавательном аспекте, словарь должен содержать в каждой словарной статье, помимо толкования фраземы, иллюстративный материал, стилистические пометы, указание на сферу употребления и коммуникативно-прагматический потенциал, а также лингвокультурологический комментарий. Приведем пример словарной статьи:

КАК ЗВЕЗДА. То, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность. Вариант: *как путеводная звезда*.

1) ***Звездою яркою взошла она*** –
Чудесная пора совсем недавно,
Теплом и светом напоившая сполна.
О ней мне не забыть теперь подавно...

(Н.Г. Филатов).

2) *Одна* ***мечта иль две мечты*** –
Они ***горят, как звезды*** *в небе.*
Но что поделаешь, и ты
Мечтай, люби, живи на свете!

(Д. Степанова).

Возникновение этого устойчивого сравнения связывается с библейской притчей. Но есть и добиблейские истоки этого образа. Задолго до изобретения компаса люди странствовали по морям и пустыням, ориентируясь по солнцу и звездам. Так, среди множества звезд они заметили, на их взгляд, неподвижную звезду, находящуюся чуть ли не точно над Северным полюсом Земли, и стали именовать ее Путеводной. Теперь мы называем ее Полярной звездой. Видимо, именно это обстоятельство было использовано и в христианской истории, согласно которой, три волхва отправились в путь, чтобы принести Иисусу-младенцу свои дары. В дороге их сопровождала таинственная подвижная звезда, которая, наконец, остановилась над колыбелью младенца.

Употребляется, когда хотят сказать, о том, кто или что определяет чей-л. жизненный путь.

Данное устойчивое сравнение позже стало обозначать концепт «Идеал, определяющий судьбу». Языковая память поддерживается дополнительным компонентом *путеводная (определяющая жизненный путь, развитие деятельности и знакомство с Библией*).

Такая конфигурация словарной статьи обусловливается тем, что обладание культурно-историческим смыслом детерминируется образной номинацией сконденсированного в небольшом выражении богатого дискурсивного содержания бытия. Не случайно, характеризуя сравнение, говорят, что оно представляет собой свернутый текст. Действительно, за каждым устойчивым сравнением стоят или исторические, или библейские, или ритуальные события, или устойчивые коммуникативные ситуации, обычаи, притчи или легенды.

Таким образом, при создании словаря сравнений лингвокультурологического характера необходимо преодолеть традиционную оторванность лексикографии от теоретической лингвистики и семантики, перейти от сугубо лингвистического (структурно-семантического) описания к междисциплинарному описанию сравнений, с привлечением элементов этнокультурного знания.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь. – М.: ЭЛПИС, 2008.

Антология современной литературы Белгородчины. – Белгород: Издат. Дом «В. Шаповалов», 1993.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2002.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2001.

DICTIONARY REPRESENTATION OF FIXED-COMPARISONS COGNITIVE-DISCOURSE CONTEXT (BASED ON BELGOROD POETS CREATIONS)

I.G. Parshina

The article considers problems concerning cognitive-discourse context modeling, gives a layout of a vocabulary entry. The attempt is made to present cognitive-discourse aspect of fixed comparisons, which incorporates linguistic, cognitive-pragmatic, and lingo-cultural knowledge. Taken together these factors make up the core of an entry. The article presents an attempt to give systematic description of fixes comparisons within the framework of Russian cultural and cognitive space.

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ

© 2009

Л.К. Байрамова

О ПРОЕКТЕ СЛАВЯНСКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ: УНИВЕРСАЛЬНО-УНИКАЛЬНЫЙ, ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ, АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАМЕТРЫ

Современный этап фразеологических исследований характеризуется масштабностью, которая выражается в том числе и в появлении все новых и новых видов словарей. На этом фоне заметно отсутствие такого словаря, как «Славянский фразеологический словарь», актуальность создания которого очевидна и проект которого (в общем виде) предлагается в данной работе.

Словарь включает фразеологизмы славянских языков (русского, украинского, белорусского, чешского, словацкого, польского, хорватского, болгарского и других).

Основными параметрами описания фразеологизмов славянских языков являются универсально-уникальный, историко-этимологический и аксиологический.

Особенность реализации универсально-уникального параметра в многоязычном фразеологическом материале славянских языков связана с тем, что источники происхождения фразеологизмов данных языков универсальны, но национально-культурная (или этнокультурная) семантика фразеологизмов этих языков отражает уникальную культурнозначимую информацию. Поэтому славянские фразеологизмы могут быть представлены в «Славянском фразеологическом словаре» в группах по следующим универсальным и уникальным источникам происхождения фразеологизмов: 1) исторические факты, события, исторические имена; 2) обычаи, обряды; 3) заговоры, заклинания; 4) фольклор; 5) мифы; 6) сказки, былины и их персонажи; 7) игры, досуг человека; 8) традиции алфавита и книжного дела; 9) художественная литература и персонажи; 10) Библия; 11) речь людей определенных профессий; 12) наблюдения за животным миром; 13) ассоциации человека, используемые им при объяснении непонятных для него явлений и др.

В этих фразеогруппах наглядно раскрывается универсальное и уникальное (**уник.*), ибо реализация данного параметра дается вкупе с другими параметрами: историко-этимологическим (историко-этимологическая справка о фразеологизмах) и аксиологическим. Характеризуя аксиологическую составляющую

значения фразеологизма, мы вводим понятие аксиологического вектора: значение связано с конвенциональной ценностью (положительный вектор); значение связано с конвенциональной антиценностью (отрицательный вектор); значение заключает смену вектора (от положительного к отрицательному и от отрицательного к положительному).

Приведем общую схему фрагмента «Славянского фразеологического словаря».

1. **Исторические факты, события, исторические имена**

русск. ***казанская сирота,*** ****уник.* – ‘человек, прикидывающийся несчастным, обиженным, беспомощным и т.п., чтобы разжалобить кого-л.’ Источником возникновения данного фразеологизма послужило историческое событие: взятие Иваном Грозным Казани – столицы Казанского ханства (1552). В своих прошениях к царю казанские мирзы, чтобы добиться определенных благ, жаловались на свою судьбу, за что в народе их стали насмешливо называть *казанскими сиротами* ([Даль, IV: 164]; [ТСРЯ, 4 : 192] и др.).

Аксиологический вектор фразеологизма – отрицательный: фразеологизм отражает конвенциональную антиценность – притворство.

укр. ***вискочив як Пилип з конопель*** (букв. выскочил как Филипп из конопли) – ‘сделал(а) какую-то неожиданную глупость’.

Источником этого фразеологизма является исторический факт, который восходит к XV–XVI вв. Это было время постоянных татарских набегов на украинские земли, во время которых жители обычно прятались в лесах, но если не успевали, то укрывались недалеко от своей хаты, в зарослях конопли, которая культивировалась на Украине. Как пишет И. Франко, в конопляных зарослях выгоднее всего прятаться, так как там не чувствуется запах человека и поэтому даже псы не могут найти его. В такой ситуации только глупый человек мог выскочить из своего укрытия.

Анекдоты с подобным сюжетом широко известны на Украине, а в роли нападающих могли выступать и просто разбойники. Что касается имени собственного *Пилип (Филипп*), то оно во фразеологизмах и пословицах разных славянских языков имеет коннотацию глупости. В украинском языке это имя присутствует в ряде фразеологизмов, свидетельствующих о глупости его носителя: *прилип як до Гандзі Пилип; Пилип до стіни прилип; нічого не роби, тільки Пилипа жени*.

бел. ***выскачыць як Піліп з канапель*** – ‘сделать какую-то неожиданную глупость’;

польск. ***wyrwal sie jak Filip z konopi*** – ‘сделал какую-то неожиданную глупость’;

чешск. ***vyrval se jak Filip z konopí*** – ‘сделал какую-то неожиданную глупость’ ([Ивченко 1996: 100–103; Ужченко 1988: 225–226]).

Аксиологический вектор украинского, белорусского, польского и чешского фразеологизмов – отрицательный: они отражают конвенциональную антиценность – глупость.

болг. ***Гюро Михайлов***, * *уник.* – ‘человек, который твердо, до конца исполняет свой долг’. В основе фразеологизма лежит имя воина Гюро Михайлова, сгоревшего на посту при охране государственной казны в Пловдиве.

Аксиологический вектор фразеологизма положительный: фразеологизм отражает конвенциональную ценность – честное исполнение своего долга.

2. **Традиции алфавита, книжного дела**

русск. ***начинать с азов*** – ‘начинать с простого, элементарного с самых основ’.

Буква *А*, которой начинался русский алфавит и которая называлась *аз,* стала символом начала, основ знаний. Этот символ лег в основу ряда русских фразеологизмов: *начинать с азов*; *ни аза в глаза (не знать / не видеть / не смыслить) (шутл.)* – ‘не знать даже самых простых вещей, не иметь элементарных знаний’.

укр. ***почати з азів*** – ‘начинать с самого начала’; ***ні аза не знати*** – ‘ничего не знать, не знать даже самых простых вещей’.

Аксиологический вектор русских и украинских фразеологизмов отрицательный: фразеологизмы отражают конвенциональные антиценности – незнание, отсутствие высокой степени знаний, умений.

чешск. ***stát jako tvrdé y***, * *уник*. (букв. ‘стоять как твердое *и*’) – ‘стоять с удивлением, глупым видом, бездействовать’. Во фразеологизме отражена особенность чешского алфавита, в котором звук *y* [и] – гласный непереднего ряда.

Аксиологический вектор чешского фразеологизма отрицательный: фразеологизм отражает конвенциональную антиценность – прочную глупость; бездействие.

3. **Профессиональная деятельность человека**

русск. ***доводить до белого каления*** – ‘лишить кого-л. самообладания, сильно разозлить, рассердить, разъярить’.

Выражение вошло в общее употребление из речи кузнецов, которые перед ковкой металла доводят его до красного, а при очень сильном нагревании – до белого каления.

укр. ***доводити до білого жару*** – ‘сильно рассердить, разозлить кого-л.’

Аксиологический вектор русского и украинского фразеологизмов изменился от положительного к отрицательному: значение фразеологизмов связано с конвенциональной антиценностью – гневом, потерей самообладания.

укр. ***набілки набивати*** – ‘сплетничать, пустить сплетни’.

Зрительное и слуховое восприятие слова, обозначающего функционирование части ткацкого верстака (набилки – часть ткацкого верстака, в которой переплетаются нити и создается основа ткани), явилось источником и причиной возникновения украинского фразеологизма *набілки набити*.

Возникновение данного фразеологизма происходило, видимо, в такой последовательности: на основе терминологического словосочетания *набілки набивати* (обозначавшего один из конечних этапов приготовления ткани и имевшего значение ‘переплетать’, ‘ткать’) путем метафорического переосмысления произошел семантический сдвиг: *плести, ткати – тріпатися, пліткувати,* который и явился завершающим этапом в формировании фразеологизма *набілки набити – пліткувати*.

В русском литературном языке подобный фразеологизм не встречается, однако в диалектах он широко представлен: *шлепать набилкой* – сплетничать (*новосиб.), бить набилками* – трепаться (*пск.*), *занабилки набить* – наговорить, на-

сплетничать (*ворон.*) и др. [Ивченко 1996: 117–119].

Аксиологический вектор украинского фразеологизма изменился от положительного к отрицательному: профессиональное выражение, связанное с трудом ткача, стало связываться впоследствии с конвенциальной антиценностью – ложью, сплетней.

4. **Народные обычаи**

укр. ***давати гарбуза*** (букв. давать тыкву) – отказать жениху, пришедшему свататься.

В основе фразеологизма *давати гарбуза* лежит народный обычай: невеста, отказывая жениху, пришедшему свататься, подносила ему тыкву (по-украински – *гарбуз*). На Украине гарбуз был, таким образом, символом отказа жениху. Этот народный обычай породил ряд украинских фразеологизмов: *давати/підносити гарбуза; з'їсти печеного гарбуза; коли б вам гарбуз не покотився*. К этому же ряду фразеологизмов относятся такие фразеологизмы, как *гарбузами пахнути; гарбузами годувати*.

В записи П. Чубинского дошла до нас и украинская песня, в которой есть следующие строки:

... і богата, і хороша, хто погляне, – ахне,
Пішов би я сватати, та гарбузом пахне...

бел. ***даць гарбуз*** – 'отказать при сватовстве'

польск. ***podać arbuza (harbuza)*** – 'отказать при сватовстве' [Ужченко 1998: 50–52]

Аксиологический вектор славянских фразеологизмов отрицательный: фразеологизмы отражают конвенциальную антиценность – не достичь желаемого результата.

5. **Бытовые единицы измерения**

русск. ***пуд соли съесть*** – 'очень хорошо узнать/знать кого-л.'

Фразеологизм заключает в себе компонент со значением единицы измерения – *пуд* (16 кг). Нужно длительное время, за которое можно хорошо узнать человека, понять его достоинства и недостатки. За это время и пуд соли вдвоем съедается [СРФ: 477].

укр. *пуд солі з'їсти (з ким) – очень хорошо узнать/знать кого-л.* Аксиологический вектор русского и украинского фразеологизмов положительный: фразеологизмы отражают конвенциональную ценность: хорошее знание кого-л.

чешск. ***malé pivo***, **уник.* – человек маленького роста.

В основе фразеологизма лежит специфическая, но широко распространенная и популярная в Чехии единица измерения пива – маленькая кружка.

Аксиологический вектор фразеологизма изменился от положительного (маленькая кружка пива популярна и даже любима) к отрицательному: маленький рост человека связан с конвенциональной антиценностью – физическим недостатком человека.

В словарь необходимо включить список справочной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.; СПб.: Изд-во Императорской АН, 1914.

Ивченко А. Українська народна фразеологія: ареали, етимологія. – Харьків: ОКО, 1996.

СРФ: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: ФОЛИО–Пресс, 1998.

Степанова Л.И. Очерки по истории чешской фразеологии. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2003.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.И. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1940. – Т. IV.

Ужченко В.Д. Народження і життя фразеологізму. – Київ: Радянська школа, 1988.

THE SLAVIC PHRASEOLOGICAL DICTIONARY PROJECT: UNIVERSAL/UNIQUE, HISTORICAL-ETYMOLOGICAL, AXIOLOGICAL PARAMETERS

L.K. Bayramova

The article analyses universal/unique, historical-etymological, and axiological parameters of the draft of "The Slavic Phraseological Dictionary" based on Russian, Ukrainian, Belarus, Polish, Czech, and Bulgarian languages, and reveals fixed phrase axiological vector changes.

© 2009

М. Гочанин, И. Лазић-Коњик

ПРИЛОГ ЛЕКСИКОГРАФСКОЈ ОБРАДИ НЕКИХ ГЛАГОЛА У СРПСКОМ ЈЕЗИКУ

Предмет овога рада јесте семантичко-прагматичка анализа неколиких глагола у *Охридском прологу*, којима је у основи глагол *звати (се)*. На основу њихових семантичких реализација у ексцерпираном материјалу и поређења са констатованим значењима у свим нашим значајнијим речницима [*Речник српског језика* (РСЈ), *Речник српскохрватскога књижевног језика* (РМС), *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* (РСАНУ)], показаће се која су значења поменутих глагола контекстуално и стилски условљена и како се то одражава на њихову семантичку структуру и лексикографску обраду.

Истраживање је вршено на примерима прикупљеним из *Охридског пролога* [Велимировић] – дела св. Николаја Велимировића, (о *Охридском прологу* в [Бајић 2008: 265–266]). Примери ће бити навођени у скраћеном облику. Изостављени делови биће обележени трима тачкама.

Нашу анализу започећемо од глагола *назвати (се)*. Ако упоредимо семантичке идентификације овог глагола у три поменута речника: РСАНУ – речник тезаурус, РМС – речник средњег обима (6 томова) и РСЈ – једнотомник, уочићемо да су дата значења и њихов редослед врло уједначени. Приметна је

једино разлика у навођењу квалификатора; тако се семантичка идентификација *јавити се коме, позвати кога (телефоном), телефонирати* у РСАНУ обележава као калк, у РМС се стављају квалификатори *некњ.* и *разг.* (тј. некњижевни и разговорни), а у РСЈ се, без икакве квалификативне ознаке, упућује на глагол *позвати* и његово примарно значење.

У нашем корпусу глагол *назвати* најчешће се остварује у значењу дати некоме или нечему неко име, назив, именовати (некога или нешто); ословити неким именом, надимком, прозвати [у РСАНУ **I. 1. а.; у РМС I. 1. а., б., в.**; у РСЈ **1.**]: *Радујмо се и веселимо се, ако нас неверници тако* ***назову****, јер то значи да смо близу Христа а далеко од неверника.* ***Назови*** *лажова лажовом, лопова лоповом ... и огорчићеш их. Великим је* ***назват*** *онда када се безобзирно сав предао служби Богу и обукао у дроње.* Поред овог, реализује се и значење *сматрати, држати* (некога, за нешто / комплементизатор зависна речаница с везником *да*): *Зар би Господ Христос установио Причешће од хлеба и вина, и зар би хлеб и вино* **назвао** *Својим телом и Својом крвљу? Зашто треба слушати Цркву а не једнога човека који мисли против цркве, ма он био* ***назват*** *и највећим мислиоцем?* Глагол *назвати,* употребљен у императиву уз именице *хришћанин* и *пастир,* указује на привидност, лажност онога што значе именичке лексеме уз које стоји: *И то чине* ***назови хришћани****! Пастиреначалник Христос тражиће рачуна и од једних и од других о свакој овци, т.ј. о свакој души човечјој ... Гордост, среброљубље и властољубље* ***назови-пастира*** *платиће огњем вечним.* Морфема *се* уз глагол *назвати:* 1) има значење рефлексивности у примерима у којима се може развити у пуни облик личне повратне заменице за свако лице *себе* [значење *прогласити себе за некога или нешто; дати себи неко име, именовати себе некаквим именом;* уп. РСАНУ **II. 1.**]: *Ово нека ми буде награда ... за муке моје порођајне и трудове око васпитања твога –* ***да се назовем*** *мати мученикова;* 2) указује на уопштеност и неодређеност у примерима у којима се може развити у реченицу *неко (свет, људи) назове некога (некаквим именом); [значење дати име, именовати, прозвати некога некаквим именом;* уп. РСАНУ **II.** 2.]: *И тако, једни* ***се назваше*** *василијани, други григоријани, а трећи јованити.*

Глаголска лексема *називати (се)* региструје се у прегледаним речницима. У РСАНУ се наводе четири значења за глагол *називати* без морфеме *се* и два за овај глагол употребљен са морфемом *се.* У РМС и РСЈ само се констатује да је *називати (се)* несвршени и учестали глагол у односу на његов видски пар *назвати (се).* То заправо значи да се подразумевају сва она значења која су наведена за поменуту глаголску лексему свршеног вида.

У ексцерпираном корпусу глагол *називати* готово искључиво се употребљава у значењу *давати назив, име некоме или нечему, квалификовати; сматрати, држати (за нешто)* [у РСАНУ **I. 1. а.**]: *Тада се свети апостол није срдио на свет, што га* ***назива*** *будалом Христа ради. Народ га је* ***називао*** *ангелом. Господар живота* ***назива*** *смрт спавањем.* Уз овај глагол наводи се још и значење *обраћати се коме неким именом, називом, звати, ословљати* у примеру: *Бог и душа моја заповеди ми, да сокрушим оне мртве стубове, које ви* ***називате*** *боговима.*

За глагол *називати се* забележени су примери у којима се лична повратна заменица за свако лице употребљава у пуном облику: *Када га је сав свет славио, он је* ***себе називао*** *«убоги Серафим» (= звати се, давати себи име, именовати себе).*

У своме славном књижевном делу ***назива себе*** *често: недостојним ... напуњеним сваким грехом (= сматрати себе некаквим). То апостол Христов, браћо* ***назива себе*** *сужњем Христовим (= сматрати себе некаквим). Аврам ... је остао непоколебљив у смерности својој* ***називајући себе*** *земљом и пепелом (= сматрати себе некаквим*); или са морфемом *се* у рефлексивној употреби (*се = себе*): *А од свих глупости тешко да има веће од ове, да* ***се*** *неко* ***назива*** *хришћанином, а да иде и пабирчи бедне доказе Бога и бесмртног живота по другим верама и философијама* (*= сматрати себе неким, издавати се за некога)*. Поред тога, уочава се и употреба морфеме *се* за означавање уопштеног, неодређеног субјекта (*= неко, свет, људи називају некога некаквим именом*): *Велики поборник Православља, велика луча моралне чистоте и ревности верске, велики богословски ум, велики стројитељ и стуб цркве Божје – Василије* ***се*** ... назива *Великим* (*= сматрати се некаквим*). *Празник Богојављења (Теофанија)* ***назива се*** *још и Просвећењем* (*= имати друго име*). *Он се настани у Турману Ровачком, на месту које* ***се*** *сад* ***назива*** *Ђелиште* (*= имати, носити неко име*).

Глагол *одазвати (се)* наводе сва три речника. Запажамо да су значења и њихов редослед међусобно усаглашени. У РСЈ дефиниције констатованих значења укључују и нека подзначења, која на површинском нивоу остају неисказана. РМС даје више експлицитно наведених семантичких идентификација, што је и разумљиво с обзиром на обим речника. РСАНУ, наравно, пружа најпрецизније формулисана значења поменутог глагола поткрепљујући их примерима.

У прикупљеном материјалу из *Охридског пролога* региструју се следећа значења глагола *одазвати се*: 1) *одговорити неким знаком, чином, поступком на нешто, одговорити на позив, реаговати; примити позив, доћи тамо где се позива, прихватити позив* [уп. РСАНУ **2. а. и 2. б.**]: *С радошћу они* ***се одазваше,*** *и држећи један другог за руку иђаху вичући: „ми смо хришћани!" Од малена научен Св. Писму Филип* ***се*** *одмах* ***одазва*** *позиву Господа Исуса и пође за Њим (Јов. 1, 43); 2) одговорити гласом на нечије дозивање, озвати се* [у РСАНУ **I. 1. а.**]: *Да созерцавам чудесну посету ангела Божјега Корнилију капетану (Дела Ап. 10), и то: /.../ 2. како* ***се*** *Корнилије уплаши и* ***одазва****: шта је, Господе?*

Глагол *одазвати (се)* остварује значење *позвати некога на други свет, узети некога (о Богу као агенсу): Када пак родитељи њени* ***беху*** *Богом* ***одазвани*** *из овога света, Пресвета Дева оста као сироче.*

Глаголска лексема *одазвати (се)* у облику трпног глаголског придева употребљена је у значењу *прихватити искрено живот и понашање према заповестима Јеванђеља и Православне цркве*; бива поименичена и преузима улогу субјекта: *Нису сви људи тело него само верујући у Христа Господа; сви су позвани, али се само* ***одазвани*** *примају под Главу.* ***Одазвани*** *сачињавају тело, које се зове Црква, и којој је Господ глава.*

Глагол *одазивати (се)* бележи се у свима трима прегледаним речницима. Ипак, семантичке идентификације овог глагола бележе се једино у РСАНУ, док се у РМС и РСЈ упућује на то да је поменута лексема глагол несвршеног вида, видски пар глаголу *одазвати (се)*.

Примери у нашем корпусу потврђују следећа значења глагола *одазивати се*: 1) *одговарати гласом на нечије дозивање, озивати се; јављати се одговарајући на*

неко оглашавање, оглашавати се [у РСАНУ **I. 1. а.**]: *Да созерцавам Господа Исуса у простоти понашања и то: /.../ 2. како* ***се*** *Он сваком* ***одазива*** *и улази у кућу свакога ко Га позове.* 2) (некоме) *излазити у сусрет нечијим жељама, молбама и сл.* [у РСАНУ **I. 2. в.]*:*** *А када га људи молише да им молитвом кишу испроси од Бога ... св. Иларион* ***се*** *томе* ***одазивао*** *и људима молитвом помагао;* 3) *изражавати се, одражавати се, испољавати се на неки начин се* [уп. РСАНУ **I. 3.**]: *Ја ... нисам ништа сличнога приметио ... у вас, међу којима се подвизавао блажени Павле и о којима* ***се*** *он с похвалом* ***одазива*** *у почетку своје посланице (Филипљанима);* 4) *одговарати на неки начин* [уп. РСАНУ **I. 2. а.**]*: Звер* ***се одазива*** *добротом доброти.*

Глагол *одзвати (се)* региструје се у РСАНУ и РМС и дефинише се упућивањем на лексему *одазвати се.* У РСЈ се ова глаголска лексема не бележи.

У испитиваном материјалу јавља се једино трпни придев глагола *одзвати*, где носи значење *одазвати се на Божији позив (који најчешће није видљив него се осећа) и живети по јеванђелским и заповестима Православне цркве: Ти свецима зовеш. И сваког призиваш / Да светитељ буде.* ***Одзване*** *омиваш.*

Глагол *одзивати се* наводи се у РСАНУ у четири значења са подзначењима. У РМС и РСЈ се ова глаголска лексема дефинише упућивањем на глагол *одазивати (се).*

У одабраном корпусу глагол *одзивати се* има значење *одговарати (каквом реакцијом) на дозивање, позивање, позив, поздрав, јављати се јављати се* [у РСАНУ **II. 1. а.**]: *Филипу старицу намесник призива, / Старица* ***се*** *њему послушно* ***одзива****.*

Наша анализа обухватила је глаголе *назвати (се), називати (се), одазвати (се), одазивати (се), одзвати (се)* и *одзивати (се).* Ауторке су упоредиле њихове семантичке идентификације у трима значајним, актуелним и концепцијски различитим речницима (РСАНУ, РМС и РСЈ) са значењима које пружа ексцерпирана грађа из *Охридског пролога*, те показале да постоје значења која ни један од поменутих лексикона не региструје, тј. којима би постојеће семантичке дефиниције, нарочито у РСАНУ, могле и морале бити допуњене. На овом месту ћемо, уместо закључка, још једном истакнути само оне семантичке реализације, које нису забележене у поменутим речницима. Глагол *назвати (се) (1)* реализује значење *сматрати, држати (некога, за нешто / комплементизатор зависна реченица с везником* да); (2) употребљава се у облику императива 2. л. ј. уз именице *хришћанин* и *пастир* у значењу *привидни, тобожњи, лажни* са тенденцијом срастања у полусложеницу или сложеницу. Такође, значења овог глагола и његовог видског пара *називати (се)* у којима је морфема *се* рефлексивна морају бити одвојена од оних у којима се ова морфема карактерише као њпразнаЊ. Глаголска лексема *одазвати* реализује значења која би требало квалификовати као религијска: 1) *позвати некога на други свет*, *узети некога (о Богу као агенсу);* 2) *прихватити искрено живот и понашање према заповестима Јеванђеља и Православне цркве.* И глагол *одзвати (се)* региструје ово друго значење.

Досадашња наша лексикографска пракса готово да није узимала у обзир текстове религијског дискурса, што потврђују нпр. извори за РСАНУ [в. РСАНУ, том I: XL–CX]. Ово невелико истраживање показало је да постоје значења која су спефична за религијски дискурс, те неопходно је да се убудуће и овакви текстови уврсте у корпус тј изворе за израду речника, нарочито тезаурусног типа.

ЛИТЕРАТУРА

Бајић Р. Црквенословенски језик у *Охридском прологу* св. владике Николаја Велимировића // Црквене студије. – Бр. 5. – Ниш, 2008. – С. 265–271.

Велимировић Н. Охридски пролог. – Београд (са електронског извора: htpp//www.svetosavlje.org).

Речник српског језика. – Нови Сад: Матица српска, 2007.

Речник српскохрватског књижевног језика, I–VI. – Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика, књ. I–XVII. – Београд: Српска академија наука и уметности; Институт за српски језик, 1966.

ADDITION TO LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF SOME SERBIAN VERBS

M. Gochanin, I. Lazich-Kon'ik

The article covers Serbian verbs наз(и)вати (се), одаз(и)вати (се), одз(и)вати (се) from the viewpoint of their semantic features, pragmatic relevance and lexicographic presentation on the basis of religious discourse of Ohrid prologue by N. Velimirovich. It underlines the need for the register properly accounted for lexicographic processing in explanatory dictionaries.

© 2009

Р. Бајић

ЛЕКСИКОГРАФСКА ОБРАДА НЕКИХ ЛЕКСЕМА ИЗ ОБЛАСТИ ПРАВОСЛАВНЕ ДУХОВНОСТИ У ЈЕДНОЈЕЗИЧНИМ РЕЧНИЦИМА СРПСКОГ ЈЕЗИКА

1. Последњих година руска лексикографија обогаћена је мање или више фрагментарним разматрањима лексике православне културе и духовности (нпр. [Тимофеев 2001], [Крылова 2005], [Гадомски 2007], [Бугаева 2006]) и њене обраде у лексикографским публикацијама (нпр. [Гадомски 2001], [Скляревская 2008]). Постоји и речник *Словарь православной церковной культуры* [Скляревская 2000]. Ауторки наведеног речника припада изјава која овај слој лексике поставља на веома важно место у савременој лексикологији и лексикографији православних земаља: «В современном процессе языкового возрождения важнейшую роль играет судьба лексики православной церковной культуры, восстановление ее истинного статуса в лексической системе, возвращение ее в реальное языковое употребление» [Скляревская 2008: 453]. Ова потреба свакако је присутна и у српској језичкој средини. То потврђују и радови који су се појавили последњих година, а који на овај или онај начин разматрају лексику из

области православне духовности (нпр. [Кончаревић 2006а], [Кончаревић 2006б], [Кончаревић 2008], [Бајић 2007а], [Бајић 2007б], [Бајић 2008]). Опис неких лексикографских решења у једнојезичним речницима српског књижевног језика који нудимо у раду могао би да буде допринос овом правцу истраживања у српској лексикографији.

1.1. Материјал је ексцерпиран из једнојезичних речника различитог обима: малог [једнотомни *Речник српског језика* (РСЈ)], средњег [шестотомни *Речник српскохрватскога књижевног језика* (РМС)] и великог [незавршени седамнаестотомни *Речник српскохрватског књижевног и народног језика* (РСАНУ); закључно са одредницом *Опово*]. До сада постојеће класификације испитиване групе лексема у целини ([Скляревская 2000: 6–7], [Кончаревић 2006а: 119–123], [Гадомски 2007: 288–293]) или само њеног ономастикона [Бугаева 2007: 24–25], углавном су садржале називе и појмове из религиозне сфере, дакле, именице. Због недовољног присуства (тиме и мање истражености) других врста речи у овим класификацијама с једне, као и ограниченог обима рада и његовог прелиминарног и дескриптивног карактера с друге стране, од бројних одредница које бисмо на неки начин могли сврстати у сферу православне духовности одабрали смо 10 глагола који ће нам послужити за делимичну илустрацију описа неких лексикографских решења на нивоу микроструктуре. Лексеме припадају тематским групама: хришћанског морала (*роптати, врлиновати, кајати (се), одуховити (се), расудити)* и форми православног богослужења у ширем смислу (*молити (се), исповедити, крстити (се), миросати (се), савршавати)*. Основно питање на које ћемо покушати да одговоримо јесте: да ли и у којој мери на основу лексикографског описа ових одредница у наведеним речницима читаоци могу доћи до закључка о томе да се ради (и) о лексемама које су из области православне духовности?

2. О месту које речници дају лексици из истраживаног лексичког поља може се закључити на основу: квалификатора који се дају уз одредницу, описне и/или синонимске дефиниције одреднице, илустративног материјала, тј. примера који се дају у речничком чланку и фразеологизама који се дају уз одредницу. Последње две компоненте не узимамо у обзир у овом раду, јер би то захтевало већи обим.

2.1. Од три наведена речника, једино РСАНУ у списку техничких скраћеница има квалификатор *правосл.* (православни). Остала два речника немају овај квалификатор наведен у списку техничких скраћеница (премда се у РМС појављује на три места, в. о томе [Бајић 2007б: 14]). Квалификатор *кат.,* који означава термине из католичке религије, присутан је у сва три речника. Речи из области православне духовности појављују често и уз квалификаторе *цркв., рлг.,* или етимолошке скраћенице *рсл., цсл., грч.,* понекад и *заст., нар., арх.* и др. – присутне у сва три речника. Некада, пак, као што ћемо видети, ове одреднице нису ни квалификоване посебно. При томе није јасна, нити је у било ком предговору ова три речника објашњена разлика између употребе квалификатора *рлг.* и *цркв.* У нашем материјалу појављују се ова два квалификатора, код три одреднице, у речницима и значењима како је приказано на табели:

одредница	квалификатор	РСАНУ	РМС	РСЈ
исповедити (се)	црквр.	значења: 1.а.; 2; ~ се 1.	значења: 1.; ~ се 1.	значења: 1.; 2; ~ се 1.
миросати (се)	црквр.	важи за одредницу у целини	нема квалификатора	нема одреднице
молити (се)	рлг.	значења: 2.а.; 2.б.; ~ се 1.	нема квалификатора	значења: 2.а.; 2.б.; ~ се

Табела 1: *Заступљеност квалификатора у лексикографској обради одредница*

Дакле, на основу квалификатора који стоје уз одреднице, једино за ове три лексеме можемо евентуално закључити да означавају реалије из области православне духовности. Уз поменуту нејасноћу разликовања ова два квалификатора, на табели је видљива и разлика у њиховом коришћењу у речницима. Примећена је и недоследност у њиховој употреби. Наиме, иако глагол *крстити (се)* означава (и) радњу која се обавља током св. Тајне Крштења, за његово објашњење није употребљен квалификатор као што је употребљен за објашњење глагола који означава радњу која се обавља током једне друге св. Тајне (*исповедити (се)*). Видимо, такође, да је једино глагол *миросати (се)* карактеристичан само за сферу православне духовности, док код других глагола само поједни аспекти значења покривају ову сферу.

2.2. Присуство семантичких описа, тј. дефиниција или делова дефиниција одредница које садрже мање или више тачних или погрешних обавештења о томе да се ради о лексеми (и) из области православне духовности (тј. који су мање или више информативни – знак ± информат.) приказано је на табели 2. Треба имати на уму да се у вези са овом лексиком последњих деценија дешава неколико семантичких процеса (в. о томе [Бугаева 2006]), који у српском језику до сада нису разматрани, те да резултати тих процеса одражени у значењима лексема највећим делом нису ни могли бити забележени у речницима. Стога су семантички описи које речници нуде углавном само делимично информативни. Две лексеме нису ни забележене (*врлиновати* и *савршавати*). Лексема *миросати (се)* дефинисана је у синонимском делу дефиниције нетачно. Наиме, *миросати (се)* није исто што и *миропомазати (се)*. Први део дефиниције је само делимично информативан, јер се миросање не врши *светим миром,* него освештаним јелејем (уљем). У РМС ова лексема дефинише се чак упућивањем на лексему *миропомазати (се)*. Делимично су информативне и дефиниције осталих лексема: *кајати се* није само *осећати жаљење, жалити, испаштати* и сл., него и *чинити дела покајања,* што садржи још више компоненту радости него жаљења (опширније о овоме в. [Бајић 2005]); *роптати* неко може не само *полугласно* него и у мислима, дакле, без изговарања речи незадовољства.

одредница	РСАНУ		РМС		РСЈ	
	укупно значења	± информат. значења	укупно значења	± информат. значења	укупно значења	± информат. значења
роптати	*	*	1. (2 значења) и 2.	1.	1. и 2.	1.

одредница	РСАНУ		РМС		РСЈ	
	укупно значења	± информат. значења	укупно значења	± информат. значења	укупно значења	± информат. значења
врлиновати	*	*	*	*	*	*
кајати (се)	I.1. (2 знач.); I. 2.; I.3. и II.~ се	I.1. (1. знач.) и II.~ се	1.; 2.; 3. и ~ се	1. и ~ се	~ се	~ се
одуховити (се)	I.1. (2 знач.); I. 2.а.; I. 2.б.; I.3. и II.~ се	I. 2.б. и II.~ се	2 значења и ~ се	1. значење и ~ се	1 значење (нема повр. облика)	1
расудити	*	*	1 значење	1	1 значење	1
молити (се)	I.1.(а.,б.,в., г.); I.2.а.; I.2.б.; I.3.(а.,б.,в., г.) II.~ се 1. и II.~ се 2.	I.2.а.; I.2.б. и II.~ се 1.	1.; 2.; 3.а.; 3.б. и ~ се	2. и ~ се	1.(а.,б.,в.); 2.а.; 2.б.; 3.(а.,б.,в.,г.) и ~ се	2.а.; 2.б. и ~ се
исповедити (се)	I.1.а.; I.1.б.; 2.; 3.; II.~ се 1. и II.~ се 2.	I.1.а.; 2. и II.~ се 1.	1.; 2.; ~ се 1. и ~ се 2.	1. и ~ се 1.	1.; 2.; 3.; ~ се 1. и ~ се 2.	1.; 2. и ~ се 1.
крстити (се)	I.1. а. (2 знач.); I.1. (б.,в., г.); I.2.(а.(2 знач.),б.,в.) ; I.3.(а., б.); I.4.; I.5.(а.,б.); II.~ се 1.(а.,б.); II.~ се 2. (а.(2 знач.),б.); II.~ се 3.; II.~ се 4.; II.~се 5.	I.1. а.; I.1. б.; I.1. в.; I.2. а.; I.2. б.; I.2. в.; II.~ се 1. а.; ~ се 1. б. и II.~ се 2. а.	1.а; 1.б.; 1.в. 2.а; 2.б.; 3.; ~ се 1.; ~ се 2.а.; ~ се 2.б.; 3. и 4.	1.а.; 1.б.; 2.а; 2.б.; ~ се 1.; ~ се 2.а.; ~ се 2.б.;	1.(а.,б.,в.); 2.а.; 2.б.; 3.; ~ се 1.а.; ~ се 1.б.; ~ се 2.а.; ~ се 2.б.; 3. и 4.	1. а.; 1. б.; 2.а.; 2.б.; 3.; ~ се 1.а.; ~ се 1.б.; ~ се 2.а. и ~ се 2.б.;
миросати (се)	I и II.~ се	I и II.~ се	1 значење	1.	*	*
савршавати	*	*	*	*	*	*

Табела 2: *Информативни (±) семантички описи (дефиниције)*

Нека значења лексема, нарочито оних са развијеном полисемијом, у већој мери су прецизна, посебно у РСАНУ као најдетаљнијем речнику. Лексема *крстити (се)* објашњена је у својих 9 (у РСАНУ и РСЈ) за нас значајних описа углавном прецизно, осим у случају *кумовати на крштењу,* што не подразумева увек, како је назначено у дефиницији, и *одређивати име детету*. Особа која се крштава, такође, није увек дете. Осим тога, редундантна је друга дефиниција у опису значења I.2.а. (РСАНУ) (*чином крштења превести и преводити у хришћанство (незнабошца или припадника друге вере; покрстити, покрштавати)*. У опису значења лексеме *исповедити (се)* значајно је наглашавање да се ова радња чини *пред свештеником* (у РСЈ и РСАНУ, значење I.2.), а не *свештенику, духовнику* (РСАНУ, значење II. ~ се 1.). Дефиниција лексеме *одуховити (се)* непрецизна је због сложености термина *духован,* али *одуховити* не значи *оплеменити интелектуалним и емотивним особинама* (РСАНУ, I.2.б.). Овде би била боља дефиниција из РМС (*учинити да што буде духовно; испунити духом)*. Могло би се додатно прецизирати: *испунити Духом Светим*.

3. Српској лексикографији и лексикологији тек предстоји проналажење и давање одређеног места лексици из области православне духовности. Један од првих корака јесте указивање на досадашње недостатке у српској лексикографији када је у питању наведена лексика, чему смо овим истраживањем покушали да дамо допринос.

ЛИТЕРАТУРА

Бајић Р. Емоција покајања у литургијско-молитвеном дискурсу // Стил. – Бр 4. – Београд, 2005. – С. 245–260.

Бајић Р. О необходимости знакомства с некоторыми терминами из греческого языка в области богословия и православной духовности // Россия и Греция: диалоги культур: материалы I Междунар. конф. – Ч. II. – Петрозаводск: Изд-во Петразовод. гос. ун-та, 2007. – С. 130–137.

Бајић Р. О православним празницима у Речнику МС и Речнику САНУ // Шездесет година Института за српски језик САНУ: зборник радова II. – Београд, 2007. – С. 9–20.

Бајић Р. О проблемима превођења неких лексема из области православне духовности са руског на српски језик // Наш језик XXXIX/1–4. – Београд: Институт за српски језик САНУ, 2008. – С. 35–42.

Бугаева И.В. Семантические процессы в религиозной лексике // III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): тр. и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. – Т. 2. – С. 137–140.

Бугаева И. Агиоантропонимия в православной среде: структурно-семантический анализ. – М.: ФГОУ ВПО РГАУ; МСХА им. К.А. Тимирязева, 2007.

Гадомски А. Религиозная лексика в словарях русского языка XX в. // Obraz świątyni w kulturze i literaturze europejskiej. – T.2. – Cz.2. Prace interdyscyplinarne / red. L. Rożek. – Częstochowa, 2001. – С. 251–261.

Гадомски А. Польская и русская религиозная лексика: попытка систематизации // Крымско-польский сборник научных работ: Дни Адама Мицкевича в Крыму. – Т. 5. – Симферополь: Универзум, 2007. – С. 287–296.

Кончаревић К. Језик и православна култура: правци истраживања // Језик и право-

славна духовност. – Крагујевац: Каленић, 2006. – С. 115–136.

Кончаревић К. Руска лексика из религијско-црквене сфере и њена лексикографска обрада // Језик и православна духовност. – Крагујевац: Каленић, 2006. – С. 185–193.

Кончаревић К. Уз питање о предмету конфронтационих лингвокултуролошких испитивања // Стил. – Бр. 7. – Београд, 2008. – С. 151–161.

Крылова К. А. Ситуация билингвизма в сфере церковно-религиозной общественной деятельности в современной России // Stylistyka XIV. – Opole: Opolski un-t, 2005. – С. 383–391.

Речник српског језика. – Нови Сад: Матица српска, 2007.

Речник српскохрватског књижевног језика: т. I–VI. – Нови Сад: Матица српска, 1967–1976.

Речник српскохрватског књижевног и народног језика, књ. I–XVII. – Београд: Српска академија наука и уметности; Институт за српски језик, 1959–2006.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000.

Скляревская Г.Н. Современная русская лексикография – достижения и лакуны. // Теория и история славянской лексикографии: науч. материалы к XIV съезду славистов. – М., 2008. – С. 427–463.

Тимофеев К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2001.

LEXICOGRAPHIC PROCESSING OF SOME ORTHODOXY LEXEMES IN SERBIAN MONOLINGUAL DICTIONARIES

R. Bajich

The article deals with the lexicographic processing of the data provided by three Serbian dictionaries on verbs occurring in Orthodoxy texts. The author reveals erroneous semantic descriptions and lexicographic notes on these verbs to improve the processing of similar lexemes in future.

© 2009

Л.Н. Мишина

О ТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В СЛОВАРЯХ ДРЕВНИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Чтение и адекватное понимание древних славянских текстов невозможно без обращения к историческим словарям. Изучение значения старославянских и древнерусских слов с опорой на словари необходимо не только в тех случаях, когда интересующее читателя или исследователя слово не сохранилось в современном русском языке (**хоудогъ** – ‘искусный, умелый’ [Срезневский, 3: 1414]; **цата** – ‘украшеніе’ [Срезневский, 3: 1435]; **плюща** – ‘легкие, внутренности’ [СС 1994: 452], **съвъздрьжьникъ** – ‘сподвижник, тот, кто вместе с кем-либо ве-

дет жизнь аскета' [СС 1994: 642]), но и в тех случаях (и даже в большей степени в тех случаях), когда слово вошло в словарный состав современного русского языка. Зачастую изменения семантики приводят к тому, что, на наш взгляд, становится возможным говорить о существовании «ложных друзей переводчика» в лексике не только современных славянских языков, но и современных языков и их предков, – в частности, старославянского и древнерусского. Переводя старославянские и древнерусские слова, основываясь на семантике их, казалось бы, эквивалентов в современном русском языке, читатель древних славянских текстов может либо не понять их значений, либо истолковать их в прямо противоположном смысле. Так, напр., старославянское слово **сканъдалъ** означает 'соблазн, искушение' [СС 1994: 605], а не 'случай, происшествие, получившие широкую огласку и позорящие его участников' или 'ссора, сопровождаемая криками, шумом, дракой и т.п.; дебош' [МАС, 4: 103]; основное значение древнерусского слова **казнь** ('наказание, кара // телесное наказание, истязание, мучение // стихийные бедствия, несчастья' [Сл. XI–XIV, 4: 189–190]), соотносится не с основным в современном русском языке значением соответствующей лексемы 'высшая мера наказания – лишение жизни' [МАС, 2: 15] (в древнерусском языке подобное значение отсутствует: вторым значением в словаре зафиксировано 'приказ, распоряжение' [Сл. XI–XIV, 4: 190]), а со вторым и третьим: '*Устар.* Суровое наказание, кара', '*перен.* Страдание, мучение' [МАС, 2: 15]. В некоторых случаях в современном русском языке сохранились те же значения, которые существовали в старославянском и древнерусском языках, но интересующие нас слова являлись омонимами – и перенесение значения слова из одного языка в другой неизбежно ведет к ошибкам в понимании текста. Так, в старославянских памятниках отмечено слово **аспида** – 'змея, гадюка' [СС 1994: 75], а в древнерусских памятниках, помимо названной лексемы, зафиксировано слово **аспидъ** – 'полудрагоценный камень, яшма' [Сл. XI–XIV, 1: 98]. В современном русском языке существуют омонимичные лексемы *аспид*[1] 'род ядовитых змей, распространенных в тропических и субтропических странах' и *аспид*[2] '*Устар.* То же, что аспидный сланец' [МАС, 1: 48]. Значение второго из омонимов, будучи устаревшим, известно меньшему количеству носителей языка, и потому без обращения к историческим словарям перевод следующего фрагмента древнерусского текста: *«**Пошедъ къ олтарю (св. Софіи) стоѧтъ толпи вельми красни по подобию аспида**»* [Срезневский, 1: 31], – не всегда может быть вполне адекватен.

Таким образом, обращение к историческим словарям необходимо прежде всего для адекватного перевода древнего славянского текста на современный русский язык. Именно поэтому исторические словари славянских языков по характеру толкования в них значения слова являются в основном переводными: слова в них переводятся на современный для читателей славянский язык (напр., как в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.)» – на русский и чешский): «**навѧзати** <...> привязать privazat» [СС 1994: 346], «**тратати** <...> преследовать pronasledovat» [СС 1994: 700]. Только в некоторых случаях приводится толкование значения слова: «**манътиица** <...> манатья (монашеский плащ)» [СС 1994: 322]; «**индиктъ** <...> индикт (период 15 лет)» [СС 1994: 261] и т.д. Но, на наш взгляд, подобный перевод не всегда бывает достаточен.

Есть другой аспект проблемы толкования значения слов в данном типе словарей, связанный со спецификой исторического словаря как лексикографического издания, которое не только представляет значения того или иного слова, но и отражает языковое сознание народа в определенный исторический период, дает ответ на вопрос, каким был мир носителей языка в различные временные отрезки. В некоторых случаях подбор эквивалента из современного языка не предоставляет подобной информации, т.к. с течением времени изменилась культурологическая составляющая значения слова. Наиболее яркие примеры подобного изменения значений слов предоставляет анализ лексики, связанной с православной религией и культурой. Изучение значения того или иного слова в контексте его христианского толкования особенно актуально для старославянского языка, т.к. все известные на данный момент старославянские памятники принадлежат церковной литературе, а значит, их толкование вне понимания значения того или иного слова в православии зачастую просто невозможно. Однако, на наш взгляд, в исторических словарях при толковании значения слова не всегда в достаточной степени учитывается его принадлежность языку православия. Рассмотрим репрезентацию нескольких подобных лексем, связанных с понятием мученичества, в четырех исторических словарях: «Словаре старославянского языка (по рукописям X–XI вв.)» под редакцией Р.М. Цейтлин, «Словаре старославянского языка», изданном Чехословацкой академией наук, «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)» и «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Понятие мученичества относится к числу фундаментальных понятий христианства: мученики представляют собой древнейший разряд святых, прославляемых христианской церковью [Живов 1994: 58]; тема гонений христиан – одна из центральных тем первой «Церковной истории», написанной Евсевием, епископом Кесарии Палестинской [Акимов http]. Следовательно, языковые единицы, называющие процесс перенесения страданий во имя веры, людей, испытывающих страдания, в толковании своих значений должны иметь ссылку на христианское понимание данного процесса. Однако подобные указания содержатся не во всех словарных статьях рассмотренных нами словарей.

Слово **моучениѥ** переведено на русский язык в рассмотренных нами словарях старославянского языка язык как ‘му́ка, му́ки, мучение’ [СС 1994: 343]; [ССЯ, 2: 272–273]. Словарями современного русского языка *мука* трактуется как ‘сильное физическое или нравственное страдание’ [МАС, 2: 315]. Таким образом, в словарях не содержится отсылки к христианскому пониманию мучения, в то время как именно оно представлено в старославянских памятниках, язык которых описан в рассмотренных словарях. ***Мѫчениѥ*** в литературе, созданной на старославянском языке, трактуется не как всякое физическое или нравственное страдание, а только как принятое во имя веры: ***а҆ви сѧ ѥ҆моу господь и҆ рече · помѧнѫхъ тѧ и вы́писахъ твоѥ и҆мѧ съ сѫштиі҆ми съ тобо҆ѭ пръ́воѥ мѫченикы <…> ѹ҆строи҆ сѧ съ ѫ҆жиками свои҆ми · и҆ пришъдъ мѫчениѥ приі҆меши въ команѣхъ · нъ не бои҆ сѧ о҆тъ мѫкъ а҆зъ бо ѥ҆смъ съ тобо҆ѭ*** [СР: 15, 30–16, 7]. В словарях же древнерусского языка слово **моучениѥ** зафиксировано в нескольких значениях, в структуру одного из которых входила сема ‘христианская вера’, указывающая на цель перенесения мучений: ‘у хри-

стиан – мученический подвиг во имя Христа' и 'повествование о муках, страданиях подвижников христианства' [Сл. XI–XIV, 5: 45], 'страдание, мука, мученическій подвигъ' [Срезневский, 2: 198]. Толкование, данное в словарях древнерусского языка, таким образом, оказывается более соответствующим культурному контексту, в котором функционировало исследуемое слово.

Так же по-разному в исторических словарях представлены толкования слова **крьстъ**. В словарях старославянского языка оно толкуется как 'крест' [ССЯ, 2: 78], [СС 1994: 297], т.е., согласно значению слова *крест* в современном русском языке, как 'символ и предмет христианского культа в виде вертикального стержня, пересеченного у верхнего конца перекладиной (по евангельскому сказанию, на таком кресте был распят Христос)' [МАС, 2: 127]. Однако контекст употребления слова **крьстъ** в старославянском языке свидетельствует о том, что крест в X–XI вв. воспринимался не только как символ христианства, но и как орудие пытки и смертной казни: ***крстъ*** *і мѫка гвоздиє і съмрьть сі жвотоу · бесъмрътъноумоу бывающъ пелены* [Клоц: 10b, 220–222]. О том, что крест в сознании наших предков представал не только как символ христианства, но и как орудие пытки, свидетельствуют отсылочная часть «Старославянского словаря (по рукописям X–XI вв.)»: «Ср. **распонъ**» [СС 1994: 297], **распонъ** – 'крест (как орудие казни)' [СС 1994: 576]. Однако толкование значения самого слова не содержит подобной информации, и, следовательно, при сравнении значений двух лексем можно предположить, что они в старославянском языке не были синонимами: слово **крьстъ** обозначало символ христианства, а слово **распонъ** – орудие пытки. Однако, как уже было отмечено, контекст употребления лексемы **крьстъ** свидетельствует о том, что она выступала как синоним лексемы **распонъ**. Словари же древнерусского языка фиксируют оба значения слова: 'шест с перекладинами, орудие казни в Древнем Риме; крест, на котором, согласно христианскому вероучению, был распят Иисус Христос' и 'символ христианства' [Сл. др.-р. яз. XI–XIV вв., 4: 315].

Не имеет в толковании значения в словарях старославянского языка религиозной составляющей и слово **подвигъ**: 'усилие, стремление, старание', 'борьба', 'подвиг' [ССЯ, 3: 93], 'подвиг' [СС 1994: 461], т.е. 'героический, самоотверженный поступок, важное по своему значению действие, совершаемое в трудных условиях' [МАС, 3: 178]. Употребление данного слова в памятниках старославянской письменности, однако, свидетельствует о наличии религиозной составляющей в его значении: ***четыре десѧте вьнидохомъ въ подвигъ сь · м҃ вѣньчани бждѣмъ*** [СР: 92, 3–5]. В этом значении слово **подвигъ** – 'религиозный подвиг, подвижничество' – фиксируется в словарях древнерусского языка [Сл. XI–XIV, 6: 522–523]. Таким образом, факт принадлежности понятия или предмета, обозначенного старославянским словом, христианскому языковому сознанию более последовательно отражен историческими словарями древнерусского языка.

Однако в некоторых случаях, даже если в словарной статье содержится указание на принадлежность слова к христианской культуре, оно не всегда бывает достаточным. Так, слово **блаженъ** толкуется в исследуемых словарях в одном из значений как 'блаженный (наименование святых)' [СС 1994: 91], 'святой' [Сл. XI–XIV, 1: 223]. Толкование значений позволяет говорить о том, что в сознании средневековых славян **свѧтъ** и **блаженъ** были синонимами, однако это не

совсем так. *Блаженный* и *святой* – это обозначения различных типов, или, в православной терминологии, ликов святости: *блаженный* – «именование святого подвижника, отказавшегося от всех благ мира, от общепринятого образа жизни, добровольно принявшего нищету, скитания и образ умалишенного ради спасения» [Скляревская 2000: 36]; *святой* – «человек, который за праведную жизнь, подвиг христианской любви, ревностное распространение веры, а также за страдания и смерть, принятые за Христа, после смерти приближен к Богу и прославлен Церковью» [Скляревская 2000: 223]. Различие в значениях слов, безусловно, незначительно, однако оно проявляется при их функционировании в древних славянских текстах: при характеристике блаженных обязательно упоминается их равнодушие к земным благам: *«... и* ***префиру****, и весь* ***санъ*** *своего* ***суньклитства*** *временнаго,* ***ничтоже вмѣняющу****, оставляяху...»* [ЖМЯТ: 68]. Учитывая тот факт, что в текстах религиозного содержания указание принадлежности святого к определенному лику святости принципиально важно для автора, при толковании подобных языковых единиц в некоторых случаях требуется частичное привлечение энциклопедической информации, а не просто ссылка на принадлежность к сфере христианской религии.

Таким образом, словарное описание древних славянских языков выполняет не только задачу обеспечения понимания того или иного текста, но и своеобразного «введения» читателя в круг понятий, которыми мыслил средневековый человек. Поэтому при толковании значений слов в исторических словарях славянских языков необходим не простой их перевод на современные славянские языки, который в ряде случаев ограничивает понимание значения лексемы, а полноценное толкование, в том числе с привлечением внеязыковой информации.

ЛИТЕРАТУРА

Акимов В.В. Христианское мученичество и монашество в интерпретации церковных историков IV–V вв. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.church.by/resource/Dir0301/Dir0302/Page0365.html.

ЖМЯТ: Житие Михаила Ярославича Тверского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6. XIV – середина XV века / под ред. Д.С. Лихачева [и др.]. – СПб. : Наука, 1999.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М: Рус. яз., 1985–1988.

Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – М.: Наука, 2000.

Сл. XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. – М.: Рус. яз., Азбуковник, 1988–2008. – Т. 1–8. (изд. продолжается).

СР: Северьяновъ С. Супрасльская рукопись. Т. 1 / С. Северьяновъ; Изд. отд. рус. яз. и словесности Император. Акад. наукъ. – Ксерокоп. – СПб., 1904. – (Памятн. старослав. яз. Т. 2, Вып. 1).

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – М.: Книга, 1989.

СС 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): ок. 10000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

Клоц: Dostal A. Clozianus. Staroslověnskỳ hlaholsky sbornik tridentsky a innsbrucky. – Praha, 1959.

ССЯ: Slovník jazyka staroslověnského / hl. red. Joz. Kurz : T. 1–4. – Praha: Nakladŕtelství československé Akademie Věd. – Akademie Věd České Republiky, 1958–1997.

WORD DEFINITIONS IN DICTIONARIES OF OLD SLAVIC LANGUAGES

L.N. Mishina

The article analyzes meaning presentation in Old Slavic and Old Russian dictionaries, states the necessity to incorporate into the vocabulary entry either word translation into modern languages or extended explanation of its meaning. It also explores the relationship between linguistic and encyclopedic information in Old Slavic languages dictionaries.

© 2009

А.Т. Липатов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ ПОГОВОРКИ «НА́ ТЕБЕ, БОЖЕ, ЧТО НАМ (МНЕ) НЕ ГОЖЕ»

Язычество и мировые религии (христианство, ислам, иудаизм, буддизм, ламаизм и др.) не явились миру в готовом виде, а представляют собой продукт длительной эволюции человечества на его пути к цивилизации. Причем «эволюция религиозных представлений происходила не путем полной их смены, а путем наслаивания нового на сохраняющееся старое» [Рыбаков 1987: 754]. Корни язычества уходят в глубины тысячелетий, а его пережитки долгим эхом откликаются вплоть до наших дней.

В отечественной и зарубежной литературе уже неоднократно отмечалась «неопределенность», «расплывчатость» термина *язычество*. При этом подчеркивается, что у язычества не было единой религии, общей системы религиозных верований; «может быть, их на самом деле было много, а религиозное единство – это только наше предположение или даже глубокая ошибка?» [Urbańczyk 1947: 12–13].

Мир древнего язычника был обильно населен духами, но старшими из них являются духи мест обитания человека (подворье, жилище, роща, река и т.п.). Особое место отводилось духам-хранителям домашнего очага. Как все язычники, славяне, олицетворяя все окружающее, поклонялись множеству божеств, однако особые почести воздавались при этом духам предков и огню как источнику жизни. Приписывая огню в домашнем очаге свойства, присущие живому существу, язычники полагали при этом, что и кормить их необходимо, как человека, и этот древний обычай, по существу, был повсеместным, поскольку первобытный человек представлял, что «его слышат и понимают духи или другие существа, которых воображение первобытного человека наделяет человеческим умом» [Frazer 1914–1925: 416–417].

Славяне членами рода считали также предков в лице духов и демонов-хранителей домашнего быта. Известно, что одним из таких демонов у древних сла-

вян был *убожье* (**ubogъ*). Об этом находим свидетельства, восходящие к XVII в.; принадлежат они Яну Ласицкому и содержатся в его «Литовской мифологии». В ней упоминается о «кауках, или душах умерших, которых руссы называют убоже» (kauke sunt lemures Russi uboże appellant) [Lasicky 1868: 16]. Этому-то убогу как члену рода славяне-язычники и воздавали всевозможные почести. Так, поэт польского Средневековья В. Родзеньский в своей поэме «Officina terraria» воспевает uboże как охранителя сельских кузниц. В этом древнем поэтическом памятнике неоднократно упоминаются uboże, которые «приходили в кузницу в субботу ночью, по окончании кузнечных работ», и им «всегда у малого горна мастера кузнечных дел ставили там по субботам еду на ночь, когда из кузниц домой уходили» [Rodzeński 1962].

Об искоренении этих языческих обычаев позаботились в Среднеповолжском этноареале ислам и христианство. В результате вся языческая мифология превратилась в исламскую и христианскую демонологию: первобытные божества стали внушающими страх вампирами и прочей бесовской силой; всех, кто им поклонялся, стали обвинять в колдовстве-ведовстве, а языческие обряды расценивались не иначе как дьявольские наваждения. «Всеми исследователями, – писал большой знаток языческой религии Н.К. Михайловский, – замечено, что при столкновении двух мифологических рядов они обыкновенно не уничтожают друг друга, а один из них превращается в ряд демонов, злых, темных божеств» [Михайловский 1888: 428].

Христианские сетования на следы языческих поклонений славян мифическому убогу, который считался у них хранителем домашнего очага и одновременно хранителем душ предков рода, содержит, напр., духовное поучение («kazanie») католического анонима, относящееся к началу XV в. Аноним, христианский проповедник, жалуется, что славяне-язычники «приносят в жертву демонам, которых называют убожьями, оставляя им остатки еды по четвергам после трапезы <...> А некоторые не моют посуду после обеда в Великий Четверг, дабы накормить души (предков) и духов, называемых убожьями <...> Некоторые преднамеренно оставляют после трапезы остатки (пищи) в мисах якобы для того, чтобы накормить души (предков) и надежного демона, называемого убожьем <...> за которым ухаживают, поскольку, тот якобы приносит счастье...» [Meyer 1931: 71–73].

Кроме того, о существовании у славян-язычников «кормления» домовых духов, называемых *uboże*, упоминается, по крайней мере, еще в двух других памятниках – «Postępek prawa czartowskiego przeciw narodowi ludzkiemu» (1570) и «Czarownica powolana» (XVII в.). «Невесты на Четверговой вечере, – говорится в первом из них, – оставляют [для убога – *А.Л.*] еду, и неизвестно, кто эту пищу поедает [Brückner 1939–1948: 163]. А едой, предназначенной демонам-опекунам, были чаще всего крупяные каши, хлеб, молоко, свежее масло.

Что же касается этимологии праславянского *убожья (убога*), то это слово префиксального образования. В его составе элемент *у* не имеет значения отрицания, как напр., *не-* в *небога*, а выполняет функции префиксов *от, при, близ, возле, около* ([Преображенский 1959: 71]; [Brugmann 1902–1904: 468]), а корень *бог* этимологически связан с др.-инд. *bhájati, bhájate* ‘наделяет’, ‘делит’ с авест. *bažaiti* ‘определяет на долю’, а также с др.-инд. *bhagas* ‘податель благ’, ‘бог’ из

греч. *thagein (thag*) ‘пожирать, питаться’ ([Преображенский 1959: 71], [Фасмер 1964: 181–182], [Шанский 1965: 148], [Rospond 1964: 274–276]). Следовательно, нынешнее значение корня *бог* в славянских языках вторичное. Когда-то он у предков славян выражал ‘достояние’, ‘богатство’, затем, персонифицировавшись, стал означать ‘наделяющий благом’, ‘даритель благ’, ‘владыка’ и, наконец, ‘бог’ ([Трубачев 1967: 26–28], [Чалъков 1887:117]). Отсюда первоначальный смысл теонима **ubogъ* должен быть ‘находящийся возле наделяющего блага’ или ‘находящийся при подателе благ’, ‘находящийся близ бога’.

Древний корень **bōg (bāg*) породил в славянских языках богатый генетический словоряд. Таковы русские *богатый, богач, богатство, бог, божок, богиня, божиться*, *убогий, убожество* и др.; польские *nieboże* и *niebożak* ‘бедняга’, *ubóstvo* ‘убожество’, *zboże* ‘богатство’, *bogaty* ‘богатый, счастливый’, *bogactwo* ‘богатство’ и др. То же в разной мере присуще и всем славянским языкам.

Праславянский **ubogъ* в его изначальной форме в славянском фольклоре не сохранился.

При рассмотрении этимологии праслав. *убогъ*, пожалуй, важно рассмотреть в сравнительно-этимологическом плане древнемарийский теоним **vadaš* (из финно-угорского **vadaš*), к которому восходит современный марийский теоним *водыж* с его вариантами *вадаж, вадаш, водош* как обозначением низшего божества, некоего духа-хозяина природных объектов, во всем подобного праславянскому **ubogъ*. Укажем на различного рода современные персонификации марийского *водыжа (vadaš): кудо водыж* ‘домовый дух’, *яктер водыж* ‘дух сосновой рощи’, *вӱд водыж* ‘хозяин (дух) водоисточников’, *мланде водыж* ‘хозяин, защитник земельных угодий’, *корно водыж* ‘дух, хозяин дороги (пути)’, *ер водыж* ‘хозяин (дух) озера’.

Но сама древнемарийская лексема-теоним **vadaš* восходит в конечном счете к индоевропейскому корню **uā-(uē-)* с его общей идеей вдохновения и помоществования. А с указанным пракорнем, в свою очередь, оказываются связанными и.-е. **uāt-* ‘состояние возбуждения, экстаза, вдохновения’ [Pokorny 1959: 1113], [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 741]. Так, к и.-е. **uāt-* восходит др.-инд. *apivat* ‘вдохновить’ и авест. *apivataite* ‘вдохновляет’; лат. *uātēs* ‘прорицатель, провидец, пророк’, ‘вдохновенный певец’, а также готск. *wōds* , др.-англ. *wod*, др.-в.-нем. *wuot* (нем. *Wut*) – всюду со значением ‘одержимый’. Ср. еще: др.-англ. *wēdan*, др.-в.-нем. *wuoten* (нем. *wüten*) в значении ‘буйствовать, быть одержимым’. В свою очередь, с этим др.-герм. глаголом связаны языческие теонимы-наименования бога поэтического вдохновения у древних германцев Одина-Вотана: др.-исл. *Odin*, др.-англ. *Wōden*, др.-в.-нем. *Wuotan* ([Pokorny 1959:1113], [Höfler 1974: 1333–1334]). В конечном счете к и.-е. **uāt-* восходит и ст.-слав. *vêti(ja)* «оратор, вития» [Топоров 1958: 86–88].

Именно в ряд всех этих дериватов от и.-е. **uāt-* органически встает финно-угорский теоним **vadaš*, находящийся, таким образом, в определенном генетическом родстве с древнегерманским теонимом *Wodēn*.

Однако генетические связи этого ф.-у. теонима не завершаются и.-е. пракорнем **uāt-* , а затрагивают еще и упоминавшийся ранее и.-е. **uēr-* (с чередованием гласных *E и O* в производных лексемах). Именно с и.-е. **uer-* , связаны и хеттское *uarrai* ‘приходить на помощь’ с его итеративом *uarešša* ‘спасать,

приходить на помощь' [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 741], а также др.-инд. *vrnoti* 'задерживает', 'защищает', 'покрывает', *várnan* 'защита', 'укрепление'. (Ср.: др.-инд. *várunar* 'защитник', *várūtha* 'защита', 'щит', 'войско' со ср.-валлийск. *gwerthy* 'крепость', которые находятся в формальном соответствии с др.-инд. *vátra* 'плотина' = 'защита от воды'). Небезынтересно отметить, что теоним *Varuna* как название одного из старых божеств ведийского пантеона в этимологическом плане напрямую связан с др.-инд. *várūtha и varūtár* [Pokorny 1959: 1160–1161]. Причем, в «Ригведе» *Варуна* дуально противопоставлен *Митре* (др.-инд. *Mitrá*): если *Митра* – это олицетворение светлого, благого начала (ясного солнца и солнечного света), то *Варуна* – олицетворение темного начала (лунного света и водной стихии – мирового океана); отсюда клятва «водами Варуны» символизирует «воды смерти», а ветер в ведийской мифологии – это «дыхание бога Варуны» [Гамкрелидзе, Иванов 1984: 795, 825, 678]. Но *Varuna* – это в первую очередь все-таки бог-хранитель и бог-исцелитель. И здесь налицо функциональные связи Варуны с древнегерманским *Вотаном* (*Wodēn*). Не отражается ли здесь, при всем разнообразии наименований божеств, общность языческого пантеона древних народов, сложившегося еще задолго до нашей эры, а многоликость племенных пантеонов появилась уже потом, в более позднее время?

Итак, современный марийский теоним *вадаж* (из ф.-у. **vadaš*) генетически связан с и.-е. пракорнем **ua-(ue-*), совмещая в себе качество прорицателя и защитника (охранителя), наделенного силой [Липатов 1990: 30–32], [Lipatov 1995], [Lipatov 1995a].

Не случайно Варуна (равно как и Митра) наделен в «Ригведе» эпитетами «обладающий исключительной силой» и «обладающий разрушительной силой». Этой же силой (рядом с Юмо) наделен в марийской языческой мифологии и хранитель домашнего очага *кудо вадаж*. Как видим, этимологический и сравнительно-типологический анализ праславянского **ubogъ* и финно-угорского *vadaš* показывает, что в давнюю языческую пору и тот и другой выполняли одинаковые функции духов-оберегов – хранителей домашнего очага и огня в нем.

Известно, что многие устойчивые словосочетания и обороты в нашем языке (особенно паремии), на протяжении многих столетий претерпели серьезные смысловые и структурные изменения. И чаще всего причиной того – исчезновение или забвение той объективной действительности, которую некогда выражала та или иная лексема. Переосмысление говорящими непонятного заставляло их на слово, имеющее затемненную семантику, переносить значение каких-либо созвучных ему ныне широко известных слов. Такие неупорядоченные в языке – с точки зрения современной его лексической системы – замены происходят в составе устойчивых выражений тогда, когда в памяти говорящих оказываются «темными» реальные значения отдельных некогда входивших в них компонентов.

Забвение очень древней реалии теонима **ubogъ* оказалось связанным с рассматриваемой ниже русской поговоркой, содержащей элемент *боже*. Русская поговорка *«На́ тебе, боже, что нам (мне) не гоже»* теперь употребляется в обстоятельствах, когда под видом некоего благодеяния хотят освободиться от чего-то ненужного, нежелательного. Она, по мнению исследователей (Л. Галага-

нова и др.), обладает, к тому же, «яркой антирелигиозной направленностью». Однако в современном ее виде эта поговорка существует по крайней мере с XVII в. Так, Петр I в письме от 28 апреля 1707 г. к своему сподвижнику графу Ф.М. Апраксину (1661–1728) сообщает: «... всего крещено пять человек и то из ниских (как пословица есть: «На тебе, боже, что мне не гоже»)» [Письма Петра Великого 1887: 222]. Стало быть, указанный смысл поговорки сложился задолго до возникновения упомянутой «направленности». Признается также, что *боже* здесь – поздняя замена, возникшая в результате каламбурно-ритмической переработки древнерусского выражения «На тебе, убоже, что нам не гоже», где *убоже* – форма звательного падежа от *убогъ* «нищий, бедняк, калека». Отсюда-де становится более понятным и сам смысл фраземы: нищему отдают обычно то, в чем дающий уже не нуждается. При этом для надежности стремятся заручиться авторитетом знатока русских паремий В.И. Даля (1801–1872) и непременно стараются сослаться на его замечание в «Напутном» к сборнику «Пословицы русского народа», где он с большой осторожностью в форме *боже* видит звательную форму *небоже* (от *небога*), известную как в южных русских говорах, так и в украинском языке. По поводу самой поговорки великий лексикограф так и замечает: «пришла с юга» [Пословицы русского народа 1957: 13–14].

Но эта фразема, содержащая столь «открытый текст», крайне неделикатна и некорректна по своей сути и вступает в резкое противоречие с важнейшим принципом «природной» народной этики – ни при каких обстоятельствах не допускать унижения достоинства личности.

И еще одно очень важное обстоятельство. Рассматриваемую поговорку используют не только русские, но и другие славянские народы, однако не с компонентом *бог*, а в других вариантах. В польском, например, на месте русского *боже* выступает *nieboże*: «Na tobie, nieboże, co mnie juz nie może», а в украинском – *небоже* : «На тобі, небоже, що мені не гоже». Причем указанный вариант украинской поговорки зафиксирован в XVII в. в одном из самых ранних паремиологических рукописных сборников и имеет форму: «На тобє небожє що мне не гожє» [Зіновіів 1971: 235]. *Небоже* здесь – звательная форма существительного *небіж* со значениями ‘бедняга’, ‘горемыка’. Те же значения присущи и польским *nieboże* и *nieboga* с их синонимами *nieborak* и *biedak*. Лексемы *небогъ* и *оубогъ* в значениях ‘бедный’, ‘жалкий’, ‘несчастный’ засвидетельствованы также в старославянском и древнеболгарском языках [Sadnik 1955: 63, 141] и восходят к праславянским **nebagъ* и **ubagъ* в тех же значениях [Skok 1971: 179].

Правда, в современном украинском языке в рассматриваемой поговорке изредка – не без влияния русской конструкции – происходит замена *небоже* на *боже*. Например: «Не пощастило ливарному. Чомусь відділ кадрів посилає до нас новачків за принципом «на тобі, боже, що мені не гоже» (І. Муратов). Могло здесь быть причиной и другое. Как полагает Л.Г. Скрипник, замене *небоже* > *боже* могла способствовать привычность объединения *боже – гоже* во многих традиционных народных пожеланиях (как-то: «– Дай же, боже, щоб усе було гоже! – промовів Ярема» Г. Григоренко)» [Скрипник 1973: 129].

Мифический убог как хранитель домашнего очага у древних славян был одновременно и хранителем душ предков рода. В этом значении он известен и в

России, и в Польше. У древних славян во многих местностях почитался предок рода в образе змеи, жившей под порогом жилища или под очагом [Niederle 1916: 42–44]. Змея как раз и стала у славян-язычников одной из ведущих персонификаций демона-хранителя и духа предков, и в первую очередь духа домашнего очага – убога. Вот одно из многих давних свидетельств поклонения славян змеям: «Змеи, сии пресмыкающиеся, почитались у нѣкоторыхъ славянъ домашними богами, имъ приносили въ жертву молоко, сыръ, яйцы и все то, что на столъ поставлялося. Запрещено было всѣмъ дѣлать симъ животнымъ вредъ; а въ противномъ случаѣ жестоко наказывали, а иногда и жизни лишали преступниковъ сего закона» [Чулков 1782: 165–166].

На явные следы домашнего культа змеи у славян указывают также многочисленные археологические и этнографические находки по всему древнему ареалу расселения славян [Иванов, Топоров 1974: 4]. Отголоски этого культа сохранились до настоящего времени – по традиции – и в народном искусстве [Кнежевић 1960: 57–76]. Более того, почитание змеи было широко распространено и за пределами славянства [Липатов 1989: 74]. Большой свод свидетельств поклонения многих народов змее приводит югославский этнограф С. Кнежевич [Кнежевић 1960: 57–98]. См. также большой набор символа змеи в книге Г. Натафа [Nataf 1973: 71–76].

Здесь мы сталкиваемся с уже рассмотренным праславянским **ubogъ*. Добрый домашний демон, он был предметом чести и тотемом, а потому и объектом постоянных забот и внимания. Стало быть, вполне допустимо принять другое толкование рассматриваемой общеславянской поговорки: у праславян в ту далекую пору сложилось заклинание, которое в поздний период их истории представляло собою нечто вроде «На́ тобѣ, убоже, а то намъ не есть гоже», где *не есть гоже* означает «нехорошо (непристойно) так поступать». Но, свергнутый вместе с другими языческими божествами с языческого Олимпа, древнерусский *убогъ* стал во времена христианства символом злого духа и нечистой силы. По выражению польской исследовательницы Я. Кляве, «от его славы осталось одно название, которое надолго сохранил в памяти крепко державшийся традиций люд» [Klawe 1920: 146]. А неумолимое время выветрило затем из памяти людей древнее заклинание, обращенное к убогу (некоторые исследователи славянских древностей полагают, что всего дольше память об убоге удержалась на Руси. См., например, следующее замечание А. Брюкнера, основанное на анализе многочисленных древних письменных документов: «И Русь называла убожьями домашних духов и по той самой причине их кормила. И хотя название *ubože* было утрачено, сам обычай просуществовал века» [Brückner 1939–1948: 163]). Можно допустить, что оно еще в древнерусскую пору превратилось в «На́ тебе, убоже (небоже), что нам не гоже», где *убоже* стало восприниматься – вопреки народной этике – как обозначение нищего, а потом, уже на почве русского языка, исказилось в «На́ тебе, боже, что нам (мне) не гоже» [Липатов 1997: 73–78].

ЛИТЕРАТУРА

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры / предисл. Р.О. Якобсона. – Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. – Кн.1.

Зіновіів К. Вірши. Приповісті посполіті. – Київ: Народна освіта, 1971.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. – М.: Наука, 1974.

Кнежевић С. Лик змије у народној уметности и традицији јгословена (са освртом на исти мотив код осталих народа) // Гласник етнографског музеја у Београду. – 1960. – Кн. 22–23.

Липатов А.Т. Изменения функционально-смысловой характеристики русской поговорки «Нá тебе, боже, что мне не гоже» // Рус. языкознание. – Киев: Либідь, 1990. – Вып. 21. – С. 68–77.

Липатов А.Т. К толкованию этимологии древнемарийского теонима *vadaš // Linguistica Uralica. – Tallinn, 1990a. – T. XXVI. No 1. – S. 30–32.

Липатов А.Т. Этимология древнемарийского теонима *vadaš и сравнительно-типологические и семантические параллели его с праславянским теонимом *ubogъ // Финно-угроведение. – 1997. – № 4. – Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения. – С. 68–79.

Михайловский Н.К. Борьба за индивидуальность. – СПб.: Рус. богатство, 1888. – Т. 5.

Пословицы русского народа / сб. В. Даля. – М.: Просвещение, 1957.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. 1.

Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1987.

Скрипник Л.Г. Фразеологія української мови. – Київ: Вища школа, 1973.

Топоров В.Н. Этимологические заметки // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. – М.: Наука, 1958. – Вып. 25. – С. 86–88.

Трубачев О.Н. Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. – М.: Наука, 1967. – С. 24–30.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1964. – Т. 1.

Чалъков М. Безбог – един семантичен и словообразувателен архаизъм // Български език. – София, 1987. Год. XXXVII. Кн. 1–2. – С. 116–118.

Чулков М.Д. Словарь русских суеверий. – СПб., 1782.

Шанский Н.М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1965. – Т. 1. – Вып. 2.

Brückner A. Wiedzenia relegijne i stosunki rodzinne // Encyclopedia Polska. – Warszawa: Wyd. PAN, 1939–1948. – T. IV. Cz. 2. – S. 162–163.

Brugmann K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. – Straßburg: KJ Trüber, 1902–1904.

Frazer J.G. The golden Bough. A Study in Magic and Religion. – London, 1914–1925. – V. 2.

Klawe J. Totemizm a pierwotne zjawiska religijne w Polsce: Studium porówńawcze. – Warszawa, 1920.

Lasicky J. De dios Samogitarum libelis. Hrsg.von W. Mannhardt. Mit Nachtragen von A.Vielenstein. – Riga, 1868.

Lipatov A.T. Mõnede tüpoloogiliselt seotud some-ugrija slavi teonüümide ajalugu ja semantika // Rahvausund tänapäeval. – Tartu, 1995. – S. 227–237.

Lipatov A.T. The Hystori and Semantics of some typologically connected finno-ugric theonyms // Folk Belief Today. – Tartu, 1995a. – S. 275–283.
Meyer C.H. Fontes historiae religions slavicae. – Berolini, 1931.
Nataf G. Symboles, signes et marques. – Paris: Berg, 1973.
Niederle L. Život starých Slovanů. – Praha, 1916. – D. 2. Zv. 1.
Pokorny J. Indogermsnisches etimologisches Wörterbuch. – Bern und München, 1959. – B. 1.
Rodzeńsky W. Officina terraria // Biblioteka pisarzy Siowiacskich. Ser. A. No 1. Pod red. S. Rosponda. – Wrocław: Wyd. PAN, 1962.
Rospond S. Uboże – duszyczki zmariych przodków // Język polski. – 1964. –T. XLIV. Cz. 5. – S. 274–276.
Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslawischen Texten. – Heidelberg: C. Winter. Universitätsverlag, 1955.
Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. – Zagreb, 1971. – Knj.1.
Urbańczyk S. Religia pogańskich Słowian. – Kraków: Wyd. PAN, 1947.

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE RUSSIAN PROVERB

A.T. Lipatov

The Russian proverb under study is a legacy of the long-ago pagan times. The article gives a vast etymological characterization of a Common Slavonic theonym *ubogъ as that of an ancient household god and a guardian of forefathers souls. The author interprets the proverb as a spell and considers a typological unity of Common Slavonic *ubogъ and proto Finno-Ugric*vadas.

© 2009

Л.Я. Костючук

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА В ПОМОЩЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Познание национального языка в разных формах его проявления важно для расширения не только общеязыкового кругозора, но и для общекультурного, исторического, филологического образования. Человек должен ориентироваться в материале родного языка на синхронном срезе, чтобы понимать своих современников и уметь выражать собственные мысли. Немаловажно и понимать тексты прошлого в исследовательских или общепознавательных целях, чтобы лучше знать историю своего народа на протяжении веков, а также быть сведущим хотя бы в некоторых лингводиахронных процессах на разных уровнях языковой структуры. Понимание прежде всего фонетико-фонологических, морфо-

логических, лексических фактов в их изменении и развитии помогает сознательно взглянуть на язык и отметить черты сходства и отличия в родном языке и, напр., в близкородственных.

Необходима культура пользования лексикографическими источниками разного целевого назначения, поскольку разные словари, характеризуя один и тот же факт с разных сторон, помогают их пользователям создать целостную картину об изолированном явлении или, что особенно ценно, о системе аналогичных явлений.

При обнаружении специфики языка/речи людей, давно оторванных судьбой от материнского народного языка, как и при расшифровке письменных текстов прошлого, значимо применение сравнительно-исторического метода и разнообразных приемов работы с языковыми фактами; приходится заниматься поисками ответа на каждый непонятный лексический вопрос, т.к. непонимание, напр., фонетической формы (плана выражения) влечет за собой непонимание плана содержания (т.е. лексического значения слова): человек же должен узнать, что скрывается за набором знаков для изображения звуковой стороны лексической единицы.

Читатель памятников прошлого идет от формы к содержанию. Если читатель является лингвистом, то он постоянно задает вопросы: почему именно так написано слово, какой фонетический процесс может быть отражен в написании, что означает данное слово и т.д. Для решения вопросов на помощь приходит прежде всего контекст, а также данные ряда словарей.

Нам приходилось писать о ценных свидетельствах в своеобразном диалектном словаре, составленном по записям русской речи староверов в Польше – переселенцев с русских земель в районе Великих Лук [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980]. Живя несколько веков в польском окружении, русские сохранили в своей речи связь с материнскими говорами, но неизбежно своеобразно обогатили ее заимствованиями из польского языка [Костючук 2005]. Некоторые сведения из этого словаря помогают прояснить уникальные особенности псковских говоров, о которых Б.А. Ларин писал так: «Народная речь Псковской области представляет большой интерес в международном плане, не говоря уже о ее исключительном значении для историков и диалектологов русского языка, т.к. она отражает тысячелетние связи и культурный обмен русского населения с тесно примыкающими народами прибалтийско-финской группы, с латышами и литовцами, а также белорусами» [Ларин 1967: 3]. Б.А. Ларину принадлежит идея Псковского областного словаря с историческими данными [ПОС 1–19], отражающего непрерывную лексико-семантическую связь лексико-фразеологических единиц на территории, занимаемой древними псковскими говорами. Историческая часть словарной статьи требует от автора-лексикографа не просто зафиксировать слово в словаре, а представить его семантику в историческом развитии.

Так, в одном из псковских деловых документов, опубликованных Л.М. Марасиновой [Марасинова 1966], Раздельной грамоте 1417–1434 гг., дошедшей до нас в списке XVII в. (1671 г.), встречаются подробные описания границ трех участков земли, доставшихся еще в XV в. Оксентию, Кузьме и Карпу Мишатиничам в деревне Залавье (в грамоте написано *Залавде*). Третий участок достался

святому Вознесению (Старо-Вознесенскому девичьему монастырю) и Оксентью: *А святому Вознесению и Оксеньтью досташася третеи жеребьи от Милецъ по мостъ, а из моста в Могчило, а из Могчила до кроими до последнего мыса, до ороминѣ, да Милечкого мха* [Марасинова 1966: 55]. Слова *мост, Могчило, мох* объединяются отнесенностью к «водной» тематике, связанной с наличием воды, влаги. Слово *мост* прежде всего предполагает в псковских говорах, как и в общерусском языке, ‘сооружение для перехода, переезда через реку’ [ср.: ПОС, 18: 382]. Слово *мох* многозначно: означает не только ‘споровое растение, растущее на сырых местах’ [Там же: 408], но и ‘моховое болото’ [Там же: 409], ‘зарастающая луговыми травами часть болота; сенокосный участок на таких болотах’ с оттенком ‘заболоченная часть пойменного луга’ [Там же: 411].

Особого внимания требует третье слово, представленное в грамоте как *Могчило*. Этим словом занималась и выпускница факультета Псковского педуниверситета М.В. Браим [Браим 2008]. Л.М. Марасинова отмечает: «Буква «*г*» написана над строкой более светлыми чернилами»; «возможно, слово искажено». Делается вывод: «Значение его неясно» [Марасинова 1966: 56].

Попытаемся проанализировать слово. Общая тематика позволяет увидеть связь слов с корнем *мок-/моч-*, т.е. с семой ‘связанный с влагой; мокрый’; следовательно, это образование от основы глагола *мочить* с суффиксом *-л(о)* в русском языке, а в западнославянских, в частности польском, с суффиксом *-dl(o)*. Действительно, A. Brückner в словарной статье *moknać* приводит слово *moczydlo* с пояснением ‘где лен мочат’ [Brückner 1957: 343].

В Словаре И. Грек-Пабисовой, И. Марыняковой каждый заголовок словарной статьи отражает диалектное произношение каждого слова (приводим примеры в переводе на кириллицу, поскольку в указанном словаре они даны латинскими транскрипционными значками). В русских говорах на территории Польши обнаружено слово *мача́длъ* (= *мочадло*); оно фиксируется в значении ‘подмокшие низины’ с отсылкой на диалектный синоним *спла́вы* с тем же значением [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 144]. У А. Брюкнера объяснение подобных низин сопровождается указанием на их расположение ‘на речном повороте’ [Brückner 1957: 308]. В словаре говоров староверов приводится убедительная иллюстрация на синоним *спла́вы: Там есьть таки́йи ба́гны... Там не́где спла́вы не́къкийи; там спла́вы, мы пъ даска́м траву́ вынаси́ли* [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 276]. Слово *ба́гнъ* поясняется как ‘болото’ с отсылкой на слова *бало́тъ, трясáва* [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 23].

Слово *моча́дло* в русских говорах на территории Польши образовано от глагола *моча́ть, а не моча́ть*; имеет значение не аналогичное русскому диалектному слову *моча́ло* прежде всего с семой ‘водоем’, а с семой ‘низинное влажное место’ (ср. [ПОС, 19: 11] значения 1, 2).

Но как объяснить появление буквы «*г*» в написании слова *Могчило* в псковской грамоте XV в.? Видимо, здесь проявилась яркая древняя особенность псковских говоров: по примеру западнославянских языков (в частности, польского) в древних псковских говорах отсутствовало упрощение группы согласных **dl*, **tl* в **l*. Поддержанное балтийскими языками, где в подобных условиях наблюдались и наблюдаются сочетания [*gl*], [*kl*], это явление выглядело в ряде говоров русского языка как [*гл*], [*кл*], а не как древнеславянские сочетания **dl,*

**tl*. Ср. название деревни *Еглино*, где наблюдается [*гл*] вместо древнего **dl* в корне **jedl-* с семой ‘ель’.

Кстати, в псковской меновной грамоте XV в., дошедшей в списке 1678 г., при обозначении границ земельного участка упоминается слово *егль* как ориентир границ: *четвертую ниву подле Заболоцкии путь кроими до ручья до егли до кроя, от егли ручьемъ вниз* [Марасинова 1966: 52].

Наблюдения над судьбой древних сочетаний **dl*, **tl* в псковских говорах впервые были сделаны С.М. Глускиной, затем А.А. Зализняк обоснует это явление: «Как уже давно установлено, в древнепсковском диалекте **dl, *tl* дали *kl, gl*. В псковских источниках многократно встречаются перфекты типа <...> *въсѣли* ‘сели’ <...> Тот же эффект обнаруживается в в ряде существительных, в частности *жерегло* ‘узкий пролив’ <...> *егла, егль* ‘ель’ <...> *мочигло* ‘болото’ и др., в многочисленных топонимах (как собственно псковской, так и новгородской территории) – *Жерегло* <...> *Еглино* <...> *Сеглицы*» [Зализняк 1995: 40].

Написание слова в публикации Л.М. Марасиновой с буквой «*г*» не в суффиксе *-дл*(*о*) / *-гл*(*о*), а в корне *мок-/моч-* (*Могчило*) можно объяснить тем, что поздняя вставка сверху другими чернилами при выполнении списка с подлинной грамоты ошибочно пришлась на это место написанного слова (вообще, судя по комментариям Л.М. Марасиновой, в этом списке грамоты, гораздо более позднем, чем сам подлинник документа, много исправлений другими чернилами).

В приведенном отрывке из грамоты при определении границ земельного участка Л.М. Марасинова публикует слово *Могчило* с большой буквы, а слово *мост* – с маленькой буквы. Но она предполагает, что и второе допустимо воспринять как слово, требующее большой буквы [Марасинова 1966: 56]. Видимо, это микротопонимы, привлеченные к точному очерчиванию границ земельного участка. Первоначально, напр., название *Могчило* шло от названия специального водоема для вымачивания стеблей льна при его обработке; может быть, *мочило* располагалось на мокром месте, а затем по метонимическому переносу нарицательное название стало означать мокрый, влажный участок сельскохозяйственных угодий, используемый для сенокоса, постепенно превратившись в собственное обозначение значимого по какой-то причине местного объекта. См. в Псковском областном словаре с историческими данными большое количество топонимических названий со словом *мох* [ПОС, 18: 411–414], название озера словом *Мочило* [ПОС, 19: 13]. А. Брюкнер в связи с объяснением названия для низменного места на повороте реки приводит польский однокоренной топоним [Brückner 1957: 308].

Знакомство со словами в Словаре И. Грек-Пабисовой и И. Марыняковой позволило обнаружить безличный глагол *мглить* (в форме 3-го лица единственного числа *мглит*): *Так миня́не́къ мглит, мглит, мглит мне и уо, атвы́клъ*. Имеется ссылка на синонимичные глаголы *ну́дить, тошни́ть* [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980: 154] в значении ‘о нахождении в состоянии тошноты’. Диалектный глагол *мглить* поясняется авторами польским глаголом *mdlić*. *Это позволяет отметить соотношение звуков [gl*], [*dl*].

А. Брюкнер указывает, что польское прилагательное в XV–XVI вв. преимущественно встречалось со звуком [*g*]: *omglal* наряду с *mdlo mi* [Brückner 1957: 327].

Не является ли это своеобразным древним взаимодействием звуковых сочетаний **gl* и **dl* в западнославянских языках, что нашло свое отражение затем в некоторых псковских говорах?

Стоит вспомнить (о чем мне пришлось писать [Костючук 2005]), что отмеченные в словаре русских староверов на территории Польши слова *кемта, кемтка* в значениях ‘цепь’, ‘цепочка’ допускают вопрос, не является ли это древним рефлексом корня **kep-* (с древним звуком «ѣть») в суффиксальном образовании при упрощении сочетания **pt*, отмеченного А. Мейе [Мейе 1951: 103], Х. Бирнбаумом [Бирнбаум 1987: 105]. Или это след заимствования из немецкого языка при контактах русских говоров с носителями германского языка?

Говоря о том, что лексикографические источники обеспечивают общефилологическое образование читателей; оказывают неоценимую помощь в научных исследованиях; облегчают нахождение справочных материалов, хочется сопоставить разные по своим установкам этимологические словари (напр., [Brückner 1957]), диалектные словари, близкие к индексам, фиксирующие лексемы с минимальным сообщением сведений о семантике (напр., [Grek-Pabisowa, Maryniakowa 1980]), областные словари с серьезной разработкой семантики в современном материале и по записям народной речи, и в историческом материале, извлеченном из письменных источников прошлого (с учетом синхронии и диахронии при максимально полном отражении попадающего в руки собирателя, исследователя и лексикографа материала) (напр., [ПОС 1967–2008]). Всесторонний анализ даже отдельного факта с выяснением экстралингвистических условий его проявления может привести к выводам, свидетельствующим об историко-этимологических, лексико-семантических, фонетических и других процессах в национальном языке.

ЛИТЕРАТУРА

Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. – М.: Прогресс, 1987.

Браим М.В. Псковские грамоты XIV–XV веков как лингвистический источник (по публикации Л.М. Марасиновой): дипломная работа. – Псков, 2008. [Рукопись].

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Яз. мировой культуры, 1995.

Костючук Л.Я. Псковские говоры в польском окружении (отражение языковых контактов) // Россия–Польша: филологический и историко-культурный дискурс. – Магнитогорск: МаГУ, 2005. – С. 456–466.

Ларин Б.А. Введение // Псковский областной словарь с историческими данными. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – Вып. 1. – С. 3.

Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков. – М.: Изд-во МГУ, 1966.

Мейе А. Общеславянский язык. – М.: Иностр. лит., 1951.

ПОС: Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–19... – Л. (СПб.): Изд-во ЛГУ (СПбГУ), 1967–2008 (изд. продолжается).

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1957.

Grek-Pabisowa I., Maryniakowa I. Słownik gwary starowierców mieszkajacych w Polsce. – Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: PAN, 1980.

LEXICOGRAPHIC BASIS FOR THE BENEFIT OF LINGUISTIC STUDIES

L.Ya. Kostyuchuk

Greater awareness of national language peculiarities implies the knowledge of its specific synchronic features. It is important to be able to trace diachronic development of certain facts over the centuries. Systematic presentation of current dialect vocabulary against the background of the records of the past is particularly relevant for Pskov region. The Pskov Regional Dictionary with Historical Data helps to recapture lexical and phraseological system of contemporary folk speech in view of historical peculiarities. A careful synchronic and diachronic comparative study of one language or kindred languages help to understand and explain a seemingly incomprehensible word могчило from a survived copy of the Pskov gramota (document).

© 2009

Е.Н. Полякова

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ В РУССКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ ОТПРОЗВИЩНЫХ ФАМИЛИЙ*

Фамилии жителей России уже давно привлекают внимание не только исследователей антропонимии и других разделов ономастики, но и специалистов в области современной и исторической лексикологии, т.к. многие отпрозвищные фамилии позволяют восстановить нарицательные слова, употреблявшиеся в прошлом. Актуальным является поиск фамилий в различных источниках, но особенно в текстах конца XVI–XVIII вв., т.к. в этот период возникают тысячи семейных именований жителей России, передающихся от отца к сыну и зафиксированных в деловых официальных документах, т.е. становящихся фамилиями. Об этом свидетельствуют и памятники письменности Пермского края.

В 70-е гг. XX в., наряду с исследованиями в области формирования и функционирования фамилий, появляются первые публикации результатов их лексикографической разработки – словари русских фамилий ([Федосюк 1972], [Никонов 1993]). Проводится изучение фамилий и их описание с фрагментами словарей по различным региональным источникам ([Щетинин 1972], [Чайкина 1989], [Житников 1997], [Полякова 1997]). С конца XX в. [Чайкина 1995], но в основном уже в XXI в. появляются отдельные региональные словари. Больше всего «повезло» в освещении региональных фамилий территории Урала: Сред-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/483, № 2.1.3./2175 и грантов РГНФ № 08-04-82404 а/У «Отражение истории и культуры в лексике и ономастике № 08-04-82408 а/У «Взаимодействие русских и коми-пермяцких говоров Пермского края», № 08-04-82408 а/У и № 08-04-82410 «Лексика русских говоров Северного Прикамья».

него Урала [Мосин 2000], Западного Урала [Полякова 2005] и Зауралья [Парфенова 2005].

Параллельно с составлением словарных статей идет разработка самого типа регионального словаря фамилий, его состава и структуры, решаются проблемы подачи сведений о происхождении фамилий, преимущественно – этимологии их основ, т.е. календарных (крестильных) имен и некалендарных именований разного рода.

Поиски оптимальных путей подачи материала приводят иногда к помещению в разных разделах словаря отпрозвищных и отыменных фамилий [Королева 2006], что значительно сокращает толкования крестильных имен (можно избежать повторов), наглядно показывает словообразовательные возможности дериватов от них и экономит территорию словаря. Однако в большей части изданий по сложившейся в лексикографии традиции составители размещают все словарные статьи по алфавиту независимо от происхождения фамилий и других их особенностей. В таких словарях отдельно представлена этимология каждой фамилии, конечно, в том случае, если ее можно установить на данном этапе изучения.

В разных регионах России на различных этапах развития фамилии как особого, семейного именования от s до S всех фамилий являются отпрозвищными, т.е. образованными от некалендарных (некрестильных) именований. Семантика и стилистика термина *прозвище* со временем менялись. В XVI – начале XVIII в., судя по деловым документам, *прозвищем* называли некалендарные (дохристианские, древнерусские) имена («Федька *прозвище Гуляйко* Евстафьев сын») и индивидуальные прозвания разного происхождения, ср. в пермских памятниках: прозвища оттопонимические («Васка Мокеев сын *прозвище Сия*» – по реке Сия на Русском Севере); отэтнонимические («Якушко *прозвищем Калмык*»); образованные от названий людей по особенностям внешности, физическим недостаткам («Ивашко Лаврентьев сын *прозвищем Щербак*»), интеллектуальным и другим личным качествам, а также именования, данные в каких-то особых обстоятельствах («Петрушка Иванов сын *прозвище Торопися*»). Среди последних немало сложных прозвищ из словосочетаний («Чердынец Меркушка *прозвище Малая Земля*»).

Термин *прозвище* в деловом языке XVI–XVII вв. был нейтральным и употреблялся для характеристики некалендарных имен и индивидуальных прозвищ. Его синоним *прозвание* характеризовал только индивидуальные прозвища («Кунгурец Андрей Савин прозванием *Широкая Лыжа*»). В живой речи употреблялись также синонимы *назвище* и *название*, при редактировании документов они обычно как стилистически сниженные заменялись словом *прозвище*.

Далее термин *прозвище* вытеснил синонимы и употреблялся в значении ‘индивидуальное именование человека (но не имя), обычно реализуемое в неофициальной сфере’, а отпрозвищными (как и в данной работе) считают фамилии, образованные от любых личных и коллективных прозвищ людей. Сами же прозвища, давшие жизнь фамилиям, образованы от имен собственных (преимущественно от топонимов) и от слов нарицательных, среди которых было достаточно много диалектизмов (*бадай, базан, байдара, бакалда, бакан, балакирь, балмаш* и т.д.) и общерусских слов, функционировавших в живой речи в

период формирования фамилий, но затем исчезнувших из обращения. Реконструкция этой лексики актуальна для русской исторической лексикологии.

Какими же являются или могут быть этимологические справки к отпрозвищным фамилиям в региональных словарях и что показывает практика их составления?

В словарных статьях восстанавливаются 1) некалендарное имя или личное прозвище, породившее фамилию; 2) основа именования – апеллятив, («Кротов – фамилия от некалендарного имени или прозвища Крот из слова *крот*»); 3) предполагаемая семантика апеллятива («Лядов – фамилия от прозвища Ляд из слова *ляд* ‘злой дух, бес, нечистый’»). Если определение формы основы реконструируемого слова обычно не вызывает затруднений (отбрасываются суффиксы фамилий *-ов, -ев, -ин, -ых, -ск-*, в большинстве случаев остается чистая основа апеллятива), то установление его предполагаемого значения (в результате сопоставления с данными исторических, диалектных, этимологических, специальных и других словарей) осложняется либо полисемией слова, либо отсутствием его в любых доступных источниках для сравнения.

Однако предположить, каким было значение апеллятива, возможно в результате проведения некоторых операций, что подтверждают пермские материалы. Отметим основные из этих операций.

1. Выявляются единственное значение или все значения многозначного апеллятива, из них отбирается близкое к характеристике человека. Практика показывает, что наиболее удобен следующий порядок отбора материалов из лексических словарей для сопоставления: 1) из исторического регионального словаря (для пермской фамилии Елтышев – апеллятив *елтыш* – ‘обрубок ствола дерева, короткое бревно’ [СПП, 2: 66]); 2) из Словаря русского языка XI–XVII вв. для подтверждения выявленного значения; 3) из региональных диалектных словарей (*елтыш* ‘короткий, толстый, нерасколотый обрубок дерева’ [СПГ, 1: 247]), а затем из сводного «Словаря русских народных говоров»; 4) при отсутствии в пермских материалах апеллятива – из исследований говоров, генетически связанных с рассматриваемыми, напр., для уточнения пермских апеллятивов: а) из словарей архангельских и вологодских говоров, явившихся главным источником архаической пермской речи; б) из среднеуральских и зауральских словарей, поскольку основой отраженных в них слов могла быть пермская лексика наряду с лексикой Русского Севера.

2. В живой речи возникали метафорические прозвища из слов, не характеризующих людей. Так, на основе сравнения апеллятива *елтыш* с именованиями людей типа Ослоп, Чурка и др. гипотетически устанавливается метафорическое значение прозвища Елтыш – ‘невысокий, плотный человек’, ср. также в пермских говорах XX в.: «Экспр. О ком-либо, невысоком и полном» [СПГ, 2: 247].

3. При отсутствии апеллятива в материалах для сравнения проводится сопоставление фамилии с однокоренными словами, преимущественно – с глаголами, ср.: «Бутаков – фамилия от некалендарного имени или прозвища Бутак, связанного с однокоренными диалектными словами *бутить* ‘шумно ударять по воде, бить’, *буткать* ‘ударять, бить чем-либо твердым (палкой, кулаком)’». Устанавливается, что реконструируемым словом *бутак* могли назвать драчуна [Полякова 2005: 65].

Все материалы, используемые для сравнения, обязательно сопровождаются ссылками на словари и другие источники сопоставления.

4. Значительная часть фамилий восходит к оттопонимическим прозвищам, указывающим на владения или место проживания в прошлом их основателей. В XVI–XVIII вв. прозвища образовывали от гидронимов («Гришка *Пинегин*» – с реки Пинеги; «Ивашко Терентьев сын *Луза*» – с реки Лузы), ойконимов («Гаврилко Денисов сын *Моржегорец*» – из деревни Моржегоры; «Петрушка Семенов сын *Устюжанин*» – из Устюга), названий местности («Гришка Иванов сын *Святоносов*» – с мыса Святой Нос на Белом море). Из оттопонимических прозвищ и выросли фамилии *Пинегин, Лузин, Моржегоров, Устюжанин* и *Устюжанинов, Святоносов*. В этимологическом комментарии необходимо не только указать, какое географическое название послужило основой для прозвища, образовавшего фамилию, но и отразить привязку его к местности, т.е. сообщить о том, где находились (или находятся) названные объекты (*Моржегоры – в Архангельской области*), к бассейну какой реки они относятся (*Луза – приток реки Юг в бассейне Северной Двины*).

Все рассмотренные операции позволяют установить только ближнюю этимологию. Вместе с тем в этимологическом комментарии к фамилиям из прозвищ от апеллятивов или онома возможно углубить данные о происхождении последних, рассмотрев их истоки. Они восходят либо к древнерусскому и более отдаленно – к праславянскому языку, либо заимствованы из других, неславянских, языков. Основой для справок об источниках являются этимологические, историко-лингвистические, двуязычные словари и лексикологические исследования.

Так, комментируя происхождение фамилии Лядов, сообщаем, что ее основа *ляд-* восходит к праславянскому термину подсечно-огневого земледелия **lędo*, но пережила семантические изменения: ‘участок (сведенного леса; болота)’ > ‘дух этого участка’ > ‘злой дух, нечистый, дьявол’ > ‘колдун’ [Толстой 1969].

Анализируя фамилию от прозвища из неисконного русского слова, целесообразно отметить, откуда оно пришло, с каким значением, как адаптировалось в русском языке, какие значения в нем развились, ср.: Шутемов – фамилия от прозвища Шутем, восходящего к апеллятиву *шутем* из коми-пермяцкого слова *шудтцм* ‘несчастный, несчастливый’ (из *шуд* ‘счастье’ < общепермское **šud-*). В русских говорах Пермского края – *шутем* – ‘оставленное поле, заросшее травой и кустами’ [СПП, 6: 130]. Апеллятив мог перейти в прозвище человека, каким-либо образом связанного с таким полем. Но скорее всего в прозвище Шутем сохранилась старая семантика языка коми ‘несчастливый’, характеризующая человека.

Работа над этимологией основ фамилий позволяет вскрыть большой пласт старой лексики и создать основу для Словаря апеллятивов по данным ономастики региона, в нашем случае – Пермского края.

ЛИТЕРАТУРА

Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1997.

Королева И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ун-та, 2006.

Мосин А.Г. Уральские фамилии: материалы для словаря. 1 том. Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 г.). – Екатеринбург: Екатеринбург, 2000.

Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М.: Школа-Пресс, 1993.

Парфенова Н.Н. Словарь русских фамилий конца XVI–XVIII вв. (по архивным источникам Зауралья). – М.: Издат. дом «Синергия», 2005.

Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий: словарь. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1997.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книж. мир, 2005.

СПГ: Словарь пермских говоров: в 2 вып. – Пермь: Книж. мир, 2002.

СПП: Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века: в 6 вып. / сост. Е.Н. Полякова – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993–2001.

Толстой Н.И. Ляда – лядина // Н.И. Толстой. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды. – М.: Наука, 1969. – С.134–143.

Федосюк Ю. Русские фамилии: популярный этимологический словарь. – М.: Дет. лит., 1972.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: словарь. – Вологда: Русь, 1995.

Чайкина Ю.И. История вологодских фамилий: учеб. пособие. – Вологда: Изд-во Вологод. пед. ин-та, 1989.

Щетинин Л.М. Русские имена (Очерки по донской антропонимике). – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1972.

ETYMOLOGICAL COMMENTARY IN RUSSIAN REGIONAL DICTIONARY OF SURNAMES OF NICKNAME ORIGIN

E.N. Polyakova

The paper considers etymological commentary concerning nickname-based surnames. It establishes the sequence of operations to restore the initial appellative and its meaning on the basis of data comparison of vocabulary studies and historical, linguistic, dialectal, and other dictionaries. When restoring the extinct appellative its probable meaning is determined from comparison with the derivatives of the word family.

© 2009

О.П. Лопутько

УСТОЙЧИВАЯ ФОРМУЛА В СТРУКТУРЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВА

Необходимость отображения в статье исторического словаря формульных связей древнерусского слова, по-видимому, ни у кого не вызывает сомнения: все капитальные лексикографические труды, посвященные древнейшему периоду развития словарного состава русского языка, отводят характеристике подобных связей большое место. А начало этой традиции было положено еще Словарем И.И. Срезневского, в котором данный аспект лексикографического описания средневекового русского слова возведен в основополагающий принцип.

Развернутую мотивировку этого принципа предлагает В.В. Колесов: «Все подобные слова приводятся в формулах обычного употребления <...> Современный лексикограф на основе полученных контекстов стал бы реконструировать «значение» древнерусского слова, однако И.И. Срезневский не делает этого по той же причине, по какой он не выводит однозначного соответствия между славянским и греческим эквивалентами. Древнерусский язык, вообще древний книжный язык – специфическое образование, это качественно новый сравнительно с народно-разговорным тип языка. Семантический синкретизм слова не представлен вполне как законченное “значение” слова, смысл имеет только совокупная множественность контекстов, которая образует систему: парадигма представлена синтагматически. Эти контексты и показаны в словаре» [Колесов 1993: 8].

Ведущая роль в организации древнерусского текста повторяющихся «типических» выражений, которые используются в памятниках письменности при описании сходных ситуаций (напр., эпизодов военных сражений) и имеют ритуальную обусловленность и мотивировку, была установлена именно в середине XIX в. и наряду с И.И. Срезневским отмечалась такими выдающимися отечественными филологами, как Ф.И. Буслаев, Е.В. Барсов, С.Ф. Платонов, А.А. Потебня и др. Так, Ф.И. Буслаев указывал на необходимость «строгого и тщательного изучения формул», чаще называя их «эпическими выражениями» или «эпическими формами». То, что Ф.И. Буслаев требовал учитывать в связи с этим при подходе к фольклорному (впрочем, не только фольклорному) тексту, И.И. Срезневский приложил к описанию содержательной стороны древнерусского слова: «В народной поэзии всякое выражение имеет смысл по одному тому уже, что оно по преданию сохраняется как обычная форма какого-либо общеизвестного представления, всеми признанного убеждения: а в таком случае каждое слово надобно разуметь в связи с господствующим в народе образом мышления и представления» [Буслаев 1990: 106].

Этими постулатами современной ему науки объясняется не только стремление И.И. Срезневского со всей возможной полнотой зафиксировать формуль-

ные сочетания древнерусского слова, но и тактичный подход ученого к описанию системы семантических модификаций соответствующего лексического элемента. И прежде всего нельзя не признать более адекватной языковой реальности старшего периода избранную И.И. Срезневским структуру статьи, в которой не устанавливается обычной для лексикографической практики нумерации, а тем самым и иерархии значений. Внеиерархическая структура словарной статьи свидетельствует о живом ощущении автором специфического положения слова в системе древнерусского языка относительно другой важнейшей единицы этого языка – устойчивой формулы.

Исследования последних десятилетий позволяют взглянуть на лексикографические принципы И.И. Срезневского по-новому. Теперь уже накоплено достаточно материала для того, чтобы говорить и о центральном положении устойчивой формулы в самой системе древнерусского языка XI–XIV вв. ([Михайловская 1980], [Колесов 1989], [Лопутько 2001], [Пименова 2007]). Однако следует подчеркнуть, что положение это специфично. Формула служила в средневековой русской письменности не для номинации конкретных реалий – она возникала как ответ на социальные или психологические (в конечном счете также социально обусловленные) запросы в регулировании, а для этого – в обозначении – разного рода политических, военных, юридических, этических и т.п. отношений. Таким образом, семантика формулы в высокой степени абстрактна, тогда как структуру ее образует сочетание слов с конкретным значением, отображающее некоторую предметную ситуацию. Экстралингвистическим каналом перехода от сочетания конкретных значений слов к общему отвлеченно-символическому значению устойчивой формулы служил ритуал, схематично отображенный лексической структурой формулы: *затворити врата* (ворота) – ‘оказать сопротивление (врагу)’; *показати путь* – ‘изгнать, выпроводить (о неугодных князьях и других должностных лицах)’ и т.п.

Ведущая роль в организации семантики устойчивой формулы принадлежит денотативному, а не сигнификативному компоненту, как это свойственно единицам современного литературного языка, в котором «обозначение, номинация предмета словесным знаком опосредована понятием о нем» [Уфимцева 1974: 25]. В отличие от опосредованного представления денотата в семантической структуре единиц современного литературного языка, образно-чувственное содержание устойчивой формулы не только дано в структуре ее внутренней стороны как знака вполне непосредственно, но и выдвинуто на первый план благодаря своей прозрачной закрепленности во внешней стороне того же знака.

Исходя из такой организации содержательной структуры формулы, именно ее денотативное значение должно быть исходным при описании тех понятийных значений, которые развиваются на основе формулы у ее лексических компонентов как семантические производные формулы в историческом процессе разложения этого устойчивого словесного комплекса (подробнее об этом процессе см. [Колесов 1989: 164–215]; Лопутько 2001: 170–197]).

Переход от одного из формульно обусловленных аспектов-значений древнерусского слова к другому не выводим из минимального семантического остатка в дефиниции одного из них по отношению к другому – того остатка, который можно было бы соотнести с элементарным семантическим признаком (семой),

играющим эту роль в организации семантической структуры современного слова. Так, невозможно установить элементарный семантический признак, который мог бы объяснить переход от первого в исторических словарях значения слова *РЯДЪ* – собственно ‘ряд’ в конкретном плане, т.е. ‘расположение предметов один подле другого’ [Срезневский, III: 231] – к значениям (в варианте, предлагаемом Словарем XI–XVII вв.): 9. ‘Решение спорных дел, правосудие; порядок, управление’, 10. ‘Хозяйственное поручение’ или 11. ‘Правило, устав, распорядок’, 12. ‘Договор, уговор, условие, соглашение’ [Словарь XI–XVII вв., 22: 282–283].

Этот переход выясняется на основе символического значения формулы *положити рядъ* – ‘заключить договор’, известной по древнейшим русским памятникам различных жанров, начиная с Договора с греками 911 года [Ларин 1975: 43]. Лексическая структура формулы мотивирована процессом реального «положения ряда» из пластов дерна в архаическом ритуале клятвы землей, сохранявшемся в отдельных местностях вплоть до XIX в. ([Колмыков 1839: 75–83], [Станиславский 1842: 55–56], [Дерягин 1985: 246]). Поэтому, когда новгородский летописец говорит об одном из плохо управлявших князей *«...не створи имъ ряду, нъ боле раздьра»* [ПСРЛ, III: 29], эта вещественно-изобразительная антитеза может свидетельствовать о живом представлении магического земляного ряда, охраняющего покой граждан, пока ряд такой не «разодран».

Таким образом, исходным звеном в лексикографическом представлении отвлеченных, формульно обусловленных аспектов содержания слова должна быть характеристика ритуального содержания формулы. Напр.: *РЯДЪ – Договор, соглашение, первоначально – скрепленное ритуалом клятвы землей, который сопровождался выкладыванием «ряда» из пластов дерна*. Далее могут быть приведены более узкие, специализированные употребления соответствующего лексического элемента: *Повинность (трудовая или иная деятельность на основе договора); Решение спорных дел, правосудие; Завещание; Порядок, управление; Правило, устав, распорядок* и др. Заметим, что при таком подходе исторически оправданно первым оказывается как раз тот из формульно обусловленных элементов содержания слова *рядъ*, который и в Словаре И.И. Срезневского, и в Словаре XI–XVII вв. фиксируется одним из последних.

Конечно, широкий временной диапазон развития лексического состава русского языка, освещаемый в названных фундаментальных трудах, создает совершенно исключительные проблемы для лексикографического представления этого состава, поскольку на протяжении XI–XVII вв. не просто наблюдались существенные передвижения лексики – произошли революционные изменения в самих принципах организации лексико-семантической системы. Как уже отмечено выше, в рамках данного хронологического диапазона началось разрушение устойчивых формул, которое дало мощный толчок развитию лексико-семантической системы современного типа – с ведущей ролью понятийного компонента в содержании языковых единиц. Хотя наиболее активно разложение формул заявило о себе на рубеже XIV–XV вв., эти процессы давали о себе знать и намного раньше, так что применительно ко всей эпохе XI–XVII вв. приходится говорить о конкуренции формулы и слова в языковой системе. Лексические элементы, возникающие на основе формулы, не являются еще на

этой ступени преобразований вполне самостоятельными языковыми единицами: их семантика в решающей степени обусловлена принадлежностью к формуле, определяется в большей мере их родовыми связями с исходной формулой, нежели системно-парадигматическими отношениями с семантически сходными элементами. Такие значения все еще проявляют свою зависимость от денотативной базы соответствующей устойчивой формулы и не могут характеризоваться как однородно понятийные.

В этих условиях формула не частный случай употребления слова – это системообразующий фактор его содержания. Формула объясняет переход от одного из аспектов-значений древнерусского слова к другому через свои связи с ритуальной ситуацией, отображенной в ее лексической структуре. Узловым, следовательно, должно быть положение этой языковой единицы и в структуре словарной статьи, озаглавленной ключевым словом формулы, если словарная статья претендует на адекватное отражение языковой микросистемы, образуемой формульным и лексическим составом древнерусского языка в их взаимосвязях и взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. – М.: Худож. лит., 1990.

Дерягин В.Я. Варьирование в формулах русской деловой речи XV–XVII вв. // Восточные славяне: Языки, история, культура. – М.: Наука, 1985. – С. 243–248.

Колесов В.В. «Язык» и «развитие» в понимании И.И. Срезневского // Славянские языки, письменность и культура. – Киев: Наукова думка, 1993. – С. 5–12.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Колмыков П.Д. О символизме права вообще и русского в особенности. – СПб.: В типогр. К. Крайя, 1839.

Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М.: Высш. шк., 1975.

Лопутько О.П. Устойчивая формула в истории русского литературного языка (X–XV вв.). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001.

Михайловская Н.Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. (Нормативный аспект). – М.: Наука, 1980.

Пименова М.В. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007.

ПСРЛ: Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – Т. III.

Словарь XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1 – 28 (изд. продолжается).

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – М.: Книга, 1989.

Станиславский А.Г. Об актах укрепления прав на имущества. – Казань: В университ. типогр., 1842.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.

FIXED FORMULA IN OLD RUSSIAN WORD LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION STRUCTURE

O.P. Loputko

A fixed formula is presented as a systematizing factor of the semantic structure of an Old Russian word. The author suggests that its abstract, formal meanings be characterized on the basis of ritual-symbolic content of the formula thus providing it with the role of a central element in the lexicographic description.

© 2009

И.С. Клинкова

О СЛОВАРЯХ РУССКИХ ФАМИЛИЙ (ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Основным, хотя исторически более поздним, компонентом полного именования россиян является, как известно, фамилия – наследственное имя семьи. В нашей стране насчитывают от нескольких сотен до миллиона фамилий. Они разнообразны по происхождению, источникам возникновения, образованы по различным словообразовательным моделям, имеют свою индивидуальную судьбу, порой уходящую своими корнями в далекое прошлое. «Россия – это загадка, окутанная тайной». Эти слова У. Черчилля, произнесенные в конце 1930-х гг., в полной мере распространяются на историю российских фамилий. К сожалению, в нашей стране не составлен полный свод фамилий, подобный тем, что существуют в других странах [Грушко, Медведев 1997: 6]. До сих пор остается неясным происхождение большинства русских фамилий! Среди лексикографов-антропонимистов распространена пессимистическая мысль о перспективах создания полной энциклопедии русских фамилий. «...Сомневаюсь, можно ли вообще составить полный словарь русских фамилий. Как не вспомнить здесь афоризм Козьмы Пруткова: «Нельзя объять необъятное». Даже личные имена, используемые русскими, не учтены до конца. Что же говорить о фамилиях, которые могут быть образованы едва ли не от любого слова! Да к тому же в самых различных вариантах», – написал в послесловии к своему словарю фамилий Ю.А. Федосюк [Федосюк 1972: 221]. «Анализ каждой фамилии, – отмечал В.А. Никонов, – научная задача, нелегкая, трудоемкая и, к сожалению, не всегда решаемая» [Никонов 1993: 205]. «...Даже те фамилии, которые кажутся нам понятными, таят в себе загадки и неожиданности, так что вопросы и сомнения будут подстерегать нас повсюду», – сетует И.М. Ганжина, автор одного из последних словарей, дающего информацию о происхождении и значении более чем восьми тысяч современных русских фамилий [Ганжина 2001: 4].

В.О. Максимов, директор Исследовательского центра «История фамилии», предваряя публикацию материалов о происхождении некоторых российских фамилий на страницах журнала «Русская речь», также заметил, что до составления окончательного варианта «Толкового словаря российских фамилий», который создает возглавляемый им центр, еще очень далеко [Максимов 2004: 70]. «О происхождении тысяч фамилий можно лишь догадываться с большей или меньшей степенью вероятности», – пишет Л.Н. Цымбалова, автор одного из последних исследований о происхождении и значении русских фамилий [Цымбалова 2008: 3].

В последние годы в нашем обществе наблюдается всплеск интереса к историческому прошлому не только страны, но и родной семьи, к жизни предков, семейным традициям. Россияне заинтересовались и происхождением их фамилий, справедливо считая, что история возникновения фамилии – это увлекательная страница их семейной летописи. Показательна в этом отношении страничка «К слову» еженедельной «Российской газеты», где в рубрике «Спрашивайте» уже не первый год помещаются ответы профессора А.В. Суперанской на вопросы читателей о происхождении их фамилий. Здесь помещено значительное количество статей, посвященных не исследованным ранее фамилиям с «темной» этимологией. Нельзя не сказать и об Интернете, где можно обнаружить многочисленные сайты, называющие себя энциклопедиями российских фамилий. Однако, по утверждению В.О. Максимова, они «чаще всего являются компиляциями уже изданных книг других авторов» [Максимов 2004: 69].

Лексикографическое описание русских фамилий ведет свое начало с 70-х гг. XX в., когда увидели свет сразу несколько словарей различных авторов ([Федосюк 1972; Веселовский 1974; Никонов 1970–1975; 1976–1988]). Фрагменты из словаря русских фамилий В.А. Никонова, опубликованные в журнале «Русская речь» (1976–1988), были переизданы позднее отдельной книгой [Никонов 1993]. В 1997 г. вышел «Словарь фамилий» Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева, в котором разъяснено около десяти тысяч наиболее известных русских фамилий [Грушко, Медведев: 1994]. Этот словарь до сих пор остается одним из наиболее объемных словарей подобного типа. (Ср.: в популярном этимологическом словаре Ю. Федосюка «Русские фамилии» раскрывается происхождение лишь 1500 фамилий, в 4-м издании, исправленном и дополненном, – 2500 фамилий).

90-е гг. прошлого века стали временем, когда внимание российских антропонимистов привлекли фамилии жителей конкретных территорий. Их усилиями были созданы региональные словари фамилий. Первым выходит словарь «Вологодские фамилии» [Чайкина 1995], за ним – материалы для словаря «Из истории фамилий Смоленского края» [Королева 1996], еще через год увидели свет словарь «К истокам пермских фамилий» [Полякова 1997] и этимологический словарь «Фамилии уральцев и северян» [Житников 1997]. Происхождение и этимологическое значение фамилий в данных словарях устанавливается с учетом конкретного ареала их первоначального существования. С каждым годом число словарей такого типа растет ([Назаров 2003], [Полякова 2005], [Полякова 2007], [Мосин 2008]).

В 2001 г. был издан «Словарь современных русских фамилий» И.М. Ганжиной [Ганжина 2001], где описано происхождение и значение более чем 8000 со-

временных русских фамилий. Это один из немногих словарей, где в предисловии рассматривается вопрос о том, что такое **русская** фамилия. И.М. Ганжина включила в свой Словарь фамилии не только русского происхождения, но и фамилии, восходящие к языкам многих других народов. Русскими они считаются потому, что подверглись русификации, адаптировались с помощью русских суффиксов, войдя в русскую модель. Напр., ***Лермонтов*** (из шотландского), ***Арутюнов*** (из армянского), ***Тургенев*** (из тюркского) и т.д. [Ганжина 2001: 8]. Такой критерий отделения русских фамилий от иноязычных В.Ф. Житников назвал несколькими годами раньше этимологическим, учитывающим степень ассимилированности русским языком того имени собственного или нарицательного, которое послужило основой для образования соответствующей фамилии. Согласно этому критерию, фамилии *Александров, Иванов, Петров, Майоров, Бурмистров, Арбузов, Табаков* русские, потому что они образованы от давно укоренившихся, ассимилированных иноязычных собственных и нарицательных имен и оформлены русскими словообразовательными суффиксами, так же как исконно русские фамилии типа *Волков, Зайцев, Березин* и т.д. К иноязычным исследователь относит такие фамилии, как *Нуруллов* (от арабского личного имени *Нурулла* – «свет аллаха»), *Аллаяров* («Аллахом –любимый»), *Кинкурогов* (от коми-пермяцкого *Кынкурог* – «мерзлая курица») на том основании, что значения лежащих в их основе апеллятивов не ясны говорящим по-русски, они ощущаются как иноязычные [Житников 1997: 34].

Признавая многочисленные достоинства всех названных словарей, нельзя не заметить, однако, повторяемости некоторой части распространенных российских фамилий в словарях разных авторов, а также зачастую одностороннего освещения истории происхождения фамилий. Словарная статья в них базируется обычно на данных диалектологических словарей русского языка. Материалы этимологических и исторических словарей берутся во внимание не всеми авторами, а ведь именно анализ определенных **исторических** словарных статей помогает выявить генетические основы древне- и старорусских фамилий, проследить за сдвигами в их семантике. В словарных статьях о фамилиях должны быть шире представлены гипотезы, базирующиеся на этимологическом значении производящих апеллятивов [Клинкова 2000: 232-235]. Как верно заметил автор словаря «Фамилии уральцев и северян», «и все же начинать, по-видимому, нужно именно с этимологии» [Житников 1997: 11]. «...Попытаться реконструировать исходные слова, найти их старое значение – непременный долг этимолога, занимающегося исследованием фамилий», – утверждал создатель первого опыта антропонимических словарей Ю.А. Федосюк [Федосюк 1972: 8]. Конечно, далеко не каждая современная русская фамилия имеет столь глубокие корни в русском языке, чтобы быть зафиксированной в древнерусских и старорусских памятниках.

Случается, что спорным становится толкование даже таких отпрозвищных фамилий, которые произведены от апеллятивов, описанных в исторических словарях русского языка. Обратимся к рассуждениям исследователя С.Г. Жилина о происхождении его фамилии, представленным в статье «О некоторых русских прозвищных фамилиях»: « ... по Унбегауну, фамилия *Жилин* значится в *переносных* прозвищных фамилиях. Она произведена от *жила*, названия части

тела человека (или животного), а вовсе не от глагола *жилить* (как написано в нескольких словарях русских фамилий). Глагол *жилить* появился в начале XIX века, когда фамилия *Жилин* уже существовала» [Жилин 2006: 100]. Чтобы разобраться в этой непростой, запутанной истории, заглянем в этимологические и исторические словари русского языка.

Слово *жи́ла* имеет очень древние корни. Предположительно оно восходит к индоевропейским корням *g^{u}eiə: *g^{u}hī «вена», «жила», «сухожилие», «связь». Ср. *лит.* gýsla – «жила»; *латыш.* dzīsla – то же, с суффиксом -sl- , *латин.* fīlum – «нить»; арм. jil – «сухожилие» [Черных 2001: 302–303]. Исконное значение – «нить». Жилы и вены названы по их сходству с нитями [Шанский, Боброва 1994: 87]. Слово **жи́ла** встречается в старославянских текстах. Оно имеет здесь значение ‘жила, сухожилие’. Обратимся к словарям древнерусского языка. Так, уже в «Словаре древнерусского языка» И.И. Срезневского находим слова, которые предположительно могли лечь в основу мирского имени или прозвища предков *Жилиных*. Здесь представлены **жила** (*Остр. ев. 1056–1057*) и еще один неучтенный лексикографами вариант – **жилꙗ** «жеребенок» (*Библ. 1499*) [Срезневский 1989, 1: 873–874]. Причем слово **жила** было многозначным в древнерусском языке. Оно имело значения ‘вена’ (фиксируется с XI в.); ‘сила’ (также с XI в.); ‘жилое место, селище’ (1509). В качестве личного имени слово *жила* зафиксировано уже в памятнике 1329 г.: «**а се ихъ имена Жила, Олюша, Василко**». *(Жал гр. Ив. Дан.)*.

Глагол **жилити, жилю** назван в словаре И.И. Срезневского, но не представлен ни одним примером его употребления в письменных памятниках обозначенной исторической эпохи. Он помещен в словарь с отсылкой к глаголу **ожилити**. В «Полном церковнославянском словаре» Г. Дьяченко вновь встречаем этот глагол, но, кроме значения ‘укреплять, усиливать’, здесь больше ничего не представлено [Дьяченко 1998: 185]. Учитывая то, что словарь И.И. Срезневского был одним из источников словаря Г. Дьяченко, можно полагать, что глагол **ожилити** просто перешел из одного словаря в другой. Иные исторические словари также не содержат документальных свидетельств об употреблении бесприставочного глагола **жилити** до XVIII в. Надо полагать, что однокоренные глаголы **ожилити** ‘укрепить’, **ожилитисѧ** ‘окрепнуть’, **ожилꙗти** ‘укреплять’ [Срезневский 1989, II: 632] образованы непосредственно от слова **жила** ‘сила’, тем более что они связаны с ним семантически. Напр., **ожилити** ‘укрепить’ = ‘придать силы’, ‘усилить’.

Фамилия *Жилин* впервые зафиксирована в 1578 г.: *Булгак Захарьевич Жилин, Кашира* [Веселовский 1974: 114].

С хронологической точки зрения ни одно из представленных значений не выпадает из списка этимологических версий происхождения старинной русской фамилии *Жилин,* хотя более предпочтительной представляется связь рассматриваемой фамилии с именованием (прозвищем) человека, имеющего крепкие, сильные жилы (вены, сухожилия). Такое прозвище давало оценку физических качеств его носителя.

И все же, учитывая то обстоятельство, что в процессе образования фамилий многое зависело от семейных традиций, прихоти родителей, каких-то жизненных обстоятельств и просто случая, нельзя сбрасывать со счетов и другое этимологическое значение слова **жила** – ‘жилое место, жилище’ (ведь возникла же

значительная группа мирских имен или прозвищ, затем фамилий, образованных от апеллятива **домъ** – *Домаш, Домаха, Домачний, Домачнев, Домашний, Домашко* и др. – все они зафиксированы в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского). Да и мирское имя (прозвище) **жи́лꙗ** ‘жеребенок’ вполне допустимо в древнерусском именнике на тех же основаниях (ср. у С.Б. Веселовского: *Жеребец, Жеребило, Жеребцовский, Жеребя, Жеребятев, Жеребятичев*; дополним этот список фамилиями магнитогорцев: *Жеребенков, Жеребин, Жеребицкий, Жеребов, Жеребко, Жеребков* и т.д.). Правда, прозвища с таким происхождением будут более поздними: первые фиксации апеллятивов относятся к 1509 г. (**жила** ‘жилое место, жилище’) и 1499 г. (**жилꙗ** ‘жеребенок’).

В письменных памятниках более позднего времени развиваются новые значения у слова **жила**: ‘капилляр, сосуд у растений’ (XVI в.); ‘горная порода, пласт, содержащий что-либо’ (XVII в. ~ XVI в.). Появляется глагол **жилитисꙗ** ‘тужиться’ (XVIII в. ~ 1672 г.) [Словарь XI–XVII: 110, 111]. Этот глагол дошел до нашего времени. Причем в XVIII в. он приобрел просторечную окраску, которую сохраняет до сих пор. В современном русском языке *жи́литься* – *простореч.* ‘делать усилия; напрягаться’ [ССРЛЯ: 151.].

В русском языке XVIII в. слово *жи́ла* и его производные обросли новыми переносными значениями. Рудокопы стали называть *жи́лою* вещество, имеющее протяжение и содержащее в себе руду (*жи́ла золота*). К тому же, слово *жи́ла* стало обозначать длинные, узкие, отличающиеся по цвету полоски в стволах деревьев и в твердых камнях [Словарь Академии Российской 1789–1794: 1164]. К этому времени в простонародном употреблении распространилось еще одно слово – омоним. *Жи́лой* стали называть «того, кто привык спорить в какой-либо игре» ([Там же: 1166], [Словарь русского языка XVIII в.: 137]). С этим словом связаны глаголы *жи́лить* ‘спорить в игре в свою пользу’; ‘обманывать в игре’ и *вы́жилить* ‘спором взять у кого, несправедливо присвоить; натяжкою удержать то, что возвратить должно’, отмеченные в памятниках XVIII в. и зафиксированные историко-лингвистическими словарями ([Словарь Академии Российской 1789–1794: 1166], [Словарь русского языка XVIII в.: 137]).

Апеллятив *жи́ла* в таком образном, стилистически окрашенном значении и в окружении соответствующих ему глаголов вполне мог стать прозвищем. Поскольку в XVIII в. еще не закончился процесс образования фамилий у русских людей, можно предположить, что и это прозвище могло в дальнейшем перейти в фамилию.

В современном русском просторечии *жи́ла* – это ‘скупой прижимистый человек; скряга’ [МАС: 485], а *жи́литься* в просторечии стало означать ‘скряжничать, скупиться’ [ССРЛЯ: 151]. Так произошло деление глагола *жи́литься* на омонимы.

Данные русских народных говоров несколько дополняют историю слова *жи́ла* в национальном русском языке. В диалектах представлены три слова-омонима *жи́ла*, два из которых являются наддиалектными, общенациональными. Это *жи́ла* (1) – ‘волокно древесины’ и *жи́ла* (2) – ‘жилое место’. Отмеченное ранее, просторечное с неодобрительной окраской слово *жи́ла* в значении ‘тот, кто жульничает в игре’ зафиксировано в донских говорах. В орловских говорах *жи́ла* – ‘несправедливый человек’, в казанских –

‘кляузник’, в большинстве же русских говоров – ‘упрямец, спорщик’ [СРНГ: 173]. Все эти просторечные значения, на наш взгляд, производны от наддиалектного значения слова *жи́ла* ‘тот, кто привык спорить в какой-либо игре’. Вполне возможно, что в нашей стране есть *Жилины* и с такой этимологией их фамилии. Следовательно, чтобы дать точную и полную характеристику какой-либо фамилии, нужно знать территорию и время ее возникновения, историю и традиции семьи.

Возможно, представленная нами «биография» фамилии кому-то покажется слишком пространной, перегруженной деталями. А ведь мы ответили еще не на все вопросы «анкеты», которую предъявляют фамилии антропонимисты. Важна последующая судьба фамилии: ее социальная характеристика, частотность в прошлом и настоящем, «родственные» связи и т.д. Значит, нужно будет еще много потрудиться.

ЛИТЕРАТУРА

Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974.

Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. – М.: Астрель: АСТ, 2001.

Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь фамилий. – Н. Новгород: Три богатыря; Братья славяне, 1997.

Жилин С.Г. О некоторых русских прозвищных фамилиях // Рус. речь. – 2006. – № 6. – С. 100.

Житников В.Ф. Фамилии уральцев и северян. Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1997.

Клинкова И.С. Исторические словари как инструмент исследования этимологии русских фамилий // IV Житниковские чтения: актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: мат. межвуз. науч. конф., Челябинск, 20–21 апр. 2000 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Е.Н. Квашниной. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2000. – Ч. 1. – С. 230–236.

Клинкова И.С. Южноуральские фамилии с диалектными корнями // Уральские Бирюковские чтения: сб. науч. статей. – Вып. 1. – Ч. 1. Актуальные проблемы краеведения. – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2003. – С. 112–116.

Королева И.А. Из истории фамилий Смоленского края: материалы для словаря. – Смоленск: Изд-во Смоленск. гос. пед. ин-та, 1996.

Максимов В.О. Толковый словарь российских фамилий // Рус. речь. – 2004. – № 3. – С. 69–77.

МАС: Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1.

Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург: Гошицкий, 2008.

Назаров А.И. Словарь фамилий уральских казаков. – Алматы: Комплекс, 2003.

Никонов В.А. Словарь русских фамилий. – М.: Школа-Пресс, 1993.

Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. – Т. 1.

Полякова Е.Н. К истокам пермских фамилий. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1997.

Полякова Е.Н. Словарь жителей Пермского края XVI–XVII вв. – Пермь: Издат. дом Бывальцева, 2007.

Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий. – Пермь: Книж. мир, 2005.

Словарь Академии Российской 1789–1794. – М.: Изд-во МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2002. –Т. 2.

Словарь русского языка XVIII века. – Л.: Наука, 1992. – Вып. 7.

Словарь XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5.

Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии Наук. Репр. изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – Кн. I.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т русского языка; гл. ред. Ф.П. Филин. – Л.: Наука, 1972. – Вып. 9.

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 4.

Федосюк Ю.А. Русские фамилии: попул. этимол. словарь. – М.: Дет. лит., 1972; – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002.

Чайкина Ю.И. Вологодские фамилии: словарь. – Вологда: Русь, 1995.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001. – Т. 1.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.

DICTIONARIES OF RUSSIAN SURNAMES

I.S. Klinkova

The article gives a brief survey of lexicographic research studies, discusses the prospect of a complete encyclopedia of Russian surnames, draws linguists' attention to the problem of etymology and history of surnames specifying the surname Zhilin which has variant readings in different dictionaries.

© 2009

Р.Н. Мароевич

МАЛЫЙ СТАРОСЛАВЯНСКИЙ СЛОВАРЬ В КРУГУ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ СЛОВАРЕЙ

1. В настоящей статье рассматривается лексикографическая концепция (фонологический и грамматический аспекты) однотомного «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)» в сопоставлении с четырехтомным «Словарем старославянского языка». Древнеславянскими словарями автор считает словари канонического старославянского и раннего древнерусского языков, а также словари, охватывающие эти два этапа в развитии славянской письменности.

Автор настоящей статьи различает ранний старославянский, с двумя рядами слоговых плавных и с двенадцатью палатальными согласными, и поздний старославянский, с одним рядом слоговых плавных и с десятью палатальными со-

гласными (в нем аффрикаты *ć, đ* в результате перестановки превратились в звуковые сочетания *št, žd*) [Марojевић 2000: 144–146], см. также [Мароевич 1998б].

I. ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

2. В фонологическом аспекте в пересмотре нуждается инвентарь фонем в заглавных словах словаря.

В Большом старославянском словаре [СССЯ] применяются следующие правила оформления и построения словарной статьи: «Гласная *i* передается единственно буквой *i*. Также *ji* и *jь* никак не отличаются от *i* (строити, мои). Глаголическое мр (ѣ) передается как г҃(гѣона); мягкость здесь также как у к҃(кѣсарь) обозначается диакритическим знаком (не йотированной гласной). Палатальные *ń, ŕ, ĺ* передаются йотацией следующей за ними гласной <...> перед и и ь мягкость эта обозначается диакритическим знаком» [СССЯ, I: XXXVI]; «... вместо праславянских *tj̥, *dj̥, *kt, (*gt) ставим болгарские соответствия им щ, жд <...> – Так наз. «напряженные» редуцированные нормализуются как ъ и и <...> Слогообразующие (сонантные) , l̥ и ', l̥' не выделяются. Таким образом, в заглавных словах статей трьгъ, длъгъ не отличаются от врьхъ, влъкъ; однако выделяется сочетание *r /l*+ъ/ ь, напр. кръвь, плъть, но въскрьснѫти, сльзꙗ» [СССЯ, I: XXXVII].

Аналогичные правила оформления и построения словарной статьи применяются и в Малом старославянском словаре [Цейтлин 1994].

2.1. По нашему мнению, в словаре в заглавных словах следует реконструировать два ряда слоговых плавных, характеризующих ранний старославянский язык – непереднего: TR̥GЪ, DL̥GЪ и переднего ряда: VR̥´XЪ, VL̥´KЪ. Сочетания «неслоговой плавный+редуцированный» следует передавать как двуфонемные группы: KRЪVЬ, PLЪTЬ, VЪSKRЬSNQTI, SLЬZA.

2.2. По нашему мнению, в словаре в заглавных словах следует реконструировать языковое состояние раннего старославянского языка, т. е. первичную систему согласных фонем, включающую аффрикаты *ć, đ*, появившиеся в результате йотации – развития праславянских звуковых групп *tj̥, *dj̥, *kt, (*gt): SVĚĆA, MEĐA, PEĆI, MOĆЬ, а также в результате четвертого смягчения задненебных согласных при заимствовании греческих ономастических форм и культурных (религиозных) терминов: ANĐELI, ĆIVOTЪ (см. подробнее в [Марojевић 2000: 117–122]).

2.3. Следует последовательно диакритическим знаком передавать фонологическую оппозицию «нейотированные согласные *n, r, l* / согласные *ń, ŕ, ĺ*, появившиеся в результате йотации».

2.4. В формах с «напряженными» редуцированными следует восстанавливать первичную фонематическую структуру по образцу: MOJЬ (м.р. ед.ч.; м.р. мн.ч. MOJI), DOBRЪ(JЬ), SIŃЬ(JЬ).

II. ГРАММАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

3. В грамматическом аспекте в пересмотре нуждается применяемая в словаре система частей речи.

В списке «сокращенных речений» «Словаря церковнославянского и русского языка» в 4 т., составленного Вторым отделением Императорской Академии Наук (СПб., 1847), различаются *Пр.* «имя прилагательное» и *Прит.* «имя притяжательное» [СЦСиРЯ, I: XVII]. Будучи редактором второго тома, А.Х. Востоков также «помогал Отделению в истолковании значения малоизвестных слов и в

разрешении трудностей грамматических» [СЦСиРЯ, I: XIV].

3.1. Имя прилагательное (nomen adjectivum) в Малом старославянском словаре описывается по следующему образцу: «доврѣ, -ѣи *прил.*» [Цейтлин 1994: 192]. Удобнее было бы, используя фонематическую запись, подобные формы передавать как «DOBRѢ(JЬ) *прил.*» [см. выше п. 2.4] (в скобках указывать на членную форму, выражающую значение определенности).

Временные и пространственные относительные прилагательные с суф. *-ьи́-* изначально характеризуются только членными формами: у них категория определенности/неопределенности отсутствует. Поэтому их не следует давать по образцу: «горьнѣ, -нїи *прил.*» [Цейтлин 1994: 175], а как «GORЬŃЬJЬ *прил.*».

3.2. Имя притяжательное (nomen possessivum) в Малом старославянском словаре описывается как имя прилагательное, по образцу: «братрьнѣ, братьнѣ, -нїи *прил.*» [Цейтлин 1994: 101]. Такое решение неверно по двум соображениям. Во-первых, поссесивы являются гибридной частью речи, промежуточной между именами существительными и именами прилагательными [Марojевић 2000: 144–146], см. также [Мароевич 1998а], поэтому следовало авторам-составителям применить хотя бы грамматическую характеристику, предложенную еще А.Х. Востоковым: *прит.* «имя притяжательное». С другой стороны, у поссесивов категория определенности/неопределенности отсутствует [см. далее п. 3.3].

3.3. Праславянская антропонимическая категория имен по мужу представлена в канонических старославянских текстах двумя формами: *Pilaćaja* и *Urijinaja* [Марojевић 2000: 83–87].

В Большом старославянском словаре форма *Pilaćaja* включается в парадигму поссесива пилаѿь, который трактуется как притяжательное прилагательное с членными и нечленными формами: «пилаѿь, -ии adj. poss. ad пилатъ <...> пилаѿаꙗ f. *uxor Pilati*» [СССЯ, III: 37]; форма же *Urijinaja* грамматически оформляется как имя существительное [СССЯ, IV: 674–675]. В Малом старославянском словаре рассматриваемые формы трактуются как субстантивированные имена прилагательные: «пилаѿь, -ии *прил. к* пилатъ <...> пилаѿаꙗ *ж в знач. сущ.* жена Пилата» [Цейтлин 1994: 446]; «оурииинъ, -ѣи *прил. к* оурия <...> оурииная *ж в знач. сущ.* жена Урии» [Цейтлин 1994: 744]. Авторы двух словарей допустили двойную ошибку. С одной стороны, пилаѿь и оурииинъ не имена прилагательные, а имена притяжательные, и у них категория определенности/неопределенности, т.е. членная форма, отсутствует. С другой стороны, пилаѿаꙗ и оурииная не адъективные формы, выражающие значение определенности, а имена по мужу, изменяющиеся по склонению членных прилагательных.

Что представляют собой указанные старославянские слова? Имена существительные? Нет. Субстантивированные имена прилагательные? Конечно, нет. Имена притяжательные (поссесивы)? Нет. Слова *Urijinaja* и *Pilaćaja* представляют собой поссесивные производные адъективного склонения, занимающие особое положение в системе старославянских частей речи, так что при них следует давать следующую грамматическую характеристику: *имя по мужу* (singulare tantum femininum).

3.4. Поскольку в старославянскую эпоху наречия в кругу назывных слов находились на стадии формирования, следует выделять в качестве заглавных слов

падежные формы (с указанием на тенденцию адвербиализации) по следующему образцу: ZЪLĚ *беспредложный местный падеж сущ.* zъlo *с тенденцией перехода в наречие.* Однозначное выделение наречия может быть не только преждевременным, но и ошибочным. Редактор второго тома «Словаря церковнославянского и русского языка», А.Х. Востоков, в качестве первого значения наречия «ꙁлѣ́, *нар. Церк.* 1) Люто, тяжко» приводит евангельский контекст: *Злыхъ злѣ погубитъ ихъ* [СЦСиРЯ, II: 91]. На самом деле, в старославянском тексте представлен фразеологизм (вин. п.) ꙁълъꙗ ꙁълѣ в значении ‘злостных злодеев’, и в нем представлено не наречие, а беспредложный местный падеж сущ. *zъlo.* В Малом старославянском словаре в словарной статье: «ꙁълѣ, *нар.*» приводятся тавтологические словосочетания ꙁъло ꙁълѣ, ꙁълѣ ꙁълоу в значении ‘очень жестоко’ [Цейтлин 1994: 241]. Те же примеры приводятся в Большом старославянском словаре, с тем же толкованием, в конце словарной статьи «ꙁълѣ *adv.*» [СССЯ, I: 689–690]. В последнем примере однако представлен фразеологизм ZЪLĚ ZЪLЪ (форма ж.р. прилагательного, выражающего значение неопределенности, согласуется с сущ. *žiznь*): ꙁьлѣ ꙁълоу жизнь погоубити. Но этот вопрос уже выходит за пределы темы настоящей статьи, предваряя тему о подаче фразеологизмов в древнеславянских словарях.

4. Подведем итоги. В древнеславянских словарях следует исходить из языкового состояния раннего старославянского (и раннего древнерусского) языка, т.е. положить в их основу первичную языковую систему позднего праславянского, отраженную в двух диалектах — двух ранних ветвях древней славянской письменности.

ЛИТЕРАТУРА

Мароевич Р. Некоторые синтаксические особенности старославянского и древнерусского языков // Мат. межвуз. конф., посвященной 80-летию со дня рождения проф. Г.П. Уханова: сб. тезисов и ст. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 1998. – С. 93–100.

Мароевич Р.Н. Посессивы – гибридная часть речи праславянского языка (на материале старославянских и древнерусских памятников) // Славянское языкознание: XII Междунар. съезд славистов. Краков, 1998 г. Доклады российской делегации. – М.: Наука, 1998а. – С. 615–621.

Марojевић Р. Старославенске студије. – Београд: Филолошки факултет; Крагујевац: Нова светлост, 2000.

СССЯ: Словарь старославянского языка. Репр. изд.: в 4 т. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.

СЦСиРЯ: Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Репр. изд.: в 2 кн. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): около 10000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

OLD CHURCH SLAVONIC DICTIONARY (BASED ON THE MANUSCRIPTS FROM 10th–11th cc.) AMONG A NUMBER OF OLD SLAVONIC DICTIONARIES

R. Maroyevich

Early Old Church Slavonic gives evidence to the presence of the Serbian reflexes of the palatalization of T and D as well as of the two syllabic Rs and two syllabic Ls. In the system of the parts of speech the possessives differed from the adjectives, the names derived from the husband's name were of a specific category while the adverbs were in a stage of formation.

© 2009

О.В. Франчук

О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИЯ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ, ОТРАЖАЮЩЕГО ИСТОРИЮ КОЛОКОЛОВ, КОЛОКОЛЬНЫХ ЗВОНОВ И КОЛОКОЛОЛИТЕЙНОГО ИСКУССТВА НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

В современную русскую культуру и языковой обиход возвращаются культурологические и соответствующие лингвистическим элементы, связанные с возрождением той части духовной жизни русского народа, которая сложилась под влиянием христианства. Как известно, колокол представляет собой один из неотъемлемых символов православной культуры, а колокольный звон создает «особый колорит звучащей атмосферы», пронизывающий всю жизнь православного христианина. Для русского человека колокол издревле был голосом Родины, символом единения и гражданского долга, независимости и величия Православного Отечества. Современным россиянам достаточно сложно представить «всеприсутствие» колоколов в прошлой жизни нашего народа. Изучение лексики и фразеологии, отражающей судьбу колоколов, колокольных звонов и колоколитейного искусства в России, позволит восстановить фрагмент языковой картины мира русского человека, связанный с восприятием этого феномена отечественной культуры.

Собранный нами материал должен стать основой историко-этимологического словаря, в который войдут более 400 языковых единиц (лексем и устойчивых словосочетаний (УС)), отражающих историю колоколов и колокольных звонов в России, а также развитие русского колокололитейного производства. Основное внимание в задуманном нами словаре будет уделено происхождению и семантике «колокольных» слов и выражений, особенно тех, которые не зафиксированы в исторических и этимологических словарях. Толкование языковых единиц предполагается дополнить историческими и культурологическими сведениями. В иллюстративной части словарной статьи будут помещаться при-

меры употребления «колокольных» единиц в письменных памятниках XI–XX вв.

Образец словарной статьи:

Благовѣстъ, м. р. – ‘особый вид колокольного звона, подаваемый медленными размеренными ударами в один из самых больших колоколов звонницы’. Этимологическое гнездо с корнем **благовѣст-** начинает складываться с X в. В ст.-сл. языке **благовѣстовати**, **благовѣстити**, **благовѣствовати**, **благовѣстьствовати** ‘возвестить/возвещать добрую весть’ [Цейтлин 1994: 85]. Скорее всего, в др.-рус. языке появ. под влиянием ст.-сл. В «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» **благовѣстити** ‘сообщить радостную весть, провозгласить’, **благовѣстье** ‘евангелие’, **благовѣстьникъ** ‘провозвестник добра’ [Словарь XI–XIV вв., 1: 173]. Впервые с «колокольной» тематикой отм. у И.И. Срезневского: «**Благовѣстникъ** 1. Евангелист. 2. Колокол, употреблявшийся для благовеста» [Срезневский, 1(1): 93]. Г. Дьяченко указ. «**Благовѣстъ** – добрый вестник. Так у нас называется колокольный звон, призывающий в церковь. Он назван **благовѣстомъ**, потому что сообщает добрую весть, что в Церкви Божией готовится совершение Богослужения <...> И самый призыв в церковь для молитв есть добрая радостная весть для сердца благочестиваго и добраго» [Дьяченко 1900: 40].

Сущ. ***благовест*** образовано путем сложения основ слов на базе словосоч. ***благая весть.*** Как правило, в церковных чиновниках, содержащих точные указания к проведению службы, употр. в сост. словосоч.:

1) **БЛАГОВЕСТ** + предлог **в** + Сущ. в Вин. п. ед. ч., где в роли косвенного дополнения, выраженного существительным в форме винительного падежа единственного числа, выступало название конкретного колокола, участвовавшего в звоне: **в соуботоу мѧсопоустноую и сыропоустноую и федоровоу соуботоу и в три соуботы великаго поста <u>благовѣстъ в лебедь</u>, трезвон среднеи** <...> **в соуботоу 5-ю поста трезвон болшои <u>благовѣстъ в ревоут</u>, звон безъ болшаго** [Чиновники Московского собора 1908: л.4]; **послѣ оутрени въ началѣ 1-го часа дни <u>благовѣстъ</u> на соборъ въ <u>болшои колоколъ</u> и <u>въ середнеи</u> и <u>въ меншеи</u> перемѣнѧѧсѧ ѩкоже въ воскреснои день звонъ к молебном бываетъ** [Чиновник Новгородского Софийского собора 1899: л. 1 об.];

2) **БЛАГОВЕСТ** + предлог **К** + Сущ. в Дат. п., называющее одну из частей храмового богослужения: ***благовест к литургии, благовест к утрени, благовест к вечерне, благовест к повечерью, благовест к молебнам, благовест к крестным ходам*** и др.: **Праздновать токмо** <...> **во дни воскресные и господские и дроугіе статскіе свободные отъ поубличныхъ работъ дни въ кои и благовѣстъ къ литоургии имѣть в городѣхъ по соборномъ благовѣстѣ; А къ часомъ благовѣстъ со второи недли до страстнои, а часѧтъ в постнои колокол, а поютъ по оуставоу постномоу** [Чиновники Московского собора 1908: л. 19]; **Na зборное воскресенье къ вечерне и <u>къ заоутрени благовѣстъ</u>** (зачеркнуто: **въ ревоут**) **въ болшои а звонъ бываетъ болшои во всѧ** [Чиновники Московского собора 1908: л. 20].

Основная трудность, с которой мы столкнулись при сборе материалов для словаря, связана с отсутствием единых фондов, в которых бы сохранились письменные свидетельства о колоколах и их производстве. Единичные случаи упот-

ребления «колокольных» слов и выражений извлекались нами из самых разнообразных памятников письменности. Среди проанализированных материалов есть летописи, законодательные акты, грамоты, делопроизводственные документы, касающиеся военной, административной и финансово-хозяйственной деятельности, дипломатическая документация, писцовое делопроизводство.

Изучая русские летописи с точки зрения фиксации в них «колокольных» слов и выражений, мы убедились, что интересующие нас языковые единицы представлены в них довольно скупо. Так, напр., в «Лаврентьевской летописи» нами обнаружено лишь четыре языковые единицы «колокольной» тематики в семи случаях употребления (лексемы **колоколъ, било, звонени** и УС **оударити въ било** [Лаврентьевская летопись 1997: 186, 190, 210, 355, 528, 538, 539]. В «Патриаршей (Никоновской) летописи» зафиксировано семь лексем **(колоколъ, било, звонени, лити, слити, звонити, благовѣстити)** и четыре УС **(оударити въ било, зазвонити въ вѣче (вѣчемъ), благовѣстити заутреню, звонити во вса колоколы)** [Никоновская летопись 1862, 9: 102, 104, 117, 238; 10: 175, 211, 214, 217, 228; 11: 17, 41, 79, 93 и др.].

Следует отметить, что ни в одной из проанализированных нами летописей не содержатся сведения о том, когда и откуда на Русь были привезены первые колокола, отсутствуют также рассказы о времени и месте отливки первого «собственного» русского колокола.

Первое упоминание о колоколах на Руси среди исследованных нами памятников зафиксировано в «Новгородской Первой летописи» и датируется 1066 г.: **Въ лѣто** 6574. **Приде Всеславъ и възша Новъгородъ съ женами и съ дѣтми и <u>колоколы</u> съима оу Свѧтые Софиє. О велика бѧше бѣда въ час тыи и понекадила съима** [Новгородская Первая летопись 1950: 210]. Самое раннее из доступных нам свидетельств об отливке колоколов на Русской земле можно встретить в «Ипатьевской летописи» под 1259 г.: **Данило и <u>колоколы</u> принє ис Кыева дроугиѧ тоу <u>солье</u> то все ѡгнь попали** [Ипатьевская летопись 1908: 282].

Мы исследовали законодательные и судебные акты, в том числе уникальный документ XIII в., демонстрирующий особое место колоколов в общественной жизни древних русичей, – «Грамота Смоленского Великого князя Феодора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе» (1284). Отдельные языковые единицы, связанные с историей колоколов на Русской земле, были обнаружены в «Актах, относящихся до юридического быта Древней России, изданных Археографической комиссией» [Акты юридические 1857], в «Актах исторических, собранных и изданных Археографической комиссией» [Акты исторические 1841], а также в «Писцовых книгах Московского государства» [Писцовые книги 1872].

Значительная часть «колокольных» языковых единиц зафиксирована в приходо-расходных и переписных книгах имущества Печерского Успенского монастыря, Болдина Дорогобужского монастыря, Иверского Валдайского монастыря, Кириллова-Белозерского монастыря, Успенского Тихвинского монастыря, Холмогорского архиерейского дома. В названных памятниках XVI–XVII вв. содержатся сведения о колоколах, находящихся на колокольнях монастырей; об оплате работы мастеров, отливающих колокола; о материалах, приобретаемых на изготовление колоколов для монастырской звонницы.

Следующей разновидностью привлеченных нами источников являются па-

мятники церковной литературы. К самым ранним из них относится «Синайский патерик» (XI–XII вв.), в котором зафиксированы четыре языковые единицы, связанные с употреблением в монастырской жизни бил – предшественников колоколов: **било, клепани, клепати, оударити въ било** [Синайский патерик 1967: л. 8, 35, 70, 70 об., 71].

Первым памятником церковной литературы, посвященным организации богослужения, был «Устав Студийский Церковный и монастырский» конца XII – начала XIII вв., в котором подробно расписано употребление различных видов бил в определенный момент монастырской службы. Особо следует отметить, что в памятнике содержатся наименования разновидностей бил и клепал (**вѣлико било, меньше било, тънъко било, мало било, вѣлико клепало**), но нет ни одного свидетельства об использовании в церковной и монастырской службе колоколов [Устав Студийский XII–XIII]. Возможно, несмотря на появление в Киевской Руси X в. колоколов, монастыри по-прежнему использовали традиционные била и клепала.

Следующий по времени церковный устав предусматривал участие в православной службе и бил, и колоколов. Общим руководством для службы во всех русских православных церквях и монастырях был «Типиконъ» [Типикон 1897]. В нем содержались общие правила службы, и в том числе подробно оговаривалось участие в службе определенного числа колоколов, а также точное количество ударов в соответствующий колокол к той или иной части богослужения.

Проведение церковных ритуалов с названиями песнопений и распевов, а также точным указанием определенного колокола, имевшегося на звоннице той или иной церкви (монастыря), описывалось в особых уставах – чиновниках. Нами были рассмотрены чиновники Московского Успенского собора [Чиновники Московского собора 1908] и чиновник Новгородского Софийского собора [Чиновник Новгородского Софийского собора 1899]. В них зафиксированы наименования различных видов звона, названия колоколов и ряд других единиц «колокольной» тематики.

Особое место среди источников, ставших объектом наших наблюдений, занимают материалы, описывающие процесс изготовления колоколов. Документы, которыми сопровождали отливку колоколов, хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института Российской истории – Архив И.Х. Гамеля, Собрание актов Ф.А. Толстого, – и в Российском Государственном архиве древних актов. Среди рассмотренных нами памятников есть челобитные мастеров, «сказки» и росписи о необходимом количестве материалов для отливки колоколов, «кормовые росписи» и «памяти» о выданном литейщикам жаловании за проделанную ими работу.

Собранные нами языковые единицы не могут представить исчерпывающую картину функционирования специальных слов и выражений в профессиональной речи русских колокольных мастеров, ибо сведения, почерпнутые из документов о колокольном производстве XVI–XVII вв., имеют эпизодический характер. К сожалению, до нас не дошли полные письменные руководства по изготовлению колоколов периода XVI–XVII вв. Первый такой памятник – книга В. де Геннина «Описание уральских и сибирских заводов 1735 г.», относится к 30-м гг. XVIII вв. [Геннин 1937].

В конце XIX – начале XX в. вышел в свет ряд работ по истории колоколов и колокололитейного производства в России: А.А. Израилев «Ростовские колокола и звоны» [Израилев 1884], Н. Корсунский «Благовест» [Корсунский 1887], М.И. Пыляев «Исторические колокола» [Пыляев 1897], Н.И. Оловянишников «История колоколов и колокололитейное искусство» [Оловянишников 1912]. Факты, изложенные в этих книгах, позволяют прояснить семантику ряда «колокольных» единиц.

В нашей работе были использованы также современные исследования, посвященные истории колоколов и месту колокольного звона в русской культуре, которые были опубликованы ассоциацией колокольного искусства России [Колокола 1985, 1993].

Четвертый тип привлеченных нами источников составили материалы различных словарей: этимологических, исторических, словарей старославянского, древнерусского и современного русского языков.

Бесценный материал по истории функционирования в русском языке языковых единиц «колокольной» тематики зафиксирован в картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» и картотеке «Словаря русского языка XI–XVII вв.», находящихся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова.

Наконец, мы не обошли вниманием и первый опыт создания специального «колокольного» словаря, принадлежащего С.Г. Тосину. Так называемый «Кампанарий (Толкователь понятий, сложившихся в народе, в Русской Православной церкви и науке)», собранный С.Г. Тосиным, содержит около 550 словарных статей. Основная цель, которую ставил перед собой автор словаря, – разъяснение значений научных терминов, понятий и явлений, имеющих непосредственное отношение к «колокольной» теме [Тосин 2002]. Несомненным достоинством данной работы, на наш взгляд, является ее содержательная сторона: введение в словарь специальных слов и терминов, составляющих профессиональную речь русских звонарей, а также описание диалектных слов и выражений, связанных с историей и функциями колоколов. Следует подчеркнуть, что колокола и колокольные звоны интересуют С.Г. Тосина прежде всего как явления музыкального искусства. Скорее всего, именно этим объясняются некоторые недостатки словаря: нечеткость в построении словарных статей, недостаточное количество привлеченных источников. Так, словарная статья, посвященная устойчивому наименованию ***русский колокольный звон,*** выглядит следующим образом: «***Звон колокольный русский*** – *отражение* (разрядка наша – О.Ф.) духовной и общественной жизни русского народа в художественно-колокольной форме» [Тосин 2002: 176]. В другом отрывке читаем: «***Звон ритмомелодический*** – *отражает* историческую фазу музыкального развития русского колокольного звона, возникшую приблизительно с конца XVIII в., когда звон ритмомелодический стал подвергаться западно-европейским влияниям...» [Тосин 2002: 184]. Кроме того, изложенный материал содержит ряд лингвистических неточностей. Достаточно сказать, что существительное **клаколъ** охарактеризовано автором словаря как «древнерусское» [Тосин 2002: 197].

Изучение «колокольного» пласта языковых единиц позволяет судить о некоторых гранях русской языковой картины мира, связанных с восприятием колокола. Отношение русского человека к колоколу не было однозначным. С одной

стороны, звон колокола символизировал «Глас Божий» и внушал религиозное благоговение и трепет. В то же время в Киевской и Московской Руси колокол был разглашателем вестей, символом независимости города, а изъятие колокола означало полное покорение горожан власти Великого князя. Кроме того, исследованный материал позволяет нам говорить об антропоморфизме восприятия колокола на Руси.

Запрет в 20-е гг. XX столетия на колокольное производство и изъятие колоколов, принадлежавших православным храмам и монастырям, сказалось и на использовании языковых единиц, отражавших реалии колокольного дела в России. Возрождение традиций колокольного звона и колокольного производства должно привести к восстановлению в языковой памяти народа «колокольных» слов и выражений. Надеемся, задуманный нами словарь поможет в решении этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб.: Типография экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. – Т. I–V.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России, изданные Археографической комиссией / под ред. Н. Калачова. – СПб.: Императорская академия наук, 1857–1884. – Т. 1–3

Геннин Г.В. де. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. – М.: Гос. изд-во «История заводов», 1937.

Голубцов А.П. Чиновники Московского Успенского Собора и выходы патриарха Никона. – М.: Синодальная типография, 1908.

Голубцов А.П. Чиновникъ Новгородского Софiиского собора. – М.: Чтения в обществе истории древностей российских при Московском университете, 1899. – Кн. 2.

Грамота Смоленского Великого князя Феодора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе 1284 г. // Напиерский К.Э. Грамоты, касающиеся до сношений Северно-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв. – СПб.: Изд. археологич. комиссии, 1857.

Израилев А.А. Ростовские колокола и звоны // Музыка колоколов: сб. исследований и материалов. Вып. 2. – СПб.: Рос. ин-т истории искусств, 1999. – С. 152–175.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Репр. изд. – СПб., 1908. – М.: Памятники древней письменности, 1962. – Т. 2.

Колокола. История и современность / сост. Ю.В. Пухначев. – М.: Наука, 1985.

Колокола. История и современность. 1990 / сост. Ю.В. Пухначев. – М.: Наука, 1993.

Корсунский Н. Благовест. – Ярославль: Тип. губернс. правления, 1887.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – М.: Яз. слав. культуры, 1997. – Т. 1.

Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью // ПСРЛ.– Репр. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – Т. 9–14.

Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н. Насонова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Оловянишников Н.И. История колоколов и колокололитейное искусство. – М.: Изд-во тов-ва П.И. Оловянишникова с-вья, 1912.

Писцовые книги Московского государства, изданные Русским географическим обществом / под ред. В.Н. Калачова. Ч. I. Отд. I–II. – СПб.: Известия Император. Рус. географич. об-ва, 1872–1877.

Полный церковно-славянский словарь: в 2 т. / сост. Г. Дьяченко. – Репр. изд. 1900 г. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998.

Пыляев М.И. Исторические колокола // Пыляев М.И. Старое житье. – Репр. изд. СПб., 1897. – М.: Книга, 1990. – С. 288–320.

Синайский патерик / под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1967.

Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Рус. яз., 1998–2008. – Т. 1–8.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – Репр. изд. – М.: Книга, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): около 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

Тіпіконъ, сі есть оуставъ. – Репр. изд. 1897. – СПб.: Об-во Свт. Василия Великого, 1997.

Тосин С.Г. Колокола и звоны в России. – Новосибирск: Сибир. хронограф, 2002.

Устав Студийский церковный и монастырский конца XII – начала XIII в. // Источники по истории русского языка. – М.: Наука, 1976.

Франчук О.В. История формирования тематических групп «колокол – колокольный звон» и «колокольное дело» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 1999.

ON THE HISTORICO-ETYMOLOGICAL DICTIONARY OF THE BELLS AND COMPANOLOGY IN RUSSIA

O.V. Franchuk

The article presents a research project to compile an etymological dictionary on historic principles that will comprise units associated with a history of bells in Russia. Source material will be taken from annals, legislative acts, official files, and church books devoted to a religious service. The dictionary will deal with the origin and meaning of “bell” words and expressions. The vocabulary entry will be supplemented with historical and cultural data with examples from record manuscripts of the 11th – 19th cc.

© 2009

М.Н. Попова

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЛОВА *ВОРОВСТВО* ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ КОМПОНЕНТОВ ЗНАЧЕНИЯ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА (по материалам словарей XVI–XX вв.)

Проблемы исследования концептов и концептосферы являются на данный момент наиболее актуальными для целого ряда ученых, работающих в разных областях человеческого знания. Одной из главных причин, вызвавших такой интерес к концептам, является идея антропоцентричности языка, которая предполагает, что в центре всего изображаемого словом стоит человек – он сам и все то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. Являясь основой антропоцентрической парадигмы, концепты, по словам Д.С. Лихачева, «существуют не сами по себе <...> а в определенной человеческой идеосфере». В статье «Концептосфера русского языка» ученый отмечает, что концепты тесно связаны с индивидуальным и общественным опытом человека, с его культурой [Лихачев 1997: 281].

Одним из важнейших средств установления уровня материальной и духовной культуры человека при описании того или иного концепта становится исследование процессов концептуализации. Концептуализация, как указывает Г.В. Токарев, – «это процесс образования концептов, концептуальных структур и концептосферы в целом» [Токарев 2003: 17]. Одним из способов исследования концептуализации является анализ изменения компонентов значения слова-имени концепта на разных этапах развития языка, что поможет выявить характер изменений сознания и мироощущения людей, которые оказали влияние на осмысление слова. В данной статье мы остановимся на анализе изменения элементов значения слова ***воровство*** и определим, какую роль они сыграли в процессе концептуализации.

Представления о воровстве, заложенные в сознании русского человека, сформировались достаточно давно. Однако воровство не всегда истолковывалось именно в том значении, в котором мы воспринимаем его сейчас. По данным целого ряда научных источников (Историко-этимологического словаря П.Я. Черных, Этимологического словаря М. Фасмера, Материалов для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского), слово ***вор*** появилось в литературных памятниках в XVI в., ***воровство*** же как понятие о человеческой деятельности сформировалось несколько позднее, возможно, поэтому оно отсутствует в указанных изданиях (здесь истолковано только слово ***вор***), но присутствует в Региональном историческом словаре XVI–XVIII вв. Однако, чтобы выявить начальные процессы осмысления слова ***воровство***, необходимо указать исходное значение слова ***вор,*** т. к. оно оказало сильное влияние на все производные данной группы.

Этимологические словари (М. Фасмера, Н.М. Шанского), историко-этимологический словарь П.Я. Черных, а также Материалы для словаря древнерусского языка И.И. Срезневского указывают, что ***воровство*** и ***вор*** связаны со сло-

вами *вру* и *врать*, поэтому, по свидетельству Н.М. Шанского, первичное значение слова ***вор*** – ‘лгун, обманщик, мошенник’. Похожее мнение высказывает И.И. Срезневский. В своем словаре он приводит ряд соответствий из финского языка, доказывая, что русское слово ***вор***, а значит, и все производные от него, в том числе и ***воровство*** произошли из финского: woro – ‘грабитель, разбойник’; wora – ‘хитрец, обманщик’; worvan – ‘хитрить, обманывать’. Таким образом, первоначальное значение слова ***воровство*** – ‘обман’ и ‘ложь’. Однако данное слово, как уже было указано, появилось в XVI в., следовательно, оно только входило в обиход, сфера его употребления только начинала устанавливаться носителями языка, поэтому оно отличалось неясностью осмысления. В историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных сказано, что в XVI в. при трактовке слова ***вор*** и всех производных этой группы речь идет не о татях, не о кражах. В выписке 1547 г. говорится о сочинителе подложной кабалы, в других – о разного рода смутьянах, нарушителях общественного спокойствия. Особенно широкое распространение слова́ группы *вор* получили в «Смутное время». Старшее значение (XVI–XVIII вв.) – ‘обманщик, смутьян, изменник, политический преступник’. *Воровать* значило ‘заводить смуту’, ‘восставать против законной власти’, ‘изменять’. Следовательно, концептуальная специфика слова ***воровство,*** по данным историко-этимологического словаря, состоит в том, что оно отражает представления об этом роде человеческой деятельности в политическом ракурсе. Исходя из данного утверждения, можно определить, что отчетливое стремление носителей языка обозначить новым словом наиболее актуальные для общества процессы показывает, что политические события тех лет вызывали бóльший интерес, чем правовые аспекты.

Далее особенности осмысления слова ***воровство*** можно проследить по Региональному историческому словарю Смоленского края второй половины XVI–XVIII вв. Здесь воровством называется: 1. ‘самовольство, своевольные действия’; 2. ‘измена’; 3. ‘бесчинство’, ‘безобразие’, ‘любой противозаконный поступок’, ‘ослушание’. Итак, старорусское слово ***воровство***, в отличие от современного русского, обладало многозначностью. Как видим, оно интерпретировалось как особенность человеческого поведения, которая выходила за рамки юридически дозволенного. Самовольством считалось поведение человека, действовавшего по своему усмотрению, прихоти, произволу, а также всякое действие наперекор власти, порядку. Измена, т.е. второе значение слова, трактуется как ‘предательство интересов родины, переход на сторону врага’. Бесчинство – как ‘грубое нарушение общественного порядка’; ослушание – ‘неподчинение чьему-либо требованию, распоряжению’. Данные дефиниции интерпретируют значение слова в политическом и духовном аспектах («самовольство», «измена»); в педагогическом ракурсе («ослушание»); в юридическом аспекте («любой противозаконный поступок»); в ракурсе общественных норм («бесчинство»). Представленные значения многозначного слова показывают, что воровство как вид человеческой деятельности в старорусском языке не отделено от прочих разновидностей человеческих поступков, порождающих негативные последствия и, соответственно, негативное их восприятие, т.е. идея разделения духовного и социального зла была недостаточно сформирована в данной лингвокультурной общности. Похожие выводы можно сделать на основании материалов,

опубликованных в Словаре русского языка XVIII в. под редакцией С.Г. Бархударова. Здесь воровство трактуется как 1. ‘всякое нарушение закона, преступление; измена, бунт; колдовство, разбой, убийство; мошенничество, подлог, обман’; 2. ‘кража’. Представленные данные отражают достаточно широкий, лишенный конкретности и четкости характер восприятия явления, определяемого посредством местоимения *всякий* (*всякое нарушение*). Воровство осмысляется преимущественно в юридическом ракурсе (*закон, преступление*), однако приоритетными остаются политический (*бунт, измена*) и религиозный аспекты восприятия (*колдовство* с давних времен уничтожалось прежде всего церковью, а потом уже общественным мнением). Таким образом, воровство представляется достаточно серьезным преступлением, нарушающим важнейшие основы существования общества (основы религии, права, политики, морали), создающим угрозу для человеческой жизни (*разбой, убийство*). Тем самым, анализ структуры значений многозначного слова свидетельствует об уровне развития правового сознания: вербальное осмысление преступной деятельности XVI–XVIII вв. было недостаточно развито, т.к. не предполагало дифференциации преступлений по степени вины и наказания. Формирование вербальной юридической компетенции долгое время оставалось без кардинальных изменений. Об этом, в частности, свидетельствует соответствие материалов словарей XVI–XVIII вв. Судебнику 1497 г., где воровство определено как родовое понятие для целой группы преступлений, объединенных в общий указ «О татех»: *«А доведут на кого татьбу, или разбой, или душегубство, или ябедничество, или иное какое лихое дело.., и ему того велети казнити смертною казнию»* [цит. по: Российское законодательство X–XX вв. 1986: 59]. Итак, анализ лексического значения слова, истолкованного в словарях, позволяет восстановить процессы восприятия того или иного явления в зависимости от уровня развития материальной и духовной культуры, а также приоритетных форм познания, которые существуют на определенном этапе исторического формирования общества.

Уже в XIX в. в словаре В.И. Даля семантизация слова ***воровство*** – ‘кража, похищение, татьба’ близка к современной, с той лишь оговоркой, что ‘кража’ и ‘похищение’ актуальны в современном русском языке, а слово ‘*тать*’ воспринимается как устаревшее. Ср.: воровство – ‘хищение чьей-либо собственности (частной, государственной)’ [МАС, 1: 212]. В МАСе указан объект воровства – собственность и ее виды. В БАСе воровство – ‘похищение чужой собственности; кража’ [БАС, 2: 673]. Все представленные толкования отражают высокую степень развития научного и правового сознания в обществе. На основании приведенных выше примеров можно сказать, что на современном этапе развития языка слово ***воровство*** имеет четкое, ясное, конкретное осмысление и обозначает единичное явление человеческой деятельности, которое отделяется от других и не смешивается с ними.

Анализ семантической структуры слова на материале словарей, относящихся к разным этапам развития языка, показал, какие изменения могут происходить в значении слова, какие факторы влияют на этот процесс. Слово, имевшее достаточно широкое истолкование и большой круг значений, со временем утратило полисемантичность и стало восприниматься в одном, достаточно узком значении. Это произошло, возможно, потому, что с развитием общества и пра-

вовой системы различные правонарушения приобрели самостоятельный статус, определяющий и степень наказания. Если за воровство, понимаемое как хищение имущества, человек лишался свободы, то своеволие и ослушание не предполагали суровых мер, поэтому они стали отделяться от воровства. Таким образом, история семантической структуры даже отдельного слова позволяет проследить эволюционные процессы, которые происходили не только в лексике, но и в культуре, юридической и политической жизни носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Терра, 1995.

Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Наука, 1971.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981.

Региональный исторический словарь втор. пол. XVI–XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / под ред. Е.Н. Борисова. – Смоленск, 2000.

Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. – М.: Юридическая литература, 1985. – Т. 2.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Гос изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии. – Волгоград: Перемена, 2003.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус яз., 1994.

COMPARATIVE ESTIMATE OF SEMANTIC COMPONENTS TO REVEAL THE WORD VOROVSTVO CONCEPTUALIZATION THROUGHOUT LINGUISTIC DEVELOPMENT (ON THE BASIS OF THE 16th – 20th cc. DICTIONARIES)

M.N. Popova

According to the data of historic-etymological directories lexemes vor (the thief) and vorovstvo (thievery, stealing) are akin to vrat' (to tell lies, to deceive, to swindle). In the 16th century the word vorovsrvo was registered in the meaning deceit, lie. But during the Smuta (troubled times) the word vor was applied to trouble-makers, traitors, political criminals. And vorovat' meant 'to start riots', 'to rise against legitimate authorities', 'to betray'. Regional dictionaries of the 16th – 20th cc. give the word vorovstvo in the meaning self-will, roistering, any illegal act, disobedience. It is not until the 19th c. that the once polysemantic word came to be recorded in dictionaries in the meaning close to the current one – theft, stealing. In the 20th c. it means the felonious taking and removing of personal property with intent to deprive the rightful owner of it, an unlawful taking of property.

© 2009

Н.В. Николенкова

СЛУЖЕБНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В ГРАММАТИКАХ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА XVI–XVIII ВВ. И В СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Первые грамматические сочинения XVI–XVIII вв., будучи грамматиками церковнославянского языка, во многом стали базой для создания в дальнейшем грамматик русского языка. Разработанная в них теоретическая основа описания структуры языка, использованная терминология и даже целый ряд примеров переносятся в первые грамматики русского языка. Между тем эти сочинения оказываются в определенной мере на периферии при описании книжности XI–XVII вв. и XVIII века. Так, данные грамматик не стали материалом для словаря И.И. Срезневского [Срезневский 1989]. В словаре русского языка XI–XVII вв. в качестве источников выбрана Грамматика Мелетия Смотрицкого в издании 1619 г. (далее – ГС) [Словарь XI–XVII: 370], а не московское издание 1648 г. (далее – ГМ). Однако именно это издание служило основным пособием по церковнославянскому языку вплоть до конца XVIII в., именно его М.В. Ломоносов называл «вратами учености», на его основе составлялись грамматики церковнославянского языка и во второй половине XIX в. [Кузьминова 2007: 604]. Поэтому представление о языке XVII–XVIII вв. и о постепенно формирующейся научной терминологии – и специальной, и общеупотребительной – без использования ГМ и созданных на ее основе грамматических сочинений будет неполным.

Наиболее подробно представленными в исследованиях о церковнославянских грамматических сочинениях оказываются разделы «Орфография» и «Глагол». Менее же всего исследованы и описаны те разделы морфологии («этимологии») и синтаксиса, в которых представлена классификация наречий, служебных частей речи (союз и предлог) и междометий. Между тем подробный анализ этих разделов грамматик крайне важен, т.к. внимание к служебным элементам оказывается актуальным при описании синтаксических стратегий письменного языка средневековья [Живов 2000: 575].

Следует в первую очередь отметить, что границы выделенных частей речи в церковнославянских грамматиках не во всем совпадают. Если ГС выделяет междометие как отдельную часть речи [Грамматики 2000: 388–389], то ГМ, сохраняя языковой материал – перечень междометий, присоединяет семантическую классификацию междометных слов к классификации наречий [Кузьминова 2007: 312–313]. Созданные на основе ГМ грамматики XVIII в. – сочинение Федора Максимова 1723 и рукописная Грамматика Иконника 1733 (далее ГИ – ранее не исследованный текст) – восстанавливают раздел «Междометие», при этом автор ГИ старается определенным образом исправить отмечаемый им недостаток ГМ и значительно расширяет описание междометия (лл. 134 об. – 141 об., кн. № 213 музея-заповедника «Московский Кремль»). Таким образом, можно говорить о том, что в период XVII–XVIII вв. внимание к соответствую-

щим разделам морфологии было гораздо значительнее, нежели это представлено современными учеными.

Анализируя описание служебных частей речи – союза и предлога (в данной работе мы условно причисляем к служебным частям речи и междометие) – в грамматиках церковнославянского языка, мы в первую очередь отмечаем устойчивость состава слов, отнесенных к этим разделам. Незначительное варьирование наблюдается в рамках междометия, тогда как перечень предлогов практически совпадает.

В ГС выделено 20 предлогов [Грамматики 2000: 386], тот же набор в ГМ [Кузьминова 2007: 313] и ГИ (л. 124). Незначительное различие можно отметить в грамматике Максимова [Максимов 1723: 85]. Это различие касается предлога *изъ*, который в трех других грамматиках имеет вариант *съ*, тогда как Максимов не фиксирует вариативности. Однако он просто устраняет предлог *съ* из списка, а не рассматривает его как вариант к церковнославянскому предлогу *со*.

Объяснение решению Максимова мы получаем, обратившись к разделу «О предлозехъ» в части «Синтаксис» [Максимов 1723: 138]. Описывая значение и употребление предлогов в церковнославянском языке, автор обнаруживает вариативность *изъ* и *съ* лишь в одном из 7 отмеченных для *изъ* значений (движение из места – *изъ дому, съ небесе*). Еще в одном значении автор дает лишь пример с предлогом *съ* («потом» – *съ обеда*), однако и данный пример оставляет в иллюстрациях к употреблению *изъ*. При этом в примерах использования предлога *со* мы можем отметить фонетический вариант *съ* – *съ тобою, съ ними* [Максимов 1723: 145–146]. Учитывая, что в разделах «Надглаголие» (наречие) и «Союз» Максимовым проведено последовательное сопоставление собственно церковнославянских и русских лексем, данное решение автора оказывается в противоречии к общей концепции его грамматики.

Ни в словаре Срезневского, ни в Словаре русского языка XI–XVII вв. это представление о характере предлогов *из, съ, со* и их фиксации в грамматиках церковнославянского языка не учтено. Связь в сознании грамматистов предлогов *изъ* и *съ* и выделение ими особого церковнославянского в своей основе значения *съ*, безусловно, требует лексикографического описания.

Классификация предлогов в церковнославянских грамматиках построена еще на одном принципе. Предлоги имеют разделение на «сочинительные и сложные», т.е., пользуясь современной терминологией, среди них выделяются предлоги, омонимичные приставкам, и предлоги, использующиеся только как приставки (напр., [Кузьминова 2007: 313–314]). Среди последних всеми грамматическими сочинениями названы *восъ, нисъ, расъ, пре, про*. В Словаре XI–XVII вв. эти лексемы как предлоги зафиксированы, отмечаются примеры их употребления в церковнославянских текстах раннего периода. Однако факт эволюции их за данный период и то, что уже к XVII в. данные слова воспринимались только как морфемы, мы в словаре не обнаруживаем. Такой подход во многом создает ошибочное представление о развитии системы церковнославянского и русского языков периода средневековья и не дает возможности охарактеризовать уровень грамматической мысли этого времени.

Особенное внимание, как нам кажется, необходимо обратить на факт фик-

сации в церковнославянских грамматиках начала XVIII в. параллельных церковнославянских и русских наречий и ряда служебных слов. Максимов в разделах «Надглаголие» и «Союз» предлагает ряды сопоставлений отмечаемых в церковнославянских текстах лексем и их русских эквивалентов [Максимов 1723: 65–84; 85–89]. Эти ряды соответствий оказываются соотносимы с современными наблюдениями. Так, эквивалентом церковнославянскому противительному *но* Максимов считает в первую очередь русское *а*, целым рядом исследователей синтаксических принципов построения средневекового текста выделяемое как именно русский элемент в противоположность церковнославянским *же* и *но* (напр., [Ефимова 2004]). Союз *а* (по Максимову) имеет в церковнославянском языке «*распрягательное*» значение [Максимов 1723: 86–87]. Интересно, что Иван Иконник (автор ГИ) при серьезной ориентации в данных разделах именно на грамматику Максимова считает нужным осудить использование в церковнославянском грамматическом сочинении (причем созданном как учебное пособие) «просторечных» средств. Лишь некоторые просторечные междометия нашли место в перечне, данном Иконником; в конце же раздела «Этимология» он предлагает тем, кто хочет «*превратны(х) сихъ просторечныхъ г(лаго)лъ уведети*», искать эти слова в *«наречии и союзе битеръ бурхъскія малыя грамматики»* (ГИ, л. 152). В определенной степени можно говорить о том, что как составители первых грамматик русского языка производили отбор именно русского, а не церковнославянского материала, так и составители учебных пособий для изучения церковнославянского языка шли путем очищения собственно церковнославянского материала от русского (с их точки зрения, просторечного).

Не менее внимательно составители грамматик относились и к описанию собственно церковнославянского книжного материала, являющегося заимствованием из других языковых систем. Так, при описании «надглаголия» Максимов особое внимание уделяет словам *еи* и *аминь,* причем для последнего использует определение «частица». Для данных лексем отмечается узкая сфера употребления – только в определенных ситуациях («*никтоже, ни грекъ, ниже латинянинъ, ниже иный кій верный родъ, преноситъ когда сіе речение во своемъ языце, бл(а)гоголеинства ради Хр(ис)това*» [Максимов 1723: 84]).

Анализ представленных разделов церковнославянских грамматик позволяет предложить использование в современных исторических словарях пометы «собст. церковносл.» для характеристики тех элементов лексической системы языка XVII в. (и далее XVIII в.), которые самими носителями воспринимаются как входящие в сферу языка высокой книжности, т.е. стандартного церковнославянского. Использование этих лексем в сфере действия гибридного регистра письменного языка оказывается таким же маркером ориентации на книжно-письменную систему, как использование системы прошедших времен глагола или оборота «дательный самостоятельный».

ЛИТЕРАТУРА

Грамматики 2000: Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е.А. Кузьминовой; предисл. Е.А. Кузьминовой, М.Л. Ремневой. – М.: Изд-во МГУ, 2000.

Ефимова В.С. О сочинительных союзах в старославянском языке – где место союзу а? // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: коллект. моногр. / под ред. Т.Н. Николаева. – М.: Яз. слав. культуры, 2004. – С. 47–56.

Живов В.М. О связности текста, синтаксических стратегиях и формировании русского литературного языка нового типа // Слово в тексте и в словаре: сб. статей в честь 70-летия акад. Ю.Д. Апресяна / отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: Яз. рус. культуры, 2000.

Кузьминова 2007: Грамматика 1648 г. / предисл., науч. коммент., подг. текста и сост. указателей Е.А. Кузьминовой. – М., 2007.

Словарь XI–XVII вв.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск / РАН. Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 2001.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1989.

[Федор Максимов]. Грамматика славенская въ кратце собранная въ Грекославенской школе яже въ великом Нове граде при доме Архіерейскомъ (орфография упрощена). – СПб.: Петерб. типография Александро-Невского монастыря, 1723.

FORM WORDS IN OLD CHURCH SLAVONIC GRAMMAR BOOKS OF THE 16th – 18th cc. AND IN MODERN HISTORICAL DICTIONARIES

N.V. Nikolenkova

Form words may gain crucial importance when determining register reference of written language of the Middle Ages. This fact is marked by Old Church Slavonic grammar books, but it is not registered by historical dictionaries. The evidence of the grammar books authors may prove useful when making up vocabulary entries on form words.

© 2009

Л.В. Табаченко

ПРИСТАВОЧНЫЕ ПОЗИЦИОННЫЕ ГЛАГОЛЫ В ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Компактная лексико-семантическая группа глаголов положения тела в пространстве относительно поверхности (позиционные глаголы) состоит из глаголов *стоять, сидеть, лежать*. Будучи непредельными, эти глаголы в современном русском языке не могут сочетаться с пространственными приставками из-за несовместимости развившейся предельности приставок со статальностью глагольных основ, однако многие образования сохраняют следы былой пространственной маркированности (*отстоять от города, возлежать* и др., а также отглагольные дериваты *залежь, обстоятельство, пристойный, прилежный, расстояние, застой* и др.).

Глаголы древних словообразовательных типов, включающих пространственные приставки, следует отличать от омонимичных приставочных образований, появившихся, как правило, в старорусский период в рамках развивающихся модификационных (временных и количественных) и мутационных словообразовательных типов, напр., *отстоять (вахту; ноги), достоять (до утра), отлежать (бок), належать (пролежни)* и т.п.

Следует учитывать, что модификационные акциональные значения развивались в лоне общерезультативного, которое было присуще всем глагольным приставкам, и на ранних этапах развития можно говорить об акциональных оттенках только как контекстных вариантах результативной семантики, наслаивавшихся на основное результативное значение.

Таким образом, можно наметить следующие основные проблемы лексикографического отражения приставочных позиционных глаголов: 1) разграничение в семантике глагола результативного и более поздних акциональных значений; 2) семантическая дифференциация пространственных и непространственных значений (возможно вычленение новой глагольной основы); 3) трансформация непредельных пространственных значений в предельные непространственные и связанная с этой проблемой видовая маркировка глагола; а также общие для всех приставочных глаголов проблемы разграничения композитов, приставочных образований и сочетаний глаголов с наречием и проблема фонетических вариантов приставок. Остановимся на первых двух из перечисленных вопросов.

1. Разграничение в семантике глагола результативного и более позднего акционального значения.

Для примера обратимся к истории позиционного глагола *стоять* с приставкой *по-*, являющейся в современном русском языке выразителем делимитативного (ограничительного) способа действия у глаголов, представляющих действие в аспекте протекания: *побыть, пожить, поспать.* Именно таким делимитативным глаголом *посидеть* (‘некоторое время сидеть’) переводится в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой глагол **посѣдѣти**, зафиксированный в старославянских текстах только один раз – в Синайском евхологии (требнике) в форме повелительного наклонения: **рекъ оученикомъ своимъ посѣдите сьде** *(Евх 47а 1).*

Однако следует иметь в виду, что делимитативный способ действия в древних славянских языках, в том числе и старославянском, еще не сформировался, основным значением приставки *по-* было значение результативное: **поучити** ‘научить’, **поразоумѣти** ‘понять, уразуметь’, **потрьѕати** ‘рвать, вырывать’ и др. Действительно, в сочетании со статальными глаголами (**потрьпѣти, посъпати**), а также с глаголами, обозначающими гомогенные процессы (**потроудити сѧ**), приставка *по-* в рамках общего значения результативности могла приобретать делимитативный семантический оттенок – ограничение действия определенным временным отрезком, заполненности какого-л. временного промежутка определенным процессом. Развитие собственно делимитативного способа действия исследователи относят к гораздо более позднему периоду – XVI–XVIII вв. [Кукушкина, Ремнева 1984: 43].

Во-вторых, следует обратить внимание на то, что единственная фиксация

этого приставочного образования – в форме повелительного наклонения, которая используется для перевода греческого бесприставочного глагола καθίζω ‘сесть, сидеть’, и параллели из Зографского, Ассеманиева, Мариинского евангелий, из Саввиной книги дают бесприставочные формы повелительного наклонения – **сѧдѣтє** ‘сядьте’, **сѣдѣтє** – возможно, ‘сядьте’ или ‘сидите’ *(Мт 26, 36; Мк 14, 32)*.

По-видимому, приставка в этом случае имела не делимитативное, а лексико-грамматическое значение предельности и результативности. А.А. Караванов полагает, что в данном случае мы имеем дело не с формой приставочного глагола, а с формой, в которой приставка «еще не спаяна тесно с основой и представляет собой не словообразовательную морфему, а специфический предельный формант» [Караванов 1992: 106], использовавшийся в формах повелительного наклонения, поскольку «предельная семантика является имплицитным компонентом категориального значения: императив фактически является перформативом, представляя собой слово как действие <...> как целостный акт действия» [Там же: 107–108]. Поэтому вызывает сомнение существование в старославянском языке лексемы **посѣдѣти**, тем более в делимитативном значении, по-видимому, предельная приставка прибавлялась именно к форме повелительного наклонения (ср. приведенные А.А. Каравановым примеры из современного русского языка: «*постой* ‘стой, подожди’ не является формой делимитативного глагола *постоять* ‘стоять некоторое время’, *посуди сам!* – не форма глагола *посудить* ‘судить некоторое время’ и т.д. <...> Ср. также отсутствие инфинитива **поезжать* при императиве *Поезжай!* <...> отсутствие инфинитива **полезать* при императиве *Полезай!* <...> Наличие в современном русском языке подобных императивов несуществующих глаголов напоминает о том периоде развития языка, когда приставка не являлась еще частью лексемы, а представляла собой лишь факультативный формант предельности» [Караванов 1992: 108]).

2. Семантическая дифференциация пространственных и непространственных значений с вычленением новой основы.

Продемонстрируем эту проблему на примере лексикографической фиксации глаголов *достояти* и *достоити*.

У глагола *достояти*, кроме значений 1) ‘возвышаться до какого-л. предела, касаясь чего-л.; доставать до чего-л.’ и 2) объединенного результативно-финитивного ‘стоять (достоять) до определенного предела, срока или до каких-либо последствий’, в исторических словарях непоследовательно выделяется еще одно значение, которое связано со вторым глаголом – *достоити*, по-разному отраженным историческими словарями.

У И.И. Срезневского словарная статья этого глагола состоит из отсылки к его причастной форме ***достоимъ***, а безл. ***достоить*** ‘следует, должно’ находится в словарной статье глагола *достояти* ‘дожидаться’ [Срезневский, 1: 713–716]. В Словаре русского языка XI–XVII вв. *достоити*[1] в значениях ‘стоить’, ‘заслуживать’, безл. ‘следует, должно’ приводится с вариантом *достояти,* и примеры даются как с формами, которые могли быть образованы только от глагола *достояти (достояло*), так и с формами, которые могли быть образованы от обоих глаголов *(достоять, достоящие)*, но преимущественно это безличная форма *достоить (...мнѣ же достоить сидѣти на великомъ княжении въ Киевѣ.*

Ник. лет. IX, 202). В словаре также выделяются омонимы *достояти*[1] ‘стоять до определенного срока’, ‘возвышаться до какого-л. предела, касаясь чего-л.’ и *достоити*[2] ‘удостаивать’ [Словарь XI–XVII, 4: 337].

В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) безл. *достоить*, а также другие формы (*достояше,* прич. *достоящая*) относятся к глаголу *достоити*[2] безл. ‘надлежать’; ‘приличествовать, соответствовать’. Дается также *достоити*[1] ‘стоить (о цене)’. Значения глагола *достояти* те же, что у *достояти*[1] в Словаре русского языка XI–XVII вв. [Словарь XI–XIV, 3: 70–71].

В Словаре русского языка XVIII в. *достоять* отсутствует, а глагол *достоить*, отмеченный как славянизм, представлен только формами 3 л. ед. ч. – личными в значении ‘полагается, принадлежит’: *перед Егором двух денег Вергилий не стоит, Рексу, не Цицерону, похвала достоит*. Кнт. Сат. I 18; и безличными с инфинитивом в значении ‘надлежит, следует’ [Словарь XVIII, 6: 235].

Таким образом, в словарях, как правило, глагол *достоити* выделяется на основе форм, которые могут относиться и к глаголу *достояти (достоить, достояше, достоимъ, достоящий)*, кроме одного примера, в котором форма элевого причастия образована от основы *достои-: <...> которые достоили смерти <...>* ДАИ V, 404. 1669 г. [Словарь XI–XVII, 4: 337]. Основной критерий выделения глагола *достоити* – значения: безличное у формы *достоить* ‘следует, должно’, а также у личных форм ‘заслуживать, приличествовать, соответствовать’, ‘принадлежать’ и ‘стоить’. Собственно инфинитив *достоити* в памятниках письменности не зафиксирован. Однако следует обратить внимание и на ударение: у презентных форм, относимых к этому глаголу, оно на основе (а не на окончании, как у глагола *достояти*), что особенно очевидно в рифмованных примерах.

Свет на историю этого глагола проливают, на наш взгляд, данные старославянского языка. В старославянском языке у глагола **достоꙗти** не было пространственных и временных значений, отмеченных в древнерусском языке, а имелось одно – ‘следует, полагается, надлежит’, причем употреблялись только формы 3 л. ед. числа – настоящего времени (**аштє достоѭтъ въ сѫботѫ цѣлити** *Мт 12, 10 Зогр, Мар*) и имперфекта (**достоѣшє ємоу проѭти сквозѣ самариѭ** *И 4, 4 Зогр Мар.*) [Цейтлин 1994: 196].

Этот приставочный глагол используется в качестве семантического эквивалента греческих предикативов другой словообразовательной структуры (εξεστιν ‘позволено, возможно’, δεῖ, χρή ‘нужно, должно, следует, необходимо’, ἄξιον ‘достойно’ [Там же]), а также как калька глагола προσήκει ‘простираться, доходить до чего’, в котором pros- в качестве приставки означает направление к чему-л. и пребывание у чего-л., основа ἥκει – ‘приходить; находиться’. Глагол προσήκει, кроме семантики местонахождения, имел также и переносные значения ‘приличествовать, подобать; безл. прилично, следует’, и, на первый взгляд, может показаться, что переносное значение старославянского глагола **достоꙗти** является результатом усвоения всех значений скалькированного греческого глагола προσήκει.

В старославянском языке употреблялись также дериваты **достоинъ, достоиньство**, предикатив **достоино ѥстъ** ‘следует, полагается’ и др. Дериватами какой основы являются эти слова? Как указывает ЭССЯ, они произведены от

слова *достой (*dostojь)* – ср. сербохорв. *dostoj* ‘достоинство’, болгарск. *достойнство* ‘достоинство’, *слвц. dôstoj, dôstojnóst* ‘достоинство’, *dôstojník* ‘офицер’ [ЭССЯ, 5: 85–86]. Существительное *достой* отмечается также в русских народных говорах в значении ‘приличие, достоинство’ [СРНГ, 8: 148], отмечено и в деловых памятниках письменности с начала XVII в. в сочетаниях *по достою* ‘по достоинству или стоимости’ и *не въ достой* ‘слишком дорого’ [Словарь XI–XVII, 4: 337]. Происхождение же существительного **dostojь*, отмечается в ЭССЯ, – это сложение *do и именной формы от гл. stojati (не stoiti!). На это же указывает и ЭСРЯ: *достойный* – общеслав. от *достой* ‘приличие, соответствие, соразмерность’; *достой* от *достояти* ‘быть достойным’, употреблявшегося часто безлично [ЭСРЯ, I, 5: 174–176].

Таким образом, существование в славянских языках существительного *достой* ‘достоинство’, образованного от глагола *достояти*, а также его дериватов доказывает, что переносное значение ‘подобать, приличествовать’ развилось на основе пространственного (до-стояти > ‘подходить, соответствовать’ > ‘подобать, приличествовать’) и имелось у глагола *достояти* уже в праславянском языке, а не возникло под влиянием переносного значения греческого глагола подобной словообразовательной структуры προσήκει. Употребительность формы ***достоить***, а также функционирование таких слов, как ***достой, достоинъ***, связанных происхождением с основой *стоя-ти,* привели к формированию глагольной основы ***достои–(ти)*** со значением ‘долженствовать, приличествовать’ и позднее ‘стоить’, основы, функционировавшей только в безличных, личных и причастных формах, характеризующихся ударением, отличным от ударения в формах глагола ***достоꙗти***.

ЛИТЕРАТУРА

Караванов А.А. К вопросу о характере категории предельности древнерусского глагола // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 103–112.

Кукушкина О.В., Ремнева М.Л. Категории вида и времени русского глагола (исторический аспект изучения). – М.: Изд-во МГУ, 1984.

Словарь XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). – М.: Рус. яз., 1990. – Т. III.

Словарь XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1977. – Вып. 4.

Словарь XVIII: Словарь русского языка XVIII в. – (Л.) СПб.: Наука, 1991. – Вып. 6.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. – Л.: Наука, 1972. – Вып. 8.

Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): около 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

ЭСРЯ: Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – Т. I, вып. 5.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / под ред. О.Н. Трубачева. – М.: Наука, 1978. – Вып. 5.

PREFIXED POSITIONAL VERBS IN HISTOTIC-ETYMOLOGICAL DICTIONARIES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

L.V. Tabachenko

Using the Old Slavonic dictionary and historical dictionaries of the Russian language as material source the author considers some problems of lexicographic presentation of prefixed positional verbs, among which are 1) differentiation of resultative and more recent actional meanings, 2) differentiation of spatial and non-spatial meanings with the probable obtaining of a new base.

© 2009

Л.А. Гараева

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ НАЧАЛО И КОНЕЦ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ, КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ
(по текстам воинских повестей XII–XVII веков)

Воинская тема занимает важное место в древнерусской литературе XII – начала XVII в., и это не случайно. Становление и развитие Русского государства проходило в постоянной борьбе с внешними врагами, которые нападали на Русь то с востока, то с запада. Более двух с половиной столетий русскому народу пришлось противостоять монголо-татарским завоевателям.

Историческая и культурная ценность воинских повестей обусловлена прежде всего тем, что они создавались «в годы высшего подъема народного самосознания» и поэтому «в наибольшей степени выразили лучшие качества прогрессивной линии развития древнерусской литературы: ее идейную высоту, патриотизм и публицистическую остроту, близость к творчеству трудового народа и художественное мастерство» [Адрианова-Перетц 1949: 115].

Тексты воинских повестей могут служить важнейшим источником изучения древнерусской языковой картины мира, поскольку в военных событиях принимало активное участие подавляющее большинство населения, особенно в эпоху Киевской Руси. «Постоянные междоусобные войны и борьба с внешними врагами определяли быт широких народных масс, вынужденных заниматься военным делом» [Ледяева 1980: 7]. Большую роль в сохранении и передаче культурно значимой информации имеют устойчивые словесные комплексы (УСК), функционирующие в воинских повестях, при этом пока лишь незначительная их часть нашла отражение в словарях древнерусского языка.

УСК, обозначающие начало и конец военных действий, занимают центральное место в семантическом поле ‘воевать’: они входят в ядро поля. Среди УСК, передающих понятие ‘начать/начинать воевать’, можно выделить две подгруп-

пы, различающиеся семами '***напасть/нападать***': (*въ)сѣсти на конь, (по)воевати* какую-л. *землю, (при)идти ратью, (по)идти/приитти на* кого-л., *трубити въ трубы, (за)играти въ игры, подъяти руку противу* кого-л., *подъемомъ подыматися на* кого-л. и др. – всего 13 ед. – и '***начать защищаться/защищаться***': *исхождати на брань, стати противъ* кого-л., *на мьсть въздвигнутися, на бой стати, излѣзти на сѣчю* и др. – всего 7 ед.

Главные компоненты многих УСК данных подгрупп выражены глаголами, не имеющими специального терминологического значения, но обозначающими, как и в свободном употреблении, различные виды перемещений. Терминологическое значение передается с помощью синтаксических конструкций: Г + «на» + С в В.п. или Г + «противъ» + С в Р.п. На данную особенность впервые обратил внимание Ф.П. Сороколетов, который писал, что в древнерусском языке «именно управление создавало условия для реализации строго определенного значения у глаголов перемещения» [Сороколетов 1970: 314]. И в этом отношении язык воинских повестей XII – начала XVII в. не отличается от языка летописей.

Но, кроме УСК с глаголами перемещения в их прямом значении, в древнерусских воинских повестях XII–XVII вв. нами выявлено немало ярких образных единиц. Напр., УСК *(за)трубити въ трубы* и его предикативный вариант *трубы трубять*. Верные замечания о роли обозначений боевой музыки в военных описаниях были сделаны А.С. Орловым: «Звуки боевой музыки – любимый образ боевого описания <...> Этот образ имел разное значение: трубили и т.д. для устрашения неприятелей, при собирании и выступлении войска, при нападении, для выражения радости и т.п.» [Орлов 1902: 24]. В наших примерах эти УСК чаще всего используются для характеристики начала вражеского наступления (9 из 11 употреблений). Напр.: *И после той стрелбы пошли турки ко Азову на приступ, и удариша в бубны, и затрубиша в трубы различныя* [«Сказочная» повесть об азовском взятии, XVII в.: 93]; *И почали у них [у турков] в полках их быти трубли великия в трубы болшие <...> Набаты у них гремят многие и трубы трубят...* [Поэтическая повесть об азовском осадном сидении, XVII в.: 61–62].

Более ранние случаи употребления УСК *трубити въ трубы* и *трубы трубять* зафиксированы нами в «Слове о полку Игореве» и в памятниках Куликовского цикла, где только два раза УСК *трубы трубять* используется для обозначения выхода русичей на бой: *Комони ржуть за Сулою, звенить слава в Кыевѣ. Трубы трубять въ Новѣградѣ, стоять стязи въ Путивлѣ [Слово о полку Игореве, XII: 64]; На Москвѣ кони ржут, звѣнит слава по всей земли Руской, трубы трубят на Коломнѣ <...> стоят стязи у Дону великого на брезѣ* [Задонщина, конец XIV в.: 160]. При этом следует учесть, что «Задонщина» испытала сильнейшее влияние «Слова о полку Игореве», и скорее всего УСК *трубы трубять* механически использовано автором по отношению к русскому войску. Вторая функция рассматриваемого УСК в данных контекстах – прославление мужества и военной мощи русского войска.

В «Задонщине» встречается также вариант УСК *трубы трубять* с отрицанием *не*, где он используется для описания поражения грозного неприятеля: *Уже поганые оружия своя повергоша <...> И трубы их не трубят, и уныша гласи их* [Задонщина: 166].

Частое употребление УСК с компонентом *трубы* приводит к появлению синонимичной единицы – *(за)играти въ игры*. Данный УСК трижды встречается в «Сказании» Авраамия Палицына (XVII в.), всегда обозначая начало вражеского наступления. Напр.: *В нощи же той на первом часу множество пѣших людей, литовских и русских измѣнниковъ, устремишася к монастырю со всѣх стран <...> и, заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду* [Сказание..: 396].

Необходимо отметить, что УСК *(за)трубити въ трубы* и *(за)играти въ игры* выявлены нами только в воинских повестях, являющихся самостоятельными художественными произведениями и относящихся к жанрам сказания и лиро-эпической песни. Вероятно, отсутствие данных единиц в летописных повестях можно объяснить тем, что рассматриваемые УСК не являются военными терминами, а лишь символически обозначают начало военных действий.

Символизм подобного рода относится к ярким отличительным признакам древнерусских воинских повестей. Символические военные УСК создаются на основе метонимии, когда какое-либо характерное действие, сопровождающее обозначаемый устойчивым словесным комплексом процесс, становится символом данного процесса. По верному наблюдению Д.С. Лихачева, «в средние века метонимичность военного языка – почти правило» [Лихачев 1987: 190].

Такой способ формирования значения характерен, напр., для УСК *(въ)сѣсти на конь/комонь, въступити въ стремень, стати противъ* кого-л.*, наступити на* кого-л.*, подъяти руку противу* кого-л. и др.

Среди УСК, выражающих понятие ‘закончить воевать’, можно выделить три подгруппы единиц, в значении которых основная сема осложнена дополнительными смысловыми оттенками: 1) ‘***закончить военные действия с победой***’ (*побѣду сътворити, подъ мечь подъклонити* кого-л.*, стати/стояти на костѣхъ, възвратитися съ побѣдою* – 4 ед.); 2) ‘***закончить военные действия с ущербом для себя, потерпеть поражение***’ (*оружие повьргнути, главы подъклонити подъ мечи* – 2 ед.); 3) ‘***закончить военные действия с миром***’ (*миръ сътворити, подати руку* кому-л.*, възяти перемирие* – 3 ед.).

Всего в древнерусских воинских повестях нами выявлено 9 УСК, обозначающих окончание военных действий, – в два с лишним раза меньше, чем в семантической группе ‘начать воевать’ (20 ед.). Вероятно, этому можно найти объяснение: те места воинских повестей, где рассказывается о начале военных событий, отмечены большей эмоциональностью, экспрессией. Описывая начало битвы, авторы стремились к нагнетанию тревожной атмосферы и использовали многочисленные УСК, очень часто обладающие метафорическим значением.

Обращает на себя внимание тот факт, что в состав групп ‘начать воевать’ и ‘закончить воевать’ входят четыре УСК со словами, обозначающими части человеческого тела: *подъяти руку противу* кого-л., *плечь попытати, главы подъклонити подъ мечи, подати руку* кому-л. Здесь проявляется антропоморфизм и антропоцентризм древнерусской фразеологии и средневекового мировоззрения в целом. По словам Д.С. Лихачева, в XI–XIII вв. «доминантой нового художественного отношения человека к окружающей природе явилось открытие значительности человека и человечества в окружающем его мире <...> Отныне стало аксиомой, что человек – центр вселенной и именно в нем смысл существования мира» [Лихачев 1978: 70].

По средневековым представлениям, строение человеческого тела отражает строение окружающего мира. Как верно заметила А.А. Уфимцева, «названия частей тела выступают в роли центра переосмысления, образования переносных значений, часто интерпретации логико-предметного содержания этих своеобразных предметных имен» [Уфимцева 1988: 129].

Сложным символическим значением обладают УСК с компонентом *мечь: подъ мечь подъклонити/приклонити* кого-л.*, главы подъклонити подъ мечи*. По наблюдениям Д.С. Лихачева, «с мечом в древнерусской жизни был связан целый круг понятий. Меч был прежде всего символом войны <...> С другой стороны, меч был эмблемой княжеской власти <...> Меч и оружие были вместе с тем и символами независимости» [Лихачев 1978: 169].

Вот почему УСК *оружие повьргнути* означает ’признать себя побежденным’. В воинских повестях XII–XVII вв. употребление УСК с компонентом *мечь* демонстрирует все перечисленные выше символические значения данного слова. Напр.: *Уже поганые оружия своя повергоша, а главы своя подклониша под мечи руские»* [Задонщина, конец XIV в.: 394]; *[Цареградские богатыри] <...> хотят Кѣевъ город наш ити взятии <...> а удалых богатырей <...> под мечь всѣхъ приклонити*... [Сказание о киевских богатырях, начало XVII в.: 130]; *И тот атаман Михайло Иванов со всем великим Донским Войском <...> кликнуша вси равно усты своими о милости божии, чтобы <...> Азов град однолично взятии <...> а живущих в нем людей поганскаго языка бусурманския веры под меч подклонити*... [«Историческая» повесть об азовском взятии, начало XVII в.: 50.].

Таким образом, *подъ мечь подъклонити* кого-л. – это значит подчинить кого-л. своей власти, а не только одержать военную победу; *главы подъклонити подъ мечи* – быть ранеными и признать чью-либо власть. Следовательно, в значении УСК с компонентом *мечь* можно выделить дополнительные семы ‘подчинить кого-л. своей власти – подчиниться чьей-л. власти’. Данные единицы являются очень древними: Д.С. Лихачев отмечает использование УСК *главы подъ мечь подъклонити* уже в «Слове о полку Игореве» [1978: 168], – а в наших материалах впервые названный УСК встречается в памятнике конца XIV в. «Задонщина», – вероятно, не без влияния «Слова о полку Игореве». Интересно, что УСК со словом *мечь* активно функционируют и в воинских повестях начала XVII в., хотя тогда меч уже не использовался русскими воинами в качестве оружия: это показывает, что данные единицы стали подлинными фразеологизмами с образным, метафорическим значением.

Таким образом, УСК, обозначающие начало и конец военных действий, играют большую роль в текстах воинских повестей XII–XVII вв., и они сохранили для нас важные элементы древнерусской языковой картины мира, а потому должны быть адекватно отражены в лексикографических трудах.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц В.П. Послесловие // Воинские повести Древней Руси / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 115–118.

Ледяева С.Д. Из истории формирования русской военной лексики XI–XIII вв. // Ледяева С.Д. Очерк по исторической лексикологии русского языка. – Кишинев: Штиинца, 1980. – С. 7–58.

Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. – Л.: Худож. лит., 1978.

Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» как художественное целое // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 3. – С. 170–198.

Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). – М.: Изд-во МГУ, 1902.

Словарь XI–XIV: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. – Т. 1–8. – М.: Рус. яз.; Азбуковник, 1988–2008 (изд. продолжается).

Словарь XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008 (изд. продолжается).

Словарь XVIII: Словарь русского языка XVIII вв. – (Л.) СПб.: Наука, 1984–2007. – Вып. 1–17 (изд. продолжается).

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) – Л.: Наука,1970.

Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108–141.

FIXED PHRASES DENOTING START AND CESSATION OF HOSTILITIES AS LEXICOGRAPHIC MATERIAL (BASED ON 12th – 17th CC. WAR STORIES)

L.A. Garayeva

The article deals with semantic and structural features of fixed phrases denoting hostilities start and cessation, and their functions in Old Russian war stories of 12 – 17th cc. These units display important features of linguistic world-image of ancient Rusiches. Only very few of these phrases found their way into Old Russian dictionaries.

© 2009

М.А. Коротенко

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ-НАИМЕНОВАНИЯ ВИДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК МАТЕРИАЛ ДЛЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА РАСКОЛОУЧИТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Триада «преступление-суд-наказание» занимает одно из центральных мест в текстах раскольников. Первая часть этой триады объективирована многочисленными устойчивыми словесными комплексами (УСК) в памятниках эпохи раскола.

Под *преступлением* в Соборном Уложении 1649 г. – основном источнике права XVII в. – понималось всякое сопротивление царской воле, нарушение предписания и правопорядка, установленного государством. Объектами пре-

ступления правовые нормы, актуальные для XVII в., считали церковь, государство, семью, личность, имущество и нравственность. Закон выделяет отдельные стадии преступного деяния: умысел, покушение на преступление и собственно преступление. Умысел, который сам по себе уже может быть наказуемым, в текстах расколоучителей второй половины XVII в. отражается УСК *затѣики законопрѣступны (затѣя* – 'выдумка, измышление' [СлРЯ XI–XVII, 5: 320]).

Обвинения в покушении на преступление и в преступлениях против церкви звучали из уст предводителей обеих противоборствующих сторон в эпоху раскола.

В Соборном Уложении впервые были подробно описаны составы преступных деяний против религии. В главе I «О богохулниках и о церковных мятежниках» определяется понятие *богохульства* – «хула на Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, или на рождьшую Его Пречистую Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию, или на честный крестъ, или на Святыхъ Его угодниковъ» [Соб. Улож, гл.I; ст.1], – которое могло повлечь за собой применение торговой казни, простого битья кнутом, тюремного заключения, квалифицированную смертную казнь через сожжение. В текстах расколоучителей второй половины XVII в. функционируют УСК, характеризующие состав названного преступления, – *богохульные слова говорити, говорити (хульные) (и) богомерзкіе слова, глаголати хулу на содѣтеля, хулу (на святыхъ) вѣщати, на святаго духа хулити, похулити отца (и сына), похулити образъ господа, прѣкословити о святѣи троицѣ*. Они содержат ярко выраженные семы негативной оценки и экспрессии в христианской культуре XVII в., что демонстрируют тексты этого периода: «*Какую* ***хулу*** *услышу* <...> ***про имя великаго бога*** <...> *не буду молчати* <...> *но* <u>*извещу*</u>...» [Материалы: 233]; «<u>*чли отписку*</u> *воеводскую на муромскаго протопопа логина бутто онъ протопопъ логинъ* ***похулилъ образ господа нашего Ісуса Христа***...» [Материалы: 41]; «*и протопопъ логинъ* <u>*противъ отписки сказалъ*</u> *небуди-де мне* ***образа Господа*** *нашего Ісуса Христа и пресвятыя богородицы и святыхъ его нетокмо словомъ* ***хулити*** *но и помыслити что хулно*...» [Материалы: 41–42].

УСК *царскую честь попрати, великое государево дѣло сътворити/дѣяти,* обнаруженные в сочинениях расколоучителей описываемой эпохи, называют преступное деяние (по Соборному Уложению) – *великое государево дело,* – относящееся к <u>государственным преступлениям</u> и квалифицирующееся как измена [гл. II. «О государьской чести...»]. Напр., «*и я убогои за такими свидѣтели извѣстилъ великому государю тѣ никоновы* ***хулная слова на*** *ево* ***государское величество*** *и свидѣтелеи сказалъ*...» [Материалы: 236].

УСК *посланныхъ оскорбляти, съ посланными крамолити, огласити напрасно кого-л., великое безчиніе (съ)творити, оглашати государю кого-л.* называют <u>преступные деяния против порядка управления</u>.

УСК *посланныхъ оскорбляти, съ посланными крамолити* характеризуют сопротивление приставу и оскорбление официальных лиц. «*Християня же волости тоя скрыша григорія а* ***посланныхъ*** *отъ патриарха* ***оскорбиша***» [Материалы: 341]; «*григорию же молящу тѣхъ да не паче мѣры* ***съ посланными крамолятъ***...» [Материалы: 341] – контексты, которые описывают действия крестьян, сочувствующих раскольному движению.

В УСК *огласити напрасно* кого-л., *оглашати государю* кого-л., *оглашати на соборѣ* кого-л. глагольный компонент реализует значение ‘оговорить, оклеветать’ [СлРЯ XI–XVII, 12: 235] (*оглашеніе* – ‘клевета, хула, донос’ [СлРЯ XI–XVII, 12: 236]), а сами УСК означают ‘дать ложные свидетельские показания’ либо ‘предъявить ложное обвинение’. Значение ‘ложно донести’ реализуют УСК *ложъ составити* на кого-л. (‘сочинить, написать заведомую ложь’ про кого-л. [СлРЯ XI–XVII, 26: 203]), *ложныи извѣтъ дати, клевѣтати на добрыхъ людеи*. Лжедоносчикам наказание определялось по принципу идеального талиона: ст. 17 гл. 2 Соборного Уложения гласила, что в случае ложного доноса ответчик подвергался тому же наказанию, которое должен был понести оговоренный [Соб. Ул., ст. 17, гл. 2].

УСК *великое безчиніе* означает ‘нарушение порядка, правил’ (*бесчиніе* – ‘нарушение порядка, беспорядок’, ‘неподчинение установленным правилам’ [СлРЯ XI–XVII, 1: 180]). В текстах раскольников он называет действия самих авторов и функционирует в форме официального обвинения. Напр., «...*въ грамотѣ о мнѣ ко властемъ писано за* ***великое безчиніе*** *вѣлено въ черныхъ службахъ ходити*» [Материалы: 51].

К преступлениям против порядка управления, по Соборному Уложению, относились преступления против судебной власти. Ст. 106 гл. 10 предусматривала ответственность за нарушение порядка в суде. Данное противоправное деяние в исследуемых текстах фиксируют УСК *соборъ похулити/похуляти соборъ, на соборъ возставати/восстати* – ‘выступить, подняться против кого-л., на кого-л.’ [СлРЯ XI–XVII, 3: 151–152]), *собору не покорятися* (*покорятися* – ‘подчиняться; признавать себя неправым, выражая готовность к примирению’ [СлРЯ XI–XVII, 16: 172]), *на соборѣ дерзати* (*дерзати* – ‘действовать смело, решительно’ (*положительная оценка*) // ‘бесчинствовать, угрожать действием’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 226] – *отрицательная*). Напр., «*азъ не во святую троицу согрѣшилъ и не похулилъ отца и сына и святаго духа но* ***похуляю*** *вашъ* ***соборъ*** <...> *хулившему на чловѣка отпуститися ему а на святаго духа хулившему не отпуститися ни въ семъ вѣцѣ ни въ будущемъ*» [Материалы: 49]; «*по приговору* <...> *всего собора* <...> *присланъ* <...> *въ іосифовъ монастырь старецъ григореи нероновъ подъ началъ* <...> *къ* ***собору*** *за* ***непокореніе***» [Материалы: 221] и т.д.

Из должностных преступлений УСК текстов расколоучителей второй половины XVII в. называют считавшееся достаточно серьезным обвинением лихоимство (взяточничество) – *дары дати, дары възяти* (*даръ* - ‘мзда’ [СлРЯ XI–XVII, 4: 171]): «...*право оно лукавое никоново слово учинишь что буто ты* <...> ***дары далъ*** *архіереомъ и властемъ и они даровъ ради учинилися тебѣ* <...> *послушны и руки свои подписали...*» [Материалы: 186]; и неправосудие (заведомо несправедливое решение дела, обусловленное корыстью или личной неприязнью) – *ниправильнѣ смиряти, противъ писанія смиряти/смѣряти* (*смѣряти/смиряти* – ‘воздавать той же мерой; приводить к надлежащему образу поведения, усмирять’ [СлРЯ XI–XVII, 25: 174–175]), *недостоино судити, неправо судити, безъ испытанія (о)судити, ради страсти (чьей-л) (о)судити, за правду мучати, изгнати безъ всякія правды, неправымъ судомъ (о)судити, по невозможному судити, кромѣ благодати духа святаго судити*. Часть УСК данной группы имеет в своем составе зависимый компонент *правда/истина (за правду мучати, изгнати безъ*

всякія правды, за истину страдати и др). В словарях абстрактные существительные *правда* и *истина* определяются одно через другое, при этом указывается на общее значение – 'справедливость' [СлРЯ XI–XVII, 6: 319] и 'учение Христово' [Клименко 2000: 76].

Таким образом, мирской суд в исследуемых текстах выступает в качестве основного противника и «разорителя» как справедливости, так и шире – учения Христова. Напр., «*...никонъ патріархъ всуе себе оправдаетъ якоже реклъ еси и* ***неправилнѣ*** *<...> насъ* ***смиряетъ****, но страсть свою исполняет и туне насъ* ***за правду мучитъ***» [Материалы: 73–74].

УСК *къ чловѣку съгрѣшити, честь попрати* чью-л., *хулити на чловѣка, глаголати словеса хулная* на кого-л., *словомъ хулити* кого-л., *говорити скверные слова* на кого-л., функционирующие в исследуемых текстах, характеризуют преступления против личности. УСК *честь попрати* чью-л. указывает на более конкретное деяние в системе данных преступлений – оскорбление чести (*попрати* – 'оскорбить непочитанием, пренебрежением', 'грубо нарушить' [СлРЯ XI–XVII, 17: 97]). К преступлениям против чести относилось оскорбление словом [Соб. Ул., гл. 22, ст. 11], отражаемое в сочинениях расколоучителей второй половины XVII в. УСК *хулити на чловѣка, глаголати словеса хулная* на кого-л., *словомъ хулити* кого-л*, говорити скверные слова* на кого-л. (*скверныи* – 'грубый, бранный' [СлРЯ XI–XVII, 24: 190-191]), *неистовые слова говорити* про кого (*неистовыи* – 'лживый, бесчестный', 'плохой' [СлРЯ XI–XVII, 11: 145]).

Из четырех типов причастности к совершению преступления, выделяемых правовыми нормами XVII в., УСК исследуемых текстов упоминают три (исключается пособничество).

Первое из них – попустительствовать (не реализовать обязанности по предотвращению преступления). Подгруппа с этой сложной семой формируется из УСК *попустити мятежникамъ, попустити суесловцамъ*. Стержневой компонент данных УСК содержит информацию о содержании преступного деяния, зависимый насыщает УСК семами эксплицированной негативной оценки в сочетании с ярко выраженными семами экспрессии: *мятежник* – 'тот, кто вызывает мятеж, сеет смуту' [СлРЯ XI–XVII, 9: 350], *суе* – 'напрасно, бесполезно' [Цейтлин: 635]).

Недоносительство – второй тип причастности к совершению преступления. УСК с общей сложной семой 'не донести о подготовке и совершении преступления' формируют в исследуемых текстах подгруппу УСК – *за молчание (злѣ) (по)страдати, за молчаніе осудити*.

Укрывательство (сокрытие преступника или следов преступления) – третий тип причастности к совершению преступления, который отражается в исследуемых материалах (*въ домахъ своихъ скрывати/держати, у себя укрыти*). Данные УСК характеризуют действия крестьян, сочувствующих раскольному движению.

Таким образом, в исследуемых текстах посредством УСК получает объективацию бульшая часть видов противоправных деяний, зафиксированных в Соборном Уложении 1649 г. Иерархия системы преступлений, по исследованным материалам, выглядит следующим образом (от более осуждаемого – к менее осуждаемому): 1) преступления против церкви, 2) государственные преступле-

ния (оскорбление государевой чести), 3) неправосудие, 4) попустительство, 5) недоносительство, 6) лихоимство, 7) преступный умысел, 8) дача ложных свидетельских показаний; ложное обвинение; оскорбление чести, 9) сопротивление приставу, оскорбление официальных лиц, 10) нарушение порядка в суде; укрывательство.

Из языковых единиц, содержащих указание на систему права XVII в., в текстах вождей раскола обнаружены в основном УСК, характеризующие государственное право, где ограждается богопочтение, личность государя, частично – устав судоустройства и судопроизводства. В исследуемых текстах не обнаружены УСК, характеризующие ограждение чести государева двора, запрет на подделку государственных актов, монет и драгоценных вещей, паспортный устав, устав военной службы и военно-уголовное уложение; устав судоустройства и судопроизводства; обязательное право; вещное право (вотчинное, поместное, тяглое и право на холопов); уголовное уложение и некоторые другие. Видимо, данные реалии не были актуальны для авторов исследуемых текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – М.: Брат. слово, 1875. – Т. 1.

Соб. Улож.: Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии. – Л.: Наука, 1987.

СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28 (изд. продолжается).

Клименко Л.П. Словарь переносных образных и символических употреблений слов в Псалтири. – Нижний Новгород: Изд-во Братства А. Невского, 2000. – Ч. 1. – Псалмы 1–50.

Цейтлин 1994: Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): ок. 10000 слов / под ред. Р. М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

COLLOCATIONS OBJECTIFYING CRIMES (DATA ON RASKOL'NIKI VOCABULARY OF THE SECOND HALF OF THE 17th C.)

M.A. Korotenko

Crime-trial-punishment triad occupies a prominent place in the texts of raskol'niki (schismatics). The article considers its first part – "crime" objectified by collocations taken from a complete set of Raskol'niki (Old Believers) texts and documents of the 17th c.

© 2009

И.В. Петрова

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВЕСНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С КОМПОНЕНТОМ *ВРЕМЯ* В ПУСТОЗЕРСКОЙ ПРОЗЕ
(материалы к «Словарю языка писателей раскола»)

Язык пустозерской прозы – сочинений протопопа Аввакума, дьякона Федора, попа Лазаря, инока Епифания – получал разную оценку с момента своего возникновения[1]. Эта оценка, результаты состоявшихся лингвистических исследований – повод серьезно подумать о создании «Словаря языка писателей раскола», в котором достойное место должен занять корпус устойчивых словесных комплексов (УСК) из произведений старообрядцев. Помимо богатейшего фонда УСК сочинений Аввакума, нами выявлено 605 УСК, которые 3 572 раза встречаются в рукописях его сподвижников.

По нашим материалам, в сочинениях писателей раскола функционирует 18 УСК, которые в качестве грамматического и семантического центра имеют полисемичную лексему *время* [Сл. XI–XVII, 3: 108–109]: *во время, во время* чего-л., *въ то время, въ то же время, въ свое время, во время се, во время оно, во едино время, въ послѣдняя времена, въ добрая времена, въ кое время и лѣто, на время, отъ того времени, до того времени, по малѣ времени, по временамъ, много время, не мало время.*

Единицы группы выражают категориальное значение обстоятельства времени, семантически и синтаксически соотносясь с наречиями. Все УСК (за исключением последних двух) представляют собой предложные конструкции в форме винительного, родительного или дательного падежа. Между тем преобладает модель «предлог “въ(во)” + $С_В$», как общая она представлена в двух первых единицах с предлогом «во», в остальных же 10 случаях модель осложняется – включает в свой состав прилагательные, местоимения, числительные, выступающие как определения к существительному в В.п.

УСК *во время,* восходя к греческим формулам πρός καιρόν и εν καιρω, имеет два значения –‘на протяжении некоторого времени’ и ‘в надлежащее время, своевременно’ [Сл. XI–XVII, 3: 109]. По нашим наблюдениям, эта единица в одном случае употребляется с отрицательной частицей *не* и реализует значение ‘в ненадлежащее время, несвоевременно’, в другом – указывает на ‘момент протяженный’ и ‘момент благоприятный’, сопрягаясь с прилагательными *благочестивое* и *тихое*: «...**оузналъ свое нечестіе и беззаконіе, но не во времꙗ**», «**И сіꙗ *Книга о вѣрѣ правой* <...> на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ <...> во времꙗ благочестивое и тихое**» [Дьякон Федор 1881: 219, 143]. В заданной контекстами противопоставленности своевременности/несвоевременности вырисовывается сложная картина взаимодействия человека со временем, когда это взаимодействие представлялось «не только живым, но и жизненно важным процессом» [Звездова 1996: 32].

С УСК *во время* сближается по значению единица *въ свое время*[2], которая имеет в XVII в. числовой грамматический вариант *во времена своя*: «...**и тогда оуже**

ꙗвитсꙗ сынъ погибельный, противникъ, антихристъ, во свое времꙗ»; «... **показано бысть** <...> **о всѣхъ тѣхъ свꙗтыхъ, кои собраны во времена своꙗ на седми свꙗтыхъ вселенскихъ соборѣхъ**...» [Дьякон Федор 1881: 179, 145]. Значение совокупности, множественности «времен», реализуемое компонентом *времена,* представляет ВРЕМЯ событием – разноликим, неуловимым и изменчивым [Звездова 1996: 30, 35]. В современном русском языке на месте отмеченных УСК мы видим уже совпадающие по значению наречия «вовремя» и «своевременно».

УСК *во время* чего-л., включенный в [Словарь XI–XVII, 3: 109], передает в сочинениях старообрядцев значение абстрактного времени. Он представляет собой сочетание предложно-именного сочетания *во время* с генитивом имени, функцию которого в старообрядческих произведениях выполняют абстрактные существительные (*страсть, обругание, отречение, отступление, скудость, напасть*): «...**чесна ваша милость во времꙗ нашей скоудости**»» [Дьякон Федор 1989: 220].

УСК с компонентом *время*, при котором функцию определения выполняют местоимения, чаще всего указательные (*се, то, оно*), реже неопределенные (*некое*), представляют в произведениях старообрядцев время-событие, но не называют его, а определяют на оси времени (прошлое – настоящее – будущее) с помощью местоимений.

Так, УСК *во время се* указывает на время-событие в настоящем: «... **намъ** <...> **подобаетъ доуши своꙗ полагати со всꙗкимъ тщаніемъ и съ любовію теплою во времꙗ се**» [Дьякон Федор 1881: 211]. «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» отмечает не наречный УСК, выявленный нами, а предметный УСК «**се времѧ**»» со значением ‘время жизни земной (в отличие от загробной)’ [Словарь XI–XIV, 1: 497]. УСК *въ то время* и его варианты *въ время то, въ та времена*, имея общее значение ‘тогда’, указывают на время-событие и в прошлом, и в будущем. Определяющим в этом указании становится глагол, с которым сопрягаются УСК: «**А въ то времꙗ еще тѣ ꙗзыки въ вѣроу не пришли**...» [Дьякон Федор 1881: 145]; «... и **въ то времꙗ ꙗвитсꙗ соупротивникъ Христоу**» [Поп Лазарь 1878: 247]. В одном употреблении УСК *въ то время*, наряду с указательным, реализует созначение ‘вечно’, получая расширение за счет компонентов *и всегда*: «... **соугоубъ Христосъ, весь Богъ и весь человѣкъ, и со Отцемъ на небеси весь пребысть неотлоучно, въ то времꙗ и всегда**» [Дьякон Федор 1881: 97]. Примечательно, что указание на время-событие в прошлом встречается гораздо чаще, чем указание на время-событие в будущем (31 и 6 употреблений соответственно). «Прошлое оценивается» старообрядцами «с точки зрения настоящего момента», к прошлому писатели раскола прибегают «для объяснения настоящего», прошлое для них «в известной мере и есть настоящее» [Лихачев 1967: 306]. В будущем для старообрядцев кончается священная история. Мир оказывается пустым, богооставленным, и драматизм этого усиливает тот факт, что апокалиптическое будущее предстает не чем-то далеким, а близким, потому что знаки его старообрядцы видят уже в настоящем.

За глаголом, сопрягаемым с УСК *въ то время,* закрепляется и другая важная функция в старообрядческих сочинениях – измерение темпоральной дали, прикосновение к вечности. «Рассказчик и рассказываемое остаются на почве человеческого действия» [Матхаузерова 1972: 235], когда УСК *въ то время* сопрягается с перфектными формами, но рассказываемое (обычно чудо или то,

что было в видении, во сне) относится к вечному, когда единица употребляется при аористных формах. Напр.: «**И въ то времꙗ, егда волосы остригли**» [Поп Лазарь 1878: 281]; «**И беси отстоупиша от него въ то времꙗ**» [Там же: 126]; «...**и Єпифаніевъ ꙗзыкъ ꙗко отрасте въ то времꙗ: дала бо емоу Богородица ꙗзыкъ**» [Дьякон Федор 1881: 48].

В «Житии» старца Епифания УСК *въ то время* один раз сопрягается с безличным глаголом *мнити* и указывает на время-событие в мире духовном, потустороннем, характеризующемся вневременностью, но совершенно конкретном: «**И мнит ми сꙗ в то времꙗ, кабы потолок келейной открывается и прихожаше ми сила Божиꙗ оттоудоу на беса, еже моучити его**» [Инок Епифаний 1989: 179].

УСК *въ то же время* в произведениях старообрядцев указывает на такой промежуток времени (очерченный событием), который был тем же самым и для другого события, и определяет эти события и на оси времени, относя их к прошлому. Данной единице синонимичен УСК *во едино время* (*ἐν ἑνί θαιρω*). Он используется старообрядцами в значении ‘одновременно, в одно и то же время’ [Словарь XI–XIV, 1: 497], когда они излагают апокалиптические пророчества о «последних временах»: «**Въ тоже времꙗ ꙗтъ бысть и Никита попъ соуздальской съ великою челобитною на новыꙗ книги. Въ то же времꙗ посла царь скоро грамоты своꙗ ко всѣмъ пестрымъ властꙗмъ**» [Дьякон Федор 1881: 233]; «...**Въ послѣднꙗꙗ времена востати имоутъ десꙗть царей на земли, царствоующихъ въ разныхъ мѣстѣхъ во едино времꙗ римской власти**» [Поп Лазарь 1878: 247]. Примечательно, что «Словарь русского языка XVIII в.» характеризует УСК *во едино время* как полифункциональный: *во едино время* – 1) одновременно, 2) однажды, 3) вместе с тем, в то же время [Словарь XVIII, 4: 132], – что не нашло выражения в анализируемых нами источниках.

УСК *во время оно* относится к тем заимствованиям (*τω χαιρω έχείνω*) [Срезневский, 2: 674], которые «изначально были многозначными, точнее, имели двоякое значение, а именно – реально-сакральное: ... могли иметь просто указательное значение[3] <...> но также могли обозначать время пришествия Христа...» [Звездова 1996: 40]. Старообрядцами единица используется в значении ‘некогда, когда-то’ [Словарь XI–XVII, 3: 109]: «**Во времꙗ оно, рече, восстати иматъ Михаилъ кнꙗзь великій, настоꙗй надъ сынми людей твоихъ**» [Поп Лазарь 1878: 225]. С УСК *во время оно* сближается по значению УСК *въ некое время* (словарями не отмечен): «**И по сих пор в некое времꙗ, до Покрова за две недели <...> возлегшоу ми по обычаю моемоу на месте обычном, на голой доске**» [Инок Епифаний 1989: 179].

С точки зрения структуры и значения интерес представляет УСК *и въ кое время и лѣто*. Модель предложной конструкции в форме В.п. с местоимением (*въ кое время*) получает осложнение за счет союза «и–и», который соединяет две временные лексемы, находящиеся между собой в родо-видовых отношениях, – *время* и *лѣто* (*лѣто* в значении ‘год’). В результате наблюдается совмещение общего и частного временнуго значения в смысловой структуре единицы: «...**и вси знаютъ оуже, отъ кого оучинилосꙗ то на Москвѣ, и въ кое времꙗ и лѣто, и въ книгахъ написано есть и боудетъ**» [Дьякон Федор 1881: 156].

УСК *отъ того времени, до того времени*[4] представляют собой конструкции родительного падежа. Первый ‘указывает на время, с которого начинается

что-л.' [Словарь XI–XIV, 4: 212], второй – 'на временной предел чего-л.' [Словарь XI–XIV, 2: 474]. Обозначая полюсные отрезки временнуго интервала 'начало' и 'конец', отмеченные единицы, как и другие дейктические УСК, продолжают представлять время-событие в мире реальном (что наблюдаем в сочинениях попа Лазаря и дьякона Федора) или же обозначают границу, связывающую два мира – духовный с реальным (что характерно для «Жития» Епифания): «**[Никонъ] аллилоуіꙗ почалъ четверити, отъ того времени и прочаꙗ расколы творити въ церкви**»» [Дьякон Федор 1881: 149]; «**Азъ же возрадовахсꙗ и возбноух ꙗко от сна, идивлюсꙗ семоу видению, глаголꙗ в себе: «Господи! Что се хощет быти?» И от того времени скоро помалоу–малоу доиде ꙗзык мой до зоубов моих и бысть полон и велик**...» [Инок Епифаний 1989: 196].

Единичны случаи использования старообрядцами УСК *на время* и *по временамъ*. Обе единицы функционируют в сочинениях дьякона Федора в узуальном значении: 'временно, на какой-л. срок' [Словарь XI–XVII, 3: 109][5] и в значении 'иногда' [Словарь XVIII, 4: 132] соответственно: «...**ꙗко на времꙗ вѣроуютъ, а во времꙗ напасти отпадаютъ**» [Дьякон Федор 1881: 63]; «...**и потомъ по временамъ боудетъ** <...> **отстоупленіе отъ вѣры** ...» [Дьякон Федор 1881: 262].

Немногочисленны в произведениях старообрядцев и УСК, содержащие реально-количественные характеристики времени: *по малѣ времени, много время, не мало время*. УСК *по малѣ времени* реализует значение 'по прошествии непродолжительного (недолгого) времени, вскоре'[6] и по сути представляет собой расширенный вариант единицы *по времени*, зафиксированной в словарях в значениях 'через определенный промежуток времени' [Словарь XI–XIV, 1: 495] и 'по прошествии времени' [Словарь XVIII, 4: 132]. Напр.: «**И по малѣ времени разболѣсꙗ отроча то, и пріидоша бѣсове по доушоу его**» [Дьякон Федор 1881: 138]. УСК *много время, не мало время* реализуют одно и то же количественное значение – 'долго': «... **понеже бо по совершеніи книгъ тѣхъ не мало времꙗ преиде**»; «**И тако много времꙗ манили емоу, ждоущее смерти его**» [Дьякон Федор 1881: 141, 231].

Особого внимания в плане языковой ментальности заслуживают УСК, содержащие качественные характеристики времени: *въ послѣдняя времена* (и его вариант *въ послѣднее время*) и *въ добрая времена*. Словари отмечают только первую единицу (но не как наречную, а как именную), фиксируют оба варианта или только один. Ср. оба варианта в значении 'конец мира' [Словарь XI–XVII, 17: 178]; один – «послѣднее времѧ» со значением 'конецъ вѣка' [Дьяченко 1993: 462] и один же вариант «Последние времена. О приближении конца света» [Словарь XVIII, 4: 133]. Такой же, отмеченный последним вариант УСК отмечает «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)», указывая дополнительно на происхождение единицы: «**послѣдньꙗ времена** – период перед «концом света» ... (*ἐν θστέροις θαιροις ПНЧ XIV, 166а*» [Словарь XI–XIV, 1: 493]. Именно в этом значении УСК *въ послѣдняя времена* функционирует в писаниях дьякона Федора: под *послѣдними временами* писатель разумеет еще не конец мира, а период, приближающий этот конец, – «последнее отступление от веры», которое открылось в мире с 1666 г. в виде «никонианства». Напр.: «... что **въ послѣднꙗꙗ времена исправꙗтъ вѣроу добрѣ и обрꙗщоутъ истинноу**» [Дьякон Федор 1881: 280]. Приведенный контекст, пока еще имплицитно, задает противопоставле-

ние времени доброго и злого (что характерно для особенностей сакральной мысли), которое поддерживается употреблением единицы *въ добрая времена*, наряду с УСК *въ послѣдняя времена*. Напр.: «... **старыꙗ Слоужебники** <...> **печатаны древле съ греческихъ древнихъ письменныхъ, переведены въ добраꙗ времена, до взꙗтіꙗ Царьграда и истребленіꙗ греческихъ книгъ отъ римлꙗнъ за много лѣтъ**» [Дьякон Федор 1881: 279]. Благодаря УСК *въ добрая времена*, для которого обнаруживаем связь с единицей *въ благо время* εὐθαίρως, εὔθαιρον, 'удобно, вовремя' [Цейтлин 1994: 125], а *благъ* значит 'добрый, хороший' [Там же: 90], проясняется еще одна ментальная составляющая УСК *въ послѣдняя времена* – 'в неблагоприятные'. Таким образом, пара единиц *въ послѣдняя времена* и *въ добрая времена,* функционируя в сочинениях дьякона Федора, выражает противопоставления, определяющие особенности сакральной мысли в отношении категории *времени*. Это время отступления и время веры, время злое (время злой вѣры – 'ложного вероучения, ереси')[7] и время доброе (время доброй вѣры – 'истинного вероучения'), без-благодатное и благодатное.

Итак, проведенный анализ показал, что для УСК с компонентом *время*, с одной стороны, характерна широкая вариантность и синонимия (что естественно для 2-й половины XVII в., начального этапа формирования национального русского литературного языка). С другой стороны, индивидуально-авторское использование УСК преобразования, которые претерпевают «временные» УСК в процессе функционирования в сочинениях писателей раскола, свидетельствуют об изменении мировосприятия русского человека 2-й пол. XVII в., говорят о трансформации содержания религиозных понятий, во многом обусловленной временем великого раскола в русской церкви. Такого рода материал должен, на наш взгляд, выйти за рамки индивидуального исследования и найти отражение в лексикографических изданиях, посвященных языку XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

Дьякон Федор. Сказаніе объ Аввакумѣ, Лазарѣ и Епифаніи. Посланіе въ Москву изъ Пустозерска. Посланіе изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братіямъ по вѣрѣ. Посланіе ко всѣмъ православнымъ о антихристѣ. Сказаніе о церковныхъ догматѣхъ и обличеніе на еретиковъ и отступниковъ // Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 6. – М.: Братское слово, 1881. – С. 45-48, 60–79, 90–261, 261–269, 269–298.

Звездова Г.В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1996.

Инок Епифаний. Житие Епифания // Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Кн. 2. / сост. и общая ред. Л. Дмитриева; Д. Лихачева. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 310–336.

Лихачев Д.С. «Перспектива времени» в «Житии» Аввакума // Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л.: «Наука», 1967. – С. 303–310.

Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. – Л., 1972. – Т. 27. – С. 228–233.

Полный церковно-славянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – М.: Издат. отдел Моск. патриархата, 1993.

Поп Лазарь. Челобитная царю Алексѣю Михайловичу. Челобитная патріарху Иоасафу, писанная въ Пустозерскѣ въ 1668 году // Материалы для истории раскола за первое

время его существования / под ред. Н. Субботина. – Т. 4., ч. 1. – М.: Братское слово, 1878. – С. 223–266, 266–284.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / РАН. Ин-т рус. яз. – М.: Рус. яз. – Азбуковник, 1988–2008. – Т. 1–8 (изд. продолжается).

Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28 (изд. продолжается).

Словарь русского языка XVIII века / Ин-т лингв. исследований РАН. – Л.–СПб.: Наука, 1984–2007. – Вып. 1–17 (изд. продолжается).

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – Репр. изд. – М.: Книга, 1989.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.): около 10 000 слов / под ред. Р.М. Цейтлин [и др.]. – М.: Рус. яз., 1994.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом подробнее см. в кн.: Шулежкова С.Г. Язык одного из демократических направлений русской литературы 2-й половины XVII столетия (к истории публицистики, созданной писателями-старообрядцами). – Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1982. – С. 26–41.
2. Ср. значение единицы в «Словаре русского языка XVIII века»: «В свое время. (В) подходящий, нужный момент» (Л.: Наука, 1984. – Вып. 4. – С. 133). Семантическая связь между единицами отмечена в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)»: «**въ времѧ своꙗ, въ времена своꙗ** *то же, что* **въ времѧ** – *вовремя, когда следует*» [Словарь XI–XIV, 1: 496].
3. См. в «Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.)»: «въ **времѧ** оно, въ времена она, въ оно **времѧ** – *в то время (о котором уже шла речь)*» [Словарь XI–XIV, 1: 497].
4. Словари фиксируют только УСК без компонента *того*, представленного в выявленных нами единицах. «До времене (времени) – а) до наступления срока; б) до подходящего момента» [Словарь XI–XVII, 3: 109]. «До времени. До начала христианского летоисчисления», «От времени. Вследствие прошедшего времени, длительного существования» [Словарь XVIII, 4: 131–133].
5. Ср. значение единицы в «Словаре русского языка XVIII в.»: на время – ‘на некоторое время’ [Словарь XVIII, 4: 132].
6. В «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» зафиксирована единица *по мале* μετ’ ὀλίγον вскоре, немного погодя [Цейтлин 1994: 321].
7. См. Злая вѣра, злое учение – ‘ложное вероучение, ересь’ [Словарь XI–XVII, 6: 24].

FIXED COLLOCATIONS WITH COMPONENT *TIME* IN PUSTOZYORSK PROSE (MATERIAL FOR “THE DICTIONARY OF THE RUSSIAN SCHISM WRITERS LANGUAGE”)

I.V. Petrova

The paper is devoted to the analysis on fixed collocations with a component «time» in terms of meaning, functioning, and linguistic mentality. The research is based on the works of the Archpriest Avvakum’s associates, namely, cenobite Epiphany, Priest Lazar, Deacon Fyodor. Research results are advanced for “The Dictionary of the Russian Schism Writers Language”.

© 2009

О.А. Арапов

БИБЛЕИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ДУХОВНОГО ФОЛЬКЛОРА И ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Библеизмы, как фразеологические единицы (ФЕ) русского языка, всегда привлекали внимание исследователей-лингвистов. В настоящее время, на новом витке развития языкознания, когда язык стал пониматься не только как средство общения, коммуникации между людьми, но и как когнитивный механизм, участвующий в создании, построении и структуризации картины мира отдельного индивида и языкового сообщества в целом, изучение ФЕ библейского происхождения приобретает новый характер. Библеизмы начинают рассматриваться как своеобразные «ключи доступа» к той части русской концептосферы, которую можно было бы назвать христианской составляющей русской национальной картины мира.

Практика лексикографического описания устойчивых словесных комплексов (УСК), восходящих лексически и/или семантически к текстам Священного писания, имеет свою долгую историю. Появление новых когнитивных методик анализа языковых единиц ни в коей мере не умалило значимости лексикографического описания ФЕ. В настоящее время одной из актуальных проблем является необходимость создания специальных словарей и справочников, в которых был бы максимально полно собран и описан фонд библеизмов русского языка.

Несомненно, что источником ценного материала как для составления полного свода библейских УСК, так и для установления закономерностей образования и развития устойчивых сверхсловных единиц являются русские духовные стихи – «народные поэтические тексты, объединенные религиозной православной тематикой и христианским характером этической оценки» [Толстой 1999: 158].

Языковая стихия духовных стихов, совмещающая в себе черты христианской книжной и устной народной традиции, – явление мало изученное. Из-за существовавшего в годы советской власти негласного запрета на исследование традиционной духовной культуры сложилась интересная ситуация: в конце XX – начале XXI в., в эпоху когнитивной лингвистики, язык духовного фольклора оказался «нетронутой целиной». Между тем значение и место духовных стихов в русской культуре трудно было бы переоценить. Представляется несомненной и значимость изучения языковой стихии духовного фольклора для понимания процессов проникновения библейских микротекстов и словосочетаний во фразеологический фонд русского языка и образования библейских сверхсловных единиц на базе русской лингвокультурной стихии.

Русские народные духовные стихи в основной своей массе были зафиксированы с устного исполнения во второй половине XIX – начале XX в. При исследовании 259 духовных поэтических текстов нами методом сплошной выборки было извлечено свыше 200 УСК библейского происхождения в более чем 2500 употреблениях.

Анализ лексикографических изданий позволил установить, что лишь часть библеизмов, функционирующих в языке духовного фольклора, зафиксирована и описана в словарях. Это объясняется как типом словарей, так и установками лексикографов и долгое время господствовавшим узким подходом к объекту фразеологии, при котором ФЕ признавались лишь единицы, обладающие идиоматическими значениями.

Так, в собрании М.И. Михельсона «Русская мысль и речь» [Михельсон 1994], описывающем более 300 единиц библейского происхождения, зафиксировано 10 библеизмов, функционирующих в языке духовного фольклора: *ад кромешный, Богу душу отдать* ‘(иноск.) – умереть’, *Божий суд, меньшая братия, на том свете* ‘(иноск.) – в загробной жизни’, *нечистый дух* ‘(иноск.) – сатана’, *спасти душу, раб Божий, Страсти Господни!* ‘(иноск.) – страшно, ужасно’, *Страшный суд* [Михельсон 1994, 1: 9, 61, 65, 547, 622, 686, 720; 2: 164, 321, 322]. Общим для всех указанных ФЕ является то, что они отмечены как единицы идиоматического, иносказательного характера. Значение (дефиниция) ряда библеизмов в словарных статьях не указывается, за заголовочным УСК сразу следуют примеры употребления.

В справочнике Н.С. и М.Г. Ашукиных «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» [Ашукины 1986], содержащем свыше 200 библейских единиц, зафиксированы 6 УСК, функционирующих в языке духовного фольклора: *в поте лица, вкушать от древа познания, святая святых, терновый венец, тридцать сребреников, тьма кромешная* [Ашукины 1986: 79, 102, 569, 628, 635, 642]. Данные единицы обладают иносказательным, идиоматическим значением.

Во «Фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ) под редакцией А.И. Молоткова описано свыше 4000 фразеологизмов, в основном – устойчивые обороты идиоматического характера. ФСРЯ относится к типовым толковым фразеологическим словарям современного русского языка. В его основу положен узкий подход к пониманию объекта фразеологии. В данном словаре зафиксировано 16 библейских УСК, встречающихся в русских народных духовных стихах: *ад кромешный* – ‘мучительная тяжелая жизнь, невыносимый шум, суматоха’, *Бог помочь* ‘выражение пожелания успехов’, *во веки веков, вкушать плоды* ‘пользоваться результатами совершенного’, *вознести до небес* ‘прославить’, *дай Бог, святым духом*, *молить Бога, отдать Богу душу, второе пришествие, пуп земли, раб Божий, святая святых, слава Богу, упаси Бог, царство небесное* [ФСРЯ: 29, 39–40, 59, 71, 75, 126, 149, 252, 301, 360, 369, 375, 416, 430, 496–497, 512].

Анализ «Фразеологического словаря современного русского литературного языка» (ФССРЛЯ), изданного в 2004 г. под руководством А.Н. Тихонова, показал иную картину. В ФССРЛЯ зафиксировано 45 ФЕ библейского происхождения, функционирующих в языке духовного фольклора: *ад кромешный, ангел-хранитель, Господь Бог, Боже милостивый, Матерь Божия, Божий суд, закон божий, Божий человек, во веки веков, верить в бога, вкушать плоды, вкушать от древа познания, геенна огненная, духовный отец, душа с телом расстается, лобное место, меньшая братия, молить бога, напрасная смерть, царствие небесное, небесная сила, нечистый дух, праведная душа, православный народ, Пресвятая дева, Пресвятая матерь, Пресвятая богородица, Пречистая дева, Пречистая Мать,*

просить милостыню, раб божий, святым духом, святая святых, слава Богу, смертный час, Страсти господни (Христовы), Страшный суд, творить добро (зло), терновый венец, тьма кромешная, херувимская песнь, Христа ради, Христос воскрес, Царица Небесная, Царь Небесный [ФССРЛЯ, 1: 13, 20, 64, 67, 105, 111, 141, 237, 363, 366, 551, 579, 601, 633, 643, 644, 665; 2: 102, 105, 118, 120, 160, 181, 315, 358, 378, 457, 458, 489, 498, 553, 675, 711, 716, 718].

Это связано с тем, что ФССРЛЯ является наиболее объемным сводом русских фразеологизмов: в нем описывается более 35 000 ФЕ. При составлении словаря были совмещены два подхода в понимании состава фразеологической системы: узкий (как совокупность идиоматических выражений) и широкий (как совокупность всех типов устойчивых словесных комплексов). В предисловии к словарю А.Н. Тихонов так характеризует состояние современной фразеографии: «В настоящее время необходимо разрабатывать основы широкого понимания фразеологии, значительно расширить границы фразеологии за счет устойчивых сочетаний и выражений» [ФССРЛЯ: 4]. При этом лексикограф указывает, что в словаре зафиксирована лишь треть всех фразеологизмов, функционирующих в русском языке.

Применительно к лексикографированию интересующих нас языковых единиц удалось установить следующее:

В числе оставленных «за кадром» оказалось 75% УСК библейского происхождения, которые широко представлены в русском духовном фольклоре.

1. Среди ФЕ, описанных в словарях и справочниках XX – начале XXI в., преобладают библейские сверхсловные единицы идиоматического характера.
2. Из омонимичных библейских УСК (ФЕ как устойчивых словосочетаний и ФЕ с идиоматическим значением), как правило, фиксируется только последний класс.
3. Словарная дефиниция у некоторых библеизмов отсутствует. Это связано с тем, что экспрессивно-образный, конкретно-детализирующий характер их фразеологической семантики осложняет определение значения данных ФЕ.
4. УСК библейского происхождения, функционирующие в духовном фольклоре, незаслуженно обделены вниманием в практике лексикографирования ФЕ. Полное и адекватное отражение библейских сверхсловных единиц в современных словарях и справочниках невозможно без обращения к языку русских народных духовных стихов.

ЛИТЕРАТУРА

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения – М.: Правда, 1986.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1994.

Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1999. – Т. 2.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1987.

ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.

BIBLICAL EXPRESSIONS IN SPIRITUAL FOLKLORE AND THEIR LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

O.A. Arapov

The article is devoted to a comparative description of a componential structure of fixed phrase means of verbalization of folklore and Christian world image in Russian spiritual folklore. Consideration is given to the first component of fixed verbal complexes of the model "adjective + noun".

© 2009

Е.И. Кислова

ПЕЧАТНЫЕ ПРОПОВЕДИ СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Проповедь – важный жанр духовной литературы середины XVIII в. Общепризнано, что в первые годы правления Елизаветы Петровны проповедь переживает бурный расцвет, связанный не только с тем, что по указу от 5 мая 1742 г. проповедь обязательно произносится в присутствии императрицы по воскресным и праздничным дням, но также с тем, что произнесенные проповеди активно публикуются и продаются. Известны также рукописные копии печатных, а иногда неизданных текстов (напр., рукописное собрание проповедей Арсения Мацеевича). Печатные проповеди сохранились плохо, однако все-таки лучше, чем рукописные. За редким исключением (см. [Попов 1858], [Барсов 1879], [Кагарлицкий 1999], [Живов 2004]), они мало исследовались: их разрозненность и труднодоступность привели почти к полному их забвению как в XIX, так и в XX вв.

Основная масса текстов публиковалась в церковнославянской орфографии в Синодальной типографии в Москве: архивные дела позволяют подсчитать, что в 1741–1751 гг. в этой типографии было издано свыше 60 проповедей, общее число только задокументированных тиражей которых составило 48 000 экземпляров. Отдельные тексты издавались в это время также в Академической типографии Санкт-Петербурга в гражданской орфографии, однако такие издания являются скорее исключением: их число не превышает 20, тиражи обычно составляют не более 400 экз.

Проповеди нечасто использовались лексикографами. Исключением являются проповеди Петровской эпохи: тексты Феофана Прокоповича, Гавриила

Бужинского и Стефана Яворского традиционно привлекают внимание исследователей в том числе как ресурс для изучения лексики русского языка (напр., [Кутина 1982]). Произведения названных авторов, напечатанные как при жизни, так и в последующие годы, входят в состав источников «Словаря русского языка XVIII века».

Однако 1740-е гг., период, единодушно признаваемый историками церкви временем наивысшего расцвета проповеднического искусства, представлены в «Словаре русского языка XVIII века» всего 10 текстами семи авторов, которые были изданы исключительно в гражданской орфографии в типографии Академии наук [Указатель источников 1984]. Это «Слово в день коронации» Петра Гребневского 1742 г., «Слово в день явления иконы пресвятой Богородицы во граде Казани» и «Слово в день благовещения» Димитрия Сеченова 1742 г., «Слово в неделю мясопустную» Арсения Могилянского 1743 г., два «Слова» Маркелла Радышевского 1742 г., «Слово в неделю 18 по сошествии Св. Духа» Стефана Савицкого 1742 г., «Слово на день рождения Елизаветы» Кирилла Флоринского 1741 г. и два «Слова» Амвросия Юшкевича: на бракосочетание Анны Леопольдовны и принца Антона-Ульриха 1739 г. и «Слово на день рождения Елизаветы» 1741 г. Ни один текст этого жанра, изданный в 1740–1750-х гг. в Московской синодальной типографии, не вошел в число источников «Словаря русского языка XVIII века», несмотря на то, что именно Синодальная типография являлась «базовой» для подобных изданий, а публикации в гражданской орфографии имели скорее характер исключений.

Проповеди, активно создававшиеся разными авторами на протяжении 1740-х гг., являются ценными источниками по истории русского языка эпохи. Ценность для исследователей представляет также точная (до дня) датировка печатных проповедей: в титуле каждой из них отмечена дата произнесения и дата выхода из печати. Задача данной статьи – обозначить ключевые позиции, которые делают тексты 1740-х гг. важными для работы лексикографов.

Лексический состав этих текстов является неоднородным. Несмотря на однозначную соотнесенность с церковной сферой, проповеди Елизаветинского периода, по крайней мере, в первые годы ее правления, активно вовлечены в жизнь общества. Церковные богослужения неразрывно связаны со светскими праздниками, и сама проповедь произносится часто по светским поводам – на день рождения, на заключение мира со Швецией и т.д. При этом проповедь, с одной стороны, должна сохранять ориентированность на церковнославянский язык и тексты Священного Писания; с другой стороны, одна должна быть понятной слушателям, современной и актуальной. Этим обусловлено включение заимствований в относительно консервативный жанр церковного красноречия, характерное в том числе для традиции «школьной» проповеди Юго-Западной Руси, к которой восходит проповедь середины XVIII в. Такое включение является также показателем достаточной распространенности и общепринятости заимствований: легче всего в тексты входят слова, заимствованные еще при Петре I и связанные с военным и морским делом, а также со сферами науки и искусства. Напр.*: *Посмотри на салдат не токмо когда в ордер баталии устрое-*

* Все примеры даются в упрощенной орфографии.

ваются, но и когда в ексерциициях воинских обращаются, каково чинно, каково с бережением регулы, каково по науке их артикула прохождение и возвращение, каково по гласу командующаго соотвечание, словом: Дивная армониа [Кирилл Флоринский. «Слово в день освящения церкви “Всех скорбящих радость”» 15 июля 1742]; *Всякое Архитектонское здание, яко и прочиих художеств Системы, почитаемо, и похваляемо, наипаче по трием причинам бывает: ово от драгих и честных материалов: ово от мудраго Архитектона: ово же и еще преимущественнее от обитающаго в возсозижденном доме* [Там же]; *и всякий к состроению и украшению приличный материал, по експерименту* [Там же]; *...аще не аз бог творец твари, и самыя натуры повелитель* [Платон Малиновский. «Слово в неделю вторую по сошествии Святого Духа», 20 июня 1742].

В некоторых случаях заимствование употребляется наряду с русским словом, подкрепляя или поясняя его значение: *А во первых зовет афеистов безбожных*... [Платон Малиновский. Там же]; *государство, в немже Глава Самодержавный Потентат* [Кирилл Флоринский. «Слово в день освящения церкви “Всех скорбящих радость”»].

В некоторых случаях заимствование противопоставлено русскому слову, что показывает, насколько хорошо чувствуют оттенки значений авторы текстов: *Вместо защитника имеется в еврейскомъ переводе щит, или броня, вместо же прибежища, фортеца, обоих бо сих вещей свойство защищати и сохраняти от стрел и нападения вражия* [Арсений Мацеевич. «Слово в день восшествия на престол» 25 ноября 1743].

В целом заимствования ожидаемо концентрируются в контекстах, связанных с мирскими темами: войнами, государственным управлением, обществом. Редко появляются они в собственно религиозных контекстах: *Мы же божиим, по Бозе же Твоим Высокоминистерским промыслом, покоя тишины и всякаго благополучия наслаждаемся* [Симон Тодорский. «Слово в день рождения Елизаветы Петровны» 18 декабря 1746].

Однако активное употребление заимствований, как уже было сказано, редко выходит за рамки определенных контекстов; более того, оно характерно не для всех авторов: язык проповеди этой эпохи может быть более и менее консервативным, более или менее насыщенным грамматическими и лексическими «русизмами» и «церковнославянизмами».

Крайне интересным для исследований представляется взаимодействие русской и церковнославянской языковых стихий, особенно в плане функционирования паронимов, напр.: *просити помощи от неяже дерзаем, понеже сами недоумеваем, но токмо дерзаем опасно, что бы за благодарение вместо милости не приняти гнева. Ужасно да не речет к нам Матерь Божия оная духа святаго словеса, сии людие устнами чтут мя, сердце же их далече отстоит от мене* [Димитрий Сеченов. «Слово в день явления чудотворной иконы в граде Казани» 1742]. В церковнославянском *опасно* имеет значение ‘внимательно, осторожно, тщательно’, *ужасно* – ‘в изумлении, в страхе’ [Седакова 2005: 226–227; 370].

В гомилетической традиции середины XVIII в. сохраняется характерное еще для «еллино-славянских» стилей русского литературного языка XVII в. употребление сложных слов [Виноградов 1982: 17]: *идеже многая* ***лстивоприбыточная, лукавноискомая, и частопогибелноприобретаемая*** [Кирилл Флоринский.

«Слово в день освящения церкви “Всех скорбящих радость”»]; *в толь великоважном деле без всякаго собиннопрочнаго самолюбия* [Платон Петрункевич. Там же]. Однако они становятся индивидуальной приметой стиля конкретного проповедника, как и активное употребление заимствований. Причем иногда один и тот же текст насыщается и заимствованиями, и архаическими «сложными» словами (напр., проповеди Кирилла Флоринского).

Так как родным языком большинства авторов был украинский, в проповедях мы можем также наблюдать проникновение отдельных украинизмов; однако их сохранение характерно в основном для текстов, изданных типографией Академии наук: *тщился искоренити неправду родную злобы сестру, со всеми злыми ея* ***нащадками*** [Симон Тодорский. «Слово на день рождения Петра Федоровича» 1743]; *нащадки* – укр. ‘потомки’. Однако редакторы Синодальной типографии в это время уже крайне редко сохраняли лексические украинизмы в печатных текстах.

Проповеди обильно фиксируют также фразеологизмы и устойчивые выражения, отдельные пословицы и поговорки: *Сего и не мыслит, и говорить с бедным не хощет, но аки фараон гордится, честию тешится, славою веселится* [Димитрий Сеченов. Там же] – отсылка к сюжету из книги Исхода, а также, возможно, к пословице «Сатана гордился, с неба свалился; фараон гордился, в море утопился; а мы гордимся – куда годимся?» [Даль 2008]; *а я уже всуе простираю слова, аще Христу, апостолам не верят, а мне* ***последней спице в колеснице*** *а не проповеднику, кто поверит* [Димитрий Сеченов. Там же]; *последняя спица в колеснице* – иноск. ‘ничтожный в деле человек, самый незначительный’ [Михельсон 1904]; *не велит опасатися и прелщатися таковым ложным мздоимцев прещением и обещанием.* ***когда дашъ, так будешъ князь, а не дашъ, так будешъ грязь*** [Арсений Мацеевич. «Слово в день Петра и Павла» 1742].

Таким образом, проповеди середины XVIII в. могут стать ценным источником для изучения истории словарного состава и фразеологии русского языка, а также для исследований, посвященных взаимодействию русской и церковнославянской лексики, заимствований, сохранению стилистически маркированных «сложных» слов.

ЛИТЕРАТУРА

Барсов Н.И. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия // Н.И. Барсов. Исторические, критические и полемические опыты. – СПб.: Типография Департамента Уделов, 1879. – С. 132–184.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1982.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Эксмо, 2008.

Живов В.М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. – М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Кагарлицкий Ю.В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода 1700–1775: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999.

Кутина Л.Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Лексико-стилистическая характеристика // Литературный язык XVIII в. Проблемы стилистики. – Л.: Наука, 1982. – С. 5–51.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии:

сб. образных слов и иносказаний: в 2 т. – СПб., 1904.

Попов Н.А. Придворные проповеди в царствование Елисаветы Петровны // Летописи русской литературы и книжности, издаваемые Н.С. Тихонравовым. – М.: Типография Грачева и комп., 1853. – Т. II, кн. 3. – С. 1–33.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005.

Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. – Л., Наука. 1984.

PRINTED SERMONS OF THE MIDDLE OF THE 18th CENTURY AS A LEXICOGRAPHIC SOURCE

E.I. Kislova

Sermons as an important genre of spiritual culture of the middle of the 18th century are rather poorly presented in native phraseography. Even the 1740-s period, when the Russian predicant art was at its highest, is represented only by ten texts of seven authors in The Dictionary of the Russian language of the 18th century. The author argues that the sermons of the middle of the 18th century can become a valuable source both for historic analysis of the vocabulary and phraseology, and for the study of interaction between Russian and Slavic-Ecclesiastical lexicon, the loans, the saving of stylistically marked «complex» words in the Russian language of the national norm establishing period.

© 2009

Ю.Г. Кокорина

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
(о выступлении В.А. Городцова на XI Археологическом съезде в 1901 году)

Василий Алексеевич Городцов (1860–1945) – классик отечественной археологии. С конца 1880-х гг. он начал заниматься археологическими исследованиями на реке Оке, являлся членом Рязанской (1891), Ярославской (1895) ученых археологических комиссий Московского археологического общества, участником археологических съездов. В 1903–1929 гг. работал в Российском Историческом музее, одному из залов которого в 1923 г. на торжественном заседании, посвященном 35-летию научной деятельности В.А. Городцова, было присвоено его имя. После Октябрьской революции принимал участие в музейном строительстве и разработке принципов охраны памятников, до конца 1930-х гг. проводил археологические раскопки в различных регионах страны, на основе которых издал свыше 200 работ.

Первой теоретической работой В.А. Городцова стал доклад на 11-м Археологическом съезде в Киеве 1899 г., опубликованный в 1901 г. К тому времени археологическая наука России накопила значительный материал, но принципы его классификации и единая терминология не были разработаны. Доклад В.А. Городцова «Русская доисторическая керамика» стал одной из первых попыток решить эту проблему. В.А. Городцов, отмечая важность исследования древней керамики для развития научного знания, писал: «Но для того, чтобы поднять это знание на должную высоту, прежде всего, необходимо выработать определенную систему описания и номенклатуру, которые облегчили бы как труды по классификации материалов, так и пользование ими в сводных работах» [Городцов 1901: 582].

Рассмотрим систему терминов, предлагаемых В.А. Городцовым.

Термины в докладе В.А. Городцова представлены на логико-понятийной основе, соответствующей предлагаемой им классификации понятий. Термины, называющие сосуды, выделены в особую группу, названную исследователем «Виды керамических изделий». В ней выделена подгруппа «Виды гончарных изделий». Как подчеркивает В.А. Городцов, он ставит своей целью рассмотреть лишь наиболее типичные виды [Городцов 1901: 598], т.е. набор его определений не полон, и автор осознает это.

В докладе В.А. Городцов определяет такие виды гончарных изделий, как *корчаги, горшки, чаши, тарелки, кувшины, ковши, кружки (кубки), сосуды загадочного назначения.* Определяемые слова выделены жирным шрифтом, после них стоит тире, далее следует определение. Таким образом, можно выделить левую и правую части словаря.

Правая часть начинается с отсылки на таблицы с иллюстрациями, далее следует непосредственно определение, затем – указание на распространенность того или иного вида сосудов в современной В.А. Городцову эпохе и в археологических культурах России. Далее следует указание на отличительные особенности того или иного вида керамики. Обязательные для современных толковых словарей грамматическая характеристика термина, а также характеристика термина по его употребительности, стилистической окраске и происхождению [Гердт 1996: 298] отсутствуют. Имеет место только семантическая характеристика термина. И это естественно, т.к. автор не ставил своей целью составление специального терминологического словаря, а предлагал коллегам-археологам первый вариант дефиниций для дальнейшего обсуждения и использования.

В определениях, данных В.А. Городцовым, используются признаки, наиболее важные и существенные для археологии: названы части сосуда, их размеры и форма. Напр., *Корчагами мы называем большие сосуды с выдающимися плечами и вогнутым верхним краем, образующим сравнительно небольшое отверстие. Чашами или чашками названы сосуды с широким отверстием и низкими боковыми стенками. Тарелки или сосуды с едва приподнятыми боковыми стенками* [Городцов 1901: 598–599] и т.п. При этом использованы термины, определения которых даны в словаре далее – частей сосудов. На этих определениях, следуя тексту выступления В.А. Городцова, мы остановимся ниже. Здесь же необходимо отметить строгую логичность построения предлагаемых исследователем определений, отсутствие опасного порочного круга, когда один термин определяет-

ся через другой, определяющийся, в свою очередь, через первый. Часть других терминов – *боковые* ***стенки*** *сосуда,* ***плечи*** *сосуда,* ***отверстие*** *горла сосуда* – хорошо известны археологам.

Признано, что терминологический словарь должен отражать место термина в терминосистеме. В определениях, данных В.А. Городцовым, наряду с названиями частей сосудов и их метрикой приведены, правда, не во всех случаях, указания на функцию предмета: *К категории горшков нами отнесены все сосуды с высокими боковыми стенками, удобные, по современным понятиям, для приготовления пищи. Кувшинами названы сосуды с высокими шейками и одною или двумя ручками, приспособленные для переноски в сосудах воды на более или менее значительные расстояния. Ковшами названы низкие чашевидные сосуды с одною ручкою, приспособленные для питья* [Городцов 1901: 599–600]. Основой для построения терминов в предложенной В.А. Городцовым последовательности послужили, наряду с формой и конструкцией, метрика предметов: *В наиболее типичных чашах верхнее отверстие имеет отношение к высоте как 2:1, впечатление чаш производят такие сосуды, у которых это отношение является как 3:2* [Городцов 1901: 599]. Примечательно словосочетание *впечатление чаш*: исследователь предупреждает коллег о необходимости осторожного использования предлагаемых им критериев.

Дефиниции В.А. Городцова распределены в соответствии с размерами сосудов – от самого большого (*корчага*) до самого маленького (*кружка*). Иногда последующее определение опирается на предыдущее: назвав ковши сосудами для питья, ученый пишет: *Кружки или кубки также предназначались для питья. Они отличаются от ковшей боле высокими стенками и частым отсутствием ручек* [Городцов 1901: 600].

В.А. Городцов выделяет основные характеристики для построения типологии горшков, которыми мог бы воспользоваться любой коллега, слушавший или читавший доклад: *В их формах существуют настолько определенно выраженные типы, что лучшие знатоки легко отличают горшки разных местностей и эпох. Главные отличительные черты в этих типах всегда скрываются в устройстве краев, шеек, плеч, боковых стен и днищ, в зависимости от которых горшки могут быть разделены на круглодонные и плоскодонные, высокошейные и низкошейные, банковидные (с более или менее прямыми стенками) и кубастые (с более выпуклыми стенками) и т.п.* [Городцов 1901: 598]. Предложенная В.А. Городцовым терминология была применена им при составлении типологии керамики фатьяновской культуры бронзового века [Городцов 1916]. Эта типология сохранила свою актуальность и в наши дни, на ее основе сделаны типологии сосудов локальных вариантов фатьяновской культуры [Крайнов, Гадецкая 1987]. Можно сказать, что предложенный В.А. Городцовым в его докладе словарь носит учебную функцию, которая присуща специально издаваемым словарям [Кудашев 2007: 43].

Современными исследователями признано, что в терминологическом словаре должна быть отражена и представлена терминосистема данной отрасли знания [Гердт 1996: 305]. Особенно ярко она отразилась в подразделе доклада В.А. Городцова, названного «Части сосудов».

Последовательность терминов, обозначающих части сосудов, задана их рас-

положением на сосуде: исследователь как бы рассматривает сосуд сверху вниз, от края до дна, а потом обращает внимание на элементы для держания или подвешивания.

В приводимых В.А. Городцовым определениях используется понятие сосуд и дается расположение того или иного элемента на сосуде: *Край или верхняя часть сосуда, обыкновенно являющаяся разнообразно оттененною от прилегающей к ней шейки и боковых стен. Обрез края представляет предел развития или роста сосудов. Плечами названы те выпуклости или раздутость, которая, обыкновенно, наблюдается ниже шеек сосудов. Дно или днище составляет нижнюю часть сосуда* [Городцов 1901: 603].

Далее следует указание на то, какой формы бывают те или иные части сосудов в соответствии с системой, предлагаемой В.А. Городцовым. Так, *край* (в современной терминологии – *венчик*) может быть *вертикальным, отогнутым* или *вогнутым, обрез* края – *прямым, зубчатой* или *волнообразной* формы, *дно – круглым* или *плоским*. Обращается исследователь и к метрике: *плечи* сосудов, по его определению, бывают *сильновыраженными* и *слабовыраженными*.

Определяя способы держания или подвешивания сосудов, В.А. Городцов называет их, приводя синонимы: ***Ушки*** *или* ***выступы*** *– придатки с отверстиями или без отверстий, назначающиеся для подвешивания сосудов. Ручки –* ***придатки*** *или* ***выступы****, предназначаемые для держания сосудов в руках* [Городцов 1901: 605].

В ряде случаев В.А. Городцов приводит синонимы терминов, которым дает определение: *край, бережок; шея, шейка; дно, днище.*

Все определения, даваемые В.А. Городцовым, выдержаны в единой логике, все сопровождаются описанием распространения того или иного типа сосудов или развития той или иной его части в пространстве и во времени. Как правило, исследователь ограничивается территорией России, но неоднократно приводит параллели из археологических культур других стран.

В.А. Городцов обращается в своем докладе к терминологии, существующей в других языках. Он приводит названия сосудов, аналогичных древним бездонным, но имеющим днища, известные по этнографическим параллелям как в русском, так и в польском языке [Городцов 1901: 601].

Определения, данные В.А. Городцовым, изобилуют ссылками на отечественную и зарубежную археологическую литературу, что усиливает образовательную функцию словаря.

Если сравнить признаки словаря В.А. Городцова с видовыми признаками понятия «словарь», выделяемыми в лексикографии [Кудашев 2007: 46–47], то сходств окажется гораздо больше, чем отличий. Данный словарь является опубликованным произведением, он состоит из микротекстов-определений, ему свойственна лаконичность описания.

Определения, данные В.А. Городцовым, состоят из двух частей – левой и правой, толкуемого и толкующего. Единицы левой части связаны между собой системными отношениями – это наименования видов сосудов или их конструктивных элементов. Список единиц левой части упорядочен определенным образом – названия сосудов расположены по убыванию размеров, их конструктивных элементов – в зависимости от места на сосуде и предназначения. В пра-

вой части содержатся сведения о конструкции, метрике, форме сосудов или конструктивных элементов, примеры распространения сосудов и развития конструктивных элементов, приводятся научные гипотезы.

Итак, можно ли назвать приведенные в докладе В.А. Городцова определения словарем? Определяя, что такое словарь, мы опираемся на дефиницию, данную И.С. Кудашевым: «Самостоятельное произведение, часть другого произведения или системы произведений, центральным элементом которого является расположенная на внешнем носителе и упорядоченная в интересах упрощенного поиска система знаков, предназначенная для несплошного чтения и снабженная относительно лаконичным набором сведений, имеющим основной целью помочь предполагаемым пользователям в интерпретации, употреблении или замене описываемых знаков» [Кудашев 2007: 47–48]. Можно сказать, что В.А. Городцов составил первый русский словарь археологической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

Гердт А.К. Научно-техническая терминология // Прикладное языкознание. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – С. 287–307.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. – М.: Синодальная типография, 1916.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Археологический съезд, 11-й. Труды. – М.: Изд. Москов. Археологич. общества, 1901. – Т.1. – С. 577–692.

Крайнов Д.А., Гадецкая О.С. Фатьяновская культура Ярославского Поволжья. – М.: Наука. 1987.

Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальных целей. – Helsinki: Helsinki University print, 2007.

FIRST RUSSIAN EXPERIMENTAL ARCHEOLOGICAL DICTIONARY (ON V.A. GORODTSOV'S PRESENTATION AT THE 11th ARCHEOLOGICAL CONGRESS IN 1901)

Yu.G. Kokorina

The article is devoted to the analysis of the first Russian archeological dictionary presented by V.A. Gorodtsov, a great native archeologist, as far back as the beginning of the 20th century. V.A. Gorodtsov's dictionary has a logic-conceptual basis providing the original system of ceramics classification. The dictionary is of current importance.

© 2009

Г.Х. Гилазетдинова

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ СЛОВАРЯ ТЮРКСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЯЗЫКЕ СТАРОРУССКОГО ПЕРИОДА

Лексикографическое исследование тюркских лексических заимствований в русском языке определенного хронологического периода на современном этапе развития языка приобретает особую значимость в связи с недостатком в обобщающих работах по раннему и среднему периоду истории русского языка, что в значительной степени связано с отсутствием полных лексикографических трудов по этим периодам [Романова 1984: 125].

Особое место в истории лексикографической практики тюркских заимствований занимает «Словарь тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой [Шипова 1976], включающий около 1700 лексем. Словарь создан на материале лексикографических источников – «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, «Опыта словаря тюркских наречий» В.В. Радлова, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и др. – и обобщает этимологические сведения, снабженные библиографическими справками. К числу новых словарей необходимо отнести лексикографическое исследование Р.А. Юналеевой «Тюркизмы в русской классике. Словарь с текстовыми иллюстрациями» [Юналеева 2005], составленный на материале произведений русских писателей XIX в. (А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др).

В настоящее время готовится к изданию словарь тюркизмов русского языка XV–XVII вв. по материалам разножанровых памятников письменности старорусского периода. Работа над словарем близится к завершению. Основная задача словаря – выделить тюркские заимствования и их производные в группе анализируемых источников, определив особенности их функционирования в период формирования русского национального литературного языка. Данный лексикографический труд можно отнести к историческим словарям филологического типа. «Жанр исторического словаря создается, во-первых, отобранными для него фактами языка более или менее отдаленного прошлого <...> и, во-вторых, показом «динамики форм языкового выражения», как она засвидетельствована памятниками художественной литературы и письменности в пределах намеченных хронологических границ» [Гельгардт 1978: 26–27].

Источниками готовящегося к публикации словаря тюркизмов является язык группы разножанровых памятников XV–XVII вв., представляющих собой литературно-письменный вариант русского языка на народно-языковой основе. Ю.С. Сорокин, определяя значимость разножанровых источников для исторического словаря, писал: «Для собственно исторического словаря языка определенной эпохи целесообразно объединить данные ряда различных памятников этой эпохи – различных по жанру, по связи с литературными направлениями и школами, по отражению в них функциональных разновидностей речи. Только при таком объединении в одном ряду неоднородных по своему характеру и ис-

точнику памятников и оказывается возможным зарегистрировать столкновение и взаимодействие различных тенденций языковых изменений – этот основной стимул развития языка» [Сорокин 1977: 12].

Среди использованных источников широко представлены в готовящемся словаре произведения светской литературы: 1) публицистические памятники (сочинения И. Пересветова, царя Ивана Грозного XVI в., протопопа Аввакума XVII в. и др.); 2) русские повести XV–XVII вв.; 3) хождения («Хожение инока Зосимы» 1419–1422 гг., «Хождение купца Василия Познякова по святым местам Востока», «Хожение за три моря» Афанасия Никитина 1466–1472 гг., «Хождение купца Федота Котова в Персию» 1624 г., «Проскинитарий» Арсения Суханова 1649–1653 гг. и др.); 4) пьесы («Артаксерксово действо» 1672 г., «Юдифь» 1674 г., «Баязет и Тамерлан» 1674–1675 гг.) и др. В круг источников введены и памятники деловой письменности: 1) официально-деловые документы (Акты Московского государства 1571–1644 гг., таможенные книги); 2) эпистолярная письменность (частная переписка князя П.И. Хованского, его семьи и родственников XVII в., письма царя Михаила Федоровича 1619–1631 гг.).

Особую группу составляют памятники народно-разговорного языка, изданные Сектором лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР под руководством С.И. Коткова: «Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия» (М., 1965), «Московская деловая и бытовая письменность XVII века» (М., 1968); «Грамотки XVII – начала XVIII века» (М., 1969).

В качестве источников словаря тюркизмов XV–XVII вв. также используются региональные исторические словари, вводящие в научный оборот материалы местной деловой письменности XVI – начала XVIII в.: «Словарь языка мангазейских памятников XVII – начала XVIII века» (Красноярск, 1971), «Региональный исторический словарь XVI–XVII вв. (по памятникам письменности Смоленского края)» (Смоленск, 2000), «Казанский край: словарь памятников XVI века» (Казань, 2000), «Казанский край: словарь языка памятников первой четверти XVII века» (Казань, 2008) и др.

Хронологические границы словаря охватывают период XV–XVII вв. Составители сочли необходимым включить в основной корпус словаря также и материалы первого десятилетия XVIII в.

Словарь создается на основе апеллятивной лексики и не включает в себя собственные имена и названия.

Словарь тюркизмов в языке старорусского периода построен по алфавитному принципу.

Словарная статья, как правило, содержит в себе следующие компоненты: 1) заголовочное слово; 2) характеристику грамматических форм данной лексемы; 3) определение значений (тех, которые встречаются в исследуемых источниках); 4) иллюстрации из разножанровых памятников письменности XV–XVII вв.; 5) фразеологизмы, терминологические сочетания.

Заголовочное слово дается крупным жирным шрифтом. Отмечается значительное фонетико-орфографическое многообразие тюркских заимствований. Из нескольких вариантов, в которых слово представлено в текстах, в качестве

заголовочного выбирается слово, совпадающее с написанием в современном литературном языке. Остальные варианты приводятся в скобках после заголовочного слова. Ср.: **АБЫЗЪ (АБАЗЪ, ОБУЗЪ, ОБЫЗЪ),** *м. Священнослужитель у мусульман (имам, мулла).* **АЛТАБАСЪ (ОЛТАБАСЪ),** м. *Парча.* **БАЙРАМЪ (БАГРАМЪ, БАГРИМЪ, БОГРАМЪ),** м. *Мусульманский праздник, байрам.* **ЕНДОВА (ЯНДОВА),** ж. *Большой широкий сосуд с носиком; род братины.*

Варианты написаний даются в виде отсылки к основному слову и представляются в скобках рядом с заголовочным словом:

АРТОУЛЪ см. **ертаулъ**.

ЕРТОВУЛЪ см. **ертаулъ**.

ЯРТОУЛЪ см. **ертаулъ**.

Иллюстрируются все варианты, помещенные под основным словом.

Тюркизмы и их производные снабжены толкованиями значений.

АРГАМАКЪ, м. *Восточная породистая верховая лошадь.* **ВЕЗИРСТВО,** с. *Должность везиря.* **САНЧАКОВЪ,** прил. *Относящийся к санчаку (правителю области в Османской империи).*

Каждое из значений представленных в словарной статье лексем обозначается арабской цифрой. **САФЬЯНЪ,** м. 1. *Тонкая и мягкая кожа, выделанная из козьих и овечьих шкур; сафьян.* 2. *Кусок кожи сафьянной выделки.*

Оттенки значений отделяются двумя вертикальными чертами. **БЕСЕРМЕНСКИЙ,** прил. *Магометанский, татарский. // Иноверческий.*

Переносные значения обычно помещаются после указания на прямые значения, из которых они развиваются. Ср.: **ЖЕМЧУГЪ,** м. *Жемчуг.* Перен. *Драгоценность.* И не радуется Богъ такъ о Адамѣ, кормимѣмъ въ породѣ, якоже о Петрѣ и Павлѣ, о двухъ камыкахъ и жемчугахъ чудныхъ. Ав. Кн. толк., 471. 1677 г.

Для слов, утраченных, не дошедших до современного русского литературного языка, обозначавших устаревшие реалии, в словарное толкование включаются сведения энциклопедического характера. **БАЗЛУКЪ,** м. *Род подковы с шипами, которую подвязывают к середине подошвы для хождения по льду.* **БИРИЧЬ,** м. *Должностное лицо, в обязанности которого входило объявлять различные указы и распоряжения.* **ЕМУРЛУКЪ,** м. *Верхняя одежда для защиты от дождя.*

При необходимости толкование значений реализуется с помощью синонимических эквивалентов современного русского языка. **АЛАФА,** ж. *Награда, дар.* **АСЛАМЧЕЙ,** м. *Торговец, барышник.* **КУЛЬБАКА,** ж. *Седло.* **ТАВРО,** с. *Клеймо, знак, метка.*

Большую группу составляют тюркизмы, сохранившие в современном русском языке такое же значение, каким оно было в старорусский период. Данная лексика не нуждается в переводе и подробном толковании. **АРБУЗЪ,** м. *Арбуз.* **БИРЮЗА,** ж. *Бирюза.* **ТАРАКАНЪ,** м. *Таракан.* **БРАЖНИЧАТИ.** *Пьянствовать, бражничать.*

Омонимы представлены в отдельных словарных статьях. **БУЗА[1],** ж. *Хмельной напиток.* **БУЗА[2],** ж. *Соль.* **ДОСТАКАНЪ[1],** м. *Стакан.* **ДОСТАКАНЪ[2],** м. *Название ценного камня.* **ТУЛУПЪ[1],** м. *Долгополая меховая шуба.* **ТУЛУПЪ[2],** м. *Сума, мешок.*

Грамматические и стилистические значения тюркских заимствований и их

производных отмечаются путем отсылки к производящему слову и указанием на соответствующую стилистическую и экспрессивную окраску, напр.: **БАШМАЧОКЪ**, *м., уменьш. к* **башмакъ**. **БОБЫЛКА,** *ж., женск к* **бобыль**. **ЕНДОВКА,** ж, *уменьш. к* **ендова**. **СОБАЧКА,** *ж., уменьш.-ласк. к* **собака**. **ТАЗИКЪ,** м., *уменш. к* **тазъ. ЧУЛАНИЧИШКО,** *с., уничиж. к* **чуланъ**. **ШАТЕРНЫЙ,** *прил. к* **шатеръ.**

Собирательные существительные представлены по образцу: **БИСЕРИЕ,** с., *собир. к* **бисеръ**.

Субстантивированные прилагательные поданы следующим образом: **ЖЕМЧУЖНОЕ,** с. *Украшение из жемчуга.*

Морфологические варианты даются в составе одной словарной статьи. К ним относятся заимствования, различающиеся: 1) твердостью и мягкостью основы: **МЕЧЕТЬ** и **МЕЧИТЪ**, ж.; 2) грамматическим показателем рода: **АМИРЪ** и **АМИРА,** м.

Все описываемые единицы (вокабулы, производные, терминологические сочетания, фразеологизмы) подкреплены текстовыми иллюстрациями. Цитаты дают представление о хронологических рамках употребления слова: первая цитата – более ранняя в хронологическом отношении, чем последующая. После текстовых иллюстраций приводится сокращенное название источника, указание страницы издания и дата написания памятника. Напр., Переп. Хован., 307. 1682 г.; Сказ. о Гр. Отрепьеве, 737. XVII в.

Итак, лексикографическая разработка принципов составления словаря тюркских заимствований представляет собой многокомпонентное исследование, важное для теории языковых контактов и исторической лексикологии, а также позволяющее определить эволюцию заимствованного пласта русской лексики определенного хронологического периода.

ЛИТЕРАТУРА

Гельгардт Р.Р. Теоретические приемы разработки исторического словаря русского языка (по поводу «Проекта Словаря русского языка XVIII века») // Вопр. языкознания. – 1978. – № 6. – С. 25–35.

Романова Г.Я. Иноязычная лексика в историческом словаре (на материале тюркских заимствований) // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – С. 124–138.

Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. – Л.: Наука, 1977. – С. 4–27.

Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, Казах. ССР, 1976.

Юналеева Р.А. Тюркизмы в русской классике: словарь с текстовыми иллюстрациями. – Казань: Изд-во «Таглимат» Ин-та экономики, управления и права, 2005.

ARRANGEMENT PRINCIPLES OF THE DICTIONARY OF TURKIC LOANS IN OLD RUSSIAN

G.Kh. Gilazetdinova

The article is devoted to lexicographic research on loans during a certain period in history. The paper considers principles underlying the dictionary (due for publishing) of Turkic loans into Russian of the 15th – 17th cc. The author defines genre peculiarities of the dictionary, its chronological framework, substantiates principal data sources, and analyzes the structure of a vocabulary entry.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ В ДВУЯЗЫЧНЫХ И МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

© 2009

В. Хлебда

МОЖЕТ ЛИ ДВУЯЗЫЧНЫЙ СЛОВАРЬ БЫТЬ ИСТОЧНИКОМ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ?

На XIV Международном конгрессе славистов в Македонии (Охрид, 10–17 сентября 2008 г.) в рамках одного из тематических блоков состоялась встреча этнолингвистов Польши (Е. Бартминьский, В. Хлебда), России (С.М. Толстая, Е. Березович), Сербии (Л. Раденкович), Бельгии (А. Юдин) и Великобритании (Й. Цинкен), вынесших на суд дискутантов ряд вопросов, суть которых заключалась в названии программного доклада Е. Бартминского и В. Хлебды «Как исследовать языковую картину мира славян и их соседей?» [Bartmiński, Chlebda 2008]. В этом докладе были сформулированы следующие тезисы:

1) этнолингвистику можно рассматривать как одну из наук о коллективной (в первую очередь, этнической) идентичности, основой которой является коллективная память;

2) коллективная идентичность и коллективная память могут исследоваться (этно)лингвистикой ввиду того, что память, чувство идентичности, самосознание, ментальные карты в психике людей и т.п. представляют собой оязыковленные феномены;

3) постижение сути таких концептов, как «польскость», «русскость», «сербскость».., «европейскость», ввиду их чрезвычайной сложности, должно проводиться разными путями и методами при сохранении, однако, определенного *tertium comparationis*, обеспечивающего сопоставляемость получаемых для разных языков и культур результатов;

4) в качестве такого *tertium comparationis* может быть предложен комплекс названий ценностей – основа будущего сопоставительного аксиологического словаря. Вынесенные на обсуждение списки названий ценностей насчитывали до 75 единиц; было решено выделить из них ок. 10 названий типа *независимость, автономия, равенство; вина/грех, правда/ложь* и т.п. и представить их в качестве объекта межъязыкового сопоставительного анализа.

Автор этих строк предложил также определить основные источники этнолингвистической информации, анализ которых позволил бы получить:

– лексикографические данные из всех толковых словарей данного языка в их хронологическом порядке, а также, по мере надобности, из специальных словарей (в том числе – переводных);

– текстовые данные, черпаемые из текущей эксцерпции текстов данного публичного дискурса, в том числе из публицистики, художественной литературы и релевантных в общественно-культурном отношении научных текстов, а также из записей ситуативно обусловленных актов живой устной коммуникации;

– корпусные данные, черпаемые из больших компьютерных корпусов данного языка и из интернетовских браузеров;

– экспериментальные данные, получаемые в результате проведения специальных опросов (особенно анкет открытого характера).

В связи с этим было также предложено организовать четыре рабочих встречи методологического характера, соответствующие выделенным выше источникам: словарям, текстам, корпусам и анкетам. Первый семинар «Этнолингвистика и лексикография», проведение которого было намечено в апреле 2009 г. в г. Ополе (Польша), призван рассмотреть два вектора анализов:

1) **от словарей к этнолингвистической информации** (т.е. от анализа микро- и макроструктуры словарей разного типа к определению возможностей извлечения из них этнолингвистически релевантной информации);

2) **от потребностей и интересов этнолингвистики к словарям** (т.е. от определения, в каком типе информации этнолингвистика нуждается больше всего, к моделированию оптимальной в этом отношении микро- и макроструктуры словарей разного типа).

Таким образом, на повестку дня могли бы быть вынесены такие частные вопросы, как, напр.:

1) толковые, переводные и специальные (отраслевые) словари как возможный источник этнолингвистически релевантной информации;
2) словари различных «лектов» (диалектов, социолектов, фамилектов, идиолектов) как возможный источник этнолингвистически релевантной информации;
3) типы словарных толкований в контексте возможности извлечения из них этнолингвистически релевантной информации;
4) этнолингвистика и оптимальные модели словарной дефиниции;
5) этнолингвистика и возможные направления реориентации двуязычной лексикографии;
6) этнолингвистика как стимулятор лексикографических идей и т.п.

К какому направлению анализа и к какому частному вопросу мы бы ни обратились, предметом обсуждения должен стать, в первую очередь, вопрос о том, что следует считать информацией «этнолингвистически релевантной». Опережая ход будущей дискуссии на эту тему, выдвинем здесь общий тезис о том, что столетия контактов между людьми и их взаимодействия в познании и освоении действительности означают столетия их речеповеденческой активности во всех областях и всех проявлениях человеческой жизни. Поэтому нет оснований полагать, что следы этого многовекового опыта отложились лишь на избранных уровнях языка (главным образом, лексическом, фразеологическом и паремическом) и обошли стороной другие слагаемые языковой системы. Если этнолингвистику интересуют любые проявления и документы восприятия членами данного этноса действительности – их способ категоризации и иерархизации объ-

ектов этой действительности (в том числе – и их самих), даваемые последним оценки, шкалы ценностей и т.д., – поиск этих следов должен выйти за рамки традиционного круга интересов этнолингвистики (лексика, фразеология, паремика). Проникновение в сложную систему словообразовательных средств и морфологических категорий, в семантику синтаксических моделей, в логику организации сверхфразовых единств, в грамматику и прагматику текста не может не принести качественно новых для этнолингвистики свидетельств многосторонних отношений членов данной этнической общности друг к другу, к их собственной истории, к миру растений и животных, богов и святых. Слабо изведанной в этом отношении является сфера «околоязыковых» и «околотекстовых» явлений (верований и поверий, ритуальных предписаний, норм поведения по устойчивым, повторяемым сценариям и т.п.; см. [Бартминьский 2005]). Почти не изведанной этнолингвистикой является сфера «языка в действии» – ситуативно обусловленного речеповедения, протекающего одновременно на трех каналах связи: вербальном, паравербальном и невербальном, и требующего поэтому специальных техник и методик анализа (*conversation analysis*; см. [Chlebda 2000], [Rancew-Sikora 2007]).

Место двуязычного словаря в кругу источников этнолингвистически релевантной информации особое. В этой связи выдвинем два следующих тезиса:

1) словарь представляет собой своеобразный жанр речи, или текст, имеющий своего автора, читателя и содержание. Из этого следует, что любой (также двуязычный) словарь является субъектным высказыванием о действительности;
2) двуязычный словарь не сводится к простому соположению списка единиц языка А и их эквивалентов в языке Б. Потенциально в двуязычном словаре можно усматривать место встречи и сосуществования асимметричных по отношению друг к другу языковых картин мира двух этносов.

Субъектный характер словаря означает, в первую очередь, что посредством образующих словарь единиц языка (их семантических структур) высказывается данный этнос (в случае двуязычного словаря – два этноса) как субъект истории и культуры; такой субъект мы вправе определить как коллективный. Однако исследователь, желающий путем анализа единиц словаря проникнуть в национальную картину мира, не должен забывать, что в словаре присутствует и другой субъект: автор словаря, лексикограф и/или редактор. Границы и окончательный характер извлекаемой из словаря языковой картины мира во многом зависят от установок и активности этого индивидуального субъекта.

В любом словаре слагаемые языковой картины мира содержатся в его макро- и микроструктуре, в его «вертикали» (словнике) и «горизонтали» (дефинициях значений, пометах, в иллюстративном материале). Объем и содержание исходного словника двуязычного словаря зависят от обоих названных субъектов: коллективного и индивидуального. В то время, однако, как индивидуальный субъект (лексикограф) стремится, как правило, сделать целевой словник полностью симметричным по отношению к исходному (т.е. старается приписать эквиваленты всем без исключения единицам исходного языка), не следует, по нашему мнению, скрывать естественной асимметрии между понятийными сис-

темами двух языков, наоборот, – следует ее обнаруживать и выделять, используя для этого специальные формальные приемы (напр., в «Настольном польско-русском идиоматиконе» отсутствие эквивалента – понятийная лакуна – регулярно помечается знаком ноля ∅; см. [Chlebda, red., 2006–2008]). Сумма знаков асимметричности и есть первая этнолингвистически релевантная информация о различиях в восприятии мира двумя коллективными субъектами словаря.

Сказанное относится и к горизонтальным компонентам словаря, в первую очередь, – к дефинициям. Проблема в том, однако, что переводные словари, как правило, лишены толкования значений единиц обоих языков. Не иначе дело обстоит и с упомянутым «Настольным идиоматиконом», где, однако, развита система примечаний, содержащих семантические и другие необходимые пользователю комментарии. Опыт польско-русского сопоставления таких единиц «Идиоматикона», как пословицы, устойчивые сравнения, эмотивные выражения, этикетные формулы и даже городские надписи (вывески) не только показывает зоны общего и зоны расхождений в членении обоими языками действительности, но и обнаруживает факт обращения членов обоих этносов в аналогичных ситуациях к разным участкам этой действительности, выявляет различия в оценках объектов и явлений действительности, позволяет увидеть несовпадение стоящих за формально адекватными единицами двух языков культурных традиций и т.п. С другой стороны, однако, опыт этого словаря показывает, что указание в словаре на зоны собственно национального и зону общего (а для этнолингвистики релевантны не только расхождения, но и сходства) невозможно без такой или иной по форме семантизации единиц обоих сопоставляемых единиц, что наталкивает на мысль о необходимости возврата к выдвинутой еще Л.В. Щербой ([Щерба 1974: 265–312]) идее толково-переводного словаря.

ЛИТЕРАТУРА

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. – М.: Индрик, 2005.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

Bartmiński J., Chlebda W. Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? // Etnolingwistyka. T. 20. – Lublin, 2008. – S. 11–27.

Chlebda W. Płaszczyzny oglądu językowego obrazu świata w opisie semantycznym języka // Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich / red. S. Gajda. – Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2000. – S. 163–178.

Chlebda W. Siatka hasłowa dwujęzycznego słownika skrzydlatych słów jako swoisty tekst kultury. // Przekład – język – kultura / red. R. Lewicki. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2002. – S. 87–95.

Chlebda W. Językowy autoportret Polaków. Spotkanie podmiotów // Podmiot w języku i kulturze / red. J. Bartmiński, A. Pajdzicska. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2008. – S. 185–196.

Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski: z. 1–3 / red. W. Chlebda. – Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2006–2008.

Rancew-Sikora D. Analiza konwersacyjna jako metoda badania rozmów codziennych. – Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2007.

CAN A BILINGUAL DICTIONARY BE A SOURCE OF ETHNOLINGUISTIC INFORMATION?

V. Khlebda

The author advances the thesis that a bilingual dictionary, for one thing, is a special text genre (a subjective statement of reality perception) and, for another, it is a sphere of coexistence of asymmetric linguistic world-images of two ethnic groups. The thesis became a starting point for the possible retrieval of ethnically relevant linguistic information from a bilingual dictionary.

© 2009

А.А. Горбачевский, И.А. Шушарина

РУССКИЙ И ПОЛЬСКИЙ: О СЛОВАРЕ ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА

Изучение так называемых «ложных друзей переводчика», т.е. межъязыковых омонимов, паронимов, а также других межъязыковых единиц, которые могут вызвать неправильные ассоциации, является одной из прикладных задач контрастивной лингвистики. При обучении иностранному языку, особенностям перевода, при составлении двуязычных словарей необходимо учитывать, что в разных языках встречаются созвучные лексические образования, которые в силу относительной произвольности звуковой оболочки слов, условности связи между означаемым и означающим имеют совершенно разные смыслы. Случайные межъязыковые совпадения способны вызвать у людей, письменно или устно воспринимающих текст, смысловые иллюзии и всевозможные недоразумения. Особенно такие совпадения коварны в родственных языках, так как человек, не в полной мере владеющий иностранным языком, уверен в совпадении смыслов созвучных слов и невольно упускает из вида, что, как и в современных языках, лексемы, существовавшие в общем праязыке, были многозначными или имели более широкое или более узкое значение. Позднейшая актуализация разных сем, расширение или сужение значений привели к образованию семантически не совпадающих межъязыковых коррелятов. Кроме смысловых сдвигов, к возникновению «ложных друзей переводчика» приводят и сдвиги фонетические, словообразовательные, а также разное осмысление родственными или неродственными этносами одних и тех же заимствований.

Исследование мнимых межъязыковых эквивалентов началось сравнительно недавно. Пожалуй, одним из первых обратил на них внимание польский лексикограф Б. Линде, работавший над созданием сравнительного словаря русского и польского языков. Труд его остался незавершенным, однако сами «ложные друзья переводчика» привлекли внимание многих исследователей. В частности,

были получены данные о количестве мнимых межъязыковых эквивалентов в неродственных и родственных языках. Так, например, А.Й. Гудавичус полагает, что в русском и литовском языках их не более 1% [Гудавичус 1989: 362], а Е.В. Федорчук, сопоставляя русский и украинский языки, обнаруживает, что их не менее 12% [Федорчук 2001: 130]. Таким образом, чем более тесной является связь между сопоставляемыми языками, тем большее количество мнимых межъязыковых соответствий в них можно обнаружить. Причем в родственных языках к «ложным друзьям переводчика» относятся не только случайные совпадения (ср. польск. *limonka* 'лайм' – рус. *лимонка* 'разновидность ручной гранаты', польск. *bruki* 'мостовые' – рус. *брюки* 'верхние штаны'). Но их состав расширяется за счет общих по происхождению слов (ср. польск. *pytać* 'спрашивать' и рус. *пытать* 'подвергать физическому воздействию, причиняющему боль, с целью узнать что-либо', польск. *miłość* 'любовь' и рус. *милость* 'доброе, человеколюбивое отношение', 'благосклонность, расположение к кому-н. низшему со стороны высшего', польск. *tęcza* 'радуга' и рус. *туча* 'большое темное облако, несущее снег или дождь' и др.).

Естественно возникает вопрос, насколько терминологичным является сочетание «ложные друзья переводчика», введенный французскими учеными. Ответить на него можно только определив все составляющие этого явления.

В современных исследованиях по контрастивной лингвистике можно обнаружить следующие термины: *ложные друзья переводчика* (*faux amis du traducteur), обманывающие когнаты (deceptive cognates), межъязыковые паронимы, межъязыковые омонимы*. Между тем термин *когната* традиционно закрепился за общими по происхождению лексемами, что для мнимых межъязыковых соответствий не всегда верно, термины же *межъязыковые паронимы* и *межъязыковые омонимы*, с одной стороны, лишь дополняют друг друга, с другой – не затрагивают ложных соответствий, касающихся частичной межъязыковой синонимии, а также соответствий, вызывающих интуитивные ассоциации. Таким образом, «хотя словосочетание "ложные друзья переводчика" и длинно и слишком открыто, чтобы стать термином, оно все же терминируется за последние годы. Во-первых, это словосочетание, по-видимому, не имеет равного и более краткого эквивалента; во-вторых, сама его "открытость" привлекательна: она как бы напоминает, какие ловушки ожидают всех, кто имеет дело с разными языками» [Будагов 1971: 368]. Нам остается лишь согласиться с мнением Р.А. Будагова и отталкиваться от термина *ложные друзья переводчика* как обобщающего для нескольких разновидностей мнимых межъязыковых соответствий. При этом к *ложным друзьям переводчика* мы относим: 1) **межъязыковые омонимы** – лексемы, сходные до отождествления в звучании и/или транслитерированной графике, но имеющие разные значения (*банька* 'уменьш. от *баня'* – *bańka* 'стеклянный баллон, пузырь', *белка* 'небольшое пушное животное' – *belka* 'балка, брус', *чин* 'у военных и гражданских служащих: служебный разряд' – *czyn* 'поступок, действие, дело'); 2) **межъязыковые паронимы –** созвучные лексемы, не вполне сходные по форме, но могущие вызвать у большего или меньшего числа воспринимающих устный или письменный текст ложные ассоциации, несмотря на фактическое расхождение их значений (*банда* 'разбойничья, преступная группа, шайка' – *bandy* 'хоккей с мячом', *грешный* 'имеющий много грехов' – *grzeczny*

‘послушный, вежливый’, *мешкать* ‘медлить’ – *mieszkać* ‘проживать, обитать’, *урод* ‘человек с физическим недостатком’ – *uroda* ‘красота’); 3) частичные межъязыковые **синонимы** – многозначные слова, набор значений которых в анализируемых языках полностью или частично совпадает. К ложным друзьям переводчика относятся несовпадающие значения (*лук* ‘оружие’, ‘растение’ – *łuk* ‘оружие’, ‘растение’, ***‘дуга, излучина’, ‘арка’*** [Стыпула 2004: 204]); *хлеб* ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’, ‘злаки, размалываемые на муку’, ‘пропитание’, ***‘средства к существованию’*** – *chleb* ‘пищевой продукт, выпекаемый из муки’, ‘злаки, размалываемые на муку’, ‘пропитание’***, ‘ежедневная пища’, ‘обыденные, простые вещи’*** [Skorupka 1969: 73–74]); 4) **интуитивные образования (интуитонимы) –** польские слова, для которых в современном русском языке нет звуковых соответствий, но значение которых может быть легко (но неправильно) «разгадано», исходя из русскоязычной интуиции (например, *bezzasadny* ‘необоснованный’ интуитивно может быть соотнесено с русскими словами *незасаженный* (ничем не засаженная территория), *без засады* (открытый, не прибегающий к засаде).

К составлению словаря русско-польских ложных друзей переводчика нас подвигла работа над учебным пособием к спецкурсу «Русский и польский: исторические параллели», в котором рассматриваются фонетические, морфологические и лексические соответствия и расхождения, сложившиеся в течение многих веков в родственных языках. Еще одним толчком к составлению словаря стали типичные ошибки, допускаемые студентами при переводе текстов с одного языка на другой. Ошибки, связанные с неразличением ложных межъязыковых соответствий, возможны уже на первых занятиях основного курса, когда студентам предлагается перевести на русский язык несложный польский текст: ***miasto*** *‘город’* ***– место, ogród*** *‘сад’ –* ***огород, sklep*** *‘магазин’* ***– склеп, powieść*** *‘роман’* ***– повесть:*** *Zwiedzamy miasto. Niedaleko muzeum są dwa piękne parki i ogryd botaniczny. Chcę oglądać domy, sklepy, wystawy. – Co sądzicie o nowej powieści Zbysiawa Szproty? – spytai minister. [Василевская, Кароляк 1997: 8–9; 379];* ***miasto, pokój*** *‘комната’ –* ***покой****: Nowa Huta to miasto. To jest pokój Jana [Кротовская и др. 2005: 22, 26],* ***godzina*** *‘час’* ***– год, година*** *(ср.: лихая година),* ***время, niedziela*** *‘воскресенье’ –* ***неделя****: (Warszawa – Żelazowa Wola) … jechaliśmy godzinę. (niedziela) … będę cały dzień siedział w domu* [Киклевич, Кожинова 2001: 73–75]. Но ошибки при переводе созвучных слов могут встречаться и у опытных переводчиков. Ю. Тувим вспоминал, что в первом издании «Медного всадника» он, «не подумав толком, упомянул о смытых наводнением *ogródkach* (садиках), поскольку посчитал *садиками садки* (род ящиков, в которых рыбаки держат выловленную рыбу)» [Тувим 1970: 466].

Обращение к словарю ложных друзей переводчика должно не только помочь узнать точное значение того или иного слова (эту цель преследует любой двуязычный словарь), но и дать информацию о причинах возникновения ложных межъязыковых параллелей. Именно поэтому словарная статья включает не только совпадающие межъязыковые словоформы, их значения и наиболее точное соответствие, но и информацию о происхождении лексемы в русском и польском языках:

Bania, ż	**Баня,** ж.
1) банка (любой предмет шарообразной формы); 2) купол.	Строение, в котором моются, парятся (łaźnia).
Общеслав. ‘нечто шарообразное’, ‘пузырь’, ‘свод’.	Общеслав. заимств. из народной латыни, где banea < balnia – видоизменение balneum ‘баня, купальня’ < ‘ванна’.
Dywan, m.	**Диван,** м.
Ковер.	Предмет мягкой мебели с длинным, на несколько человек сиденьем, со спинкой, ручками или валиками (kanapa).
И в рус., и в польск. заимств. в конце XVIII в. из франц., где divan < иран. divan ‘возвышение, покрытое коврами и подушками’, ‘помещение заседания государственного совета’, ‘служебный кабинет’, ‘сборник стихов’. В рус. актуализировалась сема ‘мягкое возвышение’, в польск. – ‘то, чем возвышение покрыто’.	

Среди русско-польских «ложных друзей переводчика» очень много таких, которые возникли на базе общеславянского языка, но в силу разных причин у общей лексемы в родственных языках актуализировались разные семы. Так, например, возникшая в общеславянском языке лексема *běgunъ (рус. *бегун*, польск. *biegun*) изначально включала сему ‘быстрое перемещение’ и именно поэтому в славянских языках развились не только значения ‘гонец’, ‘скакун’, ‘мастер бегать’, ‘скороход; прыткий в ногах’, ‘беглец’, но и ‘вращающийся брус’, ‘ось’ [ЭССЯ 1975, 2: 60–61]. В русских текстах слово *бегун* фиксируется в значениях, связанных с деятельностью человека: ‘беглец; спасшийся бегством’, ‘скороход’ [СРЯ XI–XVII, 1: 87], ‘спортсмен, занимающийся бегом, а также вообще тот, кто бежит или хорошо бегает’ [Шведова 2007: 34]. В польских текстах с XIV в. лексема *biegun* употребляется в значениях ‘быстрый конь’, ‘выгнутый полукругом полоз’, ‘ось, на которой вращается колесо, дверь’; с XVI в. на основе значения ‘ось’ лексема *biegun* развила значение ‘земная ось, полюс’ и стала употребляться как географический термин [Boryś 2006: 27–28]. Сема ‘человек’ в польском языке фиксируется у другой лексемы – *biegacz*. Таким образом, возникновение «ложных друзей переводчика» *бегун – biegun* произошло в результате разного осмысления в родственных языках одной лексемы и применения ее по отношению к человеку или неодушевленному предмету, животному. Словарная статья отражает, как в истории языка происходило это осмысление:

Biegun, m	**Бегун**, м
1) полюс północny biegun – Северный полюс; południowy biegun – Южный полюс 2) скаковая лошадь; 3) полоз (кресла и т.п.)	1) спортсмен, занимающийся бегом (szybkobiegacz); 2) тот, кто бежит (biegacz); 3) тот, кто хорошо бегает (biegacz); 4) тот, кто сбежал откуда-л. (uciekinier); 5) механизм (kamień młyński)
Общеслав. *běgunъ ‘гонец’, ‘скакун’, ‘мастер бегать’, ‘скороход; прыткий в ногах’, ‘беглец’ и ‘вращающийся брус’, ‘ось’.	

С XIV в.: ‘быстрый конь’, ‘выгнутый полукругом полоз саней, деревянного коня’, ‘ось, на которой вращается колесо, дверь’; с XVI в. известно как географический термин ‘земная ось, полюс’.	С XV в.: ‘беглец; спасшийся бегством’, ‘перебежчик, человек, покинувший свое отечество’; с XVII в. ‘скороход’; сейчас: ‘спортсмен, занимающийся бегом, а также вообще тот, кто бежит или хорошо бегает’.

В некоторых случаях возникновение «ложных друзей переводчика» было вызвано фонетическими процессами, по-разному отразившимися в русском и польском языках. Так, удлинение и последующая лабиализация звука [o] в новом закрытом слоге привела к возникновению звука [u] в корнях слов *stół* ‘стол’, *gród ‘ист.* город, город-крепость’ (напр., *syreni gród* – Варшава, *gród podwawelski* – Краков), что привело к их совпадению в формах прямых падежей с русскими словами *стул* ‘место для сидения, с высокой спинкой, без подлокотников’, *грудь* ‘грудная клетка’. Падежные формы, приводимые в словарной статье, указывают, на какие грамматические формы нужно обратить особое внимание, а какие формы помогут развести две разные лексемы: ***stół**, m.: stoła, stołowi, stół, stołem, o stole* – ***стул**, м.: стула, стулу, стул, стулом, о стуле;* ***gród**, m: grodu, grodowi, gród, grodem, o grodzie* – ***грудь**, ж. груди, груди, грудь, грудью, о груди.* Краткая информация о фонетических процессах, сблизивших разные слова, поможет понять причины возникновения ложного сближения лексем.

В настоящее время работа над словарем русско-польских ложных друзей переводчика продолжается. Думается, что этот словарь не только поможет различать межъязыковые квазиэквиваленты, но и будет способствовать глубокому изучению и пониманию родственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

Будагов Р.А. Язык, история и современность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.

Василевская Д., Кароляк С. Учебник польского языка. – СПб.: Лань, 1997.

Гудавичус А.Й. Сопоставительная семасиология литовского и русского языка. – Вильнюс: Мокслас, 1985.

Киклевич А.К., Кожинова А.А. Польский язык: практический курс. – Изд-е 2-е. – Минск: ТетраСистемс, 2001.

Кротовская Я.А., Кашкуревич Л.Г., Лесная Г.М., Селиванова Н.В. Практический курс польского языка. Базовый учебник. – 2-3 изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2005.

СРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – Т. 1–27. – М.: Наука, 1975–2006 (изд. продолжается).

Стыпула Р., Ковалева Г.В. Новый польско-русский словарь. – М.: Рус. яз.–Медиа, 2004.

Тувим Ю. Taduttore – traditore // Мастерство перевода. Сб. VII.– М.: Сов. писатель, 1970.

Шведова: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т рус. яз.им. В.В. Виноградова / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издат. центр «Азбуковник», 2007.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Терра-Азбука, 1996.

Федорчук Е.В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках. На материале русского и украинского языков: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. – Т. 1–33. – М.: Наука, 1975–2007 (изд. продолжается).

Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Krakyw: Wydawnictwo literackie, 2006.

Diugosz-Kurczabowa K. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2006.

Skorupka: Mały słownik języka polskiego / pod red. S. Skorupki, H. Auderskiej, Z. Jępickiej. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1969.

Dworecki: Podręczny słownik rosyjsko-polski / pod red. J.H. Dworeckiego. – Warszawa: Wiedza powszechna, 1975.

RUSSIAN AND POLISH: THE DICTIONARY OF TRANSLATOR'S FALSE FRIENDS

A.A. Gorbachevsky, I.A. Shusharina

The article is devoted to translator's false friends or to interlingua paronyms that are of great interest from the point of view of general semantics and lexicography. The lexicographic aspect is in the focus of attention. Russian-Polish paronymy has developed on the basis of both Common Slavonic and borrowed vocabulary, which has received different semantic development in the compared languages.

© 2009

З. Дьёрке

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ РУССКО-ВЕНГЕРСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ДВУЯЗЫЧНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

Общеизвестно, что для единой лексико-фразеологической системы языка характерны те же системные связи, что и для других подсистем языка. Важное место в системе парадигматических отношений между элементами структуры, как известно, занимают семантические оппозиции, в частности моносемичные – полисемичные, синонимические – антонимические, полисемичные – энантиосемические и омонимические противопоставления.

Омонимия (тождество форм) и **паронимия** (сходство форм) – понятия, связанные ***с означающей***, а не ***с означаемой*** стороной языкового знака.

Одной из специфических задач сопоставительного исследования фразеологической системы различных языков и двуязычной лексикографии является

изучение **фразеологической омонимии**, в частности **различение омонимических и полисемантических фразеологизмов**, выявление так называемых **межъязыковых фразеологических омонимов**.

В венгерском языкознании внимание лингвистов до сих пор в основном привлекало изучение проблем омонимии и полисемии в сфере лексического состава языка и сравнительно мало внимания уделялось различным проблемам **фразеологической полисемии** и **омонимии (**[Пете 1989: 61–63], [Лендваи 1998: 214–218], [Gecsx 1999]). Одними из немногих венгерских ученых, занимавшихся изучением явления полисемии и омонимии в сфере русской фразеологии, являются Б. Татар и Л. Хайзер ([Hajzer 1969; 1970: 21–31], [Татар 1992: 162–165]).

Однако в сопоставительном плане наши исследования, посвященные выявлению межъязыковых фразеологических омонимов в сфере русской и венгерской фразеологии, считаются первыми.

В литературе по изучению явления омонимии среди фразеологических единиц (ФЕ) принято различать **внутрифразеологическую** и **межъязыковую фразеологическую омонимию** ([Эмирова 1972: 84], [Сидоренко 1966: 251–259], [Гольцекер 1971: 129–136; 1979: 96–101], [Дьёрке 1991: 382–385]).

1. Внутрифразеологическими омонимами принято считать фразеологизмы, полностью совпадающие по лексическому составу и грамматической структуре, но различающиеся по семантике. Напр.:

ЗА ГЛАЗА[1] [ФСРЯ: 104, 105]:

1. *заочно, в отсутствие кого-л. (говорить о чем-л., смеяться над кем-л. и т.п.)*

Ср. венг.: *vkinek* ***a háta mögött*** *(a távollétében) 'beszél vkiről, szid, kinevet vkit, gúnyolódik vkin*'

2. *не видя (купить, нанять и т.п.)*

Ср. венг.: ***zsákba macskát vesz vki;*** *látatlanban vesz meg vmit, ismeretlenül fogad fel vkit* ср. рус. ***'купить поросенка в мешке; купить кота в мешке***'

ЗА ГЛАЗА[2] [ФСРЯ: 104]:

вполне, с избытком (хватит, достаточно, довольно и т.п.)

Ср. венг.: *több, mint elég; bőségesen elég/futja; még sok is; bőven akad*

Ср. еще рус. и венг. ФЕ:

ЗА СПИНОЙ:

vkinek a háta mögött *(a távollétében) 'beszél vkiről, szid, kinevet vkit, gúnyolódik vkin'* ср. рус.: ***за глаза[1]*** *в 1-м значении.*

Внутрифразеологическая омонимия – явление достаточно редкое. Русский лингвист М.И. Сидоренко считает, что число собственно фразеологических омонимов в русском языке насчитывает около 100 ФЕ [Сидоренко 1966: 253]. Это подтверждается анализом, проведенным им на материале корпуса «Фразеологического словаря современного русского языка» под редакцией А.И. Молоткова, содержащего около 4000 ФЕ [Сидоренко 1966: 251]. В то же время удельный вес полисемичных ФЕ, включенных в словарь, составляет около 17%.

Однако, несмотря на небольшой удельный вес фразеологических омонимов, проблема разграничения полисемантических ФЕ от омонимических и презентация их в одноязычных и двуязычных фразеологических словарях представляет большой научный и практический интерес.

Возникновение внутрифразеологических омонимов связано с различными процессами, происходящими в языке в определенный период его развития.

1.1. Внутрифразеологические омонимы могут возникать **в результате случайного совпадения лексического состава и грамматической структуры фразеологизмов**. В этом случае фразеологические омонимы возникают диахронически, независимо друг от друга, на базе одного и того же свободного словосочетания (или сочетания слов) путем различного образного переосмысления содержания исходного свободного словосочетания.

Возникшие таким путем фразеологические омонимы отличаются друг от друга специфическими свойствами образности, легшей в основу их содержания:

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА[1] [ФСРЯ: 492]:
'*свободный путь без препятствий и задержек, обычно для железнодорожного транспорта*'
Ср. венг.: ***zöld, szabad út; szabad utat enged*** *vminek* [Л-З: 105]

ЗЕЛЕНАЯ УЛИЦА[2] (устар.) [ФСРЯ: 492]:
'*наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России*'
Ср. венг.: ***vesszőfutás; vesszőt fut****; rég katonai büntetés* [ÉKsz.: 1490].

Гораздо реже встречаются такие фразеологические омонимы, в образовании которых играли роль **лексические омонимы**:

ДАТЬ ДЕРУ[1]:
(«драть» igéből) — 'высечь'
Ср. венг.: ***ellátja a baját*** *vkinek* [ONG: b-99]

ДАТЬ ДЕРУ[2]:
(«дернуть» igéből) — 'убежать'
Ср. венг.: ***felhúzza (felveszi, felköti) a nyúlcipőt*** [ONG: ny-276].

1.2. Подобно лексической омонимии, второй причиной образования фразеологических омонимов является **распад семантической структуры многозначной ФЕ**. Это сравнительно редкий способ возникновения омонимических ФЕ, когда новое, омонимическое значение ФЕ образуется путем вторичной метафоризации. В случае возникших таким путем фразеологических омонимов наблюдаются дальнейшие тенденции к абстрагированию их содержания:

ВЕШАТЬСЯ НА ШЕЮ *кому, к кому*[1]:
'*приставать с ласками, нежностями*'
Ср. венг.: ***nyakába borul*** *vkinek,* ***forrón átölel*** *vkit* [K: ш-27]

ВЕШАТЬСЯ НА ШЕЮ кому, к кому[2] [ФСРЯ: 63]:
'*навязываться, усиленно добиваться расположения, взаимности, любви'*
Ср. венг.: ***a nyakán lóg*** *vkinek, vki* ***terhére van; a nyakába akaszkodik*** *vkinek* [K: ш-26].

1.3. Фразеологические омонимы могут возникать также и в результате **эллиптирования компонентного состава** двух различных ФЕ. Напр.,

НА ВЫСОТЕ[1]:
'*в состоянии удовлетворить самым высоким требованиям'* [ср.: ***быть на должной высоте***]
Ср. венг.: ***megüti a mértéket, megfelel a kívánalmaknak*** [O-M: I, 254]

НА ВЫСОТЕ[2]:
'в состоянии проявлять себя так, как нужно, как единственно возможно, правильно' [ср. ***стоять на высоте положения***]
Ср. венг.: ***a helyzet magaslatán áll*** [O-M: I, 254].

Изучению различных аспектов внутрифразеологической омонимии русского языка, а также межъязыковой омонимии в сфере лексики посвящено множество работ (см. библ. о «ложных друзьях переводчика»: [Влахов-Флорин 1986: 166, 200], [Лендваи 1988: 99–102; 1988а: 331–338]). Работы по изучению межъязыковой фразеологической омонимии исчисляются единицами ([Вурм 1976: 14], [Гольцекер 1971: 129–136]). В венгерской фразеологической литературе уже имеются отдельные ссылки на наличие фразеологических омонимов в сфере венгерско-немецкой фразеологии, однако вопрос о русско-венгерской межъязыковой фразеологической омонимии в настоящей работе ставится впервые ([Földes 1987: 97; 1987a: 31], [Hessky 1985], [Дьёрке 1991а: 391–397], [Дьёрке 1992: 20]). При презентации фразеологического материала в венгерских толковых, одноязычных и двуязычных фразеологических словарях недостаточно отражаются полисемические и омонимические отношения во фразеологии, зачастую не разграничиваются полисемичные фразеологизмы и омонимические; нет никаких указаний на наличие межъязыковых фразеологических омонимов. В настоящей работе впервые делается попытка выявить межъязыковые фразеологические омонимы в сфере русско-венгерской фразеологии. Материалом для анализа служат русско-венгерские фразеологические словари, а также двуязычные академические словари Л. Хадровича – Л. Гальди.

В разряд **межъязыковых фразеологических омонимов** мы относим разноязычные ФЕ, аналогичные по лексическому составу и грамматической организации, но имеющие совершенно разные значения **вследствие индивидуально-языкового характера осмысления одного и того же образа**.

Один и тот же фразеологический образ может связываться в сознании говорящих на том или ином языке с совершенно различными представлениями. Один и тот же факт отражения действительности может получить различное переносное осмысление в разных языках. Так например, русская ФЕ ***белая ворона*** [ФСРЯ: 79] и параллельная венгерская ФЕ ***fehér holló > ritka, mint a fehér holló***

[ONG: h-826] по своему происхождению в обоих языках восходят к латинскому прототипу ***alba avis, albus corvus*** и являются кальками латинской ФЕ [Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 16]. Однако если для носителей русского языка фразеологический образ, легший в основу латинской ФЕ символизировал ***человека, резко выделяющегося чем-либо среди окружающих его людей, отличающегося чем-либо, не похожего на них*** [ФСРЯ: 79], то у носителей венгерского языка этот же фразеологический образ вызывает представление **о чем-то очень редком:** (ср.: ***ritka, mint a fehűr holló = днем с огнем не найти*** [M-O: I, 309]). В двуязычных русско-венгерских фразеологических словарях, за исключением учебного словаря И.М. Дубровина и К. Клауди и трехязычного фразеологического словаря В.И. Лавера и И.В. Зиканя, эти ФЕ ошибочно подаются как семантически эквивалентные друг другу. Русская ФЕ в венгерском языке не имеет фразеологического эквивалента и переводится или фразеологическим аналогом, или описательно.

БЕЛАЯ ВОРОНА – ***kilóg a sorból;*** *olyan ember, aki elüt a többitől* [D-K: 20];
БЕЛАЯ ВОРОНА – ***fehér holló,*** *kirí vki, vmi közül, ritka kivétel* [Л-З: 14];
БЕЛАЯ ВОРОНА – *ritka kivétel, ritkaságszámba megy,* ***párját ritkítja****, páratlan v. egyedül áll (a maga nemében);* ***ritka, mint a fehér holló*** [K: в-218];
БЕЛАЯ ВОРОНА – ***vki fehér holló*** [Földes 1987: 97].

В результате анализа особенностей русских и венгерских ФЕ нами выявлены следующие межъязыковые фразеологические омонимы:

ГОЛОВА (КОТЕЛОК) ВАРИТ [ФСРЯ: 111]: *'кто-то сообразителен, догадлив, понятлив' (=* ***jól fog az (agya) esze****).* Ср. венг.: ***fő a feje*** [ONG: f-424]: '*nagy gondban van, nagyon töpreng valamin' (= кто-л. сильно озабочен).*

ИЗ КОЖИ (ВОН) ЛЕЗТЬ [ФСРЯ: 223]: *'усердствовать, стараться изо всех сил' (=* ***töri magát*** *vmi után; minden erejével azon van, hogy...;* ***minden követ megmozgat****; minden igyekezetét* ***latba veti****; minden tőle telhetőt elkövet)* [K: к-152; Л-З: 115]; ср. венг.: ***majd kibújik (majd kiugrik) a bőréből*** [ONG: b-1224]:
а) 'nagyon örül' (= очень рад чему-л., кому-л.);
б) 'roppant türelmetlen' (= очень нетерпеливый, взволнованный);
в) 'nagyon bosszankodik' (biz) (= кто-л. досадливый, раздраженный) (разг.).

ВЫТРЯСТИ ДУШУ из кого-л. [ФСРЯ: 98]: *'измучить угрозами, домогательствами и т.п.' (= agyongyötör, agyonszekíroz, fenyegetőzéseivel, követelőzéseivel meggyötör vkit).* Ср. венг.: ***kirázza a lelket belőle*** [ONG: 1-435]*: (kül. jármű:) 'nagyon összeráz' (= сильно трясет, особенно о средствах транспорта).*

ПОСЫПАТЬ ГОЛОВУ (ГЛАВУ) ПЕПЛОМ [ФСРЯ: 347]: '*предаваться глубокой скорби, обычно по поводу какого-л. несчастья, тяжелой утраты и т.п.' (= gyászol vkit).* Ср. венг.: ***hamut hint a fejére****: (vál, átv) (nyilvánosan) megbán vmit (= публично раскаиваться в чем-л.) (книжн.)* ср. ***бить себя в грудь.***

БИТЬ СЕБЯ В ГРУДЬ: *‘каяться’ [Вл: г-409] (= megbán vmit,* ***hamut hint a fejére)***. Ср. венг.: ***veri a mellét****: (átv is) ‘kérkedik’ [ÉKsz.: 939] (= хвастаться, бахвалиться).*

ЯЗЫК ПРИЛИП (ПРИСОХ) К ГОРТАНИ *у кого-л.* [ФСРЯ: 541]:
‘кто-л. замолчал от неожиданности, удивления, страха и т.п.’ (= ***a csodálkozástól vagy a félelemtől elnémul, elakad a szava)***. Ср. венг.: ***a szájpadlásához tapad a nyelve*** *vkinek* [ÉrtSz.: VI, 29]: ‘*nagyon szomjas’ (= кому-л. сильно хочется пить).*

КАК ИЗ ПУШКИ [ФСРЯ: 373]: *‘явиться, прийти, быть готовым, сделанным и т.п.’ (=* ***ha törik, ha szakad; ha ég föld összeszakad is; ha cigánygyerekek potyognak az égből; még ha vasvilla hull (esik) is (az égből)*** [ONG: t-683, f-163, v-716]. Ср. венг.: ***mintha puskából lőtték volna ki*** [ONG: p-866]: *‘nagyon gyorsan, sebesen futva (távozik)’ (= быстро убежать).*

С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ [ФСРЯ: 107]: *‘наедине, без свидетелей, без посторонних’ (=* ***négyszemközt, kettesben)***. Ср. венг.: ***szemtől szembe*** [ÉKsz.:1266]*: а) közvetlenül szembefordulva vkivel (****лицом к лицу****); б) közvetlenül és kertelés nélkül a jelzett személynek (=* ***прямо в лицо)***.

С РУКАМИ И НОГАМИ [ФСРЯ:397]: *а) целиком; полностью (выдавать, брать и т.п.)’ (=* ***mindenestől elárulta (kiadta) magát)****; б) ‘охотно, с удовольствием’ (=* ***szíves örömest, két kézzel, ezer örömmel)***. Ср. венг.: ***kézzel-lábbal (kapálózik, tiltakozik vmi ellen)*** [ÉKsz.: 691] ***(= упираться руками и ногами).***

БЫТЬ НА КОВРЕ; ВЫЗЫВАТЬ/ВЫЗВАТЬ НА КОВЕР *кого (нов., разг., экспрес.)* [Ф: I, 305]: *‘быть у начальства для нагоняя’ (= főnöke vkit korholásban, szidásban részesít vmi miatt)*. Ср. венг.: ***szőnyegen van (szőnyegre kerül)*** *sajtónyelvi (kifejezésekben:)* ***szőnyegre hoz*** *(ügyet, kérdést),* ***lekerül a szőnyegről (terítékről),*** *(tanácskozás napirendje, tárgyalnak róla)* [ÉKsz.: 1311]. (Ср. еще венг.: ***terítéken van*** *vmi;* ***napirenden van*** *vmi;* ***terítékre kerül*** *vmi;* ***napirendre kerül*** *vmi;* ***levesz*** *vmit* ***a napirendről) = (быть на повестке дня;*** ср. рус.: ***снимать/снять с повестки дня; включать/включить в повестку дня)***.

СНЯТЬ (СОРВАТЬ, ОТВЕРНУТЬ) ГОЛОВУ (БАШКУ) *с кого, кому и без доп.* [ФСРЯ: 442, 446] *(разг.): 1) ‘убить кого-л.’ = (nép) megöl vkit;* ***fejével (életével) fizet (lakol)*** *vki vmiért;* ***a fejébe (életébe) kerül*** *vkinek vmi;* ***a fejét veszik*** *vkinek vmiért; 2) ‘строго наказать кого-л. обычно употребляется как угроза’ = Szigorúan megbüntet vmiért vkit; ‘rendsz. fenyegetésként’:* ***szíjat hasítok a hátadból!; letöröm a derekadat! kitöröm (kitekerem) a nyakadat!; megiszod te még ennek a levét!; meglakolsz te még ezért!; ezt nem úszod meg élve!; ezt nem úszod meg szárazon!; nagy árat fizetsz te még ezért!;*** *3) ‘доставить большие неприятности кому-л.; подвести’ =* ***veszélyes (nehéz/kiltástalan/lehetetlen) helyzetbe hoz*** *vkit.* Ср. венг.: ***leveszi a fejét*** *vkinek = ‘szégyenbe hoz vkit’;* ***szégyent hoz vkinek a fejére (= осрамить кого-л., чем-л.).***

ВЫЛОЖИТЬ/ВЫКЛАДЫВАТЬ ДУШУ *кому* [ФСРЯ: 94]: *'откровенно делиться мыслями, переживаниями с кем-л., чистосердечно рассказывать о себе все'* = ***kiönti a szívét (a lelkét)*** *vkinek, vki előtt;* ***könnyít a lelkén.*** Ср. венг.: ***kiteszi a lelkét (a lelkét is kitenné*** *vkiért, vmiért)* = *'minden tőle telhetőt megtesz v. megtenne vkiért v. vmely ügy, dolog érdekében'* [ONG: l-437] ***(= отдать душу за кого-л., за что-л.)*** [M-O: II, 59].

ПАДАТЬ/ВАЛИТЬСЯ/СВАЛИТЬСЯ С НОГ *от чего и без доп.* [ФСРЯ: 55]: *'приходя в полное изнеможение, не быть в состоянии держаться на ногах'* = ***alig áll a lábán (majd) összeroskad*** *'fáradtság, betegség miatt'* [K: н-220]. Ср. венг.: ***leesik a lábáról*** *vki = fekvő beteg lesz'* [ONG: l-55] Vц.: ***l-50*** *(= заболевать/заболеть; стать тяжело больным; потерять работоспособность из-за тяжелой болезни).*

КАК С НОЖОМ К ГОРЛУ ПРИСТАВАТЬ, ПРИСТУПАТЬ *к кому и без доп. (прост.)* [ФСРЯ:284]: '*настойчиво, неотступно, навязчиво (приставать, требуя чего-л.)' = (vkit) revolverez; nyúz (vmivel)* [G-U: O-M, 314]; '*követelőzéssel, erőszakkal' kényszerít vkit vmire; zaklat, nyaggat, ostromol, molesztál, erőszakoskodik; kikényszerít vkiből vmit;* ***nem tágít*** *vkitől;* ***nyakára jár*** *vkinek*. Ср. венг.: ***torkára teszi a kést*** *vkinek = 'előkészíti vkinek a vesztét, ill. vkinek a pusztulását, bukását okozza' (ritka)* [ONG: t-585]*; (досл.: приставить нож к горлу; подготовить чей-л. окончательный провал , гибель).* Ср. венг.: ***torkán van a kés*** *vkinek = 'hamarosan halállal, pusztulással v. csúfos bukással lakol vmiért'* [ONG: t-582] *(досл.: нож уже приставлен к горлу = кто-л. скоро поплатится за какую-л. вину; чья-л. гибель, кончина, провал уже предвидится).*

ТЯЖЕЛАЯ ГОЛОВА *у кого, от чего и без доп.* [Вл: г-197] = ***nehéz a feje****; nem tud világosan gondolkodni;* ***mintha ólomból lenne a feje.*** Ср. венг.: ***nehézfejű*** *= 'nehezen tanuló, lassú felfogású; nehezen kapcsol'* [ÉKsz.:993] *(=* ***тугодум, крепкоголовый, крепколобый)*** [M-O: II, 347]; ***тупоголовый; тупой; тупица*** *(biz)* [G-U: M-O, 640].

В случае межъязыковых русско-венгерских фразеологических омонимов, генетически различающихся двух языков, не всегда можно говорить о полном, материальном тождестве ФЕ, а лишь о частичном соответствии лексической и грамматической структур ФЕ при полном расхождении их значений.

Из вышесказанного становится очевидным, что выявление межъязыковых фразеологических омонимов в каждой паре языков, раскрытие их значения возможно лишь в результате тщательного сопоставительного анализа всего фразеологического состава двух или более языков.

В настоящей работе мы поставили своей целью обратить внимание отечественных и зарубежных лингвистов на наличие так называемых внутриязыковых и межъязыковых русско-венгерских фразеологических омонимов, дальнейшее изучение которых имеет большое значение не только с точки зрения общей теории и практики сопоставительной фразеологии, но и с точки зрения двуязычной фразеологической лексикографии, а также теории и практики художественного и устного перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Вл: Андрейчина К., Влахов С., Димитрова Ст., Запрянова Кл. Русско-болгарский фразеологический словарь / под ред. С. Влахова. – М.: Рус. яз.; София: Наука и искусство, 1980.

Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Высш. шк., 1986.

Вурм А.Ф. Сходство и различие русской и чешской фразеологии // Рус. речь. – 1976. – № 4. – С. 114.

Гольцекер Ю.П. Межъязыковая омонимия и полисемия как специфическая проблема при переводах с родственных языков // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. III. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1971. – С. 129–136.

Гольцекер Ю.П. Фразеологическая омонимия в близкородственных языках (переводческий аспект проблемы) // Уч. зап. СамГУ. Вып. XIV. Вопросы фразеологии. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1979. – С. 96–101.

Дьёрке З. Межъязыковая фразеологическая омонимия в сфере русско-венгерской фразеологии // Első Magyar Alkalmazott Nyelvészeti Konferencia I, Nyíregyháza. 1991. máj. 3–4. – Nyíregyháza, 1991. – С. 382–385.

Дьёрке З. Отражение фразеологической полисемии и омонимии в русско-венгерских фразеологических словарях // Nemzetközi Szlavisztikai Napok IV, Szerk.: Gadányi Károly, Szombathely, 1991a. – С. 391–397.

Дьёрке З. Псевдоэквивалентные фразеологизмы в составе русской и венгерской фразеологии // 2 Mezdinárodná Frazeologická Konferencia Frazeologia Vo Vychove, Vede a Kulture. (2nd International Konference on Phrazeology. Phrazeology in Education, Culture and Science.) Nyitra, Sept. 14–16, 1992. – С. 20.

Л-З: Лавер В.И., Зикань И.В. Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь. – Киев-Ужгород: Радяньска шк., 1985.

Лендваи Э. Краткий обзор случаев «непереводимости» на материале русского и венгерского языков // Misky Gy. (szerk.). A korszerűbb oroszoktatásért VIII. – Pécs: JPTE TK, 1988. – С. 99–102.

Лендваи Э. Лексическая семантика русского языка. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1998.

Лендваи Э. О словаре венгерских языковых реалий // Gadányi K. (szerk.). Nemzetközi Szlavisztikai Napok III, 1988a. – С. 331–336.

Пете И. Лексикология русского языка (для венгерских студентов-русистов). – Budapest: Tankönyvkiadó, 1989.

Сидоренко М.И. О фразеологических омонимах // Уч. зап. МОПИ им. Н.К. Крупской. – Т. 2. – М., 1966. – С. 251–259.

Татар Б. Фразеология современного русского языка. – Budapest: Tankцnyvkiady, 1992.

Ф: Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. – Новосибирск: Наука, Сибир. издат. фирма РАН, 1995.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка. Изд. 4-е, стер. / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филлипов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1987.

Эмирова А.М. К изучению антонимических отношений во фразеологии // Вопросы фразеологии: Труды СамГУ им. А. Навои. Новая серия. Вып. № 219, V, ч. 2. – Самарканд, 1972. – С. 189–193.

D-K: Dubrovin M.J., Klaudy K. Orosz szólások és közmondások képekben. – Budapest: Tankönyvkiadó; Moszkva: Russzkij jazyk, 1990.

ÉKsz: Juhász J., Szőke I., O. Nagy G., Kovalovszky M. (szerk.). Magyar értelmező

kéziszótár. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1972.

ÉrtSz: Géza B., László O. (főszerk.). Magyar nyelv értelmező szótára (1–7). – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.

Földes Cs. A frazeológiai univerzálék és az idegen nyelvek tanítása. Idegen nyelvek tanítása № 4. – Budapest, 1987. – S. 109–116.

Földes Cs., Magyar-német-orosz beszédfordulatok. Bevezetés. – Budapest: Tankönyvkiadó, 1987a. – S. 7–57.

Gecső T. Poliszémia, homonímia. Az ELTE BTK Általános és Alkalmazott Nyelvészeti Tanszéke által 1998 októberében rendezett tudományos konferencia előadásainak tanulmánykötete. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 1999.

G-U: László G., Pál U. Magyar-orosz szótár. Венгерско-русский словарь. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.

G-U: László G., Pál U. Orosz-magyar szótár. Русско-венгерский словарь. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2000.

Hajzer L. Az orosz frazeologizmusok poliszémiája. (Bölcsészdoktori disszertáció.). – Pécs–Szeged, 1969.

Hajzer L. Az orosz frazeologizmusok poliszémiájának kérdéséhez. A Pécsi Tanárképző Főiskola Tudományos Közleményei: Seria 3. Linguistika–Philologica. – Pécs, 1970. – S. 21–31.

Hessky R. Phraseologie: Lingistische Grundlagen und kontrastives Modell *deutsch>ungarisch*. (Kandidátusi értekezés. Kézirat.). – Budapest, 1985.

K: Ernő K. (szerk.) Russzicizmusok. 5000 orosz szólás és kifejezés. – Budapest: Terra, 1961.

M-O: László H., László G. Magyar-orosz szótár I.–II. k. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1974.

O-M: László H., László G. Orosz-magyar szótár I.–II. k. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1971.

ONG: O. Nagy Gábor. Magyar szólások és közmondások. – Budapest: Gondolat, 1966.

INTER-LINGUISTIC RUSSIAN-HUNGARIAN PHRASEOLOGICAL HOMONYMY AND ITS REFLECTION IN BILINGUAL PHRASEOGRAPHY

Z. Dyorke

A pioneer in the sphere of inter-linguistic phraseological homonymy in Russian and Hungarian phraseology, the author gives reasons for this phenomenon which is rare enough and difficult to tell from phraseological polysemy. These reasons are as follows: 1) incidental coincidence of lexical and grammatical structure of set expressions, 2) divergent sense development of a polysemantic set expression, 3) componential structure integration of two set expressions. In the author's opinion, inter-linguistic homonyms are such units which differ in lexical and grammatical structure, have completely different meanings due to individual-linguistic character of understanding one and the same pattern.

© 2009

Ж. Финк

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РОМАНСКИХ И ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ХОРВАТСКИМИ

(опыт составления словаря)

Когда лингвисты начали изучать, анализировать и сопоставлять фразеологизмы славянских и неславянских языков, сразу стало ясно, что во многих случаях можно говорить об их общих источниках, об общих образах, на базе которых передается значение. Данный факт нашел отражение в монографиях, в которых исследуется фразеология славянских и неславянских языков, фразеологические интернационализмы, межъязыковые фразеологические параллели и заимствования. В части работ сопоставляются славянские языки (напр., [Мокиенко 1980], [Popović, Trostinska 1987], [Bierich 1998]), в то время как в других – славянские и неславянские ([Солодухо 1982], [Menac 2007], [Солодухо 2008], [Turk, Opašić 2008]*).

Отношение между фразеологизмами разных языков видно и в двуязычных, а особенно в многоязычных фразеологических словарях. Приведем примеры пяти словарей с разными языками в качестве исходных и целевых.

В 1960 г. в г. Любляне (Словения) вышел шестиязычный фразеологический словарь [Pavlica 1960], исходным языком в котором является словенский, а целевыми языками – хорватскосербский**, латинский, немецкий, французский и английский. В словарь включена фразеология в широком смысле: здесь представлены пословицы – *Strela ne gre v koprivo, Ne ide grom u koprive* и т.д.; формулы речевого этикета – *Najlepša hvala!, Najljepša hvala!* и т.д. и некоторые свободные словосочетания – *Vso noč je bil (je stal) na straži, Stajao je na straži čitavu noć* и т.д. Надо отметить, что появляются и лексические эквиваленты: *huda ura, hudo vreme; nevrijeme, oluja*.

В следующие четыре словаря включены фразеологизмы в узком смысле. Так, в серии «Малые фразеологические словари» в Загребе (Хорватия) опубликованы два трехъязычных фразеологических словаря, в которые включены три славянских языка: хорватский, русский, украинский [Menac, Trostinska [1]1985; [2]1993], с одной стороны, и хорватский, чешский, словацкий [Menac, Sesar, Kuchar [1]1986; [2]1998], с другой. А в Германии, в Грайфсвальде, вышли два малых экспериментальных словаря с немецким в качестве исходного языка, а фразеологические эквиваленты даются на английском и нескольких славянских языках ([Breustedt et al. 2004], [Вальтер, Мокиенко 2007]).

Фразеографы иногда составляют словари, основным предметом которых является только один структурный тип фразеологизмов. Именно таким образом интернациональный авторский коллектив составил «Хорватско-славянский словарь сравнительных фразеологизмов» [Fink Arsovski et al. 2006], куда вошло

*В настоящей работе приводятся только некоторые авторы, занимающиеся данными проблемами.

**Официальное название языка в бывшей Югославии.

540 наиболее употребительных хорватских устойчивых сравнений с союзом *как*. В словаре даются структурные и семантические эквиваленты хорватских сравнений в южнославянских (словенском, македонском, болгарском), восточнославянских (украинском, русском) и западнославянских (польском, чешском, словацком) языках. Материал словаря показывает, на основе каких образов создавалось идентичное фразеологическое значение в девяти славянских языках, у каких из них были, с одной стороны, одни и те же источники (напр., мифология, Библия), а у каких – разные, т.е. показывает и значительные различия на фразеологическом уровне.

На базе фразеологического материала данного словаря опубликовано несколько статей*. В данных работах анализируются сравнительные фразеологизмы славянских языков с одинаковым общим фразеологическим значением, напр., 'заботливо беречь (хранить) *кого, что*' [Финк 2007], 'спать', 'заснуть' [Fink 2007], фразеологизмы, являющиеся частью одного концепта, в данном случае – концепта любви [Ribarova 2007] или, с другой стороны, сравнительные фразеологизмы с похожей структурой и лексическим составом, но неодинаковым значением (хорватские единицы *bježati* od koga, od čega *kao vrag od tamjana* и *bojati se* koga, čega *kao vrag tamjana* сопоставляются сначала с русскими, а потом с единицами других славянских языков [Fink 2005]).

В настоящее время в Хорватии готовятся новые многоязычные фразеологические словари с хорватским языком в качестве исходного и несколькими германскими и романскими языками в качестве целевых. Словари будут составлены на базе и по модели «Хорватско-славянского словаря сравнительных фразеологизмов», и таким образом получится серия фразеологических словарей, основной целью которой станет описание системы функционирования устойчивых сравнений в большей части европейских языков. Будучи исходным языком, хорватский, естественно, определяет выбор сравнительных фразеологизмов целевых германских и романских языков, которые, с одной стороны, вступают в отношения с хорватским, а с другой, до определенной степени вступают в отношения друг с другом.

Центральное место в словарях занимает около 560 хорватских фразеологизмов**. Они сопровождаются, во-первых, толкованием на хорватском языке, за которым следует иллюстративный материал из художественных произведений современных хорватских писателей, из периодической печати, из поисковой сети Интернет, а в случаях, когда невозможно подтвердить фразеологизм в указанных источниках, иллюстрации составляются автором хорватской части словаря. Привожу пример одной хорватской единицы:

KUGA

smrdjeti (zaudarati) kao kuga

jako smrdjeti (zaudarati), љiriti oko sebe uħasan smrad

Ja sam jela isto neki topljeni švicarski sir kod frendice (...) ***smrdio je ko kuga****, ali je bio ukusan...* (G)

*Здесь приводятся только некоторые из них.

**Количество фразеологизмов немного увеличилось и изменилось по отношению к *Хорватско-славянскому словарю сравнительных фразеологизмов.*)

– *Moramo ju okupati,* ***smrdi ko kuga***. (Gašić)

A druga cura je Petra D. (morao sam staviti prvo slovo prezimena da se ova druga koja ***zaudara kao kuga*** *ne bi slučajno umislila ili ne daj Boť e oprala!)...* (G)

SUZA

čist kao suza

1. čist, bez nepoťeljnih primjesa */o vinu, o rakiji itd./*; 2. potpuno čist, bez zrnca prašine; 3. visokih moralnih kvaliteta, častan, neporočan; 4. besprijekoran, odlično izveden, koji je bez greške */o predmetu/*

...ispalo bi nešto kao rakija, jača ili slabija, a sve ***čisto kao suza***. (G)

Zbog napisa u novinama provjeravali smo hidrante i utvrdili da je voda ***čista kao suza***. (N)

...da se na području Šatora (...) nalazi jezero s vodom ***čistom ko suza*** *i nekoliko manjih izvora koji se ulijevaju u jezero.* (Gašić)

...pojedini seljaci su zbunjeno gledali u inťenjere koji su im rekli da staja mora biti ***čista kao suza*** *jer nečistoća negativno utječe na zdravlje krava.* (N)

Domaći partner izlazi iz svega ***čist kao suza****, dobiva povrat utrošenih sredstava i enormno visoku deviznu kompenzaciju...* (Tribuson 1)

Neodgovorno je unaprijed, bez bilo kakva istraťivanja i dokaza, tvrditi da osoba nije mogla počiniti kaťnjivo djelo, da je ***čista kao suza***. (N)

...u 80. minuti sudac dosuđuje za Sloveniju jedanaesterac ***čist kao suza****...* (N)

Taj je slučaj ***čist k'o suza*** *i da ga nisu uhapsili oni, uhapsili bismo ga mi.* (N)

После хорватского фразеологизма следуют структурно и семантически эквивалентные фразеологизмы романских и германских языков. Этот новый материал покажет, употребляются ли во всех включенных в словари языках, напр., библеизмы типа *star kao Metuzalem; старый как Мафусаил* и *čuvati kao zjenicu oka* koga, što; *беречь (хранить) как зеницу ока* кого, что, как это отмечается в славянских, а помимо этого в английском (*<as> old as Methuselah; keep (guard, cherish, protect)* sb, sth *as (like) the apple of your eye*), немецком (*alt wie Methusalem*; j-n, etwas *wie seinen Augapfel hüten*) или итальянском языках (*serbare (conservare, custodire) come la pupilla dell'occhio (dei suoi occhi)* qcs., qcn.).

Узнаем также, употребляются ли одни и те же компоненты-зоонимы в славянских и неславянских языках. Так, в восьми славянских языках появляется компонент *tele (теленок)* во фразеологизме *gledati kao tele u šarena vrata*, в то время как в русском имеется компонент *баран (смотреть (уставиться) как баран на новые ворота*). В словенском, с другой стороны, как вариантный зооним употребляется *bik (gledati (zijati) kot tele (bik) v nova vrata*). В немецком и английском в соответствующей единице появляется образ коровы: *dastehen wie die Kuh am (vor, dem) neuen Tor*; *stare like a cow at a new gate (fence)* и т.д.

Интересно будет проследить, появляются ли в неславянских фразеологизмах те же стереотипы, что и в славянских языках, а также какие элементы национальной или мировой истории оставили свой отпечаток на фразеологизмах и многое другое.

Хотя в данных словарях речь идет об одном фразеологическом структурном типе и о сравнительно немногочисленном материале, все-таки можно будет показать различие и сходство, во-первых, между языками внутри определенныой

группы неславянских языков, а во-вторых, между тремя большими группами европейских языков.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А.К. К сопоставительно-историческому изучению структурно-семантических моделей в чешской, русской, хорватской и сербской фразеологии // Историко-этимологическое изучение славянских фразеологических систем / под ред. И. Матешича [и др.]. – СПб.: Междунар. комитет славистов, Комиссия по слав. фразеологии, 1998. – С. 15–34.

Вальтер Х., Мокиенко В. Почему немцы так говорят? (Загадки немецкой фразеологии). Экспериментальный выпуск. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik, 2007.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980.

Солодухо Э.М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.

Солодухо Э.М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп). – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.

Финк Ж. Кого бережем как свой глаз, а кого как каплю воды (о хорватских фразеологизмах со значением ‘заботливо беречь (хранить) кого, что’) // Frazeologija v jezikoslovju in drugih vedah / ed. E. Kržišnik, W. Eismann. – Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovenistiko, 2007. – S. 137–150.

Финк Ж. Опыт составления словаря славянской сравнительной фразеологии // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Х. Вальтера / ред. А.К. Бирих, Т.В. Володина. – М.: Элпис, 2006. – С. 685–690.

Breustedt W., Getzin J., Grätz J., Kolsut I., Walter H. Wörterbuch deutscher Phraseologismen mit englischen und slawischen Äquivalenten. – Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik, Lehrstuhl für slawische Sprachwissenschaft, 2004.

Fink Arsovski Ž. et al. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. – Zagreb: Knjigra, 2006.

Fink Arsovski Ž. Poredbena frazeologija – pogled izvana i iznutra. – Zagreb: FF-press, 2002.

Fink Ž. Čega se vrag boji i od čega bjeći. O dvama frazemima hrvatskoga i ruskog jezika // Jezikoslovlje. – 2005. – god. 6, br. 1–2, Osijek. – S. 95–106.

Fink Ž. Hrvatski poredbeni frazemi sa značenjem ‘spavati’ i ‘zaspati’ // Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków / red. W. Chlebda. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2007. – S. 281-287.

Menac A. Hrvatska frazeologija. – Zagreb: Knjigra, 2007.

Menac A., Sesar D., Kuchar R. Hrvatsko-češko-slovački frazeološki rječnik s indeksom čeških i slovačkih frazema. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1998.

Menac A., Sesar D., Kuchar R. Hrvatskosrpsko-češko-slovački frazeološki rječnik. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1986.

Menac A., Trostinska R.I. Hrvatsko-rusko-ukrajinski frazeološki rječnik. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1993.

Menac A., Trostinska R.I. Hrvatskosrpsko-rusko-ukrajinski frazeološki rječnik. – Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu, 1985

Pavlica J. Frazeološki slovar v petih jezikah. Rječnik slovenačkih, hrvatskosrpskih, latinskih, njemačkih, francuskih i engleskih fraza. – Ljubljana: DSZ, 1960.

Popoviж M., Trostinska R. I. Pokušaj određivanja tipoloških i genetskih podudarnosti u

petnaest frazeologizama hrvatskosrpskog, ruskog, ukrajinskog, poljskog, češkog i slovačkog jezika // Radovi Zavoda za slavensku filologiju, Vol. 22, Filozofski fakultet. – Zagreb, 1987. – S. 67-84.

Ribarova S. «Da li znaš da te volim...». Koncept ljubavi u češkim, makedonskim i hrvatskim poredbeni frazemima // Slavenska frazeologija i pragmatika / ur. Ž. Fink Arsovski, A. Hrnjak). – Zagreb: Knjigra, 2007. – S. 183-188.

Turk M., Opašić M. Supostavna raščlamba frazema // Fluminensia. – god 20, br. 1, Rijeka, 2008. – S. 19–31.

COMPARATIVE FIXED PHRASES OF ROMANCE AND GERMANIC LANGUAGES IN COMPARISON WITH CROATIAN (DICTIONARY COMPILING EXPERIENCE)

Zh. Fink

The international group of authors has compiled “The Croatian-Slavonic Dictionary of Comparative Fixed Phrases” containing 540 most frequent Croatian fixed comparisons with conjunction как (as), The dictionary gives structural and semantic equivalents of comparisons in south Slavonic languages (Slovene, Macedonian, Bulgarian), east Slavonic (Russian, Ukrainian), and west Slavonic (Polish, Czech, Slovak). Dictionary material shows basic images of nine Slavonic languages underlying identical phraseological meaning. It also shows which images came from the same sources (mythology, the Bible) and which of them had different origin thus emphasizing considerable variation at the phraseological level.

© 2009

С.И. Георгиева

О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЯХ И СПОСОБАХ ИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В СЛОВАРЯХ

Изменения в общественно-политическом пространстве в Болгарии и России конца XX – начала XXI в. совпадают как по времени, так и по характеру протекания. Изменилась привычная «картина мира» людей, которые используют язык, его коммуникативные и стилистические ресурсы. Появилось много новых устойчивых словосочетаний и выражений, которые не зафиксированы в словарях и лексикографических сборниках, но которые употребляются активно прежде всего в публицистических материалах, в средствах масс-медиа, в речи политиков, в разговорной речи.

Аналогичные фразеологические единицы (ФЕ) в обоих языках – результат схожих политических и социальных изменений, общих заимствований, а различия в языках – это результат специфики протекания данных процессов в разных странах, своеобразие языковой системы, предпочтения языкового вкуса. Как утверждает В.Г. Костомаров, «языковой вкус эпохи» разный не только для разных эпох, но и для разных обществ и социальных групп [Костомаров 1994:

248]. Изменения наблюдаются почти на всех уровнях языковой системы, но ярче всего они выступают на лексико-фразеологическом уровне. Этот пласт ярче аккуммулирует все новое в языке и своеобразно выражает его в образных словосочетаниях.

Объектом анализа в данной работе являются устойчивые словосочетания в болгарском и русском языках, которые возникли как отражение новых явлений в жизни людей; эти инновации мы считаем фразеологизмами. Они имеют устойчивую структуру, закрепленное значение, которое не выводимо из значений отдельных слов-компонентов словосочетания, экспрессивны и частотны в употреблении. Данные ФЕ не зафиксированы в существующих словарях.

Чаще всего наблюдается семантическая трансформация устойчивых словосочетаний, и это возможно, т.к. подобные словосочетания имеют яркую образную основу, благодаря чему образ получает обобщенный, метафорический смысл. Обязательное условие метафоризации всего словосочетания и закрепления фразеологического значения – это образная основа исходного словосочетания, она должна быть прозрачной для носителей языка. Напр., ФЕ /б/ *ветровито място* – знач. 'нестабильное положение' – построен на метафорическом переносе прилагательного *ветровито* (знач. 'Който е изложен на вятър' – *(*/р/ *ветреный* – знач. 'с ветром, сопровождаемый ветром') (ср. *Това място е много ветровито* – прямое значение словосочетания *ветровито място*) [БТР 1977: 74]. Контекст, в котором используется ФЕ и номинативное словосочетание, один и тот же: *Шефското кресло в здравната каса е доста ветровито място и това е една от причините за честите смени в институцията («Новинар» 2006)* [Георгиева, Величкова 2008: 287].

Социум концептуализирует мир и создает эмоциональные образы, и многие свободные словосочетания развивают дополнительные значения и превращаются в устойчивые. Это могут быть ФЕ, связанные с политикой (/б/ *отварям/затварям глава*), с техникой (/б/ *настройвам се на друга вълна; бушоните в главата запушват (на някого)*), со строительством (/б/ (*нещо) с таван*), со спортом (/б/ *от един отбор сме; покорявам (някакъв) връх*), с литературой (/б/ *пей сърце, сам юнак на коня*), с кино, телевидением (/б/ *зад кадър*), с педагогикой (/б/ *не сме на тази тема*), с военной тематикой (/б/ *(някой е) в бойна готовност, вдигам мерника на някого*), с рекламой (*три в едно*), с метереологией (/б/ (*накой) усеща откъде духа вятърът*), с бытом (/б/ *пера пари*), с бизнесом (/б/ *отрязвам квитанциите на някого*), из играми в карты (/б/ *държа коз; някой е на ход*), в спортлото (/б/ *някой удари шестица* – /р/ *попасть в десятку*) и др.

Проведенное нами анкетирование свидетельствует о том, что семантизация подобных ФЕ трудна не только для иностранцев, но и для людей, говорящих на данном языке с детства, однако последние десятилетия живших за пределами своей страны. Трудности наблюдаются и при переводе текстов, где данные ФЕ встречаются. «Константно актуальной является постоянная фиксация и как можно более полное лексикографическое описание ФЕ-неологизмов» [Мокиенко 2008: 121]. Создание специализированных словарей новых ФЕ – дело важное и неотложное.

Как представить эти ФЕ, как подобрать для них соответствия в языке перевода, если названное явление глубоко национально и характерно только для од-

ной из стран? Как оформить словарную статью, чтобы словарь был полезен и в обучении языкам? На эти вопросы должен отвечать словарь фразеологических инноваций. Это двуязычный словарь переводного типа, и словарная статья должна в полной мере отражать значение новой единицы, содержать контексты, в которых она употребляется, иметь стилистические пометы, фиксировать вербальное окружение и сочетаемостные возможности ФЕ. Двуязычные словари подобного типа предназначены, прежде всего, для иностранцев, изучающих конкретный язык, переводчиков, лингвистов и редакционных работников [Григорович 2005: 266].

Мы трактуем словарь как текст в широком смысле слова. Таким образом, переводной словарь приобретает свойства активного типа, обеспечивая потребителю как понимание, так и порождение текста на данном языке.

Новые ФЕ могут встречаться только в одном из языков или в разных языках (в данном случае в болгарском и русском), т.к. новые общественно-экономические условия являются сходными для обеих стран, заимствования идут скорее всего из одного источника (в последние десятилетия эти языки не влияют друг на друга, как это было в более ранние периоды).

I. ФЕ, существующие в обоих языках. Это скорее всего заимствования из английского языка либо кальки словосочетаний. В словарной статье таких устойчивых словосочетаний надо приводить соответствия из второго языка. Например, втора ръка (коли, дрехи и т.п.) – вторые руки; (няко нещо прави) под масата – (делать что-л. под столом); вижда се/не се вижда светлина в тунела – виден свет в конце/в середине тоннеля; настройвам се на друга вълна – настраиваюсь на другую волну; пера (мръсни) пари – отмывать деньги; мокра поръчка – мокрый заказ; потребителска кошница – потребительская корзина; шокова терапия – шоковая терапия; нежна революция – бархатная революция; сенческа икономика – теневая экономика; изтичане на мозъци – утечка мозгов; фабрика за илюции – фабрика грез, гореща линия – горячая линия и др. Эти устойчивые словосочетания раньше не встречались в рассматриваемых языках, т.к. явления, которые они называют, новые. Эти ФЕ образуются активно и функционируют также активно, хотя иногда и очень быстро входят в пассивный запас языка, что и соответствует социальным процессам конкретного общества. Становятся архаизмами неактуальные ФЕ, которые употреблялись в начале перемен, например, /б/ град на истината, палатков лагер, ликвидационен съвет, времето е наше, когато му дойде времето, руски пазар и др.

II. ФЕ, встречающиеся только в одном из языков. Они весьма специфичны, глубоко национальны, и в словарной статье таких ФЕ должно быть указано значение, дан буквальный перевод образной основы, помещена иллюстрация функционирования устойчивой единицы в речи. Напр.: *Не сме на тази тема* (разг.) – букв. ‘проходим какую-л. другую тему’, знач. ‘говорить о чем-л. другом’, ‘предмет разговора другой’: «Внуците ви искат ли да стават актьори? – ...Засега не е ясно дали искат да бъдат актьори. *Не сме на тази тема*» («Стандарт» 2008).

Если ФЕ имеет аналогичное соответствие в другом языке, то его надо привести. Напр.: *(някой) се отмята като фурнаджийска лопата* (разг.) – *букв.* ‘(кто-л.) поворачивается как лопата при печении хлеба’ – знач. ‘о (бесприн-

ципном) человеке, готовом легко и быстро менять убеждения' – /р/ *и нашим и вашим* (Партньорите ни *се отмятат като фурнаджийски лопати*, така не може да се работи... («Новинар» 2008)); *(някой) усеща откъде духа вятърът* (разг.) – *букв.* '(кто-л.) чувствует, с какой стороны дует ветер' – знач. 'пользоваться благоприятными условиями изменения в обстановке' – /р/ *держать нос по ветру;* /б/ *(някой) пие (студена) вода* (разг.) – *букв.* 'кто-л. пьет (холодную) воду' – знач. 'работать безрезультатно', 'работать вхолостую' – /р/ *остаться ни с чем* (Очаквахме печалба от обекта, а *пихме по една студена вода.* Бизнесът не е за нас... («Стандарт» 2008); /б/ *отрязвам квитанциите на някого* (разг.) – *букв.* 'режу чьи-л. квитанции' – знач. 'лишить (кого-л.) возможности дальнейшего действия' – /р/ *давать (кому-л.) от ворот поворот; не дать/давать ходу (кому-л.)* (Томов искаше още да е шеф, но червените му *отрязаха квитанциите.* Напълнил си е гушата и стига толкова... («Новинар» 2008)) и др.

Основными функциями данного словаря являются: 1) переводная; 2) учебная; 3) систематизирующая; 4) справочная; 5) нормативная. Только такой словарь может ответить потребностям нового времени. Его прагматическая целесообразность и прикладной характер связаны с когнитивным подходом. Такой словарь может и должен быть реализован не только на бумажном носителе, но и в электронном варианте [Григорович 2006: 602].

Каждое время имеет свою фразеологию, которая характеризует его. Фразеологические инновации иллюстрируют динамику фразеологической системы, ее постоянное обновление, связанное с внеязыковыми факторами и способствуют развитию и совершенствованию выразительных возможностей языков.

ЛИТЕРАТУРА

Георгиева С., Величкова С. Фразеологичните неологизми в българския език и техните съответствия в други славянски езици / Славянска филология. Доклади и статии за XIV Международен конгрес на славистите. – София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. – Т. 24. – С. 286–299.

Григорович Л. Современное состояние и тенденции развития учебной лексикографии // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 265–274.

Григорович Л.А. Учебный словарь «NTC`s Amerikan English Learner`s Dictionary»: полиграфическая и электронная версии // Слово в словаре и дискурсе: сб. науч. ст. к 50-летию Х. Вальтера. – М.: ЭЛПИС, 2006. – С. 602–608.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.

Мокиенко В.М. Общая характеристика лексикографического подхода к фразеологическим неологизмам // Comparacja wspolczesnych jezykow slowianskich. Frazeologia. – Opole: Uniwersytet Opolski, 2008. – T. 3. – S. 121–125.

ON PHRASEOLOGICAL INNOVATIONS AND METHODS TO REPRESENT THEM IN DICTIONARIES

S.I. Georgieva

The paper deals with fixed Bulgarian and Russian word combinations. They were formed to reflect new phenomena in life of respective countries by way of semantic transformation of terminological and free word combinations. These innovations are not shown in the existing dictionaries. The author offers a specific arrangement of the vocabulary entry. These bilingual dictionaries are intended, first of all, for foreign language learners, translators, linguists and editors.

© 2009

Б. Родзевич

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ
(на материале польского и русского языков)

Тест вербальных ассоциаций давно известен и используется в психолингвистике, семасиологии, когнитивной лингвистике и многих других науках. Он заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул, на которое он должен реагировать первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием. Этот так называемый свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией первичной реакции дает возможность составлять списки ассоциативных норм (ассоциативные словари), позволяющие использовать их как источник не только психологической, социологической, культурологической, но и лингвистической информации, а также изучать специфический для данной культуры и языка ассоциативный профиль единиц языка.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении состава и структуры фразеологического слоя внутреннего лексикона языковой личности и характеристике способов хранения его единиц в языковой памяти носителей двух языков – русского и польского, моделью которой является ассоциативно-вербальная сеть. Материалы для исследования собраны по данным двух ассоциативных словарей: «Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский» и «Polski słownik asocjacyjny z suplementem». В основу обоих словарей положены проведенные в русле исследовательской программы сектора психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН «Сопоставительное исследование национального языкового сознания славян» массовые ассоциативные эксперименты с носителями славянских языков.

Многие фразеологические единицы, появляющиеся в качестве реакции, восстанавливаются респондентами в (канонической) форме, в которой они и зафиксированы в словаре или в одном из словарных вариантов. Они хранятся в памяти носителей обоих языков как (воспроизводимый) готовый к употребле-

нию целостный языковой знак, отражая, с одной стороны, их субъективную и в то же время вполне объективную значимость для говорящих. С другой стороны, этот факт можно объяснить общими закономерностями выбора участниками ассоциативного эксперимента той или иной реакции, к которым следует отнести, главным образом, закрепленную в памяти говорящих сочетаемость лексем – синтагматические и парадигматические связи слов и их совместную встречаемость в речи и языке. Еще один «лингвистический» аспект порождения конкретных ассоциативных реакций – это семантическое родство или субъективно воспринимаемая испытуемыми близость слов. В полученных ответах, как в польском, так и русском ассоциативном тезаурусе, много фразеологических единиц, состоящих из двух компонентов, представляющих собой в структурном плане согласование прилагательного с существительным, причем вызываемые реакции отражены именем существительным, в то время как стимул – именем прилагательным, напр., польск. ***biały*** (стимул) *kruk* (6 реакций), ***czarny*** *charakter* (8), ***słaby*** *cziowiek* (48), ***wolny*** *strzelec* (8); русск. ***белый*** *снег* (109), ***большой*** *человек* (30), ***красный*** *перец* (16), ***черный*** *кофе* (11). К числу реакций, основанных на синтагматических связях двух компонентов в ассоциативно-вербальной сети, называемых довольно многими респондентами, относятся и фразеологические единицы других структурных типов (в частности, устойчивые сочетания слов, структурно совпадающие с предложениями, организованные управлением именительного падежа существительного родительным падежом другого существительного, состоящие из глагола и зависимого существительного), напр., польск. ***czas*** *płynie* (6), ***dusza*** *towarzystwa* (2), ***głowa*** *boli* (10), ***góra*** *mięśni* (7); русск. ***бог*** *знает* (2), ***время*** *идет* (15), ***враг*** *народа* (40), ***время*** *года* (10), ***голова*** *болит* (67), ***терять*** *голову* (17).

Однако самый яркий набор – это активные [Караулов 1994] фразеологизмы, подвергающиеся варьированию и разнообразным трансформациям, нарушающим каноническую форму, идеал нормативного словаря. В кругу индивидуальных речевых вариантов выделяется несколько групп в зависимости от характера структурно-семантического преобразования. При этом частотность тех или иных трансформаций, конечно, различна. Одним из наиболее частотных видов преобразования в исследуемом материале является изменение в расположении компонентов, прежде всего, синтаксическая инверсия, что объясняется не столько намеренным приемом (напр., смысловым выделением или обособлением компонентов с целью усиления экспрессивности устойчивого словосочетания), сколько характером связи между стимулом и реакцией (слово-стимул является одним из компонентов, чаще всего опорным компонентом ассоциируемой фразеологической единицы), ср., польск. ***droga*** *kręta* (17), ***dusza*** *dobra* (3), ***ziemia*** *matka* (44), ***młody*** *pan* (4), ***usta*** *czerwone* (35); русск. ***бог*** *Господь* (5), ***брат*** *двоюродный* (4), ***вечность*** *целая* (3), ***вода*** *живая* (8), ***дурак*** *Иван* (32).

В основу следующей группы оборотов положены морфологические и синтаксические преобразования, заключающиеся в видоизменении грамматической формы компонента в пределах или вне морфологической или синтаксической парадигмы фразеологизма, напр., польск. ***dusza*** *towarzyska* (6) вместо *dusza towarzystwa,* ***Nadzieja*** – *matka głupich* (20); вместо *Nadzieja matką głupich* (5), ***głowa*** *w chmurach* (1) – трансформа, включающая одновременно сокращение компо-

нентного состава, – вместо *nosić głowę w chmurach,* ***głowa*** *na karku* (1) – трансформа, включающая одновременно сокращение компонентного состава, – вместо *mieć głowę na karku,* ***palec*** *Boga* (1) вместо *palec boży*; русск. ***белый*** *ворон* (1) вместо *белая ворона*, **дурак** *Иванушка* (3) – трансформа, включающая одновременно синтаксическую инверсию, – вместо *Иванушка-дурачок,* ***Время*** *ушло* (2) вместо *Время уходит,* ***зеленый*** *змей* (2) вместо *зеленый змий* (2), ***палец*** *в рот не клади* (10) вместо *пальца в рот не клади.*

В число активных фразеологических единиц включаются и те, которые воссоздаются в памяти участников теста вербальных ассоциаций – носителей русского языка – в результате переосмысления, связанного с развертыванием их когнитивного образа посредством распространения компонентов словами свободного употребления: ***Время*** *быстро идет* (1), ***Время*** *летит без оглядки* (1), ***Время*** *летит быстро* (1), ***Время*** *быстро уходит* (1). К изменениям компонентного состава относится также эллипсис устойчивого сочетания слов, один из самых частотных способов включения и хранения фразеологизмов в ассоциативно-вербальной сети, составляющей базис языковой памяти поляков и русских. Варьированию в виде эллипсиса подвергаются в основном устойчивые сравнения, в которых анкетируемыми пропускается союз *как*: польск. ***biały*** *śnieg* (61), ***czarny*** *noc* (16), ***czerwony*** *krew* (74), ***czysty*** *łza* (21), ***wolny*** *ptak* (74); русск. ***белый*** *платок* (2), ***большой*** *слон* (11), ***глупый*** *осел* (24), ***слабый*** *ребенок* (18), ***слабый*** *котенок* (4), ***черный*** *уголь* (14), ***чистый*** *снег* (22) и многие др. В результате структурно-семантических преобразований респондентами приводятся и другие фразеогогизмы с сокращенным компонентным составом, ср. польск. ***chcieć*** [пропускается компонент *to*] *móc* (174), ***czas*** *[to] pieniądz* (16), ***gość*** *w dom [Bóg w dom]* (10), ***myśleć*** *o [niebieskich] migdałach* (1), ***obiecywać*** *gruszki [na wierzbie]* (1), русск. ***Глаза*** *– зеркало [души]* (13), [*Незваный*] ***гость*** *хуже татарина* (6), ***гость*** *в дом* [*радость в дом*] (3), [*бросать*] ***деньги*** *на ветер* (2), ***Душа*** *в пятки* [*ушла/уходит*] (4), ***Сила*** [*есть*] *ума не надо* (2), ***Слово*** *не воробей* [*вылетит – не поймаешь*] (39). Иногда компонентный состав ассоциируемого анкетируемыми со словом-стимулом устойчивого сочетания сводится к одному лишь слову, которое неоднократно приобретает совсем другую форму, чем в канонической единице, и не входит в разряд нормативных реализаций членов ее морфологической или синтаксической парадигмы, напр., польск. ***Czas*** [*leczy*] *rany* (1), ***czas*** *pieniądze* (3) вместо *czas to pieniądz,* ***gość*** [*w*] *dom* [*Bóg w dom*] (53), ***góra*** *Mahomet* (2), *Mahometa* (1) вместо *Nie przyszła góra do Mahometa, przyszedł Mahomet do góry,* ***Kłamstwo*** [*ma krótkie*] *nogi* (2); ***Nadzieja*** *– głupota* (9), ***Nadzieja*** *– matka* (8), ***Nadzieja*** *głupiec* (3) вместо *nadzieja – matką głupich*; [*jaka*] ***praca*** [*taka*] *płaca* (3), ***praca*** *kołacz* (3) вместо *Bez pracy nie ma kołaczy*; русск. ***ветер*** *свобода* (14) вместо *свободный как ветер в поле,* ***голова*** *плечи* (3) вместо *голова на плечах,* ***гора*** *Магомет* (24), ***гора*** *Магомета* (3), ***гора*** *Мухамед* (2) вместо *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе;* ***город*** *село* (37) вместо *ни к селу ни к городу,* ***гость*** *татарин* (20) вместо *Незваный гость хуже татарина,* ***палец*** *рот* (3) вместо *пальца в рот не клади,* ***Руки*** *– золото* (3) вместо *золотые руки,* ***свет*** *– ученье* (4) вместо *Ученье – свет, а неученье – тьма;* ***Сила*** *– ум* (23) вместо *Сила есть – ума не надо.*

Среди ассоциаций-трансформ структурно-семантического типа выделяются, кроме упомянутых, еще несколько своеобразных преобразований. В рус-

ском ассоциативном тезаурусе эти окказиональные ответы респондентов основаны на эллипсисе и одновременно переходе утвердительной формы фразеологической единицы в отрицательную и наоборот: ***Слово – воробей*** (15), ***Стыд – дым*** (1), ср. *Стыд не дым*; в польском интересны реакции, представляющие собой окказиональные индивидуальные фразеологические единицы, образованные в результате лексико-грамматической деформации (реакция на стимул ***szczęście***) и конверсии ситуации, образуемой исходным сочетанием (реакция на слово ***obiecywać***), ср. ***Szczęście*** *chodzi parami* (1), ***obiecywać*** *gwiazdkę z nieba* (1) и нормативные формы *Nieszczęścia chodzą parami; chcieć/ pragnąć gwiazdki z nieba*. Интересны случаи ассоциирования стимулов-лексем, выражающих элементы фразеологического значения, с обладающими этим значением единицами или трансформами соответствующих единиц: польск. ***obiecywać*** *cacanki* (12), ***obiecywać*** *obiecanki cacanki* (4), ***obiecywać*** *obiecanki* (2) – словарная форма фразеологизма *Jbiecanki cacanki, a głupiemu radość* обладает значением ‘obiecywać bez zamiaru dotrzymania obietnicy’/‘obietnice bez pokrycia’; ***wstyd*** *burak* (2), ***wstyd*** *buraczek* (1), ***wstyd*** *pąs* (1) – обе исходные формы фразеологизмов *czerwony jak burak* и *cała w pąsach* употребляются в значении ‘o kimś, kto się zaczerwienił ze wstydu’.

Нами отмечены лишь некоторые способы хранения фразеологических единиц в языковой памяти представителей обеих наций. Однако, как видно по приведенным примерам единиц фразеологического уровня, порожденных стимулами лингвистического эксперимента и зафиксированных в новейших ассоциативных словарях, в настоящее время (за счет использования методов психолингвистики, изучающей язык говорящего человека) расширяются возможности исследования той части словарного запаса современных носителей как польского, так и русского языков, о которой принято говорить, что она по различным причинам все больше скудеет. Даже этот беглый обзор полученных данных позволяет сделать вывод, что в обыденном языковом сознании поляков и русских фразеологические единицы различных структурных и семантических типов живы, актуальны и употребительны.

ЛИТЕРАТУРА

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2005.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 1977.

Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. – М.: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2004.

Gawarkiewicz R., Pietrzyk I., Rodziewicz B. Polski słownik asocjacyjny z suplementem. – Szczecin: Wydawnictwo PRINT GROUP, 2008.

FIXED PHRASES IN ASSOCIATIVE DICTIONARIES
(BASED ON POLISH AND RUSSIAN)

B. Rodzevich

The article deals with the content, structure, and relevance degree of Polish and Russian fixed phrases that are kept in linguistic consciousness as associates words, generated by linguistic experiment, and registered in the latest associative dictionaries.

© 2009

М.Л. Алексеева

РУССКИЕ РЕАЛИИ В СЛОВАРЯХ: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ РЕАЛИЙ

При включении национально-специфичной лексики в двуязычные словари перед лексикографами возникают как научные, так и методологические проблемы. Прежде всего, отметим сложности выявления, отбора и обработки единиц. Трудность лексикографической обработки этого вида лексики связана в первую очередь с ее высокой информативностью для представителей другого языкового коллектива, а также с отсутствием соответствующих единиц этого же уровня в иностранном языке. Авторы словарей решают эти проблемы по-разному.

Изучение работ по проблематике реалий в переводоведении, лингвострановедении, лингвокультурологии, этнолингвистике, сопоставительной лексикологии и теории межкультурной коммуникации выявило различное понимание данного языкового и культурного феномена в смежных дисциплинах и заставило обратиться к изучению представленности данного слоя лексики в словарях. Рассмотрению подвергались словари различного типа: лингвострановедческие, лингвокультурологические, двуязычные переводные, а также словари иностранных слов и одноязычные толковые словари для пары языков русский – немецкий.

Анализ словарей показал, что данная проблематика отечественными лексикографами разрабатывается активнее, чем зарубежными. Используемое авторами лингвострановедческих и лингвокультурологических словарей транскрибирование без учета сложившейся традиционной формы передачи и при наличии удачных переводческих решений может привести к непониманию реалии. Кроме того, фиксируются большей частью лексические единицы, отражающие уникальные предметы и явления современной жизни, а исторические реалии, именующие предметы, вышедшие из употребления, представлены слабо. Например, в словаре иностранных слов немецкого языка на долю исторических реалий приходится лишь 27% от всего количества отраженных в нем русских реалий [Duden: Fremdwörterbuch 2001]. Составители лингвострановедческих

словарей также отмечают, что реалии различных исторических эпох охватываются неравномерно: более полно – реалии современности, менее широко – реалии-историзмы [Куликов, Мартиневский, Ладисов 2001].

Исторические реалии широко представлены в произведениях классической литературы. Например, в романах Ф.М. Достоевского используется большое количество реалий, связанных с изображением российской действительности XIX в. Из отобранных на материале пяти основных романов писателя реалий 75% отсутствуют в немецких словарях. Таким образом, большая часть русских исторических реалий продолжает оставаться безэквивалентной для немецкого языка. Переводчику приходится каждый раз создавать соответствующий эквивалент в тексте перевода, используя при этом тот или иной прием.

Освещая проблемы двуязычной переводной лексикографии, В.Д. Девкин отметил, что безэквивалентная лексика по-прежнему упускается из виду в учебной и переводческой практике. В статье «Перспектива создания словаря безэквивалентных реалий» он подчеркнул целесообразность создания переводных словарей реалий [Девкин 2005: 372].

Изучение опыта передачи русской национально-специфичной лексики в романах Ф.М. Достоевского 20 немецкими переводчиками начала, середины, конца XX и начала XXI в. позволило обнаружить ряд интересных переводческих решений и находок, которые вошли в диахронический русско-немецкий словарь-справочник реалий.

Данный словарь дает возможность проанализировать варианты перевода русских реалий, выполненные в разное время, определить наиболее удачные переводческие решения и выявить динамику изменения техники перевода реалий с учетом фактора времени.

Интересной и перспективной представляется идея создания словаря, совмещающего в себе принципы диахронического, толкового, переводного и учебного словаря. Такой словарь способен обеспечить обозримость всей совокупности переводческих решений как в синхронии, так и в диахронии, их разнообразие и системность рассмотрения.

Объектом лексикографического описания данного словаря являются реалии. В работах по теории перевода нет однозначного ответа на вопрос, какие лексические единицы относятся к реалиям. Существует широкое толкование термина «реалия», включающее собственно реалии, ономастическую лексику, пословицы, поговорки, фразеологизмы, прецедентные феномены, и узкое его понимание, отграничивающее реалии от других сходных с ними явлений. Мы рассматриваем реалии как самостоятельный разряд лексики, которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, поэтому в данной работе будет использоваться узкое понимание данного термина. Для того чтобы уточнить объем данного понятия, выделим основные признаки реалий:

а) национально-культурная маркированность;

б) уникальность, специфичность для одной страны, ее культуры;

в) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным существительным.

Таким образом, реалии – нарицательные имена существительные, называющие уникальные национально-специфичные предметы и явления.

Материалом для данного издания послужили русские национально-специфичные лексические единицы, отобранные из пяти основных романов Ф.М. Достоевского: «Бесы», «Братья Карамазовы», «Идиот», «Игрок», «Преступление и наказание» – и двадцати разновременных параллельных переводов этих произведений на немецкий язык.

Данный словарь включает более 200 русских реалий и свыше 1000 вариантов их перевода, которые выполнили профессиональные немецкие переводчики в период с 1903 по 2006 г.: Э.К. Разин, Х. Рёль, А. Лютер, В. Кройтцигер, Э. Маркштайн, Х. Хербот, С. Гайер, М. Кегель, Х. Руофф, Р. Хоффман, М. Бройер и Р. Бройер.

Словарь состоит из вводной части (в нее входят предисловие, рекомендации пользователю по работе со словарем, сведения об источниках примеров, лексикографических источниках, сокращениях); пяти разделов, в которых представлены русские реалии в разновременных переводах романов писателя на немецкий язык; сводной таблицы разновременных вариантов перевода русских реалий, списка словарных русских реалий по словарю иностранных слов немецкого языка «Duden Fremdwörterbuch» (2001) и алфавитного указателя русских реалий в романах Ф.М. Достоевского.

Вводная часть включает предисловие, рекомендации пользователю по работе со словарем, сведения об источниках примеров, лексикографических источниках и принятых в словаре сокращениях.

В каждом из пяти разделов русские реалии приводятся в контексте (минимальном отрывке оригинального текста, составляющем одно предложение) и сопровождаются разновременными вариантами их перевода, представленными также в немецком контексте (соответствующем предложении текста перевода). Первый раздел включает материал, отобранный из параллельных переводов романа «Идиот», второй – «Игрок», третий – «Бесы», четвертый – «Братья Карамазовы» и пятый – «Преступление и наказание».

Все лексические единицы, включенные в словарь, расположены по романам, внутри романов – систематизированы по алфавиту начальных букв вокабул и имеют последовательную нумерацию арабскими цифрами.

Проиллюстрируем структуру словарной статьи, используя фрагмент второго раздела словаря-справочника:

2. «ИГРОК»

2.1

Русская реалия	**двугривенный**
Словарное значение	*РСС.* Монета достоинством в 20 копеек (с 1760 до 1931 г. – серебряная, позднее никелевая и из медноникелевого сплава); соответствующая сумма денег.
Русский контекст	*Ф. Д.* с. 415. Вагон беру особенный, а носильщики на всех станциях есть, за **двугривенный** куда хочешь донесут.
Перевод № 1 Контекст	*E. R.,* 1910, S. 99. Ich nehme ein Kupee für mich, und Träger gibt es auf allen Stationen. Für **eine Mark** tragen sie dich, wohin du nur willst.

Перевод № 2	*H. R.,* 1921, S. 103.
Контекст	Auf der Bahn nehme ich mir ein besonderes Abteil; und Gepäckträger sind auf allen Stationen vorhanden; die tragen einen für ein **Zwanzigkopekenstück**, wohin man will.
Перевод № 3	*A. L.*, 1963, S. 68.
Контекст	Ich nahm mir ein besonderes Wagenabteil; Träger gibt es auf allen Stationen, für einen **Zwanziger** tragen sie dich, wohin du willst.
Перевод № 4	*W. C.*, 1971, S. 82.
Контекст	Ich nehme ein Abteil für mich, Träger gibt's auf allen Stationen, für **ein paar Groschen** tragen sie mich, wohin ich will.
Перевод № 5	*E. M.*, 1992, S. 76.
Контекст	Ich nehme mir einen besonderen Waggon, und Träger gibt's auf jeder Station, um **zwanzig Kopeken** tragen sie einen, wohin du willst.

Варианты перевода реалии на немецкий язык располагаются в хронологическом порядке в соответствии со временем выполнения перевода. Это дает представление о различных подходах переводчиков к передаче данного лексического явления в разные периоды времени и представляет переводческую вариативность в диахронии, кроме того, каждый переводной эквивалент сопровождается контекстом, что позволяет определить данную работу как словарь нового типа — диахронический переводной (русско-немецкий) словарь.

В словарную статью включено значение русских реалий XIX в., поскольку большой процент отобранной лексики представлен историзмами и архаизмами, требующими уточнения их значения в различных словарях русского языка. С этой целью использовались «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова, электронная версия «Русского семантического словаря»; «Советский энциклопедический словарь»; специальные словари: «Краткий словарь чинов и званий государственной службы Московского государства и Российской Империи в XV – начале XX вв.» Д.В. Ливенцева, «Словарь лекарственных растений (латинский, английский, немецкий, русский)» А.Ю. Болотиной; толковые словари немецкого языка Duden: «Deutsches Universalwörterbuch» и Wahrig: «Deutsches Wörterbuch». Наличие толкования относит данный словарь к толковым словарям-справочникам. Термин «словарь-справочник» подчеркивает практическую направленность словаря.

Данное издание имеет два приложения, которые, как представляется, увеличивают его ценность как справочного пособия.

В первое приложение включена сводная таблица разновременных вариантов перевода русских реалий. Немецкие переводные эквиваленты представлены без контекста, но с обратным переводом, выделенным курсивом (прим. перевод автора). Варианты перевода каждой реалии систематизированы в алфавитном порядке по романам и времени их перевода. Это дает возможность проследить изменение принципов передачи данного слоя лексики на протяжении последних ста лет.

Во втором приложении представлены словарные русские реалии, отобранные по словарю иностранных слов немецкого языка Duden Fremdwörterbuch 2001. Термин «словарная реалия» впервые упоминается в работе С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин 1986]. Словарными называют заимствованные освоенные и не до конца освоенные, фиксируемые в словарях чужого языка реалии. Их знание необходимо при переводе реалий на иностранный язык, поскольку не все единицы являются собственно безэквивалентными. Для переводчиков исключительную важность имеет традиция передачи той или иной реалии. В процессе перевода следует использовать традиционно сложившиеся и закрепившиеся в словарях языка перевода эквиваленты.

Поиск в диахроническом переводном словаре-справочнике можно осуществлять с двух сторон:

1) от названия романа в оглавлении – к русской реалии и ее параллельным немецким переводам.

2) от русской реалии в алфавитном указателе – к соответствующей словарной статье.

Издание предназначено для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» по дисциплинам «Практический курс перевода», «Лексикология и лексикография», «Теория перевода». Оно может служить источником иллюстративного и исследовательского материала для курсовых и дипломных работ. Данное издание адресовано пользователям, владеющим немецким языком, и немецкоязычным пользователям, читающим произведения русской классической литературы в оригинале, а также преподавателям и практикующим переводчикам, которые могут использовать это издание и как словарь, и как справочник русских реалий конца XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1986.

Девкин В.Д. Немецкая лексикография: учеб. пособие для вузов. – М.: Высш. шк., 2005.

Куликов Г.И., Ладисов А.И., Мартиневский В.И. Немецко-русский лингвострановедческий словарь. – Минск: Высш. шк., 2001.

Fremdwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1990. – Bd. 5.

RUSSIAN REALIA IN DICTIONARIES: RUSSIAN-GERMAN DIACHRONIC DICTIONARY OF REALIA

M.L. Aleksyeeva

The article touches upon an important issue of modern lexicography, namely, compiling realia dictionaries. The author puts forward a new type of a dictionary combining features of diachronic, explanatory, translation, and learner's dictionaries. Peculiarities of diachronic translation dictionaries are considered by the example of the Russian-German diachronic dictionary of realia.

© 2009

О.И. Авдеева

К ПРОБЛЕМЕ СОСТАВЛЕНИЯ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО РУССКО-АДЫГЕЙСКОГО И АДЫГЕЙСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ АНАЛОГОВ

Необходимость создания идеографических фразеологических словарей продиктована, прежде всего, спецификой самого фразеологического материала: идиоматичность фразеологических единиц (ФЕ), т.е. невыводимость общего значения ФЕ из значения компонентов, требует ономасиологического подхода к анализу фразем – от их значения к форме. Поэтому размещение фразем по идеографическому принципу представляется наиболее соответствующим природе ФЕ, а также наиболее удобным для практического применения, например, при обучении языкам, особенно неродному, в практике перевода (двуязычные и многоязычные словари), при проведении теоретических семантических сопоставительных исследований.

В настоящее время в республике Адыгея, как и в других национальных субъектах страны, активно развивается двуязычие, которое требует создания дву- и многоязычных словарей нового типа, сочетающих в себе научность и доступность. Особую трудность представляет создание фразеологических словарей, крайне необходимых при обучении неродному языку, как русскому, так и адыгейскому.

Теоретическую основу будущего идеографического русско-адыгейского и адыгейско-русского словаря фразеологических аналогов составляют исследования по общей и русской фразеографии и идеографии (см. работы Ю.Н. Караулова, В.В. Морковкина, А.М. Бабкина, В.П. Жукова, Р.И. Яранцева, А.М. Бушуя и др.), а исследования по адыгейской, кабардино-черкесской и сопоставительной лингвистике, по лексикографии и фразеографии (см. работы Г.В. Рогава, Н.Р. Иванокова, Б.М. Карданова, М.А. Кумахова, У.С. Зекох, Ю.А. Тхаркахо, А.С. Чикобава, А.А. Шаова, А.К. Шагирова и др.), а также диссертационные исследования Ф.И. Хейшхо, З.Б. Бгуашевой, С.Р. Тлехатук, Д.Д. Жажевой и др.).

Существующие двуязычные кабардино-русский и русско-адыгейский фразеологические словари ([Карданов 1968], [Блягоз, Тхаркахо 1993]), а также «Фразеологический словарь адыгейского языка» Ю.А. Тхаркахо [Тхаркахо 1980] построены по алфавитному принципу. Стремление разместить фразеологический материал в алфавитном порядке восходит к первым фразеографическим опытам, которые были осуществлены в рамках толковых словарей лексики сначала в русском языке (словари В.И. Даля, Д.Н. Ушакова и др.), а затем в адыгейском («Толковый словарь адыгейского языка» и «Адыгейско-русский словарь» под ред. А.А. Шаова и др.).

Размещение в предлагаемом словаре ФЕ по идеографическому принципу коренным образом отличается от существующих ныне словарей. Именно такая структура словаря является, на наш взгляд, наиболее оптимальной и для представления фразеологического материала вообще, и в особенности для представ-

ления двуязычных и многоязычных фразеологических аналогов с целью их использования в практике перевода и обучения.

Во вступительной части словаря предполагается наличие следующих статей: 1. Цели и задачи словаря, его особенности; 2. Основные теоретические положения сопоставительной лингвистики, фразеологии и идеографии; 3. Основные теоретические положения и термины общей, русской и адыгейской фразеологии; 4. Состав словаря; 5. Расположение фразем в словаре; 6. Толкование значений фразем; 7. Грамматическая характеристика фразем; 8. Стилистическая характеристика фразем; 9. Отражение в словаре вариантности и факультативности компонентов фразем; 10. Отражение синтагматических свойств фразем; 11. Структура словарной статьи; 12. Приложение и операторы.

В состав словаря будут включены наиболее частотные идиомы и фразеологические сочетания русского и адыгейского языков. Опорными будут русские фраземы, рядом будут даваться адыгейские аналоги (не всегда эквиваленты, т.к. эквивалентная адыгейская фразема может не совпасть по объёму значения или степени употребления: например, может оказаться менее употребительной или стилистически ограниченной). Таким образом будет учитываться роль ФЕ в речи, что сделает словарь максимально ориентированным на прагматические особенности каждого из языков.

Каждая ФЕ будет снабжена ее дословным переводом на другой язык, что поможет восприятию внутренней формы фразем и пониманию их образности. Затем после толкования значений, грамматической и стилистической характеристик будет дан иллюстративный материал в каждом из языков. После этого предполагается привести фраземы, синонимичные заглавной. Иногда будет привлекаться паремиологический материал (в случаях отсутствия или неточности фразеологических аналогов), однако с обязательной пометой «пословица» («посл.»), «поговорка» («погов.»).

Таким образом, основной корпус словаря составят фразеологические аналоги русского и адыгейского языков, расположенные по идеографическому принципу. Причем внутри подгрупп ФЕ будут расположены рядом по антонимичному принципу, т.е. внутри подгруппы «интеллект человека» будут даны ФЕ со значением ‘умный’ (напр., ***ума палата***), рядом – ФЕ со значением ‘глупый’ (напр., ***без царя в голове***) и т.д.

Основной корпус будет снабжен двумя операторами – русским и адыгейским, которые позволят использовать его как в качестве русско-адыгейского, так и адыгейско-русского фразеологического словаря. Каждый из операторов будет состоять из двух частей. Первая часть будет представлять собой алфавитный перечень фразеологических единиц, упоминаемых в словаре с указанием страниц; заглавные фраземы будут выделены жирным шрифтом, фраземы-синонимы и паремиологический материал – обычным шрифтом. Алфавитное построение будет осуществлено по первому слову вне зависимости от того, каким оно является, – знаменательным или служебным.

Вторая часть оператора будет представлять собой идеографический перечень ФЕ словаря с указанием страниц; заглавные ФЕ также предполагается выделить жирным шрифтом, а фраземы-синонимы и синонимичный паремиологический материал – обычным шрифтом.

Синтагматические особенности фразем будут отражены двумя способами: либо с помощью слов-сопроводителей (при их наличии), либо с помощью вопросов, определяющих вид связи ФЕ с окружающим контекстом.

Образец словарной статьи:

(Беден) как **церковная мышь (крыса)** – (досл. Мыщтым чІэс цІыгъом фэдэу тхьамыкІ).	**Хьэ щыгъын щыгъэп** (досл. ‘на нем нет даже собачьей одежды’).
Общеуп., предикат. Очень, до крайней степени (беден). *Он всегда был беден как церковная мышь.*	***Къ***. Щыгъын дэй дэдэкІэ фэпагъэ. ЩыгъынкІэ ІэпцІэлъапцІ. *СабыІу кІыгум хьэ щичын щыгъэп, ежьыр пІомэ нэшІэ-ІушІэу фэпагъэ.*
Синон.: гол как сокол, ни кола ни двора, беден как Лазарь.	***Синон.***: ЦІыф бзаджэ пцІанэм фэд.

Создание идеографического русско-адыгейского и адыгейско-русского словаря фразеологических аналогов, основанного на достижениях общей, русской и адыгейской лексикографии и фразеографии, окажет определенное влияние на развитие теории и практики сопоставительной фразеографии, решит многие проблемы русско-адыгейского и адыгейско-русского переводов, позволит значительно облегчить процесс обучения на территории республики Адыгея русскому и адыгейскому языкам в статусе неродных, будет способствовать созданию новых технологий обучения второму языку в конкретных условиях русско-национального билингвизма.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). – Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2000.

Аксамитов А.С. Идеографический словарь и сопоставительная фразеология (на материале белорусского и русского языков) // Рус. яз. в нац. шк. – 1975. – №4. – С. 73–76.

Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964.

Багов П.М. О толковом двуязычном фразеологическом словаре // Исследования по адыгским языкам. – Нальчик: Изд-во Кабардино-Балкар. ин-та истории, филологии и экономики, 1977. – Вып. 1. – С. 70–75.

Бгуашева З.Б. Фразеологическая система адыгейского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2003.

Блэгъожъ З., Тхьаркъуахъо Ю. Урыс-адыгэ фразеологизма гущыТалъ. – Мыекъуапэ: Адыгэ тхылъ тедзап1, 1993.

Блягоз З.У., Тхаркахо Ю.А. Русско-адыгейский фразеологический словарь. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1993.

Бушуй А.М. Лексикографическое описание фразеологии. – Самарканд: Изд-во СамГУ, 1982.

Жажева Д.Д. Обогащение речи учащихся 6–7 классов адыгейской школы устойчивыми оборотами русского языка: дис. ... канд. пед. наук. – Майкоп, 1994.

Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка: проспект. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та, 2002.

Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высш. шк., 1986.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.

Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1968.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд-во МГУ, 1977.

Ройзензон Л.И., Шугурова З.И. Теоретические проблемы компаративной фразеологии и лексикографии // Вопросы фразеологии и составления фразеологических словарей: мат. IX Всесоюзн. координационного совещания. – Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1968. – С. 12–21.

Тлехатук С.Р. Зоонимы в русском и адыгейском языках: семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2001.

Тхаркахо Ю.А. Фразеологический словарь адыгейского языка /На адыг. яз/. – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1980.

Хейшхо Ф.И. Структурно-семантические типы глагольных фразеологизмов в русском и адыгейском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2000.

Шаов А.А. Основы адыгейской лексикографии. – Майкоп: Адыг. отд. Краснод. кн. изд-ва, 1988.

Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии: ок. 800 фразеологизмов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985.

IDEOGRAPHIC RUSSIAN-ADYGEI AND ADYGEI-RUSSIAN DICTIONARY OF PHRASEOLOGICAL ANALOGS

O.I. Avdeyeva

The article deals with compiling ideographic Russian-Adygei and Adygei-Russian dictionary of phraseological analogs, which complies with the very nature of phraseology. The dictionary is especially important when teaching both Russian and Adygei as a foreign language. It is also essential for two-way translation.

© 2009

Г.А. Каллибекова

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА В РУССКО-КАРАКАЛПАКСКИХ СЛОВАРЯХ СИНОНИМОВ

Использование перевода в учебном синонимическом двуязычном словаре основано на признании необходимости учитывать родной язык учащихся в процессе обучения их русскому языку.

В современной методике преподавания русского языка как иностранного проблема учета родного языка имеет самые различные решения: от полного не-

приятия родного языка до постоянного его использования на всех этапах изучения русского как иностранного языка. В этом вопросе мы будем придерживаться следующих основных установок.

В изучении русского языка как иностранного трудно или даже невозможно избежать влияния родного языка: оно психологически неизбежно, особенно на начальных стадиях усвоения, что доказывается повседневной практикой преподавания русского языка в национальной аудитории. Даже в старших классах при изучении русского языка допустимо обращение к родному языку, изменяются лишь способы и приемы его использования.

С.Ф. Шатилов говорил, что чем больше формируется коммуникативная компетенция учащихся национальной аудитории в русском языке, тем больше родной язык отступает на задний план. Он отмечал также, что только при достижении учащимся активного двуязычия родной язык по существу перестает оказывать какое-либо влияние на коммуникативную компетенцию в русском языке [Шатилов 1985: 61].

Родной язык привлекается в различных формах, прежде всего при сопоставлении изучаемого (в нашем случае русского) и родного языка, а также при переводе (осознанном и неосознанном, специально направленном и стихийном). В процессе преподавания «сопоставление всегда выступает в виде целенаправленного сравнения фактов русского и родного языков, служащего решению определенной лингводидактической задачи, т.е. сопоставление – это эксплицитно выраженный учет родного языка» [Шанский 1985: 220].

«Перевод по существу не может обойтись без предварительного сопоставления фактов изучаемого (русского) и родного языков. Неслучайно ученые разграничивают перевод как процесс и перевод как текст (результат)» [Кашкуревич и др. 1986: 71].

Перевод понимается нами не как самоцель, а как средство семантизации русских слов, нужное для понимания и усвоения русского языка в целом. В использовании перевода (как и сопоставления) основное внимание необходимо уделять преодолению интерферирующего влияния родного языка. Количество упражнений, направленных на преодоление интерференции родного языка должно быть значительным, гораздо больше, чем на перенос (транспозицию).

Перевод должен по-разному применяться в зависимости от конкретных целей его использования, а также в зависимости от того, услуги какой науки он выполняет. Известно, напр., что лингвистическая теория перевода выявляет семантические соответствия между лексическими, фразеологическими и грамматическими средствами переводных текстов, устанавливает закономерности преобразования текста на одном языке в текст на другом языке [Комиссаров 1973: 215], теория коммуникативности больше внимания уделяет особенностям передачи информации в условиях коммуникации представителей различных языков, литературоведение (художественный перевод) интересуется главным образом эстетическими аспектами переводимых художественных текстов [Аннинский 1985: 18], преподавание перевода разрабатывает методы и приемы обучения переводу как специфическому виду человеческой деятельности [Нечаева 1986: 75–79] и т.п.

Исходя из поставленной дидактической задачи, под термином *перевод* мы

понимаем передачу информации о семантической структуре русского слова на каракалпакский язык. В словаре не переводятся тексты, а дается разнообразная информация о слове: значение слова, его сочетаемость, стилистические особенности, грамматические значения и т.п., собственно, переводится слово с его вышеуказанными особенностями. Если говорить о *тексте*, то в словаре переводу подлежат лишь отдельные его фрагменты, а именно сочетаемость слова (совокупность присловных связей) и иллюстративный материал в виде предложений. Перевод сочетаемости и иллюстраций, однако, значительно повышает степень реализации требований коммуникативности в обучении русскому языку учащихся национальной аудитории. Как мы уже говорили, соблюдение этих требований является одним из условий повышения учебной направленности словарей. Учебный словарь – такой жанр учебного пособия, в котором в большой мере объясняются системные особенности слова. Однако, наряду с этим, в учебном словаре можно найти возможности усилить и коммуникативные потенции словаря. Перевод (также как и сопоставление) в этом случае преследует цели не только показать слово в системе языка, но и создать условия для понимания функционально-семантической значимости слова для акта коммуникации. Это в целом соответствует устремлениям современной методики перейти от преимущественного обучения системе языка к одновременному обучению коммуникации и системе; от лингвистической компетенции – к коммуникативной компетенции [Вятютнев 1985: 55–57].

Главное при переводе синонимов, организованных в словаре в синонимические ряды, – это приведение семантических эквивалентов синонимических рядов и отдельных синонимов в каракалпакском языке.

Применительно к одному слову можно говорить о постоянных эквивалентах и переменных [Кашкуревич 1986: 72–73]. Постоянные эквиваленты – это такие слова-синонимы русского языка, которые имеют единственное соответствие в каракалпакском, напр., *беречь – саклау, сесть – отырыу, убегать – кашыу, простить – кешириу* и т.п. Для перевода синонимов важнее вариантные эквиваленты, т.е. такие, когда в языке перевода существуют два или более соответствия для передачи значения слова на языке оригинала, напр., *секрет – сыр, жасырын, купыя; твердый – катты, ныk; жесткий – катты, жука, бататугын; дом – жай, там, уй; здание – жай, там, уй, имарат; режим – режим, каде, тартип, кагыйда; бить* (в значении '*избивать*') – *урыу, сабау* и т.п. Наличие вариантных эквивалентов имеет очень большое значение для практики обучения русскому языку учащихся национальной аудитории: оно требует от умения учащегося в зависимости от ситуации выбирать из синонимического ряда необходимое слово в процессе перевода и в процессе речи на русском языке.

Эквивалентность русских и каракалпакских слов-синонимов может быть полной и частичной. При этом степень полноты эквивалентности, понимаемой обычно не абсолютно, определяется совпадением как центральных, так и периферийных семантических компонентов (сопоставляемых слов). В учебном двуязычном словаре синонимов наблюдаются большей частью случаи частичной эквивалентности. Случаи частичной эквивалентности объясняются различными причинами. Во-первых, в языке-источнике и языке перевода может быть различное количество слов, соответствующих одному называемому предмету.

Так, напр., русское слово *дворец* (из синонимического ряда: *дом – здание – дворец*) имеет в каракалпакском два соответствия – *патша сарайы* и *сарай*.

Во-вторых, частичная эквивалентность зависит также от того, что один из сопоставляемых языков обозначает предмет или явление более расчлененно, а другой – менее. Напр., русские глаголы движения имеют противопоставления по признакам направленности – ненаправленности *(идти – ходить)*, а в каракалпакском языке соответствующих глаголов нет. Поэтому русским глаголам *идти* и *ходить* (соответственно из синонимических рядов *идти – брести – тащиться* и *ходить – бродить – таскаться*) в каракалпакском языке соответствует один глагол – *журиу*.

В-третьих, частичная эквивалентность между сопоставленными единицами двух языков может быть связана с произвольностью языкового знака. Этим, в частности, объясняется тот факт, что, напр., русское слово *распорядок* передается в каракалпакском языке двумя единицами – *тартип, каде,* русские синонимы *луна – месяц* передаются в каракалпакском одним словом *ай* и т.п.

В-четвертых, частичная эквивалентность между производными словами сопоставляемых языков часто объясняется различием внутренней формы слова, другими словами – различными признаками номинации или мотивировки производных значений. Напр., русское слово *пляска* из синонимического ряда *танец – пляска* передается в каракалпакском как *аяк-ойын,* но в каракалпакском слове просвечивает образ ноги (*аяк* ‘нога’) и все значение слова ассоциируется с танцевальными движениями ног, тогда как в русском языке этого образа нет в соответствующем слове *плясать*.

Неполная эквивалентность между словами-синонимами может возникнуть в связи с заметным несовпадением сочетаемости слова. Так, русскому слову *буря* из синонимического ряда *буря – ураган* в каракалпакском соответствует несколько слов – *дауыл, дубелей, куйын, катты дауыл*. В русском языке слово *буря* имеет сочетаемость *сильная, страшная, пыльная, разрушительная ... буря*. Заметим сочетание *сильная буря*. В каракалпакском языке только слово *дауыл* ‘буря’ сочетается со словом *сильный,* остальные же синонимы со словом *сильный* не сочетаются. Так, *дубелей, куйын, катты дауыл* не могут быть слабыми: в самом значении этих слов содержится семантический признак ‘*сильный*’.

Тут необходимо заметить, что правила сочетаемости являются важным критерием эквивалентности семантически соотносительных слов русского и каракалпакского языков. Таким образом, говоря об эквивалентности, мы опять приходим к выводу о том, что в учебном словаре синонимов необходимо больше показывать сочетаемость каждого слова-синонима.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский Л.А. Художественный перевод: проблемы и суждения: сб. статей. – М.: Известия, 1985.

Вятютнев М.Н. Традиции и новации в методике преподавания русского языка как иностранного // Рус. яз. за рубежом. – 1985. – № 5. – С. 55–57.

Кашкуревич Л.Г., Коростелева Н.В. О переводческих умениях // Рус. яз. за рубежом. – 1986. – № 2. – С. 71–73.

Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М.: Междунар. отношения, 1973.

Нечаева В.М. Методический аспект обучения переводу как второй специальности // Рус. яз. за рубежом. – 1986. – № 2. – С. 75–79.

Шанский Н.М. Сопоставление как один из методических приемов обучения русскому языку нерусских // Рус. языкознание и лингводидактика. – М.: Рус. яз., 1985.

Шатилов С.Ф. Некоторые вопросы сопоставления иностранного и родного языков в методических целях // Рус. яз. за рубежом. – 1985. – № 5. – С. 61–64.

TRANSLATION ISSUES IN RUSSIAN-KARAKALPAK DICTIONARIES OF SYNONYMS

G.A. Kallibekova

When studying Russian as a foreign language it is necessary to turn to the native language data too. The learner's bilingual dictionary of synonyms clearly illustrates methods of teaching Karakalpak pupils Russian. The dictionary does not give text translation, but it provides information about a word: its meaning, compatibility, stylistic features, grammatical meaning, etc. The main thing in supplying synonymic groups with translation is to give semantically equivalent synonymic groups and/or isolated Karakalpak synonyms, which will facilitate and promote communication skills acquisition when learning Russian.

© 2009

Е.М. Маркова

О ПРОЕКТЕ НОВОГО СЛОВАРЯ РУССКО-ЧЕШСКИХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОМОНИМОВ

Несмотря на большое количество изоморфных лексем в современных славянских языках, при сравнении их семантики наблюдается значительное несоответствие. В исследовательской литературе слова двух или нескольких родственных языков, имеющих близкое (с учетом фонетических особенностей данных языков) звучание, но различающихся в той или иной степени в значении, называются часто *межъязыковыми омонимами* (напр., в работах А.А. Реформатского, М.Ф. Рыльского, М.П. Кочергана, Й. Влчка, И.С. Ровдо, Н.В. Заславской и др. авторов). Учитывая, что в рамках одного языка омонимами называются слова, звуковое и графическое сходство которых является результатом *случайного* совпадения, не совсем правомерно относить к явлениям омонимии лексические единицы, имеющие общий этимологический источник. Хотя некоторые лингвисты (напр., Д.Н. Шмелев [Шмелев 2003: 91]) и возражают против того, чтобы ограничивать факты омонимии только случаями совпадения различных по происхождению слов, нам представляется необходимым дифференцировать явления, относимые к межъязыковой омонимии, считая омонимичными изоморфные структуры двух или нескольких языков, не имеющие общего источника происхождения или настолько разошедшиеся в значении, что не позволяют говорить об их былом семантическом единстве.

Строго говоря, к явлениям межъязыковой омонимии можно отнести лишь такие факты случайного внешнего совпадения лексем двух языков, как, напр., рус. *вор* ‘злоумышленник’ и чеш. *vor* ‘плот’, рус. *давка* ‘состояние тесноты в толпе’ (от глагола *давить*) и чеш. *dávka* ‘порция’ (от глагола *dávat* ‘давать’), рус. *подводник* ‘специалист по подводным работам’, ‘моряк, служащий в подводном флоте’ (образовано из сочетания *под водой*) и чеш. *podvodník* ‘мошенник’ (от *podvádět* ‘обманывать’, ‘мошенничать’, ср. с рус. *подводить кого-л.*). Межъязыковыми омонимами можно по праву считать и факты параллельного образования как результат наличия в разных славянских языках общего корпуса корневых морфем и словообразовательных аффиксов, а также однотипных деривационных моделей типа рус. *младенец* ‘грудной ребенок’ и чеш. *mládenec* ‘молодой человек’, рус. *школьник* ‘учащийся школы’ и чеш. *školník* ‘школьный сторож’, рус. *прачка* ‘работница, занимающаяся стиркой белья’ и чеш. *práčka* ‘стиральная машина’, рус. *родина* ‘родная страна, отечество’ и чеш. *rodina* ‘семья’, рус. *посадка* ‘занятие места’, ‘приземление’, ‘размещение саженцев в земле’, ‘посаженные деревья’ и чеш. *posádka* ‘экипаж’, ‘гарнизон’, рус. *белка* ‘небольшой лесной зверек-грызун с пушистым хвостом’ и чеш. *bělka*, известного в чешских диалектах в значениях: ‘белая корова или белый конь’, ‘вид белого рыхлого хлеба’, ‘белая мука’, ‘вид ранней (белой) черешни’ [PSJČ], рус. историзм *пристав* ‘в царской России: начальник полиции небольшого района; судебный исполнитель’ и чеш. *přístav* ‘порт, пристань’, рус. (разг.) *обнова* ‘недавно приобретенная, новая вещь’ и чеш. *obnova* ‘возрождение, восстановление’, ‘свежий, только что выпавший снег’ [PSJČ], рус. *плот* ‘связанные вместе бревна для сплава по воде’ и чеш. *plot* ‘ограда, забор’ (ср. рус. *плетень*), рус. *веник* ‘связка прутьев или веток для подметания полов, парения в бане’ и чеш. (уст.) *věník* ‘веточка с цветами, фруктами, букет из листьев’ [PSJČ], рус. *сушка* ‘маленькая баранка’ и чеш. *suška* ‘худая женщина’ [PSJČ] и др. Сюда же можно отнести и родственные лексемы, которые утратили этимологическую связь и не имеют ничего общего в значении, такие как рус. *гвоздь* ‘металлический стержень’ и чеш. *hvozd* ‘густой лес’, рус. *гряда* ‘узкая полоса вскопанной земли в огороде’, ‘ряд небольших гор’ и чеш. *hřada* ‘насест для кур’ и т.п. Как свидетельствуют приведенные примеры, семантическое несовпадение однокоренных слов родственных языков не всегда является следствием развития значений общего этимона. Иногда явления, относящиеся к праславянским лексическим рефлексам, и параллельные образования бывает трудно разграничить, поэтому во многих исследованиях они зачастую смешиваются. Даже «Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд» под ред. О.Н. Трубачева не избежал подобного смешения.

Лексемы, восходящие к общему этимону и сохранившие в той или иной степени связь с архисемой, не совсем правомерно называть межъязыковыми омонимами. В литературе можно встретить разные названия подобных лексем: межъязыковые соответствия, или корреляты (Р.А. Будагов, А.Е. Супрун, Т.Г. Наделяева, А.А. Ховалкина, С. Сятковский, Д. Коллар, Д. Червенкова и др.), аналогизмы (К. Готлиб), гетеронимы (Г.А. Селиванов), межъязыковые паронимы (В.Н. Манакин); встречаются и такие нетерминологические названия, как отождествляемые лексемы (Б. Конопелько), обманчивые межъязыковые

сходства (Э. Гросбарт), наконец, образное – «ложные друзья переводчика» (С.В. Шахрай, А.И. Журавлев, В.В. Акуленко и др.). Подобная лексика была предметом рассмотрения и в методическом аспекте в силу того, что она часто является причиной лексико-семантической интерференции. Достаточно назвать здесь работы С.М. Грабчикова, В.Н. Вагнер, М. Рогаля, Э. Гочевой, М.И. Даняканевой и других исследователей.

О неправомерности отнесения родственных лексем, значение которых явно указывает на общий этимон, к явлениям омонимии свидетельствует и то, что такие крупнейшие ученые-лингвисты, как М.М. Покровский и В.В. Виноградов называли их «вариациями значений слова» [Покровский 1959: 36], «историческими вариантами», «разветвлениями одного слова»: «С исторической точки зрения вся совокупность омонимов, развившихся из одной смысловой единицы, может быть рассматриваема как разветвления одного слова, как его исторические вариации, если есть возможность установить непосредственную генетическую связь между разными значениями и показать непрерывность их развития» [Виноградов 1968: 119]. Все относимые сюда лексические единицы обладают этимологически общим корнем, «семный состав которого «рассыпался» по разным языкам, преобразовался в других смысловых комбинациях, расширился или сузился в значениях, развил новые семантические ответвления» [Манакин 2004: 166]. Но внимательное рассмотрение подобных слов с этимологической точки зрения позволяет увидеть следы их былой семантической близости.

В силу устойчивости праславянского лексического фонда в современных славянских языках подобных лексем среди изоморфных структур подавляющее большинство, причем спектр семантических расхождений их весьма широк: от оттенков в значениях до энантиосемии. В приведенном ниже фрагменте даны примеры некоторых русско-чешских соответствий среди соматической лексики, большая часть которой – лексемы праславянского происхождения.

рус. *бровь* ‘дугообразная полоска волос над глазной впадиной’	чеш. *brva* ‘ресница’ (ст.-чеш. *brva* ‘бровь’)
рус. *обочина* ‘место около, вдоль дороги’	чеш. *obočí* ‘бровь’
рус. *веко* ‘кожный покров глаза’, рус. диал. *веко*, *вечко* – ‘крышка от туеса или лукошка’	чеш. *víko* ‘крышка (чемодана, коробки, кастрюли и т.д.)’ (*vičko* ‘веко’)
рус. *рот* ‘полость между нижней и верхней челюстями’	чеш. *ret* ‘губа’ (*rty* – ‘губы’)
рус. *губа* (мн. ч. *губы*) ‘кожная складка, образующая край рта’, рус. *губа* ‘гриб на стволах деревьев’, рус. диал. ‘гриб’	чеш. *huba* ‘пасть’ (*hubiček* ‘поцелуй’) чеш. *houba* ‘гриб’
рус. *шея* ‘часть тела, соединяющая голову с туловищем’	чеш. *šíje* ‘перешеек’
рус. *вяз* ‘дерево’ (*долговязый* ‘длинношеий’)	чеш. *vaz* ‘затылок, т.е. задняя часть черепа’
рус. *палец* ‘любой палец’	чеш. *palec* ‘большой палец’

Источником образования межъязыковых омонимов являются и дублетные формы в одном из языков. Так, фонетические дублеты рус. *пленка* – *пеленка*,

сохранив общее семантическое ядро ‘оболочка, покрытие’, размежевались семантически: *пленка* стало обозначать ‘кожицу, оболочку, тонкий слой, покрывающий что-л.’, ‘прозрачную ленту для снимков’, ‘тонкий прозрачный материал из синтетического полимера’, а *пеленкой* именуют кусок ткани, в которую заворачивают младенцев, что семантически соответствует чеш. *plenka*.

Межъязыковые омонимы иногда представляют собой и результаты языковых контактов. В разных языках могут получить развитие разные значения заимствуемого слова. Примерами служат рус. *маляр* и чеш. *malíř* ‘художник’. Нередко наблюдается и семантическое «смещение», девиация, при заимствовании, в том числе из одного славянского языка в другой. Так, из чешского в русский язык была заимствована лексема *табор*, которая ныне употребительна только в сочетании *цыганский табор* ‘группа кочующих цыганских семейств’, в то время как чеш. *tábor* – ‘лагерь’. Чеш. *průmysl*, в отличие от своего источника рус. *промысел* ‘добывание, добыча, охота на кого-л.’, ‘мелкое ремесленное производство’, ‘промышленное предприятие добывающего типа’, стало обозначением промышленности, а чеш. *umění* получило значение ‘искусство’, в то время как в русском языке *умение* – ‘способность делать что-л.’.

Таким образом, можно выделить несколько факторов образования межъязыковых формальных соответствий: праславянский лексический фонд, заимствования из других славянских языков, заимствования из одного славянского языка в другой, параллельные образования. В зависимости от источника образования изоморфные лексемы двух близкородственных языков, дифференцированные семантически, могут быть обозначены разными терминами. Вместе с тем, стремясь к терминологическому единообразию при лексикографическом описании лексем и принимая во внимание распространенность и устойчивость термина *межъязыковые омонимы*, представляется возможным использовать этот термин для обозначения всех групп изоморфизмов, учитывая определенную его условность.

Опыт лексикографического описания межъязыковых омонимов представлен в следующих известных работах: Й. Влчек «Úskalí ruské slovní zásoby. Slovník rusko-české homonymie a paronymie» (Praha, 1966), А.И. Журавлев, С.С. Захаров «Ложные друзья» переводчика с чешского языка (словарь)» (М., 1977), М.П. Кочерган «Словарь русско-украинских межъязыковых омонимов» (Киев, 1990) и др. Из последних работ этого жанра можно назвать словарь русско-польских межъязыковых омонимов: K. Kusal «Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych» (Wroclaw, 2002).

Создание нового словаря межъязыковых омонимов русского и чешского языков вызвано необходимостью представления результатов исследовательской деятельности в лексикографическом виде, обновления и дополнения имеющегося словарного материала и неологизации этого жанра. По нашему замыслу, словарь должен включать в себя изоморфные лексемы, представляющие собой разные типы межъязыковых формальных соответствий, указанных выше. Расширению лексического состава словаря послужит включение диалектного материала, содержащего зачастую лексемы, вытесненные из литературного языка, а также разговорных, просторечных, стилистически маркированных, устаревших единиц. При этом целесообразным, на наш взгляд, является указание на

однокоренные лексемы, сохранившиеся в литературном языке. По нашему мнению, в словаре, особенно если речь идет о прилагательных и глаголах, должен быть дан при необходимости минимальный контекст, представляющий собой реализацию тех или иных синтагматических связей слов, ибо о расширении семантического объема слова свидетельствует расширение его сочетаемостных возможностей. Семантическая валентность – способность слова сочетаться с другими словами – важный показатель его семантической характеристики.

Показательны в этом отношении переносные значения некоторых прилагательных. Так, рус. *слепой* полностью соответствует чеш. *slepý* в основном значении 'лишенный зрения', а также в переносном значении 'лишенный критического видения предмета' (напр., в сочетании *слепая любовь – slepá laska*). Однако чешским прилагательным стали называть также явления, обладающие признаком 'не имеющий чего-либо' (в основе данного переноса лежит ассоциация 'не имеющий зрения' – 'не имеющий чего-либо другого'). В результате подобного переноса в чешском языке стали возможны такие словосочетания, как *slepá ulička* (рус. *глухой переулок), slepé okno* (рус. *глухое окно), slepá rana* (рус. *холостой выстрел), slepý pasažer* (рус. *безбилетный пассажир*). Это должно найти отражение в словаре межъязыковых омонимов нового типа.

Все это дополнит и расширит картину межъязыковых корреляций, что будет представлять интерес не только для русских и чехов, изучающих иной славянский язык, для переводчиков, студентов, но и для лингвистов, всех, кто интересуется вопросами сравнительной лексикологии, семасиологии, межъязыковых соответствий. Словарь такого широкого лексического охвата, в котором будут репрезентированы не только семантические расхождения изоморфных лексем, но и лексические аналогизмы, может быть обозначен как «Словарь русско-чешских межъязыковых омонимов и лексических соответствий».

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI Междунар. съезд славистов. – М.: Наука, 1968. – С. 53–119.

Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев: Знання, 2004.

Покровский М.М. Соображения по поводу изменения значений слов // М.М. Покровский. Избранные работы по языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 36–60.

Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: УРСС, 2003.

PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. T. 1–9. – Praha, 1935–1957.

DRAFT DICTIONARY OF RUSSIAN-CZECH INTER-LINGUISTIC HOMONYMS

E.M. Markova

The paper puts forward the draft of a new dictionary of Russian-Czech homonyms highlighting the necessity of its compiling. It also presents inter-linguistic homonymy with factual evidence of linguistic isomorphism provided homonyms differ semantically in two kindred languages.

© 2009

К. Кончаревић

ДИДАКТИЧКИ РУСКО-СРПСКИ ТЕОЛОШКИ РЕЧНИК У СИСТЕМУ СРЕДСТАВА НАСТАВЕ РУСКОГ ЈЕЗИКА ЗА ТЕОЛОШКИ ОБРАЗОВНИ ПРОФИЛ

Једна од најзначајнијих сфера функционисања руског језика како у националним, тако и у интернационалним оквирима јесте духовна сфера. На руском језику одвија се мисионарска, богослужбена, административна, просветна и екуменска делатност Руске православне цркве – најбројније и једне од најугледнијих помесних православних Цркава. Овај језик неопходан је свакоме ко жели да дубље проучава православну теологију и духовност, јер на њему, уз грчки, постоји највећи број наслова из ове области (оригинални и преводни светоотачки и монашко-аскетски списи, теолошке студије и расправе, информативно-публицистичка и литерарна остварења инспирисана православном духовношћу), издаје се богата и разноврсна периодика, а у новије време немерљив је и удео рускојезичних ресурса Интернета (Рунет) у популаризацији богословске науке, информисању о разним аспектима деловања Цркве и остваривању њене мисије.

Управо из ових разлога руски језик има дугу традицију изучавања у српским духовним школама – богословијама (од 1849., у својству обавезног предмета) и у високошколским богословским институцијама (факултети, академије, институти). Као циљ наставе у теолошком образовном профилу поставља се формирање за професионалну компетенцију теолога релевантне комуникативне, лингвистичке, лингвокултуролошке и преводилачке компетенције у владању руским језиком у сфери академске свакодневице, унутарцрквеног општења, социокултурној и професионалној сфери, и особито у домену теологије. Овај циљ подразумева – у средњем богословском образовању и на првом степену основних студија – стицање оперативних знања о руском сакралном функционалностилском комплексу, изграђивање способности адекватне рецепције и превођења информативног, публицистичког и административно-пословног текста везаног за унутарцрквену комуникацију, оспособљавање за информативно, студиозно и дијагонално читање одговарајућих материјала, изграђивање способности разумевања на слух, као и оспособљавање за продуковање усмених (дијалошких и монолошких) и писмених саопштења из побројаних сфера комуникације, а затим – на дипломским академским студијама – и стицање оперативних знања о специфичним одликама дискурса теологије, изграђивање способности адекватне рецепције и превођења теолошког текста, оспособљавање за информативно, студиозно и дијагонално читање неадаптираног научно-стручног текста, изграђивање способности разумевања на слух научно-стручног излагања, оспособљавање за продуковање усмених и писмених саопштења из професионалне сфере комуникације. Садржаји наставе непосредно извиру из постављених циљева, а у њиховом оквиру најзначајније место заузима овладавање лексиком која опслужује побројане комуникативне сфере у циљу адекватне рецепције, продукције и превођења. Када је о овом потоњем аспекту

реч, студенти се упознају са лексичко-фразеолошким, граматичким и стилистичким питањима превођења литературе из области теологије и православне духовности са руског на српски језик, изграђују техничке навике и умења употребе речника, оспособљавају се за примену преводилачких поступака: парафразе, адаптације, додавања, одузимања, изостављања, пермутације, антонимијског превођења, компензације, транслитерације, калкирања, описног превођења, транспозиције и др., као и умења усменог и писменог превођења.

Изграђивање не само преводилачке, него и комуникативне, а делимично и лингвокултуролошке компетенције у настави руског језика за теолошки образовни профил незамисливо је без постојања специјализованог речника који би својом структуром и методологијом лексикографске обраде одговарао постављеним циљевима. Стога је у најновији уџбенички комплет из руског језика за студенте теологије, који обухвата основни уџбеник (К. Кончаревић «Руски језик у теологији А: обликовање научног текста, техника превођења, граматички практикум. – Београд: Изд. Православни богословски факултет, 2008) и две хрестоматије (К. Кончаревић «Руски језик у унутарцрквеној комуникацији». – Београд: ПБФ, 2008 и К. Кончаревић «Руски језик у теологији Б: хрестоматија стручних текстова». – Београд: ПБФ, 2008), инкорпориран и преводни терминолошки речник (К. Кончаревић «Руско-српски речник теолошке терминологије». – Београд: ПБФ, 2008), као први речник овог профила у руско-српској лексикографији. Задатак састављања једног оваквог речника био је утолико тежи уколико се узме у обзир малобројност релевантних извора на које смо се могли ослонити приликом избора одредница њихове лексикографске презентације. При изради речника коришћени су (а) богословске енциклопедије и једнојезични терминолошки речници: «Библейская энциклопедия» (М., 1990); Ј. Брија «Речник православне теологије» (Београд, 1999); С.И. Вургафт, И.А. Ушаков «Старообрядчество. Опыт энциклопедического словаря» (М., 1996); О.А. Платонов «Энциклопедический словарь русской цивилизации» (М., 2000); «Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т.» (Москва, 1992); Скляревская Г.Н. «Словарь православной церковной культуры» (СПб., 2000); «Христианство. Энциклопедия. В 3-х томах» / ред. С.С. Аверинцев (М., 1993); «Христианство. Словарь» / под общей ред. Л.Н. Митрохина (М., 1994.), (б) преводни теолошки речници (А.А. Азаров «Русско-английский словарь церковно-религиозной лексики с пояснениями» (М., 1996); «Англо-русский словарь в помощь христианскому переводчику» / под ред. М. Макарова (М., 1998); Б. Вукичевић «Речник православља енглеско-српски и српско-енглески» (Београд, 2004); А. Добрић. «Српско-енглески и енглеско-српски теолошки речник» (Београд, 2008); Г. Дьяченко «Церковнославянско-русский словарь» (М., 1993); М. Јандроковић «Немачко-српски и српско-немачки теолошки речник» (Београд, 2007); В. Паламарюк «Богословский славяно-русско-английский словарь» (Черновцы, 2001), као и (в) општи интерпретативни речници руског, црквенословенског и српског језика и преводни руско-српски речници.

Процедура израде речника укључивала је неколико етапа: (а) теоријско заснивање структуре речника, одабира и презентације лексема, (б) селекцију грађе на основу извора – примарне (теолошка научна и уџбеничка литература,

информативни материјали, црквено-правна, црквено-дипломатска документа, посланице, проповеди) и секундарне литературе (речници), (в) лексикографску обраду одредница и (г) апробирање материјала у наставној пракси. У вези са (а) основна дилема састојала се у томе који ће слојеви лексике бити презентирани. С обзиром на намену речника, определили смо се за вишеслојност лексикографског материјала, његово заступљивање по концентрима, тако да у најужи круг уђу термини теолошких дисциплина (библистика, патрологија, систематско богословље, црквено-историјске и богословско-практичке дисциплине), следећи концентар чине термини контактних и комплементарних наука (философија, психологија, педагогија, право, историја уметности, музикологија), потом општенаучна лексика, да би се у најширем концентру нашле стилски неутралне лексеме из општеупотребног језика које би се условно могле назвати религијско-црквеном лексиком (називи, имена и перифразе Бога, бестелесних сила, светих, називи места трансцендентне стварности, називи конфесија, верских покрета и њихових припадника, називи структурних јединица Цркве, њених органа и организација, припадника клира, сакралних објеката, делова богослужбеног простора, свештених предмета, одежди, обредне хране, празника, постова, итд.) [Гадомский 2006: 150–157]. Поред апелативне, определили смо се да у речник, с обзиром на фреквентност у сакралном дискурсу и специфичности у ортографском, ортоепском и граматичком обликовању, уђе и ономастичка лексика, презентирана у посебним регистрима – библијских антропонима и топонима и канонских (календарских) антропонима. Етапа (б) навела нас је на проширивање вокабулара и по етимолошком, и по историјском критеријуму: по првом, у речник је укључен велики број одредница црквенословенског порекла, с обзиром на њихову активну употребу у сферама које су предмет нашег интересовања (у теологији срећемо мноштво термина цсл. провенијенције, а у документима Цркве, проповедима, званичним саопштењима коришћење цсл. лексема и идиома као средстава жанровске стилизације) [Зозикова 2004: 38–44], као и интернационализама (пре свега лексике грчког, јеврејског и латинског порекла); по другом, показало се да је за низ теолошких дисциплина, посебно за литургику, канонско право, историју Цркве, црквену уметност, музикологију од изузетног значаја познавање не само савремених, него и термина који се данас могу сврстати у историзме и архаизме (*извечные, особь сущие монастыри, истинноречие, раздельноречие, демество, экдик, великий скевофилакс, беглопоповцы* и сл.). Најзад, праћење литературе из дисциплина попут упоредног богословља и историје религије изискује и овладавање најфреквентнијим јединицама везаним за терминосистеме других хришћанских, али и водећих светских нехришћанских конфесија, па сходно томе и њихово заступљивање у речнику. У етапи (в), с обзиром на дидактичку намену нашег речника [исп. Морковкин – Трушина 1986: 94–197], определили смо се да, поред семантизације, сваки речнички чланак садржи и друге релевантне информације: акценатску, по потреби граматичку, а пре свега валентносну карактеризацију лексема (типа: ***молиться*** *о здравии и спасении* – ***молити се*** *за здравље и спасење*), указивање на односе унутарлексичке системности, устаљене синтагме, фразеологизме, афоризме, карактеристичне примере употребе у разним контекстима. У неким случајевима, пре свега при семантизацији

назива сакралних објеката, титула свештених лица, структурних јединица Цркве, обреда морали смо водити рачуна о терминолошким варијацијама шире социолингвистичке природе у српском (српскохрватском) језику, тј. о постојању дублета на основу социокултурних и конфесионалних традиција одређених регија (оних под доминантно православним и оних под доминантно римокатоличким утицајем), као и дублета везаних за његову источну и западну варијанту, нпр. ***таинство*** 'света Тајна; отајство, сакрамент'*;* ***литургия*** 'литургија; миса'; **приход** 'парохија; жупа'; **инок** 'монах, калуђер; редовник', и сл. Напокон, посебну пажњу посветили смо семантизовању лексема са доминантном национално-културном компонентом (нееквивалентна и лексика са конотацијом), примењујући поступке транскрипције, калкирања и/или давања описне дефиниције, нпр. **беспоповщина** '**беспоповштина (старообредничка фракција која не признаје свете Тајне, свештенослужитеље, обреде)'; **двадцатка** 'црквеноопштински одбор (у РПЦ) (*разг.*)'; **епархиальное собрание** 'епархијско сабрање, највиши орган власти у епархији, уз чије садејство архијереј управља њоме (у РПЦ)', и др.

«Руско-српски речник теолошке терминологије», чију смо концепцију овде изложили, успешно је прошао и етапу (г) – апробације у наставној пракси, показавши се као незаобилазно средство обогаћивања лексичког фонда студената и одигравши важну интегративну улогу у систему средстава наставе руског језика у теолошком образовном профилу.

ЛИТЕРАТУРА

Гадомский А.К. Русско-польская терминология теолингвистики // Учен. зап. ТНУ. – Т. 19 (58); №1. Филология. – Симферополь: Изд-во ТНУ, 2006. – С. 147–157.

Зозикова М. Церковнославянизмы в контексте современной языковой динамики / под ред. А. Градинарова // Динамика языковых процессов: история и современность. – София: Херон Прес, 2004. – С. 35–47.

Морковкин В.В., Трушина Л.Б. Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному. – М.: Рус. яз., 1986.

THE THEOLOGY LEARNER'S RUSSIAN-SERBIAN DICTIONARY IN THE SYSTEM OF TEACHING AIDS FOR THEOLOGY STUDENTS LEARNING RUSSIAN

K. Koncharevich

The present work states the conception of the Russian-Serbian dictionary of theological terms by K. Koncharevich (Belgrade, 2008), intended for divinity students with the emphasis on key methodological issues of dictionary compiling.

© 2009

С.Б. Тимофеева

СПЕЦИФИКА ВОЕННОГО ТЕРМИНА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ДВУЯЗЫЧНОМ УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Анализ любой отраслевой терминологии начинается с выявления ее специфики, тех сущностных характеристик, которые позволяют отличить ее от иных отраслевых терминосистем и выделить в отдельную терминосистему. Военные термины от других типов научно-технических терминов, как, впрочем, и от слов общего языка, отличает закрепленное в форме дефиниции специальное содержание, связанное с военным делом, и особое применение.

Как никакая другая система специальных наименований, военная терминология подлежит четкой регламентации – как в сфере фиксации, так и в сфере функционирования. Принятые здесь нормы терминоупотребления, закрепленные в уставном порядке, подлежат строжайшему соблюдению, особенно в текстах боевых документов, распоряжений, в уставной литературе, технических наставлениях и т.д. Это объясняется тем, что любое отклонение от терминологической нормы в военной сфере общения может привести к нарушению коммуникации между военнослужащими и чревато катастрофическими последствиями.

Важной особенностью военной терминологии как специальной терминосистемы является ее интердисциплинарный характер. Помимо собственно военных терминов, закрепленных за специфическими военными понятиями, относящимися к различным областям деятельности вооруженных сил (напр., к области организации войск, боевому применению вооружения и техники), военная терминология включает большое количество общетехнических терминов и терминов, заимствованных из других областей знания, таких как химия, топография, биология, кибернетика, ядерная физика и др. Это объясняется рядом экстралингвистических факторов, главными из которых являются разработка новых видов оружия, оснащение вооруженных сил радиоэлектронной аппаратурой, автоматизированными системами управления и связи, электронно-оптическими средствами, высокомобильными средствами передвижения и т.д.

В отличие от многих других терминосистем, военная терминология является весьма значительной по объему. Так, количество наименований предметов снабжения в современных вооруженных силах достигает 3 млн., современный танк состоит из 60 тысяч различных деталей, каждая из которых имеет специальное обозначение, а в сложных образцах боевой техники и вооружения их насчитывается более 70 тысяч.

Военная терминология характеризуется сложной многоотраслевой структурой. Военная наука и военное дело в целом, как и многие другие области знания, подвержены все углубляющемуся и расширяющемуся процессу дифференциации, соответственно происходит расслоение, стратификация ее элементов. Первоначально здесь выделились подсистемы терминов отдельных видов воо-

руженных сил (сухопутных войск, военно-воздушных сил, военно-морских сил), затем в пределах каждой из них – подсистемы терминов различных родов войск (напр., такие узкие, выделенные на основе тематико-отраслевого принципа терминологии, как авиационная, артиллерийская, военно-морская, ракетно-космическая, военно-химическая, автобронетанковая, военно-инженерная, военно-медицинская и др.).

Названные процессы находят свое отражение в появлении узкоспециализированных терминологических словарей военной тематики. Ценность подобных словарей заключается в том, что они сконцентрированы на отдельных терминосистемах внутри военной терминологии и дают дополнительную информацию к общим словарям. Однако из-за постоянного изменения состава военной терминологии (в связи с реорганизацией видов вооруженных сил, появлением и разработкой новых образцов вооружения и боевой техники, разработкой новых методов ведения войны) такие словари удовлетворяют специалистов лишь частично.

Именно отраслевые и узкоотраслевые военные терминологические словари оказывают неоценимую помощь при переводе иноязычных военных материалов. Поскольку использование любых терминов связано со стремлением специалистов к максимально сжатой и точной передаче информации, исключающей возможность произвольного и субъективного ее толкования (а в военных текстах это особенно важно), перевод таких текстов требует от переводчика отличного знания и иностранной, и соответствующей русской военной терминологии, а также умения правильно ею оперировать.

Все иноязычные военные термины с точки зрения трудности их понимания и перевода можно подразделить на три группы:

1) термины, обозначающие инокультурные реалии, идентичные реалиям российской действительности, напр.: *chief of staff – начальник штаба, antitank artillery – противотанковая артиллерия, flame thrower – огнемет, mine detector – миноискатель, recoil brake – тормоз отката*. Понимание и перевод терминов этой группы не составляют особой трудности;

2) термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в нашей действительности, но имеющие общепринятые русские терминологические эквиваленты. Адекватный перевод таких терминов достигается путем подбора соответствующих русских аналогов и путем адекватной замены, напр.: *Air National Guard – национальная гвардия ВВС, delaying resistance – маневренная оборона, fire base – огневая группа, classified information – секретные сведения*;

3) термины, обозначающие реалии иностранной действительности, отсутствующие в нашей действительности и не имеющие общепринятых русских терминологических эквивалентов, напр.: *alert hangar – ангар вылета по тревоге, general staff – общий штаб, first lieutenant – первый лейтенант, master sergeant – мастер-сержант*. Перевод этих терминов представляет наибольшую трудность, поскольку не может быть сделан без понимания значения термина и того понятия, которое он выражает.

Переводные военные словари по отдельным отраслям знания широко используются и в учебном процессе в военном вузе, правда, бóльшая их часть рас-

считана прежде всего на специалистов, переводчиков, преподавателей и только затем – на курсантов военных учебных заведений. Наиболее важным элементом информации о термине в таком словаре выступает дефиниция, именно она дает сведения, необходимые для понимания, восприятия и разграничения содержания отдельных понятий. Однако при обучении переводу военных текстов дефиниция должна включать некоторые пояснения, комментарии, поскольку курсанты не являются еще профессионалами в полном смысле этого слова.

Таким образом, возникает необходимость создания двуязычного толкового терминологического учебного словаря: толкового – потому, что среди типов терминологических словарей толковые терминологические словари – наиболее важные и необходимые. В этих словарях полно объясняются особенности содержания термина и дается описание его употребления; учебного – потому, что, в отличие от переводных словарей, в которых, как правило, представлены все переводные эквиваленты, учебные включают только те слова, которые соответствуют уровню знаний курсантов, напр. [Пасечник 1986]:

combat power (The total means of the destructive force which a military unit can apply against the opponent at a given time)	**силы и средства; боевая мощь** (Общее количество средств поражения, которое боевая единица может применить в данный момент против противостоящего противника)
pitch (An angular displacement about the lateral axis of the vehicle)	**тангаж** (Наклон самолета относительно поперечной оси; крен)
armored cavalry platoon	**разведывательный взвод** (разведывательного батальона)
scout platoon	**разведывательный взвод** (мотопехотного и танкового батальонов)
reconnaissance platoon	**разведывательный взвод** (пехотного батальона)

По способу упорядочения словника учебный словарь должен быть тематическим, поскольку алфавитная подача материала затрудняет представление о соотношении понятий, да и запоминать слова в тематическом порядке гораздо легче, чем в алфавитном.

Выбор терминов для словаря должен производиться исходя из конкретных целей его создания, функций и предполагаемого объема. В переводных словарях обычно велик объем лексики из соседних тематических областей. Подобная терминология, как правило, используется в текстах по выбранной специальности и поэтому и попадает в терминологический словарь. Как нам представляется, учебные словари не должны содержать такого разнообразия лексики, потому что их основной задачей является нормализация использования терминов при переводе, а не полная характеристика их функционирования.

Учебный словарь рассматривается нами и как средство овладения лексикой иностранного языка. Отличительная особенность такого словаря – помочь пользователю понять, осмыслить отношения между различными терминами. Именно поэтому в учебном словаре большую роль играют объединения терминов в группы, основой для которых выступают родовидовые отношения.

Кроме того, учебный словарь всегда является словарем нормативным, поскольку изучение использования слов основывается на презумпции некоторого семантического порядка и семантических связей между словами. Отбор слов в таком словаре должен в первую очередь отвечать требованиям к обучению языку.

ЛИТЕРАТУРА

Гринев С.В. Введение в терминографию. – М.: Изд-во МПУ, 1995.

Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

Кудашев И.С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. – Helsinki: Helsinki University Translation Studies, 2007.

Марчук Ю.Н. Основы терминографии. – М.: ЦИИ МГУ, 1992.

Пасечник Г.А. Англо-русский учебный словарь-минимум военной терминологии. – М.: Воениздат, 1986.

Шевчук В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1985.

MILITARY TERMS IN THE LEARNER'S BILINGUAL DICTIONARY

S.B. Timofeyeva

The article reveals peculiarities of military terms constituting a part of special terminology system. It also specifies the necessity and criteria of a learner's bilingual terminological dictionary.

© 2009

А.Ш. Юсупова

ТАТАРСКО-РУССКИЕ И РУССКО-ТАТАРСКИЕ СЛОВАРИ XIX ВЕКА

Одним из основных источников при изучении тех или иных языков, а также показателем их места и роли в истории культуры являются филологические словари. На основании комплексного изучения словарей прошедших эпох и современных словарей можно судить о важных тенденциях развития соответствующих языков.

Особенно ценным источником для историко-лингвистических исследований являются двуязычные словари. Взятые в совокупности, они позволяют документально подтвердить роль и место тех или иных языков в истории культуры в определенные исторические периоды, взаимоотношения данных языков, в том числе их связи с третьими языками. Причем при исследовании таких сло-

варей можно без ущерба для требований научной объективности сосредоточиться на лингвистическом материале одного из двух языков.

Словари фиксируют состояние языка на определенном отрезке исторического развития того или иного народа – носителя языка. Словари общего характера отражают наиболее важную часть лексики соответствующего времени, имеющую отношение ко всем сферам жизни, тогда как другие виды источников по истории языка (газеты, журналы, художественная литература, официальные документы) содержат, как правило, круг понятий, принадлежащих к отдельным сферам жизни. Двуязычный словарь представляет собой расположенную определенным образом совокупность зафиксированных правил замены элементов лексики (морфем, слов, словосочетаний, предложений) одного языка его смысловыми эквивалентами на другом языке [Берков 1971: 3]. Но они не являются столь репрезентативными для изучения общих тенденций и закономерностей развития языка. Рассматриваемые нами двуязычные словари общего характера обладают дополнительной источниковедческой ценностью, поскольку в них отражены особенности корреляции соответствующих языков.

В XIX в. в России растет понимание необходимости изучения восточных языков и, том числе, татарского. В 1803 г. восстанавливается гуманитарное отделение в Российской Академии наук. В Московском, Казанском и Харьковском университетах открываются кафедры восточных языков. В различных учебных заведениях начинают вводить преподавание татарского языка. Миссионерское движение и восточная политика требуют знания татарского языка. Сложившиеся между татарами и русскими торгово-экономические, общественно-политические и культурные связи также способствуют развитию интереса к изучению татарского и русского языков. По этим причинам на протяжении XIX в. создаются татарско-русские и русско-татарские словари, отражающие различные сферы взаимоотношений народов.

В XIX в. с целью обучения татар русскому, а русских татарскому языку были составлены и изданы словари И. Гиганова «Слова коренные, нужнейшие к сведению для обучения татарскому языку, собранные в Тобольской главной школе учителем татарского языка Софийского собора, священником Иосифом Гигановым и муллами юртовскими свидетельствованные» (СПб., 1801; 1804), «Словарь татарского языка и некоторыхъ употребительныхъ въ немъ реченій арабскихъ и персидскихъ, собранный трудами и тщаніемъ учителя татарского языка въ Казанской семинаріи священника Александра Троянского и напечатанный съ дозволенія комиссіи духовныхъ училищъ» (Казань, 1833; 1835), «Словарь к татарской хрестоматии» С. Кукляшева (1859), «Татарско-русский словарь» К. Насыри (Казань, 1878; 1892), татарско-русские словари Миссионерского общества (1880–1891), «Татарско-русский словарь» Н. Остроумова (Казань, 1876; 1892), «Русско-татарский словарь» А. Воскресенского (1894), «Татарско-русский словарь наиболее употребительных слов и выражений» М. Юнусова (Казань, 1900).

В Казанском университете в 30–40-е гг. XIX в. при Восточном разряде сформировалась Казанская школа тюркологов. Большая заслуга этой школы заключается в том, что ее представители выдвинули идею привлечения к научной работе по филологии представителей тех народов, языки которых стали объектом

научного исследования. Почти все авторы исследуемых словарей были основоположниками или воспитывались под непосредственным влиянием данной школы, внесли определенный вклад в развитие тюркского языкознания. Они не только изучали книжно-литературный язык тюркских народов, но и уделяли большое внимание разговорным формам языков народов, имевших в то время письменность [Закиев 1995: 199–204].

Татарско-русские словари XIX в. И. Гиганова, А. Троянского, С. Кукляшева, Л. Будагова, Н. Остроумова, К. Насыри, Ш. Габдельгазиза, М. Юнусова для татароязычных пользователей являются активными, для русскоязычных – пассивными. Словари И. Гиганова (1804), К. Насыри (1892), А. Воскресенского (1894) для татар являются пассивными, а для русских – активными.

Для двуязычной лексикографии особенно важна мегаструктура, или рамочная структура – взаиморасположение частей словаря. Наиболее распространенная мегаструктура: предваряющий текст (предисловие, правила пользования), корпус, заключающий текст (различные приложения). Предваряющий и заключающий тексты называются окружающим текстом. В татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. основное место отведено корпусу словаря. Предисловие, правила пользования, различные приложения присутствуют только в некоторых из них. Например, в предисловии словарей Н. Остроумова и А. Воскресенского представлен грамматический материал; М. Юнусов обращает внимание на произношение звуков татарского языка и пытается объяснить артикуляцию специфических звуков; К. Насыри (1878), Ш. Габдельгазиз (1893) ограничиваются алфавитом, в словаре 1892 г. К. Насыри дает ценные советы относительно изучения русского языка, в приложении – термины русско-европейского происхождения; в словаре Миссионерского общества (1880) даны церковные слова. Однако ни в одном словаре не представлены правила пользования ими.

Продуманные структура и композиция этих лексикографических источников свидетельствуют о том, что их авторы владели методикой составления словарей. Двуязычные словари татарского языка XIX в. составлены по алфавитному или тематическому принципу. В двуязычных словарях А. Троянского, С. Кукляшева, Л. Будагова, Н. Остроумова, К. Насыри, А. Воскресенского, М. Юнусова слова расположены строго в алфавитном порядке, во многих (татарско-русских) – по арабскому алфавиту и представлены в трех столбцах: арабский–татарский–русский. В русско-татарских словарях твердо соблюдается русский алфавит.

Второй, тематический, тип был использован И. Гигановым (1801), Ш. Габдельгазизом (1893) и Миссионерским обществом (1880–1891). Эти словари структурировались по систематической макроструктуре: слова в них располагаются не по алфавиту, а группируются по семантической близости.

Татарско-русские и русско-татарские словари XIX в. могут служить образцом для современных лексикографических трудов.

В татарско-русских словарях XIX в. представлены леммы в основном тюрко-татарского и арабо-персидского происхождения. Русско-европейские леммы встречаются в таких словарях редко, они составляют 0,2–1,13 % их словарного состава.

Во многих словарях отсутствуют теоретические и научные сведения по фонетике, морфологии, синтаксису татарского языка. Авторы ограничиваются лишь представлением алфавитов двух языков: татарского (на арабской графике) и русского. Это, несомненно, обедняет содержание словарей. Только в словарях К. Насыри (1878, 1892), Н. Остроумова (1876, 1892), А. Воскресенского (1894) и Миссионерского общества (1888) приводятся краткие сведения по грамматике татарского языка.

При каждом акте перевода, будь то устный или письменный перевод текста, подбор словарного эквивалента и т.д., мы имеем дело с двумя языками. В татарско-русских словарях XIX в. входным языком является татарский, так как первая колонка состоит из татарских слов, а в русско-татарских словарях И. Гиганова (1804), К. Насыри (1892), А. Воскресенского (1894) входным является русский язык.

В словарях XIX в. основное место занимает эквивалентный перевод; перевод слов двумя и тремя синонимами способствует лучшему пониманию иностранного языка.

Для раскрытия значений других заглавных лексем авторы анализируемых словарей в некоторых случаях обращаются к приему энциклопедического толкования. Такой прием использован во всех словарях исследуемого периода, что придает им характер энциклопедичности. Эта характерная черта татарско-русских и русско-татарских словарей, по всей видимости, была обусловлена их задачами и целями, поскольку словарь не только являлся сводом лексики из словарного фонда языка, но и был призван отразить просветительские интенции нации в области материальной и духовной культуры, уровень лингвокультурного развития общества, а также эволюцию науки о языке.

Авторы татарско-русских и русско-татарских словарей XIX в. были нацелены на наиболее полное и последовательное решение важных лингвокультурологических задач. Многие из них стремились правильно истолковать слова, показать позиции и положения слов в лексической системе языка, выявить их особенности, условия употребления, связь слов с жизнью, составляющую их сущность, вследствие чего им пришлось поместить в словарные статьи дополнительную информацию историко-географического и культурно-массового характера: названия знаменательных событий и исторических дат, имена героев и персонажей мифов и легенд, термины по астрономии, медицине, химии, физике, математике, алгебре, философии, логике, значения которых невозможно раскрыть лишь с помощью эквивалентов или антонимов.

По объему словари принято делить на краткие, средние и большие. К первым можно отнести труды И. Гиганова (1801), К. Насыри (1878), С. Кукляшева (1859), словари Миссионерского общества (1880–1891), Ш. Габдельгазиза (1893). Большими словарями являются лексикографические сочинения И. Гиганова (1804), А. Троянского (1833, 1835), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876, 1892), К. Насыри (1892), А. Воскресенского (1894).

В некоторых татарско-русских и русско-татарских словарях XIX в. в составе лексических единиц отдельными леммами представлены имена собственные: см. у А. Троянского (1833, 1835), Л. Будагова (1869, 1871), Н. Остроумова (1876), С. Кукляшева (1859).

Двуязычные словари XIX в. занимают важное место среди письменных памятников татарского языка. В 1801–1900 гг. было издано 13 татарско-русских и русско-татарских словарей, в которых зафиксированы самые активные лексические единицы, употреблявшиеся в разговорной речи.

Указанные словари имели много общего. Во-первых, они были нацелены на решение единой идеологической задачи – способствовать миссионерской деятельности среди татарского населения Российской империи. Во-вторых, их авторы, составители и издатели, будучи высокообразованными специалистами-филологами, при подготовке данных трудов проводили важную исследовательскую работу в области татарской лингвистики. Фактически они заложили многие ключевые направления исследований в этой сфере, актуальные и по сей день.

Эти двуязычные словари, созданные учеными, преподавателями и миссионерами, донесли до нас богатейший лексический материал прошедшей эпохи, который отражал продолжавшийся культурно-исторический диалог русского и татарского народов.

ЛИТЕРАТУРА

Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1971.

Закиев М.З. Татары. Проблемы истории и языка. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. – С. 199–204.

Кононов А.Н. Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов (дооктябрьский период). – М.: Наука, 1974.

TATAR-RUSSIAN AND RUSSIAN-TATAR DICTIONARIES OF THE 19th c.

A.S. Yusupova

All Tatar-Russian and Russian-Tatar dictionaries of the 19th c. have much in common. First, they were aimed at the general ideological task to promote missionary activity among the Tatar population of the Russian empire. Second, authors, dictionary compilers, and publishers as highly educated expert philologists in parallel with dictionary-making pursued important research in the sphere of Tatar linguistics. They have actually laid foundation for many key lines of research in this sphere, which have remained topical.

© 2009

М.В. Кутьева

ПЕРЕНОСНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ И ИСПАНСКИХ ОРНИТОНИМОВ ПО ДАННЫМ СЛОВАРЕЙ

Названия некоторых птиц проявляют активность в сфере переносной семантики, отражающей национальную мировоззренческую специфику. О них и пойдет речь. Данные по испанским орнитонимам взяты из испанского толкового словаря Королевской Академии Испании (Интернет-ресурс, DRAE), словаря Лярус, из испанско-русских словарей под ред. Ф.И. Кельина, Г.Я. Туровера, А.В. Садикова и Б.П. Нарумова, фразеологического испанско-русского словаря под ред. Э.И. Левинтовой, Словаря испанского языка A. Portabella, словаря испанского языка Латинской Америки под ред. Н.М. Фирсовой. Русские переносные значения извлечены из словарей В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, А.П. Евгеньевой.

Анализ словарей показал, что у орнитонимов, не имеющих переносных значений в русском языке, немало переносных значений в испанском. Так, русские словари не регистрируют переносных значений у орнитонима *индюк*. Его испанскому эквиваленту соответствует 8 значений.

Орнитоним	В русском языке	В испанском языке
Индюк Pavo		1) *Разг.* Тупой, безмозглый; глупый, чванливый; 2) спесивый, надутый; 3) вялый, сонный; 4) пресный, нудный; 5) тюфяк, клуша, рохля; 6*) Лат. Ам.* заяц в транспорте; 7) игра в фанты (среди танцующих); 8) монета в пять песет (дуро) (DRAE).

Испанские словари не отмечают переносной семантики у орнитонима *ворона,* тогда как в русском общеизвестно его значение ‘ротозей’.

Ворона Corneja	Растяпа, разиня, зевака, ротозей [Даль, I: 112]	

Пигалица по-разному употребляется в переносных смыслах в русском и испанском языках: в русском это кто-то очень худой и тщедушный, в испанском – безжизненный, неинтересный, пресный, человек без изюминки.

Орнитоним	В русском языке	В испанском языке
Пигалица Avefría (Frailecillo; Quincineta)	1) костлявый, тощий человек [Даль, III: 109]; 2) *шутл.* быстроглазая девушка [Даль, III: 109]; 3) худенькая девушка; 4) *разг., пренебр.* невзрачный, низкорослый человек [Ожегов 1961: 507].	Серая, бесцветная личность (вареная рыба) [Садиков 2005: 119].

На один русский орнитоним приходится два или более испанских по причине важности для испанского языка родовых различий. В испанском языке категория рода играет бóльшую смыслоразличительную роль, и многие испанские орнитонимы «распадаются» на две половинки: сова – *lechuza* и *lechuzo* (самка и самец); цыпленок – *polla* и *pollo*; дрозд – *mirla* и *mirlo*; ласточка – *golondrina* и *golondrino*; птица – *pájara* и *pájaro*.

Гендерный контраст выражен в испанском языке интенсивнее, чем в русском. Поэтому 40 русским орнитонимам соответствуют 60 испанских. 60 испанских орнитонимов дают всего 99 переносных значений; а 40 русских обнаруживают 66 переносных значений, т.е. на треть меньше.

Фиксируемые словарями переносные значения наименований птиц ассоциируются в обеих лингвокультурах в основном с антропонимическими качествами. Из 99 испанских переносных значений 82 характеризуют человека, 11 относятся к миру конкретных вещей (механизмов, предметов одежды) и 6 – к сфере абстрактных явлений. Напр., *ласточка* – ‘катер’; *лебедь* – ‘свитер-водолазка’, ‘пуховка для пудры’; *петух* – ‘фальшивый голос’; *грач* – ‘запах пота’. Один орнитоним обозначает насекомое: *grajo* – ‘таракан’. В русском языке из 66 вторичных значений наименований птиц 46 антропонимичны, 8 описывают мир вещей (*журавль* – ‘колодец’), 9 – названия игр (*ворон, коршун*), времени года или суток (*с петухами*). Названия игр *ворон, коршун* и *кукушка* в значении ‘злобный человек’, *жаворонок* в значении ‘булочка’ употребляются, на наш взгляд, крайне редко и являются устаревшими.

Ни в одном из словарей, использованных в нашей работе, нам не удалось найти переносных значений или каких-либо семантических помет относительно таких важных и широко известных орнитонимов, как *аист, воробей, ворон, дятел, перепел, цапля, чайка*. Это поразительно, ведь все они – бесспорные носители определенной символики, активно используемые в переносных значениях в речи. Как объяснить тот факт, что их переносные значения никак не зафиксированы в толковых и двуязычных словарях? Причина, возможно, в некоторой диффузности и неоднозначности их переносных смыслов, а также в

общем отставании словарей по отношению к узусу. Значения, указанные в словаре (*зяблик* – ‘знобуша’; *пигалица* – ‘худой человек’), постепенно уходят из узуса. Некоторые узуальные значения (напр., *аист* – ‘птица, якобы приносящая детей’) в словаре не указаны.

В испанском языке абстрактным сущностям уделено меньше места, чем в русском. В русском языке на уровне словаря человек характеризуется с помощью орнитонимов менее разнообразно, чем в испанском. Наблюдаются и лакуны: *ворона* не используется в переносном смысле в испанском языке, *пустельга* (птица типа небольшого сокола) – орнитоним, мало известный в русском, но отягощенный переносными значениями и коннотациями в испанском. Итак, большинство переносных значений орнитонимов связаны с человеком: 80% в испанском языке и 73% в русском, что видно на диаграмме:

Словарные соответствия между орнитонимами двух языков характеризуются неточностью, расплывчатостью границ и не совпадают по семантическому объему. Номинативная сетка по-разному охватывает мир птиц в русском и испанском языках. Сама лексема *птица* переводится на испанский двумя словами *pájaro и ave*. Русскому *галка* соответствует испанское *chova*, а с последним в испанско-русском словаре коррелируют уже три обозначения птицы: *галка, ворона и грач*, – что говорит о нерелевантности различий между этими видами птиц для носителей испанского языка.

Узуальный в испанском языке орнитоним *pollo* имеет два соответствия в русском языке: *цыпленок* и *птенец*. Русский орнитоним *чибис* коррелирует с тремя испанскими: *avefría, frailecillo, quincineta,* а за испанским *pinzyn* закреплены русские эквиваленты *зяблик, юрок, снегирь, дубонос*. Заимствованию *попугай* найдется ряд соответствий в испанском языке: *loro, papagayo, perico, cacatúa (какаду)*. Русскому орнитониму *дрозд* соответствуют в испанском языке лексемы: черный дрозд – *azabache, mirlo, sinsonte, zorzal sinsonte*; певчий дрозд – *tordo músico*.

Разветвленность парадигмы некоторых орнитонимов в испанском языке и ее отсутствие в русском обусловлено экстралингвистическими факторами: распространенностью и обиходной важностью данной птицы в одной культуре и незначительностью в другой.

Лексикографическая путаница отражает сбои на понятийном уровне: те птицы, которые причисляются к одному виду в испанском языке, названы разными словами в русском и наоборот.

Неясности прослеживаются не только на уровне лексикографических дефиниций, но и на уровне словарных помет, соответствующих орнитонимам. Так, об орле В.И. Даль пишет, что он представитель силы, зоркости, прозорливости, благородства. Русско-испанский словарь ограничивается пометой: *также перен*. Ясно, что этот орнитоним используется в переносном значении, подобном русскому. Возникает закономерный вопрос: в абсолютно таком же, как в русском языке? Но все-таки, в каком именно, каковы его оттенки? На эти вопросы словарь ответа не дает, ставя знак равенства между переносными семами этого слова в русском и испанском языках, что не совсем верно.

Орел – символ отваги для многих народов. Но в Латинской Америке чаще наделяют эту лексему значением ‘хитрец’, вытекающим из семы ‘зоркий, прозорливый’. Любое качество (зд. – отличное зрение) может быть переосмыслено как позитивно, так и негативно, но, попав в концептуальное поле человека, оно редко минует оценки, которая может оказаться как положительной, так и отрицательной.

Становление переносной семантики орнитонимов в рассматриваемых языках отличается исключительной сложностью, т.к. переносные значения мотивированы открытым множеством ассоциаций и не поддаются своевременному лексикографированию. Однако есть довольно устойчивые, регулярные ассоциации, которые должны найти отражение в словарях.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

Ефремова Т.В. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. – М.: Рус. яз., 2000.

Евгеньева А.П. Словарь русского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Испанско-русский словарь / под ред. Ф.Б. Кельина. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.

Нарумов: Испанско-русский словарь / под ред. Б.П. Нарумова. – М.: Рус. яз., 1988.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961.

Садиков: Садиков А.В., Нарумов Б.П. Испанско-русский словарь современного употребления. – М.: Рус. яз.; Медиа, 2005.

RUSSIAN AND SPANISH FIGURATIVE ORNITHONYMS (BASED ON DICTIONARIES)

M.V. Kutyeva

Data provided by dictionaries reveal both qualitative and quantitative asymmetry of Russian and Spanish ornithonym figurative meaning. Figurative bird names in both linguistic cultures are anthropocentric. Their semantic structure is due to the open set of associations, which makes timely lexicographic recording next to impossible.

© 2009

Л.А. Лебедева

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ РУССКО-СЛАВЯНСКОГО СЛОВАРЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Устойчивые сравнения (УС) – значительный пласт устойчивых образований в разных языках, о чем свидетельствуют специальные словари УС русского ([Лебедева 2003]; [Огольцев 2001]), украинского ([Гурин 1974]; [Юрченко, Ивченко 1993]), чешского [Slovnik 1983], французского [Назарян 2002] и др. языков. Неисчерпаемость образного потенциала языка (его компаративного начала) демонстрируют многочисленные монографические исследования славянской диалектной компаративной фразеологии (обзор работ см. в [Левченко 2008]), словари индивидуально-авторских и народных сравнений ([Горбачевич 2004]; [Кожевникова, Петрова 2000]; [Українські прислів'я 2001]; [Backo 2007]), а также два фундаментальных словаря русских общенародных сравнений ([Мокиенко 2003]; [Мокиенко, Никитина 2008]), первый из которых содержит 11000, а второй – 45000 словарных единиц, включая сравнения устойчивые, диалектные, сленговые, архаичные и т.п.

Сопоставительное описание УС в родственных и неродственных языках в последние десятилетия становится все более интенсивным, что закономерно приводит лексикографов к созданию дву- и многоязычных словарей УС (см., напр.: [Лебедева, Элмасян 2009], [Мізін 2005], [Шадрин 2003], [Fink 2006]).

Следует признать, что УС – благодатный материал для контрастивно-сопоставительного лексикографического описания, т.к. они строятся по универсальной модели компарации **A – C – mB**, где A – субъект, B – объект, C – основание, а m – модус (показатель) сравнения. Ср., напр., эквивалентные УС, характеризующие отношения между людьми и отражающие сходные наблюдения над миром животных: русск. *жить* ***как кошка с собакой,*** болг. *живея* ***като куче и котка***, польск. *żyją* ***jak pies z kotem***, сербск. *слагати се* ***као пас и мачка***, словацк. *žijú* ***ako pes s mačkou***, укр. *живуть* ***як кішка з собакою***, чешск. *žijí* ***jako kočka se psem***. Однако система УС в каждом языке обнаруживает специфические черты, и это порождает трудности в создании дву- и многоязычных словарей УС, т.к. перед составителем словаря стоит весьма сложная проблема адекватного перевода словарной единицы.

Излагаемые ниже соображения касаются общих принципов создания макро- и микроструктуры русско-славянского словаря УС, рассчитанного как на русского, так и на инославянского пользователя.

Структурно-семантическая расчлененность УС изначально задает возможность альтернативного подхода к выбору поискового слова при включении УС в словарь. Поисковое слово выделяется в структуре УС в зависимости от того, каким видится назначение словаря – продемонстрировать способность лексических единиц выступать в роли эталона сравнения (семасиологический словарь) или представить тематические поля УС (ономасиологический словарь). Таким образом, макроструктура дву- и многоязычного словаря УС может быть

разной: он может строиться по алфавитно-гнездовому или тематическому принципу.

В алфавитно-гнездовом словаре УС группируются по семантически опорным словам сравнительного оборота, которые в словаре приводятся в алфавитном порядке и являются сигналами отдельных УС. Напр., за сигнальным словом **БАРАН** следует гнездо УС, содержащих в сравнительной части этот лексический элемент (во всех его грамматических формах): ***как (словно, точно) баран*** *1) курчавый, кудрявый, кучерявый, завитой; 2) глупый; 3) глядеть, смотреть, уставиться* на что, кого-л.; *4) упираться на своем;* ***как (словно, точно) баран на новые ворота*** *(прост.) смотреть, уставиться* на что *или* кого-л.; ***как (словно, точно) барана*** *зарезать* кого-л.; ***как (словно, точно) из барана*** *течет, льется, хлещет кровь* из кого-л.*;* ***как (словно, точно) бараны [стадо баранов]*** *1) толпиться, сбиваться в кучу; 2) вести себя;* ***как (словно, точно) баранов*** *гнать, сгонять* кого-л. куда-л. [Огольцев 2001: 96–99].

В отличие от алфавитно-гнездового словаря тематический словарь распределяет корпус УС в разные тематические сферы и тематические поля. При этом принимаются во внимание две семантические константы: семантика слова, называющего субъект сравнения, и семантика слова, называющего признак (основание) сравнения. Субъект сравнения определяет распределение УС по тематическим сферам «Человек», «Природа», «Артефакты», «События», «Время», «Пространство», «Количество» и др. Тематические поля УС формируются с учетом двух показателей: субъект сравнения и основание сравнения. Большинство рубрик при тематической классификации УС прямо или опосредованно связаны с тематической сферой «Человек»: «Внешность», «Физические качества», «Физиологические состояния», «Черты характера и моральные качества», «Поведение, умение вести себя в обществе», «Отношения между людьми», «Чувства-отношения», «Умственные способности и интеллектуальная деятельность», «Речевая деятельность», «Состояние духа, настроения, чувства-состояния», «Образ жизни, жизненные условия, обстоятельства», «Труд, деловые качества», «Бедность, богатство» (см. [Лебедева 2003]). Тематические поля, характеризующие «мир вещей» вокруг человека, мир природы или абстрактные понятия (время, мера, количество, сходство, явления, события), в УС не получают такой объемной характеристики, которая отводится человеку, однако и они вовлекаются в орбиту антропоцентризма, т.к. качественные или деятельностные характеристики внешнего мира и абстрактных понятий даны в УС через их восприятие человеком.

Тематические разряды УС внутри тематического поля выделяются с учетом семантики устойчивого сравнительного оборота, а дальнейшее структурирование тематического поля (тематические группы, подгруппы) зависит как от структурно-семантических моделей, так и от тех или иных коннотаций отдельных УС. Идеографическая «сетка», охватывающая устойчивые сравнения, предусматривает место каждого УС в двойной (линейной и иерархической) системе координат: по отношению к УС, входящим в иные тематические поля, и по отношению к УС, входящим в то же тематическое поле.

Та часть словарной статьи, в которой описывается русское УС, строится с учетом семантического, грамматического, стилистического, парадигматическо-

го, коммуникативно-прагматического параметров, так что словарная статья полной структуры включает в себя: а) надзаголовочную единицу, представляющую собой основание сравнения, которое может быть общим для ряда УС; б) заголовочную единицу (объектную часть УС – устойчивый сравнительный оборот), представленную в возможных ее вариантах и с указанием на факультативные компоненты; в) прямое (в толковании) или косвенное (в названии тематического поля, разряда, группы) указание на субъект УС; г) стилистическую и эмоционально-оценочную квалификацию УС; д) толкование значения (образного смысла) сравнения; е) иллюстративный материал, представленный в виде речений или цитат из художественной литературы. Напр., первая словарная статья, помещенная в разделе «Внешность человека», в подразделе «Тело, фигура», за поисковыми словами **длинный, высокий** (надзаголовочная часть), выглядит следующим образом:

как <коломенская> верста. *Ирон.* или *Шутл.* О высоком и худом взрослом человеке, обычно мужчине. – *Убрав кайлу с плеча наземь, стоял в стороне Котяй, длинный как коломенская верста.* Н. Задорнов. Золотая лихорадка. *На одной из остановок в автобус вошел солдат – высокий как верста.* В. Токарева. Рождественский рассказ.

Под этими же поисковыми словами приводятся синонимичные сравнительные обороты **как жердь, как жираф, как каланча, как шест**.

Та часть словарной статьи, в которой даются инославянские соответствия русскому УС, может быть как полной, так и редуцированной, что зависит от типа межъязыковой соотносительности УС – полной (тождественной), частичной или относительной. Полноценный словарный перевод УС зависит от реального соотношения конкретных единиц в русском и других славянских языках. Здесь возможны следующие варианты.

1. Русское УС имеет полные структурно-семантические эквиваленты в других славянских языках, т.е. между соотносительными УС нет различий в образном их содержании и коннотативных приращениях, они строятся по одной структурно-семантической модели, обнаруживают одинаковые сочетательные свойства компонентов, в предложении выполняют одну и ту же синтаксическую роль и т.д. Напр., русское УС *расти как грибы после дождя*, характеризующее явления и предметы, появляющиеся быстро и в большом количестве, имеет полные соответствия в укр. *рости* ***як гриби після дощу***, сербск. *ницати* ***као печурке после кише,*** чеш. *růst* ***jako houby po dešti***, словацк. *rasť* ***ako huby po dažďi***. Отметим, что семантическая эквивалентность предполагает совпадение не только основания сравнения и объектной части (сравнительного оборота), но и субъекта сравнения. Если последнее условие не выполняется, то УС следует квалифицировать как межъязыковые омонимы. Ср., напр., русск. ***язык*** *острый* ***как нож*** и чеш. ***pohled/hlas*** *ostrý* ***jako nůž*** ‘взгляд/голос острый как нож’.

2. Русское УС имеет в некоторых из славянских языков частичные структурно-семантические эквиваленты, т.е. русскому УС, допускающему лексическое или грамматическое варьирование элементов сравнительной части, соответствует лишь один лексический или грамматический вариант в другом славянском языке. Напр., русское УС *бедный* ***как церковная мышь/крыса*** имеет частичные лексические соответствия в других славянских языках: болг. *беден* ***като църков-***

на мишка, укр. *бідний* ***як церковна миша***, польск. *biedny* ***jak mysz kościelna***, словацк. *chudobný* ***ako kostolná myš***, но чешск. *chudý* ***jako <kostelní> myš*** и *chudý* ***jako krysa*** (различия затрагивают и культурные коннотации сравнительных оборотов, опирающиеся на противопоставленность реалий *церковь* и *костел*). В русском языке возможны структурные варианты сравнений типа *стоять* ***как столб*** и *стоять* ***столбом***, *сидеть* ***как пень*** и ***пень пнем***, в то время как в других славянских языках соответствующие УС представляют собой конструкции со сравнительным союзом.

3. Русскому УС соответствует в ином славянском языке относительный эквивалент, когда оба УС построены по одной структурно-семантической модели, но ее лексическое наполнение разное. Ср. русск. *разбираться, понимать* в чем ***как свинья в апельсинах***; словацк. *rozumieť sa* niečomu ***ako koza petržlenu*** и чеш. *rozumět* něčemu ***jako koza ptrželi*** (букв. ‘разбираться в чем как коза в петрушке’), сербск. *разуме се* ***као крава у кантар*** (букв. ‘понимает как корова в весах’) и т.п.

4. Русскому УС соответствует инославянский аналог – УС, в основе которого лежит иной, чем в русском языке, эталонный образ. При этом образы могут быть весьма близкими (русск. *работать/вкалывать* ***как <ломовая> лошадь*** и чешск. *dřit* ***jako kůň***), а могут не иметь между собой ничего общего, однако эквивалентность перевода обеспечивается совпадением категориальной семантики или прагматической функции сравнительного оборота. Так, напр., к русским УС *здоровый* ***как бык,*** *здоровый* ***как бугай*** можно подобрать обороты с иной образной основой, но с совпадающей категориальной семой – magn: чешск. *zdravý* ***jako ryba***, сербск. *здрав* ***као риба*** и т.п. Русское УС может не иметь эквивалента или аналога в ином славянском языке, в таком случае оно переводится буквально или к нему подбирается некомпаративный фразеологизм.

Тематический русско-славянский словарь УС предоставляет возможность любому пользователю получить представление о фрагментах языковой картины мира, выстраиваемой с позиций русской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке. – М.: АСТ; Астрель; ЗАО НПП «Ермак», 2004.

Гурин І. Образне слово. Постійні народні порівняння. – Київ: Дніпро, 1974.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2003.

Лебедева Л.А., Элмасян А.В. Человек в зеркале сравнений: внешность человека: краткий русско-английский словарь. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2009.

Левченко О. Словники порівнянь у сучасній фразеографіп // Вісник Нац. ун-ту «Львівська політехніка». Серія «Проблеми української термінології» – 2008. – № 620. – С. 116–121.

Мізін К. Німецько-український фразеологічний словник (Усталені порівняння). – Вінниця: Нова книга, 2005.

Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка. – СПб.: Норинт, 2003.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.

Назарян А.Г. Словарь устойчивых сравнений французского языка. – М.: Изд-во РУДН, 2002.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). – М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2001.

Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток / упоряд. М.М. Пазяк. – Київ: Наукова думка, 2001.

Шадрин Н.Л. Русско-английский словарь устойчивых сравнений. – СПб.: Золотой век, 2003.

Юрченко О.С., Івченко А.О. Словник стійких народних порівнянь. – Харків: Основа, 1993.

Backo M. Słownik porównań. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2007.

Fink Arsovski Ž. i sur. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. – Zagreb: Knjigra, 2006.

Slovnik ceske frazeologie a idiomatiky: prirovnani / ved. red. J. Filipec. – Praha: Academia, 1983.

STRUCTURE PRINCIPLES OF THE RUSSIAN-SLAVONIC DICTIONARY OF FIXED COMPARATIVE PHRASES

L.A. Lebedeva

The paper presents general principles of macro- and microstructures of the Russian-Slavonic thematic dictionary of fixed comparative phrases. The dictionary is intended for both Russian and any other Slavonic user. The author defines parameters of the dictionary description of the units under study and establishes inter-linguistic relationship with other Slavonic parallels.

© 2009

О.С. Савельева

ОТРАЖЕНИЕ ФОРМ РОДА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В СЛОВАРЯХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Несовпадение форм рода существительных, обозначающих одно понятие или предмет, в разных языках, имеющих эту категорию, является одним из формальных свойств грамматической категории рода. Изучая это свойство категории, мы рассматривали примеры совпадений и несовпадений форм рода тождественных по лексическому значению существительных в славянских языках. Материалом для исследования форм рода послужила картотека существительных славянских языков: русского, украинского, польского, чешского, словацкого и болгарского, – отобранных методом сплошной выборки из словарей.

Все сравниваемые нами современные славянские языки, находясь в одной семье славянских языков, связаны закономерными звуковыми соответствиями и многочисленными ***совпадениями форм рода*** существительных и средств их выражения, а также во многом совпадающими словообразовательными системами. Ср.: *муж.р.: сон – сон (укр.), сън (болг.), sen (польск.); отец – отець (укр.),*

otec (чешск.), otec (словацк.); успех – успіх (укр.), úspěch (чешск.), úspech (словацк.); жен.р.: басня – байка (укр.), bajka (польск.), bajka (чешск.), bajka (словацк.); красота – краса (укр.), krása (чешск.), krása (словацк.); тьма – пітьма (укр.), ćma (польск.), tma, temnota (чешск.), tma, temnota (словацк.); ср.р.: сердце – серце (укр.), serce (польск.), srdce (чешск.), srdce (словацк.).

Существительные с несовпадающими формами рода всех исследованных нами славянских языков мы распределили по группам. В первую, самую представленную, входят обозначения одного предмета или понятия разными лексемами.

Укр. яз.: *соблазн (м.р.) – спокуса (ж.р.), василек (м.р.) – волошка (ж.р.), покушение (ср.р.) – замах (м.р.), облако (ср.р.) – хмара (ж.р.), ребенок (м.р.) – дитина (ж.р.);* болг. яз.: *украшение (ср.р.) – накит (м.р.), стол (м.р.) – маса (ж.р.), арбуз (м.р.) – диня (ж.р.), девушка (ж.р.) – момиче (ср.р.), клей (м.р.) – лепило (ср.р.), сирень (ж.р.) – люляк (м.р.);* польск. яз.: *колодец (м.р.) – studnia (ж.р.), древесина (ж.р.)– brewno (ср.р.), ватрушка (ж.р.) – sernik (м.р.), вред (м.р.) – szkoda (ж.р.), детина (м.р.) – chłopisko (ср., м.р.), бесславие (ср.р.) – hańba (ж.р.);* чешск. яз.: *безделье (ср.р.) – nečinnost (ж.р.), буква (ж.р.) – písmeno (ср.р.), весна (ж.р.) – jaro (ср.р.), обезьяна (ж.р.) – opice (ср.р.), осень (ж.р.) – podzim (м.р.);* словац. яз.: *обуза (ж.р.) – bremeno (ср.р.), общество (ср.р.) – spoločnosť (ж.р.), василек (м.р.) – nevädza (ж.р.), остановка (ж.р.) – prerušenie (ср.р.), варежка (ж.р.) – palčiak (м.р.), котенок (м.р.) – mačiatko (ср.р.).*

Во вторую группу вошли существительные с несовпадающими формами рода, которые имеют один и тот же корень в сравниваемых языках, но образовались с помощью разных суффиксов.

Укр. яз.: *веко (ср.р.) – повіка (ж.р.), берлога (ж.р.) – барліг (м.р.), девчурка (ж.р.) – дівчатко (ср.р.), барсучонок (м.р.) – борсученя (ср.р.), стебель (м.р.) – стеблина (ж.р.), первенство (ср.р.) – першість (ж.р.);* болг. яз.: *вымысел (м.р.) – измислица (ж.р.), котенок (м.р.) – коте (ср.р.), сало (ср.р.) – сланина (ж.р.), моль (ж.р.) – молец (м.р.), наслаждение (с.р.) – наслада (ж.р.), пятница (ж.р.) – петък (м.р.), светлячок (м.р.) – светулка (ж.р.);* польск. яз.: *желток (м.р.) – żółtko (ср.р.), вешалка (ж.р.) – wieszadło (ср.р.), волчонок (м.р.) – wilczę (ср.р.), веко (ср.р.) – powieka (ж.р.), боль (ж.р.) – ból (м.р.), колючка (ж.р.) – kolec (м.р.);* чешск. яз.: *величие (ср.р.) – velikost (ж.р.), девочка (ж.р.) – děvčátko (ср.р.), обмен (м.р.) – výměna (ж.р.), название (ср.р.) – název (м.р.), новшество (ср.р.) – novota (ж.р.), котенок (м.р.) – kotě (ср.р.);* словац. яз.: *пословица (ж.р.) – príslovie (ср.р.), пекарня (ж.р.) – pekáreň (м.р.), жизнь (ж.р.) – život (м.р.), ромашка (ж.р.) – rumanček (м.р.), разлука (ж.р.) – lúčenie (ср.р.), послесловие (ср.р.) – doslov (м.р.).*

Третью небольшую группу слов с несовпадающими формами рода составляют существительные, возникшие как результат словообразовательного и грамматического освоения заимствований из разных языков.

Укр. яз.*: канапе (ср.р.) – канапа (ж.р.), филиал (м.р.) – філія (ж.р.), кризис (м.р.) – криза (ж.р.), кофе (м.р.) – кава (ж.р.);* болг. яз.*: конферансье (м.р.) – конферансие (ср.р.), манера (ж.р.) – маниер (м.р.), эллипс (м.р.) – елипса (ж.р.), эмаль (ж.р.) – емайл (м.р.);* польск. яз.*: гипноз (м.р.) – hipnoza (ж.р.), витамин (м.р.) – witamina (ж.р.), аксиома (ж.р.) – aksjomat (м.р.), кофе (ср.р.) – kawa (ж.р.), авангард (м.р.) – awangarda (ж.р.), карамель (ж.р.) – karmelek (м.р.);*

чешск. яз.: *акация (ж.р.) – akát (м.р.), кроссворд (м.р.) – křížovka (ж.р.), ноктюрн (м.р.) – nokturno (ср.р.), пижама (ж.р.) – pyžamo (ср.р.);* словац. яз.: *пастораль (ж.р.) – pastorále (ср.р.), жираф (м.р.) – žirafa (ж.р.), тезис (м.р.) – téza (ж.р.), рулада (ж.р.) – roulade (ср.р.).*

Мы учитывали степень родства названных славянских языков, что повлияло и на степень и возможность полноты их сравнительного анализа. Наибольшая близость русского и украинского, длительный и более глубокий анализ фактов несовпадений в этих двух восточнославянских языках позволили нам сделать не только общие выводы, но и выводы иного качественного и количественного содержания. При первоначальном изучении формальных свойств категории рода существительных на материале картотеки, составленной методом сплошной выборки из словарей, определив количество несовпадений в русском и украинском языках и общее количество существительных в словарях, мы обнаружили, что, по нашим данным, не совпадают формы рода приблизительно у 4,3% существительных этих двух восточнославянских языков. Мы отметили показательность установленного факта для теории родства русского и украинского языков: по нашим данным, у 95,7% существительных форма рода совпадает, и лишь небольшой процент существительных указывает на самостоятельное развитие двух языков после разделения в XIV–XV вв.

Совпадения и несовпадения категории рода существительных сравниваемых восточных, западных и южного славянских языков касаются всех семантических категорий: конкретных и отвлеченных, среди конкретных – нарицательных, вещественных, единичных, собирательных, одушевленных и неодушевленных, а среди одушевленных – личных и неличных. Так, напр., в болгарском языке не совпадает с русским род конкретных существительных: *бонбон (конфета), билка (растение), гердан и огърлица (ожерелье), манисто (бусина), приданое (зестра)*; – отвлеченных существительных: *бързане (торопливость), развой (развитие), стадий (стадия)*; – одушевленных существительных: *врабче (воробей), камила (верблюд), собака (куче), канарче (канарейка)*. В польском языке не совпадает с русскими род конкретных существительных: *abecadło (азбука, букварь), strawa (кушанье), morela (абрикос), dwukropek (двоеточие), śniegula (подснежник)*; – отвлеченных существительных: *cisza (затишье), podstęp (каверза), utęsknienie (тоска)*; – одушевленных существительных: *bonończyk (болонка), chart (борзая, собака), kapustnik (капустница), żółw (черепаха), dziecko (ребенок).*

В числе выделенных в русском и украинском языках существительных с несовпадающими формами рода: а) конкретных – 784: *очаг (м.р.) – вогнище (ср.р.), животное (ср.р.) – тварина (ж.р.), одуванчик (м.р.) – кульбаба (ж.р.);* б) отвлеченных – 816: *развитие (ср.р.) – розвиток (м.р.), учеба (ж.р.) – навчання (ср.р.), пение (ср.р.) – спів (м.р.);* в) одушевленных – 119: *девчонка (ж.р.) – дівчисько (ср.р.), человек (м.р.) – людина (ж.р.), птенец (м.р.) – пташеня (ср.р.);* г) неодушевленных – 1481: *жизнь (ж.р.) – життя (ср.р.); ландыш (м.р.) – конвалія (ж.р.), зрение (ср.р.) – зір (м.р.);* д) нарицательных – 1600: *существительное (ср.р.) – іменник (м.р.), ребенок (м.р.) – дитина (ж.р.), немовля (ср.р.), обаяние (ср.р.) – чарівність (ж.р.);* е) вещественных – 10: *масло (ср.р.) – олія (ж.р.);* ж) собирательных – 15: *воронье (ср.р.) – галич (м.р.), листва (ж.р.) – листя (ср.р.), лист (м.р.), юношество (ср.р.) – юність (ж.р.).*

В ходе анализа был установлен следующий важный факт: **одушевленные существительные славянских языков, тождественные по значению, не всегда совпадают по форме рода.**

Укр. яз.*: супруга (ж.р.) – жінка (ж.р.), подружжя (ср.р.); супруг (м.р.) – чоловік (м.р.), дружина (ж.р.), подружжя (ср.р.); девочка (ж.р.) – дівчатко (ср.р.), дівча (ср.р.); ребеночек (м.р.) – дитинка (ж.р.), немовлятко (ср.р.); младенец (м.р.) – дитина (ж.р.), немовля (ср.р.); котенок (м.р.) – котеня (ср.р.).*

Болг. яз.: *канарейка (ж.р.) – канарче (ср.р.); жаворонок (м.р.) – чучулига (ж.р.); жеребенок (м.р.) – конче (ср. р); ребенок (м.р.) – чедо (ср.р.); девушка (ж.р.) – момиче (ср.р.); светлячок (м.р.) – светулка (ж.р.).*

Польск. яз.*: девушка (ж.р.) – dziewczę (ср.р.); детеныш (м.р.) – młode (ср.р.); детина (м.р.) – chłopisko (ср., м.р.).*

Чешск. яз.: *ведьма (ж.р.) – čarodějnice (ср.р.); обезьяна (ж.р.) – opice (ср.р.); котенок (м.р.) – kotě (ср.р.); девочка (ж.р.) – děvčátko (ср.р); девушка (ж.р.) – děvče (ср.р.).*

Несовпадение форм рода существительных в двух близкородственных языках – свидетельство того, что род и пол не должны быть отождествляемы. Более того, род и пол – это принципиально разные категории, пол – биологическая, род – грамматическая, и с изменением формы рода предметное значение имени существительного не изменяется.

ЛИТЕРАТУРА

Ганич Д.Н. Олейник И.С. Русско-украинский и украинско-русский словарь: 24 000 слов. – Киев: Изд-во полит. лит. Украины, 1990.

Польско-русский словарь / под ред. М.Ф. Розвадовской. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955.

Русско-словацкий словарь: ок. 50 000 слов / В. Доротьякова, М. Филкусова, Д. Коллар и др. – М.: Рус. яз.; Братислава: Словац. пед. изд-во, 1989.

Русско-украинский словарь: 80 000 слов / гл. ред. М.Я. Калинович. – Киев: Изд-во АН УССР, 1956.

Русско-украинский словарь: в 3 т. / АН УССР. Ин-т языковедения им. А.А. Потебни. – 2-е изд., испр. – Киев: Гл. ред. укр. сов. энцикл., 1982–1983.

Русско-чешский и чешско-русский словарь / сост. М. Шрофкова [и др.]. – Прага: Leda, 1987.

Татарова В.В., Леонидова М.А., Кошелев А.К. Болгарско-русский словарь. – 2-е изд. – София: Наука и искусство, 1973.

Украинско-русский словарь / под ред. В.С. Ильина. – Киев: Наукова думка, 1965.

Украинско-русский и русско-украинский словарь: 60 000 слов / сост. А.Ю. Петраковский. – Харьков: ЧП «Свитовид», 2002.

NOUN GENDER CHARACTERISTICS IN DICTIONARIES OF SLAVIC LANGUAGES

O.S. Savelyeva

The work deals with cases of similarity and dissimilarity of gender properties of semantically identical nouns in kindred Slavic languages – Russian, Ukrainian, Polish, Czech, Slo-

vak, and Bulgarian. Examples are acquired through unrestricted sampling from dictionaries. The author comes to a conclusion that the research dispels the traditional viewpoint which draws parallel between gender and sex in nouns denoting living beings, for sex and gender are essentially different categories: sex is a biological category, gender is a grammatical one.

© 2009

Ж.Н. Жунусова

АСПЕКТЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В современном обществе словари становятся показательным мерилом национальной языковой культуры и степени развития литературного языка данного этноса, могущественным средством его организации. В них наиболее адекватно отражается базовый лексико-фразеологический состав любого языка во всем многообразии сущностных свойств.

Инструментом описания окружающего мира, его свойств, закономерностей и законов выступает язык, а словарь как основной документ по языкам является хранителем многочисленных великих достижений культуры человечества и открывает доступ к огромному количеству информации. Д.С. Лихачев заметил, что богатство языка определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, носителями которого является язык человека и его нации.

Система единого (реального) языкового сознания народа в определенный момент времени, а также лексическая система языка как общезначимого достояния народа находят достойное и полное отражение в толковом словаре национального языка, представляющего собой сложное системно-уровневое многомерное лексикографическое произведение.

В лексикографических источниках спрессованы огромные человеческие знания, через которые отражаются успехи нации в области материальной и духовной деятельности, уровень развития общественного устройства, науки, культуры и искусства.

Словарь родного языка отражает универсальные лингвистические, логические и реальные знания о мире, дополняет, уточняет, систематизирует интуитивные представления человека, играет большую роль в формировании двуязычия и многоязычия.

Общекультурная и коммуникативная функция словаря занимает не последнее место в его общественном назначении, так как выступает как средство общения, взаимной связи и информации, фактор повышения культурного уровня народов, одной из форм творческого взаимодействия отдельных национальных культур.

Моно- и полиязычные словари и справочные пособия, издаваемые и пере-

издаваемые, содержат бесценную информацию, являются достоянием страны и хранилищем адаптированных знаний и опыта народа, они многофункциональны. Невозможно представить мировую цивилизацию без словарей: традиции литературного национального языка – великолепного инструмента человеческого самовыражения – воплощены в них.

Двуязычный словарь развивает культуру устной и письменной речи, является коммуникативным проводником между представителями разных этносов, дает возможность установления взаимопонимания и решения отдельных вербальных конфликтов, связанных с употреблением языка, интегрирует умственные и чувственные знания, которыми обладает конкретный этнос, дает уникальную возможность исследователю проникнуть в мир образов сознания носителей языка разных культур, выявить их реальные сходства и различия, выполняет социолингвистическую функцию консолидации общества в разных сферах общественных структур, будучи проводником межъязыковой коммуникации.

В билингвальном словаре для нас важно обнаружение экстралингвистических и культурологических факторов, лежащих в основе национально-языкового своеобразия в формате реального функционирования их в речи.

Словарь – культурное явление, воспитатель и двигатель человеческой культуры, которую не заменят никакие другие способы письменного и устного общения людей. В результате взаимодействия, сотрудничества и диалога двух культур создаются лексикографические произведения. Языковые контакты между народами уходят корнями в глубь истории. Для того, чтобы познать культуру, обычаи, менталитет народов-партнеров, необходимо межъязыковое общение, и поначалу этому способствовали различные словари, вокабулярии, глоссарии.

Составительские речения словарей, в совокупности представляющие функционально организованные, контекстуализованные языковые единицы, любой акт высказывания, объединяющие в своих структурах автора и адресата, представляют собой сложное взаимодействие языковой формы и значения. Вовлеченные в коммуникативное действо и функционирующие в реальном времени, они могут быть представлены как *лексикографический дискурс*. При таком подходе исследуемые языковые единицы изучаются в широком социокультурном контексте на материале словарей.

Всякая словарная конструкция выражает определенное «мировидение», которое можно сравнивать как в рамках одного языка, так и на материале нескольких языков, и даже «необычная» с точки зрения носителя другого языка сочетаемость слов предстает как способ формирования языковой картины мира, которая чаще всего возникает в речевом акте.

Проникновению в мир духовной и материальной культуры нации, знакомству с миром реальных вещей, окружающих человека в жизни, исследованию именно того, как в словах отображается внеязыковая действительность, способствует семантическая разработка многих разрядов лексики в словарном дискурсе.

Межъязыковая функциональная эквивалентность достигается комбинированным способом – не только приведением полных эквивалентов или анало-

гов, но и использованием описательных толкований, всевозможных ремарок, иногда буквального перевода в заромбовой части словарных статей. Они занимают место, соответствующее четырем главным словарным требованиям: а) в них отражена, в основном, лексика современного литературного языка; б) они нормативны; в) отличаются компактностью изложения; г) предназначены для массового потребителя.

Словарные статьи двуязычных словарей должны быть интересны, познавательны, грамматически наполнены, связаны с культурой и обычаями народов, отображать окружающий мир.

Мастерство лексикографа заключается в подборе слов, использовании их значений, тончайших смысловых оттенков, гибких грамматических форм.

Следует отметить, что в современной русистике термины *дискурс* и *диалог* обозначают любой коммуникативный акт и наличие его участников. По мнению В.Г. Гака, структура двуязычного словаря также предполагает «диалог» культур – автора словаря и определенного круга пользователей. Поэтому процесс языкового общения может рассматриваться в этих перспективах, а исследование лексикографического дискурса может быть направлено на выбор лексического средства при назывании некоторого объекта и на понимание дискурса адресатом.

Любой словарный текст в действии, участвующий в когнитивных процессах, нами понимается как лексикографический дискурс с основными признаками: нормативность, краткость, объективность, ясность, унифицированность при подаче слов одной тематической группы, логичность, абстрагированность от субъективной подачи информации. И тогда лексикографический дискурс будет пониматься как целостное речевое произведение в многообразии его когнитивно-коммуникативных функций.

Язык в лексикографическом дискурсе вбирает все многообразие эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации. Вслед за Т.А. Ван Дейком, мы считаем, что в нем отражаются менталитет и культура, как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная. В таком дискурсе, как справедливо указывают А.А. Кибрик и В.А. Плунгян, язык функционирует в реальном времени, которое следует понимать как исторически определенное, конкретное время, релевантное для имевшего место фрагмента речевой деятельности или же сформированного текста. По сути, это явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, оперированием знаниями особого рода.

Таким образом, лексикографический дискурс – это любой акт высказывания в словарной статье, который объединяет в своих структурах говорящего и предполагает слушающего с желанием первого воздействовать на второго и характеризуется подчеркиванием устанавливаемого в речи отношения к партнеру.

Дискурс двуязычных словарей позволяет выявить особенности национальной культуры, менталитет этносов. При построении словарной статьи лексикографический дискурс включает все зоны: грамматическую, дефиниционную, иллюстративную, заромбовую и т.д.

Билингвальный лексикографический дискурс наиболее тесно связан с ло-

кальной культурой, являясь одновременно одним из основных фактических материалов по обучению языкам в аспекте межкультурной коммуникации.

Письменный текст, к которому относим и лексикографический дискурс, предстает как формирующийся в процессе восприятия графически фиксированного и лексико-грамматически организованного знакового объекта образ значимого для адресата содержания передаваемой информации, существующей в мышлении адресата в форме глубинной смысловой структуры.

Следовательно, язык – это не только фонетика, грамматика, лексика, это система представлений своих и чужих культурных концептов, языковое их осмысление; в нем проявляется вся свобода человеческого духа, индивидуальное и национальное.

Репрезентация лексического состава языка в лексикографическом дискурсе связана с необходимостью проникновения в мир духовной и материальной культуры нации, знакомства с миром реальных вещей, окружающих человека в жизни, исследованием того, как в словах отображается внеязыковая действительность. «Диалог двух культур», отраженный в билингвальных словарях, основан на разном членении одних и тех же фрагментов мира.

В целом думается, что исследование лексикографического дискурса как специфического объекта лингвистических исследований обнаруживает большой интегративный потенциал и соответствует новейшим тенденциям лингвистической науки.

ЛИТЕРАТУРА

Денисов В.П. Об универсальной структуре словарной статьи //Актуальные проблемы учебной лексикографии. – М.: Рус. яз., 1977.

Сулейменов О. Всегда был и остаюсь интернационалистом // «Литер», 4 сент. 2008 г.

Тер-Минасова С.Г. Слова, слова, слова... Язык, культура, межкультурная коммуникация // Мир рус. слова. – 2000. – № 2. – С. 76.

Чумак Л.Н. Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне // Мир рус. слова. – 2000. – № 2. – С. 60–68.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974.

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS AN ASPECT OF LEXICOGRAPHIC DISCOURSE

Zh. Zhunusova

The article deals with important theoretical problems of bilingual lexicography. In particular, the author dwells upon current status of a bilingual lexicographic discourse and its prospects in the context of intercultural communication.

© 2009

Д.В. Андрианова

ПАРНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ
(как потенциальный материал лексикографирования)

Совет да любовь, любо-дорого, есть поедом, křížem-krážem, z čista jasna, ani ryba ani rak – в основе подобных разнородных выражений лежит общий принцип удвоения на уровне формы и значения, который является источником редупликации, тавтологии, повтора. Перечисленные морфологические явления, по свидетельству языковедов, свойственны языкам разных типов на всем протяжении их развития и отражают глубинное свойство человеческого мышления (К.О. Эрдман, А.М. Бушуй, Э. Моравчик, М.Ф. Алиева). В предисловии к словарю «Парные словосочетания английского языка» Л.М. Медведевой и В.В. Дайнеко говорится о значении бинарной номинации как «важнейшего орудия гносеологического освоения мира», в котором «закрепляются свойства и качества, взаимосвязи и взаимодействия предметов и явлений внешнего мира, познаваемого человеком» [Медведева, Дайнеко 1989: 5]. Некоторые модели лексических повторов на уровне сочетаний слов характерны для всех языков без исключения, но в большинстве своем языки в отношении парных сочетаний значительно различаются [Вэлхли 2003: 3], и парные сочетания демонстрируют специфику конкретного языка даже в сопоставлении с родственными ему языками.

Так, например, в русском языке, как отмечают исследователи, чрезвычайно распространены некоторые типы парных сочетаний, совершенно не свойственные или свойственные в малой степени другим славянским языкам (О.Б. Ткаченко, И. Пачаи, Ф.Р. Минлос). Мы задались целью представить обзор существующих в лингвистической литературе точек зрения на проблему происхождения и специфики парных сочетаний в русском языке на фоне других славянских языков.

В многочисленных монографиях и научных статьях рассматриваются парные сочетания, однако неоднородность, многообразие языкового и речевого материала усложняют задачу номинации данной грамматической категории. В работах, посвященных исследованию парных сочетаний (ПС) в общелингвистической парадигме, чаще всего используются термины *двандва* (термин индийских языковедов), *копулятивные сложения* (немецкий термин), *парные слова* (термин, фигурирующий в русскоязычных исследованиях), *биномы* (интернационально принятое обозначение). В исследованиях ПС на материале русского языка используются наименования *парные именования* или *формулы-синтагмы* (В.В. Колесов), *тождесловия* (А.А. Потебня), *тавтологизмы* (Л.И. Ройзензон и А.М. Бушуй), *тавтологические фразеологизмы* и *рифмованные фразеологические единицы* (В.М. Мокиенко), *репрезентативные пары* (А.Т. Хроленко), *редупликации* (Ф.Р. Минлос) и др. В данной статье будет использоваться наиболее общий термин *парное сочетание слов* (ПС), под которым будет пониматься выражение, построенное по функционально близкой слову модели, в

которой две (реже три) лексические позиции могут быть заполнены отдельными словами, но не оборотами.

ПС логически распадаются на две объемные неоднородные и не имеющие четких границ группы: редупликации и парные слова. Каждая из них имеет свою специфику, в соответствии с которой можно классифицировать и исследовательские работы.

Первые публикации о природе редупликаций появились в русскоязычных изданиях в начале XX в. Особое внимание первые исследователи этого явления (Р. Якобсон, М. Дурново, М. Джафар, А. Крымский) обращали на частотные в разговорной речи парные конструкции, построенные по принципу редупликации, напр.: *няньки-мамки, деньги-меньги, салатики-мулатики* и т.п.

М. Джафар в 1900 г. высказал предположение, что такого рода образования в русском языке – результат влияния тюркских языков. В тюркских языках удвоение с изменением первого звука или начальной группы звуков на *м* во втором компоненте – явление широко распространенное. Этот тип редупликации более детально впоследствии изучали А.А. Реформатский, Н.А. Янко-Триницкая, Ю. Плен, И. Пачаи, Ф.С. Минлос и др. С гипотезой тюркских корней м-редупликаций в русском, а также украинском и белорусском языках соглашается большинство лингвистов XX в., добавляя, что это явление в русском языке связано с влиянием сразу нескольких тюркских и кавказских языков [Минлос 2004: 7].

С.В. Николаев статье «Что такое хухры-мухры» высказывает предположение, что «многие [повторы] <...> с однотипной меной начальных звуков попали в русский язык в результате заимствований: из немецкого (*гоголь-моголь*), английского (*буги-вуги*)». Он также признает, что «больше всего здесь тюркских заимствований: *шурум-бурум, хурда-бурда* и т.д.». Таким образом, из тюркских языков была заимствована не только сама модель редупликаций, но и отдельные выражения. Автор также отмечает, что «не все подобные слова заимствованы, в их числе есть и исконно русские, напр.: *тары-бары, трень-брень* и др.» [Николаев 1985: 143].

Интересно отметить, что такого рода редупликации свойственны не только восточнославянским языкам, но также, напр., болгарскому (*кифари-муфари, спирки-мирки и др.*). Для болгарских м-редупликаций языком-источником служил турецкий [Граур 1963: 23], но, в отличие от русских м-редупликаций, болгарские ПС так и не стали фактами языка, а остались, как в тюркских языках, явлением спонтанной речи и по своей функции соответствуют тюркским повторам: они «выражают подчеркивание, курсивируют названные явления, процессы или качества». При этом, как и в русском языке, «иногда чувствуется нюанс некоторой пейоризации, а с другой стороны, синтеза или обобщения» [Младенов 1975: 387].

Еще один достаточно продуктивный тип редупликаций в восточно-славянских языках – так называемые ш-редупликации (*танцы-шманцы*). При редупликации такого типа начальный согласный второго компонента сочетания заменяется на *см/шм*. Принято считать, что эта модель сформировалась в русском языке благодаря идиолектам, находившимся под влиянием идиша [Плен 1987].

В работах, посвященным редупликациям в рамках парных сочетаний раз-

личного типа, рассматриваются также другие, менее продуктивные модели. Например, В.И. Беликов выделяет еще один тип редупликации в русском языке, связанный с искажением второго компонента ПС на манер табуированной лексики [Беликов 1990]. По-видимому, такой тип редупликации можно считать уже чисто русским.

Несмотря на то что сама конструкция редупликации была перенесена на русский субстрат из тюркских языков с сохранением фонетических особенностей, при сопоставлении русских ПС с ПС в языках-источниках заимствования легко выявить ряд несовпадений в стилистическом, семантическом и функциональном плане.

Как утверждает М. Джафар, в родном ему персидском языке в «парно-составных речениях», как он их называет со ссылкой на Ф.Ф. Фортунатова [Фортунатов 1983: 122–123], второй компонент существует только в сочетании с полнозначным первым компонентом, и в этом случае имеют смысл «и тому подобное», «и прочее». Как замечает автор, «такое парное образование можно проделать со всяким <...> персидским словом. Например, *пул* – деньги, *пул-мул* – деньги и т.п., деньги-деньжата». В русском выражении второй компонент чаще всего также дублирует первый с определенными фонетическими изменениями, и значение русских редупликаций *бумажки-шмажки, фуфайки-муфайки* также предполагает добавление к значению первого компонента дополнительного элемента «и нечто в этом роде», однако чаще всего он содержит также пейоративную коннотацию, которая отсутствует в редупликациях тюркских языков.

Специфической чертой м- и ш-редупликаций в русском языке, в отличие от языков-источников, где они не имеют специфической стилистической окраски [Дмитриев 1940: 47], является экспрессивность.

Кроме того, в тюркских языках аналогичные выражения используются в разных стилях речи, в то время как в русском языке они свойственны только разговорной речи. Более того, прием добавления к словам таких искаженных повторов-прицепов, иногда имеющих определенные значимые для говорящего и слушающего коннотации, иногда нет, – один из приемов языковой игры, характеризующей речь отдельного носителя языка. В то же время большинство подобных редупликаций появляется и исчезает в процессе речи, часто индивидуально окрашенной.

Исследованию происхождения парных слов посвящены работы выдающихся лингвистов и философов, которые изучали ПС на материале языка летописей, житийной литературы, языка фольклора, народной речи.

Одно из первых и наиболее авторитетных описаний ПС в языке фольклора и в народной речи дал в «Записках по русской грамматике» А.А. Потебня. Его классификация является исходной точкой рассуждений многих современных лингвистов, анализирующих ПС. Основным источником подобных выражений, по мнению ученого, является сама народная поэзия. Он рассматривает их как формулы, свойственные народной поэтике [Потебня 1968: 554] и считает их примерами специфической грамматической категории русского языка. Похожим образом конструкции типа *нежданно-негаданно, мил-дорог, любо-дорого* во фразеологическом словаре В.И. Фелициной и В.М. Мокиенко трактуются как

типичные для великорусской народной речи. Этой же позиции придерживается А.П. Евгеньева в монографии «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.» Отчасти разделяет эту точку зрения и В.В. Колесов, который считает, что частично ПС русского языка были созданы непосредственно в народной речи и языке фольклора [Колесов 1990: 4].

В то же время уже А.А. Потебня указывал на семантическое и структурное сходство между русскими конструкциями типа *хлеб-соль, отец-мать* и др. и китайскими сложениями, а также оборотами в языке хинди.

Чешский славист К. Горалек, изучавший язык народных песен славянских народов, пришел к выводу, что специфика восточнославянских и западнославянских народных песен заключается, в том числе, в наличии или отсутствии парных слов [Горалек 1962]. При сравнительном анализе фольклорных произведений разных жанров становится очевидна насыщенность восточнославянских текстов парными конструкциями, в отличие от соответствующих текстов на чешском и польском языках.

Вполне подтверждают нетипичность парных сочетаний для западно- и южнославянских языков исследования О.Б. Ткаченко. Сопоставление языка фольклора славянских языков показывает, что в польском, чешском, верхнелужицком языках ПС встречаются спорадически, в словенском и нижнелужицком они не были обнаружены вовсе. Сравнительная частотность ПС в болгарском, македонском и словацком языках объясняется, по мнению ученого, ареальным влиянием тюркских, булгарского и турецкого языков на болгарский и македонский, финно-угорских (венгерского) – на словацкий. Что касается резкого отличия русского языка от других славянских в отношении парных сочетаний, то причину этого явления О.Б. Ткаченко видит во влиянии финно-угорского субстрата, «количественно и хронологически наиболее значительного, мерянского, что было связано с постепенным переходом на восточнославянскую речь большого количества носителей финно-угорской речи в условиях массового двуязычия» [Ткаченко 1981: 27].

Эту линию рассуждений ученого продолжает венгерский лингвист И. Пачаи, который рассматривает парные конструкции в языке славянского фольклора и в народной речи через призму ареальной лингвистики. Проведенные им статистические, грамматические, семантические и стилистические исследования свидетельствуют о том, что появление в восточнославянских, и особенно русском, языках и фольклоре ПС стало следствием контактов с языками восточной Евразии. В качестве примеров исследователь приводит такие межъязыковые тавтологические конструкции, как *булат-железо*, где *«bulat» – сталь* из татарского, *вепрь-кабан*, где «*kaban*» – *кабан* из тюркского и т.д. [Пачаи 1995: 90].

И. Пачаи подчеркивает особую функцию «парных слов суммирующего типа» в языках Восточной Евразии, а именно обозначение родового понятия словами, выражающими видовые понятия» [Пачаи 1995: 96]. Эту особенность семантики ПС отмечал уже А.А. Потебня: «сопоставление несовместимых частностей не есть нарушение логического закона, а способ обозначения понятия высшего порядка, способ обобщения, нередко – идеализация в смысле изображения предмета такого рода <...> но необычайного, чудесного, прекрасного» [Потебня 1968: 418]. О том, что это свойство присуще ПС в языках разных ти-

пов, упоминает также Б. Вэлхли в книге «Парные слова и естественная сочинительная связь» [Вэлхли 2003: 4]. Это свойство парных конструкций в случае, когда компонентами выражения являются синонимичные пары, приобрело особое значение в языке средневековой Руси.

В.В. Колесов не раз в своих работах упоминает о том, что «русской ментальности вообще присуще это стремление к удвоениям <...> такими формулами наша ментальность искони выражает идеальность сущности и материальность явления, совмещенных в общем термине, который в действительности становится символом на фоне понятия <...> Иначе не мыслит себе русский человек любовь, как через ласку, истину «мимо» правды, а личную, идеальную в сущности радость, вне материально выраженного веселья» [Колесов 1999: 256]. Линейный по своей природе текст с помощью подобных удвоений в виде парных именований, как их называют исследователи древнерусского языка и литературы, сохраняет многомерность и множественность, свойственную языку и средневековому мышлению [Двинятин 1994: 91]. По мнению Колесова, часто это развертывание понятия в текст посредством использования парного именования имело место в случаях перевода отвлеченных и значимых понятий с греческого (*плач и рыдание, туга и скорбь*), однако «большинство из них отражает реальное содержание жизни древних славян и связано с настоятельной необходимостью передать в художественном тексте какое-то важное значение, не получившее еще в языке специальной номинации» [Колесов 1990: 4]. В.В. Колесов считает, что, хотя некоторые парные именования были восприняты при переводе греческих оригиналов, степень их воздействия на славянские литературные формулы преувеличена, т.к. заимствования не изменяли ни форму, ни образность традиционных формул славянской поэтики.

Более категоричен в этом вопросе оппонент В.В. Колесова, Д.В. Дмитриев, относящий эти единицы к «прототипам, которые через посредство греческого языка послужили основой создания особых традиционных письменных образцов», объединяемых понятием «библеизмы», поскольку все они восходят к одному единственному источнику – тексту Священного Писания (напр., *радость-веселие, гневъ-ярость, беззаконие-грех, стыд-срам*). Отсюда они перешли во многие языки, на которые переводилась Библия, и в том числе в древнеславянскую письменность» [Дмитриев 1994: 46].

Подводя итог обзору наиболее интересных и авторитетных исследований, посвященных проблеме происхождения парных сочетаний в русском и других славянских языках, следует отметить, что частотные в русском языке ПС образованы большей частью по заимствованным у языков-соседей моделям. Но все они издавна прижились в русском языке, большинство из них очень продуктивно и представляет любопытный материал для дальнейших исследований более частного характера.

ЛИТЕРАТУРА

Беликов В.И. Продуктивная модель повтора в русском языке. Материал для обсуждения // Russian Linguistic. – Бостон: Reidel, №14, 1990. – С. 81–86.

Вэхли Б. Парные слова и естественная сочинительная связь. – Стокгольм: Wslhi, 2003.

Граур А. Румынские этимологии. – Бухарест: Науч. изд-во, 1963.

Двинятин Ф.Н. «Нити Мезгиревых тенет» и исследования В.В. Колесова по структуре древнерусского текста // Динамика русского слова: межвуз. сб. ст. к 60-летию проф. В.В. Колесова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1994. – С. 89–94.

Джафар М. Об искусственном образовании парных слов (Reimwörter) // Юбилейный сборник в честь В.Ф. Миллера, изданный его друзьями и почитателями / под ред. Н.Я. Янгука. – М.: Типо-лит. А.В. Васильева, 1900. – С. 311–313.

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1940.

Дмитриев Д.В. Синонимические дуплеты библейского происхождения в древнерусской письменности // Динамика русского слова: межвуз. сб. ст. к 60-летию проф. В.В. Колесова. – СПб: Изд-во СПбГУ, 1994. – С. 43–51.

Евгеньева А.П. Очерки по языку русской поэзии в записях XVII–XX вв. – М.; Л: Изд-во АН СССР, 1963.

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова ...». – СПб: Златоуст, 1999.

Колесов В.В. Принцип парного соединения близкозначных слов в древнерусских литературных текстах // Исследования по истории и диалектологии русского языка: межвуз. сб. науч. тр. – Алма-Ата: Изд-во КазПИ, 1990. – С. 3–11.

Кримьски А.Е. Калач-малач, кішміш-мішміш // Роз-відки, статті та замітки. – Київ, 1928. – С. 139–148.

Медведева Л.М., Дайнеко В.В. Парные словосочетания английского языка. – Киев: Выща школа, 1989.

Минлос Ф.Р. Редупликации и парные слова в восточнославянских языках. – М.: ИСл РАН, 2004.

Младенов М.С. Об одном типе повторений в болгарском языке, имеющем параллель в румынском языке // Revue roumaine de linguistique. Bucarest: Ed. Acad. Romane. – 1975 (XX). – №4. – С. 385–387.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1989.

Мокиенко В.М., Фелицина В.П. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1990.

Николаев С.Г. Что такое хухры-мухры // Рус. речь. – №4. – С. 141–144.

Пачаи И. Ареальные аспекты парных слов в русском языке. –Ниредьхаза: STUDIUM, 1995.

Ткаченко О.Б. Сравнительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. – Киев: Наукова думка, 1979.

Янко-Триницкая Н.А. «Штучки-дрючки устной речи» // Рус. речь. – 1968. – №4. – С. 48–52.

Plàhn J. Хуйня-муйня и тому подобное // Russian Linguistics. – 1987. – №1. – P. 27–41.

THE ORIGIN OF TWO-WORD FIXED EXPRESSIONS IN SLAVIC LANGUAGES (AS MATERIAL FOR LEXICOGRAPHY)

D.V. Andrianova

The article presents a review of different approaches current in linguistics as to the origin and peculiarity of two-word fixed expressions frequent in Russian as compared with other Slavic languages.

© 2009

К.М. Кощанов

О СОВРЕМЕННЫХ РУССКО-ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ КАК МАТЕРИАЛЕ ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Языковедов издавна привлекала проблема развития языка в связи с развитием общества. Одной из составных частей этой большой и сложной проблемы, именуемой «язык и общество», является проблема взаимодействия языков.

Взаимодействие языков, как правило, происходит при контактах народов. Как известно, языки при этом взаимообогащаются. Особенно заметно это по словарному составу языков, так как все новое, что происходит в жизни народов, в первую очередь, отражается в лексике.

Бывают особо интенсивные периоды в развитии языков и их взаимодействии друг с другом. Это время больших социально-политических и общественных изменений в жизни народов.

Такое явление наблюдалось в годы после Октябрьской революции вплоть по 1990-х гг., когда русизмы и (через русский язык) интернационализмы огромным потоком влились в языки народов бывшего СССР. Написано немало весомых научных трудов, показывавших только положительные стороны влияния русского языка на развитие и обогащение языков бывшего Союза. Сама политика советской эпохи способствовала такому однобокому подходу к столь сложной проблеме в жизни языков народов СССР.

Приобретение Узбекистаном и Каракалпакстаном независимости, коренные изменения, произошедшие в общественно-политической, культурной и социально-бытовой сфере и особенно в духовной жизни наших народов, не могли не отразиться на их языках. Сильное и динамическое развитие национальной идеологии, обретение осознанной и полной духовной независимости побудили трезво и критически осмыслить многие события в истории языков народов Узбекистана и Каракалпакстана.

За годы независимости произошли огромные изменения в языковой политике и языковой жизни наших республик. Узбекский и каракалпакский языки встали на ноги и окрепли как государственные. Расширились их функции. Общественные мероприятия, сессии, конференции, собрания и совещания на всех уровнях стали проходить на языках коренного населения, ставших государственными, тогда как раньше они проходили на русском языке. Вместо заимствованных топонимов стали возвращаться исконные наименования населенных пунктов. Делопроизводство на всех уровнях стало вестись на новых государственных языках. Намного увеличилось количество газет и журналов, радио и телепередач на узбекском, каракалпакском и других языках народов, проживающих в Узбекистане и Каракалпакстане. В то же время в стране сохранились газеты, журналы и передачи на русском языке. Говоря о словарном составе как наиболее подвижной и изменчивой системе языка, нужно сказать, что основной упор при современном развитии и пополнении лексики каракалпакского языка делается на исконный словарный состав. Так, в наши дни из ак-

тивного словарного состава в пассивный запас уходит большое число ранее заимствованных советизмов. Однако словарное дело отстает от жизни языка: лексикографы не успевают фиксировать изменения в функционировании языковых единиц. В процессе ухода советизмов в пласт устаревших слов наблюдаются две тенденции:

1. Слова уходят в историю вместе с обозначаемыми ими реалиями, т.е. понятиями и предметами, которые они обозначали. Напр., *Бас секретарь (Генеральный секретарь), коммунизм, коммунист, КПСС, комсомол, ВЛКСМ, Орайлык комитет (Центральный комитет), партком, пионер, райком, рабочком, Сиясий бюро (Политбюро), совхоз, колхоз* и т.д.

2. Уход ранее заимствованных и широко употребляемых советизмов в архаизмы, при котором происходит замена (перевод) этих заимствованных слов соответствующими по значению исконно каракалпакскими и другими тюркскими или арабско-персидскими словами. Напр., *адвокат – аклаушы, актив – ыгаллы, аптека – дарихана, врач – шыпакер, главврач – бас шыпакер, домком – маканком, канцелярия – ис жургизиу болими, конкурс – танлау, медсестра – мийирбийке, отдел кадров – канийгелер болими, перемена – танепис, прокурор – айыплаушы, процедурная – шаншыухана, путевка – жоллама, регистратура – дизимхана, секретарь – хаткер, скорая помощь – тез жардем, столовая – асхана, судья – тореши (спорт), экзамен – имтихан, студент – талаба* и др. Необходимо отметить, что большинство этих терминов являются каракалпакскими кальками или полукальками с русских оригиналов.

Если до 1990-х гг. каракалпакский язык из русского языка и через него заимствовал общественно-политические, химические, физические, биологические, математические, географические, медицинские, исторические, литературоведческие, языковедческие и другие научные термины, то на современном этапе, т.е. после распада СССР и получения независимости бывшими республиками Союза, в лексику каракалпакского языка мощным потоком стали вливаться термины экономики, бизнеса, финансов, менеджмента, маркетинга, а также лексика, связанная с компьютерной технологией, Интернетом и инновационными методами.

В современном каракалпакском языке активно функционируют новейшие прямые заимствования, использующиеся без каких-либо словообразовательных изменений. Напр.: *акция, акционер, аккредитив, аудитор, банк, банкрот, бизнес, брокер, бюджет, биржа, валюта, вексель, девальвация, депозит, дивиденд, дефолт, интеграция, индексация, индекс, инвестиция, ипотека, импорт, кредит, кредитор, коммерция, коммерсант, компьютер, лицензия, лимит, монополия, мониторинг, макроэкономика, маркетинг, менеджмент, менеджер, облигация, сертификат, спонсор, экспорт* и др. Эти заимствования вполне понятны каракалпакам и не нуждаются в переводах на их родной язык. Но это не означает ненужности их подробного толкования и объяснения их значения на каракалпакском языке.

На страницах газет и журналов, в радио- и телепередачах республики Каракалпакстан используется большое количество терминов и слов, образованных их полным или частичным калькированием, а также при помощи словообразовательных средств каракалпакского языка.

Так, путем калькирования, т.е. полного структурного перевода, образованы термины, широко использующиеся в современном каракалпакском языке, напр., *базарды коргау – защита рынка, котере сауда – оптовые цены, далдалшы – посредник, сауда уакили – торговый агент, нарк басекиси – ценовая конкуренция, талап хам усыныс – спрос и предложение* и др.

Полукалькированием образованы такие термины, как *биржа курсы – биржовые курсы, банк билетлери – банковские билеты, киши бизнес – малый бизнес, коммерциялык сыр – коммерческая тайна, интерактив окытыу – интеракитивное обучение, инновациялык усыл – инновационный метод, миллий банк – национальный банк* и др.

Нового и объективного решения требуют многие современные вопросы двуязычия и многоязычия в Каракалпакстане. Необходимо упорядочение вопросов заимствования и усвоения, передачи иноязычных слов средствами родного языка, а также создание новых, современных толковых словарей русско-интернациональных заимствований в каракалпакском языке.

PRESENT-DAY RUSSIAN AND FOREIGN LOANS IN KARAKALPAK AS LEXICOGRAPHIC SOURCE

K.M. Koshchanov

The article deals with the history of borrowing in Karakalpak describing the transition of sovietisms into a layer of obsolete words and their partial replacement by Karakalpak words. It also analyzes assimilation of new foreign borrowings with special emphasis on loan translation.

© 2009

С.И. Суровцева

ОПИСАНИЕ ПРЕДЛОГОВ ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ В РУССКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ СЛОВАРЯХ

Предлоги были предметом изучения многих лингвистов: Т.И. Антоновой, Н.И. Астафьевой, О.С. Ахмановой, А.М. Бабкина, М.В. Биньковской, Р.В. Болдырева, В.С. Бондаренко, Н.И. Букатевича, М.С. Буниной, Л.Н. Засориной, Г.А. Золотовой, Е.Г. Кулинича, Ю.И. Леденева, Т.А. Пантелеевой, Р.П. Рогожниковой, Е.Т. Черкасовой, Г.А. Шигановой и многих других. Хотя интерес к названному классу слов и фразеологизмов очень высок, в лингвистической литературе еще нет сопоставительного описания подгруппы предлогов с темпоральной семантикой. Такая попытка предпринята нами на основе анализа словарей современного русского и французского языка. Русские непроизводные предлоги сравниваются с французскими по данным различных типов

словарей русского языка (толкового, синтаксического, энциклопедического) и толкового словаря французского языка.

Предложно-падежные отношения придают информации более точный и объемный смысл (В.В. Виноградов, Г.А. Шиганова, Р.П. Рогожникова, Е.Т. Черкасова, М.В. Всеволодова и др.), однако остаются нерешенными многие вопросы в отношении этих единиц; в частности дефиниция лексического и фразеологического предлога, как в русском, так и во французском языках находится в стадии разработки, не достигнуто и единство в терминологии. Так, Челябинская школа предлагает термины *лексический* и *фразеологический* предлог, тогда как Московская – *предлог*[1] и *предлог*[2], где под *предлогом*[1] подразумевается морфологический предлог, а под *предлогом*[2] – синтаксический. Наблюдаются некоторые расхождения и в данных двуязычных словарей, где описываются непроизводные предлоги с темпоральным значением русского и французского языков. О полном совпадении значений предлогов говорить не приходится. Так, русскому предлогу *в* соответствуют французские *a* и *en, перед – avant, к – vers, между – entre, через – dans*, причем такое значение предлог имеет тогда, когда далее указывается временной период.

В русском языке выделяют предлоги-омонимы, т.е. лексические предлоги, которые употребляются с разными падежами. Подобные предлоги мы рассматриваем как разные лексические единицы. Эту мысль впервые высказал В.В. Виноградов; ее истинность подтверждают А.М. Чепасова, Г.А. Шиганова. Известно, что каждый предлог обладает определенным кругом значений. Напр., предлог *по* употребляется с тремя падежами; различаются предлоги *в*[1], *в*[2], *за*[1], *за*[2]. Во французском языке из-за отсутствия грамматической категории падежа такого явления не наблюдается. Французские словари свидетельствуют скорее не об омонимии, а о полисемии предлогов.

Словари русского языка отражают у ряда предлогов значительные расхождения в значениях. Так, у предлога *в*[1] (вин. п.): Г.А. Золотова отмечает 23 значения, 4-томный словарь АН СССР – 14, а словарь С.И. Ожегова – только 9, причем темпоральных значений 4-томный словарь АН СССР дает 3, С.И. Ожегов – 1, Г.А. Золотова – 2 (обозначение срока действия, приурочивание сообщения ко времени обозначения временного отрезка, возраста лица). Напр.: *Всех парней, которые* ***в*** *воскресный вечер наигрывают на гармошке у подворотни, он таскал к себе* (С. Виноградская); – *Какие у кого планы? Вылетаем завтра* ***в*** *шесть ноль ноль* (К. Булычев).

Предлогу *из/изо* 4-томный словарь АН СССР приписывает 10 значений, С.И. Ожегов – 7, Г.А. Золотова – 14, но ни в 4-томном словаре АН СССР, ни в словаре С.И. Ожегова у этого предлога не отмечается темпоральное значение, тогда как Г.А. Золотова одно такое значение приводит: ‘обозначает время начинающегося процесса или явления, характеризующегося по его происхождению во времени’. Напр.: – *А потому, что она* ***из*** *будущего* (К. Булычев). На наш взгляд, правильнее было бы здесь говорить не о чисто темпоральном, а о синкретичном значении – атрибутивно-обстоятельственном, так как предложно-падежная конструкция, отвечая на вопрос *какая?*, одновременно содержит сему обстоятельства, точнее, – временную сему, т.к. существительное называет временной отрезок.

У предлога *к* Г.А. Золотова обнаруживает 10 значений, 4-томный словарь АН СССР – 13, а в словаре С.И. Ожегова отмечено только одно значение. В данном случае расхождения в словарях весомые, хотя все три словаря указывают на то, что этот предлог выражает временное значение – указание на срок, к наступлению которого совершается или завершается что-либо. Напр.: *На него она взглянула, тяжелехонько вздохнула, восхищенья не снесла и* ***к*** *обедне умерла* (А.С. Пушкин); [Захар] – *Это я* ***к*** *Святой неделе убираю: тогда образа чищу и паутину снимаю* (И.А. Гончаров).

Предлог *между/меж* с родительном падежом рассматривается в словаре С.И. Ожегова как устаревший, тогда как словари Г.А. Золотовой и 4-томный АН СССР свидетельствуют о наличии у него четырех значений, среди которых есть и темпоральное. Предлог *между/меж* употребляется и с творительным падежом. В таких случаях Г.А. Золотова обнаруживает способность предлога *между/меж* выражать четыре значения, 4-томный словарь АН СССР – 7, С.И. Ожегов – два, и все три словаря указывают на то, что одно из этих значений темпоральное – ‘проявление действия в неком промежутке времени’. Напр.: *В перерывах* ***между*** *допросами она учила итальянку русскому языку; сама же изучала немецкий язык, писала стихи* (А.Я. Манусевич).

В толковании предлогов *до* (род. п.), *за*[1] (вин. п.), *за*[2] (твор. п.), *через* (вин. п.), *под/подо*[1] (вин. п.), *перед/пред/предо* (твор. п.), *с*[1] (род. п.), *с*[2] (твор. п.), *по*[2] (дат. п.), *по*[3] (предл. п.) больших расхождений у составителей русских словарей нет. Заметные расхождения можно увидеть в описании предлога *на*[1] (вин. п.): 4-томный словарь АН СССР и словарь Г.А. Золотовой приводят 22 значения, тогда как словарь С.И. Ожегова – лишь 8; но составители всех трех словарей отмечают темпоральное значение предлога *на*[1] – ‘срок, промежуток времени’. У предлога *на*[2] (предл. п.) С.И. Ожегов указывает 8 значений, 4-томный словарь АН СССР – 6, а Г.А. Золотова – 21, при этом все выделяют и темпоральное значение данного предлога – ‘во время чего-либо’. Напр.: *Оставь* ***на*** *ночь – пусть посторожит* (В. Пронин); [*Софья*] *Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего,* ***на*** *сих днях в Москву приехал* (Д.И. Фонвизин).

Анализируя данные словарей современного русского языка, можно отметить особенности временных предлогов: в одних случаях предлоги вводят слово, обозначающее весь период, в других – либо только начальный, либо конечный момент временного отрезка. С учетом этих особенностей мы полагаем, что можно классифицировать по подгруппам предлоги с темпоральным значением.

Словари французского языка позволяют нам квалифицировать французские предлоги как лексические. Так же, как и в русском языке, во французском предлог – это служебная часть речи, которая выражает разные отношения между словами в предложении. Больших расхождений в данных словарей у французских предлогов не наблюдается, за небольшим исключением. Так, предлог *a* в малом словаре Робера представлен как носитель 15 значений, в толковом словаре французского языка – 13, а в энциклопедическом – 17, при этом толковый и энциклопедический словари отмечают три темпоральных значения, а малый – одно. Предлог *à* может выражать:

- временной промежуток;

- одновременность и точечный временной момент;
- в сочетании с *de* – временной ограничительный интервал.

Напр., *A seize ans il est journaliste **à** la Gazette des Liuges. Depuis plusieurs nuits, il s'en allait **à** la même heure, et c'est un signe* (G. Siménon).

В описании предлогов *après, avant, dans, depuis, entre, sous, sur, vers* значительных расхождений не наблюдается. А вот у предлога *en* в малом словаре Робера приводится 7 значений, в толковом словаре французского языка – 8, в энциклопедическом – 11, хотя все три словаря отмечают два темпоральных значения: *en* может означать момент времени и продолжительность во времени. Напр., ***En** 1921 il fait paraître son premier roman "Au pont des Arches" sous le pseudonyme de Georges Sim* (G. Siménon).

Предлог *pour:* толковый словарь – 11, энциклопедический – 12, малый – 18, но все три единодушно отмечают одно временное значение, т.е. указание на момент или продолжительность во времени. Напр.: ***Pour** le moment, j'habite une toute petite pièce avec un ami* (P. Gabou).

Мы пришли к выводу о том, что расхождения в лексикографической квалификации предлогов русского и французского языков имеют объективные основания: некоторые словари отражают состояние сравниваемых языков в первой половине XX в., другие опираются на современное состояние. К последним относится словарь Г.А. Золотовой применительно к русскому языку и словарь издательства «Ашет» – к французскому. Основная задача состоит в том, чтобы на основе современных данных описать темпоральные значения более дифференцированно, глубоко и всесторонне.

ЛИТЕРАТУРА

Всеволодова М.В. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестн. МГУ. – Сер. 9. Филология. – 2003. – №2. – С. 17–59.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981.

Dictinnaire Hachette enciclopédique illustré. – Paris: Hachette livre, 2000.

Dictinnaire de la langue française. Lexis. – Paris: Larousse, 1994.

Le nouveau petit Robert: Dictinnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris: Dictinnaire le Robert, 1993. – Vol. 1.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF TEMPORAL PREPOSITIONS IN RUSSIAN AND FRENCH

S.I. Surovtseva

The paper considers, analyzes, and compares information given in modern Russian and French dictionaries on non-derived temporal prepositions. The description of prepositions in modern Russian and other languages has not received proper attention until recently. The paper gives facts from Russian and French dictionaries.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

© 2009

Л.В. Савченко

ФРАГМЕНТ ДУХОВНОЇ КУЛЬТУРИ РОДИННИХ ТРАДИЦІЙ УКРАЇНЦІВ У ВЕКТОРІ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Концептуалізація духовної картини світу українського народу в етнокультурологічному фрагменті родинних традицій, на нашу думку, має таку структуру: макроетноконцепт «Традиції» → поле мікроетноконцептів «Родинні традиції» → мікрополя мікроетноконцептів «Родинних традицій»: «Народження» – «Весілля» – «Похорон». В основі кожного дійства лежить система мікроетноконцептів ФО, які характеризують певні уявлення, звичаї, обряди, погляди, норми поведінки, традиції, які склалися впродовж тривалого історичного періоду.

Низка мікроетноконцептів є константами культури, які несуть культурно ціннісну інформацію. Під константами культури у фразеології розуміємо такі поняття, які є продуктивними протягом століть і залишаються актуальними в сучасному концептуальному уявленні дійсності через лінгвістичні й екстралінгвістичні прояви.

Отже, мета роботи – подати етнолінгвістичний аналіз концептуальної фразеосистеми української мови на позначення родинних обрядів і традицій, виявити мікроетноконцепти, які виступають основною базою для творення цих ФО, визначити константи культури досліджуваного поля мікроетноконцептів.

І. Мікроетноконцепти обрядів народження та хрестин у ФО української мови. Пологові дійства складаються з трьох тісно пов'язаних циклів: передпологовий, власне пологовий і післяпологовий. Вони включають звичаї, уявлення, повір'я, обряди, метою яких є збереження вагітності і забезпечення успішного перебігу пологів, охорона й очищення матері та дитини, уведення немовляти в сім'ю, родину, громаду, церкву.

ФО з мікроетноконцептами, які відображають передпологовий період жінки. Передпологові звичаї покликані сприяти нормальному перебігу вагітності, доброму самопочуттю жінки, забезпеченню фізичної та розумової повноцінності дитини. Саме тому відомості про вагітність довго не розголошувалися. Навіть ФО на позначення вагітності жінки в мовленні українців фіксується небагато: ***нарядити (знайти) дитину; важка жінка; бути вповні (у вазі); мати за поясом; зайти в тяготу; у поважному стані.***

ФО з мікроетноконцептами на позначення власне пологових звичаїв, народження дитини. Поява дитини асоціюється з весняним пробудженням природи, її розквітом та літньою родючістю. На думку Л. Виноградової, поява дітей на світ

відбувається шляхом двох переміщень: за допомогою міфічних помічників (Бога, птахів, тварин, природних стихій) або мандрівних «чужих» людей дитина потрапляє з віддаленого простору в цей світ; потім хтось із них виявляє немовля у своєму просторі й забирає собі [Виноградова 1999: 237]. Низку магічних обрядодій виконувала баба-повитуха. Народ вірив, що дії мають надприродну силу і є корисними для матері й новонародженого. У фразеосистемі української мови на позначення цього періоду подаються ФО з такими мікроетноконцептами: 1) ***знайти в капусті (горосі, кропиві); лелека (бузько) приніс; цигани принесли (підкинули)*** (традиційне пояснення дітям факту появи на світ немовляти); 2) ***народитися в сорочці (чіпці)*** (повір'я про народження дитини в так званій материній сорочці чи іншому одязі); 3) ***народитися край пічки*** (культ печі та вогню у слов'ян, як охоронниці, берегині хати та її мешканців; 4) ***найти дитину*** (у слов'ян віра в обман долі; ритуальне розігрування ситуації виявлення дитини випадковим перехожим; здійснювалося в сім'ях, де часто помирали діти [Толстая 1997: 290]); 5) ***баба сповитуха (пупорізка)*** (народжених немовлят приймала досвідчена жінка); 6) ***злити на руки*** (тричі поливали бабі руки водою, щоб усе нечисте зійшло з водою в землю [Павлюк 2006: 219]); 7) ***росте як з води; як скупаний у воді*** (після пологів купати дитину, щоб вона краще росла); 8) ***мати купала в юбці*** (вважалося, що купання дітей, загорнених в якийсь одяг, принесе вдачу).

ФО з мікроетноконцептами на позначення післяпологових звичаїв, хрестин дитини. Існує переконання, що новонароджену дитину необхідно якнайшвидше охрестити, щоб оберегти від усього злого й прилучитися до християнської громади. У церковному обряді хрещення на перший план виступають куми, які шанувалися як найближчі родичі і мали замінити батьків. Ці звичаї у фразеосистемі української мови представлені ФО з такими мікроетноконцептами: 1) ***подержати до хреста; у хрест увести (увійти)*** (пройти обряд хрещення); 2) ***прохані (стрічані, відкупні) куми*** (перша і друга пари кумів, які запрошується через шість тижнів після народження дитини у випадку, якщо часто в сім'ї помирають діти); 3) ***дурний піп хрестив; дурні куми тримали*** (якщо дитина росте нерозумною, провина за це покладалася на попа або кумів); 4) ***полоскати повивач*** (звичай після хрестин продовжувати пити могорич; ***з повивача;*** (немовля повивали кілька місяців); 5) ***за піччю сиди, та кашу їж; годен горнець чиру виїсти***; ***мало каші з'їв*** (на зорини батьки готували кашу, що символізувала здоров'я дитини); 6) ***в Божу крижму вписатися*** (крижма – це біла тканина, яку приносять у подарунок куми).

II. Мікроетноконцепти весільних обрядів і традицій у ФО української мови. Традиційне весілля поділялося на три цикли: передвесільний, власне весільний і післявесільний, які становлять цілісну картину певних звичаїв. Різним регіонам були властиві певні ритуали, обряди та звичаї, елементи яких закріпилися у ФО.

ФО з мікроетноконцептами на позначення обрядів передвесільного циклу. До передвесільного циклу входять обряди, пов'язані з досягненням згоди двох родин на шлюб молодих. Усі ці обрядодії представлені в українських ФО такими мікроетноконцептами: 1) ***почесний хліб; хліб обмінити***; ***поклонився пані-матці хлібом; обміняти/обмінити хліб святий***; ***повернути хліб*** (при досягненні згоди

сватів із батьками дівчини обмінювалися хлібом; при відмові батьки віддавали хліб); 2) ***старостів засилати (прийняти)*** (свати зі сторони хлопця йшли до батьків дівчини домовлятися про одруження); 3) ***слати/засилати старостів за рушниками***; ***вернутися з рушниками; готувати (дбати) рушники (скриню); рушники тчуться*** (символічну роль виконує рушник у підготовці до весілля); 4) ***бгати (зібгати) коровай***; ***на коровай молоти*** (коровай – символ достатку, багатства; одним з основних дійств є випікання короваю); 5) ***просити рук***); ***руку давати*** (обряд, за яким молода подає молодому через стіл хустку на знак згоди); 6) ***розглядати (колупати) піч;*** (під час сватання дівчина повинна колупати піч; піч – символ домашнього вогнища); 7) ***макогін облизати***; ***дати макогона*** (хлопцеві, якому відмовлено у сватанні, до ранку споруджували на подвір'ї здоровенний макогін із соломи); 8) ***смалити (присмалювати, пекти) халявки (литки)*** (давній звичай нести на сватання нареченій личаки: якщо дівчина приймає їх, значить погоджується на шлюб).

ФО з мікроетноконцептами на позначення власне весільних обрядів і традицій. Як відомо, весілля в Україні тривало три дні. Починалося переважно в неділю, коли і відбувалися всі основні обряди та ритуали: розплітання коси, знімання вінка, поділ короваю тощо. Важливим був цикл післяшлюбної ночі, що символізував приєднання молодої невістки до родини чоловіка. У фразеосистемі української мови весільні ФО представлені такими мікроетноконцептами: 1) ***сорочку викупляти*** (обряд викупу дружками в молодої весільної сорочки молодого); 2) ***головатий (посадний) батько (мати)*** (чоловік чи жінка (часто хресні батьки), які за відсутності рідних батьків виступають у ролі батька чи матері); 3) ***бити чолом за двором*** (звичай не пропускати весільного поїзда молодого у двір молодої, вимагаючи могорич від нареченого); 4) ***грати (гуляти, справляти) весілля*** (слово «весілля» раніше інтерпретувалося як «радощі, веселощі», а значення «шлюбне весілля» розвинулося в XV ст. [Мельничук 1989, т.1: 362]; слово «грати» від давньої традиції починати різноманітними іграми викуп нареченої); ***весільний дім (хата); весільна корогва; весільний похід*** – (поняття та дії, пов'язані з весільними традиціями); 5) ***брати шлюб; іти (везти, повести, стати) до шлюбу*** («шлюб» походить від слов'янського 'слюб', 'слюбитися', 'любов; 6) ***заміж вийти (зашлюбитися), не дощову годину перестояти (пересидіти)***; ***віддавати (піти) заміж*** («заміж» є результатом злиття виразу «др. за мужь (ити, отъдати, выдати), що складається з прийменника *за* та іменника *мужь* у формі зн. в. одн.» [Мельничук 1989, т.2: 231]); 7) ***закон сповнити (прийняти)***; ***у закон увести*** (*життя на віру,* тобто без шлюбу, не визнавалося); 8) ***на рушнику стати*** (молоді під час вінчання повинні стояти на рушнику); 9) ***підходити під князівський вінець; стати під вінець***; (протягом обряду вінчання свідки над головами молодих тримали весільні корони (вінці); 10) ***на посад посадити (заводити) молоду*** (ритуал, який мав значення з'єднання; посад – почесне місце на покуті); 11) ***викупляти молоду (наречену)*** (на посаді давали гроші братам нареченої в знак викупу); ***покривати (скривати) косу (молоду)*** (архаїзована форма обряду накидання покривала на голову дівчини, яка сподобалася чоловікові; запис арабського письменника XIII ст. [Афанасьев 1865: 238]); ***підсмалювати*** (***смалити) молоду*** (обряд «очищення молодої»: молоду з посагом і весь її «поїзд» переводять через вогонь, щоб відвернути лихо [Павлюк 2006: 225]; ***обсівати молодого (поїзжан)*** (батьки у ви-

вернутих кожухах обсипають гостей вівсом, горіхами, пряниками); ***дарувати молодих*** (під час перепою молодим вручають подарунки); 12) ***торгування брами*** (обряд «ворітна», за яким сільські хлопці перед воротами молодої брали викуп за вхід – дрібні гроші, чарку горілки [Павлюк 2006: 224]); 13) ***косу (волосся) розплітати; зав'язати косу (хустку)*** (обряд «розплітання коси» означав прощання нареченої з дівоцтвом); ***йти за косою*** (звичай супроводжувати молоду до двору молодого; гості, які йшли за молодою, називалися *закосяни*); 14) ***зав'язати голову (світ, хустку)*** (наприкінці весілля свекруха пов'язувала хусткою молоду й покривала очіпком); 15) ***руки зв'язати; руку давати*** (наречена подає через стіл нареченому хусточку, їх руки перев'язують); 16) ***пришпилити (пришити) квітку*** (перед початком весілля дружки чіпляють букетик із квітів гостям); 17) ***куди кумові до короваю; на чужий коровай очей не задирай; йти на коровай; розрізати коровай*** (наприкінці весілля відбувається поділ короваю); 18) ***рубати тополю*** – *'виходити заміж'* (тополя в Україні – символ молодої незаміжньої дівчини).

ФО з мікроетноконцептами на позначення обрядів і традицій післявесільного циклу. Післявесільні обряди повинні були зміцнити зв'язок між двома родинами й полегшити призвичаєння молодої невістки в чужому домі. Післявесільні традиції відобразилися у ФО з такими мікроетноконцептами: 1) ***викупати пояси*** (у вівторок молода обдаровує і пригощає дружків, які в цей час сидять на подушках); 2) ***підгулювати молоду*** (у понеділок молодим двічі підносять булку з медом, і лише на третій раз віддають); 3) ***палю забивати*** (обряд післяшлюбної ночі – «забивання кілка» в землю; супроводжується питтям горілки; кілок виступає в ролі медіатора, який з'єднує підземний світ зі світом людей); 4) ***виправляти дочку*** (після заміжжя виділяти придане доньці); 5) ***вінувати жінку; з віном дівці не сидіти; висватати віно*** (через тиждень після весілля батько віддавав придане); 6) ***відрізана скиба (скибка, шматок) від хліба*** (давня традиція виділення приданого доньці – скриню і худобу, земельний наділ – материзну); 7) ***безпосажна дівка*** (дівчина, якій батьки не в змозі дати придане); 8) ***зводити молодих*** (після першої шлюбної ночі сваха і дружки йдуть у комору, одягають молоду і засвідчують її цнотливість); ***покривати (скривати) молоду*** (після весілля в понеділок священик у церкві покриває голову молодої хусткою); 9) ***пропивати батька*** (у вівторок після весілля гості разом зі свекром випивали в шинку); 10) ***відбути (відгуляти) весілля*** (завершити всі весільні обрядодії); 11) ***розхідний борщ*** (через місяць після весілля запрошували родичів на гостину – запити ґаздівсто [Павлюк 2006: 226]); 12) ***дати куницю*** (хутро куниці було частиною посагу молодої).

III. Мікроетноконцепти поховальних обрядів і традицій у ФО української мови. Християнські звичаї тісно пов'язані з давніми похоронними ритуалами. Люди здебільшого спокійно ставилися до факту смерті, усвідомлювали її як необхідність. Дослідники слов'янської духовної культури неодноразово звертали увагу на відносну обмеженість такого фрагменту традиційної картини світу, як уявлення про смерть. При цьому С. Толста пояснює незначну кількість ФО, пов'язаних з поховальними обрядами і традиціями, «табуйованістю теми смерті, небезпекою прямого найменування самого явища смерті, покійника, потойбічного світу» [Толстая 1997: 229].

ФО з мікроетноконцептами, які відображають передсмертні уявлення, підготовку до похорону. Фразеологія української мови фіксує низку формул, які передають бажання людини жити чи побажання їй смерті, клятви, прокльони. Похоронні звичаї переплелися з обрядами, спрямованими на охорону живих. З одного боку, треба віддати належну шану покійному, з іншого – оберегти від покійника членів сім'ї, домашніх тварин і посіви. Усі ці дійства у ФО представлені такими мікроетноконцептами: 1) ***топтати ряст*** (звичай на весні ходити в поле топтати перші квіти рясту – значить жити, а, відповідно, не ходити – померти); 2) ***до гробової дошки не забуду***; ***щоб тебе в німі дошки положили*** (раніше покійника клали на дошку й на ній несли до гробу); 3) ***а щоб мене до вечора на лаву положили***; (раніше покійника клали на лаву); 4) ***а щоб тебе до вечора посеред хати побачили*** (звичай класти покійника посередині хати на лаві, згодом на столі); 5) ***щоб тебе очеретиною зміряли*** (давній звичай міряти покійника очеретиною для того, щоб зробити гріб потрібної довжини); 6) ***вивісити рушник на балку*** (у Закарпатті в хаті, де хтось помер, вішають у вікні рушник [Макарчук 1994: 248]; 7) ***щоб (бодай) ти зозулі не чув*** (за повір'ям вважається: коли кує зозуля, то відраховує роки життя); 8) ***згас як свічка*** (вірування людини в те, що її життя – як свічка: доки горить, доти людина живе).

ФО з мікроетноконцептами, які відображають похорон людини. В Україні здавна похорони здійснювалися за певними традиціями, яких неухильно й точно необхідно було дотримуватися. Народ вірив, що найменше відхилення від установлених обрядів небезпечне для членів родини покійника. Деякі традиції та обряди закріпилися у ФО з такими мікроетноконцептами: 1) ***щоб (бодай) тебе волами возили*** (давній звичай везти домовину з покійником на цвинтар волами); 2) ***на санях сидіти*** (за традицією везли домовину з покійником на цвинтар у будь-яку пору року на санях); 3) ***щоб/бодай подзвонилося***; ***дзвонять по душі*** (під час відспівування покійника за традицією дзвонять у дзвони); 4) ***в гіркий кулак заплакати*** (за давнім похоронним обрядом покійникові в могилу давали, крім інших дарів, також маленькі посудини (слізниці) повні сліз, які збиралися під час оплакування померлого; 5) ***щоб тебе на марах винесло*** (на нарах виносили покійника з хати; іноді й везли на цвинтар); 6) ***щоб тебе піп не ховав*** (за звичаєм людину, яка наклала на себе руки, не відспівують у церкві); 7) ***щоб тебе поховали на ростаннях*** (за звичаєм самогубців ховають не на цвинтарі, а в якихось безлюдних, глухих місцях); 8) ***маком сісти*** (за традицією свіжу могилу посипають маком як захист від злих сил).

ФО з мікроетноконцептами, які відображають поминальні обрядодії, післяпохоронні вірування. Для слов'ян із давніх-давен місцем поховання вважається свята матінка-земля, з якої, за християнськими уявленнями, людина і вийшла. Саме тому земля може прийняти чи не прийняти покійника у своє лоно. Зазвичай після поховання влаштовували ритуальний обід. У фразеосистемі української мови на позначення цих дійств та уявлень фіксуються ФО з такими мікроетноконцептами: 1) ***щоб ти в сирицю вбився***; ***із сирою землею повінчатися***; ***щоб (бодай) тебе сира (свята) земля не прийняла (не носила)*** (великих грішників земля пожирає сама або викидає з могили); ***най му буде земля пером*** (народне вірування, що земля так давить на покійника, аж материне молоко носом виходить); 2) ***скоро вже коржики будуть*** (під церквою або в хаті після похорону роз-

дають коржики для поминання душі померлого); 3) ***холодний (жалібний) обід*** (на поминках, які є невеселим і жалісним ритуалом, подаються холодні пісні страви); 4) ***з чоловіка верба виросте*** (верба вважається не примхливим деревом, яке часто росте на могилах і не потребує висаджування); 5) ***носити жалобу*** (після похорону протягом року родичі покійного носять одяг неяскравого кольору); 6) ***той день держати*** (віруюча людина день смерті родича повинна пам'ятати, справляти поминки); 7) ***вибрати ся до Закопаного*** (померлого закопують у землю, тому він нібито відправляється в якесь потойбічне місто).

Отже, ФО є віддзеркаленням колективних знань етносу про навколишній світ, життєві ситуації, обряди, традиції, вірування, про ті поняття й образи, що закріпилися у свідомості та пам'яті людини як відповідні культурні коди. Найширше представлені у фразеосистемі української мови ФО весільних традицій, найвужче – обрядів народження дитини. В українських родинних традиціях можна виділити такі продуктивні мікроетноконцепти ФО – константи культури, як *хліб, рушник, гарбуз, коса, коровай, земля, голова, руки* тощо. Вони відображають ті предмети, які є найбільш актуальними в здійсненні певних традицій чи обрядодій.

ЛІТЕРАТУРА

Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М., 1865. – Т. 1.

Виноградова Л.Н. Народная фразеология, объясняющая, откуда берутся дети // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С.235–239.

Етимологічний словник української мови: у 7 т. / АН УРСР, Ін-т мовознавства ім. О.О. Потебні; редкол. О.С. Мельничук (гол. ред.) та ін. – К.: Наук. думка, 1989.

Етнографія України: навчальний посібник / за ред. С.А. Макарчука/. – Львів: Світ, 1994.

Толстая С.М. Славянские народные представления о смерти в зеркале фразеологии // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999. – С.229–234.

Толста С. Из полесской обрядовой лексики: *нашлось дитя* // Український діалектологічний збірник. – К.: Вид-во «Довіра», 1997. – Кн. 3. – С.287–292.

Українське народознавство: навч. посіб. / за ред. С.П. Павлюка; передмова М.Г. Жулинського. – 3-тє вид., випр. – К.: Знання, 2006.

SPIRITUAL CULTURE OF EAST SLAVIC PEOPLES THROUGH PHRASEOLOGY (ETYMOLOGICAL ASPECT)

L.V. Savchenko

The article gives ethno-linguistic analysis of Ukrainian conceptual phraseological system denoting family ceremonies and traditions. The author defines micro ethno-concepts that serve as a basis for the formation of the units under study, and reveals cultural constants of the micro ethno-concepts.

© 2009

Л.Н. Чурилина

СОВРЕМЕННЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Современный этап развития исследований, проводимых в рамках лингвистики текста, с полным правом можно обозначить как «дискурсивный бум». И причиной тому является не только распространившаяся мода на термин *дискурс*, сопровождающийся весьма разнообразными, иногда чрезвычайно далеко отстоящими друг от друга, толкованиями. Последнее обстоятельство вполне объясняется как относительной новизной термина, так и его изначальной смысловой неоднозначностью; достаточно вспомнить трактовки, предлагаемые пионерами в этой области: внимание к многокомпонентной структуре высказывания (З. Харрис) и акцент на экспликации в речи позиции говорящего (Э. Бенвенист). Причина повышенного интереса к дискурсу – в осознании необходимости рассмотрения речевого продукта (= текста) в рамках некоторой ситуации (более или менее широкого контекста). Ситуативная рамка может быть различной природы – коммуникативная, социальная, культурная и даже гендерная (ср. в этой связи ставшее афоризмом определение дискурса Н.Д. Арутюновой: «речь, погруженная в жизнь»); отсюда и многообразие предлагаемых подходов к анализу дискурса.

Отмечаемая пестрота дискурсивных исследований не исключает наличия «парадигмального» (в смысле концепции Т. Куна) начала.

Отправной точкой современного дискурсивного анализа является убеждение, что реальность невозможно рассматривать **вне** дискурса [Филлипс, Йоргенсен 2004: 42]. Это положение основано на общепринятом сегодня мнении, что мы воспринимаем реальность сквозь призму языка: язык не просто «отражает» окружающий нас мир, но задает параметры его структурирования в нашем сознании. Дискурс, или Язык–Текст, как одна из трех ипостасей естественного языка, есть способ структурирования реальности, способ формирования мировоззрения, в более привычной системе терминов – картины мира («наши знания – продукт дискурса» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 20]). Так, в работах П. Серио понятие *дискурс* трактуется как особое использование языка, служащее объективации особой ментальности, особой идеологии. Объект исследования при таком подходе составляет совокупность текстов, «сложный и относительно устойчивый способ структурирования которых обладает *значимостью* для определенного коллектива, т.е. анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими <...> тексты, которые предполагают *позицию* в дискурсном поле» ([Серио 2001: 551]; курсив автора. – *Л.Ч.*).

К постулатам современных дискурсивных исследований следует причислить отношение к языку как средству формирования системы значений: существует не язык как одна целостная система значений, но ряд подвижных, взаимодополняющих систем – дискурсов.

Два обозначенных постулата находятся в отношениях импликации. Если дискурс – способ объективации особой ментальности, то следует предположить проявление специфических черт на уровне языка; в этом случае цель дискурсивного анализа заключается в исследовании некоторого типа ментальности, объективируемого языком. Речь идет о выявлении своеобразия словаря, специфических морфологических черт, типичных синтаксических конструкций и способов связи предложений/высказываний.

В обозначившейся исследовательской перспективе обнаружила актуальность проблема отсутствия баз данных, по возможности полно отражающих функционирование различного уровня языковых единиц в определенных типах дискурса. Именно эти базы данных могут стать основой для создания *дискурсивно ориентированных* лингвистических словарей, т.е. словарей, отражающих особенности языка, проявляющиеся в текстах как фрагментах дискурса. Первыми представителями «семейства» (пока весьма малочисленного) дискурсивно ориентированных словарей являются «Словарь русских политических метафор» А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова [Баранов, Караулов 1994] и «Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович [Павлович 1999].

Составление базы данных как этап, предшествующий созданию словарей, связано с решением ряда теоретических проблем. О некоторых из них пойдет речь далее.

Требует разрешения вопрос о **типологии современных дискурсов**: наряду с политическим и научным дискурсами выделяются дискурс феминистский, нео-либеральный, дискурс защитника окружающей среды и дискурс потребителя, медицинский дискурс и дискурс средств массовой информации, дискурсы религиозный и педагогический, дискурс агрессии, бытовой и бытийный дискурсы ([Филлипс, Йоргенсен 2004], [Карасик 2004] и др.). Представить исчерпывающий перечень вряд ли возможно, принимая во внимание уже отмечаемое нами многообразие предлагаемых в исследовательской практике способов смыслового наполнения термина *дискурс*. Немаловажным в этой ситуации является и вполне объективное обстоятельство – отсутствие сколько-нибудь жестких границ между дискурсами. Даже дискурсы, находящиеся, по убеждению исследователя (см.: [Бобырева 2007]), в отношениях антагонистических (*научный* и *религиозный*), могут обнаруживать черты взаимного пересечения в пределах одного текста; ср. в этой связи лексическое наполнение текстового фрагмента, безусловно относящегося к религиозному дискурсу: *Курение табака вредно влияет на весь организм человека, на все его органы: на нервную систему, сердце и сосуды, органы дыхания и пищеварения. Табачный дым раздражает слизистую оболочку носоглотки, дыхательных путей, бронх и легких и приводит к заболеванию хроническим бронхитом, хроническим кашлем, появляется хриплость и грубеет голос <...> Кто курит, тот вредит и* ***телу****, и* ***душе*** *по тесной их связи между собой. Курение не только* ***вредная*** *для тела привычка, но и привычка* ***греховная*** [Шиманский 2007: 178–179].

К лексическим маркерам религиозного дискурса должна быть отнесена оппозиция «*тело – душа*» и ее текстовый аналог «*вредная – греховная*» (*вредная* – для тела, *греховная* – для души). Обе антонимические пары не связаны в обыденном представлении с языком науки (в данном случае мы имеем дело с ти-

пичным образцом медицинского дискурса). Однако в целом текст не производит впечатления построенного на оксюмороне.

Приведенный пример не уникален; соединение элементов *политического* и *религиозного* дискурсов – признак следующего текстового фрагмента: *Впрочем, сейчас, похоже и меча не надо. После развала Союза те силы, что пытались сокрушить Россию военной мощью, получили возможность делать это свободно и открыто, на «законном» основании. Ведь что страшно – стремятся изменить умы и нравы русских людей. Здесь прямое богоборчество, ибо повсюду насаждается культ «**золотого тельца**». А **Священное Писание** учит: **сребролюбие** – начало всех бед* [Митр. Иоанн 2004: 161].

Создание адекватной базы данных хотя бы по одному из современных дискурсов позволит определить характер складывающихся между ними отношений. Однако велика степень вероятности, что отношения эти гораздо более сложные, чем принято думать. Дискурс – явление не только социальное, но и ментальное; предполагать же наличие отношений несовместимости между различными картинами мира как фрагментами сознания субъекта (даже коллективного) едва ли целесообразно: «... научная и наивная картины мира не являются взаимоисключающими: наука, миф и религия, язык, искусства – разные дополняющие друг друга способы «символизации» действительности, взаимоотношение и соотношение которых могут меняться в зависимости от культурно-исторических ситуаций» [Касевич 2004: 80].

В типологии, предложенной В.И. Карасиком, религиозный дискурс отнесен к так называемому *институциональному* типу, т.е. рассматривается исключительно с социолингвистических позиций: «Цели институционального общения в целом сводятся к поддержанию общественных институтов, или в более широком плане – к обеспечению стабильности социальной структуры» [Карасик 2004: 355–356]. Едва ли можно признать справедливость налагаемого на религиозный дискурс «социального» ограничения, тем более учитывая характеристики выделенного автором классификации *личностно ориентированного дискурса*, который представлен двумя разновидностями – бытовой и бытийный [Карасик 2004: 289]. Дискурс *бытийный* характеризуется стремлением «раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер <...> бытийное общение носит преимущественно монологический характер и представлено произведениями художественной литературы и философскими и психологическими интроспективными текстами» [Карасик 2004: 290]. Если *бытийный* дискурс – дискурс бытия – носит подчеркнуто мировоззренческий характер, насколько правомерно исключать из него тексты, объективирующие религиозную картину мира? Религиозная картина мира не есть «продукт» социального института, но результат специфического, вненаучного, упорядочения опыта, приобретенного в результате осмысления действительности: «Вненаучность определяется тем, что в основе соответствующих построений – вера, интуитивное прозрение, откровение и/или традиция, а не принципиальная фальсифицируемость и независимая воспроизводимость; в основе также эмоционально-эстетическая, а не формально-логическая связность» [Касевич 2004: 267]. Носитель религиозного мировоззрения – наш современник – не исключается из сложной системы социаль-

ного взаимодействия, а потому религиозный дискурс не ограничен общением в стенах храмов (мечетей, синагог). Носитель религиозного мировоззрения не является неким «пережитком» прошлых эпох: «... каждый конкретный человек не предстает гомогенным с этой точки зрения (тип мировосприятия и тип мышления – *Л.Ч.*), а демонстрирует те или иные пропорции в использовании разных типов мышления, в опоре на разные способы мировосприятия» [Касевич 2004: 123]. Сказанное позволяет предположить, что доминирующим классификационным признаком при определении типа дискурса должен быть признак «ментальный».

Составление базы данных для дискурсивно ориентированного словаря предполагает также внимание к разнообразию подтипов избранного дискурса; так, в рамках *научного* дискурса выделяются физический, биологический, медицинский и др. подтипы; система *политического* дискурса определяется сложившимся на данном историческом этапе соотношением политических сил и т.д.; есть объективные основания и для выделения подтипов *религиозного* дискурса – разнообразие существующих на территории современной России религиозных исповеданий. В процессе отбора текстов для базы данных исследователь вправе ориентироваться как на дискурс в целом, так и на его подтип.

Что касается **критериев, регулирующих отбор текстового материала**, они должны формулироваться на основе учета специфических признаков дискурса. Остановимся подробнее на признаках современного русскоязычного православного дискурса (далее – православного дискурса) как разновидности дискурса религиозного.

Тексты, составляющие современный религиозный дискурс, по природе своей являются ***вторичными*** (термин Ю.В. Рождественского), т.е. построенными на основе «переработки» (интерпретации, переосмысления, прямого и непрямого цитирования) текстов канонизированных священных книг (*первичные* тексты). Православный дискурс имеет основой тексты Священного писания, в случае с русскоязычным его вариантом – тексты на церковнославянском языке (мы не будем сейчас останавливаться на сложном вопросе об истории отношений церковнославянского и русского языков; речь идет о том, что современное богослужение в российских православных храмах идет на церковнославянском языке, сохраняется и традиция печатания без перевода на русский язык текстов Священного писания и Молитвослова).

Если иметь в виду, что конечная цель создания базы данных видится нам в реконструкции дискурсивного портрета современника – православного христианина, проживающего на территории современной России, то необходимо признать, что прямое включение *первичных* текстов не вполне корректно.

Конечно, сознание нашего современника, даже лингвистически весьма «искушенного», не воспринимает православный дискурс как «чуждоязыкий»; ср.: «Если человек, совершенно не знакомый со спецификой религиозного общения, впервые столкнется с языком религии, то у него наверняка создастся впечатление, что, несмотря на то, что весь религиозный дискурс реализован средствами **родного для него языка**, при восприятии практически любого жанрового его фрагмента, как это ни парадоксально, до конца понять сказанное или услышанное не возможно» ([Бобырева 2007: 17] – выделено нами. – *Л.Ч.*). Однако

замечание О.А. Седаковой о том, что «к настоящему времени грамматика, фонетика, отчасти синтаксис литературного русского и церковнославянского языков представляют собой самостоятельные и далеко расходящиеся системы», абсолютно справедливо. Едва ли можно оценивать как достаточное знание десятка паремий и фразеологизмов, корнями уходящих в Священное Писание. Незнание церковнославянского языка, характеризующее выпускников советской и современной российской школы, ведет к ошибкам в понимании текстов молитв и текстов, используемых в ходе богослужений (подробнее об этом см. в [Седакова 2005]). Ситуация вполне предсказуемая, а не «парадоксальная». Проблема эта решается сегодня благодаря многочисленным изданиям учебного и справочного характера.

Образцы интересующего нас **современного** православного дискурса – *вторичные* тексты, или тексты на современном русском литературном языке: опубликованные тексты проповедей, образцы художественного творчества, учительная литература, периодические православные издания, материалы православных сайтов в сети Интернет и под. (В этой связи считаем необходимым сказать, что взгляд на современный православный дискурс как на «профессиональный жаргон» нами не разделяется; ср.: «Своеобразный случай нового смешанного, гибридного языка – так называемый «духовный язык», сложившийся в XIX веке. Это своего рода профессиональный жаргон русского языка с жестким этикетом употреблений, в котором грамматическая система целиком русская, но словарь по преимуществу славянский. На «духовном языке» писались проповеди и вообще сочинения на душеполезные темы» [Седакова 2005: 9]).

В заключение – несколько слов о структуре Словаря современного православного дискурса.

1. Церковнославянизмы, толкованию которых посвящен словарь О.А. Седаковой [Седакова 2005], составляют лишь часть современного православного дискурса. Объектом лексикографирования должны стать редкие лексемы, встречающиеся в текстах, но не зафиксированные в современных словарях. Приведем несколько примеров (источником иллюстраций является база данных автора статьи):

С нравственно-христианской точки зрения всякий ***табакокур****, как и пьяница, самовольно и произвольно сокращая свою жизнь, является повинным в страшном грехе самоубийства* [Шиманский];

А без болезни сердечной, без сердечного сокрушения, без ***трезвения****, плача и страха Божия нельзя обуздать угождения чреву* [Шиманский];

Человеческая природа весьма ***удобопреклонна*** *ко греху* [Шиманский];

Братство, увидев его, ***восплакалось*** [Шиманский];

Весьма нужно быть ***бодренным****, внимательным к себе по пробуждении от сна* [Шиманский];

З*а гордость же, самомнение и нерадение, если кто* ***возмечтает*** *о себе высоко, тщеславясь своей праведностью, станет уничижать,* ***зазирать****, осуждать других людей...* [Шиманский];

Бог, как благий и человеколюбивый, ожидает от грешника покаяния и ***долготерпит*** *ему, но когда уже видит, что он в* ***нераскаянии*** *живет, как и жил, тогда праведным Своим судом* ***посекает*** *его и в вечный огонь* ***вметает*** [Шиманский];

Соборность есть тот исторически сформировавшийся механизм, который неоднократно на протяжении истории помогал России преодолевать тяжелейшие внутренние ***нестроения*** [Митр. Иоанн].

2. Задачей дискурсивно ориентированного словаря является отражение не конвенциональных, но специфических смыслов, соотносимых с той или иной лексемой. Содержательную основу любого дискурса составляет набор *узловых точек* – «привилегированных» лексических единиц, вокруг которых «упорядочиваются и приобретают свое значение другие знаки» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 50]. *Узловые точки* дискурса – имена базовых концептов. Дискурсивно ориентированный словарь дает возможность комплексного описания системы концептов как уникальной системы знаний о мире (подробнее об этом см. [Чурилина 2008], [Чурилина 2009]).

3. Особым объектом лексикографирования является православная метафорика. Богатство образной системы, метафоричность – один из важнейших признаков религиозного дискурса. Уникальность используемых в православных текстах метафорических моделей в определенной степени «задана» *первичными* текстами. Однако любой дискурс – явление динамичное, социально и исторически обусловленное, а потому естественно предположить появление новых метафорических моделей и трансформацию традиционных. Ср., напр., ниже.

Модель «*Душа – дом Господа*», основанная на евангельском: *Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17: 21):

И если мы хотим, чтобы действительно в тайнике, в глубине нашего сердца совершилось это чудо, чтобы туда вошел Господь и мы почувствовали Его силу, Его любовь, Его прощение, Его невыразимую благодать, мы должны постараться очистить дом своей души [Мень];

Если в Царстве Божием царит наш возлюбленный Господь, то в царстве нашей души царит наше «я», толстое и гордое, которое занимает всё место, и негде там приютиться. И Господу нет там места, потому что душа наша маленькая и наша самость, наша гордость не только все заняли, но, как тесто, продолжают распухать и заполнять все [Мень].

Модель «*Православная вера – свет мира*», основанная на метафоре, открывающей Евангелие от Иоанна: *В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит и тьма не объяла его* и далее – *Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1: 4–5; 9):

Мы призваны быть пламенем – и мы не горим, а часто дым исходит от нас, словно мы только сырые дрова, которые только-только занялись, но не загорелись. А мы должны быть в мире словно неопалимая купина, тот куст, который перед глазами Моисея горел и не сгорал, горел огнем Божиим и не сгорал, потому что Божий огонь не питается тем, что горит им, и не разрушает того, чему он приобщается, а делает нас причастниками этого горения и огня [Сурожский].

Сверхзадачей этого раздела словаря является исследование закономерностей метафорического моделирования действительности, определяющих уникальность православной картины мира.

Таким образом, разрабатываемая модель Словаря современного православного дискурса включает в себя три раздела: 1) толковый словарь редких лексем, 2) словарь православных концептов и 3) словарь православных метафор. До-

полняющие друг друга, материалы Словаря призваны, с одной стороны, отразить своеобразие лексико-семантической системы православного дискурса, с другой стороны, они должны стать основой для реконструкции значимой в современном дискурсном пространстве России модели мира.

ЛИТЕРАТУРА

Антоний Митрополит Сурожский. Любовь всепобеждающая. Проповеди, произнесенные в России. – М.; Клин: Изд-во Крутицкого подворья, 2004.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М.: Помовский и партнеры, 1994.

Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): моногр. – Волгоград: Перемена, 2007.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004.

Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004.

Мень А. Прости нас, грешных. Слово перед исповедью. – М.: Фонд им. Александра Меня, 2006.

Митрополит Иоанн (Снычев). Русский узел. Статьи, беседы. Обращения. – СПб.: Царское дело, 2004.

Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005.

Серио П. Анализ дискурса во французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: антология / сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2001. – С. 549–562.

Скляревская Г.Н. Словарь православной культуры: более 2000 слов и словосочетаний. – 2-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: в 2 т. – М.: Эдиториал, 1999.

Филипс Л.Дж., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2004.

Чурилина Л.Н. Концепт *Грех* как фрагмент современного религиозного дискурса // От языковой картины мира средневекового славянина к современной русской языковой картине мира: коллективная моногр. / под ред. С.Г. Шулежковой: в 2 ч. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2008. – Ч.2. – С.93–102.

Чурилина Л.Н. Концепт ПОКАЯНИЕ как фрагмент современного православного дискурса // Языковая картина мира. Лексика. Текст: сб. науч. статей, посвященных юбилею проф. Н.Е. Сулименко / ред. кол. Л.А. Пиотровская, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. – С.17–21.

MODERN PRAVOSLAVNY DISCOURSE (LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION ISSUES)

L.N. Churilina

The article is concerned with identifying key areas in discourse analysis. It considers specific features of modern religious discourse in general and of Russian pravoslavny discourse in particular. It also presents the conception of a discourse-oriented dictionary, “The Dictionary of Modern Pravoslavny Discourse”.

© 2009

Г.В. Бобровская

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ И ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНОЙ СПЕЦИФИКИ КОННОТАЦИИ

Коннотативные компоненты семантики имеют особую значимость в лексикографическом и фразеографическом отображении национально-ценностной картины мира, поскольку в коннотации отражается «связь между ценностной картиной мира как частью концептуального мира социума и собственно языковыми характеристиками» [Вольф 1988: 56].

Принимая во внимание существующие расхождения в понимании природы коннотации и ее типологии (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, В.В. Виноградов, И.А. Стернин, В.Н. Телия, В.К. Харченко, В.И. Шаховский и др.), отметим два основных подхода к определению сущности рассматриваемого феномена. Согласно экстралингвистической позиции, коннотацию составляют несущественные (не категориальные), но устойчивые и притом выделенные в сознании культурно-языкового коллектива признаки реалии (предмета, события, факта), «которые выполняют принятую <...> оценку соответствующего предмета или факта» [Апресян 1995: 159-160]. Лингвистический подход основывается на том, что появление коннотативных признаков «обусловливается сложными механизмами взаимодействия трех речемыслительных координат: а) референта как поименованного в процессе познания предмета действительности, б) его отражательным образом в сознании человека и в) средствами вербализации» [Алефиренко 2008: 126].

Базируясь на том, что коннотация является коммуникативно-прагматически ориентированным макрокомпонентом семантической структуры языковых единиц (и придерживаясь широкого понимания коннотативного аспекта значения), считаем возможным выделить следующие элементы коннотации: 1) эмотивность, указывающую на эмоциональное отношение говорящего к обозначаемому; 2) оценочность, выражающую отношение говорящего к тем или иным фактам; 3) образность, отражающую представления о денотативных ситуациях; 4) экспрессивность, указывающую на интенсивное проявление какого-либо признака, действия, а также передающую эмотивно-оценочное отношение к ним; 5) стилистическую маркированность.

В практике лексикографии и фразеографии данные компоненты получают системное представление: именно в них отражаются «субъективные аспекты вербализованного восприятия человеком окружающего мира» [Вострякова 1998: 20], что становится очевидным при лексикографическом и фразеографическом описании в комплексе языковых, коммуникативно-прагматических, когнитивных, социокультурных факторов.

Рассмотрение национально-ценностной картины мира сквозь словарную призму является одной из составляющих анализа объекта нашего исследования – коннотативных аспектов семантики лексических и фразеологических единиц, функционирующих в современном российском массово-информаци-

онном дискурсе. Предметом нашего изучения являются некоторые способы словарного представления лексико-фразеологического кодирования ценностно-смысловой информации. В этой связи лексикографический и фразеографический анализ входит в лингвистический инструментарий описания механизмов когнитивно-дискурсивного моделирования действительности, помогая интерпретировать коммуникативный смысл и обосновать прагматическую насыщенность газетных текстов, репрезентирующих массово-информационный дискурс.

В числе вербальных средств, обладающих выраженным аксиологическим потенциалом, можно отметить, в частности, метафорические и метонимические наименования, фразеологические единицы, образные перифрастические номинации.

Рассмотрим некоторые примеры. На «символике хлеба как основе существования» [РФС 1999: 331] основано множество выражений, например, *хлеб <наш> насущный* (книжн. или публ. высок.) ‘средство, необходимое для существования; самое важное, жизненно необходимое’ [ФС 2007: 407]. Метафорическое значение *размазывать по куску хлеба* ‘жить сытно, богато’ коррелирует с ценностно-значимыми для русского языкового сознания смыслами, связанными со словом *хлеб: Но поток нефтедолларов столь велик, что его можно* ***размазывать по куску*** *народного* ***хлеба*** *еще несколько лет* (АиФ, 2008, № 30). В приведенном контексте символика хлеба получает развернутое сравнение: образно-оценочные коннотации возникают в результате уподобления доходов, зависящих от цен на нефть, процессу размазывания масла по хлебу.

Метонимический перенос *бряцание оружием* ‘военная угроза’ [СРФ 1998: 423] сопровождается социально-политически обусловленной аксиологической нагрузкой, неодобрением действий тех, кто демонстрирует военную силу: *Наш самый святой праздник – День Победы – в этом году «прогремел» особо. На Западе его заметили и даже пытались упрекнуть Россию в «****бряцании оружием****»* (АиФ, 2008, № 30).

Метонимическая номинация *труба* ‘ресурсы’ продуцирует социально-экономически обусловленные аксиологические смыслы, соотносимые с коннотативной семантикой перифразы *черное золото* ‘нефть’: *Прогулки по «****трубе****». Особенности борьбы с похитителями «****черного золота****»* (МК, 2008, № 32). Ср. также *черное золото* – ‘уголь’ [СПРЯ 1999: 74]. Образная номинация объекта (природного богатства страны) по модели *какое (черное, белое и т.п.) золото* служит выражению безусловной значимости референта в сознании членов русской лингвокультуры.

Роль идиоматики в репрезентации универсальных и культурно-специфических аксиологических смыслов следует отметить особо: ее единицы являются «максимальным ассоциативно-образным обобщением культурно значимых элементов этноязыкового сознания», что позволяет рассматривать ценности как «своего рода узловые точки экспрессивно-образного переживания, ограненные воображением и знаками косвенно-производной номинации – идиомами» [Алефиренко 2008: 156–157].

Так, в этноязыковом сознании рассудительность имеет гораздо большую ценность, нежели опрометчивость, что зафиксировано в образно-ассоциативной семантике фраземы *бросаться в омут с головой* (прост. экспресс.)

‘безрассудно решиться на какой-то смелый, отчаянный поступок’ [ФСРЯ 1997: 54]. Ср.: *Конечно,* ***в омут*** *любого интеграционного проекта типа предполагаемого союза с Казахстаном имеет смысл* ***бросаться****, лишь тщательно просчитав его последствия* (МК, 2008, № 28).

Аксиологический потенциал лексики и фраземики обусловлен их ролью в выражении стереотипных представлений – культурных кодов, извлеченных из определенной области знания. Когнитивную базу исследуемых средств речевого выражения образует ценностно-смысловое отображение обобщенного типизированного опыта, служащее раскрытию культурных кодов.

В частности, акциональный код (код действия) раскрывается во фраземе *поливать потом (землю)* (разг. экспресс.) ‘много и тяжело трудиться (на земле)’ [ФСРЯ 1997: 118]; также ср.: *утирать пот, работать до седьмого пота, в поте лица <своего> (трудиться, работать)* [СРФ 1998: 466]. Стереотипизированное представление, положенное в основу знаков косвенно-производной номинации, является «отправной точкой» в данном случае для появления амбивалентных эмотивно-оценочных смыслов, поскольку тяжкий труд, являясь по сути благим делом, может оказаться неблагодарным занятием: *Им (дачным арендаторам) надо вымаливать у местных органов землю,* ***политую потом****, а те будут решать – отдать даром или выкуп слупить по полпенсии за квадрат* (АиФ, 2007, № 25).

Лексикография и фразеография фиксируют онтологическую неоднородность лексики и фраземики, репрезентирующей аксиологические смыслы. Культурологически маркированные единицы восходят к дискурсам различных типов, иначе говоря, «в основе знаний и культурных стереотипов русского человека начала XXI в. лежат различные типы дискурсов. Помимо литературного и идеологического дискурсов с выделяемыми в них разновидностями, не менее релевантными в современном мире являются художественный, песенный, кинематографический, мультимедийный, а также наиболее древний из них – зооморфный» [Юдина 2007: 23]. Классификация знаков культуры в языке при этом учитывает особенности интердискурса, «давшего жизнь» той или иной образной номинации; хронологию дискурсивно обусловленного закрепления единиц в языковом сознании; соотношение универсального и культурно-специфического в образном континууме русской речи.

Приведем следующие примеры: идиома *(не) семеро по лавкам* у кого (прост. экспресс.) ‘(не) очень много маленьких детей у кого-либо’ [ФСРЛЯ 1997: 229] восходит к сфере русской народной культуры, быта: отражая устойчивую в прошлом традицию, выражение репрезентирует патриархальные семейные ценности. Ср. о ситуации, когда женщина родила семерых детей за раз: *И только муж матери-героини в шоке. Это сколько ж ему теперь придется зарабатывать! В дому-то* ***семеро по лавкам*** *плачут...* (КП, 2008, № 123).

Связанное со сферой советской истории устойчивое выражение *(государственный) знак качества* [ТСРЯ 1998: 179–254] ‘символ, установленный для обозначения промышленной продукции, аттестованной по высшей категории качества’, может подвергаться ассоциативно-образному переосмыслению. Ср. в рекламе лекарственного препарата: *Синупрет: Дыхание* ***со знаком качества****!* (КП, 2007, № 23).

Таким образом, система национально-культурных ценностей и стереотипов находит отражение в коннотативных компонентах семантики лексических и фразеологических единиц. Лексикография и фразеография ориентированы не только на емкое и точное выражение облигаторной оценочности, но и на отображение имплицитного аксиологического потенциала – негативного или позитивного, раскрывающегося в конкретных дискурсивных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: моногр. – М.: Элпис, 2008.

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Элпис, 2008.

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избр. тр.: в 2 т. – М.: Школа «Языки русской культуры», – 1995. Т.2, – С.156–177.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Вольф Е.М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1988. – С.52–65.

Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.

Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М.: Рус. яз., 1999.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Фелицына В.П., Мокиенко В.М. Русский фразеологический словарь. – М.: Эксмо-Пресс, 1999.

Юдина Н.В. К вопросу о типах дискурсов, влияющих на формирование знаний и культурных стереотипов современного русского человека // Славянские языки и культура: матер. Междунар. науч. конф. – Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 20–23.

LEXICOGRAPHIC AND PHRASEOGRAPHIC PRESENTATION OF ETHNIC VALUE CONNOTATIONS

G.V. Bobrovskaya

The article deals with dictionary presentation of axiological potential of words and fixed phrases considered in the context of cognitive discourse modeling of real world. The analysis of ethnic culture values and stereotypes is performed on metaphorical and metonymical names, idioms, and figurative periphrasis.

© 2009

Е.В. Радченко

НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА
(этюды к идеографическому словарю)

Фразеологизмы вместе с лексемами участвуют в создании картины мира человека, в отражении в его сознании определенных сторон окружающей действительности. Очевидно, что только обобщая результаты тщательного семантического анализа языковых единиц и граммем, относящихся к выбранному семантическому полю, исследователь может делать правдоподобные выводы о том, как членится языком выбранный кусочек действительности, «какие атрибуты вещей и ситуаций трактуются языком как существенные, какие им игнорируются» [Урысон 2003: 12]. По мнению абсолютного большинства ученых, совокупность концептов как семантических единиц, отражающих культурную специфику мировосприятия носителей языка, образует концептуальную область (концептосферу). Языковая картина мира является составной частью концептуальной картины мира и содержит, помимо знаний о языке, информацию, дополняющую содержание концептуальной картины мира с помощью языковых средств. Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, повторяющихся в значении многозначных слов и выражений [Зализняк 2006: 207].

Анализ нашего материала показал, что главной особенностью фразеологизмов является то, что анализируемые единицы на 100% атропоцентричны и употребляются в живой звучащей речи народа. С этой особенностью исследуемых единиц связана их направленность на человека. Фразеологизмы обозначают какие-либо духовные качества человека, его действия, состояния, мироощущение, отношение к другим людям, обществу, природе или заключают в себе точку зрения говорящего, его отношение к высказыванию. Идеографическое описание фразеологизмов поможет открыть огромный потенциал этих единиц, аккумулирующих богатейший опыт истории, трудовых навыков, любви к Родине и другие нравственные качества русского народа и должно быть построено на концепции системной организации фразеологического материала: структурной, семантической и функциональной характеристике единиц. В его основе, на наш взгляд, должно лежать два принципа: принцип иерархии и принцип пересекаемости семантических классов фразеологизмов.

Принцип иерархии будет осуществляться в структурной организации семантических парадигм. Вершину иерархии предметных фразеологизмов составят три семантические субкатегории – единицы со значением «Лица», «Предмета неживой природы, места, времени», «Отвлеченности». Внутри каждой семантической категории будет выделяться множество семантических групп и подгрупп.

Принцип пересекаемости семантических классов должен учитываться при описании фразеологизмов сложной полипропозитивной семантики. Признавая

за подобными единицами возможность включения в состав различных парадигматических группировок, необходимо отказаться от их однозначной и жестко регламентированной классификации.

Другой особенностью фразеологических единиц является лакунарность. Л.Г. Золотых отмечает, что «многие концепты-константы оказываются практически невербализованными в русской идиоматике или редко вербализуемыми» [Золотых 2006: 301]. В отличие от лексем, фразеологизмы называют лишь отдельные, актуальные для человека и его жизнедеятельности фрагменты мира. Так, фразеологизмы субкатегории «лица», как и имена существительные, образуют систему обозначений лиц. Но в отличие от лексем, эта система включает в себя ограниченное число признаков, по которым может быть названо лицо. Значение единиц анализируемой субкатегории отличается сложностью и широтой, так как в нем совмещаются номинативные и оценочные семы. В нашем материале практически не встречаются единицы, которые бы только называли лицо или группу лиц. Все фразеологизмы называют лицо, группу лиц и дают им обобщенную социально-интеллектуальную оценку.

Ключевым в анализируемой субкатегории является концепт «Человек». В структуре названного концепта наиболее активно фразеологическим материалом объективируются такие микроконцепты, как «Характеристика внутренних, духовных свойств человека» и «Характеристика социальных свойств человека». Как известно, фразеологические единицы являются специфическими знаками, в семантику которых заложено эмотивно-оценочное отношение говорящего к называемому объекту действительности. В микроконцепте «Характеристика внутренних, духовных свойств человека» выделяются концептуальные аспекты «Положительная характеристика человека» и «Отрицательная характеристика человека».

В сознании русского человека положительную оценку получили такие качества, как отзывчивость (*живая душа, ангел-спаситель)*, мастерство (*золотые руки, мастер на все руки)*, опытность (*стреляный воробей, тертый калач, последний из могикан, матерый волк).*

Во много раз превосходит в количественном отношении группа единиц, дающих отрицательную оценку внутренним качествам человека. С нашей точки зрения, количественное превосходство единиц, содержащих отрицательную оценку, связано с тем, что в сознании русского человека нравственность, высокие моральные качества лица воспринимаются как норма, а те качества, которые не соответствуют норме, находят резкое осуждение и отрицание. Таким образом, в русском сознании высокий уровень моральных качеств лица устанавливается через отрицание тех характеристик, которые не соответствуют общепринятым нормам и требованиям. Так, не принимаются, осуждаются русским человеком такие качества, как недоброжелательность (*злые языки)*; коварство (*подколодная змея, волк в овечьей шкуре, черные силы)*; глупость *(медный лоб, олух царя небесного)*; трусость (*пуганая ворона, заячья душа)*; хвастовство (*петух в павлиньих перьях, аника-воин)*; притворство (*сирота казанская)*; нерешительность (*буриданов осел)*; неприспособленность, слабость (*маменькин сынок, мокрая курица, кисейная барышня, божья коровка, божий одуванчик)*; бездуховность, бессодержательность (*мертвые души, мыльный пузырь, пустое место)*; скупость

(*скупой рыцарь)*; простодушие (*сибирский валенок)*; нелепость (*шут гороховый)*; предательство (*пятая колонна)*.

В микроконцепте «Характеристика социальных свойств человека» вербализованы следующие концептуальные аспекты: высокое положение человека в обществе (*птица высокого полета, важная птица, первое лицо, первый человек, власть имущие, власть предержащие, белая кость, голубая кровь, первая скрипка, мировая закулиса, отцы города, отцы народа, хозяева жизни);* низкое, зависимое положение в обществе (*бедный родственник, голь перекатная, мальчик на побегушках, золотая рота, живой товар, пушечное мясо, простой смертный)*; богатство (*денежный мешок, новый русский)*; успех, успешность (*звезда первой величины)*.

Из анализа семантики фразеологизмов первой семантической субкатегории видно, что значение предметных единиц отличается высокой степенью отвлеченности, обобщенности, сложности и широты. Единицы субкатегории «лица» не только называют лицо, но и содержат в своем значении положительную или отрицательную оценку его нравственных, социальных качеств.

Фразеологизмы с субкатегориальным значением «Предмет неживой природы, место, время» отличаются от имен существительных тем, что они не обозначают предметы по какому-либо частному, конкретному признаку. Самым представленным в нашем материале оказался концепт «Пространство». Фразеологизмы, репрезентирующие названный концепт, содержат в своем значении семы, характеризующие место действия или существования человека. Выделяются следующие характеристики пространства: большая территория (*этот свет, белый свет, одна шестая часть суши)*; удаленность (*медвежий угол, тридевятое царство, край света, спальный район)*; переполненность (*ноев ковчег)*; выгодность (*хлебное место, теплое место)*; запущенность, загрязненность (*авгиевы конюшни)*; привычность (*насиженные места)*; неизученность (*белое пятно)*.

Субкатегория «Отвлеченности» оказалась самой богатой и представленной в нашем материале. Все единицы анализируемой субкатегории обладают в высшей степени обобщенным значением и относятся к духовной, интеллектуальной, социальной сферам жизни человека. Ключевыми в субкатегории «Отвлеченности» стали концепты «Деятельность человека» и «Оценка».

Фразеологизмы, репрезентирующие концепт «Деятельность», в отличие от имен существительных, дают представление только о социальной, интеллектуальной, духовной деятельности человека. В анализируемом концепте выделяются следующие микроконцепты: «Социальная деятельность человека», «Интеллектуальная деятельность», «Отношение». Микроконцепт «Социальная деятельность человека» вербализован такими концептуальными аспектами, как «Социальная борьба», «Поступок», «Общественно-политическая деятельность человека». Самой представленным в количественном отношении оказался концептуальный аспект «Социальная борьба»: *пиррова победа, подводный камень, яблоко раздора, коричневая чума, место под солнцем, позорный столб, дамоклов меч, троянский конь, лобовая атака, поле боя, холодная война, дымовая завеса, охота на ведьм, перекрестный огонь, бархатная (оранжевая, тюльпановая) революция* и др. Микроконцепт «Интеллектуальная деятельность человека» репрезентируется двумя концептуальными аспектами: «Результативная интеллекту-

альная деятельность» – *переоценка ценностей, принятие во внимание, раскладывание по полочкам, дальний прицел, последнее слово, точка зрения, угол зрения* и «Нерезультативная, ошибочная интеллектуальная деятельность» – *открытие Америки, превращение слона в муху, кривое зеркало, темный лес, обман зрения*. Микроконцепт «Отношение» представлен такими концептуальными аспектами, как «Положительное отношение человека к чему-либо» (*обкуривание фимиамом (кого), пение дифирамбов (кому)*; «Отрицательное отношение человека к чему-либо» – *предание анафеме (кого)*; «Воздействие, влияние одного лица на другое» – *обращение в свою веру (кого), поднятие духа (кому), промывание мозгов (кому)*.

Концепт «Оценка» находится на втором месте по количеству фразеологизмов. Единицы, репрезентирующие названный концепт, в своем значении содержат обобщенную интеллектуальную оценку явлений, фактов, относящихся к социальной, духовной, интеллектуальной сферам жизни человека. Самым представленным в количественном отношении оказался микроконцепт «Оценка социальной жизни человека». В нем выделяются следующие концептуальные аспекты: «Положительная оценка социального явления» (*святая святых, чудо света, живая вода, живое слово, новое слово (в чем), магический кристалл, первая ласточка, альфа и омега, начало всех начал, философский камень, краеугольный камень, звездный час, столбовая дорога, важный шаг, точка опоры* ‘важный этап в развитии чего-либо’), «Отрицательная оценка социального явления» (*второй сорт, вчерашний день, колосс на глиняных ногах, камень преткновения, кость в горле, бельмо в глазу, прокрустово ложе, пустой звук)*.

Таким образом, значение фразеологической единицы обладает высокой степенью отвлеченности, обобщенности, сложности, широты. Фразеологизмы, в отличие от лексем, не способны называть конкретные предметы или лица, поэтому семантическая структура фразеологизма характеризуется лакунарностью. Все единицы предметного семантико-грамматического класса относятся к интеллектуальной, духовной, социальной сферам жизни человека. Изученные фразеологизмы на 100% атнропоцентричны и прямо или косвенно связаны с концептом «Человек». Одни единицы называют и качественно характеризуют человека, другие обозначают его интеллектуальную, социальную, духовную деятельность, третьи выражают его точку зрения на то или иное явление.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006.

Золотых Л.Г. Базовые концепты русской идиоматики // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты: материалы междунар. науч.-практич. конф. – М.: Элпис, 2006. – С.300–304.

Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2003.

NATIONAL PECULIARITY OF PHRASEOLOGICAL WORLD-IMAGE
(SKETCHES OF THE IDEOGRAPHIC DICTIONARY)

E.V. Radchenko

The article examines distinctive characteristics of nominal fixed phrase meaning, offers semantic classification of the units and their ideographic description procedure.

© 2009

Т.Е. Абрамзон

«О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА ЦАРЬ» А.П. СУМАРОКОВА КАК ФАКТ МИФОЛОГИИ ВЛАСТИ
(материалы к статье «Царь» культурологического словаря)

Среди рассуждений А.П. Сумарокова есть любопытная заметка – «О происхождении слова Царь». Приведем ее текст полностью:

«Не сказали мы еще Европейцам от чево слово Царь происходит; ибо и у нас не многия ето знают. Думают Европейцы, что ето слово испорчено, вместо Цесарь выговаривается и будто оно значит Короля. Смешно бы ето было, чтобы испорченное слово Цесарь Короля знаменовало, хотя слово Царь вместо Короля иногда и употреблялося; в переводе Священнаго Писания, вместо не имамы Короля токмо Кесаря, не имамы Царя токмо Кесаря, и поставлено. Сие слово не знаменует ни Цесаря ни Короля, но Монарха. А происходит оно от слова отец, из котораго сделано слово Отцарь. Греки называли Самодержцов своих Тиранами, которым титлом ныне мучители означиваются; и подлинно мучитель Самодержец, ежели он не премудр и не милостив, и действительно Отец, ежели он премудр и милостив. И должен сказати, что нет лутче на свете Самодержавныя власти, ежели она хороша, и нет ничего пагубоносняе роду человеческому не достойнаго диядимы Самодержца. Ибо:

Велики имена коль нас не утешают,
Великостью своей нас только устрашают. Семира Трагедия.
А Ты ЕКАТЕРИНА нам утеха и отрада;
Мы знаем то что мы ТЕБЕ любезны чада» [Сумароков 1787: X, 140–141].

В ряду значимых манифестов классицизма («О русском языке», «О стихотворстве») и обширного литературного наследия Сумарокова, включающего образцы почти всех жанров, этимологический пассаж «О происхождении слова Царь» занимает скромное место. Ошибочный по своему основному положению, он представляет несомненный интерес как факт культуры. В нескольких строках этого квазинаучного сочинения отразились как определяющие черты культурного процесса второй половины XVIII столетия, так и частные особенности творчества и мировосприятия Сумарокова.

1. Формирование национального сознания во второй половине XVIII в. Новые национальные мифы.

Направленность размышлений Сумарокова находится в русле основных культурных исканий этого времени – поисков *собственно русского*. Ориентация России на западную культуру, заданная петровскими реформами, в это время качественно меняется: вторая половина XVIII столетия – время национальной самоидентификации, когда повзрослевшее под европейским платьем русское «я» требует своего осмысления и своей презентации во внешнем мире. Национальное самообоснование инспирировало появление историко-культурных работ, воссоздающих прошлое России.

Время Петра как точка отсчета в истории новой великой России сохраняет свою актуальность, но осознана и необходимость подключить к этому величию семь веков предшествующей русской истории. Отречение от древнерусской культуры и народной культуры сменяется пристальным вниманием к ним. Начинается воссоздание истории, а точнее, создание мифологии нации в самом широком смысле. Процесс «спаивания культуры» [Лотман 1996: 144] в единое целое охватывал различные области знаний: фольклор, литературу, историю. Приведем несколько примеров, демонстрирующих смену этого сознания: словари античной мифологии сменяются словарями язычества славян («Словарь русских суеверий», «Абевега русских суеверий» М. Чулкова, «Описание древнего славенского языческого баснословия» М. Попова), интерес к истории древнего мира (многотомный перевод древней и римской истории Ш. Роллена Тредиаковским) – вниманием к собственной истории («Древняя российская вивлиофика» Н. Новикова).

Выходят сборники песен М. Чулкова («Собрание песен», 1770–1774 гг.) и В. Трутовского («Собрание русских песен с нотами», 1782), начинается освоение фольклорных сюжетов литературой (волшебно-рыцарские повести М. Чулкова, В. Лёвшина, М. Попова и др.). По меткому сравнению В. Шкловского, как купцы, богатея, создают галерею предков, так и народность, превращающаяся в нацию, начинает собирать свою мифологию. Появляется то, что можно было бы назвать мифами о начале нации (или мифами начала). Как и во всяких мифах, рассказ о сущности подменяется в них рассказом о происхождении.

Сумароков в статье «О происхождении российского народа» пишет: «*Приятно знать о происшествии отечественнаго народа, и своих в Истории видети предков. Нет до сего времени нигде о Российском народе известия*» [Сумароков 1787, X: 106]. «*Первоначалие наших предков*» – центральная тема не только сумароковской статьи, но и целого ряда работ до и после него. Приведу только заглавия некоторых сочинений современников Сумарокова: «О происхождении, разделении и смешении народов» (Часть I, глава 9) в «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Татищева; «О старобытных в России жителях и о происхождении российского народа вообще» (гл. 1) и «О происхождении и о древности россов, о переселениях и делах их» (гл. 9) в «Древней Российской истории» М.В. Ломоносова. Не случайно, например, «Предуведомлении» к «Древней российской вивлиофике» Н.И. Новиков пишет: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость дос-

тоинствам иностранных, но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче гнушаться оными» [Новиков 1773: I]. О научной дискуссии по поводу «происхождения» богов в мифологических словарях второй половины XVIII в. см. подробнее: [Шкловский 1933: 94–100], [Берков 1946: 120–124], [Лотман 1962: 366–371].

Недостаток сведений приводит к одному из способов получения информации о прошлом – лингвистической реконструкции.

2. Язык как один из важнейших исторических источников.

Сумароков в статье «О происхождении российского народа» пишет: «... *мы и корень языка праотцев своих и их* (европейцев – *Т.А.*), *по сие время удержали: а язык есть ко снисканию исторической истинны, вернейший руководец. Удивительно мне, что ни единому из Славян, просвещенных в последующия веки, не впало в мысли коснуться сей материи, ежели кто сведение о своем имел народе, и способность и прилежание ко изследованию своих собственных и всех Европейцов древности*» [Сумароков 1787: X: 106–107]. Действительно, в это время к языку обращаются как к хранилищу первообразов.

Авторы исторических, географических, этнографических и другого рода исследований, будто уверовав в идею будущей науки о том, что слово – «свернутый миф» (А.Н. Афанасьев, А.А. Потебня, А.Ф. Лосев), с энтузиазмом эти мифы начали «разворачивать» в соответствии со своим знанием и мировидением. Схожесть звучания определяет толкование слов и их родство. Ломоносов, например, возражает против интерпретации Миллера, объясняющего в своей диссертации «О происхождении российского народа» Гостомысла как Гостомила, – «*того, кто гостям мил*», предлагая свою версию Гостомысла «*того, кто о гостях мыслит*» [Ломоносов 2003: 445–446]. В «Истории краткой Российской торговли» находим сведения о том, откуда происходят вятчане [История краткая Российской торговли 1788: 23], что означает «полушка» [История краткая Российской торговли 1788: 18], как называлась ранее Казань и от какого имени произошло ее прежнее наименование Батый-Саинов [История краткая Российской торговли 1788: 28]. Географический словарь того же времени сообщает не только о месторасположении того или иного географического объекта, но и по возможности рассказывает об истории его названия. Например, в Белой реке на Урале «*вода <...> бела, откуда она и название свое имеет*» [Новый и полный географический словарь 1788: 116]. Иногда предлагается несколько этимологических версий: «*Великие Луки – город Псковского наместничества, при реке Ловате. Откуда название Великих Лук происходит, с точностью сказать не можно; может от излучистого течения, на котором он стоит*» [Новый и полный географический словарь 1788: 134]; или «*Дергач – слобода Харьковского Наместничества, которая имя свое, как кажется, получила от множества уловляемых там дергачей или корыстолей*» [Новый и полный географический словарь 1788: 241]. В последнем примере важным для нас является оговорка автора «как кажется». Это «кажется» породило на свет и недостающих для полного пантеона славянской мифологии божеств (пресловутая Зимцерла как богиня весны, «стирающая зиму») и объяснило имена имевших место персонажей. Так, имя бога войны Леда «*произведено, кажется, от слова «лед» или «леденеть»; «Корша или Хорс. Хотя неведомо, какую силу действия приписывали ему наши праотцы, но впрочем*

по имени его можно, кажется, признать оного Эскулапием, или Богом болезней, что доказывает и его название, происходящее от слова «корчить» [Попов 1768: 25]. «Абсурдная этимология» (Г.А. Гуковский) становится чуть ли не единственным основанием для исторических построений Тредиаковского в работе «Три рассуждения о трех главнейших древностях российских» (1757 г., напеч. в 1773 г.): древнейший язык Европы – славянский, население древней Европы – славяне, варяжские князья – скандинавские славяне. Принцип созвучия слов определяет и сумароковский взгляд на происхождение слова царь.

3. Этимологическая гипотеза Сумарокова.

Почему Сумарокова заинтересовало слово *царь*? Официально титул *Царь* был принят в 1547 г. Иваном IV при венчании на царство по византийскому образцу, но царями уже именовали его отца Василия III и деда Ивана III (начиная с 90-х гг. XV в.). До этого царем на Руси называли – в период ордынского владычества – татарского хана, с незапамятных времен – византийского императора (характерно русское название Константинополя: Царьград).

Один из иностранных мемуаристов начала XVII в. писал о своих русских современниках: «Они считают имя «Царь» наиболее древним, и по их словам, этим именем Богу некогда было угодно удостоить Давида, Соломона и других, правивших домом Иуды и Израиля, и что эти слова «Цисарь» <цесарь> и «Кроль» <король> суть всего лишь человеческое измышление» [Маржерет 2007: 122–123]. В 1721 г. Петр Великий принял титул *император*, сохранив в своей полной титулатуре наименование *Царь* по отношению к составным частям империи («Царь Казанский» и т.д.). Все последующие наследники российского престола также следовали этой титулатуре, поэтому для середины XVIII в. это имя правителя вроде бы не актуально. Однако это не так. Начиная с 60-х гг. именование правящей персоны *царь/царица* наиболее часто звучат в панегирическом дискурсе.

Основное положение сумароковской теории сводится к следующему: слово *царь* «*происходит <...> от слова отец, из которого сделано слово Отцарь*» [Сумароков 1787, X: 140]. Цель этого этимологического псевдоразыскания Сумарокова состояла в том, чтобы развенчать известную в XVIII в. (и общепринятую в современной науке) точку зрения на происхождение данного слова как производного от слова Цѣсарь[1], в сумароковском варианте – «*испорченного слова Цесарь*». Предложенная автором концепция происхождения слова *царь* с точки зрения современной лингвистики ошибочна и критики не выдерживает. Однако она соответствует новому пониманию русскими самих себя: древнерусская культура самоценна, в ней корни и истоки современной российской истории и культуры, наш монарх-царь – отец народа, не чета западным королям-тиранам.

4. Возможные адресаты-оппоненты Сумарокова.

Мысль Сумарокова направлена на презентацию России Европе, и представляет он не официально принятое при Петре именование монарха в России – *Император*, но древнерусский титул государя – *Царь*. Под европейцами Сумароков, в частности, подразумевает Вольтера с его сочинением «История Российской Империи при Петре Великом»[2], под «нашими», которые, с его точки зрения, также мало что смыслят в понимании «важных» слов, подразумевается

Ломоносов с его историческими сочинениями и «Замечаниями на первый том «Истории Российской Империи при Петре Великом» Вольтера»[3].

Вольтер считал, что название *tsars* стало известно со времени завоевания Сибири, и сомневался, может ли этот титул сибирских владетелей происходить от *cesar*. Одно из замечаний Ломоносова связано с вольтеровским решением вопроса об этимологии имени «царь», которое, по мнению российского ученого, «*совсем ложно*»: «*...для того, что: 1) татарские обладателями царями не назывались, но ханами, а имя царское дано им от россиян, потому что мы издревле и поныне всех самодержавных владетелей на Востоке называем царями, а на Западе – королями; 2) имя царь весьма употребительно было в России за много сот лет прежде, нежели и о самих татарах слух появился, что засвидетельствуют самые старинные переводы церковных книг за 800 лет; 3) греческого царя Иоанна Цимисхия россияне царем называли <...>; 4) великое издревле сообщение и частые войны славян с греками и торги удобнее ввести могли и прежде имя царь от цесарь через грамматическую фигуру сокращение (per syncopen), нежели после искать от татар, у коих того не бывало*» [Ломоносов 2003: 476].

По поводу слова *царь* Ломоносов высказался и в рецензии «Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» (1749). Для Ломоносова Миллер – иностранец, плохо разбирающийся в особенностях российского языка и в российской истории – то и другое могут понимать в полной мере только «природные россияне». Поэтому и царский титул Миллер употребляет не к месту, «*весьма непристойно*»: «*... славенских князей называет царями российскими в противность своему мнению и в предосуждение первовенчанным царям российским*»; «*а посему весьма непристойно княжны славенские называются от него российскими царевнами*» [Ломоносов 2003: 449]; «*а владельцев, прежде его* (Рюрика. – *Т.А.*) *бывших, называет царями русскими; следовательно, сие почтенные имена приемлет всуе*» [Ломоносов 2003: 462].

5. Политический дидактизм в форме мифа о самодержавной власти. Собственное поэтическое «слово» как авторитетный аргумент.

Этимологическая выдумка Сумарокова служит здесь определенной политической цели – еще раз напомнить, какова должна быть идеальная модель самодержавия. Вся вторая часть заметок посвящена апологии «хорошей» самодержавной власти и осуждению власти «пагубоносной». Политический дидактизм является основой и торжественных од, и трагедий Сумарокова ([Гуковский 1939: 150], [Стенник 1962: 274]). В этих государственно ориентированных жанрах присутствуют несколько имен правителя, четко разделенных оценочными значениями: Царь, Монарх, Самодержец – положительные или нейтральные, Тиран – отрицательное[4]. В заметках имеется семь наименований единодержавного правителя – Царь, Цесарь, Кесарь, Король, Монарх, Тиран, Самодержец, из которых положительными коннотациями обладают те же имена, что и в литературных произведениях.

Сумароков остается поэтом и в своих квазинаучных изысканиях. Логика Сумарокова проста: «Это верно, потому что так сказано в моей трагедии». Он выдвигает тезис, после которого, согласно риторическим законам, следует как бы доказательство. В качестве последнего выступают цитаты из его собственных произведений[5]. Сумароков подтверждает свою мысль о «хороших» и «пагубо-

носных» самодержцах цитатой из своей трагедии «Семира» (1751), в которой вопрос об «отцовстве» монарха и тиранстве поставлен особенно остро. Олег, справедливый монарх, терзается сомнениями: наказать или не наказать восставшего против него Оскольда. Автор приводит героя к мысли, что если тот казнит мятежника (в общем-то справедливо), то станет в глазах подданных тираном:

Когда бы пленником ***тиранским*** *чьим ты стал;*
В упрямстве б он тебя по удам растерзал,
А я своим врагам дал прежнюю свободу.
И быть хотел ***отцем*** *плененному народу* [Сумароков 1768: 38].

Таким образом, «отцовство» на престоле есть прямая противоположность «тиранству». Но Екатерина II, являющаяся косвенным адресатом заметок, – особа женского пола. Что ж делать! Если нет на престоле царя-отца (NB: и давно нет – с 1725 г., со смерти Петра I; Петр II, Иоанн VI и Петр II недолго успели поцарствовать), его роль исполняет царица-мать («матерью» величали и Екатерину II, и предшествовавшую ей на троне Елизавету Петровну), – главное, чтобы подданные чувствовали себя в своей стране, как в родной семье, как «чада», знающие, что они «любезны» родителям.

Собственно, ради того, чтобы лишний раз напомнить об идеальной – семейной – модели отношений власти и общества (царицы и подданных) и написаны псевдоэтимологические заметки Сумарокова.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ср.: «В этимологическом отношении рус. *царь*, надо полагать, восходит к *цьсарь*. Форма *цьсарь* была широко распространена на славянской почве вариантом другой др.-рус. формы цѣсарь > цесарь <о.-сл. *cěsarь» [Черных 1999: 361–362]; «Царь – титул, принятый в 1547 г. Иваном Грозным, укр. цар, др.-рус. цьсарь – в качестве обозначения византийского императора (XI в.), др.-рус. царь «властелин, государь», а также название татарского хана ‖ Источником этих слов является форма *cěsarь «император»: др.-рус. цѣсарь, ст.-сл. цѣсарь» [Фасмер 1971: 290–291].
2. Первый том «Histoire de l'Empire de Russle sous Pierre le Grand, par l'auteur de l'Histoire de Charles XII» Вольера был издан в Женеве в 1759 г. Русским читателям он стал известен в начале 1760 года. Вольтер просил русское правительство, в лице Шувалова, одобрить его работу, обещая в случае необходимости внести изменения и перепечатать отдельные страницы. Однако никаких поправок Вольтер не внес ни в женевское издание, ни в перепечатку первого тома в Лионе, Амстердаме и Лейпциге в 1761 г. Замечания Г.-Ф. Миллера, И.И. Тауберта и Ломоносова стали фактом только нашей истории.
3. Впервые напечатано в «Московском вестнике» в 1829 г. (Часть V. С.158–163).
4. «Тираном» именует Сумароков Клавдия в «Гамлете» [Сумароков 1748: 5], Димитрия Самозванца в одноименной трагедии [Сумароков 1771: 4, 8, 74]. Во второй редакции своей первой трагедии «Хорев» (1768) Сумароков вкладывает в уста Кия монолог о монаршей власти: «*Во всей подсолнечной гремит монарша страсть*, / *И превращается в тиранство строга власть*» [Сумароков 1781: 47].
5. Этот же принцип изложения Сумароков использует и в «Некоторых статьях о добродетели», подтверждая прозаические размышления своими же стихотворны-

ми цитатами из трагедий. Сумароковское размышление об унынии заключают обращенные к Гостомыслу слова Ильмены из «Синава и Трувора» («*Кто сетует всегда, / Тот действовать умом не может никогда*»), о человеколюбии – обращенные к Олегу слова Семиры из одноименной трагедии («*В суде, против бездельств имея сердце твердо, / Взирай на слабости людския милосердно*»), о любви и добродетели в любви – слова Гамлета из одноименной трагедии («*Люблю Офелию; но сердце благородно, / Быть должно праведно хоть пленно, хоть свободно*») [Сумароков 1787: VI, 45, 48, 49].

ЛИТЕРАТУРА

Берков П.Н. Ломоносов и фольклор // Ломоносов: сб. статей и материалов. – М.: Изд-во АН СССР, 1946. – С.107–130.

Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. – М.: Учпедгиз, 1939.

История краткая Российской торговли. – М.: Тип. Пономарева, 1788.

Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т.VIII.

Ломоносов М.В. Записки по русской истории. – М.: Эксмо, 2003.

Лотман Ю.М. «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII – начала XIX века // «Слово о полку Игореве» – памятник XII века. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С.330–406.

Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996. – Т.IV (XVIII – начало XIX века). – С.13–346.

Маржерет Ж. Состояние Российской империи. – М.: Языки славянских культур, 2007.

Новиков Н.И. Древняя российская вивлиофика. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1773.

Новый и полный географический словарь Российского государства. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1788. – Ч. I.

Попов М.И. Описание древнего славянского языческого баснословия, собранного от разных писателей. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1768.

Стенник Ю.В. О художественной структуре трагедий А.П. Сумарокова // XVIII век: [Сб.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Вып. 5. – С.273–294.

Сумароков А.П. Гамлет. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1748.

Сумароков А.П. Семира. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1768.

Сумароков А.П. Димитрий Самозванец. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1771.

Сумароков А.П. Оды торжественныя. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1774.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – Ч. III.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1787. Ч. VI–X.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1973. – Т.IV.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1999. – Т.II.

Шкловский В. Чулков и Левшин. – Л.: Изд. писателей в Ленинграде, 1933.

A.P. SUMAROKOV'S ESSAY ON THE ORIGIN OF THE WORD TSAR AS A MYTH OF AUTHORITY (DATA FOR THE VOCABULARY ENTRY "TSAR" OF THE CULTUROLOGICAL DICTIONARY)

T.E. Abramzon

A.P. Sumarokov's essay on the etymology of the word Tsar reflected his creative work and world perception peculiarities as well as cultural process features of the second half of the 19th c. Sumarokov's hypothesis, essentially erroneous, provided the basis for a political myth of autocratic power in Russia. The main constituents of the myth are as follows: autocracy is the best state government system, an ideal model of authority-society relations (a family model), Russian rulers surpass their European counterparts in their fatherliness.

© 2009

Т.И. Крыга

ЛЕКСИКА С СЕМАНТИКОЙ ВРЕМЕНИ В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В АССОЦИАТИВНЫХ СЛОВАРЯХ

Проблема взаимосвязи языка и культуры в последнее десятилетие является очень актуальной, что обусловлено изучением языка как продукта человеческой культуры в тесной связи с этой культурой. Неординарными объектами исследования, по мнению Н.А. Потаенко, являются время и пространство: «Изменения знаний об окружающем мире, пересмотр существующих концепций в той или иной мере затрагивает наше понимание времени и пространства» [Потаенко 1984: 43]. Как отмечает А.Я. Гуревич, эти «универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода "модель мира" – ту "сетку координат", при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании <...> Человек не рождается с чувством времени, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, которой он принадлежит» [Гуревич 1969: 105]. Соприкосновение и взаимообусловленность языка и культуры особенно отчетливо и максимально проявляются в лексике и фразеологии.

Категория темпоральности является универсальной. Среди достаточно широкого набора средств и способов для обозначения временных свойств мира на всех языковых уровнях самую многочисленную группу представляют лексические формы, вызывающие большой интерес как номинации времени на лексическом уровне. Но семантика темпоральной лексики содержит также и особенности этнокультурного осмысления времени как меры человеческого бытия. Универсальное, инвариантное, типологически общее содержание категории времени находит в конкретном языке свое национально-культурное выражение и получает субъективную, аксиологически маркированную интерпретацию.

В процессе восприятия информации, ее «кодирования» в памяти все явления действительности при их осмыслении группируются в определенную систему. Актуализируясь, одно слово способствует рождению новых понятий и значений, что объясняется реальными связями внеязыковых сущностей: каждая лексема (слово-стимул) может вызвать целый ряд реакций (слов-ассоциатов), совокупность которых образует определенные системные построения – *ассоциативно-вербальные поля* (АВП). Ассоциативно-вербальное поле – «это не просто фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент системы семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок» [РАС 1994: 6].

Совокупность ассоциативно-вербальных полей образует ассоциативно-вербальную сеть (АВС). Ассоциативно-вербальное поле и ассоциативно-вербальная сеть – это новый способ репрезентации языка, в котором содержится определенная информация, даются все значения полисемантического слова, количественная и качественная характеристики, отражаются синонимические, антонимические, омонимические связи, синтаксическая сочетаемость и т.д.

Предметом нашего исследования является ассоциативно-семантическое поле (АСП) времени в ассоциативно-вербальной сети русских, белорусов и украинцев. Материалом для исследования послужили данные Русского (РАС), Украинского (УАС) и Славянского (САС) ассоциативных словарей. Отбор лексем-ассоциатов производился по наличию в их значении и понятии сем ‘время’, ‘эпоха’,‘время года’, ‘время суток’. В словах-реакциях ассоциативных словарей зафиксированы лексические темпоральности с эксплицитно и имплицитно выраженным значением времени, что обусловило место временной семантики в АСП.

Временные ассоциации реципиентов в их сознании вызваны различными понятиями, представлениями, и в ассоциативных словарях встречаются в АВП разных слов-стимулов.

Основную часть темпорального АСП составляют лексемы-реакции, в структуре значений которых непосредственно или опосредствованно выделяются семы ‘время’, ‘промежуток времени’, ‘эпоха’, ‘время года’, ‘фазы суток’, ‘период’, ‘день недели’, ‘возраст’, ‘продолжительность, длительность во времени’, ‘временная непрерывность’, ‘много времени’, ‘немного времени’. С учетом ведущей семы в структуре значения ассоциатов можно выделить несколько типов АСП времени.

Многочисленную группу составляют ассоциаты с семой ‘промежуток времени, равный 12 календарным месяцам’. Эта группа представлена ассоциатами со значеним: а) *‘возраст’ (**5 лет** ← ребенок, **8 лет** ← мальчик – САС; **17-ти лет** ← девчонка, **лет** ← сорока – РАС; **в 22 роки, в 28 років** ← одружитися, **в 40 років** ← помолодіти, **до 30-и років** ← молодість, **в 95 років** ← одружуватися – УАС; **19** ← молодий, **20-и років** ← хлопчик – САС; **27 лет** ← жонка, **семдесят** ← бабуля – САС); б) ‘дата’ (**1945** ← война, **год** ← семнадцатый, **1949** ← дочь – САС; **17-го года** ← октябрь, **1905** ← насилие, расстрел, **1941** ← Великая Отечественная война, **1945** ← победа, **20-е годы** ← кооператив, **21 августа** ← переворот, **1 Мая** ← праздник* – РАС).

Ассоциаты с семами ‘промежуток времени в сто лет’, ‘эпоха’ в ассоциатив-

ных словарях немногочисленны: ***18 век*** ← *реализм,* ***19 век*** ← *20 век, бари* – РАС; ***XXI век*** ← *хутка* – САС. Сема ‘эпоха’ имплицитно отражена в лексемах-реакциях, обозначающих реалии определенного исторического периода, таким образом характеризуя определенную эпоху. Это АСП связано с известными течениями, направлениями в литературе, искусстве, моде: ***барокко*** ← *колонна* (стиль в искусстве в XVI–XVIII в.), ***классицизм*** ← *реализм, средневековье* (стиль в искусстве, особенно распространенный в XVII в.), ***романтизм*** ← *реализм* (первая половина XIX в.), ***реалізм*** ← *социалистический, тоталитаризм* (вторая половина XIX в. – XX в.), ***твист*** ← *кадриль, свист, сплясать* (популярный в 60-е гг. XX в. танец), ***кадриль*** ← *сплясать* (танец XIX в.) – РАС.

В АСП времени входят и лексемы-реакции с семой ‘мера времени’: ***12 часов*** ← *день,* ***12.00, 15.30, 15.35*** ← *время,* ***24 часа*** ← *день* – САС; ***2 хвіліны*** ← *думаць,* ***24 гадзіны*** < *дзень,* ***30 хвілін да перапынка*** ← *час,* ***60 хвілін*** ← *час* – САС; ***3 роки*** ← *обіцяти,* ***60 хвилин*** ← *час,* ***хвилина, секунда*** ← *встигнути* – САС. Мера времени, продолжительности, длительности в АВС обозначена также существительными, прилагательными и наречиями, имеющими в своих значениях семы ‘в течение веков’, ‘постоянно, не прекращаясь’, ‘очень долгое время’, ‘очень короткий промежуток времени’: ***вечно*** ← *жить, время, жизнь;* ***вечность*** ← *время, Бог, жизнь, смерть, любовь, радость;* ***годы*** ← *вечность, время, жить, терять;* ***всегда*** ← *вместе, вечность, думать, надяться, жизнь, искать;* ***невечна*** ← *жизнь,* ***невечно*** ← *зло* – САС; ***вечна*** ← *жыць, качанне, душа;* ***вечнасць*** ← *час, жыццё, Бог, душа;* ***на вякі*** ← *разом;* ***на день*** ← *работа,* ***назаўсёды*** ← *разом, качанне* – САС; ***завжди*** ← *інколи, щастити, звично, пам’ятати, потрібний, мовчати, кохати, забувати, живий;* ***завжди і в потрібний час*** *питати,* ***завше*** ← *звично, радіти* – УАС; ***вічно*** ← *жити, душа, надіятися;* ***вічне*** ← *кохання,* ***вічність*** ← *час, життя, пам’ятник, вогонь, бабуся;* ***3 роки*** ← *обіцяти* – САС; ***навсегда*** ← *расстаться, уходить, прощай, оставаться, жениться, покой, талант, утонуть, уход;* ***весь день*** ← *всю ночь, гудеть, трещать,* ***вечна*** ← *материя, бесконечность, история, юность;* ***вечная*** ← *бесконечность, волынка, зануда, материя, мудрость, Русь;* ***вечно*** ← *продолжаться, хранить, недоволен, тянуться;* ***вечное*** ← *забвение, покаяние, спасенне, существование;* ***вечность*** ← *бессметние, бесконечность, беспечность, бытие, гармония, весь день, забвение, маятник, хранить;* ***вечный*** ← *зов, двигатель, покой, студент, позор, столетний, странник, смертный;* ***мгновение*** ← *мимолетный, семнадцатый, исчезать, пережить;* ***мгновенно*** ← *взорваться, понять, испариться;* ***мгновенная*** ← *реакция,* ***момент*** ← *клей, упустить, удобный, роковой, удачный* – РАС.

Достаточно продуктивны в АВС АСП с семой ‘фазы суток’: ***вечір*** ← *раніца, дзень, госць, сустрэча, час, ноч;* ***вечарынка*** ← *вечар, вясёлы;* ***вячоркі*** ← *ноч,* ***вячєрні*** ← *час,* ***день*** ← *ноч, святло, новы, прыгожы;* ***і ноч*** ← *дзень,* ***і день*** ← *ноч,* ***раніца*** ← *дзень, зорка, вечар, ноч* – САС; ***вечер*** ← *утро, встреча, свободный, ночь, день, вспоминать, розговор,* ***вечоринка*** ← *вечер, гость;* ***время суток*** ← *вечер, ночь, день, утро;* ***день*** ← *ночь, новый, свободный, свет, начало, время, красный* – САС; ***вечір*** ← *темніти, сіріти, ранок, вчорашній, сьогодні, хліб;* ***вечірка*** ← *гість, весело, веселитися;* ***вечірній*** ← *денний, ранковий, спокій;* ***день*** ← *гість, звичний, завтрашній, ніч, світати;* ***денний*** ← *нічний, вечірній, світанок, сьогоднішній* – УАС; ***вечер*** ← *утра, выпускной, светский, тепел, бар, ранний, устроить;* ***день*** ← *сего-*

дняшний, майский, удачный, неудачный, роковой, теплый, полдень, тусклый; ***ноч*** ← *темень, чернота, для двоих, покой, сниться, сутки, лавочка, огни, утра;* ***полдень*** ← *исчезать, ровно, раскаленный, сутки;* ***утренний*** ← *моцион, рассвет, ранний, прохлада, ясно, бодрый, иней* – РАС.

АСП времени с семами ‘время года’, ‘название месяца’ отражено в лексемах-ассоциатах: ***весна*** ← *радость, любовь, свет, зеленый, красивый, новый;* ***весной*** ← *хорошо,* ***в июле*** ← *ночь,* ***декабрь*** ← *деньги,* ***декабря*** ← *день,* ***летнее*** ← *утро,* ***лето*** ← *деревня, вспоминать, река, вечер, зеленый;* ***летом*** ← *хорошо,* ***май*** ← *красный,* ***майський*** ← *вечер* – САС; ***восень*** ← *вецер,* ***восені*** ← *пачатак, раніца;* ***вясна*** ← *каханне, зялёны, любоў, вечар, малады;* ***вясновая*** ← *раніца,* ***зіма*** ← *хутка, зямля;* ***зімовы*** ← *вечар, дзень, лес;* ***лета*** ← *вёска, пачатак, рака, радасць, успамінаць;* ***летні*** ← *дзень, вечір* – САС; ***вересень*** < *місяць,* ***весна*** ← *зеленіти, кохати, кохання, молодіти, верба, мріяти, новий;* ***весною*** ← *зеленіти, покохати;* ***літо*** ← *сонце, зеленіти, спогад, зелений;* ***літом*** ← *одружитися, бідніти* – УАС; ***весна*** ← *початок, молодий, красивий;* ***весняний*** ← *ранок, день, вечір;* ***весною*** ← *село* – САС.

Временные значения имеют такие ассоциаты, как ***будни*** (кроме временного значения, содержит еще и аксиологическое: ‘безрадостный, беспросветный’; в ассоциативных словарах является реакцией на стимулы *сірість*, *дзень*, *день, обыденность*), ***будущее, прошедшее, давно, давность, поздно, рано, прошлое, вовремя, сейчас, теперь*** и др., которые имеют соответствия в украинском и белорусском языках; ср.: ***будні, будній, майбутнє, минуле*** (укр..), ***будни, будучае, будучыню, мінуўшчына*** (бел.).

Темпоральное значение выражено в АВС и такими лексемами-реакциями, как ***старый*** (‘давний, существующий с давнего времени’), ***старость*** (‘период жизни после зрелости’), ***юность*** (‘юный возраст, промежуточный между отрочеством и зрелостью’), ***молодой*** (‘юный, небольшой по возрасту’), ***молодость*** (‘возраст от отрочества до зрелых лет’): ***молодая*** ← *женщина, дочь, жена, жизнь* – САС; ***молодий*** ← *хлопець, козак, день* – САС; ***малахая*** ← *жонка, жанчына, сям’я;* ***малады*** ← *стары, зялёны, прыгожы* – САС.

В ассоциативных словарях отмечены ассоциаты с имплицитным значением темпоральности, выражающие сему ‘время’ опосредствованно.

К таким ассоциатам можно отнести лексемы, обозначающие человека в разные возрастные периоды его жизни или отображающие семейное положение. Сигнификативные значения в виде цепочки сем указывают на то, что временная сема в этих реакциях имеет место, но не является опорной: ***мужчина*** – ‘взрослый человек мужского пола’; ***женщина*** – ‘взрослый человек женского пола’; ***девушка*** – ‘лицо женского пола, достигшее половой зрелости’; ***дед*** – ‘отец отца или матери, о старике’; ***внук*** – ‘сын сына или дочери’. Кроме того, на наличие значения темпоральности в лексемах-ассоциатах могут указывать также лексемы-стимулы (ср.: ***мужчина*** ← *зрелый* – РАС; ***барада*** ← *стары* – САС).

В АВС названных словарей встречаются и лексемы-реакции, связанные с различными явлениями природы, характерными для определенного времени года, суток (***зірки*** ← *вечір, ніч, нічний, вночі*; ***зоря, зорі*** ← *вечірній, ранковий, місяць, нічний, світати;* ***сніг*** ← *білий* – УАС; ***зара*** ← *раніца, вечір;* ***з зоркамі*** ← *ноч,* ***зорка, зоркі*** ← *ноч, раніца, чырвоны, вечар, святло* – САС; ***зарево, заря*** ← *рассвет, восход, утренний, будить, гаснуть* – РАС).

Выделенные типы АСП времени позволяют сделать вывод о том, что в ассоциативных словарях разнообразные темпоральные значения представлены ассоциатами с эксплицитно и имплицитно выраженной семой ‘время’; темпоральная составляющая картины мира совокупного носителя языка в основном сформирована на основе личного временного опыта: время русских, белорусов и украинцев ассоциируется с разного рода переживаниями, оценками, чувствами, восприятиями реального мира, с багажом памяти. Данные ассоциативных словарей и статьи могут быть использованы при составлении толковых словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Гуревич А.Я. Время как проблема культуры // Вопросы философии. – 1969. – №3. – С.105–116.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1988.

Потаенко Н.А. К языковому освоению временной структуры действительности // Вопросы языкознания. – 1984. – №6. – С.45–53.

РАС: Русский ассоциативный словарь. – Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: Помовский и партнеры, 1994–1998. – Т.1–6.

САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова, Ю.Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. – М.: РАН. Ин-т языкознания МГЛУ, 2004.

УАС: Мартінек С.В. Український асоціативний словник: у 2-х т. – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2007.

TIME SEMANTICS VOCABULARY IN ASSOCIATIVE DICTIONARIES AND DIFFERENT LINGUISTIC CULTURES

T.I. Kryga

The article considers the associative semantic field of time in an associative verbal network of Russians, Byelorussians, and Ukrainians. Lexical time units are presented as associates with explicit and implicit time semes associated with different emotions, evaluations, experiences, and vision of the world.

© 2009

И.Ю. Токарева

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СЛОВАРЕ

Лингвокультурологическую информацию можно получить в разнообразных словарях, отражающих неоднородные пласты языка, системные связи между единицами, их историю. В зависимости от способа представления лингвокультурологической информации, все словари могут быть разделены на две группы.

В первую входят издания, в которых лингвокультурологическая информация отражена системно (это специализированные издания). Вторую составляют многообразные справочники, в которых лингвокультурологическая информация представлена имплицитно.

К первой группе относится труд «Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь» [РКП 2004]. Авторы охарактеризовали свой словарь как справочник фиксирующего типа: он отражает ту культурную информацию, которая известна любому социализированному носителю языка. Эмпирическую базу словаря составили зооморфные образы, прецедентные имена, тексты, высказывания. В словарной статье сообщается информация о месте персонажа в мифологическом пантеоне, культурном смысле единицы, ее роли в культурном пространстве, указываются условия употребления единицы. В статьях, посвященных прецедентным текстам, дается информация о произведении: о жанре, авторе, времени создания, особенностях восприятия произведения.

Имплицитно культурологическая информация представлена в любом толковом словаре.

По характеру содержания словари подразделяются на энциклопедические и лингвистические. Энциклопедический словарь представляет в сжатом виде состояние научных знаний в какой-либо области. Таким образом, данные словари отражают научную картину мира, то есть включают надэтничные знания, категоризованные в виде научных понятий. Ввиду того что данные словари не репрезентируют единого языкового сознания какого-либо человеческого коллектива в определенный момент времени, они не представляют существенного интереса для лингвокультурологии.

Иная задача у лингвистического словаря, в котором дается семантическая, грамматическая, этимологическая, орфоэпическая и др. характеристика слова.

Лингвистическое толкование значения отражает наивное восприятие реалии, а значит, представляет интерес для лингвокульутрологии. Ср. два толкования слова ***высота***.

лингвистическое	*энциклопедическое*
‘протяженность сверху вниз’, то есть у предмета она одна, вертикально всегда превосходит ширину (иначе говорим толщина)	в эвклидовой геометрии 1) высот столько, сколько вершин; 2) высота остается быть высотой, даже если она расположена в горизонтальной плоскости; 3) может и не превосходить ширину.

Однако на практике указанные два типа словарей имеют тенденции к сближению. Это объясняется стремлением авторов наиболее полно дать толкование значения.

Ср.: в словаре В.И. Даля статьи ***шляпа***, где перечисляются все виды шляп с иллюстрациями [Даль 1989, 4: 640]; ***говядо*** – ‘крупная рогатая скотина’, где также имеется иллюстрация частей этого животного: филей, грудинка и т.п. [Даль 1989, 1: 364].

Большой интерес с точки зрения культурологии представляют словари,

включающие разные единицы лексикографического описания, прежде всего, описывающие сверхсловные единицы. Напр., фразеологический словарь под ред. А.И. Молоткова, «Пословицы русского народа» В.И. Даля [Даль 1957]. словарь сочетаемости слов русского языка под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина и др.

Как известно, по расположению материала словари делятся на исходящие из формы слова и из содержания. Большой интерес для лингвокультуролога в рамках словарей первого типа представляют гнездовые словари. В таких словарях все однокоренные производные слова располагаются при одном однокоренном первообразном слове. Для примера приведем статью из словаря В.И. Даля. При ключевом слове ***печать*** располагаются однокоренные слова ***печатка, печатать, печатывать, печатанье, печатный, печатальный, печатня, печатников*** и др., значения которых толкуются [Даль 1989, 3: 107–108].

Все типы словарей, исходящих из содержания, содержат богатый материал для лингвокультурологии. Так, идеографические словари дают материал к построению теории мышления: как понятия получали новую форму выражения, как они появлялись и распадались. Особым видом таких словарей являются словари концептов.

Большую известность получил концептуарий, составленный Ю.С. Степановым, «Константы: Словарь русской культуры». В словаре помещено более 60 концептов, анализируется этимология ключевого слова каждого концепта, излагается его история, рассматривается материал, представленный разными семиотическими системами. В словаре отражены только те концепты, которые играют ключевую роль в картине мира русского этноса. Для характеристики концептов автор использует классификацию Лейбница.

Своеобразным промежуточным итогом исследования концептов стала антология концептов, составленная В.И. Карасиком и И.А. Стерниным. В книгу включены концепы, исследованные в рамках диссертационных сочинений. В связи с этим антология не обладает единой основой, не опирается на общие принципы. В издании описаны более 40 концептов. Ряд статей имеет сравнительно-сопоставительный характер: материалом для анализа послужили данные разных языков.

Ещё одним типом словарей, исходящих из содержания, являются словари аналогий. Этот тип близок к предыдущему. Отличие состоит в том, что выделяются не понятийные зоны, а группы слов, связанных определенными смысловыми ассоциациями. Словарная статья в ассоциативном словаре Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой [РАС 1994–1998] строится следующим образом: заголовочное слово-стимул, за ним слова-ассоциаты, слова-реакции на этот стимул, расположенные по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (**КОРИДОР**: длинный **153; КОРАБЛЬ**: море **34** и т.д.), или указывается в конце группы слов-реакций с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке (например, **ЛЕС**: поле, рук, хвойный **11**; березовый, большой, осенний, роща **7** и т.п.). Очевидно, что данные реакции отражают культурно маркированный опыт [РАС 1994: 756].

Интересная для лингвокультурологии информация может содержаться как в тезаурусах, так и в частных словарях.

В тезаурусе максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах. В полном объеме тезаурус осуществим лишь для мертвых языков. Однако понятие тезауруса используется и для характеристики словарей живых языков. Такие словари включают слова разной частотности употребления, сферы распространения, то есть данные словари могут хранить интересные данные о субкультурах.

Частные словари отражают некоторые тематические и стилевые пласты лексики (терминологические системы, диалекты, просторечия, арго, жаргоны и др.), особые разновидности слов (неологизмы, архаизмы, сокращения, иностранные слова, собственные имена), пласты лексики, характеризующиеся одинаковым временным признаком или одинаковой или близкой частотностью употребления.

В словообразовательном, синонимическом, антонимическом словаре можно увидеть особенности процессов концептуализации действительности.

По словарям заимствований можно проследить процессы обновления языковой картины мира. В так называемые «открытые» периоды, когда Россия обращалась к другим государствам с целью использования чужого технического, экономического опыта, возрастает потребность в словарях иностранных слов, которые в качестве основных функций имеют объяснение нового слова или противопоставление ненужному иностранному слову слова русского языка.

Таким образом, словари могут содержать как прямую, так и косвенную лингвокультурологическую информацию.

ЛИТЕРАТУРА

Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина: Т.1–2. – Волгоград: Парадигма, 2005.

Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: ГИХЛ, 1957.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз., 1989.

Русский ассоциативный словарь: ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин и др. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз., 1994–1998. – Кн. 1–6.

РКП: Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / сост. И.С. Брилёва, Н.П. Волынская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академ. проект, 2001.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М: Сов. писатель, 1967.

LINGUO-CULTURAL INFORMATION IN DICTIONARIES

I.Yu. Tokareva

Dictionaries contain linguo-cultural information. It can be either explicit or implicit. The article shows what information can be found in dictionaries of different types.

© 2009

В.Э. Будейко

РУССКИЕ АЛФАВИТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОГРАФИИ

Изучение фразеологизмов, в состав которых входят в качестве словесных элементов наименования букв славянской кириллицы, русской и советской гражданицы, остается актуальным до нынешнего времени, несмотря на реформирование и выхолащивание исторических значений удивительных буквенных имен.

Учитывая происхождение компонентов такого рода фразеологизмов, считаем уместным в качестве рабочего использовать в данном исследовании термин *русский алфавитный фразеологизм*. *Русский алфавитный фразеологизм* – фразеологическая единица языка (ФЕ), т.е. семантически слитная, устойчивая совокупность слов, которая, в отличие от сходных по форме синтаксических структур, не производится в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при рождении высказывания, а воспроизводится в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [Телия 1990: 551]; в нее обязательно входит наименование буквы из старославянского, церковнославянского или русского алфавитов.

Сравним, например, выражения: ***писать ногами мыслете*** *и писать ногами букву,* ***стоять фертом*** *и стоять прямо.* Компоненты выделенных полужирным шрифтом ФЕ не имеют собственного значения: *писать,* например, здесь не значит ‘изображать какие-либо графические знаки на чем-либо’. Кроме того, данный компонент, не имея собственного значения, нуждается в соединении со строго определенным компонентом, отчего возникает ФЕ, передающая нечленимое, единое для всего словосочетания значение: *писать ногами мыслете* – ‘быть пьяным’, *стоять фертом* – ‘важничать’. При таком истолковании значение фразеологизма не делится на части, соответствующие частям его внешней формы. К тому же значение фразеологизма обычно не вытекает из сложения значений отдельных компонентов, так как они не осознаются говорящим самостоятельными знаками: ему непонятно, какое отношение к значению ‘важничать, красоваться’ имеют компоненты *стоять* и *ферт*. Не знаем и мы, как получается значение ‘быть пьяным’, если соединить слова *писать ногами* и *мыслете*. Эта особенность фразеологизмов была определена и теоретически разработана Б.Н. Головиным в 1980-е гг. Он писал: «Несоответствие между формальной членимостью фразеологизма и слитностью выражаемого значения и приводит к тому, что обычно называют устойчивостью словосочетания, образующего фразеологизм» [Головин 1983: 80]. В том случае, если возникает потребность в выражении значений, передаваемых в языке не отдельными словами, а фразеологизмами, тогда используются готовые словосочетания: *начинать с азов, стоять глаголем* и т.д. Отличие обычного, свободного словосочетания от фразеологизма заключается в том, что слова являются членами свободных сочетаний слов, где они имеют свое собственное значение: *начинать* и *начало,*

стоять и *согнувшись*. Такие слова соединяются по выбору говорящего с другими словами языка. В свободных словосочетаниях значения отдельных слов складываются, а общее значение словосочетания достаточно ясно вытекает из значений соединяемых слов. Таким образом, в свободном словосочетании налицо соответствие между членимостью формы и содержания [Головин 1983: 80]. Иначе обстоит дело с фразеологизмом, который с этой точки зрения подобен отдельному знаменательному слову. Иными словами, фразеологизм выполняет в речи ту же функцию, что и знаменательное слово, но, выражая понятие, обозначая явление, участвуя в построении высказывания, он входит в речь уже как состоявшееся порождение языка на лексическом уровне. Причем в речи фразеологизм применяется, а не конструируется из лексических элементов.

Весьма значимо для нашей культуры, что алфавитный фразеологизм, с одной стороны, может быть использован как основа в истолковании смыслов алфавита, а с другой – этот особый фразеологизм оказывается порождением алфавита как некой культурной постоянной, являющейся источником новообразований в языке. Следует отметить, что в своей истории русский язык испытал и продолжает испытывать влияние не менее трех алфавитов (кириллицы, потом имперской гражданицы (с XVIII по XXI в.) и советской гражданицы (с 1918 г. по настоящее время), так как мы продолжаем пользоваться реформированным советским алфавитом). Сюда же можно добавить и некоторое дополнительное влияние греческого (византийского, церковногреческого) алфавита.

Анализ содержания фразеологизмов русского языка (в исторической ретроспективе до XI в.) позволяет обратить внимание на алфавит как на словообразовательный источник, включая не замечаемый многими исследователями графический образ письменных знаков. Известно, что буквенные наименования с древнейших времен использовались в языке для создания новых слов и выражений. Так, например, слово *алфавит* образовано от названий первых двух букв древнегреческой азбуки: *альфа* и *бета* (или *вита*, по византийскому произношению в). Слово *азбука* образовано сходным образом от кириллических буквенных имен: А (*азъ*) и Б (*букы*). В XIX в. часто употреблялось выражение *альфа и омега*, заимствованное из среднегреческого текста Апокалипсиса: *Я – Альфа и Омега, начало и конец* [НЗ 2002]. Эти слова повторяются в конце Откровения Иоанна Богослова: *Я – Альфа и Омега, Первый и Последний, Начало и Конец* [НЗ 2002: 796]. Если в греческом языке *альфа* – 1) ‘название буквы алфавита’, 2) ‘начало чего-либо’, а *омега* – 1) ‘имя последней буквы греческого алфавита’ и 2) ‘конец чего-либо’ [Ньюман 1997: 19]; то в русском языке такого семантического разделения *альфы и омеги* не произошло, потому что русские не знали достаточно широко греческого алфавита, отсюда данное новозаветное выражение закрепилось как целая языковая единица, т.е. фразеологизм. Исконное значение оборота *альфа и омега* – ‘начало и конец чего-нибудь’, потом ‘самое главное, существенное в чем-либо; или основа чего-либо’. Подобным же образом была введена в русский язык семантическая аналогия *от аза до ижицы*. Это выражение, образовано от названий первой и последней букв кириллической (или глаголической) азбуки, а затем через гражданицу калька проникла в современный русский язык: *от а до я* [Барандеев 1993: 91]. Имя первой кириллической (глаголической) буквы отражено в следующих фразеологизмах: *начи-*

нать с азов (‘начинать с самого простого’); *познать азы* (‘изучить науки, ремесла’); *не знать ни аза* (‘ничего не знать’); *Буки боднýт, а веди обманýт* [Савельева 1994: 69].

Русский язык знает и ФЕ с именем буквы ѣ: *знать на ять* – ‘обладать высшей степенью знания’, *писать корову через ять* – ‘писать крайне безграмотно’.

Имя последней буквы кириллицы отражено в устаревшем выражении XIX в. *прописать ижицу* (‘строго наказать кого-либо’). Начертание буквы ѵ напоминало пучок розог, коими наставники наказывали нерадивых учеников. Возможно, позднее графический образ буквы дал право использовать имя буквы как самостоятельное слово. В словаре В.И. Даля находим выражение *Не суйся ижица наперёдъ аза* и производное прилагательное *ижицеобразный* (‘развилистый, вилообразный’) [Даль 1991, 1: 10].

Очевидно, русский народ воспринял имена букв, собственно, как слова, которые стали, в силу переосмысления их графических образов или начерков, неотъемлемой частью фольклора, языка. Важно отметить, что графическая форма, образ буквы дали мощный творческий импульс ассоциациям, порождающим выразительные и емкие фразеологизмы. Однако после реформы русского письма, алфавита и графики в 1918 г. и строгого запрета на преподавание старославянского и церковнославянского языков в школах имена кириллических букв исчезли из общеупотребительного оборота и стали восприниматься современными носителями русского языка как архаизмы.

Анализ русских фразеологизмов позволяет нам глубже и объективнее понять этимологию имен букв славянских азбук, их синтагматические и парадигматические отношения в древнем алфавитном тексте, на чем настаивают некоторые наши отечественные исследователи [Степанов, Проскурин 1993: 30].

«Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает и накапливает культурно-исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития данного языка» [Телия 1990: 560]. Такой лексический материал свидетельствует о глубоком врастании в русский язык алфавита как некой культурной постоянной, существующей в течение нескольких столетий. Следует принять во внимание, что «фразеологизмы в собственном (строгом) смысле термина всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Отражают, как свет утра отражается в капле росы» [Ларин 1977: 156]. ФЕ представляют собой готовые, хотя и наименьшие языковые конструкции. Поэтому они «менее устойчивы, менее долговечны, чем звуки и формы и чем элементы словарного состава» [Ларин 1977: 156]. Многовековое существование алфавитных фразеологизмов в русском языке косвенно подтверждает глубокое архетипическое врастание алфавитных артефактов в русское (славянское) языковое сознание. По нашим подсчетам, количество «алфавитных» фразеологизмов в исторической сокровищнице русского языка на сегодня составляет более ста пятидесяти (мы располагаем таким списком-индексом и продолжаем его пополнять).

С учетом вышесказанного возможно следующее определение данного вида фразеологизмов, с опорой на схему В.П. Жукова. Русский «алфавитный» фразеологизм, или фразеологизм с алфавитным компонентом (или элементом), – устойчивая и воспроизводимая, иррегулярная и раздельнооформленная,

«чем-то неправильная и непонятная» единица русского языка, состоящая из компонентов, один из которых обязательно должен быть именем буквы. При этом данная раздельнооформленная единица наделена целостным или частично целостным значением и сочетается с другими словами [Жуков 1978: 6].

При лексикографическом описании «алфавитных» ФЕ следует учитывать не только алфавитный, но и лингвокультурологический аспекты. Расположение фразеологизмов должно быть подчинено алфавитному порядку, где элементы (наименования букв) используются в виде заглавных букв словарной статьи. Затем помещается толкование ФЕ, приводятся культурологические и этимологические сведения, описываются грамматические и герменевтические свойства. Такого рода мини-словарь можно с успехом использовать в школьном и вузовском преподавании.

ЛИТЕРАТУРА

Барандеев А.В. От буквы к термину // Рус. речь. – 1993. – № 6. – С.89–93.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1983.

Даль В.И. Толковый словарь живаго великорусскаго языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1991. – Т.2.

Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978.

Ларин Б.А. О народной фразеологии // Б.А.Ларин Очерки по истории русского языка и общее языкознание. Избр. работы. – М.: Просвещение, 1977. – С.149–162.

НЗ: Новый Завет на греческом и русском языках / под ред. еп. Кассиана. – М.: РБО, 2002.

Ньюман М. Греческо-русский словарь Нового Завета: пер.с англ. – М.: РБО, 1997.

Реформатский А.А. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 2001.

Саблина Н.П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. – СПб.: ИСПЕ, 2000.

Савельева Л.В. Истоки и загадки нашей азбуки // Рус. речь. – 1994. – №5. – С.67–74.

Степанов Ю.С., Проскурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. – М.: Наука, 1993.

Телия В.Н. Фразеологизм // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С.559–560.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров. – М.: АСТ, 2001.

RUSSIAN ALPHABETIC PHRASEOLOGICAL UNITS: LINGO-CULTURAL ASPECT OF PHRASEOGRAPHY

V.E. Budeiko

The article presents the review of the phraseological units thematically connected to letter names of the Russian alphabet in 11th – 21st cc. culture. The author is the first to use the term “an alphabetic phraseological unit” in linguistic literature. The principle system of phraseological material incorporation into the dictionary is also worthy of attention as the dictionary itself will contribute to the development of modern Russian culture.

© 2009

Е.А. Андреева

О СТРУКТУРЕ «АКСИОЛОГИЧЕСКОГО РУССКО-НЕМЕЦКОГО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ»

В «Аксиологическом русско-немецком фразеологическом словаре» отражены русские и немецкие фразеологизмы, семантика которых коррелирует с конвенциональными ценностями и антиценностями.

Специфика интерпретации фразеологизмов в новом типе словаря – аксиологическом – связана с отражением в нем аксиологем. По мнению К. Жукова, аксиологема представляет собой «аксиологический идеал» или «выбранную из парадигматического ряда характеристику, которую избираем в качестве оценки, воплощенной в целом ряде паремий» [Жуков 2004: 109].

Как указывает Л.К. Байрамова, роль аксиологем в аксиологических словарях могут выполнять аксиологически заряженные понятия, отражающие различного рода ценности и антиценности. «Аксиологический фразеологический словарь» включает фразеологизмы, которые систематизируются по диадам, представляющим единство двух блоков, раскрывающих конвенциональные ценности и антиценности, закрепленные в коллективном сознании, культуре и языке. Основными конвенциональными ценностями и антиценностями, закодированными в сознании и культуре социумов и нашедшими отражение в виде фразеологических диад разных языков, являются, например: витальные (аксиологемы *жизнь – смерть*, *здоровье – болезнь*), гедонистические (аксиологемы *счастье – несчастье*); материально-утилитарные (аксиологемы *богатый – бедный*); интеллектуально-познавательные (аксиологемы *умный – глупый*); нравственно-этические (аксиологемы *правда – ложь*); религиозные (аксиологемы *рай – ад*) и др. К аксиологемам относятся также аксиологически заряженные лексемы/фразеологизмы; внутренняя форма слова/фразеологизма; символы как компонент смысла лексемы/фразеологизма; прототип/этимон лексемы/фразеологизма; менторные афоризмы, пословицы и поговорки [Байрамова 2008: 300–301].

В «Аксиологическом русско-немецком фразеологическом словаре» русская и немецкая части даются независимо друг от друга, но структура их одинакова: фразеологизм; дефиниция фразеологизма (раскрывающая аксиологию фразеологизма – ценность или антиценность); этимология фразеологизма (отражающая образ фразеологизма в аксиологическом плане); стилистические пометы (разг., фам., ирон., высок., шутл. и др., передающие функционально-стилистическую и эмоционально-экспрессивную коннотации фразеологизма); буквальное значение (для фразеологизмов немецкого языка, это помогает раскрыть образ фразеологизма и определить изменение аксиологического вектора).

Фразеологизмы каждой аксиологической диады распределяются по слотам, «связанным между собой определенными семантическими отношениями» [Баранов 2003: 16]. Слоты русского языка рассматриваются в корреляции с немецким языком. Так, например, аксиологема «Жизнь» из фразеологической диады «Жизнь – Смерть» имеет следующие слоты: 1. Рождение человека; 2. Возрастные периоды (младенчество; детство; ранняя юность; молодость; взрослость;

зрелый возраст; старость); 3. Женитьба, замужество; 4. Жизнь; 5. Образ жизни; 6. Средства к существованию; 7. Жить тяжелой жизнью; 8. Жить без цели, без пользы, пассивно; 9. Жить с идеалами в душе; 10. Возвращаться к привычному образу жизни; 11. Менять привычный образ жизни; 12. Жить нерешительно и трусливо; 13. Духовная и бездуховная жизнь; 14. Жизнь и судьба; 15. Человек в его отношении к своей жизни; 16. Человек в его отношении к чужой жизни; 17. Жизнь человека в его отношении к обществу; 18. Жизненный опыт и неопытность.

В Словаре структура слота в русском и немецком языках в основном совпадает. Интернациональный аспект и универсальность образа мышления народов приводит к тому, что источники возникновения и образы фразеологизмов могут быть одинаковыми. Итак, например, в слот «Рождение человека» входят единицы *дарить жизнь* – ‘родить’ [по аналогии: жизнь – дар божий]; *(einem Kind) das Leben schenken* – ‘давать жизнь ребенку, производить на свет ребенка’ [*букв.* дарить жизнь ребенку; *этим.* по общепринятому представлению, ребенок – это дар божий для женщины]; слот «Возрастные периоды» (Зрелость) – ‘*опасный возраст’, шутл.* – возраст женщины от 40 до 50 лет (*этим.* К. Михаэлис. «Опасный возраст» (1910) (на датск. языке). – [СРФ: 93]); *das gefärliche Alter, шутл.* – ‘опасный возраст’ (*этим.* возраст, в котором женщина любой ценой хочет удержать уходящую молодость; по названию романа датской писательницы К. Михаэлис, вышедшего в 1910 г. – [НРФС: 28]).

Как известно, каждый возраст имеет свои ценности и антиценности: для младенчества – невинность, но беспомощность; для молодости – беззаботная жизнь, энергичность, но отсутствие опыта, легкомыслие; для зрелости – жизненный опыт, достижения, но желание молодиться, вернуть юность; для старости – мудрость, но иногда ненужность, пассивность. И эти ценностные и антиценностные ориентиры отражаются, как видно, во фразеологизмах.

Слот «Человек в его отношении к своей жизни» включает фразеологизмы *борьба за жизнь / борьба за существование, публ.* – ‘упорное стремление выжить в жестких условиях, на грани смерти’ [*этим.* калька англ. *struggle for existence* (Т.Р. Мальтус (T.R. Malthus). «Essay on the principles of population» (1798); англ. *struggle for life* Ч. Дарвин. «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» (1859)]; *der Kampf ums Dasein* – борьба за существование (*этим.* заключительные слова заглавия знаменитого труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или сохранение благоприятствующих пород в борьбе за существование». В связи с широким признанием теории Дарвина выражение *борьба за существование* стало крылатым. – [НРФС: 311]).

Слот «Образ жизни» представлен единицами *жить как кошка с собакой* – ‘в постоянной ссоре’ [*этим.* фразеологизм является отзвуком представления о традиционной вражде между кошкой и собакой] *wie Hund und Katze leben разг.* – ‘жить как кошка с собакой’. Этот слот включает как ценности, так и антиценности, поскольку образ жизни человека может быть очень разнообразным.

«Аксиологический русско-немецкий фразеологический словарь» отражает и различную наполняемость слотов русской и немецкой частей, что раскрывает специфику русской и немецкой культур. В таком случае образы фразеологиз-

мов и источники их возникновения отличаются. Так, в русском языке слот «Возрастные периоды» (Старость) содержит ФЕ *до седых волос* – ‘до преклонных лет, до старости’ [*этим.* седые волосы олицетворяют преклонных возраст и старость], в немецком – *ein biblisches Alter* – ‘библейский возраст’ (*этим.* намек на Адама и его потомков, до Ноя: по библейской легенде Адам жил 800, Ной – 500 лет. – [НРФС: 28]); слот «Жить с идеалами в душе» представлен в русском языке ФЕ *делать жизнь (с кого)*, *книжн. высок.* – ‘брать за образец чью-л. жизнь, подражать кому-л.’ (*этим.* В.В. Маяковский. «Хорошо»: Юноше, / обдумывающему житье, / решающему / сделать бы жизнь с кого, / скажу, / не задумываясь: / – Делай ее / С товарища / Дзержинского. – [СРФ: 187]); в немецком языке представлен оборотом *neue Wege einschlagen* – ‘прокладывать новые пути’ [*этим.* образ фразеологизма основан на представлении о человеке, живущем с идеалами в душе, который стремится достичь своей цели, идет своим новым путем].

Слот «Жизнь» представляет ФЕ *белый/божий свет* – ‘окружающий мир, земля со всем существующим на ней; жизнь во всех ее проявлениях’ (*этим.* белый свет выступает в роли символа жизненного бытия, противопоставляется загробному миру как мир явный, ощутимый. – [БФСРЯ: 394]), в немецком – оборот *das Leben und Treiben* – ‘житье-бытье’ [*букв.* жизнь и поведение, поступки; *этим.* жизнь человека характеризуется поступками, которые он совершает в процессе жизни].

В Словаре представлены крылатые выражения писателей и поэтов. По мнению А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, КВ при когнитивном подходе к исследованию языка могут быть интерпретированы как общий фонд знаний некоторого культурного сообщества [Баранов, Добровольский 2008: 71]. Развитие общества, изменение традиций в некоторых случаях приводит к изменению аксиологического вектора фразеологизмов (по терминологии Л.К. Байрамовой). Примером может служить следующее крылатое выражение *«Der König ist tot, es lebe der König!» – Король умер, да здравствует король!* (*этим.* источником этого выражения являются слова, принадлежавшие французскому писателю и государственному деятелю Франсуа Рене Шатобриану: под этим названием Шатобриан опубликовал свой труд после смерти короля Людовика XVIII. Шатобриан присутствовал на традиционной церемонии объявления о смерти старого короля и провозглашения нового, что подчеркивало непрерывность королевской власти. В последний раз церемония была проведена после смерти Людовика XVIII и интронизации его преемника Карла X [GW: 432]).

Таким образом, если на заре своего появления это выражение было, безусловно, ценностью (проводилась торжественная церемония), то позднее оно, проникнув в другие языки, приобрело оттенок ироничности, отражающий стремление к власти.

При составлении «Аксиологического русско-немецкого фразеологического словаря» особое внимание уделяется разработке словарной статьи, включающей дефиницию, этимологию и буквальный перевод (для немецких фразеологизмов). Такой подход позволяет наиболее полно раскрыть образ фразеологизма в аксиологическом аспекте и зафиксировать изменение аксиологического вектора.

ЛИТЕРАТУРА

Байрамова Л.К. Интерпретация фразеологизмов в словарях в свете когнитивистики и аксиологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4–6 мая 2008 года): в 2 т. – Т.1: Идиоматика и познание. – Белгород, 2008. – С.298–302.

Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М: Изд-во «Эдиториал УРСС», 2003.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.

Жуков К.А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии): дис. ... канд. филол. наук. – Н. Новгород, 2004.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь / под ред. Малиге-Клаппенбах, К. Агрикола. – М.: Рус. яз., 1975.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Аст-Пресс Книга, 2006.

Geflügelte Worte: Zitate, Sentenzen und Begriffe in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1984.

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN-GERMAN AXIOLOGICAL DICTIONARY OF FIXED PHRASES

E.A. Andreyeva

The paper reveals the structure of The Russian-German Axiological Dictionary of Fixed Phrases. The dictionary presents Russian and German set expressions semantically correlating with conventional values and anti-values. Specific treatment of fixed phrases in the dictionary is associated with embodied axiologemes.

© 2009

Е.И. Алещенко

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОНЦЕПТОВ

Фольклорные тексты всегда представляли интерес для лингвокультурологических исследований, т.к. являются результатом деятельности совокупной языковой личности, т.е. анонимны, традиционны, отражают факты национальной культуры и в целом могут служить своеобразным хранилищем последней. Тогда как концепт в целом возникает под воздействием совокупности множества

разнородных фактов: народно-культурных, фольклорных, религиозных, идеологических, ценностных, морально-нравственных и многих других; фольклорный концепт занимает определенную нишу «на пересечении» лишь некоторых из них, что можно проиллюстрировать следующей схемой:

Из схемы видно, что интересующие нас фольклорные концепты находятся в области взаимодействия русской фольклорной, языковой и христианской картин мира и отражают национальный менталитет. Фольклорные тексты особенно ценны как предмет исследования именно этим: в отличие от авторских, в которых модель культуры преломляется через восприятие их творца, в текстах устного народного творчества отражается общенародная картина мира, реализованная в обиходном языке. В этой картине мира можно обнаружить глубинные истоки национальной языковой картины мира.

Нами исследовалась русская фольклорная концептосфера, отразившаяся в языке народных сказок. Необходимость составления лингвокультурологического словаря основных русских фольклорных (конкретно-сказочных) концептов обусловлена их значимостью для современного русского языкового сознания.

Вслед за В.И. Карасиком [Карасик 2002, 2006] и представителями его научной школы мы рассматриваем концепт как ментальное образование, характеризующееся наличием трех важнейших уровней: понятийного, образного и оценочного. При составлении лингвокультурологического словаря сказочных концептов следует учитывать все три, опираясь прежде всего на фольклорные тексты. Этот принцип необходимо соблюдать для наиболее полного, точного и четкого словарного описания концепта. Так, если под понятийным уровнем понимать языковую фиксацию концепта, в которой ведущую роль играет словарное толкование слова – имени концепта, то следует особое внимание обратить на мифоконцепты, поскольку не всегда толкование обозначающих их слов можно найти в словаре, и в этом случае достоверное представление об их значении дает текст сказки. Не исключено, что в такой дефиниции будут зафиксированы также образный и оценочный слои концепта. Примером может служить словарная статья, посвященная мифоконцепту «Баба-Яга»:

Баба-Яга – *главный отрицательный персонаж многих сказок, уродливая древняя старуха с костяной ногой. Живет в лесу в избушке на курьих ножках, которая может поворачиваться в разные стороны. Летает по воздуху на метле или в ступе. Крадет детей, сбивает с пути странников и героев, заманивает в свою избуш-*

ку и зажаривает в печке. В разных сказках обладает различными факультативными чертами.

Приведенное определение включает описание внешности персонажа и элементы его оценки, которая легко «вычитывается» из дефиниции.

При этом толкование фольклорного концепта реалистического характера может быть весьма близко к словарному:

Сестра (Сестрица) – *дочь тех же родителей по отношению к остальным детям. В сказках имеет разное семантическое наполнение.*

Полагаем, что в заключение необходимо оговаривать возможность выполнения персонажем в сказках различных функций и в связи с этим различий в семантике слова – имени концепта.

Второй принцип связан с критериями отбора концептов для включения в словарь. В его основе должна лежать аксиологическая значимость концепта для носителей культуры. Именно на этом принципе основан известный словарь констант русской культуры Ю.С. Степанова. Критерием может служить частотность языковых средств, представляющих фольклорный концепт в сказочном тексте. Нами были исследованы фольклорные концепты «Бог» и «Черт», фольклорные субконцептосферы «Семья» и «Общество», в которых выделялись основные концепты в соответствии с их значимостью для сказочного сюжета и широтой представленности. Так, субконцептосфера «Семья», отраженная в сказочных текстах, может быть представлена следующей схемой:

Как видно, фольклорная субконцептосфера «Семья» отличается от общекультурной уже по составу входящих в нее концептов. В сказочных текстах

представлены взаимоотношения мачехи и падчерицы, но не отчима и падчерицы, а мачехи и пасынка – в единичных случаях. Практически не отражаются отношения свойства: тесть и теща – зять; свекор и свекровь – невестка. Таким образом, мы предлагаем включить в словарь такие фольклорные концепты из субконцептосферы «Семья», как «Мать», «Сестра», «Брат», «Мачеха», «Дочь», «Сын», «Падчерица» и некоторые другие. Приведем примерную словарную статью, описывающую концепт «Сестра»:

1) Наставница и помощница героя или героини сказки.

Иванушка говорит:

– Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

*– **Не пей, братец, козленочком станешь!***

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком... (Сестрица Аленушка и братец Иванушка).

2) Сестра-антагонист героини или героя.

*Привез старик подарки дочкам; **старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:***

***– Как была ты дурочка, так и есть**. Нацепи свое перышко в волоса да красуйся!* (Финист-ясный сокол).

Избушка остановилась, они взошли в нее, а там лежит баба-яга: в одном углу ноги, в другом голова, губы на притолоке, нос в потолок уткнула.

«Здравствуй, Иван-царевич! Что, дела пытаешь аль от дела лытаешь?»

«Где дела пытаю, а где от дела лытаю; в таком-то царстве народ вымер, иду туда на житье».

*«**Сам бы туда шел, а сестру напрасно взял; она тебе много вреда сделает**»* (Звериное молоко).

3) Ласковое обращение к девушке, не являющейся родственницей.

Говорит орел:

*– Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок – будешь нам родной батюшка, коли добрый молодец – будешь родной братец, коли ты старушка – будешь мать родная, а **коли красная девица – назовем тебя родной сестрицею*** (Чудесная рубашка).

*«Вот, брат, – сказал один богатырь другому, – мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; **а бог нам сестрицу послал**».*

*Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, **назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою**; потом вынули острые сабли, уперли друг дружке в грудь и положили такой уговор: «Если кто из нас посмеет на **сестру** посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею»* (Волшебное зеркальце).

Третий принцип обусловливает особую структуру словарной статьи, которая включает функциональное описание того или иного концепта, иллюстрированное примерами из сказочных текстов. Это необходимо для подчеркивания различий между фольклорными и общекультурными концептами. Именно так построены лингвокультурологические словари «Православная Россия в русской литературе» [Андреева, Баско 2005] и «Русское культурное пространство» [Русское культурное пространство 2004].

Словарь фольклорных сказочных концептов может служить для соотнесения

фольклорной концептосферы с общекультурной как части и целого, что позволяет с большей точностью определить ментальные особенности русского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева И.В., Баско Н.В. Православная Россия в русской литературе. Культурологический словарь. – М.: Флинта: Наука, 2005.

Карасик В.И. Определение и типология концептов // Слово – Сознание – Культура. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С.57–66.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева [и др]. – М.: Гнозис, 2004. – Вып.1.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Академ. проект, 2004.

PRINCIPLES OF COMPILING LINGO-CULTURAL DICTIONARY OF RUSSIAN FOLKLORE CONCEPTS

E.I. Aleshchenko

The article considers lingo-cultural dictionary peculiarities as a whole and folklore concepts dictionary features in particular. The author specifies concept selection principles and their analysis, describes the vocabulary entry structure marking a place for illustrations, and gives fragments of the folklore concept dictionary.

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

© 2009

Е.В. Харченко

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Изменение фокуса внимания в современном языкознании, смещение внимания ученых с языка как системы на языковую личность как пользователя языка затронуло и область лексикографии.

А.А. Леонтьев утверждал, что значение может и должно определяться в первую очередь через порождение речи, т.е. психологическую структуру значения следует искать во внутренней структуре иерархии процессов психофизиологического порождения речевого высказывания. По его мнению, «психологическая структура значения определяется системой соотнесенности и противопоставления слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их сопоставления как единиц лексикона» [Леонтьев 1971: 11]. Систему соотнесенности и противопоставления слов, рассматриваемых под психологическим углом зрения, А.А. Леонтьев понимает как систему ассоциативных связей слов.

А.А. Залевская пишет, что понятие ассоциативного значения сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова [Залевская 1999: 105].

В основе любого ассоциативного словаря лежит ассоциативный эксперимент, который заключается в том, что испытуемому дается слово-стимул и предлагается реагировать на это слово первым «пришедшим в голову» словом или словосочетанием (подробное описание ассоциативного эксперимента и словарей см.: [Горошко 2001], [Залевская 1999], [Леонтьев 1977]).

Несомненно важным является вопрос о том, какие задачи может решить исследователь, обратившись к ассоциативному словарю.

В предисловии к «Словарю ассоциативных норм» А.А. Леонтьев говорит о том, что этот словарь нужен в преподавании русского языка иностранцам, т.к. в нем, во-первых, отражаются субъективно наиболее частые семантические (парадигматические) связи слов; во-вторых, в нем отражаются также наиболее важные синтагматические связи слов и, прежде всего, наиболее близкие для сознания носителя языка связные сочетания, напр., фразеологизмы; в-третьих, этот словарь индексирует наиболее характерные семантические связи, упирающиеся в особенности русской культуры и вообще страноведческую проблема-

тику, которые не отражаются в обычных словарях и усваиваются, как правило, лишь в процессе многолетнего речевого опыта [Леонтьев 1977: 4–5].

Авторы Русского ассоциативного словаря (РАС) расширяют границы его использования: материалы, представленные в РАС, могут быть предметом исследования в лексикографии, лексической семантике, психолингвистике, лингвострановедении, лингводидактике, информатике, социологии, общей и педагогической психологии, психиатрии. Эти материалы с наибольшей объективностью и эффективностью позволяют выявить «культурную» специфику словарных единиц – те побочные, и, казалось бы, не релевантные семантические связи (семантические «обертоны»), которыми характеризуется то или иное слово. РАС – это мощный инструмент социологического и социально-психологического исследования, позволяющий судить о ментальном климате, характерном для наших испытуемых, сопряженном, конечно, с широким социально-психологическим контекстом, окружающим их, о возможных изменениях (положительных или отрицательных), продиктованных существующими оценками себя и окружающих, а также о возможном отношении к вещному миру, предопределяемом сегодняшними установками. РАС можно использовать в медицине, и, прежде всего, в психиатрии: о многих психических заболеваниях свидетельствует распад узуальных ассоциативных связей. Для лексикографов и специалистов по лексической семантике РАС интересен еще и тем, что группировка ассоциатов в соотношении со словами-стимулами позволяет реконструировать семантическую структуру того или иного слова и судить о степени актуальности для русских разных лексико-семантических вариантов полисемантических слов. РАС позволяет также обсуждать проблему семантических полей, характер связей слова с нормами, оценками и с типовыми сферами его употребления (стандартными ситуациями), а также делать выводы о потребностно-мотивационной сфере языковой личности. Наконец, РАС позволяет предсказать пути развития значений слов. РАС – это также и инструмент изучения процессов восприятия текстов, в т.ч. и художественных. В частности, он может служить основой для контент-анализа, позволяя выявлять и прогнозировать тенденции в развитии читательских вкусов [РАС 2002].

Каким образом ассоциативный словарь может помочь в изучении языковой личности?

Вслед за Ю.Н. Карауловым под языковой личностью мы понимаем два феномена: 1) любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности и для достижения определенных целей в этом мире; 2) комплексный способ описания языковой способности индивида, соединяющий системное представление языка с функциональным анализом текстов [Караулов 1999: 156].

Именно Ю.Н. Караулов предположил, что ассоциативный тезаурус «представляет собой способ фиксации ассоциативно-вербальной сети, лежащей в основе языковой способности носителя языка. Как только мы подходим к фактам языка с точки зрения языковой способности, мы покидаем системно-детерминистский мир привычного представления языкового строя, его грамматики и

лексики и вступаем в вероятностный мир языковой личности» [Караулов 1999: 7].

Языковая личность современного студента позволяет спрогнозировать развитие нашей страны, определить ценностные ориентиры молодежи и установить ее культурную самоидентификацию. На наш взгляд, чрезвычайно актуально сегодня звучат слова Н.В. Уфимцевой: «Именно анализ материалов Ассоциативного тезауруса современного русского языка (АТ) открывает перед нами, русскими, уникальную возможность познать самих себя в том современном состоянии нашей души или образа мира, который в ней отражается, и решить, хотим ли мы оставаться самими собой» [Уфимцева 1996: 140]. Сопоставление с уже существующими ассоциативными словарями позволит выявить направления и силу происходящих изменений.

В 2008 г. сектор психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания РАН инициировал работу над созданием нового словаря ассоциативных норм, материалы для которого собираются в трех регионах: Центральном, Уральском и Сибирском. В каждом регионе будет опрошено по 5000 студентов с 1 по 3 курс. Для того чтобы свести к минимуму влияние на реакции соседних стимулов, опросник был сгенерирован с помощью компьютерной программы, благодаря чему каждая анкета имеет свой порядковый номер и набор стимулов.

В настоящее время собранные в Уральском регионе анкеты обрабатываются и вводятся нами в компьютерную программу, разработанную под руководством В.Е. Гольдина для Ассоциативного словаря школьников.

Предварительный анализ полученных реакций на заданные стимулы позволяет сделать некоторые выводы о языковой личности современных студентов Уральского региона.

1. Важное место отводится материальной стороне жизни:

деньги – это *хорошо, ростовщичество, зарабатывать, все, фигня, их нет, большие, нужны, ассигнации*, рубль – *деньги, дешевый, копейка, и копейка;* копейка – *рубль, деньги, тоже деньги, монетка, монета, не стоит*. Реакция *деньги* была получена на большое количество стимулов: мало – *деньги*, нуждаться – *в деньгах*, зависимость – *деньги*, стоить – *деньги*, мало – *денег*, долг – *деньги*, счет – *деньги*, передавать – *деньги*, отдать – *деньги*, считать – *деньги*, работа – *деньги,* тратить – *деньги*, газ – *деньги*, достаток – *деньги*, отобрать – *деньги*, помогать – *за деньги*, иметь – *деньги,* жажда – *денег*, штраф – *100 рублей*, капуста – *деньги*, поехать – *деньги на бензин*, экономика – *деньги*, богатый – *деньги*, нищий – *деньги*, бедность – *деньги*, штраф – *деньги*, отобрать – *деньги*, материальный – *денежный*, газ – *деньги*, платить – *деньги*, дефицит – *денег*. Мечта о будущем часто имеет явно выраженную материальную сторону: золото – *олигарх*, роскошь – *это главное*, богатство – *это тоже главное*.

2. Восприятие жизни представлено в черно-белых тонах – желание любви, удовольствий: любовь – *морковь,* отпуск – *кайф*, удовольствие – *кайф*, жить – *в кайф;* с другой – пессимизм: жить – *дерьмо*, жизнь – *непрочная*, школа – *убийство*, работа – *зло*, бояться – *жить,* учить – *мучить*, мучение – *сессия*; и одиночество: вы – *одинок,* остаться – *одиноким,* пустота – *одиночество*, одиночество – *мое*, одинокий – *несчастный, псих.* Работа связана в первую очередь с материальным, а не моральным удовлетворением: работать – *скучно,*

интересовать – *зарплата* (исправлено на *работа*), работать – *зарплата*, невостребованность – *бедность*.

3. Современные реалии часто проявляются в жаргонных и заимствованных словах: телефон – *труба*, зайти – *в Интернет*, послать – *SMS*, большой – *XXL*, ребенок – *киндер*, следующий – *NEXT*, машина – *тюнинг*, быстрый – *феррари*, хорошо – *супер,* отобрать – *кастинг*. Особое место занимают графические средства оформления (смайлики, авторские знаки препинания, написание прописными буквами и под.): голод – *всегда!:):):)*.

4. Исторические имена и события тесно переплетаются с политикой: Горбачев – *проблемы;* Ленин – *защитник, вождь, Сталин, лень, товарищ, в Мавзолее;* Сталин – *пролетариат, Гитлер;* беспредел – *90-е;* медведи – *Единая Россия*, *у власти;* политический – *кризис;* развал – *США;* экономика – *падение;* международный – *катаклизм;* коррупция – *неистребима*. Здесь можно отметить и забвение некоторых понятий: так, КГБ не только *действенно, секретно, ЦРУ, Советский Союз*, но и *алфавит*.

5. Среди реакций попадаются «маркеры» местности: завод – *ММК*, промышленность – *ММК*, образование – *в МаГУ*, империя – *магазин*, металл – *ММК*, гимн – *МаГУ*, поступить – *в МаГУ,* река – *Миасс*.

6. Можно отметить и реакции, сигнализирующие о проблемах молодежи в обществе (вранье – *тоже нужно;* законность – *существует, чтобы ее нарушать;* дверь – *пнуть ее!;* долг – *отдавай;* грязь – *в людях;* грязный – *ХАЧИК*), а также в семье (папа – *кто это?;* будущий – *папа;* злоба – *отца*).

7. Интересно отметить в реакциях гендерный аспект: овца – *моя бывшая,* теперь – *я замужем!,* мужчина – *это круто!,* собака – *с бантиком,* военный – *я их люблю*.

8. Для многих расширены границы дозволенности, а отсутствие внутреннего контроля обращает к интимной стороне жизни: занятие – *сексом,* член – *WOW!!!, ширинка,* танцевать – *стриптиз :)*, кончать – *(ха-ха-ха),* голубь – *голубой*, голубой – *ха-ха-ха! гей*.

Не может не волновать безграмотность современных студентов (*врачь, пропость, сочуствие, будующее, душь* и под.), среди реакций появились инвективы, которые реципиенты не воспринимают как нарушение норм.

Полученные данные, на наш взгляд, позволят решить многие исследовательские задачи, а главное – ассоциативный словарь поможет в изучении языковой личности современного студента.

ЛИТЕРАТУРА

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков; М.: Издат. группа «РА-Каравелла», 2001.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во РГГУ, 1999.

Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: ИРЯ РАН, 1999.

Леонтьев А.А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / отв. ред. А.А. Леонтьев. – М.: Наука, 1971. – С.7–19.

РАС: Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова,

Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т.1. От стимула к реакции: ок. 7 000 стимулов.

Леонтьев 1977: Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей. – М.: Эйдос, 1996. – С.139–162.

ASSOCIATIVE DICTIONARY AS A MEANS OF STUDYING LINGUISTIC PERSONALITY OF THE URAL REGION STUDENTS

E.V. Kharchenko

The article deals with the use of the associative dictionary in studying linguistic personality of the Ural region students. It considers possibilities of the dictionary application in different spheres. The paper advances the initial analysis of the preliminary results of a large scale associative experiment.

© 2009

Е.И. Голованова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ УЧЕНОГО КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Актуальность проблемы лексикографического представления языковой личности ученого обусловлена приоритетностью в современной научной парадигме антропоцентрического подхода и интенсивным изучением языковой личности субъекта профессионального познания и деятельности.

Введение в лингвистический обиход термина «профессиональная языковая личность» тесным образом связано с осмыслением таких сущностей, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «профессиональная среда», «профессиональная картина мира». Под профессиональной личностью мы понимаем совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности. За любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих индивиду и соответствующей профессиональной субкультуре идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и убеждений.

Каждый человек, вовлеченный в профессиональную деятельность как активный процесс по преобразованию мира, включается в уникальный субкультурный контекст и в дальнейшем выстраивает собственную мыслительную деятельность и поведение в соответствии с ним. Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею текстов, в своеобразии

принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации. Анализ профессиональной языковой личности можно вести по трем уровням: 1) уровень профессионального сознания (концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта); 2) вербальный уровень (коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы наименований); 3) мотивационно-прагматический уровень.

В научной литературе предложено выделять следующие сущностные характеристики профессиональной языковой личности: 1) деятельность в специальность сфере; 2) социальная полифункциональность, т.е. способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира (большинство из которых предполагает обыденный уровень сознания, но в репертуаре социальных ролей обязательно присутствует профессиональная); 3) формирование профессиональной картины мира в процессе обучения [Алексеева, Мишланова 2002: 102].

Профессиональная языковая личность представляет собой пока еще малоизученный лингвистический объект. На основе концепции языковой личности, предполагающей изучение языка в неразрывной связи с человеком, особенностями его сознания и деятельности, российскими учеными проведены исследования языковой личности государственного служащего (М.Н. Панова, Е.В. Харченко и др.), политика (И.О. Прохорова), врача (Н.В. Гончаренко), журналиста (Я.П. Полухина), спортсмена (А.А. Елистратов), экскурсовода (У.А. Жаркова), рабочего (Е.И. Голованова), музыканта (Е.Н. Азначеева), архитектора (И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева), сомелье (Т.М. Матвеева).

Методологическую базу исследований подобного характера, наряду с теорией языковой личности Ю.Н. Караулова, составляют ключевые теории и концепции современного языкознания: теория диалога (и диалогичности) культур М.М. Бахтина; теоретические положения когнитивной лингвистики, разработанные в трудах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, А.В. Кравченко, Е.В. Рахилиной, М. Фоконье, Р. Лэнекера и др.), базовые положения лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.В. Колесов, В.И. Карасик, В.А. Токарев), стилистики (В.В. Виноградов, В.Г. Гак, И.А. Тарасова и др.), социолектологии (В.П. Коровушкин), общего терминоведения (В.М. Лейчик, С.В. Гринев, З.И. Комарова, В.Ф. Новодранова и др.).

Поскольку языковая личность выступает как «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью» [Караулов, Красильникова 1989: 3], в центре исследовательского внимания находятся связные тексты как продукты речевой деятельности личности, а также отдельные их элементы. На основе анализа разнообразных текстов профессиональной коммуникации возможно выявить набор составляющих языковой личности профессионала, описать их структурную организацию, охарактеризовать различные способы репрезентации профессиональной личности в ее текстах.

Исследование профессиональной языковой личности включает в себя сле-

дующие этапы: 1) лингвокогнитивное исследование текстов профессиональной коммуникации; 2) выявление универсальных, национально-культурных и индивидуальных характеристик профессиональной языковой личности; 3) построение иерархии составляющих языковой личности субъекта профессиональной деятельности; 4) характеристика основных способов репрезентации личностного начала в текстах профессиональной коммуникации (на лексическом, грамматическом, стилистическом и др. уровнях); 5) составление «словника» ключевых слов и выражений, характеризующих профессиональную языковую личность.

Языковая личность ученого описывается прежде всего на основе анализа опубликованных научных трудов. В центре внимания оказываются заголовки научных статей, «авторская» терминология, отбор прецедентных текстов, разнообразные проявления личностного начала (в предисловии, введении и заключении монографий, в авторских комментариях, в текстах статей в юбилейных сборниках и т.п.). Избранная языковая личность должна соотноситься с определенным типом личности, в ее особенностях должны найти отражение общезначимые отношения и характеристики. Настоящее исследование строится на основе анализа научных текстов одного из ярких представителей российской лингвистики, деятельность которого тесно связана с Уралом, – Вячеслава Павлиновича Тимофеева (1931–2004).

Разрабатываемый нами Словарь языковой личности В.П. Тимофеева состоит из трех разделов: «Научное содержание концептосферы», «Индивидуальные личностные смыслы», «Прецедентные имена и тексты».

Первый раздел представляет индивидуально маркированную лингвистическую терминологию В.П. Тимофеева, сюда включены наиболее значимые для лингвиста понятия, определившие его вклад в науку. Покажем содержание словарной статьи на примере термина «язык»:

ЯЗЫК

Заголовки: Язык как явление. Языковые единицы; Язык эпитафий; Язык родины Ломоносова на Урале; Язык деловой личности; Анализ языка стихотворения М.Ю. Лермонтова «Бородино»; Наблюдения над новообразованиями в поэтическом языке Е. Евтушенко; Словарь языка Есенина: Вместо проспекта

ПОЭТИЧЕСКИЙ, КАНЦЕЛЯРСКИЙ, ДИАЛЕКТНЫЙ, КОМСОМОЛЬСКИЙ

Конечно, все профессии имеют свое собственное просторечие, которое всегда остается непонятным для представителей иных профессий: кто такие, например, *неизвестники*? В канцелярском комсомольском **языке** так назывались лица, не снявшиеся с учета и выбывшие в неизвестном направлении... (Живые жаргоны и живучее просторечие, с.129)

... с полным устранением информанта от значительных социальных ролей и в связи с возросшим культурным уровнем языковой среды, диалектный **язык** ее стал все более уступать, и в нем чувствуется даже на фоне семьи явная диалектная уникальность (Фразеология диалектной личности, с.5).

Язык личности

К фразеологической системе **языка личности** следует отнести и текстовые единицы, связанные с обобщением опыта в приметах или суеверных советах-рекомендациях (Фразеология диалектной личности, с.21).

В **языке личности** варьирование фразеологизмов, казалось бы, должно быть ограниченным из-за индивидуальной привычки говорить, однако при творческом воспроизведении фраземы, она может конструироваться с поправками, ошибками и другими особенностями (Фразеология диалектной личности, с.27).

Языковые изменения (= языковая эволюция, развитие языка)

Заголовки: Экстралингвистические факторы как причина и условие языковых изменений; Экстралингвистические факторы как причина и стимул языковых изменений; Влияние социальных факторов на языковую эволюцию; Социолингвистические факторы в развитии современного русского языка

Второй раздел Словаря включает языковые средства, выражающие индивидуальные личностные смыслы. Яркой чертой работ Вячеслава Павлиновича было обращение к речевому опыту своей семьи. Проиллюстрируем эту особенность на примере словарной статьи «Мать»:

МАТЬ

Светлой памяти **матерей** наших
Тимофеевой Евдокии Михайловны,
Гребенщиковой Александры Михайловны
(Пойте, девушки, припевушки, с.3)

Я помню с детства досаду бабушки или **матери** на то, что сырые дрова модеют, то есть тлеют, не разгораются, а из-за них и печь модеет, не печет. Это слово есть и в материалах к «Российской грамматике» Ломоносова (Язык родины Ломоносова на Урале, с.126).

Когда я говорю «наше произношение», то имею в виду конкретно диалектные особенности своего семейного гнезда – родителей и родных, «уроженцев» с. Сладчанки и д. Усольцевой Шатровского района Курганской области, прежде всего – **матери** – Тимофеевой Евдокии Михайловны и тети – Тимофеевой (Суковатицыной) Матрены Дмитриевны (Язык родины Ломоносова на Урале, с.127).

В параличе умер отец. В параличе лежит главный герой моих книг – мама. Когда пишутся эти строки, в параличе лежит власть и другая **мать** – Россия... (Фразеология диалектной личности, с.39).

≈ **Мама**

Сравнение словников этих словарей с картотекой словаря языка моей **мамы** (архангело-новгородской «пермячки») убеждает в органической близости ее языка с говорами Перми – начальной родины уральского русского этноса (Язык родины Ломоносова на Урале, с.134).

Единственно безграмотной являлась моя **мама**, способная написать только свою фамилию. В отдельных текстах, писанных **мамой** через посредников, очень видна чисто «мамина речь» (Фразеология диалектной личности, с.4).

Фразеология в речи **мамы**, кажется, сливается с ее речью, или речь – сплошь фразеологична, но одна ее роль особенно заметна: **мама** начинает речь с фразеологизма, а затем ее подтверждает бытовым рассказом или заключает опять фразеологизмом (Фразеология диалектной личности, с.5).

Третий раздел Словаря содержит прецедентные тексты и прецедентные имена, выявляющие мотивационный уровень языковой личности В.П. Тимофеева. Покажем это на примере двух статей:

ХЛЕСТНУЛА ДЕРЗКО ЗА ПРЕДЕЛ НАС ОТРАВИВШАЯ СВОБОДА

Строки из отрывка «Ленин» поэмы С.А. Есенина «Гуляй-поле» (1924 г.); выражают оценку поэтом ситуации в России 20-х годов XX века, ср. начало отрывка: «Еще закон не отвердел, Страна шумит, как непогода. Хлестнула дерзко за предел Нас отравившая свобода» и далее: «Россия! Сердцу милый край! Душа сжимается от боли...».

Вот я взял самодеятельный индекс-словарик ученицы 7 класса и вижу там не цитатки о том, как жить и быть лучше, а клад фактического живого материала по нашей теме, без алфавита: *спи спокойно, дыши носом; что ты мульку гонишь* <...> и т.п. Ужас! А далее – толковник: вежливость – крышеедство, упертое на сюсюканье; сдержанность – торможение в базарах; доброта – маразм; поступить по совести – сдать корешей; работать не ради денег – мотать срок; занять денег – сесть на счетчик; любовь – сражение с невестами; откровенный разговор – гнилой базар; интеллигент – такой ботан, навороченный, пробитый по жизни...

Полное слияние жаргонов, арго и просторечия! **«Хлестнула дерзко за предел Нас отравившая свобода!»** – не хочется называть светлое имя «забулдыги-подмастерья», сказавшего это. По наличию такого словаря можно судить и об уровне развития общества. (Живые жаргоны и живучее просторечие, с.133–134).

ЕСЕНИН С.А.

Заголовки: Рифма Есенина; Есенин и литературное Зауралье; Над книгой о Есенине; Есенин и Зауралье; Блок, Маяковский, Есенин (по воспоминаниям Н.И. Кравцова); Встречи с Есениным; «Любить Есенина было небезопасно...»; Словник языка С. Есенина. Проза*; Словник языка С. Есенина. Поэзия*; Словарь рифм Есенина*; Венок Есенина*; Частотный словарь С. Есенина*; Идеография поэзии С.А. Есенина*; Понятийная характеристика словаря С. Есенина*; Стилистика словаря С. Есенина*.

>> **Есениана**

Заголовки: Моя Есениана*.

>> **Есенинский**

Заголовки: Опыт атрибуции стихотворных текстов с проблемным есенинским авторством.

Звездочкой отмечены названия неопубликованных работ В.П. Тимофеева.

Как видно из приведенных выше примеров, словарная статья включает несколько зон: 1) заголовочное слово (или сочетание слов); 2) названия работ, содержащих заголовочное слово; 3) цитаты из научных текстов; 4) частотные производные наименования; 5) типичные для заголовочного слова синтагматические связи (реализованные валентности атрибутивного или объектного типа); 6) парадигматические отношения (антонимы, синонимы, гипонимы заголовочного слова) – с системой отсылок.

Создаваемый в Челябинском государственном университете словарь языковой личности ученого – первый опыт лексикографического описания профессиональной личности по данным языка. Развитие этого направления имеет теоретическую значимость для лингвистики: оно расширяет представления об индивидуальных особенностях интерпретации научных понятий, позволяет выявить пути и механизмы роста личностных знаний, уточнить соотношение

концептуальной и языковой картин мира ученого, углубить понимание процессов их динамики и эволюции.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3–10.

Пойте, девушки, припевушки / сост. В.Н. Бекетова, В.П. Тимофеев. – Шадринск: Изд-во Шадрин. пед. ин-та, 1995.

Тимофеев В.П. Живые жаргоны и живучее просторечие // III Житниковские чтения: динамический аспект лингвистических исследований: материалы всерос. науч. конф.: в 2 ч. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 1999. – Ч.2. – С.128–134.

Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности: словарь. – Шадринск: Изд-во Шадр. педин-та, 2003.

Тимофеев В.П. Язык родины Ломоносова на Урале // Вестник Челяб. ун-та. – Сер.2. Филология. – 1994. – №1. – С.126–134.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF THE ACADEMIC LINGUISTIC PERSONALITY AS A LINGUISTIC PROBLEM

E.I. Golovanova

The article reveals principles and parameters of lexicographic description of the academic linguistic personality by the example of V.P. Timofeyev (1931–2004), a well-known Ural linguist. The material of the dictionary is grouped in three sections: “Academic content of a conceptual sphere”, “Individual identity implications”, “Precedent names and texts”; each one presents an important part of the academic linguistic personality model.

© 2009

Л.А. Нефедова, Л.С. Полякова

К СОЗДАНИЮ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПОЛИТИКА СРЕДСТВАМИ ГЕНДЕРНЫХ СТРАТЕГИЙ

Языковая личность и проблема создания ее словаря достаточно давно привлекают пристальное внимание лингвистов. Но если раньше создавались словари языковой личности преимущественно писателей, мастеров художественного слова, то в последнее время наблюдается тенденция к созданию словарей языковой личности политиков, причем не только прошедших эпох, но и действующих сегодня. Это связано с тем, что именно словесная, или вербальная,

деятельность становится определяющей в работе политика, т.к. именно через нее политик не только создает свой образ, но и воздействует на аудиторию.

Как отмечает А.П. Чудинов, для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение) [Чудинов 2003: 4].

«Предметом психолингвистики выступает языковая личность, рассматриваемая в индивидуально-психологическом аспекте» [Горелов, Седов 1998: 5]. В данном аспекте политическая речь может быть сведена к текстам речей человека, который профессионально занимается вопросами внутригосударственного управления и международных отношений.

Для создания и изменения восприятия своей личности аудиторией политики сознательно используют различные приемы, тактики и стратегии, в т.ч. и гендерные стратегии, которые позволяют существенно добавить маскулинности (мужественности) или феминности (слабости, эмоциональности, женственности) в образ политика. Посредством умелого использования гендерных стратегий в речевом поведении политик может полностью, до неузнаваемости, менять свою языковую личность.

Наиболее ярким политиком, радикально сменившим речевое поведение относительно своего биологического пола, считается И. Хакамада.

С точки зрения применения гендерной стратегии в конструировании языковой личности, все выступления И. Хакамады можно разделить на три периода, каждый из которых соответствует определенному временному отрезку: I – это выступления 1999–2000 гг., т.е. времени организации СПС и победы на выборах в Государственную Думу; II – 2001–2004 гг. – время работы депутатом и участие в избирательных кампаниях в Государственную Думу и на пост Президента; III – 2006 г., т.е. период формирования партии «Наш выбор», по настоящее время. Главным отличием этих периодов является изменение подхода к конструированию языка политика по соотношению с феминными и маскулинными качествами.

Несмотря на то, что во все периоды в речи И. Хакамады преобладают маскулинные качества, в наиболее концентрированном виде они присутствуют в выступлениях второго периода, который также отличается отбором лексем.

Для I периода выступлений было характерно подчеркивание феминных качеств с помощью использования образа «Золушки» (*Я стала постоянной добычей кадровиков, работала сторожем*), обыгрывалась нерусская фамилия (*Родовое имя, оно меня постоянно засвечивало, привлекало внимание*), которая приносила ей дополнительные трудности (программное выступление «Я Хакамада!», 1999). Эмоциональный образ Золушки, притесняемой «плохим» режимом, основанный на гендерно-окрашенном мифе о сиротке, добившейся всего своим трудом, хорошо соответствовал латиноамериканским сериалам, популярным у женской аудитории в то время. Язык этого периода был эмоционально окрашенным, использовалась преимущественно лексика с жизнеутверждающей се-

мантикой: *построим, создадим, изменим к лучшему.* В выступлениях звучали открытые призывы о помощи со стороны избирателей (*Мы нуждаемся в вашей поддержке; Пожалуйста, поддержите нас; За коммунистов, ЛДПР, Яблоко можно не беспокоиться – они будут в Думе, а вот наша судьба полностью зависит от вас.* – Из телепередач, посвященных выборам в Госдуму 1999 г.). Эти обращения являются характерными для женского речевого поведения – просить о помощи, заявлять, что женщина слабая, нуждается в поддержке.

После успешных выборов 1999 г. И. Хакамада полностью меняет речевое поведение. Особенностью лексики этого периода является нагруженность иноязычными словами (*реставрация, модернизация, созидательный курс, авторитарный режим, система*). Постоянно используется прием повтора отдельных слов, но чаще других повторяются слова *курс, власть, система.* Необходимо также отметить частотность использования «строительной» лексики (*монтаж, демонтаж (власти); Система не может быть преобразована, отремонтирована или исправлена*), т.е. власть фактически сравнивается с элементами строительных конструкций, которые можно свободно переставлять.

Характеризуя политическую ситуацию, И. Хакамада использует принцип нагнетания. Напр., описывая власть, политик от пейоративных эпитетов-качественных прилагательных (*допотопная, слабая*) переходит к прилагательным в сочетании с повторяющейся отрицательной приставкой «без» (*бездушная, безответственная и безнравственная*). Во всех выступлениях создается достаточно мрачная картина действительности, присутствует чувство тревоги. Для создания образности используются авторские метафоры (*Советчина полезла изо всех дыр; контроль «держиморд»*).

Акцент, делающийся на борьбе за власть, присущий языку И. Хакамады I периода, переносится на борьбу с врагом во II периоде. Напр., в заявлении о своей позиции на выборах Президента 2004 г. называется только один противник – В.В. Путин (*У меня только один противник – Путин*), имя которого часто заменятся абстрактным словом *власть* (*Власть должна отвечать за все; Власть ответственна за Норд-Ост, за взрывы в школах, за бедность.* – Из интервью газете «Московские новости», 2004, №1). Демонстрируются маскулинные качества через соответствующий отбор лексем (*Я выбираю действие, беру ответственность на себя*), призывы о помощи, поддержке сменяются жесткой критикой власти и В.В. Путина как ее носителя. Если в I период, выступая, И. Хакамада преимущественно использует местоимение МЫ в значении ‘мы – команда, мы – единомышленники’ по отношению к членам партии СПС, что является типичным для женского речевого поведения, то в выступлениях II периода используется почти исключительно местоимение Я для демонстрации волевых и личностных качеств (*Я должна; Я не буду молчать; Я рассчитываю только на себя*). Подчеркивается противопоставление собственной позиции поведению бывших соратников (*Пока мои бывшие соратники отсиживаются и отмалчиваются, я буду бороться, буду использовать единственную возможность сказать народу.* – Из интервью газете «Московские новости», 2004, №1).

Жесткость выступлений II периода создается и на синтаксическом уровне: преобладают цепочки простых предложений (70% от всех конструкций), часто нераспространенные или неполные (*Ельцин не мог осуществить этот курс;*

Путин – не захотел. – Из выступления на Всероссийском Гражданском Конгрессе 16.12.2004). И. Хакамада подчеркивает: обновление власти – это не ее субъективное желание или кого-либо еще, это объективная потребность современной России.

Все эти признаки – проецирование маскулинных качеств через типичные характеристики мужского речевого поведения для создания собственного образа борца, воина, сильного лидера.

В III период – в выступлениях, относящихся к участию в партии «Наш выбор» (с 2006 г.), – речевое поведение политика И. Хакамады стало вновь меняться: уменьшается количество лексем с агрессивной направленностью (хотя они и остаются преобладающими), в прошлом страны уже не видится только негатив, напр., дается высокая оценка гласности, деятельности М.С. Горбачева. Если во II периоде почти нет рассказов о семье, в основном подчеркивается значимость собственной работы, политической, государственной (я – звезда), деятельность женщин-политиков ставится значительно выше деятельности мужчин-политиков (*Женщинам приходится разгребать то, что натворили мужчины.* – Из интервью журналу «Эхо планеты», 2002, №11), то в выступления III периода включаются и рассказы о ребенке (напр., передача «В центре событий» 25.05.2006, где подробно рассказывается о тяжелой болезни дочери), в которых она представлена как заботливая и любящая мать; в языке политика уменьшен акцент на лидерских и властных качествах (*Я только вошла в президиум и не более*). Обвинения в адрес бывших соратников строятся на объяснении причин их поражения (*Бесчеловечный либерализм, и «человеки» от него отвернулись*), при этом упор делается не на абстрактные образы «власть», «народ», «общество», а на человека (*Простой человек не понял*).

Вновь в выступлениях появляется лейтмотив *Золушки (У меня дочь учится в Москве в формально бесплатной средней школе, но на деле за все приходится платить; Мужчинам всегда легче, они не хотят видеть женщину в политике*). Проецируются феминные качества (*Против меня – все демократы. Ревность такая – не приведи Бог; мужские амбиции*), т.е. создается образ слабой женщины, обижаемой мужчинами-политиками.

Итак, конструируя свою языковую личность в выступлениях, политик И. Хакамада применяет гендерную стратегию, реализуемую с помощью гендерной тактики радикальной смены речевого поведения. Этот вывод был подтвержден с помощью анкетирования, в котором приняло участие 190 человек в возрасте от 20 до 60 лет разного социального и образовательного положения.

В ходе эксперимента нами ставилась задача выяснить, могут ли испытуемые отличить мужскую политическую речь от женской в качестве доказательства существования гендерной стратегии изменения речевого поведения. В случае применения политиком гендерной тактики радикального изменения речевого поведения, большая часть испытуемых должна была отнести его высказывание к противоположному полу, в то время как при применении гендерной тактики корректирования речевого поведения мы не получим неоднозначной оценки. Если же политик не применяет данную гендерную стратегию в речевом поведении, то большая часть реципиентов должна правильно определить пол политика.

Каждому испытуемому были предложены два разноплановых высказывания И. Хакамады разных периодов: один образец содержал гендерную тактику радикального изменения речевого поведения, а второй нет.

Полученные результаты подтвердили наши теоретические выводы о том, что применение гендерной тактики радикального изменения речевого поведения влияет на восприятие аудитории.

Отрывок из выступления И. Хакамады, относящегося к периоду 1999–2000 гг., когда И. Хакамадой еще не применялась гендерная тактика радикального изменения речевого поведения, абсолютное большинство реципиентов отнесли к женской речи, в то время как фрагмент выступления периода 2001–2005 гг., относящийся к использованию гендерной тактики радикального изменения речевого поведения, такое же количество испытуемых отнесли к мужской речи. Это свидетельствует о том, что принятие характерных черт мужской речи, а также подчеркивание маскулинных качеств, привели к тому, что речь женщины-политика слушатели воспринимают как мужскую.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что языковая личность политика сознательно им формируется и видоизменяется согласно представлениям об образе успешного общественного лидера на конкретном этапе политической деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. – М.: Лабиринт, 1998.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. – 2-е изд. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2003.

Официальный сайт Ирины Хакамады [Интернет-ресурс] // Режим доступа: http://www.hakamada.ru

LINGUISTIC PERSONALITY VOCABULARY: POLITICIAN'S LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH GENDER STRATEGIES

L.A. Nefyodova, L.S. Polyakova

Image of an impressive politician is the key to his success. Linguistic personality image of one and the same politician may vary considerably depending on the situation, the audience, the aims and objectives of his political address. It is gender strategies that will make it possible to modify linguistic personality image.

© 2009

Т.М. Рогожникова, Р.Н. Гарипова

СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: АССОЦИАТИВНЫЕ ПОРТРЕТЫ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ

Смена общенаучных метафор [Залевская 2007] оказала влияние на анализ языковых явлений и, в частности, на решение проблем лексической семантики. Динамические аспекты значения слова начинают входить в круг востребованных составляющих современной психолингвистики. Исследование семантического развития предполагает анализ тех семантических изменений, которые происходят со словом по мере общепсихического развития индивида.

В рамках данного круга вопросов актуальной становится проблема создания словаря языковой личности, который позволил бы проводить сравнительно-сопоставительный анализ материала на новом (более высоком) уровне, обеспечить углубленное изучение лингвистических явлений, объяснить разнообразные и порой разрозненные данные о динамических закономерностях функционирования слова в языковом сознании человека.

Разработкой такого рода словаря занимается коллектив авторов на кафедре языковой коммуникации и психолингвистики Уфимского государственного авиационного технического университета. В коллективную монографию, созданную в форме ассоциативного словаря, вошли более 100 000 ассоциативных реакций, полученных в ходе проведения 20 свободных и направленных вербальных ассоциативных экспериментов с испытуемыми числом более 4000 человек в возрастном диапазоне от 4 до 90 лет на материале 5 разносистемных языков (русский, башкирский, татарский, немецкий, французский) с 1978 по 2008 г.

Идея создания своеобразной галереи ассоциативных портретов возникла после того, как выяснилась настоятельная необходимость более глубокого сопоставительного анализа материала, полученного в различных условиях. Для этого понадобилось «иметь под рукой» все экспериментальные материалы, полученные нашими авторами в разные годы. Так родилась идея создания коллективной монографии. И сегодня мы уже можем говорить о возможности сопоставительного анализа ассоциативного поведения не только в «синхроническом», но и в «диахроническом» срезах. Более того, впервые в нашем распоряжении появятся индивидуальные ассоциативные поля, созданные по единому алгоритму и годные для сопоставления.

Кроме общей цели (работа над созданием динамической модели семантики слова как достояния индивида), общего прикладного вектора (разработка инновационных технологий по сохранению и улучшению экологии коммуникации), авторов объединяет использование в экспериментальной части исследования ассоциативного эксперимента.

Ассоциативный эксперимент является тонким и точным инструментом, позволяющим моделировать лингвокультурные типажи в различных интерьерах. Этот инструмент дает возможность опосредованно «заглянуть» в таинственную

мастерскую формирования и функционирования индивидуального и группового языкового сознания человека, которое бывает не всегда доступно для исследования другими интроспективными методами. Слабая способность человека управлять своими ассоциациями, объясняемая исследователями автоматическим характером ассоциативных процессов и их связью с рядом физиологических реакций обусловила живейший интерес к этому методу и определила направление научного поиска – исследование проблем формирования языка как достояния пользующегося им индивида через анализ ассоциативного поведения человека. В нашем конкретном исследовании речь будет идти о динамических аспектах семантики слова.

Исследования, о которых далее пойдет речь и которые позволяют подойти к реализации идеи создания «ассоциативных портретов в различных интерьерах», выполняются коллективом единомышленников, объединенных одной целью – моделирование семантики слова как достояния индивида. Все эти работы отличаются по своему материалу, в них решаются конкретные исследовательские задачи, но все они ориентированы на раскрытие прикладного потенциала получаемых результатов, который напрямую связан с законами действия слова.

В ходе реализации нашего проекта наиболее результативными оказались следующие направления: 1) динамические аспекты функционирования семантики (эксперименты проводились и проводятся на широком возрастном диапазоне от 4 до 90 лет: работы Т.М. Рогожниковой; Т.Ю. Касаткиной); 2) внутриязыковой и межъязыковой анализ, проводимый на одном возрастном срезе и разных возрастных группах (эксперименты охватывают русский, английский, немецкий, французский, белорусский, словацкий, татарский, башкирский языки: работы Э.А. Салиховой, Л.В. Газизовой, С.В. Некрасовой, Т.М. Рогожниковой, Е.Е. Ульяновой); 3) сопоставительный анализ материалов, полученных в условиях нормы и патологии на широком возрастном диапазоне (исследования Т.М. Рогожниковой, Р.Н. Гариповой); 4) моделирование семантики в условиях разных типов одаренности (работы С.Г. Абабковой); 5) исследование психологической структуры значения псевдослов (работы Н.М. Ткаченко, О.В. Камаева); 6) исследование стратегий ассоциирования и категорий сложности текста в индивидуальном сознании различных психологических типов (работы И.В. Богословской); 7) исследование внутренней организации значения слова в условиях интровертизма и экстравертизма (работы С.В. Закорко); 8) исследование семантики при доминантности определенной репрезентативной системы (Н.А. Денисова, А.Н. Исупова, А.Н. Козловская); 9) фоносемантическая оценка ассоциативного окружения единиц ядра ментального лексикона (работы Р.А. Даминовой); 10) исследование ассоциативной структуры цветового значения слова и текста (на материале русского, английского и немецкого языков – работы Н.В. Ефименко, Р.В. Яковлевой).

Сегодня хорошо известны работы, направленные на изучение семантической динамики у детей и взрослых, но в отечественной психолингвистике практически нет исследований развития значения слова у пожилых людей. Исследования Т.Ю. Касаткиной [Касаткина 2007] позволили выявить универсальные и специфические особенности, обусловленные психофизиологическими и интеллектуальными изменениями в семантической структуре памяти; зафиксиро-

вать смещение идентификационных опор с семантических на формальные, что, по мнению автора, связано с динамикой интеллектуальных способностей престарелых людей.

Масштаб рассматриваемой проблемы обязывает обращаться к полярным условиям интеллектуальной деятельности человека. Работы Р.Н. Гариповой [Гарипова 2007] посвящены сопоставительному изучению закономерностей семантического развития в индивидуальном сознании нормального и анормального человека. Автор предлагает модель семантического развития слова в условиях патологии и вводит понятие ассоциативного массива слова.

Работы С.Г. Абабковой посвящены изучению специфики развития значения слова в условиях разных типов одаренности [Абабкова 2007]. Сопоставляя данные, полученные от нормальных (материалы Т.М. Рогожниковой), анормальных (материалы Р.Н. Гариповой) и одаренных испытуемых, С.Г. Абабкова приходит к выводу о том, что процессы генерализации и дифференциации, определяющие семантическое развитие у разных типов испытуемых, протекают с разной скоростью. Автор обнаруживает смещение ассоциативного поиска, обусловленное разными возрастными и интеллектуальными возможностями человека.

Э.А. Салихова [Салихова 2007] занимается вопросами моделирования ассоциативного поведения индивидов, владеющих разносистемными языками (русским, татарским и башкирским), с точки зрения овладения и пользования психологической организацией слова на различных возрастных этапах, а также в ракурсе национально-культурных особенностей реализации и существования этих моделей.

На материале разносистемных языков построены и работы Л.В. Газизовой. Анализу подвергнуты ассоциативные реакции на татарском, башкирском и русском языках [Газизова 2005]. Автор делает вывод о том, что стратегии идентификации слова как достояния пользующегося им индивида являются результатом эволюции основных путей семантического развития, выявленных и описанных в работах Т.М. Рогожниковой [Рогожникова 2000].

Поиску оптимальных путей исследования проблемы идентификации слова посвящены работы Н.М. Ткаченко [Ткаченко 2007]. Автор изучает идентификационные стратегии через незнакомое слово, т.к. «именно незнакомое слово, точнее – лишенное предметной отнесенности псевдослово, способно замедлить идентификационный процесс настолько, что становится возможным выявление базовых опор и установление исходных универсальных стратегий идентификации слова» [Ткаченко 2007: 3].

Перечисленные выше исследования можно отнести к разряду уже состоявшихся, поскольку авторы защитили свои результаты на уровне кандидатских и докторских диссертаций, апробировали их на многих конференциях различного уровня. Коротко хотелось бы остановиться на некоторых промежуточных результатах тех авторов, которые пока не завершили свои исследования, но уже выявили интересные тенденции.

В работах Р.А. Даминовой [Даминова 2005] излагаются результаты исследования фонетического значения единиц ядра языкового сознания индивида. Автор анализирует эти наиболее стабильные образования, обладающие большим

количеством связей, и их ассоциативное окружение с целью выявления их взаимосвязи и взаимодействия.

Особенности развития значения слова в индивидуальном сознании людей, принадлежащих к разным психологическим типам, интересуют С.В. Закорко [Закорко 2006]. Автор пытается разобраться в стратегиях ассоциирования, преломляющихся через различную психологическую установку (интровертированный тип vs экстравертированный), при этом учитывается гендерный аспект проблемы.

Наша галерея лингвокультурных типажей включает также материалы экспериментов по исследованию семантики при доминантности определенной репрезентативной системы [Исупова, Козловская 2005], материалы по изучению ассоциативных скоплений в зонах сложности текста [Богословская 2007] и ряд других экспериментальных данных.

Эскизно изложенные результаты изучения динамических аспектов семантики слова свидетельствуют о сложном взаимодействии того, что лежит за словом в сознании и подсознании человека. За рамками статьи ждут своего часа концепции телесного ощущения значения, анализ соматических корней в структуре значения слова, изучение семантики цветового значения и символической потенциальности цвета, попытки компьютерного моделирования звукоцветовых соответствий и создания звукоцветового эффекта путем особой организации звуковой ткани текста и многие другие вопросы, которые позволяют говорить о значении слова как о живом знании и рассматривать язык как достояние пользующегося им индивида.

ЛИТЕРАТУРА

Абабкова С.Г Развитие значения слова в индивидуальном сознании в условиях разных типов одаренности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007.

Богословская И.В. Экспериментальное исследование проблем понимания научно-популярного текста // Вестник МГЛУ. – Вып.541. Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – Сер. Лингвистика. – М., 2007. – С.36–40.

Газизова Л.В. Вопросы исследования процессов идентификации слова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2005. – Вып.5. – С.28–36.

Гарипова Р.Н. Специфика развития значения слова в индивидуальном сознании в условиях нормы и патологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2007.

Даминова Р.А. Вопросы исследования фонетического значения слова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 2005. – Вып.5. – С.43–49.

Закорко С.В. Структура семантики слова и разные психологические типы: история вопроса // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Материалы конф. – Уфа: Изд-во Уфим. гос. авиац. техн. ун-та, 2006. – С.119–122.

Залевская А.А. Общенаучная метафора «Живое знание» и проблема значения слова // Вестник Тверского гос. ун-та. – Вып.7. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Сер. Филология. – Тверь, 2007. – С.18–33.

Исупова А.Н., Козловская А.Н. Ассоциативная структура семантики и модальности восприятия // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психо-

логия. Материалы конф. – Уфа: Изд-во Уфим. гос. авиац. техн. ун-та, 2005. – С.139–141.

Касаткина Т.Ю. Специфика развития значения слова в геронтегенезе: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007.

Рогожникова Т.М. Психолингвистические исследование функционирования многозначного слова. – Уфа: Изд-во Уфим. гос. авиац. техн. ун-та, 2000.

Салихова Э.А. Моделирование процессов овладения и пользования психологической структурой значения слова при билингвизме: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2007.

Ткаченко Н.М. Исследование стратегий идентификации значения псевдослова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2007.

LINGUISTIC PERSONALITY GLOSSARY: ASSOCIATIVE PORTRAITS AND LINGO-CULTURAL TYPES

T.M. Rogozhnikova, R.N. Garipova

The article considers prospects of lingo-cultural type modeling through associative behavior. The paper analyzes dynamic aspects of word meaning functions and the feasibility of compiling a linguistic personality glossary on the basis of associative experiments.

© 2009

А.Д. Соловьева

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В.М. ШУКШИНА В ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ПИСАТЕЛЯ

2009 год – год 80-летнего юбилея В.М. Шукшина. Литературное наследие этого писателя, языковое богатство его текстов стали предметом пристального изучения во второй половине XX в. ученых Алтая и их коллег в России, труды которых наиболее полно представлены в материалах юбилейной конференции [Творчество В.М. Шукшина 2004]. В приложении к этому изданию автором данной статьи опубликован «Словарь фразеологизмов в произведениях В.М. Шукшина», содержащий часть фразеологического материала – около 400 единиц [Творчество В.М. Шукшина 2004: 207–331]. Весь фразеологический состав в произведениях В.М. Шукшина насчитывает около 1600 единиц.

В.М. Шукшин проявил себя как многогранная личность в литературе, кинематографе, публицистике. Мнение некоторых критиков о нем как о писателе-«деревенщике», основывающееся только на сельской тематике его рассказов и романа «Любавины», разбивается при внимательном чтении его произведений: в этих произведениях содержится около одной тысячи диалектных *лексических единиц* [Воробьева 2002]. Во всех произведениях Шукшина выявлено всего 96 фразеологизмов, имеющих отношение к диалектной системе. Это пре-

имущественно фонетические варианты общенародных фразеологических единиц (ФЕ): *без ума бьёсся, блажным голосом, в груде погано, видеть наскрозь, волосьём зарасти, волосья на голове зашевелились, знамо дело, о двуконь, поставить на фатеру, середь белого дня* (параллельно употреблены варианты *среди (посреди) белого дня), смяг телом* «обессилел»*, со стречей*! (приветствие), *спробовать счастье* (приглашение к игре); *хучь бей, хучь режь; чижолый дух* (‘перегар’) и др. Собственно диалектные фразеологизмы представлены небольшим количеством ФЕ с диалектными лексемами и местными значениями общенародных слов: *в тайке заверчено* ‘(что-л.) неизвестно’; *выгинаться, как вша на гребешке* ‘задаваться’; *вколачивать дробаря* ‘затейливо, лихо плясать’, *в поле обсевки* ‘люди никчемные, хуже всех’, *гриб съисть* ‘обмануться, опростоволоситься’, *как коза брянская* ‘недоверчиво, исподлобья’, *куда с добром!* ‘(что-л.) будет хорошо’, *на кубы, на кубах* ‘(работая) на лесозаготовках’, *на развезях* ‘пьян’, *под метло* ‘полностью’, *разлысить лоб* ‘ожидать чего-л. хорошего, приготовиться к приятному’, *хуже курей снулых* ‘физически слабые’ и др. Большинство этих фразеологизмов употреблены в романе о восстании Степана Разина «Я пришел дать вам волю», что оправдано социальными характеристиками персонажей: *ночное (казачье) солнышко* ‘луна’, *никаким умом вперед не скинешь* ‘нельзя предвидеть’, *сиять как бараньи лбы* ‘нарядиться’, *скать петельку потуже* ‘требовать’, *с круга свихнуться* ‘опьянеть’, *старого замеса* ‘(кто-л.) немолод, из другого поколения’, *точно мнеченьки!* (выражение горя, потрясения), *ходить на ножах* ‘разбойничать’, *Шутка в деле!* ‘Разве (это) легко!’. Надо отметить, что определенный состав этих фразеологизмов можно отнести к пограничной диалектно-просторечной системе: *в ограде* ‘около дома’, *в дружках ходить* ‘дружить’, *в дружки годиться* ‘нравиться, вызывать симпатию’, *В* (чью) *породу*? ‘Из какой семьи?’, *в родню принимать* ‘признать членом семьи’, *выхватить вожжи* ‘начать руководить’, *скор на слово* ‘находчив, остроумен’, *черту рога выломить* ‘не бояться’ и др.

Много поездивший по стране, поживший внутри разных социальных групп, Шукшин хорошо знал современное ему просторечие, большинство единиц этого состава не включается во фразеологические словари из-за резко отрицательной оценочности, но узнаваемо носителями языка в контексте: *блох ловить, боднуть взглядом, бутылочку раздавить, в годах, век доживать, верхом на палочке* ‘ехать не на чем’*, взяться за гужи, в молчанку играть, вшивая бумажка* ‘деньги’*, выше ноздрей, глотки драть* ‘кричать, ругаться’*, глотки дерет* ‘(кому-л.) хочется пить’*, из тюрьмы не вылазить, как на буфет* ‘грубо’*, накатать телегу, ноги на шее завязывать, сверкать голым задом, совать в нос наган* ‘угрожать’*, сожрать с костями, сопли по колено, спускать с крыльца; хоть поставь, хоть положь* ‘(кто-л.) толстый, тучный’; *чернил выпить* ‘обезуметь’*, чирей на одном месте, шишок под носок* (выражение угрозы) и многие др. Просторечные единицы автор употребляет только в прямой речи для передачи преимущественно отрицательного отношения персонажа к кому-либо. Палитра отрицательной оценочности «многоцветна» – от иронии до возмущения чьим-либо поведением: *баран глупый (недобитый, самовольный), бурые медведи, гад зубастый, дура сырая, лесина неотесанная, мерин гривастый* ‘поп’, *чурка с глазами, пень грустный, хитрый Митрий* и др.

Знание профессиональных жаргонов пригодилось Шукшину в социальных характеристиках персонажей. Наибольшее число таких единиц взято из шоферского жаргона: *дать тормоз, запас прочности, идти порожняком, прибавить газку, сбавить (сбить) газ* и др. В произведениях Шукшина на основе профессионализмов сформировались новые значения фразеологизмов: (температурный) *баланс навести* ‘снизить температуру (воды)’, *бег с препятствиями* ‘жизненные трудности’, *войти в роль* ‘подражать кому-л.’, *заполнить вакуум* ‘интересно провести свободное время’, *нести вахту* ‘охранять, дежурить’, *преодолеть звуковой барьер* ‘сделать что-л. очень сложное, непосильное для других’, *сложить с себя всякие полномочия* ‘отказаться от какого-л. дела’, *уравнение с двумя неизвестными* ‘что-л. непонятное, трудно решаемое’ и др.

Проблемы кинематографа, литературы, волновавшие Шукшина, он ставил в публицистике [Шукшин 1999]. Свой взгляд на творчество, на возможные пути решения назревших проблем потребовали от Шукшина особого, индивидуального, языка. Характеризуя труд писателя, режиссера, Шукшин использует три типа фразеологизмов: 1) общеизвестные ФЕ, напр., *благословить на путь, внутренний редактор, крупным планом, муки слова;* 2) ФЕ с новыми отрицательными семами, способными передать иронию или возмущение стремлением писателей следовать «типическому» (*бить по рукам* ‘наказывать за халтуру’, *взяться за ручку, ради красного словца, скрипеть пером*), 3) известные фразеологизмы с обновленными значениями, вступающими в омонимичные отношения с исконными (*наводить фокус* ‘выделять главное, важное’, *пялить в глаза* ‘насильно, назойливо внушать’); авторские единицы, имеющие все сущностные и структурные признаки фразеологизма (*бить кованым сапогом по голове* ‘мстить’, *грубая ладонь жандарма* ‘несправедливая критика’, *забирать до дна* ‘раскрыть тему полностью’, *махать красным карандашом* ‘зло, несправедливо критиковать’, *отмолотить норму* ‘описать шаблонно’, *подмахнуть поступок* ‘прославить что-л. необычное, героическое’, *топором висеть* (о времени) ‘требовать’, *уроки учить* ‘становиться более опытным’ и др).

Языковое новаторство Шукшина обусловлено глубоким знанием всех сторон народной жизни, всех языковых стилей литературной системы и нелитературной стихии.

Шукшин пополняет фразеологический состав, трансформируя известные единицы: *царь Горох* ‘важная персона’ (ср.: *при царе Горохе*), *нуль в пилотке* ‘неинтересный человек’ (ср.: *ноль без палочки*), *строить фигуру* ‘задаваться, гордиться’ (ср.: *строить из себя* кого, что), *ухнуть в думы* (ср.: *уйти в себя*) и др. В авторской речи Шукшина используется множество оценочных фразеологизмов, которые кратко и емко характеризуют персонажей: *как по краю обрыва пройти (как по краешку пройти*) ‘рисковать’, *как удав на перине* ‘враждебно’, *квартира с сортиром* ‘материальные блага’, *на винтах ходить* ‘быть активным, подвижным’, *раскачивать барабанные перепонки* ‘заучивать вслух’, *ронять на свою руку топор* ‘навлекать неприятности’, *спеть свою песню* ‘прожить достойно, по-своему’, *ходить по краю* ‘быть неосторожным, не ожидать опасности’ и многие др.

Внимание к своему персонажу, к его внутреннему миру отразилось в количественной представленности фразеологизмов отдельных семантических

групп: наиболее частотны единицы с семантикой эмоционально-психического состояния человека (около 300 фразеологизмов), отношений между людьми (172) и речевых характеристик персонажей (147).

В первой группе наибольшей частотностью обладают фразеологизмы с компонентами *сердце* и *душа* (*дернуть за сердце, принимать близко к сердцу, присохнуть к сердцу, ранить сердце, распалять свое сердце, сердце пухнет, сердце кровью обливается, сердце надорвать, сосать сердце, холодок под сердцем* и др.; *врачевать душу, душа горит, душа затревожилась, душа содрогнулась, изболелась душа, на душу взять, обокрасть душу, открывать свою душу, с доброй душой, с пустой душой, теснить душу* и др.). Радость, любопытство, приподнятое настроение и другие положительные эмоции передают фразеологизмы *вылететь на крыльях, глаза разбегались, глаза светились, каждая жилка играла, объять душу, попасть на веселую ноту, прыгать козлом, распахнулись глаза, сгорать от любопытства, смех берет, теплеть под сердцем* и многие др. Различные тонкие психологические переживания – печаль, тоску, обиду, страх, отчаяние – характеризуют единицы *восставать в груди, вращать глазами, втянуть голову в плечи, горе говорит, горе горькое воет, наливаться гневом, обдало жаром, ощерить зубы, оторопь берет, потух взор, прирасти к полу, разум мутился, сорваться с гвоздя (зарубки), стон стоит, хватать ртом воздух, хошь петлю накидывай* и многие др.

Отношения между людьми обычно проявляются в поведении и в речи персонажей. Группа ФЕ данной семантики в произведениях Шукшина представлена уникальным материалом. Здесь есть известные ФЕ, употребленные в художественном тексте с новыми значениями (*говорить на родном языке* ‘понимать кого-л.’, *горшок об горшок (получилось)* ‘(с кем-л.) враждебные отношения’, *душой прильнуть, задираться выше ватерлинии* ‘высокомерничать, показывать свое превосходство’, *змею на груде отогреть, зубы скалить* ‘смеяться; легко относиться к жизни’, *на руках подсадить* ‘помочь в работе, карьере’, *невод завести* ‘обманывать’; *не привязанный, а визжишь* ‘подавлен кем-л., под чьим-л. влиянием’, *подмять под себя* ‘покорить’, *поднять на ноги* ‘вырастить, воспитать’, *пообтесать язык* ‘наказать за похвальбу’ и многие др.). В речевых характеристиках обычно высмеиваются болтливость, неумение вести себя среди людей: *ботало коровье, в рукав* ‘тихо’, *длинный язык, все уши прожужжать, переходить на личности, путаться в словах, сбавить тон, сорваться на крик* и многие др.

В характеристиках персонажей – их отношении к жизни, к труду, поведении, речи – у Шукшина преобладают отрицательные оценочные ФЕ. Это обусловлено и тем, что в русской фразеологии эта часть оценочных единиц наиболее многочисленна, и тем, что автор не желал мириться с пороками отдельного человека и общества в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Воробьева И.А. Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина. – Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2002.

Творчество В.М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник / науч. ред. А.А. Чувакин. – Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 2004. – Т.1. Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина.

Шукшин В.М. Рассказы. Киноповесть. Повесть для театра. Сказки. Статьи. Рабочие записи. – Екатеринбург: У-Фактория, 1999. – С.514–577.

V.M. SHUKSHIN'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE PHRASEOLOGICAL CONCORDANCE

A.D. Solovyova

The article deals with Russian phraseology in V.M. Shukshin's works revealing semantic, stylistic peculiarities of characters, their relationship with other people in the society.

© 2009

О.И. Соловьева

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ: ИДИОСТИЛЬ А. АВЕРЧЕНКО ЧЕРЕЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

Понятия «идиостиль» и «идиолект», которые по-разному определяются исследователями и, соответственно, попадают в разные ряды соотношений с понятиями «язык», «текст» и «языковая личность» ([Виноградов 1980], [Караулов 1987]), находятся в последнее время в центре интереса лингвистической поэтики. Это связано с растущим вниманием к вопросам индивидуального языкового творчества. В русистике XX в. понятия «индивидуальный стиль» и «языковая личность» прежде всего связываются с именем В.В. Виноградова, хотя параллельное развитие идей целостного описания творческой языковой личности можно найти и в трудах Р.О. Якобсона, Ю.Н. Тынянова, М.М. Бахтина, Б.М. Эйхенбаума, В.М. Жирмунского.

Описание идиостиля А. Аверченко – писателя-юмориста начала XX в. – связано с необходимостью выявления в его юмористических произведениях роли активно употребляемых этим автором фразеологических единиц (ФЕ).

С конца первого десятилетия XX в. в России нигде не утвержденный титул «короля смеха» принадлежал Аркадию Аверченко. Его настоящая творческая жизнь начинается в 1908 г. в Петербурге, где юморист сумел организовать и сплотить вокруг себя группу единомышленников, которые создают новый еженедельный журнал сатиры и юмора – «Сатирикон». Главной особенностью издания была не сатира, а тот «краснощекий» юмор, мастером которого и был признан А. Аверченко. Фантастически быстрый успех издания объяснялся тем, что Аверченко предложил читателям свой жизнерадостный юмор как лекарство от тоски и уныния, а девизом провозгласил «здравый смысл».

Безусловно, и ФЕ использовались А. Аверченко как средство создания комического эффекта.

Писатель включал ФЕ в текстовое пространство произведений разными способами: без изменения семантики и структуры ФЕ, используя приемы семантической и структурной трансформации, а также реализуя текстообразующий потенциал ФЕ [Соловьева 2001]. Рассмотрим, как определяет идиостиль

А. Аверченко использование им ФЕ без изменения их семантики и структуры, в частности, такой прием, как насыщение текста комической направленности фразеологическими средствами. В нашем случае речь идет о таком включении ФЕ, которое приводит не к их сближению, сталкиванию или противопоставлению и т.д., а к формированию комического фона за счет частотного употребления ФЕ с выраженными коннотативными семами.

Описывая языковую личность писателя-юмориста, особое внимание необходимо обратить на выражение и возбуждение комических чувств и эмоций посредством фразеологизмов. В этой связи важным представляется замечание Н.И. Алмазовой: «наибольшим комическим потенциалом обладают устойчивые сочетания фразеологического характера, за счет которых в основном и формируется прагматическое поле с комической направленностью» [Алмазова 1987: 9]. Из этого можно сделать вывод, что значительная часть фразеологизмов – это языковые единицы с «потенциальной заданностью» на комическое воздействие. Если же писатель насыщает текст фразеологизмами, то авторское намерение в достижении комического эффекта становится очевидным.

И.В. Арнольд в работе «Стилистика современного английского языка», говоря об эмоциональной лексике, обращает внимание на то, что «накопление подобных слов в тексте или повторение их создает определенное настроение» [Арнольд 1981: 107]. По-видимому, это в полной мере можно отнести и к ФЕ, ибо эти единицы, как правило, образны и эмоциональны. Следовательно, «накопление или повторение» фразеологизмов в тексте не может не влиять на характер выражения чувств и эмоций автора.

Уже количественные подсчеты ФЕ в произведениях А. Аверченко подтверждают это. О значимости такого рода операций при изучении роли фразеологизмов в языке писателя пишет И.Я. Лепешев в статье «Об использовании фразеологизмов в художественном произведении» [Лепешев 1981]. Так, напр., в рассказе А. Аверченко «Автобиография» отмечено 18 употреблений ФЕ на восьми страницах; 14 раз использует ФЕ А. Аверченко на трех страницах рассказа «Короли у себя дома» из сборника «Дюжина ножей в спину революции»; 18 употреблений фразеологизмов зафиксировано в рассказе «Новая русская сказка» из того же сборника (3 страницы).

Общие подсчеты показали, что произведения ярко выраженной комической направленности у А. Аверченко (полагаем, что у другого писателя этот показатель будет иной) содержат большее количество фразеологизмов по сравнению с произведениями, которые не столь явно демонстрируют авторское намерение вызвать у читателя смех. Так, на 10 страниц комического текста А. Аверченко (включая роман «Шутка Мецената» и повесть «Подходцев и двое других», где само указание на жанровые особенности – «юмористический...» – свидетельствует об авторских намерениях создать комический эффект, а также «Новую историю» из «Всеобщей истории, обработанной «Сатириконом»), приходится около 20 фразеологизмов, в то время как в других текстах на 10 страницах встречается в среднем по 7 фразеологизмов.

Обращает на себя внимание и то, что А. Аверченко в комических произведениях использует, как правило, фразеологизмы, не обладающие так называемой «высокой общеязыковой частотностью» (термин И.Я. Лепешева), что подтвер-

ждает мысль о мотивированном и намеренном авторском использовании ФЕ. Так, напр., в рассказе «Автобиография» А. Аверченко употребляет такие ФЕ, как *белый свет, держу пари, появляться на свет, лакомый кусочек, черт возьми, ни черта, как сапожник, как Бог на душу положит, до глубины души, честное слово* и др. [Аверченко 1990б: 18–22].

Насыщение фразеологизмами текста комической направленности осуществляется разными способами. Так, напр., в рассказах А. Аверченко «Настоящие парни», «Граф Калиостро» и в его романе «Шутка Мецената» ФЕ вводятся в речевую структуру всего текста и создают образный «балагурный» стиль, тем самым выражая авторскую ироническую оценку в целом. В других случаях автор насыщает фразеологизмами небольшой фрагмент текста, подчеркивая таким образом комичность персонажа или конкретной ситуации. Напр., в произведении «12 портретов», где осуществляется общее, фоновое насыщение, отмечаем использование данного приема и фрагментарно: *«Большевизм уже четвертый год как* ***сел на шею*** *России – а как вы с ним боролись?* ***Палец о палец не ударили****! Только и делали, что* ***под ногами путались*** *– сначала у Корнилова, потом у Деникина, у Колчака, а* ***в конце концов*** *– у Врангеля. Эх, вы! Молчали бы лучше!»* («Керенский») [Аверченко 1990а: 59].

Насыщение текста фразеологизмами не всегда является самостоятельным языковым приемом достижения комического эффекта и может использоваться наряду с другими языковыми средствами комического воздействия. Примером такого взаимодействия языковых единиц служит насыщение текста ФЕ с одновременным использованием морфологических и лексических средств (а также на фоне общего приема пародирования прецедентного текста, если говорить о произведении в целом) в рассказе А. Аверченко «Новая русская сказка»: «*И вот однажды зовет дуракова жена дочку и говорит ей: – Нечего зря* ***баклуши бить****! Отнеси бабушке горшочек маслица, лепешечку, да штоф вина: может, старуха наклюкается,* ***протянет ноги****, а мы тогда все ее животишки и достатки заберем*» [Аверченко 1990б: 174]. А. Аверченко погружает фразеологизмы в контекст стилистически маркированных лексических средств (*дуракова, старуха, наклюкается, животишки, достатки*), а также существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*горшочек, маслица, лепешечку, животишки*). В.Н. Вакуров писал о том, что сатирики и юмористы часто прибегают к использованию слов разговорного стиля, в которых эмоциональность выражена структурно, при помощи определенных аффиксов. Действенным средством достижения комического эффекта является употребление слов, имеющих уменьшительно-ласкательные суффиксы. В контекстах сатирической или юмористической направленности такие слова выражают не положительную, а, наоборот, резко отрицательную оценку, осложненную ироническим отношением автора к изображаемому [Вакуров 1969: 21]. Указанные языковые средства задают фамильярно-ироническую тональность текста «Новой русской сказки» А. Аверченко, которая усиливается дополнительным насыщением ФЕ.

Насыщение фразеологизмами как дополнительный прием достижения комического эффекта наблюдаем и в повести А. Аверченко «Подходцев и двое других»: «*– А ты думаешь, Громов, что у него дети будут долговечны? Едва ли.* ***Появится на свет Божий*** *младенчик, да как глянет, кто его* ***на свет произвел****, так*

сразу посинеет, поднимет кверху скрюченные лапки, да и ***дух вон***» [Аверченко 1990в: 211]. И в этом случае фразеологизмы употребляются в контексте существительных с уменьшительно-ласкательными суффиксами, но без дополнительного использования стилистически окрашенных лексических единиц.

Насыщая тексты комической направленности фразеологическими средствами, А. Аверченко добивается комического эффекта без изменения семантики фразеологизмов. Он использует насыщение текста ФЕ и как самостоятельный прием, и как дополнительное средство (более частотные случаи) в ряду других средств достижения комического эффекта.

Наблюдения над художественными текстами других авторов говорят о том, что не всегда высокая частота употреблений ФЕ является средством выражения авторского намерения вызвать чувство комического, т.е. насыщение текста фразеологизмами нельзя признать общеречевым приемом достижения комического эффекта. Анализ же произведений А. Аверченко, творчество которого представлено не только текстами комической направленности, позволяет сделать вывод о том, что насыщение текста ФЕ является для писателя специфическим приемом достижения комического эффекта, и это характеризует его языковую личность.

ЛИТЕРАТУРА

Аверченко А. Двенадцать портретов. – М.: АПИ МК СССР, 1990а.

Аверченко А.Т. Рассказы; Тэффи Н.А. Рассказы. – М.: Молодая гвардия, 1990б.

Аверченко А. Подходцев и двое других // А. Аверченко. Шутка мецената. – М.: Известия, 1990в. – С.178–256.

Алмазова Н.И. Некоторые способы актуализации словесного комического образа (на материале произведений Ч. Диккенса) // Анализ зарубежной художественной и научной литературы. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С.8–13.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981.

Вакуров В.Н. Речевые средства сатиры и юмора в советском фельетоне. – М.: Изд-во МГУ, 1969.

Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Высш. шк., 1980.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

Лепешев И.Я. Об использовании фразеологизмов в художественном произведении // Рус. яз. в шк. – 1981. – №4. – С.88–91.

Соловьева О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н. Тэффи: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2001.

WRITER'S LINGUISTIC PERSONALITY VOCABULARY: A. AVERCHENKO'S IDIOLECT THROUGH PHRASEOLOGY

O.I. Solovyova

The vocabulary of writer's linguistic personality reflects his idiolect. The paper is an attempt to present the idiolect of A. Averchenko, the humorist writer of the early 20th century, through set expressions role in his humorous works, as it is next to impossible to disregard the active use of fixed phrases by the writer.

© 2009

А.Б. Бушев

СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО МЕНЕДЖЕРА: КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ И ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ

Описание языка личности – человека, производящего и понимающего тексты, – сложная задача. Однако за ее решение берутся не только профессиональные лингвисты. Менталитет языковой личности менеджера современных транснациональных компаний попытался отразить С. Минаев. На прилавках книжных магазинов предлагаются его бестселлеры «Литпром – контркультурное явление начала двадцать первого века», «Повесть о ненастоящем человеке», «Повесть о ненастоящей любви». Одну из книг предваряет фраза: «*Посвящается поколению 1970–1976 годов, чей старт был столь ярок и чья жизнь была столь бездарно растрачена...*».

Эти романы могут служить материалом для представления в словарях языковой личности специфической социальной прослойки современной России. Словарь должен отразить ключевые концепты языковой личности через вербализаторы, которые выражают идеалы преуспевающего российского менеджера. Характерная черта этих вербализаторов – иноязычное происхождение и прецедентность. В данной работе сделана попытка определить эти ключевые концепты и выявить вербализующие их языковые единицы.

Статус героя, по Минаеву, демонстрируют дорогой костюм, дорогая машина, дорогой телефон. Рядом с ним – *блондинистая сучка в чем-то* ***прадо-гуччиподобном***. Бутылка в ресторане предусмотрительно поставлена на стол так, *чтобы большая часть зала могла видеть, что чувак лениво потягивает* ***тысячу гринов***. Сам герой беспощаден к своему окружению: *Что изменяет их? Что изменяет их лица. Манеру поведения и сознание? По моему мнению, пространство внутри Садового кольца вечерами превращается в некое подобие компьютерной игрушки, населенной людьми-пустышками <...> они превратились в тени людей. В некое подобие невидимок, которые могут выходить из дома только в ночное время суток, когда искусственное освещение скрывает то, что под оболочкой из макияжа,* ***платья «Prada», джинсов «Cavalli»*** *или* ***костюма «Brioni»*** *– скрыта пустота. Безусловно, гораздо легче замотать внутреннюю пустоту* ***дресс-кодом*** *и сидеть мумией в каком-нибудь* ***кафе «Пирамида»*** *или* ***баре «Рамзес»***.

Одна из тем романов – **завороженность миром «молодых профессионалов» (*yuppie*)**. Система брендов служит для идентификации «свой – чужой» в мире мумий.

Статус подчеркивают **вещи и бренды**: *На мне серый, в бледно-розовую полоску* ***костюм от «Cavalli»****, однотонная розовая* ***рубашка от «Paul Zileri»****, запонки, коричневые* ***ботинки*** *«инспектор», также* ***от Zileri****. Я не ношу часов, предпочитая следить за временем с помощью* ***Nokia 8800*** *за тысячу долларов. Последние четыре года я устраиваю в гостиницах скандалы, если не нахожу в ванной любимой* ***пасты Lacalut****. Мне 27 лет. Я ни разу в жизни не ел вермишели «Роллтон».*

Разговорный язык вестернизированных героев пересыпан **английскими сло-**

вами: *— И ты собираешься уехать в Штаты? — Еще пару лет,* ***honey****. Получу* ***head of purchasing****, осуществлю* ***some investments*** *и все. Быстро сделать карьеру и состояние можно только в России,* ***you know****, а делать* ***investments*** *и жить я хочу в* ***America****.*

Американизм воплощают в мире героя музыка, бренды, клубы, компании, экспаты, люди*, живущие или застрявшие где-то* ***in between****.*

Идеал карьеры для молодого менеджера мультинациональной компании типичен: *Ты возглавишь какой-нибудь департамент* ***Wall Mart****, я продолжу работу в финансах в* ***BONY, Citybank*** *или* ***JP Motgan Chase****.*

Погоня за статусностью — одно из составляющих жизненной программы молодого профессионала: *Предпочитает рестораны японской или итальянской кухни, скорее из-за социального статуса.*

Среди людей, которые *сосредоточены на карьере аудитора то ли в* ***PriceWarterhouse****, то ли в* ***Deloyt****,* в качестве составляющих компонентов поведения обязательны *взнос на новую квартиру, уродливый монолит в районе Бауманской, 120 квадратов, запонки* ***Paul Smith, Vermentno из Bolgheri от Antinori, Золотая AmEx****, знакомство с престижными брендами* ***Patrick Hellman, Tiffani, Ferragamo, Lacques Dessange, Tony & Guy****.*

Соответственен и **стиль жизни**: *Посещает фитнес* ***Dr.Looder****, клубы, не пропускает распродаж в магазинах* ***ЦУМ***, «***Остатки сладки***», «***Подиум***», *делает французский маникюр и эпиляцию голеней в «****Персоне ALB****», предпочитает городские кафе типа «****Этаж****» или «****Курвуазье****», имеет зеленый «****Mini-Cooper****».*

Язык как романа, так и героев воплощает их ценности. Это мир менеджмента, имеющего вестернизированный флер.

— Ты решил отменить совещание?

*— ****Management meeting****? Совещание? Нет,* ***honey****, солнце мое. Просто тут у меня ... —* ***you know*** *— порезал десну. Да мне тут на* ***reception desk*** *... секретарши дали* ***drug*** *... из аптечки.*

Когда тебе дадут пост ***партнера****, ты будешь исполнять* ***same tricks****.*

Это слишком ***overestimated проблема****,* — говорит одна из героинь подруге.

Ленка. Я тебя умоляю. ***Все cool. Лена, relax****, что такого произошло?*

Это компьютеризированный мир, ***мир девайсов***:

В ***аттаче*** *— текст статьи. Дома открываю почту, вытираю сотню писем* ***спама****. Отвечаю на какие-то* ***каменты*** *в своем ЖЖ.*

Экспаты **и люди мира населяют мир мультинационального бизнеса.**

Вот типичное воспоминание из детских гламурного журналиста: *Прикольные вещи из детства — вспоминается «****Faserland****»* ***Кристиана Крахма****. Хотел было выдать эту историю за свою. Да боюсь, не проканает за* ***sweet memos****.*

Лижешь задницы придуркам из центрального офиса. Выгуливаешь их по клубам, чтобы они подтвердили твою ***лояльность*** *компании и написали правильный* ***report*** *<...> А потом твоя, типа, девушка еще и выговаривает тебе за это!* ***Fuck****, а не для вашей ли совместной жизни ты крутишься, как сраная белка.*

*Чтобы все случайно заглянувшим на мою страничку было ясно, что я о Канте сюда пришел говорить (да-да, если следовать прямому спеллингу, я пришел на «****Одноклассники****» говорить именно о* ***cunt'e****).*

Все мы — герои бесконечного ***клипа из Fashion TV****.*

Корпорация – это фабрика, где объектом производства служат *продажи, маркетинг, бюджет, статус, дистрибуция, корпоратив, бонусы, клиенты, компании*. Это мир, за который не грезится даже прыгнуть. Флажками этого мира являются *маркет-ресерч, филд – репорт, сейлз, аутсорсинг*. Обитатели его могут быть ироничны и полуобразованны даже в своей системе координат:

***Тренинг** по **тайм-менеджменту** – это что за херня такая!*

В корпорации всегда актуальна проблема соответствия стандарту менеджера среднего звена, однажды навязанному тебе непонятно кем.

И хотя об одном из героев когда-то влюбленная в него женщина говорит: «ненавидел всеобщее погружение в западную модель», – в тусовке они вынуждены играть по правилам. Один из героев сожалеет о том, что так ведут себя люди, получившие образование, ставящее системное мышление выше системного потребления.

Дикий снобизм – непременный атрибут личности, гонящейся за брендами. Наш герой – Хомо брендикус.

Тусовка показана как **работа**, работа светского **журналиста – *фрилансера***.

Автор постоянно по-снобистски ироничен, он разделывает под орех всех и вся: *Главный финансовый тренд этого года – **выход на IPO**. Город попугаев. Так и с IPO – впечатление такое, что сегодня даже хозяева десяти палаток «Куры гриль» мечтают выйти на IPO!*

Наркотики – одна из тем романа и среды, которая в нем показана. В повествовании фигурируют ***Берроуз,*** **психоделический мир «*Trainspotting*»,** постоянные аллюзии к **музыке и музыкантам**, которые не чужды **наркотическим трансам**. Автору удалось честно сказать, что наркотики присутствуют в этом мире – здесь *все разнюхиваются кокаином*. В романе представлен юмор наркоманов: *Утром к тренеру, вечером к дилеру; Если есть собутыльники, то должны быть и содорожники; Первое слово дороже второго? – кока-кола. Нехорошо **юзать** чужие шутки*.

Подростковые воспоминания одного из героев – воспоминания о том, как посмотрели «*Jurassic Park*», а потом впервые обожрались *ЛСД*.

Роман пронизан сленгом наркоманов – *нюхать кокос, винтиться, сделать сниф* и др.

Налицо и **противоречивость, амбивалентность думающего героя**: *... я очень хочу, чтобы здесь все изменилось. Чтобы гаишнику не нужно было давать денег, чтобы хорошие дороги, чтобы таможенники на прилете из Милана не выворачивали чемоданы, чтобы чиновник не ассоциировался с вором, чтобы приход пожарника в офис не означал бы «бутылку коньяка и соточку зелени». Чтобы лицом русской моды был **Том Форд**, а не Зайцев, чтобы нашу музыку ассоциировали не с Пугачевой, а с «**U-2**», чтобы все угорали не над шутками Галкина или Коклюшкина, а над юмором **Монти Пайтона***.

Кумиры героя – на Западе, в его речи отражаются пласты варваризмов, заимствований и англицизмов, являющихся синонимами престижности, продвинутости, знакомства с европейской культурой, потребления западных продуктов: *Prada, Vogue Café, Chateau Margaux, Vuitton, Plaza Athenee, Nobu, Ибице, Chivas Regal, Crystal Roederee, Челси* – позывные тусовки, сигналы, посылаемые «продвинутым». *Не обойтись без **Wi Fi*** – для понимающего достаточно. На страницах книги фигурируют персонажи гламура – ***Ян Шрагер** и **Стив Рабелл, Филипп***

Старк. Попробуйте проверить собственную осведомленность в мире брендов – все это рассыпано по роману: *Лаундж-зона, выдержанная в традициях парижского Costes, Porshe cayman, Range Rover Vogue, Dsquared, LG, Prada, Juicy Couture, Телефон Vertu, Туфли Christian Labutan, Кольцо Chopard, Nokia Sirocco Edition, Минеральная вода Evian, Y-3, Часы Longines, Swatch, Виски Dewars, дезодорант Axe, Vogue, CQ, Harper's, Bazar, Robb Report, Стрижка а-ля Джастин Тимберлейк, шампанское Ruinart, сапоги Gucci, вино Grigio от Livio Felluga, Celin, Bacardi, Calvin Clein, кеды Converse, черный костюм Ralph Lauren, dries van Noten, Dirk Bikkenbergs, сумки Downtown YSL, туфли от Manolo Blahnic, кольца «pasquale Bruni», Блокнот Moleskine, Bosco Café, темные очки Ray Ban Wraparound*.

Характерны и сложные образцы игры слов, интертекста, часто макароническо- – признак городской культуры современного российского мегаполиса: *Как закалялся «style»*.

Здесь читают **глянец** – меню удовольствий *GQ* и *Vogue*, обсуждают клубные истории проектов в Европе и штатах *party, night-people, spa-салон. Сумки Tod's, товары Pal Zelieri Paul & Shark, все эти нескончаемые cartier – tiffany – alainsilberschtain* являются непременными атрибутами этой языковой личности.

Наш герой – *Dyxless*, на щите которого словно написано «Буду работать за еду и шмотки». А ниже логотип «*Dolche & Gabbana*».

Мир глянца, субкультура глянца – в центре многих описаний: *Ты начинаешь свой день с кофе и неспешно выкуренной сигареты под* ***Blur Pulp Radiohead, Cure, oasis, nirvana, Pearl jam, Smashing Pumpkins, Linkin park, garbage.***

Соответственны аллюзии героя: *Из-за алчной неврастенички, вообразившей себя* ***Хербом Ритцем****; А на полу валяется дубленка, как в том клипе у* ***Боно*** *из* ***U-2****; Дальнейшее происходит как в боевиках* ***Гая Риччи****; Надо иметь силы, чтобы уйти на пике, – думаю я. – Как* ***Джамирокуай****...; Эксклюзивное* ***pre-party*** *единственного концерта* ***Джорджа Майкла****; В голове играет* ***Moby – «We're all made of stars»****; Москва – город* ***менеджеров на hold-e***.

Роль музыки в тусовке постоянно подчеркнута: *вся компания дрыгается, не попадая в такт под* ***Гейнор, «Кровосток», Mika, Madonna, «ABBA», Benassi, Элвиса Пресли, «Basement Jaxx», Pulp****, разбавленный откровенным говном типа «Виа-Гры», Димы Билана и «Блестящих»*.

Герой – англоман, если под этим понимать знатока современной американской музыкальной культуры: *Я похож на* ***Джастина Тимберлейка****, хотя мечтаю выглядеть, как* ***Джим Моррисон****. Мои кумиры –* ***Курт Кобейн****,* ***Микки Рурк*** *и* ***Моррисси****. Ну еще немного* ***Тупак Шакур****. Нашу тусовку предал только* ***Билли Коргна****, возродивший «****Smashing Pumpkins****»*.

*Достаю из шкафа бутылку «****Dewars****», залпом накатываю стакан. Вставляю в плеер диск с концертом* ***Моррисси «Who put "Main Manchester"».***

Мир музыки выступает как позывные: ***Земфира, МакSим, Shinead O'Connor, Cardigans, Bryan Ferri*** *– теперь твои любимые исполнители, не говоря о* ***George Michael***.

Западничество – манифест героя: *Я не могу позволить себе, чтобы в моей машине на заднем сиденье валялась книга с названием «Комбат атакует» или «Спецназ выходит на связь». Я не смотрю «Бригаду». Не люблю русский рок. У меня нет компакт-диска Сереги с «Черным бумером». Я читаю* ***Уэльбека, Эллиса,*** *смотрю*

старое кино с ***Марлен Дитрих****. И свои первые деньги я потратил не на «бэху» четырехлетнюю, как у пацанов, а на поездку в Париж.*

Мы представили здесь ядро лексикона языковой личности современного молодого менеджера. Это прежде всего концепты и бренды. Оно свидетельствует о том, что современная языковая личность очень далеко ушла от словарей, претендующих на описание ее менталитета.

ЛИТЕРАТУРА

Минаев С. Духless. The телки. – М.: АСТ; Астрель, 2008.

LINGUISTIC PERSONALITY: KEY CONCEPTS AND PRECEDENTS

A.B. Bushev

The article surveys the material of modern Russian fiction portraying Linguistic Personality of a Russian businessman with the emphasis on lexical changes. The vocabulary is abundant in transliterations, calques, barbarisms, and American loans. Linguo-culrural aspect makes us pay attention to the system of values and images within the structure of the linguistic personality under study, which finds its expression in precedent names and texts.

© 2009

Н.В. Кудрина

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА МАТЕРИАЛА ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ЯЗЫКА АННЫ АХМАТОВОЙ

Одной из ярких составляющих индивидуального поэтического языка Анны Ахматовой является фразеологический состав, который отражает особенности мировоззрения поэтессы, специфику ее творчества, стремление воспроизвести многообразие предметов и явлений реальной действительности, отразить «вещность» мира и его органическую целостность.

Работая над словарем фразеологизмов, функционирующих в лирике А. Ахматовой, мы стремимся не только зафиксировать фразеологические единицы (ФЕ), но и отразить авторское фразоупотребление, т.к. исследование фразеологии в семантико-грамматическом и в коммуникативно-прагматическом аспекте позволяет от наблюдения за способами использования ФЕ перейти к выявлению и анализу внутреннего мира автора, воспроизводящего их в процессе речетворческой деятельности.

Специфика нашего материала обусловила необходимость и целесообразность широкого понимания объекта фразеологии. Язык поэзии представляет собой особую структурно-функциональную систему языковых знаков, т.к. ритмические и структурные особенности, образно-семантическая емкость стихотворных текстов существенно отличаются от прозаических и позволяют реали-

зовать поэтическую функцию языка. Поэтому во фразеологический словарь Анны Ахматовой включены единицы, составляющие как ядро фразеологической системы, так и ее периферию.

К ядру фразеологической системы относятся фразеологические сращения и фразеологические единства, которым свойственна высокая степень семантической слитности компонентов *(Божий дом, вавилонская блудница, насущный хлеб, Христова невеста; тишь да гладь, Божья благодать)*. Напр., *А у нас – **тишь да гладь, / Божья благодать.** / А у нас – светлых глаз // Нет приказу подымать» (Четки); Поглядел на меня прозорливец / И промолвил: «**Христова невеста!** / Не завидуй удаче счастливиц, / Там тебе уготовано место»* (Белая стая). На периферии располагаются: фразеологические сочетания, в которых один из компонентов реализует фразеологически связанное значение *(белые ночи, друг сердца)*; составные терминологические наименования *(текущий счет);* поэтические фразеологизмы *(бег времени, священное ремесло, нежный недуг);* фразеологические обращения *(мой милый, мой тихий);* имена литературных персонажей *(Дон Жуан, Санчо Панса);* составные наименования географических объектов *(Старая Русса, Царское Село);* имена исторических деятелей *(боярыня Морозова, Петр Великий);* окказиональные образования *(город печали и гнева)*.

Особый пласт в поэзии Анны Ахматовой составляют поэтические фразеологизмы, которые представляют собой «своеобразные синкретические «пограничные» гибридные единицы художественной речи, совмещающие в себе свойства метафоры и перифразы, преимущественно используемые в художественном тексте» [Алещенко 1998: 49]. В художественном тексте поэтические фразеологизмы призваны повысить воздействие речи на читателя. В их основе лежат ассоциативные связи между предметами и явлениями, которые позволяют сблизить отдаленные понятия и отразить субъективное авторское восприятие действительности, что свойственно художественному мышлению.

Поэтические фразеологизмы обладают многими признаками, которые сближают их с общеупотребительными ФЕ, но, в отличие от последних, имеют относительную воспроизводимость и устойчивость. Понятие устойчивости у них распространено только на создаваемый опорным компонентом образ, который поэтические фразеологизмы в себе несут ([Рыньков 1975], [Алещенко 1998]). Поэтические фразеологизмы входят не во все тематические группы. Они могут обозначать лицо, пейзаж, войну, поэтическое творчество, жизнь и смерть, чувства и состояния человека ([Григорьева, Иванова 1969], [Иванова 1992]). Сфера их функционирования ограничена художественным текстом, хотя возможен переход поэтических фразеологизмов в общеупотребительные вследствие стирания образности, иногда десемантизации образного слова.

В творчестве Анны Ахматовой поэтические фразеологизмы преобладают среди единиц, номинирующих явления природы и абстрактные понятия, потому что именно эти явления, касающиеся основных человеческих ценностей и важнейших аспектов бытия, актуальны для поэзии. Особый интерес представляют поэтические наименования любви и разнообразных форм ее проявления: *душевный жар, жалящая мука, истома сладострастья, любовная пытка, любовные сети, проклятый хмель, сладостный дар, тайна тайн, обманная страна* и др. (27 ФЕ).

По данным «Словаря языка поэзии», общепоэтический фонд фразеологизмов-наименований любви чрезвычайно разнообразен [Иванова 2004: 268–278]. Однако изображение любовных переживаний в стихах Анны Ахматовой носит ярко выраженный индивидуальный характер. Отличительной особенностью лирики поэтессы является внимание к психологическому аспекту любовных переживаний. Поэтические фразеологизмы – наименования любви выражают бушующую в душе лирической героини страсть, обозначают тяжелое душевное положение любящего человека, поэтому большая их часть имеет отрицательную коннотацию. В такой трактовке любви «косвенным образом отразился напряженный драматизм существования личности в преддверии мировых катастроф» [Кихней 1997: 11]. Фразеологические наименования любви в лирике Ахматовой чаще всего опираются на материальные образы *болезни, муки, пытки, огня* или *жара, грозы* и др., что указывает на высокую напряженность чувства, его силу. Напр., *Знаю: гадая, и мне обрывать / Нежный цветок маргаритку. / Должен на этой земле испытать / Каждый* ***любовную пытку*** *(Вечер); О нет, я не тебя любила, / Палима* ***сладостным огнем****, / Так объясни, какая сила / В печальном имени твоем* (Подорожник).

Важную роль в лирике Анны Ахматовой играют составные наименования географических объектов, или фразеологические топонимы. Топонимы имеют знаковый характер в судьбе поэтессы и лирической героини ее стихов, в истории и культуре России. Вплетаясь в ткань художественного произведения, они пробуждают в сознании читателей многочисленные смысловые, культурно-исторические ассоциации, т.к. данные ФЕ «представляют собой свернутый текст, текст в тексте, обладающий потенциалом культурно-исторических знаний, сознательно пробуждаемых автором» [Бабенко 2004: 185] и выступают как целостные знаки культуры. Так, наиболее частотным в стихах А. Ахматовой является фразеологизм *Летний сад*, называющий место особого поэтического вдохновения: *Во мне еще, как песня или горе, / Последняя зима перед войной. / Белее сводов Смольного собора, / Таинственней, чем пышный* ***Летний сад*** */ Она была* (Белая стая); И ***сада Летнего*** *решетка, / И оснеженный Ленинград / Возникли, словно в книге этой / Из мглы магических зеркал...* (Тростник).

Имена исторических персонажей в лирике поэтессы также выступают как целостные знаки и воспринимаются как «прецедентные», т.е. «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер» [Караулов 1987: 216]. Включаясь в образную структуру текста лирического произведения, «имя апеллирует <...> к коллективному когнитивному пространству автора и читателя, фонду общих знаний» [Кузьмина 1999: 135–136]. Так, ФЕ *Петр Великий* воплощает образ могущества, своеволия и власти, ФЕ *боярыня Морозова* – образ страдания и верности своим убеждениям. При этом в лирике А. Ахматовой семантическое наполнение данных единиц оказывается намного глубже, чем в общеязыковом употреблении, «возникает несколько смысловых планов поэтического развития словообраза» [Виноградов 1999: 488].

Напр., единица *боярыня Морозова* в стихотворении «Я знаю, с места не сдвинуться...» позволяет провести параллель между биографией великой раскольницы и судьбой поэтессы, сохранившей верность себе и русской культуре в

страшные годы массовых репрессий. Способствует этому и возникающий в одном из стихотворений зрительный образ известной картины В.И. Сурикова: *С душистою веткой березовой / Под Троицу в церкви стоять, / С* ***боярынею Морозовой*** */ Сладимый медок попивать, / А после на дровнях в сумерки / В навозном снегу тонуть... / Какой сумасшедший Суриков / Мой последний напишет путь?* (Бег времени).

Под влиянием контекста возникают окказиональные, или индивидуально-авторские фразеологизмы, которые характеризуются единичностью своего употребления и используются для «образной передачи неповторимых ситуаций, неповторимых индивидуальных восприятий, индивидуальных оценок действительности» [Рыньков 1975: 24]. В лирике Анны Ахматовой к единицам данного типа относятся: 1) собственно окказиональные ФЕ, созданные в результате различного рода трансформаций общеязыковых и поэтических фразеологизмов *(последняя сила, свой путь, чумный пир, Божья немилость);* 2) индивидуально-авторские ФЕ, обладающие повторяемостью в рамках индивидуальной поэтической системы *(первые дни, вторая встреча, мой тихий, покаянная рубаха);* 3) индивидуально-авторские ФЕ перифрастического характера, которые представлены единичными употреблениями (*столетняя чаровница* – романтическая поэма, *город парков и зал* – Царское Село, *смуглый отрок* – А.С. Пушкин).

Индивидуально-авторские ФЕ возникают в результате образного осмысления и фразеологизации свободных словосочетаний. Они являются важным стилеобразующим фактором в языке поэзии Анны Ахматовой, их функционирование подчинено решению определенных эстетических задач: являясь средством вторичной номинации, в условиях конкретного поэтического текста они включаются в общую систему образных средств.

Спецификой функционирования фразеологизмов в лирике поэтессы является активное использование трансформированных единиц. Преобразованию фразеологизмов способствует их контекстное окружение, цели, которые ставит перед собой автор в конкретном стихотворении, культурно-исторический контекст. Анна Ахматова оживляет образную основу фразеологизмов, актуализирует контекст, что способствует окказиональному авторскому проявлению семантики ФЕ. Фразеологизмы чаще всего подвергаются структурно-семантическим преобразованиям (по классификации А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко). Среди них наиболее частотные – изменения в расположении компонентов и изменения компонентного состава фразеологизмов. Напр., *Как ни стремилась к Пальмире я Золотоглавой, / Но суждено мне здесь дожить до первой розы* (Нечет) – замена атрибутивного компонента; синтаксическая инверсия; дистантное расположение компонентов.

Таким образом, составление словаря фразеологизмов, функционирующих в лирике Анны Ахматовой, позволит раскрыть одну из важнейших составляющих ее индивидуального поэтического языка – фразеологическую стихию, которая ярко отражает особенности мировоззрения поэтессы. Словарь позволит расширить представление о специфике функционирования ФЕ в поэтическом тексте и внесет определенный вклад в теорию поэтической речи.

ЛИТЕРАТУРА

Алещенко Е.И. Русская поэтическая фразеология (на материале произведений В.М. Гаршина и Н.С. Лескова): дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1998.

Ахматова А.А. Соч.: в 2 т. – М.: Правда, 1990.

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004.

Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Наука, 1999.

Григорьева А.Д., Иванова Н.Н. Поэтическая фразеология Пушкина. – М.: Наука, 1969.

Иванова Н.Н. Поэтические номинации в русской лирике. – М.: Наука, 1992.

Иванова Н.Н., Иванова О.Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX в.). – М.: [АСТ и др.], 2004.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М.: Диалог МГУ, 1997.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1999.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари; Астрель, 2001.

Рыньков Л.Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX века (Послепушкинский период). – Челябинск: Юж.-Урал. книж. изд-во, 1975.

UNIT SELECTION PRINCIPLES IN COMPILING PHRASEOLOGICAL CONCORDANCE OF ANNA AKHMATOVA

N.V. Kudrina

Phraseology is one of the major features of A. Ahmatova's individual poetic style. It gives a vivid notion of the poet's outlook. Features peculiar to the poetic text determined the choice of the units for the dictionary. They are presented both by the nucleus phraseology (phraseological fusions and unities), and its periphery (poetic units, compound place names, nonce words and phrases, etc.).

© 2009

Т.В. Гусейнова

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ С.Т. АКСАКОВА
(к словарю языковой личности)

В сферу изучения словаря писателя входит, в первую очередь, словесная ткань его произведений. В данной работе определение словарного состава художественной речи С.Т. Аксакова основывается на материале его малой прозы, а именно охотничьих рассказов «Полая вода и ловля рыбы в водополье», «Ловля шатром тетеревов и куропаток», «Выниманье лисят», «Охота с острогою», «Ловля мелких зверьков», «Гоньба лис и волков», очерков «Буран» и «Очерк зимнего дня».

Характеристику словаря писателя логично начинать с исследования лексических приемов, определяющих собственно эстетико-художественное значение речи. Наблюдения над текстами аксаковских произведений показывают, что автор использовал все средства выразительности для создания образов природных явлений, охоты, передающие не только зрительные, но и слуховые, тактильные впечатления. Напр., зрительную сторону образа снегопада создают метафоричные контекстуальные слова и выражения-синонимы к слову *снегопад* в «Очерке зимнего дня»: *благодатный снег начал прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю; порхающие в воздухе пушистые снежинки; тихое падение или опущение снега; вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной; падающий снег; осыпаемый снежными хлопьями; опускающиеся снежинки*.

Большое внимание С.Т. Аксаков уделяет и правдивому воссозданию эмоционального состояния, переживаний участника события. Приведем примеры из охотничьих рассказов, передающих то состояние духа, в котором пребывает страстный любитель охоты: *горячо любимая (охота); радостные (минуты); веселит; обрадовались; горячит, тревожит и радостно волнует сердце; с удовольствием; с тревожным нетерпением; с сильным биением сердца; с радостью и торжеством*; *приходит в какое-то вдохновенное состояние, в самозабвенье*. Нельзя не заметить, что С.Т. Аксаков подобрал слова, выражающие эмоции в высшей степени своего проявления.

В произведениях С.Т. Аксакова представлена целая гамма языковых средств разной стилистической окраски. Очерки и охотничьи рассказы объединяет тесное взаимодействие стилистически-нейтральной лексики, составляющей основу словесной ткани текстов, со словами устной разговорно-бытовой речи и просторечия. С одной стороны, это придает живость, экспрессивность художественной речи, с другой, создает атмосферу непринужденного общения рассказчика с читателем, с третьей, подчеркивает то, что изображаемые события и явления – это *события в деревенской жизни, о которых не имеют понятия городские жители*. Приведем примеры разговорной лексики: *добычливый, повадились, порядочный* (в значении ‘большой’), *теперешний, сладить, щуренок/щурята,*

вертлява, угодить (в значении ‘попасть во что-нибудь’), *(морозы) прохватили, сейчас* (в значении ‘сразу’), *невзначай, болтай, чертовщина, глядь-ка, оборотясь, (не) отбился* (в значении ‘отстал’), *авось, гололедица, занимал (дыханье), тащился, стужа, полно;* и просторечной: *покуда, водополье, (куча) баб, воротиться, скотина, сподручный, помольцы* (в значении ‘помощники мельника’), *скликнув, смекнули, одурелые* и др. Разговорно-просторечная лексика также служит для речевой характеристики простых людей из народа: *«Ну, Гришка, – говорил один* [помольщик]*, очень высокий ростом, – хорошо, что щука-то тебя не видала. Ты летось ведь купался здесь: зглонула бы она тебя, как утенка, и поминай как звали – пропал бы ты без вести!»* («Охота с острогою») [Аксаков 1984: 379].

В отличие от очерков, в словесную ткань охотничьих рассказов вплетаются также абстрактные слова: *вскрытие (воды), мутность, оправка, ставленье, приваживание, выниманье, укрывание, доставление, рассматриванье, преследование, огрызанье, гоньба* и др., которые придают художественным произведениям оттенок отвлеченности и обобщенности, присущий научным текстам. Характерно, что даже конкретная лексика обозначает общие понятия: *рыба, рыбак, охотник, тетерева, куропатки, лисята, хорек, горностай, ласка, лиса, волк*. Этот отвлеченно-обобщенный характер речи подчеркивается специальными лексическими единицами: *всякий, обыкновенно, обыкновение*. Отметим также пример использования глагола не в своем основном и конкретном значении, но с обобщенно-отвлеченной семантикой: *следует (крыть)* («Ловля шатром тетеревов и куропаток»). Необходимо также указать на то, что подобно научным текстам в охотничьих рассказах часто указывается родовое наименование предмета речи и перечисляются его виды: *рыбы: щуки, окуни, ерши, плотва, головли, язи, окуни, лини, сомы, жерехи, судаки; воды тихие и стоячие: пруды, озера, большие затоны, или заливы, рек* и т.п. Такие приемы оформления выводов вносят в художественный стиль струю научного стиля, что создает довольно интересный эффект: сочетание художественно-образной речевой конкретизации с обобщенностью. Это позволяет автору говорить о том или ином конкретном событии со всеми подробностями обстоятельства как о закономерном явлении, т.е. придать частному случаю характер обобщенности.

Следующая особенность аксаковских художественных текстов заключается в широком использовании возможностей лексики ограниченного употребления. Напр., в сравнении с очерками своеобразие словарного состава охотничьих рассказов определяется бесстрашным обращением к весьма необычным для художественной речи словам и выражениям, извлеченным из охотничьего говора. Охотничьи профессионализмы здесь служат не только для обозначения различных, так сказать, производственных процессов, орудий производства, сырья, получаемой продукции, но и имеют большое эстетическое значение. Они показывают, что охота *имеет свои тонкости, свое знанье дела, свое уменье, свои удачи и неудачи, следственно, свой интерес* [Аксаков 1984: 378], что позволяет раскрыть внутренний мир охотника и вовлечь в него читателя. В тесной связи с разговорной лексикой слова из охотничьего говора придают оригинальность речи автора-рассказчика. Приведем примеры профессионализмов (обратим внимание, что здесь также указывается родовое наименование предмета речи и перечисляются его виды), напр., *рыболовные снасти: наметка, морда, крылена,*

хвостуша, острога («Полая вода и ловля рыбы в водополье»); *привада; приваженная птица; покрытая птица* («Ловля шатром тетеревов и куропаток»); *лисята раннего помета; норы и поднорки; сурчина; лисятник; щенок-выборзок; легавые собаки* («Выниманье лисят»); *обыкновенные снасти: бредни, небольшие невода, сети, вятели;* («Охота с острогою»); *поставушки: капканы, самострелы, плашки, стульчики* («Ловля мелких зверьков»); *лисий нарыск, волчий след; съезжать зверя* («Гоньба лис и волков»). Слова из охотничьего говора встречаются и в «Очерке зимнего дня»: *мелкоснежье; стрельба тетеревов с подъезда; русачьи малики; где малик – там и русак.*

Стремление объяснить разнообразные явления из охотничьей практики подводят рассказчика к необходимости краткого либо развернутого комментария в научной манере многих охотничьих слов и выражений. Напр., *шатром называется сеть, связанная из суровых, посконных и преимущественно конопляных крепких ниток. Эта птицеловная снасть представляет подобие колпака, или воронки, или всего ближе – островерховой палатки,* ***шатра****, отчего и названа очень верно этим последним именем* («Ловля шатром тетеревов и куропаток»). С.Т. Аксаков вводит в текст слова охотничьего говора большей частью «цитатно», когда они присутствуют в контексте как иностилевой элемент, и путем курсивного выделения, напр., *мечет,* ***бьет*** *икру, выражаясь по-рыбачьи* («Охота с острогою»); *Это действие называется:* ***уронить шатер*** («Ловля шатром тетеревов и куропаток»).

Кроме слов профессионально ограниченного употребления, в художественную речь охотничьих рассказов С.Т. Аксаков вовлекает и регионализмы, большей частью передающие местный колорит – особенности природы и жизни людей той или иной местности. Данная лексика также употребляется «цитатно»: *идет сильный снег, или* ***крутит буран,*** *выражаясь по-оренбургски*; *вятель, вентель, или крылена, как зовут его в низовых губерниях*; *голубых синиц (бесков – по-оренбургски)*; *морда (нерот, или нарот – по-московски, или верша – по-тульски).*

В состав регионализмов входят и тюркизмы из очерка «Буран» как слова, свойственные речи жителей Оренбургской губернии начала XIX в. Среди них есть и уже «обрусевшие» на сегодняшний день, практически утратившие свой «ориентальный» колорит *буран, шиш, лошадь, базар* и другие, и явно выделяющиеся своей экзотичностью в русской речи лексические единицы: *зипун, малахай, сырт, кошма.* Такая лексика указывает на место описываемых событий. Это Оренбургская степь, по которой кочевали башкиры.

Кроме ярких лексических особенностей, у С.Т. Аксакова есть интересные фразеологические примеры. Наблюдения над фразеологизмами аксаковских текстов позволяют, во-первых, говорить о художественно оправданном включении в них единиц разной стилистической окраски, что придает художественной речи особую силу и убедительность, живость, красочность, образность. Можно выделить общеупотребительные фразеологизмы, напр., *из уст в уста, от мала до велика* («Полая вода и ловля рыбы в водополье»); *действующее лицо, изо всех сил, что есть мочи, сердце замирает, поминай как звали, пропал бы ты без вести* («Охота с острогою»); *своими собственными глазами, выбившись из сил, перевесть дух, присутствие духа* («Гоньба лис и волков»); *час от часу, цыганский пот, бог помилует, все равно, на волю божью* («Буран»); фразеологические еди-

ницы (ФЕ) книжного характера, напр., *от времени до времени* («Полая вода и ловля рыбы в водополье»); ФЕ с разговорной окраской *статья особая* («Полая вода и ловля рыбы в водополье»), *в одну минуту* («Ловля шатром тетеревов и куропаток»), *делать нечего, бог даст* («Буран»); просторечные ФЕ *на (своем) веку* («Охота с острогою»), *чем ни попало* («Буран») и общеупотребительные, но стилизованные под просторечье для речевой характеристики людей из народа *гляди в оба, (дожидаться) свету божьего, на белом свету* («Буран»).

Обращение к фразеологизмам позволяет, во-вторых, выделить определенные приемы индивидуально-художественной обработки и употребления С.Т. Аксаковым общенародного фразеологического фонда. Одним из них является обновление лексико-грамматической стороны ФЕ. Напр., фразеологизм *среди (средь) бела дня* имеет значение ‘днем, когда светло’, обладает особой структурной слитностью. В нем слова совершенно не имеют грамматических форм. От данного фразеологизма образуется оборот *белый день: наступает* ***белый*** *день, как говорится* («Ловля шатром тетеревов и куропаток»); *бока пролежишь, дожидаясь белого дня; белый день вступал в свои права* («Буран»), – слова в котором обладают грамматическими формами, семантика обстоятельственности теряется и значение расширяется – ‘собственно светлая часть дня’. Следующий прием заключается в смешении фразеологизмов, напр., в обороте *не без труда* («Охота с острогою») «слились» общеупотребительные фразеологизмы-антонимы *без труда* (‘легко, не напрягаясь’) и *с трудом* (‘едва, насилу’); во фрагменте *человек теряет память, присутствие духа, безумеет* сочетаются фразеологизмы *терять память* (‘утратить способность понимать, здраво рассуждать’) и *присутствие духа* (‘спокойствие, самообладание’), причем последним в грамматическом плане управляет компонент первого оборота *теряет*. Определенный художественный эффект вызывает восстановление первоначального значения слов, входящих во фразеологизм *по пятам: гонит зверя по пятам, по всем извилинам и поворотам его бега* («Гоньба лис и волков»). В результате происходит двуплановое осмысление данного фразеологизма. Следующую особенность аксаковского фразеологического новаторства можно определить как развертывание значения фразеологизма, повторение его смысла в последующих словах, напр., оборота *кровь стынет* со значением ‘о чувстве ужаса, сильного испуга’: *кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время буранов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы;* фразеологизма *крещенские морозы* (‘сильные морозы во второй половине января, бывающие во время церковного праздника – Крещения’): *Жестокий крещенский мороз сковал природу, сжимал, палил, жег все живое;* фразеологизма *без памяти* со значением ‘без сознания’: *они стали двигаться, раскрыли глаза, но все еще были без памяти, как бы одурелые, без всякого сознания* («Буран»).

Таким образом, исследование словарного состава произведений С.Т. Аксакова свидетельствует о том, что писатель сумел органично соединить в своей художественной речи книжные элементы со специфическими словами и выражениями из охотничьего говора, т.е. узкопрофессиональной лексике придал художественную значимость, и, таким образом, обогатил лексический состав русской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

Аксаков С.Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. – Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1984.

Аксаков С.Т. Собр. соч.: в 3 т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т.3.

THE STUDY OF WORDS-AND-PHRASES OF S.T. AKSAKOV'S PROSE STYLE (ON A LINGUISTIC PERSONALITY CONCORDANCE)

T.V. Guseynova

The article, based on S.T. Aksakov's prose, deals with lexical and phraseological features of his style including intrinsic combination of words and phrases of different stylistic coloring, a blend of bookish elements and hunter slanguage, individual phrase transformations and the use of general phraseology.

© 2009

С.В. Анохина

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА ПРОЗЫ И.А. БУНИНА

(на материале лексико-фразеологических антропономинантов)

Одним из актуальных направлений в современной лексикографии и фразеографии является создание частных словарей, в том числе словарей языка писателя. Творчество И.А. Бунина несомненно нуждается в лексикографической обработке.

Важное место в повествовательной структуре художественного текста писателя занимают лексико-фразеологические антропономинанты (ЛФАН), обладающие «максимальной степенью антропоцентричности»: они «непосредственно направлены на человека, отражают человека во всем многообразии его проявлений и свойств – внешних (физических), внутренних (морально-психических) и социальных» [Ратушная 2000: 3].

Именно эти языковые единицы планируется описать в словаре языка прозы И.А. Бунина. Под ЛФАН мы понимаем нарицательные одушевленные имена существительные и предметные фразеологизмы субкатегории лица, обозначающие человека, собственные существительные, являющиеся личными именами людей. Антропонимы в рамках словаря анализу подвергаться не будут.

Помимо предисловия, правил пользования, указателей, в словарь предполагается включить более 700 статей – по числу выявленных в прозе И.А. Бунина ЛФАН.

Номинация человека играет большую роль в языковой картине мира Ивана Алексеевича Бунина. Значимость личности в контексте творчества писателя

определяется на фоне национально-исторической жизни, бытия природы. И.А. Бунин стремится соотнести человеческое «я» с природной жизнью, для него важна гармония личности с природой. Необходимым качеством личности, с точки зрения писателя, является умение принять жизнь как драгоценный дар, понять и почувствовать ее ценность. Для И.А. Бунина имеют значение тончайшие проявления чувств человека, мироощущение личности, отношение к бытию природы.

ЛФАН в прозе И.А. Бунина делятся на четыре семантические группы: 1) наименования человека по внешним свойствам, признакам; 2) наименования человека по внутренним свойствам, чертам характера; 3) наименования человека по социальным признакам; 4) обобщенные наименования человека. Наиболее многочисленна в произведениях И.А. Бунина группа наименований человека по социальным признакам, самой немногочисленной является группа обобщенных наименований человека.

В произведениях писателя употребляется более 100 единиц, называющих человека по внешним свойствам. Внутри исследуемой группы выделяется две подгруппы: 1) наименования человека по биологическим признакам (*молодой человек, ребенок, старик, старый человек, девушка, мальчик, женщина, мужчина, женский пол, шут гороховый, красавец, красавица, лохмач, калека, рахитик, дылда, щеголь* и др.); 2) наименования человека по физиологическим признакам (*слепой, слепец, худая трава, оброчный кочет, рябой, пьяница* и др.). В данном случае происходит конкретизация семы ‘внешний признак’ семами ‘биологический признак’ и ‘физиологический признак’.

В рассказах и повестях И.А. Бунина функционируют единицы, обозначающие человека по возрасту, полу и общему эстетическому впечатлению от его внешнего вида, облика и др. Напр., ***Девочкой*** *она ничем не выделялась в толпе коричневых гимназических платьиц...* (Легкое дыхание). – *До чего дерзок этот* ***дылда,*** *вы и представить себе не можете!* (Суходол).

В прозе И.А. Бунина насчитывается около 20 слов и фразеологизмов-наименований человека по физиологическим признакам. В значении единиц анализируемого множества сема ‘физиологический признак’ уточняется семами ‘свойство’, ‘состояние’, которые, в свою очередь, конкретизируются дифференциальными семами. Эта группа немногочисленна. Ее составляют единицы, обладающие обычно отрицательной коннотацией, поскольку они содержат сему отклонения от нормы. Отсюда потенциальные семы ‘неодобрительность’, ‘пренебрежение’. Напр.,

– *Кто знает, отец Кир, – ответил ему Селихов с усмешкой. Кто знает, не придется ли м н е стоять у возглавия вашего? Не забывайте, что вы* ***пьяница,*** *отец Кир* (Чаша жизни). *Кузнец был* ***горький пьяница*** *и тоже полагал, что умней его во всем свете нет, что и пьет-то он по причине своего ума* (Веселый двор). В семантической структуре данных единиц выделяется сема ‘высшая степень признака’, поскольку они называют человека, злоупотребляющего спиртным, алкоголика. Фразеологические единицы (ФЕ) *горький пьяница, старый пьяница* имеют значение ‘пьющий запоем, безнадежный алкоголик’. Второй фразеологизм содержит сему ‘возраст’. Данные единицы характеризуются наличием потенциальных сем ‘неодобрение’, ‘пренебрежение’.

И.А. Бунин был не только тонким наблюдателем, но и психологом, он пытался разобраться в душе человека, его привлекали темные и светлые стороны личности; «тема загадочной русской души» стала одной из тех, к которым писатель «обращался на протяжении всего своего творчества» [Фиш 2005: 116]. Наименования человека по внутренним свойствам, качествам характера в прозе И.А. Бунина встречаются часто. В состав этой группы входит около 120 лексем и ФЕ, выявленных нами в произведениях писателя. Слова и фразеологизмы могут называть человека как носителя различных внутренних свойств характера, которые в совокупности составляют психический портрет личности; они отражают различные качества, составляющие структуру характера: убеждения, морально-нравственные и волевые качества, интеллектуальные способности, темперамент.

Внутри исследуемой группы можно выделить две подгруппы: 1) наименования человека по отношению к другим людям (*побирушка, злодей, свинья, собака, мерзавец, негодяй, старый черт, дьявол слепой, старая гнида, голоштанный черт, мальчик на побегушках, пестрая душа, золотой человек* и др.); 2) наименования человека по свойствам характера, проявляющимся в деятельности (интеллектуальной, трудовой и т.д.) (*дурак, олух царя небесного, умница, гений, самородок, лодырь, лентяй, пустоболт, балагур, шалун, шалопай, лгун, смиренница, вольный казак* и др.). Напр., *[Улитка]: – Говорят, что я скрытная, угрюмая, неподвижная... Людей, подобных мне, тоже презрительно называют «**людьми в футляре**» и так далее, но что же из этого остроумия следует? Почему футляр так плох?* (Мелкие рассказы). *– Таперь! – передразнил Тихон Ильич. – **Деревня стоеросовая!** А еще революцанер...* (Деревня).

Все единицы данной группы в той или иной мере отражают русский национальный характер «в его нескончаемой многоликости», И.А. Бунин изображает разнообразные «индивидуальные “варианты” национальной психологии», он видит «в национальном характере такой комплекс, который принципиально не вместим в какой-либо *единичный тип*» [Колобаева 1990: 75].

Среди слов и фразеологизмов-наименований человека, выявленных нами в рассказах и повестях И.А. Бунина, наиболее многочисленную группу, боле 300 единиц, составляют антропономинанты, называющие лицо по его социальным свойствам, признакам, общественному положению, роли в коллективе, социальной деятельности и т.д. Такие лексемы и ФЕ объединены интегральной групповой семой ‘социальный признак’, которая уточняется семами меньшей степени абстракции. Внутри этой группы можно выделить три подгруппы: 1) наименования человека по социальным свойствам (*маленький человек, высокая особа, царедворец, царь, вельможа, нищий, владыка, дворовое сословие* и др.); 2) наименования человека по ситуативным состояниям (*обуза, лишний рот, забота, осел на шею* и некоторые др.); 3) наименования человека по соотнесенности, связям, отношению к кому-либо (*друг, приятель, товарищ, закадычный друг, большие друзья, старый друг, друзья-приятели* и др.). Напр., *Маторин <...> обеднел <...> сидит в трактире Даева, пьет понемножку, хмелеет и приговаривает: – Мы – **люди маленькие**: выпили, закусили, расплатились – и домой* (Деревня). *...узнали, что темен и сумрачен был старый суходольский дом, что сумасшедший **дед** наш Петр Кириллыч был убит в этом доме **незаконным сыном** своим,*

Герваськой, другом ***отца*** *нашего и* ***двоюродным братом*** *Натальи ...* (Суходол).

Доминирование этой группы означает, что И.А. Бунина нельзя считать асоциальным писателем. Он показывал сложные взаимоотношения барина и мужика: это и личные связи (тайная любовь, смешение крови), и отношения между господином и рабом. Всё это отражается и в речи персонажей, и в авторском повествовании. Данную группу составляют фразеологизмы, называющие лицо по его социальным свойствам, признакам: общественному положению, роли в коллективе, социальной деятельности и т.д. Такие ФЕ объединены интегральной групповой семой 'социальный признак', которая уточняется семами меньшей степени абстракции. В соответствии со своей семантикой данные фразеологизмы объединяются в различные подгруппы, основанные на их семантической общности, образуют синонимические и антонимические пары и ряды.

Слова и фразеологизмы-антропономинанты с отвлеченной семантикой, являющиеся обобщенными наименованиями человека, представлены небольшим количеством единиц (около 80). Семантическая структура обобщенных наименований лица отличается «очень высокой степенью отвлеченности и может быть представлена в виде конфигурации сем 'предметность', 'одушевленность' и 'лицо', комплекса дифференцирующих сем, которые отражают конкретные, индивидуальные свойства человека» [Ратушная 2000: 150].

Все выявленные нами в рассказах И.А. Бунина антропономинанты, относящиеся к этой группе, можно разделить на три подгруппы: 1) слова и фразеологизмы – обобщающие наименования человека как представителя рода homo sapiens, как живого существа. В ряду *человек, существо, субъект, раб божий, раба божья, божий человек, сын Божий, сын человеческий* слова называют отдельное лицо, а фразеологизмы имеют значение 'человек как существо, созданное богом'; 2) фразеологизмы с местоименной семантикой. В рассказах И.А. Бунина имеются ФЕ с компонентом-притяжательным местоимением: *наш брат, ваш брат, ихний брат* – указывают на группу лиц, к которой говорящий себя причисляет или, напротив, к которой он себя не относит. Кроме того, данные фразеологизмы имеют дополнительные семы, напр., 'мужской пол' (*наш брат* – 'мы и нам подобные'); 3) лексические и фразеологические обращения к человеку (единицы, называющие лицо, которому адресована речь, выполняющие оценочно-характризующую функцию, выражающие отношение к адресату речи со стороны говорящего): *– Да,* ***братец ты мой****, – говорил Федот, – истинно до слез меня довела* (Ночной разговор).

Лексические и фразеологические обращения семантически очень разнообразны и могут выражать широкий спектр эмоционально-экспрессивных оттенков, передающих отношение субъекта речи к характеризуемому лицу: *– Сила не в зубах,* ***сударыня моя****. Зубаст кобель, да прост. Опять же и не в медведе сила. У нас на Руси силу в пазухе носи...* (Сила). *– Ну спи, спи,* ***душа моя****. Я тебя будить не буду...* (Суходол).

Готовящийся словарь отразит сложную семантическую структуру антропономинантов прозы И.А. Бунина, их грамматические свойства и особенности функционирования в текстах писателя.

Создание словаря ЛФАН в прозе И.А. Бунина является первым шагом по пути к написанию словаря языка писателя.

ЛИТЕРАТУРА

Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX веков. – М.: Изд-во МГУ, 1990.

Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000.

Фиш М.Ю. «Русь» и «Чудь» Ивана Бунина (к проблеме русского национального характера в восприятии писателя) // Вестник ВГУ. Сер. Филология. Журналистика. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2005. – №2. – С.116–120.

ON I.A. BUNIN'S PROSE GLOSSARY (BASED ON WORDS AND PHRASES NAMING PEOPLE)

S.V. Anokhina

I.A. Bunin's creations require lexicographic processing. Words and phrases naming people take up an important place in the writer's narration. The article considers the feasibility of compiling I.A. Bunin's glossary on the basis of words and phrases naming people.

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА

© 2009

О.В. Фельде (Борхвальдт)

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В обширном круге исследований, посвященных развитию лингвистической мысли в России, становлению научных направлений и школ по-прежнему недостает сведений об истории региональных лингвистических объединений, целью которых является изучение русского языка, функционирующего в поликультурных и многоязычных условиях Сибири и Дальнего Востока. Между тем, в отдельных областях русистики сибирские ученые достигли немалых успехов. Особенно значительны они в области диалектной лексикографии Западной и Восточной Сибири ([Попов 1983: 3–16], [Труды Томской диалектологич. шк. 2003]).

Одним из самых сложных сибирских лингворегионов является Красноярский край. По своей площади он даже после отделения Хакасии (1991 г.) равновелик трети Австралийского континента. Большинство из 1697 сельских населенных пунктов (в первой половине XX в. их было около 2 тыс.) расположены в труднодоступных местах. Диалектологическое обследование этой большой территории, заселявшейся на протяжении более 300 лет выходцами из самых разных областей России, началось еще в XIX столетии. В основном, это были любительские записи этнографов – ценителей народной речи. Этнографический этап приенисейской диалектной лексикографии завершился публикацией словаря В.И. Анучина «Материалы к областному словарю сибирского наречия» (1904). Начало собственно лингвистическому изучению русских говоров Енисейской губернии XX в. (с 1935 г. – Красноярского края) было положено А.М. Селищевым. В «Диалектологическом очерке Сибири» он рассматривает историю сибирских говоров, используя в том числе и диалектные данные Красноярского уезда [Селищев 1921]. Вскоре в Иркутске выходит первое пособие по собиранию диалектной лексики – «О собирании материала для словаря русского старожилого населения Сибири» [Виноградов, Черных 1924]. Однако организовать сбор диалектных данных на территории Приенисейской Сибири удалось только в середине XX в. В конце 1940-х гг. в Красноярском педагогическом институте по инициативе А.А. Скворцовой и Н.А. Цомакион была разработана программа диалектологического обследования региона. Первая экспедиция в Туруханский район состоялась в 1948 г., ею руководила Н.А. Цомакион. В 1950-е гг. начались систематические обследования старожильческих сел, расположенных вдоль Московского тракта, а также на юге Красноярского

края. Важнейшую роль в создании первых диалектологических картотек сыграли красноярские лингвисты В.Н. Рогова, В.В. Бебриш, Р.Т. Гриб, Л.Г. Самотик, К.П. Михалап.

С 1953 г. диалектологические экспедиции в старожильческие села Красноярского края становятся регулярными, быстрыми темпами пополняются картотеки русских народных говоров по преимуществу старожильческих южных и северных районов Красноярского края. Попутно усилиями аспирантов и студентов-заочников Красноярского государственного педагогического института собирается диалектный материал в центральных районах Красноярского края со смешанным населением. Итогом интенсивной собирательской и исследовательской работы стали защиты нескольких кандидатских диссертаций по сибирской диалектологии, публикация монографии Н.А. Цомакион «Туруханские говоры в их истории и современном состоянии» (1966), а также издание в 1968 г. строго дифференцированного и небольшого по объему (словник насчитывает только 2 700 лексем) «Словаря русских народных говоров южных районов Красноярского края» (отв. ред. В.Н. Рогова). Второе, существенно дополненное, издание этого словаря вышло под редакцией В.Н. Роговой в 1988 г. В нем уже 7 200 словарных статей. Авторы-составители существенно расширили ареал лексикографического исследования. Во второе издание словаря вошел новый материал, записанный в Пий-Хемском районе Тувы, который связан с югом Красноярского края общностью заселения. Анализ словарных материалов свидетельствует о том, что диахроническая и стилистическая характеристика слов лексикографами представлена по-прежнему недостаточно. В словаре насчитывается всего 43 пометы *устар.* и по одной помете *бран., неодобр.* и *презрит.* Многие экспрессивно окрашенные слова вообще не сопровождаются специальными пометами. Напр., таковые не приводятся к экспрессивам *намайкаться, ливануть, шлындать, малёхочко, барахлишко* и др., хотя иллюстративный материал и структура лексического значения данных слов свидетельствуют о наличии у них коннотации. Изменился и способ локальной характеристики слова. Иллюстрации теперь сопровождаются только указанием на район (в первом издании указывался также и населенный пункт). Остальные принципы, разработанные В.Н. Роговой к первому изданию словаря, остались прежними. Напр., был сохранен способ подачи фонетических и словообразовательных вариантов в разных словарных статьях. При семантической характеристике слова по-прежнему не дифференцируются значения и оттенки значения слов, однако эта особенность отражается в иллюстративном материале.

В 1992 г. была завершена многолетняя работа над «Словарем русских говоров северных районов Красноярского края» (отв. ред. Г.Г. Белоусова). Публикация этого словаря ознаменовала начало нового этапа в диалектной лексикографии Красноярья. В нем содержится толкование свыше 4 000 слов и фразеологических сочетаний, зафиксированных собирателями в старожильческих селах Богучанского, Енисейского, Кежемского, Мотыгинского и Туруханского районов. Основными лексикографическими параметрами «северного» словаря (далее – СЦГ) являются акцентологический, лексический и стилистический. Грамматические формы слов не приводятся. Стилистические пометы в словаре даются после заглавного слова и представляют собой следующий набор: *бран.,*

ласкат., неодобр., пренебр., уменьш., устар. Помета *экспр.* (экспрессивное) указывает на специфические условия употребления слова, с трудом поддающиеся однозначной формулировке. К числу достоинств этого словаря, без сомнения, относится написанный Г.Г. Белоусовой раздел Введения, в котором на основании лингвистических данных делается вывод о том, что в течение полутора веков на территории северных районов Красноярского края «сложилось стабильное ядро русского старожильческого населения, сохранившее этническую и культурную однородность и специфические черты говоров, не имеющие аналогов ни с одним из русских говоров Европейской части страны» [ССГ 1992: 9].

В первой половине 1990-х гг. XX в. в Красноярске выходят в свет два отраслевых диалектных словаря: «Опыт лесного словаря: на материале говоров Красноярского края. Ч.1» [Михалап 1994] и «Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья» [Петроченко 1994]. Оба являются лингвистически информативными источниками для изучения лексики местных промыслов, а также заимствований из языков коренных этносов Сибири.

В настоящее время заканчивается работа над очередным, пятым, томом «Словаря русских говоров центральных районов Красноярского края» (отв. ред. О.В. Фельде). В его словник вошло свыше 20 000 лексем, записанных в 534 сельских населенных пунктах. В новом красноярском словаре представлено сразу несколько лексикографических параметров: акцентологический, грамматический, стилистический, лексический, функциональный, парадигматический, лингвогеографический, что делает его одним из самых информативных диалектных словарей современного русского национального языка. Значительную часть словника составляет эмоционально-экспрессивная лексика. Стилистическая характеристика слова включает: а) указание на эмоциональную окраску слова *(ласк., уменьш.-ласк., одобрит., почт., шутл., насмешл., экспр., фамильярн., осуд., груб., пренебр., презрит., уничиж., бран.);* б) указание на функционирование слова в составе подъязыков традиционных местных промыслов (*кедр., лесн., охотн., плотн., печн., пчел., рыболов., сплавн., ткац.*; в) стилевую и хронологическую характеристику (*прост.; устар.*). При выборе стилистической пометы авторы Словаря руководствовались лингвистическими критериями учета лексических и формальных показателей экспрессивности, брали во внимание частотность и особенности употребления того или иного диалектного или локально окрашенного просторечного слова в живой речи. Просторечные слова, органично включенные в речь сельских жителей, приводятся лишь в том случае, если вступают в вариантные отношения с диалектными. Напр., ТУДЫ́, нареч.; прост. Туда. Ср.: ТУДЕ́МА, ТУДО́Й.

Фонетические, словообразовательные, морфологические варианты слов приводятся в разных словарных статьях: ТУДЕ́МА, нареч. Туда. Ср.: ТУДО́Й, ТУДЫ́. – *Ты кудой пойдешь: тудема или сюдема?* Ир.: П. Пав. 1.

Значительную часть словника СЦГ составляют двухкомпонентные номинации образного характера (БАРА́НЬИ МУ́ДУШКИ – ‘растение семейства орхидных с желтыми, розовыми, пятнистыми цветами’; ТУ́ЕС БЕСПЛО́ДНЫЙ – ‘бездетная женщина’ и т.п.), а также экспрессивно окрашенные фразеологические единицы:

• ЛЫ́НДЫ БИТЬ. Неодобр. Ходить, слоняться без дела. Ср.: ЛЫ́НДАТЬ. – *Она тока лынды бьёт, а картошка не копана*. Аб.: Д.Мост.

• НИ ТЬМА́ НИ ТУ́ЧА. Экспр. Очень много. – *Беляков прошло столько: ни тьма ни туча*. Пт.: Мина.

• РЁВУШКУ РЕВЕ́ТЬ. Экспр. Страдать от боли, стонать. – *А чичас так кости ломом ломит, чё аж рёвушку реву. До хрипа страдаю и плачу*. Бр.: Бир.

• С ПЕНТА́ СВИХНУ́ТЬ, экспр. Сойти с ума. – *Наверно, с пента свихнула*. Тс.: Вес.

Однотипные иллюстрации к толкуемым словам не приводятся, но об их наличии в картотеке свидетельствуют локальные пометы. Локальные пометы указывают на район, село или деревню, где данное слово или устойчивое словосочетание записано.

В структуру словарной статьи включены также дополнительные сведения о наличии толкуемого слова в словарях русских говоров южных (СЮГ) и северных (ССГ) районов Красноярского края, при этом отмечаются случаи омонимии и разницы в оттенках лексических значений слов, зафиксированных в различных географических зонах Красноярского края:

СКРИПУ́Н, -ы, м. Сухой груздь. – *А скрипуны не брали никогда, хошь и едят их*. Бр.: Ган. [СЮГ: 351].

Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края может стать источником разнообразных исследований диалектологического, историко-лингвистического и лингвокультурологического характера. Имеющиеся в нем языковые данные отражают материальную и духовную культуру сибиряков, свидетельствуют о многолетних связях русского населения региона с представителями коренных этносов – носителями самодийских, тюркских и палеоазиатских языков; говорят о результатах сложного взаимодействия на территории средней Сибири старожильческих (севернорусских в своей основе), переселенческих и новосельческих (южнорусских и среднерусских по своему генезису) говоров. Кроме того, материалы словаря могут стать ценным источником для изучения процесса взаимовлияния сложившихся за последние 300 лет уникальных русских говоров Красноярья с другими формами национального языка, и, прежде всего, – с народно-разговорным языком и просторечием.

ЛИТЕРАТУРА

Алехина В.В. Говор северо-восточной части Емельяновского района Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1959.

Анучин В.И. Материалы к областному словарю сибирского наречия. Красноярский уезд Енисейской губернии // Отдельный отт. из 1 т. «Записок» Краснояр. подотдела ИРГО. – Красноярск, 1904.

Гриб Р.Т. Говор селений по Московскому тракту в западной части Красноярского края: дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 1958.

Опыт лесного словаря: на материале говоров Красноярского края / авт.-сост. К.П. Михалап (Римашевская). – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 1994. – Ч.1.

Попов И.А. Сибирские областные словари в системе русской диалектной лексикографии // Говоры русского населения Сибири / отв. ред. В.В. Палагина. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1983. – С.3–16.

Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири // А.М. Селищев. Избр. тр. – М.: Просвещение, 1968.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края / отв. ред. В.Н. Рогова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1968.

Словарь русских говоров южных районов Красноярского края. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.Н. Рогова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988.

Словарь русских говоров северных районов Красноярского края / отв. ред. Г.Г. Белоусова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ин-та, 1992.

Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края / отв. ред. О.В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2003–2007. – Т.1–4.

Словарь рыбаков и охотников Северного Приангарья / сост. В.И. Петроченко. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1994.

Труды Томской диалектологической школы: библиограф. указ. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003.

DIALECT LEXICOGRAPHY OF PRIYENISEYSK SIBERIA IN THE LIGHT OF LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY

O.V. Felde (Borhvaldt)

The article is devoted to formation of lexicographic tradition in Priyeniseysk Siberia and to the analysis of the basic dialect dictionaries of the Krasnoyarsk territory.

© 2009

Т.Ю. Власкина, Н.А. Архипенко, Н.А. Власкина

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ДОНА: РАЗРАБОТКА КОНЦЕПЦИИ И СОЗДАНИЕ БАЗЫ ДАННЫХ*

Культура донского казачества издавна является объектом пристального внимания диалектологов, лингвистов, этнографов, фольклористов и историков. Это связано не только с ее этнографическим своеобразием и социальной самобытностью, но и с тем, что значительная часть Южного федерального округа исторически и культурно связана с донским казачеством. Традиционное наследие этой этносоциальной общности (обычно-обрядовая система, мифологические представления, языковая картина мира) является неотъемлемой частью мирового культурного опыта и в связи с этим представляет самостоятельную

*Работа выполнена в рамках Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» (ЮНЦ РАН) Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Росийской Федерации: междисциплинарный синтез», тема: «Этнолингвистический словарь донского казачества».

научную ценность. Кроме того, в современном этнополитическом контексте тема казачества приобрела конъюнктурное звучание: существование противоречивых мнений о происхождении и системе ценностей казачества становится основанием для развития общественно-политических провокаций. Данную ситуацию порождает недостаточная и неравномерная исследованность всех блоков и подсистем традиционной культуры казачества.

Научное изучение духовной культуры донских казаков началось во второй половине XVIII в. и, в первую очередь, было связано с исследованиями в области истории и этнографии С.Г. Гмелина, А.И. Ригельмана, Е.Н. Кательникова, В.Д. Сухорукова, А.М. Савельева, М.Н. Харузина и др. [Архипенко и др. 2004: 3–4]. С созданием Музея донского казачества в г.Новочеркасске (1899) и городского музея Ростова-на-Дону (1906) масштабный и планомерный характер приобрело создание источниковой базы историко-краеведческого изучения Дона. В начале XX в. в центре внимания исследователей донской культуры оказался казачий фольклор, А.М. Листопадовым и С.Я. Арефиным были опубликованы объемные собрания текстов с комментариями относительно исполнения и соотношения с обрядовой практикой [Архипенко и др. 2004: 5, 6]. Со второй половины XIX в. продолжается изучение диалектных особенностей донских говоров, которые в настоящее время являются одной из самых разработанных областей донской культуры. Наиболее заметные достижения в области донской диалектологии связаны с именами А.В. Миртова, В.А. Магина, К.К. Удовкиной, О.К. Сердюковой, Б.Н. Проценко, В.И. Дегтярева и др. ученых. Обобщением почти вековых усилий диалектологов стала публикация «Большого толкового словаря донского казачества» [Большой толковый словарь 2003]. Важную роль в изучении культурного наследия казачества сыграла также полевая работа последних десятилетий, в результате которой был собран обширный материал комплексного характера, включающий сведения как по духовной, так и по материальной культуре [Архипенко и др. 2004: 8–12].

Однако, несмотря на существующую традицию изучения и успехи, достигнутые в сфере отдельных научных дисциплин, а также накопление значительного фонда материалов, создание научно обоснованных обобщений о культурном облике донского казачества до сих пор вызывало существенные затруднения. Очевидно, выработка общих теоретических выводов и представление системной модели культуры донского казачества невозможны без междисциплинарного комплексного исследования, оптимальным результатом которого должен стать этнолингвистический словарь энциклопедического типа. Сегодня именно эта форма является наиболее перспективной и популярной, прежде всего, потому что публикация материалов в издании словарного типа позволяет решить проблему структурирования объемной и сложной в содержательном отношении базы данных; кроме того, именно в такой форме возможно ненавязчиво предложить различным слоям населения тщательно отобранную и научно выверенную информацию. Донской словарь может обобщить, систематизировать и представить общественности максимально полный корпус культурно-языковых сведений и фактов, выявленных на сегодня представителями различных областей науки, занимавшихся изучением носителей донских говоров.

Проект такого словаря разрабатывается с середины 1990-х гг. XX в. В 1998 г.

была опубликована программа, созданная группой сотрудников кафедры общего и сравнительного языкознания Ростовского государственного университета (с 2007 г. – Южный федеральный университет) под руководством Б.Н. Проценко, в которой обозначались примерные цели, задачи, структура и содержание Донского историко-этнографического словаря [Программа 1998]. Данная работа носила предварительный характер, ее публикация преследовала несколько целей: очертить содержательные границы будущего издания; выявить лакуны в существующей базе данных; направить и активизировать работу по ее пополнению. «Программа» содержала также пакет специально разработанных вопросников для полевых исследований, с помощью которых предполагалось пополнить фонд материалов по духовной и материальной культуре донского казачества. В течение последних десяти лет сотрудниками кафедры и студентами факультета филологии и журналистики велась кропотливая работа по сбору и изучению полевых материалов, благодаря которой появилась возможность реализовать проект. Полевые исследования последних лет отличались от диалектологических и фольклорных экспедиций предыдущего периода комплексным, междисциплинарным характером. При этом в основе работы лежал принцип взаимодополняемости исторического, этнографического и лингвистического материала в рамках изучения одной проблемы – выявления особенностей донской этносоциальной субкультуры. Коллективом была разработана и применена комплексная методика изучения историко-культурной территории, результативность которой удалось повысить, следуя принципам сплошного обследования. Но в предварительной программе цели и задачи были обозначены достаточно широко, поскольку они были сформулированы с опорой на выявленный к тому времени корпус данных, а материалы, собранные впоследствии по полевым вопросникам к словарю, совершенно закономерно, учтены быть не могли. Перепроверка и детализация концепции Донского историко-этнографического словаря в связи с ревизией объема и содержания комплексной базы данных показали целесообразность применения этнолингвистической методики в анализе материалов, определении структуры словника и написании словарных статей. Таким образом, в настоящее время название проекта звучит как «Этнолингвистический словарь Дона».

Рабочей группой был проведен анализ наиболее авторитетных современных изданий словарного типа, авторы которых ставили перед собой схожие цели и добились оптимального использования лингвистических, фольклорных и этнографических возможностей публикуемого материала. Были изучены «Словарь говоров уральских (яицких) казаков» Н.М. Малечи [Малеча 2002]; этнолингвистический словарь «Славянские древности», выпуск которого был начат под руководством Н.И. Толстого сотрудниками Института славяноведения РАН [Славянские древности 1995, 1999, 2004]; тематические энциклопедии издания Российского этнографического музея «Мужики и бабы», «Русские дети» ([Мужики и бабы 2005], [Русские дети 2006]); лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство», подготовленный кафедрой фольклора филологического факультета МГУ [Русское культурное пространство 2004] и ряд других изданий.

Проведенный анализ перечисленных изданий позволил прийти к выводу о

том, что ни одно из них не может стать абсолютным образцом для Донского словаря, из-за существующих различий в целях и задачах. Это относится и к наиболее близкому по комплексному характеру и качеству источников словарю «Славянские древности», целью создания которого была реконструкция древнейшего пласта славянской традиционной культуры, в то время как Донской словарь ориентирован на представление локальной историко-этнографической территории в диалектном и культурном освещении. «Славянские древности» обобщают материалы, относящиеся ко всей территории расселения славян (и восточных, и южных, и западных), в широких хронологических рамках, нижняя граница которых остается открытой. Продемонстрировать диалектное разнообразие лексических номинаций и этнографических форм на каждой локальной территории практически невозможно, и авторы не ставят подобной цели, ограничиваясь типичными примерами. В Донском словаре важно как можно более подробно показать все разнообразие культурно-языковых фактов на территории бытования донских говоров. Это требует большего внимания к лингвистической компоненте и заставляет обратиться к принципам составления диалектных и толковых словарей. Возможность опираться в этой работе на лексикографический потенциал уже существующего издания закономерно подчеркивает преемственность между двумя наиболее масштабными проектами кафедры общего и сравнительного языкознания Южного федерального университета (ЮФУ) [Большой толковый словарь 2003].

Результатом исследования словарных изданий и структурирования корпуса источников стала рабочая концепция словаря, согласно которой образ культуры должен предстать через призму многообразных связей вербальных и невербальных символических кодов в социально-историческом контексте. Реализация этой задачи наиболее точно соответствует особенностям культуры донского казачества, в которой, как в культуре позднего формирования, этнические характеристики находятся в тесном взаимодействии с социальными, при очевидном доминировании последних.

Целесообразно разделение Этнолингвистического словаря Дона на два блока:

1) исторический очерк, в котором будет представлена информация о происхождении донского казачества, его этнической разнородности и этнических контактах, о поэтапном заселении территорий Подонья-Приазовья, об основных вехах социальной истории, а также о современном состоянии донской культуры;

2) основной раздел, который будет содержать лингвистические и исторические сведения о значимых элементах духовной и материальной культуры, а также их фольклорно-этнографическую характеристику.

ЛИТЕРАТУРА

Архипенко Н.А., Власкина Т.Ю., Рудиченко Т.С. Исследование языка, фольклора и народной культуры Подонья: история и современность // Традиционная культура. – 2004. – №4. – С.3–15.

Большой толковый словарь донского казачества. – М.: Рус. словари.; Астрель; АСТ, 2003.

Малеча Н.М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. – Оренбург: Оренбург. книж. изд-во, 2002.

Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб.: Искусство – СПб., 2005.

Русские дети: основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов, О.Г. Баранова, Т.А. Зимина и др. – СПб.: Искусство – СПб., 2006.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – Вып. I.

Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н.И. Толстого: в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1995–2004. – Т.1–3.

Программа 1998: Донской историко-этнографический словарь. Программа. – Ростов-н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1998.

ETHNOLINGUISTIC DICTIONARY OF THE DON REGION: CONCEPT AND DATABASE DEVELOPMENT

T.Yu. Vlaskina, N.A. Arkhipenko, N.A. Vlaskina

The idea of the Ethnolinguistic dictionary of the Don region goes back to the mid 90s of the 20th century. The dictionary aims at generalizing, systematizing and presenting to the public a comprehensive body of culture and language data acquired in the study of various aspects of the life of the Don Cossacks. The authors propose to present the dictionary in two blocks: 1) a historical sketch of the Don Cossacks, 2) the basic section containing linguistic and historical data concerning key elements of their spiritual culture and folklore-ethnographic characteristics.

© 2009

Н.В. Хохлова, С.А. Цапенко

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ДИНАМИКИ ДИАЛЕКТНОГО СОЗНАНИЯ*

В работах диалектологов последних десятилетий отмечается насущная необходимость описания современных говоров как «хранителей своеобразия национально-языковых картин мира», отражающих крестьянское видение и понимание действительности [Гольдин 1997: 3]. Справедливо подчеркивается, что «говор <...> способен в полной мере аккумулировать и экстраполировать в вербальном коде выработанную сотнями поколений членов крестьянской об-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 08–04–18033е «Динамика освоения сферы «человек – природа» диалектным языковым сознанием (на материале архангельских говоров XIX–XXI веков)».

щины картину мира» [Серебренникова 2005: 9]. Особый интерес представляет проблема динамики освоения окружающего мира диалектным языковым сознанием, что связано с очевидной внутренней эволюцией говоров, результаты которой пока неясны. По мнению лингвистов, «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [Попов 1984: 121], русские диалекты «как цельные речевые единицы со своей особой системной организацией <...> теперь уже почти не существуют» [Филин 1980: 140].

Высказывается и противоположная точка зрения: «русские диалекты проявили большую устойчивость и сохраняются как нормально функционирующие системы» [Калнынь 1997: 120]. Это объясняется наличием «психолингвистических факторов, сдерживающих наступление литературного языка на говоры» [Коготкова 1979: 8], а также причинами социолингвистического характера: говоры как нельзя лучше «приспособлены к функционированию в коммуникативной среде традиционного русского деревенского общения», поэтому «диалектами <...> продолжает пользоваться значительное количество русскоязычных говорящих» [Гольдин 1997: 4].

Установлен неравномерный характер разрушения говоров на территории России: «В ряде мест на севере и востоке нашей страны до сих пор бытуют народные говоры, достаточно устойчиво сохраняющие <...> структурную целостность, внутреннюю соотносительность языковых элементов» [Яговцева 2006: 39]. При этом архангельские говоры характеризуют как «совершенно уникальные языковые явления, хорошо сохранившие <...> древнейшие диалектные черты» [Кобелева 1988: 6].

В последние годы предпринимаются единичные исследования с целью установить сохранность диалектного словарного фонда. Интересное наблюдение отражено в статье А.С. Герда: «Не раз, проверяя словники старых словарей Г. Куликовского, А. Подвысоцкого, многих чисто диалектных слов мы уже не услышали, что само по себе свидетельствует о временнóй неустойчивости многих диалектных, в особенности непредметных слов» [Герд 2004: 47]. Сопоставительное изучение тверских суффиксальных субстантивов со значением лица периода XIX в. и современного периода приводит к выводу о сокращении количества этих производных наименований на современном этапе за счет снижения продуктивности словообразовательных типов [Щербакова 2006: 6].

Итак, современные русские народные говоры представляют собой сложное динамическое образование, а характер их изменений в отечественной науке однозначно не определен. Указанное обстоятельство определяет необходимость выработки и теоретического обоснования принципов характеристики семантических единиц с точки зрения их актуальности для современного диалектоносителя.

Методологической основой проводимого исследования выступает концепция денотативного описания семантических единиц, предложенная Т.В. Симашко [Симашко 1999]. В рамках этой концепции в качестве основной единицы систематизации словарного фонда выступает денотативный класс – совокупность семантических единиц разной степени сложности, в содержании которых зафиксированы результаты познания человеком определенного объекта мира. В нашем исследовании изучаются особенности освоения диалектным

языковым сознанием нескольких фрагментов семантического пространства «человек – природа»: атмосферные осадки, суточные и годовые отрезки времени, домашнее животноводство.

В денотативный класс включаются разнообразные по структуре и семантике языковые единицы: слова различных частей речи, устойчивые словосочетания, пословицы, поговорки, приметы. В каждой из них отражаются в различных комбинациях увиденные и оцененные человеком отдельные свойства природного явления, закрепляются разные способы приспособления к данному объекту или способы борьбы с ним. Так, напр., денотативный класс <дождь> содержит разнообразные наименования дождя: *бус, бу́сенец* – ‘мелкий дождь’, *весна́* – ‘первый весенний дождь’, *грибни́к* – ‘теплый дождь, после которого начинают расти грибы’; *Ива́новские (ива́ньские, ива́нские) дожди* – ‘дождь, идущий 7 июля, в день Рождества Иоанна Крестителя (Ивана Купалы)’). Кроме того, в данный денотативный класс входят единицы, обозначающие дождевые тучи различной формы (*волоса́н, бу́ка, бурачо́к*); сено, испорченное дождем (*верхоти́на, вершéнье*); деревянный желоб на крыше дома для стока воды (*водоспу́сок*, *пото́к*), а также устойчивые выражения, называющие какие-л. приметы или выступающие в роли закличек (об очень сильном дожде говорят: *Жёлоб не дёржит*; закликают радугу: *Радуга-дуга, не давай Бог дожжа, дай Бог солнышка, высоколнышка*; примечают: *Ивански дожжи золоты, Петровски дожжи серебряны*). В состав денотативных классов <утро>, <день>, <вечер>, <ночь>, <сутки> вошли не только единицы с темпоральной семантикой, такие, как *обыднки, мн.* – ‘сутки, день и ночь’, *предвечрний* – ‘предшествующий вечеру’, *ранние завтраки* – ‘раннее утро’, но и те лексико-семантические варианты, в значении которых отсылка к суточному циклу находится на периферии семантики, напр., *лучевать* – ‘ловить рыбу ночью с помощью огня (луча)’, *зарнка* – ‘ветер, дующий на вечерней заре’ и т.п.

Принцип денотативного описания позволяет извлекать из самого корпуса языка такие целостные совокупности единиц, которые отражают стихийно сложившиеся знания об определенном фрагменте мира.

Изложенная выше концепция денотативного описания языковой семантики послужила основой разработки методики сбора материала. На первом этапе диалектный материал, снабженный географическими пометами «арх.», «помор.», «северн.», «беломор.», «шенк.», «мез.», «леш.» и др., извлекался из источников различного характера: словарей XIX–XX вв., картотек, монографических исследований лексической системы архангельских говоров. Общий объем материала составил 2900 единиц, которые затем распределялись по денотативным классам (<утро>, <день>, <вечер>, <ночь>, <сутки>, <год>; <дождь>, <снег>, <град>, <туман>, <роса>, <иней>, <лед>, <домашнее животноводство>). На следующем этапе на основе единиц каждого из денотативных классов формировались анкеты для опроса информантов. При составлении анкет соблюдался ряд принципов. Во-первых, для удобства работы и получения верифицируемых результатов все единицы были распределены по группам на основании лингвогеографических характеристик. Во-вторых, все единицы классифицировались в соответствии с семантической доминантой, в результате чего выделялись группы слов, связанных с одним и тем же направлением опроса.

Напр., единицы анкеты, посвященной объекту <дождь>, распределены по двум основным группам: 1) физические характеристики дождя; 2) взаимодействие дождя с другими объектами. Каждая из групп содержит несколько подгрупп: «мелкий дождь», «крупный дождь», «интенсивность выпадения дождя»; «характеристика погоды по наличию/отсутствию дождя», «смоченное дождем сено» и др. В рамках анкеты «Суточный круговорот времени» были выделены подтемы «параметры суточных отрезков» и «деятельность человека в течение суток». Как показала практика общения с диалектоносителями, денотативный принцип классификации языковых единиц органичен для языкового сознания: он соответствует способу хранения в нем информации об окружающем мире. Имена денотативных классов актуализируют в сознании диалектоносителя целый блок сведений об интересующем нас объекте мира, смысловые группы и подгруппы, выделенные в составе денотативного класса, задают схему целенаправленного ведения опроса путем уточнения запаса знаний информанта об отдельных признаках объекта. Это создает атмосферу непринужденной беседы, одновременно не позволяя информанту переключаться на другие темы.

Кроме того, в процессе беседы с информантами использовались прием непосредственного наблюдения и прием прямого опроса, активизирующий языковое чутье диалектоносителя. Для получения необходимых сведений предлагались вопросы типа: *Что означает это слово? Как говорили раньше, как говорят теперь? Все ли употребляют это слово? Почему так говорят? Какое из слов употребляется чаще?* и под.

При анализе данных основополагающим принципом выступает учет соотнесенности материала с различными временными периодами. Первый хронологический срез представлен единицами, извлеченными из словарей А.Х. Востокова, В.И. Даля, А.О. Подвысоцкого (XIX в.). Об изменениях, произошедших в составе денотативных классов на протяжении XX в., позволяют судить материалы Словаря русских народных говоров, Архангельского областного словаря (АОС) и др., а также Картотеки АОС Диалектологического кабинета Московского государственного университета, Картотеки Кабинета истории и диалектологии Поморского государственного университета и др. Экспедиционные исследования рубежа XX–XXI вв. дают возможность получить информацию о состоянии современных архангельских говоров. Считаем, что сопоставление состава изучаемых денотативных классов, зафиксированного в картотеках и в словарях разной хронологической отнесенности, даст возможность проследить динамику освоения объектов природы, выявить области расхождения между тем запасом сведений о них, который зафиксирован в значениях словарных единиц, и тем объемом информации, которая актуальна для современных носителей архангельских говоров. Изложенный принцип анализа материала позволит разграничить традиционный, архаический и инновационный компоненты тезауруса диалектной личности и решить проблему лексикографического отражения динамики диалектного сознания.

К традиционному компоненту представляется возможным отнести единицы, которые получают регулярную фиксацию в различных по времени создания словарях, в картотеках и в записях диалектологических экспедиций последних десятилетий. Примером могут служить семантические единицы, закрепляющие

сведения о разливе рек весной в результате таяния снега и льда: *вода́ больша́я* (*во́ды больши́е*), *мутни́ца*, *вёшница* (*ве́шница*) и др. Единицы, которые вышли из употребления и отмечаются словарями не позднее начала XX в., следует соотносить с архаическим компонентом тезауруса. К их числу, напр., относятся слова, отражающие информацию об отбеливании тканей на снегу: *бе́льник*, *на́стить*, *бе́лево* и др.; о мифологических существах, проявляющих активность в определенные периоды суток (*Заря-богатырь*, *Иван Утренней Зари* и *Иван Полуночной Зари*; *полдница, полуночная баба (тётка)* и др.). Часть единиц фиксируется в материалах экспедиционных исследований последних десятилетий, что позволяет отнести их к инновационному компоненту тезауруса диалектоносителя. Так, отражением новой неблагоприятной экологической обстановки можно считать появление устойчивых сочетаний *ки́слой дождь*, *кра́сный снег* и др.

Возможность выделения и описания традиционного, архаического и инновационного компонентов позволит сделать выводы об особенностях устойчивого фонда знаний, а также о тех изменениях, которые происходят на протяжении XIX–XX вв. в укладе жизни и в системе представлений диалектоносителя и отражаются в его сознании. Полученные наблюдения позволят разработать принципы лексикографического отражения активного и пассивного фонда знаний диалектоносителей, отраженного в семантике единиц денотативного класса.

ЛИТЕРАТУРА

Герд А.С. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей (Т.1–6, 1994–2004). Итоги и уроки // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. – СПб.: Наука, 2004. – С.46–54.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1997.

Калнынь Л.Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопр. языкознания. – 1997. – №3. – С.115–124.

Кобелева И.А. Тенденции развития неличных форм глагола в говоре и просторечии (по материалам русских говоров и городского просторечия Коми АССР): дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1988.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология. – М.: Наука,1979.

Попов И.С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей // Теория и практика областной лексикографии. – Л.: Наука,1984. – С.38–48.

Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.

Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1980.

Щербакова М.Е. Суффиксальное словообразование имен существительных со значением лица в западных севернорусских говорах Тверской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006.

Яговцева О.А. Антропоцентрические метафоры в диалектной картине мира (на примере говора Исетского района Тюменской области): дис. ... канд. филол. наук. – Сургут, 2006.

THEORETICAL BASIS OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF DIALECT CONSCIOUSNESS DYNAMICS

N.V. Khohlova, S.V. Tsapenko

The article describes theoretical basis of techniques of lexicographic representation of archaic, traditional, and neologism components of modern dialect speaker's thesaurus. The object of research is the change in dialect linguistic consciousness of the 19th – 21st cc when developing nature objects.

© 2009

Т.И. Ерофеева, Л.А. Грузберг

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ ПЕРМСКИХ ЛОКАЛИЗМОВ КАК СЛОВАРЬ НОВОГО ТИПА*

Идея создания словаря нового типа базируется на реальных социолингвистических основаниях, важнейшим из которых является языковая ситуация в Пермском регионе. Русский язык функционирует здесь в условиях взаимодействия локально окрашенного варианта литературного языка, просторечия, диалекта, а также взаимовлияния неродственных языков. Эти условия чрезвычайно важны не только при описании и анализе – для решения комплекса социолингвистических проблем, проблем нормы и культуры речи, – но и при лексикографическом отражении релевантных факторов, обусловливающих жизнь языковой единицы, что и привело в конечном итоге к идее создания особого лексикографического труда. Тип социолингвистического глоссария наилучшим образом отвечает этим задачам. Подобных словарей, предполагающих описание слова не только как объекта лексикографии, но и как субъекта речевой деятельности, на русском материале не существует. Подчеркнем, что создаваемый Глоссарий позволяет отразить не только территориальную, но и социальную дифференциацию литературного языка.

Сегодня интересы многих лингвистов, в том числе и пермских, обращены не только к описанию той или иной языковой подсистемы, но и к изучению функционирования языка в реальной речевой деятельности пользующихся этим языком людей. Это дало возможность теоретически признать локальную вариативность литературного языка как объективную данность. На практике изучение локальной вариативности литературного языка означает прежде всего изучение и описание локальных лексических единиц – л о к а л и з м о в. Понятие *локализм* разработано в рамках Пермской социолингвистической школы. Под локализмами понимаются лексемы и лексико-семантические варианты, не принадлежащие к кодифицированным единицам русского литературного язы-

*Статья выполнена при поддержке гранта 08-04-82406 а/У.

ка, однако достаточно широко используемые в локально окрашенной литературной речи пермяков либо в речи жителей Пермского региона наряду с жителями других регионов.

Работу по выявлению и описанию локальных лексических единиц в течение полувека возглавляла Ф.Л. Скитова, выдающийся диалектолог страны, тонкий ценитель народного слова. Ей же принадлежала идея создания Словаря локальных элементов, бытующих в литературной речи горожан, а также первоначальная разработка принципов такого словаря.

Основополагающей теоретической базой настоящего проекта является установка на социальную (в широком смысле этого понятия) обусловленность языковых факторов и процессов – именно такой подход свойственен пермской школе социолингвистических исследований. Конкретные методы исследования определяются выбранными подходами: сбор материала методом анкетирования, записи цельного речевого потока, составление словарных статей по разработанной пермскими лексикографами схеме, позволяющей всесторонне описать слово.

В Глоссарии будут представлены три разряда локализмов: 1) диалектные элементы, характерные для местной городской речи; 2) городские по происхождению локальные элементы; 3) единицы, квалифицируемые словарями современного литературного языка как общерусские просторечные или устаревшие, но и сегодня используемые в речи жителей Пермского региона, причем более широко сравнительно с другими регионами. Допускаем, что такие локализмы или какая-то часть их пришли в речь горожан через диалект.

Из числа единиц первой группы в локально окрашенной литературной речи наиболее активно используются слова, именующие актуальные в обиходе предметы и явления и не имеющие адекватного однословного варианта в общелитературном языке (*гали́ть* – ‘выполнять роль ведущего в детской игре, чаще всего в игре в прятки’; *ша́ньга* – ‘вид ватрушки’; *голи́к* – ‘веник без листьев’; *жаре́ха* – ‘блюдо из поджаренных грибов, обычно с картофелем’, и мн. др.), а также этнографизмы – слова, отражающие местный колорит, именующие объекты, характерные именно для местной природы и быта, трудовой деятельности в местных условиях, т.е. местные реалии, обычно не известные в других регионах (*туесо́к* – ‘берестяной сосуд цилиндрической формы’; *пи́стики/пе́стики* – ‘молодой полевой хвощ, используемый в пищу’ и др.).

Вторая группа локализмов представлена значительно меньшим количеством единиц сравнительно с первой и включает в себя такие, напр., слова: *би́рка* (уменьш.-ласк. *би́рочка*) – 1) ‘жетон, выдаваемый в гардеробе при приеме верхней одежды, номерок’, 2) ‘талон на прием к врачу’; *буха́нка* – ‘хлеб прямоугольной формы в отличие от круглого каравая’; *моро́женка* – ‘брикет мороженого’; *пиро́женка* – ‘небольшое пирожное’; *проездно́й* – ‘месячный билет для проезда в городском транспорте’; *однё́рка* – ‘трамвай первого маршрута’ – и др.

Из единиц третьей группы достаточно высокочастотны *балага́н* – 1) ‘временная постройка (в лесу, на плоту и т.п.) для защиты от дождя, ветра’; 2) экспр. О неприглядном, загрязненном жилье; *башка́* – ‘голова’; *бары́ш* – ‘прибыль от продажи’; *баля́сы (лясы) точи́ть* – ‘вести пустые разговоры’ – и др.

Каждый пример, приводимый в иллюстративном материале словарных статей Глоссария, сопровождается своего рода «социокультурным адресом» – сведениями о возрасте, образовании, профессии информанта, при возможности описывается коммуникативная ситуация, в которой было записано слово. Ср.: *Если вы будете так третировать – я буду заедаться, буду отвечать всякими колкостями* (юрист, высш., 38 л., муж., г.Красновишерск); *Это расстояние измеряется от самой глубокой впадины на переносице до чушки* (смех). *До подбородка* (на занятиях по начальной военной подготовке в одном из вузов Перми при объяснении, как подобрать нужный размер противогаза; преподаватель, 53 г., муж.); *Масла оливкового я уже ленула, а соль сам положи* (преподаватель вуза, кандидат филологических наук, 48 л., жен. Авторский комментарий высказывания: *Я прекрасно знаю, что слово «лену́ть» диалектное. Но здесь оно наиболее подходящее: «налила» в этом контексте можно понять, как 'слишком много влила', «влила» – неестественно, а «ленула» – самое то!»*); *Опять зима, опять мороз. / Крахмальный скрип сухого снега. / Куржак на веточках берез. / Дымок над кровом человека. / И солнце, яркое до слез* (А. Решетов). Заметим, что в произведениях местных писателей и поэтов локализмы встречаются достаточно часто и выполняют в текстах этих произведений различные художественно-эстетические функции, что эксплицирует еще один аспект изучения локальных элементов – их художественно-изобразительный и экспрессивно-стилистический потенциал, а это в свою очередь есть прекрасный материал для исследователей энергетических ресурсов народного языка и языка как такового.

Особое внимание в Глоссарии уделяется разработке словарной статьи, которая дала бы возможность представить в комплексе основные параметры слова как объекта лексикографического описания и как субъекта речевой деятельности, поскольку в языковой способности человека слово живет как сложный комплекс.

Учитывая научные задачи Глоссария, представители Пермской социолингвистической школы выработали структуру словарной статьи. Словарная статья на локальное слово или выражение содержит следующие компоненты: заголовочное слово в орфографической записи с обозначением ударения; необходимые пометы всех видов; определение значения слова в форме дефиниции или литературного синонима; данные словарей, свидетельствующие о локальном характере слова; иллюстративный материал, включающий цитаты из живой обиходной литературной речи, устной публичной речи и произведений художественной литературы, преимущественно уральских писателей; социологические данные, указывающие на среду бытования локализма; различного рода комментарии, в том числе комментарии информантов.

В Глоссарии будут представлены локализмы следующих типов: собственно лексические, семантические, словообразовательные, грамматико-морфологические, фонематические, лексические фразеологические локализмы, а также этнографизмы. Принципы классификации и сама классификация локализмов разработаны также Пермской школой социолингвистики и изложены, в частности, в работе Т.И. Ерофеевой и Ф.Л. Скитовой «Локализмы в литературной речи горожан» [Ерофеева, Скитова 1992].

Приведем ряд словарных статей Глоссария:

АЙДА́, АЙДА́-КА, АЙДА́ТЕ, АЙДА́ТЕ-КА, частица. Собственно лексические и морфолого-грамматические лексические диалектизмы. Исходное *айда*, заимствованное из татарского языка, во многих словарях современного русского литературного языка сопровождается пометой *просторечное*. В разговорной речи горожан Пермского региона используются русские новообразования с частицей -ка или окончанием -те, а в отдельных случаях с тем и другим. Обозначают побуждение к движению, действию. *Айда-ка с нами на дачу* (инженер, высш., 57 л., муж., Пермь); *Айдате ко мне. Посидим, чайку попьем* (студентка-филолог, Пермь); – *Как пройти к реке? – Айдате за мной!* (технолог, средн.-спец., 50 л., муж., пос.Суксун); *Айдате-ка, я вам всё покажу* (учитель, высш., 27 л., жен., с.Куеда); *Айдате есть – остывает всё* (учитель, средн.-спец., 45 л., жен., пос.Октябрьский). Частицы *айда-ка, айдате* бытуют в пермских и в ряде других, преимущественно северных и сибирских, говоров. Вариант *айдате-ка* словарями литературного языка не зафиксирован. В речи информантов встречается спорадически. Чаще всего используется в ситуациях, когда по тем или иным причинам не осуществляется контроль за правильностью речи. Так, корректор (высш., 30 л., с.Большая Соснова) в состоянии радости после окончания тяжелого рабочего дня воскликнула: *Айдате-ка по домам!*

БА́ННЫЙ СТА́РОСТА, шутл. О человеке, любящем мыться в бане. *Он готов каждый день в баню ходить – известно, банный староста* (студент-филолог, уроженец с.Тойкино Пермского края).

БА́НЯ ПО-БЕ́ЛОМУ. Баня, обогреваемая печью с дымоходом. *У нас баня по-белому: дым в трубу идёт* (учитель, средн.-спец., 22 г., муж., Добрянский р-н).

БА́НЯ ПО-ЧЁРНОМУ. Баня, не имеющая дымохода. *В деревне баня у нас была по-чёрному. Приезжие, бывало, так отмажутся, что потом в кадке отмывалась* (инженер, высш., 52 г., муж., г.Соликамск).

БО́РЫ. Сборки, складки. Словообразовательно-семантический локализм. Сопоставим с лит. *сборки*, но отличается по словообразовательной модели и по семантике, поскольку обозначает и сборки, и складки. Слово *боры* является ведущим словом большого гнезда. В него входят существительные *бо́рики, бо́ро́чки, борки́ (уменьш.-ласк. к боры*), глагол *бори́ть* – собирать в сборки, в складки; прилагательное *бори́стый* – собранный в сборки, складки, имеющий много сборок, складок. *Тебе с борами юбку надо? По-моему, прямая лучше* (учитель, высш., 45 л., жен., пос. Октябрьский); *Юбка с бориками* (секр.-машинистка, средн., 30 л., Березники); *Сейчас в моду вошли рукава с борочками вверху, сильно борят* (филолог, высш., пенс., Пермь); *Борки-то у твоей юбки какие славные!* (экономист, высш., 45 л., жен., г.Соликамск); *Тогда бористые юбки не носили* (средн., пенс., 69 л., жен., г.Чусовой); *А на Любочке бористая юбочка* (студентка-историк, из Кунгурского р-на Пермского края, учится в Пермском педагогическом университете). Все слова этого гнезда используются преимущественно в речи женщин. Лишь половина информантов отнесла перечисленные слова к своему активному словарному запасу. Словарями литературного языка эти слова не отмечаются.

ЗАКУ́РЖА́ВЕ́ТЬ, глаг. сов. Покрыться инеем, заиндеветь. Собственно лек-

сический локализм. *У меня в гараже все стены инеем покрылись. Я говорю, что все закуржавело* (преподаватель, высш. техн., муж., 40 л., г.Кунгур); *Вот это мороз! Даже ресницы закуржавели* (инженер, высш. техн., 51 г., муж., г.Березники); *Волосы и ресницы закуржаве́ли на морозе* (учитель, высш., жен., 36 л., г.Чернушка); *Красота какая! Заку́ржавели все деревья!* (строитель, средн.., 28 л., жен., Пермь); *Баню давно не топим, а холода стоят. Вот она и заку́ржавела, вся белая стоит* (фельдшер, средн.-спец., 33 г., жен., г.Чусовой). МАС сопровождает слово пометой *областное* и указывает только одно ударение *закуржа́веть*. В пермской городской среде фиксируется три ударения, без заметного предпочтения какого-л. Широко используется в речи городских жителей – и мужчин, и женщин, разного возраста и профессий. Зафиксировано более 50 случаев употребления в Перми, Кунгуре, Суксунском районе, Березниках, Чусовом, Чернушке, Осе, Чайковском, с.Куеда и др. Отмечено в словаре Даля (заку́ржаветь), Словаре пермских говоров (заку́ржаветь).

Отмечены в речи два причастия: ЗАКУ́РЖАВЕВШИЙ, ЗАКУ́РЖЕВЕЛЫЙ – ‘покрывшийся, покрытый инеем’: *Сквозь закуржавевшие окна ничего не было видно* (юрист, высш., 44 г., жен., Пермь); *Закуржевелый он пришел* (учитель начальных классов, средн.-спец., жен., 20 л., г.Чайковский). Ср. пример в Словаре Даля: *закуржевелая борода*.

От глагола ЗАКУРЖА́ВЕТЬ отмечен в городской речи локализм ЗАКУРЖА́ВЕТЬСЯ: *На улице-то сегодня какая красотища! Я на работу шла – дышать от восторга не смела. Деревья закуржавелись, стоят – глаз не оторвать. Такое ощущение, словно в сказку попала* (учитель, средн.-спец., 20 л., жен., г.Березники); *Воздух в доме проходит. Потолок, двери – всё закуржавелось* (преподаватель музыки, средн.-спец., 45 л., жен., г.Кунгур).

НАРАСТОПА́ШКУ, наречие образа действия. Фонематический локализм. *Ясно: сам без фуражки, пальто нарастопашку. Как в песне.* (механик, средн.-спец., 27 л., муж., г.Губаха). Оказалось, что некоторым информантам неизвестно литературное разговорное нараспашку – ‘в расстегнутом виде’. Ср.: *Что? Вот уж никогда не думала, что нарастопашку нелитературное. Я и выговорить не могу: нараспашку. Да и ассоциации какие-то другие связываются с этим словом* (ветеринар, высш., 38 л., жен., г.Оханск). В речи пермяков наречие *нарастопашку* используется и в переносном значении – ‘открыто, ничего не утаивая’: *Я нарастопашку живу, секретов никаких нет* (библиотекарь, средн.-спец., 24 г., Пермь).

ПЛАЦКА́РТ, м. р. (из нем. die Platzkarte). Морфолого-грамматический лексический локализм. Билет на право занимать спальное место при проезде по железной дороге в плацкартном вагоне. *Дорога-то неблизкая. Давай иди и купи уж лучше плацкарт* (преподаватель химии в техникуме, высш., 58 л., муж., г.Березники); *Купила плацкарт и укатила в Ленинград* (медсестра, средн.-спец., 40 л., Пермь).

Лексикографирование обладает огромным потенциалом, будучи своеобразным инструментом лингвистического исследования. Ориентация на употребление слова способствует созданию словаря, отражающего интересы различных групп его потребителей: пермских учителей и учеников, студентов и преподавателей, лиц, изучающих неродной язык на продвинутых этапах обучения, писа-

телей, артистов, журналистов и всех тех, кому дорого живое слово. Это будет словарь социально-речевого престижа.

Нетрадиционный подход к анализу языковых сущностей, к анализу процессов функционирования языка в регионе, признание локальных вариантов литературного языка объективной данностью, описание слова не только как объекта лексикографии, но и как субъекта речевой деятельности, разработанный и апробированный (при описании речи жителей г.Перми) оригинальный категориальный аппарат позволили разработать проект словаря нового типа – социолингвистического глоссария и могут служить надежным инструментарием для создания единой базы данных речи жителей Пермского края, которая в свою очередь послужит репрезентативным источником для последующих теоретических и практических наблюдений над развитием языковой ситуации в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

Акч.: Словарь говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф.Л. Скитова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984–1999.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1992.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955.

СПГ: Словарь пермских говоров. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005.

SOCIO-LINGUISTIC GLOSSARY OF PERM LOCALISMS AS A NEW DICTIONARY TYPE

T.I. Yerofeyeva, L.A. Gruzberg

The paper considers principles of a new dictionary type, namely, a Socio-linguistic glossary that is to describe a word both as a lexicography object and a speech act subject. Theory underlying the project rests upon social orientation of linguistic facts and processes. The Socio-linguistic glossary material is extremely important for unified database of Perm region residents speech.

© 2009

Л.П. Михайлова

СОСТАВ И ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРЯ ЭКСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЛЕКСИКО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ В РУССКИХ ГОВОРАХ

Современная русская диалектная лексикография дает возможность выявить те лексические единицы, которые являются русскими по происхождению, но обладают своеобразными отличительными признаками. При этом степень отдаленности лексем от исходного варианта может быть разной. По имеющимся данным, в говорах Русского Севера и Северо-Запада многие слова сформировались на собственно русской основе, но испытали иноязычное воздействие, в связи с чем имеют иной внешний облик в сравнении с общеизвестными или диалектными словами (типа *карпи́ва* < *крапи́ва, ро́бкий* < *дро́бкий, ле́ппнуть* < *шле́ппнуть, а́вия* < *ови́я, аблыкта́ться* < *блыка́ться, ба́згать* < *па́згать, балу́й* < *валу́й* и др.). Метатеза звуков, упрощение группы согласных в анлауте, переход гласного [*е*] в [*а́*] с одновременной перетяжкой ударения на предшествующий слог, появление протетического гласного перед сочетанием согласных, мена глухих и звонких согласных, мена звуков [*б*] и [*в*] и другие процессы, отразившиеся в подобных словах, осуществились в условиях длительных контактов русского и прибалтийско-финских народов. Исследователи фонетики финно-угорских и прибалтийско-финских языков отмечают ряд признаков, которые резко противопоставлены особенностям русской фонетической системы ([Лыткин 1974], [Лаанест 1975]).

Не обусловленные внутренними законами развития русского языка, подобные изменения привели к появлению особого типа диалектных лексико-фонетических вариантов, которые отражают факт перестройки фонемного состава слова по законам иноязычной фонетической системы. Имея русскую основу, они не могут быть квалифицированы как субстратные. Для обозначения подобных явлений целесообразно, на наш взгляд, использовать термин *экстенциальный признак*, под которым понимается какой-либо факт внешнего воздействия на фонемный состав общеизвестного или привычного для говора слова. Слово, обладающее экстенциальным признаком, по отношению к исходному можно считать экстенциальным лексико-фонетическим вариантом. В процессе развития лексической системы говора, взаимодействия отдельных ее элементов, включая отношения исконного и вновь образовавшегося слова (первоначально варианта), наблюдается тенденция последнего к самостоятельности, к отрыву родственных слов друг от друга. Однако в историческом плане существенно отметить экстенциальные варианты во всей их совокупности для более точного анализа процессов адаптации контактирующих языков. При сильной степени удаленности нового варианта от исходного слова возникает возможность уточнения этимологии диалектного слова.

При отборе лексики в словарь существенными являются такие положения, как: 1) отклонение от обычного фонемного состава слова в каком-либо звене; несистемный характер явления; 2) совпадение семантики сопоставляемых

слов – полное или частичное; наличие общих ядерных сем в структуре значения слова при этимологическом отрыве; 3) обусловленность указанных фонетических аномалий явлениями, характеризующими соседнюю языковую систему, с которой длительно контактирует язык.

Словарная статья имеет жесткую структуру. После заглавного слова указываются значение, география, источник, затем после пометы *ср.* приводится исходное слово, которое подверглось фонетической трансформации, с его семантической и ареальной характеристикой. При отсутствии полного семантического эквивалента, а также при системных изменениях корневой морфемы в статье даются близкие по семантике и фонематическому составу лексемы. Затем приводится формула, обозначающая процесс. Иногда экстенциальный вариант формируется в результате двух или более процессов, что также показывается формулами.

Приведем примеры словарных статей, иллюстрирующих отдельные процессы, указывая в заглавном слове экстенциальный вариант. Сокращения словарей, с сохранением принятых в них географических помет, приводим в соответствии с общепринятыми (см., напр., [ЛАРНГ 2007: 521–530]).

Отпадение начального звука [в] перед гласным звуком

Арани́ка ‘название ягоды и растения’ Медв. [СРГК 1: 21], ср. *ворони́ка* ‘ягоды растения семейства вороникoвых’ Кем. [СРГК 1: 227]. Процесс: **ta- > a-. Арани́чник** ‘то же, что арани́ка’ Медв. [СРГК 1: 21], см. арани́ка. Процесс: **ta- > a-. Арато́нь** ‘женская зимняя бархатная безрукавка’ Волог. [СРГК 1: 21], ср. *ворото́к* ‘верхняя часть женской рубашки до пояса’ Кирил. [СРГК 1: 230], *вороту́шка* ‘короткая женская блуза, с рукавами и застежкой впереди, на подкладке, надевавшаяся поверх сарафана’ Леш., Мез. Арх. [АОС 5: 111], «женская куртка» Пинеж. Арх. [СРНГ 5: 124]. Процесс: **ta- > a-. А́рвина** ‘прочная нитка для починки обуви; дратва’ Мез., Котл., Прим. Арх. [АОС 1: 72], Арх: Леш. [СРГС 1: 20], ср. *ва́рвина* ‘дратва’ Леш., Пин [АОС 3: 44]. Процесс: **ta- > a-.** Отмечены и случаи утраты согласного [г] : **А́рба** ‘сеть для ловли крупной рыбы’ Лод., Подп. [СРГК 1: 21], ср. *га́рба* ‘крупноячеистая сеть’ [СРГК 1: 328]. Процесс: **ta- > a-.**

Мена [б] ~ [в]

Боронúка ‘ягода’ Пуд., Белом., Сег. [СРГК 1: 100], ср. *ворони́ка* ‘ягоды растения семейства вороникoвых’ Кем., Тер., Новг. [СРГК 1: 227]. Процесс: **б ~ в. Барани́ка** ‘ягодное растение’ Арх.: Кон. [СГРС 1: 60], ср. *боронúка*, см. боронúка. Процесс: **б ~ в. Балту́зить** ‘наносить побои кому-н.’ Пуд. [КСРГК], ср. *валту́зить* ‘бить, колотить’ Ленингр., Влад., Яросл., Моск., Тул., Курск., Орл., Тамб. [СРНГ 4: 30]. Процесс: мена **б ~ в. Балу́й** ‘съедобный гриб, валуй’ Борисоглеб., Владыч., Данил., Некрас., Первомайск., Переслав., Петров., Пошех., Ростов., Толбухин., Тутаев., Яросл. [ЯОС 1: 33], ‘гриб валуй’ Яросл. [СРНГ 2: 86], *валу́й* ‘гриб с желтовато-белой липкой, слегка вогнутой шляпкой’ [Ожегов: 62]. Процесс: мена **б ~ в. Балу́йка** ‘съедобный гриб’ Владыч., Мышк., Углич. [ЯОС 2: 33], ср. *валу́йка* ‘гриб валуй’ Данил., Любим., Первомайск., Пошех., Пречист., Ростов [ЯОС 2: 46]. Процесс: мена **б ~ в**.

Тенденция к устранению сочетаний согласных в начале слова

1. Эпентетический гласный в консонантной группе в анлауте: **Гаверста́** ‘перегоревший, легко раскалывающийся камень’ Дем. Новг. [Селигер 1: 169],

см. говерста́. Процесс: **tt- > tat-. Говерста́** ‘мелкие камешки, гравий’ Остр., ср. *гверста́* ‘то же’ Аш., Беж., Гд., Вл., Дед., Дн., Кар., Кр., Локн., Ляд., Н.-Рж., Н.-Сок., Оп., Остр., Пав., Палк., Печ., Порх., Пск., Пуст., Пушк., Пыт., Себ., Сл. [ПОС 6: 148]. Процесс: tt- > tat-. **Гу́верста** ‘то же, что говерста’ Аш., Н.-Рж., ср. *гверста́* ‘то же’ широко в псковских говорах [ПОС 6: 148]. Процесс: tt- > tat-.

2. Упрощение группы согласных, осуществляющееся, как правило, за счет исчезновения первого звука: **Ве́рсеник** ‘то же, что ве́рстеник’ Пуд., Медв. [СРГК 1: 331], ср. *гверсте́нник* ‘то же’ Пуд., Медв. [СРГК 1: 331]. Процесс**: tt- > t-. Ве́рска** ‘то же, что верста́’ Севмор. [СРГК 1: 331], ср. *гверста́,* см. верста́. Процесс: tt- > t-. **Верскли́вый** камень ‘мелкий щебень, дресва’ Выт. Влг. [СРГС 2: 64], см. верстли́вый. Процесс: tt- > t-. **Версли́вый** ‘рассыпчатый, легко поддающийся дроблению (о камне)’ Медв. [СРГК 1: 332], ср. *гверсли́вый* ‘то же’ Медв. [СРГК 1: 332]. См. также верстли́вый. Процесс: tt- > t-. **Ве́рсник** ‘то же, что ве́рстеник’ Пуд., Медв. [СРГК 1: 331], см. ве́рстеник. Процесс: tt- > t-. **Верст** ‘мелкодробленый камень’ Кириш. [СРГК 1: 331], ср. *гверста́,* см. верста́. Процесс: tt- > t-. **Верста́** 1. ‘мелкодробленый камень, дресва’ Медв., Пуд. [СРГК 1: 331], 2. ‘мелкий щебень, дресва’ Пин. Арх., Выт. Влг. [СРГС 2: 64], ‘мелкий щебень, каменный песок, употребляющийся для оттирания деревянного пола от грязи’ Мез., Нянд., Онеж., Холм. [АОС 3: 120], ср. *гверста́* ‘то же, что верста 1’ Онеж., Севмор., Тихв., Уст., Чер., Чуд. [СРГК 1: 331], *дверста́* ‘измельченный камень, крупный песок, используемый для очистки деревянных поверхностей’ Карг., Леш., Мез., Нянд., Онеж., Пин., Плес., Прим., Холм., Шенк. [АОС 10: 298]. Процесс: tt- > t-. **Верста́ть** ‘дробить камень’ Онеж., ‘тереть (пол, стены и т.п.) дробленым камнем’ Онеж. [СРГК 1: 331], ср. *гверста́,* см. верста́. Процесс: tt- > t-. **Ве́рстеник** ‘камень, легко поддающийся дроблению’ Медв. [СРГК 1: 331], ср. *гве́рстенник* ‘то же’ Медв., Пуд. [СРГК 1: 331]. Процесс: tt- > t-. **Версти́нка** ‘мелкие камешки, гравий’ Остр. [ПОС 6: 148; ПОС 3: 95], *гверсти́нка* ‘то же’ Пск., Пыт. [ПОС 6: 148]. Процесс: tt- > t-. **Верстли́вый** ‘легко рассыпающийся в дресву, рыхлый’ Н.-Рж. ([ПОС 6: 148], [ПОС 3: 95]), ср. *гверстли́вый* ‘то же’ Остр., Н.-Сок., Н.-Рж., Оп., Пск., Пуст. [ПОС 6: 148]. Процесс: tt- > t-. **Верстяно́й** ‘легко рассыпающийся, распадающийся на крошки (о камне)’ Нянд., Онеж., Прим. [АОС 3: 120], ср. *дверстяно́й* ‘легко рассыпающийся на мелкие камни, превращающийся в каменный песок’ Плес., Онеж., Прим., Холм. [АОС 10: 299]. Процесс: tt- > t-. **Верстя́ный** ‘дресвяный’ Тер. [ЖРКП: 26], см. верстяно́й. tt- > t-. **Верш** ‘крупный, гладкий песок вроде гальки’ Новг. (СРГК 1: 182), ср. *гверщь* ‘то же, что гверзда́’ Вл. [ПОС 6: 148], *хверщь* ‘крупный речной песок’ Чуд. [СРГК 6: 708], Парф., Вол., Дем., Новг., Оп., Под., Сол., Ст., Чуд. [НОС 12: 10], ‘песчано-каменистая почва’ Новг. [СРГК 6: 708], *хверш* ‘гравий’ Вол., Сол., Кр., ‘каменистая почва’ Вол., Бат., Бор., Дем., Ок., Мар., Новг., Под. [НОС 12: 9]. Процесс: tt- > t-.

3. Метатеза гласного и согласного в начальной группе звуков: **Гарбану́ть** однокр. к *гра́бать* ‘граблями, лопатой и т.п. собирать в одно место’ Ляд. [ПОС 6: 138; 7: 161], ср. *грабану́ть* ‘то же’ Палк., Себ. [ПОС 7: 161]. Процесс: **ttat- > tatt-. Га́рбаться** см. грабаться [ПОС 6: 138]; ср. *гра́баться* ‘работать веслами, передвигая по воде лодку, плот и т.п.’ Кр., Пск. [ПОС 7: 162]. Процесс: ttat- > tatt-.

Мена глухих и звонких согласных

Данный процесс по-разному рассматривается в лингвистической литературе ([Ларин 1959], [Колесов 1963], [Глускина 1973]). Считаем, что в случаях разной интерпретации фактов слова следует приводить в словаре.

Гверзд ‘толченый камень, дресва’ Мал., ‘сыпучий камень’ Уторг. (НОС 2: 9–10), см. гверзда́. **Гверзда́** ‘мелкие камешки, гравий’ Гд., Ляд., Нов., Пл., Порх., Пск., Сер. Сланц., Стр. [ПОС 6: 147], ср. *гверста́* ‘то же’ Аш., Бех., Гд., Вл., Дед., Дн., Кар., Кр., Локн., Ляд., Н.-Рж., Н.-Сок., Оп., Остр., Пав., Палк., Печ., Порх., Пск., Пуст., Пушк., Пыт., Себ., Сл. [ПОС 6: 148].

Гверздли́вый ‘с мелкими камешками’ Слан. // ‘легко рассыпающийся в дресву, рыхлый’ Гд. // о снеге ‘с льдинками’ Гд. [ПОС 6: 148], ср. гверстли́вый ‘то же’ Н.-Рж., Н.-Сок., Оп., Остр., Печ., Пск., Пуст. [ПОС 6: 148].

Гверздя́нка ‘участок мелкого леса, где рубят зимой дрова’ Ст. [НОС 2: 9–10], ср. *гверстя́нка* ‘пахотный участок земли с мелкими камешками’ Полав. [НОС 4: 10]. **Гвя́рздливый** ‘то же, что гверздли́вый’ Слан. [ПОС 6: 148], ср. *гверздли́вый*, см. гверздли́вый. Процесс: **á < e; t ~ d**.

Мена [г] и [д]

Ди́нуть ‘расстраиваться, тосковать, печалиться по ком-н.’ Пуд. [СРГК 1: 460], ср. разг. *погиба́ть* от тоски, любви, со скуки и т.п. ‘мучиться, томиться от тоски, любви и т.п.’ [БАС 10: 164], возможно *ги́бнуть, ги́нуть* в этом же значении. Процесс: мена **г ~ д**.

Условные обозначения процесса:

á **< e** – переход гласного [е] в [а́] с одновременной перетяжкой ударения на предшествующий слог, псковско-заонежское «яканье»; **tt- > t-** – упрощение группы согласных в анлауте; **tt- > tat-** – появление эпентетического гласного между согласными анлаутной консонантной группы; **ttat- > tatt-** – метатеза звуков в начальном сочетании согласных перед гласными; **ta- > a-** – исчезновение начального согласного перед гласным; **t ~ d** – мена глухих и звонких согласных; **б ~ в** – мена звуков [б] и [в].

В конце словаря приводится индекс исходных лексем в алфавитном порядке с указанием слова, вариант которого дается в заглавном слове статьи. Отметим здесь исходные лексемы для приведенных выше вариантов: *борони́ка* – барани́ка, *валту́зить* – балту́зить, *валу́й* – балу́й, *валу́йка* – балу́йка, *ва́рвина* – а́рвина, *борони́ка* – арани́ка, *борони́ка* – борони́ка, *ворото́к* – арато́нь, *воротушка* – арато́нь, *га́рба* – а́рба, *ги́бнуть* – ди́нуть, *ги́нуть* – ди́нуть, *гверздли́вый* – гвя́рздливый, *гверста́* – гверзда́, *гверста́* – гверзд, *гверста́* – верст, *гверста́* – верста́, *гверста́* – гаверста́, *гверста́* – говерста́, *гверста́* – гуверста́, *гверсте́нник* – версте́ник, *гверстли́вый* – гверздли́вый, *гверстя́нка* – гверздя́нка, *гвершь* – верш, *грабану́ть* – гарбану́ть, *гра́бать* – га́рбить, *гра́баться* – га́рбаться, *дверста́* – верста́, *дверстяни́й* – верстяно́й, *погиба́ть* – ди́нуть, *хверш* – верш.

Подчеркнем необходимость подачи слов с экстенциальными признаками в полном объеме (см., напр., варианты с исходным *гверста́*), т.к. это позволяет увидеть глубину проникновения, степень освоенности нового факта принимающей системой и тенденции к перестройке отдельных ее звеньев. Принципиально важной является также ареальная характеристика лекико-фонетических вариантов (и новых слов, возникших на их основе).

ЛИТЕРАТУРА

Глускина С.М. Мена звонких и глухих согласных в псковских говорах // Псковские говоры. III. – Псков: Изд-во Псков. пед. ин-та, 1973. – С.35–51.

Колесов В.В. Северновеликорусские чередования согласных парных по глухости-звонкости // Вестник ЛГУ №2. Сер. языка и литературы. – Вып.1. – Л., 1963.– С.103–112.

Лаанест А. Прибалтийско-финские языки // Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). – М.: Наука, 1975. – С.5–122.

Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959.

ЛАРНГ 2007: Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2007.

Лыткин В.И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М.: Наука, 1974. – С.108–213.

WORD-STOCK AND MAKEUP PRINCIPLES OF THE "DICTIONARY OF EXTENTIAL LEXICAL AND PHONETIC VARIANTS IN RUSSIAN DIALECTS"

L.P. Mikhaylova

The article is concerned with peculiarities of the Northern Russia dialect vocabulary with traces of a foreign language system influence, i.e. with extential features. The author formulates principles of word selection for the special dictionary, gives examples of vocabulary entries, and describes the makeup of the dictionary.

© 2009

Е.Р. Гусева

ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ СЛУЖЕБНОЙ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ
(по данным севернорусских говоров)

В региональной лексикографии большое внимание уделяется изучению проблем, связанных с описанием неполнозначных слов (см., напр., [Костючук, Пецкая 2001]). В настоящей работе на материале областных словарей и опубликованных источников (сокращения географических названий даются в соответствии с использованными источниками) рассматриваются языковые факты, которые не всегда попадают в поле зрения исследователя при сборе диалектных сведений и вызывают определенные затруднения при составлении словарных статей, а именно употребление в говорах двухкомпонентных союзов, аналогов

союзов и др. Данные синтаксические черты были характерны для древнерусского языка. В современном литературном языке, в основном в его устной форме, они также имеют место, но представлены в меньшей степени, нежели в диалектной речи.

1. В говорах употребляются *двухкомпонентные* союзы, т.е. состоящие из двух служебных единиц, каждая из которых может использоваться в речи самостоятельно в функции союза. Подобные образования отмечены в древнерусском языке, напр., 1) в условных предложениях на переходной стадии в процессе замены древних многозначных или стилистически ограниченных союзов новыми исконно русскими, между которыми также происходил постепенный отбор: ц.-сл. *аще* и рус. *буде(т), аже* (многозначн.) и *буде, если буде;* 2) в предложениях с недифференцированными отношениями: *есть егда* в условно-временных [Лавров 1941: 55, 68, 71, 79–82]. Употребление таких союзов (напр., условно-временного *когда если*) возможно в современном городском просторечии.

Приведем примеры диалектных союзов: 1) севернорусским говорам известен условный союз *буде если:* ***Бу́де йесли*** *не подёт, музынет в воду.* ***Йесли бу́де*** *переменять – скота в денную пасьти-то пожжэ.* Усть. [АОС 2: 160], ср.: в литературном языке функционируют архаический союз *буде* и общеупотребительный *если* [ТСРЯ: 58, 183]; 2) союз *как*, который может использоваться самостоятельно в роли условного, в говорах иногда употребляется совместно с другими союзами в одном предложении: ***Как бу́де*** ‘если’ *продает, а не продает, я силом не возьму.* Карг. ***Будё как*** *надо сичйяс, так я подам сичйяс.* Плес. [АОС 2: 163], ***А́ли как*** ‘если’ *осень, эти-то моршеньки одевали.* В-Т., ср.: ***А́ли*** ‘если’ *ребенок здоровой, кормленыш скажут.* Холм. [АОС 1: 67–68]. Составители АОС поместили приведенные выше примеры в словарные статьи к лексемам *буде* и *али,* указывая на их сочетаемость с другими служебными единицами. Однако такие подзаголовки не всегда имеют место. Напр., в статье к лексеме *бо* отсутствует указание на ее сочетаемость с *как,* хотя иллюстрация содержит *бо... как*: ***Бо*** *найдут* ***как*** *вош, дак такую тебе проборцию дают.* Пин. [АОС 2: 37–38]. В словарях, на наш взгляд, материал с двухкомпонентными союзами целесообразно помещать в статьях к каждой служебной единице (дублировать иллюстрации или делать отсылку), ср.: в СВГ пример с союзом *буде как* дается только в статье к *буде:* ***Бу́де как*** *там никого нету, так сразу иди обратно.* Сок. [СВГ 1: 47], тогда как его необходимо повторить в статье к лексеме *как* (или сделать отсылку); в СРНГ иллюстрация с союзом *когда ежели* помещена в статью к *когда* [СРНГ 14: 41], а статьи на лексему *ежели* в словаре нет.

2. В полевой и лексикографической практике следует обращать внимание на конструкции с повторяющимися наречиями, предикативами, местоимениями, модальными словами, которые могут выполнять *дополнительную* функцию разделительных союзов. На эту синтаксическую черту, характерную для диалектной речи, одной из первых указала В.И. Собинникова: так, в воронежских говорах в функции разделительного союза могут употребляться наречия (*каё... каё, где... где, когда... когда*), местоимения (*кто... кто, что... что*) [Собинникова 1958: 22, 27]. В грамматике такие союзные средства, сохраняющие семантические связи с полнозначными словами, квалифицируются как *аналоги союзов*, ср. в литературном языке: *может быть... может быть*, *возможно... возможно*,

иногда... иногда ‘или... или’ [Грамматика-80: 626]. Определение частеречной принадлежности подобных диалектных образований, разграничение аналогов (гибридов) и омонимов представляется затруднительным для лексикографов (ср. сведения дифференциальных словарей; в таблицу включены данные из [СРНГ 20: 330, 21: 50–51, 61, 238–239, 256]).

Слово	Грамматическая характеристика
новó	1. нареч. 1) ‘отчасти’; 2) ‘иногда... иногда’ 2. союз ‘или... или, то... то’ 3. мест. Употр. как вторая часть неопр. мест.: *то-новó* ‘кое-что’
неконéчне	союз ‘или... или’
нéвéдь	нареч.* 1) ‘неизвестно’; 2) в знач. союза ‘или... или, не то... не то’
незнáй	сущ. 1) употр. вместо имени лица, если оно неизвестно; 2) человек, ничего не знающий; 3) *незнáй собою* ‘неизвестный’; 4) *незнай... незнай* в знач. разделит. союза ‘или... или, не то... не то’
нись	1. союз разделит. ‘либо... либо, не то... не то’ 2. вопросит. част. Употр. в начале предложения а) в знач. ‘разве’; б) с оттенком предположения в знач. ‘может быть’ 3. нареч. Употр. в сочетании с мест. и нареч. (*что*, *куда*, *сколько* и т.п.) ‘неизвестно’: *нись-какой* ‘какой-то’

Примечание. Наречие* – наречие в функции сказуемого (= предикатив).

Укажем на некоторые противоречия в подаче материала в словарях. В СРНГ «в значении разделительного союза» ‘или... или, не то... не то’ отмечено сочетание *незнáй... незнáй: Услыхал это мужик и незнай обрадовался, незнай испугался.* Шенк. Белом. [СРНГ 21: 50–51]. Данное употребление слова включено в статью к существительному *незнáй.* В.И. Собинникова называет *не знай... не знай* «деформированными глаголами», что, на наш взгляд, ближе к истине. Эта «застывшая» повторяющаяся глагольная форма в речи используется как разделительный союз. В словарях, как нам кажется, следует дать помету «союз», ср.: общеупотребительный союз *хоть... хоть* ‘или... или’ также имеет глагольное происхождение [ТСРЯ: 856]. Для сопоставления приведем данные исторических словарей. В памятниках XVII в. зафиксированы конструкции с повторяющимся в одном предложении предикативами *невѣдомо, невѣсть* ‘неизвестно’, выполняющими функцию союза, – *невѣдомо... невѣдомо* ‘то ли... то ли’ [СлРЯ XI–XVII, 11: 30, 42], т.е. данные лексемы представляли собой *гибридные* образования.

3. В записях диалектной речи встречаются синтаксические конструкции, структура которых может не совпадать с обычными схемами сложного предложения. Такие тексты обязательно нужно вводить в состав иллюстративного материала словарных статей. Напр., в одной диалектной конструкции возможно употребление нескольких служебных лексем, напр., *ли* в вологодских говорах: *Не знаю, ему кто* ***ли*** *дал* ***ли*** [книгу. – *Е.Г.*], *так* ***ли*** [он ее достал. – *Е.Г.*]. Ник. [Шапиро 1953: 81] (Ср. пример в [Зализняк 2008: 67]: *къто ли не имеѣть конЯ,*

а въ лодьи ‘если же у кого-то нет коня, то в ладье [пусть идет в поход]’). Подобного рода структуры, по всей видимости, необходимо в первую очередь изучать с точки зрения просодической организации высказывания. Данная иллюстрация, очевидно, свидетельствует об употреблении в говорах так называемых *двойных энклитик*, явления, известного древнерусскому языку начиная с XIV в. Основная причина их появления – это взаимодействие старого и нового правила расстановки энклитик, а именно закона Ваккернагеля (фразовая (ваккернагелевская) энклитика подчиняется закону Ваккернагеля (относится по смыслу к сказуемому или ко всей клаузе, располагается в конце первой тактовой группы; сильные энклитики *же, ли, бо* в смысловом отношении могут тяготеть к тому члену предложения, который поставлен в начало фразы); локальная (неваккернагелевская) энклитика не подчиняется закону (относится по смыслу к отдельному слову, располагается непосредственно после этого слова). Полноударной (акцентно самостоятельной) называется словоформа, способная составить отдельную тактовую группу [Зализняк 2008: 8, 24–25, 67]) и позднего правила о том, что энклитика должна стоять непосредственно после подчиняющей ее словоформы. В современной разговорной речи сохраняются незначительные «следы» этого явления: *Передай ему, что**бы** не раздумывая вместе с детьми приезжал **бы**; Я **ведь** совершенно ни о чем не знал **ведь*** [Зализняк 2008: 53–54; 68–69].

В исследуемой диалектной фразе нарушен порядок слов в придаточной части: вначале стоят важные в коммуникативном отношении слова *ему кто ли*. Для говорящего существенной является информация о том, кто совершил действие, поэтому союз-частица *ли,* вводящий косвенный вопрос, стоит после местоимения *кто*, выделяя его. В некоторых говорах (архангельских, ладого-тихвинских и др.) частицы *ли, ле, ль* могут входить в состав неопределенных местоимений и наречий типа *куда-ли, где-ли, кто-ли* [СРНГ 17: 39]. В нашем примере *ли* приобретает эту функцию, поскольку говорящий действительно не знает, кто дал книгу. Второе и третье *ли*, с одной стороны, являются компонентами разделительного союза: *дал ли, так ли достал*; с другой стороны, они вводят косвенный вопрос. Относительно грамматической структуры предложения можно высказать предположение о том, что, очевидно, здесь произошла контаминация конструкции с косвенным вопросом и сложного предложения с однородными придаточными частями, находящимися в разделительных отношениях, т.е. «*Не знаю, дал **ли** ему кто-нибудь (книгу), так **ли** он достал*» или «*Не знаю, дал **ли** ему кто-нибудь книгу, **или** он ее так достал*».

4. При сборе диалектного материала и отражении его в словарях очень важно учитывать следующие характеристики: позицию служебного слова в предложении и наличие/отсутствие ударения у лексемы. Так, в СРНГ приводятся примеры из севернорусских, а также южнорусских говоров с *полноударным* разделительным союзом *ли* ‘или, либо’: *За короля поди за королевича **Ли** за сильного за храброго могучего за воина*. Онеж.; ***Ли** их парень, **ли** суседов*. Ряз. [СРНГ 17: 38–39]. В то же время в СРГК статьи с указанием на такое употребление лексемы *ли* нет, хотя в иллюстрациях к другим словам, напр., к *ангел,* находим полноударный союз: *У, мазурик, напился, нализался да развалился на ступеньях, как черт, **ли** ангел с рожками, так это черти и есть*. Медв. [СРГК 1: 19]. А.А. Зализняк пишет, что полноударный союз использовался в книжной разновидности

древнерусского языка, «в живом древнерусском языке полноударное *ли*, по-видимому, уже почти не употреблялось, будучи вытеснено составным словом *или*» [Зализняк 2008: 30]. Сведения современных говоров дают возможность уточнить, использовалось ли полноударное *ли* в древнерусской разговорной речи.

Итак, конструкции диалектного синтаксиса требуют точной фиксации и тщательного описания с учетом повтора лексемы, порядка слов в предложении, позиции служебной единицы, употребления двух с одним значением или с диффузной семантикой. В словарные статьи необходимо включать не только информативно ясные контексты, выявляющие значение и условия употребления служебных слов, но и «аномальные» примеры, не поддающиеся, на первый взгляд, интерпретации, поскольку некоторые из них вкупе с данными древнерусского, современного литературного языка представляют собой ценный материал, иллюстрирующий основные тенденции развития русской разговорной речи.

ЛИТЕРАТУРА

АОС: Архангельский областной словарь. Вып.1. – М., 1980. (Изд. продолжается).

Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1980. – Ч.2. Синтаксис.

Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. – М.: Яз. слав. культуры, 2008.

Костючук Л.Я., Пецкая Т.А. О служебных словах, о междометиях в Псковском областном словаре // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии). – Псков: Изд-во Псков. гос. пед. ин-та, 2001. – С.111–119.

Лавров Б.В. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

СВГ: Словарь вологодских говоров. – Вып.1. – Вологда, 1983. (Изд. продолжается).

СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып.1–28. – М.: Наука, 1975–2008. (Изд. продолжается).

СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – СПб., 1994–2005. – Вып.1–6.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. – Вып.1. – М.; Л. – СПб., 1965. (Изд. продолжается).

Собинникова В.И. Строение сложного предложения в народных говорах (по материалам говоров Гремяченского района Воронежской области). – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1958.

ТСРЯ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 3-е изд. – М.: Азъ, 1995.

Шапиро А.Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. – М.: Изд-во АН СССР, 1953.

FORM WORD PRESENTATION IN DIALECT DICTIONARIES (BASED ON NORTH RUSSIAN DIALECTS)

E.R. Guseva

The article deals with lexicographic description of two-component conjunctions used in dialectal speech, conjunctions analogues, double enclitics, and stressed conjunction ли. The author offers a uniform presentation of form words in dictionaries with due regard for their semantic, structural, and prosodic characteristics.

© 2009

И.А. Подюков

К ПРОБЛЕМЕ РАЗРАБОТКИ СЛОВАРЯ ТРАДИЦИОННЫХ ПРОМЫСЛОВ РУССКОГО ПРИКАМЬЯ

Существующие отечественные исследования по проблеме народной профессиональной промысловой традиции носят преимущественно аспектный или исторический характер ([Чайкина 2003], [Борхвальдт 1998], [Копылова 1984], [Петроченко 1994]). В целом же описания специальной народной промысловой лексики находятся лишь в начальной стадии и требуют современного, в том числе и этнолингвистического дополнения.

Выявление лексики народных промыслов и ее лексикографическая систематизация ориентируется на особенности прикамского региона как ресурсно богатого, отличающегося вплоть до настоящего времени в ряде зон высокой концентрацией промысловой деятельности и, во-вторых, как одного из поликультурных регионов России. Одна из задач разработки Словаря – обнаружение следов культурно-языкового взаимодействия русских с другими народами Прикамья, усвоивших от них многие особенности промысловой культуры (ср. номинации типа *чамья* ‘охотничий амбар на деревянных столбах для хранения добычи и продуктов’, *кысы,* или *кисы,* ‘охотничьи лыжи, подбитые шкурой’, *лямпы* ‘короткие и широкие охотничьи лыжи’). Помимо консервативности и архаичности исследуемых промыслов, следует отметить еще одну важную черту промысловой традиции, существенно затрудняющую разработку данного типа словаря – закрытость профессиональных субкультур, что требует особых методик сбора и фиксации материала (в том числе нередко лишь методом включения).

Словарь призван показать локальные особенности древнейших промыслов человечества в Северном и Южном Прикамье – бортничества, охоты, рыболовства, лесоразработки. Специальная лексика, в том числе и в ее образном и фразеологическом применении, описывается не только со стороны ее лингвистических характеристик, но и с точки зрения отраженности в ней реалий материальной и духовной культуры русского населения Прикамья, рассматривается как носитель сведений о связи народных промыслов с традиционными крестьянскими верованиями и представлениями. Лексико-фразеологический материал, а также текстовые приложения в корпусе Словаря освещают традиционные способы охоты и рыбалки, виды орудий охоты и рыбалки, известные в Прикамье. В словаре также будет представлена традиционная система охотничьих угодий, народная этика охоты и рыболовства, круг суеверных представлений, связанных с лесом и с дикими животными, с рыбным и лесным промыслом, будет реконструирована ритуально-магическая сфера промысловых занятий. Контакт с природными объектами занимает в любой промысловой культуре существенное место, что и предопределяет наличие в ней магической практики и ритуалистики.

Комплексное описание позволит в дальнейшем определить место специальной диалектной лексики в народной языковой картине мира, раскрыть народную профессиональную традицию как систему знаний о природе. Промысло-

вая субкультура является специфической культурной подсистемой, которая своими нормами и традициями, жизненными установками существенно воздействует на стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей. Очевидно, в современных условиях она имеет по сравнению с традиционными диалектами в связи с кардинальными изменениями сельского уклада пока еще бульшую сохранность. Исторически носители профессиональной субкультуры – это не только представители определенной социальной группы, но и лица, отличающиеся особым (в частности, экологическим) типом сознания, характеризующиеся особыми этическими нормами поведения, что непосредственно выражено и в языке, и в таких малых жанрах фольклора, как пословицы, былички, приметы, особого рода пожелания, приветствия, заклинания.

Задача описания специального знания, специальной лексики не может быть решена без синтеза методов этнографии и лингвистики. Сближение разнопрофильных (этнографических и филологических) аспектов позволит адекватно раскрыть энциклопедичность профессионального слова, его терминологичность, описать специфику культурных, в том числе оценочных и мифологических смыслов, стоящих за характерными для данной традиции артефактами и соответственно номинирующими их знаками (ср. использование в охотничьей речи эвфемических глаголов *взять, отстрелять, добыть* ‘убить, добыть зверя’, в речи пчеловодов – *муха* ‘пчела’, *голова* ‘пчелиная семья’).

В отличие от искусственно созданной профессиональной терминологии специальная промысловая лексика возникает естественным путем и не отличается особой устойчивостью и стандартностью. Она характеризуется высокой вариативностью, а в современных условиях разрушения традиционных народных промыслов и все большего обращения к современным технологиям еще и подвергается сильнейшей трансформации. Как и в других разновидностях профессиональной речи, в народной промысловой лексике очень распространена омонимия – *сотка* ‘пчелиная соть’, *хлеб* ‘перга’ (чаще, впрочем, *хлебина*). Профессиональную народную лексику отличает высокая фонетическая, словообразовательная, грамматическая вариативность: *скрад* – ‘место, где скрывается охотник’, в говорах называется *закрадка, скрадка*; слово *берлога* нередко используется в форме мужского рода *берлог*, и, напротив, *прививa* – ‘привой для нового роя’; ср. также *охотить* (напр., *охотить волка*) ‘охотиться’, *брость* ‘о дуплистом дереве, пригодном для диких и улетевших от хозяина пчел’ – от *борть*, *роль* – ‘рой’, *омшаник, омшайник, обшайник, овшайник, овшаник, мшаник, мшарник* – ‘место для хранения пчел зимой’. Многие номинации отличает экспрессивная окраска (неопытного пчеловода называют *мухомор, пчеломор*; того, кто любит собирать чужие рои – *пчелодёр*, шутливое название меда – *сладкое сало*).

Номинации в профессиональной сфере чрезвычайно детализированы и дифференцированы. Так, в названиях пчел содержатся указания на их функции – *ищейка, ищея* ‘пчела-разведчица, которая ищет место для медосбора’, *мать* ‘пчелиная матка’, *молодая мать* ‘молодая матка’ (*Молодая мать, ее по звуку узнаешь. Она как крякает – наподобие утки. Услышишь, значит, завтра рой будет*). Рабочая пчела называется *лётная пчела, сборщица*; пчелы, сторожащие вход в улей от пчел-*воровок* – *охрана*; пчела, которая кормит личинок, – *кормилица*; трудень – *гультай* (ср. белорусское, западно-русское *гультай* ‘лентяй’); дикая

пчела – *лесная пчела, бортовка, зверинка*. Названия пчел указывают на место обитания – *колодная (колодезная) пчела* ‘рой, живущий в дуплах, в колодах, долбленых чурках’, *гнездовая пчела* ‘пчелы, живущие в дуплах деревьев’. Фиксируется ряд общих названий пчелы – *муха, мушка, жужжалка, медовица, медунка*. Пчелиная семья называется собирательным *пчела* или *голова*. Высоко культурно коннотированными являются названия пчелы *божья муха, богова скотинка* (ср. разнообразные приметы типа *пчела жалит только грешника*, поверья о том, что *пчела спасала Христа*, что *Богородица занималась пчеловодством*).

Множественность номинаций особенно характерна для основных реалий промысла. Разновидности ульев отражены в названиях *пчело, дадан, борть, пчельник, конура, садок, улик, улевище* ‘обычный улей домиком’, *бортик, вешанка, дуплё (дупля, ду́пля, дуплянка), колода (колодка), чурка, столб (столбовая чурка), чурак, домовина, кряж* ‘выдолбленный из ствола дерева улей, чаще помещаемый в лесу’. Улей, в котором рамка размещается горизонтально, называется *лежак* или *полуторка*. Место для зимнего хранения ульев называется *омшайник, мшаник, мшарник, пчёльник, у́лишница*. Виды меда отражены в номинациях *молодой (парной, первый) мед, падолый (падунный, падошный, падьевый, падочный, пачевой мед, падун* ‘плохого качества мед, собранный с горьких трав’, мед, собранный во время жары – *постный, межонный*, мед, который идет на корм пчелам, – *ячешный, канун* (название меда с сахаром для подкормки пчел перекликается с названием обрядового блюда в поминальной традиции – *кануном* в Прикамье также называется медовый напиток на поминках).

Помимо решения проблемы наиболее адекватного описания денотативной стороны пермской диалектной лексики промыслов, ее специфики и современного состояния, предполагается, таким образом, комплексное этнолингвистическое исследование, которое ориентируется на анализ включенности профессионального народного знания о природе в сферу обрядности и фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина. – СПб.: Изд-во Д. Буланин, 2003.

Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской Империи. – Красноярск: Рус. путь, 1998.

Копылова Э.В. Ловецкое слово. Словарь рыбаков Волго-Каспия. – Волгоград: Нижневолж. книж. изд-во, 1984.

Петроченко В.И. Словарь рыбаков и охотников северного Приангарья. – Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1994.

DICTIONARY OF TRADITIONAL CRAFTS OF RUSSIAN PRIKAMYE

I.A. Podyukov

The article considers revealing folk crafts lexicon of the Prikamye territory (honey gathering, logging, hunting, and fishing). The author offers methods to describe special lexicon of the Perm dialects (including figurative and phraseological usage), and dictionary representation of the data on the correlation between folk crafts and traditional peasant beliefs and ideas.

© 2009

М.В. Богачева

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ «ГОВОРЕНИЕ»

На протяжении полувека пермские лингвисты собирают лексический материал для региональных диалектных словарей территории Пермского края (Чердынского, Красновишерского, Соликамского и др. районов). Созданы многочисленные картотеки, данные которых уже получили научную интерпретацию в многочисленных статьях и лексикографическое описание в различных словарях (см., напр., [Борисова, Грузберг, Шварц 1976], [Словарь говора д.Акчим 1084–2003], [Словарь пермских говоров 2000–2002], [Герд 2001], [Прокошева 2002], [Подюков и др. 2004], [Зверева, Русинова 2007] и др.). В этих трудах в определенной степени отражены и фразеологические единицы (ФЕ), фиксируемые в живой народной речи жителей Верхнего и Среднего Прикамья.

Актуальность подобных исследований видится в настоящем случае уже в том, что описанию подвергается лексика территории позднего заселения. Современные говоры северной части края сложились на основе севернорусских: архангельских, вологодских, вычегодских, устюжских, вятских и др., что во многом определило их специфику, в частности, ярко выраженную архаичность говоров именно Верхнего Прикамья.

Работа по сбору диалектных сведений продолжается. В частности, сотрудниками кафедры общего и славянского языкознания Пермского университета с конца 1990-х гг. организуются ежегодные экспедиционные выезды, главным образом в населенные пункты северных районов Пермского края. Материалы, собранные в полевых условиях, показывают, с одной стороны, быстрое вымывание диалектной лексики из активного словаря носителей говоров, с другой – довольно хорошую ее сохранность в пассивном словаре. Применение различных вопросников и эффективных методик ведения опроса позволяет эту лексику выявить и зафиксировать.

На основе собранных материалов в настоящее время готовится к изданию последний (6) выпуск «Словаря говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области» и 1 выпуск «Словаря чердынских говоров» (охватывает словник с начальными буквами А–В).

Логическим продолжением успехов современной пермской лексикографии видится, во-первых, введение в научный оборот новых материалов; во-вторых, обобщение разрозненных материалов, накопленных и описанных в различных словарях; в-третьих, создание тематических словарей, отвечающих синхронным тенденциям отечественного языкознания. Таким продолжением пермской лексикографической традиции представляется тематический диалектный фразеологический словарь «Говорение».

К настоящему моменту собирается материал для словаря. Проработано порядка десяти источников научного и научно-методического характера, среди которых «Фразеологический словарь пермских говоров», «Словарь пермских говоров», «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии», «Хресто-

матия говоров Пермской области», «Акчимский словарь», «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа», 1 выпуск «Чердынского словаря» (в рукописи) и др. Накопление материалов продолжается методом сплошной выборки из картотеки «Чердынского словаря» и материалов полевых экспедиций. И уже к настоящему моменту собрано около 1000 ФЕ, что косвенно служит свидетельством особой значимости говорения как одного из наиболее существенных в жизни процессов, как одного из атрибутов социума.

Уже в процессе сбора материалов мы столкнулись с немаловажной проблемой принципа отбора данных. Обнаружено, что все фразеологические единицы (ФЕ) делятся на 4 основные группы: 1) ФЕ, включающие лексику говорения и обозначающие речевые процессы, напр., ***наслыхи сказывать*** ‘пересказывать слухи’, ***опевальная песня*** ‘свадебная песня в чью-л. честь’; 2) ФЕ, не включающие лексику говорения, но обозначающие речевые процессы, напр., ***зубы мыть*** ‘насмехаться над кем-, чем-л.’, ***наводить правоту*** ‘крикливо, вызывающе доказывать правомерность чьих-л. поступков’; 3) ФЕ, включающие лексику говорения, но не отражающие речевые процессы, напр., ***мать-та поёт!*** ‘возглас удивления’, ***молчит да бает*** ‘кто-либо продолжает свое дело, не реагируя на замечания’; 4) ФЕ, не включающие в свой состав лексику говорения и не отражающие речевые процессы.

В итоге длительных размышлений мы пришли к выводу о необходимости включения в общий свод единиц трех первых групп и исследования тематической, а не лексико-грамматической группы или тематического поля, т.к.: 1) это позволило отказаться от чисто семантического принципа как недостаточно надежного, поскольку иногда семантические связи различны в восприятии диалектоносителей и носителей литературного языка; поэтому, в частности, включены ФЕ, объединенные понятием пения, т.к. «петь» в сознании носителей говора обязательно предполагает текст, сопровождаемый мелодией (ср. [Потапова 1966]); 2) это позволило привлечь ФЕ, не только непосредственно, но и косвенно связанные с обозначением процесса и результата говорения (ср., напр., ***на фурах ездить*** ‘сердиться, проявлять неудовольствие (в том числе в речи)’); 3) это позволило привлечь ФЕ, связанные с говорением не только семантически, но и синтагматически (ср., напр., ***молчит да бает*** ‘кто-либо продолжает свое дело, не реагируя на замечания’); 4) вместе с тем это позволило сохранить более или менее четкие границы группы.

Сказанное с жесткой необходимостью привело к выводу о требовании тематической подачи материала, однако принципы такой подачи пока находятся на стадии разработки.

Даже первый, достаточно поверхностный, взгляд позволяет говорить о большой научной и культурологической значимости пермских фразеологических данных, требующих своего осмысления. Значимо уже то, что фразеология коммуникативно нагружена: она служит повышению эффективности коммуникации. Это обеспечивается максимально ярким проявлением в ней факторов, способствующих результативности общения, среди которых: узость семантики, высокая степень точности обозначений, широкие семантические связи, экспрессивность (в языке) и эмоциональность (в речи), информативность (информационная насыщенность), актуальность внутренней формы.

Теперь уже общепризнано, что лексика и фразеология определенной лексико-семантической группы, тематической группы, тематического поля отражает специфику описываемого явления (феномена) с актуализацией его свойств, качеств и т.п., значимых в данной культуре (с точки зрения народа-номинатора). ФЕ рассматриваемой тематической группы, в частности, демонстрируют, что для носителей языка в целом значимы коммуникативная, номинативная, эмоциональная, волюнтативная функции фразеологизмов. Для носителей говоров особое значение приобретает магическая функция.

Кроме того, в материалах нашла отражение дуалистичность, свойственная указанному фрагменту мировидения русского народа и описанная многими исследователями. Подразумеваем сложность взаимодействия языческих и христианских мотивов, образующих поляризованный, но вместе с тем цельный мировоззренческий комплекс. В частности, проявлением дуалистичности считаем то, что создатели исследуемой фразеологии – люди не столько религиозные, сколько суеверные, или, иными словами, не столько верующие, сколько верящие.

Так, в наших материалах многочисленны (более 40 единиц) наименования заклинаний, вызываемых ими болезней, обозначения колдовских действий и т.п. Напр., ***макарово слово*** ‘заговор на скотину, чтобы сама приходила зимой’, ***ну́да подвенечная*** ‘болезнь (фурункулез), по суеверным представлениям, причиняемая невесте колдовством’, ***закрыть молоко*** ‘по суеверным представлениям, колдовством вызвать прекращение лактации у коровы’, ***принимать слова*** ‘лечить болезни у знахарки’ и др.

По стойкому убеждению диалектоносителя, словом можно вызвать несчастье, накликать беду (ср.: ***будь ты анафема на семи соборах*** ‘восклицание, выражающее неодобрение’, ***лешака гаркать*** ‘ругаться, упоминая нечистую силу’), но можно и отвести их (ср.: ***тридевять и минь!*** ‘заклинание, по суеверным представлениям, отводящее темные силы’, ***пусть тот ревёт, кто меня берёт*** ‘обрядовый наговор невесты, используемый в оправдание отказа невесты плакать на свадьбе’).

Характерно значительное количество номенклатурных единиц определенных групп (наименований обрядовых песен, причитаний), что говорит о большой роли обряда в жизни диалектоносителей. «Несмотря на изменение уклада и образа современной деревенской жизни, до сих пор живы (больше, конечно, в памяти, чем в живом бытовании) многие элементы традиционной культуры» [Зверева, Русинова 2007: 15]. В частности, многочисленны единицы, связанные со свадебным и похоронным обрядами, всегда занимавшими особое место в культуре русского народа. Напр., насчитывается около 40 номенклатурных наименований обрядовых песен, причитаний (ср.: ***игрищенская песня*** ‘песня, исполняемая во время молодежных игрищ’, ***насказу́лечная (походячая) песня*** ‘короткая песня типа плясовой; частушка’, ***обидная песня*** ‘причитание невесты, в котором она высказывает свою обиду родителям’, ***осённая песня*** ‘песня, которую пели на уборочных работах’, ***пла́чешная песня*** ‘причитания по умершему’ и др.).

Единицы тематической группы «Говорение» позволяют выявить факторы, содействующие (либо препятствующие) эффективности общения, с позиций

русского диалектоносителя. Полноценность коммуникации обеспечивают информативность, цельность, доступность, логичность, истинность, правдивость, точность, лаконичность (но не скупость на слово), экспрессивность, прагматичность высказывания, отсутствие дефектов речи у говорящего и некоторые др. Наибольшей критике подвергается бессодержательная речь (в силу ее бесцельности и бесполезности), болтливость, склонность человека к много-, пусто- и злословию. Ср.: ***язык на простом (полом) месте (на просторе) у*** кого-либо, ***худая становина*** ‘о (чрезмерно) болтливом человеке’, ***щелкуша начётистая*** ‘болтунья’, ***балясы разводить (точить, водить, возить, болтать*** и т.п.), ***без ниток холст сновать, ломать язык, набелками хлопать, разводить тары-бары*** ‘вести пустые разговоры, говорить о пустяках; пустословить’, ***худое ля́пало, язык на полом месте*** ‘о пустослове’; ***ве́щица перелётная*** ‘о распространительнице дурных вестей, склочнице’, ***перемота (перемоты) класть*** ‘сплетничая, ссорить людей, сеять вражду’ и т.д.

Но фразеология оказывается источником богатейших сведений не только о культурном пласте жизни населения Пермского края, но и собственно лингвистической информации. В связи с изменением образа жизни в целом и исчезновением отдельных реалий деревенского быта, в связи с наступлением городской культуры, нивелировкой жизни и речи населения, в условиях утверждения новой формы идиома – региолекта (см.: [Герд 2001], [Ерофеева 2005]) – происходит стремительная утрата диалектной лексики или переход ее в пассивный запас. Фразеологизмы оказываются одним из важнейших «хранилищ» такого рода лексем. Ср.: ***едьмям*** (***едьмим***) ***есть*** ‘поглощать пищу с жадностью’, где ***едьмям (едьмим***) – древняя причастная (затем деепричастная) форма, соотносимая с иными сохранившимися в пермских говорах формами в тавтологических конструкциях типа *ревьмя реветь, ливьмя лить* и т.п.

Таким образом, создание тематического диалектного фразеологического словаря следует рассматривать как научно значимую проблему. Планируемый лексикографический труд отвечает современным тенденциям в отечественной лингвистике и в отечественной лексикографии в частности. Словарь послужит логическим продолжением лексикографической работы в Пермском крае. Помимо этого, отраженные в нем материалы смогут стать источником богатейшей лингвистической и этнокультурной информации.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П. Хрестоматия говоров Пермской области. Пособие по курсу рус. диалектологии для студентов-заочников. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1976.

Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.

Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиом: социолингвистический аспект. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2005.

Зверева Ю.В., Русинова И.И. Словарь чердынских говоров // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И. Русинова. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. – Ч.2. – С.13–35.

Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А.

Усольские древности: сб. трудов и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. – Усолье, Соликамск, Березники: Перм. книж. изд-во, 2004.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: Перм. книж. изд-во, 2004.

Потапова Н.П. Структура предложения с глаголами говорения // Языкознание. Уч. зап. Перм. ун-та. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1966. – №162. – С.236–257.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2002.

Русские говоры севера Пермского края: хрестоматия (в рукописи).

Словарь говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984–2003. – Вып.1–5; Вып.6 (в рукописи).

Словарь пермских говоров: в 2 т. – Пермь: Книж. мир, 2000–2002.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

Словарь чердынских говоров. Вып.1: А–В (в рукописи).

DIALECT THEMATIC PHRASEOLOGICAL DICTIONARY “TALK”

M.V. Bogachyova

The article puts forward a project of a restricted (phraseological) dialect dictionary of a thematic group. Such a dictionary is instrumental in introducing new material into academic practice, generalizing accumulated unmatched data, and promoting scientifically relevant investigations. Besides, the dictionary is a source of the richest lingo-cultural information.

© 2009

Ю.В. Зверева

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ «ЧЕЛОВЕК» (на материале пермских говоров)*

Пермская диалектологическая школа имеет давнюю историю: составлены словари пермских говоров Соликамского района (1973), д.Акчим Красновишерского района (1984–2003; А–С), «Словарь пермских говоров» в 2-х томах (2000–2002), ведется работа над составлением «Словаря чердынских говоров». Но все они являются словарями полного или дифференциального типов, в то время как лексикографическое описание отдельных тематических групп диалектной лексики не находит достаточного отражения в научных изданиях. Для

*Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У).

современной диалектологии особенно важным является системное изучение лексики говоров. Создание тематического словаря «Человек» на материале пермских говоров дает возможность исследовать состав и отношения элементов внутри данной тематической группы, изучать семантические и экспрессивно-стилистические связи, отношения и оппозиции, проявляющиеся в отношениях синонимии, антонимии, омонимии.

Объектом описания в словаре являются имена существительные и прилагательные, характеризующие человека в связи с его физическими особенностями, а также особенностями поведения, обусловленными эмоциональным состоянием, умственными способностями, отношением к нормам нравственности, к труду и собственности. Тематический словарь «Человек» – словарь дифференциального типа, поскольку лексикографированию подвергаются только диалектные слова, бытовавшие и бытующие на территории Пермского края. Прежде всего в состав словника будут входить лексические диалектизмы, т.е. слова, корни которых отсутствуют в литературном языке (*басёна* ‘любительница наряжаться’, *безвы́тный* ‘прожорливый’, *оскомёлок* ‘здоровый, крепкий ребенок’, *турты́га* ‘пьяница’, *у́росник* ‘часто плачущий ребенок’). В словарь также будут включены диалектизмы фонетические (*болба́н*) и словообразовательные (*балу́н* ‘проказничающий, шалящий ребенок’, *бахва́льник* ‘хвастун’, *ви́зга* ‘ребенок, который часто плачет, кричит пронзительно и резко’, *плаксу́н* ‘плакса’), т.е. имеющие общие корни и общее значение со словами литературного языка, но отличающиеся по фонетическому (фонемному) или морфемному составу.

В словаре фиксируются лексемы, соотносимые с единицами литературного языка, т.е. семантические диалектизмы, отличающиеся значением от слов литературного языка (*дика́рь* ‘колдун’, *зна́харь* ‘человек, обладающий знанием жизни, опытом’, *моди́стка* ‘женщина, которая модно и со вкусом одевается’).

Оговорим *принципы подачи* слов, разработанные для диалектного тематического словаря «Человек».

• Фонематические варианты лексемы показываются в одной словарной статье, словообразовательные же и морфологические – в самостоятельных статьях.

БАЕРА́КА, БУЕРА́КА. *Задиристый, вспыльчивый человек.* Как баерака, ну, шутоломный, неспокойный (Бондюг, Черд.). Шумливые люди есть. Чё, говорит, ты зашумел, как баерака! (Гашково, Черд.). Буерака-де он. Буерака – это настояшшой буерака, задирака как (Кедровка, Черд.).

БАЗЛА́Н. *Плачущий ребенок.* Базлан ты, только ревёшь (Покча, Черд.).

БАЗЛА́НКА. *Женск. к* ***БАЗЛАН.*** Базлан – мальчик ревёт, про девочку – базланка (Покча, Черд.).

БАЗЛО́ = *БАЗЛАН.* Базло забазланил опять (Покча, Черд.).

• В словарной статье подаются все диалектные значения слова, характеризующие человека.

БЕГЛЯ́НКА. 1. *Женск. к* ***БЕГЛЕЦ.*** *1 – ‘тот, кто много и допоздна гуляет’.* Беглянка – девка допоздна бегат (Покча, Черд.).

2. *Девушка, вышедшая замуж без благословления родителей.* Беглянка – без свадьбы (Базуево, Гайн.).

3. *Женщина, ушедшая от мужа.* Беглянка звали, если убежала от мужика, а его розженя (Покча, Черд.).

• В тематическом словаре отражаются не только отдельные лексемы, но и фразеологические единицы, связанные с тематической группой «Человек». Во-первых, это позволяет ввести в научный оборот региональные фразеологические материалы, которые не нашли отражения в существующих диалектных словарях Пермского края, во-вторых, дает представление о системных связях в словаре диалектоносителя. Под знаком ромба (◊) в словарной статье подаются фразеологизмы, напр., ◊ **БА́ЛЯ ДУРНА́Я,** ◊ **БЛУХА́Я ПЕ́ПА,** ◊ **ЛУКО́ШКО БЕЗДЁННОЕ,** ◊ **У́ТЛАЯ ВОРО́НА.**

◊ **БА́ННАЯ ЗАТЫ́ЧКА.** перен, экспр. *О нечистоплотном человеке.* Сами банные затычки, нас челдонами зовут (Велгур, Краснов.).

• После дефиниции и примеров употребления слова в речи диалектоносителей в словарной статье за знаком ▒ следует комментарий о происхождении лексемы.

ПЛАНИ́ДА, собир. 1. *Маленькие дети.* Планида – маленькие робята, всех маленьких называют. У них, говорит, планиды-то полная изба (Пянтег, Черд.). Вот планиды-то скоко! Тресь её побери! Планида-то – когда робят много (Дуброва, Солик.).

2. *Непослушные дети.* Только ето обзывок, вот планида-де, о ребятах (Пянтег, Черд.). Планида – орда, робята мелкие... Окаянные угланки, угланы, планиды – одно и то же (Пянтег, Черд.).

▒ В современном русском литературном языке слово бытует в форме *планета* – ‘небесное тело, вращающееся вокруг Солнца и светящееся отраженным солнечным светом’. Слово заимствовано из греческого языка (πλανήιης ασινήρ – ‘странствующая (изменяющая место стояния) звезда’) [Черных 2: 38] и в форме *плани́да* существовало в древнерусском языке, в современном же варианте употребляется с Петровского времени [там же]. В русских говорах у слова *плани́да* фиксируется несколько значений, в том числе и собирательное обозначение детей: *плани́да* имеет значения: 1) ‘планета’; 2) ‘комета’; 3) ‘сильный дождь, ветер, гроза и т.п., вызывающее бедствие’; ‘несчастье, бедствие’, 4) ‘многодетная семья’; ‘дети, детвора’ [СРНГ 27: 80–81]. Можно предположить, что значение ‘маленькие дети’ возникло путем такого семантического преобразования: ‘небесное тело’ > ‘погодные явления, вызывающие бедствия’ > ‘несчастья, бедствия’ > ‘непослушные дети’ > ‘дети’.

• В словаре отражаются лексемы, связанные своим происхождением с финно-угорскими и тюркскими языками. На территории Пермского края издавна соседствуют финно-угорское (коми-зыряне, коми-пермяки, манси) и русское население, что обусловило взаимовлияние русского и финно-угорских языков. Наиболее сильно это взаимодействие языков сказалось в говорах Верхнего Прикамья, в которых фиксируются лексемы коми происхождения, а также заимствования из мансийского языка. Русские на территории Южного Прикамья находились в другом иноязычном окружении, их соседями были татары, башкиры, ханты, марийцы [Полякова 2006: 33], и наибольшее количество заимствований в этих говорах являются тюркскими по происхождению.

В русских говорах Северного Прикамья отмечаются лексемы, обозначающие

качества человека, и имеющие в основе слова коми происхождения (*ка́га*, *чу́рка*, *но́мырь*). Тюркские по происхождению слова фиксируются в говорах Южного Прикамья (*сарабайка*, *бахмала*, *кура́мыш*).

НО́МОР, НО́МЫРЬ, собир. *Дети.* Номырь полно бегают (Пож., Юрл.). Булочек настряпаю на номору, дак они едят, волочат (Редикор, Черд.).

Слово *номырь* заимствовано русским языком в двух значениях: «скопление мелких насекомых» и в переносном значении – ‘выводок, множество детей’ [КПРС: 277]. Первое значение коми-пермяцкого слова *но́мыр* – ‘червь, червяк, черви’ зафиксировано и в коми языке и восходит к общепермскому *nomir – ‘червь, личинка насекомых’ [КЭСКЯ: 194].

КУРА́МЫШ. *Внебрачный ребенок.* Соседка-то у меня рано курамыша родила, да так замуж-то и не вышла (Березовка, Кунг).

Слово происходит от тюркского мужского личного имени *Карамыш* [Подюков 2007: 8]. Употребление в качестве наименования внебрачного ребенка нерусского личного имени объясняется наделением представителей чужой национальности (татарской) негативными, отрицательными чертами. Это связано с тем, что в сознании носителя традиционной культуры появление внебрачного ребенка нарушает повседневный уклад жизни и внебрачный ребенок может осознаваться как чужой.

Большинство диалектных словарей являются словарями полного или дифференциального типов, в то время как лексикографическое описание отдельных тематических групп диалектной лексики не находит достаточного отражения в научных изданиях. В настоящее время существует «Тематический словарь говоров Тверской области», созданы тематические словари по лексике рыболовства и охоты на основе северных русских говоров, однако лексикографическое описание отдельных тематических групп лексики на пермских диалектных материалах отсутствует. Осуществление проекта тематического словаря позволит дать системное описание лексики и фразеологии тематической группы «Человек», изучить их в аспекте этимологии.

ЛИТЕРАТУРА

КПРС: Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривощекова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985.

КЭСКЯ: Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. – М.: Наука, 1970.

Подюков И.А. К проблеме описания лексико-фразеологического состава русских говоров Южного Прикамья // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии. Материалы и исследования. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2007. – Ч.2. – С.5–13.

Полякова Е.Н. Региональная лексикология и ономастика. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-т, 2006.

Словарь говора д.Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1984–2003. – Вып.1–5 (А–С).

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2006.

СПГ: Словарь Пермских говоров: в 2 т. – Пермь: Книж. мир, 2000–2002.

СРНГ: Словарь русских народных говоров. – Л. – СПб.: Наука, 1984–2008. – Вып.1–41.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

THEMATIC DIALECT GLOSSARY "HUMAN BEING"
(BASED ON PERM DIALECTS)

Yu.V. Zvereva

The article is devoted to principles of compiling a dialect thematic glossary "Human Being". It is a restricted glossary as it is confined to the current and old-time dialectisms of the Perm territory. The thematic arrangement allows to give a systematic description of words and phrases of the group "Human Being", and to study them from the viewpoint of etymology.

© 2009

Ю.Ю. Саввина

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ ФИТОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ЕЛЬЦА И ЕЛЕЦКОЙ ОКРУГИ

В последнее время усиливается внимание ученых к духовной и материальной культуре жителей всех регионов России и к русским народным говорам. Существовавшее на протяжение XIX–XX вв. всестороннее и разноаспектное изучение региональной лексики является одной из первоочередных задач современной диалектологии. Кроме того, исследователи испытывают потребность в получении разнообразной информации, касающейся связи языка и культуры в каждом из российских регионов. Поэтому так актуальна проблема создания региональных словарей русских народных говоров. Лексикографический опыт обогащается изданиями диалектных словарей по разным регионам Российской Федерации, продолжается работа над «Лексическим атласом русских народных говоров». Издаются и словари разных тематических групп, в том числе, лексики природы. Ср.: «Лексика природы: опыт тематического словаря говоров Ивановской области» [Жмурко 2001], «Словарь народных названий растений Урала» [Коновалова 2000] и др. Но до сих пор нет ни одного словаря, представляющего лексику Ельца и его округи как части говоров южнорусского наречия.

Изучение и описание фитонимической лексики Ельца и его округи как одного из пластов, отражающих важный компонент материальной культуры, интересно по многим причинам. Ботанической лексикон елецких говоров сокращается: отдельные наименования растений безвозвратно утрачиваются, другие – превращаются в архаизмы и историзмы. Научная целесообразность исследования лексики Елецкого региона обусловлена также тем, что здесь наблюдается переплетение нескольких исторических языковых пластов, так как Елец

долгое время граничил с «Диким полем»; город подвергался неоднократному нападению татарских племен, здесь жили служилые люди и казаки, переселенные в свое время с других восточнославянских территорий. С этой точки зрения особую ценность представляет функционирующая в елецких говорах ботаническая лексика. Народная фитонимия заслуживает пристального внимания и потому, что является одной из древнейших лексических микросистем, в которой закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения растений как части окружающего человека природы [Коновалова 2000: 4].

Елецкие говоры отражают процесс становления и развития южнорусского наречия в целом и его отдельных говоров в частности. В Ельце господствует не диалект, а скорее *полудиалект*, понимаемый Р.И. Аванесовым и В.Г. Орловой как разновидность языка, которая употребляется коренным населением городов, находящемся в определенном диалектном окружении. *Полудиалект* в большей или меньшей степени приближается и к литературному языку, и к диалектному, но это не есть ни чистый литературный язык, ни чистый диалект [Аванесов, Орлова 1965: 7]. Поэтому лингвистический термин *говор* мы понимаем как органичную систему единства общенародных и локальных лексических элементов, называющих травы, грибы, ягоды, цветы, кустарники, деревья.

Наша работа задумана как тематический словарь фитонимической лексики Ельца и его округи. Ее основная цель – раскрыть семантику и установить системные связи ботанических наименований, функционирующих в Ельце и Елецкой округе. Материалом словаря послужила фитонимическая лексика, собранная в Ельце и его окрестностях путем непосредственного наблюдения над живой речью.

Город Елец территориально расположен в таком «диалектном окружении», что это дало нам возможность сопоставлять фитонимические наименования города с номинациями, встречающимися в населенных пунктах (селах, деревнях, поселках, станциях) Елецкого округа. Наши наблюдения показывают, что некоторые названия одного вида фитонима известны на территории Ельца, но неизвестны жителям Елецкой округи. Так, названия *рожа* и *мальва* употребляются на территории Ельца, но не встречаются в Елецкой округе, где отмечается только наименование *мальва*.

В основу работы положена тематическая организация лексики. Главную задачу мы видим в том, чтобы показать каждую из тематических групп во всей ее полноте, выявить системные отношения между единицами их составляющими. В представлении материала использовался логико-иерархический принцип: от родового к видовому.

Словарь задуман как справочное пособие, отражающее особенности южнорусских говоров и тем самым дополняющее курс русской диалектологии, а также курс лингвистического краеведения. «Словарь фитонимической лексики Ельца и Елецкой округи» может послужить также одним из источников для изучения синонимических отношений, эмоционально-экспрессивных значений фитонимов, омонимических и антонимических отношений, многозначности ботанических названий.

Такой словарь может выполнять еще и чисто познавательные функции, поскольку знакомит читателя с народными наименованиями фитонимов, отра-

жающими самые разные представления человека о растении: от суеверных до фармакологических.

Приведем примеры словарных статей некоторых тематических групп фитонимической лексики Ельца и Елецкой округи:

Травы

Белена, ы, ж. – растение *Huoscyamus niger L.*, ‘белена черная’. Иллюстрации: *[билина / так травá называ́ицъ // анá ядавитъ óчинь //]* (г.Елец).

Белоголóвник, а, м. – трава *Achillea millefolium L.*, ‘тысячелистник обыкновенный’, цветущий белыми цветами, образующими на верхушке шапку. Иллюстрации: *[билагалóвнику нъ-лугý палнó // иво ат-сáхърнъва диабéту завариваю́ть//]* (с.Казаки). *[з-билагалóўнику чай пили / у-вайнý пéрвый напи́ток был // цвитёть бéлым / γалóўки бéлаи / душы́стаи //]* (г.Елец) *[билагалóўник/ палéзнъя травá // анá ат-мнóгих балéзней памагáить // прáвда / кадá цвитёть / прати́ўна пáхнить //]* (пос.Маяк).

Имеет синонимы в елецких говорах: *тысячелистник*, *кашка, белая кашка.*

Тысячели́стник, а, м. – это трава *Achillea millefolium L.,* ‘тысячелистник обыкновенный’. Иллюстрации: *[этъ личéбнъя травá / трáву э́ту настáивъють / мóгуть пить / у-кавó рýки / нóги балять //]* (с.Казаки). *[тысячили́сника óколо дóма вон мнγа растёть // в-этом γадý мнóγа развилóсь / каси́ть ни-успивáишь //]* (с.Паниковец). *[тысячили́сник бéла-рóзавым цвитёть // γалóўки у-нивó краси́ваи // ани́ растýть на-высóких стéблях // на-аднóм кустý бывáить мнγа таких γалóвак //]* (д.Казинка).

Кáшка, и, ж. – так называют в елецких говорах три разновидности растений: 1) *Trifolium pretense L.,* клевер луговой; 2) *Achillea millefolium L.,* тысячелистник обыкновенный (см. об этом выше); 3) *Spiraea nipponica,* спирею ниппонскую. Иллюстрации: *[кáшки на-лугý мнóγа э́тим лéтам // си́льныи дажы́ были / ат-тавó он таки́м сóчным кáжыца / карóў так и-тя́неть к-немý // ани́ наидя́ца / а-патóм си́льна балéють // э́ту травý никáк им и́сть нильзя́ //]* (ст.Телегино). *[кáшку для-зимы́ ва-врéмя цвитéния нада сабирáть // анá душы́стый запах издаёть // óчинь харашó пáхнить // кáшку ишó тысячили́сникам называють //]* (д.Малая Боёвка). *[кáшка / э́та тá-жа травá / што и-тысячили́стник // я кáшку ат-сахарнава диабéту завáриваю // мнé ана памагаить //]* (с.Казаки). *[виснóй кáшка бéлым зацвитёть // ат-иёцвитóў вéсь куст бéлым станóвица //]* (д.Казинка).

Белая кашка – составное наименование, которое называет растение тысячелистник обыкновенный и обозначает в городе Ельце и его округе также: 1) клевер луговой (*Trifolium pretense L.*) и 2) спирею ниппонскую *(Spiraea nipponica)* (см. об этом выше).

Горля́нка, и, ж. – трава *Potentilla argenten L.,* лапчатка серебристая, помогающая людям, согласно сведениям информантов, избавиться от боли в горле. Иллюстрации: *[завáривають γарля́нку у-нас у-чáй // пью́ть ад-бóли у-гóрль // асóбынна си́льнъ памагáит при-анги́нь //]* (д.Аксёнкино). *[я γарля́нку на-базáре пакупаю // сушу // а-зимой / када анги́на сильнаа / завариваю вместе с-чёбаръм / душыцай / звирабóим и-дажы мяту кладу // ад-горла такой чай дюжа памагаить //]* (г.Елец).

Ягоды

Я́года, ы, ж. – в елецких говорах принято называть так плод какого-либо кустарника и травянистых растений. Чаще всего так именуют плоды крыжовника, смородины, малины, клубники, земляники, т.е., субстантив выступает в обобщенном значении. Иллюстрации: *[пайду́ па-я́гады // набиру́ / да варе́нья наварю́ //]* (с.Казаки). *[нада я́гады абарва́ть / дюжа красныи вися́ть //]* (ст.Телегино). *[из-я́гат варе́ня укуснаа / арамта́наа // зимо́й банку аткро́иш / а-из-ниём тако́й арама́т иде́ть / прям как-то́лькъ я́гат нарва́ли //]* (г. Елец).

Земляни́ка, и, ж. – наименование сочных плодов фитонима *Fragaria vesca L.,* земляники лесной. Иллюстрации: *[зимлини́ки нарва́ли мно́гъ // ие́ у-э́там гаду мно́гъ бы́ла //]* (с. Ольховец) *[ана́ расте́ть прямъ на-зимле́ // мно́гъ нарва́ли зимлини́ки //]* (г.Елец). *[зимлини́ку харашо́ рва́ть / ана́ бис-карзи́нъчик атрыва́ица / пато́м пирибира́ть ни-на́дъ //]* (г.Елец). Имеет синонимичное название в елецких говорах – *полозень.*

По́лозень, я, ж – название растения и плода земляники лесной. Иллюстрации: *[по́лазня у-лису́ пално́ // мы хади́ли у-ле́с / це́лую карзи́ну иго́ нарва́ли //]* (с.Казаки). *[тра́ву па́лкъй раздви́ниш / а-там / по́лазня многа // накланя́йси и-рви́ //]* (ст.Телегино).

Цветы

Аню́тины гла́зки, мн. – наименование крупной трехцветной садовой фиалки с большим глазком в середине цветка *Viola tricolor,* фиалка трехцветная. Иллюстрации: *[Аню́тины гла́ски на-база́ри купи́ла / сказа́ли / што те́мныи и-кру́пныи бу́дуть //]* (г.Елец). В елецких говорах *анютины глазки* называют также *анютками.*

Аню́тки, мн. – наименование фитонима *Viola tricolor,* фиалки трехцветной. Иллюстрации: *[Аню́тки я люблю́ / то́лькя пло́ха / што́ ани́ адналте́нии //]* (г. Елец).

А́стра, ы, ж. – садовое растение яркой окраски, имеющее соцветия, по форме напоминающие звезды. В елецких говорах так называют два цветка: 1) *Callistephus,* каллистефус; 2) *Aster,* астру. Иллюстрации: *[а́стры типе́рь пло́ха сажа́ть / ани́ жару́ ни-пирино́сять / ли́стья у-них завара́чиваюца и-засыха́ють //]* (г.Елец). Наименование растения во втором значении в елецких говорах имеет два синонима: *осенняя астра* и *покровка.*

Осе́нняя а́стра, ы, ж. – название цветка *Aster,* астры. Иллюстрации: *[асе́няя а́стра зацвила́ //]* (г.Елец).

Покро́вка, и, ж. – наименование цветка *Aster,* астры, расцветающей к православному празднику Покрову Пресвятой Богородицы: *[пакро́ўка к-пакрову́ расцвила́ // стаи́ть уся́ бе́лаа / сире́ниваа //]* (ст.Телегино).

ЛИТЕРАТУРА

Жмурко О.И. Лексика природы: опыт тематического словаря говоров Ивановской области. – Иваново: Изд-во Ивановск. гос. ун-та, 2001.

Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, 2000.

Русская диалектология / под ред. Р.И. Аванесова и В.Г. Орловой. – М.: Наука, 1965.

THE DICTIONARY OF THE YEL'TS COMMUNITY PHYTONYMS

Yu.Yu. Savvina

The article offers the thematic principle of compiling the phytonym dictionary of the Yel'ts community. It is important to show name meanings, and system relations. There are some examples of vocabulary entries of botanic names.

© 2009

И.И. Русинова

МАГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ПЕРМСКОГО КРАЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ*

На протяжении нескольких десятилетий ученые пермских вузов (государственного университета и государственного педагогического университета) записывают тексты, содержащие сведения магического характера. Это, прежде всего, былички. К настоящему времени материалов накопилось достаточно для того, чтобы попытаться их лексикографировать. Так возникла идея «Словаря магической лексики Пермского края».

Лексика данной группы заслуживает внимания исследователя по нескольким причинам. Во-первых, народная магическая традиция в Пермском крае довольно хорошо сохранилась (в отличие от свадебного, похоронного обрядов). Лексика подробно отражает такие стороны магической традиции, как народная демонология, колдовство, народная медицина. Во-вторых, при всей своей многочисленности данный лексический материал слабо отражен в пермских диалектных словарях. Лишь частично он представлен во «Фразеологическом словаре пермских говоров» (*знать чертей, посадить икоту, посадить килу, посадить порчу, сделать слова* и др.) [Прокошева 2002]. В-третьих, эти единицы интересны и с чисто лингвистических позиций: многие из них являются семантическими диалектизмами. Кроме того, около трети магических единиц – это устойчивые словосочетания разного характера.

Материалы и источники словаря. В словаре представлена лексика, отражающая магические представления и практики, бытующие на территории Пермского края. Материалами словаря являются полевые записи, сделанные авторами в населенных пунктах разных районов края, тексты быличек, записанные во время фольклорных практик студентами филологического факультета Пермского государственного университета (руководители – К.Э. Шумов, А.В. Фир-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (проекты РНП 2.1.3/483, РНП 2.1.3/2175), РГНФ (проекты №№ 08-04-82404 а/У, 08-04-82408 а/У, 08-04-82410 а/У, 09-04-82402 а/У, 09-04-82403 а/У).

сова, А.В. Ахахлина и др.), опубликованные материалы ([Бахматов и др. 2008], [Подюков и др. 2004], [Подюков и др. 2006], [Черных 2004]).

Характер словаря и отбор лексики. Данный словарь является тематическим, продолжает отечественную традицию лексикографических изданий, отражающих те или иные стороны традиционной культуры русских ([Славянские древности 1995], [Костромичева 1998], [Подюков и др. 2004] и т.д.), и построен по алфавитному принципу. В словарь включена лексика как диалектная, так и общерусская. Это сделано для того, во-первых, чтобы сохранить для читающих целостность магических представлений и практик, которые стоят за лексическими единицами, во-вторых, потому, что даже общерусские слова часто приобретают в обрядовых текстах особые значения.

Мы ограничили круг слов, включаемых в словарь, несколькими группами: единицы, обозначающие людей – как осуществляющих магические действия, так и подвергшихся магическому воздействию; названия мифологических персонажей; процессуальная лексика. В словарь не входят другие группы единиц, относящиеся к семантическому полю «Магия»: лексика народных гаданий, лексика календарных и некалендарных обрядов.

Построение словарной статьи. Словарная статья включает: 1) заглавное слово в орфографическом написании; 2) толкование значения слова; 3) примеры-иллюстрации, которые приводятся в орфографической записи, отражающей особенности произношения носителей традиции; 4) географическую помету, включающую название населенного пункта и название района. Напр.,

НАСАДИ́ТЬ ЧЕРТЕ́Й. *Причинить заболевание магическим способом*. Он [колдун] у нас на квартире жил в Мисюрёво. Угостил меня. Вот там и насадил чертей. Ухают там [в груди] и каркают. А нынче не верят этому, не верят (Вильгорт, Черд.).

Характеристика процессуальной лексики. Самую большую группу магической лексики составляют слова и словосочетания, обозначающие магические действия. Тематически ее можно разделить на три основных части: 1) единицы, характеризующие обладание сверхъестественной силой; 2) единицы, называющие вредоносные магические действия; 3) единицы, называющие доброносные магические действия.

Обладание сверхъестественной силой в пермских говорах обозначается сверхсловными единицами с глаголами *знать*, *знаться*: *знать*, *знать слова (молитвы), знать добро, знать чертей (бесей), знаться с лешим (лесным хозяином, сатаной)* и пр. (*В Адамове женщина есть, та хорошо* ***знает****. Я у сестры ее лечилась; Знахарков-то раньше было много. Дак, наверно, каки-ко* ***слова*** *жо* ***знали****, наверно; Ак есть специальные молитвы. Люди* ***знают*** *такие* ***молитвы****, лечат старухи-те; Раньше у нас были таки пастухи, что наказывали. Если к стаду [кто-то] подходит, голос свой обязательно подать должен. Не иначе, эти пастухи* ***с бесом знались****. А это все для того, чтобы их с лешим не увидел никто*).

Самую многочисленную группу составляют лексические единицы, обозначающие вредоносные магические действия. Большая часть из них имеет значение ‘причинить вред здоровью человека магическим способом’. Остальные единицы описывают другие виды причинения вреда людям и животным магическим способом.

В семантической подгруппе ‘причинить вред здоровью человека магическим способом’ есть однословные единицы. Чаще всего это глаголы и приставочные образования от них: *колдовать, урочить, портить, глазить* и пр. (*Всякие знахарки-то раньше были. Они не только лечить, но и* ***сколдовать*** *могут; Вот ты сидишь, и на тебя зевнут. Придешь домой – и то заболит, и друго заболит.* ***Изурочат****, значит; Я только приехала сюда, колдунья одну женщину* ***испортила****. Та четыре года болела; Таня Квашнина, с черным глазами она. Она любит детей, всё ласкает. Уйдет она – ребенок ревет. Она не знает, что она* ***глазит***).

Фиксируются в пермских говорах и двухсловные единицы с более узкой семантикой. В структуре их значения есть дифференциальная сема – ‘орган человеческого тела’ или ‘болезнь, причиненная магическим способом’: *садить килу (рожу, лишай, кошку, собаку, хомут); пустить щепоту (грыжу); закрывать (запирать) мочу, кровь (Мне как-то* ***садили килу****, щёку всю разворотило; Вот раньше* ***хомуты*** *на шею* ***посадят****, вот на это место. Как такая тяжесть надета; Он не взял девушку из семьи колдунов. Ему за это* ***посадили*** *на шею* ***кошку****. Никто ее не видел, а он чувствовал, что она ему шею ела; Меня самую портили.* ***Собаку*** *мне* ***посадили****. Как я лаяла!*).

Существуют в пермских говорах лексические и сверхсловные единицы, обозначающие вредоносные магические действия, направленные как на людей, так и на животных: *украсть (украдывать, воровать, перейти, пересечь) дорогу, закрыть, отводить, усушить, привязать.* Они имеют значение ‘сбить человека, домашнее животное с дороги, пути магическим способом’ (*Бывает, колдун* ***дорогу украдывает*** *у человека. Он и снует в лесу, ходит; А то говорили: колдуны* ***воровали дорогу****; Мы пошли по ягоды. Одна женщина* ***дорогу перешла*** *нам. Мы потом плутали, плутали. Она и лошадей* ***отводила****; Это Илюшиха. Она* ***пересёкла*** *– мы по корову-то поехали –* ***дорогу-ту****. До лета-та дожили, с воли не могли заганивать корову; Вот* ***запрут*** *где-то коров [****словами****], и коровы домой не йдут*).

К этой же группе можно отнести двухсловные образования *отводить собак и отводить цель.* Сформированные на базе одного глагола, они обладают разной семантикой: словосочетание *отводить собак* имеет значение ‘лишать собак чутья магическим способом’ (*Он [колдун] собак отводил. Наладит собаку – не будет искать белку, не будет чуять. Лишится хозяин); отводить цель* – ‘лишать охотника меткости магическим способом’ (*Знаю это: железо заговаривают, они* ***цель отводят****. Ты думаешь, в глухаря или в белку стреляешь, а ты мимо стреляешь. Тебе там показывается другое.* ***Отводят цель*** *колдуны. Словами заговаривают*).

Группа процессуальных единиц, обозначающих доброносные магические действия, меньше, чем предыдущая, ибо доброносные магические действия осуществлялись, прежде всего, как реакция на уже произведенные вредоносные. Большая часть единиц этой группы имеет общее значение ‘излечивать магическим способом’: *дать (давать) слова, сделать слова, сказать слова, (на-)говорить слова, (за-, по-, при-)говорить (говаривать), (на-, по-)шептать, снять (снимать) уроки (чертей, тоску, хитку), отзывать (заглушать) чертей (От уроков лечат. Придешь к знахарке, она слова тебе дает; Фёкла-то* ***уроки*** *с животных и с людей* ***снимала****. Придет, слова* ***наговорит****, че-то попей. Кто-то порчу насадит, или килу, или грыжу; У него тоже был брат, тоже слова-де знал* ***снимать чертей-то****; Бывали люди, что словами снимали тоску; Главный еретник говорит:*

«Вы меня давно уже покорили ***хитку-то снять-то****»).*

Весьма активны в пермских говорах в указанном значении глаголы с корнем *черт-*. Глагол с корнем черт- означает ‘излечивать магическим способом’, в составе же словосочетаний семантика конкретизируется – ‘излечивать магическим способом что-либо’ (*От порчи-то лечила. Говорят, что* ***чертила*** *она;* ***Зачерчиваю больное место*** *камнем;* ***Очертила*** *ее –* ***опухоль****-то спала; Бабушка знала. И вот она парила.* ***Чирьи чертила, рожу чертила, от чертей чертила***).

Обзор процессуальных магических единиц, функционирующих в русских говорах Пермского края, позволил установить, во-первых, что эта группа единиц довольно многочисленна, актуальна для диалектоносителей и активна в использовании. Во-вторых, многие единицы этой тематической группы часто представляют собой устойчивые словосочетания с глаголом в качестве опорного слова. Часть из них понятна всем носителям русского языка и культуры (*научить колдовству*). Но есть и другие. «Мотивировка их обобщенного магического значения происходит только на уровне традиции. Они могут быть поняты лишь при подключении к тем мифологическим и магическим представлениям, которые лежат в основе сюжета быличек» [Русинова 2001: 159]. Напр., *сделать уроки* ‘излечивать магическим способом’, *передать пестерь* ‘сделать обладателем сверхъестественного знания’ и др. В-третьих, налицо широкое варьирование компонентов словосочетаний, причем заменяться может как опорный глагол, так и зависимое существительное (*посадить болезнь (порчу, чертей, бисей, чертенка, бесенка); наводить (посылать, напускать) порчу (сглаз, болезнь, хворь*) – ‘причинить (причинять) заболевание магическим способом’. Наконец, анализ процессуальных магических единиц позволяет прийти к следующему заключению. Магическое воздействие – это комплекс приемов, среди которых вербальные играют одну из главных ролей: они сопровождают любое несловесное действие, являясь постоянным компонентом магических обрядов, при факультативности, переменности других. Именно поэтому единицы со значением речемыслительной деятельности (глаголы *знать, говорить, сказать, шептать* и их приставочные производные, существительные *заговор, наговор, отговор, слова, грамотка, говоруха, молитва, сказка*) составляют основной пласт магической лексики исследуемого региона.

ЛИТЕРАТУРА

Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.А., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. – Пермь: Изд-во «ОТ» и «ДО», 2008.

Костромичева М.В. Словарь свадебной лексики Орловщины. – Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 1998.

Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности. Сб. тр. и материалов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. – Усолье: Березник. филиал ОГУП ИПК «Перм. книж. изд-во», 2004.

Подюков И.А., Черных А.В., Хоробрых С.В. Земля Соликамская. Традиционная культура, обрядность и фольклор русских Соликамского района. – Пермь: Перм. книж. изд-во, 2006.

Подюков И.А., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Этнолингвистический словарь свадеб-

ной терминологии Северного Прикамья. – Усолье, Соликамск, Березники, Пермь: Перм. книж. изд-во. 2004.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002.

Русинова И.И. Глаголы магического действия в северных районах Пермской области // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования 1998). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 2001. – С.154–159.

Славянские древности: этимологический словарь / под ред. Н.И. Толстого. – М.: Изд-во «Междунар. отношения», 1995–2004. – Т.1–3. (Изд. продолжается).

Черных А.В. Куединские былички: мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв. – Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004.

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF WITCHCRAFT VOCABULARY OF THE PERM TERRITORY

I.I. Rusinova

The article presents the draft of “The Perm Territory Witchcraft Glossary”, material, sources, glossary type, principles of word selection, layout of an entry. The glossary contains the results of the analysis of a vast vocabulary stratum reflecting most ancient cultural ideas and notions still relevant for the territory residents, which is confirmed by the analysis of witchcraft vocabulary.

© 2009

И.А. Проничева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ КУЛЬТУРНЫХ КОННОТАЦИЙ, ОСНОВАННЫХ НА ТОЛКОВАНИЯХ СНОВИДЕНИЙ

Известно, что культура, являясь исторической памятью народа, находит свое отражение в национальном языке. Культурная информация накапливается в языковых единицах, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее. Возникает вопрос о способах экспликации культурной информации в языковой единице.

«Если в языковой единице есть культурная информация, то должна быть и категория, соотносящая две разные семиотические системы (язык и культуру) и позволяющая описать их взаимодействие» [Маслова 2004: 54]. По мнению исследователей, в частности, В.Н. Телии, это культурная коннотация.

Культурная коннотация признается одним из важнейших понятий лингвокультурологии. Под культурной коннотацией понимают «узуальные устойчи-

вые семантические признаки, которые являются результатом использования данной реалии и ее обозначения определенной лингвокультурной общностью» [Токарев 2007: 53].

Культурные коннотации входят в импликационал значения слова, обладают воспроизводимостью и устойчивостью.

В настоящее время, наряду с толковыми и фразеологическими словарями, выходят в свет словари, реализующие лингвокультурологический подход к языковому материалу. К их числу относится «Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь» (2004). Объектом рассмотрения авторы избрали зооморфные образы, прецедентные имена, тексты, высказывания. Каждая статья состоит из преамбулы, в которой сообщается о месте персонажа или предмета в мифологии, о культурном смысле единицы, ее функциях в дискурсе. Статья завершается сведениями, которые сконцентрированы в трех пунктах. Первый пункт содержит краткую энциклопедическую информацию о месте выбранного объекта в традиционной культуре, отмечается упоминание его в библейских текстах. Во втором пункте описывается стереотипный образ, стоящий за зоонимом, или представление, связанное с артефактом. Третий пункт посвящен условиям употребления единицы в дискурсе.

Рассмотрим специфику данного словаря на конкретном зооморфном образе (образе кошки). В словаре дается следующая информация: «Кошка относится к числу русских мифологических образов; выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека или действия» [Русское культурное пространство 2004: 88]. Далее сообщается о мифологичекой роли данного образа (в народных представлениях кошка наделяется двойственной символикой и различными демоническими функциями), описываются стереотипные представления об объекте (независимость, живучесть, ласковость, сластолюбие), даются замечания об употреблении слова в дискурсе. Авторы приводят ряд выражений, связанных с образом кошки в современной русской культуре: *драная кошка, играть в кошки-мышки, как кошка с собакой, кошки скребут на душе, мартовский кот, кошка пробежала.*

Таким образом, на основе данного словаря можно проследить культурные коннотации, характерные для русского языка, которые находят свое отражение в различных текстах культуры. Сон также рассматривается в лингвокультурологии как текст культуры, а образы, фигурирующие в снах, – как элементы символария культуры. Толкования сновидений представлены в сонниках. Сонники принадлежат к так называемому «третьему» типу культуры, промежуточному между культурой элитарной, традиционно-книжной (художественная литература, изобразительное искусство) и устной, народной.

Сонники как перечень ключевых лексем (предметов, лиц, действий, появляющихся во снах) и их значений являются органической частью «общего знания» традиции, поэтому их изучение необходимо при исследовании представлений, характерных для конкретной этнической культуры. «Мистичность сна и двойственность его смысла, придающая ряду предметов и действий, фигурирующих во сне, знаково-символическое значение, формируют тексты толкования снов – сонник – в виде особого жанра. Основным вопросом изучения сонника является определение характера связи между знаком-символом (предме-

том, лицом или действием), появившимся во сне, и ожидаемым результатом появления такого знака» [Толстой 2003: 145]. Связь между знаком-символом и результатом его появления строится на разных принципах, одним из которых является принцип коннотативной оценки.

Культурные коннотации базируются на архетипических представлениях русского человека. Архетип – это образ коллективного бессознательного, т.е. «психологической структуры, которая является аккумулятором неосознанно передающегося из поколения в поколение человеческого опыта» [Юнг 1992: 115].

Рассмотрим примеры репрезентации культурных коннотаций в толкованиях сновидений.

КОШКА. В сознании русского человека кошка ассоциируется с независимостью, ласковостью, сластолюбием. Данные представления отражены в устойчивых выражениях: *как кошка с мышкой* (‘конфликтно, неприязненно’); *кот в мешке* (‘обман’); *кот наплакал* (‘очень мало’); *на душе кошки скребут* (‘нехорошие предчувствия, тревожность’); *тянуть кота за хвост* (‘медлить’); *как кошка драная* (о плохой, неопрятной женщине); *как кот на сметану облизывается* (‘очень хочет чего-то, разохотился’); *черная кошка пробежала между кем-нибудь* (о возникшем недружелюбии, ссоре); *живуч, как кошка* (о том, кто может приспособиться к лишениям, выжить в любых условиях); *ночью все кошки серы* (о том, кто непонятен, не до конца ясен); *как кошка с собакой живут* (о тех, кто постоянно ссорится, враждует); *кошке (коту, псу) под хвост* (о напрасных усилиях); *вылитый кот* (о ленивом).

В письменных сонниках «кошка во сне всегда предвещает неудачу, за исключением тех случаев, когда ее можно убить или прогнать с глаз долой. Если кошка нападает на Вас – Ваши враги пойдут на все, чтобы очернить Вашу репутацию и разорить Вас. Но если Вам удастся прогнать кошку, то Вы преодолеете все препятствия и станете богатым и известным. Если кошка грязная и худая – ждите плохих новостей. Если Вы видите котят, сон означает, что у Вас будут небольшие неприятности» [Миллер 2005: 144]. Толкование вербализует восприятие русским человеком кошки как существа, связанного с негативной энергией. Коннотативного принципа придерживаются и составители современных сонников: «Кошка – знак неудачи; оцарапала, укусила – болезнь; черная – враг, зло, несчастье; белая – коварная любовница / неприятность с хорошим концом; гладить кошку – отводить беду, внутренне с ней примиряться. Котята – мелкие неприятности и раздражение» [Смирнов 2003: 209].

ЛИСА. Традиционно образ лисы является воплощением хитрости, обмана, лести: *хитрый как лис, лисить* (‘льстить, угодничать’), *лиса* (‘лукавый, хитрый человек, корыстный льстец’).

В сонниках лиса – лукавый, опасный враг. «Лиса – хитрая коварная женщина; зло от других» [Смирнов 2003: 75]. Т.е. при толковании образа лисы в сновидениях обычно отличаются культурные коннотации.

МЕДВЕДЬ. Образ медведя олицетворяет собой не только силу и мощь, но и неуклюжесть и невежество. Это подтверждается следующими идиомами: *неуклюжий, как медведь; медведь в посудной лавке; медвежья услуга* (‘неловкая услуга, приносящая только вред’); *медвежий угол* ‘захолустье, глухомань’ (оборот отра-

жает культовое почитание медведя восточными славянами); *медвежьи объятия* (‘тяжелые и неловкие объятия’); *два медведя в одной берлоге не живут (не уживутся); живет один, как медведь в берлоге; не продавай шкуры, не убив медведя* (‘делить шкуру неубитого медведя’); *неповоротлив, что медведь; здоров (силен), как медведь.*

В сонниках медведь – «могущественный враг, богатый, отважный, но неловкий. Медведя убить – знак преодоления неприятеля и совершенной его пагубы» [Лексикон сновидений 1862: 167]. Как нетрудно увидеть, данное толкование вербализует также культурные коннотации, закрепившиеся в русском сознании.

Несмотря на свой противоречивый статус, сонники выступают как способ трансляции культурной информации, ибо в них посредством культурных коннотаций отражаются представления русского человека об окружающем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2004.

Миллер Г. Самый знаменитый сонник Миллера: толкования 10 000 снов. – М.: АСТ, 2005.

Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь / И.С. Брилева [и др]. – М.: Гнозис, 2004. – Вып.1.

Смирнов Т. Современный психоаналитический эзотерический сонник для сновидящих. – М.: Амрита: Русь, 2003.

Справочный энциклопедический лексикон сновидений / [ст. Б.С. Кривулина, С.3–41]. – М.: Книга, 1991. (Репринт. изд. 1862 г.)

Токарев Г.В. Семиотика: учеб. пособие. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007.

Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. – М.: Индрик, 2003.

Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. 1996. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.psychology.net.ru.

DREAM INTERPRETATION ON THE BASIS OF CULTURAL CONNOTATIONS REGISTERED IN LINGUO-CULTURAL DICTIONARIES

I.A. Pronicheva

The article deals with cultural connotations verbalization in dream interpretations. Connotations under analysis are registered in modern linguo-cultural dictionaries. As an example the author refers to zoomorphic images, since cultural connotations appear more vivid in these images, which is determined by a great number of expressive fixed phrases.

© 2009

О.В. Тимофеева

ДИАЛЕКТНЫЙ СЛОВАРЬ ЛИЧНОСТИ

Тимофеев Вячеслав Павлинович (03.07.1931–16.03.2004), мой отец, издал в г. Шадринске «Диалектный словарь личности» [Тимофеев 1971], над составлением которого работал более 20 лет. Однако пополнением словника этой книги он продолжал заниматься до конца своей жизни, т.е. еще около 30 лет. Результатом этого труда стало второе издание словаря, подготовленное мною на основе его личной картотеки.

Русские диалекты, к сожалению, постепенно исчезают из нашей жизни. И хотя это естественный процесс, но с исчезновением диалектных слов и словоформ мы теряем какую-то часть истории народа, его миропонимания и мироощущения. С каждым годом всё меньше остается носителей русских говоров. Поэтому понятно наше стремление зафиксировать в словаре исчезающую речь.

«**Диалектный словарь личности**» отражает в основном язык Тимофеевой Евдокии Михайловны (1898–1996), матери Вячеслава Павлиновича, жительницы села Мехонское Шатровского района Курганской области. Ее дочь, ныне здравствующая Кропачева Татьяна Павлиновна, 1923 г. рождения, еще пользуется языком матери. Внуки же Евдокии Михайловны, образованные и современные, уже не знают многих слов и оборотов речи своей бабушки.

Этот словарь неразрывно связан с другой книгой В.П. Тимофеева – «Фразеология диалектной личности. Словарь» [Тимофеев 2003], в которой содержится 5645 диалектных фразеологизмов и имеется основательная теоретическая часть.

Словарь называется «Диалектным словарем личности» – так же, как он назывался в первом издании. Однако даже при беглом просмотре словарных статей читатель может задать вопрос составителям: почему автором примеров к словам является не один человек, личность (Тимофеева Евдокия Михайловна), а еще и ее родные, в основном муж и дочь? Да, действительно, Евдокия Михайловна не писала писем (кроме как изредка под диктовку), т.к. была неграмотна, но в семье она многие десятилетия была авторитетом, хозяйкой, старейшиной. Эмоциональная, строгая, словоохотливая, она незримо управляла домом и оказывала несомненное влияние на речевое поведение своих близких, особенно дочери, Татьяны Павлиновны, которая всю свою жизнь, более 70 лет, прожила бок о бок с матерью. Контексты к словам без указания автора – это и есть в основном речь Евдокии Михайловны и ее дочери. Поэтому мы и оставили название второго издания словаря без изменения, так, как задумал его В.П. Тимофеев. Зафиксированный говор – это говор деревень Усольцевая и Сладчанка того же Шатровского района, откуда родом Евдокия Михайловна и ее муж, Павлин Дмитриевич. Аудиозаписи некоторых фрагментов бесед с Кропачевой Татьяной Павлиновной представлены на диске, приложенном к данному словарю.

Павлин Дмитриевич Тимофеев был грамотным, писал письма родным и воспоминания о своей нелегкой жизни. Умер он рано, в 1958 г., поэтому его устная речь очень мало отразилась в словаре. Можно считать, что все-таки духовной и душевной основой семьи была его жена Евдокия Михайловна. Женщина, как

существо более чуткое и впечатлительное, является обычно и хранительницей культурных ценностей, в нашем случае – произведений устного народного творчества, и запечатленных в языке представлений наших предков о жизни и ее ценностях, о месте человека в этом мире. Евдокия Михайловна была глубоко верующей, и даже в самые мрачные в духовном отношении советские времена своей веры не скрывала, насмешки терпела, любую добытую копейку (а пенсию она многие годы вообще не получала) несла в соседнюю деревню в церковь.

Евдокия Михайловна часто с юмором сравнивала себя со старой картофелиной. Когда осенью копали картошку, то вместе с крепкими молоденькими клубнями на свет Божий иногда показывалась и прошлогодняя измятая и полусгнившая картофелина, которая дала жизнь молодым. «Вот и я така́ же!» – смеялась бабушка.

Евдокия Михайловна ушла из жизни, но остался ее дух, запечатленный в Слове. В Слове – весь человек и все человечество: с его душой, стремящейся ввысь, и земными страстями, тянущими вниз. Причем диалектная речь, не ограниченная строгими рамками норм, отражает, конечно, не только жизнь личности, а через личность – жизнь всего народа, душевный опыт наших предков, его менталитет.

Грамматические пометы в Диалектном словаре личности приняты в основном такие же, как в толковых словарях:

– у имен существительных указывается окончание родительного падежа и род, напр., **ВЛА́ЗИНЫ,** -ин, мн. Новоселье, переселение в новый дом. – *У нас накануне праздника мамка была у Лёнка Антани́динова на влазинах...* **СНАРЯ́Д,** -у, м. Нажитые вещи, наряд. – *Невесту-то взяли, а у ей снаряду-то знашь сколько?! У богатой-то!* Посл.: **Заму́жество да смерть весь снаря́д ока́жет** – Когда человек вступает в брак или умирает, то все окружающие видят его «богатство»: приданое или вещи, раздаваемые на поминках (*обмо́рки*);

– у имен прилагательных указывается окончание женского и среднего рода (если есть), напр., **ПЕРЕСУ́ДЛИВЫЙ,** -ая, -ое. Склонный осуждать, осуждающий.

Бабы судят-пересудят,
Пересудливый народ.
Молодые умирают,
А баб холера не берёт;

– у глаголов указывается форма 1 л. ед.ч. (если есть), отмечено употребление в безличном значении, напр., **СПИТА́ТЬ,** -а́ю. Выкормить, воспитать. – *Я семерых спитала, а нонче одного родить не могут.* **ХА́ИВАТЬ,** обычно в прош. вр. -ал, -ала. Время от времени ругать, порочить. Посл.: **На еду́-то не ха́ивали, а на работу-то не хва́ливали** – о лентяе, человеке, который не любит работать, но любит хорошо поесть, «проворно ест». Иногда форма 1 л. указана лишь формально, т.к. многие глаголы, особенно с отрицательной коннотацией, употребляются в основном в форме прошедшего времени (*савра́сил, сдича́л,* и пр.; нет форм «*савра́сю», «сдича́ю»*) или в форме 2 и 3 лица (*оскаля́ться – оскаля́ешься, оскаля́ется,* но нет *оскаляюсь*);

– у остальных слов имеется только указание на принадлежность к той или иной части речи.

В редких случаях мне пришлось нарушить правило и указать в качестве грамматической пометы не принадлежность слова к определенной части речи, а функционирование слова в составе фразеологизма. Дело в том, что в картотеке, наряду со словами, встречались и фразеологические обороты типа *бабье ухо*. Если при проверке оказывалось, что этот фразеологизм не включен в книгу «Фразеология диалектной личности», то я помещала его в «Диалектный словарь личности» с указанием «фраз.», чтобы не оставить эту языковую единицу вообще без внимания.

Включены в данный диалектный словарь и словосочетания типа: *бели́ть холсты́, белодерве́ная ме́бель, бу́шно коры́то* и др. В своей книге «Фразеология диалектной личности» В.П. Тимофеев пишет: «Не являются фразеологизмами и составные термины, хотя и представляют сочетания знаменательных слов: *белить холсты, драть лён, заварённая пряжа* <...>. То же касается и других «подсобных» сочетаний: *большая дорога, гонять коней, капустные пельмени* <...>. Все эти словосочетания, кажется, удовлетворяют многим структурным и семантическим признакам фразеологизма. Но в них нет одного, существенного – идиоматичности, иносказательности, образности, художественности, фигуральности, сотворения. Поэтому их место в профессиональном терминологическом словаре или в диалектном» [Тимофеев 2003: 20–21]. Хотя автор и не предлагает специального термина для таких словосочетаний, но мы сочли возможным назвать их «терминологическими сочетаниями». Оговоримся, что это очень своеобразные «термины»: устойчивые названия из хозяйственной и бытовой сферы крестьянской жизни.

В качестве **контекста** ко многим словам приведены частушки, которые записаны как четверостишия (в тексте словаря нет указания на жанр частушки, т.к. этих примеров большинство). Именно они в первую очередь приводятся информантом для иллюстрации словоупотребления. К другим стихотворным примерам дается указание, из песни этот отрывок, из сказки или из стихотворения.

Так как «Диалектный словарь личности» готовился к печати уже после кончины Вячеслава Павлиновича, то в качестве теоретической части мы представили вступительную часть и приложение из 1 издания. То́ издание 35-летней давности содержало 2792 словарные единицы (2705 слов и 87 фраз), а данное, 2 издание – около 10 000 единиц. Из этих единиц мною было зафиксировано за четыре с лишним года доработки словаря (2004–2009) лишь около 600 диалектных слов, которые В.П. Тимофеев, конечно, слышал в речи матери, но не отметил в словаре. Видимо, процесс составления словаря бесконечен, потому что «новые» слова постоянно «всплывают», когда общаешься с носителями диалекта. Из этих же 10 000 единиц примерно половина слов была объяснена самим В.П. Тимофеевым при его жизни (отражено в картотеке), а другие слова описаны мною в основном со слов Т.П. Кропачевой.

Перед текстом словаря помещены также некоторые статьи Вячеслава Павлиновича, написанные в разные годы и посвященные особенностям зауральского говора, атмосфере жизни и быта зауральского села середины XX в. В итоге Диалектным словарем личности можно не просто пользоваться для справок, а читать его как книгу о жизни.

ЛИТЕРАТУРА

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. – Шадринск: Изд-во Шадрин. гос. пед. ин-та, 1971.

Тимофеев В.П. Фразеология диалектной личности. – Шадринск: Изд-во Шадрин. гос. пед. ин-та, 2003.

DIALECT DICTIONARY OF LINGUISTIC PERSONALITY

O.V. Timofeyeva

The article gives an account of the work on the second edition of "Dialectny Slovar' Lichnosti" ("The Dialect Dictionary of Linguistic Personality") compiled by V.P. Timofeyev. The dictionary registers vanishing dialectic units of Zauralsky territory. Along with words, the dictionary contains some fixed phrases that were not included in the book "Phrasemologiya Dialectnoy Lichosti" ("Phraseology of the Dialect Linguistic Personality") by V.P. Timofeyev. Illustration contexts comprise both actual speech samples and chastooshkas, songs, proverbs and sayings.

© 2009

Е.А. Пюльзю

ДИАЛЕКТНАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Метафора как языковое явление, основанное на семантической двуплановости, привлекает внимание ученых со времен античности.

В настоящее время исследователей литературного языка все больше интересует структурно-семантический аспект изучения метафоры. Определены компоненты метафоры: исходное и результирующее слова, промежуточное понятие, связывающее их семантику ([Блэк 1991], [Телия 1988], [Гак 1988], [Скляревская 2004], [Москвин 1997]). На необходимость учета соотношения внешней и внутренней структуры слова с переносным значением указывает В.Г. Гак, выделяя при этом полную и частичную метафоры [Гак 1988].

Делается попытка создавать специальные словари художественной метафоры. Так, Н.А. Кожевникова и З.Ю. Петрова в «Материалах к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв.» предлагают рассматривать такие типы метафор, как метафоры-загадки, генитивные метафоры, метафорические перифразы, конструкции отождествления, а также сравнения, в которых основанием сравнения могут быть глаголы и прилагательные [Кожевникова, Петрова 2000]. Н.В. Павлович, описывая метафору в русской поэзии, вычленяет большие и малые парадигмы образов, показывает их структурное разнообразие и свойства – продуктивность, обратимость, амбивалентность и устойчивость [Павлович 2004]. Данные парадигмы представлены в «Словаре поэтических образов» [Павлович 1999].

Диалектная метафора, характеризующаяся разнообразием семантических моделей, на наш взгляд, должна стать специальным объектом лексикографии.

На основе севернорусской метафорической лексики, именующей человека и предметы окружающего мира, есть возможность создать *Словарь диалектной метафоры*. Данный словарь должен не только содержать традиционную информацию о переносном и прямом значении слов, грамматическую и ареальную характеристику, но и раскрывать путь метафорического преобразования, показывать неразрывную связь формы и семантики лексемы. Поэтому важно называть структурно-семантический тип метафорического переноса и семантико-мотивационные формулы. Дадим определения этих понятий. *Структурно-семантический тип метафорического переноса* (ССТ МП) указывает, с одной стороны, на внутреннюю, семантическую связь исходного слова с результирующим с помощью мотивационной семы, с другой – на внешнюю, словообразовательную связь производящей и производной основ. Используя предложенную В.Г. Гаком формулу **И – П – Р**, где **И** – исходное слово, **Р** – результирующее слово**, П –** промежуточное понятие, общее для **И** и **Р** [Гак 1988], мы выделяем 23 структурно-семантических типа метафорического переноса – по темам «Человек» и «Окружающий мир». Каждый из них состоит из трех элементов, расположенных по строго определенной схеме. Первый элемент – мотиватор, второй – мотивационная сема, третий – мотиват, напр., *кома́р* ‘мелкое двукрылое, больно кусающее насекомое с тонким тельцем’ > [‘приносящий боль, вред’] > *кома́р* ‘задиристый человек’ пуд. (сокращения географических названий соответствуют данным диалектных словарей. Слова, выбранные из КСРГК, приводятся без указания на источник).

ССТ МП делятся на однокомпонентные и двухкомпонентные, различие которых заключается в количестве мотиваторов, содержащих один или несколько актуальных семантических признаков, способствующих процессу создания образности. Однокомпонентные типы переноса наблюдаются в однокорневых словах, двухкомпонентные – в сложных словах и фразеологизмах [Пюльзю 2008]. Напр., переносное значение слова *баржа́* ‘о толстом, неуклюжем человеке’ пуд. формируется по первому однокомпонентному ССТ МП *предмет (S1) → [Ms] → лицо (S2)* (здесь **Ms** – мотивационная сема, а символы с цифрами используются для разграничения исходного и результирующего денотатов в конкретном типе переноса). Образная семантика лексемы *загреби́свет* ‘об очень жадном, корыстолюбивом человеке’ медв. (СРГК 2: 109) сложилась по десятому ССТ МП *действие (V) + объект (O) → [Ms1 + Ms2] → лицо (S)*.

Семантико-мотивационные формулы (СМФ) указывают на результат метафоризации. В формуле используются специальные символы для обозначения мотиватора **М**, его коннотации **М(+), М(-)**; ядерного или периферийного положения в структуре метафоры мотиватора **М-Я, М-П** и семантики аффиксов ***суф.-Я, суф.-П*** (ядерное и периферийное положение мотиватора или семантики аффикса показывает, что прежде всего повлияло на развитие переносного значения: мотиватор или аффикс).

Словарь диалектной метафоры делится на две части: 1. Семантическая сфера «Человек», 2. Семантическая сфера «Окружающий мир». После словника даются вспомогательные указатели: перечень структурно-семантических типов

метафорического переноса и семантико-мотивационных формул.

Лексемы в Словаре диалектной метафоры располагаются по алфавиту. Словарная статья начинается с заголовочного слова (с постановкой ударения) в переносном значении. После вокабулы следует грамматическая помета (род у существительного – *ж., м., ср., общ.*; вид у глагола – *сов., несов.*). Затем указываются семантика метафорической лексемы; территория бытования слова; ссылка на областной словарь; СМФ, отражающая переносное значение; исходный денотат (ИД), т.е. слово в прямом значении, его грамматическая характеристика и территория распространения; ССТ МП; ступени метафоризации – с указанием вспомогательного и основного субъектов сравнения, мотивационной семы [‘Ms’]. Если слово в севернорусских говорах употребляется в нескольких переносных значениях, то в словарной статье каждое значение приводится под определенной арабской цифрой. После отдельного значения обязательно указывается СМФ и ареал распространения лексемы. В некоторых случаях для уточнения сложных семантических связей слова используются схемы.

Приведем примеры словарных статей, в которых представлены полная (без изменения фонемного состава) и частичная (с изменением фонемного состава) метафоры.

Пестерёнушко, *м.* ‘ласковое обращение к ребенку’ перм. [СПГ 2: 95]. *М-П(-) + суф.-Я(+).*

ИД: **пестéрь**, *м.* ‘лубочный короб, который носят на спине’ перм. [СПГ 2: 95].

ССТ МП – I: *предмет (S1) – [Ms] – лицо (S2).*

Ступени метафоризации:

I ступень: *пестéрь* ‘лубочный короб, который носят на спине’ → (‘объемный’, ‘неудобный’) → *пестéрь* ‘лентяй, лодырь’ кирил., ‘малоподвижный, вялый человек’ пуд. [СРГК 4: 484];

II ступень: *пестéрь* ‘лентяй, лодырь’, ‘малоподвижный, вялый человек’ → (‘уменьшительно-ласкательное’) → пестер***ёнушко*** ‘ласковое обращение к ребенку’.

Беспýтица, *общ.* **1.** ‘непутевый человек’ вят., ср.-урал. [СРНГ 2: 275]. *М-Я(-)*; **2.** ‘распутная женщина’ вят., пск. [СРНГ 2: 275]. *М-Я(-)*; **3.** ‘бестолковый, несообразительный человек’ лоух., подп. [СРГК 1: 70]; свердл. [СРНГ 2: 275]. *М-Я(-).*

ИД: **беспýтица**, *ж.* ‘бездорожье, распутица’ арх., олон., костром., вят., твер., свердл., пск., ворон., дон., барнаул., тобол. [СРНГ 2: 275].

ССТ МП – I: *предмет (S1) – [Ms] – лицо (S2).*

Ступени метафоризации:

I ступень: *беспýтица* ‘бездорожье, распутица’ → (‘отсутствие правильного направления’) → *беспýтица* ‘ложный житейский путь’;

II ступень: *беспýтица* ‘ложный житейский путь’ → (‘неправильный образ жизни’) → *беспýтица* ‘непутевый человек’, ‘распутная женщина’;

III ступень: *беспýтица* ‘ложный житейский путь’ → (‘неправильный, ложный’] → *беспýтица* ‘путаница в делах и словах’;

IV ступень: *беспýтица* ‘путаница в делах и словах’ → (‘бессмысленность’) → *беспýтица* ‘бестолковый, несообразительный человек’.

Схема семантических связей слова:

Итак, структурно-семантический принцип построения словарной статьи в Словаре диалектной метафоры позволяет раскрыть сущность процесса семантического преобразования, выделить ядерные мотивационные признаки, свидетельствующие об особенностях севернорусской языковой картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С.153–172.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С.11–26.

КСРГК: Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (часть, хранящаяся в Карельском гос. пед. ун-те).

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX–XX вв. / отв. ред. М.Л. Гаспаров, В.П. Григорьев. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – Вып.1. Птицы.

Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация: учеб. пособие к спецкурсу по стилистике. – Волгоград: Перемена, 1997.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. – М.: Эдиториал-УРСС, 1999. – Т.1–2.

Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. – Изд-е 2-е. – М.: Азбуковник, 2004.

Пюльзю Е.А. Метафорическая лексика в структурно-семантическом аспекте (по материалам севернорусских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2008.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. – 2-е изд., стер. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004.

СПГ: Словарь пермских говоров. – Пермь: Книж. мир, 2000, 2002. – Вып.1–2.

СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А.С. Герд. – Вып. 1– 6. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

СРНГ: Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2007. – Вып.1–41.

Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С.26–52.

DIALECT METAPHOR AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHY

E.A. Pyulzyu

The article puts forward the idea of compiling the Dictionary of dialect metaphor that will contain information on figurative and direct word meanings, (people-and-objects-of-the-environment names source), on grammatical and areal word characteristics, on structural and semantic types of metaphorical transfers, and on stages of semantic transformation.

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

© 2009

В.А. Саляев

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ РУССКОГО СЛЕНГА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Сленг – это особый лексико-фразеологический слой, составляющий основу современного нелитературного просторечия, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной субстандартной сферы употребления, но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической, экспрессивно-стилистической или людической трансформации. Сленг занимает промежуточное положение между корпоративными жаргонами и общим нормативным просторечием, что значительно осложняет его лексикографирование. Основной проблемой социального описания лексики, генетически связанной с социолектами, является сложность разграничения сфер бытования – первичной (арго и жаргоны) и вторичной (сленг, просторечие). Включение же сленговой лексики (а также разговорно-просторечной, диалектной и др.) в специальные арготические и жаргонные словари не способствует достоверному описанию современного состояния соответствующих языковых вариантов, поскольку сленгизмы принадлежат уже иной сфере бытования; тем самым снижается авторитет издания, на что и указывают рецензенты [Грачев 1997: 9–10; Плуцер-Сарно 1998; Плуцер-Сарно 2001].

В связи с этим актуальной представляется проблема разработки принципов именно сленговой лексикографии и подготовка словарей соответствующего типа – «промежуточных» между арготическими, жаргонными и общими толковыми словарями, но вместе с тем отличных и от тех, и от других. Теоретическому обоснованию жанра сленгового словаря способствует накопленный практический опыт: следует признать, что сленговая лексикография де-факто существует уже с начала 1990-х гг., но развивается она под флагом жаргонно-арготической лексикографии. Большое количество сленгизмов отмечено в словарях В.С. Елистратова, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской и Р.И. Розиной, А. Щуплова, Б.Б. Максимова, В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитной, И. и Ф. Югановых. Нейстойчивость и размытость термина *сленг* зачастую приводит к отказу от него в словарной практике. Однако отсутствие прямого указания на функционирование слова в сленге вовсе не означает, что авторы словарных пособий отказываются от его характеристики и фиксации. Действительно, сленг присутствует в указанных словарях, но под другими «ярлыками».

Элементы *общегородского арго* (сленга, на наш взгляд) составили основу «Словаря московского арго», подготовленного В.С. Елистратовым, и именно

«сленговый» принцип фиксации материала исповедует автор. Заглянув в словарь, мы обнаружим подавляющее число слов и выражений, которые могут употребляться в непринужденном, сниженном повседневно-бытовом общении всеми горожанами, без каких-либо возрастных или корпоративных ограничений. Все эти единицы различного происхождения и степени экспрессии в настоящее время принадлежат именно сленгу: **как в аптеке** ‘точно, четко’, *бзик* ‘странность, причуда’, *бич* ‘бродяга, опустившийся человек’, *бодун* ‘состояние похмелья’, *внепапочный* ‘ребенок от неизвестного отца’, *иконостас* ‘большое количество медалей на груди у кого-л.’, *какчество* ‘низкое качество’, *ненавязчивый советский сервис* ‘о плохом сервисе’, *плодово-выгодное* ‘плодово-ягодное (вино)’, *песок сыплется* ‘о старом человеке’, *петрить* ‘понимать, разбираться в чем-л.,’, *проходной* ‘имеющий шанс на успех’, *калымить* ‘подрабатывать’, *урюк* ‘лицо южной национальности’, *хана* ‘конец, довольно, пропали’, *хохлобаксы* ‘украинские карбованцы’, *шкет* ‘низкорослый человек’, *шпана* ‘мелкий вор, хулиган’ и др. [Елистратов 1994]. Авторы словарного пособия «Слова, с которыми мы все встречались» – О.П. Ермакова, Е.А. Земская и Р.И. Розина – очень строго подходят к отбору словарного материала, считая необходимым условием причисления единицы к *общему жаргону* факт ее употребления в средствах массовой информации. Следование подобному «литературно-письменному» принципу фиксации материала привело к тому, что в корпус словаря вошли всего лишь 450 богато иллюстрированных примерами лексем, составляющих основу современного русского сленга, его наиболее устойчивую в функциональном, семантическом и экспрессивно-стилистическом отношении часть. Среди лексического массива *общего жаргона* выделяются единицы, пришедшие из воровского арго (*бабки* ‘деньги’, *мочить* ‘убивать’, *мент, мусор* ‘милиционер’, *малина* ‘воровской притон’, *вышка* ‘высшая мера наказания – расстрел’, *стрелка* ‘встреча воров’, братва ‘воровское сообщество’, *обуть* ‘ограбить, обобрать’) или жаргона студентов (*возникать* ‘высказываться’, *блин* (эвфемизм известного нецензурного слова), *страшилка* ‘нарочито пугающие рассказы или анекдоты с черным юмором’, *въехать* ‘понять’) [Ермакова, Земская, Розина 1999]. В целом можно отметить, что указанный словарь носит ретроспективный характер, поскольку фиксирует уже пройденный русским сленгом путь.

Совершенно иной подход к характеристике сленга демонстрируют авторы «Жаргон-энциклопедии современной тусовки». Составители энциклопедии отказываются от объективного, строго научного описания лексики и фразеологии арготического, жаргонного или сленгового происхождения и делают попытку воссоздания картины постсоветской и советской действительности через призму восприятия носителя сленга. Картина носит ярко выраженный субъективный характер, и перед читателем предстает обобщенный образ современного киника, который склонен к депрециативному восприятию действительности, к языковой игре, что заставляет его создавать бесчисленное множество стёбных речевых фантомов (гапаксов). Лексический материал, отраженный здесь, носит не реально-узуальный, а окказионально-перспективный характер. Иными словами, составители указывают на модели образования сленговых слов и выражений, иллюстрируя их авторскими или редко употребляемыми новообразованиями, которые зачастую с трудом подвергаются семантизации: *арендятел,*

приднестрофики, дегенерал, зюгзаг удачи, вуменеджер, литературоведьма, умораль, потерпеть фетяску, ёксель-моксельпо, плевокал, маразём, обалдемон, цинизменный, крокодилер и т.д. [Щуплов 0998].

Перспективную направленность имеет и выпущенный в Магнитогорске словарь «Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска». На наш взгляд, языковой и географический спектр зафиксированного и описанного материала намного шире. Здесь, кроме молодежного, представлены и корпоративные жаргоны, и воровское арго, и разговорно-профессиональный язык – все те варианты, которые и составляют многоцветную палитру современной городской субстандартной речи. Значительную (согласно нашим подсчетам, до 1/3 от общего объема словника) и достаточно интересную часть словаря составляют сленговые лексико-фразеологические единицы – субстандартные слова и выражения, не имеющие или утратившие социально-профессиональную или возрастную маркированность и отражающие особое иронично-критическое восприятие действительности. Максимовский словарь, подобно «Жаргон-энциклопедии» А. Щуплова, также рисует завтрашний день русского сленга, но делает это с бóльшей долей объективности. Отметим слова и выражения, находящиеся на границе жаргонно ограниченного (молодежного) и общепросторечного (сленгового) обихода: *дворторьер* ‘беспородный пес, дворняга’, *ксерачить/ксерануть* ‘делать/сделать копию на множительной технике (ксероксе)’, *пурхаться* ‘суетиться, стремясь что-то сделать’, *кстати о птичках* ‘к слову; можно добавить’, *губу раскатать до пола (до гастронома)* ‘надеяться на несбыточное, ожидать слишком многого’, *жаба давит* ‘о жадности, скупости’ [Максимов 2002].

Характер сводного словаря носит и «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной. Сленгизмы в этом издании маркированы пометой ***жрр*** (жаргонизированная разговорная речь). Можно выделить две группы сленговый лексики. К первой группе относятся устойчивые единицы, восходящие к воровскому арго. Часть из них сохраняет коннотативную связь с вариантом-источником, что, в частности, подтверждается использованием дополнительных помет ***презр.*** (презрительное), ***неодобр.*** (неодобрительное) или ***груб.*** (грубое): *барыга* ‘продавец, торговец, бизнес которого оценивается как недостойный; зажиточный человек’, *мазурик* ‘неуважаемый человек’, *тарахтеть* ‘болтать, пустословить’, *хмырь* ‘подозрительный субъект’, *заводить шарманку* ‘поучать кого-л.’, *башлять* ‘зарабатывать деньги’, *наводить марафет* ‘наводить чистоту, порядок’, *тормозить* ‘останавливать кого-л. с какой-л. целью’, *хохма* ‘что-л. смешное’ [Мокиенко, Никитина 2000]. К другой группе относятся свежие, а потому высокоэкспрессивные слова и выражения, не связанные с воровским арго и не несущие грубо-вульгарной коннотации – чаще всего эти единицы сопровождаются дополнительными пометами ***шутл.*** (шутливое) или ***ирон.*** (ироническое), указывающими на их особую экспрессивно-стилистическую и аксиологическую роль в речи. Среди них отмечены следующие единицы: *белка* ‘белая горячка’, *дерьмократия* ‘псевдодемократия’, *картина Репина «Приплыли»* ‘о неоправдавшихся надеждах, провале, неудаче’, *кенгурятник* ‘сумка, рюкзак для ношения детей на груди’, *морда лица* ‘лицо’, *спионерить* ‘украсть’, *лохотрон* ‘лотерея, устраиваемая мошенниками’, *посельсоветоваться* ‘посоветоваться’,

работка не пыльная ‘о нетрудной и выгодной работе’, *разбор полетов* ‘выяснение обстоятельств случившегося’, *раздача слонов* ‘раздача подарков; критические высказывания в адрес каждого из присутствующих’, *табуретовка* ‘низкокачественный спиртной напиток’, *шампунь* ‘шампанское’ и др. [Мокиенко, Никитина 2000].

В целях утверждения основ собственно сленговой лексикографии необходимо в дальнейшем научиться отделять сленгизмы от единого субстандартного массива лексики и фразеологии. Опыт наблюдения над лексикой социолектов позволил нам сформулировать некоторые критерии дифференциации жаргонно-арготической и сленговой лексики, которые связаны с попыткой противопоставить арго, жаргон и сленг и тем самым выстроить парадигматические отношения в системе социолектов. Ср.:

1. Функционирование в широкой речевой среде – в средствах массовой информации, в художественной литературе, в речи представителей старшего поколения: арготическая, жаргонная лексика и фразеология – *Нет*; сленговая – *Да*.

2. Известность широкому кругу носителей языка: арготическая, жаргонная – *Нет*; сленговая – *Да*.

3. Эффект новизны: арготическая, жаргонная (прежде всего) – *Да*; сленговая – *Нет*.

4. Семантика: семантическая специализация – наличие социально или профессионально обусловленных компонентов значения (арготическая, жаргонная – *Да, сленговая – Нет)*; семантическая трансформация – развитие полисемии и омонимии, приобретение новых значений, неизвестных первичной среде бытования: арготическая, жаргонная – *Нет*; сленговая – *Да*.

Конечно, формирование системных параметров сленга должно быть продолжено, потому что некоторые критерии вовсе не бесспорны, а предложенная методика имеет функциональные ограничения: она может использоваться только при исследовании наиболее устойчивой части сленга – слов и выражений арготического и жаргонного происхождения, но неприменима в изучении новых, высокоэкспрессивных, узуально неустойчивых единиц, собственно сленговых по происхождению и не связанных с социолектами.

ЛИТЕРАТУРА

Грачев М.А. Русское арго: моногр. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997.

Елистранов В.С. Словарь московского арго. – М.: Рус. словари, 1994.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь общего жаргона. – М.: Азбуковник, 1999.

Максимов Б.Б. Фильтруй базар. Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2002.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000.

Плуцер-Сарно А. 2 = 60000 [Электрон. ресурс] // Рус. Журнал. – 1998. – 27 авг. – Рец. на словарь: Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона: в 2 т. – М.: Кампана, 1997. – Режим доступа: http://www.russ.journal/kritik/98-08-27/pluts2htm. –Загл. с экрана.

Плуцер-Сарно А. Русский воровской словарь как культурный феномен [Электрон. ресурс] // Логос. – 2001. – № 3 (29). Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2000_2/15.html. – Загл. с экрана.

Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки / при участии Т. Макловски и М. Кляйн. – М.: Колокол-Пресс, 1998.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF RUSSIAN SLANG: PROBLEMS AND SOLUTIONS

V.A. Salyayev

The article deals with lexicographic presentation of Russian slang as a specific form of current vernacular. It generalizes slang words description in dictionaries of substandard vocabulary, formulates principles of systematic distinction between slang, jargon, and argot, thus offering prospects for slangography as a new branch of lexicography.

© 2009

О.А. Анищенко

О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЯ ЖАРГОНА ШКОЛЬНИКОВ И БЕСПРИЗОРНИКОВ ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. 1920–1930-е гг.»

На протяжении всей истории развития языкознания была и остается актуальной научная проблематика, связанная с лексикографированием языковых единиц, с попытками словарной систематизации языковых явлений. Привлекает внимание лингвистов и ненормативная лексика, находящаяся за пределами литературного языка и отражающая лексикон определенных социальных групп. Словари субстандартной лексики – новый лексикографический жанр – получил особенно активное развитие в последние десятилетия. В частности, возрос интерес ученых к молодежной речи. Так, благодаря трудам лексикографов (ср. [Рожанский 1992], [Елистратов 1994], [Югановы 1997], [Шинкаренко 1998], [Мокиенко, Никитина 2000], [Вахитов 2001], [Максимов 2002], [Никитина 2003], [Левикова 2003] , [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005], [Грачев 2006] и др.), был зафиксирован основной пласт слов, употребляемых молодежью 1960–2005 гг. Словари отражают понятийно-тематические особенности молодежного социолекта, динамику его развития, а также источники обогащения лексико-фразеологического состава, среди которых, по мнению авторов словарей, **немаловажную роль играла и играет уголовная лексика.**

В последнее время молодежный жаргон, по мнению М.А. Грачева, «**усиленно** подпитывается за счет арготизмов...» [Грачев 2006: 6]. В Словаре эту тенденцию

ученый подчеркивает указанием на значение фиксируемого молодежного слова в уголовном арго. Напр., «**БАЙДА́**, -ы, ж. 1. Ерунда. *Я не буду из-за* ***байды*** *с тобой ругаться.* (Зап. 1985). 2. Часть самостоятельной работы, вызвавшая трудности у студента. (Студ.). *Из-за какой-то* ***байды́*** *мне* ***препод*** *тройку поставил!* (Зап. 1986). (*В арго – ерунда*)» [Грачев 2006: 52].

К перешедшим из воровской среды словам М.А. Грачев относит жаргонизмы: ***атасно*** – 'отлично' (в уголовном арго – опасно); ***бабки*** – 'деньги', ***борзеть*** – 'наглеть', ***вильнуть*** – 'обмануть', ***вломить*** – 'донести на кого-либо', ***гнать телегу*** – 'говорить неправду', ***денюха*** – 'день рождения', ***дрефло*** – 'трус', ***запалить*** – 'заметить' (в уголовном арго – выдать, предать), ***косячить*** – 'хитрить', ***непруха*** – 'невезение', ***слинять*** – 'уйти', ***фатера*** – 'квартира' и др. [Грачев 2006: 48, 50, 77, 104, 107, 134, 166, 174, 206, 269, 500, 576]. Всего более 400 слов и выражений (причем, в основном у жаргонизмов закрепляются значения, принятые в уголовном мире).

О связи молодежного жаргона с воровским говорит и вышедший в свет в 2005 г. «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона», где нашли фиксацию переосмысленные в школьной среде арготизмы: ***крематорий*** – 'медпункт в школе', ***пахан*** – 'директор школы', ***эшафот*** – 'кабинет директора', ***хавчик*** 'школьная столовая' и др. [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 140, 203, 325, 299].

Сегодня лингвисты отмечают возросшую «агрессивность» молодежного социолекта, пишут о «криминализации» языка молодого поколения.

Возникают вопросы – **Всегда ли формирование русского молодежного жаргона находилось под влиянием уголовного? Если нет, то когда, в какие годы впервые наблюдается этот процесс? Что способствовало этому?**

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к истокам русского молодежного жаргона, проследить историю его функционирования. Как показывает наше исследование (см.: Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XX века. – М.: ЭЛПИС, 2007), существование специфических молодежных слов и выражений относится уже к концу XVIII – началу XIX в., но наибольшее количество воспоминаний о школьной жизни печататся во второй половине XIX в., когда демократизация русского литературного принимает особенно интенсивный характер: писатели-демократы смело пользуются социальными диалектами, наблюдается свобода употребления и литературного приспособления самых разнородных элементов живого языка.

К этому периоду относится и растущее возмущение по поводу выплеснувшейся на страницы книг жаргонной лексики учащихся: «Вообще в последнее время грубость, резкость и бесцеремонность слова как-то особенно вошли в моду <...> *Отчехвостить, стилибонить, сделать вселенскую смазь, бить по брюху зорю, мордобить, трехэтажные салазки...*» (ж. «Эпоха» 1864: 13). Однако, по нашему мнению, воровские слова в школьном лексиконе XIX в. составляют незначительный процент: 1–2% от общего количества (более 1000) выявленных нами специфических лексем. (Ср.: в современном молодежном жаргоне, по данным «Словаря современного молодежного жаргона» М.А. Грачева, процент арготизмов составляет 7–8%). Источником жаргонного словаря в дореволюционное время являлось собственное словотворчество (по продуктивным и не-

продуктивным, в основном экспрессивно-окрашенным морфологическим и семантическим моделям) воспитанников различных закрытых (!) учебных заведений [Анищенко 2008: 24].

Лексикон учащейся молодежи XIX в., по словам В.М. Мокиенко, отражает «живую речь начитанных и образованных молодых людей <...> это <...> целая палитра органической смеси речевого и литературного, закодированного и прозрачного, своего и чужого» [Мокиенко 2007: 10].

В послереволюционные годы, когда реформируется система образования и школы становятся открытыми для «уличных мальчишек», которых так боялись «чистоплотные и спокойные семьи», изменяется и социальный состав учащихся. Педагог тех лет М. Рыбникова отмечает: «Кончился гимназический период русской школы <...> Новый социальный состав внес в стены школы новый языковой стиль, уличный словарь и весьма примитивный синтаксис» [Рыбникова 1927: 254].

Новая молодежь, отрицая устои старого мира, избавлялась и от слов, которые обозначали его реалии. По воспоминаниям Л. Кассиля, школьники приветствовали революционный переворот в стране сжиганием кондуитов, по их мнению, дневников старого режима: *Ура! Смерть* ***кондуитам****! Ура! Горят последние в истории гимназические дневники! Огонь пожирает страницы позора и зубрежки... Мы начнем учиться по-новому.* ***Кондуит*** *кончился!* [Кассиль 1970: 260].

По-новому молодежь и заговорила. «Бурное социальное перерождение языка», как справедливо отмечает В. Малаховский, было связано с необходимостью выразить новые социальные переживания. «Новые представления и понятия, – отмечает он, – не могут обойтись без *новых* языковых символов. Для обозначения этих новых переживаний часто ощущается потребность в ярком, эмоционально окрашенном, необычном слове: отсюда заимствования слов из таких экзотических языковых групп, как язык хулиганов, преступников, шулеров и т.д.» [Малаховский 1927: 256–257].

Популярности воровской лексики в стране способствовал и рост преступности: временное правительство выпустило на свободу вместе с политическими заключенными и всех уголовников. Вышедший из тюрем и звучащий на улице воровской словарь активно перенимали беспризорные дети. Оставшиеся в годы революции и гражданской войны без родителей и крова, вынужденные жить впроголодь, искать место ночлега, они, как правило, становились на преступный путь, постигали азы воровского мастерства, знакомились с культурой преступного мира.

Через беспризорников (которых насчитывалось в начале 20-х гг. около семи миллионов) воровской словарь – «словарь улицы, рынка, ночлежки» [Рыбникова 1927: 246] – проникал в школу, где попадал на благодатную почву, легко воспринимался и усваивался, т.к. привлекал школьников своей новизной, необычностью, выразительностью и отвечал их потребности определять себя и собеседника в виде хулиганов или в виде играющих «под хулиганов» [Поливанов 1931: 164].

Таким образом, именно в послереволюционные годы впервые наблюдается «разлив арготизмов в речи школьников и подростков», «искажение и огрубение **речи учащихся**», «снижение штиля» в сторону языка социальных низов. Попу-

лярные жаргонные слова касались главным образом драки (*втыкать; навернуть, дюбнуть*), бегства (*винта дать; увинтить; нарезать; когти рвать, смываться, пилять; отканать*), обмана (*клеить; трепаться*), ругани (*не бухти; отскечь; закройся; затырься; засохни; замри, пацан; ша; не капай*) воровства (*затырить; слямзить; заначить*) и др. негативных явлений.

Подобная лексика, как известно, активно используются (спустя столетие!) и в речевом общении современного юношества, что свидетельствует о связи молодежного жаргона разных эпох [Анищенко 2008: 25].

Показать эту связь, зафиксировав молодежную лексику и фразеологию ушедшего столетия (а именно послереволюционного периода), – задача нового проекта – **«Словаря жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России. 1920–1930-е гг.».**

Источниками Словаря послужили посвященные речевому общению молодого поколения монографии, научные статьи тех лет, среди которых труды Е.П. Луповой (1927), М.А. Рыбниковой (1927), П.С. Богословского (1927), С.А. Копорского (1927), В. Малаховского (1927), А.М. Селищева (1928), Е.Д. Поливанова (1931), В.В. Стратена (1931), Т. Ломтева (1933) и др. Привлечены были научные труды, написанные позднее, но отразившие языковые тенденции интересующего нас временного отрезка – Д.С. Лихачева (1964), С.И. Виноградова (1977) и др., – данные исторической и публицистической литературы, материалы словарей.

Ценными лексикографическими источниками также стали художественные тексты (произведения Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева», А. Макаренко «Марш тридцатого года» и др.).

Привлеченные источники позволяют проследить функционирование жаргонных слов и выражений в молодежной среде, выявить их значения, эмоциональную окраску, увидеть особенности молодежного словотворчества в период «социального перерождения языка».

Фрагменты из пробных словарных статей.

ЗАБУРЕТЬ, -ею, -еешь; *сов.* Шк. Загордиться.

< Если вы обратитесь во II ступень или в техникум с вопросом о школьном жаргоне, учащиеся без труда дадут вам список ходких словечек, которые летают по зале и по коридору в перемену, которые шепотом произносятся за уроком, а иногда и громко врываются в уши преподавателя. Вот они, эти словечки, по возможности, в контексте. ***Забуреть –*** *загордиться. «Что же ты* ***забурел****, даже разговаривать не хочешь* (Рыбникова М. Об искажении и огрубении речи учащихся // Родной язык в школе. 1927. №1. С.244).

< Стали употребительны, особенно в речи молодежи, слова жаргонного и арготического происхождения: буза, **забуреть**, засыпаться, сдрейфить, шамать, шкет и др. (Виноградов С.И. Дискуссии о языке первых послереволюционных лет // Русская речь. 1977. №2. С.43).

ФИЗИКА, -и, -*ж.* * **Разбить в кровь всю физику.** *Шк.* Ударить по лицу.

< Любопытны слова, относящиеся к драке. Все исследователи блата единогласно указывали на множество самых разнообразных слов этого рода. Это вполне справедливо и в отношении «Дневника». Вот несколько примеров: «отвесить кооперативную выдачу», «смазать по шапке», «не хочешь ли в рыло», «чпокнуть», «набросать банок», «отдубасить». Это драка вообще. Следующие примеры относятся специально к драке «по

морде»: «бить по морде», «трахнуть по самой бабке», «рожу растворожу», **«разбить в кровь всю физику»**, «измордовать» и др. (Ломтев Т. Заметки об языке «Дневника Кости Рябцева» // Народный учитель. 1933. №1. С.73).

ШАРАШИК, -а, *м. Беспр.* Налетчик.

< Вот, например, сценка, как стайка малолетних торговцев папиросами, яблоками, ирисом, и пр. на Страстном бульваре, возле памятника Пушкину, услышав от одного из своих испуганный и предостерегающий крик «**шарашики!**», хватает свои лотки и бросается врассыпную. «**Шарашики**» (под этим нежным, ребячьим словом разумеют дети налетчиков) накидываются на их жалкий товар и тут же, на глазах у проходящей публики растаскивают, что успеют схватить (Василевский Л.М. Беспризорность и дети улицы. Юношеский центр изд-во «Пролетарий» 1925. С.3).

АЛНИКПОП, -а, *м. Шк.* Александр Николаевич Попов. *Но самыми яркими фигурами, лучшими воспитателями, на которых держалась школа, являлись два халдея: Сашкец и Костец, дядя Саша и дядя Костя,* ***Алникпоп*** *и Косталмед, а попросту Александр Николаевич Попов и Константин Александрович Меденников.* (Белых Г. Пантелеев Л. Республика Шкид. М., 1988. С.86).

Поиск источников и лингвистическая работа над ними продолжаются. Иллюстративный материал должен послужить своеобразным социокультурным комментарием, отразить все оттенки значения фиксируемого слова, а главное – показать влияние языковой ситуации в переломный для России послереволюционный период на формирование современного молодежного жаргона.

ЛИТЕРАТУРА

Анищенко О.А. Арготизмы в молодежной речи как отражение тенденций развития общества и языка // Активные процессы в современном русском языке: сб. науч. тр., посвященный 80-летию со дня рождения проф. В.Н. Немченко – Нижний Новгород: Издатель Ю.А. Николаев, 2008. – С. 22–27.

Вальтер Х., Мокиенко В.М, Никитина Т.Г. Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. – М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.

Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. – М.: Эксмо, 2006.

Кассиль Л.А. Кондуит и Швамбрания // Три страны, которых нет на карте. – М.: Дет. лит., 1970. – С. 5–272.

Малаховский В. Изучение детского и юношеского словесного творчества, как основа для построения методики развития речи // Родной яз. в школе. – 1927. – Сб. 1. – С. 256–268.

Мокиенко В.М. Школяры и школяризмы в словарном освещении // Анищенко О.А. Словарь русского школьного жаргона XIX века. – М.: ЭЛПИС, 2007. – С. 5–13.

Поливанов Е.Д. О блатном языке учащихся и о «славянском языке» революции // Поливанов Е. За марксистское языкознание. – М.: Федерация, 1931.

Рыбникова М. Об искажении и огрубении речи учащихся // Родной яз. в школе. – 1927. – Кн.1. – С. 243–255.

A RESEARCH PROJECT ON THE SCHOOL AND HOMELESS CHILDREN SLANGUAGE DICTIONARY OF POST REVOLUTIONARY RUSSIA (1920–1930)

O.A. Anishchenko

The article is devoted to an important problem of modern speech culture, namely, to "criminalization" of youth sociolect. Due consideration is given to the sources of underworld subculture influence on a young generation and to the causes for thieves' cant words in students talk exchange in the 20–30s of the 20th c. A new lexicographic research project on the school and homeless children slanguage dictionary of post revolutionary Russia (1920–1930) is called upon to display the linkage between youth jargons of different epochs.

© 2009

М.А. Грачев

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ КРИМИНАЛЬНЫХ КЛИЧЕК

Воровская кличка еще не имеет лексикографического описания.

Между тем кличка – часть субкультуры преступного мира, один из элементов, по которому можно выявить мировоззрение профессионального преступника. И по кличкам можно определить, как относится к себе уголовник и как к нему относится противоправное сообщество.

Кличка – это и своеобразный титул для авторитетных уголовников, и оценка их статуса в криминальном мире. Воровские клички могут различаться от того, в каком возрасте находятся ее носители, или в зависимости от их социального положения (ее могут иметь преступники, бродяги, проститутки, беспризорники и проч.), от половой принадлежности, от статуса в криминальном мире, в частности, от места в уголовной иерархии мест лишения свободы. Есть клички как у начинающих несовершеннолетних правонарушителей, так и у воров в законе и мафиози.

Кроме того, мы должны учитывать клички, даваемые профессиональными уголовниками лицам околокриминогенной среды: сотрудникам правоохранительных органов (милиционерам, работникам суда, прокуратуры, ИТУ), официантам, водителям такси и проч.).

В настоящее время назрела проблема создания Словаря кличек.

Клички, зафиксированные в Словаре, их употребление в различные эпохи прольют свет на недостаточно исследованные, а то и неисследованные стороны русской ономастики (антропонимии): сравнение их с личными именами (*реклами, назвищами, названиями, прозваниями, проименованиями*), прозвищами (уличными, дворовыми, классными и др.), древнерусскими именами и пр. Литературоведы могут, напр., узнать прототипа, имя которого спрятано под той или иной кличкой. Для правоохранительных органов словарь важен еще и по-

тому, что можно выявить принципы, по которым даются клички представителям криминального мира. Читатель, интересующийся проблемами криминалистики, может, напр., сопоставить кличку преступника в кино, с кличкой, зафиксированной в Словаре, узнать прототипа того или иного героя художественного фильма.

Предварять словарь должна статья о происхождении русской воровской клички, в которой необходимо проследить эволюцию воровской клички от XI в. до настоящего времени, рассмотреть системные отношения, указать основные лингвистические термины, связанные с кличками преступного мира, описать мифологию русской клички и т.п.

Несомненно нужно выработать **методику сбора (отбора) лексического материала**. Следует использовать как письменные источники (летописи, фольклорные произведения, научную, научно-популярную, художественную и периодическую литературу), так и материалы, собранные в полевых условиях (непосредственно от представителей криминального мира или от сотрудников правоохранительных органов) .

Словарная статья должна состоять:

1) из заглавного слова (слов) с проставленным ударением;
2) грамматической характеристики слова (слов);
3) толкования заглавного слова. В толковании необходимо указать разряд уголовника, его место в иерархии преступного мира, время фиксации клички тем или иным письменным источником или время действия в литературном или публицистическом произведении;
4) контекста (примеров употребления в письменных или устных источниках);
5) этимологической справки (где это возможно и оправданно); если кличка объясняется контекстом, то надобность в этимологии отпадает.

Состав словарной статьи. Порядок словарных статей в словаре – алфавитный. Если кличка в своем составе имеет несколько слов, то учитывается не принцип подчинения одного слова другому, а сама последовательность компонентов криминального прозвища. Так, напр., кличка АССИРИЙСКИЙ ЗЯТЬ именно в таком порядке составляющих и должна быть зафиксирована в словаре, а не наоборот, т.е. не ЗЯТЬ АССИРИЙСКИЙ, – в противном случае мы проиграли бы в степени достоверности. Это было бы равнозначно тому, если бы в антропониме ИВАН ИВАНОВИЧ ИВАНОВ мы бы переставили лексемы, т.е. ИВАНОВИЧ ИВАН ИВАНОВ. Именно сверхсловность многих кличек требует неукоснительно следовать алфавитному порядоку расположения словарных статей.

При основном слове-существительном даются варианты кличек, напр.:

ВАСЯ БРИЛЛИАНТ (ВАСЬКА БРИЛЛИАНТ, БРИЛЛИАНТ) -и; а; и; а; а, м. Вор в законе Василий Бабушкин. В профессиональной преступной среде существовали (существуют) свои авторитеты-«знаменитости», которые являлись примером для подражания. В середине XVIII в. таким был Ванька Каин, в начале XX в. – Софья Блувштейн (Золотая ручка), в 20-е гг. нашего столетия – Мишка Япончик, в наши дни Вася Бриллиант. (А. Гуров. Профессиональная преступность). Часто вспоминают смерть в крытой тюрьме «Белый лебедь» рев-

нителя воровских традиций Василия Бабушкина, больше известного как Вася Бриллиант (Н. Модестов. Москва бандитская-2). Именно так называлась «сучья» колония, где по-страшному резались воровские «масти», где и погиб, не сломившись, гордый Васька Бриллиант (И. Крутов. Поединок). Кравцов занимал одно из самых высоких мест в воровской иерархии. Власть над одной из клоний он принял из рук самого Василия Бабушкина, который был всесоюзным «вором в законе» и считался чуть ли не первым номером в преступном мире (Труд, 1992, №128). Знаменитый Бриллиант (в миру Владимир Бабушкин), «коронованный» еще авторитетами дореволюционного «призыва» имел десять судимостей (Н. Модестов. Москва бандитская). Когда-то нас самих примерно так же воспринимали старые урки и босяки, типа Картохи и Чахотки, не говоря о Бриллианте (П. Стовбчатый. Записки беглого вора). Старые арестанты признавали последнего настоящего вора Бриллианта (Сорок группировок Алма-Аты).

Отсылочные слова. В общий алфавит введены ссылочные слова. Они даются в следующих случаях.

При основном прозвище имеются как варианты кличек, так и другие клички, принадлежащие одному лицу. Но варианты кличек и другие клички расположены также в алфавитном порядке. При них содержатся отсылочные слова. Напр.:

БЕШЕНЫЙ – см. **ВАЛЕНТИН БЕШЕНЫЙ**

ВАЛЕНТИН БЕШЕНЫЙ (ВАЛЬКА БЕШЕНЫЙ, БЕШЕНЫЙ) -а; ого; и; ого; ого, м. Бандит (90-е гг. XX в.).

ВАЛЬКА БЕШЕНЫЙ – см. **ВАЛЕНТИН БЕШЕНЫЙ**

Толкование значения слова. В словаре раскрывается лексическое значение слова. Следует подчеркнуть, что многозначных кличек нет, т.к. каждая кличка обозначает конкретное лицо. В словарных статьях арабскими цифрами разделены не значения, а прозвища, напр.: **ЗВЕРЬ** -я, м. 1. Вор в законе (г. Ногинск) Виктор Зверев (80–90-е гг. XX в.). Поздней осенью прошлого года расстрелян из автомата неизвестными возвращавшийся со сходки ногинский вор в законе Зверь (Виктор Зверев) (Н. Модестов. Москва бандитская). 2. Ростовский бандит (90-е г. XX в.). У второго были пронзительные злые глаза, на руке татуировка в виде кинжала. Ему дали кличку Зверь (С. Дышев. Ростовский спрут). 3. Бандит (90-е гг. XX в.). Зверь весь сжался, и на этот раз предчувствие не обмануло его: Макаров выстрелил в ногу (С. Сидорский. Контракт на убийство).

В нескольких кличках имеются знаки омонимов; чаще это касается явно омонимичных слов, когда надо разграничить женского и мужского носителя клички:

МАНЯ[1] -и, м.1. Люберецкий авторитет (80–90-е гг. XX в.). Участники сбора согласились, но в отношении лидера балашихинцев Старостина и его ближайшей связи Сухого, а также поддерживающих их люберецких лидеров Сэма и Мани вынесли смертный приговор. Исполнение акции взял на себя Сережа Борода (Н. Модестов. Москва бандитская).

МАНЯ[2] -и, ж. Одесская преступница 80–90-х гг. XX в. Маня затевала скандал с рукоприкладством (А. Барбакару. Гоп-стоп. Одесса бандитская).

В тех случаях, когда нужно уточнить значение клички (в большинстве случа-

ев это касается лексем ранней фиксации), в Словаре делаются замечания с вопросительным знаком. Знак вопроса после слова или формулировки (напр., КУНИЦА -ы, м. Преступник?) означает, что автор-составитель сомневается в социальной принадлежности носителя клички или времени ее функционирования.

Контекст. После толкования клички даются примеры, которые иллюстрируют ее употребление. Примеры взяты из письменных источников (летописей, былин, рукописных, художественных, газетно-публицистических и научных произведений, живой разговорной речи). В конце иллюстраций сокращенные или полные названия фамилий и произведений указывают на источник. Контекст может состоять из одного или нескольких предложений (это зависит от «раскрытия» лексического значения клички). Приводятся лишь примеры употребления клички, поэтому берутся отрывки из одного или нескольких произведений с данным словом, а не все художественные произведения, где встречается кличка; в то же время многочисленность примеров указывает на активность данного антропонима. Образцы употребления даются к каждой кличке или ее варианту:

КЛОУН -а, м. Бандит, исполняющий по приказанию лидера ОПГ функции палача (90-е г. XX в.). Взять хотя бы Клоуна – личного палача Графа, дебила с ярко выраженными садистскими наклонностями (А. Воронин. Однажды преступив закон).

КАПИТАН ФЛЯГА (ФЛЯГА) -а; и; и, м. Мастер в ИТУ на лесобирже (90-е гг. XX в.). Капитан Фляга – так прозвали его зеки за то, что он постоянно носил с собой фляжку со спиртом, переменил много мест в колонии. С замначальника по РОР он скатился до мастера на лесобирже. Не видя никакого просвета в своей монотонной принудительно-добровольной службе, Фляга почти сошелся с зэками и целыми днями носился по бирже в поисках горячительного (П. Стовбчатый. Записки беглого вора).

Ударение. Ударение в словаре обозначается специальным значком сверху над гласной, см. примеры: **БАГИ́РА, ИВА́Н ВО́ИН, ЯПО́НЧИК.** Так как клички, в основном, образованы от русских общенародных слов, то ударения у них стоят там же, где находятся в породивших их словах.

Грамматическая характеристика слов. Существенных грамматических особенностей клички не имеют. Поэтому, изучив клички деклассированных элементов, мы рискнули прозвищам, зафиксированным в источниках раннего периода, дать грамматические характеристики. Их следует считать как возможные (вариативные), хотя отличий от нарицательных слов в морфологическом отношении в арго почти не наблюдается. Разница лишь в количественных характеристиках. Если кличка состоит из двух и более компонентов, то приводится грамматическая характеристика всех изменяемых слов, входящих в нее.

Принадлежность слова к существительному видна из его окончания родительного падежа и указания на род; к глаголу – из указания на окончания 1 и 2 лица и вида; прилагательного – на окончания мужского, женского и среднего рода. Однако следует учитывать и некоторые морфологические особенности кличек. Так, существительные общего рода чаще всего обозначают лиц мужского пола, см. **ЛЕВША**; т.е. клички, как и арго, – это тоже «привилегия» мужчин.

Этимология. Клички имеют любопытную этимологию. Большинство из них образованы на русской почве, другие заимствованы из иностранных языков. Несомненно, при наличии большого числа кличек давать развернутую этимологическую характеристику нецелесообразно. Этимологические замечания помещаются в конце словарной статьи после иллюстративного материала. Если в примерах раскрывается происхождение клички, то этимологические пометы отсутствуют.

Не для всех кличек можно установить происхождение, поэтому в Словаре у ряда прозвищ нет этимологических справок. В некоторых сомнительных случаях мы ставили знак вопроса.

Этимология обозначена в словарной статье курсивом, напр.:

ИВА́Н ЖУК (ЖУК) -а; а; а, м. Осужденный вор в законе (40–50-е гг. XX в.). Иван Жук выбрал самое лучшее место – на верхних нарах возле решетчатого, но открытого окна. С Иваном Жуковым – Жуком – я познакомился еще в августе 1951-го, когда на большой 035-й колонии Озерного лагеря формировался этап на Колыму (А. Жигулин. Черные камни). (Контаминация двух слов: жук – «вор в законе» + фамилия Жуков).

DICTIONARY OF CRIMINAL NICKNAMES

M.A. Grachev

According to the author a thief nickname as a part of the underworld subculture has been repeatedly subject to lexicographic description. The author intends to preface the dictionary with. a sketch of the origin of Russian thief nicknames and their evolution from the 11th century till now. The dictionary will be based on the material acquired both from published sources (the annals, folklore works, popular science, periodicals) and during fieldwork. The entry will contain a head word or words with an accent mark, grammatical characteristics, definition, usage examples and etymology reference.

© 2009

Ш. Хайдаров

РУССКИЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛЕКСЕМЫ В СОСТАВЕ ПРОЗВИЩ ТАДЖИКОВ
(на материале Словаря прозвищ жителей Аштского района Согдийской области Республики Таджикистан)

Ирано-славянские и славяно-иранские связи имеют многовековую историю. Имеет давнюю историю и изучение лексических общностей этих древних языков. Оно стало объектом особого изучения ряда крупных ученых, таких как В.И. Абаев, О.Н. Трубачев, В.Н. Топоров, А.А. Зализняк, Д.И. Эдельман, А.К. Шапошников, Д. Дудько и др.

На современном этапе развития этнокультурной и многонациональной жизни проблема русско-таджикских языковых связей является одной из актуальных в теоретической и прикладной лингвистике.

Известно, что таджикский входит в состав индоевропейской семьи языков и относится к иранским языкам. Иранские языки делятся на две группы – древние (мертвые) – авестийский, древнеперсидский, скифский, мидийский, среднеперсидский, парфянский, согдийский, хорезмийский, сакский (хотанский), бактрийский, аланский и современные, живые – таджикский, персидский, афганский, осетинский, курдский, белуджский, ягнобский, памирские языки и т.д.

Крупный специалист по истории иранских языков И.М. Оранский справедливо отмечал, что «историческое развитие семьи иранских языков засвидетельствовано подлинными памятниками письменности на протяжении двух с половиной тысячелетий. При этом древнейшие письменные памятники иранских языков (Авеста, древнеперсидские надписи) являются в то же время одними из самых древних памятников на индоевропейских языках. Сравнительно-историческое изучение иранских языков дает поэтому богатейший материал для познания законов развития не только данной языковой семьи, но и всей группы индоевропейских языков в целом. Изучение иранских языков сыграло и продолжает играть весьма важную роль в развитии индоевропейского языкознания. Большой интерес для языковедов представляют также специальные вопросы о древних ирано-славянских, ирано-балтийских, ирано-армянских и т.д. языковых связях. Нельзя забывать, разумеется, и о громадном практическом значении, которое имеет изучение современных иранских языков» [Оранский 1989: 23].

Аштский район Согдийской области Республики Таджикистан расположен на севере республики, в северо-западной части Ферганской долины. Территория района в глубокой древности была заселена сакскими и согдийскими племенами – предками нынешних таджиков. Первые упоминания Ашта в письменном памятнике относятся к самому началу VIII в. В настоящее время в Аштском районе проживает более 130 тысяч человек, где таджики составляют 90%.

Вся антропонимия, т.е. личные имена населения района за 1880–2000 гг.,

была картографирована нами в 1974–1976, 1978–1981, 2003–2005 гг. на основе 806 «Хозяйственных книг» семи сельсоветов и одного поссовета и двухсот книг «Записи рождаемости» районного ЗАГСа, на основе чего в 1986 г. был составлен частотный словарь.

Исчерпывающий материал личных имен жителей одного района позволяет составить общее представление о системе антропонимии таджиков [Хайдаров 2001: 69].

Прозвища составляют особую группу антропонимов и, являясь частью культурной сокровищницы каждого народа, представляют важную часть словарного богатства языка. Различные исторические события в обществе, социальные и культурные изменения в той или иной степени отражаются как в системе имен, так и в прозвищах. Как особая категория антропонимии прозвища представляют определенный интерес при исследовании различных аспектов истории языка, диалектологии, этнографии и социологии. Прозвища играют особую роль в истории возникновения тех или иных обычаев и обрядов, в формировании мышления, мировоззрения этноса. Они являются одним из составных элементов устного народного творчества, ибо отражают восприятие людьми явлений окружающей действительности, их мироощущение, остроту ума, эмоциональное или философское отношение к происходящим событиям. Причиной появления прозвища является, как правило, присущий носителю характер, его внешние и внутренние качества, а также различные события его жизни.

Прозвища в таджикской ономастике мало изучены. Стоит отметить, что некоторые вопросы исторических прозвищ отражены в работах известного таджикского антропонимиста А. Гафурова [1968, 1971, 1981, 1987], а также в работе [Босворт 1971]. В 1924 г. известный таджиковед, историк и этнограф М.С. Андреев опубликовал статью «Прозвища жителей различных селений в Матче». Это первый научный материал по региональным прозвищам таджиков. Также статья С.Ф. Ольденбург (1918) имеет общий характер для исследования прозвищ таджиков.

Начиная с середины 70-х гг. прошлого столетия автор этих строк собирал и анализировал прозвища жителей различных селений Аштского района Согдийской области Республики Таджикистан. Было собрано более 2500 индивидуальных, семейно-родовых, коллективно-территориальных прозвищ. Результаты исследования опубликованы в ряде статей (1979, 1984) и в книге «Исследования прозвищ жителей Ашта» [Хайдаров 2001].

Надо отметить, что русские слова и имена в таджикском ономастиконе составляют особый, новый пласт. Появление русской ономастики, особенно топонимии, этнонимии и др., относится к концу X в. Об этом свидетельствуют лексикографические, исторические, географические и литературные письменные памятники разного характера, в том числе географические сочинения «Худуд-ал-алам мин-ал-машрик ил-ал-магриб» и «Шахнаме» Фирдавси (X в.) и др.

Проблемы русской и интернациональной ономастики в таджикоязычной среде до сих пор мало изучены. Некоторые вопросы антропонимии освещены в работе Д.Д. Мирзоевой «Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно-сопоставительном плане» [Мирзоева 2002], а также в ее статьях и монографии (2000, 2001, 2002, 2005 гг.).

Вопросы имянаречения и употребления русских и интернациональных имен таджиков освещены в книге Ш. Хайдарова и В.В. Одегова «Следы арийской цивилизации в Прикамье: историко-сравнительное изучение проблемы» (2006).

Некоторые узловые проблемы функционирования славянских топонимов в таджикоязычной среде освещены в статье крупного ученого-ираниста А.Л. Хромова «Топонимии русского происхождения на территории Таджикистана» [Хромов 1980].

В составе современных таджикских прозвищ встречаются различные русские и интернациональные слова и имена, которые по разным причинам и в разных ситуациях окружающие люди дали современникам как прозвища.

В исследуемом регионе собрано более 2500 прозвищ, из них свыше 240 имеют в своем составе русские и интернациональные лексемы.

Рассмотрим собранные прозвища в лексико-семантическом и тематическом планах. В результате анализа и классификации материала определились основные принципы прозвищной номинации жителей исследуемого региона.

I. На базе качественных имен или названий биологических и психологических свойств человека возникают оценочно-характеристические прозвища. В них отражаются свойства именуемого объекта, они характеризуют лицо

1) по внутренним, психологическим особенностям*: Хабибуллойи Паджигатель // Паж* (от слова *поджигать); Солиҷуни Балтун* (от слова *болтун); Тухтасуни Нервеннӣ* (от слова *нервный); Меливойи Афирист* (от слова *аферист*); *одӣ* Пийун, Содик Пийун, Эргаши Пийун, (от слова *пьяный); Хуснӣ Далбос* (происхождение слова неясно); *Бег Алкаш* (от слова *алкаш* ‘алкоголик’) и др.;

2) по внешним, наружным признакам:

а) полу: *Мардони Мучук, Рашиди Мучук* (от слова *мужик*), *Мачиди Мушшина* (от слова *мужчина*);

б) росту: *Суюн Чалавек, Ҳаким Чаловек* (от слова *человек*); при помощи русского суффикса – ик: *Хасанчик; Мирзокули Полтара* (от слова *полтора), Олими Тяншон* (как горы Тянь Шана);

в) сложению: *Файзуллойи Арматура* (худощавый, как арматура); *Вали Бучка, Киромиддини Бушка, Соличуни Бучка, Тоӣири Бушка, Турсуни Бушка* (от слова *бочка*);

г) цвету кожи лица: *Мороз-красни нос;*

д) дефекту зрения: *Собири Ачкы* (от слова *очки), Карими Маргунов* (как Моргунов *часто моргает*);

е) бороде: *Салоӣидини Фидел Кастро // Салоӣидини Риш* (‘борода как у Фиделя Кастро’), *Абдуллобовоӣи Маркс // Абдураӣимбовоӣи Риштакка* (‘борода как у Карла Маркса’); *Камоли Поп* (‘борода как у попа’);

ж) признакам чистоты: *Қаюми Чиста, Рафтори Чиста, Чурӣ Чиста* (от слова *чистый*);

з) особенностям одежды: *Саҳоби Импортнӣ // Сахоби Супер* (носитель прозвищ любил надеть хорошие импортные одежды); *Мирзокули Шапка, Нимати Шапка* (от слова кепка: в таджикоязычной среде русская кепка употребляется как шапка); *Абдуллоӣи Патинка* (от слова *ботинок); Нуъмони Калуш* (от слова *галоша); Аҳмади Каска, Ҳошими Кожемякин* и др.;

и) из-за внешнего сходства с представителями той или иной национально-

сти: *Машарифи Негир, Соаталӣ Негир* (носители прозвища по цвету лица и кожи похожи на негра); *Карими Мангол* ('похож на монгола, узкоглазый'); *Абдуллоӣи Немис, Мергани Немис, Нуриллоӣи Немис* (от этнонима *немец), Тухтасунуфи Фашист* (от слова *фашист), Абдулоӣи Фаранг // Фаранк // Абдуллоӣи Булаӣ* (слова *Фаранг, Фаранк* переводится как 'европеец') таджикский антропонимист А. Гафуров об этом пишет: «В мусульманских странах до XIX в. всех европейцев называли фаранги или фаранджи. В этом термине легко узнается наименование «франк», «франкский». Для своих ближайших соседей, западных славян, франки, конечно, были не менее известны, чем для мусульман» [Гафуров 1987: 69]; Боӣмад Урус, Ғанӣ Урус, Саӣиди Урус (от слова *русский*); Ҳуснӣ Китаӣски (носитель прозвища когда-то в молодости продавал китайские вещи); Татари Фолбен (от национальности носителя прозвища);

к) из-за сходства с растениями*: Обидчуни Реппа* (от слова *репа*);

л) из-за сходства с разными животными: *Блоха, Одирмади Бобик, Садрӣ Бобик; Олими Тузик; Рахими Волк; Султони Петух //* Гардандароз, *Ҳомиди Ориӣол* (от *орла); Ҳусенбоӣи Медвед, Шухрати Чопра;*

м) из-за дефектов речи и произношения. На этой основе возникают самые разнообразные прозвища, напр.: *Хаволич* (*Мирзоцули Ҳасани Хаволич*) всегда произносил вместо слова *сволочь хаволич; Серавно – Тоӣири Серавно:* Олими Серавно часто в речи употреблял оборот *все равно; Верховниӣ – Олими Верховни* часто говорил *верховный; Милиӣун Ашурматуфи – Милиӣун* в речи часто употреблял слово «миллион».

3. Прозвища, образованные от географических названий, т.е. от топонимов: *Боӣири Байкал, Ғаффори Ҳолмон // Олмон* (от названия *Германия*); *Ивроӣими Фитиргрод* (от названия *Петроград*, современный Санкт-Петербург); *Олими Тяншон* (от названия горы Тянь-Шань).

4. Прозвища, образованные от фамилий, отчеств и имен знатных людей, а также псевдонимов: *Абдураӣимбовой Маркс, Мамадчони Кутуз*[ов], *Худоӣбердӣ Кутузов; Ашурмади Будиӣун, Одили Будиӣун* (от фамилии *Буденный); Валичони Каллелин* (от фамилии *Калинин*); *Салоӣидини Фидел Кастро // Саллоӣидини Кастро* (от имени и фамилии *Фидель Кастро); Тухтӣ Зорге* (от фамилии *Зорге), Ваҳоби Гитлер; Соличуни Горки* (от псевдонима *Горький); Фаӣзулло Чапаев, Соличони Чапаев, Рахмони Чапай* (от фамилии видного участника гражданской войны *Василия Ивановича Чапаева*); *Карими Маргунов* (от фамилии артиста Моргунова); *Лутфи Ватутин // Лутфӣ Пеле, Чумани Пеле* (знаменитый футболист) и др.

5) Прозвища, связанные с профессией, должностью, родом занятия и т.д.:

а) образованные от названий и терминов общественно-политических организаций, отражающих специфику советской действительности*: Йулдоши Раӣкум* (от *райком), Тош Исполкум* (от *исполком), Дадомади Парткум* (от *партком*); *Ваҳоби Партийнӣ* (от *партийный); Маризойи Кандидат, Дадомади Камсамол, Кимсани Камсамол, Раӣимчуни Камсамол* (от *комсомола*), *Баротбойи Лектор, Йулдоши Лектор; Раҳмони ЦК* и др.;

б) от наименований военных званий, должностей, силовых структур: *Худоӣкули Герой, Абдуламити Маршал, масари Полковник, Нимати Майер, Чамоли*

Майер, Мадамини Капитан, Топили Капитан, Фарҳоди Летин // Летинант, Садры Камандир // Саш Камандир (от *командир); Абдуламити Старшина, Ивройими Старшина, Йор Миниса, Карими Миниса, Мадамини Миниса, Музаффари Миниса, Обиддин Миниса, Турахон Миниса, Хайруллойи Миниса, Қори Миниса* (от *милиция*);

в) от названий профессий и занятий: *Мачиди Доктор Қодирӣ, Адуқайюми Инженер* (от слова *инженер); Абдучалили Артис, Чури Артис* (от *артист); Меличаи Опера, Содик Дрижор, Чурабойи Шахтиӣор* (от *шахтер*); *Тошипди Гиолог, Назмиддини Гиолог* (от *геолог*); *Каробоюфи Досаф* (‘работник ДОСААФ’) и др.;

г) от названий транспортных средств, марок машин и т.д.:*Абдуллойи Танка // Танкист, Бобо Таксӣ, Нозири Таксист // ГАЗ Бисту чор // ГАЗ-24, Аӣеми Нолчор // 04; Назмӣ Калхида, Рузимади ИЛ-18 // ИЛ Ҳажда, Сулаймуни Урали Гардандароз* (от марки мотоцикла «Урал»); *Суҳроби Грейдер, Уводиллойи Тракторчӣ, Рамати Тракторчӣ, Ҳабибуллойи Тракторчӣ* (от *трактарист*), *Чумани Падфарник* (от *подфарник*);

д) от названий продуктов питания: *Дадо Малако, Фанта // Фанто* (прозвище молодого человека), *Зайлови Спирт, Аҳмади Картошка, Назари Калтушка, Меливоыи Картошка зирвонак, Рахмони Макарон, Имомалӣ Рагу, Ҳусени Памилдорӣ* (от *помидор*);

з) от названий разных предметов: *Тиллойи Тилвизор* (от *телевизора); Рахмати Антин* (от *антенна); Собири Ачкӣ* (от *очки*); *Валӣ Бучка, Киромиддини Бушка, Соличуни Бучка, Турсуни Бушка* (от *бочка*), *Ғулуми Каталок* (от *котелок); Фахри Лампишка* (от *лампочка*); *Файзуллойи Арматура, Абдурайими Гитара* и т.д.

Анализ собранных прозвищ жителей Аштского района Согдийской области Республики Таджикистан показывает, что русские и интернациональные нарицательные существительные, а также имена собственные в разное время и в разных ситуациях проникли в таджикоязычную среду и составляют один из новейших пластов антропонимии таджиков.

ЛИТЕРАТУРА

Андреев М.С. Прозвища жителей различных селений в Матче (верховья р. Зеравшана) // Доклады РАН В. Октябрь–декабрь. – Л., 1924. – С. 173–176.

Белгородский Н.А. Социальный элемент в персидских именах, прозвищах, титулах и фамилиях // Записки Ин-та востоковедения АН СССР. – 1932. – № 1. – С. 213–242.

Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеологии. – М.: Наука, 1971.

Гафуров А. Рассказы об именах. – Душанбе: Ирфон, 1968.

Гафуров А. Лев и Кипарис: о восточных именах. – М.: Наука, 1971.

Гафуров А. Имя и история: об именах арабов, персов, таджиков, тюрков: словарь. – М.: Наука, 1987.

Гафуров О. Шархи исму лакабхо. – Душанбе: Ирфон, 1981.

Гафуров О. Маънои хазору як ном. – Душанбе: Маориф, 1987.

Мирзоева Д.Д. К вопросу об ономастической лексике в таджикском и русском языках // Бахори дониш. – Худжанд, 2001. – С. 106–112.

Мирзоева Д.Д. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов в сравнительно-сопоставительном плане: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 2002.

Мирзоева Д.Д. Лингвистические исследования таджикских и русских антропонимов. – Худжанд, 2005.

Мирзоева Д.Д. Об истории возникновения таджикских и русских антропонимов // Чавонон ва ча хони андеша. – Душанбе, 2001. – С. 239–241.

Мирзоева Д.Д. Об истории возникновения фамилий и отчеств в таджикской и русской антропонимии // Раховарди лимаони Чавон. – Худжанд, 2000. – С. 24–31.

Ольденбург С.Ф. «Лакамы» – Прозвища жителей городов Восточного Туркестана // Музей антропологии и этнографии РАН. – T.V. – Вып. 1. – Петроград, 1918. – С. 97–98.

Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. – М.: Наука, 1988.

Хайдаров Ш. Антропонимия таджиков северо-западной части Ферганской долины (на материале Аштского района): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Душанбе, 1991.

Хайдаров Ш. Динамика женской антропонимии таджиков 1921–1980 гг. (на материале Аштского района Ленинабадской области) // Ш. Хайдаров. Статьи по антропонимии. – Пермь: Форвард-С, 2001. – С. 68–76.

Хайдаров Ш. Доир ба таснифоти лакабхои фардииточикон (дар материали райони Ашт) // Забоншиносии точик. – Душанбе: Дониш, 1984. – С. 263–273.

Хайдаров Ш. Лакабнома. Таснифи лакабхои фардии мутадовил дар Афгонистон. – Афгонистон: Шибиргон, 1985.

Хайдаров Ш. Лингвогеографическое изучение дифференциальных признаков женских и мужских имен таджиков Ферганской долины (на материале Аштского района) // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка: тез. докладов и сообщений. – М., 1979. – С. 143.

Хайдаров Ш. Оид ба лакабхои сокинони дехахони шимоли Точикистон // Материалхои конференцияи республикавии илмы – назариявии олимон ва мутахассисони чавони Точикистон. – Душанбе: Дониш, 1979. – С. 93–95.

Хайдаров Ш. Пажўхиши лакабхои мардуми нохияи Ашт. – Пермь: Форвард-С, 2001.

Хайдаров Ш. Топонимы и этнонимы в антропонимии таджиков Средней Азии и Афганистана (вопросы региональной антропонимии) // Историческое развитие языков и методы его изучения: тез. межвуз. конф. – Ч. 1. – Свердловск, 1988. – С. 25.

Хайдаров Ш., Одегов В.В. Следы арийской цивилизации в Прикамье: историко-сравнительное изучение проблемы. – Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

Хромов А.Л. Топонимия русского происхождения на территории Таджикистана // Перспективы развития славянской ономастики. – М.: Наука, 1980. – С. 350–358.

THEMATIC DICTIONARY COMPILING EXPERIENCE (RUSSIAN NICKNAMES OF TADJIKS, RESIDENTS OF ASHTSK DISTRICT OF SOGDIYSKAYA OBLAST, TADJIKISTAN)

Sh. Khaidarov

Collected source material (2 500 nicknames of Tadjiks, residents of Ashtsk district of Sogdiyskaya oblast, Tadjikistan) made it possible to define main principles of the formation of nicknames containing Russian lexemes.

© 2009

В.Ф. Хайдарова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКА: К СОДЕРЖАНИЮ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

Фразеографическое описание единиц, возникших в последнее десятилетие в интернет-общении, представляется актуальной и важной задачей. Краткое описание даже нескольких фразеологических единиц (ФЕ), обязанных своим происхождением интернету и цифровым технологиям, может стать доказательством динамичности процессов, охвативших в настоящее время весь рунет. Здесь представлены только фразеологизмы, которые вышли за рамки интернет-жаргона и используются в публицистических, художественных и прочих текстах, не связанных с компьютерами, что позволяет говорить о проникновении указанных ФЕ в современный язык русского этноса.

Исследователь, описывающий факты неофразеологизации языка интернета, не может не обратить внимания на тот факт, что структура интернет-фразеологизмов довольно разнообразна. Среди них есть обороты, построенные на основе сочинительной связи между равноправными компонентами (*респект и уважуха*), и предложно-падежные конструкции (*по умолчанию, в газенваген*), и единицы со структурой предложения (*аффтар жжот*).

Процесс внедрения в общую систему языка исследуемых фразеологизмов еще не завершен. Многие из них, возникнув на волне творческой активности пользователей рунета, возможно, скоро забудутся. Другим же, вышедшим за рамки интернет-жаргона, предстоит уточнение формы, выбор одного из нескольких существующих на данный момент значений. Поэтому сейчас возможно представить лишь срез фразеологической ситуации в интернет-языке конца 2008 – начала 2009 г. Однако следует помнить, что современная фразеосистема в рунете складывалась около 10 лет, что позволяет уже рассматривать фразеологизмы интернет-языка как прошедшие первичное испытание временем.

Одним из самых распространенных и уверенно вышедших за пределы языка интернета является фразеологизм *аффтар жжот*. Особенностью порожденных интернетом неологизмов является определенность их графической формы. Как правило, неофразеологизмы интернета составляются из эрративов – слов, нарочито написанных с ошибками. Это обусловлено тем, что создаются они в письменной речи, в среде, которая ориентирована на визуальное восприятие текста. Поэтому форме слова пользователи интернета также стараются придать новизну, необычность. Так произошло и с оборотом *аффтар жжот*. Доказательством того, что именно данное написание воспринимается большинством носителей интернет-языка как «нормативное», является преобладание этой графической формы в текстах рунета, в материалах, посвященных описанию жаргона «падонков» (среды возникновения этой фразы), а также тот факт, что даже поисковые системы предлагают искать более «правильные» эрратические формы: напр., Yandex исправляет «автар» на «аффтар».

Фразеологизм *аффтар жжот* имеет два значения: 1) ‘автор комментируемого текста написал нечто яркое, интересное, полезное’ (*НЕ СМОТРИТЕ НА*

ОРФОГРАФИЮ ПОТОМУ ЧТО ***АФФТАР ЖЖОТ****!!!!!* [Игровой форум sigma-team.ru]); 2) ‘автор комментируемого текста написал нечто абсурдное, нелепое шокирующее’ (***Аффтар жжот****, но по теме.* [Форум netpolitics.ru]).

Вариантность данной фразеологической единицы, как правило, проявляется как замена ее первого компонента (*Дальсвязь жжот, вывешивая такие заголовки на главной* [комментарии на сайте Приморского телевидения и радио]), через расширение компонентного состава (*аффтар жжот нипадецки* [форум jabber.ru]) или через сочетание этих приемов (*сайт как всегда жжет* [дневник Lilit на www.liveinternet.ru]).

Данная единица – эрратив, происходящий от фразы *автор жжет. Аффтар* – автор текста («креатива»), который комментируется остальными участниками дискуссии. *Жжот* – «жжет» в жаргонном значении ‘зажигает’ (‘ярко самовыражается’). Иногда используется с двумя заглавными Ж: *ЖЖошь* (т.е. ‘зажигаешь в ЖЖ’, ‘живо журналишь’), – которые берут свое начало от аббревиатуры *ЖЖ* – ‘Живой журнал’ (наиболее распространенная блог-платформа для размещения дневников).

Эволюция значения данного фразеологизма, относящегося к числу самых известных, любопытна тем, что в процессе употребления он приобрел два, фактически противоположных, значения. Изначально этот фразеологизм обозначал, что комментируемый текст по какой-либо причине вызывает восхищение, и использовался для выражения одобрения его автору. Однако эмоциональная реакция может вызываться не только положительными качествами чего-либо наблюдаемого, – удивление и повышенный интерес может возникнуть при знакомстве с чем-либо шокирующим, нелепым, неграмотным. Вследствие этого штамп *аффтар жжот* стал применяться и с ироническим оттенком, передавая значение ‘автор текста создал нечто, поражающее своей неадекватностью’.

Доказательством именно такой последовательности развития значения является датировка высказываний. Более ранние случаи употребления связаны с первым значением данной ФЕ. Среди новейших же случаев ее употребления все чаще встречается использование во втором значении. Кроме того, широко распространенные в интернете словари «олбанского языка» (созданные не лингвистами, а дилетантами, любителями языка интернета) в более ранних версиях содержат только одну дефиницию данной ФЕ, а в поздних – уже две.

Интересна группа фразеологизмов, состоящих из сочетаний с числительными. Можно заметить, что сочетания с числительными возникают как следствие постоянного обращения к одним и тем же числам, которые становятся со временем символами цифровых технологий. Именно это и произошло, напр., с числами 128, 256, 512, 1024 (круглые суммы в двоичной системе исчисления). Следствием символичного осмысления этих чисел явилось не только широкое использование их в компьютерном фольклоре (напр., *Берешь 2 шаманских бубна, идешь темной ночью к одинокому дубу в нашем лесу. 256 раз обегаешь дуб. 512 раз бьешь в бубны и 1024 раза кричишь винда мастдай* [форум Сарапульского политехнического института forum.cnu.ru]), но и вхождение в язык в качестве составной части ФЕ. Особенно часто фигурирует в языке интернета ФЕ *256 раз.*

256 раз используется как синоним лексемы *много:* ***256 раз*** *подумай... или тебе не терпится поиметь кольцо с надписью «Этот редкостный дятел был окольцован*

xx.xx.xxxx г.»? [форум г. Уфы ufanta.ru]*; Во-третьих йа уже гдето так* ***256 раз*** *писал што мне просто интересно почустфофать себя Гмом* [Запорожский форум forumzone.zp.ua]; *Им главное пообещать, что девушки будут такие же молодые как во времена СССР, а пенсия – в* ***256 раз*** *больше* [комментарии на ya2004.com.ua].

Данный оборот также вышел за пределы интернет-жаргона. Так, депутат Госдумы в статье о президенте пишет: «*Он уже* ***256 раз*** *говорил, что уйдет в отставку, и в этом смысле перешел ту линию, за которой смог бы остаться*» [онлайн-газета «Время новостей»].

Использование цифр для обозначения чисел является непривычным для русской фразеологии. Возможно, такое написание связано именно с инерцией технического стиля. Свидетельством в пользу этого предположения может служить тот факт, что в другом, широко распространенном в интернете, но возникшем не в связи с цифровыми технологиями, фразеологизме – *дайте две* – числительное пишется традиционно словом.

Одна из самых достоверных версий происхождения ФЕ *дайте две* относит ее к анекдоту про алкоголика в магазине:

– *Сколько стоит вот эта фаянсовая киса?*

– *Это не киса, а бюст Буденного.*

– *Офигеть,* ***дайте две****!*

Эта версия происхождения объясняет преимущественное использование числительного в форме женского рода. Полная форма данной ФЕ (*офигеть, дайте две*) уступает свои позиции, что, скорее всего, является следствием широкого распространения фразеологизма в стилистически нейтральной речи, не приемлющей просторечных и грубых вставок. Все чаще встречается усеченный вариант *дайте две*.

Не теряя первоначального смысла – удивления, восхищения и желания иметь то, что в данный момент является предметом речи, – данная ФЕ стала более абстрактной, приобрела сему одобрения, которая и стала доминирующей. *Дайте две* в подавляющем большинстве встреченных примеров используется в значении одобрения, высокой оценки чего-либо, безотносительно к желанию или возможности говорящего приобрести предмет оценки. Числительное в данном фразеологизме либо никак с реальным количеством оцениваемых предметов не связано (*Кисти для фотошопа –* ***дайте две****!* – в статье говорится о неограниченном количестве кистей [заголовок статьи на ART911.RU]), либо сознательно обыгрывается (*Новые Sony Alpha?* ***Дайте две****! Да-да, именно две (!) новые зеркальные камеры демонстрирует на выставке PMA 2007, проходящей в эти дни в Лас-Вегасе, компания Sony* [заголовок статьи на iXBT.com]).

Фразеологизм *дайте две* получил широкое распространение в текстах, не относящихся к традиционным жанрам интернет-общения. Он редко встречается в блогах, форумах и т.п., но часто используется в заголовках статей разной тематики, опередив по частоте использования даже самые известные (*аффтар жжот* и *пеши исчо*). При этом преобладает одна, наиболее распространенная, модель: вначале называется предмет речи, затем ставится *дайте две*. Между ними могут быть любые разделительные знаки препинания, в том числе данная модель нередко оформлется как два отдельных предложения: *«Mercedes R:*

дайте два!»; «*Кисти для фотошопа* – ***дайте две!***»; «*Японский конкурент iPhone:* ***дайте две!***»; «*Нереальная книжка!* ***Дайте две!***». Все приведенные цитаты, кроме последней, являются заголовками статей на разные темы. Здесь также можно заметить, что, хотя традиционная форма женского рода числительного, как правило, сохраняется, даже если речь идет о предмете мужского, среднего или неопределенного рода («*Японский конкурент iPhone:* ***дайте две!***»), в некоторых случаях род числительного согласуется с предметом оценки. Это свидетельствует о том, что данная ФЕ находится в процессе становления.

Другое популярное словосочетание, возникшее в русле «олбанского языка», – *пешы исчо. Пешы исчо* выражает не просто пожелание автору создавать новые тексты (тем более что в некоторых случаях использования данного фразеологизма это невозможно), но чаще обозначает просто одобрение, высокую оценку комментируемого произведения.

Так, напр., научный редактор журнала «Эксперт» статью о концерте, на котором исполнялись произведения Моцарта в довольно вольной трактовке, озаглавил «*Моцарт,* ***пеши исчо!***». Трансформированный фразеологизм *аффтар, пеши исчо* в свернутом виде доносит до читателя мнение автора статьи о том, что музыка композитора настолько изменена исполнителями, что создается представление о возникновении новых произведений. Кроме того, околожаргонный характер оборота помогает выразить ироническое отношение автора статьи к данной ситуации.

Приведем также заголовки статей, опубликованных на экономических сайтах: «*Положение № 283-П:* ***аффтар, пеши исчо!***» [заголовок статьи на www.penza-job.ru], «*Справка 2-НДФЛ как средство повышения собираемости налогов, или "Жуков,* ***пеши исчо!"***» [заголовок статьи на Банкир.ру]. В данных случаях фразеологизм используется в переносном смысле, т.е. не является средством выражения призыва продолжать в том же духе. А применение элемента жаргона по отношению к сугубо официальным документам создает стилистический дисбаланс, выражая мнение авторов статей о деятельности чиновников как о настолько неэффективной, что она оказывается недостойной серьезного отношения.

На основании данного обзора можно заметить, что язык интернета – очень динамичная среда; он развивается на несколько порядков быстрее, чем это происходит обычно с любой, имеющей письменную форму, разновидностью национального языка. Это позволяет исследователю наблюдать процессы возникновения новых ФЕ, их выход за пределы жаргона или родной терминосистемы, освоение их общеупотребительным языком, изменение значений и приобретение новых стилистических свойств, – словом, все те процессы, которые обычно растягиваются на десятилетия, а то и века. В связи с этим перед фразеографом встает непростая задача: уловить те стороны фразеологизма, которые закрепятся в языке, зафиксировать главное, не задерживаясь надолго на временных, проходящих свойствах описываемой единицы. Для этого необходимо понять закономерности развития фразеосистемы. Такие закономерности окажутся более явными, если постараться отобразить в словарной статье нюансы, связанные с динамикой развития фразеологизма, а значит, зафиксировать не только значение, происхождение и стилистическую отнесенность, но и такие

параметры, как степень и способы реализации вариантности на разных этапах существования ФЕ, графические приметы (устная форма для интернета оказывается вторичной), особенности грамматической сочетаемости, модель и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

Свинцов В.В. Язык рунета: к вопросу о содержании термина // Литература в Интернете: база данных докладов интернет-конф. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: sem115.rocit.ru/files/russianlanginternet.doc.

THE INTERNET LINGO FIXED PHRASES: CONTENTS OF A VOCABULARY ENTRY

V.F. Khaydarova

The paper describes phraseological neologisms of the Internet lingo, surveys developing their meaning and grammatical features development, and gives peculiarities of the units under study presentation in a vocabulary entry.

© 2009

Н.Ф. Халиуллова

О СЛОВАРЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ ЯЗЫКА НАРКОМАНОВ

Обычному человеку трудно понять речь наркомана. Наркоманы образуют социальные группы со своими интересами и потребностями, со своей системой общения, которую можно назвать антиценной.

Жаргон наркоманов – это совокупность лексических и фразеологических единиц, которые используют в своей речи люди, употребляющие и распространяющие наркотики, для описания ситуаций и ощущений, наименования предметов, связанных с изготовлением и употреблением психотропных препаратов. Жаргон наркоманов выполняет несколько функций: номинативную, функцию языковой экономии, функцию герметизации словесного общения.

1. Новые жаргонные номинации изобретаются часто потому, что в литературном языке нет слов, которые называли бы то или иное явление, важное для данной социальной группы. Некоторые номинации изобретаются для того, чтобы избежать употребления в речи общеизвестного слова с оценочным значением, отвергаемым группой. Напр., **подсадить на иглу** – ‘вовлечь в употребление наркотиков’; **барыга –** ‘распространитель наркотиков’.

2. В целях языковой экономии изобретаются слова типа **инсулинка** – ‘инсулиновый шприц’, **пассажир –** ‘тот, кто хочет купить анашу’.

3. Герметизация словесного общения характеризует ситуацию. когда говоря-

щий стремится скрыть смысл разговора от посторонних и узнать, причастен ли собеседник к миру употребляющих наркотики. Ср. **банковать** – ‘продавать анашу самому, являясь ее владельцем’; **взорвать** – ‘начать курение сигареты с марихуаной или гашишем’.

Указанные функции языка наркоманов делают этот язык достаточно закрытым, непригодным для широкого использования и часто непонятным для тех, кто хочет спасти наркомана от его пристрастия. О чем говорят наркоманы? Естественно, возникает необходимость в создании словарей языка наркоманов.

Подобные словари могут быть полезны для родителей, которых должно насторожить использование детьми слов и выражений, приведенных в словаре, и послужить поводом для воспитательного воздействия. Словарем могут воспользоваться врачи и учителя для того, чтобы лучше знать то, о чем говорят их пациенты и ученики.

Кроме того, расшифрованные слова перестанут представлять для подростка вкус «запретного плода». Если молодой человек поймет, о чем на самом деле говорят его сверстники, то интерес, связанный с наркотиками и наркоманами, может пропасть.

Наркоманы – наиболее интеллектуальная часть преступного мира, склонная к логическому, абстрактному мышлению, что придает их речи определенную яркость и парадоксальность. Использование ими жаргонных слов и выражений, связанных с наркотиками и психоактивными веществами, – один из эффективных способов конспирации. Успех в борьбе с преступностью, нередкой среди наркоманов, также невозможен без знания языка наркоманов.

Цель задуманного словаря – дать представление о жизни людей, принимающих наркотики; познакомить с тем, как говорят наркоман или торговец наркотиками, какие лексические и фразеологические единицы они употребляют в своей речи. Данный словарь – это своего рода языковое разоблачение наркомании как антиценности.

Словарь лексики и фразеологии наркоманов относится к типу комплексных, дающих исчерпывающую информацию о каждой единице. Он включает, напр., такие лексические и фразеологические единицы, как: **молоко бешеной коровы** – ‘конопля, сваренная на молоке’, **поставить паровоз / парик** – ‘взяв сигарету с марихуаной или гашишем в рот горящим концом, пустить струю дыма в рот партнеру, что якобы доставляет большое удовольствие’.

Тематический принцип построения такого словаря представляется нам наиболее разумным. В словаре выделены названия наркотических средств и психотропных веществ; именования наркоманов; описание состояния наркотического опьянения; дозы и единицы измерения; приготовление наркотиков; действия по употреблению наркотиков; приспособления для употребления наркотиков; наркоманские соматизмы; распространение наркотиков и др. Так, в группу «***Названия наркотических средств и психотропных веществ***» объединены:

Анаша нет мн. ж. р. – ‘измельченные листья конопли, применяемые как курительная наркотическая смесь’. *Постой, скелетик, не спеши, давай покурим* ***анаши****. (Из песни).*

Синоним: **план**

Апер ~а м. р. (англ. upper – верхний, высший) – ‘амфетамин или любое другое наркотическое возбуждающее вещество’. *Он, не слезая, перескакивал с аперов на опию и обратно.* (Не прекращая потребление наркотиков, он употреблял то психостимуляторы, то препараты опийного ряда).

Гатагустрица ~и ж. р. собир. (устар.) – 1) ‘жидкие лекарства, содержащие опий’; 2) ‘жидкие лекарства, содержащие наркотические вещества, выпаренные с целью повышения концентрации последних’.

В группу ***«Именования наркоманов»*** вошли:

Алик м. р. – 1) ‘продавец амфетаминов’; 2) ‘человек, систематически употребляющий алкоголь, алкоголик’; 3) ‘наркоман, систематически употребляющий амфетамины’.

Джанк м. р. (англ. junk – рухлядь, отбросы) – ‘наркоман-опиушник’.

Урю́к ~а м. р. – ‘старый, опытный наркоман’. *У **урюка** есть иней.* (У старого наркомана есть кокаин).

В группу ***«Описание состояния наркотического опьянения»*** включены:

Аут м. р. (англ. out – вне, отдаленный, нокаутировать) – ‘действие наркотика, при котором наркоман теряет контакт с окружающим миром’.

Кумар ~а м. р. – ‘состояние сильного наркотического похмелья или голодания; первые ощущения приближающихся «ломок»’. *Его круто **кумар** долбит.* (При наступлении состояния наркотического похмелья, у него начались очень сильные негативные соматические явления).

Синоним: **ломка, отходняк**

Рубить несов. разг. – ‘находиться под действием опиатов, героина; тянет в сон, закрываются глаза’.

Цветомузыка ~и ж. р. – ‘наркотическое опьянение, сопровождающееся галлюцинациями’. *Он включил **цветомузыку**.* (У него начались галлюцинации).

В словаре будет описана также группа ***«Наркоманские соматизмы»***:

Арык ~а м. р. – ‘вена как объект, в который производится инъекция’. *Этот **арык** уже несколько килограмм баксов схавал.* (В эту вену было вколото наркотиков на сумму несколько тысяч долларов).

Пах нет мн. м. р. – ‘бедренный сосудистый пучок, куда (в бедренную вену) делаются инъекции при отсутствии поверхностных вен’.

Вскрыть пах – ‘сделать первую инъекцию, научиться делать инъекции в бедренную вену’.

Шланг ~и м. р. [в Ульяновской области] – ‘вена большого диаметра, в которую производятся инъекции начинающими наркоманами’. *У этого абрикоса такой **шланг!*** (У этого малолетнего наркомана хорошая вена).

Внутри тематической группы словарь составлен по алфавитно-гнездовому принципу. Каждая единица сопровождается толкованием, иллюстрациями из художественной литературы, периодики, живой речи, а также, по необходимости, грамматическими, орфоэпическими и стилистическими пометами. Иногда вводится помета (в квадратных скобках), указывающая на место функционирования того или иного жаргонизма. Ср., напр.:

Стрёманый ~ая; ~ое [в Москве, во Владимире] – ‘место, в котором наркомана ожидает потенциальная опасность’. *Это **стрёманая** драга, из нее Мишу свин-*

тили. (В этой аптеке опасно появляться наркоманам, в ней однажды милиция задержала Мишу).

Наиболее тесно язык наркоманов пересекается с языком хиппи. Общие для этих групп слова также включены в наш словарь:

Ширяться ~яюсь, ~яешься несов. – 1) ‘копать, ковырять, толкать тычком’; 2) ‘употреблять наркотики посредством инъекций’.

Голяк м. р. – ‘полное отсутствие чего-либо’. *У меня с заразой* ***голяк***. (В запасе нет никаких наркотиков).

Отдельную проблему представляет характеристика жаргонизмов как экспрессивных средств. В словаре даются пометы типа *разг., вульг., прост., терм.* и т.п. При составлении данного словаря учитывали диахронический аспект, в особенности историю слова, его происхождение, т.к. именно в диахронии нам видится ключ к пониманию того, как возникает и развивается жаргон наркоманов. Напр., **кайф/кейф**, восходящее к арабскому слову kaif (‘удовольствие, наркотик’) дважды заимствовалось русским языком. Первый раз оно проникло еще в начале XIX в. (кейф) со своим основным значением, по-видимому, через турецкий язык и в XX в. воспринималось уже исключительно как устаревшее и шутливое. Во второй половине XX в. оно было заимствовано вновь во втором своем значении через один из тюркских языков Средней Азии (откуда в Россию поступали наркотики). Глагол **кайфовать** в значении ‘употреблять наркотики’ сейчас используется в значении ‘наслаждаться, радоваться’, что позволяет соотнести его с глаголом **кайфануть/кейфануть**, изменившим свой облик на более современный. Этимологические пометы даются в круглых скобках после заглавной лексической единицы. В тех случаях, когда происхождение слова не выяснено, такие пометы отсутствуют. В остальных случаях задействуется тот лексический пласт, из которого было заимствовано слово. Напр.:

Пушер ~а м. р. (англ. pusher – ‘напористый человек’) – ‘торговец наркотиками’.

Синонимы: **барыга, драг-дилер**.

Ксива ~ы ж. р. (иврит ktiva – ‘письмо, писание’) – ‘паспорт, удостоверение личности’. *У этого абрикоса даже нет* ***ксивы***. (У этого малолетнего наркомана нет паспорта).

Кроме того, указывается время первой фиксации слова. В тех случаях, когда слово вышло из употребления, оно квалифицируется как устаревшее:

Симулятор ~а м. р. (нач. 1970-х гг.: устар.) – ‘нанюхавшийся кокаина наркоман’.

Основная проблема, которая возникает при создании данного словаря, – принципы отбора слов. Необходимо не только установить, какие слова употребляются в речи наркоманов, но и определить, являются ли они специфичными для данной социальной группы.

Словарь станет, на наш взгляд, одним из средств практического пути восстановления ценностного мира подростков, которых может привлечь таинственность жизни наркоманов.

RUSSIAN WORD AND PHRASE DICTIONARY OF DRUG ADDICT LINGO

N.F. Khaliullova

The article formulates principles underlying "Russian word and phrase dictionary of drug addict lingo". The thematically-based dictionary comprises the following thematic sections: addicts' names, names of drugs and psychotropic substances, narcotic intoxication description, doses and units of measurement, etc.

© 2009

Н.Р. Халитова

ФРАГМЕНТ СЛОВАРЯ ЯЗЫКА «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗОВ» В.Т. ШАЛАМОВА

Фрагмент словаря «Колымских рассказов» («КР») В.Т. Шаламова – первый шаг на пути комплексного лексикографического исследования индивидуальной языковой системы одного из самых талантливых писателей «лагерной прозы».

Основой словаря «КР» В.Т. Шаламова стали единицы лагерной речи, выделенные из материала шести циклов очерков под общим названием «Колымские рассказы» [Шаламов 1992].

В современной российской лексикографии нет специализированных словарей лагерной речи. В большом объеме словарей воровского жаргона, «блатной фени» даны толкования единиц только этой группы обитателей советских лагерей. Однако мы настаиваем на существовании «лагерной речи» (термин введен нами в 1999 г.). В 1920–1950-е гг. рождается новая, более емкая разновидность языка мест заключения – лагерная. Она сформировалась как результат столкновения языка преступного мира с разговорной речью различных социальных групп. Сама среда, в которой данная речь сформировалась, пропитала ее специфическими словами и оборотами, отражающими каторжный подневольный труд, изуродованные отношения между людьми. Эта речь подпитывалась воровским жаргоном, иноязычными словами, диалектизмами, профессионализмами, а также словами и оборотами, характеризующими следственную практику и юридическое делопроизводство в СССР [Халитова 1999].

Часть единиц лагерной речи, выделенных на материале «Колымских рассказов», зафиксирована основными словарями русского литературного языка, другие – имеют толкования в словарях тюремно-лагерно-блатного жаргона или справочниках, посвященных советским лагерям в целом, третьи являются неологизмами автора (см. во фрагменте словаря *ветеран тридцать седьмого года*).

Многим словам и выражениям лагерной речи В.Т. Шаламов дает развернутое толкование. В таком случае данное толкование включается в словарную статью (см., напр., *военщина*).

Словарная статья содержит:

1. Заглавное слово или выражение;
2. Грамматические пометы;
3. В скобках – количество зафиксированных употреблений единицы в «КР» В.Т. Шаламова;
4. Стилистические пометы (напр., *блатн.*);
5. Толкование (в качестве толкования иногда используются цитаты из словарей);
6. Иллюстрацию или несколько иллюстраций, в случае если каждая из них отражает какой-либо особый оттенок значения данной единицы. После иллюстрации в скобках указывается номер книги из двухтомника В.Т. Шаламова и номер страницы (напр., кн. 1, с. 23). В ряде случаев используются иллюстрации из других художественных произведений лагерной прозы; они написаны непосредственными свидетелями эпохи сталинизма в истории нашей страны, прошедшими, как и сам автор «КР», и тюрьмы, и лагеря, и ссылки. В круг таких дополнительных источников вошли роман «Крутой маршрут» Е. Гинзбург, «История одной зечки и других з/к, з/к, а также некоторых вольняшек» Е. Матвеевой, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына и мемуары Л. Разгона «Непридуманное».
7. Комментарий. В комментариях дается краткая лингвистическая (см., напр., **друг народа, зек (зэк)**), историко-этимологическая или культурно-этнографическая справка (см., напр., **враг народа, заключенный**).

Фрагмент словаря

Арестант, ы, *м*, (302). То же, что **заключенный**. «Казалось естественным, что **арестант, заключенный** должен работать...» (кн. 1, с. 528). В соч. **колымский арестант** – заключенный, отбывающий срок на Колыме: «Александр Иванович дорожил доской, засовывал ее под матрас в те немногие часы, когда обессиленный бдительностью своего круглосуточного дежурства Александр Иванович впадал в забытье – обычный сон **колымского арестанта**, не снимая ни телогрейки, ни двух своих серых халатов...» (кн. 2, с. 278).

Асмодей, и, *м*, (3). *Блатн.* То же, что **фраер**. «Другие названия фраеров – “штымпы”, “мужики”, “олени”, **“асмодеи”**, “черти” (кн. 2, с. 14).

Баклан, ы, *м*, (2). *Блатн.* То же, что **конвоир**. «Серафим с величайшим усилием сообразил, что речь идет о нем, а **“бакланами”**, очевидно, называют конвоиров за их жадность и всеядность» (кн. 1, с. 105).

Беспредельщик, и, *м*, (3). *Блатн.* Преступник, не относящийся ни к «ворам в законе», ни к «сукам». Беспредельщики «не выдвигали никаких лозунгов, кроме лозунга мести и кровавой вражды к “сукам” и к ворам – в равной мере» (кн. 2, с. 69), «... по приказу охраняемые конвоем камеры были двух видов: для воров “в законе” и воров – “сук”. **“Беспредельщикам”** же приходилось выпрашивать у начальства место...» (кн. 2, с. 70).

Беспредельщина, а, *ж*, (8). *Блатн.* То же, что **Беспредельщик**. «Блатари третьей группы получили выразительное название **беспредельщины**» (кн. 2, с. 69).

Битый фрайер (2) *(блатн.)* Человек, не принадлежащий к преступному миру, однако знакомый с его привычками, законами, моралью и умеющий за себя постоять (Грачев). «...тот (фраер – *Н.Х.*), который настороже, который имел опыт общения с блатарями, называется “**битым фраером**” – особая группа “чертей”»

(кн. 2, с. 15); «... **битые фраера**, опытные, бывалые фраера, которые могли не только приказывать на работе, но эту работу организовывать, да еще следить за нормировщиками, конторой, начальством разнообразным...» (кн. 1, с. 385).

Блатарь, и, *м*, (200). Профессиональный преступник. «Другие конвоиры поступали еще хуже – возлагали эту важную обязанность (выбивание плана – *Н.Х.*) на **блатарей**, которых всегда вливали в бригады 58 статьи» (кн. 1, с. 372–273). В соч. **блатарь видный** – профессиональный преступник, пользующийся авторитетом. «Это был Кононенко, блатарь, с которым Голубев был вместе на пересылке несколько месяцев назад, многосрочник – убийца, **видный блатарь**...» (кн.1, с. 280). В соч. **потомственный блатарь** – профессиональный преступник не в первом поколении. «Доносчики эти – обычные коммунисты бывшие, вредители, или родовитые интеллигенты, или **потомственные блатари**» (кн. 2, с. 217).

Блатарка, и, *ж*, (6). Женск. к **блатарь**. «Одна его (Живкова – *Н.Х.*) приятельница была **блатарка**, «завязавшая» и перешедшая в мир “фраеров”...» (кн. 2, с. 342).

Блатной, ая, (180). Профессиональный преступник. То же, что и **блатарь.** «На волю очень хочется, поэтому все – и **блатные** и фраера – торопились оформить свои документы и выехать, ибо, это понимали и **блатари**, правительство может одуматься, изменить решение» (кн. 2, с. 427).

Боец охраны (5). Рядовой конвойной охраны, сопровождающий заключенных вне зоны; часовой на сторожевой вышке. «Однако у нас не было ни пилы, ни топора – эти особорежущие предметы хранились у **бойцов охраны**...» (кн. 1, с. 360).

Боец, ы, *м*, (15). Рядовой конвойной охраны, сопровождающий заключенных вне зоны; часовой на сторожевой вышке. «Медведь пробежал мимо избы, где жили наши **бойцы**, наша охрана...» (кн. 2. с. 380).

Бригадир, ы, *м*, (197). Заключенный или вольнонаемный, руководящий бригадой. «От первого удара конвоира, **бригадира**, нарядчика, блатаря, любого начальника я валился с ног...» (кн. 2, с.266). В соч. **бригадир из заключенных** – заключенный, возглавляющий бригаду. «Из-за русской печи навстречу мне поднялся человек – знакомый мне **бригадир** лесорубов Степан Жданов – **из заключенных**...» (кн. 1, с. 511).

Бригадир-блатарь (3). Заключенный-блатарь, руководящий бригадой. «**Бригадир-блатарь** – это худшее, что могло случиться с бригадой» (кн. 1, с. 385).

Бригадир-бытовик (2). Заключенный-бытовик, руководящий бригадой. «**Бригадиры-бытовики** были зверями по приказу» (кн. 1, с. 385).

Бытовик, и, *м*, (39). Лицо, находящееся под следствием или осужденное не по политическому делу. «Штатный санитар – это бог, обязательно **бытовик**, гроза всех осужденных по пятьдесят восьмой статье» (кн. 2, с. 279).

Бытовичка, и, *ж*, (1). Женск. к **бытовик**. «Лагерного мужа этой **бытовички** давно сгноили на штрафном прииске по приказу начальника» (кн. 1, с. 270).

Бытовичок, и, *м*, (2). То же, что и **бытовик**, но применительно к шустрому лицу, умеющему ловко использовать свои привилегии «друга народа». «Женька Кац, приятель Черникова, был бойкий “**бытовичок**”» (кн. 1, с. 434).

Ветеран тридцать седьмого года (1). *Авторск*. Политический заключенный.

«Мы, видавшие Колыму, мы, **ветераны тридцать седьмого года**, знали, что лучшей жизни не будет» (кн. 1, с. 464).

Военщина, а, *ж*, (2). Профессиональные преступники, принимавшие участие в Великой Отечественной войне. «На пароходах и поездах в Магадан и в Усть-Цильму стали прибывать осужденные после войны воры. “**Военщина**” – такое название они получили впоследствии» (кн. 2, с. 62).

Вольнонаемный, ая, (38). Работник (-ца) пенитенциарного учреждения, работающий по вольному найму. «При хирургическом отделении <...> была своя станция переливания крови, куда сдавали кровь доноры – и **вольнонаемные** и заключенные, – **вольнонаемные** получали 1 рубль за кубик, а заключенные в 10 раз меньше» (кн. 1, с. 451).

Вольный, ая, (15). То же, что **вольнонаемный**. «Человек она (Рыбалова – *Н.Х.*) была хороший и если различала **вольного** от заключенного, то не с позиций активного врага заключенных – так учат всех договорников...» (кн. 2, с. 296).

Вольняжка (вольняшка), и, *м*, (22). То же, что **вольнонаемный**. «Сторож был вольнонаемный, **вольняшка**, а теперь это завидное место» (кн. 2, с. 352).

Вор, ы, *м*, (40). То же, что **блатарь**. «Федя восхищался привольной жизнью блатарей на прииске, но было в его натуре такое, что мешало сблизиться ему с **ворами**» (кн. 1, с. 33). В соч. **вор в законе** – профессиональный преступник, относящийся к наивысшей касте уголовного мира.

Вор-блатарь (2). То же, что **блатарь**. «**Вор-блатарь** стоит вне человеческой морали» (кн. 2, с. 27).

Воспитатель, и, *м*, (4). Работник культурно-воспитательной части. «По “Берзинскому делу” арестованы и расстреляны <...> многие тысячи людей, вольнонаемных и заключенных – начальники приисков и лагерных отделений, лагпунктов, **воспитатели** и секретари парткомов...» (кн. 1. с. 468).

Враг народа (18). Любой политический заключенный. «Никаких оздоровительных команд не было для **врагов народа**» (кн. 2, с. 272). «Во времена ежовщины радио и печать клеймили этим термином жертв сталинского террора и, наконец, “**враг народа**” становиться официальным юридическим термином» [Росси 1991, 1: 64]. Ср. «**Враг народа.** *В советск. время. Презрит.* (о том, кто преследовался законом по обвинению, обычно вымышленному, в антисоветской деятельности)» [ТСРЯ: 1960]. Или **враги народа** – ‘*активные противники социалистического строя и народа, создавшего этот строй, наносящие вред общественному делу’* [БАС, 2: 786].

Враг, и, *м*, (2). То же, что **враг народа**. «Железной метлой Полупан был сметен в тридцать восьмом году, получил срок по пятьдесят восьмой статье и предложил начальству искупить свою вину – приводить **врагов** в христианский вид» (кн. 2, с. 308).

Вредитель, и, *м*, (4). Осужденный за «вредительство». «Сменщик Скоросеева был галичанин Нарынский – русский военнопленный первой мировой войны, получивший срок за подготовку заговора для восстановления Австро-Венгрии и чуть-чуть гордившийся таким небывалым, редким делом среди туч “троцкистов” и “**вредителей**”» (кн. 1, с. 297).

Голубая кровь (2). *Авторск.* То же, что **потомственный блатарь**. «Проще воспитываются представители “**голубой крови**”, **потомственные блатари**» (кн. 2, с. 13).

Городушница, ы, *ж*, (2). Воровка, совершающая кражи в магазинах. «Демидова была магазинной и квартирной воровкой, **городушницей**, по терминологии уркачей» (248, с. 63).

Десятник, и, *м*, (89). Агент работодателя, расставляющий и контролирующий рабочую силу. Чаще всего бытовик. На участках в зоне оцепления допускается и политический (пятьдесят восьмая)» [Росси 1991, 1: 99]. «В лагере для того, чтобы <...> превратиться в доходягу, нужен срок по меньшей мере от 20 до 30 дней при 16-тичасовом рабочем дне, без выходных, при систематических побоях **десятников**...» (кн. 1, с. 78); «**Десятник** пограмотней пытался свести баланс, обсчитывая бригады “троцкистов”» (кн. 2, с. 22).

Друг народа (7). *(Авторск.)*. Заключенный, занимающий наиболее привилегированное положение в лагерной иерархии. **Друг народа** образовано В.Т. Шаламовым по модели другого устойчивого словосочетания – «враг народа». «В 1938 году, когда между начальством и блатарями существовал почти официальный “конкордат”, когда воры были объявлены “**друзьями народа**”, высокое начальство искало в блатарях орудие борьбы с “троцкистами”» (кн. 2, с. 19); «В этом третьем вихре огромную роль сыграли блатари, уголовники, “**друзья народа**”» (кн. 1, с. 371); «Рецидивисты считались “**друзьями народа**” всегда...» (кн. 1, с. 357); «В этом магазине могли покупать только осужденные по бытовым статьям, а также причисленные к “**друзьям народа**” воры-рецидивисты» (кн. 1, с. 63).

Заключенный, ая, (410). (см. также **З/к, зека (зэка)** и **зек (зэк), зекашка**) Человек, который находится в заключении. «Лагерная жизнь так устроена, что действительную реальную помощь **заключенным** может оказать только медицинский работник» (кн. 1, с. 132).

Находясь в непосредственной соотнесенности с текстами официально-делового стиля, лексическая единица *заключенный* не имела благоприятных условий для развития коннотативных признаков. Иначе сложилась судьба лексических единиц *зека (зэка)* и *зек (зэк)*. Обладая более краткой, емкой звуковой формой, единицы *зека (зэка)* и *зек (зэк)* активно использовались в лагерной речи и на письме в различного рода документах. Лексическая единица *зек (зэк)* – результат усечения существительного *зека (зэка)*, возникшего в советской судебной и юридической практике из сокращения *з/к*.

Слово *зэк* В.Т. Шаламов отрицал. А. Солженицын рассказывал о дискуссии, завязавшейся по этому поводу у них с В. Шаламовым: «...возник между нами спор о введенном мною слове “зэк”: В. Т. решительно возражал, потому что слово это в лагерях было совсем не частым, даже редко где, заключенные же почти всюду рабски повторяли административное “зе-ка” <...> в иных лагерях говорили “зык”... » [Солженицын 1999: 164].

Анализируя случаи употребления единицы *зека* в «Колымских рассказах», действительно можно говорить об «административном» характере этого слова, поскольку употребляется оно в большинстве случаев в речи начальства: «Мы, гражданин начальник, – вмешался начальник санчасати, – фельдшера вам сейчас пришлем. Из **зэка**» (кн. 1, с. 198); «– Ты – хигург? – Да, товарищ, начальник. – Бывший **зэка**? – Да, товарищ начальник» (кн. 1, с. 198).

В «Справочнике по ГУЛАГу» Ж. Росси толкует слово *заключенный* через отрицание слова *вольнонаемный*: **Заключенный.** Не вольнонаемный [Росси 1991: 122].

Зек (зэк), а, *м*. (1) То же, что **заключенный**. Результат усечения существительного **зека (зэка)**, возникшего в советской судебной и юридической практике из сокращения **з/к**. «Видите, фельдшер, – сказал Новиков, избегая прибавлять "гражданин" и таким образом как бы напоминая мне, что я – бывший **зэк**» (кн. 2, с. 424).

Зека (зэка) (224). То же, что **заключенный**. «Жили вместе – вольнонаемные и рабочие **зэка**» (кн. 1, с. 401); «Махновцу пришлось работать грузчиком на том же самом складе, где он ишачил пять лет в чине **зэка**» (кн. 2, с. 140).

З/к (1)/ То же, что **заключенный** (в названии официального документа лагерной администрации): «... "Права **з/к з/к**" или, вернее, правила содержания заключенных, которые состояли из двух частей: 1. Обязанности: заключенный должен, заключенный не должен...» (кн. 2, с. 218).

Зэкашка, и, *общ. род.* (2) *(пренебр.)*. То же, что **заключенный**. «...ведь я просил перевести одного **зэкашку** на Аркагалу – вот этого доходягу Андреева» (кн. 1, с. 412).

Иван Иванович (10) *(презрит.)*. Политический заключенный интеллигентного вида и поведения. «Андреев по опыту знал, что лагерные повара, да и не только повара не любят **Иван Ивановичей**, как презрительно называли они интеллигенцию» (кн. 1, с. 165); «Вот через таких грамотеев я срок имею <...> – сказал Мишка. – Через **Иван Ивановичей** этих» (кн. 1, с. 491). Ср.: «иван иванович – кличка фраера, иногда учтивая, иногда насмешливая» [Росси 1991: 134].

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / гл. ред. С.П. Обнорский [и др.]. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, Ин-т рус. яз, 1948–1965.

Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: в 2 кн. – М.: Просвет, 1991.

Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы // авт.-сост. Д.С. Балдаев [и др.]. – М.: Края Москвы, 1992.

Солженицын А. С Варламом Шаламовым // Новый мир. – 1999. – № 4. – С. 160–195.

ТСРЯ: Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Халитова Н.Р. Об одном из новых терминов современной социолингвистики // Формирование филологических понятий у учащихся школ и студентов вузов: тез. докладов Всерос. науч.-практ. конф. «Методология и методика формирования научных понятий у учащихся школ и студентов вузов». – Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 1999. – С. 50.

Шаламов В.Т. Колымские рассказы: в 2 кн. – М.: Рус. книга, 1992.

FRAGMENT OF THE GLOSSARY OF V.T. SHALAMOV'S "THE KOLYMA STORIES"

N.R. Khalitova

The author describes the format of a vocabulary entry for the glossary of "The Kolyma Stories" by V.T. Shalamov. The dictionary is the first attempt to make a comprehensive lexicographic study of an individual language system of one of the most talented writers of the "camp prose".

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА. АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ И СЛОВАРИ

© 2009

Л.А. Глинкина

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРИЗНАКОВ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ КАК ПУТЬ К ЭНЦИКЛОПЕДИЗМУ ЯЗЫКА

I. Любое научное направление развивается путем дифференциации и интеграции двух ведущих тенденций развития и познания целостной картины природы, общества и человека.

Лексикография – одна из самых ранних и продуктивных лингвистических сфер, способствующих пониманию религиозного и светского письма. Ее прагматические традиции складывались, начиная с XI века, в достаточно свободной форме глоссариев, алфавитов, азбуковников, ономастиконов, приточников, произвольников, разговорников. «Первоначально многие словари не имели точно очерченной специфики и давали разнообразный материал, который впоследствии был разобран по словарям разных типов» [Гак 2004: 17]. К XVIII в. параллельно с созданием первого «Словаря академии Российской» (1789–1794 г.) стала формироваться дифференцированная типология словарей: переводных, двуязычных, иностранных, толковых, терминологических. В 1862–1866 гг. было положено начало по существу энциклопедическому направлению в русской лексикографии – родился «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Едва ли и сейчас можно точнее сформулировать его основные принципы: полный охват лексического богатства русского народа во всех сферах его жизни; «дух» русской речи в ее словопроизводстве; обычаи и нравы, духовные и нравственные черты, короче, – русская ментальность. Каждая статья у Даля – свернутый концепт антропоцентрического плана. Например, слово *каша* включает, кроме традиционных лингвистических помет, ряд лингвокультурных параметров: указание на географию бытования слова, способ приготовления отдельных видов каши, переносное употребление слова в свадебном обряде, русской народной примете погоды: *кашица в печи румянится – лѣтомъ к дождю, зимой к снѣгу – твер.* [Даль, II: 100]. В статье собрано 13 однокоренных слов, приводится около 50 пословиц и ряд устойчивых словосочетаний. Это ли не интеграция? Как известно, В.И. Даль был недоволен такой пестротой, как бы предвидя следующий этап развития лексикографии: углубленную дифференциацию, в основе которой – каждый лингвокультурологический и лингвистический признак.

В XX в. в России отмечается небывалый взлет лексикографии, появились

обобщенные классификации и типологии, наметившие ведущие тенденции развития этой области лингвистики ([Щерба 1977], [Денисов 1993], [Козырев и Черняк 2004] и др.). Выявлено 68 регистров лексикографического описания языковых единиц. Основные координаты в лексикографической типологии составляют углубление и пополнение системно-лингвистических аспектных словарей, интеграция информации в одном словаре смежных наук, в том числе обогащение содержания за счет лингвокультурологии, социолингвистики; адресный ориентир любого словаря (школьники, студенты, педагоги, специалисты).

С развитием языкознания сегодня русская лексикография отражает все ведущие аспекты изучения языка. Параллельно развиваются и более четко ранжируются как новые узконаправленные аспектные словари, так и интегрированные, отражающие, сверх традиционных аспектов этимологию, этнографию, лингвокультурологию. К первым, например, можно отнести «Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц» [Золотова 1988], два словаря идиостиля отдельной личности ([Тимофеев 1971], [Лютикова 2003]), словари и справочники по концептам и когнитологии ([Степанов 1997], [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996]). С обособлением крылатологии от фразеологии опубликованы также новые, в свою очередь, интегрированные словари крылатых слов ([Шулежкова 2003], [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000]). В последние включено описание экстралингвистической информации о единицах: их источник, происхождение, а подчас и точное авторство. К энциклопедическим словарям близки многотемные серийные издания толковых и диалектных словарей (БАС, СРНГ), «Словарь языка А.С. Пушкина», шеститомный «Русский семантический словарь» [Шведова 2003], «Новый объяснительный словарь синонимов» [Апресян 1997–2000], «Толковый словарь иноязычных слов» [Крысин 2000], «Толковый словарь русского языка» [Ожегов, Шведова 1998], исторические и этимологические словари: «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Этимологический словарь славянских языков» [Трубачев 1973–2005], «Историко-этимологический словарь» [Черных 1994]. Обширную интегрированную информацию содержат лингвистические энциклопедии: «Лингвистический энциклопедический словарь [Ярцева 1990], «Энциклопедия. Русский язык» [Филин 1997], «Энциклопедический словарь юного лингвиста» [Панов 2007], «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» [Кожина 2006]. Таким образом, расширение предметных рамок аспектных изданий касается как синхронных, так и исторических словарей. Диахроническая лексикография, помимо традиционного толкования слов и орфографии, включает устойчивые сочетания, цитирование с указанием конкретных памятников и хронологии. «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» содержит дополнительную информацию о частотности каждого слова и в большинстве случаев дает греческие параллели.

Интеграция информации о выделенных единицах в разного рода словарях весьма неоднотипна. Особенно трудно выстроить в один структурно-содержательный ряд энциклопедические словари, в которых лингвистика перемежается с лингвокультурологией. Наиболее четко лингвокультурология проявляется в диалектных и исторических словарях.

II. Толковые синхронные словари обычно развиваются за счет включения неологизмов и устранения угасающих архаизмов. Утрата последних не препятствует ведущей тенденции к дифференциации словарей. Потребности общества, еще не потерявшего интерес к классике, образовательные программы по литературе, включающие авторов XVIII–XX вв., не могут довольствоваться лишь скупыми пометами в толковых словарях: «архаизм», «устарело». К обширным современным толковым словарям составляются систематизированные пояснения ушедшей старины (своеобразные «геронтологические» словари-справочники), выделяющие устаревшие слова в особую сферу толкования. Их создание – это сигнал о том, что общество еще нуждается в толковании слов пассивного фонда, т.к. перестройка социально-государственного аппарата и властных структур, смена духовно-нравственных ценностей, деидеологизация, ограничение круга чтения привели к угасанию в сознании людей элементов языка и к сокращению частного лингвокультурологического поля. В конце XX и начале XXI в. появился ряд словарей устаревших слов ([Макаров, Матвеева 1993], [Рогожникова, Карская 1996, 2005], [Сомов 1996], [Глинкина 1998, 2008], [Морковкин, Морковкина 1997] и др.). В «Иллюстрированном словаре забытых и трудных слов» сделана попытка идеографической систематизации около семи тысяч слов в следующих понятийных сферах, отражающих культурологический фон текстов XIX в. [Глинкина 1998]:

1) конфессионализмы – обозначения богослужения, религиозных обрядов, церковной одежды, утвари, религиозного образования, церковной литературы, ранжирование по сану (*аналой, рака, паникадило*);

2) слова-бытовизмы, называвшие предметы помещичье-усадебного быта и крестьянского хозяйства – одежду, обувь, еду, ткани, средства передвижения (*дышло, бельведер, зипун, сусло, бандо, пудромант, пошевни, драндулет* и т.п.);

3) слова и устойчивые сочетания, отражающие социальную, административно-хозяйственную структуру общества и отдельных звеньев государственного механизма царской России (Табель о рангах, элементы суда, системы образования, армии, казны) – *коллежский советник, тайный советник, красненькая, серенькая и желтенькая* (ассигнация) и др.);

4) старые названия мер длины, объема (*аршин, штоф, пуд, фунт* и др.);

5) к серийным блокам относятся также мифологизмы и библеизмы, забвение которых обусловлено прежде всего заменой классического образования трудовым (*Веспер, Вакх, Дафна, Зефир* и др.);

6) терминология родства и свойства, утратившаяся с распадом патриархальной семьи (*деверь, шурин, свояченица, зять* и др.);

7) этикетные стереотипы в разных ситуациях общения, прежде всего в сфере обращения и приветствия (*болезный, сударь, милорд, мадемуазель* и др.).

В идеографической классификации этого материала можно выделить и многие другие «серийные блоки», скажем, терминологию картежников (*понтировать, пики, прометнуть, ва банк* и др.), названия танцев (*менуэт, англез, аттитюд, гросфатер* и др.).

Эти лексические потери в области русского словаря в XX в. огромны, но едва ли возможно их возвращение из пассивного словаря в активный. Актуализация устаревших единиц наблюдается лишь в редких случаях. Активная архаи-

зация широких пластов лексики чревата обеднением русского языка и нашей памяти. Она чрезвычайно усложнила восприятие русской классики, где все названные пласты свободно функционировали в составе живого языка. Осмысление процесса архаизации важно не только и не столько как документальный факт нашего этнического бытия и самосознания, но и как средство сохранения культурных традиций и духовной связи поколений. Сегодня, как никогда, молодой читатель нуждается в своеобразной самостоятельной интеграции в своем восприятии современной и устаревшей лексики, без которой несостоятельна историческая лингвокультурология, воссоединение с прошлым и устойчивый русский менталитет. Дополнением к типичному набору параметров (орфография, произношение, грамматические пометы, цитаты) является художественная иллюстрация (их в Словаре около 500). Словарная статья в ряде словарей заканчивается исторической справкой о происхождении слова. Напр., *дормез* – от фр. Dormouse – dormer – спать, *грассировать* – от фр., gresseger – картавить – grass – густой, жирный. Приложение с перечнем выделенных слов в каждом изучаемом в школе и вузе произведении позволяет учителю-словеснику и студенту-филологу целенаправленно работать со словарем.

III. Наиболее парадоксальной, на первый взгляд, кажется интеграция орфографии с культурологией, этимологией. Однако опыт учителей, их находки к отдельным словам и достаточно последовательная работа над орфографией с опорой на этимологию в вузе стимулировали создание «Словаря-справочника: Этимологические тайны русской орфографии» [Глинкина 2001, 2006], включающего около 6000 слов. В русской лексикографии пока это единственный тип комплексного орфографического словаря. Остановимся на нем подробнее. Он содержит не только информацию обычную для орфографического словаря (правописание, ударение, грамматические пометы), но и сведения историко-этимологического характера. Корпус словаря дополнен введением, в котором разъясняются задачи, принципы отбора и подачи слов, структура статьи, даны и три приложения:

а) перечень всех слов, анализируемых в словаре;

б) список непроверяемых слов для запоминания, который включает в основном иноязычные слова;

в) список русских слов, имеющих в корне полногласные или неполногласные сочетания, восходящие к праславянским сочетаниям типа *tort, *tert, *tolt, *telt, показательных во многих случаях для объяснения современного русского правописания.

Все слова с «немотивированными сегодня орфограммами», расположены в алфавитном порядке, рассмотрены «сквозь призму истории русского языка», с учетом путешествия корней и слов по разным языкам. Они не просто даются списком, как орфографическая норма, но сопровождаются историко-этимологическим комментарием и толкованием. Лексика словаря тематически разнообразна, достаточно частотна в устной речи и вызывает наибольшие затруднения на письме. Структура словарной статьи единообразна и определяется нетрадиционными задачами книги – «найти для правописания надежную опору в истории корневого гнезда». С этой целью к каждому заголовочному слову с трудной орфограммой на основании этимологических словарей русского и дру-

гих языков дан историко-этимологический комментарий: значение слова, его происхождение, время и источник заимствования или язык-посредник, первоначальный вариант корня, основы с первичным значением и с опознаваемой звуко-буквой в сильной позиции. В конце статьи предлагается славянская параллель слова (если она имеется) с выделением проверочной буквы-звука, причем широко привлекаются соотносительные данные польского, латинского, французского языков, в которых ударение в словах является постоянным и отсутствует редукция гласных. Напр.: **линолеум** – плотный полимерный рулонный материал, предназначенный для покрытия полов. Заимств. в XIX в. из фр. яз. Восходит к лат. Linum – *лён, полотно* + oleum – *масло*. Букв.: промасленное полотно [Глинкина 2006: 163]. **Обаяние** – притягательная сила, очарование. Собств. рус. Образовано от др.-рус. **баяти** – *колдовать, ворожить*. Диал. **Обаять** – *околдовать*. О – прист. ◊ Байка, басня, краснобай.

Так словарь помогает проникнуть в тайные глубины слова и его строения, обнаруживает те нити, которые орфографически объединяют трудное слово с другими словами в родном и чужих языках. Главное достоинство этой учебной книги в том, что она ориентирована на современное состояние общей культуры и учитывает острую потребность в интеграции знаний родного и иностранных языков.

Итак, многообразный непрерывный процесс дифференциации и интеграции информации в словарях разного назначения – это один из самых ярких традиционных путей развития современной лексикографии, ведущий в целом к созданию энциклопедизма в истории русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общей ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Яз. рус. культуры, 1997–2000. – Вып.1–2.

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. Ок. 4000 единиц. – М.: Рус. словари; Астрель; АСТ, 2000.

Большой толковый словарь русского языка. / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998.

Гак В.Г. От лингвистического словаря к энциклопедии языка // Проблемы русской лексикографии. Тез. докладов международной конф. Шестые Шмелевские чтения 24–26 февраля 2004. – М.: Изд. Ин-та рус. яз. РАН, 2004. – С.17

Глинкина Л.А. Иллюстрированный словарь забытых и трудных слов русского языка: ок. 3000 слов. – Оренбург: Оренбург. книж. изд-во, 1998; Изд. 2-е – ок. 7000 слов, более 500 иллюстраций. – М.: Мир энцикл. Аванта +, 2008.

Глинкина Л.А. Этимологические тайны русской орфографии. Словарь-справочник. Ок. 6000 слов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ: Астрель; Транзиткнига, 2008.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1998

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. 2-е изд. – М.: Наука, 1993.

Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1998.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография: пособие для вузов. – М.: Дрофа, 2004.

Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.Я. Демьянков, Ю.С. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Рус. яз., 2000.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000.

Макаров В.И., Матвеева Н.П. От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы. – М.: Подиум: Былина, 1993.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / РАН; Рос. фонд культуры, – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1998.

Панов М.В., Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Школьный словарь устаревших слов русского языка: по произведениям русских писателей XVIII – XX вв. – 2-е изд., стер. – М. : Дрофа, 2007.

Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированных по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой / Ин-т рус. яз. РАН: в 6 т. – М.: Азбуковник, 2002–2007. – Т. I–IV.

Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979.

Русский язык: энциклопедия. – 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энцикл.: Дрофа, 1997.

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. – М.: ВЛАДОС, 1996.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности: 2792 словарные единицы (2705 слов, 87 фраз) / под ред. М.А. Колмогорцева. – Шадринск: Свердловск.. пед. ин-та., 1971.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка.: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1994.

Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений. – М.: Азбуковник; Рус. словари, 2003.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974

Энциклопедический словарь юного филолога / сост. М.В. Панов / ред. Л.П. Крысин, Е.А. Земская. – М.: Флинта; Наука, 1991.

Этимологический словарь славянских языков / под ред. О.Н. Трубачева. Т. 1–32. – М.: Наука, 1974–2008 (изд. продолжается).

MARKERS DIFFERENTIATION AND INTEGRATION IN MODERN DICTIONARIES AS A WAY TO ENCYCLOPEDIC PRESENTATION OF LINGUISTIC KNOWLEDGE

L.A. Glinkina

In the context of pragmalinguistic traditions of Russian lexicography encyclopedic linguistic knowledge of a native tongue becomes more profound due to differentiation and integration of linguistic and contiguous objects under study.

From this viewpoint the author considers the illustrated dictionary of obsolete words supplied with historical reference, and the dictionary of words difficult to spell accompanied by etymological comments.

© 2009

Е.Н. Квашнина

СЛОВАРНАЯ ПОМЕТА – ОДНА ИЗ ГЛАВНЫХ МЕТАЯЗЫКОВЫХ КАТЕГОРИЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Основные плоскости, на которых, как правило, проявляется, фиксируется и изучается слово современным языкознанием, – это слово, текст и словарь. Потому усилия лингвистов прошлого и настоящего связаны с изучением слова в его речевом существовании как составляющей текста и с описанием слова как единицы языка, зафиксированной в словарях [Марчук 1992: 9].

Значимость словаря как лексикографического продукта трудно переоценить. Он чрезвычайно важен, так как непосредственно участвует в закреплении знаний о мире.

Целью лексикографического описания чаще всего является семантизация слов. Семантизировать слово – значит предоставить читателю или слушателю такую информацию об этом слове, обладая которой он мог бы правильно и идиоматично употреблять его в речи. Термин «информация» при этом в соответствии с теорией информации, понимается как снятая неопределенность. Главным требованием, предъявляемым к семантизации, следует считать ее адекватность. Необходимым условием адекватной семантизации является четкое представление о семантической структуре, или значении слова [Морковкин 1977: 7].

«Семантические системы словаря и грамматики» – это есть теория лексикографии. Лексикографы решают различные задачи, связанные с теорией лингвистического описания. Это форма представления языковых фактов, язык изложения этих фактов (специальный язык лингвистики, или метаязык описания), характер хранения и поиска заключенных в лингвистических описаниях данных о языке и т.д. [Денисов 1980: 212].

Таким образом, в лексикографии каждого языка формируется особый метаязык словаря – набор типичных формул при описании значений слов, различные объяснения, пометы, виды сокращений, условные знаки [ЛЭС 1990: 462]. Не последнюю роль в данном метаязыке играют лексикографические пометы. Кажущаяся простота этой метаязыковой категории обманчива: лексикографические пометы обладают невероятной значимостью и функциональной насыщенностью. Обозначим наиболее важные моменты, характеризующие данную категорию.

Первое место среди них занимают словарные пометы. С*ловарные пометы универсальны*, ибо выполняют несколько важных функций: 1) уточняют стилистический уровень слов (*прост., разг., поэтич., книжн.*); 2) определяют экспрессивную окраску (*шутл., вульг.*); 3) характеризуют употребительность (*редко, обычн.*); уточняют функционально-профессиональную сферу употребления (*спец., мед., воен.*); 4) определяют семантическую характеристику (*перен.*); 5) показывают отношение слова к ядру современного языка (*уст., неол.*) и другие [ЛЭС 1990: 463]. Некоторые пометы имеют двойственный статус (*обл., разг.,*

прост.), т.к. сужение сферы употребления часто имеет для судьбы слова именно стилистические последствия.

Как правило, наличие любой пометы – *свидетельство ограничения в употреблении* данной лексической единицы. Пометы ставятся при любой стилистически отмеченной единице: слове, варианте слова, фразеологизме и т.д. Ф.П. Филиным введено обобщающее понятие «стилистическая позиция» как выражение любого стилистически отмеченного элемента словаря (цит. по [Денисов 1980: 136]). При несомненной важности и сложности семантических отношений между словами ядерной и периферийной зон словарного состава языка эти отношения приобретают всю полноту культурно-исторической конкретности, национальной специфики и общего ассоциативного фона только при введении в эту сложную картину еще одной перспективы – стилистической [Там же].

Снабжение словарного материала пометами отвечает понятию *эффективности описания лексики.* Эффективность связана со стремлением к построению словарной статьи таким образом, чтобы в словаре активного типа прочтение приводило к правильному употреблению описываемого слова в речи, а в словаре пассивного типа давало возможность точного понимания слова в контексте на фоне всех его парадигматических, синтагматических, деривационных и иных свойств [Денисов 1980: 215]. Насущной потребностью в связи с этим является разработка «инвентаря помет», причем, инвентарь этот должен состоять из трех разрядов: пометы положения, пометы употребления и пометы семантического ограничения [Медникова 1988: 150]. Потому в центре внимания исследователей по-прежнему остаются вопросы функционально-стилистического расслоения лексики и приемы его отражения в нормативных словарях.

Разработка системы лексикографических помет, конечно же, предполагает *разработку самих категорий*, которые за ними стоят. К сожалению, нужно заметить, что теоретически ни содержание помет, ни их значимость не изучены достаточно. Это вызывает некоторую непоследовательность в описании лексики. В.А. Саляев пишет: «фактически неразличение понятий «просторечного» и «простонародного» выразилось в том, что разными пометами в Словаре Академии Российской (1789–1794, 1806–1822 гг.) сопровождались разряды слов, идентичных как в формально-грамматическом отношении (***простореч****.: мерзл-як, крад-у, хохл-ач, шир-яй;* ***простонар****.: бедн-як, вещ-ун, бород-ач, вихл-яй*), так и с точки зрения экспрессивной окрашенности и близости к литературной норме [Саляев 2000: 278]. При этом разное понимание авторами одной и той же пометы определялось объективными факторами: категория «просторечное» претерпела известную эволюцию. Она прошла путь от восприятия ее как сугубо не нормативной (XVIII–XIX вв.) до оценки ее современными исследователями с точки зрения стилистического подхода как находящейся на границе литературного языка [Саляев 2000: 285]. Использование словарных помет связано с возможностью и обратной ситуации. Ф.П. Филин писал, что в словарях лексика может быть представлена в стилистически уравненном виде, хотя на самом деле в ней имеются всякого рода стилистические различия и оттенки (цит. по [Березин 1981: 259]). В качестве доказательств этому можно привести много фактов. Напр., в словаре С.И. Ожегова без каких-либо помет даны

слова *дактилоскопия, дактиль, дамба, движенец, дворняга, дворняжка, дворецкий, дворня, двуполье, двуколка* [Ожегов 1989: 122–124]. При этом скажем, что слова *дактилоскопия, дактиль, дамба* являются терминами соответственно областей криминалистики, литературоведения, строительства гидросооружений, т.е. их вполне уместно было бы сопроводить пометой «спец.». Лексемы *движенец, дворняга, дворняжка* явно обладают коннотацией, что отмечено в других словах такой же модели. Слово *бедняга,* напр., (ср. *дворняга*) имеет в словаре помету «разг.», *приспособленец* (ср. *движенец*) «презр.», *бедняжка* (ср. *дворняжка*) содержит помету «ласк.». И, наконец, слова *дворецкий, дворня, двуполье, двуколка* являются вышедшими из активного употребления, что целесообразно было бы показать пометой «устар.».

Значимость помет как инструмента подчеркивается существованием так называемой *семиотической координаты словаря*, которая является очень важной в ряду других координат. К этой координате относится вся знаковая проблематика словаря, проблематика метаязыка, способов фиксации и презентации словарной информации [Денисов 1980: 211].

Весьма *актуальна задача дальнейшей разработки и обоснования дифференциальной системы стилистических помет.* По мнению специалистов, это связано с тем, что в современной речевой коммуникации, в текстах на темы внешней и внутренней политики, рыночной экономики, межнациональных отношений, научно-технического прогресса, экологии, культуры наблюдается активное и широкое использование заимствований, возврат к прежним «забытым» контекстам, употребление давних заимствований и расширение сферы использования специальных терминов. Немало слов при этом изменяет свои коннотации, экспрессивные свойства, сочетаемостные возможности и т.д. [Бельчиков, Солганик 1997]. В случае хорошей их разработанности лексикографические пометы – система, отвечающая необходимым потребностям языка.

Неосвоенной, пустой нишей в русской лексикографии представляется *область употребления.* Именно область употребления есть переход слова из системы языка в систему речи, при этом его проводниками служат пометы. Указания на дополнительные характеристики слова дают возможность использования его как совершенно конкретной стилистической единицы, имеющей добавочные стилистические, а также семантические значения. Толковые словари, как правило, обеспечивают лишь пассивное владение языком (понимание текстов), не отвечая на вопрос о том, как употребить то или иное слово в речи, как построить высказывание с толкуемым словом [Бельчиков, Солганик 1997]. Следовательно, от того, насколько точно описано слово, зависит, насколько точно оно может быть использовано адресатом словаря. И с этих позиций трудно переоценить значимость системы лексикографических помет.

Ценность помет определяется их активным участием *в сохранении знаний о мире.* Сохранение знаний осуществляется, в первую очередь, в семантических системах словаря и грамматики, а семантические системы словаря сложно представить без необходимой составляющей метаязыка лексикографии – системы лексикографических помет.

ЛИТЕРАТУРА

Бельчиков Ю.А., Солганик Г.Я. О лексикографических изданиях адресной направленности // Облик слова. сб. статей. памяти Д.Н. Шмелева / под ред. Л.П. Крысина. – М.: РАН, И-нт рус. яз. им. В.В. Виноградова 1997. – С.41–47.

История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия: для филол. спец. ун-тов / сост. Ф.М. Березин – М.: Высш. шк., 1981.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980.

Денисов П.Н. Полисемия и классификация лексики // Словарные категории: сб. статей / отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С.15–23.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Марчук Ю.Н. Основы терминографии: методич. пособие. – М.: ЦИИ МГУ, 1992.

Медникова Э.М. Адекватность лексикографических помет стилистическим характеристикам слова // Словарные категории: сб. статей / отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С.145–150.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд-во МГУ, 1977.

Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989.

Саляев В.А. Об эволюции просторечия как лексикографической категории // IV Житниковские чтения: актуальные проблемы лексикографирования научных исследований: материалы межвуз. науч. конф., Челябинск, 20–21 апр. 2000 г.: / под общ. ред. Е.Н. Квашниной: Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 2000. – Ч.II.

DICTIONARY NOTE AS ONE OF THE PRINCIPAL LEXICOGRAPHIC CATEGORIES

E.N. Kvashnina

A dictionary usage note is a unit of metalinguistic lexicography. The importance of usage notes is determined by their universal character. The notion of efficient vocabulary description is connected with the development of usage notes. It helps to transfer a word from language system into speech system. The key importance of a dictionary lies in the preservation of the knowledge about the world. Usage notes play an essential role nowadays.

© 2009

М.В. Дудорова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ
(на материале синонимических рядов, называющих части тела)*

Теория прототипов является одним из активно развивающихся направлений современной когнитивной семантики. Прототип обычно понимается как типичный, эталонный репрезентант категории. Современные толковые словари пытаются представить прототипическое значение, включая в словарные дефиниции такие кванторы, как «обычно», «как правило», «часто», «по общим представлениям» и др. Однако прототипическая информация дается в словарях несистемно, что связано с трудностями разграничения научного, наивного и лингвистического знаний.

Одним из направлений, активно разрабатываемых в настоящее время Уральской семантической школой под руководством проф. Л.Г. Бабенко, является исследование семантики тождества (синонимии) и представление результатов в виде «Большого толкового словаря русских синонимов: идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» [БТРС 2008] и «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» [СТСРР 2007]. Эти словари продолжают серию идеографических словарей, подготовленных и изданных коллективом межвузовской проблемной группы «Русский глагол», в них осуществлено распределение синонимов по смысловым группам разного уровня иерархии (сферам, классам, группам и подгруппам).

В «Большом толковом словаре русских синонимов: идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» впервые в качестве самостоятельной части словарной статьи выделяется зона прототипа (модель представления прототипического значения разработана Л.Г. Бабенко). «Прототип предполагает семантизацию всей совокупности семантических признаков, репрезентируемых компонентами синонимического ряда слов <...> Главное условие, которое должно неукоснительно соблюдаться, – это оптимизация прототипа синонимического ряда по параметрам, существенным для описываемой категории и отражающим регулярные аспекты лексического варьирования внутри ряда относительно его доминанты» [Бабенко 2008: XVIII–XIX].

Рассмотрим особенности представления протипического значения слов, входящих в сферу «Живое существо». В этой сфере большое количество синонимических рядов номинирует особенности строения тела живого существа. В данной статье рассматриваются синонимические ряды, входящие в следующие группы: «Голова живого существа и ее части»; «Внутренние и внешние части тела»; «Конечности живого существа и их части».

Существует общая модель описания прототипического значения для слов, входящих в эти группы. Обязательными в нем будут являться следующие ин-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 08-04-00145а.

формационные блоки: энциклопедическая информация, денотативная информация, лингвокультурологическая информация.

1. Энциклопедическая информация

В рассматриваемых группах в этом информационном блоке важной и обязательной является информация об анатомических особенностях строения части тела, что позволяет не только четко разграничить понятия о разных частях тела, но и описать особенности внешнего строения в четких терминах. Этот блок представляет следующую информацию*:

– местоположение части тела относительно целостного восприятия живого существа (***нижняя*** *(начинающаяся от щиколотки) часть ноги человека или конечности животного* – Стопа; ***боковая*** *часть ноги человека или часть задней конечности животного от таза до колена (от тазобедренного сустава до коленного)* – Бедро; ***верхняя*** *часть головы человека* – Темя);

– местоположение части тела относительно других частей тела (*часть тела человека и наземных позвоночных животных* ***между головой и туловищем*** – Шея; *полость* ***между верхней и нижней челюстями****, имеющая отверстие в* ***нижней части лица****, снаружи прикрытое* ***губами*** – Рот);

– особенности внешнего строения (*каждая из подвижных конечных частей руки или ноги человека <...>,* ***состоящая из двух или трех суставов (фаланг), оканчивающаяся ногтем с внешней стороны и подушечкой – с внутренней*** – Палец);

– особенности внутреннего строения (*часть опорно-двигательного аппарата,* ***состоящая из костей, хрящей, суставов и связок*** – Скелет; ***эластичное образование*** *из способной сокращаться* ***ткани*** – Мышца; *передняя часть туловища человека между грудной клеткой и тазом, в которой* ***расположены жизненно важные органы пищеварения (желудок, кишечник, печень), кровообращения (селезенка) и мочеполовой системы*** – Живот);

– функциональные особенности (*часть тела <...>,* ***обеспечивающая подвижность головы, ориентацию в пространстве, захватывание пищи, защиту, нападение*** – Шея; *парный* ***орган зрения*** *живого существа* – Глаза; *через нос человек* ***дышит*** *и* ***воспринимает запахи*** – Нос; ***служат для защиты*** *последних* ***от внешних повреждений, смачивания их слезной жидкостью (при моргании), удаления попадающих в глаз посторонних тел*** – Веки; *используется птицами для* ***добывания пищи из трудно доступных мест (из-под коры, земли, из воды), в целях защиты и нападения, при строительстве гнезд, кормлении птенцов*** – Клюв).

2. Денотативная информация

В рассматриваемых группах этот тип информации представлен характеристиками части тела, по которым выявляются индивидуальные особенности живого существа. Среди частотных характеристик выделяются **общие** признаки (применимые также к предметной лексике других групп):

– размер (существенный признак для всех внешних частей тела; *в зависимости от пола и возраста человека* ***величина*** *и* ***объем горсти*** *различаются* – Горсть);

*Далее приводятся фрагменты словарных статей из «Большого толкового словаря русских синонимов...» с указанием доминанты синонимического ряда; полужирным выделяются репрезентанты рассматриваемого типа информации.

– форма (***круглое/овальное/вытянутое*** – Лицо; ***прямой/курносый/приплюснутый/с горбинкой/заостренный*** – Нос; ***кривые/прямые*** – Палец);

– длина (напр., для рядов Клюв, Нос, Туловище, Шея, Стопа);

– ширина (напр., для рядов Лоб, Стопа).

К повторяющимся **специфическим** (для частей тела) характеристикам относятся:

– толщина/полнота (***худое/полное/жирное*** – Лицо; ***толстая/тонкая, полная/худая*** – Шея; ***степень пухлости (толстые, пухлые, впалые)*** – Щеки);

– цвет кожного покрова (***алые/розовые/бледные/синие*** – Губы; ***цвету кожного покрова*** *(румяные щеки – признак здоровья, бледные – болезни* – Щеки);

– осязательные характеристики (***качество кожи (гладкая/жесткая/шершавая/мягкая)*** – Ладонь; ***степень гладкости*** *покрывающей их* ***кожи*** – Щеки);

– степень гибкости (напр., для рядов Палец, Туловище);

– особенности устройства (***определенные пропорции*** *(разные у мужчин и женщин), у разных видов животных –* ***различный набор составных частей*** – Скелет; ***определенное строение и пропорции*** – Тело; ***определенную длину относительно длины ног (длинное/короткое)*** – Туловище).

Для отдельных частей тела выделяются **дополнительные** характеристики: степень заостренности (Клюв); высота (Лоб); наличие/отсутствие волосяного покрова (Щеки); расположение относительно плоскости тела (Грудь); степень упругости (Грудь); степень подтянутости (Живот); температура (Ладонь); степень развитости мышц (Туловище).

Особую зону денотативной информации составляют знания, полученные опытным путем и фиксирующие наивные представления; данная информация ранее не фиксировалась в словарях. Для рассматриваемых рядов это следующее:

– эстетическая оценка (существенный признак для всех внешних частей тела);

– зависимость внешнего вида части тела от внешней среды, физиологического состояния или образа жизни (*цвет кожного покрова (может быть* ***красным, когда человек замерзает или злоупотребляет алкоголем)*** – Нос; ***опухшие или покрасневшие веки – признак утомления, недосыпания или болезненного состояния*** *(обычно вызванного простудой, насморком)* – Веки);

– естественное изменение признаков части тела (*у мужчин* ***с возрастом*** *или в силу физиологических особенностей на ней* ***может появиться плешь*** – Темя; *молочные железы* ***начинают развиваться*** *у девушек* ***в период полового созревания*** *и к 16–18 годам полностью оформляются, а* ***с течением времени их кожа теряет упругость и они начинают обвисать*** – Грудь; *от состояния позвоночника, связок и мышц зависит* ***осанка*** *человека, которая* ***может нарушаться при его искривлении, постоянном неправильном положении тела*** *(плечи сгибаются вперед, спина выгибается, становясь круглой)* – Позвоночник);

– сознательное изменение частей тела, связанное с физическими упражнениями, использованием косметических средств или средств пластической хирургии (*чтобы сделать глаза более выразительными, женщины (а также часто артисты)* ***используют косметические средства****, наносимые на веки (тени, подводка, косметический карандаш) и ресницы (тушь)* – Глаза; *женщины* ***используют***

румяна *для придания щекам более свежего и молодого вида* – Щеки; *женщины иногда* ***прибегают к помощи пластических хирургов*** *(вставляют имплантанты из силикона или сходного материала)* – Грудь; *многие люди* ***занимаются фитнесом*** *(укреплением различных групп мышц и сжиганием окружающей их жировой ткани) или* ***бодибилдингом*** *(увеличением общей мышечной массы с помощью занятий на силовых тренажерах и путем употребления специальных белковых препаратов)* – Мышца);

– признак части тела, ее движения как идентификатор эмоционального состояния (*движения губ и прикосновения ими (поцелуй) выражают различное* ***настроение, эмоции, отношение к людям или событиям*** – Губы; *мимические изменения положения частей рта служат* ***для выражения положительных*** *(счастья, удивления и т.п.)* ***и отрицательных*** *(недовольства, раздражения и т.п.)* ***эмоций*** – Рот; *кожа на них краснеет или бледнеет, когда человек* ***испытывает определенные положительные*** *(волнение, радость и т. д.) или* ***отрицательные*** *(гнев, стыд и т.д.)* ***эмоции*** – Щеки);

– использование характеристики части тела в параметризации (*определенную длину* ***(от этого параметра зависит размер обуви, которую носит человек; обычно чем выше человек, тем длиннее стопа)****, ширину* ***(от нее зависит полнота обуви)****, объем* ***(от него зависит величина подъема обуви)*** – Стопа; *определенный объем (широкие/узкие), являющийся* ***одной из параметрических характеристик****, используемых при покупке и пошиве одежды* – Талия, Бедра);

– использование части тела при идентификации (*ученые по скелету* ***реконструируют внешний вид*** *человека или животного* – Скелет; *кожа на подушечках пальцев имеет индивидуальный рисунок, который может быть перенесен на бумагу* – ***отпечатки пальцев рук используются для идентификации*** *личности человека* – Палец).

3. Лингвокультурологическая информация в рассматриваемых группах связана со следующими параметрами:

– представление об эталоне/антиэталоне, эта информация вводится конструкцией «по общим представлениям» или «считается»* (*живот должен быть подтянутым и впалым, что говорит о здоровом образе жизни человека, а большой живот мужчины является знаком его пристрастия к пиву – Живот; она должна быть достаточно большого размера, высокая, круглая* – Грудь*; эта часть тела должна быть небольшой, подтянутой и округлой* – Зад; *мышцы человека должны находиться в тонусе, что является показателем здоровья и обеспечивает человеку привлекательный внешний вид* – Мышца*; у женщины она должна быть тонкой и узкой* – Талия; *у мужчины икроножная мышца должна быть объемной (увеличенной вследствие занятий спортом), у женщин голень должна по форме напоминать перевернутую бутылку (т.е. сужаться от колена к тонкой лодыжке)* – Голень);

– устойчивый ассоциативный фон (*воспринимается как* ***вместилище умственных способностей, символ ума*** – Голова; *традиционным для многих культур является* ***противопоставление тела и души*** *как временного и вечного, материального и нематериального; как правило, телу приписывается изначальная низость и греховность* – Тело; *традиционно протянутая рука с ладонью, сложенной в*

*Далее в примерах эти начальные компоненты опущены.

горсть, является ***символом нищенства****, т.к. этот жест характерен для просящих милостыню* – Горсть; *покрывающие ее индивидуальные линии в хиромантии* ***трактуются как линии судьбы*** *(т.е. показывающие прошлое и предсказывающие будущее)* – Ладонь).

Таким образом, для прототипа в сфере «живое существо» обязательными являются следующие компоненты: *энциклопедическая* информация, связанная с анатомическим строением части тела, *денотативная* информация, содержащая признаки части тела и фиксирующая наивные представления о ней, и *лингвокультурологическая* информация, представляющая признаки эталона и устойчивый ассоциативный фон.

ЛИТЕРАТУРА

БТРС: Большой толковый словарь русских синонимов: идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС; Книга, 2008.

СТСРР: Словарь – тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС; Книга, 2007.

Бабенко Л.Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС; Книга, 2008. (Фундаментальные словари). – С. XV–XXVII.

LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION OF PROTOTYPE MEANING
(BASED ON SYNONYMIC ROWS NAMING PARTS OF BODY)

M.V. Dudorova

The article deals with representation of prototype meaning in “Bolshoy Tolkovy Slovar...” (“The Big Explanatory Dictionary of Russian Synonyms: Ideographic Description, Antonyms, Phraseology”). The author offers a consequent account of three information blocks, gives properties recurrent within a group, and ways of their lexicographic representation.

© 2009

С.А. Песина

ПРОТОТИПИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ СТРУКТУРЫ СЛОВАРЯ

В процессе осмысления семантики многозначного слова обучающийся часто испытывает трудности, связанные с необходимостью запомнить многочисленные лексико-семантические варианты (ЛСВ) полисеманта.

Существующие толковые словари не проясняют ситуацию, поскольку только констатируют факт, что, хотя, например, существительное *cloak* и означает

‘атрибут одежды’, оно также имеет значения ‘плащ религии’, ‘плащ цинизма’ и др. При этом пользователю словаря, особенно не носителю языка, часто трудно проследить логику развития структуры того или иного многозначного слова, то есть установить то, какие компоненты легли в основу конкретного значения.

Помочь решению данной проблемы могли бы словари **лексических прототипов**, содержащие информацию о диапазоне актуализаций содержательного ядра слова. В подобных словарях в качестве содержательного ядра лексемы может быть принят **лексический прототип (ЛП)**, «отвечающий» за семантическую целостность полисеманта и являющийся результатом осмысления всех переносных значений многозначного слова.

Остановимся подробнее на сущности лексического прототипа, который отличается от когнитивного прототипа в духе Э. Рош. Так, согласно прототипическому подходу, при построении сложных языковых знаков (дискурса) говорящий опирается на известные ему наиболее общие способы его организации. Например, он знает (помнит) определенные алгоритмы появления комбинаций слов и средств связи между ними и использует их для обеспечения связности высказывания. Он также знает, что аналогичным или почти такими же знаниями обладает и его слушатель. При этом говорящий не «подгоняет» некие фиксированные («застывшие») значения, забираемые со «склада» памяти, с тем, чтобы они «совпали» с условиями ситуаций, а «выпускает» звуковые или графические формы знаков, соответствующие формам лексических прототипов, находящихся в его голове, с надеждой или уверенностью, что слушающий сможет восстановить задуманные им смыслы, исходя из ЛП, находящихся в его голове, и в соответствии с ситуациями.

Со своей стороны, при декодировании смыслов, привносимых словом, слушающий выводит прямые (расширенные или суженные и т.п.) и переносные значения, «прикладывая» ЛП этого слова к различным ситуациям. При этом он использует принципиально ту же схему вывода значений на базе ЛП, что и говорящий. В функционировании именно интерпретационного, а не механистического механизма («положили слово (значение) в склад памяти, забрали слово (значение) со склада») заключается действительно творческий характер речемыслительной деятельности, о котором говорят приверженцы разных направлений и школ [Архипов 1998, 2001].

Прототип, означающий ‘первоначальный’, является своего рода стереотипом в рамках обыденного мышления, облегчающим процесс мышления. Следует согласиться с высказанной В.Г. Гаком мыслью о том, что у членов языкового коллектива создаются стереотипные установки, определяющие единообразный способ членить действительность и фиксировать признаки в объектах. «Стереотипы облегчают процесс общения: человек не может самостоятельно перерабатывать все ситуации; в обыденной речи для идентификации достаточно указать на объекты в общем виде» [Гак 1977: 17].

При определении содержательного ядра слова необходимо учитывать его инвариантный характер, поскольку содержательное ядро должно быть основой формирования всех значений слова, оно также не должно переходить грань восприятия среднего носителя языка с тем, чтобы не утратилась цель его поис-

ка, ориентированная на среднего пользователя. В данной работе ЛП-инвариант является принадлежностью языка и понимается как **«абстрактная языковая сущность, включающая совокупность семантических компонентов, которые в одной из своих конфигураций лежат в основе всех или ряда ЛСВ, составляющих семантическую структуру слова в соответствии с интуицией среднего носителя языка»** [Песина 2005: 59].

В качестве иллюстрации данных положений целесообразно предложить анализ многозначного английского существительного ***branch*** 'ветка', относящегося к лексико-семантическому полю «Природные объекты».

Усредненное номинативно-непроизводное значение ***branch*** на основе данных 35 толковых словарей принимает следующий вид: ***branch*** (1) *«a part of a tree that grows out from the main trunk and has leaves, flowers or fruit on it»*. Данное определение, по нашему мнению, включает необходимые и достаточные компоненты для того, чтобы слово было опознано на уровне обыденного сознания.

В качестве ЛСВ, мотивированного номинативно-непроизводным (НН) значением, целесообразно привести фразеологическую единицу с компонентом ***branch***. Ее анализ осуществляется не на основе сравнения как традиционного приема толкования, а на основе возникновения ситуации «несоответствия» (incongruity). В задачу этой части анализа входит демонстрация того, что при создании общего смысла устойчивого словосочетания его элементы не меняют своего значения, а лежащая в основе семантики слова единая когнитивная структура не изменяет конфигурации своих семантических компонентов при функционировании в составе этого высказывания. Данный подход был предложен Д. Дэвидсоном и получил развитие в работах И.К. Архипова и С.А. Песиной ([Devidson 2000], [Архипов 2001], [Песина 2005]).

Когнитивный подход предполагает опору на образ, а также на третий смысл, то есть смысл речевого высказывания, выводимый говорящим в определенной коммуникативной ситуации или в пределах соответствующего контекста на основе НН значений входящих в выражение слов: **«hold out/offer an olive branch»** – «to do or say something in order to show that you want to end a disagreement with someone» (*He held out an olive branch to the opposition by releasing 42 political prisoners)*. Формирование общего смысла данной фразеологической единицы, как можно видеть из примера, происходит на основе двух ситуаций: в первой человек передает соперникам оливковую ветвь, вторая связана с ситуацией освобождения заключенных. В качестве единственно возможной интерпретации следует принять гипотезу о том, что оба высказывания претендуют на истинное осмысление, и поэтому можно говорить о реализации системных значений всех слов высказывания. Однако при осмыслении совокупной ситуации становится ясным заместительный (символьный) характер первого высказывания, как не соответствующий истинности – *He behaved **as if** he had held an olive branch to...* Реальное содержание этого высказывания может быть выведено на основе метонимии в том случае, если коммуникант обладает определенным культурным знанием: оливковая (масленичная) ветвь всегда воспринимается как символ мира. Если же такого знания нет, то первое высказывание оказывается немотивированным, а фактическое отсутствие факта передачи оливковой ветви сигнализирует о переносном (метафорическом) характере этого высказывания – *it is associated with*

calling a truce. Происходит изменение референции и воспринимающее сознание выводит переносное значение в рамках смысловой структуры всего высказывания ‘человек пытается примириться, делает мирное предложение’.

Далее предполагается анализ метафорических значений, когда номинационные процессы продолжаются в сфере сравнений. В метафорах отражается уподобление внешнему виду и функции ветки. В задачу этой части статьи входит показать, что выступает в качестве исходной базы при формировании и декодировании метафорических значений.

Так, в основе метафоры «an offshoot or a division of the main portion of a structure, especially that of a nerve, blood vessel, or lymphatic vessel» лежит сходство по внешнему виду ответвляющегося кровеносного сосуда или нерва с веткой дерева. Подобно ветке, являющейся боковой частью ствола, кровеносный сосуд – это боковое, неглавное ответвление центральной кровяной/нервной артерии. Этот ЛСВ основан на семантических компонентах *«part of a structure», «derives from the main portion», «smaller part»*. Метафора «a subdivision of a family of languages, such as the Germanic branch of Indo-European» основана на уподоблении по форме группы языков ветке дерева. Группа языков подобно ветке является меньшей частью, ответвлением от чего-то большего (языковой семьи). Семантика ***branch*** предполагает, следовательно, наличие сем ‘part of a structure’, ‘smaller’, ‘derives from the main part’, ‘related to other parts’.

Следующие две метафоры «a division of a business or other organization» и «a division of a family, categorized by descent from a particular ancestor» основаны на уподоблении ветке дерева таких абстрактных сущностей, как подразделение организации или расширение бизнеса, части семьи, происходящей от общего предка. Эти ЛСВ включают компоненты ‘part of a structure’, ‘related to other parts’, ‘derive from the main part’. Для последнего ЛСВ специфика НН значения позволяет выделить компонент ‘a younger part of something’, поскольку ветки вначале являются молодыми побегами.

В основе переосмысления «a divergent section of a river, especially near the mouth; a tributary of a river» лежит сходство по внешнему виду притока реки с веткой дерева. Приток реки в такой же степени, что и ветка является меньшим боковым ответвлением от основной большей части. Это ЛСВ включает компоненты ‘part of a structure’, ‘derives from the main portion’, ‘a smaller part of it’.

Анализ метафорических значений показывает, что можно отметить некую схематизацию представления об этих объектах и, соответственно, образов, лежащих в их основе. Фактически имеется определенная иерархическая пространственная конфигурация, которая заполняется исходя из конкретного значения. Наибольшая схематичность достигается в значении ‘something that resembles a branch of a tree, as in form or function’; ‘a limited part of a larger or more complex unit or system’. Данная метафора предполагает широкий круг референтов, и в ее основе лежит уподобление меньшей, более простой части сложного устройства или системы ветке дерева. Это дает основания для включения данных структур в формулировку ЛП, который имеет формулу НН значение + something like a branch: «a part of a tree that grows out from the main trunk and has leaves, flowers or fruit on it ***or something like a branch (a (small) part of a structure derived from the main portion/part, often related to other parts)»***. При составлении

толковых словарей подобные ЛП следует помещать вначале каждой словарной статьи многозначного слова.

Использование лексического прототипа открывает интересные перспективы в практике обучения иностранному языку. При обучении лексикону на базе ЛП студентам предъявляется ЛП и набор вероятных ситуаций актуализации ЛСВ. При этом задача обучения значительно упрощается: нужно лишь помочь учащемуся увидеть связь между содержанием ЛП и соответствующими коммуникативно-значимыми компонентами понятий, лежащими в основе всех отдельных актуальных значений. Таким образом, снимается часто весьма трудная задача вывести все значения от главного на основе известных механизмов сужения, расширения, метонимии, метафоры и т.п.

Кроме того, следуя логике современных исследований в области когнитивной лингвистики, данный подход продолжает тенденцию внимательного изучения «обыденного» сознания, под которым понимается не столько повседневное, сколько усредненное, массовое, утилитарное. В движении в этом направлении и была сделана попытка обозначить те минимально существенные единицы содержания, которыми действительно оперируют носители конкретного языка.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов И.К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики // Проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. – СПб.: Studia Linguistica, 1998. – С.5–22.

Архипов И.К. Человеческий фактор в языке. Уч.-метод. пособие (Материалы к спецкурсу). – Спб.: Studia Linguistica, 2000.

Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М.: Наука, 1977.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: моногр. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.

Devidson D. What metaphors mean // The Philosophy of Language. – NY. Oxford: Oxford University Press, 1990. – P.430–441.

PROTOTYPE APPROACH TO UNDERSTANDING DICTIONARY STRUCTURE

S.A. Pesina

Following the logic of modern research in the sphere of cognitive linguistics, the author of the article pursues a trend for close study of «ordinary» consciousness. The author puts forward her procedure of determining a polysemantic word sense nucleus that is called a «lexical prototype».

© 2009

Е.В. Огольцева

ПРИЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ ОБРАЗНО-КОМПАРАТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ
(на материале МАС)

Способы лексикографической интерпретации производных слов настолько разнообразны, подчас противоречивы, что с трудом поддаются какой бы то ни было типизации. Относительной цельностью характеризуются слова с компаративным значением – дериваты, выражающие своей словообразовательной структурой образное сравнение.

Предметом анализа в данной статье являются те толкования Малого академического словаря (МАС), в структуре которых прямо или косвенно отражается «компаративная сема». К сожалению, далеко не всегда внутренняя форма (ВФ) образного производного слова имеет адекватное лексикографическое воплощение. Тем большую ценность представляют случаи, когда факт сравнения в той или иной форме эксплицирован в словарном толковании. «Компаративные дефиниции» существенно различаются как способом экспликации отношений сравнения, так и степенью сложности, определяющейся в первую очередь степенью фразеологизированности образно-компаративной семантики, а также целым рядом частных факторов (часть речи деривата, семантика мотивирующего существительного, степень сложности форманта и его значения). По представленности логических компонентов компаративной конструкции могут быть выделены:

• Дефиниции, фиксирующие лишь факт отношений сравнения, без указания на признак, на основе которого оно осуществляется.

Этот тип толкований встречается главным образом у прилагательных: *попугайский* – ‘Такой, как у попугая’; *металлический* – ‘Такой, как из металла’; *тестообразный* ‘Похожий на тесто’; *зонтикообразный* – ‘Похожий на зонтик’; *хлопьевидный* ‘Похожий на хлопья’. Этот способ представления компаративного содержания, который мы условно будем называть «компаративной отсылкой», характерен для слов с аморфным основанием сравнения*, а также для тех случаев, когда это основание очевидно в силу частой употребительности, «востребованности» образа в процессе общения, но при этом с трудом поддается вербализации.

• Дефиниции, содержание указание на основание сравнения. Здесь возможны два случая.

а) Толкования, в структуре которых фиксируется и факт уподобления, и признак-основание компаративной структуры: *мертвенный* 1. ‘Такой, как у мертвеца; безжизненный’; *скотский* ‘Разг. Такой, как у скота’; ‘неопрятный, нечистоплотный’; *стоически* ‘Подобно стоику (во 2 знач.); мужественно,

*Случаи неопределенности основания сравнения иногда специально маркируются в структуре дефиниции посредством компонента «чем-то», «чем-либо»: *утиный* ‘Такой, как у утки, напоминающий чем-л. утку’. Утиный нос. Утиная походка.

стойко'; *школьничать* 'Вести себя так, как это свойственно школьнику, ребячиться'; *каменеть* 1. 'Становиться твердым как камень'. Подобные толкования отражают наиболее часто встречающийся тип семантической структуры компаративно-производного слова и являются идеальным лексикографическим представлением сравнительной семантики.

б) Толкования, в которых содержится только один компонент компаративной структуры – основание сравнения **С**. Этот способ лексикографического представления семантики образного сравнения, при котором эксплицируется лишь функционально (прагматически!) значимый компонент образного сравнения, а его компаративное деривационное ядро (отсылка к образу-существительному) остается «за кадром», весьма частотны в любом толковом словаре, и МАС в этом смысле не представляет исключения. Напр., в рамках модели с суффиксом -ск(ий) из 154 образно-компаративных значений около 50-ти определяется без «компаративной отсылки». То же можно наблюдать в дефинициях производных слов иных словообразовательных моделей: *петушиный* 2. 'Задиристый, запальчивый'; *лисить* Прост. 'Хитро льстить, угождать'; *обезьянничать* 'Разг. Слепо подражать кому-л., перенимать чью-л. манеру поведения, копировать кого-л.'; *лихачески* '*Безрассудно смело, пренебрегая опасностью*'; *рыбий* <...> 2. 'Перен. Бесстрастный, холодный'. Частотность подобных толкований убеждает в том, что лексикографическая практика ориентируется главным образом на денотативный аспект семантики; при этом не всегда учитывается такой важный фактор, как мотивированность значения производного слова.

• Дефиниции, содержащие указание на объект, подвергающийся сравнению (компонент **А** компаративной структуры). Такое указание обычно дается в круглых скобках в конце дефиниции: *франтовской* 'Имеющий нарядный вид, модный покрой (**об одежде, обуви**)'; *мочальный* <...> // 'Разг. Похожий на мочало (**о волосах**)'; *хрустальный* 2. <...> // 'Чистый, звонкий, как у хрусталя (**о звуках**)'; *орлиный* <...> 2. 'перен. Гордый, смелый, проницательный (**о взгляде, глазах**)'; *соболиный* 'Народно-поэт. Густой, темный и шелковистый (**о бровях**)'; *сучковатый* 2. 'Кривой, корявый, узловатый (**о пальцах**)'; *змеиться* 2. 'перен. Блуждать, скользить (**обычно об улыбке**)'.

При наличии в дефиниции сведений о предмете (круге предметов), которые могут быть охарактеризованы посредством данного образного значения, имеет место такое свойство последнего, как лексическая связанность. Однако в целом жесткое ограничение элемента ***А*** не является характерным признаком компаративно-производного слова, которому, в отличие от устойчивых сравнений, обычно присуща свобода, широта лексико-семантических связей. Поэтому дефиниции, содержащие указание на объект сравнения, относительно малочисленны.

Помимо типологии дефиниций по представленности в их структуре логических компонентов сравнения, возможна классификация словарных толкований в аспекте их структурно-семантической организации. Мы исходим из того, что производное слово с семантикой образного сравнения, как и любое другое нефразеологизированное или слабофразеологизированное производное слово-универбатив, может быть соотнесено с развернутым описанием-перифразой. Соотносительность «компаративно-производное слово – синонимичное ему описа-

тельное выражение» представляет собой яркое проявление взаимодействия синтетических и аналитических форм одних и тех же номинаций, которое исследовалось в связи с проблемой взаимодействия словообразования с другими языковыми уровнями, прежде всего с синтаксисом ([Гинзбург 1979], [Кубрякова 1990], [Сахарный 1974]), в связи с анализом ВФ производных слов в сопоставлении с понятием мотивации ([Волоцкая 1972], [Ермакова, Земская 1985]), а также в работах, посвященных принципам лексикографического описания дериватов [Денисов 1980; 1984].

Для упрощения процедуры анализа наиболее часто встречающихся типов словарной экспликации сравнительного значения введем понятие «компаративная формула».

Компаративная формула (КФ) – более или менее регулярно повторяющийся тип «семантического развертывания» компаративного значения, эксплицируемый в лексикографических толкованиях. Компонентами компаративной формулы являются: способ языкового выражения отношений образного сравнения; форма воплощения элемента ***В*** – центрального компонента компаративной структуры; регулярно повторяющиеся «семантические наращения», осложняющие компаративную семантику.

Как уже было показано, в МАС немногочисленные сравнительно-уподобительные наречия на *-ски*, так же, как и слова на *-о*, формально производные от имен прилагательных, толкуются в основном отсылочно и не дают никаких сведений о «внутреннем синтаксисе» соответствующих компаративных единиц. Представленные ниже наблюдения касаются внутренней семантической структуры прилагательных и глаголов – частей речи, в определенном смысле контрастных по способам языкового представления образной семантики. Перечислим основные адъективные модификации образно-компаративного содержания.

1) **«Такой, как то (тот), что (кто) назван(-о) производящей основой»**: *миндальный* 2. ‘Розовый, такой, как цветки миндаля’; *небесный* <...> 4. ‘Разг. устар. Ярко-голубой, как небо’; *меловой* 2. ‘Белый, как мел’.

2) **«Похожий чем-л. на то (того), что(кто) назван(-о) производящей основой»**: *анекдотический* <...> 2. ‘Похожий на анекдот; маловероятный, небывалый’; *телеграфный* 3. ‘Перен. Чрезвычайно краткий, похожий на сообщение, переданное по телеграфу (о речи, слоге)’; *пепельный* <...> 2. ‘Сероватый, похожий цветом на пепел’; *муаровый* <...> // ‘С отливом, переливчатый, похожий на муар’; *мужиковатый* ‘Разг. Наружностью, манерами похожий на мужика (в 1 знач.), грубоватый, простоватый’.

3) **«Подобный тому, что (кто) назван(-о) производящей основой»**: *волосной* ‘Очень тонкий, подобный волосу’; *ураганный* 2. ‘Перен. Очень сильный, подобный урагану по своей силе’; *скотоподобный* ‘Книжн. Уподобившийся скоту; с грубыми, низменными инстинктами’.

4) **«Напоминающий чем-л. то, что названо производящей основой»:** *могильный* ‘Такой, как в могиле; напоминающий чем-л могилу’; *жемчужный* <...> // ‘Перен. Напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком’; *игрушечный* <...> ‘Напоминающий видом игрушку’.

Формулы, использующиеся в толкованиях глаголов, существенно отличаются от КФ прилагательных. Поскольку значения глаголов более фразеологи-

зированы, их внутренняя форма с ее образным компонентом во многих случаях оказывается затемненной, так что ее экспликация оказывается либо искусственной, либо невозможной. Преобладание метафоры над сравнением в сфере образной лексики влечет за собой низкий процент дефиниций – КФ и меньшее их разнообразие, по сравнению с прилагательным:

- **«Вести себя, поступать как тот (подобно тому), кто назван производящей основой»; «вести себя по- ... ски».** Эта формула используется в толкованиях глаголов с суффиксами *-нича(ть), -ствова(ть), -и/(ть)/ся*, мотивированных одушевленными существительными; *фиглярствовать* ‘Вести себя как фигляр (во 2 знач.); кривляться, паясничать’; *хищничать* 2. ‘Вести себя как хищник (во 2 знач.)’.
- **«Стать / становиться (сделать / сделаться) похожим на того(то), кто (что) назван(-о) производящей основой».** КФ используется в толкованиях глаголов модели *«о- ... + сущ. + -ить(ся)»,* мотивированных одушевленными существительными, а также в толкованиях глаголов с суффиксом *-е(ть),* мотивированных наименованиями веществ; *ополячиться* ‘Стать похожим на поляка по языку, обычаям, жизненному укладу’; *засеребрить* ‘Сделать похожим на серебро по цвету, придать блеск серебра’; *каменеть* 1 ‘Становиться твердым как камень’.
- **«Проявлять свойства, подобные свойствам того, что названо производящей основой»**: *пружинить* ‘Быть упругим и гибким, прогибаться и распрямляться подобно пружине’; *парусить* ‘Надуваться от ветра, как парус’; *холмиться* ‘Вздыматься холмами, возвышаться подобно холмам’; *крючиться* <...> ‘Разг. Сгибаться крючком, съеживаться’. Эта КФ отмечена в толкованиях глаголов на *-и(ть)* и *-и(ть)/ся*, мотивированных главным образом наименованиями конкретных предметов.

Мы отметили здесь лишь основные компаративные формулы. Особый интерес представляют иные, не столь регулярные способы толкования компаративного значения. Их многочисленность и многообразие убедительно свидетельствует о том, что далеко не все участки образной производной лексики «системно организованы» – в ней многое асистемно, непредсказуемо и подчас не укладывается в готовые схемы.

Обобщая сказанное, отметим, что анализ регулярных, типичных КФ дает возможность упорядочить те явления образной семантики, которые определяются факторами словообразовательной системы (значение аффикса, принадлежность производящей основы к тому или иному семантическому полю).

Нерегулярные КФ представляют ценный опыт лексикографической подачи асистемных фактов образной семантики. Они особенно убедительно демонстрируют назревшую необходимость теоретического описания механизма преобразования деривационного значения в лексическое в сфере образной производной лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Волоцкая З.М. Некоторые наблюдения над структурой толкования мотивированных слов // Сов. Славяноведение. – 1976. – № 6. – С.77–79.

Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, 1979.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980.

Денисов П.Н. Место и роль самых многозначных слов в лексической системе языка // Слово в грамматике и словаре. – М.: Наука, 1984.

Ермакова О.П., Земская Е.А. Сопоставительное изучение словообразования и внутренняя форма слова // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., – М.: Наука, 1985. – Т. 44. – № 6. – С.518–525, 1990. – С.118–123.

Сахарный Л.В. Словообразование как синтаксический процесс // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1974.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. – М: Рус. яз., 1981–1984.

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF FIGURATIVE-COMPARATIVE MEANINGS

E.V. Ogoltseva

The article contains the analysis of dictionary definitions of derivatives with the meaning of figurative comparisons. The analysis procedure employs the notion of the comparative formula implying a recurrent type of semantic expansion of the comparative construction, which is made explicit in lexicographic interpretation.

© 2009

Т.М. Воронина

«НАСМЕШКА» И «ШУТКА» В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ
(на материале словарей синонимов)*

Различные типы речевых действий, их признаки и особенности, способы номинации привлекают внимание современных исследователей (см., напр., сб. «Логический анализ языка. Язык речевых действий», словарные статьи «Нового объяснительного словаря синонимов» и др.). Актуальны, в частности, исследования тех характеристик языковых единиц, которые связаны с языковой личностью, с говорящим, с выражением его отношения к сообщаемому, с выражением в семантике различных аспектов коммуникативной ситуации и т.д.

Объектом нашего рассмотрения стали синонимические ряды, называющие речевые действия насмешки и шутки. Эти речевые действия, как и сфера речевой деятельности вообще, широко представлены синонимическими средствами языка, что, конечно, отмечают словари синонимов. Л.Г. Бабенко справедливо отмечает, что «сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта – это показатель существенности, выде-

*Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 08-04-00145а.

ленности, выдвижения данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов» [Бабенко 2005: 17].

В синонимических словарях рассматриваемые речевые действия получают различное представление. Это обусловлено типом словаря, степенью детализации информации в нем, осмыслением границ явления синонимии; а кроме того, комплексным характером самих обозначаемых речевых действий и, соответственно, семантической сложностью слов, входящих в синонимические ряды. Сложность их заключается в полипропозитивности семантики. Так, *насмехаться, шутить* и т.п. – это и речевая деятельность, и проявление эмоций, *издеваться* и т.п. – это и речевое действие, и неречевое действие (поведение), и проявление качества (жестокости). Так, в Словаре-тезаурусе синонимов русской речи синонимические ряды с доминантами *насмехаться, шутить, уязвлять* представлены в сферах «Эмоции» (группа «Смех, ирония, язвительность как проявление эмоций») и «Речь» (группа «Речевое воздействие») [Словарь-тезаурус 2007]. Наличие в семантике данных слов эмотивного компонента само по себе осложняет их лексикографическое представление, поскольку проявления эмоций часто трудно четко дифференцировать на уровне ощущений, и тем более трудно различить на уровне словарного толкования: напр., *иронизировать, зубоскалить, прикалываться* – это выражение положительного отношения или отрицательного? и т.д. Сложность описания данных синонимических рядов, начиная с группировки семантически близких слов в различные ряды и заканчивая формулировкой сходств и различий между словами в составе каждого ряда, задается еще и тем, что по составу семантических компонентов слова с семантикой насмешки/шутки в значительной степени близки: семы ‘говорить/сказать что-либо’, ‘о ком-, чем-либо’, ‘так, чтобы представить его в смешном виде’, ‘считая объект несерьезным, не заслуживающим внимания, возможно, глупым, нелепым и т.п.’ входят в значения практически всех рассматриваемых слов (приведем их сокращенный список: высмеивать/высмеять, *разг.* ехидничать/съехидничать, задевать/задеть, *разг.* засмеивать/засмеять, *разг.* зубоскалить, издеваться, иронизировать, колоть и укалывать/уколоть и кольнуть, насмехаться, *сов.* насмеяться, *разг.-сниж., сов.* оборжать, осмеивать/осмеять, *разг.* подкалывать/подколоть, подшучивать/подшутить, *жарг.* прикалываться/приколоться, смеяться, *жарг.* стебаться, *разг.-сниж., сов.* уедать/уесть, уязвлять/уязвить, шутить, язвить/съязвить).

Отмеченные сложности проявляются в том, что словари синонимов группируют данные слова по-разному. Так, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой в синонимический ряд с доминантой *шутить* включены слова, называющие и речевые, и неречевые действия (поведение): *шутить, балагурить, шутковать, буффонить, гаерничать, гаерствовать*; остальные слова рассматриваемой группы включены в три ряда с доминантами *насмехаться, издеваться* и *иронизировать* (отметим, что они снабжены отсылками друг к другу: см. также...), причем глаголы *ехидничать* и *ехидствовать* включены в синонимический ряд с доминантой *иронизировать*, тогда как близкородственное прилагательное *ехидный* входит в ряд с доминантой *насмешливый*, а в ряду с доминантой *иронический* всего одно слово – *ироничный* [Александрова 2003]. Приблизительно такое же распределение слов по синонимическим рядам (правда,

состав самой группы расширен: включены, напр., жаргонные слова) представлено в «Большом синонимическом словаре русского языка» А.Ю. Кожевникова [Кожевников: 2003]. Данные словари относятся к списочному типу, объяснительная часть в них отсутствует, прояснение сходства и различий между синонимическими рядами и словами в составе каждого ряда не является задачей авторов.

В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [Словарь синонимов 1970–1971] приведены смысловые оттенки, которые различают близкие синонимические ряды. Так, в отдельный ряд выделены глаголы *издеваться, глумиться, измываться* ‘обращаться с кем-л. крайне оскорбительно, подвергая всевозможным унижениям, причиняя физические страдания’, т.е. называющие неречевые действия; глаголы *издеваться, глумиться* в «речевом» значении включены в синонимический ряд с доминантой *насмехаться*. Правда, представляется неясным, почему глагол *измываться* исключен из этого ряда, ведь он также может обозначать речевое действие, ср., напр., следующие контексты: *И уж как он надо мной не измывался, чего не говорил – рот не откроется, чтобы все сказать* (Ф. Абрамов); *Иными словами, автор на протяжении всей своей книги всласть измывается над личностью одного из чистейших, доблестнейших сынов либеральной России...* (В. Набоков). По разным синонимическим рядам разведены следующие глаголы: *насмехаться, смеяться, издеваться, глумиться, потешаться, насмешничать, надсмехаться* – с одной стороны, и *осмеять* и *обсмеять, высмеять, просмеять, засмеять* – с другой стороны. При этом смысловые различия между ними, как представляется, прояснены недостаточно. Ср. формулировки семантики ряда с доминантой *насмехаться:* ‘делать кого-, что-л. предметом насмешек, обидных, оскорбительных замечаний, острот и т.п.’ и ряда с доминантой *осмеять*: ‘представить кого-, что-л. в смешном виде, подвергнуть осмеянию, насмешкам’.

Наиболее подробно освещены семантические соотношения между словами рассматриваемой группы в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна. В данном словаре представлены следующие синонимические ряды: 1) *высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять;* 2) *насмехаться, смеяться, потешаться, шутить, насмешничать;* 3) *подшучивать, подтрунивать;* 4) *издеваться, измываться, глумиться;* 5) *посмеяться, насмеяться*. Эти ряды противопоставлены по целому ряду признаков: цель субъекта речи, объект насмешки, возможность/невозможность обозначать также неречевое действие, оценка речевого акта со стороны говорящего и др. Внимание авторов словаря к тонким смысловым различиям объясняется тем, что в нем, как известно, последовательно проводится разграничение между синонимией и квазисинонимией [Новый объяснительный словарь 2004].

Описание русских синонимов в когнитивном освещении является одним из направлений, разрабатываемых в настоящее время межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л.Г. Бабенко. Практическим воплощением этой работы стали «Словарь-тезаурус синонимов русской речи» (М., 2007) и «Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» (в печати). Они продолжают серию идеографических словарей, созданных этим коллективом; в них дает-

ся представление о системной организации русских синонимов, что открывает возможности использования полученных данных в сфере фундаментальных исследований русской синонимии и, шире, – семантики.

В рамках названных проектов, с опорой на данные существующих словарей и в соответствии концепцией семантического словаря русских синонимов и основными принципами идеографического описания синонимов, разработанными проф. Л.Г. Бабенко, выполнено, в частности, описание рассматриваемых слов. Они сгруппированы нами в три синонимических ряда, которые входят в состав денотативной сферы «Речь» (группа «Речевое воздействие»):

1. Насмехаться, высмеивать/высмеять, глумиться, издеваться, *сов.* насмеяться, осмеивать/осмеять, *сов.* посмеяться, смеяться, язвить/съязвить, *разг.* ехидничать/съехидничать, *разг.* ехидствовать, *разг.* ерничать, *разг.* засмеивать/засмеять, *разг.* зубоскалить, *разг.* измываться, *разг.* куражиться, *разг.* насмешничать, *разг.* просмеивать/просмеять, *разг.-сниж.* изгаляться, *разг.-сниж.* надсмехаться, *разг.-сниж., сов.* надсмеяться, *разг.-сниж., сов.* оборжать, *разг.-сниж.* обсмеивать/обсмеять, *жарг.* стебать/застебать, *жарг.* стебаться.

2. Уязвлять/уязвить, жалить, задевать/задеть, колоть и укалывать/уколоть и кольнуть, *разг.* поддевать/поддеть, *разг.* подкалывать/подколоть, *разг.* подковыривать/подковырнуть, *разг.* подкусывать/подкусить, *разг.* подцеплять/подцепить, *разг.-сниж.* уедать/уесть.

3. Шутить, иронизировать, подсмеиваться/подсмеяться, подтрунивать/подтрунить, подшучивать/подшутить, смеяться, *разг.* вышучивать/вышутить, *разг.* зубоскалить, *разг.* потешаться, *жарг.* прикалываться/приколоться, *жарг.* стебаться.

Учет сходств и различий описываемых единиц позволяет уточнить приводимые в словарях толкования и следующим образом сформулировать семантическую идею и прототип – см. обоснование данных понятий в [Бабенко 2005] – для каждого из синонимических рядов. Приведем в качестве иллюстрации формулировки прототипической семантики для данных рядов.

Насмехаться: говорить/сказать (возможно непрямо, намеками, завуалированно) что-либо о ком-, чем-либо так, чтобы представить его в смешном, жалком виде, выражая свое неодобрительное отношение к объекту речи, считая его неразумным, глупым, нелепым, несерьезным, недостойным внимания, признания, заслуживающим порицания, часто испытывая чувство превосходства; делать/сделать кого-, что-либо предметом обидных, оскорбительных замечаний, острот. Объектом обычно является человек и его свойства, поведение, а также то, что важно для адресата речи, дорого ему. Степень воздействия может варьироваться – от легкой насмешки до злобного, циничного оскорбления, унижения; в последнем случае подобные речевые действия оцениваются окружающими как аморальные.

Уязвлять: произносить/произнести насмешливое, меткое, злое замечание, короткую фразу в адрес собеседника или по поводу того, что для него важно, дорого и т.п., возможно, воспользовавшись обмолвкой, ошибкой собеседника или его неловким положением; делать это с целью вызвать досаду, раздражение, причинить кому-либо обиду, показать, что у него мало поводов для гордости, высокой самооценки (возможно, несправедливо), продемонстрировать

свое превосходство, спровоцировать конфликт и т.п. Речевое воздействие может поддерживаться самим тоном речи, характером общения; степень воздействия может варьироваться от легкой иронии до оскорбления. Такие замечания часто ассоциируются с прикосновением, физическим воздействием, вызывающим неприятное ощущение, боль.

Шутить: говорить/сказать что-либо о ком-, чем-либо так, чтобы представить объект в смешном виде, обычно делая это весело, ради забавы, без явной злобы и враждебности, иногда непрямо, намеками, завуалированно, скрывая насмешку или досаду, или испытывая чувство превосходства. Объектом обычно является человек и его свойства, поведение, а также то, что важно для адресата речи, при этом говорящий считает объект несерьезным, не заслуживающим внимания, возможно, глупым, нелепым и т.п. Целью говорящего, кроме того чтобы вызвать смех по поводу объекта, может быть также желание развлечь себя и окружающих, произвести впечатление на кого-либо.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 2003.

Бабенко Л.Г. Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всерос. науч. конф., 14–16 апр. 2005, Екатеринбург, Россия / под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2005. – С. 12–17.

Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка. – СПб.: Издат. дом «Нева», 2003.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – Москва; Вена: Яз. слав. культуры; Вен. славистич. альманах, 2004.

Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 2 т. – Л.: Наука, 1970–1971.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007.

"JEST" AND "JIBE" IN LEXICOGRAPHIC REPRESENTATION (BASED ON SYNONYMIC DICTIONARIES)

T.M. Voronina

The article considers synonymic groups naming speech acts of jest and jibe, bringing out ways of their representation in synonymic dictionaries, and causes for the complexity of their dictionary presentation. The author puts forward her version of their description accomplished within the framework of the ideographic dictionary of synonyms.

© 2009

Е.Н. Егорова

ДЕВЕРБАТИВЫ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В лексикографической практике существует традиция описания лексических значений производных слов через значение исходного слова. Этот принцип соблюдается и при описании девербативов. Наблюдения за современной словарной статьей, посвященной отглагольным дериватам со значением действия, показали сосуществование глагольных и именных значений. Это объясняется тем, что девербативы, будучи отглагольными образованиями, оформляясь как имена существительные, совмещают процессуальную и субстантивную семантику, однако степень их проявления различна.

Рассмотрим таблицу, которая показывает на примере некоторых отглагольных дериватов степень отражения в лексикографической литературе семантического объема отглагольных образований со значением отвлеченного действия (количество значений, обозначенных в квадратных скобках, свидетельствует о предметном характере, в круглых скобках – о процессуальном).

Таблица 1.

Слово	*КСРЯ*	*СТСРЯ*	*МАС*
Завоевание	*3 [1] (2)*	*3 [2] (1)*	*3 [2] (1)*
Взрыв	*2 [1] (1)*	*3 [3] (–)*	*4 [4] (–)*
Командировка	*2 [1] (1)*	*–*	*4 [3] (1)*
Гонка	*2 [2] (–)*	*3 [2] (1)*	*4 [3] (1)*
Размещение	*1 [–] (1)*	*–*	*2 [1] (1)*
Исследование	*3 [1] (2)*	*2 [1] (1)*	*2 [1] (1)*
Надстройка	*2 [1] (1)*	*2 [1] (1)*	*3 [2] (1)*
Обвинение	*2 [–] (2)*	*3 [2] (1)*	*3 [2] (1)*
Основание	*3 [2] (1)*	*7 [6] (1)*	*7 [6] (1)*
Ощущение	*2 [–] (2)*	*3 [2] (1)*	*3 [2] (1)*
Перевоз	*–*	*3 [2] (1)*	*1 [–] (1)*
Съезд	*–*	*3 [2] (1)*	*4 [2] (2)*
Учет	*2 [–] (2)*	*3 [2] (1)*	*3 [2] (1)*
Формирование	*2 [0] (2)*	*2 [1] (1)*	*2 [1] (1)*

Приведенные цифровые данные отражают различие подходов к описанию отглагольных производных в толковых словарях: в одних случаях количество предметных значений возрастает от 1 до 6 (*основание, взрыв, командировка*), в других количество процессуальных значений колеблется от 1 до 2 (*съезд, формирование*).

Можно отметить, вслед за Х.Н. Абдуллаевым [Абдуллаев 1987: 4], что: а) девербативы сочетают в своих значениях субстантивный (омонимичные отглагольные имена существительные) и глагольный компоненты; б) каждое отглагольное образование характеризуется определенной (большей или меньшей) степенью проявления того или иного семантического компонента – либо субстантивного, либо глагольного; в) во всех случаях функционирования слова со-

храняется совмещение значений процессуальности и предметности (грамматической).

На наш взгляд, совмещение в одной языковой единице нескольких значений указывает на ее синкретичный характер, следовательно, мы можем говорить о существовании разных слов – девербативов и отглагольных имен существительных со значением отвлеченного действия. Если перед нами девербатив как особая форма глагола («субстантивная мимикрическая форма глагола» [Руделев 1979: 12]), то слово следует описывать как форму глагола, т.е. характеризовать его в статье, посвященной глаголу, если же отглагольное именное образование, то значения должны толковаться в отдельной статье как имя существительное.

Следовательно, в словарь должна включаться самостоятельная статья, описывающая отглагольное образование как имя существительное, содержащая указание на существование особой формы глагола – девербатива как компонента толкования в статье, рассматривающей мотивирующий производящий глагол.

На первый взгляд кажется, что при описании отглагольных образований со значением отвлеченного действия в толковых словарях нет никаких противоречий. Однако различия в представлении значений присутствуют. Они обусловлены лексико-грамматической принадлежностью производящих основ (слов), их словообразовательной структурой (наличием в составе производящей основы определенных формантов и т.д.).

Изучение современных словарных статей позволило нам выявить различные виды толкований отглагольных дериватов со значением отвлеченного действия. Так, вслед за А.Л. Безруковой [Безрукова 1990: 8–9] и Л.В. Шапошниковой [Шапошникова 1988: 11], наиболее распространенным видом описания значений девербативов мы считаем морфосемантические определения типа «действие, состояние по значению глагола...», а также «к значению глагола...». Напр.: *Прибытие (прибыть):* КСРЯ – *1. ‘К 1 знач. прибыть’: быстрое прибытие в штаб солдата; ‘Ко 2 знач. прибыть’: своевременное прибытие поезда* [КСРЯ 2001: 771]; СТСРЯ – *‘К 1 знач. прибыть’* [СТСРЯ 2004: 606]; МАС – ‘*Действие по глаг. прибыть (в 1 знач.)’: прибытие поезда, прибытие делегации* [МАС, 3: 392].

Рассмотрим встречающиеся а словарях модели описания девербативов.

1. Типовая модель «действие, состояние по значению глагола...»; напр., варка – ‘действие по знач. глаг. варить’; вычисление – ‘действие по знач. глаг. вычислить – вычислять’; дрессировка – ‘действие по знач. глаг. дрессировать’; загадывание – ‘действие по значению глагола загадывать’; использование – ‘действие по значению глагола использовать’; мщение – 1. ‘действие по значению глагола мстить’; отрицание – 1. ‘Действие по знач. глаг. отрицать’; платеж – ‘действие по знач. глаг. платить’; сравнение – 1. ‘Действие по знач. глаг. сравнить’; удостоверение – 1. ‘действие по знач. глаг. удостоверять’ и т.д.

Эта модель толкования позволяет продемонстрировать словообразовательные связи имени и глагола, определить семантическую емкость производного слова путем сопоставления его с семантической структурой производящего глагола. При этом отсутствуют вторичные лексические значения (т.н. лексические приращения), которые позволяют определить данные слова как результат формального образования.

2. Модель «к значению глагола ...»; напр., заготовление – ‘К заготовить (заготовлять и заготавливать)’; изложение – 1. ‘ед. к изложить’; мечта – 1. ‘К мечтать’; нажим – 1. ‘только ед. к нажать’; обман – ‘К обмануть’; питание – 1. ‘К питаться’; размышление – 1. ‘К размышлять’; снабжение – 1. ‘К знач. снабдить’; угощение – 1. ‘только ед. к угостить’ и т.д. Функция этой модели аналогична предыдущей модели.

Отметим, что обе модели дополняются в случае многозначности мотивирующего глагола указанием на те его значения, которые передаются производным словом. Напр., вторжение – 1. ‘К 1 знач. глаг. вторгнуться’; 2. ‘Ко 2 знач. глаг. вторгнуться’; обвинение – 1. ‘К 1 знач. обвинить (обвинять)’; 2. ‘Ко 2 знач. обвинить (обвинять)’; переработка –1. ‘К 1 знач. переработать’; 2. ‘Ко 2 знач. переработать’; разорение[1] и разорение[2] – 1. ‘К 1 знач. разорить и разориться’; 2. ‘Ко 2 знач. разорить и разориться’; сравнение – 1. ‘К 1 знач. сравнить’; 2. ‘Ко 2 знач. сравнить’ и т.д.

Однако у этих моделей имеются следующие недостатки:

а) в словообразовательных определениях не всегда указывается конкретное значение мотивирующего (многозначного) глагола. Напр., *надстройка (надстроить – двузначный глагол) – 1. ‘Действие по знач. глаг. надстроить – надстраивать’: надстройка жилых домов, надстройка новых этажей* [МАС, 2: 350];

б) отсутствует определение точного количества значений у исходного глагола указания на факт расхождения в их числе в разных словарях; напр.: *варка (варить)*: в СТСРЯ исходный глагол представлен как трехзначный, в КСРЯ – однозначный; *взлет (взлететь)*: в КСРЯ и МАС – исходный глагол однозначный, а в СТСРЯ – трехзначный; *дыхание (дышать)*: в СТСРЯ исходный глагол представлен как двузначный, в КСРЯ и МАС – однозначный и т.д.;

в) не всегда определяются дополнительные компоненты значений производных. В словарях встречаются несовпадения значений. Напр., *учет (учесть)*: КСРЯ – *1. ‘К 1 знач. учесть’: полный учет запасов; 2. ‘Ко 2 знач. учесть’: всесторонний учет особенностей кого-чего-либо* [КСРЯ 2001: 1162]; СТСРЯ – *1. ‘К учесть’; 2. ‘Контроль за наличием и использованием денежных средств, производственных и трудовых ресурсов, за производством и потреблением продуктов и товаров и т.п.’: Бухгалтерский учет; 3. ‘Регистрация с занесением в списки лиц или предметов и т.п., входящих в состав кого-, чего-либо’: Военный учет* [СТСРЯ 2004: 884]; МАС – *1. ‘Действие по знач. глаг. учесть – учитывать’: учет товаров, учет потребностей общества; 2. ‘Регистрация с занесением в списки лиц или предметов и т.п., входящих в состав кого-, чего-либо’: военный учет, стать на учет; 4. ‘Принятие во внимание, в соображение чего-либо’* [МАС, 4: 543] и т.д.;

г) встречаются случаи объединения в один лексико-семантический вариант нескольких значений слова, обозначенных в одном словаре, и представленных в другом словаре как разные, т. е. слишком широко дается толкование семантики отглагольных образований. Напр., *убеждение (убедить)* – МАС – ‘*Действие по глаголу убедить – убеждать (в 1 знач.) и состояние по знач. глаг. убедиться – убеждаться*’ [МАС, 4: 512]; КСРЯ – *1. ‘К 1 знач. убедить и убедиться’: твердое убеждение в ошибочности чего-либо; 2. ‘Ко 2 знач. убедить’: действенное убеждение друзей* [КСРЯ 2001: 1127]; *проповедь (проповедовать)* – КСРЯ – 1. *‘К 1 знач.*

проповедовать': проповедь Евангелия язычникам; 2. 'Перен. Ко 2 знач. проповедовать': проповедь каких либо взглядов среди молодежи; 3. 'Речь религиозно-назидательного характера': воскресная проповедь [КСРЯ 2001: 806]; МАС – *1. 'действие по знач. глаг. проповедовать'; 2. 'речь религиозно-назидательного характера, которая обычно произносится в церкви': Воскресная проповедь и т.д.* [МАС, 3: 512];

д) неоправдан ввод глаголов, значения которых дублируют значения мотивирующих слов: *изображение (изобразить) – 1. только ед. 'К изобразить, передать в художественном образе'* [КСРЯ 2001: 325]; *мышление (мыслить) – 1. 'Способность человека мыслить, рассуждать, делать умозаключения'* [МАС, 2: 318–319]; '*Особая ступень в процессе отражения сознанием объективной действительности'; образование*[1] *(образовать) – 2. 'То, что образовалось, создалось в результате какого-либо* процесса' [МАС, 2: 560] и т.д.

Таким образом, типовые описания девербативов в словарях («действие по значению глагола ...», «к значению глагола...») направлены на отсылку к процессуальным значениям, наследуемым от исходных глаголов, что подтверждает вербальную семантику отглагольных образований. Следовательно, эти слова могут рассматриваться в составе статьи мотивирующего глагола по аналогии с рассмотрением причастий и деепричастий как особых форм глагола.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Х.Н. Валентные свойства отглагольных существительных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1987.

Безрукова А.Л. Существительные с графическими финалями -ие, -ье (Словообразовательный, семантический и нормативный аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1990.

КСРЯ: Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз., 2001.

МАС: Словарь русского языка: в 4-х тт. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Руделев В.Г. Существительное в русском языке.: учеб. пособие. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. пед. ин-та, 1979.

СТСРЯ: Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004.

Шапошникова Л.В. Семантико-словообразовательная типология отглагольных имен существительных на -ние (-ание, -ение) в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1988.

LEXICOGRAPHIC ASPECT OF DEVERBATIVES

E.N. Egorova

Lexicographic tradition to present lexical meaning of derivatives through the source-word meaning continues in lexicographic treatment of deverbatives. They are marked by the presence of both verbal and nominal meanings in a varying degree, which in this paper is revealed through different meaning interpretations.

© 2009

И.К. Мухина

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СФЕРЫ «СПОРТ»: ПРОБЛЕМЫ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

Эмпирической базой исследования служит множество разнообразных качеств или функциональных характеристик, выражаемых именами прилагательными, относящимися к сфере «Спорт» и полученными на основе выборки из толковых словарей русского языка, словарей иностранных слов, которые в целом можно квалифицировать как признаки. Признаки играют важную роль в процессах человеческого мышления: с помощью признаков проявляются такие мыслительные процессы, как идентификация, сравнение, классификация, оценка познаваемых и изучаемых объектов, т.е. «признак служит для человека важнейшим инструментом познания и категоризации мира», с помощью которого «человек идентифицирует и сравнивает объекты» [Толстая 2002: 8–9]. Спецификой прилагательных как части речи является то, что они выступают в качестве специальной категории слов, предназначенных для называния признака, т.е. первичны в своем признаковом значении. Как отмечает С.М. Толстая, признак не столько «принадлежит» объекту, сколько «задается» человеком; это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной.

В 2008 г. коллективом уральских ученых, входящих в «Проблемную группу «Русский глагол», под руководством профессора Л.Г. Бабенко был подготовлен к изданию первый идеографический словарь русских прилагательных «Словарь-тезаурус русских прилагательных» [Словарь-тезаурус 2008], являющийся основой для создаваемого в настоящее время данным научным коллективом «Толкового словаря русских прилагательных». Согласно концепции данных словарей, разработанной профессором Л.Г. Бабенко, в них наряду с другими смысловыми (идеографическими) группами в общественно-государственной денотативной сфере (здесь и далее используются термины Л.Г. Бабенко) выделяется денотативно-идеографический класс «Спорт», соотнесенный с одноименным понятием. Рассмотрение проблем, возникающих при идеографическом описании прилагательных, связанных с данной сферой общественной жизни, и является целью данного исследования. Как отмечает Л.Г. Бабенко, объективная трудность категоризации прилагательных обусловливается уникальностью семантики данного класса слов: наличием богато развитой многозначности и сильной дискурсивной обусловленностью их лексической семантики [Бабенко 2007: 10–11].

Денотативно-идеографический класс прилагательных «Спорт» включает в себя 7 денотативно-идеографических групп: 1) Общие понятия, связанные со спортом; 2) Человек (данная денотативно-идеографическая группа включает денотативно-идеографические подгруппы «Человек, занимающийся опреде-

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-04-00145а.

ленным видом спорта или человек по функции в игре», «Спортсмены (спортивные команды) по спортивным результатам, титулам, званиям»); 3) Виды спорта и спортивные игры; 4) Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления; 5) Спортивные состязания, мероприятия; 6) Спортивное сооружение или его часть, место проведения состязаний, игр, спортивных мероприятий; 7) Спортивные упражнения и действия спортсмена. За основу деления прилагательных на данные классы были взяты идеографические группы имен существительных (см. [БТСРС 2005: 584–606]), поскольку имена прилагательные, относящиеся к сфере «Спорт», в большинстве своем являются производными словами, мотивированными соответствующими существительными, т.к. признаки, выраженные прилагательными, связаны с понятием отношения. Сходство в идеографическом делении прилагательных с именами существительными обусловливается также и референтной отнесенностью их семантики [Бабенко 2007: 10].

Вместе с тем в идеографическом членении существительных и прилагательных исследуемой сферы наблюдаются существенные различия. Так, денотативно-идеографическая группа «Существительные, обозначающие человека», состоит из трех подгрупп, т.к. отдельно выделяются подгруппы «Существительные, обозначающие спортсменов, игроков, лиц, имеющих отношение к спорту» и «Существительные, обозначающие спортсменов по функции, роли в игре (совокупность игроков или определенная их часть)», а в словаре прилагательных данные подгруппы были объединены в одну, т.к. только от некоторых из существительных, обозначающих спортсменов по функции и роли в игре, образуются прилагательные (ср.: 23 существительных и 5 прилагательных): напр., нет прилагательных от существительных *защита, звено, лига, оборона, полузащита, пятерка* и др. В связи с этим прилагательные, обозначающие спортсменов по функции и роли в игре (*бомбардирский, вратарский, голкиперский, командный, сборный*), были объединены с прилагательными, обозначающими людей, занимающихся определенным видом спорта. Кроме того, данная группа была расширена за счет прилагательных типа *болельщицкий, натренированный, полевой, судейский* и подобных, а также за счет недавно заимствованных (*дайверский, сноубордический*), мало употребительных (*горновосходительский, горовосходительский*) или не зафиксированных словарями, но активно употребляющихся прилагательных (*одиннадцатиметровый*).

Интересным при делении прилагательных на идеографические классы является также то, что не все прилагательные, включенные в «списочный» «Словарь-тезаурус русских прилагательных», попадут потом в «Толковый словарь русских прилагательных» или будут в нем отнесены к тем же денотативно-идеографическим классам. Во-первых, к некоторым прилагательным (которые, впрочем, входят во все денотативно-идеографические классы данной понятийной сферы) невозможно подобрать примеры из корпуса художественных и публицистических текстов. Это такие прилагательные, как *пешечный* от *пешка* – ‘разг. точеный кружок из дерева, пластмассы и т.п. черного или белого цвета для игры в шашки’; *щитковый* от *щиток* ‘защищающее приспособление, надеваемое игроками в футболе, хоккее на голень для предохранения от ушибов’; *щитовой* от *щит* ‘*спец.* доска, на которой укреплена корзина для игры в

баскетбол'; *заездный* от *заезд* '*спец.* один из туров состязаний на скачках, бегах, в гонках'; *туровый* от *тур* '*спец.* отдельная часть спортивного соревнования, в которой каждый из участников выступает один раз, предполагающая выявление сильнейших и прохождение их в следующий круг'; *корнерский* от *корнер* '*спец.*, *устар.* штрафной угловой удар в футбольной игре' и др. Отсутствие примеров употребления данных прилагательных детерминировано, по-видимому, наличием у них функционально-стилевых помет, обусловленных реальными сферами их функционирования. Отсутствие примеров употребления подобных прилагательных, невозможность придумать даже речения с ними (т.к. большинство из них употребляются в специальной – спортивной – сфере) является причиной исключения этих прилагательных из толкового словаря прилагательных, поскольку они потенциально возможны в языке, но не могут реализовать свое значение в контекстах.

Во-вторых, возможно, что некоторые прилагательные, отнесенные в «Словаре-тезаурусе» к каким-либо денотативно-идеографическим группам, будут описаны в толковом словаре в других своих значениях, определяемых на основе анализа контекстов их употребления или будут входить в другие группы. Это связано с тем, что в «Словаре-тезаурусе» прилагательные делились на группы соответственно со значением мотивирующего их существительного или на понятийном основании. При создании толкового словаря, т.е. при выделении и описании лексико-семантических вариантов (ЛСВ) прилагательных на основе анализа иллюстративного материала, некоторые прилагательные могут изменить свою понятийную «привязку». Так, прилагательное *барьер* при составлении «Словаря-тезауруса» было отнесено в группу «Спортивный инвентарь, спортивные снаряды, приспособления» в соответствии с понятийной принадлежностью мотивирующего существительного *барьер*. В результате анализа иллюстративного материала выяснилось, что прилагательное *барьерный* в спортивной сфере употребляется в значении 'использующий барьеры при беге. *Барьерный бегун*' и должно быть отнесено к группе «Человек, занимающийся определенным видом спорта или человек по функции в игре».

В-третьих, у некоторых многозначных прилагательных возникает проблема разделения прилагательных в разных значениях по денотативно-идеографическим классам и – особенно трудно разрешимая – проблема разграничения контекстов употребления слов в соответствии с этими значениями. Так, многозначное прилагательное *стартовый* имеет в словаре Т.Ф. Ефремовой [Ефремова 2006: 403, 710] три значения: *стартовый* – 1. 'Соотносящийся по значению с существительным *старт*, связанный с ним'. 2. 'Свойственный *старту*, характерный для него'. 3. 'Служащий для подачи сигнала к *старту*'. В связи с тем что существительное *старт* имеет в том же словаре три значения, связанные со сферой «Спорт»: 1. 'Начальный момент спортивного состязания'. 3. 'Сигнал к началу спортивного состязания'. 4. 'Место, с которого начинается спортивное состязание по преодолению какого-либо расстояния', – можно предположить, что прилагательное *стартовый* в разных значениях будет входить в два класса: «Спортивные состязания, мероприятия», «Спортивное сооружение или его часть, место проведения состязаний, игр, спортивных мероприятий».

Анализ дискурсивной специфики прилагательного *стартовый* показал, что в

группу «Спортивные состязания, мероприятия» данное прилагательное входит в значении ‘предназначенный для подачи сигнала к старту – начальному моменту спортивного состязания; дающий сигнал к старту’: *Я решил бежать «в человека». Подумал, что вцеплюсь в какого-нибудь хорошего ветерана и пойду за ним тихонечко пешком до финиша. Прогремел* ***стартовый*** *выстрел, и я сломя голову ринулся по Олимпийскому проспекту укреплять здоровье* (газ.).

В группу «Спортивное сооружение или его часть, место проведения состязаний, игр, спортивных мероприятий» прилагательное *стартовый* входит в трех значениях: ‘представляющий собой обозначенное линией или специальными знаками место, откуда начинается состязание на преодоление какого-нибудь расстояния; ***ант.*** финишный’: *На* ***стартовой*** *площадке и в середине дистанции спортсменов ждала прохладная вода, а на финише всем вручались памятные жетоны с символикой пробега* (газ.); ‘осуществляемый на старте – в начальный момент спортивного состязания, а также на месте, с которого начинается спортивное состязание по преодолению какого-либо расстояния, и на некотором расстоянии после этого места; ***ант.*** финишный’: ***Стартовые*** *игры получились удачными для местного «Газовика», который одержал две разгромные «сухие» победы* (газ.); ‘расположенный на старте (о спортивном приспособлении)’: *Перед стартовым сигналом пловцы занимают исходное положение в воде лицом к* ***стартовой*** *тумбочке, держась обеими руками за* ***стартовые*** *поручни* (газ.).

В группу «Спортивные упражнения и действия спортсмена» прилагательное *стартовый* входит в значении ‘осуществляемый на старте – в начальный момент спортивного состязания, а также на месте, с которого начинается спортивное состязание по преодолению какого-либо расстояния, и на некотором расстоянии после этого места; ***ант.*** финишный’: *Исход гонки по большому счету решил* ***стартовый*** *рывок, когда Шумахер-старший сумел оторваться от младшего брата на восемь секунд* (газ.); *Первая фаза характеризует* ***стартовое*** *ускорение, вторая – дистанционную скорость* (газ.). При этом интересно, что толковые словари не отмечают у слова *старт* значения, связанного с действием спортсмена, а в дискурсивном употреблении производного прилагательного *стартовый* это значение появляется.

Кроме вышеперечисленных, процесс идеографического описания прилагательных, относящихся к понятийной сфере «Спорт», вызывает множество других проблем: отнесение в выделенные денотативно-идеографические классы отдельных прилагательных обычно с пометой *спортивное* или *специальное*, но с «нетипичными» для данного денотативно-идеографического класса значениями (*спец. дистанционный, спец. зачетный, очковый* и др.); разграничение проявляющихся в иллюстративном материале значений многозначных прилагательных; соотнесение значений многозначных прилагательных и иллюстративного материала; сочетаемость и референтная отнесенность прилагательных; пересекаемость денотативно-идеографических классов; выбор идентификатора; несовпадение значений прилагательных в словарях; окказиональные контексты употребления; выбор соответствующих функционально-стилистических помет.

Таким образом, результаты идеографического осмысления элементов действительности, выраженных в языковой форме, не всегда совпадают. Это касается, напр., признаков, значимых для сферы «Спорт» и их денотативно-идеогра-

фической трактовки. Различная степень конкретизации отдельных фрагментов мира обнаруживается в своеобразии иерархической организации данной денотативной сферы прилагательных [БТСРС: 23]. Хотя реальные объекты окружающего человека мира, связанные со сферой «Спорт», обладают множеством разнообразных свойств и качеств, только некоторые из этих признаков могут быть положены в основу идеографического описания данных прилагательных. Поэтому для осмысления прилагательных в денотативно-идеографическом аспекте как этапа когнитивной деятельности важным является выделение релевантных признаков с целью их идентификации, сравнения и категоризации.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л.Г. Уральская идеографическая лексикография: этапы формирования и перспективы развития // Теоретическая семантика и системная лексикография: эволюция интерпретаций на рубеже веков: тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию Э.В. Кузнецовой, 8–9 нояб. 2007 г., Екатеринбург / под ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 7–11.

БТСРС: Большой толковый словарь русских существительных: идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС; Книга, 2005.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160 000 слов. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – Т. 3.

Словарь-тезаурус русских прилагательных / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС; Книга, 2008.

Толстая С.М. Категория признака в символическом языке культуры // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 7–20.

ADJECTIVES OF THE CONCEPT SPHERE “SPORTS”: IDEOGRAPHIC DESCRIPTION ISSUES

I.K. Mukhina

The article deals with ideographic description of adjectives of the concept sphere «Sports» with an emphasis on the principles of adjective classification into denotative-ideographic groups, differentiation of their usage contexts in accordance with their meaning, analysis of their discourse peculiarities, and cases of contexts when the adjectives under study are unavailable.

© 2009

Е.Н. Байбулатова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАГМЕНТОВ СЛОВАРЯ КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В 2006 г. вышел в свет сравнительно небольшой по объему словника (включает около 8500 слов и устойчивых словосочетаний) «Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика», в задачи которого, по замыслу его создателей, входило представление новой лексики: Г.Н. Скляревская в предисловии к Словарю обращает внимание на то, что многие единицы здесь описаны впервые. Анализ материалов Словаря с антропоцентрических позиций дает возможность «увидеть» особенности русской языковой картины мира на современном этапе.

Особенный интерес в этом случае представляет сопоставительный аспект исследования, предполагающий внимание не к абсолютно «новому» пласту лексики, но к той части словника, которая ранее входила в словари XX в. (соответственно, отражала фрагменты языковой картины мира прошлого столетия), а сегодня позиционируется составителями Словаря как «актуальная».

Сопоставление словников двух словарей – «Словаря русского языка: в 4 т.» (далее – МАС) и «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» (далее – Словарь XXI в.) – позволило выявить 2884 тождественные вокабулы, организующие словарные статьи. Таким образом, около 34% словника Словаря XXI в. – это не новая, но актуализированная лексика.

Сравнительный анализ тождественной части словников двух словарей дает возможность говорить о четырех типах семантических изменений, которые произошли со словами в течение последних десятилетий.

I. Усложнение семантической структуры слова, или развитие новых лексико-семантических вариантов (ЛСВ) на основе переноса наименования метафорического или метонимического типа; напр.: в МАС лексема *архитектор* представлена как моносемант – «Специалист в области архитектуры; зодчий» [МАС, 1: 47]; в Словаре XXI в. первое исходное значение сохраняется, но фиксируется развитие новой семемы – «2. Инициатор какого-л. замысла, начинания и т.п.» [Словарь XXI в.: 89].

II. Распад семантической структуры полисеманта и, как результат, появление слов-омонимов. Исследование омонимических процессов перспективно проводить в двух аспектах: диахроническом (сопоставление словников хронологически разделенных толковых словарей) и синхроническом (анализ словника Словаря XXI в.). Первый аспект интересен тем, что дает возможность проследить процесс образования новых слов за достаточно короткий период времени, второй отражает особенности презентации слов-омонимов в современной лексикографии.

Исследование омонимии в диахроническом аспекте показало, что процесс возникновения омонимов активизируется за счет перехода имен из состава нарицательных в собственные, напр.: *Единство* «1. Цельность, нераздельность;

2. Сочетание в одном целом, неразрывность связи; 3. Общность, полное сходство, совпадение» [МАС, 1: 463]; *«Единство»* – «Проправительственное политическое движение центристской ориентации, возглавляемое С. Шойгу; партия власти, образованная на базе этого движения присоединением к нему некоторых политических движений и партий (НДР, «Всей России» и т.д.); “Медведь”» [Словарь XXI в.: 338].

Исследование омонимических процессов в синхронии позволило наметить современные лексикографические тенденции. Так, Словарь XXI в. последовательно представляет как самостоятельные номинативные единицы слова, образованные морфолого-синтаксическим способом; напр., *Верующий*[1] – «Признающий существование Бога; религиозный. *Верующий юноша, крестьянин»*; *Верующий*[2] – «Религиозный человек. *Стать верующим. Верующие и атеисты»* [Словарь XXI в.: 187]. В МАС подобные случаи описываются либо как оттенок одного ЛСВ, либо как производное значение в структуре полисеманта. В любом случае новой лексемы не формируется, словарь представляет связанный (синтаксически обусловленный) тип лексического значения: *Верующий* – «1. Прич. наст. от веровать. 2. в знач. сущ. верующий, -его, м.; верующая, -ей, ж. Тот (та), кто признает существование бога; религиозный человек» [МАС, 1: 153].

III. Формирование устойчивого сочетания слов, напр.: *Двуглавый* – «? Двуглавый орел (изображение орла с двумя головами в государственном гербе России до Октябрьской революции и после 1991 года)» [Словарь XXI в.: 278].

VI. Отсутствие в зонах толкования каких-либо новаций, либо появление новых дифференциальных сем при сохранении набора интегральных; ср.: «*Часовня* – Небольшое церковное здание с иконами без алтаря» [МАС, 4: 653]; «*Часовня* – В православии: небольшое строение, по архитектуре и внутреннему убранству напоминающее церковь, но без алтаря, <u>служащее для совершения всех богослужений, кроме литургии</u>» [Словарь XXI в.: 1064].

Сопоставительный анализ тождественной части словников разных словарей интересен в двух аспектах: во-первых, с точки зрения **состава** лексики, представленной в словарях разных социально-экономических эпох, анализ позволит выявить фрагмент языковой картины мира XX в., оказавшийся актуализированным в начале века XXI; во-вторых, он информативен с точки зрения **специфики иллюстративной зоны** словарной статьи, т.к. общеизвестно, что значимая в нашем случае «внелингвистическая информация в словаре может быть представлена <...> прежде всего в словосочетаниях, примерах, цитатах» [Гак 1987: 9].

Анализ выявленной лексики с семантической точки зрения позволил установить ее принадлежность семантическому полю «Человек» (мы опирались на «Структуру словаря Халлига и Вартбурга» [Караулов 1976: 256–257]), которое членится на четыре зоны: Социальная организация; Политика; Экономика. Финансы; Вероисповедание и религия.

Микрополе «Социальная организация» включает три группы лексем с эксплицированными в зоне толкования или имплицитными интегральными семами:

• **‘социальные отношения’**. Большую часть группы составляют лексемы, служащие средством наименования оцениваемых негативно социальных явле-

ний, напр., *бедствовать* (‘жить в бедности, крайней нужде, не имея необходимого материального обеспечения’), *беженцы* (‘люди, покинувшие место своего проживания в результате неблагоприятных условий жизни’). В группу также входят лексемы, называющие различного рода криминальные деяния и совершающих их лиц, напр., *бандитизм* (‘деятельность, заключающаяся в разбойных нападениях, грабежах’), *вымогать* (‘добиваться получения денег посредством принуждения, угроз, шантажа’), *фальшивомонетчик* (‘преступник, занимающийся изготовлением фальшивых денег’) и др.;

- **‘направления в искусстве’**. Группу составляют как собственно средства означивания направлений, так и имена лиц, являющихся их яркими представителями. Важно, что все лексемы, включенные в группу, связаны с авангардным искусством XX в., напр., *авангардизм* (‘течение, характеризующееся стремлением к коренному разрыву художественной практики с реализмом, поиском новых, необычных средств выражения формы и содержания произведений’), *поп-арт* (‘направление, представляющее объекты массовой культуры вне их естественного бытования и обыденного значения’), и, соответственно, *абстракционист*, *авангардист*, *модернист* и др.;
- **‘область знаний’**. Составившие группу лексемы связаны с проблематикой двух научных отраслей: медицины и парапсихологии. «Медицинская» лексика представлена наименованиями отраслей медицины и специалистов в обозначаемой области, а также методов лечения: *косметология – косметолог* (‘занимается разработкой и применением лечебной косметики’), аналогично описаны: *наркология – нарколог*, *сексология – сексолог*; *иглоукалывание* (‘метод лечения заболеваний введением в строго определенные точки тела игл, воздействующих на зоны организма’), *пластика* (‘улучшение формы и контуров (лица и различных частей тела) с помощью пластической операции’). Лексемы, организующиеся вокруг родового понятия *парапсихология* (‘область знаний, исследующая загадочные явления человеческой психики и необычные возможности организма, не поддающиеся рациональному объяснению’), – это наименования лиц по роду занятий, напр., *парапсихолог*, *медиум* (‘посредник между людьми и миром духов (умерших)’), *ясновидящий* (‘человек, обладающий даром ясновидения’); а также отглагольные субстантивы, означивающие совершаемые процессы и способности, напр., *предсказание* (‘определение того, что должно произойти в будущем (с помощью карт, гадания, астрологии, гороскопов, дара предвидения и т.п.)’), *спиритизм* (‘общение с душами умерших при помощи различных условных приемов (верчения столов, блюдечек, стуков и т.п.), а также при посредстве медиумов’).

Микрополе «Политика» представлено пятью лексическими группами с эксплицированными в зоне толкования или имплицитными интегральными семами:

- **‘политические течения, основанные на определенной идеологии, и лица, к ним принадлежащие’** (*ленинизм* (‘учение В.И. Ленина, развивающее основные положения марксизма’), *радикализм* (‘политическое течение, ориентирующееся на проведение демократических реформ в рамках существующего строя’) и др.; *ленинец*, *марксист*, *радикал)*;

• **‘политические партии, организации и лица, к ним принадлежащие’** (*компартия*, *комсомол*; *националист*, *центрист)*;

• **‘тип общественного устройства’** (*анархия* (‘характеризуется отсутствием власти’), *парламентаризм* (‘с парламентом во главе’) и др.);

• **‘события, процессы’** (*путч* (‘авантюристическая попытка заговорщиков произвести государственный переворот’), *раскулачивание* (‘связанная с коллективизацией система мер по уничтожению зажиточного крестьянства (конфискация имущества, лишение права землепользования и политических прав, репрессии)’) и др.);

• **‘оценка политических явлений’** (*антидемократический* (‘противоречащий демократии; направленный против демократических реформ’), аналогично – *антинародный*, *антисоветский*; *примирительный* (‘ведущий к примирению; направленный на примирение’) и др.).

Микрополе «Экономика. Финансы» включает четыре группы лексем с эксплицированными в зоне толкования или имплицитными интегральными семами:

• **‘финансовые операции’** (*дефляция* (‘изъятие из обращения избыточной массы денег с целью увеличения их покупательной способности, содействующее снижению цен’), *ипотека* (‘система предоставления населению долгосрочных кредитов для приобретения жилья, выдаваемых под залог этого приобретаемого жилья или другой недвижимости; выдаваемая при такой системе в кредит денежная сумма’) и др.);

• **‘финансовые отношения’** (*клиринг* (‘система безналичных расчетов путем зачета взаимных требований и обязательств’), *консорциум* (‘временное соглашение между несколькими банками или промышленными компаниями для совместного размещения займа, осуществления капиталоемких проектов; объединение банков или промышленных компаний на базе такого соглашения’) и др.);

• **‘ценные бумаги’** (*акция* (‘бумага, дающая ее владельцу право на получение дивиденда из прибылей акционерного общества’), *обязательство* (‘денежный заемный документ’) и др.);

• **‘наименования лиц**’ (а) по отношению к финансовым операциям: *вкладчик*, *биржевик, кредитор, налогоплательщик*; б) по отношению к собственности: *банкир, миллиардер, миллионер, промышленник*).

Микрополе «Верование и религия» представлено следующими группами лексем, с эксплицированными в зоне толкования или имплицитными интегральными семами:

• **‘наименования зданий / строений и их частей**’. В группу входит как слово-гипероним *храм* (‘здание, предназначенное для совершения богослужений’), так и гипонимы, называющие виды зданий, используемых разными конфессиями для ритуальной деятельности (напр., *лавра* – ‘особо значимый <u>православный</u> мужской монастырь’, *мечеть* – ‘<u>мусульманский</u> храм’). Однако предложенная в словаре меронимическая парадигма (с семой ‘часть строения’) включает только православную лексику; напр., *алтарь* – ‘восточная часть православного храма’, *солея* – ‘в православном храме – возвышенная часть пола перед иконостасом’, а также *амвон, клирос* и др.;

• **‘предметы культа’**. К ним относятся *крест, крестик, просфора* (‘богослужебный литургический хлеб’), *хоругвь* (‘укрепленное на древке полотнище с изображением Иисуса Христа, Богородицы или святого, которое несут впереди крестного хода’) и др.;

• **‘обряды, службы’**. В составе группы выделяются единицы, называющие родовые понятия: *богослужение, служба* (‘совокупность культовых обрядов, воспринимаемых как непосредственное общение с Богом’), а также согипонимы – наименования служб, таинств, совершаемых по определенному случаю: *утреня, вечерня, всенощная; венчание*, *постриг* и др.;

• **‘имена высших сущностей’**: *Бог, Господь*, *Спаситель, Творец, Христос*; *Богоматерь, Богородица*; *ангел*, *архангел*. В группу входят также наименования, связанные с предшествующими на основе противопоставления: *дьявол*, *сатана* (‘злой дух или глава злых духов, противостоящий Богу; воплощение мирового зла’);

• **‘священнослужитель’**. В группу входят наименования священнослужителей разных конфессий, напр., *лама* (‘тибетский монах’), *муфтий* (‘высшее духовное лицо у мусульман’). Однако бóльшую часть составляют имена, связанные с православной ветвью христианства: *протоиерей* (‘священнослужитель средней (второй) степени христианской церковной иерархии, выполняющий обязанности старшего священника (настоятеля) храма’), *Патриарх* (‘высший титул духовного лица в православной Церкви: глава православной Церкви’) и др.;

• **‘наименования вероисповеданий’**: группа формируется вокруг родового понятия *вероисповедание* (‘разновидность какого-л. вероучения со свойственной ему обрядностью; официальная принадлежность к какой-л. религии, церкви’); в нее входят лексемы *буддизм, индуизм, ислам, иудаизм, католицизм (католичество), ламаизм, мусульманство*, *православие*, *протестантизм* (*протестантство*), *христианство*, *шаманизм*;

• **‘календарь’**. В группе объединены наименования религиозных праздников: *пасха* (‘главный праздник православной Церкви в честь воскресения Иисуса Христа’), *святки* (‘двенадцать праздничных дней от праздника Рождества Христова (7 января н.с.) до Крещенского сочельника (18 января н.с.)’) и др.

В ходе исследования иллюстративных зон избранной совокупности словарных статей было обнаружено, что в МАС эта зона либо отсутствует, либо он содержит короткие малоинформативные речения. Напротив, в Словаре XXI в. иллюстративная зона формируется набором цитат, которые демонстрируют характерные особенности современной синтагматики толкуемых слов, объективируя при этом значительную по объему экстралингвистическую информацию.

В иллюстративной зоне Словаря XXI в. выявляется информация нескольких типов:

а) приводимые контексты связаны с презентацией специфики современных проявлений некоторого явления, напр.: **Анархизм** – *«Анархизм и сейчас моден и находится в авангарде радикальных движений. Сама идея «полной свободы» позволила ему не превратиться в догму, и сегодняшние действующие анархисты борются не с абстрактным государством, а с его конкретным злом. Акции против чеченской войны, захоронения радиоактивных отходов и коммунальной реформы, под-*

держка политзаключенных, борьба с неофашистами...» [Словарь XXI в.: 62]; **Бродяжничать** – «*Неустроенность жизни взрослых, отражается напрямую на исковерканном детстве. Оказавшись на улице, бродяжничая, дети перестают быть детьми. Их главной заботой становится отыскать хоть какую-нибудь еду, найти убежище на чердаке*» [Словарь XXI в.: 158]. Ориентация на «злобу дня» определяет частотность появления в иллюстративной зоне имен политических деятелей, напр.: **Авторитарный** – «*Его [Ельцина] авторитарный стиль, бойцовские качества, жестокость и смелость наводили настоящий ужас на московскую партийную бюрократию*» [Словарь XXI в.: 39–40].

В контекстах зафиксированы сложившиеся в современной России экономические отношения, которые были недопустимы в социалистическом, плановом, государстве: **Акционерный** – *«К собранию акционеров менеджеры компании* [Таганрогского торгового порта] *готовились по всем правилам акционерной войны. За сутки до собрания Таганрогский городской суд запретил его проведение»* [Словарь XXI в.: 54–55]; **Ценообразование** – *«Любой уход от нормального рыночного ценообразования питает, как известно, рынки "черные" и "теневые"»* [Словарь XXI в.: 1058] и т.п.;

б) иллюстративная зона содержит фактуальную (энциклопедическую) информацию о предмете, напр.: **Вексель** – «*Вариантов использования векселя множество. Как способ приумножения сбережений вексель мало чем отличается от обычного вклада: процентные ставки в том и другом случае практически одинаковы. При этом у векселя есть два дополнительных преимущества: во-первых, его выписывают на любой срок в пределах от одного дня до двух лет, во-вторых, владелец вправе предъявить его в качестве залога для получения кредита*» [Словарь XXI в.: 181].

К аналогичному типу контекстов можно отнести и цитаты, в которых объективируется информация предельно конкретного свойства, напр., **Богослужение** – *«Нужно оставаться в церкви до полного окончания богослужения. Уходить раньше времени можно лишь по немощи или серьезной необходимости»* [Словарь XXI в.: 147];

в) в ряде контекстов объективируется оценка социалистического прошлого. Эта оценка носит амбивалентный характер – от резкого неприятия, до «ностальгии», напр.: **Абстракционизм** – «*Государственная Третьяковская галерея приобрела две работы тагильского художника Сергея Брюханова... Причудливые линии, коллажные вставки, игра цветом... «Абстракционист» – произношу слово, которым лет 40 тому назад такого художника не то что могли заклеймить, а запросто поставить крест на его дальнейшей творческой судьбе*» [Словарь XXI в.: 32]; **Комсомол** – «*Мы упрекаем коммунистическое прошлое. Но там был высочайший советский патриотизм. Мы любили свою Родину. Нас партия к этому призывала, комсомол. А сейчас нет ни партии, ни комсомола, я имею в виду главенствующую политическую силу, которая несла бы идею и призывала к патриотизму*» [Словарь XXI в.: 483].

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ тождественной части словников двух словарей позволяет констатировать следующее.

1. В Словаре XXI в. наполнение словника происходит не только за счет презентации абсолютно новых слов, но в значительной мере за счет актуализации

некоторой части словаря, зафиксированной на предыдущих этапах существования языка.

2. Актуализируется часть словаря, соотносящаяся с определенными фрагментами языковой картины мира: это лексика, тематически связанная с социальными, политическими, экономическими явлениями. Как правило, речь идет об именах сущностей, которые были «идеологически чужды» советскому социалистическому строю. Видимо, этим объясняется либо отсутствие, либо малоинформативность иллюстративной зоны в структуре словарных статей МАС. При отмечаемой тождественности зоны толкования в разных словарях, в Словаре XXI в. иллюстративная зона расширяет представление о предмете, объективируя информацию о социальных, духовных, политических, экономических изменениях, которые претерпело наше государство на рубеже веков.

3. Возвращается в активный запас лексика, связанная с религиозной сферой, которая в обществе, где основной идеологией был атеизм, находилась на периферии языковой картины мира. Иллюстративная зона словарной статьи Словаря XXI в. выполняет «просветительскую» функцию, обращая пользователя словаря к многовековым традициям и законам.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. Лингвистические словари и экстралингвистическая информация (в связи с выходом в свет второго издания словаря «Большой Робер») // Вопросы языкознания. – 1987. – № 2. – С. 3–17.

Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976.

Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1985–1988.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: ЭКСМО, 2006.

ACTUALIZATION OF THE DICTIONARY FRAGMENTS AS A LEXICOGRAPHIC PROBLEM

E.N. Baybulatova

The article is devoted to a comparative analysis of the word stock of two Russian dictionaries (“Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика” and “Словарь русского языка”). The author determines and characterizes thematic arrangement of the vocabulary under study and describes ways of its presentation. A comparative analysis is a basis for revealing development tendencies in lexicography.

© 2009

Л.П. Юздова

ТОЛКОВО-СИНОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК КОМПЛЕКСНАЯ ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУССКИХ НАРЕЧИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КВАЛИТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

В последние годы в России продолжается снижение уровня владения русским языком, особенно среди представителей молодого поколения. Среди многих аспектов этой проблемы – бедность словарного и фразеологического запаса носителей русского языка, несмотря на богатство русского языка в целом. Даже в речи тех, кто должен выступать в роли «законодателей», «образцов» владения русской речью, политических деятелей, государственных служащих, работников культуры, радио, телевидения, наблюдается бедность лексикона.

Улучшению ситуации в определенной степени способствуют толковые лексические и фразеологические словари, т.к. они дают возможность расширить словарный и фразеологический запас, способствуют повышению языковой культуры. Словари – неисчерпаемая сокровищница национального языка. Их задачей является толкование значения слова и фразеологизма, рекомендации по применению в речи, разграничение правильного и неправильного употребления и т.д.

Предлагаемый «Толково-синонимический словарь русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики» уникален тем, что характеризуется новизной рассмотрения языкового материала: и лексемы, и фразеологизмы рассматриваются в комплексе как две номинативные единицы языка.

Изучение номинативных единиц со значением квалитативности дает возможность продвижения в понимании ментальности русского человека-носителя русского языка, его культуры. Квалитативная оценка происходящего является едва ли не одним из основных проявлений сущности человека. Причин интереса к категории квалитативности несколько. Одна из них – основополагающий характер квалитативности, ее связанность с другими основополагающими категориями, такими, как количество, или квантитативность, темпоральность, свойство и, конечно, оценка. Второй причиной интереса к данной категории является ставший актуальным, востребованным в конце XX в. антропоцентрический, или антропологический, подход к изучению языковых единиц. Антропоцентрическое начало проявляется во всем, чем занимается человек. Его менталитет, система восприятия и интерпретации окружающего мира основываются на антропоцентризме. Антропоцентризм – мировоззрение, определяющее человека как меру всех предметов окружающего мира. Антропоцентризм как принцип исследования заключается в том, что объект изучается с учетом интерпретации его человеком. Антропоцентрический подход к изучению фразеологии позволяет не только глубже осмыслить понятие-категорию *квалитативность*, систематизировать знания об этой категории, но и глубже познать феномен языка в целом. Третьей причиной потребности осмысления категории квалитативности является многоаспектность, приклад-

ной характер этой категории. Если в философской теории категория качества достаточно хорошо разработана, то в лингвистической теории качественность только еще начинает разрабатываться. В настоящее время перед учеными-семасиологами стоит одна из непростых задач – выявление и осмысление так называемого «алфавита человеческих мыслей». Считаем, что единицы квалитативной семантики являются базовыми элементами мышления, в частности носителя русского языка.

«Толково-синонимический словарь русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики» является попыткой лексикографирования и фразеографирования единиц, репрезентирующих функционально-семантическое поле качества.

Словарь адресован говорящим на русском языке, а также изучающим русский язык как иностранный. Он способствует овладению лексической и фразеологической системой современного русского языка, а также позволяет представить лексические и фразеологические единицы квалитативности комплексно.

«Толково-синонимический словарь русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики» является первым словарем подобного типа. Он может служить выполнению образовательных задач. Пользователю данного словаря предоставлена возможность уточнить семантику фразеологических единиц со значением квалитативности и освоить грамотное написание наречий и фразеологизмов качественной семантики. Правописание наречий и так называемых наречных сочетаний (в нашем понимании – фразеологических единиц) является одной из основных проблем орфографии. В «Толково-синонимическом словаре русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики» даны сведения о происхождении некоторых единиц, что также служит выполнению образовательных задач. Напр., *ТИХОЙ САПОЙ (сапа* – от ит. *sapa* – ‘мотыга, воен. подкоп, окоп, выкапываемый при наступлении по открытой местности для постепенного приближения к укрепленной позиции противника’). *ПЯДЬ ЗА ПЯДЬЮ (пядь* – ‘расстояние между большим и указательным пальцами, растянутыми по плоскости, мера в четверть аршина’) – ‘постепенно, испытывая значительные трудности, с большим трудом’. *ЯКО ТАТЬ В НОЩИ (тать* – от глагола таить – ‘вор, хищник, похититель’). *НИ НА ЙОТУ* (*йота* – ‘названье греческой буквы, малейшая черточка, частица чего-либо’).

«Толково-синонимический словарь русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики» имеет и прикладное значение. Известно, что у ученых, изучающих лексикологию и фразеологию, нет единого мнения о том, что такое фразеологизм, каков состав данных единиц в языке. Авторы-составители Фразеологического словаря русского языка под редакцией А.И. Молоткова, напр., считают, что «за пределами состава фразеологизмов русского языка остаются» словосочетания, в которых одно слово получает значение, обусловленное только данным, конкретным сочетанием слов (*девичья память, телячий восторг, лошадиная доза* и др.), глагольно-именные словосочетания типа *одержать победу* и др. случаи. Мы же, вслед за А.М. Чепасовой, под фразеологической единицей понимаем сочетание двух или более слов, выражающих понятие о чем-либо и соотносительных со словом или словосочетанием по значению и грамматическим признакам. Классификация по соотнесенности категориального грамма-

тического значения фразеологизма с категориальным грамматическим значением слова, предложенная А.М. Чепасовой, охватывает весь фразеологический состав. В поле фразеологии попадают и наречные выражения типа *до упаду*, *под шумок*, *в стельку*, и единицы, образованные путем повторения одного и того же компонента, типа *нос к носу*, *лоб в лоб*.

Предлагается следующая структура словаря. Построение словарной статьи осуществляется на основе внешней синонимии. Заголовочное слово – лексема (наречие с квалитативной семантикой), далее приводятся фразеологизмы-синонимы. Лексические и фразеологические синонимы благодаря своим семантическим и стилистическим различиям позволяют точно выразить самые тонкие оттенки мыслей и чувств. Синонимические ряды используются носителями языка для уточнения, разъяснения, для всесторонней характеристики предмета речи. Словарь поможет сориентироваться в многообразии речевого богатства языка.

Для выборки иллюстративного материала использовались источники со времен А.С. Пушкина до начала XXI в., т.е. современный в широком понимании материал.

Словарная статья включает:

Заголовочное слово – наречие. Лексико-семантическая сочетаемость. Грамматическая характеристика. Сфера употребления: книжное, разговорное. Лексическое значение. Иллюстративный материал (цитаты сопровождают каждое толкование и даются в контексте, достаточном для понимания фразы). ***Фразеологизм-синоним*** заголовочному слову с отражением варьирования фразеологической единицы (как стекло (стеклышко), на глаз (-ок), на (целую) голову, как (будто, словно, точно) оглашенный (-ая, -ые), тугой (-ая) на ухо, нечистый (-ая, -ые) на руку, остер (-а, -ы) на язык). При необходимости лексико-семантическая сочетаемость. Грамматическая характеристика (принадлежность к семантико-грамматическому классу фразеологизмов и наличие или отсутствие изменяемости). Сфера употребления: книжный, разговорный. Фразеологическое значение. Иллюстративный материал (цитаты сопровождают каждое толкование и даются в контексте, достаточном для понимания фразы).

Примеры словарных статей:

КОРОТКО (стричь, подстричь и т.п.), нареч. – С наименьшей длиной (Из-под вязаной шапочки выбивались седые коротко стриженные волосы. В. Машков. Последний день матриархата). **ПОД МАЛЬЧИКА**, кач.-обст. ФЕ, неизм., разговорн. – Коротко (Ведь в твоем восьмом непременно есть человек, подстриженный под мальчика, который лучше всех в классе, а может, во всей школе или даже микрорайоне. Ю. Дружников. Рассказы и притчи).

ИСТОШНО (закричать и т.п.), нареч., разговорн. – Пронзительно, отчаянно, громко (Немка возмущенно поозиралась, словно призывая всех в свидетели такого неслыханного безобразия, а потом ИСТОШНО заверещала, присоединив свой голос к визгу институток и полной дамы, которые издавали пронзительные крики уже в течение нескольких секунд. Б. Акунин. Азазель). **ДИКИМ (-И) (ДУРНЫМ, -ЫМИ) ГОЛОСОМ (-АМИ)**, кач.-обст. ФЕ, изм., разговорн. – Истерично, истошно (Сейчас же принесли цыпленка. Но факиры закричали ГОЛОСАМИ, ДИКИМИ, как вой шакалов: – Что? В. Дорошевич. Сказки и легенды). **КАК (БУДТО, СЛОВНО, ТОЧНО) УЖАЛЕННЫЙ (-АЯ,**

-ЫЕ), кач.-обст. ФЕ, изм., разговорн. – Истошно (– Куда ж ему девчонку деть? – Не закон это, – сказал еще кто-то. – Это кто? – КАК УЖАЛЕННЫЙ, закричал офицер, бросаясь в толпу. Л. Толстой. Воскресение).

Считаем, что комплексное рассмотрение номинативных единиц русского языка (наречий и качественно-обстоятельственных фразеологизмов в данном случае) приблизит к пониманию назначения единиц русского языка, их общности, а также их специфики.

В Словаре приняты следующие **сокращения**:

изм. – изменяемый фразеологизм;

кач.-обст. ФЕ – качественно-обстоятельственная фразеологическая единица;

книжн. – книжный;

нареч. – наречие;

неизм. – неизменяемый;

разг. – разговорный;

ФЕ – фразеологическая единица.

EXPLANATORY SYNONYMIC DICTIONARY AS A COMPLEX FORM OF REPRESENTATION OF RUSSIAN ADVERBS AND QUALITATIVE FIXED PHRASES

L.P. Yuzdova

The article describes a vocabulary entry of the explanatory synonymic dictionary that in a complex form presents Russian qualitative adverbs and fixed phrases. The study of qualitative nominative units helps to promote understanding Russian mentality and culture.

© 2009

С.С. Шляхова

«ГУЛ ЯЗЫКА»: О ПРОЕКТЕ РУССКОГО ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

Лексикография является тем разделом русистики, в котором менее всего уделялось внимание звукоизобразительности как таковой, что проявляется в незначительной фиксации звукоизобразительных языковых единиц, недифференцированности звукоподражательных и звукосимволических слов, этимологической их неразработанности (вэтимологических словарях часты пометы типа «темное, неясное слово»).

Создание фоносемантического словаря является насущной необходимостью не только для русской фоносемантики, но и для русистики в целом. Даже простая фиксация слов звукоизобразительного происхождения, установленных в рамках классической (не фоносемантической) этимологии, позволит предста-

вить, какое значительное место занимает фоносемантическая лексика в составе русского лексического фонда.

Р. Барт писал: «Ныне я в чем-то уподобляюсь древним грекам, о которых Гегель писал, что они взволнованно и неустанно вслушивались в шелест листвы, в журчание источников, в шум ветра, одним словом – в трепет Природы, пытаясь различить разлитую в ней мысль. Так и я, вслушиваясь в гул языка, вопрошаю трепещущий в нем смысл – ведь для меня, современного человека, этот язык и составляет Природу» [Барт 1994: 544]. Слова Р. Барта, кажется, наиболее точно определяют сущность настоящего словаря, где звуки природы есть мысль, а гул языка – природа.

Поиски древними греками мысли (языка) в природе, а Р. Бартом – природы в языке отнюдь не является метафорой. В древнем сознании биофоносфера выступала как существенная интерпретанта окружающей действительности. Природный звук непосредственно связан с происхождением человеческой речи. В индоевропейской мифологической картине мира семасиологической универсалией является соотношение значений ‘издавать звук – говорить’, которые соотносятся со значениями ‘творить, создавать, рожать, производить на свет’, ‘лечить’, ‘трава’, ‘бог, святой’, ‘судьба’, ‘жить’, ‘Вселенная’, ‘смерть’, ‘круг’, ‘дерево’, ‘вода’, ‘огонь, свет’, ‘небо’ и др. [Маковский 1996: 163–170]. Здесь очевидно со-творяющее начало звука, который одновременно Слово и Дело.

Русский фоносемантический Словарь является попыткой зафиксировать «гул языка», который почти утрачен в современном дискурсе. В основу описания звукоизобразительной системы положено понятие фоносферы, которое пока не получило широкого распространения, хотя встречаются отдельные употребления подобных терминов (*фоносфера* – в музыковедении, *соносфера* – в литературоведении, *звукосфера* – в экологии). Фоносферу можно определить как некий звуковой континуум, репрезентированный как на материально-пространственном, так и абстрактном уровнях, заполненный разнотипными биологическими (часто не осознаваемые человеком), техническими и культурно-семиотическими (осознаваемые человеком) звуковыми системами [Шляхова 2005].

Звукоизобразительные слова являют собою отражение фоносферы в рамках естественного языка (лингвофоносфера), где репрезентируют как биологическую (подражания голосам животных и птиц, акустические и артикуляторные ономатопы) и социальную (акустические ономатопы) фоносферы, так и семиотическую фоносферу (звукосимволические слова).

Настоящий Словарь создается на базе словаря русских фоносемантических аномалий [Шляхова 2004], где образования типа *бух, толк, бряк* (словарь включает более 1500 словарных статей) описываются с учетом их фоносемантических, семантических, грамматических и функционально-стилистических свойств.

Основной целью будущего Словаря является первоначальное, а потому лишь весьма приблизительное установление фонда русских звукоизобразительных слов.

Согласно цели Словаря основным критерием отбора единиц является их примарная мотивированность. Критерием этимологизации при включении

единицы в настоящий словарь является 1) возможность включения единицы в звукоизобразительную систему русского языка [Шляхова 2003, 2004] на основе универсальной классификации ономатопов [Воронин 1982]; 2) звукоизобразительные этимологии в одном из этимологических источников; 3) привлечение материала родственных и неродственных языков, указывающего на фоносемантическую природу описываемой единицы.

Словарные статьи располагаются по алфавитно-гнездовому принципу. Заглавным словом фоносемантического гнезда является аномалия со звукоизобразительной семантикой или звукоизобразительный корень; в состав фоносемантического гнезда входят слова, производные от данных единиц. Словарное гнездо включает в себя несколько компонентов, помечаемых римскими цифрами: акустические ономатопы (I), артикуляторные ономатопы (II), ономатопы говорения (III), звукосимволические слова, значение которых развилось на базе данного ЗИ-корня (IV), заумные единицы (V). Этимологические справки приводятся при отдельных словах, получивших этимологическую разработку в словарях славянских языков, и при заглавном слове.

Статья основного слова гнезда включает в себя 1) заглавное слово; 2) фоносемантические пометы; 3) грамматические пометы (при необходимости); 4) этимологическую часть (указание на общеславянскую и/или индоевропейскую основу или корень, которые указывают на примарную мотивированность слова; при отсутствии этимологии в этимологических словарях приводятся семасиологические и фоносемантические параллели в родственных и неродственных языках; указание на источник данных этимологий (автор, том или выпуск в многотомном или серийном издании, страница); 5) иллюстративную часть с указанием сферы функционирования (стилистические пометы).

Словарная статья внутри гнезда включает: 1) заглавное слово; 2) звукоизобразительные и/или переносные значения; 3) иллюстративную часть с указанием сферы функционирования. Приводим весьма приблизительный пример фоносемантического гнезда.

БАХ I *звукоподр. акуст.* АБ 11.

↔ → Ономатопоэт. звукокомплекс b.x с различной вокализацией (ЭССЯ I: 135).

БАХ *редупл.* **1.** Звук удара, стук. *разг. Он бах стакан об пол! Берет стопудовую палицу – бах его в бок* (сказ.). <> *Руки мои начинают быстро разбрасывать картошку. Трах-бах! Тарабах!* (В. Астафьев. Монах в новых штанах). *А зеркало, его долой – Бах кулаком!; Прикладом бах! Бах прикладом!* (В. Хлебников). **2.** Звук выстрела, взрыва. *диал. А он все бах да бах из ружья* (Жуланово Сол.). *разг. Мы так Трошина – бах по затылку, и все хором: «Доброе утро, Владимир Дмитриевич»; Бах-бах, ту-ту-ту, сдавайтесь, вы убиты. Нет уж, я вас убил. Охотник выбегает. В зайчика стреляет. Бах, бух – полетел из зайца пух* (детск.). *Мещеряков, не оглядываясь, бах в паникера из пистолета* (С. Залыгин. Соленая падь). *Тут ему еще какой-то адвокатишко подвернулся, он его и бах!* (А. Куприн. Поединок). *Человек в темных очках вытащил пистолет, прицелился деду в бороду и: бах! Бах!* (Л. Давыдычев. Иван Семенов). **3.** Звук падения, толчка, бросания. *детск. разг. Бах – Сашенька повалился. Бахи-бухи – упал.* **4.** Раскаты грома. <> *В воздухе грянуло страшное бббах!* (Н. Лесков. Соборяне). **5.** Звук рассекания, разрезания

(о косьбе). *диал. Трава долгушша, я ее бах-бах, бахала до вечера, устала шибко* (Караг.).

БАХАТЬ **1.** *южн. зап.* бить, колотить, стучать, хлопать, стрелять, бацать, ударить; бах! бац, хлоп, бух, стук, бряк, шлеп [Даль]. **2.** *разг.* Издавать сильный низкий звук (обычно о пушках, минометах и т.п.). **3.** Бросать, бросаться, кидать, кидаться, отбрасывать, откидывать, отшвыривать, подбрасывать, подкидывать, пулять (*прост.*), пускать (*разг.*), шваркать (*прост.*), швырять (*разг.*), швыряться, шибать [Словарь синонимов].

БАХНУТЬ **1.** *разг.* Выстрелить. **2.** *разг.* Убить выстрелом. **3.** *простореч.* Издать отрывистый звук, низкий и сильный. *Вдали бахнула пушка.* **4**. Послышаться (о таком звуке). *Вдали бахнул выстрел.* **5.** Кого-что.с шумом ударить [Ушаков]. **6.** *арг.* Убить соперника в компьютерной игре. Возм. связано с англ. bush [Словарь русского арго]. **7.** *диал.* Упасть, навалиться. *Друг на друга человек пять бахнем и поедем* (Спешково Оч.).

БАХНУТЬСЯ *простореч.* **1.** Удариться, стукнуться обо что-н. *Бахнуться головой о стол.* **2.** Упасть. *А она как бахнется на пол* [Ушаков].

БАХОЛДА *диал.* вор. тамб. Балаболка, подвеска, колокольчик [Даль].

БАХОРЬ *арх.* Внезапный порыв ветра на суше, жестокий вихрь, налет, бурелом, буран [Даль].

БАХТУРИТЬ. Набивать, наполнять пичкая. *Набахтурили ему голову пустяками* [Даль].

БАХ II *звукоподр. артикулят.*

БАХНУТЬ *разг. сленг.* Выпить. *Давайте бахнем!*

БАХМУР. Тошнота, головокружение *диал.* нижегор.-макарьевск. (Даль). ↔ Я понимаю как словосложение с *хму́ра* ‘темнота, туча’. Первая часть, вероятно, междометие *ба*, следовательно, первонач.: ‘Что за темнота’. Ср. аналогично *калуга, калу́жа от лу́жа* [Фасмер].

БАХ III *звукоподр. говор.*

БАХАЛДА *диал.* ниж.-мак. (бахорить?) Бойкая, крикливая баба (Даль).

БАХАРЬ, БАХИРЬ *диал.* **1.** Говорун, краснобай. **2.** Человек, умеющий хорошо рассказывать сказки, сказочник. **3.** Хвастун. *Бахарь, что сахар: а в подонках пушина* [Даль]. ↔ ‘болтун, хвастун, колдун’, *бахо́рить* ‘болтать’; ср. сербохорв. бäхорити ‘колдовать’, словен. báhati ‘хвастать’, bahoríti ‘колдовать’, чеш. báchora ‘россказни, сказки’, bachořiti ‘болтать’, в.-луж. bachtaćso, н.-луж. bachtaśse ‘сплетничать’. По Бернекеру (1, 38 и сл.), производное от *ба-; ср. ба́ять, ба́сня*, как *знахарь* от *знать*. Неправильно пытается предложить рискованное сравнение с др.-инд. bhas – ‘говорить, сказать’ и *бесе́да* Маценауэр (LF 7, 4 и сл.) [Фасмер].

БАХВАЛ. Хвастун, самохвал, похвальбишка. *Жди, покуда бахвал нахвалится* [Даль] ↔ Бахвалиться от *ба́ять* и *хвали́ть*; см. Ильинский, KZ 43, 180. Менее удачна мысль о контаминации *baxati ‘хвастать’ и xvaliti у Бернекера (1, 38 и сл.). Или *ба* – межд.? Ср. *бахму́р* [Фасмер].

БАХВАЛИТЬ, БАХВАЛИТЬСЯ. Хвалиться, хвастаться, самохвальничать [Даль].

БАХВАЛЬНЫЙ, БАХВАЛЬЧИВЫЙ. Хвастливый [Даль].

БА́ХНУТЬ *разг.* Неожиданно, необдуманно сказать что-л. неуместное, лишнее.

БАХОЛДА *диал.* перм. костр. Хвастун, бахвал, самохвал [Даль]. ↔ ‘хвастун’, пермск., костромск., также ‘лентяй, разиня’, воронежск., тамб. [Даль]; ср. *бахарь* [Фасмер].

БАХОРА *диал.* **1.** Разговорчивый человек, балагур. **2.** Говорливая красноречивая женщина, говорунья. **3.** Сплетник, сплетница. **4.** Хвастун, бахвал.

БАХОРИТЬ *диал.* **1.** Говорить, болтать. **2.** Говорить весело, много, долго. **3.** Разговаривать, беседовать. **4.** Хвастать. **5**. Говорить громко, важно, значительно. **6.** Лгать. **7.** Рассказывать сказки ↔ ‘болтать, хвастать’ новгор., вологодск., нижегор., вятск. [Даль], связано с *ба́харь*. Попытка Винера (ЖСт., 1895, №1, С.59) объяснить это слово из еврейско-нем. Bacher, др.-евр. bāchūr ‘молодой человек’ (ср. Клюге-Гетце 66) невероятна ввиду различия знач. Против см. Булич, ЖСт., 1895, №1, С.59 и сл. См. *бахур* [Фасмер].

БАХОРЛИВЫЙ. Беседливый, приветливый, словоохотный [Даль].

БАХ IV *звукосимв.*

БАХ **1.** Обозначает и/или указывает на что-л. быстрое, неожиданное и/или интенсивное (в том числе и действие, движение). *разг. Жили нормально. Вдруг – бах! – пошли конфликты; Долго ходил женихом, потом бах! — и женился; Сижу без денег и вдруг бах! — перевод!; И вдруг, бах-трарарах – режим экономии.* **2.** Обозначает и/или указывает на ловкое, быстрое, умелое действие. *разг. Время не тратишь – все бах! Трах! Само собой.* **3.** Жеманные манеры. *разг. Глаза пялит – бах* [поводит плечом] – *трах* [поводит плечом] – *ох-ох-ох-ох.*

БАХАРЬ, БАХИРЬ, БАХОРЬ *диал.* **1.** Знахарь, колдун. **2.** Любовник. **3.** Человек, играющий роль жениха на святочных игрищах.

БАХЕР *сленг.* **1.** Глупый, тупой человек. **2.** Человек, увлекающийся капслоком. ‖ от **ба** (междометие) + **хер** (сущ.). *Ну ты и бахер, капс убери! Син.*: лузер [Словарь современного арго].

БАХИЛА *диал.* Говорят и одна бахила, как сапог или бродни; рыбачьи: сапоги с голенищами на помочах, во всю ляжку; ‖ крестьянские: сев. и вост. общая во всей Сибири рабочая обувь; упаки [Даль]. ↔ Крестьянская рабочая обувь; сапог с голенищем на помочах, сев.-русск., тверск., вост.-русск., сиб. Отсюда заимств. коми bakile· ‘высокие охотничьи сапоги’; см. Вихман-Уотила 8. По мнению Микколы (Berühr. 82), заимств. из ср.-лат. bacle ‘женская обувь’, которое он сравнивает с греч. βαχνίδες εἶδος ὑποδημάτων (Гесихий). Еще более сомнительны сравнения с *башма́к* (Mi. EW 8) или *бух-*; см. Преобр. 1, 20. Темное слово [Фасмер].

БАХОЛДА *диал. неодобр.* **1.** Разиня, бестолочь. **2.** Растрепа, неопрятный. **3.** Лентяй, разгильдяй [Даль]. **4.** О глупом, невоспитанном человеке. *А моя-то девка бахолдой растет, никого не слушат* (Елово Ел.).

БАХОРА *диал.* Знахарь, знахарка.

БАХОРЫ *диал.* вят. Берестяные лапти, без обор, босовики для дома, берестяники. См. бахари [Даль].

БАХОТНЯ *диал.* арх.-кем. Холщевой раскольничий балахон, летник, белага, холщевик; его носят старцы, скитники [Даль].

БАХТА, пахта *диал.* **1.** Ошибочно бафта, набивная бязь, обычно мутно-красная, с черными мухами; хлопчатная, грубая среднеазиатская выбойка, которую носят по всей оренбургской и уральской границе [Даль] **2.** Толстая, хлопчатобу-

мажная ткань с узорами. *Ездили в Ирбить ямщики – по семь копеек брали бахту; бахта, она красная, а пятнышки черненьки были; бывало, скажешь: «Надо заказать, чтобы бахты-то купил»* (Толстик Сол.).

БАХ V *заумн.*

БАХ. *Эники-беники – бах! Вышел советский лавбах* (детск. считалка).

БАХАР. *Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак* (детск. считалка). *Эники-беники ели вареники.*

На наш взгляд, настоящий Словарь решает множество задач: 1) расширяет списочный состав звукоизобразительной лексики русского языка; 2) предлагает материал для этимологизирования отдельных лексем; 3) отражает особенности функционирования и жанровую специфику описываемой лексики в речи; 4) позволяет проследить семантическое развитие отдельных языковых единиц; 5) представляет фоносферу русской речи; 6) предлагает материал для описания звукоизобразительной системы русского языка.; 7) дает материал для типологической фоносемантики.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избр. работы. Семиотика. Поэтика; пер. с фр. – М.: Прогресс; Универс, 1994.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989–1991.

Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.gramota.ru/slovari/argo/

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. – М.: Владос, 1996.

Словарь синонимов: современное дополнение к «Словарю русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (1890 г.). [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://slovari.yandex.ru/dict/shortsin

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – СПб.: Азбука; Терра, 1996.

Шляхова С.С. Тень смысла в звуке: введение в русскую фоносемантику. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003.

Шляхова С.С. Дребезги языка: словарь русских фоносемантических аномалий. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2004.

Шляхова С.С. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. – Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2005.

RUSSIAN PHONOSEMANTIC DICTIONARY PROJECT

S.S. Shlyakhova

The Russian phonosemantic dictionary aims at approximating the stock of Russian onomatopoeic words. The paper presents the conception of the dictionary, gives material selection principles, qualification, and data structuring. There is an example of a phonosemantic set.

© 2009

Е.А. Юхмина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕРМИНОВ В СОВРЕМЕННОМ АССОЦИАТИВНОМ ТЕЗАУРУСЕ
(на основе лингвистического эксперимента)

Слово больше себя самого. И притом, больше – двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем и есть и субъект познания и объект познания.

П.А. Флоренский

Ассоциативный словарь, согласно Г.А. Черкасовой, моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка в форме ассоциативно-вербальной сети [Черкасова 1996: 181]. Он представляет собой слепок с ассоциативно-вербальной сети, отражающей организацию языковой способности человека; в нем содержится информация, которая относится ко всем трем уровням языковой личности: грамматико-семантическому, когнитивному и прагматическому [Караулов 2002: 753].

Особенностью ассоциативного словаря является то, что он представляет собой мгновенную «фотографию» постоянно изменяющегося языкового сознания носителей языка. Сравнивая данные различных ассоциативных словарей можно проследить основные сдвиги и колебания в сознании языкового коллектива.

Мы проводили свободный ассоциативный эксперимент с целью выявления *степени семантической адаптации компьютерных терминов в русском языке*. Испытуемым предлагалось в письменной форме воспроизвести ассоциации на 20 слов-стимулов. В качестве стимульных были отобраны слова, с одной стороны, принадлежащие к пласту высокочастотной лексики, т.е. входящие в описание непосредственной жизнедеятельности человека, а с другой, имеющие сему «компьютер» в своей семантике или означаемое понятие, каким-либо образом связанное с компьютерной терминосистемой. В свободном ассоциативном эксперименте с регистрацией первичного ответа приняли участие 400 испытуемых – студенты челябинских университетов. Все испытуемые были разделены на 2 группы: экспериментальную (200 человек) и контрольную (200 человек). В экспериментальной группе испытуемые получили косвенную подсказку о том, что представленные слова-стимулы относятся к компьютерному терминополю. По результатам эксперимента были составлены словарные статьи на каждое слово-стимул.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что сходные модели ассоциирования будут представлены в ответах контрольной и экспериментальной групп. Учитывая тот факт, что компьютерная терминология выходит за пределы функционирования в профессиональной лексике и активно внедряется в различные лексические пласты русского языка, т.е. наблю-

даются процессы детерминологизациии деспециализации, мы сделали предположение о наиболее вероятных или ожидаемых «компьютерных» ассоциациях, которые могут потенциально возникнуть у испытуемых: **база** – *данных,* **блок** – *системный*, **вирус** – *Троянский конь*, **жесткий** – *диск,* **карта** – *памяти,* **корзина** – *удалить,* **мышь** – *оптическая,* **окно** – *монитор,* **память** – *оперативная,* **папка** – *файл,* **пароль** – *компьютер* и др.

В словарной статье слова-ассоциаты располагаются по мере убывания их частоты, которая указывается после слова-реакции, если лишь оно имеет такую частоту встречаемости в ответах испытуемых (напр., **ВИРУС** (ТРОЯНСКИЙ КОНЬ) – болезнь **77**; ***компьютер* 23**; СПИД **15**; инфекция **12**; зараза **9**; грипп **8**; ***компьютерный* 4**; ВИЧ, гриппа, ***Интернет***, ***Касперский***, паразит **3**; вред, ***неисправность***, поражение, ***программа***, температура **2** и т.п.), или указывается в конце группы слов-ассоциатов с одинаковой частотой, причем внутри этой группы реакции-ответы расположены в алфавитном порядке. Единичные реакции располагаются в алфавитном порядке. В конце списка указывается, сколько испытуемых отказались дать ответ на данное слово-стимул. Ассоциаты, которые мы относим к сфере компьютерных технологий, выделены полужирным курсивом.

По словам Н.В. Уфимцевой, ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [Уфимцева 1996: 140]. Для целей настоящей статьи мы рассмотрим лишь реакции на стимул «жесткий».

Экспериментальная группа

ЖЕСТКИЙ – *диск* 110; мягкий **9**; характер **6**; график, секс **5**; диван, злой, контроль, стул, твердый, человек **3; г**рубый, ***железо***, кровать, режим, стол, хлеб **2**; асфальт, болезнь, ведро, ***винчестер***, железный, не любовь, крепкий, кровать, куратор, легкий, лед, матрац, метод, мяч, наручники, невкусный, не мягкий, ОРВИ, папка, план, предмет, продукт, ***программа***, случай, стебель, строгий, прочность, пол, стена, стоячий, упорный, черствый, щетка **1**; нет ответа **2. N=200.**

Контрольная группа

ЖЕСТКИЙ – *диск* 49; твердый **32**; мягкий **13**; человек **10**; грубый, диван, камень, стул, характер, хлеб **5**; металл, пол **4**; блок, кирпич, контроль, резкий, секс **3**; злой, кровать, материал, суровый, щетина **2**; боль, вода, волос, железо, жесть, кнут, контроль, кремний, материал, месть, металл, мясо, мяч, неудобно, неудобный, отталкивающий, плохой, поверхность, подход, предмет, преподаватель, прилагательное, разговор, резкий, режим, сила, сильный, стильный, стойка, упругий, футбольчик, язык **1;** нет ответа **1. N=200.**

Сравним полученные результаты с данными словарной статьи Русского ассоциативного словаря [РАС 2002: 197]:

ЖЕСТКИЙ: *диван* **81**; *стул* **46**; *вагон* **39**; *мягкий* **33**; *характер* **30**; *режим, удар, человек* **16**; *твердый* **15**; *хлеб* **14;** *матрац* **9**; прессинг **7**; *волос, жестокий, романс* **6**; матрас, неудобный, *ответ* **5**; *курс, прием* **4**; *ветер, голос, камень, кровать, стол, черствый* **3**; *автобус, банка, взгляд, вода, добрый, железо, злой, кон-*

троль, край, материал, мужской, неприятный, неудобно, нрав, *пол, приказ, пружина, разговор*, регламент, ринг, *ритм, рок, роман, сильный, снег, стиль,* требовательность, *тугой, упругий, урок* **2**; бампер, *батон,* бессердечный, *бок, бокс, борьба, бревно, век, война, вопрос, врач,* временами, *грубый, гусь,* деревяшка, *диалог, директор, дисциплина,* если нравится, *жезл,* железа, *жест,* жестокий романс, жесть, жестянка, *жуткий, зло*, как наждак, канадский, каракули, *карандаш, ковер*, коврик, *колючий, контролер, коричневый, кролик, крутой, луч,* медник, *металл, мир, мороз*, наст, *нос, огурец,* окрик, *опора,* отношения, *очень, партнер,* парторг, *план, плотный, плохой,* подмостки, *подросток, подушка, подход, поезд, полный,* полок, *порядок,* правила, *правильный, предмет, принцип, провод, проволока, прут, прыжок, работа, резкий, рубить, руководитель, сила, слух, спать, спорт, сталь, станок, стена,* стойкий, *сухарь, сыр*, твердокаменный, *треугольник, труд, тупой, ум, условие,* условия, фанк, *футбол, холодный, хорошо, хрупкий, чемодан, черный, шарф, юноша* **1**; ***551+157+9+101*** (курсив автора РАС).

При анализе реакций, полученных на слово-стимул «жесткий», по психологическому основанию мы выделили следующие модели ассоциирования (табл.1):

Таблица 1

	Экспериментальная группа	**Контрольная группа**	**РАС**
синонимизация	*твердый* **3**; *железо* **2**; *железный, злой, крепкий, невкусный, не мягкий, прочность, строгий, черствый* и др.	*твердый* **32**; *суровый* **2**; *плохой, неудобный, резкий, сильный, упругий;*	*твердый* **15**; *бессердечный* **2**; *плотный, колючий, крутой, стойкий, злой, тугой;*
антонимизация	*мягкий* **9**; *легкий* и др.	*мягкий* **13;** и др.	*мягкий* **33**; *добрый, хрупкий;*
метафоризация (в большинстве случаев наблюдается языковая метафора)	*метод, случай, график, болезнь* и др.	*месть, подход, разговор* и др.	*ветер, голос, жестокий романс, мороз* и др.
фразеологизация (устойчивые выражения, словосочетания)	*характер* **6**; *секс* **5**; *человек* **3**; *режим* **2.**	*человек* **10**; *характер* **5**; *секс* **3;** *контроль* и др.	*человек* **16**; *регламент, курс, характер, нрав.*

Обращаясь к работам когнитивных лингвистов, можно говорить о том, что ассоциативный эксперимент «обнажает» послойное строение концепта «жесткий». Метафорически З.Д. Попова и И.А. Стернин представляют концепт в виде облака, Н.Н. Болдырев – в виде снежного кома. Г.В. Токарев использует метафору облака [Стернин 2001: 58]. Мы предлагаем еще одну метафору – метафору пирога. Ядром ассоциативно-вербальной сети «жесткий» или «начинкой» являются наиболее частотные ассоциаты, такие, как синтагматические: *диск* (159), *диван* (86), *стул* (54), парадигматические: *мягкий* (55), *твердый* (50). Выделенное ядро является совокупным для контрольной, экспериментальной группы и РАС. В ядре преобладают стереотипные или шаблонные реакции, характеризующиеся наиболее устойчивыми связями в сознании испытуемых.

Кроме выделенного ядра, в ассоциативном поле всегда имеется некоторый «остаток» или «корочка», некоторый набор реакций, выходящих за пределы лексической семантики и грамматических отношений стимула и несущих когнитивную или прагматическую информацию, т.е. передающих знания о мире или отношение к миру носителей языка [Караулов 2002: 754]. Такой «остаток» мы выделили в отдельную группу индивидуальных реакций, которые наблюдателю кажутся немотивированными, но имеют личностный смысл, напр., экспериментальная группа: *наручники, ОРВИ, стильный,* – контрольная группа: *кнут, футбольчик,* – РАС: *гусь, наст, бок, бампер, каракули, фанк, если нравится* и др. Среди индивидуальных реакций испытуемых выделяются ассоциаты, отражающие конкретные чувственные ощущения (тактильные, зрительные, вкусовые) и образы: *бессердечный, жуткий, коричневый, как наждак, черный, отталкивающий, невкусный*. В отдельную группу мы выделяем ассоциаты, связанные с конкретным, материальным представлением, обликом стимула: *хлеб, матрац, камень, кровать, огурец, стол, автобус, банка, пол, батон, деревяшка, подушка, поезд, предмет, сухарь, сыр, шарф, блок, кирпич, камень, стена, стебель.*

Психолингвисты отмечают, что результаты ассоциативных экспериментов отражают связь между наиболее частыми ассоциатами и частотностью слов. Полученные данные в ходе свободного ассоциативного эксперимента подтверждают это положение. Ожидаемая ассоциация *диск* на стимул «жесткий» имеет соответствующие совпадения в экспериментальной группе в количестве 110 реакций, в контрольной группе – 49 реакций. В РАС наиболее частотной ассоциацией является *диван* 81; ассоциации, связанные с компьютером или иными техническими устройствами отсутствуют. В экспериментальной группе 56,5% составляют компьютерные ассоциации, такие, как *диск, винчестер, программа*, в контрольной группе – 24,59%, Анализируя слова-реакции в экспериментальной и контрольной группах, мы получили следующие сводные данные (табл.2).

Таблица 2

Экспериментальная группа	**Контрольная группа**
Компьютерные термины – 1241 (31%) Общеупотребит. лексика – 2626 (66%) Нет ответа –133 (3%) **Всего: 4 000 ассоциатов**	Компьютерные термины – 777 (19,4%) Общеупотребит. лексика – 3150 (78,7%) Нет ответа – 73 (1,9%) **Всего: 4 000 ассоциатов**
Итого по обеим группам получено **8 000** ассоциаций	

Таким образом, понятия и термины, связанные с программными продуктами, компьютерными и Интернет-технологиями выходят из сферы специальной лексики и глубоко внедряются в сознание «усредненных» носителей русского языка, порождают целые ассоциативные ряды, которые можно сравнить с гиперссылками, так как «любое слово в нашем сознании, в памяти (точно так же,

как в речевой цепи) не существует в отдельности: оно десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам» [Караулов 2002: 751]. Так, и словарная статья ассоциативного словаря схожа с электронным документом, который несет необъятный массив информации благодаря гиперссылкам или своеобразным «прыжкам» в сознании испытуемых, позволяющим читателю-исследователю свободно перемещаться по всему его пространству.

Использование материалов ассоциативного словаря позволяет наметить новые пути в исследовании механизмов речевого воздействия и речевого поведения, а также в изучении семантических законов в языке, принципов соотношения семантики и синтаксиса в языке и речи, закономерностей социализации индивидуальных семантических изменений и установления новых типовых ассоциативных связей [Уфимцева 2001: 66].

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997.

Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности: Послесловие // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т.1. От стимула к реакции: ок. 7 000 стимулов. – С.751–782.

Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. – М.: Изд-во МГУ, 1977.

Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т.1. От стимула к реакции: ок. 7 000 стимулов.

Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С.58–65.

Уфимцева Н.В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: науч. изд. / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С.65–71.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С.139–162.

Черкасова Г.А. Русский ассоциативный тезаурус: компьютерная технология создания и издания // Этнокультурная специфика языкового сознания / под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С.181–190.

COMPUTER TERMS IN MODERN ASSOCIATIVE THESAURUS (BASED ON A LINGUISTIC EXPERIMENT)

E.A. Yukhmina

The article deals with the structure of an associative group of the stimulus word “жесткий” (hard), resulting from the associative experiment. The author provides some psychology-based associative models, compares results of the associative experiment with the data of the Russian Associative Dictionary edited by Yu.N. Karaulov.

© 2009

Е.Н. Ермакова

РАЗНОУРОВНЕВОЕ ГНЕЗДО КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСЕМ, ОБРАЗОВАННЫХ НА БАЗЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Исследование семантического пространства языка является актуальной задачей современного языкознания. О том, что для русского языка характерно образование слов «звеньями, цепочками, гроздьями», писал еще В.И. Даль [Даль 1989, 1: XXX]. Длительное время в центре внимания дериватологов находились главным образом бинарные конструкции, состоящие из производящего и производного слова. И.С. Улуханов отмечает: «Словообразовательная семантика связи слов, входящих в гнездо, обычно изучалась недостаточно и односторонне: устанавливались связи с одним («ближайшим») словом гнезда и оставались без внимания другие связи. Лишь в самое последнее время появились работы, в которых рассматриваются гнезда в целом. Однако связи слов в гнезде все еще остаются не описанными и не расклассифицированными» [Улуханов 1996: 21]. В настоящее время исследователи все больше исследуют более крупные деривационные единицы: деривационные ряды, словообразовательные типы и категории, словообразовательные парадигмы и словообразовательные гнезда.

Теоретическое языкознание и лексикографическая практика накопили материал, позволяющий поставить вопрос о специфике гнезд разного типа. Гнездо – это комплексная единица словообразования, разными своими сторонами повернутая к лексике, морфемике, деривации. В зависимости от аспекта изучения одно и то же гнездо может предстать как гнездо лексическое, морфемное, словообразовательное и толково-словообразовательное.

В отечественном языкознании еще недостаточно разработана типология производных отношений в парадигме «производящий фразеологизм > производная лексема», отсутствуют специализированные словари, в которых были бы представлены словообразовательные разноуровневые гнезда. Разноуровневое гнездо понимается как совокупность фразеологизма и образованных от него дериватов-лексем, созданных любым способом и упорядоченных отношениями формально-семантической производности на определенном синхронном срезе. Такое гнездо состоит из двух частей: первая часть – исходная – производящий фразеологизм, а вторая часть – производная – лексема первой ступени, связанная отношениями производности с фразеологизмом, и, если есть, лексема(-ы) второй и последующих ступеней, связанные отношениями производности с фразеологизмом и вступающие в отношения производности между собой.

Обе части разноуровневого гнезда представляют собой деривационный ряд. Под деривационным рядом нами понимается открытая синтагматическая структура, состоящая из производящего фразеологизма и производных лексем, объединенных отношениями непосредственной словообразовательной производности. Деривационному ряду «производящий фразеологизм – производная лексема», как и деривационному ряду (словообразовательной цепи) «произво-

дящая лексема – производная лексема», присущи следующие черты: 1) общность основы; 2) линейное расположение компонентов; 3) непосредственная словообразовательная производность, обусловливающая удаление от производящей основы на одну словообразовательную ступень; 4) открытость ряда. Так, напр., в разноуровневом гнезде производящий фразеологизм *разевать/разинуть рот* имеет значение ‘быть крайне рассеянным, невнимательным’. Образованная на базе этого фразеологизма лексема первой ступени – *рот-о-зей* имеет значение ‘рассеянный человек, разиня’. Образования следующих ступеней производны от лексемы *ротозей: ротозей* → *ротозей-к-а* – женск. *к ротозей; ротозей* → *ротозей-нича-ть* – ‘быть ротозеем, вести себя как ротозей’; *ротозейничать* → *ротозейнича-нь-е* – действие по глаголу *ротозейничать; ротозей* > *ротозей-н-ый* – ‘свойственный ротозею’; *ротозей* → *ротозей-ств-о* – ‘свойство ротозея; крайняя рассеянность, невнимательность’; *ротозей* → *ротозей-ствова-ть* – ‘вести себя как ротозей’.

Минимальной единицей словообразовательного гнезда учеными признается словообразовательная пара: производящее слово и его производное, или, наоборот, – производное слово и его производящее вместе взятые и т.д. Если словообразовательный процесс на этом останавливается, то гнездо остается двучленным. В разноуровневых гнездах в большинстве случаев наблюдается именно такое соотношение производящего и производного:

ни бе ни ме → *нибенимекнуть,*
никому не нужный → *никомуненужность,*
пить кровь → *кровопийца,*
под каблуком → *подкаблучник.*

В ряде случаев в соотносительных по образованию единицах «производящий фразеологизм – производное слово» вторичное образование не является единичным. В этом случае в составе словообразовательного гнезда выделяют и словообразовательные парадигмы (пучки или вееры производных слов одной степени производности):

→ *немогузнай -к-а*
не могу знать → *немогузнай-ств-о*
→ *немогузна-нь-е*

Производная лексема, в свою очередь, может являться производящей для образования других лексем. Однокоренные (однокорневые) слова объединяются в словообразовательные гнезда. Таким образом, вторая часть деривационного ряда образует словообразовательную парадигму – «объемную структуру, состоящую из однокоренных слов, объединенных отношениями непосредственной словообразовательной производности и одним способом образования» [Тихонов 1971: 81].

	→ *низкопоклон-н-ый*	→ *низкопоклонн-ик*
		→ *низкопоклонн-иц-а*
		→ *низкопоклонн-о*
низкий поклон	→ *низкопоклон-ств-о*	→ *низкопоклонств-ова-ть*
	→ *низкопоклон-нича-ть*	→ *низкопоклоннича-нь-е*

губитель душ	→ *душегуб*	→ *душегуб-ец*	→ *душегуб-и-тель*
		→ *душегуб-ств-о*	→ *душегубитель-н-ый*
		→ *душегуб-к-а*	

Разноуровневые гнезда обладают разной степенью разветвления, имеют от двух до восьми составляющих. Наиболее представлены двучленные гнезда, менее – трехчленные. Пяти-, шести- и семичленные гнезда в нашем материале немногочисленны.

Как уже отмечалось выше, в лингвистике семантическое содержание разноуровневых гнезд с вершинами – фразеологизмами остается неразработанным. Это связано со сложностью структуры семантического пространства такого гнезда, неупорядоченностью его содержательных и количественных характеристик, отсутствием единообразия в использовании учеными терминов, позволяющих охарактеризовать семантику разноуровневого гнезда. Не разработана и методика анализа материала, в котором производящим выступает фразеологизм, а производными – лексема(-ы).

В рамках реализации проекта «Толковый словообразовательный словарь отфразеологической лексики русского языка» нами собран и систематизирован языковой материал, проведен лингвистический анализ, описаны полученные результаты. Разноплановая представленность материала, в котором реализуются производные единицы, позволила определить, что лексемы, образованные на базе уже имеющихся в языке фразеологических единиц, являются объемным в количественном отношении пластом номинаций. У автора имеется тезаурус отфразеологических единиц, которые собирались в течение десяти лет. Авторская картотека насчитывает 813 единиц – производных лексем в 53 800 употреблениях. В качестве материала исследования были использованы художественные произведения русских классиков и современных авторов, использующих в своем творчестве производные слова, образованные на базе уже имеющихся в языке фразеологизмов. Отбор цитат не был ограничен ни временными периодами, ни жанрами, ни стилистической направленностью произведений. Широко представлены в картотеке примеры из произведений публицистического стиля – текстов газет и журналов, телевидения; в отдельных случаях фиксировались фрагменты разговорной речи. Картотека не ограничивается только производными лексемами, в качестве соотносительных по образованию и семантико-грамматическим свойствам единиц используются и производящие фразеологизмы; практически все они также отражены в картотеке (435 единиц в 4 300 употреблениях).

В данном словаре будут приведены разноуровневые гнезда, представленные как совокупность фразеологизма и образованных от него дериватов-лексем, созданных любым способом и упорядоченных отношениями формально-семантической производности на определенном синхронном срезе.

Словарь будет совмещать в себе признаки толкового, словообразовательного и фразеологического словарей. Его цель – системно представить особый пласт лексики современного русского языка – слова, значения которых сформировались под влиянием фразеологических единиц.

В словаре будет приводиться комментарий к описываемым единицам языка,

в котором прослеживаются линии смысловых связей между языковым значением отфразеологического слоообразования и отраженной в нем археологией культуры, а также современные установки культуры.

Планируемая в данном словаре система стилистических помет будет отражать условия употребления отфразеологической лексики с учетом демократизации современной речи. С этим связано и использование в качестве иллюстративного материала всех жанров печатной продукции, в том числе и жанров Интернета.

Анализ отфразеологических словообразований позволяет отразить смысловые и структурные связи между производящими фразеологическими единицами и производными лексемами, охарактеризовать словообразовательный потенциал фразеологизмов русского языка, проанализировать и описать способы образования отфразеологических лексем. Динамические изменения языковых единиц, составляющие основу развития языкового состава, происходят в речи. Поэтому основным объективным условием обнаружения характера движения языковых единиц в процессе развития является изучение особенностей их речевого использования.

Методологической основой планирующегося исследования избраны принципы научно-исследовательского подхода, согласно которому языковой знак рассматривается в единстве его структуры и содержания как объект целостной системы, включающей этот знак в свое пространство и создающей условия для реализации его специфики и закономерностей. Наблюдение над фразеологизмами, выступающими в роли мотивирующих, дает возможность исследования словообразовательных процессов, которые происходят в современном русском языке.

При рассмотрении способов словообразования будут учитываться и объективные, и субъективные факторы. Объективные факторы опираются на сущность процессов словообразования, субъективный фактор связан с компонентным составом единиц, их варьированием, выражением оценки воспринимаемого с точки зрения говорящего и оцениваемого, а также коммуникативной ситуацией и различными социальными условиями.

Словарь призван способствовать углублению коммуникативных навыков, повышению культуры речи, созданию предпосылок для более высокой степени рецепции художественных, публицистических и иных текстов, развитию навыков непринужденной и правильной публичной речи представителей всех профессий, чья деятельность связана с социальной сферой.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1989.

Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. – Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1971.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: Рус. словари, 1996.

HETEROLEVEL WORD FAMILY AS A MEANS OF FIXED-UNIT-BASED LEXEMES ARRANGEMENT

E.N. Yermakova

This is a project of an explanatory word formation dictionary of fixed-unit-based words of the Russian language with heterolevel word families. Fixed phrases are motivating units; lexemes of the first and the subsequent grades are motivated units that are formed on their basis.

© 2009

Е.В. Гаева

НАСКОЛЬКО КОРРЕКТНЫ ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА?

Главное, чем поражают наши толковые словари, – невниманием к цитате. А ведь цитата – это альфа и омега любой словарной статьи: именно цитата подтверждает тот теоретический материал, который предлагается в справочнике. Что же мы видим на самом деле? Толкования, которые не согласуются с приведенными тут же цитатами. Толкования, под которые цитаты «подгоняются». Описки (описки ли?) в цитатах, что сводит на нет все толкование. «Путешествия» неточных цитат из словаря в словарь, выбрасывание материала, не отвечающего «нормам» литературного языка... И ведь грешат этим не только некрупные словарики, но и вполне серьезные, академические издания.

Итак, знаменитый неоконченный «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» (так называемый Гротовский словарь). В статье «Кафернаум» в несколько усеченном виде наблюдаем следующую цитату из романа П.Д. Боборыкина «Перевал» (1894): – *Садитесь, господа, где можно, – пригласил князь и тихо рассмеялся. – Извините... У меня стульев немного... в моем кафернауме. В этой комнате я и днюю, и ночую* (Цит. по: [Словарь 1891–1929, т.IV, вып.2: 631–632]). Смысл слова *кафернаум* здесь поясняется так: «То же, что капернаум». Найдя по ссылке статью «Капернаум», видим следующие толкования: «Кабак. <...> ‖ Публичный дом. ‖ Ватер-клозет» [Там же, т.IV, вып.2: 395]. Но применить к цитате ни одно из этих пояснений невозможно: нельзя и представить, чтобы истинно благородный князь, нравственно чистый «чудак-гегельянец», так назвал собственное жилище.

Во французском языке лексема *capharnaum* имеет значение не только ‘публичный дом’, но и ‘хаотическое нагромождение вещей, хаос’, поэтому думается, что в романе П.Д. Боборыкина слово *кафернаум* использовано, скорее, в значении ‘помещение с хаотичным нагромождением вещей’, хотя в Гротовском словаре ничего даже отдаленно напоминающего данное значение мы не находим.

Подобный случай не единичен в корпусе данного словаря. На наш взгляд, с составителями словаря плохую шутку сыграла в первую очередь ссылка «То же, что...», поскольку на фоне обычной человеческой усталости и на фоне просто отсутствия времени у составителей иногда нет возможности перепроверить истинность таких ссылок.

Ошибочное толкование встретилось нам и в толковом словаре В.И. Даля. В целом для его словаря нехарактерны ссылки на авторов художественных произведений, но лексема *подлеточек* – одно из редких исключений. Вины самого В.И. Даля в этой ошибке нет – материал о *подлёточке* был вставлен уже позднее И.А. Бодуэном де Куртенэ, на что указывают квадратные скобки в 3-м издании: «[*Подлёток,* подлеточек, –чка, м. (Боборыкин), поль. podlotek, девочка, переходящая в возраст невесты, лет 13–15]» [Даль 1994, 3: 465].

Некоторые цитаты из произведений П.Д. Боборыкина не позволяют точно сформулировать, в каком значении автор использует слово *подлёточек*. А вот отрывок из романа «Жертва вечерняя» (1868) уже заставляет задуматься: *Вывозили ее шесть зим сряду <...> Вышла она замуж, как я же, не зная зачем; гораздо даже хуже: я была девчонка, а она «подлеточек», как говорил мой Николай* [Боборыкин 1886, V: 11]. Сомнительно, чтобы девушке, которую *вывозили <...> шесть зим сряду*, было 13–15 лет. И уже все точки над i расставляет текст повести «Поддели!» (1871): *Барынька – ничего. Я одобряю. Здоровьем жидковата, ну и подлеточек уж. Тридцать поди, да еще не с хвостиком ли...* [Боборыкин 1887, XII: 217]. Итак, мы видим, что лексема *подлёточек* П.Д. Боборыкиным используется в значении ‘девушка, женщина в возрасте’, но никак не в значении ‘девочка, переходящая в возраст невесты, лет 13–15’. Сейчас уже невозможно узнать, как в словаре при слове *подлёточек* появилась ссылка на Боборыкина: может, И.А. Бодуэн де Куртенэ встречал в его произведениях эту лексему в затемненных контекстах, может, кто-то сообщил ему, что видел форму *подлёточек* у данного автора, и И.А. Бодуэн де Куртенэ просто некритично вставил ссылку на конкретного автора.

Если откроем другой справочник – «Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР», то в статье, посвященной слову *обжект*, встретим следующее второстепенное пояснение: «Иронически. Встрет. у Боборыкина. О человеке. *У меня обжект на мази... богатый* (жених для дочери). Бобор. Китай-город, кн.III, гл.22» [Словарь 1929–1937, т.IX, вып.2: 234]. В действительности же цитата в неусеченном виде читается так: *У меня обжект на мази... богатый. – Мешки делать из травы? Слышал! Ха-ха!..* [Боборыкин 1897, I: 224]. Следовательно, реальным значением здесь будет не ‘жених для дочери’, а то, которое указано как основное: ‘предмет’ [Словарь 1929–1937, т.IX, вып.2: 234], или, если точнее сформулировать для данной цитаты, ‘проект предприятия’.

Аналогичные случаи можно найти и в современных изданиях. Так, в «Словаре современного русского литературного языка в двадцати томах» (прервался на 6-м томе) и в издающемся в настоящее время «Большом академическом словаре русского языка» лексема *антик* в значении «Употр. для выражения похвалы чему-л., одобрения чего-л.» иллюстрируется следующей цитатой из произведения А.И. Куприна «На покое»: *Портсигар хороший, черепаховый ... Антик* ([Сло-

варь 1991, I: 185], [Большой 2004, I: 216]). Однако в полном виде цитата выглядит следующим образом: *Портсигар хороший, черепаховый... теперь таких больше не делают. Антик* (Цит. по: [Словарь 1985, I: 39]). Таким образом, реальное значение у слова *антик* в данном тексте следующее: 'О старинном или редком предмете художественной работы' [Там же], что и указано для полной цитаты из А.И. Куприна в более раннем по времени публикации «Словаре русского языка в четырех томах» под редакцией А.П. Евгеньевой. А в «Словаре современного русского литературного языка в двадцати томах» и «Большом академическом словаре русского языка» мы наблюдаем классический случай «подгонки» цитаты под толкование.

В «Словаре русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии наук» в статье, посвященной слову *кармазинный* (т.е. 'красный, ярко-красный'), читаем: *На фронтоне которой* (беседки) *вычурными кармазинного цвета буквами по белому фону начертана надпись.* Маркевич. Забыт. вопрос (Цит. по: [Словарь 1891–1929, т.IV, вып.2: 499]. На самом деле в тексте романа использована форма *кармазиновый*, а не *кармазинный: Из довольно обширной тесовой беседки, на фронтоне которой вычурными кармазинового цвета буквами по белому фону начертана надпись:* Монрепо, храм отдохновения*, выходит маленький толстый и лысый человечек* <...> [Маркевич 1885, II: 3]. Похоже, составители картотеки просто неправильно выписали анализируемое слово из источника.

В современных справочных изданиях подобные «недочеты» чаще всего встречаются в словаре Н.И. Епишкина «Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка». Так, в его статье «Ремиз» небольшой отрывок из романа П.Д. Боборыкина «В чужом поле» (1866) имеет следующий вид: *Их нагнала карета, и там Боровской больше восклицаниями и влюбленными фразами воспроизводил Пюжаку неизъяснимую прелесть разговора под желтым фонариком.* Читаешь и не понимаешь, почему Н.И. Епишкин поместил данный пример в словарную статью «Ремиз»: ведь слова-то *ремиз* здесь нет! Оказывается, в источнике написано *их нагнала ремиза* [Боборыкин 1886, 4: 114] (кстати, в форме женского рода, а не мужского), а не *их нагнала карета*, как напечатано в словаре Н.И. Епишкина. И банальные описки не редкость в тексте его словаря. Статья «Ронд»: *Молодая компания опять увлекла его в опасное сообщество, где он нарушил свое обещание; он пил и танцевал, и, делая ронд в фигуре, вдруг увидал перед собою внутреннего шефа...* [надо: *Шера* (имя собственное)] (Лесков. Чертовы куклы). Статья «Тернёвы»: *<Ахилл Агеевич> выбирал ... цыплячьи косточки и кидал их в широко раскрытую* [надо: *открывавшуюся] навстречу им пасть большого кудластого тернёва Степы* (Маркевич. Бездна).

Но если в словаре Н.И. Епишкина описки возникли по вине автора, то в других современных словарях мы видим опечатки и неточности, которые современные составители просто перенесли из чужих словарей, даже не удосужившись перепроверить источники. Напр., в «Словаре редких и забытых слов» В.П. Сомова и словаре В.С. Елистратова «Язык старой Москвы» встречается выражение *Але машир.* Словосочетание это восходит к франц. allez – 'идите' и нем. marschieren – 'маршировать' и переводится как «Марш! Вон! Уходи!». В словаре В.С. Елистратова есть ссылка на Н. Лескова, а в словаре В.П. Сомова просто приведена цитата из Н. Лескова: *«Але машир – в двери!» – скомандовал*

Термосесов (Соборяне) [Сомов 1996: 17]. На самом деле в тексте романа Н.С. Лескова написано: *Алё маршир в двери!* [Лесков 1889, I: 211]. «Опечатка» *машир* вместо *маршир* возникла по очень простой причине: так напечатано в дореволюционном словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и речь». Почему у М.И. Михельсона появилась такая неточность? Вероятнее всего, для него более привычны были конструкции с формой *машир*, а не *маршир*, потому что выражение *машир на хаус* встречаем у А.Н. Островского, а фразу *алон машир цу гауз* – у Б.М. Маркевича.

Иногда, гонясь за пресловутой нормативностью, составители словарей выбрасывают материал, который на самом деле подтверждает эту самую нормативность. В качестве примера укажем на выражение *закивать пальцем*, которое издатели «Словаря современного русского литературного языка в 20 томах» отнесли к авторскому словотворчеству: «Во второе издание Словаря не включаются и те помещенные в первое издание обороты речи, которые встречаются у писателей, но не соответствуют общеязыковым нормам сочетаемости слов: *закивать пальцем* (Слепцов), *завернула оттепель* (А.Н. Толстой) <...> Такие речевые факты служат ценным материалом для специальных словарей (словаря писателя, словаря эпитетов и т.п.), но не могут иметь место в словаре, отражающем общие нормы литературного языка» [Словарь 1991, 1: 8].

С утверждением, что выражение *закивать пальцем* не соответствует «общеязыковым нормам сочетаемости слов», нельзя согласиться. Это выражение не соответствует современным, начала XXI в., нормам, но для XIX в. и ранее это сочетание не редкость: оно встречается не только в пословицах (*Не кивай пальцем, сам будешь старцем. Кому перстом кивают, а нам глазом мигают*), но и в произведениях Н.В. Гоголя, В.А. Слепцова, Н.С. Лескова, И.С. Тургенева, А.П. Чехова. Причина широкого использования словосочетания *кивать (закивать) пальцем (перстом*) заключается в том, что, как свидетельствует словарь В.И. Даля, одним из значений глагола *кивать* в XIX в. было ‘подавать знак наклоненьем головы либо пальцем’ [Даль 1994, II: 265]. Поэтому это слово требовало уточнения: *кивать головой – кивать пальцем*. А ошибка составителей современного словаря заключается в том, что устаревшую в XX в. общеязыковую конструкцию *закивать пальцем* они приняли за авторскую. Кстати, в издающемся в настоящее время «Большом академическом словаре русского языка» выражение *закивать пальцем* теперь отсутствует.

Конечно, примеры, приведенные в данной статье, довольно хаотичны. Но они показывают, насколько несовершенны наши словари, насколько огромная работа предстоит тем, кто решится делать качественный словарь русского языка: ведь на самом деле составителям придется не только собирать новый материал, но и перепроверять тот, который они получили «по наследству», поскольку «наследство» это явно не безупречно.

ЛИТЕРАТУРА

Боборыкин П.Д. Собрание романов, повестей и рассказов: в 12 т. – СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1897.

Боборыкин П.Д. Сочинения: в 12 т. – СПб. – М.: Изд. товарищества М.О. Вольф, 1884–1887.

Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М. – СПб.: Наука, 2004. (Изд. продолжается).

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

Епишкин Н.И. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка [«Амур бонжур тужур» и другие французские слова и выражения в русском языке и речи]. – Чита: Изд. автора, 1999.

Лесков Н.С. Собр. соч.: в 10 т. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889–1890.

Маркевич Б.М. Полное собр. соч.: в 11 т. – СПб.: Тип. [бывшая] А.М. Котомина, 1885.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1985–1988.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб. – Пт. – Л., 1891–1929.

Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1929–1937.

Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. / гл. ред. К.С. Горбачевич. – М.: Рус. яз., 1991–1994. – Т.I–VI.

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. – М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 1996.

ARE RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARIES ACCURATE?

E.V. Gayeva

The article challenges accurate material presentation in Russian explanatory dictionaries (both academic and amateur).

© 2009

С.В. Лесников

АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНАЯ СИСТЕМА ПОИСКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ВОКАБУЛ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Начнем с дефиниций.

Кластер – скопление, объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами; напр., в нашем случае – это проекция, выборка всех значений какого-либо словоупотребления/словосочетания из самых разных словарей, справочников и энциклопедий.

Пертинентность – соответствие полученной информации информационной потребности пользователя.

*Исследование осуществлялось при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ).

Вокабула – основная (исконная, начальная) форма, заголовок словарной статьи.

Лемма – основа слова, «черное слово». Лемматизация (канонизация, нормализация, стемминг) – процесс нахождения исходной формы слова (т.е. вокабулы).

Релевантность – применительно к результатам работы поисковой системы – степень соответствия запроса и найденного, т.е. уместность результата.

Эксцерпция – выписка, извлечение из писем, произведений, выборка фрагментов из текста; выдержка, цитата; конкретный пример употребления вокабулы в тексте.

ЛСВ – лексико-семантический вариант вокабулы, элементарная лексическая единица = кортеж грамматических форм слова, соотнесенных с одним из значений данного слова ([Смирницкий 1954: 36], [Новиков 1982: 113], [Канделаки 1987: 84–89], [Новиков 1998: 382]).

Исходной основой для поиска традиционно являются большие корпусы неструктурированных или слабоструктурированных текстов на естественном языке. Корпус текстов предварительно индексируется. Индекс содержит соответствия между некими базовыми сущностями, использующимися для поиска, и фрагментами текстов, их содержащими. Как правило, этими сущностями являются слова (или словоформы). В более развитых вариантах это могут быть тематика текста, фразеологизмы и устойчивые (частотные) словосочетания или предложения. Возможен также «приблизительный» поиск. Эффективный поиск по теме или степени похожести на данный фрагмент текста требует умения правильно определять тематику источника. Индексы могут строиться как автоматически, так и вручную. Автоматически строятся, как правило, только индексы на основе слов (и в очень ограниченном виде на основе определения тематики текста). Для современных поисковых систем достижима полнота и релевантность до 95%.

Почему предлагается сконцентрировать внимание на поиске именно ЛСВ вокабулы, а не просто традиционно искать, напр., словоформу, словоупотребление, лексему, вокабулу или лемму? С нашей точки зрения, в качестве результата поиска необходимо и достаточно получить «однозначное слово или ЛСВ. Только при этом условии можно соблюсти необходимую чистоту и полноту при классификации лексики. Человек не вычислительная машина, и семантический спектр слова актуализируется у него крайне неравномерно. В результате, зная слово, т.е. безошибочно употребляя его, носитель языка далеко не всегда способен осознать то или иное значение как значение» [Морковкин, Новиков 1978: 148]. При этом, «многослойность и негомогенность слова проявляется в том, что оно выступает по меньшей мере в трех разновидностях: как знак, как единица лексической и лексико-семантической систем и как элемент грамматического строя языка. Модусы существования слова – лексема, ЛСВ и словоупотребление в речи (тексте). Структура слова, рассматриваемого с точки зрения соотношения означающего и означаемого, довольно проста, структура слова как элемента строя и семантической структуры языка – сложна» [Аспекты 1980: 10].

Поиск ЛСВ вокабул – это процесс отбора соответствующих запросу словар-

ных статей по некоторым признакам из базы словарей, которые соответствуют теме и/или предмету реляционного запроса.

Поиск ЛСВ может осуществляться посредством матрично-словарной реляционной информационно-поисковой системы ЛСВ (ИПС ЛСВ) в интерактивном режиме эксцерпции и выполняться с использованием соответствующего программного и лингвистического обеспечений как в Интернете (on-line), так и локально (off-line) (технологии Intranet и Internet).

В настоящий момент именно такая пилотная версия ИПС ЛСВ вокабул русского языка доступна в Интернете на портале http://lsw.ru (http://vault.syktsu.ru/cgi-bin/slovar.pl, http://umk.lsw.ru/cgi-bin/slovar.pl, http://cfrl.lsw.ru/cgi-bin/ slovar.pl).

25 июля 2008 г. в лексическую базу загружено 1255 словарей, словников, справочников и энциклопедий русского языка. Общий объем этой базы – 3 282 036 словарных статей.

Программы поиска, создания, загрузки и параметризации лексической базы данных написаны на PERL (Practical Extraction and Report Language – практический язык для извлечения данных и составления отчетов) и PHP (Preprocessor of Home Pages – препроцессор гипертекста – язык программирования, созданный для генерации HTML-страниц на веб-сервере и работы с базами данных) с использованием SQL (Structured Query Language – язык структурированных запросов – универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления данными в реляционных базах данных).

1. Первая программа searcher_word (http://cfrl.lsw.ru/cgi-bin/searcher_word.pl/) позволяет искать заданную лексему в загруженных словарях (словниках, справочниках, глоссариях и энциклопедиях) разными способами: а) «целиком слово» (заголовок словарной статьи, черное слово, лемма, вокабула); б) как «часть слова» (фрагмент словоформы, однако с учетом того, где будет осуществляться поиск – только по заголовкам словарных статей и/или и в зоне толкования); в) в «области значения ЛСВ вокабул» (толкование – т.е. в правой части словарной статьи, определение, дефиниция). Сузить объем результатов поиска помогает выбор группы лексических источников: 1) словники; 2) толковые; 3) синонимы; 4) говоры; 5) жаргоны; 6) энциклопедии; 7) ГИЗАУРУС (гипертекстовый тезаурус) – термины; 8) разные.

2. Программа searcher_synonym (http://cfrl.lsw.ru/cgi-bin/searcher_synonym.pl/) позволяет искать синонимы для введенной лексемы в словарях синонимов русского языка, загруженных в словарную базу данных (информация о количестве словарных статей отображается на экране). При этом так же, как и в программе searcher_word, можно выбрать уточняющие параметры поиска: а) «целиком слово», б) как «часть слова». Параметр «толкование» и выбор одной из групп словарей недоступны. Каждый найденный синоним, в свою очередь, фактически является контекстной ссылкой (т.е. выделенная лексема и будет очередным уже заданным запросом при активизации гиперссылки) на программу searcher_word, при помощи которой и возможно узнать значение соответствующего синонима. Причем в этом случае «по умолчанию» значение синонима ищется во всех словарях как «часть слова». Постановка задачи – идея искать значения слов с учетом синонимов – неоднократно

обсуждалась с А.А. Поликарповым. Базовый словарь синонимов был сформирован на основе компьютерной версии словаря синонимов, составителями которого являются Л.И. Колодяжная и А.А. Поликарпов (см.: [Колодяжная, Поликарпов 1975: 25–34], [Колодяжная, Поликарпов 1987: 35], [Колодяжная, Поликарпов 1990: 82], [Колодяжная, Поликарпов 1992: 3–15]). Их версия нами была увеличена в несколько раз – до 82 тыс. словарных рядов, 162 тыс. слов. В дальнейшем предполагается автоматизированное построение синонимических рядов, прежде всего прямых синонимов – лексических единиц, которые максимально близки или совпадают по значению. Критерием близости является свойство взаимозаменяемости лексических единиц в реальных тематических контекстах с учетом абсолютной и относительной частотности.

3. Программа searcher_index (http://cfrl.lsw.ru/cgi-bin/searcher_index.pl/) не содержит параметров поиска (переключателей и меню выбора) и позволяет осуществить глобальный поиск по генеральному словнику русского языка. В генеральный словник включены вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием на то, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. В генеральный словник включена информация не столько по электронным версиям (которые загружены в словарную базу данных, т.к. такие вокабулы найдутся по запросу а) «целиком слово»), но, прежде всего, словники книжных (бумажных) словарей и словники с других словарных порталов. По числовому коду словаря выдается библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников.

Идея Генерального словника русского языка восходит к научной программе «Машинный фонд русского языка (МФРЯ)» (главный конструктор В.М. Андрющенко): первым компонентом МФРЯ «является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, и других “словнико-подобных” словарей, таких, как «Грамматический словарь русского языка» [Зализняк 1977], «Русский орфографический словарь» [Лопатин 2005] и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, т.е. слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определенного лексического значения, а его атрибутами – номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов – имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-либо объектов – словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т.п. «Очевидно, что многоаспектный поиск по заданным значениям атрибутов с соответствующими логическими условиями может давать ответы на такие запросы, как: “Найти перечень словарных статей определенных словарей, для которых имеется информация в терминологической базе данных”, “Найти значения вокабулы, стилистически маркированные в словарях”, “Найти все глаголы с дефектными парадигмами и сопоставить структуры их словарных статей” и т.п.» [Андрющенко 1986: 31]. В 1987–1991 гг. в отделе МФРЯ был сделан вариант генерального словника (небольшой фрагмент от А до П в формате для ЕС ЭВМ нам был доступен).

В бумажной версии необходимо отметить академический образец сводного

словника русской лексики [СССРЛ 1991], в котором свыше 170 тысяч словарных статей из 14 словарей и энциклопедий русского языка. При каждом слове словника указаны словари, в которых оно зафиксировано. Консультации проводились как с В.М. Андрющенко, так и с Р.П. Рогожниковой. Напр., Р.П. Рогожникова предлагала включать в генеральный словник лексику только из академических источников. С нашей точки зрения, включать надо всё!

25 июля 2008 г. Генеральный словник русского языка содержал 1 584 362 словарные статьи с соответствующими ссылками на 535 словарей.

При разработке и создании ИПС ЛСВ вокабул предполагается выдерживать следующие принципы: а) функциональности (совместное рассмотрение структуры системы поиска и функций с приоритетом функций над структурой); б) глобальной цели (оптимальность подсистем не является оптимумом всей системы поиска); в) единства (совместное рассмотрение системы как целого и как совокупности частей); г) развития (учет изменяемости системы, ее способности к развитию, накапливанию информации с учетом динамики окружающей среды, напр., использование статистики пользовательских запросов и новых лексических источников); д) иерархии (учет использования соподчинения и ранжирования частей, напр., систематизация по тематическому, хронологическому и частотному параметрам); е) организованности; ж) децентрализации (распараллеливание запросов по распределенным на разных серверах лексическим базам данных); з) неопределенности (по возможности, учет вероятностного наступления события, напр., за счет накопления статистики).

Будущее использование (адаптация, модификация и развитие) «ИПС ЛСВ вокабул» также актуально в целях постоянного и обоснованного решения проблемы поиска лексических материалов.

Матрично-словарная организация лексической базы данных заключается, главным образом, в следующем: конструируется трехмерная матрица, элементами которой фактически являются отдельные словари, справочники, энциклопедии русского языка.

Первая координата – произвольная группировка словарей: 1) словники, 2) толковые, 3) синонимы, 4) говоры, 5) жаргоны, 6) энциклопедии, 7) гипертекстовые тезаурусы, 8) разные.

Вторая – тематическая классификация. Напр., говоры – просторечие, наречие, диалект, социолект, полный или региональный/местный; жаргоны – профессия, арго, сленг, мат. Гипертекстовые тезаурусы – термины: А. ИНТЕРНЕТ (кибернетика, информатика, оргтехника, ЭВМ); Б. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ; В. МАТЕМАТИКА. МЕХАНИКА. ФИЗИКА. АСТРОНОМИЯ; Г. ХИМИЯ; Д. ГЕО; Е. БИОЛОГИЯ; Ж. ТЕХНИКА; З. ЭЛЕКТРО-, ЭНЕРГО- (радио-, теле-, акустика, связь, электроника, энергетика); И. ГОРНОЕ ДЕЛО; К. МАШИНО- и ПРИБОРОСТРОЕНИЕ. МЕТАЛЛ (-оведение, -ургия); Л. этот РАЗДЕЛ резервный, напр., для собственно текстов художественных, научных и учебных; М. ЛЕГКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. ФОТОКИНОТЕХНИКА; Н. СТРОИТЕЛЬСТВО; О. ТРАНСПОРТ; П. СЕЛЬСКОЕ И ЛЕСНОЕ ХОЗЯЙСТВО; Р. МЕДИЦИНА. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ; С. СМИ (журналистика, полиграфия, реклама); Т. ИСТОРИЯ; У. ЭКОНОМИКА; Ф. ПОЛИТИКА; Х. ЮРИСПРУДЕНЦИЯ; Ц. ВОЕННОЕ ДЕЛО; Ч. КУЛЬ-

ТУРА. ПРОСВЕЩЕНИЕ; Ш. ФИЛОЛОГИЯ (лингвистика, литература); Щ. ИСКУССТВО; Ы. СПОРТ; Э. КОСМОЛОГИЯ (политеизм, монотеизм, атеизм, мистицизм, астрология, симвология, этнология); Ю. ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ; Я. УНИВЕРСАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА.

Тематическая классификация реализуется с учетом рубрикаторов: АПУ (алфавитно-предметного указателя), АСВИЯ (автоматизированной системы ведения информационных языков), ББК (библиотечно-библиографической классификации), ГАСНТИ (Государственной автоматизированной системы научно-технической информации), ГСК (генерального систематического каталога), ЕКЛ (единой классификации литературы), ИСБН (ISBN – международного стандартного книжного номера), ОКСТУ (общероссийского классификатора «Стандарты и технические условия»), СИБИД (системы стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу), СКС (систематической картотеки статей, УДК (универсальной десятичной классификации) и др.

И, наконец, третья координата – хронологическая, т.е. лексикографические источники упорядочены по году первого издания или по дате выпуска первого тома и т.п.

Основными моментами архитектуры «ИПС ЛСВ вокабул», на наш взгляд, должны стать: 1) реализация распределенной модели поиска (т.е. с учетом информации из внешних, сторонних лексических баз); 2) переход от модели «один поиск на всех» к модели персонального, параметрического, многоаспектного поиска; 3) при поиске учет критериев релевантности и пертинентности; 4) переход от поиска только текстовой информации к распознаванию и поиску мультимедийной информации (изображения, анимация, озвучивание и видеофрагменты в качестве иллюстраций к соответствующим вокабулам).

Текущий момент характеризуется катастрофическим ростом информации. В соответствии с законом Мура (основатель Intel), объем данных растет быстрее, чем производительность компьютеров. Быстрое развитие компьютеров позволяет создавать человеко-компьютерные комплексы для поиска лексических материалов большой производительности, используя технику распределенных баз/банков данных/знаний и параллельных вычислений. Преимущество таких подходов заключается в их относительно невысокой стоимости (в соотношении цена/качество), что обеспечивает им перспективу широкого распространения.

Предлагаемая система поиска ЛСВ вокабул специфична по сути и в некотором смысле оригинальна, однако необходимо привести в качестве аналогов и прототипов и другие российские словарные базы данных в Интернете (рассматриваем пока только 11 – в будущем этот ряд обязательно будет продолжен и описан значительно более подробно на сайте http://lsw.ru):

1. Словари Яndex (http://slovari.yandex.ru/).

1 сентября 2006 г. Яндекс начал выполнять программу по созданию электронной библиотеки справочной литературы. В рамках программы «Яндекс. Словари» компания приобретает права, оцифровывает и публикует в Интернете наиболее интересные словари и энциклопедии по разным отраслям знания. Недостаток этой поисковой системы в том, что слово ищется как «часть» и в заголовках и в толковании словарных статей одновременно. При этом частично возможно сократить это число с помощью уточнения параметров поиска:

а) «статью в энциклопедиях» или «перевод слова»; б) «выделить все энциклопедии», «снять выделение», «выбрать некоторые словари». На 25 июля 2008 г. – всего 78 словарей.

2. Мир словарей – Коллекция словарей и справочников (http://mirslovarei.com).

Имеется краткое описание каждого словаря со ссылками на значения некоторых слов. Искать можно: а) только в одном из выбранных словарей; б) «любое слово» или «все слова»; в) «по слову» или «по слову и описанию». На 25 июля 2008 г. – всего 32 анонимных словаря – без указания каких-либо книжных или иных первоисточников.

3. «Справочно-информационный Интернет-портал «Русский язык» Грамота.ru (http://www.gramota.ru/slovari/).

На июль 2008 г. доступно всего 12 словарей русского языка: а) можно создать свою группу словарей (расставив «галочки» в соответствующих местах), по которой и будет производиться поиск; б) есть «помощь», к которой всегда можно обратиться; в) в результате поиска в словаре синонимов выведенные на экран слова являются гипертекстовыми ссылками, нажав на которые можно узнать их значение, – аналогичный принцип использовался нами при создании программы searcher_synonym (обнаруженное совпадение случайно: мы сначала создали свой поиск по синонимам, а уж затем обнаружили похожий вариант реализации поиска на указанном портале).

4. Русский гуманитарный Интернет-университет. Словари (http://www.vusnet.ru/biblio/dict.aspx/).

Здесь на июль 2008 г. предоставлена возможность поиска по 43 словарям и справочникам. Параметры поиска: а) «искать во всех словарях» или выбрать некоторые (создав тем самым произвольную поисковую группу); б) «искать в ключевых словах» или (строго) «искать в ключевых словах и словарных статьях»; в) «не разбивать на порции». При выдаче результата появляется информация о количестве найденных статей и о затраченном времени на поиск. Существенным недостатком системы является то, что введенное слово ищется как фрагмент – это приводит к слишком большому количеству выводимых результатов. И, видимо, пока не задействована опция «добавить статью».

5. Словари и энциклопедии на Академике (http://dic.academic.ru/).

На июль 2008 г. – 44 анонимных словаря. Есть поиск: а) по всем словарям или выбранным, б) по толкованиям, в) по группам (переводные, грамматические, толковые). В июле 2008 г. сайт не выдерживал критики: на «главной» странице была чудовищная ошибка «грамматика», что, по всей видимости, свидетельствовало о дилетантизме и непрофессионализме разработчиков (наверное, филологов в коллективе не было).

6. Сельскохозяйственная электронная библиотека знаний (СЭБиЗ) (http://www.cnshb.ru/AKDiL/).

СЭБиЗ создана (при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, грант №00-07-90208) в виде информационно-справочной системы, позволяющей пользователям получить сведения, которые собраны в энциклопедиях, справочниках и словарях по всем отраслям сельскохозяйственных знаний. Ряд словарей и справочников приводятся не полностью, но они постоян-

но дополняются. В СЭБиЗ представлены рубрикатор и тезаурус по сельскому хозяйству. Для уточнения поисковых запросов предусмотрены режимы: а) «слова в документе (логика И)» – при поиске будут найдены документы, в которых все написанные в запросе слова присутствуют в произвольном месте документа вместе или порознь; б) «слова в предложении (логика И)» – такой поиск аналогичен предыдущему, но все слова запроса будут найдены в одном или нескольких предложениях документа; в) «словосочетание (через 2 слова)» – будут находиться документы, в которых слова запроса присутствуют не далее, чем за два слова друг от друга в заданном Вами порядке. Если между словосочетаниями или отдельными словами находятся союзы И, ИЛИ, то эти союзы будут восприниматься как задающие логику соединения словосочетаний или отдельных слов.

7. Словари ИНФО (http://www.slovari.info/).

Имеется возможность поиска по лексической базе из 7 словарей (Даль, медицинский, полиграфический, геологический и терминов социологии, философии и юриста).

8. Энциклопедии на http://enc.mail.ru/ (Российский энциклопедический словарь, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, Всемирный биографический энциклопедический словарь, Мифы народов мира, Всемирная история, Народы и религии мира): а) искать точные формы слов, б) искать в найденном.

9. 12 энциклопедий на http://www.edic.ru/ (большой, исторический, мифы народов мира, музыкальная, животных, растений, моды, кулинарная, монет XX в., люди на монетах, нумизматический и словарь-ликбез по экономике).

10. Интерактивные словари (http://www.slovari.ru).

Поиск по сотням тысяч словарных статей во всех представленных словарях, а также а) несколько томов русской грамматики, более десяти томов библиографических материалов; б) возможность задавать сложные поисковые запросы с использованием масок и логических операторов; г) запросы с использованием транслитерации; д) отображение результатов в графическом режиме (опция указывается в форме поиска); е) можно задать запрос в современном написании и получить результат словарной статьи в ее оригинальном написании (толковый словарь В.И. Даля под редакцией И.А. Бодуэна де Куртенэ); ж) постоянное обновление и пополнение словарных баз данных и справочных материалов по русскому языку; з) возможность формирования поисковых запросов в библиотеке справочной литературы; и) поиск слова в многолетних архивах Службы русского языка и форума сайта; к) Служба русского языка, форум, модерируемый лингвистами, и многое др.

11. Мир слов (http://www.mirslov.ru/).

Элементарный поиск по набору из 8 анонимных (без авторства и библиографического описания) словарей.

Таким образом, можно полагать, что матрично-словарная реляционная ИПС ЛСВ вокабул в интерактивном режиме эксцерпции перспективна, универсальна и репрезентативна.

Для пополнения лексической базы в нашем распоряжении уже имеется в электронной форме более пяти тысяч словарей в разных форматах .doc, .html,

.txt, .rtf, .pdf, .djvu, .exe, .mht, .chm. (см. каталоги по адресам http://lsw.ru/000/001.htm, http://lsw.ru/000/002.htm, http://lsw.ru/000/050.htm).

ЛИТЕРАТУРА

Андрющенко В.М. Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка (МФРЯ) // Машинный фонд рус. яз.: идеи и суждения. – М.: Наука, 1986.

Аспекты семантических исследований. – М.: Наука, 1980.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1977.

Канделаки Т.Л. Основные группировки терминологических единиц упорядоченных терминологий // Вопр. языкознания. – 1987 – №6. – С.84–89.

Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Некоторые количественные характеристики русской синонимии (на материале «Словаря синонимов» под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1975.

Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Исследование количественных семасиологических характеристик лексики на основе машинной версии словаря синонимов // II Всесоюзн. конф. по созданию машинного фонда рус. яз. – М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1987. – С.35–39.

Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Компьютерная версия синонимического словаря // Актуальные проблемы компьютерной лингвистики. – Тарту: Изд-во Тарт. гос. ун-та, 1990. – С.82.

Колодяжная Л.И., Поликарпов А.А. Исследование системных параметров лексики на основе компьютерной версии синонимического словаря // Труды Машинного фонда русского языка. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз. РАН, 1992. – Т.2. – С.3–15.

Морковкин В.В., Новиков Л.А. Рецензия на кн.: Ю.Н. Караулов Общая и русская идеография // Вопросы языкознания. – 1978. – №5. – С.148.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. – М.: Высш. шк., 1982. – С.113.

Новиков Л.А. Полисемия // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энцикл., 1998. – С.382.

Русский орфографический словарь: ок. 180 000 слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова / отв. ред. В.В. Лопатин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2005.

Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды института языкознания АН СССР. – М.: Наука, 1954. – Т.4. – С.36.

СССРЛ: Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. Р.П. Рогожниковой. – М.: Рус.яз., 1991.

COMPUTER-BASED RUSSIAN WORD RETRIEVAL REFERENCE SYSTEM

S.V. Lesnikov

The author proposes that attention be focused on the search for lexico-semantic variant (LSV) instead of traditional search for a word form, word usage, a lexeme, a vocable, or a lemma. A search for lexico-semantic variant is a process of selection of entries from dictionary database on the basis of some properties consistent with a theme and/or topic of relational query. The search can be effected by way of matrix-dictionary-relational-search system. A basis for such search is the lexical database containing 1255 dictionaries, glossaries, directories and encyclopedias of Russian with the total number of vocabulary entries adding up to 3282036.

© 2009

А.В. Венцов, Е.В. Грудева

АКЦЕНТНО РАЗМЕЧЕННЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК НОВЫХ СЛОВАРЕЙ («СЛОВАРЬ ОМОГРАФОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» И «ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ СЛОВОФОРМ РУССКОГО ЯЗЫКА»)

В настоящее время активно развивается такое относительно новое прикладное направление в языкознании, как корпусная лингвистика. Особенно большие надежды возлагаются на создание больших (национальных) аннотированных корпусов того или иного языка. Уже более 10 лет существует Британский национальный корпус, который во многом является ориентиром для разработчиков корпусов других языков. Существует несколько аннотированных корпусов русского языка, которые отличаются друг от друга как объемом материала, так и качеством его обработки. Как отмечают создатели русскоязычных корпусов, организация Национального корпуса русского языка – абсолютно необходимая предпосылка для создания новой академической грамматики и академического словаря русского языка, которые послужили бы базой для разработки семейства грамматик и словарей разной ориентации, в том числе школьных, а также самых разных пособий и справочников ([Вербицкая, Казанский, Касевич 2003], [Плунгян 2005] и др.).

Мы остановимся на некоторых особенностях Корпуса русского литературного языка (www.narusco.ru), создаваемого в лаборатории моделирования речевой деятельности Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель лаборатории – доктор филологических наук, профессор В.Б. Касевич), и в связи с этим на двух словарях, которые изданы благодаря имеющемуся в нашем распоряжении корпусу.

Корпус русского литературного языка (далее – КРЛЯ) объемом 1 млн. словоупотреблений создан силами сотрудников лаборатории в период с 2002 по 2007 гг. КРЛЯ представляет собой совокупность четырёх относительно самостоятельных подкорпусов: художественной литературы (30 % от общего объёма корпуса), публицистики (30 %), научно-популярной литературы (20 %), а также драмы как некоторого приближения к зафиксированной на письме разговорной речи (20 %). Все тексты относятся к периоду с 50-х гг. XX в. до нашего времени.

Особенностью корпуса является то, что все тексты в нём акцентуированы (каждой словоформе приписан символ ударения), последовательно восстановлена буква «ё», а также специальной разметке подверглись так называемые «составные слова» (единицы типа *в обнимку, в головах*, которые по всем лексико-грамматическим признакам являются словами, но пишутся – в силу традиции – раздельно).

Поскольку в типологическом отношении русский язык относится не только к языкам с развитой морфологией (флективным), но ещё и к акцентным языкам, причём, как известно, ударение в русском языке разноместно и подвижно, то тем самым каждая единица текста (словоформа) должна быть акцентно оха-

рактеризована. Долгое время исследователи русского языка недооценивали роль омографии в русских текстах, в учебных пособиях обычно приводится 2-3 примера (типа *крУжки – кружкИ, зАмок – замОк, мУка – мукА*), и в результате складывалось впечатление, что явление омографии в русском языке носит периферийный характер.

В ходе акцентной разметки всех текстов, вошедших в корпус, обнаружилось, что омографы в современном русском языке исчисляются *тысячами*. При этом «сравнительно мало лексем, которые различаются только ударением в своих словарных формах – именно это и объясняет тот факт, что данное явление до сих пор мало привлекало внимание исследователей. Ударение, как своего рода подсобное средство, «работает» в основном «внутри» парадигмы, а также в сфере различения форм, принадлежащих разным парадигмам» [Венцов, Касевич, Сведенцова 2004: 187]. Речь в данном случае идет о том, что в классификации полученных омографических пар (и реже – троек) наиболее наполненными оказались два класса: первый связан с различением за счет ударения двух форм одного и того же глагола – 2-е л. мн.ч. наст. или буд. времени в противоположность 2-му л. мн.ч. императива (типа *лЮбите – любИте, ввАлитесь – ввалИтесь*), а второй представляет собой различение за счет ударения двух словоформ разных слов (типа *бЕлкам – белкАм*), тогда как класс омографов, различающихся ударением в своих словарных формах, по наполняемости занимает одно из последних мест в классификации.

На основании полученного материала и был составлен «Словарь омографов русского языка» [Венцов, Грудева, Касевич, Корешкова и др. 2004]. Словарь содержит более четырех тысяч омографических пар, т.е. слов и форм, которые пишутся одинаково, но читаются (произносятся) по-разному. Материал в словаре упорядочен двояко: в первой части все омографические пары представлены в алфавитном порядке, во второй части те же омографы разбиты по грамматическим классам. В обзорной статье, помещенной в словарь, дается анализ связи между типом омографии и семантикой омографов.

Другой словарь, который также явился результатом работы с акцентуированным корпусом, – частотный словарь словоформ русского языка [Венцов, Грудева 2008]. С одной стороны, выборка текстов в 1 млн. словоупотреблений в настоящее время считается слишком маленькой для создания частотного словаря. Считается также, что гораздо интереснее и ценнее получить частотный словарь на материале, скажем, 100-миллионного корпуса. С другой стороны, оказывается, что создать 100-миллионный корпус лингвистически аннотированных текстов вручную – трудновыполнимая задача. При создании же большого корпуса *автоматически* аннотированных текстов появляется, с нашей точки зрения, недопустимое число ошибок, искажающих представления о языке. Разбор ошибок при составлении частотных словарей на многомиллионных автоматически размеченных корпусах русского языка представлен в следующей публикации [Венцов, Грудева 2007].

В то же время для решения целого ряда задач вполне достаточным оказывается корпус и меньшего объема. Ср. замечание редактора упсальского частотного словаря Л. Лённгрена: «В наш корпус входит 1 миллион словоупотреблений. На вопрос, достаточно ли этого, однозначного ответа нет: всё зависит от

того, для каких исследований будет употребляться материал корпуса. Например, для изучения относительно высокочастотных явлений в языке достаточно и меньшего объёма выборки. С другой стороны, даже корпус, во много раз превышающий 1 миллион словоупотреблений, не может гарантировать “правильное” ранжирование низкочастотных лексем, составляющих бульшую часть словарной сокровищницы» [Лённгрен 1993: 13-14].

Как известно, частотный словарь языка с развитой морфологией может создаваться как минимум двумя путями, в зависимости от выбора основной единицы словаря, – либо как словарь словоформ, либо как словарь лексем. Практически все известные частотные словари русского языка – это словари лексем, а не словоформ. Для решения многих задач (например, для отбора лексического минимума при обучении иностранному языку), действительно, гораздо важнее иметь представление о частотных рангах именно лексем. Однако для решения многих других проблем, напр., для моделирования процессов восприятия речи, крайне необходим частотный словарь именно словоформ.

Как известно, в русском языке словоформа не всегда равна графическому слову (ср. уже упоминавшуюся выше проблему «составных слов»). Наконец, хорошо известно, что реальной частотностью в языке (особенно в таком морфологически богатом языке, как русский) обладают словоформы, а не лексемы. Это было хорошо показано уже в одном из первых частотных словарей русского языка – словаре Э.А. Штейнфельдт [Штейнфельдт 1963].

Интересно также отметить, что составители частотных словарей отмечают *привычность* основной словарной единицы – лексемы, а также тот факт, что при сведéнии словоформ в лексемы лингвисты могут использовать разные принципы, что приводит к более высокой доле субъективности в количественных показателях по лексемам по сравнению с количественными данными по словоформам. Ср. замечание Л. Лённгрена: «Лемма (исходная форма) для каждой словоформы должна указываться вручную. Это означает, что, прежде чем приступить к лемматизации, нужно установить принципы, по которым она будет проводиться. Эти последние могут отличаться от применявшихся в других работах принципов и дать результаты, которые невозможно будет полностью сравнить с уже существующими. С этой точки зрения *количественные языковые факты, опирающиеся только на уровень словоформ, являются более объективными и надёжными*» [Лённгрен 1993: 28-29; курсив наш. – *А.В., Е.Г.*].

Таким образом, в качестве единицы описания словаря выступает акцентно размеченная словоформа (всего в словарь вошло 133 267 словоформ, включая имена собственные и «составные слова»). Следует отметить, что по многим показателям данный словарь создан впервые, поскольку аналогов акцентно размеченного КРЛЯ, в котором последовательно восстановлена буква Ё и маркированы «составные слова», в настоящее время, насколько нам известно, не существует.

Словарь состоит из следующих частей:

1. *Алфавитно-частотный список словоформ;*
2. *Частотный список словоформ;*
3. *Алфавитно-частотный список словоформ подкорпуса «драма»;*
4. *Частотный список словоформ подкорпуса «драма»;*

5. *Алфавитно-частотный список словоформ подкорпуса «художественная литература»;*
6. *Частотный список словоформ подкорпуса «художественная литература»;*
7. *Алфавитно-частотный список словоформ подкорпуса «публицистика»;*
8. *Частотный список словоформ подкорпуса «публицистика»;*
9. *Алфавитно-частотный список словоформ подкорпуса «наука»;*
10. *Частотный список словоформ подкорпуса «наука»;*
11. *Алфавитно-частотный словарь омографов;*
12. *Алфавитно-частотный список «составных слов»;*
13. *Частотный список «составных слов»;*
14. *Алфавитно-частотный список имен собственных;*
15. *Частотный список имен собственных;*
16. *Алфавитно-частотный словарь омонимов (имя собственное – имя нарицательное);*
17. *Алфавитно-частотный список ритмических структур;*
18. *Частотный список ритмических структур;*
19. *Некоторые статистические сведения.*

В силу большого объема словаря в публикации [Венцов, Грудева 2008] представлено подробное описание словаря и даны его основные разделы в виде ограниченных по тем или иным принципам выборок. Полную версию словаря планируется разместить на сайте www.narusco.ru.

Как видим, корпус даже небольшого объема, но содержащий важную для русского языка информацию об ударении, может послужить источником создания новых словарей русского языка. Авторы надеются, что представленные словари найдут своего пользователя.

ЛИТЕРАТУРА

Венцов А.В., Грудева Е.В. К вопросу о создании частотного словаря словоформ русского языка // Русская языковая личность: материалы шестой школы-семинара (Череповец, 25-27 октября 2007 г.) / отв. ред. Е.В. Грудева, Р.Л. Смулаковская. – Череповец: Изд-во Череповец. гос. ун-та, 2007. – С.70–80.

Венцов А.В., Грудева Е.В. Частотный словарь словоформ русского языка: Проект. – Череповец: Изд-во Череповецкого гос. ун-та, 2008.

Венцов А.В., Грудева Е.В., Касевич В.Б., Корешкова Е.И., Сведенцова Е.А., Ягунова Е.В. Словарь омографов русского языка. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004.

Венцов А.В, Касевич В.Б., Сведенцова Е.А. Омография, омофония и восприятие речи // Человек пишущий и читающий: проблемы и наблюдения: материалы междунар. конфер. 14-16 марта 2002 г., – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2004. – С.182–189.

Вербицкая Л.А., Казанский Н.Н., Касевич В.Б. Некоторые проблемы создания национального корпуса русского языка // НТИ. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М.: ВИНИТИ, 2003. – N 6. – С.2–8.

Частотный словарь современного русского языка / под ред. Л. Лённгрена. – Uppsala, 1993.

Плунгян В.А. Зачем мы делаем национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. – М. – 2005. – № 2(23). – С.

Штейнфельдт Э.А. Частотный словарь современного русского литературного языка. – Таллин: Изд-во НИИ педагогики Эстон. ССР, 1963.

ACCENTUATED TEXT CORPUS OF LITERARY RUSSIAN AS A SOURCE OF NEW DICTIONARIES (THE DICTIONARY OF RUSSIAN HOMOGRAPHS AND THE FREQUENCY WORD BOOK OF RUSSIAN WORD FORMS)

A.V. Ventsov, E.V. Grudeva

The paper is devoted to two new dictionaries of Russian. The dictionary of homographs contains more than four thousand homographic pairs that refute the traditional assumption about a peripheral role of homographs in Russian. The frequency word form book is also unique in its own way as it is the first to employ accentuated word forms as units of word description.

© 2009

К.Р. Галиуллин

ИНТЕРНЕТ-ЛИНГВОГРАФИЯ: РУССКИЕ ТЕКСТООПИСЫВАЮЩИЕ СЛОВАРИ

Словари останутся навсегда насущной потребностью нашей науки.

И.А. Бодуэн де Куртенэ

Анализ тенденций развития словарного дела и информационного потенциала языковых справочников показывает, что наиболее перспективной формой существования словаря является интернет-версия, среди «плюсов» которой:

1) широкий круг пользователей; благодаря обогащению компьютерных технологий интернет-технологиями, что представляет собой очередную информационную революцию, достигается глобальная обобществленность языковых справочников;

2) удобство эксплуатации;

3) многовходовость, возможность многопризнакового поиска;

4) возможности поддержки словаря в актуальном состоянии, постоянного развития, совершенствования (оперативная корректировка текста словаря, внесение необходимых дополнений и т.д.);

5) снятие многих ограничений на объем включаемого в словарь материала;

6) широкие возможности установления связи со сходными сетевыми справочниками и формирования лингвографических интернет-комплексов на основе ресурсов, размещенных как на одном, так и на разных порталах (сайтах).

Некоторые из указанных «плюсов», обеспечивающиеся электронной формой существования словаря, присущи и другим (несетевым) языковым справочникам, напр., CD-словарям, а ряд параметров (напр., 1-й и 6-й) характерны только для интернет-словарей.

Значительный информационный потенциал интернет-лингвографии[1] в немалой степени предопределил развитие в Казанском университете направления, связанного с созданием сетевых словарей. Среди этих языковых справочников особое место занимают текстоописывающие словари.

Данные чрезвычайно большого количества русскоязычных текстов еще не введены в научный оборот, именно поэтому очень остро стоит проблема скорейшей инвентаризации этих материалов. Безусловно, важную роль в оперативном разрешении этой проблемы призваны сыграть текстоописывающие языковые справочники.

В рамках указанного направления разрабатывается несколько проектов, связанных с русским языком, часть из которых реализуется в рамках различных программ, федеральных и республиканских, грантовых проектов[2] и др. В их числе:

- фонд и словари памятников Казанского края XVI-XVII вв. – опубликованы словари, описывающие материалы текстов первой половины XVI в. [Исламова, Галиуллин 2000] и первой четверти XVII в. [Галиуллин, Гизатуллина 2008 (см. также интернет-компонент)]; сдан в печать справочник, посвященный языку документов третьей четверти XVII в.;
- фонд и словари памятников, связанных с русско-восточными отношениями XVI-XVII в. – подготовлен к печати словарь языка документов, отражающих русско-индийские взаимосвязи XVII в.; ведется работа над источниками, описывающими контакты России с другими государствами Востока (Китай, Монголия, Ногайская Орда, Турция, Крымское ханство, Персия, среднеазиатские и кавказские государства и др.);
- фонд и словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII в. – первый выпуск словаря вышел из печати [Галиуллин, Мартьянов 2006], в настоящее время готовится к печати второй том, а также формируется интернет-версия словаря;
- фонд и словарь языка писем М.В. Ломоносова – опубликован словарь словоформ (текстотека объемом более 19800 словоупотреблений) [Язык писем 2007 (см. также интернет-компонент)]; завершается подготовка к печати словаря слов;
- фонд и словарь языка Г.Р. Державина – готовится к печати том, посвященный языку писем (текстотека объемом более 158000 словоупотреблений); ведется работа над словарями языка прозы и поэзии;
- фонд и словари русской поэзии XIX в. ([Галиуллин 2004; Галиуллин и др. 2008]) – завершается работа над несколькими выпусками, посвященными описанию языка отдельных поэтов, а также над интернет-версиями.

Макроструктура большинства указанных словарей (в соответствии с разработанными и апробированными принципами создания текстоописывающих справочников) включает конкорданс, обратный слово- и словоформоуказатель, частотные словоуказатель и словоформоуказатель; значительное место занима-

ют также квантитативные данные. Важной частью словарных статей является справочная зона, включающая в себя поясняющие, семантизирующие материалы из источников различного типа: сведения из справочников (лингвистических, энциклопедических) и специальных исследований, сравнительные материалы из других текстов и т.п.

Компьютерные языковые справочники функционируют не только как аккумулятор информации, не только как источник материалов для последующих изысканий, но также как инструмент обработки данных, инструмент научного исследования. Это одна из отличительных особенностей современной лингвографии.

В настоящее время интернет-версия текстоописывающих словарей, названных выше, предоставляет пользователю возможность отбора единиц (с получением соответствующих квантитативных данных):

- по условному образцу (в том числе и поиск с учетом позиции элемента в слове; напр., поиск определенной финали, корневой части и др.);
- с учетом количества букв, знаков, слогов, а также частотных характеристик описываемых единиц.

Пользователь имеет возможность определять объем обрабатываемой компьютерной текстотеки, при этом заказываемый текстовый массив может состоять из одного документа, группы документов или всей совокупности источников.

Информационные технологии позволяют эффективно решать важную для характеристики языка текста проблему (на которую неоднократно указывали различные исследователи, составители авторских словарей) – исчерпывающая полнота представления текстовых материалов.

Интернет-компонент предоставляет возможность ознакомиться со всеми контекстами, содержащими запрашиваемую единицу; при этом пользователь может получить контекст разного объема – в виде одной строки, одной страницы или полного текста документа.

Значительно увеличивается информационный потенциал интернет-словаря при сопряжении его с различными базами, которые содержат сходные, сопоставимые или дополняющие материалы; см., напр., в словаре языка писем М. Ломоносова подключение ссылок на интернет-ресурсы, где представлены сведения об адресатах М. Ломоносова.

Уменьшению затрат, оптимизации работ при проведении языковедческих исследований в рамках лингвографической деятельности могут способствовать и формируемые в Казанском университете информационно-справочные интернет-фонды, среди которых: а) сводный фонд (СФ) исторических словарей русского языка (общих и региональных); б) СФ словарей русского языка XVIII в. [Галиуллин, Каримуллина 2005]; в) СФ академических толковых словарей; г) СФ словарей русских писателей XIX в. и др.

Анализ показывает усиление и расширение процесса «интернетизации» практической лингвографии и свидетельствует о перспективности и высокой информативности интернет-словарей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лингвография – междисциплинарная область языкознания, теория и практика создания языковых справочников, словарей (о лингвографии см.: [Компьютерная лингвография 1995]; подразделами лингвографии являются лексикография, фразеография, морфемография, паремиография и др.
2. Работы по формированию компьютерных фондов, подготовке словарей, изданию и размещению языковых справочников в Интернете поддержаны, в частности, Федеральной программой «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки и техники» на 2002-2006 гг.; Российским гуманитарным научным фондом (проекты «Компьютерная поддержка русской лексикографии XVIII века»; «Большой корпус русского языка XVIII века», 07-04-12147в; «Комплексный фонд русскоязычных памятников Казанского края XVI-XVII веков: текстовый и словарный подфонды», проект 08-04-12146в); Российским фондом фундаментальных исследований (в рамках проектов 05-07-90376, 02-07-90230 и др.); Культурным центром имени Дж. Неру при Посольстве Индии в Российской Федерации; Федеральной целевой программой «Русский язык» (проект «Компьютерный лингвографический фонд русского языка», Республиканской целевой программой «Русский язык в Татарстане», Аналитической ведомственной целевой программой «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 гг.)» (рег. номер 2.2.1.1/6944) и др.

ЛИТЕРАТУРА

Галиуллин К.Р. Язык русских писателей XIX века: компьютерный словарный фонд / К.Р. Галиуллин // III Jordanas Andaluzas de Eslavística. – Granada, 2004. – С. 63–64.

Галиуллин К.Р., Гизатуллина А.Р. Казанский край: словарь языка памятников первой четверти XVII века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008 (Интернет-компонент: http://www.klf.ksu.ru/kazan).

Галиуллин К.Р., Каримуллина Р.Н., Ню О.А., Хуснуллин А.А. Язык Г.Р. Державина в словарном описании / Г.Р. Державин в новом тысячелетии: матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 10-12 нояб. 2003 г.). – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. – С. 59–62.

Галиуллин К.Р., Каримуллина Р.Н., Лерман И.В., Сагитов И.С., Садриева Л.И., Федоров Е.В. Авторские языковые справочники // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам: матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 26–30 авг. 2008 г.). – Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 83–84.

Галиуллин К.Р., Каримуллина Р.Н. Сводный фонд словарей русского языка XVIII века // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии: матер. Всерос. Академической школы-семинара. – СПб.: Наука, 2005. – С. 314–317.

Галиуллин К.Р., Мартьянов Д.А. Словарь языка русских пословиц и поговорок конца XVII – первой половины XVIII века: сборник пословиц Петровской галереи. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006.

Исламова Э.А., Галиуллин К.Р. Казанский край: словарь памятников XVI века. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000.

Компьютерная лингвография / науч. ред. Н.К. Замов, К.Р. Галиуллин. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1995 (Интернет-версия: http://www.ksu.ru /f10/ publications/ 1995/comp_ling.php).

Язык писем М.В. Ломоносова: материалы для словаря / К.Р. Галиуллин, Г.Н. Каримуллина, Р.Н. Каримуллина, А.Р. Гизатуллина, А.Н. Каримуллина, Д.А. Мартьянов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007 (Интернет-компонент: http://www.klf.ksu.ru/lomonosov).

THE INTERNET LINGUOGRAPHY: RUSSIAN TEXT-DESCRIPTION DICTIONARIES

K.R. Galiullin

Lexicographic tendencies and the analysis of information potential of modern linguistic reference books show that one of the most challenging dictionary forms is the Internet-dictionary whose advantages lie in a vast group of users, great opportunities for poly-aspect descriptions and multiattribute information retrieval, formation of linguistic complexes on the basis of vast Internet resources. The paper is based on the dictionaries placed at the website of the Kazan State University (www.klf.ksu.ru).

ФРАЗЕОГРАФИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

© 2009

А.М. Чепасова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФРАЗЕОГРАФИИ

Лексикография и *фразеография* имеют одинаковую вторую часть основы. На этом кончаются наши знания о фразеографии. Слово *фразеография* отсутствует в справочной литературе ([ЛЭС 1990: 258–259], [Ахманова: 1966]) и, что самое печальное, в практических фразеографических трудах. Если термин *лексикография* имеет определение, сложное содержание, пусть краткую, но историю развития [ЛЭС 1990, 258–259], хотя бы краткий список литературы, то термин *фразеография*, насколько мне известно, не имеет ничего подобного. Фразеологам предстоит заняться широким кругом вопросов, связанных с понятием *фразеография*.

Для возникновения, существования и развития фразеографии необходимы научные исследования фразеологического состава и картотека, или фразеологический фонд.

В настоящей статье мы попытаемся в краткой форме изложить наше понимание фразеографии как раздела фразеологии и показать отличие фразеографии от лексикографии.

Объектом описания лексикографии является, как известно, лексема, цельнооформленная единица, объектом описания фразеографии является фразеологизм, раздельнооформленная единица, состоящая из компонентов, имеющих словный характер. Фразеологизм как объект фразеографии – всегда синтаксическая конструкция. Следовательно, фразеография принципиально отличается от лексикографии качеством описываемых единиц, это отличие сохраняется постоянно.

Фразеологизм как языковая единица представляет собой сложное явление, он не открывает своих тайн легко и быстро, поэтому, несмотря на то, что в течение вот уже более полстолетия фразеологизм активно изучается, нельзя сказать, что все его фундаментальные стороны исследованы, хотя сделано очень многое. Отсутствие надежных знаний о фундаментальных сторонах фразеологизма прямо сказывается на качестве описания этих единиц в специальных фразеологических собраниях, сборниках, «словарях». О фразеологии нередко говорят, что это молодая наука, еще более молодой, просто «юной» является фразеография.

Несовершенство фразеографических трудов объясняется, на мой взгляд, действием, скорее всего, трех причин, – первую я назвала выше, вторая – мощное влияние, даже давление лексикографии, которое начало осуществляться

через наших крупных фразеологов, которые одновременно являлись крупнейшими лексикографами. Проявлением давления лексикографии считаю нелогичное, но настойчивое, всеобщее употребление терминов *лексикографический, словарный, словарь* вместо *фразеографический, фразеологический, свод, сборник, собрание*. Напр., *Лексикографическая* разработка русской фразеологии [Бабкин 1964а], его же Фразеология и *лексикография* [Бабкин 1964б], *лексикографическая* разработка фразеологического материала, *словарная* разработка индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц (ФЕ), *Лексикографическое* описание индивидуально-авторских трансформаций, *лексикографирование* ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2000], *лексикографическое* описание значения и употребления фразеологизмов [Телия 2006]. Статью, в которой описывается фразеологизм, называют *словарной*, фразеологический труд, в котором характеризуются фразеологизмы, называется *словарем*.

Третьей причиной несовершенства фразеографических трудов, думаю, следует назвать личные качества ученого-фразеографа, у которого отсутствует строгое отношение к терминам создаваемой прикладной науки, что проявляется в том, что ученый не проверяет, соответствует ли содержание употребляемого им термина из лексикографии содержанию понятия из фразеографии, и автоматически, аналогично тому, как употребляли до него, использует термин науки, главной единицей описания в которой является слово.

Современная фразеология между тем разработала и продолжает разрабатывать теории, определенные положения которых, будучи использованными, сделают совершенно молодую практическую дисциплину – фразеографию – строгой стройной наукой, покоящейся на системе научных истин.

Первой теоретической составляющей фразеографии является сложнейшая *теория компонентного состава* фразеологизма. Начиная с 60-х гг. XX в. она разрабатывается отечественными фразеологами. Главной частью этой теории является положение об обязательных (облигаторных) и факультативных компонентах, которые, сохраняя словный характер, не являются словами в полном значении этого слова, а лишь компонентами данной фразеологической единицы.

Для фразеологии и фразеографии неважно, словами какой части речи считаются *обязательные компоненты* фразеологизма, главное – то, что они *являются фразообразующими*, без такого компонента фразеологизма нет. Обязательные компоненты занимают определенное место в каждой данной единице. При фразеографировании необходимо сохранять тот порядок следования компонентов, с которым эта единица известна в языке. Это *правило первого компонента*, каким бы он ни был – знаменательным или служебным. Последовательно применил это правило В.П. Жуков [Жуков 1980: XVI]. В современных фразеографических трудах очень часто наблюдается необъясняемый произвол. Так, А.И. Молотков пишет: «Каждый фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, включая все лексические и видовые варианты. Исключение составляют компоненты, являющиеся генетически служебными словами»: *вилами* вилами по воде писано. См. *писано* [Молотков 1967: 68]; пуще глаза. См. *пуще* [Там же: 105]; *завеса* как будто завеса падает с глаз чьих. См. *пелена* [Там же: 160]; *клюква* вот так клюква. См. *вот* [Там же:

199]; *куличках* у черта на куличках. См. *черта* [Там же: 217]; *печали* не было печали. См. *было* [Там же: 310]; *разуме* на разуме [Там же: 383]; *сват* ни сват ни брат [Там же: 411]; *третьего* третьего дня. См. *дня* [Там же: 481].

Следующей теоретической составляющей фразеографии является *учение о значении*, точнее, *о содержательных свойствах фразеологического состава*. Относительно давно, еще в 60-х годах XX в., установлено, что фразеологический состав делится на три части: номинативную фразеологию, грамматическую и модальную. Внутри каждой части выделяются классы с одним категориальным значением; класс, в свою очередь, состоит из семантических субкатегорий, а эти субкатегории состоят из семантических групп и подгрупп, которые состоят из ФЕ, имеющих индивидуальные значения. Уральские фразеологи не одно десятилетие исследуют и описывают фразеологический состав русского языка как цельную, сложную, открытую семантико-грамматическую систему, используя классификацию А.М. Чепасовой [Чепасова 1974, 2006]. Теоретические положения названной классификации позволяют точнее определять и описывать индивидуальное значение единицы во фразеологической статье.

Насколько мне известно, современные фразеографы посвящают свои изыскания только номинативной части фразеологического состава, описывая лично отобранные единицы. Грамматическая и модальная фразеология современного русского языка совсем не представлена в русской фразеографии, хотя по названным частям имеются надежные исследования.

Теорией, необходимой для строго научного развития фразеографии, мы считаем *учение о грамматических свойствах фразеологизмов*. Лексикография русского языка пользуется развитой национальной грамматикой. Сила и совершенство лексикографии связаны с учением о классах слов, о грамматических категориях изменяемых и неизменяемых частей речи. Фразеография вообще и ФЕ в частности также органично связаны с учением о грамматических свойствах фразеологизма, на что обращалось очень мало внимания учеными. В результате содержательные свойства фразеологизмов оказались более изученными, чем грамматические. Думаю, глубокой причиной такого положения оказались универсальные законы самой грамматики, которая обслуживает слово до тех пор, пока оно остается отдельным при кажущейся независимости его (слова) от семантических изменений. В действительности же при фразеологизации изменяется не только значение синтаксической конструкции, но и ее грамматические, морфологические и синтаксические, свойства. Ученые челябинской фразеологической лаборатории не только обнаружили связь грамматики с изменяющейся (изменившейся) семантикой сочетания, но уже в течение нескольких десятилетий изучают эту связь, в целом ряде работ выявили и описали специфику грамматических категорий и форм, функционирующих во фразеологизмах разных классов. Учет грамматических свойств фразеологизма при фразеографировании позволяет делать толкование ФЕ более точным.

В современных фразеографических трудах грамматическая часть статьи или отсутствует [Молотков 1967] или выглядит неоправданно бедной [Телия 2006].

На качестве фразеологической статьи отчетливо сказывается уровень разработки *теории динамичности и диалектичности фразеологизмов*. В свою очередь, уровень развития этой теории жестко связан с объемом выявленного фразеоло-

гического корпуса – чем больше зафиксировано фактов употребления фразеологизмов в живой звучащей и письменной речи, тем отчетливей видны способности данной единицы к семантическим и структурным изменениям или проявления ограничений в выборе переменных. Подтверждением объективности высказанного положения является фундаментальный труд А.А. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи. Словарь». Авторы во Введении пишут: «Основным источником Словаря послужила фразеологическая картотека (свыше 60 тысяч карточек), которая собиралась авторами более 20 лет. Выборка производилась из произведений более чем 800 авторов (художественная, публицистическая, мемуарная, эпистолярная, научно-популярная литература). Широко использовались периодические издания (газеты, литературно-художественные журналы)» [Мелерович, Мокиенко 2001: 7].

Названная картотека позволила авторам охарактеризовать семантические и структурные преобразования отобранного «фразеологического ядра» с такой глубиной, с какой русские фразеологизмы еще не описывались в русской фразеографии.

Еще одной теорией, необходимой для глубокой характеристики фразеологизма в идеографическом справочнике (собрании, сборнике, своде), является *теория стилистических свойств единиц*. Фразеографии она нужна так же, как и лексикографии. Во фразеографии должна быть разработана строгая система функционально-стилистических и эмоционально-оценочных помет. Справедливости ради следует сказать, что в имеющихся довольно многочисленных «словарях» названные характеристики присутствуют, хотя и не во всех случаях они кажутся убедительными.

Все, что сказано выше о теоретических составляющих фразеографии, связано с современным состоянием фразеологии, вызывается и объясняется современным состоянием общества, говорящего и пишущего на русском языке.

Активно создаваемые в настоящее время фразеологические труды, основанные на больших или малых личных или групповых картотеках, объективно готовят базу для полного фразеологического свода фразеологизмов русского языка, в котором, подобно тому как в Словаре современного русского литературного языка (ССРЛЯ), будут грамотно расположены, полно семантически, грамматически и стилистически истолкованы фразеологические единицы, собранные в одном месте при Академии наук.

ЛИТЕРАТУРА

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энцикл., 1966.

Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. – М.; Л.: Наука, 1964.

Бабкин А.М. Фразеология и лексикография // Проблемы фразеологии: материалы и исследования / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.; Л.: Наука, 1964. – С.7–36.

Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1980.

ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – Изд. 2-е. – М.: Рус. словари; Астрель, 2001.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энцикл., 1967.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.

Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1974.

Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. – Изд. 2-е. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006.

THEORETICAL CONSTITUENTS OF PHRASEOGRAPHY

A.M. Chepasova

The article characterizes phraseological entry constituents on the basis of component structure, content and grammatical properties of fixed phrases, their dynamism and stylistic character.

© 2009

В.Т. Бондаренко

ОТВЕТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕПЛИКИ РУССКОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

Несмотря на впечатляющие в целом масштабы развития теории и практики словарного дела и стремление к созданию максимально достоверной картины жизни языка как социально-психологического явления, большое множество активно используемых в живой речи лексических и фразеологических единиц до сих пор остается не зафиксированным в словарях. К числу таких единиц, не ставших еще объектом отдельного словарного описания, относится класс ответных фразеореплик.

Данный класс объединяет фразеологические единицы коммуникативного типа, выражающие реакции на «чужое» слово (реплику) собеседника. Ответными они называются потому, что их общее коммуникативное значение заключается в том, чтобы быть ответами на вопросительные и невопросительные слова (реплики): *Кто? – Конь в пальто; Куда? – На кудыкину гору; Стыдно? – Стыдно, у кого видно.*

В литературе по фразеологии имеются лишь отдельные наблюдения, касающиеся коммуникативного назначения устойчивых словесных комплексов этого типа. Предлагались и термины для их обозначения: *контекстуальные устойчивые фразы* [Архангельский 1964], *контекстуальные пословицы и поговорки* [Жуков 1967] и [Лепешев 2007], *устойчивые фразы с конкретной ситуативной на-*

правленностью [Ейгер 1968], *фразеорефлексы* [Гак 1995], *речевые формулы* [Баранов, Добровольский 2003].

Ответные фразеореплики можно встретить во многих современных словарях разного типа, отражающих активно проявляющиеся в языке и речи динамические процессы: «Живая речь. Словарь разговорных выражений» (В.П. Белянин, И.А. Бутенко), «Словарь московского арго» (В.С. Елистратов), «Жгучий глагол. Словарь народной фразеологии» (В.К. Белко), «Словарь русского речевого этикета» (А.Г. Балакай), «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» (В.В. Химик), «Толковый словарь ненормативной лексики русского языка» (Д.И. Квеселевич) и др. Однако об относительно полной представленности в словарях и особенно о лексикографической характеристике ответных фразеореплик говорить пока еще не приходится. Для ответных фразеореплик характерна ярко выраженная диалогичность, строгая подчиненность действию схемы «стимул»-«реакция», что находит проявление в синтагматической связанности фразеореплик, в том, что они вынуждаются предшествующим речевым актом и невозможны без него как актуализатора, обязательного контекста. Реплики-стимулы и фразеореплики-реакции образуют в речевой цепи тесное семантико-грамматическое целое в форме диалогического единства. При этом структурная связь тех и других часто поддерживается с помощью специальных средств: лексического повтора, рифмы, парономазии и др.

Синтаксическая связанность и зависимость ответных фразеореплик свидетельствуют не только об ограниченности их употребления отдельным контекстом, но и одновременно о прикрепленности фразеологизмов данного вида к типовым ситуациям речи, бытовым обстановкам общения и темам разговора.

Создание Словаря ответных фразеологических реплик необходимо не только для более глубокого изучения свойств представленных в нем единиц. Словарь имеет этнокультурную познавательную ценность, позволяя объяснить и понять особенности коммуникативного поведения русских людей, культуру их речевого общения. Кроме того, такой частный словарь был бы интересен и весьма полезен для массового пользователя: ведь реагирование с помощью фразеореплик представляет собой в условиях диалогической речи удобный способ экономии речевого мышления, протекающего в порядке автоматической деятельности, вне обдумывания и языкового отбора.

Словарь призван решить следующие задачи:

1) представить базовый фонд современных употребительных устойчивых фраз, специализирующихся в функции ответных реплик-реакций, показав эти единицы во всем лексическом и формально-структурном многообразии;

2) определить состав стандартных реплик-стимулов, обусловливающих появление в диалогической речи соответствующих фразеореакций, указав их форму, контекстуальное значение, речевую ситуацию употребления и коммуникативную целеустановку;

3) дать семантическую, структурно-формальную, функциональную, стилистическую, экспрессивную (эмотивно-оценочную) и (если требуется) ситуативную характеристики ответных фразеореплик;

4) отразить разнообразие варьирования ответных фразеологических реплик в тексте (лексическое, морфологическое, структурное, квантитативное), в том

числе и случаи их индивидуально авторского (окказионального) использования.

В Словаре найдет отражение все многообразие ответных фразореплик, бытующих в разговорной речи, включая разные социальные и профессиональные сферы диалогического общения: пословицы, поговорки, крылатые слова, фраземы и другие устойчивые словесные комплексы. Главное – дать читателю информацию: «так принято реагировать на «чужое» слово в такой-то речевой ситуации». Тем самым в задачу составителей Словаря не входит давать рекомендации «это правильно, нормативно», а это «неправильно, ненормативно». При наличии соответствующих помет и иллюстраций как основных средств лексикографической характеристики фразореплик читатель сам поймет, в каких случаях уместно использовать данное выражение, а в каких – нет.

Учитывая семантическую и синтаксическую привязанность ответных реплик к «чужому» слову, в Словаре реализуется нетрадиционный подход к лексикографированию фразореплик. Имеется в виду, что разработка фразореакций в Словаре производится в неразрывном единстве с характеристикой реплик-стимулов. Иначе говоря, объектами словарного описания являются одновременно два типа единиц, соответствующих частям диалогического единства: слова-стимулы и обязанные им своим появлением в дискурсе фразореакции, рефлексы на «чужие» слова. При этом исходной (отправной) вокабулой выступает слово-«зацепка» в составе реплики-стимула, а органически связанные с ним ответные фразореплики выступают на втором плане.

Расположение слов-стимулов соответствует алфавитному принципу. Каждая единица дается в исходной грамматической форме, а затем, при необходимости, указывается та конкретная форма, которая стимулирует коммуниканта на реакцию, вызывая стандартный ответ в виде определенной фразореплики. Ср.: *Говорить – Говорят → Говорят, что кур доят*.

В тех случаях, когда одной словоформы недостаточно для адекватной интерпретации ее значения и типовой ситуации употребления, в Словаре приводится стандартная реплика, в составе которой данная форма слова выступает в качестве опорного структурного компонента. Ср.: *Дать – Дай – Дай курнуть (→ Один курнул, да и в реку нырнул) – Дай попробовать (→ Одна попробовала и семерых родила)*.

Значение «чужого» слова раскрывается путем краткого описания с указанием типового контекста или речевой ситуации его употребления. Например*: Куда (– На кудыкину гору)*. Вопросительное наречие ‘В какое место?’ Употребляется в составе вопросительных предложений типа: *Куда собираешься (-етесь), собирался (собрался); идешь (-ете), ходил (шел); едешь (-ете), ехал (поехал)?* или *Куда (надо) собираться, идти, ехать? Говорить – Говорят*. В обобщенно-личном значении ‘Ходят слухи, толкуют’. Употребляется в ситуации, когда говорящий, делая какое-либо предположение, ссылается на чужое мнение, слухи.

В большинстве случаев значение ответных фразореплик трудно или невозможно описать логическим способом. Объясняется это тем ,что в семантической структуре этих устойчивых фраз доминирующее или главенствующее положение занимают коннотативные (прагматические) элементы, а дескриптивное содержание предстает размытым и очень неопределенным. Иначе говоря,

фразеореакции являются не столько знаками-информаторами, сколько знаками-перформативами. С учетом сказанного в семантическом описании ответных фразеореплик упор делается на выявление присущих им инвариантных значений, связанных с выполнением им иллокутивных (коммуникативно-прагматических) функций. Назовем самые главные из них.

Есть группа фразеореплик, для которой основной является этикетная функция (выражение вежливости, установление контакта). Отвечая на широкоупотребительные приветливые обращения-вопросы к знакомым при встрече (*Как дела? Как жизнь? Как живешь (-ете)?*), такие знаки речевого этикета призваны поддерживать речевое взаимодействие в положительной тональности: *Дела идут, Все в порядке, Живем, хлеб жуем, Грех жаловаться* и др. Ср.: *– Как у вас житье? – спросил Штокман, подпрыгивая и качаясь на сиденье. –* ***Живем, хлеб жуем*** (М. Шолохов).

Иное назначение у фразеоответов на прямые (неэтикетные) вопросы (*Кто? Где? Когда? Куда? Откуда? Почему?* и др.): *Дед Пихто, В Караганде, После дождичка в четверг, На кудыкину гору, От верблюда, По качану* и др. Их функция заключается в отведении вопросной реплики как неуместной, нежелательной, в уклонении от ответа или в том, чтобы дать неопределенный ответ, ответ не по существу. Ср.: *– Нет уж, – сухо сказала она. – Дети – это не для меня. – Почему? – удивился Юрий. –* ***По качану****, – отрезала Таня* (А. Воронин).

Целеустановка говорящего при произнесении ответов-откликов на невопросительные реплики – дать оценочный комментарий «чужому» слову. Чаще всего оценка бывает отрицательно-неодобрительной: несогласие, нежелание, отказ, порицание, парирование и т.п.: *Авось – Авось да как-нибудь до добра не доведут; Думал – Индюк тоже думал да в суп попал; Кажется – Креститься надо, если кажется; Спасибо – Из спасиба шубы не сошьешь. Ср.: – Деньги, одолженные у покойного Михая, отдашь теперь мне, с процентами. – Я... думал, – забормотал ошарашенный Кравцов. –* ***Индюк думал да в суп попал****, – отрезал Николай* (И. Деревянко).

Указанные общие функции (значения) осложняются в разной степени шутливой (смеховой) функцией. Во многих ответных фразеорепликах эта функция выходит на первый план: *Что делать? – Снять штаны и бегать; Как дела? – Пока не родила. См.: – Уже милицию вызвали... С минуты на минуту приедут оперативники. Что делать? –* ***Снимать штаны и бегать****! Это же надо! Ну, Хромов, я из тебя всю душу вытрясу!* (В. Горшков).

В зависимости от коннотации самого фразеологизма, а также от интонации в конкретной ситуации общения шутка может быть безобидной, добродушной или добродушно-ироничной. Ее прагматическое назначение – побалагурить, позубоскалить, вызвать у собеседника и окружающих улыбку, смех, создать непринужденную атмосферу общения. Ср.: *Привет! – Привет от старых штиблет; Как жизнь? – Жизнь все хуже, а воротник все уже; Как дела? – Дела идут, контора пишет.*

Иллокутивная цель других фразеореплик – осмеяние объекта: съязвить, уколоть, обидеть или оскорбить адресанта, нагрубить ему: *Кто? – Дед Пихто; Где? – У тебя на бороде; Ну! – Баранки гну; Почему? – По качану; Чё? – Через плечо.* См.: [Химик 2005].

Наличие грамматического комментария в Словаре сведено до минимума, так как ответные фразеореплики имеют резко ограниченные парадигматические возможности.

С функционально-стилистической точки зрения в русском языке преобладают разговорные фразеореплики, основная область применения которых – это бытовое общение, устная форма диалогической речи. По этой причине стилистическая помета у многих единиц в Словаре отсутствует. Отсутствие пометы свидетельствует о их принадлежности к разговорному стилю речи. Стилистические пометы предусмотрены в случае особого употребления фразеореплик в речи: прост. – просторечное, вульг. – вульгарное, неценз. – нецензурное, эвф. – эвфемизм. Функционально-стилистическая характеристика словарных единиц дополняется экспрессивной (эмоционально-оценочной) в виде помет: шутливое, фамильярное, сниженное, грубое, ироничное, одобрительное, неодобрительное и др.

Обязательной частью многих словарных статей являются иллюстрации из художественной литературы, газетно-публицистических текстов и живой разговорной речи, служащие важным дополнительным (а иногда и основным) средством лексикографической характеристики ответных фразеореплик в их вариантном (узуальном и окказиональном) разнообразии. Ср., например: *Конь в пальто – Хрен в пальто, Хер в пальто, Х... в пальто, Конь в кожаном пальто, Конь в розовом пальто, Швабра в кожаном пальто.*

Без опоры на текстовую «документацию» трудно судить о реальной, дискурсивной жизни как ответных фразеореплик, так и словесных реплик-стимулов, а значит, и о лексикографической характеристике тех и других единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1964.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Речевые формулы в русском языке (определение и типология) // Русский язык сегодня. – Вып. 2. Активные языковые процессы конца XX века. – М.: «Азбуковник», 2003. – С.41–53.

Гак В.Г. Фразеорефлексы в этнокультурном аспекте // Филол. науки. – 1995. – № 4. С.47–55

Ейгер Г.В. Устойчивые фразы с конкретной ситуативной направленностью // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. / отв. ред. В.Д. Архангельский. – Тула, Изд-во Тульск. гос. пед. ин-та, 1968. – С.184–186.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. энциклопедия, 1967.

Лепешев И.Я. Ситуативные и контекстуальные пословицы // К 60-летию проф. А.В. Жукова: юбил. сб. науч. трудов. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, 2007. – С.82–87.

Химик В.В. Русская разговорная речь: осмеяние объекта // Грани слова: Сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М.Мокиенко. – М.: ООО «Издательство “ЭЛПИС”», 2005. – С.670–677.

RUSSIAN PHRASEOLOGICAL REPLIES AS LEXICOGRAPHIC OBJECT

V.T. Bondarenko

The author presents principles of Russian phraseological replies dictionary. The dictionary has ethnic and cultural cognitive value, it makes possible to explain and to understand peculiarities of human communication and speech culture. The dictionary may be interesting to and useful for an average user as fixed phrase response during conversation is a convenient way of achieving economy of mental effort, thus making speech act automatic without deliberation and careful word selection.

© 2009

Е.Р. Ратушная

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

Фразеологизмы-антропономинанты (ФАН) обозначают человека и имеют категориальное значение предметности, которое обусловливает грамматические свойства данных единиц. ФАН характеризуются морфологическими категориями рода, числа и падежа, а также определенными синтаксическими свойствами, связями и функциями. При этом необходимо подчеркнуть ведущую роль фразеологической семантики, которая предопределяет специфику функционирования грамматических свойств данных фразеологизмов.

Фразеологизмы-наименования человека обычно имеют форму мужского или женского рода, которая выражается флексией грамматически главного компонента: *белая ворона, абсолютный нуль*. Большинство ФАН не содержит в своей семантической структуре указания на реальный биологический пол называемого лица, поэтому данные единицы могут служить номинацией лиц обоего пола, независимо от формы рода грамматически главного компонента. Однако некоторые единицы включают в свою семантическую структуру семы ‘мужской пол’ или ‘женский пол’, которые обусловливают их применение только по отношению к человеку соответствующего пола. Напр., *дама сердца, христова невеста* (только о женщине); *дамский угодник, крестный отец* (только о мужчине).

Фразеологизмы-антропономинанты различаются по способности к образованию соотносительных родовых коррелятов. В большинстве случаев фразеологизм выступает в форме только одного рода (*темная лошадка, отрезанный ломоть*), номинируя, в зависимости от ситуации, лиц разного пола. Однако некоторые фразеологизмы способны грамматически дифференцировать пол называемого человека: *спутник жизни – спутница жизни, виновник торжества*

– *виновница торжества*. В состав таких единиц, как правило, входит компонент-личное существительное.

Категория числа придает ФАН значение количественной определенности и чаще всего выражается флективным способом: *сонная тетеря – сонные тетери*. Иногда используются суффиксальный и супплетивный способы: *последний могиканин – последние могикане; божий человек – божьи люди*. Исследуемые фразеологизмы по-разному связаны с категорией числа: одни единицы способны образовать числовую парадигму, а у других эта способность отсутствует. Первые включают в свой состав такие субстантивные компоненты, которые в свободном употреблении функционируют в форме обоих чисел (личные существительные, зоонимы, наименования конкретных неодушевленных предметов); в семантической структуре таких ФЕ присутствуют семы 'конкретность' и 'исчисляемость': *тертый калач – тертые калачи, вольная птица – вольные птицы*. Однако, несмотря на потенциальную способность выступать в разных числовых формах, данные ФАН в большинстве случаев функционируют в форме ед.ч. Напр., по данным нашей картотеки, ФЕ *старый (стреляный) воробей* в 40 употреблениях имеет форму ед.ч. и в 8 – форму мн.ч. Причина заключается в особенностях семантики фразеологизмов: ярко выраженный оценочный, экспрессивный характер ФАН, возникающий вследствие наличия в их семантической структуре различных коннотативных сем, сдерживает, ограничивает употребление фразеологизмов в форме мн.ч. Аналогичный процесс вытеснения форм мн. числа формами ед.ч. был отмечен А.М. Чепасовой среди всех предметных фразеологизмов [Чепасова 1983: 72].

Вторая группа включает единицы, которые функционируют в форме только одного числа – единственного или множественного. Напр., фразеологизм *слабый пол* имеет фиксированную форму ед.ч., фразеологизм *живые мощи* – только форму мн.ч. Отсутствие числовой парадигмы может быть вызвано семантико-грамматическими свойствами грамматически главного компонента, синтаксической моделью фразеологизма или индивидуальным фразеологическим значением.

Морфологическая категория падежа у ФАН, как и у других предметных единиц, функционирует в противопоставлении шести падежных форм. Данные фразеологизмы обладают потенциальной способностью употребляться в разных падежных формах, активность употребления которых обусловливается индивидуальным значением фразеологизма.

Категориальное значение предметности предопределяет не только морфологические свойства ФАН, но и их синтаксические свойства, связи и функции. Фразеологизмы-наименования человека способны присоединять к себе согласуемые слова, в роли которых чаще выступают местоимения и прилагательные, иногда – числительные и причастия. Также ФАН могут вступать в синтаксическую связь управление, напр., *угадать* ***звезду первой величины.*** Кроме того, они способны распространяться причастными оборотами и придаточными предложениями с определительным значением, напр., *(Соня): ... вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку,* ***кисейную барышню****, которая не была на курсах и одевается по моде (А. Чехов. Леший).*

В предложении ФАН способны выполнять различные синтаксические функции – подлежащего, сказуемого, дополнения, несогласованного определения, обращения и приложения.

Таким образом, грамматические свойства ФАН разнообразны, они непосредственно связаны с семантикой фразеологизма и являются его неотъемлемой характеристикой. Комплексная семантико-грамматическая квалификация фразеологизмов в словарях позволяет дать наиболее полное представление об их языковых свойствах. Поэтому грамматическая квалификация ФАН присутствует в различных фразеологических словарях русского языка – учебно-методических, синонимических, омонимических.

Так, в «Толковом словаре фразеологических синонимов русского языка» [Жуков 2005] каждая словарная статья содержит грамматический комментарий, в котором освещаются наиболее важные морфологические и синтаксические свойства фразеологических единиц (ФЕ): специфика их числовой парадигмы, характерные синтаксические функции. Напр., при описании синонимического ряда *чернильная (бумажная) душа, канцелярская (чернильная) крыса, приказная строка* указано, что данные ФЕ «преимущ. употр. в знач. подлеж. или доп.» [Жуков 2005: 366]; фразеологизмы *гусь лапчатый, Лиса Патрикеевна, продувная бестия* «преимущ. употр. в роли сказ. или обращ.» [Там же: 123]. Учитывается также лексико-грамматическая сочетаемость ФЕ, напр., «употр. при подлеж. со знач. лица». Находит отражение специфика числовой парадигмы, напр., при характеристике ряда *тертый калач, стреляный (старый) воробей* и др. отдельно представлены формы как ед.ч., так и мн.ч.: *тертый калач – тертые калачи, стреляный воробей – стреляные воробьи*. Прослежена тенденция ФАН к употреблению в форме ед.ч., напр., ФЕ *Лиса Патрикеевна, продувная бестия* сопровождаются пометой «чаще употр. в ед.ч.»; отмечено отсутствие числовой парадигмы у некоторых фразеологизмов, например: *кока с соком* «мн. не употр.».

В «Словаре фразеологических омонимов современного русского языка» [Павлова 2003] большое внимание уделяется квалификации фразеологизмов с точки зрения грамматических свойств: «важной структурной частью словарной статьи после толкования фразеологизма является система характеристик, включающая в себя тип категориального значения; изменяемость/неизменяемость; принадлежность к разряду номинативных, грамматических, модальных единиц; синтаксическую функцию» [Павлова 2003: 13]. ФАН квалифицируются в словаре как номинативные единицы предметного типа семантики, морфологически изменяемые; указываются их наиболее типичные синтаксические функции. Напр., *пустое место 1* – ‘человек, которого не принимают в расчет, на которого не считают возможным положиться, ничтожный’ *Предм. Номин. Изм. Доп. Сказ.»* [Там же: 232].

Многие фразеологические словари учебного типа включают в структуру словарной статьи грамматический комментарий – характеристику наиболее существенных морфологических и синтаксических свойств фразеологизмов, в частности, фразеологизмов-наименований человека. Это соответствует целям и задачам словарей, усиливает их учебно-методическую направленность, т.к. способствует правильному употреблению фразеологизмов в речи. Так, в «Школьном фразеологическом словаре русского языка» [Жуков 1994] содер-

жится грамматическая характеристика фразеологизмов, включающая их основные грамматические свойства: указание на специфику функционирования категории числа (возможность/невозможность образовать соотносительную числовую парадигму), преобладающие падежные формы, характерные синтаксические функции данной единицы и ее типичную лексико-грамматическую сочетаемость. Напр., «*тертый калач* (чаще употр. в ед.ч.). *Чаще в знач. сказ.* Употр. при подлеж. со значением лица» [Жуков 1994: 358].

Важное место занимает грамматическая характеристика фразеологизмов в учебном толковом словаре А.М. Чепасовой «Фразеологизмы в нашей речи». Отличительной особенностью данного словаря является семантико-грамматический принцип расположения фразеологических единиц. Словарь состоит из четырех глав, в каждой из которых характеризуются фразеологизмы с одним типом значения: предметные (1 глава), призначные (2 глава), качественно-обстоятельственные (3 глава) и процессуальные (4 глава). Внутри названных классов выделяются семантические разряды и группы, в которых ФЕ расположены в алфавитном порядке. В словаре приводится многосторонняя характеристика фразеологизма: толкование значения, вариантные формы, антонимы и т.д. Значительное место автор отводит описанию морфолого-синтаксических свойств изменяемых ФЕ. Фразеологизмы-антропономинанты в данном словаре представлены 44 единицами, причем отдельно выделены ФЕ, обозначающие отдельное лицо, и ФЕ с собирательной семантикой. Подробно освещаются особенности функционирования категорий числа и падежа, указываются наиболее характерные падежные формы, а также синтаксические свойства и функции фразеологизмов. Грамматическая характеристика ФЕ включает большое количество иллюстративного материала. Например: *звезда первой величины* – ‘прославившийся в чем-либо, знаменитый человек’. В речи может употребляться в форме мн.ч. Часто употребляется в формах им. п. в роли приложения именной части сказуемого (Самойлов – **звезда первой величины**); в форме род. п. – в роли дополнения (состоит из **звезд первой величины**); в форме предл. п. употребляется в роли дополнения (писали как о **звезде первой величины**); но особенно часто употребляется в твор. п. со значением сравнения (**звездой первой величины** сверкает имя Авиценны) или в роли именной части сказуемого. Перед фразеологизмом могут употребляться согласованные определения (*футбольная(-ые), спортивная(-ые)* и др.) [Чепасова 2000: 7].

Грамматическая характеристика фразеологизмов представлена в «Словаре-справочнике по русской фразеологии» [Яранцев 1985: 6], в котором она является важной составной частью многостороннего описания фразеологизмов, включающего в общей сложности 13 параметров. Грамматический комментарий содержит описание синтаксических связей и функций ФЕ, специфики их лексико-грамматической дистрибуции во взаимосвязи с индивидуальной семантикой фразеологизма. Напр., ***правая рука*** *кого* или *чья, у кого:* «В предложении обычно именное сказуемое, обязательно обозначение лица, облеченного властью: дополнение в род. п. с предлогом «у» (у кого) или определение, выраженное сущ. в род. п. (кого) или притяж. мест. (чья) [Яранцев 1985: 271]; *наш брат*: «В предложении может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением, за которым обычно следует уточняющий член, обозначающий ка-

кую-либо определенную группу людей» [Там же: 161]. Грамматический комментарий приводится также в «Учебном словаре наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка» [Калашникова 1991]: в структуру словарной статьи включены сведения о специфике категории числа ФАН, особенностях их синтаксического функционирования. Напр., *стреляный (старый) воробей*: «В предложении обычно именная часть составного именного сказуемого или обособленное приложение к подлежащему, или дополнение, выраженное местоимением или существительным» [Калашникова 1991: 72].

Таким образом, ФАН характеризуются различными морфологическими и синтаксическими свойствами, неразрывно связанными с семантикой ФЕ. Грамматическая характеристика ФАН в рассмотренных нами фразеологических словарях включает описание наиболее важных грамматических особенностей ФЕ, которые являются необходимой составляющей целостного фразеографического описания данных фразеологизмов. Комплексное описание семантико-грамматических свойств ФАН позволяет дать наиболее полное представление об их грамматических и функциональных особенностях, что имеет важное практическое значение, расширяет и углубляет знания о правильном употреблении фразеологизмов в речи. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно включать указание на наиболее существенные грамматические свойства ФАН во фразеологические словари общего типа, дающие широкое представление о фразеологическом составе современного русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.П. Жукова. – 2-е изд. – М.: Астрель, 2005.

Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. – 3-е изд. – М.: Просвещение, 1994.

Калашникова А.Ф. Учебный словарь наиболее употребительных фразеологизмов современного русского языка. – Минск: Вышэйшая школа, 1991.

Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н.А. Павловой. – Омск: Наследие; Диалог-Сибирь, 2003.

Чепасова А.М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ин-та, 1983.

Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2000.

Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 1985.

GRAMMATICAL CHARACTERISTICS OF FIXED PHRASES NAMING PEOPLE AND THEIR DICTIONARY PRESENTATION

E.R. Ratushnaya

The article characterizes grammatical peculiarities of fixed phrases naming people (anthropo-nominators), analyzes their morphological and syntactic characteristics given in different phraseological dictionaries, which is highly relevant for the integral phraseographic description of the units under study.

© 2009

Н.А. Павлова

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВО ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Проявлением эволюции языковой системы является детерминологизация, т.е. утрата термином своих дефинитивных и системных характеристик. В современном общелитературном языке происходит «расщепление» (Д.Н. Шмелев) семантики термина на отдельные самостоятельные значения – терминологическое и общелитературное. Образному переосмыслению подвергаются не только отдельные термины (слова), но и составные термины (терминологические словосочетания, составные наименования, сложные термины, аналитические термины, многословные термины, многокомпонентные термины, несколькословные номинативные комплексы). Источником фразеологии являются терминологические словосочетания из разных областей научного знания, искусства, специфической деятельности человека. Вопрос о характере отношений между составными терминами и образованными от них фразеологизмами решается неоднозначно: составной термин квалифицируется как многозначный с терминологическим и общеупотребительным значением (Ю.Д. Апресян, Д.Н. Шмелев); отношения между составными терминами и фразеологизмами квалифицируются как омонимичные (А.М. Чепасова, Т.А. Дыкина, О.Г. Борисова, С.С. Лаухина и др.); вопрос об отношениях снимается, поскольку составные термины относят к периферии фразеологического состава (Р.Н. Попов). В нашей научной концепции составные термины и производные от них фразеологизмы сосуществуют в языке как знаки разных реалий, тождественные по форме и несовместимые по значению, т.е. как омонимы. Существование омонимических отношений между единицами разных языковых уровней – специфическая черта фразеологической омонимии.

Внешняя фразеологическая омонимия представлена двумя типами: 1) омонимия с нетерминологическими сочетаниями; 2) омонимия с терминологическими словосочетаниями. Исследователи отмечают, что абсолютное большинство фразеологизмов находится во внешних омонимических отношениях с нетерминологическими конструкциями. Омонимия фразеологизмов и терминологических словосочетаний в количественном отношении менее распространена, но продуктивность образования таких омонимов возрастает в связи с активным развитием науки и техники и влиянием этих сфер на бытовую сторону жизни человека.

Критерии разграничения составных терминов и омонимичных фразеологизмов представлены в нижеприведенной таблице.

Таблица 1

Критерии разграничения омонимов	Составные термины	Фразеологизмы терминологического происхождения
1) функциональный	объективация сложных специальных понятий;	объективация понятий о бытовых реалиях действительности;

Критерии разграничения омонимов	Составные термины	Фразеологизмы терминологического происхождения
2) грамматический	грамматические свойства и связи терминоэлементов не отличаются от грамматических свойств и связей слов в свободных словосочетаниях;	компоненты фразеологизмов утрачивают свою грамматическую самостоятельность;
3) семантический	аналитическое специальное значение, обусловленное значением терминоэлементов;	сложное целостное (цельное) значение; в смысловую структуру ФЕ включается внутренняя форма;
4) лексико-семантическая сочетаемость	сочетаются со словами разных семантических групп;	
5) стилистический	сфера употребления ограничена специальной областью деятельности и научного знания;	широкая сфера употребления;
6) оценочно-экспрессивный	отсутствуют коннотативные семы.	ярко выраженный коннотативный компонент в структуре значения.

Примечание к таблице. Под внутренней формой понимается образное представление, предопределенное смыслом генетического составного термина и являющееся мотивирующим фоном фразеологического значения.

По данным Е.А. Малиновского, «фразеология терминологического характера» получила отражение уже в словарях конца XVI – начала XVII вв. [Малиновский 1991]. Анализ словарей современного русского языка, где фиксируются и описываются терминологические словосочетания и производные от них фразеологические единицы (ФЕ), позволяет выявить разнообразие теоретических установок их авторов.

В ряде словарей в одной словарной статье приводится терминологическое словосочетание и образованный от него фразеологизм, которые не квалифицируются как омонимичные языковые единицы. Проиллюстрируем примерами. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» составные термины и фразеологизмы приводятся в одной словарной статье:

Абсолютный

*«**Абсолютный нуль**. В физике – температура, отсчитываемая от наиболее низкой температуры – от -237,16° С»*, и фразеологизм *«**Абсолютный нуль**. О ничтожном, совершенно бесполезном в каком-либо деле человеке»* [ССРЛЯ, 2: 50];

Вес

*«**Удельный вес**. В физике – сила, с которой тело действует на опору (или подвес), препятствующую его свободному падению»*, и фразеологизм *«**Удельный вес**. Роль, место, значимость кого-, чего-либо в хозяйстве, обществе»* [ССРЛЯ, 2: 138];

Выйти

Приводится два ряда: терминологические словосочетания ***выйти на старт***

(спорт.) и ***выйти на финишную прямую*** (спорт.); фразеологизмы ***выйти на старт*** и ***выйти на финишную прямую*** [ССРЛЯ, 2: 728–729].

Авторы словаря в предисловии четко определяют свои теоретические позиции: к области фразеологии отнесена различная по происхождению идиоматика, крылатые выражения из литературных и религиозных текстов, иные устойчивые семантически немотивированные словосочетания, обладающие экспрессией и стилистической окрашенностью. Устойчивые словосочетания номинативного характера (*железная дорога, белый гриб, белый билет, анютины глазки* и др.) рассматриваются как составные термины или наименования.

В «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» [Скляревская 2002] представлены термины и фразеологические единицы, образованные на их базе: *болевая точка, железный занавес, театр абсурда, бомба (мина) замедленного действия, шоковая терапия*. Проиллюстрируем примером словарной статьи:

Болевой. ◊ ***Болевая точка*** *(центр болезненных ощущений, являющийся обычно сосредоточием нервных узлов, окончаний и т.п.)* ◊ ***Болевая точка*** *(самая сложная, трудная для разрешения проблема)* [Там же: 87].

В одной словарной статье может фиксироваться только фразеологизм, терминологическое словосочетание при этом оказывается неотмеченным:

Бомба. ◊ ***Бомба (мина) замедленного действия*** *(о чем либо, таящем в себе опасность в будущем)* [Там же: 88].

А.Н. Тихонов, Е.Г. Ломов, Л.А. Ломова – составители «Фразеологического словаря русского языка» – понимают предмет фразеологии очень широко: «устойчивыми оборотами являются не только собственно фразеологизмы (*пролить бальзам, баш на баш, вишь ты!, восстать ото сна* и т.д.), но и сочетания, выступающие в роли наречий, предлогов, союзов (*без удержу, в силу, при помощи, тем не менее* и т.д.), а также известные составные названия (*магнитное поле, почтовый ящик, железная дорога, габаритные ворота* и т.д.)» [ФСРЯ 2003: 4]. Теоретические позиции авторов отражаются в отборе материала. Так, фразеологические единицы *квадратура круга, родимое пятно* и др. фиксируются в словаре с двумя значениями (терминологическим и фразеологическим):

Квадратура круга *– 1) (мат.) неразрешимая задача превращения круга в равновеликий квадрат; 2) о том, что вообще является неразрешимым* [Там же: 108].

Родимое пятно *– 1) врожденный порок развития кожи; 2) (перен.) (чего) пережиток* [Там же: 242].

В других случаях авторы отступают от такого способа презентации материала: у единиц *привести к общему знаменателю* [Там же: 92], *сесть на мель* [Там же: 145], *второе дыхание* [Там же: 40], *центр тяжести* [Там же: 297] и др. указано только фразеологическое значение; у единиц *крестовый поход* [Там же: 122], *кривое зеркало* [Там же: 123], *летаргический сон* [Там же: 133], *настоящее время* [Там же: 163], *естественный отбор* [Там же: 183] и др. представлено лишь терминологическое значение:

Летаргический сон *– то же, что и летаргия (состояние, похожее на сон, характеризующееся неподвижностью, отсутствием реакций на внешние раздражения, мнимая смерть)* [Там же: 133].

Привести (приводить) к одному (или к общему) знаменателю *– шутл. «урав-*

нять ряд предметов или явлений, сделать их сходными, совпадающими в каком-либо отношении» [Там же: 92].

Во «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова включены составные термины, мотивация значений которых утрачена, и терминологические словосочетания, не утратившие связи со своим терминологическим полем: *антонов огонь, венерины башмачки, чертов палец, грудная жаба, красная строка, очная ставка, барабанная перепонка, электрический стул, машина времени* и др.

А.И. Федоров не включает в состав фразеологии «пословицы, поговорки и узкоспециальную терминологию, выраженную в устойчивых словосочетаниях» [Федоров 1997: 6]. Автор словаря придерживается избранной теоретической позиции, но в некоторых случаях наблюдаются отступления от заявленного постулата. Так, единицы *родимое пятно, тепличное растение, заключительный аккорд, девятый вал* и др. квалифицируются в словаре только как фразеологизмы. Фразеологизмы *мертвая голова, перекати-поле, брать на прицел* и др. толкуются как многозначные, при этом в качестве одного из значений выступает значение термина:

Мертвая голова *– 1. Череп. 2. Ночная бабочка семейства бражников* [Там же: 150];

Перекати поле *– 1. Степное или пустынное растении, при созревании отрывающееся от корня и перекатываемое ветром. 2. Перен. Пренебр. О человеке, постоянно переходящем, переезжающем с места на место* [Там же: 84].

В отдельных словарных статьях содержатся указания на терминологическое происхождение толкуемых единиц:

Точка замерзания *– Книжн. Экспресс. Остановка в движении, развитии чего-либо. – Спец. Точка на шкале термометра, показывающая 0° – температуру превращения воды в лед* [Там же: 310].

Составители «Фразеологического словаря русского языка» под редакцией А.И. Молоткова оставляют терминологические словосочетания за пределами фразеологии. По мнению авторов словаря, «составные термины – словосочетания, составляющие их слова не утрачивают признаков слов. И, как любые словосочетания, они могут стать прототипами фразеологизмов» [Молотков 2001: 13]. В словаре описывается 81 фразеологическая единица терминологического происхождения, в параметры описания входит толкование значения, указание на вариантные формы, иллюстративный материал. Случаи внешней фразеологической омонимии с терминологическими словосочетаниями в словаре не фиксируются. 14 фразеологических единиц сопровождаются справкой, указывающей на термин-источник, его значение и сферу употребления. Проиллюстрируем сказанное примерами:

Играть первую скрипку *– 'быть главным в каком-либо деле' – От выражения «играть в оркестре первую скрипку» (первая скрипка – название скрипки или группы скрипок в струнном или симфоническом оркестре, которая исполняет первую, ведущую партию)* [Там же: 167];

Тертый калач *– 'очень опытный человек, которого трудно провести, обмануть; бывалый человек'. – От соответствующего названия калача <...> Переосмысление выражения связано с тем, что тертый калач выпекается из крутого калачного*

теста, которое долго мнут и трут... [Там же: 178].

В то же время ряд фразеологизмов, имеющих ярко выраженное терминологическое происхождение, в словаре подобной справкой не снабжается:

Звезда первой величины *– 'известный, прославившийся в какой-либо области знаний, деятельности человек' [Там же: 160];*

Зондировать почву *– Книжн. 'предварительно, заранее разузнавать о чем-либо, выяснять что-либо, обычно с целью определить заранее шансы на успех какого-либо дела, предприятия' [Там же: 163].*

В предисловии к «Словарю русской фразеологии: историко-этимологический справочник» под редакцией В.М. Мокиенко отмечается, что в корпус словаря включены «фразеологизмы в узком смысле слова», а также «некоторые пословицы, устойчивые составные термины, номенклатурные словосочетания, перифразы и крылатые слова, которые либо в какой-то мере претерпели фразеологизацию, либо стали основой для образования фразеологизмов в узком смысле слова» [СРФ 2001: 8]. 88 фразеологических единиц (из 2000 единиц словаря) отмечаются с указанием на их терминологическое происхождение. Проиллюстрируем примерами:

Лакмусовая бумажка *– Чаще публ. 'критерий проверки, показатель чего-либо'. Фразеологизм терминологического происхождения. Лакмус – красящее вещество, добываемое из некоторых видов лишайников и применяемое как индикатор. В кислой среде лакмус окрашивается в красный цвет, в щелочной – в синий. Словосочетание лакмусовая бумажка используется как химический термин, а в переносном значении становится фразеологизмом* [Там же: 62];

Пустая порода *– Нов. Неодобр. 'О бесполезном, ни на что непригодном человеке'. Из речи шахтеров. Пустая порода – это все то в рудничной земле, что не содержит в себе ничего ценного* [Там же: 464].

Составители словаря не всегда последовательны: так, фразеологические единицы *темная лошадка*, *выдать на-гора* и др. в словаре представлены как многозначные: первое значение – терминологическое, второе – фразеологическое:

Темная лошадка *– 1. Спорт. 'Неизвестный или малоизвестный спортсмен, участвующий в соревнованиях и вызывающий повышенный интерес болельщиков своими потенциальными спортивными возможностями. 2. Неизвестная личность, представляющая тот или иной интерес'* [Там же: 350];

Выдать на-гора *– 1. 'Поднять на поверхность шахты. 2. Предъявить сделанную работу, произвести какую-либо продукцию'* [Там же: 395].

А.М. Чепасова, автор учебного словаря «Фразеологизмы в нашей речи», составные термины выносит за рамки фразеологии, поскольку фразеологизмы в ее понимании – вторичные наименования предметов, свойств, действий, признаков, количеств, образующие вместе со словом единый номинативный строй языка [Чепасова 2000]. В словаре дано описание 34 фразеологизмов терминологического происхождения, которое состоит из толкования значения, грамматической характеристики, указания на вариантные формы, на стилистическую принадлежность; в отдельных случаях дается этимологическая справка. Приведем в качестве примеров словарные статьи:

Коэффициент полезного действия (КПД) *– 'доля положительного влияния чего-либо на какой-то процесс, событие и т.п.'. Употребляется только в форме*

единственного числа. Возможны все падежные формы, наиболее частыми являются именительный, винительный, творительный (коэффициент полезного действия человеческих усилий; «раскрепостить» мышление человека, повысить его КПД; стать лабораторией с высоким коэффициентом полезного действия). Фразеологизм сочетается с прилагательными высокий, высок, ничтожный, низкий, низок, и с глаголами повышать/повысить, падать/упасть [Там же: 35].

***Первая скрипка** – 'человек, от которого очень многое зависит в каком-либо деле'. Употребляется в форме ед. и мн. числа. Возможны формы всех падежей, но чаще всего употребляется в именительном и творительном в роли именной части сказуемого (...Юрий Ахромкин не **первая скрипка** в оркестре, но на вахте нет второстепенных ролей; все они **первые скрипки** могущественного ансамбля; среди нас был **первой скрипкой**); в форме родительного падежа выполняет роль несогласованного определения (роль **первой скрипки**); такую же роль фразеологизм выполняет в форме предложного падежа (вопрос о **первых скрипках** большого венского чемпионата по хоккею). В речи встретились употребления, которые свидетельствуют о появившемся новом значении – 'что-то очень важное в какой-либо деятельности, в чем-либо' (показателю номенклатуры с учетом выполнения заказов надо передать **первую скрипку**)* [Там же: 9].

Уникальность данного словаря – отражение динамичности многих описываемых фразеологизмов. Это очень ценный речевой материал, свидетельствующий о постоянном развитии языковых единиц. Несомненным достоинством словаря являются точность и научная корректность в подаче материала, в выборе способов толкования значений фразеологизмов и их разноаспектном описании.

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» (отв. ред. В.Н. Телия) в культурологическом комментарии словарной статьи у 21 фраземы дается указание на терминологический источник происхождения*: в тупике, в <через> час по чайной <столовой> ложке, волчий билет, желторотый птенец, игра стоит свеч, идти <пойти> ва-банк, играть первую скрипку, как дважды два <четыре>, темная лошадка* и др. [Телия 2006].

Остановимся на перспективах создания новых словарей. Интересны размышления Е.В. Великановой относительно создания свода предметных фразеологизмов с отвлеченным значением. Словарная статья, как предполагает автор, должна включать заголовок, структуру, значение, грамматические особенности, синонимию, омонимию описываемых единиц и их функционирование в речи. Приведем пример словарной статьи, который дает в своей работе Е.В. Великанова:

Удельный вес – предметный фразеологизм с отвлеченным значением.

1. *Структура.* Два компонента: компонент отвлеченное существительное *вес*, компонент относительное прилагательное *удельный*. Расположение компонентов контактное. Модель – «словосочетание». Синтаксическая связь – согласование.
2. *Значение.* Роль, место кого-, чего-либо в хозяйстве, в обществе, общественная значимость кого-, чего-либо.
3. *Грамматические особенности.* Имеет только форму единственного числа, но все падежные формы.

4. *Синонимия.* Вступает во внешние синонимические отношения. *Удельный вес – доля.*
5. *Омонимия.* Омонимичен терминологическому словосочетанию. Терминологическое словосочетание *удельный вес – ‘отношение веса тела при температуре 0°С к весу равного объема воды при температуре 4°С’ употребляется в химии и физике, сохраняет категорию числа.*
   Периодическая таблица Менделеева отражает, в частности, удельный вес вещества (Физика в школе. 1991. №2). ... слова приобретали удельный вес в зависимости от того, кто говорит их (Н. Кочин).
6. *Функционирование.* Встречается в качестве заголовка статей, названия рубрик, полос в газетах, журналах [Великанова 2006: 36].

В.М. Лейчик допускает возможность создания фразеологических терминологических словарей (ФТС). По мнению ученого, на несколькословные термины можно взглянуть с позиций теории фразеологии. В соответствии с классификацией В.В. Виноградова, по мнению В.М. Лейчика, среди терминов возможно выделить фразеологические сращения (идиомы) – *ласточкин хвост* (строит.) – ‘вид соединения строительных деталей’, *бараньи лбы* (геол.) – ‘каменные образования высокой твердости, подвергшиеся эрозии, в горах’; фразеологические сочетания – *глубина патентного фонда* (патентное дело) ‘характеристика патентного фонда, определяемая наиболее ранним документом в его систематически комплектующей части’, фразеологические выражения – *типологическое языкознание, инженерная лингвистика* [Лейчик 2002]. Эта же точка зрения высказана в работах Е.А. Малиновской, В.М. Сергевниной.

Изложенный теоретический подход, как мы полагаем, есть не что иное, как неоправданная экстраполяция фразеологической теории на совершенно разные языковые объекты.

Проведенный обзор словарей позволяет утверждать, что презентация материала в них отражает разные теоретические установки их составителей относительно объекта фразеологии, статуса терминов, отношений между составными терминами и фразеологизмами терминологического происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

Великанова Е.В. К проблеме создания свода предметных фразеологизмов с отвлеченным значением // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. – Вып.3. – С.36–37.

Лейчик В.М. Термины-фразеологизмы в ряду номинативных словосочетаний терминологического характера // Слово. Фраза. Текст. – М.: Азбуковник, 2002. – С.250–261.

Малиновский Е.А. Фразеологический материал в древнерусских рукописных словарях // Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии: республиканская межвуз. науч. конф. 20–23 мая 1991 г.: тезисы докладов. – Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Я. Мудрого, 1991. – Ч.II. – С.62–65.

Молотков: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: АСТ, 2001.

Скляревская: Толковый словарь русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / под ред. Г.Н. Скляревской. – М.: Фолио-Пресс, 2002.

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка: в 20 т. – М.: РАН,

Институт русского языка. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1991–1993. – Т.1–6.

СРФ: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001.

Телия: Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В.Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М.: Аст-Пресс Книга, 2006.

Федоров: Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2003.

Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2000.

FIXED PHRASES OF TERMINOLOGICAL ORIGIN IN PHRASEOGRAPHY

N.A. Pavlova

The article deals with relations between compound terms and fixed phrases derived from them. The author regards compound terms and terminology-based fixed phrases as homonyms. Phraseological dictionaries analysis carried out by the author revealed different theoretical views concerning the object of phraseology, the status of terms, relations between compound terms and fixed units of terminological origin.

© 2009

Т.В. Гриднева

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОЦЕНОЧНОГО ЭЛЕМЕНТА КОНЦЕПТА

Оценочность, призванная выражать мнение субъекта о ценности объекта для него, в структуре фразеологического значения рассматривается как его имплицитный признак (работы А.Н. Баранова, Л.Ю. Буяновой, Ю.П. Нечай, В.П. Жукова, Л.Е. Кругликовой, А.В. Кунина, А.М. Мелерович, В.Н. Телия и др.), что связано с назначением фразеологических единиц (ФЕ) не называть, а оценивать объекты действительности.

Являясь одним из важнейших понятий самых разных сфер общественного знания, оценка квалифицируется как универсальная категория, которая имеет общечеловеческий характер [Никитин 2002]. Проходя через призму мыслительной деятельности человека, оценка из морально-этической переходит в понятийную категорию, которая, в свою очередь, получает соответствующее языковое, в нашем случае – фразеологическое выражение, напр., *По крайней мере, человечность сегодня* ***в цене*** *как никогда. Уж слишком редкий зверь...* В предложенном примере ФЕ *в цене* – ‘дорого стоит, очень высоко ценится кто-либо или что-либо’ – выражает положительную оценку качества. Оценоч-

ный компонент, являющийся основным во фразеологическом значении, образуется оценочными концептуальными структурами ([Арсентьева 1989: 40], [Телия 1996], [Буянова, Нечай 2006]), сосуществующими с образными, эмоциональными и понятийными элементами. Данные структуры знания отражаются в семантике ФЕ, описываются во фразеологических словарях в процессе толкования фразеологического значения и иллюстрации его контекстуальной актуализации.

Характер определения и понимания природы и сущности когнитивной базы фразеологической семантики подчиняется стремлениям рассматривать концепт как многослойное образование [Алефиренко 2007]. Представленный выше пример демонстрирует сосуществование и взаимодействие различных слоев концепта – понятийного, образного, оценочного, отражающихся затем в структуре фразеологического значения.

В предполагаемый «Словарь оценочных фразеологических единиц» могут быть включены единицы, в семантической структуре которых отражаются различные грани фразеологического концепта, его оценочный элемент, взаимодействующий с другими компонентами. Порядок расположения фразеологического материала словаря опирается на особенности преломления во фразеологической семантике оценочного элемента концепта.

Особую группу составляют ФЕ, в семантической структуре которых оценочный элемент концепта становится первичным (доминирующим): 1) *на диво* – ‘очень хороший’; *до зубов* – ‘очень хорошо’; *хоть куда* – ‘очень хороший’; знать *как облупленного* – знать ‘очень хорошо’; *на большой палец* – ‘очень хорошо’; *как свои пять пальцев* – ‘очень хорошо’; *на славу* – ‘очень хорошо, превосходно’; *на все сто* – ‘очень хорошо, отлично’; *на ять* – ‘очень хорошо’; 2) *не бог весть как* – ‘не очень-то, не особенно хорошо’, *никуда не годится* – ‘очень плохо, скверно’, *ни в какие ворота не лезет* – ‘очень плохо’, *ни к черту* – ‘совсем плох’, *не по нутру* – ‘плохо, не нравится’, *не по нраву* – ‘плохо, не нравится’.

Положительные и отрицательные оценочные концептуальные структуры, взаимодействуя с образными элементами, формируют единый фразеологический концепт, отражающийся во фразеологической семантической структуре. Как показывают приведенные выше примеры, денотативные оценочные семы содержат положительные или отрицательные характеристики, которые эксплицируются дефинициями ФЕ. В семантической структуре названных ФЕ отражается сфера оценок «хорошо – плохо» – высший, максимально детализированный оценочный уровень [Никитин 2000: 17]; при этом ФЕ с отрицательной оценкой больше, что подтверждают наблюдения о преобладании в русской идиоматике единиц с объективацией негативной оценки [Баранов 2007: 66].

При актуализации экстралингвистической информации во фразеологическом словаре важно учитывать выводы по поводу концепта и фрейма – структур, выполняющих разные, хотя и взаимодополняющие функции: «концепт служит смыслообразующим фактором, а фрейм – когнитивной основой понимания фразеологического значения и смысла всего фраземоцентрического высказывания» [Алефиренко 2007: 10]. Понятие фрейма, близкое к категории толкования, «включает всю релевантную для данной проблемной ситуации инфор-

мацию, в том числе и экстралингвистическую» [Баранов 2007: 17]. Релевантная информация может быть актуализирована при толковании значения ФЕ. Так, в основе семантики ФЕ *не по нутру, не по нраву* экстралингвистическая информация связана с необходимостью выражения отрицательной оценки какой-либо ситуации, различных проблем. Напр., 1. *Понятно, что поборникам «общечеловеческих ценностей» приведенные пассажи будут явно* ***не по нутру*** [ЛГ]. 2. *Более того – массмедиа охотно примут сторону Медведева. Особенно электронные. Хотя бы потому, что нынешняя жесткая цензура им совсем* ***не по нраву*** [ЛГ].

В приведенных выше примерах ФЕ *не по нутру* –'не нравится', *не по нраву* – 'не нравится' выражают отрицательную оценку описываемых событий, что реализуется в процессе функционирования единиц.

В следующих примерах демонстрируется контекстуальная актуализация положительной оценочной семы фразеологического значения ФЕ *по душе* – 'хорошо, нравится', которая отражает оценочный слой фразеологического концепта; при помощи ФЕ раскрываются особенности шоу-бизнеса. Напр., 1. *А способны ли телезрители всё это время слушать пародии на Черномырдина, Литвинову или подвывания под Баскова? Естественно, что найдутся те, кому такое* ***по душе****. Но, к счастью, не столько, чтобы вся страна всматривалась в пустоту или в давно забытое прошлое* [«Аргументы недели»]; 2. *К тому же мы не собираемся ограничиваться исключительно хоккеем, а постараемся сделать вокруг турнира настоящий праздник и шоу, которые придутся всем* ***по душе*** [«Спорт-экспресс»].

Вторую группу представляют ФЕ, где оценочный слой концепта также получает в структуре фразеологического значения первичное отражение; в данном случае ФЕ предназначены для оценки параметрических характеристик. Напр., ФЕ ***бок о бок*** – 'совсем близко', ***рукой подать*** – 'совсем близко', ***в мгновение ока*** – 'очень быстро' ***не по дням, а по часам*** – 'очень быстро'; ***через час по чайной ложке*** – 'очень медленно'.

Иллюстративная часть фразеографической статьи ФЕ *рукой подать* может демонстрировать широкую реализацию оценочного слоя фразеологического концепта, расширение значения ФЕ. Ср.: 1. *Когда же до холмиков оставалось* ***рукой подать*** *– метров двести, а то и меньше, – оттуда сразу ударили пулеметы* [К. Симонов. Пехотинцы]; 2. *Вы правы. Не удастся ведь обойти проблему великой литературы, на которой воспитано не одно поколение людей, а там уже и до пресловутого ЕГЭ* ***рукой подать.*** *Трагедия в том, что чиновники от образования напрочь забыли о том, что в нашей стране литература не просто школьный предмет, а средство духовного воспитания нации* [ЛГ]; 3. *Фридрих Ницше, уже близкий предтеча и провозвестник фашизма, прежде всего идейный конструктор так называемой сильной личности, исключительной личности, откуда уже* ***рукой подать*** *до «сильного исключительного» народа или даже расы* [ЛГ].

Примеры употребления ФЕ *рукой подать* – 'совсем близко' демонстрируют сильные позиции оценочного слоя фразеологического концепта, способного притягивать не только *понятийные пространственные*, но и *понятийные качественные* слои другого концепта. Происходящие процессы влияют на фразеологическое значение, а также на его толкование во фразеологическом словаре. Показателем расширенного толкования ФЕ *рукой подать* являются слова-сопро-

водители «до «сильного исключительного» народа или даже расы», «до ЕГЭ»; толкование ФЕ *рукой подать* может выглядеть так: 1) ‘совсем близко, небольшое расстояние до какого-нибудь объекта’ (см. 1 пример); 2) ‘совсем немного времени осталось до какого-нибудь события’ (см. 2 пример); 3) ‘совсем немного сил потребуется для достижения какой-либо цели’ (см. 3 пример).

Одной из основных проблем лингвистики является связь оценки и эмоции, их комплексное отражение в структуре фразеологического значения, а также их лексикографическая интерпретация. В процедуре оценивания находит свое отражение когнитивное основание разных эмоциональных состояний [Буянова, Нечай 2006]. В.И. Шаховский пишет о взаимодействии оценки и эмоции и об эмоционально-оценочных характеристиках семантики номинативных единиц, выделяя эмоционально-оценочную образность [Шаховский 2008].

ФЕ, в основе семантики которых оценочные семы сочетаются с эмотивными, составляют особую группу. Сюда могут быть включены ФЕ различных семантико-грамматических разрядов.

Напр., *Если бы мы работали в Москве, я даже и не знаю, что бы мы делали. С одной стороны, просто* ***глаза разбегаются****, а с другой стороны, глядь – уже всё и сделано. А нам куда проще: приметил что-нибудь не из общего ряда и уже держишь сачок наготове. При небольших наших возможностях мы просто обречены на эксклюзив – в любом жанре.* В предложенном примере глагольная ФЕ *глаза разбегаются* у кого – ‘кто-либо не может сосредоточиться, остановиться на чём-либо одном от разнообразия впечатлений’ – выражает положительную оценку разнообразия, на которое нужно обратить внимание, оценку того, что нужно сделать. В основе фразеологического значения рассматриваемой ФЕ лежат эмоции, выявленные в результате ассоциативного эксперимента; ядро ассоциаций – 60% ответов, среди которых – «удивление», «любопытство», «восторг», «счастье», «веселость» и др.

Наибольший интерес представляют ФЕ, изменение значения которых связано с подвижностью концептуальных структур. Напр., *Тем не менее, подписан договор. Сталин и советское руководство уже в сентябре 39-го года вели себя довольно умело. Гитлер настаивал, чтобы мы вошли в Польшу до того, как он возьмет Варшаву, тогда Москва выглядела бы как воюющий союзник Германии. А Сталин тянул, чем сильно раздражал немецкого фюрера. – Но ведь так и случилось: немецкие войска взяли Варшаву 8 октября, а мы вступили на ее территорию 17 сентября, когда еще и* ***«медовый месяц»*** *не закончился <...> Больше того, как только наши войска пересекли границу, правительство заявило о нейтралитете СССР. Такую линию в двусторонних отношениях взяла Москва и, как я уже говорил, довольно умело ее проводила. Какой уж тут* ***«медовый месяц»****.*

ФЕ *медовый месяц – 1.* ‘Первое время, начальная, наиболее счастливая, пора супружеской жизни’. *2.* ‘Расцвет, лучшая пора’ – в любом из закрепленных в словаре значений отражает положительную оценку события, вызывающего положительные эмоции – радость, восторг, упоение и т.д. В приведенном выше контексте ФЕ *медовый месяц* оценивает событие, вызывающее горькую иронию, осуждение.

Представленные группы ФЕ демонстрируют различное отражение оценочного элемента фразеологического концепта в структуре фразеологического

значения, его взаимодействие с эмоциональным, образным и понятийным слоями.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Фреймовая основа фразеологической семантики // К 60-летию проф. А.В. Жукова: юбилейный сб. науч. тр. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Я. Мудрого, 2007. – С.4–11.

Аргументы недели. – №35(69), 30.08.2007– 5.09.2007.

Арсентьева Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках). – Казань: Изд-во Казан. ун-та. – 1989.

Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: моногр. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2006.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДПК «Гнозис», 2002.

ЛГ: Литературная газета. – №37 (6189), 17–23.09.2008.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Никитин М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях // Studia Linguistica. – Вып.9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. – СПб.: Тригон, 2000. – С.6–22.

Спорт-экспресс. – №187, 18.08.2007.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: моногр. – Волгоград: Перемена, 2008.

EVALUATIVE ELEMENT OF CONCEPT: PHRASEOGRAPHIC INTERPRETATION

T.V. Gridneva

The article deals with peculiarities of phraseographic interpretation of an evaluative layer of the concept that forms a basis for phraseological meaning. The author observes nuclear and peripheral actualization of an evaluative layer in a fixed phrase definition. The illustration section of phraseographic entries presents manifold realizations of the evaluative component of a multilayer phraseological concept within a fixed phrase structure.

© 2009

Т.А. Воронцова

ФРАЗЕОЛОГИЗМ В СЛОВАРЕ И В РЕЧИ

Несмотря на значительное количество и многообразие работ, в отечественной фразеологии и фразеографии по-прежнему остаются открытыми две ключевые проблемы, о которых почти 20 лет назад было заявлено В.М. Мокиенко: 1) критерии определения фразеологической единицы; 2) категориальные свойства этих единиц [Мокиенко 1989: 5].

В любом случае при фразеографическом описании и толковании за точку отсчета берется употребление фразеологизма в письменном тексте, как правило, в художественном. И это понятно, поскольку именно письменный текст позволяет акцентировать основные семантические, стилистические и когнитивные признаки фразеологизма как некие лингвистические константы.

Между тем, для лингвистического осмысления когнитивно-семантической сущности фразеологизмов необходимо учитывать тот факт, что идиоматика «содержит в себе не только результаты отражения действительности в языковом сознании человека, но и те дискурсивные смыслы, которые могут быть представлены только единицами косвенно-производной номинации» [Золотых 2008: 4]. Реализация этих дискурсивных смыслов происходит прежде всего в «живой» речи, т.е. при спонтанном говорении.

Как известно, условия формирования высказывания в диалогической спонтанной речи существенно отличаются от условий создания речи монологической, а тем более письменного текста. Во-первых, для диалога характерен более быстрый, чем в монологе, темп речи. «Быстрота темпа речи не является моментом, благоприятствующим протеканию речевой деятельности в порядке сложного волевого действия, т.е. с обдумыванием и выбором <...> В отличие от монолога (и особенно письменного), диалогическое общение подразумевает высказывание “сразу” и даже <...> “как попало”; только в особых случаях, которые и осознаются нами как особые, мы констатируем при диалоге обдумывание, выбор и т.д.». Во-вторых, подготовка к высказыванию «обыкновенно происходит одновременно с восприятием чужой речи. Интервал между двумя последовательными репликами должен быть использован участником коммуникации и для восприятия и понимания речи собеседника, и для подготовки (тематической и речевой) собственного ответа ему». Известная узость нашего сознания не позволяет решить эту двойную задачу полноценно. Это «приводит к более ослабленному переживанию каждого из двух моментов (восприятия и понимания чужой речи и подготовки ответа); но т.к., с одной стороны, восприятие речи собеседника должно объективно предшествовать подготовке ответа, а с другой стороны, наше внимание естественным образом скорее склонно сосредоточиваться на содержании, на тематизме ответа, чем на его речевой форме, то для подготовки самого высказывания, для выбора речевых фактов, для обдумывания их времени обычно не остается» [Якубинский 1986: 35–36].

В связи с этим естественно возникает вопрос: что «провоцирует» само появление фразеологизма в речи, поскольку, как справедливо отмечает Л.И. Ройзен-

зон, «любому устойчивому словесному комплексу в сознании говорящего противопоставлено (прямо или косвенно, реально или ирреально) аналогичное сочетание лексем свободного синтаксического построения» [Ройзензон 1977: 9].

Очевидно, что употребление фразеологизмов в речи всегда ориентировано на определенную коммуникативно-прагматическую ситуацию. «В процессе восприятия фраземы актуализируются речевые стереотипы, этноязыковое сознание коммуникантов, их фоновые знания. Все это определяет прагматический характер смысловой реализации фразеологического значения в дискурсах разных типов и степень воздействия на получателя информации» [Золотых 2008: 38].

Однако вопрос о том, что же в первую очередь актуально для говорящего при использовании такой «многослойной» и многокомпонентной языковой единицы, как фразеологизм, – остается открытым. Ответить на вопрос о том, какие характеристики фразеологизма приоритетны для говорящего при решении прагматических задач, можно, на наш взгляд, путем «доказательства от противного», т.е. выяснив, какими параметрами фразеологизма «готов поступиться» говорящий при формировании высказывания в жестких условиях диалогического «цейтнота».

Важными факторами при выборе материала для поиска ответа на поставленный вопрос являются условия коммуникации и культурный статус говорящего. Именно поэтому, с нашей точки зрения, наиболее релевантным источником исследования может стать публичный диалог: интервью и беседы с политиками, журналистами, деятелями культуры и науки. Во-первых, адресант в публичном дискурсе – это индивидуальный речедеятель, который должен обладать высоким уровнем коммуникативной компетентности. Во-вторых, публичный характер диалога, с одной стороны, предполагает наличие речевого контроля со стороны говорящего (в отличие от бытового дискурса), с другой – обусловливает наличие указанных лингвопсихологических параметров, которые характерны для спонтанного говорения. Все эти параметры диалога влияют как на процесс коммуникации, так и на его языковую реализацию. В отличие от художественного текста, где «модификация фразеологической семантики подчинена созданию выразительности и изобразительности художественного дискурса» [Золотых 2008: 40], в спонтанной публичной речи говорящий ориентируется на прагматические приоритеты, а когнитивная «многослойность» фразеологизма обусловливает его способность решать те прагматические задачи, которые наиболее актуальны в данный момент с точки зрения говорящего. При этом адресант нередко сознательно или бессознательно игнорирует те или иные лингвистические характеристики фразеологизма и не всегда заботится о точности употребления фразеологизма по отношению к его «словарному» значению.

Так, напр., опираясь на материалы интервью и бесед на радио «Эхо Москвы» 2007–2008 гг., мы установили, что нарушение точности употребления фразеологизма может быть обусловлено расширением и/или трансформацией его состава. Ср.:

Э. Геворкян (журналист)*: ... «Матери Беслана» недовольны тем, как ведут себя власти, как продвигается дело. Как вы считаете, в этой ситуации как нужно реагировать властям?*

П. Гусев (редактор газеты «Московский комсомолец»)*: Власти соболезнования высказывают, но ничто, никакие высказывания, никакие слова не помогут матерям Беслана и их близким и родным в утрате детей...*

Э. Геворкян*: Понятно, что матерей* ***ослепляет горе в некотором смысле****.*

Фразеологизм *ослепляет горе* представляет собой трансформированный фразеологизм *ослепнуть от горя* – 'лишиться способности здраво рассуждать'. Ср.: *Тютчев словно ослеп от горя...* (В.Ф. Ходасевич. О Ф. Тютчеве) В данном случае расширение *в некотором смысле* выступает в качестве деинтенсификатора экспрессивно-эмоциональной окраски, но при этом такое его употребление позволяет говорящему в рамках высказывания решить две, казалось бы, взаимоисключающие прагматические задачи: реализовать коммуникативную тактику оправдания (*поведение матерей правомерно*) и выразить согласие с собеседником.

Другой характерной речевой ошибкой считается нарушение конситуативных условий употребления фразеологизма. Ср.:

С. Сорокина (журналист)*: Да с чего Вы взяли, что заплатили [А. Митрофанову за переход в другую партию. – Т.В.]?* ***В. Жириновский (политик)****: А как иначе можно перейти?* ***С. Сорокина****:* ***Вы что, со свечой стояли?***

Фразеологизм *стоять со свечой (держать свечку)*, как известно, означает 'быть свидетелем интимных отношений',[1] т.е. это конситуативно обусловленный фразеологизм.[2] Экспрессивность данного фразеологизма создается именно за счет его конситуативности, т.к. интимные отношения – это та сфера, где свидетелей не может быть по определению. Поэтому в речи этот фразеологизм чаще употребляется в значении 'не был свидетелем'. Ср.: *Любовь, товарищ майор, штука сложная. Ты же над ними* ***свечку не держал****.* (П. Дашкова. Чувство реальности).

Употребление данного фразеологизма как когнитивная отсылка к ситуации, при которой не может быть свидетелей, в сочетании с формой высказывания (риторический вопрос) реализует прагматическую интенцию негативной истинностной оценки предшествующей реплики, чем достигается информативное «обнуление»[3] предшествующего утверждения собеседника (Импликатура данной реплики: *вы не могли быть свидетелем, значит, ваше утверждение, что Митрофанову заплатили, неистинно*).

«Обязательным условием правильного использования фразеологизмов является строгое соблюдение особенностей сочетаемости их со словами контекста» [Голуб 2001: 128]. В публичном диалоге употребление фразеологизма без учета его синтагматических связей встречается довольно часто. Ср.: ***Д. Рогозин (политик)***: Есть одна партия – это партия настоящих политиков, которые думают, что говорят, и есть партия фальшивых**, высосанных из пальца**.

Фразеологизм *высасывать из пальца что-либо (высосать из пальца),* согласно словарному толкованию, имеет значение 'утверждать что-либо без всяких оснований, выдавать надуманное за действительность с целью оправдаться или оклеветать кого-либо' [Федоров 1997, 1: 125]. Безусловно, в приведенном примере употребления данного фразеологизма по отношению к его словарному значению имеет место контекстуальное нарушение. Вместе с тем, здесь очевидна интенция говорящего: фразеологизм выступает как интенсификатор негативной

оценки и призван усилить воздействие данного высказывания на массового адресата (радиослушателей).

Таким образом, в условиях диалогической коммуникации, когда у говорящего нет времени на обдумывание, употребление фразеологизма в составе высказывания ориентировано прежде всего на решение прагматических задач, на реализацию коммуникативной интенции адресанта. В условиях диалогической коммуникации для говорящего основным категориальным свойством фразеологизма является его экспрессивно-оценочная коннотация. Как показал анализ, именно экспрессивно-оценочные параметры фразеологизма никогда не игнорируются говорящим. Именно экспрессивно-оценочные характеристики фразеологизма в первую очередь способствуют его актуализации в сознании говорящего при решении коммуникативно-прагматических задач. Этот факт не может не учитываться как при лингвистическом осмысления когнитивно-семантической сущности фразеологизмов, так и при разработке системы соответствующих стилистических помет в словаре фразеологизмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Справочная служба русского языка портала «Грамота.ру» дает следующее толкование данного фразеологизма: «Выражение *я (им) свечу не держал означает*: ‘Я не был свидетелем произошедшего’. Точное происхождение этого выражения в доступных нам источниках не указано. Но вот что написал нам один из посетителей: «Я хотела бы уточнить один из ваших ответов на вопрос о происхождении выражения *(не) держать свечку*. На старинных русских свадьбах молодоженов отправляли уединиться в горницу для сами понимаете чего. При этом специально уполномоченное лицо (затрудняюсь вспомнить, кто точно, вроде бы сваха) подглядывало за молодоженами в приоткрытую дверь, держа в руке зажженную свечу, чтоб лучше было видно. Делалось это с целью проконтролировать ситуацию: всё ли прошло нормально, справились ли молодые со своей задачей. Вот так на Руси контролировалась демографическая ситуация. С тех пор выражение *я им свечку не держал* применяется, как правило, когда речь идет о подробностях чьей-то личной жизни».
2. К такого рода фразеологизмам можно отнести, напр., фразеологизм *кто в лес, кто по дрова* – ‘нестройно, нескладно’ (о пении или игре на музыкальных инструментах) и др.
3. О выражении негативной истинностной оценки см. подробнее: Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. – Ижевск: Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2006.

ЛИТЕРАТУРА

Воронцова Т.А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. – Ижевск: Издат. дом «Удмурт. ун-т», 2006.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М.: Рольф, 2001.

Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2008.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1989.

Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои, 1977.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров: в 2 т. – М.: Цитадель, 1997.

Якубинский Л.П. О диалогической речи // Л.П. Якубинский. Избр. работы: язык и его функционирование. – М.: Наука, 1986. – С.17–59.

PHRASEOLOGY IN DICTIONARY AND SPEECH

T.A. Vorontsova

A fixed phrase used in speech is primarily aimed at pragmatic goals and communicative intentions of the addressor. Expressive and evaluative connotations are viewed by the speaker as principal categorial properties of a fixed phrase.

© 2009

Н.Б. Усачева

О СЛОВАРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗОК

Термин *словарь* в соответствии с мотивировкой внутренней формы (перечень слов) употреблялся в традиционной лексикографии в рамках «словоцентрического» подхода к языку. С развитием лингвистики начали появляться «произведения словарного типа», объектом описания которых стали не слова, а другие языковые единицы: фразеологизмы (А.И. Молотков, А.И. Федоров, В.Н. Телия), крылатые единицы (Н.С. и М.Г. Ашукины, С.Г. Шулежкова, В.П. Берков, В.М. Мокиенко), морфемы (З.А. Потиха, А.Н. Тихонов, А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова), синтаксемы (Г.А. Золотова, В.Ю. Меликян) и т.д. Под влиянием многовековых традиций закрепились некорректные, противоречащие объекту описания названия.

На определенном этапе фразеографы пытались найти подходящий, точный термин, преодолеть это терминологическое противоречие, появлялись предложения называть работы такого рода фразарий или фразарь, фраземарий или фраземарь, фразник, справочник, словник, свод и т.д. Такого рода названия не вошли в научный оборот, не получили широкого распространения (в отличие от названия раздела языкознания – фразеографии).

Вероятно, можно говорить об угасании внутренней мотивировки слова «словарь», о расширении его употребления, появлении нового значения: «собрание не только слов, но и других языковых единиц». Это особенно явно, когда речь идет не о лингвистах-профессионалах, а о широком круге читателей, воспринимающих словарь как книгу, содержащую упорядоченную совокупность языковых единиц и их характеристику.

Бурное развитие фразеологии и фразеографии как самостоятельных разделов лингвистики в течение последних пятидесяти лет, вовлечение в поле зрения

исследователей широкого круга единиц (не только «идиом», но и фразеологических единств, фразеологических сочетаний, фразеологических выражений, устойчивых словесных комплексов, поэтических фразеологизмов и т.д.) привело к необходимости создания большого количества книг (т.н. частных словарей), являющихся справочной литературой и включающих словарное описание типологически однородных фразеологических единиц.

В Курганском государственном университете на базе лингвистической лаборатории имени проф. В.А. Лебединской создаются частные фразеологические словари, объектом описания которых становятся фразеологизмы с общим глагольным компонентом (напр., «Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь*» В.А. Лебединской и Н.Б. Усачевой, «Словарь процессуальных фразеологизмов с компонентами *брать/взять*» В.И. Кабыш), фразеологизмы с общим именным компонентом (напр., «Словарь фразеологизмов с компонентом *Бог*», «Словарь фразеологизмов с компонентом *черт*» Н.В. Шведовой), поэтические фразеологизмы (напр., «Словарь поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама» Н.В. Гончаровой, «Словарь поэтических компаративных фразеологизмов К. Бальмонта» М.И. Лебединской) и др.

Частные фразеологические словари являются не только результатом исследования сущностных свойств какого-либо объекта (единиц одного класса, единиц с одним компонентом; единиц, употребленных в произведениях какого-либо писателя и т.д.), но и средством для последующего анализа. Фразеологи стремятся полученные знания закреплять, фиксировать в словарной форме – это одна из форм обобщения результатов исследовательской деятельности, представления данных, полученных фундаментальной наукой. В то же время словарь фразеологизмов необходим для дальнейших изысканий, он является ценнейшим источником сведений о том или ином объекте научного исследования.

На наш взгляд, создание частных, автономных словарей – необходимый этап в формировании синтетического, комплексного представления о фразеологическом фонде современного русского языка, поскольку каждый такой словарь является вспомогательной «базой данных» для общего, машинного, электронного фонда языка.

Особую трудность представляет собой фиксация в словаре фразеологических единиц (ФЕ) грамматического уровня, обладающих чрезвычайно абстрактным, обобщенным значением. К числу служебных, наряду с предлогами, союзами и частицами, относятся связки, имеющие категориальное значение копулятивности и передающие разнообразные отношения субъекта к предикату в структуре предложения. Необходимость фразеографического описания фразеологических связок (единиц типа *взять за правило, получить возможность, иметь право, лелеять надежду, гореть желанием, ощутить потребность, испытывать желание, считать за долг, лишить удовольствия* и мн. др.) обусловлена их неизученностью в теоретическом плане, отсутствием информации о них в существующих словарях, частотностью использования в современной русской речи, широким диапазоном модальных значений, которые они передают.

Разрабатываемый нами «Словарь фразеологических связок» имеет своей целью систематизировать полученные в ходе анализа уникальной картотеки сведения о внешней форме и семантике единиц, составляющих отдельный семан-

тико-грамматический класс служебных фразеологизмов, дать по возможности полное описание значений и функционирования в речи фразеологических связок, показать особенности системных семантических связей исследуемых единиц.

По данным нашей картотеки, в современном русском языке функционирует 650 фразеологических связок, различных по степени употребительности, происхождению, некоторые из них являются устаревшими, встречаются только в художественных произведениях XVIII–XIX в., напр.:

Через день он прислал мне генерала Павла Потемкина, я поручила ему, во-первых, попросить князя Потемкина ***исходатайствовать*** *у императрицы* ***разрешения*** *приехать в Царское село и представить ей своих детей, во-вторых, справиться у князя, в каком чине состоит мой сын и согласилась ли военная коллегия на назначение его адъютантом к фельдмаршалу графу Румянцеву* (Е.Р. Дашкова. Литературные сочинения); *Вы присылаете мне письмо ваше; вы* ***выставляете намерение*** *жениться; умоляете не разглашать...* (Ф.М. Достоевский. Село Степанчиково); *Он, например,* ***имел систему*** *не выставляться, где надо стушевываться, и его многие ценили именно за его простоту, именно за то, что он знал всегда свое место* (Ф.М. Достоевский. Идиот).

Большинство фразеологических связок активно используются и в классических произведениях, и в современной русской речи; единицы *иметь право, пришло в голову, изъявлять желание, гореть желанием, почувствовать желание, иметь возможность, обладать способностью, сделать попытку, счесть долгом* и мн. др. являются высокочастотными, фиксируются в сотнях употреблений, участвуют в передаче разнообразных модальных характеристик, передаваемых говорящим в процессе высказывания. Высокая частота употребления фразеологических связок обусловлена тем, что они являются показателями модальных отношений между субъектом и предикатом, участвуют в создании модальной рамки высказывания.

Общеграмматическое, категориальное значение фразеологических связок – значение копулятивности конкретизируется на субкатегориальном уровне семами рациональности и эмоциональности, которые отражают природу оценки говорящим тех процессов, которые названы инфинитивными формами процессуальных единиц, составляющих основную часть сказуемого, напр.:

Григорий, искоса наблюдавший за Петром, видел, что тот ***горит желанием*** *поговорить о чем-то серьезном* (М.А. Шолохов. Тихий Дон) – рациональная модификация желательности процесса «поговорить»; *Читая в «Летописце» описание происшествия столь неслыханного, мы, свидетели и участники иных времен и иных событий, конечно,* ***имеем*** *полную* ***возможность*** *отнестись к нему хладнокровно* (М.Е. Салтыков-Щедрин. История одного города) – рациональная модификация возможности процесса «отнестись»); *Державин в своих объяснениях на свои сочинения говорит, что он* ***имел счастье*** *освободить около полутора тысяч пленных колонистов от киргизов* (А.С. Пушкин. История Пугачева) – эмоционально-положительная оценка процесса «освободить»; *Уже многие поплатились за то, что* ***имели неосторожность*** *видеть во сне, чего не следовало видеть* (Д.С. Мережковский. Смерть богов) – эмоционально-отрицательная оценка процесса «видеть».

Словарная статья должна передавать концептуальную картину функционирования фразеологической связки, ее релятивное значение в синтагматической и парадигматической оси координат, позволяющей пользователю усвоить, а затем применить этот фразеологизм в коммуникативно-прагматической деятельности.

Особенностью фразеологических связок, как и остальных служебных единиц языка, является релятивность их значения, отсутствие у них с гносеологических позиций материального референта в реальной действительности, что осложняет процесс кодифицирования и делает необходимым широкое привлечение иллюстративного материала, в результате анализа которого пользователь словаря получает представление о типах отношений, выражаемых единицей.

Учитывая научно-справочный характер словаря, мы считаем целесообразным наличие в словарной статье трех зон фразеографирования связок:

1) информация о грамматических свойствах фразеологической связки (видовая характеристика, особенности грамматического функционирования, возможные типы субъектной отнесенности единицы, субкатегориальное значение, групповая принадлежность);

2) толкование значения фразеологических связок, которое производится двумя способами: синонимическим и описательно-понятийным в соответствии с выработанной моделью описания категориальных, субкатегориальных, групповых и индивидуальных, интегральных и дифференциальных сем. Необходимым элементом толкования значения связок является указание на важнейшую функцию связок: модифицировать значение процесса, названного в основной части составного сказуемого;

3) примеры употребления фразеологической связки в текстах художественной литературы, подтверждающие адекватность выявленных значений и позволяющие продемонстрировать парадигматические и валентностные свойства единицы. Иллюстративный материал призван показать вариативность единицы, возможности реализации в речи парадигматических форм фразеологизма, особенности лексической и грамматической сочетаемости фразеологической связки (в первую очередь отражаются разные типы субъектов и различные по субкатегориальной отнесенности виды предикатов).

Такие информационные блоки, как нам представляется, удовлетворят читателей, обращающихся к словарю и в учебных, справочных целях, и в плане научного познания фразеологических связок – одного из элементов грамматической системы современного русского языка.

DICTIONARY OF CONNECTIVE FIXED PHRASES

N.B. Usachyova

The article proves the necessity of compiling restricted phraseological dictionaries, one of them, “The Dictionary of Connective Fixed Phrases” containing 650 units, is being developed by the author of the article. A vocabulary entry consists of three parts containing grammatical, semantic and illustrative information, which allows to give a full description of connectives.

© 2009

Г.А. Шиганова

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДЛОГОВ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Словари являются неисчерпаемой сокровищницей любого национального языка. Их основной задачей является толкование значения слова и фразеологизма, применение в речи, разграничение правильного и неправильного и т.д. Несмотря на большое количество различных типов словарей (толковых, грамматических, энциклопедических и др.), в связи с бурным развитием нашего общества в последние десятилетия и, как следствие этого, изменением и развитием лексико-фразеологической и грамматической системы русского языка возникла насущная необходимость создания словарей нового типа, каким и является «Словарь фразеологических предлогов современного русского языка». Синтаксический строй русского языка и речи организуется разнообразными семантико-грамматическими средствами. На современном этапе развития лингвистики созрела потребность осмыслить эти средства на новом уровне с учетом научных изысканий последних лет. Представляется необходимым по-новому взглянуть на роль служебных единиц в построении текста, в частности уточнить и расширить понятие о значении фразеологических предлогов разной структуры. Словарь фразеологических предлогов должен отразить активные процессы в области семантики и грамматики современного русского языка.

Базой для предлагаемого Словаря фразеологических предлогов современного русского языка, первого словаря подобного типа, послужила картотека автора, собиравшаяся в течение 20 лет и насчитывающая около 500 единиц в 150 000 употреблений.

Цель Словаря – составить реестр наиболее продуктивных в современном русском языке фразеологических предлогов; опираясь на принцип иерархичности сем фразеологического значения, представить толкования категориальных, субкатегориальных, групповых и индивидуальных значений фразеологических предлогов в соответствии с новейшими изысканиями в области семантики и грамматики.

В число задач Словаря входит:

1) отбор фразеологических предлогов современного русского языка, наиболее продуктивно участвующих в выражении синтаксических отношений современного русского языка;

2) подбор иллюстративного материала по методу сплошной выборки из текстов разных стилей и жанров;

3) классификация основных значений предлогов на основе системного анализа – от категориальных до индивидуальных значений;

4) системное описание выявленных значений в Словаре в алфавитном порядке.

У готовящегося Словаря есть и прикладное значение. Не имея аналогов в лексикографической сфере, он обладает и теоретической, и практической цен-

ностью. Назначение Словаря – быть нормативным семантико-грамматическим справочником для широкого круга читателей. Его материалы могут быть использованы всеми, изучающими русский язык, – филологами, нефилологами, русскими и нерусскими обучающимися. Из Словаря извлекается информация активного характера (о выражении в грамматике синтаксических отношений между явлениями и предметами материального мира) и рецептивного характера – о роли и значении отдельных предлогов. В теоретическом отношении Словарь может рассматриваться как первый опыт описания фразеологических предлогов и их функциональных возможностей в построении моделей русского предложения. Словарь послужит источником новой информации, способствующей прояснению некоторых актуальных вопросов современной русской грамматики.

В Словаре представлен новый взгляд на семантику фразеологических предлогов. Фразеологические предлоги – фразеологические единицы, состоящие из двух и более компонентов и соотносительные по своим семантическим и грамматическим свойствам с лексическими предлогами: ***в день*** (чего), ***в годы*** (чего), ***в продолжение*** (чего), ***в процессе*** (чего), ***в течение*** (чего), ***в возрасте*** (кого, чего), ***в череде*** (чего), ***к исходу*** (чего), ***под занавес*** (чего) и др. Такие единицы признаются фразеологическими на том основании, что они являются раздельнооформленными и одновременно обладают своим цельным значением, воспроизводимостью, что соответствует признакам фразеологической единицы (ФЕ).

Толкование значений предлогов осуществляется по принципу иерархичности сем, составляющих эти значения. Системный подход применен не только к отбору единиц, но и в структурировании значений предлогов. Именно философское понимание системы положено в основу словаря, т.е. система рассматривается как упорядоченность и целостность множества элементов, находящихся во взаимодействии. На наш взгляд, система – это внутренне упорядоченные объекты, в которых обнаруживается взаимосвязь частей, элементов.

Фразеологические предлоги составляют почти 80% от всех имеющихся в языке предлогов. Активный рост таких конструкций вызван как экстралингвистическими причинами, так и собственно языковыми. К внеязыковым факторам следует отнести прежде всего общественную потребность в точных и специализированных средствах выражения отношений между словами; к языковым – «перегруженность» значениями лексических непроизводных предлогов и неспособность их дифференцировать весьма усложнившиеся в языке синтаксические отношения между именем и другими словами в предложении. Способность к дифференцированному, точному выражению частных падежных значений заключена во фразеологических предлогах, т.к. они обладают несравненно бóльшими возможностями выражения различных отношений.

Фразеологические предлоги, являясь двух-, трех- или (реже) четырехкомпонентными, формируют свое значение на основе сем всех составляющих компонентов. Мотивированность фразеологического значения позволяет этим единицам выражать синтаксические отношения между словами более конкретно и определенно, чем лексические непроизводные предлоги. Они обладают меньшей степенью абстрактности, значение их в меньшей степени зависит от се-

мантико-синтаксического окружения. Напр., фразеологический предлог ***за исключением*** (кого, чего), даже взятый вне контекста, несет в себе общее абстрактное значение ‘исключения кого-, чего-либо из кого-, чего-либо’. Контекст лишь реализует это значение, наполняет его конкретным содержанием. Знаменательный компонент привносит такие дифференциальные семы, которые в соединении с семами лексических предлогов формируют релятивное значение новой ФЕ, и это значение более конкретное по сравнению со значениями других типов предлогов, т.к. происходит «удвоение» или даже «утроение» смыслов.

Цель и задачи справочника фразеологических предлогов предопределили содержание каждой словарной статьи. Словарь подчинен алфавитному принципу. Заголовочное слово дается полужирными прописными буквами. Указывается, с каким падежом употребляется данный предлог. Дается подробное толкование значений предлога, исходя из системной структуры: сначала субкатегориальное значение – указание на обстоятельственные, объектные, атрибутивные, субъектные, объектно-субъектные отношения, затем – групповые (пространственные, временные и т.п.), подгрупповые (если есть), индивидуальные. В некоторых случаях даны глаголы, с которыми сочетается данная предложно-падежная форма, для более точной передачи значения падежного значения. Иллюстративный материал приводится в виде цитат из литературных произведений, газет, журналов, иногда цитаты заимствуются из других типов словарей, в этом случае идет обязательная ссылка на словарь, из которого она заимствована. В отдельных случаях вместо цитат даны словосочетания.

«Словарь лексических и фразеологических предлогов современного русского языка» содержит научно систематизированный репертуар релятивных единиц, которые участвуют в построении предложений, сочетаний слов, словосочетаний и выражают необычайно усложнившиеся синтаксические отношения. Поэтому Словарь может быть использован с точки зрения построения правильных предложений русского языка и с точки зрения восприятия, понимания текста. Словарь предназначен как для специалистов в области языкознания, так и для широкого круга читателей, интересующихся проблемами русского языка. Словарь полезен для всех изучающих русский язык, т.к. отражает самые последние изменения в его грамматической системе, в частности, усложнившиеся отношения объективной действительности средствами предлогов в аналитической системе языка.

DICTIONARY OF RUSSIAN LEXICAL AND PHRASEOLOGICAL PREPOSITIONS

G.A. Shiganova

The article describes aims, objectives, and principles of the Dictionary of modern Russian phraseological prepositions. Particular attention is given to the layout of a vocabulary entry in view of phraseological meaning structure, which is essentially new to the relative unit description.

© 2009

А.А. Чепуренко

ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В СЛОВАРЯХ

Обстоятельственными мы называем фразеологизмы одной из двух субкатегорий качественно-обстоятельственного класса в соответствии с классификацией А.М. Чепасовой [Чепасова 2006]. Фразеологические единицы данной субкатегории обозначают различные обстоятельства протекания действия или проявления признака и в соответствии со значением делятся на 7 семантических групп, или категорий: времени, места, цели, причины, следствия, условия и уступки.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы соотносятся по своему категориальному значению с наречиями, значительно дополняя и расширяя названный класс лексических единиц. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [Ожегов 1996] нами выявлено около 300 обстоятельственных наречий (*вбок, вначале, всегда, где-либо, давно, домой, завтра, зачем, издалека, иногда, кое-куда, назло, нарочно, однажды, отчего-то, позавчера, поэтому, сегодня, тут* и т.п.) и около 500 фразеологических единиц с той же семантикой. Собранная же нами картотека обстоятельственных фразеологизмов позволяет утверждать, что подобных единиц в русском языке не менее 1000. Кроме того, следует отметить, что внутри семантического разряда обстоятельственных наречий выделяется меньшее количество семантических групп, чем внутри субкатегории обстоятельственных фразеологизмов, а именно 4 – времени, места, причины, цели ([Попов 1978: 253], [Розенталь 1994: 336]) или 5 – времени, места, причины, цели, совместности ([Русская грамматика 1980: 705], [Лекант 1988: 244]). Таким образом, обстоятельственные фразеологизмы способны выразить более широкий круг значений, нежели наречия, и тем самым «фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком (новых) сторон действительности...» [Кунин 1996: 5].

Большая часть собранных и проанализированных нами обстоятельственных фразеологизмов находит то или иное отражение в словарях. При этом способы их отражения определяются взглядами составителя словаря на фразеологию, его пониманием основных фразеологических проблем.

В вышеназванном толковом словаре русского языка [Ожегов 1996], содержащем 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений, мы выявили около 500 обстоятельственных фразеологизмов, получающих разную квалификацию. Чуть больше половины из них даются после толкования значений соответствующего слова за знаком ♦, т.е. квалифицируются как фразеологические выражения, «общее значение которых не определяется непосредственно значением данного слова. Такие фразеологические выражения сопровождаются особым толкованием и пометой...» [Ожегов 1996: 7]. Напр., ***БЕЛЫЙ...*** ♦ ***Средь бела дня*** *– 1) днем, когда совсем светло (разг.)* [Там же: 40]; ***ИСКУССТВО...*** ♦ ***Из любви к***

искусству *(разг. шутл.) – из любви к самому процессу дела, не с корыстной целью* [Там же: 247]; ***НЕЧЕГО...*** ♦ ***От нечего делать*** *(разг.) – от безделья* [Там же: 407]; ***НОС...*** ♦ ***Под носом*** *(разг. неодобр.) – рядом, совсем близко* [Там же: 413]; ***СТАТЬ...*** ♦ ***Во что бы то ни стало*** *– непременно, несмотря ни на что* [Там же: 753]. Если слово, входящее в выражение, не употребляется в современном литературном языке, то в словарной статье толкуется только выражение в целом: ***ВЕРОЯТИЕ: сверх всякого вероятия*** *– сверх ожидаемого* [Там же: 71]; ***НЕСМОТРЯ: несмотря ни на что*** *– при любых обстоятельствах* [Там же: 404]; ***СПОКОН: спокон веку*** *и* ***спокон веков*** *(разг.) – то же, что испокон веку (веков)* [Там же: 746]. Некоторые из выражений приводятся в словаре несколько раз: в словарных статьях, посвященных разным словам, входящим в состав выражения в качестве компонента. Так, фразеологизм ***испокон веков*** толкуется в словарных статьях «ВЕК» [Там же: 68] и «ИСПОКОН» [Там же: 248], ***от большого ума*** – в статьях «БОЛЬШОЙ» [Там же: 53] и «УМ» [Там же: 820], ***паче чаяния*** – «ПАЧЕ» [Там же: 487] и «ЧАЯНИЕ» [Там же: 866]. Толкования, которые дают авторы словаря, позволяют в большинстве случаев однозначно квалифицировать фразеологизмы как обстоятельственные.

Около половины выявленных в словаре обстоятельственных единиц квалифицируются не как фразеологические, а даются в качестве примеров употребления того или иного слова. При этом в скобках приводится толкование значения выражения в целом, что делается в случаях, «если такие выражения нуждаются в дополнительном объяснении, т.е. если все выражение приобретает какой-нибудь новый смысл (образный, переносный при сохранении значения самого слова)...» [Там же: 7]. Напр., ***ДВА...*** *1. Число, цифра и количество 2 ... Живет* ***в двух шагах*** *(совсем рядом)* [Ожегов 1996: 148]; ***ХУДОЙ***[2]*... То же, что плохой (в 1 знач.)...* ***На худой конец*** *(в худшем случае)* [Там же: 858]; ***ШАГ...*** *1. Движение ногой при ходьбе, беге, а также расстояние от ноги до ноги при таком движении...* ***На каждом шагу*** *или* ***что ни шаг*** *(также перен.: беспрестанно или повсюду)* [Там же: 878]. При таком понимании границы между фразеологическими и нефразеологическими выражениями оказываются очень зыбкими, что зачастую приводит авторов словаря к противоречивым характеристикам. В частности, выражение ***средь бела дня*** квалифицируется на с.40 как фразеологическое, а на с.749 как пример употребления слова *средь;* ***под открытым небом*** на С.463 – фразеологизм, а на с.392 – нефразеологическое выражение со словом *небо*; выражение ***с пьяных глаз*** на с.128 нефразеологическое, а на с.625 – фразеологическое. Мы относим подобные единицы к обстоятельственным фразеологизмам на основании их раздельнооформленности при целостности значения и способности выразить понятие о каком-либо обстоятельстве действия.

Из 7000 фразеологических единиц, описанных во «Фразеологическом словаре русского литературного языка конца XVIII–XX в.» [ФСРЛЯ 1995], около 400 имеют обстоятельственную семантику. Названный труд существенно дополняет фразеологический словарь под редакцией А.И. Молоткова [ФСРЯ 1967] и по праву может считаться одним из наиболее полных фразеологических словарей. В нем используются различные способы толкования обстоятельственных значений. Наиболее распространенным закономерно является толкование при помощи наречия или описательного оборота с наречием: ***ИЗ ОКНА В ОКНО***.

Совсем рядом, напротив (жить) [ФСРЛЯ 1995: 350]; ***ВСЮ ДОРОГУ.*** *Постоянно* [Там же: 170]; ***БЕЗ ПУТИ.*** *Попусту, зря, напрасно* [Там же: 441]; ***НИ ДНЕМ НИ НОЧЬЮ***. *Никогда* [Там же: 163]; ***ЗА ГОРАМИ, ЗА ДОЛАМИ***. *Очень далеко* [Там же: 122]. Другим закономерным средством толкования является деепричастный оборот: ***ОТ ГРЕХА ПОДАЛЬШЕ***. *Отказываясь от какого-либо дела, поступка, опасаясь нежелательных, опасных результатов* [Там же: 128]; ***НЕВЕСТКЕ В ОТМЕСТКУ***. *Назло кому-либо; мстя за что-либо* [Там же: 322]; ***НА ПЬЯНУЮ ЛАВКУ.*** *Будучи пьяным; по пьяной лавочке* [Там же: 273]. Весьма распространены и толкования в форме словосочетаний или предложно-падежных сочетаний слов: ***НА ЗИМУ ГЛЯДЯ***. *Поздней осенью* [Там же: 112]; ***С МОЛОДЫХ ЗУБОВ***. *Смолоду, с ранних лет* [Там же: 215]; ***В СКОРОМ ВРЕМЕНИ***. *Скоро, в ближайшем будущем* [Там же: 81]. При этом для толкования фразеологизмов различных семантических групп используются сочетания с определенными предлогами: временная семантика оформляется сочетаниями с предлогами *спустя, перед, после* (***НЕМНОГО (ЧУТЬ) ПОГОДЯ.*** *Спустя некоторое время* [Там же: 386]; ***ИЗ-ПОД ВЕНЦА.*** *Тотчас после венчания* [Там же: 54]); ***У МОГИЛЫ.*** *Перед смертью, незадолго до кончины* [Там же: 300], семантика цели – предлогами *для, ради (**НА ЧУЖОГО ДЯДЮ.** Ради выгоды другого* [Там же: 182]; ***НА ПАРУ СЛОВ.*** *Для короткого разговора, сообщения и т.п. (звать, вызывать и т.п.)* [Там же: 368]), значение причины – предлогами *по причине, по случаю (**НА РАДОСТИ.** По случаю удачи, какого-либо радостного события* [Там же: 444]); ***НА НЕРВНОЙ ПОЧВЕ.*** *По причине тяжелых переживаний, нервных перегрузок, потрясений* [Там же: 415]), значение условия – предлогом *при* (***С ПОПУТНЫМ ВЕТЕРКОМ.*** *При первом удобном случае* [Там же: 58]; ***ОТ КРАЙНОСТИ.*** *При острой необходимости, если не остается иного выхода* [Там же: 260]), значение уступки – предлогами *несмотря на, вопреки* (***КТО ЧТО НИ ГОВОРИ.*** *Несмотря на чьи-либо мнения, вопреки им* [Там же: 114]). Наряду с описательным, используется синонимический способ толкования, при помощи синонимичных фразеологических единиц: ***НИ В ЖИЗНЬ.*** *Ни за что* [Там же: 188]; ***ПЕРВОЕ ВРЕМЯ.*** *Сначала, на первых порах* [Там же: 83]; ***НИ ЗА СИЗО ПЕРЫШКО.*** *Совершенно зря, безо всякого основания* [Там же: 376].

Достаточно большое количество единиц (около 250), рассматриваемых нами в качестве обстоятельственных фразеологизмов, находит отражение в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой. Под «эквивалентами слова» понимаются «связанные сочетания, характеризующиеся устойчивостью, единством значения, в большинстве случаев постоянной, неизменной формой» [Рогожникова 2003: 5]. За рамки фразеологии такие сочетания выводятся автором словаря потому, что они «в гораздо большей степени сближаются со словом не только в семантическом, но и в структурном отношении и потенциально могут являться источником образования слов» [Там же: 5]. В соответствии со своими взглядами Р.П. Рогожникова квалифицирует как «эквиваленты наречий» сочетания слов, выражающие понятие о времени (*без конца, в ночь, всякий раз, как-то раз, на днях, по временам, рано или поздно, сию минуту, тем временем*), месте (*в стороне, за границей, на отшибе, по соседству*), цели (*без надобности, для вида, на выручку, про запас*), причине (*за ненадобностью, на радостях, по доброте душевной, со зла*), следствии (*без следа, без толку*), условии

(*в крайнем случае, во что бы то ни стало, ни за что*), уступке (*все равно, сверх ожидания*), то есть обладающие целостным обстоятельственным значением.

Многостороннюю характеристику фразеологизмы разных семантико-грамматических классов получают в учебном толковом словаре А.М. Чепасовой [Чепасова 2000]. В названном справочнике, где «толкуемые фразеологизмы расположены <...> не по формальному признаку, а в соответствии с их семантическими свойствами» [Чепасова 2000: 3], находят отражение обстоятельственные фразеологизмы трех семантических групп: времени (21 единица), места (10 единиц) и причины (12 единиц). А.М. Чепасова при толковании фразеологизмов с различной семантикой придерживается принципа единообразия. Так, фразеологизмы времени и места толкуются в основном при помощи наречий с временной и пространственной семантикой: ***СО ВРЕМЕНЕМ*** – *'постепенно, потом, позднее, впоследствии'* [Чепасова 2000:188]; ***НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ*** – *'везде, повсюду, в любом направлении'* [Чепасова 2000: 191]. При толковании же причинных фразеологизмов часто используется формула с союзом *потому что:* ***ЗА ДАВНОСТЬЮ (ЛЕТ)*** *(книжн.)* – *'потому что было в прошлом'* [Чепасова 2000: 197]; ***НЕ ОТ (ЛЕГКОЙ) ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ*** *(разг.)* – *'потому что вынуждают/вынудили тяжелые жизненные обстоятельства'* [Чепасова 2000: 198]; ***ПОД ГОРЯЧУЮ РУКУ*** – *'потому что возбужден, раздражен, разгневан, озлоблен'* [Чепасова 2000: 199].

Таким образом, можно утверждать, что обстоятельственная фразеология достаточно широко представлена в лексикографической и фразеографической практике, однако далеко не все существующие в русском языке обстоятельственные фразеологизмы нашли отражение в словарях, в том числе и во фразеологических. Поэтому назрела необходимость в создании полного словаря обстоятельственных фразеологизмов, в котором отобранные единицы получат адекватную семантическую квалификацию и разностороннюю характеристику.

ЛИТЕРАТУРА

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: Высш. шк.; Дубна: Феникс, 1996.

Современный русский литературный язык: учеб. пособие / под ред. П.А. Леканта. – М.: Высш. шк., 1988.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – М.: АЗЪ, 1996.

Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К. Современный русский язык: учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1978.

Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1 500 устойчивых сочетаний рус. яз. – М.: Астрель; АСТ, 2003.

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: учеб. пособие. – М.: Междунар. отношения, 1994.

Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т.I.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Федорова. – М.: Топикал, 1995.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энцикл., 1967.

Чепасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб.

пособие. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006.

Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб. толковый словарь. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2000.

RUSSIAN ADVERBIAL FIXED PHRASES AND THEIR DICTIONARY PRESENTATION

A.A. Chepurenko

Considering qualitative adverbial fixed phrases correlation with adverbs and thus considerably expanding and complementing this class of lexemes, the author states that about a half of 1000 qualitative adverbial units obtained from different texts have not been subjected to linguistic description so far. This allows the researcher to speak about the urgent necessity to compile a comprehensive dictionary of adverbial fixed phrases with their full semantic and grammatical characteristics.

© 2009

Чун Ин Ко

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДУХ* В СЛОВАРЯХ И ТЕКСТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА

Значительную часть фразеологического фонда современного русского языка составляют единицы, среди компонентов которых встречаются *душа*, *дух*, *тело* и *плоть*. Количество таких фразеологизмов в словарях, изданных в разное время, не совпадает (см. табл.1).

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТАМИ *ДУША, ДУХ, ТЕЛО* И *ПЛОТЬ* В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Название источника	Количество фразеологических единиц (ФЕ) (включая паремиологические) с компонентами:			
	душа	дух	тело	плоть
Пословицы русского народа [Даль 1984]	287	**51**	76	13
Фразеологический словарь современного русского литературного языка [2004]	129	**62**	10	5
Фразеологический словарь русского литературного языка [Федоров 1991]	122	**35**	2	3
Фразеологический словарь русского языка [Войнова, Жуков, Молотков, Федоров 1967]	90	**28**	7	6
Русская мысль и речь [Михельсон 1994]	70	**26**	0	6

Название источника	Количество фразеологических единиц (ФЕ) (включая паремиологические) с компонентами:			
	душа	дух	тело	плоть
Толковый словарь фразеологических синонимов русского языка [Жуков, Сидоренко, Шкляров, 1987]	56	**14**	5	2
Русская фразеология [Яранцев 1997]	36	**11**	3	2
Лексико-фразеологический словарь русского языка [Жуков 2003]	27	**7**	3	3
Полный церковно-славянский словарь [Дьяченко 1993]	26	**21**	4	5
Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Бирих, Мокиенко, Степанова 1999]	19	**12**	1	2
Фразеологизмы в русской речи [Мелерович, Мокиенко 1997]	6	**0**	1	3

Различия, как видим, существенные. Частично их возникновение вызвано тем, что *душа, дух, тело* и *плоть* – лексические репрезентанты основных понятий христианской антропологии и сотериологии. Сотериология – это направление в богословских исследованиях, посвященное описанию молитвенных и обрядовых практик, ориентированных на спасение души. Концепты «Душа», «Дух», «Тело», «Плоть», «Бог», «Святой» и др. формируют сотериологическую концептосферу в сознании русских православных верующих [Ко 2007: 17]. Сотериологическая концептосфера неоднородна, т.к. исторически соотносилась с религиозными чувствами, глубинный масштаб которых изначально соответствовал духовному опыту просвещенных и богословски образованных верующих, знавших религиозные догматы и канон, но в системе так называемого «народного православия» семантическое наполнение репрезентантов данных концептов было совершенно иным [Лагута, Лаврентьев 2005]. В зависимости от мировоззренческой (и у́же – конфессиональной) ориентации говорящих слова, функционирующие в пределах одной языковой общности в одно и то же время, могут приобретать различные значения, в том числе и коннотативные ([Лагута 2005], [Ко 2007]). Поэтому сложным становится их лексикографическое описание.

Учитывая различия в количестве фразеологизмов в разных словарях, мы заинтересовались тем, какое реальное состояние фразеосистемы с компонентом *дух* отражается в текстах. Для этого мы проверили все фразеологизмы, выявленные из перечисленных в табл.1 словарей, по материалам Национального корпуса русского языка. Установление частоты употребления фразеологизмов в корпусе русского языка позволило нам определить: 1) наиболее актуальные единицы, т.е. ядро фразеосистемы по частоте употреблений (в том числе наиболее и наименее употребительные грамматические формы в составе этих фразеологизмов, см. табл.2); 2) периферийные с точки зрения частоты употребления единицы (см. табл.3); 3) отсутствующие в текстах корпусного собрания единицы, т.е. лакунарные для этих текстов. Данные приведены на июнь 2008 г.

Таблица 2

РЕЙТИНГ НАИБОЛЕЕ УПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ДУХ*
(по данным Национального корпуса русского языка)

ФЕ	Количество ФЕ (Июнь 2008)	Наиболее употребляемые граммат. формы	Периферийные грамматические формы (если есть)
в духе	1772		
Святой Дух	975	Святого Духа (ед. род.п. 659), Святой Дух (ед. им.п. 133);	Святым Духом (ед. твор.п. 90), Святому Духу (ед. дат.п. 60), Святом Духе (ед. пред.п. 28), Святой Дух (ед. вин.п. 4), Святых духов (мн. род. п. 1);
расположение духа	688	расположении духа (ед. пред.п. 464), расположение духа (ед. им.п. 102);	расположение духа (ед. им.п. 60), расположения духа (ед. род.п. 34), расположению духа (ед. дат.п. 14), расположением духа (ед. твор.п. 13), расположений духа (мн. род.п. 1);
дух времени	329	духе времени (ед. пред.п. 89), дух времени (ед. им.п. 85), духу времени (ед. дат.п. 82);	духом времени (ед. твор.п. 37), духа времени (ед. дат.п. 36);
не в духе	309		
падать духом	280	падать духом (85), падал духом (32);	падаю духом (20), падает духом (17), падают духом (15), падала духом (9), падаешь духом (6), падаем духом (2), будем падать духом (2), падаете духом (1), будешь падать духом (1), упадет духом (1);
состояние духа	276	состоянии духа (ед. пред. п. 124), состояние духа (ед. им.п. 58), состояние духа (ед. вин.п. 56);	состояния духа (ед. род.п. 23), состоянию духа (ед. дат.п. 7), состоянием духа (ед. твор.п. 6), состояний духа (мн. род.п. 1), состояниями духа(мн. твор.п. 1);
собираться с духом	193	собрался с духом (56), собраться с духом (54);	собралась с духом (34), собирался с духом (18), собиралась с духом (8), соберусь с духом (6), собирается с духом (4), соберется с духом (4), собираюсь с духом (3), собираться с духом (2), собираются с духом (2), собираешься с духом (1), соберутся с духом (1);
присутствие духа	191	присутствие духа (ед. вин.п. 76), присутствия духа (ед. род.п. 75);	присутствие духа (ед. им.п. 22), присутствием духа (ед. твор.п. 12), присутствию духа (ед. дат.п. 3), присутствии духа (ед. предл.п. 3);

ФЕ	Количество ФЕ (Июнь 2008)	Наиболее употребляемые граммат. формы	Периферийные грамматические формы (если есть)
в этом (же) духе	172		
в таком (же) духе	150		
боевой дух	117	боевой дух (ед. вин.п. 54), боевого духа (ед. род.п. 33);	боевой дух (ед. им.п. 23), боевым духом (ед. твор.п. 5), боевому духу (ед. дат.п. 2);
нищий духом	115	нищие духом (мн. им.п. 61);	нищих духом (мн. род.п. 17), нищий духом (ед. им.п. 12), нищим духом (мн. дат. п. 10), нищими духом (мн. твор.п. 5), нищим духом (ед. твор.п. 3), нищего духом (ед. род.п. 2), нищему духом (ед. дат.п. 2), нищие духом (мн. вин. п. 2), нищих духом (мн. пред. п. 1);
ни сном ни духом	96		
во весь дух	88		
сильный духом	87	сильные духом (мн. им.п. 23), сильный духом (ед. им.п. муж.р. 20);	сильных духом (мн. род.п. 19), сильным духом (ед. твор. п. муж.р. 8), сильная духом (ед. им.п. жен.р. 5), сильными духом (мн. твор.п. 4), сильного духом (ед. род.п. муж.р. 2), сильному духом (ед. дат.п. муж.р. 2), сильной духом (ед. жен.р. 2), сильную духом (ед. вин.п. жен.р. 2), сильное духом (ед. им.п. ср.р. 1);
ни сном, ни духом (не виноват)	78		
одним духом	68		
воспрянуть духом	65	воспрянул духом (39), воспрянула духом (11);	воспрянуть духом (5), воспрянет духом (5), воспрянут духом (2), воспрянуло духом (2), воспрянешь духом (1);
в духе времени	62		
слабый духом	42	слабые духом (мн. им.п. 15), слабых духом (мн. род.п. 14);	слабый духом (ед. им.п. муж.р. 5), слабого духом (ед. род.п. муж.р. 5), слабый духом (ед. вин.п. муж.р. 1), слабую духом (ед. вин.п. жен.р. 1), слабым духом (мн. дат.п. 1);
единым духом	35		

ФЕ	Количество ФЕ (Июнь 2008)	Наиболее употребляемые граммат. формы	Периферийные грамматические формы (если есть)
не хватает духу	33	не хватало духу (19);	не хватает духу (14);
набираться/ набраться духу	27	набрался духу (7);	набраться духу (5), набралась духу (5), набирается духу (2), набирался духу (2), наберусь духу (2) набираться духу (1), набираюсь духу (1), набиралась духу (1), наберемся духу (1);
не иметь духа	27		
не проводя духа	24		
нет духа (*что-л.* сделать)	19		
вольный дух	19	вольный дух (ед. им. п. 6);	вольный дух (ед. вин. п. 5), вольным духом (ед. твор. п. 3), вольного духа (ед. род. п. 2), вольном духе (ед. пред. п. 2), вольному духу (ед. дат. п. 1);
поддерживать (чей-л., какой-л.) дух	18	поддержать дух (11);	поддержал дух (2), поддерживать дух (1), поддерживает дух (1), поддерживают дух (1), поддерживало дух (1), поддержало дух (1);
не хватает духа	15	не хватает духа (9);	не хватало духа (6);
(и) дух вон	14		
не иметь духу	11	не имел духу (8);	не имею духу (3);
крепкий духом	11	крепких духом (мн. род.п. 3).	крепким духом (ед. твор.п. муж.р. 2), крепкой духом (ед. жен.р. 2), крепкий духом (ед. им.п. муж.р.1), крепкого духа (ед. род.п. муж.р. 1), крепкая духом (ед. им.п. жен.р. 1), крепкую духом (ед. вин.п. жен.р. 1), крепкое духом (ед. им.п. ср.р. 1).

Таблица 3

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *ДУХ*
(по данным Национального корпуса русского языка)

ФЕ	Количество ФЕ (Июнь 2008)	Наиболее употребительные граммат. формы	Периферийные грамматические формы (если есть)
терять дух	8	потерять дух (3);	терять дух (1), теряет дух (1), теряем дух (1), потерял дух (1), потеряло дух (1);
твердый духом	7	твердым духом (4);	твердого духом (1), твердые духом (1), твердых духом (1);
подорвать дух	7	подорвать дух (4);	
не проводя духу	7		
родной дух	6	родным духом (ед. твор. п.5);	родного духа (ед. род.п. 1);
придавать духу	5		придают духу (1), придаст духу (1), придал духу (1), придала духу (1), придало духу (1);
воспарять духом	5		воспарять духом (1), воспаряет духом (1), воспарить духом (1), воспаришь духом (1), воспарил духом (1);
нет духу (*что-л.* сделать)	4		
живым духом	4		
не станет духу	3	не стало духу (2);	не станет духу (1);
дух и буква	3		
дух упал	2		
не станет духа	2		не станет духа (1), не стало духа (1).
буква и дух	2		
родственный дух	1	родственный дух (ед. им.п. 1);	
не достает духа	1	не достало духа (1).	
дух, а не буква	1		

Итак, по данным Корпуса, фразеологизмы с компонентом *дух* были употреблены 6474 раз, и 48,7% от общего количества их употреблений представляют *дух* как «этимологический» локус (*в духе/не в духе*), то есть как эмоции. Русские тексты чаще описывают состояние *падать духом*, реже – *воспрянуть духом*, крайне редко – *воспарять духом*. В то же время единицы *боевой дух, сильный дух, крепкий духом* (т.е. уже имеющееся состояние) встречаются чаще, чем *слабый духом*. Фразеологизмы *не в духе, не хватает духа, нет духа* и т.д. с отрицанием занимают 9,8% от общего числа употреблений. Фразеологизмы с формами

глагола несовершенного вида употреблены в текстах НКРЯ 338 раз, а с глаголами совершенного вида – 273 раза, в прошедшем времени совершенного вида – 165 раз, а глаголы несовершенного вида 123 раза. В будущем времени глаголы несовершенного вида встретились только 4 раза. В целом, в русских лексикографических источниках мы выявили 59 ФЕ с компонентом *дух*, среди них лакунарные фразеологизмы составили 15,3% от общего количества: *близкий дух; не в духах; прийтись по духу; подорвать силу духа; поникнуть духом; сломать дух; сломать силу духа; терять твердость духа; что есть, было духу*. Периферийные составили 28,8%. По частоте употреблений фразеологизмы с компонентом *дух* оказались более устойчивыми, чем фразеологизмы с компонентами *душа* (среди последних лакунарные составили около 25%, а периферийные – почти половину), *плоть* (лакунарные – около 19%, а периферийные – около 38%), *тело* (лакунарные – 28.6%, а периферийные – около 28%) [Ко 2008: 216, 221, 223]. По нашим подсчетам, в контекстах чаще всего говорится о том, что именно русский мужчина (автор, рассказчик или мужской персонаж) *падает духом, теряет дух, не имеет духа*; ему чаще нужно *собраться с духом, воспрянуть духом*, поскольку он употребляет фразеологизмы с компонентом *дух* более чем в два раза чаще, чем русские писательницы, рассказчицы или их женские персонажи (182 к 70). Рейтинг корпусных данных о наиболее актуальных, периферийных и лакунарных фразеологизмах, на наш взгляд, должен обязательно учитываться при создании фразеологических словарей и учебников по русскому языку как иностранному.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.

Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отд. Москов. патриархата, 1993.

Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Рус. яз, 1987.

Жуков А.В. Лексико-фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ; Астрель, 2003.

Ко Чун Ин. Русский *дух* vs. китайские *цзин*, *шэнь* и *ци* // Материалы XLIII Междунар. науч. студ. конф. «Студент и науч.-технич. прогресс: языкознание». – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 2005. – С.32–34.

Ко Чун Ин. *Плоть* и ее религиозные смыслы // Концептуальные сферы «Мир» и «Человек»: коллект. моногр. / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С.58–69.

Ко Чун Ин. Ассоциативный эксперимент в исследовании русского сотериологического концепта *ДУХ* // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – Т.6. – Вып.2. – С.17–20.

Ко Чун Ин Русская сотериологическая концептосфера *ЧЕЛОВЕК* (на фоне китайской сотериологической концептосферы *(ЖЭНЬ)*: дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2008.

Лагута О. Н. Лингвоаксиологическое описание элементов русской пространственной конфессиональной метафорики // Welt in der Sprache. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2005. – С.362–370.

Лагута О.Н., Лаврентьев А.М. Лингвистические приложения // Русские простонародные легенды и рассказы: сб. 1861 г. – Новосибирск: Наука, 2005. – С.267–317.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Рус. словари; Астрель, 1997.

Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. – М.: Рус. словари, 1994.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. – Новосибирск: Наука, 1991.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. А.Н. Тихонова: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Рус. яз., 2006.

FIXED PHRASES WITH THE COMPONENT *DUKH* (SPIRIT) IN DICTIONARIES AND RUSSIAN TEXT CORPUS

Ko Chun In

The article provides comparison-based data concerning the number of lexicographically registered units with the components dukh (spirit), dusha (soul), tyelo (body), plot' (flesh) within Russian phrase systems. Furthermore, it gives the ruscorpora.ru rating of the units in their grammatical forms, which made it possible to get a clearer view of the system of real representatives within the soteriological concept DUKH (SPIRIT).

© 2009

Н.В. Шведова

СОЗДАНИЕ ЧАСТНОГО СЛОВАРЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ *ЧЕРТ*

В современной фразеографии одним из актуальных направлений является создание частного словаря фразеологизмов, объединенных одним компонентом, что позволяет более детально описать особенности исследованных языковых единиц.

Существительное *черт*, связанное скорее с язычеством, чем с христианской религией, и отражающее особенности мировосприятия русского народа, в качестве компонента входит в состав фразеологизмов современного русского языка, которые представляют собой особую фразообразовательную подсистему.

Словарь фразеологизмов с компонентом *черт* издается впервые. В нем содержится 187 словарных статей. Настоящая работа призвана решить следующие задачи: выявить фразеологизмы с компонентом *черт* в современном русском языке и дать словарную информацию о них широкому кругу читателей;

осуществить семантическое толкование каждого фразеологизма, выявив многозначность, омонимичность, синонимичность внутри данной фразеологической подсистемы и первичные фразообразовательные возможности единиц; дать семантико-грамматическую характеристику каждого фразеологизма, указывая его категориальное и субкатегориальное значение; показать особенности употребления фразеологизмов с компонентом *черт* в речи достаточным количеством иллюстративных цитат; представить лексикографические и фразеографические источники, в которых зафиксированы исследованные единицы.

В предисловии к словарю представлена лексикографическая трактовка слова *черт*. Выделенные нами лексические значения этого слова необходимы для понимания закономерностей формирования семантической структуры фразеологизмов с исследуемым компонентом. В предисловии также рассматривается механизм создания фразеологических единиц с компонентом *черт* предметного, процессуального, модального категориального типа семантики.

В словаре фразеологизмы располагаются по алфавиту буквенных знаков всех компонентов фразеологизма, начиная с первого. При алфавитном принципе расположения фразеологизмов не учитываются факультативные компоненты единицы.

В конце словаря приводится индекс фразеологических единиц с компонентом *черт* в том порядке, в каком они зафиксированы в данном издании.

Подача словарной статьи состоит из следующих элементов.

1. В заголовке статьи фразеологизмы даются в различной форме – в зависимости от отнесенности их к тому или иному семантико-грамматическому классу.

Предметные фразеологизмы даются в заголовке в форме единственного числа: **лысый черт, полосатый черт, черт чертом, черт в юбке**. Если у таких фразеологических единиц возможна форма множественного числа, то она показана в заголовочной статье и/или в цитатах, напр., **черт [черти] в аду, черт [черти] с рогами, черт [черти] из преисподней**.

Призначные фразеологизмы даются в той единственной форме, в которой они употребляются, напр., **как черт [черти] (в преисподней), ни к черту**.

Местоименные фразеологизмы даются по-разному – в зависимости от групповой семантики:

1) неопределенные обстоятельства – в той единственной форме, в которой они употребляются, напр., **черт знает зачем, черт знает где, черт знает куда;**

2) неопределенные предметы (**черт знает кто, черт знает что**) и неопределенное количество (**черт знает сколько)** – в форме именительного падежа;

3) неопределенные признаки – в форме мужского рода, единственного числа, именительного падежа, напр., **черт знает какой.**

Процессуальные фразеологизмы даются в заголовке в форме несовершенного вида, если они в этом виде употребляются. За формой несовершенного вида дается форма совершенного вида, напр., **бросать/бросить к черту [чертям]** кого, что; **идти/пойти к черту [чертям]**.

Если процессуальный фразеологизм употребляется только в одном из видов, то он приводится в заголовке в этом виде, напр., **бояться [страшиться] как черт ладана, браниться в черта (в бога и в царя)**.

Качественно-обстоятельственные фразеологизмы даются в заголовке в той единственной форме, в которой они употребляются, напр., **до черта, к черту на кулички, к черту на рога.**

Фразеологизмы-связки приводятся в заголовке в форме прошедшего времени: **черт (меня, нас, тебя, вас, его, ее, их) дернул, черт (меня, нас, тебя, вас, его, ее, их) двинул.**

Модальные фразеологизмы так же, как и качественно-обстоятельственные, даются в заголовке в той единственной форме, в которой они зафиксированы, напр., **к черту [чертям], какого черта, какой [кой] черт**.

Заголовочный фразеологизм выделяется жирным шрифтом.

2. В круглых скобках представлены факультативные компоненты фразеологизма: **семь чертей и одна ведьма (тебе, вам, ему, ей, им) в зубы, (да) пошел [иди, убирайся, ступай] к черту [чертям] (в подмышку).**

3. В квадратных скобках фиксируются варианты компонентов фразеологизмов: **черт тебя [вас, его, ее, их], пошел [иди, убирайся, ступай] к чертям собачьим.** Если фразеологическая единица имеет структуру предложения, то ее вариант подается со значком /, напр., **Где черт душил / Где черти душили** кого.

4. Типичная грамматическая сочетаемость процессуального фразеологизма (включена в виде падежного вопроса после заголовочного фразеологизма: **бросать/бросить к черту [чертям]** кого, что, **посылать/послать к черту [чертям]** кого, что. Падежный вопрос набран обычным шрифтом.

5. Семантико-грамматическое описание фразеологизма идет после заголовка, набирается курсивом и включает категориальную и субкатегориальную принадлежность фразеологической единицы: **поминать/помянуть черта.** *Проц.; деят.*; **Полосатый черт.** *Предм.; одуш., личн.*

6. Толкование значения. Каждое значение нумеруется, если фразеологизм многозначный. Все значения и отдельные фразеологизмы вместе с заголовочным словом и семантико-грамматическим описанием заключены в рамку. Рамка отделяет иллюстративную часть статьи.

7. Историко-временная и стилистическая характеристика дается после фразеологической единицы обычным шрифтом: **отправляться/отправиться [убираться/убраться] ко всем чертям.** Прост. Груб. Неодобр.; о**дноглазый черт.** Прост. Груб. Неодобр. или Ирон.

Исследованные фразеологизмы характеризуются высокой степенью экспрессивности. Одна из причин такой выразительности кроется в том, что каждая фразеологическая единица данной подсистемы содержит в своем составе компонент *черт*, который в свободном употреблении обладает широким спектром эмоционально-экспрессивных оттенков.

Чаще всего описанные фразеологизмы имеют отрицательную коннотацию; этому способствуют свободные значения лексемы *черт*, актуализирующиеся в определенных фразеологических единицах (ФЕ) (1 значение – ‘Вообще нечистая сила, враг рода человеческого, искуситель человеческих душ’; 2 значение – ‘Воплощение зла, темной сверхъестественной силы’; 3 значение – ‘Отрицательная оценка человека’; пятое значение – ‘Твор. п. ед.ч. **чертом** в значении наречия – зло, лихо, залихватски, молодцевато’). Напр.:

Ни один черт не плюнет. *Проц.; отн.* Прост. Груб. Неодобр. Никто не замечает человека, все остаются к нему безразличными.

Однако фразеологизмы с компонентом *черт* могут иметь и положительную коннотацию, поскольку лексема *черт* в свободном употреблении в результате энантиосемии приобрела возможность характеризовать человека с хорошей стороны (четвертое значение – ‘Положительная оценка ловкого, удачливого человека’). Напр.:

Черт на правду. *Призн.* Прост. Груб. Правдивый, справедливый, любящий правду, истину.

Бывают случаи, что коннотативная оценка фразеологизма напрямую зависит от контекста. Лексико-фразеологическое окружение иногда влияет на формирование коннотативного компонента фразеологического значения.

Черт-баба. *Предм.; одуш., личн.* Прост. Груб. Неодобр., шутл. или ирон. Бойкая, шустрая, смекалистая, злая и т.п. женщина.

Несмотря на то, что такие фразеологизмы могут оценивать человека, его признаки, действия и т.п. как с отрицательной, так и с положительной стороны, они все равно обладают сниженной стилистической окраской.

Модальные фразеологизмы с компонентом *черт* могут давать различную эмоциональную оценку. Они, как правило, выражают отрицательные эмоции. Напр.:

Ни на кой черт. *Мод.; эмоц.* Прост. Груб. Неодобр. Выражение несогласия, отрицания.

В то же время некоторые модальные фразеологизмы характеризуются эврисемичностью, т.е. способностью выражать широкий спектр различных эмоций. Напр.:

Черт (меня, тебя, вас, его, ее, их) возьми / Черт (меня, тебя, вас, его, ее, их) бы взял / Чтоб (меня, нас, тебя, вас, его, ее, их) черт взял. *Мод.; эмоц.* Прост. Груб. Выражение возмущения, негодования, удивления, восхищения и др.

Такая возможность появилась у модальных фразеологизмов благодаря шестому значению лексемы *черт* (‘Имен. пад. ед.ч. **черт** употребляется как междометие для выражения сильной досады, неудовольствия, восхищения, удивления и т.п.’), которое актуализировалось в данных ФЕ.

В словаре используются пометы, указывающие на 1) стилистическую характеристику фразеологизмов: Разг. (разговорный), Прост. (просторечный); 2) эмоционально-экспрессивную оценку: Шутл. (шутливое), Ирон. (ироничное), Пренебр. (пренебрежительное), Неодобр. (неодобрительное), Бран. (бранное), Груб. (грубое), Фам. (фамильярное), Экспрес. (экспрессивное).

8. Иллюстративная часть состоит из цитат, показывающих возможности грамматической и лексической сочетаемости фразеологизма, употребление его в различных вариантах и разных грамматических формах, если они возможны.

Иллюстрации подтверждают правильность выделенных значений и обнаруживают тенденцию возникновения новых оттенков значений.

9. Отражение семантических связей и отношений фразеологизмов. В словаре описаны синонимические отношения фразеологизмов *внутри исследуемой подсистемы*. Синонимы подаются после каждого значения многозначного фразеологизма или в конце словарной статьи однозначного фразеологизма. Напр.:

Один черт. *Мод.; эмоц.* Прост. Груб. Неодобр. Выражение недовольства, раздражения, доходящего до бешенства; реже – безразличия, равнодушия.

Синоним: не один (ли) черт.

10. Фиксация исследованных фразеологизмов в лексикографических и фразеографических источниках представлена в конце словарной статьи, напр.:

Бегать/бежать/убегать как черт от ладана. *Проц.; сост.* Прост. Груб. Неодобр. Испытывать сильный страх, всячески стараться избежать кого-, чего-нибудь, сильно бояться.

– Ну, что ж это такое, Ирина? Ты от меня убегаешь как черт от ладана. *С. Бабаевский. Кавалер Золотой звезды.* Я ему удовольствие предлагаю, а он бежит как черт от ладана. *М. Пак. Натюрморт с яблоками.*

Синоним: бояться [страшиться] как черт ладана.

Зафиксирован: ТСУ, МАС, СФСРЯБ, БАС.

Таким образом, словарь фразеологизмов с компонентом *черт* может быть полезен не только для преподавателей вузов, учителей, студентов и учащихся, но и для широкого круга читателей, интересующихся русским языком и русской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; –Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

СФСРЯБ: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: АСТ; Астрель, 2001.

ТСУ: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Сов. энциклопедия: ОГИЗ, 1935–1940.

A RESTRICTED DICTIONARY OF FIXED PHRASES WITH THE COMPONENT *CHYORT* (DEVIL)

N.V. Shvedova

The author submits a new type of a restricted dictionary of fixed phrases with a common component chyort (devil). There are 187 units in the dictionary arranged in the alphabetical order. Each vocabulary entry contains an initial part consisting of a head phrase with optional and variant components, co-occurrence data, fixed phrase meaning, historical and stylistic characteristics, examples, and information on systematic relations of a phrase.

© 2009

В.И. Кабыш

СЛОВАРЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ *ДАВАТЬ/ДАТЬ*

В современной фразеографии является актуальным создание частных автономных словарей фразеологических единиц (ФЕ). Ученые Лингвистической лаборатории имени д-ра филологических наук, профессора В.А. Лебединской Курганского государственного университета занимаются составлением фразариев, включающих единицы с определенным компонентом. Изданы «Словарь фразеологизмов с компонентом *иметь*» В.А. Лебединской, Н.Б. Усачевой, «Словарь процессуальных фразеологизмов с компонентами *брать/взять*» В.И. Кабыш, «Словарь фразеологизмов с компонентом *Бог*» Н.В. Шведовой, готовятся к печати «Словарь фразеологизмов с компонентом *черт*» Н.В. Шведовой, «Словарь процессуальных фразеологизмов с компонентами *давать/дать*».

В современном русском языке глаголы *давать/дать* образуют фразеологическую подсистему, представленную, по данным нашей картотеки, 135 процессуальными единицами.

В современных толковых словарях рассматриваемая подгруппа отражена неполно и непоследовательно. В одних случаях ФЕ подаются отдельно: под знаком ромбика после каждого оттенка значения и под знаком тильды после каждого самостоятельного значения из «Словаря современного русского языка» в 20 т. (НБАС), из «Словаря современного русского языка» в 17-ти т. (БАС)); под знаком ромбика из «Словаря русского языка» в 4-х т. (МАС), из «Толкового словаря русского языка под ред. Д.И. Ушакова (ТСУ), из «Словаря русского языка» С.И. Ожегова (ТСО) или тильды из «Словаря русских народных говоров» (СРНГ) после словарной статьи. При этом разные словари выделяют разное количество фразеологизмов с компонентами *давать/дать*. Представленность исследуемых единиц в словарях отражена в следующей таблице:

Словарь	Кол-во ФЕ с компонентом *дать*	Кол-во ФЕ с компонентом *давать*
НБАС	46	50
БАС	40	42
МАС	46	47
ТСУ	13	15
ТСО	3	3
СРНГ	61	28

Наиболее полно фразеологизмы с компонентами *давать/дать* представлены в НБАС, но и здесь зафиксирован не весь состав этой фразеологической подсистемы.

В других случаях группы ФЕ могут быть поданы как отдельные лексические значения глаголов. Это касается значений: 1. Поручать, предлагать какое-л. дело кому-л. *Давать/дать поручение, давать/дать нагрузку* (НБАС, МАС).

2. Устраивать, организовывать, проводить что-л. *Давать/дать концерт, давать/дать бал* (НБАС, БАС, МАС, ТСУ, ТСО). 3. Наносить удар. *Давать/дать пощечину, давать/дать подзатыльник* (НБАС, БАС, МАС, ТСУ, ТСО). 4. С некоторыми существительными обозначает действие, характер которого определяется значением существительного. *Давать/дать обещание, давать/дать согласие* (НБАС, БАС, МАС, ТСУ, ТСО). 5. Доставлять, приносить как результат. *Давать/дать удовлетворение* (МАС, ТСУ, ТСО). 6. Заставлять двигаться средства передвижения с помощью каких-л. приспособлений. *Давать/дать ход, давать/дать скорость* (НБАС).

Такой материал следует подавать после всех самостоятельных значений, в «подвале» словарной статьи или в специальных фразеологических словарях.

В связи с этим представляется целесообразным создание частного автономного словаря, включающего процессуальные фразеологизмы с компонентами *давать/дать*.

Рассматриваемый словарь призван решить следующие задачи: выявить ФЕ с компонентами *брать/взять* в современном русском языке и дать словарную информацию о них широкому кругу читателей; отразить представленность исследуемых единиц в лексических, фразеологических словарях и сводах; привести стилистическую, историко-временную и эмоционально-экспрессивную характеристику единиц; осуществить толкование фразеологизмов, выявив полисемичность и омонимичность единиц, вариативность и факультативность их компонентов; предпринять грамматическое описание ФЕ, указав типичную грамматическую сочетаемость, субъектность, объектность; дать семантическую характеристику фразеологизмов, включающую отнесенность процессуальных единиц к определенной субкатегории и группе; показать особенности употребления фразеологизмов с компонентами *давать/дать* в речи достаточным количеством иллюстративных цитат; представить синонимические и антонимические отношения, в которые вступают фразеологизмы внутри исследуемой подсистемы, выявить конверсивы единиц.

В словарь включено 135 ФЕ с компонентами *брать/взять*, объединенных общей категориальной семой процессуальности. Фразеологизмы других семантико-грамматических классов в настоящем словаре не отражены.

Толкование значений дается разными способами: описательно-эквивалентным, синонимическим, описательно-понятийным. Отдельные значения многозначных фразеологизмов обозначаются арабскими цифрами. Порядок подачи значений зависит от степени их конкретности или отвлеченности: более конкретные значения предшествуют более отвлеченным. Напр.:

Давать/дать промах

1. *Субъектно-личный, объектный. Конкр. физич. деят.*

Не попадать/ не попасть в цель при выстреле.

2. *Разг. Субъектно-личный, безобъектный. Соц. сост.*

Допускать/допустить оплошность, терпеть/потерпеть неудачу.

В настоящем словаре дается информация об отражении интересующих нас ФЕ лексическими и фразеологическими словарями. Если процессуальный фразеологизм с компонентами *давать/дать* становился ранее объектом фразеографической разработки, после него дается помета *Зафиксирован в ....* У единиц,

зафиксированных впервые настоящим словарем, такая помета отсутствует. Например, **давать/дать прибыль** – ‘приносить/принести определенный доход’ – зафиксирован в БАС.

Единицы в словаре снабжены стилистическими пометами. Большая часть процессуальных фразеологизмов с компонентами *давать/дать* стилистически нейтральна, т.е. употребляется в любых видах устной и письменной речи, не передавая никаких стилистических оттенков. Такие единицы не имеют при себе помет: **давать/дать поручение, давать/дать право.** При фразеологизмах, нуждающихся в квалификации характера и круга своего употребления, даются особые пометы, набранные курсивом: **давать/дать потачку** *разг.*, **давать/дать поблажку** *разг.*, **давать/дать отповедь** *книжн.*.

Грамматическое описание фразеологизмов предполагает указание на функционирование грамматических категорий и субъектно-объектную характеристику:

— вид фразеологизма специально не указывается, но подразумевается: несовершенный вид у единиц с компонентом *давать*, совершенный вид у единиц с компонентом *дать*;
— характеристика субъекта при фразеологизме дается пометами *субъектно-личный, субъектно-предметный, двусубъектный;*
— характеристика объекта при фразеологизме дается пометами *объектный, безобъектный;*
— типичная грамматическая сочетаемость фразеологизма отражена посредством падежного или логического вопроса, помещенного после заголовочного фразеологизма. Напр.:

Давать/дать от ворот поворот *кому*

Разг. Субъектно-личный, объектный. Доминантн. отнош.

Выпроваживать/выпроводить вон; отказывать/отказать в чем-либо.

В словаре предусмотрена семантическая характеристика единиц. Для каждого процессуального фразеологизма указывается его субкатегориальная (деятельность, отношение, состояние) и групповая принадлежность. Например: **давать/дать ответ** – *мыслит.-речев. деят.,* **давать/дать оплеуху** *кому – конкр. физич. деят.*

Иллюстративная часть словарной статьи содержит цитаты, включающие единицы с компонентами *давать/дать,* из текстов художественной литературы разных жанров XIX в. (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, А.П. Чехов, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Решетников и мн. др.), XX в. (А.И. Куприн, И.А. Бунин, М. Горький, И. Бабель, М.А. Шолохов, А. Толстой, М.А. Булгаков, М.М. Зощенко, Т. Толстая, Л. Петрушевская, В. Токарева, В. Сорокин, Ю. Герман, Ф. Абрамов и мн. др.) и XXI в. (А. Маринина, Д. Донцова, Т. Полякова, Г. Куликова, А. Кивинов и др.); из научных и публицистических текстов, разговорной речи диалектоносителей. Они демонстрируют возможности грамматической и лексической сочетаемости фразеологизма, употребление его в различных вариантах и разных грамматических формах, если таковые возможны. Иллюстрации подтверждают правильность выделенных значений и обнаруживают тенденцию возникновения новых оттенков значений. Напр.:

Давать/дать обет

Зафиксирован в НБАС

Субъектно-личный, объектный. Верб.-ком. отнош.

Торжественно обещать, клясться.

Если вы изволите быть в нем настоятельницей, то я хоть сейчас готов **дать обет** послушания, – галантерейно отвечал Грустилов. *М. Салтыков-Щедрин. История одного города.*

Напрасно они воздевали руки, напрасно облагали себя поклонами, **давали обеты**, постились, устраивали процессии – бог не внимал мольбам. *М. Салтыков-Щедрин. История одного города.*

Она и Яков, как сказано, **дали обет**, если барыня придет в себя и выздоровеет, он – поставит большую вызолоченную свечу к местной иконе в приходской церкви, а она – сходит пешком в Киев. *И. Гончаров. Обрыв.*

Она мысленно молилась и **давала обет** богу, что если Дымов выздоровеет, то она полюбит его опять и будет верною женой. *А. Чехов. Попрыгунья.*

В словаре отражены синонимические и антонимические отношения фразеологизмов внутри исследуемой подсистемы, а также конверсивные отношения с фразеологической подсистемой с компонентами *брать/взять.* Синонимы, антонимы, конверсивы (если они имеются) подаются после каждого значения полисемичного фразеологизма или в конце словарной статьи моносемичного фразеологизма. Например:

Давать/дать обещание

Субъектно-личный, объектный. Верб.-ком. отнош.

Предоставлять/предоставить кому-либо добровольное обязательство в чем-либо.

Я сказал, что никаких **обещаний не дам и не даю**, но сделаю все, что могу, чтобы не огорчить ее. *Л. Толстой. Дневник для одного себя.*

Насколько мне известно, он предложения не делал и **обещаний** никаких **не давал**. *А. Чехов. Учитель словесности.*

Ну, если и не полностью, то насколько сумел: **давать обещания** вообще легче, чем приводить их в жизнь. *М. Веллер. Самовар.*

Синонимы: давать/дать клятву, давать/дать обет, давать/дать слово.

Конверсив: брать/взять обещание.

Таким образом, в «Словаре процессуальных фразеологизмов с компонентами *давать/дать*» дается характеристика внутренней и внешней формы единиц, их функционирования в речи.

THE GLOSSARY OF PROCESSUAL FIXED PHRASES WITH COMPONENTS *ДАВАТЬ/ДАТЬ* (TO GIVE)

V.I. Kabysh

The article contains information about the glossary of processual fixed phrases comprising components давать/дать (to give). It gives evidence concerning their vocabulary presentation, stylistic, historical time, and emotive and expressive characteristics, explanation, grammatical

and semantic description, synonymic, antonymic and converse relations of the units. The glossary is due for publication.

© 2009

О.Г. Лапшина

МНОГОЗНАЧНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА ПО СОЦИАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ, КАК ОБЪЕКТ ФРАЗЕОГРАФИИ

Внутреннее семантическое развитие фразеологизмов связано с полисемией. Вопросы многозначности фразеологизмов рассматривались в работах В.В. Виноградова, В.Л. Архангельского, А.М. Бабкина, В.М. Глухова, А.И. Молоткова, В.П. Жукова, М.Ф. Палевской, А.М. Чепасовой, И.И. Чернышевой и др. Исследователи сходятся во мнении, что явление многозначности в области фразеологии развито слабо. Низкий процент многозначных единиц, как полагают ученые, объясняется тем, что процесс развития новых значений ограничивается обобщенностью, сложностью фразеологического значения [Павлова 1991: 23]. Приведем данные анализа фразеологических единиц (ФЕ), номинирующих человека с социальных позиций:

Таблица 1

	Количество ФЕ	%
Всего ФЕ	370	100 %
Однозначные ФЕ	328	88,6 %
Многозначные ФЕ	42	11,4 %

Из 42 многозначных ФЕ 33 ФЕ фиксируются с двумя значениями: *бабье сословие, бесплодная смоковница, выжатый лимон, гог и магог, дамское сословие, дворянское гнездо, дойная корова 2, лишние люди* и др., три значения отмечены у 7 ФЕ: *чучело/пугало гороховое, шут гороховый, Иван не помнящий родства*, *недреманное око, мертвые души* и др.; четыре значения имеют две ФЕ – *божий человек, дар божий*.

Наши материалы подтверждают общую тенденцию: многозначность во фразеологии – это, прежде всего, двузначность [Котелова 1975].

Полисемичные ФЕ в разных значениях соотносятся с разными понятиями, могут иметь одинаковую (33 ФЕ) и разную (9 ФЕ) субкатегориальную отнесенность, входят в одинаковые и разные семантические группы, в одинаковые и разные подгруппы. В соответствии со сказанным, весь материал объединяется следующим образом:

1) ФЕ, в разных значениях входящие в одну субкатегорию, группу, подгруппу (2 ФЕ). Ср.: ***классная дама*** – *1. Доревол. ‘воспитательница в женских средних*

учебных заведениях'; 2. 'классный руководитель в школе' (субкатегория лица, семантическая группа «Характер и род деятельности», семантическая подгруппа «Наименования женщины по роду занятий»);

2) ФЕ, в разных значениях входящие в одну субкатегорию, группу, но разные подгруппы (3 ФЕ). Ср.: ***холодный сапожник*** – *1. 'сапожник, работающий на улице'* (субкатегория лица, семантическая группа «Характер и род деятельности», семантическая подгруппа «Единичные наименования каких-либо профессий»), *2. 'человек, выполняющий свою работу без любви, огонька'* (субкатегория лица, семантическая группа «Характер и род деятельности», семантическая подгруппа «Уровень профессионального мастерства»);

3) ФЕ, в разных значениях входят в одну субкатегорию, разные семантические группы и разные подгруппы (28 ФЕ). Ср.: ***брат во Христе*** – *Устар. 1. 'единоверец-христианин'* (субкатегория лица, семантическая группа «Вероисповедание», семантическая подгруппа «Христианство»); *2. 'единомышленник'* (субкатегория лица, семантическая группа «Человек по соотнесености, связям и отношениям к кому-, чему-либо», семантическая подгруппа «Человек по отношениям сходства, подобия с другими»);

4) ФЕ, в разных значениях входяодящие в разные субкатегории, разные группы и разные подгруппы (9 ФЕ). Ср.: ***дойная корова 2*** – *1. Прост. Ирон. 'человек, которого беззастенчиво используют в материальных целях'* (субкатегория лица, семантическая группа «Социальный статус», семантическая подгруппа «Человек, которого используют в каких-либо (*чаще неблаговидных*) целях»); *2. Прост. Ирон. 'источник материальных благ, которым можно постоянно и беззастенчиво пользоваться в личных интересах'* (субкатегория отвлеченности, семантическая группа «Свойства, качества», семантическая подгруппа «Источник обогащения»).

Спорным и, соответственно, неоднозначно решаемым является вопрос о соотношении значений многозначных фразеологизмов. Так, В.П. Жуков пишет: «смысловая структура многозначных фразеологизмов <...> характеризуется известной однородностью отдельных значений <...> частные значения фразеологизмов сосуществуют параллельно. Они образуются на основе поочередного метафорического переноса разных свойств одного и того же исходного, производящего словосочетания» [Жуков 1978: 198-199]. Другие ученые (М.Ф. Палевская, В.М. Глухов, А.И. Молотков, А.В. Никитин, В.И. Зимин) полагают, что отношения между значениями могут быть и равноправные, и подчинительные.

Отношения между разными значениями полисемичной единицы могут развиваться в сторону образования новых значений.

1. Среди исследованных отмечены такие многозначные фразеологизмы (5 ФЕ), разные значения которых образованы на базе исходного словосочетания: *божий человек, свободный художник, 101 километр, холодный сапожник, крылатый всадник*. Развитие значений соответствует схеме:

СВОБОДНОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ → 1-е знач. → 2-е знач. → 3-е знач. и т.д.

Каждое значение фразеологизма непосредственно связано с исходным омонимичным словосочетанием. Разные значения формируются путем актуализации сем лексических значений слов-компонентов. Так, ФЕ ***крылатый всадник*** фиксируется в языке в двух значениях: *1. Устар. 'конный воин', 2. Нов.*

‘авиатор’. Первое значение семантически связано с субстантивным компонентом *всадник*, второе значение – с атрибутивным компонентом *крылатый*. При формировании первого значения из лексического значения главного компонента *всадник – ‘тот, кто едет верхом’ актуализируется сема «передвигающийся верхóм»*. Второе значение семантически связано с атрибутивным компонентом *крылатый* и формируется на основе семы лексического значения *‘передвигающийся при помощи крыльев’. Семы ‘движение’, ‘быстрый, стремительный’* объединяют оба значения: *В русских летописях встречаются глухие свидетельства о «**крылатых всадниках**», укреплявших русское войско всякий раз, когда над отечеством нависала смертельная опасность* (Н. Наседкин). *Боевые авиаторы понимали, что нельзя подразделяться на истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, что только в сплоченном единстве их несокрушимая сила и что все они – «**крылатые всадники**» войны* (Н. Наседкин).

Отношения между разными значениями приведенных ФЕ квалифицируются нами как равноправные. В иной плоскости – по отношению к значению свободного словосочетания – они могут характеризоваться как подчинительные.

2. Каждое новое значение фразеологизма образуется от предшествующего значения. Схема развития значений здесь другая:

СВОБОДНОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ → 1-е знач. → 2-е знач. → 3-е знач.и др.

Как показывает наш материал, это основной путь образования новых значений. Он отмечен у 35 ФЕ: *скотина бессловесная, шут гороховый, дойная корова 2, последняя (пятая) спица в колеснице* и др. Так, фразеологизм ***золотая голова*** фиксируется в языке с двумя значениями: *1. ‘светлый, ясный ум’, 2. ‘способный, даровитый человек’*. Семы ‘*ум’, ‘рассудок’* привносятся в первое значение фразеологизма именным компонентом *голова – ‘верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая в себе мозг*’, который сохраняет категориальную сему ‘*предметность*’ и распространяет ее на весь фразеологизм. Компонент *золотая* указывает на уровень способностей и умственной деятельности человека, привносит во фразеологическое значение семантические элементы – ‘*прекрасный’, ‘замечательный’: У него **голова золотая**: ты его хоть на какую должность определи – он нигде не пропадет* (Ф. Решетников).

Второе значение фразеологизма формируется на основе первого, развитие семантики идет в сторону обозначения человека, обладающего способностью мыслить ясно. Общей семой, объединяющей первое и второе значения, является сема ‘*мыслящий, разумный*’: *Надо сказать, что компаний, желающих заполучить в свои ряды **золотые головы** приморского студенчества, всегда было довольно много* (ZRPRESS. 14.06.2000). – *... Жалко Семена. **Золотая голова**, скажу я тебе...* (В. Полторакин.)

Отношения между разными значениями данных ФЕ мы квалифицируем как иерархические.

3. Развитие новых значений внутри фразеологизма может происходить как на базе свободного словосочетания, так и от уже сформировавшихся фразеологических значений. Подобный путь развития значений отмечен у ФЕ ***христова невеста*** и ***божий дар***. Так, во фразеологизме ***христова невеста*** – (*Устар. 1. ‘монахиня’, 2. ‘немолодая женщина, не бывшая замужем’, 3. ‘умершая девушка’*) мы отмечаем наличие двух путей развития значений: второе значение развива-

ется на основе первого значения, третье значение образуется от исходного словосочетания. Схематично это можно представить следующим образом:

СВОБОДНОЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЕ → 1-е знач. → 2-е знач. → 3-е знач.

В первом значении – *'монахиня'* – фразеологизм характеризует лицо женского пола, которое обрекает себя на служение Богу и отказывается от мирской жизни, прежде всего, от отношений с лицами мужского пола. Главный компонент *невеста* передает фразеологическому значению предметную семантику, актуализирует семы *'лицо женского пола', 'не бывшая замужем',* Зависимый компонент – прилагательное *Христова* актуализирует семы '*служительница Христа', 'служение Христу*'. Второе значение *'немолодая женщина, не бывшая замужем'* формируется на базе сем первого значения – '*отсутствие отношений с мужчинами', 'безбрачие*'; ФЕ в этом значении указывает на женщину, которая по каким-либо причинам не вышла замуж. Фразеологизм во втором значении выходит из церковно-религиозной сферы в область морально-нравственных отношений между людьми, давая им социальную характеристику. Третье значение *'умершая девушка'* возникает на основе сем свободного словосочетания. Главный компонент *невеста* актуализирует семы '*возраст', 'не бывшая в браке', зависимый компонент привносит сему 'принадлежность Христу*'. Таким образом, ФЕ в этом значении обозначает молодую девушку, не успевшую создать семью, умершую внезапно; душа ее, согласно религиозным представлениям, принадлежит Христу. Меняется групповая отнесенность ФЕ: в первом значении она обозначает лицо по характеру и роду деятельности, во втором значении указывает на родственные и межличностные отношения людей, в третьем значении характеризует лицо по физическим свойствам. Значения имеют объединяющие семы – '*лицо женского пола', 'отсутствие мирских отношений*' по причине физической смерти или «смерти» для общества: – *Забыла, что мы [скитские девицы]* ***христовы невесты?*** (П. Мельников-Печерский); – *Наливки какие были! водки! квасы! – восторгалась тетенька Ольга Порфирьевна, которая, в качестве* ***христовой невесты****, смолоду около хозяйства ходила* (М. Салтыков-Щедрин). *И барышня ваша готова? –* ***Христова невеста****, – пробормотал он. – Померла, значит* (Я. Полонский).

Многозначность исследуемых нами ФЕ весьма противоречиво отображается во фразеографической практике: в одних словарях полисемичные ФЕ трактуются как моносемичные с одним широким значением, другие словари фиксируют не весь набор значений. Так, фразеологизм ***живой товар*** в узусе отмечается как однозначный – *'люди (рабы-негры, проститутки, дети), которыми торгуют'* [Чепасова 2000: 12] и как полисемичный: во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» фиксируются значения *Разг. Экспресс. 1. 'в эксплуататорском обществе: люди, которые могут быть предметом купли-продажи (крепостные, рабы, дворовые, проститутки)', 2. Устар. 'в обряде сватовства: невеста'* [Федоров 1995, т. 1: 306], во «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» (ФССРЛЯ) у фразеологизма отмечено два значения – *1. 'о людях, правовое положение которых в обществе (рабовладельческом, крепостном) допускает их куплю и продажу', 2. 'о людях, являющихся объектом купли и продажи при незаконных преступных сделках'* [Тихонов 2004, т 1: 385]. Собранные нами примеры позволяют выделить в структуре данной ФЕ три зна-

чения: *1. 'в эксплуататорском обществе: люди, которые могут быть предметом купли-продажи (крепостные, рабы, дворовые)', 2. Устар. 'в обряде сватовства: невеста', 3. 'люди, являющиеся объектом купли и продажи при незаконных преступных сделках (дети, проститутки, нелегальные эмигранты и др.)': В Сальвадор же везли «**живой товар**» – негров-рабов, чьим трудом возделывалась здешняя земля* (КП. 05.12.1982); *«Кажись, вам времечко приспело / **живой товар*** (*невесту.* – О.Л.) *свой с рук сбывать; / Есть у меня купец; не знаю, / Хорош ли будет он для вас»* (И. Никитин. Кулак); *Спрос на **живой товар** (детей* – О.Л.) *растет, поскольку в стране 3 миллиона бездетных супружеских пар* (Лит. газ. 15. 05.1985).

Значение ФЕ *золотой фонд (запас)* в узусе передается как *'самое лучшее, самое ценное, самое значительное'* ([Молотков 1967: 502], [Федоров 1995: 339]). Во ФССРЛЯ значение данного фразеологизма – *'кто-либо, что-либо, представляющее большую ценность'* [Тихонов 2004, т. 1: 446]. Анализ сочетаемости дает возможность выявить в этом широком значении наличие семантических оттенков. По вопросу адекватности и полноты передачи значения данного фразеологизма исследователи отмечают: «Подавляющее число фразеологизмов обладает значением, которое невозможно выразить одним словом: <...> *золотой фонд – "люди" (?), "произведение искусства"* (?), *"часть чего-либо"* (?). Значение этих единиц более или менее можно передать словосочетаниями <...> *"лучшие люди коллектива, страны, человечества", "лучшие произведения искусства", "лучшие предметы как результаты труда", "чего-либо"»* [Чепасова 1989: 11]. Таким образом, ФЕ *золотой фонд* номинирует совокупность лиц/предметов/явлений, представляющих особую ценность для общества. Система значений, следовательно, должна включать в себя все номинируемые объекты: *Книжн. Высок. 1. 'лучшие люди коллектива, страны, человечества', 2. 'лучшие произведения искусства, лучшие предметы как результаты труда', 3. 'лучшая часть чего-либо': В канун предстоящего юбилея Южно-Сахалинской области сегодня в зале «Каприччио» собрались ветераны труда – **«золотой» фонд** Сахалина, заслуженные люди* (Новости Neftegas.ru. 25.12.01); *Цены таким людям нет, **золотой фонд** государства* (В. Игишев); *Эти пьесы с чудесными женскими ролями были ценнейшим вкладом в мой «**золотой фонд**» актрисы и окончательно укрепили мою актерскую репутацию* (М. Велизарий); *Как и анисовая, хинная водка входила в **золотой фонд** русских водок* (Мир напитков).

В нашем материале как многозначные квалифицируются ФЕ ***нищая братия*** *– 1. Пренебр. 'неимущие, бедные слои населения', 2. 'нищие';* ***дар божий*** *– Устар. Экспрес. 1. 'талант, способности, одаренность', 2. 'человек, обладающий исключительными способностями, талантом', 3. 'кто-либо самый дорогой, любимый', 4. 'что-либо самое ценное, необходимое'* и др. Приведем данные словарей:

Таблица 2

ФЕ	А.Н. Тихонов	А.И. Федоров
приказная строка	*Устар. Пренебр. 1. О чиновнике, писце.* *2. Разг. О бездушном, черством человеке* [т.2: 128].	*Устар. Презр. Чиновник, бюрократ, крючкотвор* [т.2: 289].

ФЕ	А.Н. Тихонов	А.И. Федоров
дар божий	*Об исключительных природных данных, выдающихся способностях* [т.1: 303].	*Устар. Экспресс. 1. То, что даёт человеку природа.* *2. Кто-либо самый дорогой, любимый.* *3. Что-либо самое ценное, необходимое* [т.1: 175].
нищая братия	*Нищие* [т.1: 668].	*1. Дорев. Пренебр. Неимущие, бедные слои населения.* *2. Нищие* [т.1: 43].
бог войны	*Об артиллерии* [т.1: 66].	*Разг. 1. Артиллерия.* *2. Артиллерист* [т.1: 32].
отрезанный ломоть	*О том, кто вышел из семьи, стал вне ее* [т.1: 554].	*Экспрес. 1. Человек, ставший самостоятельным, отделившись от семьи.* *2. Человек, оставивший свою среду, порвавший с прежним образом жизни* [т.1: 359].
недреманное око	*О бдительном наблюдателе;* устар. *о политическом сыске в полиции* [т.1: 650].	**(недремлющее)** *1. Устар. Ирон. О бдительном наблюдателе; о политическом сыске в полиции.* *2. О человеке, проявляющем неустанную заботу о ком-либо, оказывающем постоянное внимание кому-либо* [т.2: 55].
кислая шерсть	*1. Спец. Худший сорт шерсти, полученный с овчин, подвергнувшихся закваске.* *2. Устар. Прост. Употребляется бранно по отношению к солдату* [т.2: 788].	*Устар. Прост. Пренебр. Употребляется бранно, обычно по отношению к солдату* [т.2: 382].

Таблица 3

ФЕ	А.И. Федоров	А.М. Чепасова
братья меньшие	*1. Устар. Бедняки, неимущие.* *2. Нов. Экспрес. Животные* [т.1: 51].	**<наши>** *Животные и звери* [с. 11].
золотые руки	*1. Экспрес. Мастер, искусный в своём деле.* *2. у кого. Кто-либо может сделать всё, за что бы ни взялся.* *3. Мастерство, умение безукоризненно делать что-либо* [т.: 204].	*Умелец (-льцы), мастер (-а), искусник(-и)* [с. 7].

Подводя итоги, отметим, что семантическое развитие фразеологических единиц, номинирующих человека по социальным свойствам и состояниям, проявляется в многозначности. Обобщенность значений ФЕ является факто-

ром, сдерживающим развитие новых значений, поэтому процент полисемичных фразеологизмов невелик. Многозначные ФЕ в словарях представлены неполно, их описание в словарных статьях не лишено противоречий.

ЛИТЕРАТУРА

Котелова Н.З. Значение слова и его сочетаемость. – Л.: Наука, 1975.

Павлова Н.А. Системные семантические свойства и отношения фразеологизмов. – Омск: Изд-во Омского гос. пед. ин-та, 1991.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка в 2 т. / сост. А.И. Фёдоров. – Новосибирск: «Наука». Сиб. изд. фирма РАН, 1995.

ФССРЛЯ: Фразеологический словарь современного русского литературного языка в 2 т./ под ред. А.Н. Тихонова; сост. А.Н. Тихонов и др. – М.: Флинта: Наука, 2004.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка: в 2 т. / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967.

Чепасова А.М. Синонимия фразеологизмов // Системные связи и отношения фразеологизмов. – Свердловск: Изд-во Свердлов. гос. пед. ин-та, 1989. – С.3–19.

Чепасова А.М. Фразеологизмы в нашей речи: учеб.-толковый словарь. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2000.

POLYSEMANTIC PHRASEOLOGICAL SOCIAL – STATUS – BASED PERSON NAMES AS AN OBJECT OF PHRASEOGRAPHY

O.G. Lapshina

The paper deals with polysemantic fixed phrases denoting a person with regard to his social status. They average 40 per cent of the total amount of analyzed units; in their different meanings fixed phrases correlate with different concepts, hence they become members of identical or special semantic groups and subgroups. The paper describes ways of forming new meanings of polysemantic fixed phrases, and notes their ambiguous phraseographic interpretation.

© 2009

Т.Н. Шевелева

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОПИСАНИЯХ ВНУТРИФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ В СЛОВАРЯХ

В русском языкознании вопрос об омонимии очень остро стоит в связи с задачами лексикографии и фразеографии. Так, В.В. Виноградов еще в 1968 г. отмечал: «современная советская лексикографическая практика в области составления толковых словарей, ярко и наглядно отражает отсутствие точных лексико-семантических и структурно-грамматических приемов и принципов разграничения омонимов» [Виноградов 1968: с. 86]. В.В. Виноградов считал, что в способах подачи омонимов в разных словарях обозначилось три тенденции: 1) сокращение количественного состава словаря, поскольку слова, которые объединяются общностью звукового состава, рассматриваются как одно слово; 2) умножение числа омонимов за счет дробления многозначных слов на омонимы; 3) умеренность в подаче омонимов.

Явление фразеологической омонимии стало предметом специального исследования сравнительно недавно. Вопрос об отражении фразеологических омонимов во фразеографии ставился в ряде научных статей и диссертационных исследований (Н.А. Павлова, А.Т. Липатов, Е.И. Диброва, Т.А. Матузова и др.). Так, М.С. Горе замечает: «Фразеологическая омонимия в настоящее время не отражена ни в одном из фразеологических словарей, справочников, что может свидетельствовать о недостаточно устоявшемся теоретическом подходе к проблеме и о её нерешенности в практическом плане» [Горе 1988: 108]. Следует отметить, что во многих фразеологических словарях омонимы не являются предметом описания. До последнего времени не было опыта их описания и в специальных словарях, в отличие, например, от фразеологических синонимов. Кроме того, в языке существует много переходных случаев между полисемией и омонимией, о чем свидетельствуют исследования ряда ученых. По мнению С.И. Шумарина, такие переходные случаи необходимо отражать в словарях. Исследователь замечает: «...в словарных описаниях должны получать отражение <...> и вопросы, находящиеся в стадии решения» [Шумарин 1991: 15].

Нашей задачей было проследить, как отражаются внутрифразеологические омонимы во фразеографии. С этой целью мы обратились к ряду фразеологических словарей.

В предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка» (далее ФСРЯ) под редакцией А.И. Молоткова отмечается, что «*омонимия* – такое соотношение фразеологизмов, когда два или несколько фразеологизмов, тождественных по своему компонентному составу и по своей структуре (или структурной организации), различаются своим лексическим значением настолько, что не могут быть рассмотрены как один фразеологизм с двумя значениями, а только как два самостоятельных, отдельных фразеологизма» [ФСРЯ 1986: 18]. Анализ материала словаря показывает, что омонимичные фразеологизмы в нем отражаются весьма противоречиво.

Так, в качестве омонимичных выделяется только 8 фразеологических единиц, среди которых 4 единицы являются внутрикатегориальными фразеологическими омонимами: ***за глаза 1*** *– 1. 'заочно, в отсутствие кого-либо'; 2. 'не видя';* ***за глаза 2*** *– 'вполне, с избытком'* [ФСРЯ: 104]; ***на память 1*** *– 'наизусть, не смотря в текст»;* ***на память 2*** *– 'для того, чтобы помнить, не забывать'* [ФСРЯ 1986: 310].

115 внутрикатегориальных фразеологических омонимов авторы словаря определяют как многозначные единицы. Например.

По данным картотеки	ФСРЯ
Давать/дать слово (кому) 1 – *'разрешить выступать с речью на собрании, митинге, заседании и т.д.' Проц.* ***Давать/дать слово (кому) 2*** *– 'клятвенно уверять кого-либо в чём-либо, обещать' Проц.*	***Давать слово*** *– 1. 'клятвенно уверять кого-либо в чём-либо, обещать что-либо'; 2. 'разрешать выступить с речью на собрании, заседании, митинге и т.п.'* [ФСРЯ 1986: 125].
Без памяти 1 *– 'очень сильно, страстно, до самозабвения' Кач.-обст.* ***Без памяти 2*** *– 'очень быстро, стремительно, стремглав' Кач.-обст.*	***Без памяти*** *– 1. 'очень сильно, страстно, до самозабвения (любить кого-либо, увлекаться кем-либо)' 2. 'очень быстро, стремительно, ни на что не обращая внимания (бежать, нестись, лететь и т.п.)'* [ФСРЯ 1986: 309].

43 внутрикатегориальных фразеологических омонима приводятся в разных словарных статьях в качестве самостоятельных фразеологических единиц без общепринятых условных обозначений. Например, ***обвести/обводить (обернуть) вокруг пальца*** *– 'ловко, хитро обманывать',* ***обводить/обвести (обвертеть) вокруг (кругом, около) пальца*** *– 'делать быстро, без затруднений; легко справляться с чем-либо'* [ФСРЯ 1986: 289]; ***протереть глаза (глазки)*** *– 'подчеркнуть, показать, доказать своё превосходство в чём-либо перед кем-либо';* ***протереть глаза (глазки)*** *– 'промотать, прокутить, потратить (деньги)'* [ФСРЯ 1986: 366]*;* ***продирать (протирать, протереть) глаза –*** '*просыпаться, вставать после сна'* [ФСРЯ 1986: 362].

В предисловии к «Фразеологическому словарю русского литературного языка» (ФСРЛЯ) под ред. А.И. Фёдорова нет упоминания о явлении фразеологической омонимии. Но при этом 4 единицы подаются как омонимичные с общепринятыми условными обозначениями: ***с (со всего) маху 1*** *– 1. 'размахнувшись, со всей силы'; 2. 'сохраняя инерцию движения, скорость';* ***с маху 2*** *– 'не обдумав, без подготовки, сразу'* [ФСРЛЯ 1995, т. 1: 369]*;* ***под рукой (рукою) 1*** *– 1. 'совсем рядом, поблизости'; 2. 'тайно';* ***под рукой (рукою) 2*** *– 1. 'создаваемое или выполненное кем-либо'; 2. 'в подчинении, во власти, в распоряжении кого-либо'* [ФСРЛЯ 1995, т. 2: 206].

127 выделенных нами внутрикатегориальных фразеологических омонима квалифицируются в словаре как многозначные. Например: ***под нос*** *– 1. 'совсем рядом (положить, поставить и т.п.'; 2. 'очень тихо, невнятно'* [ФСРЛЯ 1995, т 2: 39]; ***скалить зубы*** *– 1. 'огрызаться, сердиться, выражая в резкой или грубой форме своё негодование, возмущение' 2. 'смеяться, хохотать; насмехаться'* [ФСРЛЯ

1995, т. 2: 241, 242]; ***зелёная улица*** *– 1. 'открытый путь, без задержек и препятствий'; 2. 'наказание шпицрутенами солдат в дореволюционной России'* [ФСРЛЯ 1995, т. 2: 326].

69 фразеологизмов-омонимов приводятся в качестве самостоятельных единиц: **в лицо** *– 'прямо, открыто обращаясь к кому-либо'*; **в лицо** *– 'по внешнему виду, по характерным признакам'* [ФСРЛЯ 1995, т. 1: 353], ***пускать/пустить (красного) петуха*** *– 'поджигать что-либо, устраивая пожар'*, ***пускать/пустить петуха*** *– 'сорваться на высокой ноте во время пения'* [ФСРЛЯ 1995, т. 2: 168], ***протереть глаза*** *– 'доказать своё полное превосходство в чём-либо'*, ***протереть глаза (глазки)*** *– 'растранжирить, промотать, прокутить'* [ФСРЛЯ 1995, т. 2: 162] и др.

Во вступительной статье к «Школьному фразеологическому словарю» В. Жукова нет упоминания о явлении омонимии, не приведены условные обозначения омонимов, но при описании фразеологизмов 24 из них подаются как омонимичные с общепринятыми обозначениями. Среди них нами отмечено 13 внутрикатегориальных фразеологических омонима, например*:* ***вгонять (вогнать) в пот 1*** *– 'заставлять много трудиться, делать что-либо, отдавая много сил'*; ***вгонять (вогнать) в пот*** *2 – 'сильно чем-либо расстраивать, волновать'* [Жуков 1980: 52]; ***зеленая улица 1*** – '*путь без задержек, без помех»* – ***зелёная улица 2*** *– 'наказание солдат шпицрутенами в дореволюционной России'* [Жуков 1980: 126]; ***сосать лапу 1*** *– 'скудно питаться, голодать'*; ***сосать лапу 2*** *– 'не предпринимать решительных действий, бездействовать'* [Жуков 1980: 330].

50 выделенных нами внутрикатегориальных фразеологических омонима приведены в словаре как многозначные фразеологизмы. Проиллюстрируем некоторыми примерами: ***во веки веков*** *1. 'навсегда, вечно'; 2. 'никогда'* [Жуков 1980: 62]; ***убить бобра*** *1. 'приобрести что-либо очень ценное, преуспеть в чём-либо'; 2. 'ошибиться в расчётах'* [Жуков 1980: 358]; ***пальчики оближешь*** *– 1. 'очень вкусен»; 2. 'очень красив, хорош собой кто-либо, вызывает восхищение кого-либо'* [Жуков 1980: 243].

31 омонимичный фразеологизм приводится в «Школьном фразеологическом словаре» в качестве отдельных самостоятельных единиц без общепринятых условных обозначений. Напр.: ***в пух и (в) прах*** – '*окончательно, полностью'*; ***в пух и (в) прах*** – '*очень богато, пышно, изысканно'* [Жуков 1980: 44]; ***гнуть спину (горб)*** *– 1. 'выполнять тяжёлую, изнурительную работу)'; 2. 'работать на кого-либо, быть у кого-либо в порабощении'*; ***гнуть спину*** *– 'унижаться»* [Жуков 1980: 93]*;* ***пускать (пустить) < красного > петуха (кому)*** *– 'совершать поджог'*; ***пускать (давать) петуха –*** *'сорвав голос на высокой ноте во время пения (при разговоре), издавать пискливые ноты'* [Жуков 1980: 283].

Нами был проанализирован «Учебный фразеологический словарь русского языка» (УФСРЯ) А.Н. Тихонова, Н.А. Ковалёвой, во вступительной статье к которому авторы указывают на существование фразеологизмов-омонимов, приводят примеры омонимичных единиц, но не дают определения фразеологических омонимов. Из 215 омонимичных фразеологических единиц, представленных в нашей картотеке, лишь 10 единиц приводятся в данном словаре как омонимичные. Среди них: ***гнуть спину (горб, шею) 1****. 'унижаться, заискивать, раболепствовать перед кем-либо'* [УФСРЯ 2001: 187]; ***гнуть спину (горб, шею,***

хребет) 2. *1. 'выполнять тяжёлую, изнурительную работу'. 2. 'работать на кого-либо'* [УФСРЯ 2001: 115]; ***за глаза 1****. 1. 'в отсутствие того, о ком идёт речь (смеяться, говорить)', 2. 'не видя (купить, нанять)'* [УФСРЯ 2001: 155]; ***за глаза 2****. 'вполне, с избытком'* [УФСРЯ 2001: 155]; ***закрыть глаза 1.*** *'умереть'* [УФСРЯ 2001: 166]; ***закрыть (закрывать) глаза 2****. 'намеренно не заметить (не замечать) чего-либо важного'* [УФСРЯ 2001: 166]; ***закрыть (закрывать) глаза 3****. 'скрыть (скрывать) что-либо от кого-либо'* [УФСРЯ 2001: 167*]; **закрыть (закрывать) глаза 4****. 'быть рядом с умирающим в последние минуты жизни'* [УФСРЯ 2001: 167].

18 омонимичных фразеологизмов квалифицируются в словаре как многозначные. Приведём некоторые примеры.

Данные нашей картотеки	*УФСРЯ*
С грехом пополам 1 *– 'обманным путём, нечестно' Кач.-обст.* ***С грехом пополам 2*** *– 'с большим трудом' Кач.-обст.*	***С грехом пополам****. 1. Устар. 'Обманным путём, нечестно'. 2. Разг. 'кое-как, с большим трудом'* [УФСРЯ 2001: 363].
В своё время 1 *– 'когда-то в прошлом, прежде' Кач.-обст.* ***В своё время 2*** *– 'обязательно, вовремя, в будущем' Кач.-обст.*	***В своё время****. 1. 'Когда-то в прошлом, прежде. 2. своевременно, когда будет необходимо'* [УФСРЯ: 50].
Во всю ивановскую 1 *– 'очень громко' Кач.-обст.* ***Во всю ивановскую 2*** *– 'сильно, напропалую' Кач.-обст.*	***Во всю ивановскую****. Разг. 1. 'Очень громко (кричать, храпеть и т.п.). 2. Очень быстро, со всей силой и т.п. (делать что-л.)'* [УФСРЯ: 74].
За плечами 1 *– 'в непосредственной близости, рядом' Кач.-обст.* ***За плечами 2*** *– 'в прошлом' Кач.-обст.*	***За плечами****. Разг. 1. 'В прошлом. 2. Скоро, в ближайшем будущем, вот-вот (случится что-л.)'* [УФСРЯ: 156].

4 омонимичные фразеологические единицы (ФЕ) подаются без всяких помет как разные фразеологизмы. Например, ***поджать (поджимать) [прижать (прижимать)] хвост (хвосты) –*** *'испугавшись чего-л., утратить (утрачивать) самоуверенность; стать (становиться) скромнее, осмотрительнее'* [УФСРЯ 2001: 320]; ***прижать (прижимать) [прищемить (прищемлять)] хвост (хвосты)*** – *'заставить (заставлять) кого-л. подчиняться; создать (создавать) затруднительное, безвыходное положение'* [УФСРЯ 2001: 331]; ***пустить (пускать) [дать (давать)] петуха*** – *'издать (издавать) пискливые звуки во время пения, сорвав голос на высокой ноте'* [УФСРЯ 2001: 186, 340]; ***пустить (пускать) <красного> петуха*** – *'совершить (совершать) поджог'* [УФСРЯ 2001: 341].

Исключением из этого общего правила является «Свод фразеологизмов современного русского языка», в котором нашла широкое отражение фразеологическая омонимия. Анализ единиц, отмеченных в Своде, показывает, что большинство фразеологизмов вступают в омонимические отношения со свободными словосочетаниями (из приведённых 11600 единиц лишь 274 не способны вступать во внешние омонимические отношения). Внутрифразеологическая омонимия, по материалам Свода, свойственна 778 фразеологизмам, из которых 644 являются морфологически неизменяемыми, а 134 изменяемыми. Внутри-

фразеологическая омонимия представлена двумя видами: 1) как следствие разошедшейся полисемии (внутрикатегориальные омонимы), 2) как следствие совпадения единиц с разными категориальными значениями (межкатегориальные омонимы).

Изучение состояния вопроса позволяет заключить, что во фразеологических словарях отмечается общая тенденция: фразеологические омонимы в целом и внутрифразеологические омонимы в частности отражаются в большей части словарей противоречиво и неполно. Создание специальных фразеологических словарей омонимов является одним из перспективных направлений развития отечественной фразеографии.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Проблемы морфематической структуры слова и явления омонимии в славянских языках // Славянское языкознание. VI международный съезд славистов. – М.: Наука, 1968. – С. 53–120.

Горе М.С. Фразеологические единицы русского языка, характеризующие человека (системно-семантический аспект): – дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 1988.

Жуков В.П. Школьный фразеологический словарь русского языка: пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1980.

Свод фразеологизмов современного русского языка. – Челябинск, 1987: Депонир. в ИНИОН АН СССР, № 32045, 9.12.1987.

УФСРЯ: Тихонов А.Н., Ковалева Н.А. Учебный фразеологический словарь русского языка: 1500 ед. – М.: ООО «Изд-во “АСТ”», 2001.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров: в 2 т. – М.: Цитадель, 1995.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1986.

Шумарин С.И. Способы репрезентации функциональных омонимов в словарях: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1991.

DISCREPANT DICTIONARY PRESENTATION OF INTRAPHRASEOLOGICAL HOMONYMY

T.N. Shevelyova

The author states discrepancy, incompleteness, and inconsistency of intraphraseological homonymy description in different phraseographic reference books, and proves the necessity of compiling special phraseological dictionaries that will reflect intraphraseological homonymy in the context of present-day achievements of domestic phraseography.

© 2009

Т.В. Варлакова

МНОГОЧЛЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОМОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ И ФРАЗЕОГРАФИИ

В предисловии к «Словарю современного русского литературного языка» (БАС) нет упоминания о явлении омонимии или о позиции авторов в отношении фиксации омонимичных номинативных единиц [БАС 1950, т. 1: 3-11]. Вместе с тем описываемые нами многочленные фразеологические омонимы фиксируются в БАС, при этом квалифицируются по-разному.

Во-первых, омонимичные фразеологизмы, образующие многочленный ряд, отмечаются в БАС как одна многозначная фразеологическая единица:

По данным картотеки	БАС
Во всяком случае 1 *– 'непременно, обязательно'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.* ***Во всяком случае 2*** *– 'все-таки, однако'. Служебный тип семантики. Фразеологическая частица* ***Во всяком случае 3*** *– 'выражение утверждения'. Модальная ФЕ.*	***Во всяком случае*** *1. 'Обязательно, непременно'.* *2. 'Все-таки'* [БАС 1961, т. 13: 1290].

Во-вторых, фразеологические омонимы оформляются как отдельные самостоятельные фразеологические единицы. Например:

По данным картотеки	БАС
Без ума 1 *– 'очень сильно, страстно'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.* ***Без ума 2*** *– 'быстро, стремительно'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.* ***Без ума 3*** *– 'в восторге, в восхищении'. Призначная ФЕ*	***Без ума быть от кого-, чего-либо****. 'Быть в восторге, в восхищении'.* ***Без ума любить (быть влюбленным)****. 'Любить очень сильно, безрассудно, потеряв контроль над собой'* [БАС 1963, т. 16: 570].

Фразеологические омонимы в «Словаре русского языка» (далее МАС) подаются или как многозначные, или в отдельных словарных статьях. Отметим, что в МАС отражена лексическая омонимия, и авторы не ставят перед собой задачу фиксировать фразеологические омонимы. Приведем примеры, подтверждающие сказанное:

По данным картотеки	БАС
По дороге (пути) 1 *– 1 'попутный'; 2 'заодно, вместе'. Призначная ФЕ* ***По дороге (пути) 2*** *– 1 'попутно, мимоходом'; 2 'кстати, одновременно'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.* ***По дороге (пути) чего 3*** *– 'в направлении'. Служебный тип семантики. Фразеологический предлог.*	***По дороге*** *1. 'Мимоходом, заездом, попутно';* *2. 'В одном и том же направлении';* *3. '(С кем) об общих стремлениях, общей цели'* [МАС 1985, т. 1: 432].

Фиксация фразеологических единиц в отдельных словарных статьях позволяет считать их омонимами. Следовательно, многочленные фразеологические омонимы находят свое отражение в лексических словарях, несмотря на отсутствие общепринятых для омонимичных единиц обозначений.

В предисловии к «Фразеологическому словарю русского языка» (ФСРЯ) авторы заявляют, что «омонимия – такое соотношение фразеологизмов, когда два или несколько фразеологизмов, тождественных по своему компонентному составу и по своей структуре (или структурной организации), различаются своим лексическим значением настолько, что не могут быть рассмотрены как один фразеологизм с двумя значениями, а только как два самостоятельных, отдельных фразеологизма» [ФСРЯ 1987: 18]. Во Фразеологическом словаре русского языка в качестве омонимичных выделяются 8 единиц: *за глаза 1 – 1 'заочно, в отсутствие кого-либо', 2 'не видя', за глаза 2 – 'вполне, с избытком'; на память 1 – 'наизусть, не смотря в текст', на память 2 – 'для того, чтобы помнить, не забывать'; по праву 1 – 'законно, с полным основанием', по праву 2 – 1 'по положению кого-либо', 2 'по причине, вследствие чего-либо'; ни шагу 1 – ни шагу 2*, при этом третий омоним многочленного ряда не приводится [ФСРЯ 1987: 104, 310, 351, 531-532]. Перечисленные омонимы входят в круг описываемых нами многочленных фразеологических единиц.

Другие многочленные фразеологические омонимы авторы квалифицируют, во-первых, как случаи многозначности, например:

По данным картотеки	БАС
Все равно 1 *– 'одинаков, безразличен'. Призначная ФЕ.* ***Все равно 2*** *– 'обязательно, непременно, в любом случае, при любых обстоятельствах'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.* ***Все равно 3*** *– 'тем не менее, все-таки'. Служебный тип семантики. Фразеологическая частица.*	***Все равно*** *1. 'Одинаково, безразлично'. Ср.: все одно (в 1-м знач.);* *2. 'В любом случае, при любых условиях'. Ср: все одно (во 2-м знач.);* *3. 'Тем не менее, все-таки'* [ФСРЯ 1987: 83].

Во-вторых, авторы ФСРЯ отмечают в качестве самостоятельных такие фразеологизмы, структура которых неоправданно расширяется за счет включения слов типизированной сочетаемости:

По данным картотеки	БАС
Под крылом (крылышком, крыльями, крылышко) 1 *– 'на попечении, под защитой, покровительством'. Призначная ФЕ.* ***Под крылом (крылышком) 2*** *– 'защищено'. Качественно-обстоятельственная ФЕ.*	***Под крылышком****. 'Под покровительством, защитой; на попечении, под присмотром'* [309, с.216]. ***Брать под <свое> крылышко кого.*** ***Взять под <свое> крылышко кого.*** *'Окружать вниманием, заботой, оказывать покровительство кому-либо'* [ФСРЯ 1987: 46].

По данным картотеки	БАС
Под крылом (крылышком) кого/чего 3 – *'за счет'. Служебный тип семантики. Фразеологический предлог.*	***Держать под <своим> крылышком кого***. *'Опекать, оберегать; покровительственно относиться к кому-либо'* [ФСРЯ 1987: 137].

Во вступительной статье к словарю-справочнику «Русская фразеология» позиция автора в отношении фразеологической омонимии никак не обозначена [Яранцев 1997: 6-17], тем не менее, как омонимичные в словаре отмечаются две фразеологические единицы: *на память 1 – на память 2* [Яранцев 1997: 605]. Многочленные фразеологические омонимы квалифицируются в словаре-справочнике «Русская фразеология» как многозначные: ***за спиной 1. кого, чьей, у кого***. *Скрытно, незаметно для кого-либо совершать действия, часто против этих лиц; 2. кого, чьей, у кого. На содержании, иждивении у кого-либо, под защитой (быть, жить и т.д.); 3. В прошлом кого-либо;* ***все равно*** *1. кому. Одинаково безразлично; 2. В любом случае, при любых условиях; 3. Тем не менее, все-таки;* ***как раз*** *1. Своевременно; тогда, когда это нужно; вовремя, в подходящий момент; 2. кому. Как по мерке, впору (об одежде, обуви и т.п.); 3. Именно, точно* [Яранцев 1997: 422, 738, 825, 223, 224, 298, 699, 700].

Большое количество фразеологических омонимов (108 единиц, из них 69 входят в круг исследуемых) представлено в «Словаре эквивалентов слова», Р.П. Рогожниковой. При этом омонимы подаются с указанием частеречной принадлежности, например: ***на стороне 1****, наречие. 1. В другом месте, не там, где работает, живет. 2. Не у себя, не в своем доме;* ***на стороне 2****, предлог, с род. п. Употребляется при указании на кого-либо, кто находится под чьей-либо защитой, на кого распространяется чья-либо поддержка, у кого есть, имеется что-либо.* Свою позицию по вопросу омонимии между эквивалентами слова ученый определяет так: «Эквиваленты слова, совпадающие по своему внешнему облику, могут соотноситься с разными частями речи и являться омонимичными. Это грамматическая омонимия, связанная с принадлежностью слова к определенной части речи на основе выражаемого значения и его функции в предложении» [Рогожникова 1991: 7]. Несмотря на признание явления грамматической (межкатегориальной) омонимии, автор словаря не всегда последовательно отражает принадлежность омонимичных единиц к той или иной части речи. Следует отметить, что Р.П. Рогожникова называет представленные в словаре единицы эквивалентами слова, поскольку подобные сочетания, обладая признаками и слова, и фразеологизма, в гораздо большей степени сближаются со словом не только в семантическом, но и в структурном отношении [Рогожникова 1991: 4]. Мы не разделяем позицию ученого в отношении квалификации большинства единиц, которые даются в словаре как эквиваленты слова (в понимании Р.П. Рогожниковой). Как мы полагаем, сопоставление значений ФЕ и слов свидетельствуют об их соотносительности, синонимичности.

В других фразеологических словарях, изученных нами на предмет представленности многочленных фразеологических омонимов, последние квалифицируются либо как значения многозначной единицы, либо как отдельные самостоятельные фразеологизмы.

Наиболее последовательно, на наш взгляд, фразеологическая омонимия отражена в Своде фразеологизмов современного русского языка (118 многочленных фразеологических омонимов в 39 рядах [Свод 1987: 59 и т.д.], а также в Словаре фразеологических омонимов современного русского языка (308 фразеологизмов в 96 рядах). В разделе «Структура словаря. Оформление словарной статьи» «Словаря фразеологических омонимов современного русского языка» отмечается, что в исследовании представлены двучленные омонимические ряды (в ряду – два фразеологизма-омонима) и многочленные (ряд состоит из трех и более фразеологических омонимов). Приведем цитаты из статей словаря, отражающих один из многочленных фразеологических рядов: ***В случае 1*** *– 'в милости, под покровительством влиятельного лица'. Призн. Устар. – Подойди, подойди, любезный! Я и отцу-то твоему правду одна говорила, когда он* ***в случае*** *был, а тебе-то и бог велит. Л. Толстой. – А* ***в случае*** *только тот, кто при ушке. И. Лажечников.* ***В случае 2*** *– 'при сложившихся обстоятельствах, в определенной ситуации'. Кач.-обст. ...Есть и такие, которые «молчат». Ну, да мне все равно, я совершенно спокоен на этот счет и знаю, что* ***в случае*** *сказать. М. Нестеров.* ***В случае (,) (если) 3*** *– 'если, при условии'. Служ. Фраз. союз. Принесли они (нищие – авт.) его (хозяина – авт.) в избу, свалили мокрого наземь; хотели было нищие награждения попросить, ну только хозяйка сказала: «За что я вас буду награждать,* ***в случае*** *он жив? Если б он издох, то я вам большую бы милостыню подала!» Г. Успенский.* ***В случае*** *(чего)* ***4*** *– 'при, во время чего-либо'. Служ. Фраз. предлог. Теперь боевикам не придется рассчитывать на снисхождение со стороны российской власти и заявлять* ***в случае*** *задержания военнослужащими Федеральных сил о добровольной сдаче оружия, рассчитывая на снисхождение как при явке с повинной. «МК» № 21, 2000 г.* [Словарь фразеологических омонимов 2003: 72–74].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что фразеологические омонимы и в лексикографии, и во фразеографии представлены неполно, противоречиво. В лексических словарях фразеологические омонимы отражаются крайне редко. В отдельных случаях они приводятся как самостоятельные единицы без условных обозначений, принятых для омонимов; в ряде же случаев фиксируются как многозначные единицы. Весьма непоследовательно представлены фразеологические омонимы, и в частности многочленные фразеологические омонимы, во фразеографии: редко подаются как омонимичные фразеологизмы с соответствующими обозначениями; чаще всего они либо помещаются в одной словарной статье и квалифицируются как многозначные, либо отмечаются как отдельные фразеологические единицы без условных обозначений. Подобная противоречивость, бессистемность является показателем недостаточной теоретической разработанности вопроса о фразеологической омонимии.

ЛИТЕРАТУРА

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.: Изд. АН СССР, 1950 – 1965.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Рус. словари, 1997.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. – М.: ТЕРРА, 1994.

Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. – М.: Рус. яз., 1991.

Свод фразеологизмов современного русского языка. – Челябинск, 1987: Депон. в ИНИОН АН СССР № 32045,9.12.1987.

Словарь русского языка /АН СССР. Ин-т рус.яз.; под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. – М.: Рус. яз. 1985.

ССРЛЯ: Словарь современного русского литературного языка / АН СССР. Ин-т рус. яз.: В 20 т. – М.: Рус. яз., 1991 – 1993. – Т.1–4.

Словарь фразеологических омонимов современного русского языка / под ред. Н. А. Павловой. – Омск: Изд-во «Наследие. Диалог-Сибирь», 2003.

Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А.И. Федоров: в 2 т. – М.: Цитадель, 1997.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987.

Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник. – М.: Рус. яз., 1997.

MULTINOMIAL PHRASEOLOGICAL HOMONYMS AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHY AND PHRASEOGRAPHY

T.V. Varlakova

This is a study of Russian phraseological homonymy in lexicographic and phraseographic publications. In the course of study the author resorted to the analysis of phraseological and lexical dictionaries, among which are those published recently, to reveal the number of multinomial phraseological homonyms there.

© 2009

Е.К. Николаева

ВАРИАНТНОСТЬ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В ТЕОРИИ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Проблема вариантности фразеологизмов в период наиболее активной разработки фразеологии – в 70-80-е годы XX столетия – затрагивалась практически в каждом значительном исследовании, излагающем основы фразеологии русского и других языков, и до сих пор остается предметом обсуждения на различных фразеологических конференциях, чаще всего как лексикографическая проблема. Ведь именно словари отражают объективные трудности, с которыми мы сталкиваемся при семантизации языковых элементов, именно они – пробный камень любой теории.

Вышедший из печати в 2008 г. «Большой словарь народных сравнений» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной является на данный момент самым полным

собранием сравнительных оборотов русского языка. Он включает свыше 40 000 образных сравнений, большинство из которых взято из живой русской народной речи. В словарь вошли литературные образные сравнения *(гол как сокол)*, просторечные и жаргонные единицы *(вкалывать как папа Карло; шустрый как водичка в унитазе)*, различные диалектные обороты (пск. *зырить (зырять) как вор на ярмарке*), а также ряд пословиц с компаративной структурой *(Баба, что горшок: что ни влей – все кипит; Врет, что блины печет: только шипит)*. Последние, хоть и не относятся в строгом понимании к устойчивым сравнениям русского языкового фонда, тем не менее вполне уместны в словаре народных сравнений, так как зачастую демонстрируют диахроническую связь, образное и структурное взаимодействие пословиц и компаративных фразеологических единиц. Как справедливо отмечают авторы словаря, «многие сравнительные обороты являются активным конструктивным элементом пословиц и становятся образным источником их создания, с другой стороны, нередко оказываются продуктом конденсации (импликации, универбализации) пословиц» [Мокиенко, Никитина 2008: 8]. Ряд пословиц снабжен пометой «инд.-авт.»: исходя из того, что подобные единицы, как правило, строятся по моделям (структурно-семантическим и образным) известных устойчивых словосочетаний, авторы сочли возможным описать в словаре и этот материал.

Включение в словарь широкого массива материалов народной речи значительно расширяет представление о вариантности в сфере устойчивых сравнений (УС) и предоставляет в распоряжение исследователя впечатляющее количество версий некоторых единиц. В теории фразеологии (а основной материал словаря все же следует отнести к ФЕ) наибольший интерес у исследователей вызывает проблема лексического варьирования, в то время как формальные варианты единодушно признаются и практически единообразно описываются всеми фразеологами. В словаре народных сравнений представлены все типы формального варьирования (фонетические, орфографические, морфологические): *як рыба обтравленная (абтравленная) после горелки (гарелки)* Смол.; *сидеть будто аист на приточне (притучне); фыркать (фырчать) как кошка*. Однако на уровне УС формальные взаимозамены, которые А.И. Молотков назвал «структурно-морфологическими», например, *подставлять ногу/ножку*, имеют свои особенности. По мнению авторов словаря, уменьшительно-ласкательные или пренебрежительные формы стержневого компонента сравнительной части не являются вариантами УС с нейтральной формой того же стержневого компонента и выносятся в отдельную словарную статью:

1. *Ходить как Акулина*. Яросл. Пренебр. О ходящей в плохой, небрежной одежде женщине. (**АКУЛИНА**); *Ходить как Акулька*. То же, что ходить как Акулина (**АКУЛЬКА**);

2. *Биться как рыба (рыбой) об лед* (**РЫБА**) – *Биться как рыбина об лед*. Калинин. Пск. (**РЫБИНА**) – *Биться как рыбка об лед*. Пск. Неодобр. (**РЫБКА**) – *Биться как рыбочка об лед*. Ум. Том. (**РЫБОЧКА**);

3. (Хрупкий, непрочный) как [ореховая] скорлупа. Неодобр. (**СКОРЛУПА**); (Хрупкий, непрочный) как [ореховая] скорлупочка. Ум. Неодобр. (**СКОРЛУПОЧКА**).

Приведенные примеры рассматриваются авторами как синонимы, правда,

почти тождественные как по форме, так и по смыслу, что подчеркивается наличием отсылочной пометы см. (смотри). И хотя иногда авторы бывают непоследовательны, например: *(серый) как мышь (мышка)* – образные стержни объединены как варианты, представляется, что отмеченное расхождение теории и практики вызвано лексикографической необходимостью: объединение вариантов в одной словарной статье может затруднить (или сделать невозможным) четкую маркировку каждой единицы через сложную систему помет, примененную составителями. Кроме того, уменьшительная или пренебрежительная форма существительного может вносить в значение УС различия в коннотациях, в сфере употребления, экспрессивной окраске.

Что касается лексического варьирования, то во фразеологии основные типы лексических вариантов представлены заменами: (1) компонента ФЕ полным синонимом, (2) синонимом с некоторыми отклонениями в значении, (3) тематически однородным компонентом [Мокиенко 1980: 25-26]. Все эти типы лексических замен относятся и к УС и представлены в словаре народных сравнений: *светиться (сиять, гореть) как алмазы (алмазами); отскакивать/отскочить от кого, чего как [резиновый] мяч (мячом) [от стены]; шагать (вышагивать, ступать) как аист; глаза (зрение) как у кошки; талия (фигура) у кого в рюмочку; темно как у негра в брюхе (в животе, желудке, в жопе); лететь (прилететь/прилетать, слетаться/слететься) как мошкара на огонь (на огонек, на свет, на пламя).*

Одним из видов фразеологического варьирования, которое рядом исследователей относится к синтаксическому варьированию, другими же трактуется как лексическое, является количественное варьирование. В УС оно представлено двумя разновидностями: а) введением факультативного компонента, призванного уточнить высказывание, увеличить его экспрессивность; б) эллиптическим сжатием, которое проявляется в пропуске некоторых слов, несущих избыточную или уже непонятную информацию. Эти две разновидности тесно переплетаются в языке, и выяснение первичности усеченной или, напротив, развернутой формы возможно лишь в результате тщательного этимологического анализа. Без подобного анализа целесообразно отмечать лишь общее количественное изменение оборота. Как правило, этот тип варьирования не вызывает сложностей у лексикографов. Факультативный компонент дается в словаре народных сравнений в квадратных скобках и может наблюдаться как в левой *(зудеть (жужжать, гудеть) [над ухом/ у кого] как мошкара),* так и в правой части сравнительного оборота *(холодный как айсберг [в океане]; царапаться как [дикая] кошка; гнуться (шататься) как рябина [на ветру]; вертеться как на [раскаленной] сковороде).*

Если внимательно посмотреть на все приведенные в словаре народных сравнений примеры варьирования, то можно заметить одну особенность: замены не касаются опорного компонента сравнительной части, то есть образного стержня сравнения. Варьироваться могут основание сравнения (левая часть) – *глаза (зрение) как у кошки*; дополнительные компоненты сравнительной части – *темно как у негра в брюхе (в животе, желудке, в жопе)*; сравнительные союзы – *кланяться/поклониться как (словно) аист*, но не образный стержень УС. (Исключение составляет синтаксическое варьирование: *порхать (летать) [по жизни]*

как мотылек (мотыльком), прикрывать/прикрыть кого, что как щит (щитом), светиться (сиять, гореть) как алмазы (алмазами).)

Это подтверждает наблюдения некоторых исследователей компаративной фразеологии: стержневой компонент сравнительной части практически не подвергается никаким заменам, являясь основным носителем образа, семантическим ядром компаративного оборота. Исходя из того, что абсолютная синонимия – понятие относительное, так как языковые синонимы чаще всего демонстрируют – при совпадении концептуального значения – различия в сфере употребления, коннотациях, сочетаемости, в семантической структуре слова как целого, эмоционально-экспрессивной окраске, оттенках концептуального значения [Маслов 1975: 120], любые синонимические замены образного стержня (опорного компонента сравнительной части) УС приведут к изменению образа сравнения. А каждый образ, как правило, неповторим, индивидуален, обособлен. Это рождает особую семантическую дифференцированность каждого устойчивого сравнения, которую можно обозначить как «добавочность смысла», о которой писал проф. Б.А. Ларин. Иногда даже незначительное изменение образа может изменить набор коннотативно-оценочных характеристик, которые у каждого УС «индивидуальны и предельно конкретны» [Федоров 1986: 183]. Эти характеристики и стали объектом лексикографирования в Большом словаре народных сравнений, что, на наш взгляд, является несомненным достоинством словаря.

Однако не всегда понятны, очевидны причины отдельной подачи таких единиц: *Глаза светятся как алмазы.* Книжн.-поэт. О ярко светящихся от радости, счастья глазах. *Светиться (сиять, гореть) как алмазы (алмазами).* Книжн.-поэт. О ярко светящихся, живо блестящих [...] глазах.

Или: *Как море.* Пск. Об очень больших, необъятных пространствах, полях и т.п. *Широкий как море.* О каком-л. большом необъятном пространстве; *Баба как бомба.* О тучной, но сильной женщине. *Как бомба.* О полной, тучного телосложения женщине.

Последние примеры выводят нас на другую дискуссионную проблему компаративной фразеологии, имеющую большое значение для лексикографической практики – входит ли основание сравнения (левый компонент) в компонентный состав УС? Одна группа ученых (В.П. Жуков, А.И. Молотков, Н.М. Шанский) считает УС однокомпонентными структурами, исключая признак сравнения, в силу того, что он уже выделен в коллективном сознании говорящих: как рак – красный, как змея – коварный (однако основание сравнения, хотя и выводится из состава единицы, попадает, как правило, в так называемое «обязательное словесное окружение»). Другая группа ученых (А.Г. Назарян, А.В. Кунин, Н.И. Чернышева, В.М. Мокиенко) рассматривают УС как двухкомпонентные структуры, состоящие из основания сравнения и сравнительной части, на том основании, что отсечение левой части УС приводит к «семантическому нивелированию» огромного числа единиц, что вступает в противоречие с необходимостью дифференцированного толкования их в словарях и ведет к необъятному разрастанию фразеологической псевдомногозначности [Мокиенко 1988: 93]. И хотя составители словаря народных сравнений относятся к сторонникам двухкомпонентного состава УС, в их словаре мы

обнаруживаем и единицы без основания сравнения: *как змея, как море, как бомба, как немой*, и единицы, где основание сравнения, видимо, рассматривается как «обязательное словесное окружение», то есть не является компонентом УС, а потому приводится в круглых скобках: *(вести себя) как невменяемый; (отличаться) как небо от земли (как небо и земля); (делать/сделать что) как надо, быть (молчать) как немой*; ср.: *как немой* – о крайне молчаливом, неразговорчивом человеке.

В словарной статье КОРОВА мы обнаруживаем единицу *Как (что) корова* с 4-мя значениями: Прост. Неодобр. 1. Брян. Об очень толстой, полной женщине. 2. Брян. О нерасторопной, неповоротливой и ленивой женщине. 3. О глупой, туго соображающей женщине. 4. О заплаканной, зареванной женщине. Параллельно в словаре представлены отдельные единицы на каждое из обозначенных в статье значений: *Ленивая как корова.* Неодобр. Об очень ленивой, нерасторопной и неповоротливой женщине; *Толстая как корова.* Презр. Об очень толстой, расплывшейся женщине; *Реветь (рыдать, выть, обливаться слезами) как корова (коровой).* Прост. Пск. Ирон. О чьем-либо (обычно женском) излишне громком и непрерывном плаче, рыдании. Ср. белугой. Представляется, что в словарной статье *Как (что) корова* (без основания сравнения) наблюдается то, о чем предупреждал сам В.М. Мокиенко в своих теоретических работах, – разрастание фразеологической псевдомногозначности. Почему же при составлении словаря он отступает от своих теоретических выкладок?

Все, кто когда-либо работал над составлением сводного фразеологического словаря, знают, какие титанические усилия надо приложить для унификации материала, взятого из разнородных источников, принципы лексикографической обработки в которых весьма различны (если таковые вообще имеются). На наш взгляд, составителям Большого словаря народных сравнений удалось, насколько это возможно, унифицировать материал огромного количества источников, но в ряде случаев, в частности, при фиксации некоторых вариантов обнаруживаются отступления от теории в пользу точной, детализированной территориальной и семантической характеристики каждой единицы.

ЛИТЕРАТУРА

Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высш. школа, 1975.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980.

Мокиенко В.М. [Рец.:] В.П. Жуков, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляров. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: Рус. яз., 1987 // Русский язык в школе. – 1988. – № 6. – С.90–93.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.

Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977.

Федоров А.И. Фразеологическая семантика и ее толкование в словарях // Синтаксическая и лексическая семантика на материале языков разных систем / отв. ред. Л.Г. Панин. – Новосибирск: Наука, 1986. – С.180–185.

THEORETICAL AND LEXICOGRAPHIC ASPECTS OF FIXED COMPARISON VARIATION

E.K. Nikolayeva

Using the «Big Dictionary of Popular Comparisons» as an example the author shows the most disputable theoretical problems of fixed comparison variation and modes of attacking these problems. It is the dictionaries that bring to light objective difficulties that scholars are most likely to encounter. It is the dictionaries that are the true touchstone of any theory.

© 2009

О.Н. Бабушкина

ПРОБЛЕМА ОТРАЖЕНИЯ В СЛОВАРЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОЦЕНОЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Дискурсивно-синергетическая направленность современной фразеологической науки обусловливает более глубокое изучение механизма постижения и передачи нелинейного и многоканального смысла фраземы. Данный подход позволяет лексикографировать фразему комплексно, с точки зрения иерархии ее содержательных элементов на уровне глубинных структур смысла.

Фразеологический смысл возникает в процессе речемыслительной деятельности в конкретной дискурсивной ситуации [Алефиренко 2008: 19-20]. Поэтому словарь должен дать многоаспектное описание фраземы в условиях той типовой дискурсивной среды, в речемыслительном «котле» которой фразема возникает и функционирует в речи [Алефиренко, Золотых 2008: 4].

В рассматриваемых нами словарях семантическая структура фразеологических единиц (ФЕ) представлена по-разному: либо как фиксация одной формы обозначения определенного смысла, либо как динамическая модель смысла, отражающая возможности структурно-семантических преобразований ФЕ при их функционировании в речи. Индивидуально-авторские употребления ФЕ реализуют возможности конкретизации типовых ситуаций, которые обозначаются фразеологизмами. Лексикографирование индивидуально-авторских трансформаций отражает речевые потенции ФЕ, что важно для выявления закономерных связей между значением и формой ФЕ в системе языка и речи.

Рассмотрим словарные статьи, описывающие фразему *плясать под чужую дудку*. Во фразеологическом словаре Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых приводится следующая словарная статья:

(1) ***плясать под чужую дудку (по дудке)*** чью, (чьей), кого (разг.) – ‘поступать, вести себя так, как угодно кому-либо, безоговорочно во всем подчиняться кому-либо’. *Запутавшись в мастерски расставленных сетях, она и сама не заметила, как начала плясать под чужую дудку* (Д. Вересов) [Алефиренко, Золотых 2008: 116-117].

В словаре Oxford Idioms Dictionary дается такое толкование данной ФЕ:

dance to smb's tune – 'do what ever smb tells you to': *They are richer and more powerful than us so unfortunately we have to dance to their time* [Oxford Idioms Dictionary 2006: 81].

Мы видим, что оба словаря приводят типичное значение и употребление фраземы в речи, отражают объективно сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей. Однако словарная статья не отражает динамики функционирования ФЕ в языке, своеобразие ее индивидуально-авторских употреблений, смысловых и эмоционально-экспрессивных нюансов.

Первым опытом рассмотрения фразем в функциональном аспекте стал словарь А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». Данный словарь фиксирует преобразования, которые претерпевает ФЕ *плясать под дудку* чью (неодобр. – 'поступать, вести себя так, как угодно кому-л.; во всем подчиняться; угождать кому-л' [Мелерович, Мокиенко 2001: 214-216]) при употреблении в контексте:

1) Стандартные преобразования

не плясать под дудку чью

2) Структурные преобразования

плясать под дудочку (замена компонента), *плясать по чужой дудке, поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку* (внутренняя синтаксическая трансформация, расширение компонентного состава ФЕ, замена компонента), *по твоей дудочке плясать, плясать по дудке, по чужой дудочке подплясывать* (внутренняя синтаксическая трансформация), *пропеть под дудку чью, уничтожать кого-л. под дудку чью* (замена компонента семантически однородным элементом)

3) Окказиональные ФЕ

сыграть не в ту дудку (Г. Вишневская) – 'желая угодить кому-л. своими действиями, поступками, невольно вызвать возмущение, гнев вместо ожидаемого одобрения'.

В приведенной словарной статье показаны варианты развития индивидуальных значений фраземы (фразеосмыслы) на основе устоявшейся системы семантических связей, что является результатом привнесения во фразему коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию говорящим обозначаемой ситуации. Использование «смягченной» словоформы *дудочка*, замена компонента *плясать* на *поплясывать* (плясать время от времени), *подплясывать* (плясать в такт музыке, пению), использование семантически однородных слов *пропеть, сыграть* более ярко и точно передают оттенки настроения создателя текста, усиливают его неодобрительное, ироническое, порой саркастическое отношение к угодничеству.

Рассмотрим еще ряд примеров:

(2) ***перемывать/перемыть (мыть) косточки кому*** (разг., ирон., неодобр.) – 'сплетничать, судачить, злословить о ком-либо'. *Сидите тут, небось, и косточки нам с Владом перемываете?* (Е. Вильмонт) [Алефиренко, Золотых 2008: 187];

перемывать косточки чьи, кого, кому (разг., неодобр.) – 'подробно, до мелочей обсуждать чьи-л. недостатки' / 'злословить, заниматься сплетнями'. *Бабы собирались даже тогда, когда им ничего не надо было покупать. Стоят у прилавка, выстроившись очередью, обсуждают свои дела или перемывают кому-нибудь косточки* (В. Распутин) [Мелерович, Мокиенко 2001: 327-329].

1) Структурные преобразования:

кости перемывать кому (замена компонента однокоренным синонимом), *громко перемывать косточки кому, перемывать все косточки, перемывать чужие и свои косточки* (расширение компонентного состава ФЕ), *собственные косточки не перемыты* (внутренняя синтаксическая и морфологическая трансформация), *косточки перетирать, промывать косточки, перебирать косточки* (замена компонента), *обмыть все кости кому* (замена компонентов однокоренными синонимами), *перебраны косточки кого, чьи* (замена компонента, внутренняя синтаксическая и морфологическая трансформация).

2) Трансформации ФЕ, основанные на вычленении ключевого компонента:

обсасывать до косточек кого, что.

3) Окказиональные ФЕ:

перемывание косточек, такое перемывание всех косточек, перемывание чужих костей, дружеские перемывания косточек (изменение категориального значения).

4) Семантические трансформации:

перемывать косточки, мыть кости (двойная актуализация).

Злословие, слухи, сплетни как пороки общества часто приобретают для говорящего более жесткий характер, что отражается в структуре данной ФЕ: *кости* (вместо косточек), *громко перемывать косточки, перемывать все косточки.* Детальное обсуждение характера человека и оценка его мельчайших поступков, дел вербализуются с помощью таких глаголов, как *перетирать, промывать, перебирать, обмыть, обсасывать.* Индивидуальные фразеосмыслы становятся более выразительными, эффективнее воздействуют на читателя:

(3) *tread water* – ‘make no progress while you are waiting for sth to happen’. *For the past year I've been treading water, in a boring job with no hope of promotion* [Oxford Idioms Dictionary 2006: 420];

толочь (потолочь) воду в ступе (разг., неодобр.) – ‘заниматься чем-л. бесполезным, повторяя одно и то же’; ‘попусту тратить время’. *Вопрос о двойках не нов. Каждую сессию мы его обсуждаем, толчем воду в ступе. У этого вопроса нет решения* (И. Грекова) [Мелерович, Мокиенко 2001: 108–109].

1) Стандартные преобразования (переход утвердительной формы ФЕ в отрицательную, синтаксическая инверсия):

в ступе воду не толочь.

2) Структурные преобразования (расширение компонентного состава, замена компонента):

протолочь воду в ступе, потолочь водицу в ступочке, свою толочь воду в своей ступке, весело потолочь воду в этой дипломатической ступе.

3) Трансформации ФЕ, основанные на вычленении ключевого компонента:

языком толочь воду (эллипсис), *все равно что воду толочь, толочь комплименты, как воду в ступке* (включение в сравнительный оборот), *толчение воды в ступе* (окказиональная ФЕ, основанная на преобразовании категориального значения).

4) Авторский афоризм, основанный на использовании языковой ФЕ:

с бабами говорить – воду толочь (А. Толстой), *воду толочь – (так) вода (и) будет* (И. Бунин).

В приведенных примерах осуждение бессмысленной и бесполезной деятельности убедительно подчеркивают лексемы с оттенком пренебрежительности *водица, ступка*, а также ироничное использование уменьшительной словоформы *ступочка*. Индивидуально-авторские уточнения образа ФЕ *языком, весело, все равно что* позволяют выразить особые коннотации, что указывает на огромный потенциал фразем в передаче адекватных интенциям говорящего оттенков значения.

Таким образом, отражение в словаре особенностей функционирования фразеологизмов может носить разный характер в зависимости от типа и назначения словаря. Фразеологическая вариантность и синонимия, окказиональные стилистические изменения фразеологических единиц, разнообразные приёмы трансформированного употребления фразеологических единиц убедительно демонстрируют динамический характер фразеологии. С учетом этого важное значение приобретает контекстуальное осмысление фраземы, ее семантической специфики, реализующейся в тексте произведения.

Реальную жизнь фразеологизма, все его речевые потенции и специфику употребления в языке можно отразить лишь тогда, когда фиксируются и последовательно систематизируются случаи перевоплощения фразеологических единиц в тексте. Поэтому словари, которые описывают фраземы в их вариантном многообразии и речевой динамике, представляют особый интерес при исследовании различных аспектов фразеологии.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: ООО «Издательство “ЭЛПИС”», 2008.

Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: моногр. – Белгород: Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2008.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. словари: Астрель, 2001.

Oxford Idioms Dictionary for learners of English. – Oxford: University Press, 2006.

EVALUATIVE FIXED PHRASE FUNCTIONS AS PRESENTED IN A DICTIONARY

O.N. Babushkina

The article deals with complex lexicographic presentation of phrasemes in view of discourse-synergetic orientation of modern phraseography. Using Russian and English evaluative phrases as an example the author shows the importance of introducing phrasemes into a vocabulary entry in a variety of its forms and functions.

© 2009

Л.И. Швыдкая

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ВО ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Фразеологические единицы в лексикографических и фразеографических источниках чаще всего представлены с позиций учета их формальной лексико-синтаксической структуры на основе критерия устойчивости, но без учета закономерностей порождения речевого высказывания, что однозначно привело к устойчивому представлению о том, что ФЕ – это неизменяемая, застывшая единица языка, вводимая в речевую цепь в виде готового блока. Во фразеологических словарях традиционного типа такие фразеологические единицы (ФЕ), как *A drowning man grasps (or catches, or will catch, clutch) at a straw, grasp (clutch) at (a straw/straws, straw-clutching, утопающий хватается за соломинку, хвататься за соломинку, схватиться за соломинку* и им подобные разносят по разным словарным статьям и трактуют как разные языковые единицы, несмотря на ярко выраженную общность значения, идентичность лексического состава при частичном различии в грамматической структуре. При этом игнорируется наличие у них общего лексико-семантического ядра-основы (инвариант-схемы).

Ядро – основа приведенных единиц в русском языке (*хвататься-соломинка)* – представляет собой некую константу, являющуюся их общим дифференциальным признаком как на структурно-формальном, так и на семантическом уровнях. В основе взаимодействия и функционирования компонентов ядра лежит асимметрия их узуальных и контекстуальных значений. Это и является необходимым условием существования идиомы. С позиций когнитивистики семантическая сущность инвариант-схемы соотносится с определенным фреймом, отражающим некую ситуацию, целостный образ, в виде которых происходит восприятие мира [Болдырев 2002: 25] и его реализация в дискурсе.

Традиционный подход к ФЕ, или идиомам, как к статичному ядру речевого отрезка базируется на точке зрения адресата (реципиента) речи. Рассмотрение идиом в качестве ядра речевого отрезка является продуктивным в плане изучения их семантической структуры, особенностей семантической синтагматики, формальной деформации, т.е. в языковом плане.

Если же занять в исследовании позицию отправителя речи, то форма идиомы, реализующейся на определенном речевом отрезке, окажется подвижной. Ее конкретная репрезентация зависит от предшествующих элементов речевого отрезка. При этом неизменной остается концептуальная основа, представленная инвариант-схемой. Понятие инвариант-схемы согласуется с трактовкой фразеологизма как единицы широкой формальной мобильности при сохранении семантического тождества.

Речевой поток как единство, динамически организованное в линейной последовательности в пространстве и во времени, не может не оказывать влияния на каждый входящий в его состав компонент, подчиняя его форму структурным закономерностям речи. В то же время единица языка, являющаяся составным

элементом речи, стремится сохранить свою инвариантную форму, что особенно характерно для идиом. В результате диалектического взаимодействия части и целого речевой цепи, под давлением структуры речевого высказывания и в зависимости от его коммуникативной направленности, идиомы модифицируют свою форму, не выходя при этом за рамки системно-структурных параметров языка.

Текст как конечный продукт речевой деятельности имеет своей целью донести максимум заключенной в нем информации до адресата речи. Восприятие текста, как и его создание, обеспечивается в первую очередь своего рода семантическими блоками, являющимися ситуативным отражением определенного концепта. Грамматическая же структура компонентов речевого отрезка не является столь существенной для обеспечения коммуникативной функции (т.е. в тексте, а не на уровне отдельного предложения).

Традиционно контекстуальная реализация ФЕ, ее семантическая и синтаксическая сочетаемость рассматриваются с точки зрения самой ФЕ, ее грамматической структуры, характера выражения грамматически господствующего компонента, и на этом основании определяется структурный тип ФЕ, характеризующийся определенными внешними связями со словами свободного употребления, определенной валентностью. В результате формируется представление о том, что ФЕ управляет формой окружения, оставаясь, как правило, в застывшей, неизменной форме, за исключением некоторых случаев морфологической и синтаксической вариантности и стилистических трансформаций, признаваемых фразеологами.

Подход к проблемам фразеологии и идиоматики в активном плане, в аспекте синтеза речи – от концепта к форме – только намечается. В речи границы слов и фраз довольно зыбки. В речи мы имеем дело не с отдельными словами и фразами, а с целым высказыванием, которое описывает определенную ситуацию.

Сравним несколько примеров употребления английской ФЕ со значением ‘грубая шутка, розыгрыш, фальсификация’, которая в различных толковых и двуязычных словарях представлена в форме *a practical joke*. 1. *It must have been meant for* ***a practical joke****. (Wodehouse)* 2. *I have a particular horror of* ***practical joking****. (Wodehouse)* 3. *She said if she thought I was* ***a practical joker*** *she would never speak to me again. (Wodehouse)* 4. *... one of the dearest fellows in the world and one of the most incorrigible* ***practical jokers*** *that ever lived (Irvin Cobb)*. Как показывают примеры, данная ФЕ появляется не только в своей исходной форме, но и в виде сложно-производного слова с продуктивным агентивным суффиксом, и как герундий. Если синтаксическое и лексическое окружение анализируемой ФЕ требует ее появления в исходной форме, она следует за глаголом с предлогом, после которого по правилам нормативной грамматики употребляется субстантивная группа в функции предложного дополнения; в этом случае описывается конкретное, индивидуальное проявление свойства, выраженного семантической структурой дополнения; во втором примере после существительного, относящегося к семантической группе «чувства, эмоции», должно следовать дополнение, выраженное существительным, обозначающим не конкретное, единичное проявление свойства, а обобщающее, характеризующее многократное, типичное действие. Отсюда закономерность появления в тексте инговой формы.

И, наконец, в третьем и четвертом примерах синтаксическая формула высказывания требует появления существительного, обозначающего человека, выполняющего какие-то действия, поэтому исходная форма ФЕ соединяется с высоко продуктивным агентивным суффиксом.

Говорящий в своем высказывании стремится подчеркнуть тот аспект, который с его точки зрения является наиболее важным, существенным в данной ситуации, и, следовательно, использует элементы, из которых строится высказывание, таким образом, чтобы, с одной стороны, донести максимум информации до реципиента, а с другой стороны, сделать это с минимальной затратой языковых средств. Т.е. действует закон экономии и достаточности. Исходные варианты ФЕ, которые чаще всего зарегистрированы во фразеологических словарях, не дифференцированы с точки зрения коммуникативных целей высказывания. Их модификация является непосредственно речевой характеристикой. При речевых модификациях ФЕ чаще всего используется механизм, получивший название традиционной лексической деривации.

Значительно более сложным является процесс образования дериватов по продуктивным моделям не от свободных морфем, а от ФЕ, как номинативных, так и коммуникативных. К наиболее продуктивным среди них следует отнести аффиксацию, которая в случае модификации идиом (ФЕ) оказывается только суффиксальной. Суффиксация в основном представлена субстантивными суффиксами, характеризующимися очень высокой продуктивностью и частотностью употребления. Агентивный суффикс встречается в следующих моделях:

а) к последнему компоненту ФЕ присоединяется суффикс, превращая ее в сложнопроизводное слово. Суффикс относится ко всей единице, оформляя ее целиком, а не только последний компонент, который может быть представлен разными частями речи: *to do good – do-gooder, to scratch one's back – back-scratcher;*

б) к субстантивной ФЕ присоединяется агентивный суффикс и образуется новый субстантив, который является не фразой, а сложнопроизводным словом: *week end – weekender, first night – first-nighter*;

в) во ФЕ опускается глагол, обозначающий действие, и затем к ней присоединяется агентивный суффикс, который, с одной стороны, указывает на деятеля, а с другой стороны – на его способность производить действие. Хотя конкретный глагол исчезает, его основное значение 'производить действие', заключенное в субстантивной группе, сохраняется и реализуется агентивным суффиксом: *practical joker – to play a practical joke* и т.д.

Итак, при речевой реализации ФЕ ее конкретная морфологическая и синтаксическая форма и структура зависят от непосредственного окружения и меняется, в основном, в зависимости от предшествующих ей в речевой цепи элементов. Речевые формы, рассмотренные выше как результат деривационного механизма, представляют собой, с точки зрения текста, не разные единицы, а вариант одной и той же сущности, являющейся инвариант-схемой ФЕ. Эти варианты можно представить в виде формальной парадигмы ФЕ, позволяющей реализовать определенный концепт в разных речевых условиях (по аналогии с парадигмой существительного, глагола и т.п.). Поскольку ФЕ – единицы более высокого ранга, то деривационные морфемы, а не функциональные, как в слу-

чае со словами, служат для более гибкой связи ФЕ с контекстом. И в данном случае следует говорить именно о парадигме одной единицы, а не о дериватах, и, следовательно, разных языковых единицах. В качестве примера могут служить следующие единицы и в русском языке: *сходить с ума – сумасшедший – с сумасшедшинкой; шапками закидать (закидывать) – шапками закидаем – шапкозакидательство – шапкозакидательский*. Если исключить наличие такой парадигмы, придется признать, что словосочетание вступает в синтагматические отношения с деривационными морфемами, а это противоречило бы устоявшемуся представлению о том, что синтагматические отношения характеризуют одноуровневые единицы.

Не языковая единица, а говорящий намеренно указывает на объект, употребляя нужное языковое выражение, соотнося его с ситуацией в соответствии со своей интенцией [Макаров 2003: 121]. По справедливому замечанию Ж. Фоконье, языки структурированы таким образом, что подсказывают нам адекватные для данного контекста минимальные структуры [Fauconnier 1998: XVIII].

Вышеприведенные наблюдения позволяют сформулировать гипотезу относительно возможности осуществления нового подхода к лексикографической и фразеографической практике и создания словарей с учетом когнитивной основы ФЕ и идиом, представленной в их инвариант-схеме.

ЛИТЕРАТУРА

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2002.
Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003.
Fauconnier G. Mental Spaces. – New York: Cambridge University Press,1998.

A FRESH APPROACH TO PHRASEOGRAPHY

L.I. Shvydkaya

The article puts forward a hypothesis concerning a new approach to phraseogrphy from the standpoint of conceptual-figurative basis of a fixed phrase that makes up its invariant foundation. It will make it possible to present in one vocabulary entry units that are traditionally listed under different headings due to their multi-structural character, which, in its turn, will allow to model speech chain structure comprising a figurative element from the addressant's viewpoint.

© 2009

О.А. Карамалак

РОЛЬ СИСТЕМНОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ СЛОВАРЯХ

Статус фразеологической единицы (ФЕ) определяется образным характером представления мира, отражающим эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива. Механизм формирования фразеологизмов состоит в том, что сначала в мире возникает некая прототипическая ситуация, т.е. ситуация, соответствующая буквальному значению фразеологизма. За такой ситуацией закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, исходя из контекста высказывания.

Мы присоединяемся к мнению лингвистов (Д. Дэвидсона, М. Блэка, Дж.Р. Серля, В.Г. Гака, Т.З. Черданцевой, С.М. Прокопьевой, И.К. Архипова, С.А. Песиной и др.) о том, что ФЕ формируется на основе образов первичных значений входящих в него слов. Так, Т.З. Черданцева полагает, что фразеологизм возникает на основе образа, являющегося частью денотативного значения, в который входит, кроме образного, также лексический и категориально-грамматический компоненты [Черданцева 1977]. С.М. Прокопьева справедливо пишет, что образные ФЕ «инкорпорируют в качестве редуцированного образа знание определенных черт исходного фрейма или ситуации. Образность ФЕ создается живой внутренней формой, обеспечивающей образно-ассоциативное восприятие исходного фрейма или ситуации» [Прокопьева 1996: 45].

И.К. Архипов и С.А. Песина также считают, что формы слов неизменно сохраняют свои системные значения в различных речевых контекстах. При восприятии формы в сознании возникает образ системного содержания ФЕ, равный номинативно-непроизводному (НН) значению, т.е. первому значению. Далее с учетом речевого контекста формируется смысл высказывания, при этом либо остается НН значение, либо выводится переносное значение на основе системного ([Архипов 2001: 50-53], [Песина 2005: 136, 153-157]). Следовательно, переносные значения слов являются результатом речевого функционирования системных значений.

Проследим роль НН значения при интерпретации фразеологических значений на примере английского многозначного существительного *wall*. Анализ словарных дефиниций первого значения данного слова – наиболее частотных компонентов – позволяет сформулировать НН значение *wall*, которое имеет следующий вид: *an upright structure, usually of a building, made of stone or brick used to protect, enclose divide one area from another (вертикально стоящее кирпичное или каменное сооружение здания для защиты, огораживания или отделения одной территории от другой)*.

Далее на основании предложенного выше подхода представим интерпретацию ФЕ в английском и русском языках, в которых функционирует слово *wall, стенка* соответственно.

To have one's back against/to the wall (1) – 'to have very serious problems which limit the ways in which you can act'. – *He owes money to everyone – he's really got his*

back to the wall now [CIDI]. В русском языке существует подобный фразеологизм: *припереть к стене или к стенке кого* (разг.) – 'поставить кого-н. в безвыходное положение в разговоре, в споре'. – *Этот вопрос припер ее к стене* [ТСРЯУ]. Формирование общего смысла высказывания происходит на основе образа человека, которого как будто «прижали» к стенке так, что он не в состоянии освободиться, т.е. он находится в тяжелой, безвыходной ситуации. При использовании данного выражения в речевом контексте, не предполагающем наличия стены, воспринимающее сознание выводит переносное значение в рамках смысловой структуры высказывания: 'находиться в безвыходном положении'.

Hit a brick wall (also run / come up against a brick wall) (2) – 'to be in a situation where something is preventing you from doing or achieving what you want'. – *The campaign for a playground seems to have hit a brick wall, and children still have nowhere to go in Holybourne* [LID]. У воспринимающего сознания при использовании данного выражения в речевом контексте, не предполагающем наличия кирпичной стены, происходит изменение референции, возникает образ человека, столкнувшегося с препятствием. В той же степени, в какой невозможно пройти сквозь кирпичную стену, невозможно продолжить выполнять какое-либо действие, если существует значительное препятствие. В данной ФЕ слушающий выводит переносное значение всего высказывания на основе НН значения и контекста ситуации: 'натолкнуться на препятствие, преграду', хотя значение слова *wall* остается буквальным.

В русском языке существует подобная ФЕ, однако с другим значением: *биться головой об стену* – разг. экспресс. 'приходить в отчаяние, исступление из-за неудач, безутешного горя, непоправимых ошибок'. – *Ты видала, что пьяный, зачем выходила? Не крепостная ведь, могла супротив пойти! ... Ну, вот теперь и мучайся, плачь. Графу смешки, а ты плачь...* ***бейся об стену*** (Чехов. Егерь). [Федоров 1995: 24]. Если в английском языке для данной ФЕ характерно представление о единичности/однократности действия (удариться о стену, столкнуться со стеной), где стена – это преграда, то в русском языке за счет глагола несовершенного вида *биться* делается акцент на длительности ситуации. Человек бьется головой о стену, но пробить ее не может, в чем состоит тщетность усилий. В контексте, не предполагающем сам факт того, что человек бьется о стену, мы выводим новый смысл: 'пытаться делать что-либо, но безрезультатно'. Отметим, что слово *стена* не является переосмысленным.

Fly on the wall (3) – 'if you say that you would like to be a fly on the wall on an occasion, you mean that you would like to hear what will be said or see what will happen while not being noticed'. – *I'd love to be a fly on the wall when those two get home!* [CALD]. Данная ФЕ предполагает следующее переосмысление: подобно мухе на стене, человек хотел бы стать незаметным и узнать о чем-то. В Великобритании существует шоу *"fly-on-the-wall show"* – *U.K.* filmed from everyday life: describes a TV documentary showing people in their daily lives [EWED]. В России также реализуются аналогичные проекты – «За стеклом», «Дом – 2» и др. В таких шоу установлены камеры, снимающие то, как люди ведут себя в обыденной обстановке. Люди, участвующие в данных проектах, подобны мухам на стене, так как за ними можно беспрепятственно наблюдать. Следовательно,

толковать данную ФЕ можно на основе НН значения *wall*, которое сохраняется в процессе актуализации названного фразеологизма.

To drive smb. up the wall (4) – 'to make someone extremely angry': *My flat-mate is driving me up the wall at the moment* [CALD]. Эквивалент этому английскому фразеологизму зафиксирован в русском языке: *на стену (стенку) лезть* (разг.) – 'приходить в крайнее раздражение, исступление' [Ожегов 1996: 755]. Переносное значение мотивировано образом человека, разозленного до такой степени, что он готов «лезть на стену». Образующийся переносный смысл – это результат наложения системного первого значения на речевую ситуацию. Данный фразеологизм также имеет переносное значение, хотя *wall/стена* в нем не переосмыслено.

Like talking to a (brick) wall (5) – 'used in order to say that you are annoyed because someone refuses to listen to your advice, explanation etc'. – *I've told the kids not to play football near the house, but it's like talking to a brick wall* [LID]. Английская ФЕ характеризует ситуацию, в которой говорящий испытывает раздражение, так как не получает ожидаемой реакции от слушающего, как если бы он разговаривал со стеной. Похожий фразеологизм существует и в русском языке: *как об стену горох* (разг. неодобр.) – 'бесполезны, не доходят слова, уговоры, внушения' [Ожегов 1996: 755]. Генерирование общего смысла высказывания происходит на основе первого значения слова *стена*.

Nail somebody to the wall (6) – 'to punish someone and make them suffer, because you are very angry with them'. – *You couldn't do this play in England.– you'd be nailed to the wall* [LID]. Значение данного высказывания выводится на основе буквальных значений компонентов ФЕ. В основе данного фразеологизма лежит когнитивный образ человека, которого как бы «приставили к стене для осуществления наказания». На основе этого образа слушающий выводит переносный смысл в рамках смысловой структуры высказывания: «наказывать кого-то». В русском языке также есть выражение *пригвоздить к стене*, однако оно используется в ином значении – 'прижать, припереть к стене'. Так или иначе, смысл всего фразеологизма выводится на основе входящих в него системных значений слов.

Итак, как показывает проведенный анализ значений ФЕ со словом *wall/стена,* переносные значения выводятся на основе первого его значения. «Смысл образования значения и функционирования переносного значения заключается в постоянном фоновом присутствии представления об исходном предмете» [Архипов 2001: 50-53]. Следовательно, роль системного значения трудно переоценить, и этим объясняется тот факт, что большинство составителей словарей помещают переносное значение в одну статью с первым значением того или иного описываемого слова.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов И.К. Проблемы языка и речи в свете прототипической семантики: учеб.-метод. пособие (материалы к спецкурсу), – СПб.: Невский ин-т языка и культуры, 2001.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН.; Российский фонд культуры: – 3-е изд., стереотип. – М.: АЗЪ, 1996.

Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография, – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005.

Прокопьева С.М. Механизмы создания фразеологической образности (на материале языков германской и тюркской группы): дис... д-ра филол. наук. – М., 1996.

ТСРЯУ: Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ushdict.narod.ru/index.htm.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. – М.: Топикал, 1995.

Черданцева Т.З. Язык и его образы. – М.: Наука, 1990.

CALD: Cambridge Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org.

CIDI: Cambridge International Dictionary of Idioms [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dictionary.cambridge.org..

EWED: Encarta® World English Dictionary, North American Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://encarta.msn.com.

LID: Longman Idioms Dictionary. – Addison Wesley Longman Limited, 1998.

FIXED PHRASES TREATMENT IN MODERN DICTIONARIES IN TERMS OF SYSTEM MEANING

O.A. Karamalak

The paper reveals the following cognitive mechanism of fixed unit formation: fixed unit perception starts with a prototypical situation corresponding to literal meaning of its components; then the situation are reinterpreted on the basis of the context. Lexicographers often note a fundamental role of the primary meaning putting primary and figurative meanings in the same entry.

© 2009

Т.В. Сафонова

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ (ДИСКУРС И ФРАЗЕОГРАФИЯ)

В последние годы появилось много словарей разного типа, отражающих динамические процессы, происходящие в языке и речи. Используя весомый опыт и практические знания последнего десятилетия и стремясь к созданию максимально достоверной картины функционирования языка как социально-психологического явления, составители апробируют новые подходы к теории и практике словарного дела. Вместе с тем, несмотря на впечатляющий характер общей картины словарного отражения современного русского лексикона, огромное множество активно использующихся в живой речи единиц и их вариантов в толковых словарях не зафиксировано. К числу таких единиц относятся посло-

вично-поговорочные выражения, названные В.Л. Архангельским устойчивыми фразами (УФ) [Архангельский 1964].

Хотя накопленный опыт изучения трансформаций УФ значителен (В.Л. Архангельский, В.Т. Бондаренко, Ю.А. Гвоздарев, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Н.Н. Федорова и др.), многообразие их вариативности в словарном аспекте остается без должного внимания. Имеющийся словарь В.П. Жукова фиксирует в основном узуальное употребление пословиц и поговорок. Но, как отмечает К.А. Жуков, УФ присуща известная гибкость и вариативность, проявляющаяся в их «живом» употреблении. «На протяжении даже не очень длительного времени они видоизменяются и наполняются новыми смысловыми оттенками, которые в свою очередь определяются реалиями современной эпохи» [Жуков 2007: 30]. Богатый иллюстративный материал может дать анализ языка прессы.

Процесс трансформации фразовых единиц в газетных публикациях представлен во всем многообразии возможных вариантов. Наиболее частотными являются случаи лексического варьирования: *... переполненный зал доказывает, что старый* ***хит*** *лучше новых двух (Старый друг лучше новых двух)* [Молодой коммунар, №167, 2007] – денотаторное варьирование; *Делу – время, потехе –* ***чес*** *(Делу – время, потехе – час)* [МК, №3, 2008] – лексические субституции паронимического типа; *И потом должны понять, не* ***президентом*** *единым* ***живет страна*** *(Не хлебом единым жив человек)* [МН, №4, 2008] – преобразование на основе структурно-семантической модели.

Один из путей анализа вариативности УФ – количественное измерение УФ в языке СМИ. Наряду с фиксированным употреблением УФ в прессе встречается и количественное изменение их компонентного состава. Эти преобразования могут быть направлены в сторону расширения структуры паремии за счет введения лексемы или комплекса лексем (экспликация), а могут выражаться в сокращении компонентов плана выражения фразовой единицы (импликация) [Мокиенко 1980]. Оба типа количественных преобразований весьма разнообразны в своих частных проявлениях. Однако в силу ориентации на информативность и в то же время экономность, на наш взгляд, в современных медиа-текстах наблюдается рост имплицирования УФ.

Желая привлечь своих читателей или слушателей к самостоятельному домысливанию ситуации, к эмоциональному сопереживанию, авторы часто прибегают к такому стилистическому приему, как умолчание. Используя в речи с этой целью УФ с интонацией незавершенности, говорящий уверен, что он будет понят, а паремия восстановлена. Напр., *«Гладко было на бумаге...» Эту старинную истину войско Манштейна сразу же осознало* [КП, №185, 2007] – *Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.* В связи с этим Ю.А. Гвоздарев отмечал: «Пословицы нередко употребляются в речи в сокращенном виде, причем сокращается обычно конечная часть пословицы, т.е. они как бы не договариваются до конца, поскольку слушающий, как правило, хорошо знает всю пословицу и может ее без труда восстановить в памяти. При таком эллиптическом сжатии общее значение пословицы не изменяется» [Гвоздарев 1977: 96].

Достаточно частотны в языке СМИ эллиптические варианты УФ с интонацией завершенности. На первый взгляд, эти квантитативные трансформы близ-

ки к вариантам с интонацией незавершенности и противопоставлены лишь по характеру интонационной оформленности (завершенность – незавершенность). Это единство подчеркивается и способностью одной и той же паремии подвергаться в речи либо интонационно завершенному эллипсису, либо не завершенному. Ср.: *Не было бы счастья, да несчастье помогло – Не было бы счастья... Жизнь удивительная штука, порой преподносящая совсем уже неожиданные сюрпризы* [Спортивные новости, topliga.ru]; *Не было бы счастья. Прошлый год запомнится двумя яркими событиями: ипотечный кризис в США и резкое подорожание продуктов. Среди всех последствий можно найти и положительное* [КП, №10, 2008].

Вместе с тем эллиптические варианты с интонацией завершенности имеют и ряд признаков, отличающих их от первого типа эллиптического вариантообразования. Так, рассмотренная нами выше УФ со структурой сложносочиненного предложения *Не было бы счастья, да несчастье помогло* при имплицировании с интонацией незавершенности сокращает компоненты второй предикативной части своего состава (*да несчастье помогло*), что происходит и при эллипсисе с интонацией завершенности. Однако эта же фразовая единица при варьировании с интонацией завершенности может подвергаться в речи и опущению первой предикативной части (*не было бы счастья*). Напр., *Несчастье помогло. Когда Светлана вышла из пункта передержки, она увидела доску объявлений. И почему-то списала одно о пропаже. А потом встретила объявление о том, что найдена похожая по описанию собака* [МН, №7, 2008].

Таким образом, следует признать, что варианты УФ с интонацией завершенности – явление эллиптической модификации более сложного порядка. Как показывают исследования, большой продуктивностью в образовании данных вариантов обладают УФ со структурой сложного предложения. При этом сокращаются конечные предикативные части. Связано это с особенностью семантико-коммуникативной организации самих паремий: несмотря на цельность общего значения, оно отличается и некоторой аналитичностью. Причем начальные части, как правило, являются наиболее коммуникативно нагруженными, представляют собой образный и экспрессивный стержень УФ, а последующие лишь разъясняют значение [Мокиенко 1980: 118]. Напр., *За что боролись, на то и напоролись – Это плачевный итог всех экспериментов... **За что**, как говорится, **боролись***? [МН, №4, 2008].

В языке СМИ отмечаются и случаи редукции начальных фрагментов УФ при сохранении конечной предикативной части. «Это бывает тогда, когда основной смысл фразы сосредоточен в конечном фрагменте или же когда актуализация второй предикативной части связана с творческим, индивидуально-авторским намерением» [Бондаренко 1995: 135]. Напр., *Вот бог, а вот порог: **А вот порог**. Впрочем, даже не имея в портфеле нормативного акта, белорусские чиновники в последние годы с легкостью депортировали иностранных священников*» [Новая газета, №12, 2008].

Как можно видеть, во всех УФ со структурой сложного предложения эллипсис осуществляется строго по структурно-семантическому шву. Т.к. редукции подвергаются компоненты, не оказывающие большого влияния на смысловую, образную, экспрессивную организация фразовой единицы, то общее фразеоло-

гическое значение в целом сохраняется. Однако семантические колебания в пределах нормы все-таки допускаются.

Так, есть варианты, полностью передающие смысловое содержание исходной УФ, различие же между значением полной формы и значением ее варианта касается только коннотативной значимости и степени мотивированности: *Поздно пить «Боржоми», когда почки отвалились:* ***Поздно пить «боржоми»****? Вооруженная знаниями о проблеме и советами по уходу, ты легко справишься с любым капризом своего тела* [Молоток, №34, 2004]. Значение других фразеологических вариантов является своего рода «конденсатом», остающимся после удаления из общего содержания УФ смыслов разъясняющих, дополняющих. Напр., *Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать:* ***Лучше один раз увидеть****! Это точно! Посмотреть своими глазами на достижения областей Центрального федерального округа* ... [КП, №193, 2007].

Опускаться могут и отдельные лексемы из состава УФ: *Жареный петух в зад не клюнет* → ***Петух не клюнул*** [Время новостей, №143, 2007]; *Дураку закон не писан* → ***Если закон не писан*** [МК, 23 марта, 2007].

Одним из продуктивных и характерных для языка СМИ является процесс вычленения из УФ фрагмента, функционирующего в речи на правах фраземного знака: *С паршивой овцы хоть* ***шерсти клок:*** *...когда у людей ничего не было, кинь им хоть шерсти клок – они уже счастливы* [МН, №6, 2008]. Некоторые фразеологи относят данные случаи расщепления УФ на фразеологические части к эллиптированию. Однако здесь мы имеем дело с другим способом имплицирования, специфика которого состоит в том, что выделенный вариант не воплощает в себе целостную семантику всей УФ (часть вместо целого), а передает лишь одно из понятий (часть от целого).

В современных газетных материалах можно наблюдать явление имплицирования, при котором «продуктом» количественных трансформаций является единичная лексема, способная вступать в самостоятельную связь с другими членами предложения: *Цена* ***«овчинки»****. <...> помните: прописка (а ныне регистрация) может быть только одна. Поэтому не спешите выписываться из городской квартиры* [АиФ, №17, 2008]. Здесь на основе УФ *Овчинка выделки не стоит* выделяется компонент *«овчинка»*. Текст статьи создает необходимые условия для реализации данной лексемой значения, полученного ею на базе пословицы: речь идет об истинной ценности задуманного. В публицистическом дискурсе такие лексемы, вобрав в себя весь запас фразеологической информации, часто выполняют роль образов, символов. Наиболее ярко эта функция проявляется в тех случаях, когда вычлененные лексемы стягиваются в название статьи. Напр., *Жалует царь, да не жалует псарь* → *Царь и псарь* (МК, №4, 2008); *Плетью обуха не перешибешь* → *Плеть и обух* (НГ, 27 сентября, 2007). Данный процесс является все же пограничным этапом количественного варьирования УФ, связанным в большей мере с семантическим словообразованием [Бондаренко 1995: 139, Мокиенко 1980: 100].

Итак, рассмотренные нами имплицированные варианты УФ, представленные на газетной полосе, еще раз подчеркивают разнообразие количественных модификаций фразовых единиц, что диктует необходимость их фиксации в отдельном словаре в числе других трансформов. Опорой для данной работы мо-

жет стать словарь А.М. Мелерович, В.М.Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи». В словаре последовательно и достаточно полно описываются возможные варианты фразеологических единиц, используются различные контексты, выявляющие наиболее типичные случаи преобразования ФЕ в художественной литературе и публицистике. В состав словаря также входят индивидуально-авторские преобразования пословиц, но их доля незначительна, тем более нет освещения возможных преобразований других видов УФ.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-н / Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1964.

Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: учеб. пособие по спецкурсу. – Тула: Изд.–во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 1995.

Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1995.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. энциклопедия, 1967.

Жуков К.А. Употребление пословиц в пространстве газетного текста // Славянские языки и культура: материалы Междунар. науч. конф. (Тула, 17-19 мая 2007). – Тула: Изд.–во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2007. – С.30–33.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Рус. словари: Астрель: АСТ, 2005.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1980.

Федорова Н.Н Современные трансформации русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук. – Псков, 2006.

QUANTITATIVE ANALYSIS OF FIXED PHRASES (DISCOURSE AND PHRASEOGRAPHY)

T.V. Safonova

The article touches upon the necessity to present in dictionaries both usual fixed phrases and all variety of their forms. It also deals with the reduction of lexical structure of phrases in journalese, and covers special cases of implication.

СЛОВАРИ НА СЛУЖБЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

© 2009

В.Д. Черняк

СЛОВАРИ КУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОГО И ЛОКАЛЬНОГО

Одна из центральных проблем, которая волнует всех, кто обращается к речевому портрету нашего современника, – это низкий уровень общей культуры, который с неизбежностью определяет качество создаваемых языковой личностью речевых произведений, ее способность вести конструктивный диалог. Чрезвычайно значимая характеристика литературного языка как «языка интеллектуального действия» [Вербицкая 2007: 15] в современных условиях претерпевает изменения. Нередко интеллектуальные действия оказываются невозможными или непродуктивными из-за отсутствия у участников коммуникации общего культурного кода.

Характеризуя общность культурного кода, В.Н. Телия пишет: «В норме использование определенного языка гармонирует с соответствующим ему кодом культуры, поэтому и «культурная глухота» чаще связана с языковой глухотой. Когда коммуниканты являются субъектами единой культуры, ее код так или иначе распознается в тексте» (Телия 1998: 215).

Актуальным для современных образовательных стратегий представляется понятие «*культурной грамотности*», предложенное американским культурологом Э.Д. Хиршем в контексте американской системы образования. Культурная грамотность включает базовые знания из разных сфер человеческой деятельности, необходимые для адекватной ориентации в окружающем мире. «Культурная грамотность, в отличие от экспертного знания, является общей для всех. Это тот изменяющийся корпус информации, который наша культура находит полезным, и поэтому сто́ящим того, чтобы быть сохраненным» [Hirsch 2002]*. В словаре отбираются и толкуются имена, фразы, события и другие единицы, известные большинству грамотных американцев, при этом по отношению ко многим единицам знание может оставаться очень поверхностным. Феномен культурной грамотности является принадлежностью национальной культуры, в то время как принцип культурной грамотности универсален. «Словарь культурной грамотности», составленный Э.Д. Хиршем и его коллегами, представляет собой результат большой работы, начатой автором еще в 80-е годы прошлого

*Здесь и далее перевод из словаря Хирша выполнен магистрантом кафедры русского языка Р.Воронцовым.

века. Книга Хирша на протяжении нескольких лет признавалась национальным бестселлером. К настоящему моменту существует уже три издания «Словаря культурной грамотности», причем каждое призвано отразить изменения в американской культуре; в то же время появились немецкая, голландская и шведская версии словаря.

Словарь культурной грамотности демонстрирует предельно упрощенный, обытовленный взгляд на разные аспекты культуры, истории, науки, современной действительности; в нем отчетливо обнаруживаются стереотипы массового сознания. Для русского читателя это особенно очевидно при обращении к словарным статьям, посвященным России и русской культуре. Ср.:

Екатерина Великая (Catherine the Great). Русская императрица конца XVIII века, поощрявшая культурное взаимодействие России и Западной Европы и расширившая территорию России до берегов Черного моря. Она также известна своими любовными интригами, включая связи с членами ее правительства.

Достоевский Федор (Dostoevsky, Feodor). Русский писатель XIX века, среди произведений которого – «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Достоевский и Лев Толстой были двумя самыми выдающимися русскими романистами своего века.

Э.Д. Хирш представляет в словаре элементы трех уровней культурной грамотности. Первый уровень включает в себя основные естественнонаучные понятия и те понятия из мировой истории и культуры, которые стали интернациональными (*Гомер, Шекспир, Венеция, радиоактивность*).

Второму уровню принадлежат понятия, лежащие в сфере национального языка и национальной культуры, являющиеся принадлежностью исторической памяти народа, однако не входящие в универсальный фонд базовой культурной грамотности (например, *Кирилл и Мефодий*, *Киевская Русь, декабристы, Ильф и Петров* и т.п.).

Третий уровень представляет события, имена, высказывания как элементы культурной грамотности, характеризующиеся параметром «здесь и сейчас» и специфичные для конкретной страны, для конкретной национальной культуры.

В 1994 г. в Томском государственном университете был издан словарь (точнее, словник) «Грамотны ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это», составленный по модели, предложенной Э. Хиршем, и адаптированный к русской культурной среде. Приведем небольшой фрагмент словаря: ДАВИД; ДАВЛЕНИЕ; ДАВЫДОВ Д.; ДАКТИЛОСКОПИЯ; ДАЛИ; ДАЛЬ В.И.; ДАЛЬ О.И.; ДАЛЬТОНИЗМ; ДАМА С СОБАЧКОЙ; ДАМОКЛОВ МЕЧ; ДАНАЯ; ДАНЕЛИЯ; ДАНИЛА-МАСТЕР (лит.); ДАНИЛЕВСКИЙ Г.; ДАНИЯ; ДАНТЕ; ДАНТОН; ДАОСИЗМ; ДАРЕНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ НЕ СМОТРЯТ. Даже этот небольшой отрывок показывает, что понятие «культурная грамотность» объединяет разные элементы лексикона и тезауруса языковой личности – лексические единицы различного типа, фразеологизмы, прецедентные высказывания.

Следует отметить, что в книге томских авторов много неточностей, противоречий. В словнике широко представлены бытовые понятия, в частности номинации из области кулинарии (*антрекот, бифштекс, ботвинья, бутерброд, буль-*

он, ваниль, галушки, гуляш, зразы, кефир, кекс, кулич, соус), знание семантики которых вряд ли может свидетельствовать об уровне культурной грамотности. Кроме того, очевидно, что словарь культурной грамотности не может и не должен дублировать толковые словари. В то же время в словник попали сугубо специальные научные термины (*диффамация, у-хромосомы, липиды, микрофиш, стаккато, фаллопиевы трубы, шкала Рихтера* и т.п.), знание которых строго привязано к определенной специальной сфере.

Особый интерес представляют те элементы персоносферы, которые относятся к третьему уровню культурной грамотности. Единицы, попавшие в словарь, изданный в 1994 г., отражают культурные реалии советской эпохи и сегодня представляются абсолютно устаревшими. Пантеон советской литературы, за редкими исключениями, представляется для молодого человека начала XXI в. абсолютно опустошенным набором имен. Проведенный нами эксперимент в студенческой аудитории (студенты магистратуры филологического факультета) свидетельствует об абсолютной неопознаваемости большинства имен авторов, безотносительно к характеру их творчества и уровню мастерства (*Е. Винокуров, В. Вишневский, Ю. Друнина, А. Жаров, А. Караваева, М. Алигер., Ю. Бондарев, К. Ваншенкин, А. Гельман, В. Кожевников, Г. Марков, А. Корнейчук, В. Липатов, П. Проскурин, Г. Николаева, М. Шатров, С. Щипачев* и др.). Еще большей степенью агнонимичности характеризуются приведенные в словаре названия литературных произведений (они сопровождаются пометой *назв.*): «*Районные будни», «Выбор», «Строговы», «Сын полка», «Тени исчезают в полдень», «Улица младшего сына», «Фронт», «Битва в пути», «Блокада», «Вечный зов», «Далеко от Москвы»* и др.

Идеологически маркированными являются и приведенные имена зарубежных авторов (*Андерсен-Нексе Мартин, Зегерс Анна, Ожешко Элиза*). Сегодня с уровнем *здесь и сейчас*, конечно, соотносятся другие имена и названия. Безусловно устарелыми оказались единицы, прочно связанные с советскими реалиями (например, идеологема *моральный кодекс строителя коммунизма*), обозначения исторических событий и политических деятелей (*программа «Союз-Аполлон», Чан Кай Ши*). Для понимания таких единиц в современных текстах необходимы комментарии, однако их помещение в современном словаре базовых единиц культурной грамотности явно неоправданно.

Вызывают вопросы и многие неоднословные единицы, приведенные в словаре. Их статус не всегда легко определить: это и устаревшие фрагменты прецедентных текстов, и фрагменты анекдотов, и «антипословицы»: *в бурю любая гавань хороша; в любви и на войне все средства хороши; в России две напасти: внизу власть тьмы, а наверху тьма власти!; нельзя сделать яичницу, не разбив яйца; Чей черед, тот и берет; Что хорошо для «Дженерал моторс» – хорошо и для Америки!* (последнее устойчивое выражение явно взято авторами из книги Э. Хирша, однако его место в национальной версии словаря культурной грамотности сомнительно).

Таким образом, национальная версия словаря (словника) культурной грамотности должна быть мобильной. 15–20 лет оказываются периодом, требующим существенной корректировки той части, которая соотносится с хронотопом «здесь и сейчас».

Нами был проведен эксперимент, направленный на выявление уровня культурной грамотности студентов-первокурсников двух петербургских вузов. Им предлагалось дать определения словам из названного выше словаря «Грамотны ли Вы...». В предложенных анкетах (5 вариантов по 24 слова) оказалось очень много незаполненных фрагментов. Эти «белые пятна» являются наглядным свидетельством бедности лексикона и лакун в тезаурусе. Но еще более неутешительными стали приведенные ответы, которые убеждают в том, что квазизнание в коммуникации нередко оказывается еще более опасным, чем незнание. Приведем лишь некоторые из ответов, свидетельствующих об агнонимии двух слов из названного словаря:

ГЕНОЦИД: *генетическая цепочка; что-то связанное с генетикой; биологический термин; болезнь; заболевание; процесс жизнедеятельности; притеснение евреев; теория, разработанная нацистами об уничтожении наций; нелюбовь к представителям какой-либо расы.*

БЕЛГРАД: *город в России; столица Румынии; город в Польше; город в Белоруссии; столица Венгрии; столица Молдовы; столица Словакии; Украина; южный город на границе с Украиной.*

В 2008 году нами было подготовлено учебное пособие «Как проверить культурную грамотность», содержащее, кроме словника базовых единиц культурной грамотности, ряд тестовых заданий. Его материалы позволят учащимся (студентам и школьникам) оценить уровень своей культурной грамотности, определить лакуны в ней и, возможно, послужат толчком к самообразованию. Составители попытались, с одной стороны, освободить словник от явно устаревших, утративших актуальность для общей культурной грамотности имен и понятий, а с другой – включить необходимые для человека XXI века единицы (например, *клонирование, нанотехнологии, дисплей, постмодернизм, Пелевин В.О., Улицкая Л.Е.* и т.п.).

ЛИТЕРАТУРА

Вербицкая Л.А. Русский язык сегодня // Президиум МАПРЯЛ: 2003–2007: сб. науч. трудов. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2007. С.5–22.

Грамотны ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это / сост. В.А. Пушных, Н.Н. Шевченко. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1994.

Как проверить культурную грамотность: Словник и тестовые задания / сост. В.А. Козырев, А.Ю. Пентина, В.Д. Черняк. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.

Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1999.

Hirsch E.D., Jr., Kett J.F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy, 3rd edition. Boston: Houghton Mifflin, 2002. Электронное издание: www.bartleby.com/59/.

CULTURE LITERACY DICTIONARIES: CORRELATION OF THE UNIVERSAL AND THE LOCAL

V.D. Chernyak

The paper examines a new genre of lexicography, dictionaries of culture literacy representing basic culture elements necessary for modern communication. It gives the analysis of E.D. Hirsh's well-known dictionary and some our country glossaries modeled on it.

© 2009

Л.А. Шкатова

СЛОВАРЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ГРАМОТНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ КОНТРОЛЬНО-ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ

В связи с перестройкой российской образовательной системы актуальным становится вопрос о способах проверки знаний обучаемых, в том числе едином государственном экзамене (ЕГЭ) и так называемых КИМах – контрольно-измерительных материалах, с помощью которых определяется уровень компетентности обучаемых в тех или иных областях современных знаний ([Александров, Александрова, Соловьёва 2003], [Божович 2002], [Единственные реальные варианты 2007]). Однако если вести речь об их абсолютном внедрении в школьную систему образования, то есть опасение, что в результате мы получим «образованщину», а не образованность.

В выступлении ректора Московского университета академика В.А. Садовничего на Всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение» высказано такое мнение по поводу ЕГЭ и других экспериментов в области проверки знаний: «Школьники из некоторых наших национальных республик показывают в системе координат ЕГЭ наилучшие знания по русскому языку и получают баллы, превосходящие результаты школьников из центральных районов России <...> Таким образом, я не против экспериментов в этом направлении, но я не хотел бы, чтобы эта форма, как, например, с ЕГЭ, идеализировалась и абсолютизировалась» [Садовничий 2007].

Мы предлагаем в качестве измерителя использовать Словарь лингвокультурной грамотности, над созданием которого третий год работает Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций при Челябинском государственном университете.

В качестве отправной идеи нами было взято новое для современной науки понятие *культурная грамотность*, предложенное американским профессором Э.Д. Хиршем, чей словарь с аналогичным названием состоит из 5 000 имен,

высказываний, дат и терминов [Hirsch] и включает базовые знания во всех сферах человеческой деятельности, необходимые человеку для того, чтобы ориентироваться в современном мире. Русский вариант этой книги выпущен в издательстве Томского государственного университета под названием «Грамотны ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это» [Пушных, Шевченко 1994].

Применительно к сфере российского образования, внедряющего компетентностный подход, мы сочли возможным говорить не о культурной грамотности, а об уровнях лингвокультурной компетентности, поскольку речь идет о способности данного лица производить определенный вид работы, о наличии достаточного запаса знаний для вынесения обоснованного суждения по какому-либо вопросу.

С нашей точки зрения, именно лингвокультурная компетентность является обязательной для выпускников учебных заведений, если иметь в виду объем социокультурных проблем, в которых человек должен разбираться, и количество коммуникативных задач, которые он способен решать. Актуальность темы нашего исследования определяется тем, что для повышения эффективности социальной коммуникации необходимо исследовать проблемы восприятия информации носителями массового сознания, а в связи с реформой российского образования важно определить готовность выпускников школ к включению в социокультурные процессы и к обучению в высших учебных заведениях.

Рабочим определением понятия *лингвокультурная компетентность* нами принято следующее: это овнешненные языком (выраженные в ключевых словах, словосочетаниях, фразеологических единицах и прецедентных текстах) базовые знания во всех сферах человеческой деятельности, позволяющие адекватно понять неспециальную информацию, чтобы ориентироваться в современном мире.

Значимость лингвокультурной компетенции заключается в том, что представляющие ее лингвистические индикаторы вполне могут являться показателями (измерителями) культурной грамотности и социальной адаптированности человека. Представленные в словарной форме, они дают возможность оценить уровень готовности личности к эффективной деятельности в определенных социокультурных и экономических условиях. В плане повышения эффективности обучения лингвистические индикаторы, выявленные в процессе взаимосвязанного изучения языка и культуры, могут быть одной из важнейших характеристик состояния образовательной среды и показателем пробелов в обучении.

Как известно, именно в культуре и языке заключены движущие силы формирования мышления, однако вызывает беспокойство ориентация современной школы на «технологичные» способы проверки и оценки знаний, по сути, не ориентированные на широту и глубину восприятия реалий современного мира.

Создание словаря лингвокультурной грамотности, на наш взгляд, даст возможность получить новое методическое обеспечение обучения русскому языку: подобный словарь послужит мерилом эффективности не только образования, но и воспитания полилингвальной языковой личности [Воробьев, Саяхова 2006], активного члена гражданского общества, так как культурная грамотность

обеспечивает и поддерживает единство социокультурного пространства, облегчает межличностное общение, делает более эффективной деловую коммуникацию. Можно с полным основанием предположить, что общение людей разных национальных культур, обладающих примерно одинаковым уровнем культурной грамотности, проходит более успешно, межкультурная коммуникация при соблюдении этого условия идет более эффективно.

В 2006–2008 гг. члены учебно-научной лаборатории межкультурных коммуникаций с помощью студентов Челябинского государственного университета провели анкетирование около полутора тысяч жителей г. Челябинска. Активное участие в этой работе приняли старшекурсники – члены лаборатории Я. Скуратовская, О. Марфунцева и Л. Мусина. Основное исследование проводилось как опрос преимущественно старшеклассников, студентов-первокурсников и учащихся учреждений среднего специального образования с целью определить уровень их языковой компетенции, а также культурного развития, в том числе выяснить читательские интересы и предпочтения.

Материалом для составления анкет по лингвокультурной грамотности послужил словарь «Грамотны ли Вы?» В.А. Пушных и Н.Н. Шевченко 1994 года, однако он потребовал корректировки, так как ряд приведенных в нем слов и имен собственных оказались неактуальными для современников. В составленные нами анкеты не было включено около 10% этого словаря: *аболиционизм, абсентеизм, Аверинцев С.С., адонис, адюльтер, Алейников П.М., Бавария, базилика, Бакланов Г.Я., бактериологическое оружие, Балакирев М.А., балканизация (полит.), бальзаковский возраст, буриме, василиск, вериги, ГКЧП, гоголь-моголь, «голуби» и «ястребы», комиссар* и др. Для внесения в списки были предложены такие слова, как *абитуриент, абонемент, абсорбент, авангардизм, автокар, автономия, автореферат, автостоп, агиография, алогизм, анамнез, анафема, аномалия, апелляция* и некоторые другие.

Однако привлеченные в качестве экспертов преподаватели не пришли к единодушному мнению о содержании словаря лингвокультурной грамотности, что делает очевидной необходимость специального рассмотрения его состава, в частности, с учетом полилингвальной личности россиян, проживающих в полиэтнической среде: на территории Казахстана аналогичное исследование проводится в Костанайском филиале Челябинского государственного университета под руководством членов учебно-научной лаборатории межкультурных коммуникаций преподавателя Е.Э. Штукиной и старшекурсницы Я. Шулейко.

Предлагаемый словарь носит прежде всего нормативно-регулятивный характер, так как он включает наиболее актуальные для данного периода развития общества понятия и собственные имена. По характеру ответов можно судить об уровне как индивидуального, так и коллективного языкового сознания социума. Анкетирование показало, например, что сложные экономические и политические термины получали близкие к дефинициям определения, в то время как неизвестными многим оказались понятия из сферы литературы и искусства: из приведенных в списках имен литературных героев и фольклорных персонажей реципиентам известны 61%, из библейских персонажей – 58%, из мифологических персонажей – 54%.

Очень мало верных определений получили термины духовно-нравственной

сферы, неточные определения были даны многим общенаучным и специальным терминам, редко правильные, а тем более развернутые описания давались географическим названиям.

Мы считаем, что важнейшей задачей филологической подготовки является разработка программы повышения культурной грамотности россиян, поскольку она дает основу для лингвокультурной компетенции – владения разными видами речевой деятельности в данном социокультурном пространстве, умения воспринимать чужую речь и чужую культуру, создавать собственные высказывания с учетом условий и задач толерантного межкультурного общения, читать, понимая смысл, выраженный в словах и содержащийся в подтексте.

Лингвокультурная компетенция как социально значимая система даёт возможность глубже понять природу культурного смысла, закрепляемого за определённым языковым знаком. Овладение родным языком связано с усвоением результатов жизненного опыта многих поколений, морально-этических принципов своего народа и духовного богатства его культурно-исторических традиций, поэтому национально-культурная образованность российского общества должна стать предметом особого внимания в реформируемой системе образования, а словарь лингвокультурной грамотности – одной из форм ее оценки.

ЛИТЕРАТУРА

Александров В.Н., Александрова О.И., Соловьева Т.В. Единый государственный экзамен. Русский язык: справочные материалы, контрольно-тренировочные упражнения, создание текста. – 2-е изд., перераб. и испр. – Челябинск: Взгляд, 2003.

Божович Е.Д. Учителю о языковой компетенции школьников. Психолого-педагогические аспекты языкового образования. – М: Изд-во Москов. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2002.

Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: элективный курс для 10-11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006.

Выступление ректора Московского ун-та акад. В.А. Садовничего на Всероссийском совещании-конференции «Традиции и инновации в образовании: гуманитарное измерение» 15 февраля 2007 г. Москва, МГУ. – 16 с.

Грамотны ли Вы, или 5 000 слов, которые помогут проверить это / сост. В.А. Пушных, Н.Н. Шевченко. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994.

Единственные реальные варианты заданий для подготовки к единому государственному экзамену. ЕГЭ-2007. – М.: Федеральный центр тестирования, 2007.

Hirsch E.D., Jr., Kett J.F., Trefil J. The New Dictionary of Cultural Literacy, 3rd edition. Boston: Houghton Mifflin, 2002. Электронное издание: www.bartleby.com/59/.

DICTIONARY OF LINGUO-CULTURAL LITERACY AS A COMPONENT PART OF TEST MATERIALS

L.A. Shkatova

The author comes up with the dictionary of linguistic markers reflecting a system of knowledge necessary for one's bearing in a modern world. The dictionary is viewed as one of the component parts of test materials that help to define student competency level and that can be regarded as one of the major characteristics of educational environment.

© 2009

Е.Е. Петренко

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Предметом рассмотрения учебной лексикографии как особой лингвометодической области языкознания является проблема содержания и особенностей построения учебных словарей. Разработкой концепции учебных словарей занимались Л.В. Щерба, Д.Н. Ушаков, П.Н. Денисов, Л.А. Новиков, В.В. Морковкин, М.Р. Львов, Д.И. Розенталь, В.П. Жуков, З.А. Потиха, А.А. Бондаренко, А.М. Чепасова, Н.А. Павлова и др. Как точно отмечает Л.А. Новиков, учебная лексикография (по сравнению с академической) обладает двумя отличительными признаками – меньшей формой и большей обучающей направленностью [Новиков 1974: 8].

Актуальные проблемы подготовки и издания словарей были предметом глубокого рассмотрения и обсуждения на всесоюзной конференции 1988 года «Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии» [Современное состояние 1988]. В докладах, посвященных учебным словарям, обсуждался целый ряд вопросов в широком диапазоне: типология словарей, содержание и структура словаря, качественный и количественный состав словника, характер толкования, отражение системных свойств и отношений, синтаксическая и лексическая сочетаемость, характер грамматической информации и другие.

Особым направлением в учебной лексикографии является создание словарей для начальной школы. Современная практика начального обучения показывает, как велика роль словарей для формирования лингвистической, коммуникативной и общекультурной компетенции младших школьников. Усвоение системы родного языка становится осознанным и интересным для ребенка благодаря словарям разных типов: толковым, фразеологическим, орфографическим, орфоэпическим, этимологическим и др.

Обобщение теоретических исследований в области современной учебной лексикографии позволило сформулировать основные положения лексикографической концепции словарей для младших школьников: 1) соответствие современной лингвистической теории; 2) минимально-достаточный характер словника; 3) актуальность языкового материала для детей младшего школьного возраста; 4) структура словарной статьи, определяемая типом словаря; 5) адекватная передача значения языкового знака; 6) иллюстративный материал, понятный и близкий младшему школьнику; 7) система средств, облегчающих поиск материала: алфавитный указатель, графические знаки, специальные пометы; 8) яркое, красочное оформление.

С позиций высказанных положений проанализируем ряд фразеологических словарей, адресованных младшим школьникам [2, 3, 5, 6]. Внимательное изучение структуры и содержания данных словарей позволяет выделить целый ряд проблем.

1. Нарушение требования минимизации словника. Так, в «Большом фразео-

логическом словаре для детей» [Розе 2002], в словаре О.Д. Ушаковой «Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника» [Ушакова 2008] мы встречаем такие фразеологические единицы, которые вряд ли могут быть достоянием активного словаря младшего школьника, например: *пуститься/пускаться во все тяжкие*, *злачное место, лыка не вяжет*, *фиговый листок* [Розе 2002], *рука руку моет, ящик Пандоры, яблоко раздора, шарашкина контора* [Ушакова 2008]; *философкий камень* ([Розе 2002], [Ушакова 2008]) и др.

2. Расхождение между современной теорией фразеологии и теоретическими установками автора словаря. В словаре О.Д. Ушаковой «Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника» автор определяет свою позицию относительно границ фразеологии: «Фразеологизмы – это устойчивые сочетания слов, близкие по лексическому значению (подчеркнуто нами. – Е.П.) одному слову. Поэтому фразеологизмы часто можно заменить одним словом, менее выразительным (? – Е.П.)» [Ушакова 2008: 3]. В состав словника названного фразеологического словаря входят **слова** с образным переносным значением: *утка* (с. 84), *эльдорадо* (с. 93), *опростоволоситься* (с. 58), *распоясался* (с. 74), *ошеломить* (с. 60); поговорки: *мели Емеля, твоя неделя* (с. 50), *вот тебе, бабушка, и Юрьев день!* (с. 16); крылатые выражения: *А все-таки она вертится!* (с. 6), *одна ласточка весны не делает* (с. 57).

3. Включение в структуру словарной статьи разного материала:

Два или три разных фразеологизма помещаются в одной словарной статье. Так, например, в одной словарной статье в словаре «Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника» [Ушакова 2008] помещены **синонимичные фразеологизмы**, имеющие одинаковый компонент Б*умага не краснеет. Бумага все стерпит* (с. 11); **два антонимичных фразеологизма**: *по Сеньке шапка (не по Сеньке шапка)* (с.66); *Спустя рукава. Засучив рукава* (с. 79).

В некоторых случаях в словарную статью включаются фразеологизмы, значения которых не связаны какими-либо семантическими отношениями: *Лыка не вяжет. Не лыком шит. Горе лыковое*; *Умыть руки. Рука руку моет* [Ушакова 2008: 47, 83]. Приведем пример подобной словарной статьи:

ВРЕМЯ ИСТЕКЛО. ВРЕМЯ ТЕЧЕТ

Свыше двух с половиной тысяч лет назад в Вавилоне, а позже в Греции и Риме появились водяные часы (клепсидра), которые долгое время были единственным прибором для измерения времени. Они представляли собой высокий сосуд с отверстиями в дне. Время измерялось количеством воды, вытекающей из сосуда, – время текло.

Это буквальное течение времени осталось в некоторых наших выражениях: срок истек, текущий год, сколько воды утекло [Ушакова 2008: 17].

В отдельных словарных статьях этого же словаря помещены **слово и фразеологизм**, имеющие разные значения:

ПЕРЕСОЛИТЬ. УЙТИ НЕСОЛОНО ХЛЕБАВШИ

... Пересолить, кроме прямого своего смысла, означает «перестараться, перейти меру в чем-нибудь».

Уйти несолоно хлебавши – остаться неудовлетворенным, разочароваться, не получить то, на что рассчитывал [Ушакова 2008: 62-63].

Встречаются в словаре «Почему так говорят: Фразеологический словарик

школьника» и такие словарные статьи, в которых помещены **два** близких по значению **слова**: *подкузьмить и объегорить* [6, с. 65].

4. Способы толкования фразеологизмов часто неадекватны структуре фразеологического значения: фразеологизм *косая сажень в плечах*, имеющий категориальное значение признака, толкуется ‘очень широкоплечий, могучего телосложения человек’ [Розе 2002: 87]; фразеологизм *рукой подать* со значением обстоятельства действия толкуется ‘что-то находится очень близко’ [Ставская 2002: 171]; фразеологизм *сгорать от стыда,* имеющий категориальное значение процесса, толкуется ‘когда очень стыдно’ [Ставская 2002: 173]; значение призначного фразеологизма *голова на плечах* передается так: ‘значит он умный человек, способный принимать решения...’ [Ставская 2002: 49]. Иногда толкование значения фразеологизма в словарной статье отсутствует. В качестве толкования значения ФЕ предлагается некое (как правило, этимологическое) описание, из которого не всегда можно понять значение самого фразеологизма и особенности его категориальной семантики. Проиллюстрируем примером:

ТОЧИТЬ ЛЯСЫ

Заволжье издавна славилось ремеслом балясников. Из осины выделывали они фигурные балясины – столбики для перил, балконных поручней, оконных рам. Балясники вытачивали на столбиках разные безделушки, головки зверей, петушков, вазы, кувшинчики, фантастических драконов. Работа эта считалась сравнительно легкой и несерьезной. Мастера, обтачивая дерево, вели бойкий шутливый разговор. Постепенно промысел балясников исчез, но память о них осталась в живой речи. Веселыми говорунами были балясники: точили балясы (или просто лясы) и вели шумную беседу [Ушакова 2008: 81].

5. Структурный состав фразеологических единиц часто неоправданно расширяется за счет включения слов-сопроводителей в состав фразеологизма. Как правило, эти нарушения касаются фразеологизмов, имеющих узкую и единичную сочетаемость: *быть на седьмом небе* [Розе 2002: 19], *ни бельмеса не смыслить* [Розе 2002: 124], *вертеться как белка в колесе* [Розе 2002: 24], *спать без задних ног* [Ставская 2002: 182], *ни зги не видно* [Ушакова 2008: 55], *уйти несолоно хлебавши* [Ушакова 2008: 62], *прийти к шапочному разбору* [Ушакова 2008: 68] и др. В некоторых словарных статьях слова, с которыми сочетаются фразеологизмы, даются как факультативные компоненты: *(кричать) во всю ивановскую* [Ушакова 2008: 15], *как кур во щи (попасть)* [Ушакова 2008: 37] и др.

6. По части использования иллюстративного материала позиции авторов учебных фразеологических словарей расходятся: одни авторы ограничиваются только толкованием фразеологической единицы, не прибегая к иллюстративному материалу; в других случаях авторы словарей считают достаточным для понимания фразеологизма толкования значения и этимологической справки; в отдельных словарях значение фразеологических единиц иллюстрируется примерами из художественной литературы, при этом не всегда литературные произведения, из которых берется иллюстративный материал, соответствуют кругу детского чтения и близки пониманию ребенка. Так, в «Большом фразеологическом словаре для детей» [Розе 2002] мы встретили иллюстративный материал, взятый из произведений Л.Н. Толстого «Анна Каренина», «Война и мир», «Воскресенье»; И.С. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо»; Ф.М. Достоевского

«Братья Карамазовы», «Записки из мертвого дома»; А.И. Герцена «Былое и думы», «Кто виноват?»; И.А. Гончарова «Обрыв»; И.В. Гете «Фауст»; М.А. Булгакова «Собачье сердце» и др.

7. Характерным для большинства словарей является неразграничение явлений фразеологической омонимии и полисемии. Так, в словаре «Учусь понимать образные выражения» [Ставская 2002] значения омонимичных фразеологизмов не выделяются в отдельные словарные статьи: *с гулькин нос* – «очень мало, маленький по своему размеру» [Ставская 2002: 238]; *где раки зимуют (знать, показать)* – «узнать настоящие трудности, получить особое наказание» [Ставская 2002: 43] и др. В курсе начального обучения школьники знакомятся с понятиями многозначности, омонимии, синонимии, антонимии, поэтому отражение в словарях для младших школьников семантических свойств и отношений фразеологизмов является целесообразным и соответствует уровню теоретической подготовленности читателей. Так, во «Фразеологическом словаре для младших школьников» [Павлова, Петренко 2007] значения многозначных фразеологизмов даются в одной словарной статье, фразеологические омонимы помещаются в разных словарных статьях. Проиллюстрируем примерами:

СИДЕТЬ СИДНЕМ – 1 ‘быть неподвижным’; 2 ‘бездельничать’. *Изм. Сказ. Разг.*

Сидел Илья сиднем в избе родительской ровно тридцать лет. *«Исцеление Ильи Муромца». Былинный сказ.* Младший же сидел на печке сиднем, как Илья Муромец. *Б.К. Зайцев. «Домашний лар»* [Павлова, Петренко 2007: 218].

ГЛАЗА НА ЛОБ ПОЛЕЗЛИ 1 – ‘сильно удивиться, изумиться, недоумевать’. *Изм. Сказ. Грубо-прост.*

Как глянул он, что делается на улице, глаза у него на лоб полезли: визг, хохот, крики. *А. Новиков. «Капитан первого ранга»* [Павлова, Петренко 2007: 59].

ГЛАЗА НА ЛОБ ПОЛЕЗЛИ 2 – 1 ‘испытывать неприятное чувство от очень резкого (горького, кислого) вкуса пищи’; 2 ‘испытывать сильную боль, испуг и т.п.’. *Изм. Сказ. Грубо-прост.*

Я взял и вылил в кашу всю баночку (горчицы. – Е.П.), а когда немножко попробовал, у меня сразу глаза на лоб полезли и остановилось дыхание... *В.Ю. Драгунский. «Тайное становится явным»* [Павлова, Петренко 2007: 60].

8. Фразеологические словари, адресованные младшим школьникам, ярко и красочно оформлены, содержат рисунки, вызывающие интерес ребенка к содержанию словаря. Картинка в словаре, как правило, отражает прямое значение компонентов, входящих в состав фразеологизмов [Розе 2002: 5].

Таким образом, серьезной проблемой школьных словарей остается расхождение между современной фразеологической теорией и фразеографической практикой. Для создания современных учебных словарей для младших школьников необходима единая и четкая лексикографическая концепция, определяющая их структуру и содержание.

ЛИТЕРАТУРА

Новиков Л.А. Учебные словари, их специфика и типы // Русский язык в национальной школе. – 1974. – №1. – С. 8–15.

Павлова Н.А., Петренко Е.Е. Фразеологический словарь для младших школьников:

пособие для учащихся. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2007.
Розе Т.В. Большой фразеологический словарь для детей. – М.: Олма-пресс, 2002.
Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: тезисы докладов. – М.: Рус. яз., 1988.
Ставская Г.М. Учусь понимать образные выражения. – М.: Дрофа, 2002.
Ушакова О.Д. Почему так говорят: Фразеологический словарик школьника. – СПб.: Издательский Дом «Литера», 2008.

LEXICOGRAPHIC CONCEPTION OF LEARNER'S DICTIONARIES FOR JUNIOR STUDENTS

E.E. Petrenko

The article considers important problems connected with compiling dictionaries for elementary school. The analysis of theoretical side of modern educational lexicography resulted in the general conception of dictionaries for junior students. Structure and contents of the available dictionaries made it possible to identify problems caused by discrepancy between contemporary phraseology theory and phraseography.

© 2009

Л.Д. Пономарева

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧЕТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Процесс освоения слова учащимися на уроках русского языка достаточно сложный и длительный, предполагающий проникновение в глубины значений и смыслов слова и поэтому нуждающийся прежде всего в лексикографическом сопровождении.

Этап освоения слова как лексико-грамматической единицы выстроен давно и описывается весьма традиционно во всех учебниках по русскому языку (В.В. Бабайцева, Т.А. Ладыженская, М.М. Разумовская, Н.М. Шанский и др.). Этап же освоения слова, связанный с его функционированием, требует основательной разработки непосредственного выхода в речетворческую деятельность учащихся. Некоторые подходы к решению названной проблемы существуют в методике преподавания русского языка: слово изучается как лингворечевая единица с выходом в литературное творчество учащихся (А.И. Власенков), слово рассматривается как лингвокультурологическая единица с выходом в речевое творчество школьников (А.Д. Дейкина, Е.В. Любичева, Т.М. Пахнова), слово осваивается как первоэлемент художественной литературы (С.И. Львова, Н.М. Шанский) с выходом в сочинительство учащихся.

Предлагаемая методика освоения слова с выходом в художественную речетворческую деятельность учащихся рассматривает слово прежде всего как единицу, обладающую «речетворческим» потенциалом, ибо слово является и исходным ростком возникновения текста, и материалом для его создания.

Речетворческое осмысление слова вырабатывает у учащихся «установку» на речетворчество. Но чтобы привести языковую систему учащегося в состояние речевой готовности, необходима многоплановая, разносторонняя работа со словом, которая начинается с определения его глубины и перспективы, ибо «слово всегда глубинно-перспективно...» [Лосев 1994: 58]. Речетворческая глубина слова измеряется прежде всего его значениями: «За словом стоит совокупный общественный опыт, фиксированный и кристаллизованный в значениях» [Леонтьев 1965: 36]. Значения слов представлены в словарях. Обращение к словарям разных типов на уроках русского языка и литературы – обязательная часть работы учащихся, потому что словари не только «ключи к тайнам духа поэтов» [Белый 1922: 7], но и ключи к тайнам собственного духа. Работа со словарём символов, мифологическим, этимологическим словарями, словарём эпитетов, сравнений и др. помогает учащимся в освоении слов и рождении собственного художественного замысла. На вопрос учителя «Помогает ли работа со словарями создавать собственный художественный текст?» 98,7% учащихся (в опросе принимало участие 300 старшеклассников), освоивших работу со словарями разных типов, ответили «Да».

В процессе обучения русскому языку для определения речетворческой глубины и перспективы следует отбирать «слова, имеющие свойство магической формулы. Сказав такое слово, сразу даёшь образ, ряд образов, исчерпывающих и выразительных...» [Бальмонт 1980: 556].

Одним из условий отбора слов для речетворческого анализа на уроках русского языка становится наличие у слова символического значения: «Символ представляет концепт, родственный образу» [Алефиренко 2002: 18]. Полисемантичность и полиассоциативность также учитываются при отборе слов для анализа.

Опорой в процессе отбора слов на занятиях по русскому языку могут служить гештальт-структуры, создающие в конечном итоге целостную картину мира.

Дж. Лакофф, считая гештальтами одни и те же структуры, с помощью которых организованы мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык, выделил их основные признаки:

- целостность и анализируемость,
- разложимость в зависимости от принятой точки зрения,
- связанность внутренняя (между членами гештальта) и внешняя (с другими гештальтами),
- включаемость в качестве части в другой гештальт,
- базисность некоторых свойств гештальта,
- пересекаемость с другими гештальтами,
- неоднородность свойств гештальта (лингвистические гештальты включают несколько типов свойств – грамматические, семантические, фонологические, функциональные) [Лакофф 1981: 359-360].

Дидактические гештальт-структуры формируются с учётом семантических и ассоциативных связей слова-темы. Так, гештальт **осень** может объединить такие явления, как *лист, ночь, яблоко, костёр, ветер, дождь, туман*; гештальт **зима** – *снег, сон, мороз, метель, ель*; гештальт **весна** – *верба, подснежник, лес*; гештальт **лето** – *цветы, бабочка, дорога*. Эти явления образуют комплексную картину состояния природы, а пропущенные через художественный текст, они отражают и состояние человека.

Дидактические гештальт-структуры состоят из инварианта (семантическая компонента) и варианта (ассоциативная компонента). Инвариант структуры определяется по словарям (толковые, тематические). Открытость (возможность дополнения, замены элементов) дидактических гештальт-структур обусловлена наличием в них вариативной компоненты.

Так, дидактическая гештальт-структура **осень** может состоять из инварианта *(лист, дождь, яблоко)* и варианта *(ночь, ветер, костёр, туман)*. Вариативную составляющую структуры можно дополнить другими ученическими словами-реакциями на слово-стимул *осень* (*рябина, журавли* и др.).

На уроках русского языка, литературы, на уроках словесности, на занятиях элективных курсов учащиеся рассматривают слово во всём многообразии его значений, измеряя таким образом его речетворческую глубину и определяя речетворческую перспективу.

Лексическое значение слова определяется по словарю.

Анализ словарных статей, содержащих существенные признаки обозначаемого, помогает учащимся определить суть предметов, явлений, действий.

Перцептивное значение слова – это значение, связанное с субъективным, конкретно-чувственным восприятием того, что обозначает слово; значение, связанное с отражением вещей в сознании через органы чувств.

На речетворческом уроке учащимся предлагается «наполнить» слово цветом, звуком, запахом, охарактеризовать предмет, который обозначен данным словом, то есть выявить перцепцию слова.

Перцептивное значение слова определяет его образный потенциал.

Индивидуально-авторское (ученическое), образное значение слова выявляется благодаря перцептивному значению.

Ассоциативное значение слова определяется значениями слов-реакций на данное слово.

Этимологическое, символическое и мифологическое значения слова выявляются по словарям.

Художественное (образное) значение слова определяется в художественном тексте. Значения слов в художественных текстах преобразуются и осложняются. «Художественное обобщение, реализуемое в значении слова, – пишет Д.М. Поцепня, – предположительно можно рассматривать как смешанную единицу процесса сознания и мышления: отбор существенных признаков, формирующих понятие, предопределен прежде всего мировоззрением автора как художника, а конкретно-чувственная реализация понятия в образной форме сопряжена с актуализацией ассоциативных связей, эмоционально-оценочного элемента, модальности, которые приобретают эстетическую значимость» [Поцепня 1997: 86].

На речетворческом уроке наблюдения и выводов требует поведение слова в художественных текстах. Учащиеся в процессе анализа текстов определяют художественное (образное) значение исследуемого слова.

Таким образом, в процессе анализа текстов выявляется не только художественное (образное) значение слова, но и создается его образное поле.

Результативность речетворческого осмысления слова значительно повышается, если на уроке используются не только произведения художественной литературы, но и произведения живописи, музыки. Они помогают учащимся почувствовать живописное и музыкальное значение и звучание слова.

В процессе определения речетворческой глубины и перспективы слова как лично пережитой, уникальной, связанной с индивидуальным опытом семантической единицы, у учащихся рождаются замыслы собственных текстов. Таким образом, речетворческое осмысление слова – это путь от слова в словаре через слово в художественном тексте к слову своему, собственному: «...всякое слово существует для говорящего в трёх аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как моё слово, ибо, поскольку я имею с ним дело в определённой ситуации, с определённым речевым намерением, оно уже проникается моей экспрессией» [Бахтин 1979: 268].

Результатом процесса речетворческого осмысления слова являются творческие работы учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002.

Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. – М.: Худож. лит., 1980.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.

Белый А. Поэзия слова. – Петербург: Эпоха, 1922.

Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – С.350 – 368.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1965.

Лосев А.Ф. Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994.

Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. – СПб.: Из-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997.

LEXICOGRAPHIC SUPPORT OF PUPILS LITERARY SPEECH ACTIVITY

L.D. Ponomaryova

The author offers techniques of vocabulary acquisition to ensure pupils literary speech activity. They are presumed to rely on lexicographic support, which implies learning a word with all of its meanings and the variety of its representations in a literary text.

© 2009

И.Н. Озерова

РОЛЬ УЧЕБНЫХ СЛОВАРЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА
(на примере анализа значения слова *личность*)

Проблема составления словарей для детей разных возрастов остается в центре внимания отечественных исследователей, работающих в области учебной лексикографии (М.Р. Львов, А.А. Бондаренко, Н.А. Павлова, Е.Н. Леонович, Н.М. Неусыпова, О.М. Стригина, Г.М. Ставская и др.). Актуальной является и проблема создания детьми собственных словариков на основе наблюдений над построением словарей того или иного назначения: толкового, словариков синонимов, антонимов и т.д. В таких словариках ярко отражается языковая личность ребенка, проявляется языковая компетентность и осознанная языковая позиция учащихся.

Использование в обучении словарей, учитывающих возрастные особенности мышления детей, специфику восприятия значения слова, является важным фактором становления младшего школьника как языковой личности. Определяя понятие *языковая личность* «как совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)», Ю.Н. Караулов выделяет три уровня её структуры: вербально-семантический, когнитивный и прагматический [Язык и личность 1989: 3].

Учебные словари, ориентированные на младший школьный возраст, являются эффективными пособиями при обучении русскому языку. При этом для учебной лексикографии важна идея градуальности, которая предполагает «расчленённость системы на несколько словарей одного типа, ориентированных на разные этапы обучения, с постепенным нарастанием объема сообщаемой информации и усложнением её характера и форм подачи» [Малаховский 1978: 48].

В серии словариков для учащихся начальной школы ([Львов 2003], [Неусыпова 2002], [Ставская 2002]) представлен богатый материал, позволяющий формировать у младших школьников языковой образ человека. Известно, что содержание понятия *человек* в языке значительно шире, чем содержание словарных статей. Однако трудно переоценить роль работы над значением слова при становлении понятия. Значения, как отмечает А.А. Леонтьев, могут существовать для субъектов в двойственном виде: исходно – как объект осознания субъектом самого значения и вторично – как способ и механизм осознания субъектом предметного мира с помощью значения.

Актуальность серии словариков обусловлена и тем, что в ней отражена языковая система, которая позволяет организовать работу не только над обогащением словарного запаса, но и над формированием понятий через работу со словом, что важно для становления языковой личности. Одна из задач языковой подготовки учащихся – пополнение словарного (как активного, так и пассивного) запаса учащихся. Словарный состав языка «можно рассматривать как своеобразный ключ к миру, толкователь мира, классификатор мира» [Морков-

кин 1977: 121]. Важным источником пополнения словаря личности является толковый словарь. Анализ словарных статей толкового словарика «Учусь понимать слова» Н.М. Неусыповой, О.М. Стригиной [Неусыпова, Стригина 2002] выявил его возможности при формировании понятий, направленных на осознание у младших школьников образа человека. В младшем школьном возрасте формируются основы понятийного мышления, поэтому работе над значением слов уделяется особое внимание.

В Толковый словарик включено слово *личность*, которое, на наш взгляд, представляет трудность при формировании соответствующего понятия у младших школьников. Осознание этого понятия связано с работой над значениями как самого слова *личность,* так и большого количества других слов, входящих в толковый словарь. Как известно, концептуальное ядро лексического значения составляет мыслительное отображение (образ) явления действительности, предмета (денотат или референт) в широком смысле. Концептуальное значение может рассматриваться с разных точек зрения: 1) по отношению к денотату (предметная отнесенность слова), 2) с точки зрения его соотношения с категориями логики и прежде всего с понятием, 3) по соотношению с концептуальными значениями других слов.

Обратимся к анализу содержания словарных статей слова *личность*:

Словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1983.	Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2007.	Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. – СПб.: «ДИЛЯ», 2006.	Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: ЭКСМО, 2007.
Личность – 1. Совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность // С определением. Человек с точки зрения его характера, поведения, положения и т.п. *Героическая личность. Светлая личность.* // О человеке с ярко выраженной индивидуальностью, замечательном в каком-л. отношении.	**Личность** – 1. Человек как носитель каких-н. свойств, лицо. *Неприкосновенность личности. Литературная личность писателя. Светлая личность. Роль личности в истории.* Установить чью-н. личность	**Личность** – Человек с точки зрения его характера, поведения, общественного положения. Например: *героическая личность; светлая личность* (с. 377).	**Личность** – Человек как носитель каких-н. неповторимых свойств, как член общества. *Формирование личности. Интересная личность. Свобода личности. Роль личности в истории* (с. 311).

Словарь русского языка: в 4-х т. – Т. 2. – М.: Рус. яз., 1983.	Ожегов С.И. Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – М.: Оникс: Мир и Образование, 2007.	Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. – СПб.: «ДИЛЯ», 2006.	Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: ЭКСМО, 2007.
2. Отдельный человек в обществе; индивидуум. 3. *Прост. То же, что лицо (в 1 знач.).* ◊ Перейти на личности (с. 192).	2. В выражениях: *прошу без личностей!; перейти на личности* (с. 264). **Лицо** – человек как член общества. *Отдельные лица* (с. 264).		

Сравним данные словарные статьи со статьей из толкового словарика: «Человек в обществе со свойствами и качествами, относящимися только к данному человеку. *Светлая личность. Героическая личность*» [Неусыпова 2002: 126]. Можно увидеть близость толкования слова *личность*, приведенного Н.М. Неусыповой и О.М. Стригиной, к толкованию, представленному в словаре С.И. Ожегова.

В «Школьный толковый словарь русского языка» М.С. Лапатухина слово *личность* не вошло.

Как видим, усвоение понятия *личность* связано с работой над значениями слов *человек, лицо*. Таким образом, выстраивается цепочка, звеньями которой являются слова *человек – лицо – личность*. Слово *человек* определяется в Толковом словарике как ‘живое существо, умеющее мыслить и говорить, создавать орудия труда и пользоваться ими. *Человек* – это сложный организм. Быть настоящим *человеком’* [Неусыпова 2002: 283]. При анализе примера к дефиниции человек – *Быть настоящим человеком*, фактически, идет работа с понятием *личность*. Для слова *лицо*, наряду с прямым, приводится переносное значение – ‘Индивидуальные особенности, характерные отличительные черты. *Лицо театра. Лицо школы*’ [Неусыпова 2002: 126].

На наш взгляд, для формирования у младших школьников понятия *личность* следует выделить значение ‘совокупность свойств, присущих данному человеку’, как это сделано в Малом Академическом Словаре русского языка. Возможность выделения этого значения определяется материалом как самого толкового словарика, так и словариками «Учусь различать слова и их значения» [Львов 2003], «Учусь понимать образные выражения» [Ставская 2002]. На основе этого значения можно показать, как связаны значения слов *человек* и *личность*, как в человеке формируется личность.

Так, в полиаспектном словарике М.Р. Львова «Учусь различать слова и их значения» предполагается знакомство детей с тематическими группами слов. Одна из широких тем – «Человек». Эта общая тема делится на частные темати-

ческие группы. Одна из них – «Человек как личность» – состоит из подгрупп «Духовный мир» (*мысль, мышление, память, разум, чувства, сознание, вера, воображение, интуиция, нравственность, характер*); «Характер, манеры поведения» (*весёлый – мрачный; выносливый– изнеженный* и др.), т.е. совокупность свойств, присущих человеку; «Занятия, профессии» [Львов 2003: 28-31]. В разделе «Синонимы» представлены слова с общим значением ‘свойства, присущие человеку’ и характеризующие его в разных аспектах. Напр., члены синонимического ряда *вежливый – учтивый, любезный, приветливый, корректный* имеют общее значение ‘проявляющий доброе, уважительное отношение к кому-то’ [Львов 2003: 54]. Члены синонимического ряда *опрятный – аккуратный, чистоплотный* имеют общее значение ‘такой, кто следит за своей внешностью’ [Львов 2003: 72] . В разделе «Антонимы и синонимы» даны синонимические ряды к антонимическим парам. Среди лексического материала есть слова с общим значением ‘свойства, присущие человеку’. Напр., в словарной статье к антонимической паре *добрый – злой* приводятся синонимические ряды: к слову *добрый – добросердечный, сердечный, душевный*; к слову *злой – злобный, недобрый, сердитый, свирепый, лютый* [Львов 2003: 138]. Указанные свойства человека проявляются в его отношении к другим людям и характеризуют человека как личность. Таким образом, у младших школьников не только формируется понятие *личность*, но это понятие становится многоаспектным.

Большие возможности для формирования языковой личности школьников заложены во фразеологическом словарике «Учусь понимать образные выражения» [Ставская 2002]. Назовем лишь некоторые фразеологизмы, характеризующие разные аспекты образа человека: *белая ворона* – фразеологизм, определяющий статус человека в обществе, устанавливаемый другими людьми. Фразеологизм *ворона в павлиньих перьях* отражает желание человека занять определенное положение в обществе. Фразеологизмы *маменькин сынок, принцесса на горошине, хоть кол на голове теши* характеризует внутренние качества характера, проявляющиеся у человека; *мастер на все руки, светлая голова, с головой, без царя в голове* – способности, интеллектуальные качества личности. Фразеологизмы *Аника-воин, Лиса Патрикеевна* оценивают человека как личность на основе его поведения и отношения к другим людям.

Взаимосвязь словарей при подаче языкового материала очень важна, она способствует не только становлению, но и углублению понятий, формируемых у школьников, и развитию их языковой личности.

Если признать взаимосвязь понятий *человек – лицо – личность*, то важно при составлении учебных словарей в полном объеме реализовывать принцип градуальности и поместить данные словарные статьи в словарике для младших школьников и для учащихся среднего и старшего возраста по принципу увеличения объема информации, сообщаемой о слове. При этом важно отразить и изменения способов толкования значений этих слов.

На наш взгляд, уяснение понятия *личность* важно начать с работы над значением слова *человек*, затем можно выявить в толковом словарике слова, характеризующие человека по разным признакам: внешность, черты характера, отношение к другим людям, вещам и процессам. Совокупность же свойств данного человека и будет формировать понятие *личность*. Словосочетания

героическая личность, светлая личность представляет совокупность свойств, присущих данному человеку, и раскрывают положение, роль человека в обществе. Усвоение значения ‘человек в обществе со свойствами и качествами, относящимися только к данному человеку’, станет более осознанным, если будет усвоено значение ‘совокупность свойств, присущих данному человеку, индивидууму’. Раскрытие содержания понятия может быть разным по степени полноты и глубины, что достигается с помощью сложного, развернутого определения или обстоятельного разъяснения.

Становление и развитие языковой личности младших школьников во многом зависит от характера подачи языкового материала – системности, объяснительной силы, преемственности и перспективности, что, в частности, отражается в следовании принципу градуальности при составлении учебных словарей. Учет данного принципа подготовит учащихся к работе со словарями русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Львов М.Р. Учусь различать слова и их значения: Словарик многозначных слов, тематических групп слов, омонимов, паронимов, синонимов, антонимов: учеб. пособие для учащихся нач. шк. – М.: Дрофа, 2003.

Малаховский Л.В. Принцип градуальности в учебной лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: сб. ст. / под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. – М.: Рус. яз., 1978. – С.48–53.

Морковкин В.В. Опыт идеографического описания лексики. – М.: Изд-во МГУ, 1977.

Неусыпова Н.М., Стригина О.М. Учусь понимать слова (Толковый словарик): пособие для учащихся нач. шк. – М.: Дрофа, 2002.

Ставская Г.М. Учусь понимать образные выражения: Фразеологический словарик: пособие для учащихся нач. шк. – М.: Дрофа, 2002.

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность. Язык и личность: сб. ст. / отв. ред. Д.Н. Шмелёв. – М.: Наука, 1989. – С.3–8.

LEARNER’S DICTIONARIES ROLE IN DEVELOPING JUNIOR SCHOOLCHILD LINGUISTIC PERSONALITY (BASED ON THE ANALYSIS OF THE MEANING OF THE WORD *PERSONALITY*)

I.N. Ozerova

Learner’s dictionaries present an important factor in molding a junior student linguistic personality. Lexical material of explanatory dictionaries for children enables to form notions aimed at developing students’ awareness about human image, the notion of personality among them. The notion formation implies working at many other words of an explanatory dictionary, and not just the word “personality”. It also requires using different linguistic dictionaries such as synonymic, antonymic, and phraseological dictionaries.

© 2009

Д. Антонякова

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И СЛОВАРЕЙ-СПРАВОЧНИКОВ В ПОВЫШЕНИИ УРОВНЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Вузовское образование в настоящее время предполагает и высокий уровень владения иностранным языком. В этой связи методисты ищут новые и всё более эффективные методы достижения данной цели. Многолетний опыт работы со студентами вузов и знания, полученные в процессе преподавания иностранного языка убедили нас в том, что одним из таких методов может быть работа над идиоматичностью иностранной речи. Фразеологический и паремиологический фонды являются важной составной частью любого естественного языка и считаются одной из самых интересных и трудных областей коммуникации. В зависимости от степени овладения фразеологией мы часто оцениваем общий уровень знания не только иностранного языка, но и родного. Фраземы, паремии и другие устойчивые словосочетания являются неотъемлемой частью устной и письменной речи. Если сравнить язык СМИ русского и словацкого культурного пространства, то можно сказать, что в русском языке использование фразем, паремий и иных образных выразительных средств речи встречается более часто, чем в словацком. Утверждать, что русская публицистика имеет богатые традиции использования ФЕ и паремий – это носить сов в Афины. Это касается и ежедневной печати. ср. Так, в статье «Джордж Буш покаялся за Ирак» читаем: *“Однако Джордж Буш ответил иначе. Он сказал: “Вопрос, конечно, интересный!” И добавил что-то в духе “**что сделано – то сделано, чего было – того не воротишь**”. “Чтобы понять, почему Буш ответил так, а не иначе, можно на минуту-другую поставить себя на его место. Так скажем, **влезть в шкуру** американского президента”. “Обладает ли таким мужеством Джордж Буш? Сомневаюсь. Поэтому он заверяет американцев в том, **что игра стоила свеч**, что США освободили иракский народ от тирана, что этого хотел сам Господь Бог”. “Буш раскаялся, но считает публичное **посыпание головы пеплом** неверным шагом, не находит в себе сил открыто признать ошибку”?* [Минин 2008]. То же самое можно сказать и о русской художественной литературе, а в какой-то степени это характерно и для научных статей, прежде всего начального этапа развития научного стиля [Щерба 1957: 56].

По нашим наблюдениям, фразеологические единицы (далее ФЕ), паремии и крылатые выражения действительно представляют трудную область коммуникации, в чем мы ежедневно убеждаемся на семинарских занятиях, работая со студентами, обучающимися по учительской и переводческой программам. Речь идет не только о русском языке, но и о словацком. К самым частым ошибкам относятся неправильное декодирование значения ФЕ, замена компоненетов фразем, контаминация ФЕ, а также контаминация метафорических выражений и ФЕ, что нарушает логику высказывания, является причиной непонимания, а иногда способствует возникновению смешных ситуаций. Недавно нам удалось по словацкому радио зарегистрировать использование ФЕ *камень раздора* –

kameň sváru (sporu). Диктор радио КИКС утверждал, что «... ***камнем раздора*** *стало выступление музыкальной группы на летнем фестивале*». Предполагаем, что чуткие словацкие слушатели зарегистрировали названный окказионализм-ошибку, потому что не поняли, что имел в виду редактор: ФЕ ***яблоко раздора*** (причина споров и недовольства) или ФЕ ***камень преткновения*** (помеха, затруднение, препятствие), что в конечном итоге меняет характер высказывания и вызывает непонимание.

На одной из научных студенческих конференций, которые проводятся на философском факультете Прешовского университета, некоторые студенты, и не только они, утверждали, что ***крокодиловы (крокодильи) слезы*** – это большие слезы, а не фальшивые. Наверное, в данном случае решающими стали несколько факторов: 1) ложная метафорическая ассоциация, 2) тот факт, что фразеологии в наших школах уделяют слабое внимание, 3) неправильное употребление данной ФЕ в СМИ. На страницах Интернета нам удалось найти несколько статей, связанных с происходящими в последнее время всякого рода реалити-шоу, конкурсами и т. п., где действительно данная ФЕ употреблялась, но из контекста нельзя понять, в каком значении. Так как многие смотрели программу по телевизору и видели, что участницы названных мероприятий плакали, то решили, что это были именно большие слезы.

В журнале «Slovenka» («Словенка») в статье «Моей подруге изменяет муж. Сказать ей об этом?» автор решает вопрос, стоит ли об этом сказать подруге и как это сказать; ищет самый подходящий способ. Вместо ФЕ ***chodiť ako mačka okolo horúcej kaše*** *(ходить ако мачка около горуцей каше)* – ***ходить вокруг да около,*** которая соответствует возникшей ситуации, автор текста употребляет трансформированную ФЕ ***nechodiť ako slon medzi porcelánom*** *(не ходить ако слон медзи порцеланом)* – ***не быть [не вести себя] как слон в посудной лавке.*** В словацком языке существует только ФЕ ***chodiť (pohybovať sa) ako slon medzi porcelánom (v porceláne).*** В русском языке у этой ФЕ отмечается значение ‘быть неуклюжим’; ‘вести себя неосторожно, нетактично’, что, быть может, в какой-то мере соответствует приведенной нами ситуации. Но в словацком языке у данной единицы нет второго значения, а только значение ‘быть неуклюжим, неповоротливым, неловким’. Поэтому употребление данной ФЕ является неправильным.

Похожих фразеологических ошибок в последнее время находим все больше, но их выявление не входит в нашу задачу. Мы хотим только указать на важность ситуации, на ошибки, возникающие при употреблении ФЕ. Фактом остается то, что в языковой подготовке иностранцев, учитывая коммуникативную цель обучения, нельзя обойтись без фразеологии, которую мы считаем одним из важных источников лингвострановедения.

В словацкой аудитории мы работаем со студентами первого и второго курсов, причем количество часов, отведенных разделам «Лексика» и «Фразеология» курса «Современный русский язык», нам кажется недостаточным. Желающим глубже изучать русскую фразеологию такая возможность предоставляется на специальных курсах по фразеологии, но при условии, что набирается достаточное количество студентов. Нужно сказать, что фразеология, особенно ее компаративный русско-словацкий план, всегда вызывала у студентов большой интерес. Знакомство с теорией фразеологии начинается с упоминания трудов

А.А. Потебни, Б.А. Ларина, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского и заканчивается трудами В.М. Мокиенко (теория антиномий фразеологии) и Ю.А. Гвоздарёва (теория фразообразования). На первых этапах изучения теоретического курса русской фразеологии работа идет прежде всего с двумя фразеологическими словарями русского языка: [Молотков 1978], [Федоров 1995]. Большой популярностью у студентов-русистов пользуются словари фразеологизмов, пословиц, поговорок и крылатых выражений в их лингво-страноведческом осмыслении. В этом плане мы успешно пользуемся следующими пособиями: [Фелицына, Мокиенко 1990], [Фелицына, Прохоров 1980], [Яранцев 1985], [Жуков 1966] и этимологическим словарем русской фразеологии коллектива авторов [Шанский, Зимин, Филиппов 1987]. В них ценно то, что именно дополнительная информация, сопровождающая отдельные выражения, расширяет круг знаний студентов, обогащает их словарный запас, углубляет знания по лексикологии и истории развития языка и общества. Преодолевая трудности, студенты постепенно приходят к выводу, что во ФЕ заключается национальная специфика, что в них хранится страноведческая информация и что многие ФЕ имеют интернациональный характер.

Фразеологический материал вводится в активный словарный запас студентов также и на практических занятиях. В таких случаях уместно использовать все темы, которые определяются учебным планом. Такой способ подачи фразеологического материала является эффективным, разнообразным, дающим возможность выявить общие и различительные черты фразеологии двух названных языков. На семинарских занятиях по фразеологии и на практических занятиях по русскому языку используются двуязычные словари. До сих пор актуальны «Большой русско-словацкий словарь» [1960–1970] и «Большой словацко-русский словарь» [1979–1995]. В первом из них фразеологический материал располагается в конце словарной статьи, причем начало этой статьи обозначается специальным типографским знаком и условным сокращением. В названном словаре с этой целью используется затушеванный (черный) кружок и сокращение *fraz.* (фразеологизм) или *prísl.* (пословица). Напр.: *fraz.* ***дать на веру – požičať na slovo; он пороху не выдумает – neurobí dieru do sveta, neobjaví Ameriku;*** *prísl.* ***Один в поле не воин – jeden vojak nevyhrá bitku; Заладила сорока Якова одно про всякого – Melie jednostaj to isté, hudie si stále svoje.*** Что касается сложных терминов, то они помещаются сразу после перевода значения слова, а если слово многозначное, то под порядковым номером одного из значений слова, причем для обозначения используется незатушеванный (белый) ромб. Напр.: ***городовое положение – mestský štatút; гребень плотины – koruna hrádze; единство действий – akčná jednota; глубокая старость – vysoký vek***.

Необходимо сказать, что многие положения данного словаря уже не соответствуют действительности и поэтому на них не всегда можно положиться. Работа со словарем требует хороших знаний современного русского языка, особенно его лексикологии и стилистики, так как многие значения слов давно уже не актуальны. Поэтому словарь большей частью подходит для преподавателей. Многие отмечают его ценность в том, что в нем приводятся устаревшие и диалектные слова и выражения, паремии и ФЕ, хотя последние не всегда приводятся правильно. Иногда их находим под знаком сложных терминов.

Так, напр., ***глухая тетеря, луженая глотка, филькина грамота*** согласно словарю считаются не ФЕ, а составными терминами, но их значение приводится правильно.

В уже названном «Большом словацко-русском словаре» (1979–1995) паремиологический и фразеологический материал располагается аналогичным способом, т.е. как и в русско-словацком словаре. Фразеологический материал располагается под словом, являющимся семантически важным компонентом ФЕ. Обычно это бывают имена существительные, глаголы и имена прилагательные.

Что касается фразеологии, нужно сказать, что в настоящее время мы пользуемся «Русско-словацким фразеологическим словарем» [1998]. Для иностранной аудитории ценно то, что в нем заголовочные слова и ФЕ снабжены ударением и приводятся стилистические квалификаторы ФЕ. Недостатком является то, что в языке перевода отсутствует типографский знак, который бы четко обозначал эквивалент ФЕ, что для переводчиков является очень важным. В словаре используется комбинированный способ перевода: ФЕ словацкого языка, описательный способ значения ФЕ русского языка, а иногда и однословный синоним ФЕ. Близость чешского и словацкого языков нам позволяет пользоваться и русско-чешским фразеологическим словарем [Stěpanova 2007]. Сразу хочется отметить несколько его достоинств: значение исходной ФЕ; наличие стилистических квалификаторов, что для практики перевода имеет огромное значение; обозначение ударения в заголовочных словах и ФЕ; наличие типографских знаков, которыми обозначается эквивалент ФЕ или ее лексический аналог.

В бывшей Чехословакии теоретическим проблемам изучения фразеологии уделялось мало внимания. Первые попытки теоретического осмысления проблем фразеологии и практической обработки фразеологических материалов можно отнести к 50-м годам прошлого века, когда в Братиславе проходила конференция, на которой обсуждались доклады, связанные с теоретическими и практическими вопросами фразеологии. С тех пор многое изменилось, но все, кто занимается русским языком, нуждаются в русско-словацком словаре новых слов и значений, в словаре, который бы отражал не только абсолютные неологизмы, но и слова, известные узкому кругу специалистов и актуализировавшиеся за последние годы, что в конечном итоге поможет всем желающим изучать русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1977.

Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Сов. энциклопедия, 1966.

Минин С. Джордж Буш покаялся за Ирак // Независимая газета, 12.02.2008.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1989.

Молотков А.И.: Фразеологический словарь русского языка. – 3-е изд-е, стереотип. – М.: Рус. яз., 1978.

Пешковский А.М. Вопрос о «вопросах» // Избранные труды. – М.: Учпедгиз, 1959. – С.33–49.

Фелицина В.П., Мокиенко В.М. Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1990.

Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. – М.: Рус. яз., 1980.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2 т. – М.: Топикал, 1995.

Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.Ф. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1987.

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С.56–62.

Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1985.

Grodovská Ľ. Kamarátku podvádza manžel. Mám jej to prezradiť // Slovenka. – 42. – 2006. – S.62–63.

Rusko-slovenský frazeologický slovník. – Bratislava: SPN, 1998.

Stěpanova L. Rusko-český frazeologický slovník. – Olomouc: UR, 2007.

Veľký rusko-slovenský slovník. – Bratislava, SAV, 1960–1970.

Veľký slovensko-ruský slovník. – Bratislava: SAV, 1979–1995.

Щерба Л.В. Безграмотность и ее причины // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – С.56–62.

THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AND REFERENCE BOOKS IN HONING LINGUISTIC COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS

D. Antonyakova

The article deals with use of translation and phraseological dictionaries in the context of developing linguistic and speech culture of foreign students. Particular emphasis is placed on Russian speech idiomaticity, mistakes in Russian phraseology treatment, and on material presentation in translation and phraseological dictionaries for foreign students.

© 2009

И.Л. Старикова

ШКОЛЬНЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА УЧАЩЕГОСЯ

Важнейшим для любого лексикографического проекта до настоящего времени остается вопрос о допустимости ~ недопустимости соединения в рамках одного словаря сведений филологического и энциклопедического, культуроведческого и страноведческого характера. Опираясь на научные взгляды Л.В. Щербы, противопоставлявшего энциклопедические и общие словари, поскольку «те сведения, которые даются в энциклопедиях, никоим образом не входят в <...> «значение» [значение слова – *И.С.*]: эти сведения по существу вещей вовсе не должны быть общеизвестны (иначе не надо было бы и энциклопе-

дий!)» [Щерба 1974: 268], ряд ученых признает за толковыми словарями право только на предъявление собственно лингвистической информации ([Шведова 1990: 8], [Шмелев 2006: 20]).

Вместе с тем с развитием школьной лексикографии как особой лингвометодической области языкознания и определением учебных (в том числе школьных) словарей как лексикографических произведений особого типа, построенных с учетом антропоцентрического подхода к рассмотрению языковых явлений [Морковкин 1987: 3] и призванных формировать у учащихся коммуникативную компетенцию, понимаемую как совокупность собственно языковой и лингвокультурологической (национально-культурной, энциклопедической, ситуативной) компетенций, с помощью лексикографического аппарата [Васильева 2001: 30], вопрос о включении экстралингвистической информации в структуру словарной статьи становится решенным однозначно в пользу последней.

На основании изучения особенностей понимания старшеклассниками классических произведений русской литературы и анализа пользовательского запроса школьников был создан новый тип школьного толкового словаря – сопроводительный толковый словарь-справочник для учащихся 9–10 классов [Леонтьева, Старикова], лексикографический массив для которого был отобран из художественных произведений XIX в. в результате проведения определенных идентификационных стратегий. Актуальность лексикографического проекта определялась в первую очередь потребностью самих учащихся в снятии понятийных трудностей, с которыми старшеклассники встречались в процессе чтения художественных произведений, предусмотренных государственным стандартом литературного образования, в декодировании объемного массива агнонимической лексики.

Анализ ответов респондентов показал, что в большинстве случаев декодирование того или иного слова затруднено отсутствием представления об обозначаемой этим словом реалии прошлого, о причинах коннотативного расширения значения, а также особенностями окказионально-авторского употребления лексемы. Так, наиболее «востребованными» для лингвокультурологического комментария оказались следующие лексико-тематические группы:

- лексемы, отражающие понятия античной истории, культуры, мифологии (напр., *авгур, академия, аспид, вандал, геркулесовы столпы, гомериды, лепта* и др.);
- лексемы, ориентированные на знание библейских сюжетов (напр., *вертоград, геенна, ерихониться, жены непорочные, отцы-пустынножители* и др.);
- лексемы, отражающие факты, идеи, традиции той или иной мифологии, религии (напр., *анафема, двунадесятый, василиск, всенощная, говеть, госпожинки, гяур, дервиш, лития* и др.);
- лексемы, отражающие сведения из отечественной истории, государственного и военного устройства, культуры (напр., *абрек, вольная, вотчина, гимназия, губернатор, гвардеец, гвардионец, генерал-аншеф, городничий, губерния, кордегардия, кредитивная грамота, лейб-улан* и др.);
- лексемы, необходимые для понимания реалий прошлого (напр., *адамант, акциз, бережевый, башлык, беленной, бельведер, берейтор, борть, воля, вощечок, и др.*);

- лексемы, отражающие факты зарубежной истории, культуры и искусства (напр., *алеут, барон, брюмер, виконт, вокзал, гверильясы, гофкригсрат*);
- лексемы, связанные с необходимостью знания прецедентных литературных текстов (напр., *камелия, подонкихотствовать*);
- лексемы, необходимые для понимания содержания и употребления того или иного термина науки, искусства, литературы, медицины и т.д. (напр., *адский камень, антонов огонь, аллопат, баркарола, бенуар, бодяга, брандскугель, бранденбуры, вальтрап, взяток, витализм, гальбик, головня, леток* и др.);
- лексемы-транслитераты (напр., *безе, бель-фам, бланманже, бонжурте, васисдас, гранжанр, гроденапль, гросфатер, гуманитет* и др.);
- лексемы, связанные с пониманием окказионального (авторского) словоупотребления (напр., *авенантненький, банчишка, безешка, взволочек, вояжировать, галантёрный, глушина, гривьё, пуэнт* и др.);
- лексемы, отражающие общие знания (напр., *агат, гастроном, гривна, дантист, макарон* и др.).

Таким образом, перед создателями «Толкового словаря школьника» встала задача не только языковой семантизации лексикографических единиц, но и более широкого, с привлечением культурологических сведений описания слова. Вместе с тем, сопровождение большинства толкований экстралингвистическими сведениями в виде сопутствующего текста, очевидно, привело бы к перегрузке словарных статей.

В связи необходимостью избежать подобной перенасыщенности были разработаны **три приема включения в словарь культурологического сопровождения**: 1) включение экстралингвистической информации непосредственно в структуру толкования; 2) сопровождение словарной статьи текстовым комментарием, вынесенным на поля словаря рядом со словарной статьей; 3) графическое расширение понятия о дефинируемой реалии (с помощью рисунков и репродукций).

Так, в ряде словарных статей экстралингвистическая информация включена в дефиницию лексемы, а также в этимологическую зону. В этом случае культурологические сведения, не «утяжеляя» словарную статью, т.е. не создавая очевидных для школьника сложностей при чтении словаря, могут покрывать понятийные поля, касающиеся истории слова, времени и места бытования реалии. В основном включение культурологических сведений непосредственно в структуру статьи использовано в тех случаях, когда семантизации подлежит лексема, обозначающая **реалии исторического прошлого России, термины** (искусства, архитектуры, литературы и т.д.), а также для предъявления **транслитерированных слов** и авторских окказионализмов, напр.:

АУДИТОР, -а, *м.* [*лат.* auditor слушающий]. В царской России: должностное лицо в военных судах, исполнявшее прокурорские обязанности. *Аудитор остановился против казака, со внимательным любопытством рассматривая его (Л. Толстой).*[*]

*Здесь и далее образцы словарных статей приводятся целиком; изменения в образцах словарных статей могут осуществляться за счет сокращения количества иллюстративного материала.

***ДЕКАДЕНТ*, -а,** *м.* [лат. decadentia упадок]. Последователь декадентства – нереалистических направлений в литературе и искусстве конца XIX – начала XX в., отличающихся упадничеством, крайним индивидуализмом. *Половым говорить о декадентах! (Чехов. Вишневый сад).*

ВАСИСДАС, -а, *м.* [*нем.* was ist Das? букв. что это такое?] *(устар.).* Небольшая форточка в двери или в окне. <...> *И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас (Пушкин).*

АВЕНАНТНЕНЬКИЙ, -ая, -ое [*фр.* avenant приветливый, пригожий] *(инд.-авт. ирон.).* Приятненький. *Я, брат, никак и не ожидал, чтоб она была такая... авенантненькая... а? (Достоевский).*

Кроме того, значительное количество словарных статей включает особую **культурологическую зону**, представляющую собой вербальное и/или графическое (рисунки, репродукции картин) предъявление фонового материала. Такие зоны в инженерно-структурной системе «Толкового словаря школьника» отделены от собственно языкового толкования, расположены на полях книги и набраны особым шрифтом*. Размещение экстралингвистических сведений вне сквозной структуры словаря перспективно и в прагматическом отношении, поскольку наличие полевого места позволяет расширять культурологический комментарий, т.е. в пределах одного комментирующего блока вводить опосредованно и другой, углубляющий знание о том или ином предмете, явлении, т.е. применять в культурологической зоне прием дополнительного, описательного толкования словарной единицы, напр.:

***АКАДЕМИЯ*,** -и, *ж.* [*греч.* akademia]. Название некоторых высших учебных заведений. *Меня отдали в Коммерческую академию* <...> *(А. Островский).* [Академией первоначально называлась философская школа, основанная Платоном в Афинах в священной роще, где был похоронен герой Академ, указавший Диоскурам – сыновьям Зевса Кастору и Поллуксу, где была укрыта их сестра Елена, похищенная Тесеем (Тезеем) – легендарным древнегреческим царем и героем.]

ВОЛЮШКА, -и, *ж. (устар.). Уменьш. от* воля – лента, которую носила девушка до замужества. <...> *Я в третий [раз] поклонилася, / И волюшка скатилася / С девичьей головы... (Некрасов).* [Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимали *волю*, что символизировало конец девичества и предстоящую замужнюю жизнь]. Таким образом, лексикографический массив «Толкового словаря школьника», состоящий приблизительно из 5000 словарных статей, в значительной степени сопровожден культурологическим компонентом, что позволило расширить представление учащихся о семантизируемой в словаре реалии.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии: автореф. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001.

*Здесь и далее в образце статьи за неимением возможности использовать издательскую верстку СТСС культурологические сведения приводятся в конце статьи в квадратных скобках.

Леонтьева Т.Н., Старикова И.Л. Толковый словарь для школьников / науч. ред. В.В. Лопатин. СТСС входит в серию «Энциклопедия для детей». Изд-во «Мир энциклопедий Аванта+». (В настоящее время СТСС находится в печати).

Морковкин В.В. Концептуальные ориентиры правильного учебного лексикографирования // Учебная лексикография и учебная грамматика. – Свердловск: Изд-во Свердлов. ун-та, 1987.

Шведова Н.Ю. Предисловие к двадцать первому изданию Словаря русского языка // Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз. – 1990. – С.6–11.

Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Едиториал УРСС, 2006.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – М.: Наука, 1974. – С.265–304.

SCHOOL EXPLANATORY DICTIONARY AS MEANS OF CREATING PUPIL AXIOLOGICAL WORLD IMAGE

I.L. Starikova

The work examines basic groups of lexemes and phrasemes unknown to secondary school pupils, and also considers ways of their most complete description in school explanatory dictionaries whose aim is to build linguistic and cultural (national- cultural, encyclopedic, situational) competence of pupils.

© 2009

Я. Лисовская

РЕЧЬ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В США НАЧАЛА XXI ВЕКА СКВОЗЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

Для исследования иноязычной лексики, которая употребляется русскими эмигрантами в США в потоке русской речи, необходимо постоянное обращение к современной английской и русской лексикографии, т.к. для правильной оценки функции иноязычного вкрапления необходимо знать его значение, его прагматические особенности, возможности фразеологического использования, точное значение русского контекста и т.п. Кроме того, очень важно адекватно перевести слово, сопоставляя и анализируя различные переводы одной и той же лексемы, предложенные словарями. Поэтому роль лексикографии в работе любого исследователя, занимающегося изучением речи русских эмигрантов, очень важна.

В любой национальной лексикографии мы находим десятки, а то и сотни словарей самых разных типов.

Как известно, деление словарей на типы происходит по различным основаниям: в зависимости от цели словаря, его объема, порядка расположения в нем слов, объекта описания и т.д. Многие из указанных моментов налагаются друг

на друга, объединяясь в словаре одного и того же типа, другие стоят особняком, служа основанием для специальных словарей. Необходимо отметить, что в науке о языке пока еще нет сколько-нибудь общепринятой типологии словарей, хотя попытки создать таковую предпринимались многими лингвистами, в частности Л.В. Щербой, П.Н. Денисовым, Б. Кемадой, Я. Малкил, Л. Згустой и др.

Для изучения речи русских эмигрантов в США очень важны переводные словари. Существуют два вида переводных словарей: двуязычные и многоязычные. Чаще встречаются двуязычные словари, т.к. они имеют большую прикладную ценность; многоязычные словари требуются в тех редких случаях, когда к одному слову надо подобрать несколько разноязычных эквивалентов. Поскольку и государственным языком США является английский, то для решения наших исследовательских задач более всего подходят англо-русские переводные словари.

Напр., для того чтобы правильно истолковать значение, которое вкладывается эмигрантами в потоке русской речи в слово «барбекю», нужно знать все словарные переводы этого слова: *barbecue 1. 1) целиком зажаренная туша; 2) барбекю (большая рама с решёткой для жаренья или копчения мяса большими кусками); 3) барбекю (пикник с традиционным блюдом из мяса, зажаренного на решётке над углями); 4) площадка для сушки кофейных бобов. 2. 1) жарить ломтики мяса над решёткой на вертеле, жарить на рашпере Syn: grill; 2) жарить (тушу) целиком We killed and barbecued a beef. – Мы зарезали и зажарили на вертеле быка.*

Следующая группа словарей – это одноязычные словари. К этой группе относится целый ряд лингвистических словарей, объясняющих и раскрывающих смысл слов и явлений посредством одного языка. Обычно такие словари ограничены достаточно узкими рамками различных лингвистических явлений. Приведем несколько примеров одноязычных словарей.

Толковые словари, как известно, – это один из наиболее распространенных типов одноязычных словарей. В них приводятся все сведения о слове, даются его разноаспектные характеристики (орфография, орфоэпия, грамматика, семантика, стилистика, этимология). Очень часто в речи русских эмигрантов США встречается слово *аплаиться*, которое употребляется ими в значении близком к русскому слову *обратиться*. Для того чтобы понять, почему данная английская инкрустация предпочтительнее русского глагола, нужно знать прагматику иноязычного вкрапления, а для этого необходимо обратиться к толковому словарю: *apply verb (applies, applied) 1) make a formal request for something to be done, such as asking to be considered for a job. 2) bring into operation or use. 3) be relevant. 4) put (a substance) on a surface. 5) (apply oneself) put all one's efforts into a task*. Ввиду своей универсальности, толковые словари часто являются базой для создания словарей других типов, напр., синонимических, фразеологических и пр.

Значительное место в работе исследователя речи эмигрантов занимают словари синонимов и антонимов. Определение синонимического/антонимического ряда какого-либо английского слова, использованного в потоке русской речи эмигранта, является также очень важным моментом, т.к. это позволяет ответить на вопрос, почему из синонимического/антонимического ряда было

выбрано именно это, а не иное слово. Напр.: *beautiful 1) красивый, привлекательный Syn: good-looking, fine, comely, handsome, pretty Ant: ugly, uncomely; 2) великолепный, превосходный Syn: excellent, gorgeous.*

Очень интересны и полезны фразеологические словари, т.к. в создании лексических особенностей речи, наряду с лексическим, важную роль играет и фразеологический уровень. Здесь в речи эмигрантов наблюдается широкое использование непосредственно русских пословиц и поговорок: *Запретный плод – он же сладок; но на безрыбье, сами понимаете, и рак – рыба; попробуем сделать ход конём* (нередко фразеологизмы употребляются не в точном виде, а с некоторыми изменениями, поэтому важно знать первоначальный вариант и его значение).

Употребление американских идиом встречается реже, хотя тоже имеет место: *То экзамены должны быть пис оф кейк, пардон май френч (эвфемистически-смягчающее выражение)*. Таким образом, в ходе исследовательской работы необходимо использование как русских фразеологических словарей, так и английских словарей идиом.

Диалектные и региональные словари описывают лексику одного диалекта или группы родственных диалектов. Региональные словари представляют лексику вариантов языка (напр. английского в США, Британии, Канаде). Этот аспект очень важно учитывать, т.к. мы имеем дело именно с американским вариантом английского языка. Существует огромное количество разных английских и американских слов, которые обозначают сходные реалии и имеют один и тот же перевод на русский язык:

Американский вариант	Английский вариант	Перевод
account	*bill*	*Счёт*
adhesive tape	*sticking plaster*	*Клейкая лента*
ageing	*aging*	*Старение*
airplane	*aeroplane*	*Самолёт*
aisle	*gangway*	*Проход между рядами (кресел и т.п.)*
alcohol	*white spirit*	*Спирт*
alright	*all right*	*Идёт!; да!*
aluminum	*aluminium*	*Алюминий*
alumnus	*old boy*	*Бывший питомец, бывший студент, выпускник (колледжа или университета)*
AM radio	*medium wave*	*Диапазон средних волн*
American	*Yankee*	*Американец*
American Indian	*Red Indian*	*Индеец*
analog	*analogue*	*Аналог*
anesthesia	*anaesthesia*	*Анестезия*
antenna	*aerial*	*Антенна*
apartment	*flat*	*Квартира*

Без знания специфики употребления того или иного сленгового слова / выражения очень трудно, а зачастую просто невозможно, понять смысл выска-

зывания. Общеизвестно, что сленг составляет достаточно большую часть современной речи, поэтому использование словарей сленга при изучении речи русских эмигрантов в США является очень важным: Ср.: ***amigo****: friend («друг» из испанского): "Я встретил много* ***амигос*** *в этом кафе."; **antifreeze**: alcohol (алкоголь): "Мне сегодня вечером понадобится много* ***антифриза!"****; **awesome**: great and impressive (великолепно, впечатляюще): "Эта вечеринка просто* ***осам!"***

ЛИТЕРАТУРА

Англо-русский толковый словарь американского разговорного языка / сост. Р. Хартман. – М.: Видар, 2007.

Девлин Д. Словарь синонимов и антонимов английского языка. – М.: Центр полиграф, 2005.

Карпова М.В. Словарь живых идиом американского английского языка. – М.: АСТ, 2004.

Мюллер В.К. Большой русско-английский словарь в новой редакции. – М.: Цитадель – Трейд; РИПОЛ классик: Дом XXI век, 2008.

Словарь новейшего американского сленга / American Slang. – М.: Транзиткнига, 2006.

Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. – М.: АСТ – Пресс книга, 2006.

PRESENT-DAY DICTIONARIES IN SPEECH STUDY OF RUSSIAN IMMIGRANTS TO THE US AT THE BEGINNING OF THE 21st c.

Ya.N. Lisovskaya

The article deals with the role of modern dictionaries in the study of vocabulary peculiarities of Russian immigrants to the USA. The author specifies some problems arising out of the analysis of different languages interaction and shows the importance of modern lexicography in an attempt to solve the problems. She specifies dictionaries necessary for work with foreign inclusions. There is also some useful information for those going to take up linguistic research of the kind.

© 2009

Н.П. Андрюшина

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МИНИМУМЫ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ ТЕСТИРОВАНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Российская система тестирования по русскому языку как иностранному (ТРКИ), созданная в середине 90-х гг. прошлого века, получила широкое признание как в стране, так и за ее пределами. Выделенные в ней уровни владения русским языком (Элементарный, Базовый, Первый, Второй, Третий, Четвертый) вполне соотносятся с уровнями общеевропейской системы владения иностранными языками (A1, A2, B1, B2, C1, C2), что способствует интеграции РКИ как самостоятельной науки в международное образовательное пространство.

Одним из компонентов Российской системы тестирования по русскому языку как иностранному является **градуальная серия лексических минимумов** [Андрюшина 2001: 172]. Она была задумана, во-первых, с целью конкретизации списка лексических единиц, подлежащих обязательному усвоению на соответствующих уровнях владения русским языком; во-вторых, как ориентир для авторов учебников, учебных пособий и разработчиков тестовых материалов (до создания минимумов в учебных и контрольных материалах не учитывались ни объем лексики, ни ее наполнение); в-третьих, для того, чтобы дать иностранному гражданину, изучающему русский язык, четкое представление о лексической базе, на которой составлены тестовые материалы. Другими словами, на лексических минимумах лежит достаточно высокая функциональная нагрузка и они призваны играть важную роль в общей системе тестирования по русскому языку как иностранному (РКИ).

Первые лексические минимумы были разработаны в 1997 году. Каждый словник соответствовал определенному уровню владения русским языком. Для Элементарного уровня авторами Центра международного образования (ЦМО) МГУ был составлен лексический минимум объемом 780 слов. Для Базового уровня владения русским языком был создан лексический минимум объемом 1300 единиц. Далее был выпущен разработанный авторами ЦМО и филологического факультета МГУ лексический минимум Первого сертификационного уровня, объем которого составил 2500 слов [Андрюшина 2001].

В основу градуальной серии легли следующие принципы: должно происходить примерное удвоение объема последующего словника по сравнению с предыдущим; слова, рекомендованные в предыдущем минимуме для пассивного усвоения, на следующем уровне переводятся в разряд активных. В словниках первых трех уровней слова в первой части книги расположены по алфавиту, все слова переведены на 5 языков (английский, немецкий, испанский, французский, китайский). Переводы даются для **каждого** слова, даже если это интернациональная лексика.

Словники всех трех уровней были введены в научный оборот и получили признание специалистов. Как показали практика подготовки к тестированию, проведение тестирования и процедура обработки результатов, лексические ми-

нимумы стали **необходимым** элементом названных аспектов работы. Перед составителями уровневых словников встала задача разработки лексических минимумов Второго и Третьего уровней.

Не будем скрывать, разработчикам Градуальной серии приходилось слышать, что уровневые тезаурусы необходимы лишь на первых трех уровнях, а на остальных уровнях владения русским языком количество слов, подлежащих изучению, определить практически невозможно. При этом не приводилось никаких аргументов теоретического или практического характера. Возможно, поэтому широкого обсуждения этого вопроса ни на конференциях, ни на страницах периодической печати, ни на рабочих встречах тестологов-русистов не было. А ведь нельзя не заметить, что отказ от идеи определить минимальный объем лексики Второго уровня порождает массу проблем как практического, так и научно-методического плана.

С развитием системы тестирования по РКИ все острее ощущалась потребность в надежном лексическом ориентире. В нем нуждаются не только иностранцы, готовящиеся к тестированию, но и тестологи, разрабатывающие тестовые материалы, тестеры, непосредственно осуществляющие процедуру тестирования, а также преподаватели, которые занимаются подготовкой иностранных граждан к тестированию. Приведем некоторые аргументы, доказывающие необходимость создания лексических минимумов высоких уровней владения русским языком.

- Если в системе выделены уровни владения русским языком, то, помимо количественных показателей (скорость чтения, письма и т.д.), они должны различаться и наполнением **лексико-грамматического** материала. Поскольку темы общения, перечисленные в Стандартах, напр., на втором и третьем уровнях, практически идентичны, значение лексико-грамматического материала для разграничения этих уровней возрастает.
- Нельзя не заметить, что учебники и учебные пособия, ориентированные на Второй сертификационный уровень, не скорректированы с точки зрения лексического наполнения. Это, размывая процесс обучения, очень **затрудняет работу преподавателей** при подготовке к тестированию, поскольку словарный запас иностранных граждан на этом уровне далеко не безграничен, а самих обучаемых такая неопределенность границ совершенно **дезориентирует**.
- При выполнении тестов по письму и говорению иностранцы часто не выходят за рамки лексики Первого сертификационного уровня. Таким образом, создаются огромные «ножницы»: с одной стороны, учебники, тексты в которых по трудности приближены к Третьему уровню, с другой – продуцируемые письменные тексты и реальные реплики тестируемых, Первого уровня. Процедура **оценивания** тем самым весьма осложняется, оценка **становится менее адекватной,** результат измерения теряет свою достоверность.
- Затрудняется работа по конструированию тестов: разработчики должны знать, какую лексику они могут использовать в тестах, при отсутствии словников тесты теряют свои основные качества – упорядоченность содержания заданий и формализованность.

Изложенные соображения убеждают в необходимости создания лексических минимумов 2-го, а также и 3-го уровней.

При работе над Лексическим минимумом 2-го уровня большое внимание было уделено вопросу об объеме словника. Известно, что единого взгляда на эту проблему пока нет (возможно, именно в силу отсутствия широкого обсуждения). Более того, если вопрос об объеме лексических минимумов начального этапа обучения иностранцев русскому языку все-таки изучался определенным кругом лексикологов, то проблема определения минимально необходимой лексики на продвинутом этапе практически не рассматривалась. В связи с этим были проанализированы взгляды различных авторов на этот вопрос (см. об этом [Андрюшина 1998: 25], а также ряд словарей, близких по кругу задач, для решения которых они создавались. В их числе можно назвать словарь «4000 наиболее употребительных слов русского языка» под ред. Н.М. Шанского, «Лексический минимум. Активный словарь русского языка», составленный болгарским лексикологом Емилией Гочевой, «Краткий толковый словарь русского языка для иностранцев» под ред. В.В. Розановой [Розанова 1978] и др.

Объем этих словарей колеблется от 4000 до 6000 единиц. Вряд ли совпадение приведенных границ является случайным. Очевидно, лексикологи эмпирически вышли на более или менее **оптимальное число**. Этот вывод подтверждается также и тем, что объем в 5000 единиц представляет собой удвоение лексического минимума предыдущего, Первого уровня, а удвоение является показателем перехода на следующий, более высокий уровень владения русским языком [Андрюшина 2001: 28]. Было также учтено, что в минимум должно войти такое число слов, которое необходимо для понимания сути определенного круга проблем и решения коммуникативных задач, перечисленных в Стандарте. При составлении словника учитывались и данные частотных словарей, а также материалы учебников и учебных пособий.

Принимая во внимание эти факты, составители пришли к выводу, что объем лексического минимума Второго уровня не должен превышать **5000–5100** единиц. Такое количество позволяет сделать процесс усвоения лексики на данном уровне обозримым, работу по конструированию тестов структурированной, а оценку результатов тестирования более **формализованной и объективной**.

Объем словника расширен по сравнению с предыдущим как за счет введения новой лексики, так и за счет введения новых значений полисемичных единиц Первого уровня. Например, в словарную статью глагола *брать – взять* введено значение ‘купить’ (например, *взял билет в театр*), а при глаголе *выигрывать – выиграть* введено значение ‘выиграть спор’. Подобное расширение позволяет иностранным гражданам осуществлять активное общение с носителями русского языка в самых различных ситуациях. Работа в этом направлении продолжается и при составлении словника Третьего уровня. Например, в статью глагола *держать* введено значение ‘держать домашних животных’.

Как и предыдущие словники градуальной серии, тезаурус Второго уровня ориентирован в основном на современный русский язык и содержит стилистически нейтральные (за небольшим исключением) слова. В многозначных словах представлены наиболее употребительные и актуальные значения.

Одним из объектов обсуждения стал вопрос о структуре лексического мини-

мума: должна ли книга Второго уровня точно повторять структуру лексического минимума Первого уровня? Очевидно, чисто количественное увеличение словника не могло не отразиться на других характеристиках книги. Прежде всего необходимо отметить, что освоение нового массива лексики обеспечивает возможность использовать большое количество устойчивых выражений и фразеологизмов (это позволяет иностранцам значительно активнее пользоваться синонимическими и антонимическими связями). Исходя из этого, в Приложения лексического минимума был включен новый раздел – «Фразеологизмы и устойчивые выражения» [Андрюшина 2009], объем которого на следующем уровне будет значительно увеличен.

Кроме того, были несколько изменены принципы подачи лексического материала. Так, с целью минимизации объема книги некоторые разряды широко употребительных слов даются при словах, от которых они образованы, в одной словарной статье. Например, наречия, образованные от прилагательных, помещены в одной словарной статье с этими прилагательными: *актуально* при *актуальный, вкусно* при *вкусный*. В словнике Второго уровня дается перевод только на английский язык, в лексическом минимуме Третьего уровня перевод будет отсутствовать.

Составление словаря – это не только чисто практическая работа по отбору лексических единиц, но и исследовательская деятельность. Так, в процессе подготовки лексического минимума Второго уровня был проведен сравнительный анализ отобранной для него лексики и словников аналогичного объема 30-летней давности, а также «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998 г.).

Анализ показал, что изменения, произошедшие в активно используемой лексике, достаточно велики. Бурно идет процесс вхождения в повседневный обиход слов, обозначающих новые явления действительности (*банкомат, дискета, компьютер* и др.), отмечается значительная активизация слов, ранее считавшихся устаревшими или редко употребляемыми (*банкир, беженцы, визитка, террорист* и др.). Если принимать во внимание постулат, что язык должен быть консервативным, то процент приведенных выше слов представляется значимым. Наблюдения за лингвистическими явлениями позволяют предположить, что в языке развивается **тенденция ускорения** некоторых языковых процессов (возможно, это связано с тем, что, как отмечал Е.Д. Поливанов, в период социальных потрясений процессы языкового развития ускоряются). Таким образом, осмысление выводов, полученных в ходе работы над словниками градуальной серии, способствует фиксации изменений, свойственных современному русскому языку.

В настоящее время авторским коллективом филологического факультета и Центра международного образования МГУ им. М.В. Ломоносова ведется работа по составлению лексического минимума Третьего сертификационного уровня. Предполагается, что его объем составит 10000–11000 единиц. В его состав войдет не только нейтральная лексика, но и лексика разговорного и официально-делового стиля. Это станет важной особенностью лексического минимума Третьего уровня.

ЛИТЕРАТУРА

Андрюшина Н.П. Государственная система тестирования и проблема описания уровней владения РКИ // Русский язык: специфика описания, теория и практика преподавания в России и за рубежом: тезисы докладов междунар. науч. конф. – М.: Изд-во МГУ, 2001.

Андрюшина Н.П. Лексические минимумы в системе тестирования по русскому языку как иностранному. – М.: ж. «Преподаватель», 1998.

Андрюшина Н.П., Козлова Т.В. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. – М.; СПб.: Златоуст, 2000.

Андрюшина Н.П. (ред.), Битехтина Г.А. и др. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. – М.; СПб.: Златоуст, 2001.

Андрюшина Н.П. (ред.), Битехтина Г.А. и др. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. II сертификационный уровень. Общее владение – М.; СПб.: Златоуст, 2009.

Андрюшина Н.П. Создание градуальной системы лексических минимумов по русскому языку как иностранному // Valoda – 2001: humanitaras fakultates XI zinatniskie lasuumi. – Даугавпилс, 2001. – С.172–176.

Краткий толковый словарь русского языка для иностранцев / под ред. В.В. Розановой. – М.: Рус. яз., 1978.

BASIC VOCABULARY IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TEST SYSTEM IN RUSSIA

N.P. Andryushina

The article considers one of the major components of the Russian test system that is a gradual series of word lists. The author gives a brief description of the elements (word lists), proves the necessity to build into testing theory and practice not only basic vocabulary, but also a higher difficulty level of the vocabulary to test the proficiency in Russian as a foreign language.

© 2009

Д.З. Сулейманова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Внутренняя структура слова изучается наиболее подробно в вузовском курсе «Современный русский язык» в разделе «Словообразование». Но со многими сложными вопросами морфемного членения реального слова на практике студенты сталкиваются и в рамках курса «Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка».

Особенно актуальными вопросы внутренней структуры слова являются в том разделе, который посвящен анализу фонетических явлений. Напр., при объяснении истории происхождения чередований гласных и согласных современного языка требуется выявление совокупности корневых (а часто и аффиксальных) алломорфов данной морфемы и их обнаружение в других словах, находящихся между собой в той или иной степени родства. В этой связи встает вопрос о границах морфем с чередованиями и о степени семантической близости родственных (или этимологически родственных слов) слов. Так, к примеру, выявляя корневые алломорфы *вej-[в(j)] – ви-[во(j)] (*ср. *вей – вью – вить – [привой]),* необходимо установить морфемную отнесенность консонанта *j* и возможность привлечения к анализу таких слов, как *свита, вилок, повойник* и т.д. Неоднозначно могут решаться вопросы морфемного членения таких, напр., слов, как *знамя (зна-мя или знам-я), обладать (об-лад-а-ть или о-блад-а-ть), яство (я-ств-о или яств-о)* и огромного количества других; признания или непризнания родственными в современном языке таких слов, как *брякать* и *бряцать*, *отрицать – отрекаться*, *опережать – прежде, страсть – страдать* и тому подобных.

Нормативной базой при решении подобных вопросов, естественно, должны становиться современные словари. Это, в первую очередь словари морфем и деривационные словари, анализирующие структуру и образование слова. Но какова возможность и необходимость привлечения этимологических словарей? При анализе структуры слова на практике оказывается, что вопросы морфемного членения и словообразования оказываются неотделимыми от проблем происхождения слова. Думается, что в пределах заявленного курса амплитуда привлеченного к анализу языкового материала должна быть максимальной, пределы варьирования морфем (или их частей) должны определяться в границах как можно более широкого поля в разной степени семантически связанных слов: посредством как формообразования, словообразования, так и происхождения. Таким образом, совмещение синхронического и диахронического подходов, на наш взгляд, должно стать характерной особенностью именно данного курса, едва ли не единственного, позволяющего рассматривать проблемы структуры слова интегративно, с учетом разных аспектов реальной жизни слова.

Специальный подбор языкового материала в курсе «Историко-лингвистического комментария» [Сулейманова 2005], предполагающий обращение к этимологическим связям слова, позволяет решить несколько задач: 1) представить все исторические облики корня данного слова во всем многообразии его фонетических изменений (ср.: *чел-о – кол-ено, ри-нуться – рь[j]-яный – рой, ис-тяз-ать – тяг-ость, за-вид-овать – об-ид-а)*; 2) расширить репертуар морфем, в которых выявляются чередования, аналогичные слово- и формообразующим чередованиям в современном языке (напр.: *ведро – вода (*ср. *греметь – гром), плоский – пласт (*ср. *мокрый – макать), заря – взор – взирать – зрение (*ср. *несу – ноша – вынашивать), гнить – гной (*ср. *привить – привой), бровь – белобрысый* (ср. *плыть – пловец), смородина – смрад (*ср. *ворота – вратарь), тощий – тоска (*ср. *доска – дощатый);* 3) позволяет глубже ощутить семантические связи внутри языковой системы (напр.: *гудеть – гусли, время – вертеть, узы – союз, крапива – укроп, мизинец – меньший*). Возможность этого определяется обращением к существующим этимологическим словарям русского языка ([Преображенский 1959], [Фасмер 1986–1987], [Этимологический словарь 1963–1982], [Черных 1993]; [Шанский, Боброва 1994] и др.).

Однако при анализе случаев, когда этимологический характер связи между словами не является абсолютно очевидным, студенты должны обращаться к морфемным и деривационным словарям русского языка, наиболее авторитетными (и доступными для изучающих русский язык) среди которых являются «Словарь морфем русского языка» [Кузнецова, Ефремова 1986], «Словообразовательный словарь русского языка» [Тихонов 1985] и имеющие с последним словарем общие методологические принципы и единую (хотя и различную по объему) словарную базу «Морфемно-орфографический словарь русского языка» [Тихонов http://slovari.yandex.ru.] и «Комплексный словарь русского языка» [Тихонов 2001]. Лингвисты совершенно обоснованно подчеркивают разницу между деривационным и морфемным анализом слова не только в их конечных целях, но и в самом подходе к членимости (а следовательно, производности) многих слов.

Критерием отличия между морфемным и деривационным видами анализа выступает в первую очередь семантика: «Дериватологи склонны считать все случаи изменения значения слова достоянием истории (при этом ориентация бывает лишь на языковое чутье самого исследователя). Возможное варьирование значения понимается очень узко, напр., никак не связываются слова *живот* и *жизнь*, *забыть* и *быть, петух* и *петь*, *заставить* и *ставить*...» [Кузнецова, Ефремова 1986: 7]. При морфемном анализе «ориентация на семантику минимальная» [Кузнецова, Ефремова 1986: 7]. Такой взгляд на морфемную структуру предопределяет два следствия. Во-первых, «могут быть членимыми слова, в которых какая-то определенная часть (даже при утрате значения) регулярно повторяется в других словах языка. Обязательным, видимо, является условие, чтобы десемантизированный корень имел какое-то понятийное значение либо в другом языке, откуда слово заимствовано, либо в диалектах, либо в предшествующие эпохи в литературном языке». Во-вторых, членение слова должно производится «под контролем этимологии» [Кузнецова, Ефремова 1986: 6].

Такому, условно говоря, морфемно-этимологическому подходу противопос-

тавлен синхронно-семантический подход в словообразовании: «... родство и структурно-семантическая общность однокоренных слов объясняется прежде всего наличием у них конкретных *лексических связей* (выделено мной – *Д.С.*), тем, что производное слово усваивает вполне определенное значение производящего. При этом корень слова <...> выступает в роли своего рода «гена» – «носителя наследственности», обеспечивающего преемственность в семантике...» [Тихонов 1985: 42], поэтому, напр., слова *лава* и *лавина, держать* и *содержать, лимон* и *лимонад, элемент* и *элементарный* не будут находиться в отношениях производности, а следовательно, не будут иметь одинакового корня [Тихонов 1985: 43].

Со времен знаменитого «спора о буженине» в современной русистике все более распространенным становится мнение, что морфемная структура слова устанавливается на основе именно деривационного анализа, а значит, и в морфемике закрепляется синхронно-семантический подход: «Морфемная структура слова по крайней мере двухуровнева, причем явный приоритет в ней принадлежит *деривационному уровню*. Второй уровень, собственно морфемный, подчинен ему, поскольку морфемная членимость отражает ступени словоизменительной и словообразовательной деривации и является их результатом. Именно последовательный учет деривационной структуры слова <...> составляет суть сформированного Г.О. Винокуром подхода к морфемному членению» [Кукушкина 2008: 10]. На этом принципе основаны и последние по времени появления словари, представляющие морфемную членимость слов ([Тихонов 1996], [Тихонов http://slovari.yandex.ru.]), где утверждается, что «если значение анализируемого слова невозможно объяснить ссылкой на первичную основу, то такое слово имеет непроизводную основу». То есть в связи с этим следует признать ошибочным смысловое сближение слова *гвоздики* со словом *гвоздь*. Слово *подбородок* теперь не вызывает представления о *бороде*, объем его употребления значительно шире применения к взрослому мужчине, и относится оно не только к мужчине вообще, но одинаково и к женщине, значит, деление его на *под/бород/ок* необоснованно. Слова *безграничный, безграничность* имеют корень *границ*, а не *грань* [Тихонов 1996].

Неудивительно, что, обращаясь к данным словарей, в основу которых положены два столь различных обозначенных выше подхода, пользователь получает многочисленные примеры поразительной разницы в морфемном членении одних и тех же слов. Так, в «Словаре морфем русского языка» однокоренными, напр., являются слова *ви-ть – ви-лок – ви-л-к-а – ви-л-ы; пи-ть – пи-в-о – пи-р; за-кон – ис-по-кон; на-ч-а-ть – по-ч-а-т-ок; точ-к-а – тык-а-ть – су-тк-и*. Выделяются следующие корни в словах: *на-дм-енн-ый, за-пят-ая, с-мут-а, мещ-анин, площ-адь*. Однако при таком ярко исторически ориентированном подходе к членению слова мы не наблюдаем достаточного единообразия и последовательности в применении этого положения. Обращает на себя внимание то, что, признавая однокоренными слова *пи-ть – пи-р – пи-во; ви-ть – ви-лы,* словарь не связывает построенные по абсолютно идентичной модели слова *жир, жила* с глаголом *жить*, в словах *свитка* и *свита* выделяется не корень *ви-*, а корень *свит-*. Морфологический состав слова *зна-м-я* рассматривается в одной статье со словом *зна-ть*, но слово *семя,* имеющее абсолютно аналогичное

историческое строение, не связывается с глаголом *сеять*. Предлагается членение слов: *по-мин-а-ть, по-мя-ну-ть*, однако в слове *память*, выделяется корень *памят-*. Возникает вопрос, почему в этих словах (*свитка, жир, жила, семя, память* и др.) в меньшей степени сохранилась понятийная общность десемантизированного корня, чем в тех, которые в словаре считаются родственными (к примеру, *су-гроб – греб-у*). Иногда и выделение границ морфем кажется лишенным последовательности: в словах типа *на-ч-а-ть – на-чин-а-ть* выделяются алломорфы *ч – чин – чн* (а не *ча – чин – чн!*), при этом в словах *жа-ть – с-жим-а-ть – (жм-у)* выделяются алломорфы *жа – жим – жм*.

Совершенно иное морфемное членение всех разобранных выше слов (кроме двух последних) в Морфемно-орфографическом словаре русского языка [Тихонов 1996]; (ср.: *пив-о, пир-, вил-ы, вилк-а, знам-я, помин-а-ть, сугроб-, запят-ая, закон-, надменн-ый, яств-о*). И родственных отношений, описанных выше в «Словаре морфем русского языка» [Кузнецова, Ефремова 1986], составитель не отмечает. Но, декларировав в качестве основного критерия установления родства слов критерий семантический – понимание мотивированности одного слова другим, ощущение связи их значений, – лексикограф апеллирует, по сути, к критерию психологическому, что и подчеркивали авторы «Словаря морфем русского языка», говоря о том, что исследователь в этом вопросе фактически обращается только к собственному языковому чутью. В условиях отсутствия фундаментальных исследований, анализирующих некое общее усредненное языковое сознание современного носителя языка, в котором слова ощущаются либо как семантически связанные, либо нет, такой критерий остается в значительной степени субъективным, и эта субъективность может стать предметом обсуждений и несогласий. Так, напр., в «Словообразовательном словаре» [Тихонов 1985] существует система отсылок (значок *ср.*), извещающая, что данное слово «желательно анализировать на фоне сопоставляемого с ним слова, не входящего в данное деривационное гнездо» [Тихонов 1985, т.1: 6]: *зеркало* ср. *зерцало, помянуть* ср. *помнить*. Но при слове *брякать* нет отсылки к слову *бряцать*, при слове *отрицать* – к слову *отрекаться, опережать* – к *прежде*, *меркнуть* – к *мерцать, вынуждать* – к *нужный* и т.д. Это, по-видимому, должно обозначать, что для современного носителя языка отсутствует семантическая связь между данными словами. В разных гнездах (то есть как имеющие разные корни) в «Комплексном словаре русского языка» [Тихонов 2001] оказываются слова *прошлое* и *прошедший, взрослый* и *расти*. Все многочисленные образования с чередованием (*н)я – (н)им* в корне (*взять, отнять, принять* и т.д.) рассматриваются в разных гнездах и не имеют отсылок типа *ср.* А в «Словообразовательном словаре русского языка» [Тихонов 1985] у них выделяются разные корни *взя-, отня-, приня-* и т.д).

Именно сравнение данных морфемного словаря исторически ориентированного типа (где часто нарушается единообразие в трактовке образования различных слов в силу того, что сложно установить критерий «глубины» проникновения в исторические пласты языка) и морфемного словаря, основанного на синхронно-деривационной основе (где зачастую игнорируется внутренняя форма слова, явно осознаваемая и являющаяся одним из существенных факторов, определяющих системность организации словаря), позволит студенту

осознать условность разделения типов анализа на синхронный и диахронный. Такое сопоставление не столько выявляет отдельные неизбежные недостатки данных словарей, ставших результатом титанического труда создавших их лексикографов, сколько свидетельствует о невозможности в рамках заявленных ими подходов быть до конца логичными в анализе чрезвычайно сложно устроенной системы языка, где граница *синхрония – диахрония* существует не в самой системе, а проводится исследователем на основании его собственного восприятия языка.

Это все чаще подчеркивается в трудах современных лингвистов: «Сегодня этимологию обычно исключают из числа участников в составлении морфологических, а особенно словообразовательных словарей. Это положение досталось нам в наследство от тех времен, когда словообразование как самостоятельный раздел языкознания искало мотивы для своей автономии. Сегодня же статус словообразования вполне прочен и солиден. Настала пора реабилитировать этимологию, вспомнить, что этимология – по крайней мере, в некоторых концепциях [Вандриес 1920] – определяется как отдел лингвистики, ставящей целью изучение словаря <...> Сегодняшнее разделение в исследовании деривации слова, а именно, противопоставление синхронных мотивационных связей диахроническим, – это отголосок строгого до ригористичности разделения синхронии и диахронии. А между тем даже рассмотрение неологизмов и окказионализмов [И.С.Улуханов 1984] стирает грань между синхронным бытием слова и его этимологией» [Демьянков http:// www.infolex.ru].

Но возможен ли такой путь анализа структуры слова, в котором сочетаются синхронный и диахронный подходы и при этом сохраняется их различение на основе операции выстраивания словообразовательной цепочки? На наш взгляд, это возможно на основе предлагаемого современными исследователями субморфного подхода, идея существования которого высказывалась В.Г. Чургановой в 1973 г. Эта идея развивается в статье О.В. Кукушкиной «Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиций морфонологии»: «Однако и двух уровней членения для русского слова явно недостаточно <...> Сохранить корень *буженин* и одновременно позволить выделить в нем самостоятельные одноуровневые компоненты корневого и аффиксального типа можно только в одном случае – если признать наличие в русском слове особого, субморфного уровня членения <...> Описать синхронное морфонологическое варьирование, оставаясь в рамках смыслового морфемного членения невозможно. На субморфном уровне основа *буж-ен-ин-* представляет собой трехкомпонентный корень, т.е. корень, формально разложимый на субморф корневого типа *буж-* и два субморфа суффиксального типа *–ен* и *–ин* <...> И такая разложимость – факт не диахронии, а синхронии, поскольку наличие в слове того или иного субморфа определяет и его акцентуацию, и набор возможных вариантов его частей <...> Различив субморфное и морфемное членение, мы сможем признать, что прав был и Г.О. Винокур – с точки зрения морфемной членимости, и А.И. Смирницкий – прежде всего с точки зрения субморфной членимости <...> Таким образом, есть достаточно много оснований для того, чтобы описывать структуру русского слова с помощью единиц не одного, морфемного, а трех уровней: (а) <u>деривационного</u>, на котором слово и его фор-

мы членятся на его главные функциональные части – основу (словообразовательную и словоизменительную) и формант; (б) морфемного, на котором основа членится на минимальные значимые части – морфемы; (в) субморфного, на котором выделяются «формальные морфемы», т.е. все сегменты, по фонемной структуре, позиции и набору вариантов схожие с морфемами <...> В результате мы регулярно получаем как новые непроизводные, но формально членимые корни (ср. такие известные примеры опрощения, как *бел-к-а, кол-ьц-о* и пр.), так и составные аффиксы...» [Кукушкина 2008: 11]. Если, следуя за ученым, признать субморфом не только аффиксальные образования, но и древнюю корневую морфему, то такой подход помогает логично и последовательно разрешить многие обозначенные выше сложные вопросы морфемики и деривации, хотя конкретный список явлений, которые можно относить к субморфным, требует уточнения. В свете анализа фонетических чередований в курсе «Историко-лингвистического комментария» представляет почву для обсуждений позиция исследователя в отношении одного из «средств соединения основы с формантом», названного консонизатором. Такими консонизаторами, в частности, являются индоевропейские сонанты (*j, в, м, н*, *л*): «...в финали многих праславянских основ, оканчивающихся на сонант, оказался непостоянный сегмент, появлявшийся и исчезавший в зависимости от типа инициали присоединяемого форманта. Результаты древних чередований сонантов с нулем лучше всего сохраняются в формах, образуемых от глагольных открытых основ корневого типа, т.е. состоящих из одного корня (ср.: *плыть – плы(в)у, ... взять – взи(м)ать, петь – по(j)у*)» [Кукушкина 2008: 15]. Возникает вопрос о признании данных консонизаторов субморфами, так как по ряду признаков субморф можно считать самостоятельной морфемой, а самостоятельность данных элементов, то, что они не принадлежат корневому морфу, вызывает сомнения.

Но, несмотря на естественно возникающие во всяком новом направлении исследования спорные моменты, сама идея многоуровневости анализа внутренней структуры слова является чрезвычайно продуктивной. Внимание к формальной стороне морфемного членения слова, в частности, выделение незначимых элементов определенных разновидностей, которые не выполняют собственно словообразовательной функции, неизбежно приводит к усилению внимания к семантическим аспектам образования слов в языке, к актуализации процесса поиска внутренней формы слова, являющейся непременным когнитивным условием функционирования языка. Связанность процесса понимания слова с процессом морфемного членения и этимологизирования подчеркивает В.З. Демьянков: «С этим аспектом непосредственно связан сам вопрос о реальности значения у морфемы: обычный носитель языка, не всегда достоверно знающий историю (и мотивацию) данного слова, прибегает к этимологизированию, т.е. к установлению “внутренней формы” слова (в смысле А. Марти), для того чтобы использовать эту внутреннюю форму в качестве “поискового образа” в своем “внутреннем словаре”. В этом причина так называемой “народной этимологии” как стремления к содержательной интерпретации знака. Человек в данном случае не удовлетворяется чисто знаковой природой явления, стремится снять его условность, обогатить знак собственными семантическими импликациями. В результате знак утрачивает для человека свою произ-

вольность» [Демьянков]. Этот поиск внутренней формы как один из процессов установления системности во внутреннем словаре приводит к выводу о невозможности рассматривать словообразовательные процессы без обращения к анализу исторических изменений в языке. Не случайно в последнее время лексикографами ощущается потребность в создании словарей, интегративно описывающих процесс «строительства» отдельного слова и всей лексической системы, совмещающих синхронический и диахронический подходы, напр., «Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка» [Хронологический словарь].

На наш взгляд, ощущается потребность и в появлении нового типа словаря, интегративно описывающего структуру и образование отдельного слова, в котором синхронный и диахронный аспекты не разводились бы, а взаимно дополняли друг друга. Словарь такого типа, совмещающий данные этимологического, словообразовательного и морфемного словарей (с учетом субморфного членения), может быть построен на основе хронологического принципа: от описания корпуса наиболее частотных и деривационно активных корней общеславянского, собственно русского и церковнославянского характера через дальнейшую семантическую дивергенцию и построение словообразовательных цепочек и гнезд (с восстановлением лакунарных с точки зрения синхронной дериватологии ступеней) к морфемному членению современного слова.

ЛИТЕРАТУРА

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ (Продолжение) // www.infolex.ru.

Кузнецова А.И, Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. – М.: Рус. яз., 1986.

Кукушкина О.В. Незначимые компоненты в структуре русского слова: взгляд с позиций морфонологии // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – № 5. – М.: Изд-во МГУ, 2008. – С.9–30.

Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959.

Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1964.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка // [Электронный ресурс] режим доступа: http://slovari.yandex.ru.

Комплексный словарь русского языка / Тихонов А.Н. и др. / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Рус. яз, 2001.

Сулейманова Д.З. Историко-лингвистический комментарий. – Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2005.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1986–1987.

Хронологический морфемно-словообразовательный словарь русского языка (более 50 тыс. лексических единиц). Лаборатория Общей и Компьютерной Лексикологии и Лексикографии // [Электронный ресурс] режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~lex/articles/fdsl.htm.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1993.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прозерпина, 1994.

Этимологический словарь русского языка / под ред. Н.М. Шанского. – М.: Изд-во МГУ, 1963–1982. Вып. 1–8.

LEXICOGRAPHIC PRESENTATION OF MORPHEMIC WORD STRUCTURE AND ITS ROLE IN PHILOLOGY STUDENT TRAINING

D.Z. Suleymanova

Data comparison of a diachronic morphemic dictionary and a morphemic synchronic dictionary encourages student's deeper awareness of a conventional division of word structure analysis into synchronic and diachronic. Search for the inner form as one of the procedures for system description of the inner dictionary leads to the conclusion that word-formation analysis is impossible without analysis of historical changes in the language. There is a need for a new type of dictionary that will integrate morphemic and morphological (word-building) structure with synchronic and diachronic aspects complementing each other. Besides, the dictionary will give due consideration to the data of etymological, word-formation, and morphemic dictionaries with an emphasis on sub-morphemic division.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО

© 2009

А.П. Власкин

ПРОЕКТ «ЭНЦИКЛОПЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Сравнительно недавно дифференциация лексикографических изданий представлялась достаточно ясной: «Различаются словари двух типов: энциклопедические и филологические (лингвистические). В первых объясняются реалии (предметы, явления), сообщаются сведения о различных событиях <...>. Во-вторых объясняются слова, толкуются их значения» [Розенталь: 161]. Между тем на нашем рубеже тысячелетий (то есть в последние 10–15 лет) наблюдается своеобразный словарно-энциклопедический бум, который не способствует ясной классификации. Появляется множество справочных изданий самого разного рода. Если придерживаться указанной выше типологии, то ко второму, филологическому, типу можно отнести словари – статистические, частотные, конкордансы, словари эпитетов и др. Но, быть может, еще большее разнообразие характерно для словарей энциклопедического типа. В частности, это касается изданий в области литературоведческих интересов.

Напр., появляется множество ранее невиданных энциклопедий литературных героев и произведений (Энциклопедия литературных героев. – М.: Аграф, 1997; Энциклопедия литературных произведений. – М.: Вагриус, 1998 и т.п.). Вполне очевидно, что целевая аудитория таких изданий – школьники и студенты, а еще более востребованы они в промежуточной категории читателей/покупателей – у абитуриентов. Как правило, авторы-составители подобных справочников позиционируют свою работу самым достойным образом: они стремятся соединять научность и доступность. Однако задача эта очень непростая. И разве может она быть решена при таком, напр., охвате материала: «Энциклопедия читателя: литературные, библейские, классические и исторические аллюзии, реминисценции, темы и сюжеты, мифологические и сказочные герои, литературные маски, персонажи и прототипы, реальные и вымышленные топонимы, краткие биографии и рекомендуемые библиографии / под ред. Ф.А. Еремеева: в 2 т. (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та: ИД «Сократ», 1999, 2002.)? Однако нужно признать, что такие книги востребованы; а потенциальный читатель, как известно, «всегда прав».

Обратим теперь внимание на более узкий разряд литературоведческих изданий – на *персональные энциклопедии*. Удачным прецедентом здесь стала основательно подготовленная под руководством В.А. Мануйлова и вышедшая в 1981 г. «Лермонтовская энциклопедия» (второе издание – в 1999 г.). С тех пор подоб-

ных трудов вышло множество. Назову лишь некоторые: Краткая ахматовская энциклопедия, Шукшинская, Чеховская, Замятинская, Булгаковская, Шевченковская, Толстовская, несколько разновидностей энциклопедии Пушкинской и т.д. [Малофеева 2000]. Здесь стоит упомянуть об изданиях, которые как бы развивают тенденцию, демонстрируя разветвление самого жанра, – это энциклопедические справочники, посвященные отдельным произведениям. Подобной чести по праву удостоились «Слово о полку Игореве» и «Евгений Онегин» (Энциклопедия). Возвращаясь же к энциклопедиям персональным, обратимся к Достоевскому; он заслуживает особого разговора.

Дело в том, что значимость его наследия для отечественной и мировой культуры исключительна безо всяких преувеличений. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на показатели популярности Достоевского (а по сути дела – его творчества) как в широкой читательской среде, так и в научных кругах. Последние, впрочем, также достаточно широки. Одни только регулярные научные конференции международного статуса, посвященные изучению личности и творчества этого писателя, проходят в России дважды в год (в Санкт-Петербурге и Старой Руссе) вот уже не первый десяток лет. И на каждый такой форум съезжаются ученые со всех уголков нашей страны, а также из разных стран, с разных континентов (Европа, Азия, Австралия, Северная и Латинская Америки). Помимо этого, хотя и более редко, но столь же регулярно проходят подобные «профильные» симпозиумы в разных странах. У меня нет сравнительной статистики, но полагаю, что такое внимание к творчеству писателя XIX в. со стороны научной общественности является беспрецедентным. Было бы странно, если бы это не сказалось на *лексикографической составляющей* интереса к Достоевскому. И оно сказалось.

Начнем обзор с изданий «лингвистического» типа (согласно упомянутой выше классификации Д.Э. Розенталя). Среди изданий традиционного вида выделяются два словаря. Первым упомяну «Статистический словарь языка Достоевского», подготовленный сотрудниками Отдела машинного фонда Института русского языка РАН под руководством А.Я. Шайкевича [Статистический словарь 2003]. С ним можно работать и в интерактивном режиме (http://cfrl.ru/dost_cd0/dostoevski.htm). Задуман был этот словарь в рамках масштабного проекта ИРЯ РАН под общим названием «Словарь языка Достоевского», а затем работа над ним выделилась в самостоятельное направление. Между тем в рамках упомянутого проекта уже подготовлено и увидело свет еще одно примечательное издание – «Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта», изданный при Институте русского языка РАН в трех томах и также доступный в интернет–версии (http://www.slovari.ru/default.aspx?p=227) [Словарь 2001-2003]. Из пояснений инициатора проекта, Ю.Н. Караулова, данных в аннотации к этому изданию, следует, что задумана целая лексикографическая серия, включающая несколько типов словарей (базовый, частотный, топонимов, грамматических слов, фразеологизмов и др.). Между тем, обращает на себя внимание примечательная тенденция. В первом результате проекта («Лексический строй идиолекта») открывается возможность совмещения принципов, ранее характерных для словарей двух типов – филологического и энциклопедического. В этой связи очень выразительно Ю.Н. Караулов высказался на презен-

тации словаря на семинаре «Теория и практика авторской лексикографии». По его словам, перед составителями стояла задача «раскрыть и показать творчество писателя, окунуться в его мир через анализ языка его произведений». И разработанный в результате «идиоглоссарий представляет собой новый тип словаря писателя (или авторского словаря), который «претендует на то, чтобы сформировать представление о мире реальности и виртуальном мире в произведениях Достоевского с акцентом на его языке, превратив последний в самостоятельный вход в изучение творчества и мировидения автора» [Семинар http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr_1].

Не столько лексикографической тенденцией, сколько развитием технологий можно считать использование возможностей интерактивной работы со словарями в Интернете. Как уже сказано, оба вышеупомянутых словаря такую возможность допускают (причем бесплатно). Но действительно новым явлением в лексикографии можно считать словари, прямо рассчитанные лишь на интерактивность. По вполне понятным причинам это преимущественно «конкордансы» (очень большой объем охватываемого материала и удобства использования гиперссылок). В этой связи нельзя не отметить работу кафедры русской литературы Петрозаводского университета, где подготовлено множество интерактивных словарей (см.: http://www.philolog.ru/), в том числе, напр., «Частотный словарь-конкорданс публицистики Ф.М. Достоевского» (http://dostoevskii.karelia.ru). Но, пожалуй, самым грандиозным по масштабам является их проект под названием «Конкордансы всех произведений Ф.М. Достоевского» (http://petrsu.ru/~Dostoevsky/dostconc/alpha.htm).

Что касается собственно «энциклопедий», то здесь наблюдаются также неоднозначные явления. Одну из первых энциклопедий, посвященных Достоевскому, подготовил и издал тамбовский писатель Н.Н. Наседкин, активно занимающийся литературоведением [Наседкин 2008]. Автор попытался сконцентрировать главное о Достоевском в объеме 800 страниц, структурировав свой труд по трем разделам – «Произведения», «Персонажи» и «Вокруг Достоевского». Более масштабное издание (в 2-х томах) разработано известным петербургским критиком и ученым С.В. Беловым [Белов 2001]. Правда, в отличие от предыдущего автора, он счел более правильным обозначить жанр своего труда как «Энциклопедический *словарь*» и ограничил внимание только «окружением Достоевского» (это материал одного лишь третьего раздела энциклопедии Н.Н. Наседкина). К сожалению, эти издания объединяет, помимо прочего, одна общая черта – они заслужили множество критичных откликов со стороны специалистов. Быть может, дело в том, что одному автору – при всей его добросовестности и трудоспособности – просто не по силам осуществить действительно *энциклопедический* подход к личности и творчеству Достоевского.

В кругу достоевсковедов известно, что академик Г.М. Фридлендер, инициатор и главный редактор академического издания собрания сочинений Достоевского, в последние годы своей жизни вынашивал идею создания соответствующей масштабной энциклопедии (предположительно в трех томах). Но положить начало осуществлению подобной идеи суждено было другому специалисту – Г.К. Щенникову. Он задумал проект под общим названием «Достоевский и русская культура» и начал активную его разработку. Первым

результатом стало издание в 1997 г. словаря-справочника энциклопедического характера «Достоевский: Эстетика и поэтика» [Достоевский 1997].

Из личных бесед с Г.К. Щенниковым мне (как одному из авторов словарных статей) известно, что в рамках проекта предполагалась подготовка в общей сложности до шести выпусков «Словаря». Этому в общих чертах соответствует пояснение в «Предисловии» к первому выпуску: «Составители словаря-справочника рассматривают данное издание как первую пробу в задуманной ими серии словарей по теме «Достоевский и русская культура»: давно назрела необходимость дать сжатый и по возможности полный свод сведений о многообразных и разносторонних связях Достоевского с разными сферами российской духовной жизни – об отражении истории России и русской культуры в произведениях писателя, об отношении Достоевского к православию и другим религиозным конфессиям на территории России, о его влиянии на развитие русской философской мысли, о взаимоотношениях Достоевского с русскими литераторами и его связях с отечественным фольклором, о влиянии писателя на развитие русского искусства и т.д.» [Достоевский 1997: 7].

В последующем работа над проектом продолжалась, но планы пришлось корректировать. В результате спустя десять лет свет увидел второй выпуск задуманной серии – «Достоевский: Сочинения, письма, документы» [Достоевский 2008]. Как один из редакторов этого выпуска, автор настоящей статьи пользуется возможностью дать ему свою характеристику.

Во-первых, безусловно позитивным является тот факт, что в книге впервые собраны статьи обо всех без исключения произведениях Достоевского (художественных, литературно-критических, публицистических) и даже о принадлежащих его перу записках и «приписках» к чужим статьям. Учтены и тексты, оставшиеся лишь в замысле. Имеются обобщающие статьи об эпистолярном наследии Достоевского, о его записных тетрадях и книжках, о показаниях писателя на следствии по делу петрашевцев, об альбомных записях и стихах. Каждая статья сопровождается библиографией, и наряду с этим специально для данного справочника составлен итоговый список «Основной литературы о творчестве Достоевского», заметное место в котором занимают иноязычные источники [Достоевский 2008: 423-453].

Вторая отличительная черта рассматриваемого издания состоит в «географическом» факторе авторства статей. В первом его выпуске, опубликованном в Челябинске, из тридцати семи авторов лишь двое были представителями Москвы и Санкт-Петербурга. Так что «география» авторства оказалась поневоле обширна: Урал (Екатеринбург, Челябинск, Уфа) и Северо-Запад (Петрозаводск, Иваново), Центральная Россия (Воронеж, Орел, Коломна) и Сибирь (Омск, Томск, Иркутск). Причем в этом изначально не было никакой преднамеренности, принципиальной позиции. Главный редактор настойчиво приглашал к участию в подготовке издания всех заинтересованных специалистов. Но в столицах таких заинтересованных по разным причинам не оказалось... Так что в тот момент Г.К. Щенникову пришлось интерпретировать эту ситуацию уже принципиально: «Современная наука о Достоевском не монополизирована академическими и вузовскими учреждениями Москвы и Санкт-Петербурга – большая часть российских достоевсковедов сосредоточена сейчас в провинции

<...> Настоящая наука не разделяется на столичную и периферийную. Но до широкого потребителя литературы о Достоевском, до всех, кто интересуется его творчеством <...> исследования периферийных ученых, в отличие от их столичных коллег, почти не доходят. Авторы справочника надеются, что издание получит известность за пределами Челябинской области» [Достоевский 1997: 6-7].

Первый выпуск имел заслуженно хорошие отклики в научных кругах. Но во втором справочнике в отношении авторства мало что изменилось. Издан он уже «Пушкинским Домом», при активнейшем участии Б.Н. Тихомирова (председателя российского отделения Международного общества Достоевского). Однако из двадцати девяти авторов – лишь семеро представляют Москву и Санкт-Петербург (из которых трое, включая Г.К. Щенникова, просто перебрались за это время из провинции в столицы). Так что процитированное по первому выпуску заявление главного редактора и для второго не утратило своей актуальности.

Третья отличительная черта словаря-справочника касается как раз «лексикографических» принципов редакторской работы (в которой мне довелось участвовать). Мы намеренно отказались от стилевого нивелирования статей, то есть приняли на вооружение «принцип дополнительности». На деле это означает, что по многим произведениям или публицистическим материалам Достоевского в справочнике предлагаются различные как по форме, так и по содержанию описания и характеристики. Это было не соавторство, а своеобразная запланированная «полифония» точек зрения, поскольку одному и тому же произведению посвящались не одна, а две или даже три статьи. В результате академическая обстоятельность одних авторов (например, Г.Г. Ермиловой) соседствовала с почти импрессионистической манерой других (В.В. Дудкина). Такие статьи не только неизбежно дополняли, но и взаимно оттеняли друг друга. В некоторых случаях статьи были даже построены по принципу «коллажа»: фрагменты разного авторства перемежались друг с другом (как, например, в статье о романе «Идиот», где неоднократно сменяют друг друга «голоса» В.А. Свительского и Г.Г. Ермиловой). Этот принцип оказался особенно оправданным, когда необходимо было представлять произведения Достоевского, до сих пор вызывающие горячие споры («Бесы», «Подросток», «Сон смешного человека» и др.).

В этой связи, допуская некоторую вольность, могу провести аналогию с общим для большинства филологических словарей принципом, согласно которому принято давать весь спектр значений слова или термина. В рассматриваемом словаре-справочнике роль «лексических единиц» условно можно закрепить за произведениями Достоевского, а их различные «значения» раскрываются в словарных статьях. Последние, кроме того, могут вызывать ассоциации (опять-таки вольные) с синонимами идеографического и стилистического типа. Это наблюдение и позволило мне выше указать на «лексикографические принципы» редакторской работы, проводимой при составлении словарей-справочников, посвященных Достоевскому.

Таким образом, если вспомнить «Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта» и отмеченное в нем совмещение принципов, характерных для словарей филологического и энциклопедического типов, то можно сделать вы-

вод о своеобразном встречном движении: границы между этими двумя типами «размываются» усилиями специалистов из разных научных областей – как «лингвистами», так и «литературоведами». И это, конечно, только способствует успешному изучению и популяризации наследия Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

Белов С.В. Ф.М. Достоевский и его окружение. Энциклопедический словарь: в 2 т. – СПб.: Алетейя: РНБ, 2001.

Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник / сост. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб.: Изд. «Пушкинский Дом», 2008.

Достоевский: Эстетика и поэтика: словарь-справочник / под ред. Г.К. Щенникова. – Челябинск: «Металл», 1997.

Малофеева Н.Н. Отечественные персональные литературные энциклопедии // Научная книга. – 2000. – № 3. – С. 37–44.

Наседкин Н.Н. Достоевский. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2003 (2008).

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – М.: Международные отношения, 1995.

Семинар «Теория и практика авторской лексикографии». [Электронный ресурс]. / Режим доступа: http://www.ruslang.ru/?id=seminar_aut_lexicogr_1.

Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2001–2003. Вып. 1–3.

Статистический словарь языка Достоевского / А.Я. Шайкевич, В.М. Андрющенко, Э.А. Ребецкая – М.: Яз. слав. культуры, 2003.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5 т. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995.

Онегинская энциклопедия: в 2 т. – М.: Рус. путь, 1999 (2004).

"F.M. DOSTOEVSKY ENCYCLOPEDIA" PROJECT WITHIN THE CONTEXT OF LEXICOGRAPHY DEVELOPMENT

A.P. Vlaskin

Numerous publications dedicated to Dostoyevsky and manifesting his lasting legacy make it possible to reveal some lexicographic tendencies. The author gives an outline of linguistic dictionaries and concordances, with further consideration of two issues of an encyclopedic reference book made within the framework of a large scale project «Dostoevsky and Russian culture». Then he defines its peculiarities.

© 2009

С.Л. Слободнюк

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СЛОВАРЯ АРХЕТИПОВ КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ: «СВОБОДА», «ПРАВО», «ЗАКОН»

Предложенная в названии статьи формулировка вряд ли вызовет теплые чувства у большей части филологического сообщества. Ведь начало XX столетия – это Серебряный век русской культуры. А раз так, то все, что относится к этому периоду, есть апофеоз духовных исканий, эталон культурного прогресса и прочая, и прочая... И само слово «кризис» здесь просто неприменимо!.. Тем более, в одной связке с понятием архетипа, который есть не просто особая мифологическая фигура, но «в известном смысле» сформулированный итог «огромного типического опыта бесчисленного ряда предков», «психический остаток бесчисленных переживаний одного и того же типа», усредненно отображающий «миллионы индивидуальных переживаний» [Юнг 2007в: 45301].

Я совсем не случайно привел сейчас одно из определений архетипа, принадлежащих К.Г. Юнгу, поскольку в последние годы филология почему-то практически не принимает никаких иных интерпретаций. В многочисленных трудах, посвященных архетипике художественного текста, можно без труда увидеть бесконечные вариации на темы следующих высказываний отца-основателя: «Термин *архетип* зачастую истолковывается неверно, как некоторый вполне определенный мифологический образ или мотив»; архетип «является тенденцией к образованию таких представлений мотива, – представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы»; «...инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света» [Юнг, 2007а: 45112–45114]. И «творчески» применяя эти «догматы» к художественному тексту, современные исследователи обнаруживают архетипы юнговского толка везде: в пейзажных зарисовках, описаниях интерьеров, размышлениях «о времени и о себе»...

Безусловно, определенный смысл в подобных изысканиях есть. Любое подлинно художественное произведение без особых натяжек может быть отождествлено с неким особым и самодостаточным бытием. Если же при этом принять тезис Г. Шпета: «Искусство — модус действительности, и слово – архетип этой действительности, недействительной действительности» [Шпет 1989: 358], – то все противоречия исчезнут сами собой. Правда, дело здесь несколько осложняется тем, что, согласно тому же Шпету, «слово есть не только явление природы, но также принцип культуры. Слово есть архетип культуры; культура – культ разумения, слова – воплощение разума» [Шпет 1989: 380], поскольку подобные мысли не слишком хорошо согласовываются с позицией сторонников Юнга, которым, впрочем, нет до этого дела. Как нет дела и до того, что изначально архетип есть все-таки *прообраз*, являющий собой, согласно Филону (трактат «De

mundi opificio»), одно из первых творений божества: «Раньше всего другого, что есть в умопостигаемом мире, творец создал нетелесное небо и нечувственную землю и идею воздуха и пустого; затем он создал нетелесную сущность воды и некий нетелесный свет и некий нечувственный прообраз (αρχέτυπος) солнца и всех звезд» (цит. по: [Гегель 2005: 1706]. В самом деле, гораздо проще, не вдумываясь, взять за образец *фрагмент* работы В.Н. Топорова «Господин Прохарчин»: попытка истолкования» и усматривать архетипическое основание в описаниях *любых* пространств и *любых*... квартир.

А еще можно применять юнговскую теорию к любому из явлений человеческой истории и уверенно утверждать, напр., что архетипы есть глубинные источники «представлений о Власти и Законе», образующие «“предправовую”, “предполитическую” материю, из которой впоследствии рождались эти феномены» [Мальков 2005: 226]. И это при том, что в источнике, на который опирается данное рассуждение (Исаев И.А. Метафизика Власти и Закона: У истоков политико-правового сознания) и который цитируется тут же (!) об этом говорится несколько иначе: «Расположившись в недрах коллективного бессознательного, *архетипы Власти и Закона*, проявлялись в самых разнообразных формах и символах, подчас заставляя человеческую мысль идти запутанным и парадоксальным путем» [Мальков 2005: 226].

На основании сказанного можно предположить, что *любая* попытка однозначного истолкования *любого архетипа* обречена на провал уже по причине символичности *любой из его актуализаций*.

Правда, в свете последних достижений гуманитарной мысли это высказывание выглядит несколько реакционно, как, впрочем, и любое другое, апеллирующее к разуму, а не к неуправляемым эмоциям. Ведь в противном случае придется признать, что архетипы «бог», «демиург», «София» в художественном бытии русского литературного модернизма совершенно не вписываются в концептуальный тезис Плотина: «Зло царствует только здесь, так как здесь имеется только след *той* жизни и только след *того* ума, между тем как там пребывает сам ум, который, по Платону, есть *имеющий образ блага архетип* <...> потому что благо присуще всем его идеям ...» [Плотин 2000: 218], – и их традиционные истолкования никак не отражают истинного положения дел.

Более того – даже выбравшись из зыбкого мира русского символизма, реакционер, подобный автору этой статьи, не перестает быть таковым. Так, в обманчиво светлых пространствах утопии внезапно обнаруживается нечто, плохо сочетающееся с известным высказыванием Юнга: «...Коммунистический мир имеет один великий миф (который мы называем иллюзией в слабой надежде, что наше высокое суждение поможет ему развеяться). Это свято почитаемое архетипическое видение Золотого Века (или Рая), где в изобилии имеется все для каждого и где всем человеческим детским садом правит великий справедливый и мудрый вождь. <...> Наша западная цивилизация пребывает во власти той же самой мифологии. Бессознательно мы дорожим теми же самыми предрассудками, лелеем те же надежды и ожидания. Мы также верим в благосостоятельное государство, во всеобщий мир, в равенство людей, в незыблемые человеческие права, в справедливость, в правду и (не говорите это слишком громко) в Божье Царство на земле» [Юнг 2007б: 45145]. Вдумаемся – все, что приписывается

здесь коммунистическому обществу, от первой до последней позиции есть продукт именно западного влияния, а вовсе не зловещие происки марксистской идеологии, которая, творя собственную иллюзию, собственную утопию, просто взяла на вооружение достижения своих противников. Это ведь у них, у буржуазных утопистов вроде Э. Беллами и Э. Кабэ, «правда», «справедливость», «человеческие права» обеспечиваются не Законом, не Властью, а именно *неким неназываемым* «имеющим образ блага архетипом», «потому что благо присуще всем его идеям».

Но если это так (а это действительно так), то для чего во всех без исключения утопических мирах законы?.. И почему в антиутопических мирах необходимо присутствует и активно действует... «великий справедливый и мудрый вождь»?.. Дать исчерпывающий ответ на эти вопросы в рамках одной статья вряд ли реально. Поэтому я попытаюсь вчерне определить возможные пути осмысления отдельных архетипов на примере романа Е. Замятина «Мы», почему-то традиционно считающегося первой полноценной *анти*утопией в мировой литературной традиции, хотя, на мой взгляд, таковой вовсе не является (это легко обнаруживается даже при беглом сопоставлении замятинского произведения с творениями Кампанеллы и Мора).

Подобный выбор обусловлен прежде всего тем, что именно в замятинском тексте в достаточно «чистом виде»: 1) представлен демиург-Благодетель, никак не соотносимый с демиургом платоновского толка; 2) архетип библейских скрижалей перевоплощается в Часовую Скрижаль; 3) а архетипы «право», «свобода», «закон», «справедливость» и прочие из того же характерного для утопического бытия ряда могут быть определены только одним словом – «оборотни».

Кроме того, свою роль в выборе текста играет «математическая» точность замятинского языка, изначально оппозиционного символической размытости. И наконец, при работе с романом «Мы» нет необходимости в поисках культурного архетипа, «породившего» произведение. Это – весьма своеобразно осмысленная и частично пережитая автором марксистско-ленинская правовая и государственная утопия. У Замятина можно видеть, с одной стороны, актуализацию марксистских построений, а с другой стороны – осознанную оппозицию им же.

Так, в системе марксистских и замятинских архетипов не последнее место занимает «свобода». Но у Замятина она только внешне совпадает со спинозистско-марксистским архетипом, а внутренне абсолютно ему противоположна.

Убедительным примером для подтверждения нашего тезиса может служить следующее рассуждение Д-503: «Почему танец – красив? Ответ: потому что это н е с в о б о д н о е движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе. И если верно, что наши предки отдавались танцу в самые вдохновенные моменты своей жизни (религиозные мистерии, военные парады), то это значит только одно: инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку, и мы, в теперешней нашей жизни — только сознательно...» [Замятин 1989: 309]. Очевидное родство этих построений с известными определениями свободы как осознанной (либо познанной) необходимости вряд ли требует развернутых доказательств.

Иное дело, что обитатель замятинского Единого Государства по сути приходит к утверждению, что осознанной (либо познанной) необходимостью в его

мире является не–свобода, которая при этом оказывается превыше свободы, ибо противостоит хаосу и тем самым доказывает, что она и есть подлинная свобода, данная человеку с рождения.

Заметим, что в этих построениях есть, при всей внешней схожести, глубинное, сущностное расхождение с идеями, высказанными Оруэллом в его романе «1984». Оруэлл, словами одного из героев, излагает следующее: «Вы знаете партийный лозунг: «Свобода – это рабство». Вам не приходило в голову, что его можно перевернуть? Рабство – это свобода. Один – свободный – человек всегда терпит поражение. Так и должно быть, ибо каждый человек обречен умереть, и это его самый большой изъян. Но если он может полностью, без остатка подчиниться, если он может отказаться от себя, если он может раствориться в партии так, что он *станет* партией, тогда он всемогущ и бессмертен» [Оруэлл 1999–2008]. В случае с Замятиным мы имеем дело с осознанной игрой базовыми архетипами, в случае с Оруэллом – с типичным софистическим упражнением, изящным по своей форме, но исходящим из некой парадоксальной декларации, основы которой заложило замятинское творение.

Помимо процитированного фрагмента, Замятин предлагает внимательному читателю достаточно материала для размышления. «У меня по отношению к Единому Государству есть это право – понести кару, и этого права я не уступлю» [Замятин 1989: 383], – провозглашает вымышленный автор дневников. В сущности, это единственное право, которым, помимо права на удовлетворение сексуальных потребностей («lex sexualis»), обладает гражданин Единого Государства.

При этом мы имеем дело не с терминологической игрой, где смешивается собственно «право» и «права». Чтобы показать это, достаточно простого соотнесения замятинских тезисов с некоторыми очевидно известными ему идеями, а именно: «...Право есть свобода, определяемая законом» [Чичерин 1900: 84]); «всякое право заключает в себе элемент свободы, хотя эта свобода может быть и одностороннею, иметь характер привилегии одного лица в ущерб другому. *Где вовсе нет свободы, там вообще не может быть никакого права*» [Трубецкой 2005: 32911]; «Я нахожу даже у самых ученых авторов, что для обозначения одного и того же они употребляют слова lex civilis и jus civile, т.е. *закон и гражданское право*, чего, однако, не следует делать. Ибо *право* есть *свобода*, именно та свобода, которую составляет нам гражданский закон. Гражданский же закон есть обязательство и отнимает у нас ту свободу, которую предоставляет нам естественный закон. Природа дает всякому человеку право обезопасить себя своими силами и для предупреждения нападения самому напасть на подозрительного соседа. Гражданский же закон лишает нас этой свободы во всех случаях, когда защита закона обеспечивает безопасность. Таким образом, между lex и jus существует такое же различие, как между *обязательством и свободой*» [Гоббс 1991: 224–225]. В Едином Государстве, в сущности, все обстоит с точностью до наоборот. Свобода есть несвобода и тем самым являет собой подлинную свободу...

Но в таком случае, опираясь на воззрения в первую очередь Гоббса, мы можем показать, что точно такой же алгоритм Замятин применяет и к понятию права и закона. Ведь закон в мире утопии есть то, что противостоит энтропии:

«...Пожар. В ямбах качаются дома, взбрызгивают вверх жидким золотом, рухнули. Корчатся зеленые деревья, каплет сок – уж одни черные кресты скелетов. Но явился Прометей (это, конечно, мы):

И впряг огонь в машину, сталь,

И хаос заковал законом» [Замятин 1989: 337].

Таким образом, перед нами очередная декларация несвободы. Но несвобода в данном случае и есть закон. В таком случае несвобода как высшая степень свободы превращает закон в его противоположность, и он одновременно оказывается правом.

При этом последнее в мире Единого Государства, будучи по форме естественным, является по существу – положительным, но только в том случае, когда направлено на равных граждан (они же – «нумера»), что в свою очередь указывает на непосредственную и столь же парадоксальную связь с марксистским тезисом, обличающим буржуазию: «... Ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса» [Маркс и Энгельс 1985: 122]. Однако класса как такового в Едином Государстве нет и быть не может. Соответственно – и право, и закон Единого Государства должны здесь оказаться некими химерами, узурпировавшими место, которое им не принадлежит. Однако при ближайшем рассмотрении нетрудно установить, что дело обстоит совершенно не так, и следует поменять все знаки на противоположные. Следует благодаря исключительно тому, что замятинские архетипы есть подлинные прообразы, продуцирующие онтологическое основание и в антиутопическом, и в утопическом бытии.

Обратим внимание, у Оруэлла, считающегося прямым наследником замятинской линии, те же самые проблемы «решаются» путем создания *новояза*: «Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, – в слове «старомыслие»» [Оруэлл: Dag's Orwell Project], – то есть простым «переназыванием» имен...

Приведенный образец анализа, безусловно, достаточно схематичен. Однако, мне представляется, что он дает определенное представление о том, насколько реальна возможность составления словаря архетипов, которые не просто отражают особенности мировоззренческого кризиса, но порождают и поддерживают деструктивный процесс.

ЛИТЕРАТУРА

Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии // История философии: классические труды. [Электронный ресурс]. – М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2005. – С. 76–2793. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Гоббс Т Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2.

Замятин Е.И. Мы // Замятин Е.И. Избранное. – М.: Правда, 1989. – С. 304–462.

Мальков Б.Н. Основы философии права. Курс лекций // Мальков Б.Н. Философия права. Хрестоматия. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг; Российская академия правосудия, 2005. – С. 11–861. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1985. – Т.1. – С. 95–138.

Оруэлл Д. 1984 // Сайт Dag's Orwell Project, 1999–2008. Режим доступа: http://www.orwell.ru/ library/novels/1984/russian/ru_p_3.

Плотин. Избранные трактаты. – М.: Харвест: АСТ, 2000.

Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права [М., 1908] // Мальков Б.Н. Философия права. Хрестоматия. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг; Российская академия правосудия, 2005. – С.32902–32917. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Чичерин Б.Н. [Из работы «Нравственный мир»] // Мальков Б.Н. Философия права. Хрестоматия. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг; Российская академия правосудия, 2005. – С.33729–33795. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Чичерин Б.Н. Философия права. – М.: Типо-лит. И.Н. Кушнерев и К°, 1900.

Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Сочинения. – М.: Правда, 1989. – С.344–472.

Юнг К.Г. Архетип в символизме сна // Культурология: классические труды. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2007 а. – С.45110–45140. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Юнг К.Г. Душа человека // Культурология: классические труды. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. – С.45141–45158. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству // Культурология: классические труды. [Электронный ресурс]. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. – С.45263–45307. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

A FEASIBILITY STUDY ON THE ARCHETYPE DICTIONARY OF CRISIS CONSCIOUSNESS: FREEDOM, RIGHT, LAW

S.L. Slobodnyuk

The article raises a question as to the feasibility of compiling a dictionary of crisis archetypes. The author criticizes present-day enthusiasm for the K.G. Jung's theory of archetypes and proposes to return to classical notion of an archetype as that of a primary image. From this viewpoint the author analyzes crisis deformation of archetypes "right", "freedom", "law" and states the necessity of the broad contextual definition of the latter.

© 2009

О.П. Фесенко

О ПРОЕКТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ДРУЖЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Эпоха первой трети XIX в. для истории русского языка является одной из ключевых. Это время образования современного русского литературного языка, которое не было одномоментным, затрагивало все языковые уровни, и фразеология в этом аспекте – интереснейший материал для исследователей.

Словарь «эпистолярных» фразеологизмов должен показать динамичность фразеологической системы первой трети XIX в., отражающей дискурсивную природу дружеского письма.

Цель словаря – описать фразеосферу дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры, опираясь на специфику употребления фразеологизмов (через особенности функционирования фразеологических единиц (далее – ФЕ) различных семантико-грамматических классов в текстах разныых авторов, которые открывают возможности полевого, концептуального и культурологического анализа фразеосистемы). Под фразеологизмом мы понимаем раздельнооформленную номинативную единицу языка, которая соотносится по общим и частным семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи, и, являясь раздельнооформленной номинативной единицей языка, выражает единое целостное понятие.

Если рассматривать дружеское письмо в качестве дискурсивного гипержанра (как речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной **национально-временной** эпистолярной **традиции**, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций), определяются задачи Словаря: 1) выявить фразеологический фонд дружеского эпистолярного дискурса; 2) описать специфику употребления фразеологизмов в дружеских письмах; 3) установить семантико-грамматические свойства эпистолярных фразеологизмов; 4) определить исторически обусловленные особенности структуры, семантики и употребления эпистолярной фразеологии, отличающие ее от современного состояния фразеосистемы русского языка; 5) рассмотреть направления окказионального преобразования фразеологизмов в дружеских письмах и по возможности объяснить историко-этимологические причины их появления.

Для этого в словарную статью включаются примеры употреблений ФЕ разными авторами (Словарь можно квалифицировать как словарь употреблений). Для определения значений фразеологизмов, выявления изменений в их семантике, структуре и сфере употребления привлекаются словари XVIII, XIX и XX вв., в которых фиксируется значение фразеологизмов в определенный период существования русского языка. Словарные статьи снабжены историческими справками и ссылками на лексикографические источники разных эпох, что дает возможность проследить изменения особенностей функционирования, значения и стилистической окраски фразеологизмов. Такое описание материала особенно актуально, поскольку Словарь в определенном смысле явля-

ется историческим. Не претендуя на полноту отображения всех особенностей эпистолярной фразеосферы первой трети XIX в., Словарь дает представление о специфике формирования фразеосистемы русского языка в рамках дружеского эпистолярного дискурса, максимально приближенного в живой разговорной речи.

Источником составления Словаря послужила картотека, включающая 984 ФЕ (около 5000 употреблений фразеологизмов) в дружеских письмах А.С. Пушкина, А.А. Дельвига, Е.А. Баратынского, А.С. Грибоедова, Н.М. Языкова, И.И. Пущина и др.

При выборе эпистолярия как источника фразеологического материала важным для нас явился тот факт, что частное письмо создается в процессе общения и отражает на языковом уровне контакт и межличностные отношения между автором и адресатом. При этом переписка рассматривается не как результат, а как процесс речевого поведения. Поэтому именно дружеские письма, в отличие от текстов художественной литературы, дают возможность исследователю языка изучить ФЕ в «живом» употреблении.

При подготовке к публикации тексты писем практически не подвергались литературной обработке, сохраняли особенности орфографии того времени, в которое были созданы. Это, в свою очередь, позволяет расширить представление о переходных явлениях в сфере фразеологии (от фразеологизма к слову и наоборот).

ФЕ располагаются в Словаре в соответствии с семантико-грамматическими классами, к которым они относятся. Это дает возможность выявить ключевые ФЕ в качестве смысловых доминант частных писем пушкинской эпохи, проанализировать особенности функционирования ФЕ в изучаемый нами период, определить основные черты эпистолярных фразеостилей А.С. Пушкина, И.И. Пущина, А.А. Дельвига, Н.М. Языкова, А.С. Грибоедова, А.Е. Баратынского (эпистолярное наследие перечисленных авторов проанализировано в максимально полном объеме). Модальные ФЕ, представленные отдельным структурным элементом словаря, позволяют рассматривать эпистолярные тексты с позиций дискурсивного анализа, а сами фразеологизмы – как дискурсивные маркеры (дискурсивные слова).

В Словарь вошли ФЕ двух групп, специально не обозначенных в структуре работы: ФЕ, которые употребляются в русском языке XX в. без изменения структуры, семантики, стилистики и сферы употребления; ФЕ, претерпевшие за последние 200 лет различные структурно-семантические, стилистические и функциональные изменения.

Среди выявленного фразеологического материала около 60 фразеологизмов (6%) последние 200 лет функционируют в русском языке в прежнем виде, остальные претерпели различные модификации.

Словарная статья включает в себя несколько значимых компонентов: заголовочное слово (фразеологизм) со всеми его структурными вариантами, его стилистическая характеристика, указание на особенности функционирования ФЕ, значение (или несколько значений), примеры употреблений и примечание (историческую справку, указание на изменение структуры, семантики и сферы употребления фразеологизма со ссылками на различные лексикографические

источники; справку о времени появления ФЕ в русском языке, замечания по поводу авторства фразеологизма, указание на причины появления окказионального фразеологизма). Приведем несколько примеров словарных статей:

ДО ПОРЫ(,) ДО ВРЕМЕНИ (ДО ВРЕМЕНИ – Устар.) – 'временно, пока, до определенного момента'.

Все это между нами ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ (И.И. Пущин М.А. Фонвизину, 28 апреля 1840 г.). Насчет моего путешествия, о котором прошу ДО ВРЕМЕНИ не говорить, я пустил брандера (И.И. Пущин Я.Д. Казимирскому, 20 ноября 1848 г.). *Следовательно, мы решились молчать ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ и нести все упреки ...* (И.И. Пущин М.Н. Пушкиной, 10 июня 1857 г.). *Но действовать страхом и щедротами можно только ДО ВРЕМЕНИ; одно строжайшее правосудие мирит покоренные народы со знаменами победителей* (А.С. Грибоедов С.Н. Бегичеву, 7 декабря 1825 г.). *О последнем я не могу судить сам ДО ПОРЫ ДО ВРЕМЕНИ* (Н.М. Языков обоим братьям, 21 июня 1823 г.) *Но прошу еще ДО ВРЕМЕНИ не приписывать сухости моих писем постороннему влиянию ...* (Н.М Языков А.М. Языкову, 23 марта 1823 г.).

В современном русском языке ФЕ квалифицируется как ***разговорная*** [Фразеологический словарь русского литературного языка. Т. 2, 1991: 130]. *ДО ВРЕМЕНИ (помета «**Устар.**»* [Большой академический словарь русского языка. Т. 3, 2004: 238; Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Т. I, 2004: 181]).

В НАКЛАДЕ –'находящийся в убытке'.

Целовой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я В НАКЛАДЕ; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, март 1823 г.).

В современном русском языке ФЕ квалифицируется как просторечная [Фразеологический словарь современного русского литературного языка. Т. I, 2004: 628]. *Слово «наклад» как самостоятельная лексическая единица фиксируется словарями русского языка XVII, XVIII, XIX вв.* [Даль. Т. 2, 1994: 1102 *«убыток, ущерб»;* Словарь Академии Российской. Т. 3, 2001: 570 *«убыток, изъян, урон, ущерб»;* Словарь Академии Российской. Т. 3, 1806: 1091 – пример свободного употребления – *«остаться в накладе»;* Словарь русского языка XVIII. Вып. 13, 1984: 214].

ФЕ, вышедшие из употребления еще в XIX в., имеют помету «Устар. XIX»: *давать/дать на волю* (кого, что), *скрепляться/скрепиться с духом, больше или меньше, в кратце, во время, в поте лица, в торопях, до нельзя, до сыта, как душу, крепко на крепко, мертво пьян, на двое, надлежащим образом, на повал, к стати 1,2,3,4; к стати или не к стати (кстати), к стати о (ком, чем), по времени, с верху до низу, точь в точь, в добавок к (кому, чему), в воспоминание (кого, чего), на ряду с (кем, чем), не взирая на (кого, что), не смотря на (кого, что), ей богу, гол как бубен* и т.д. При этом при необходимости дается ссылка на словарные статьи тех словарей XIX в., в которых данная фразеологическая единица зафиксирована, напр.:

ГОЛ КАК БУБЕН Устар. XIX – 'нищий, ни с чем'.

Брат Лев дал мне знать о тебе, о Баратынском, о холере <...> Наконец и от тебя получил известие. Ты говоришь: худая вышла нам очередь. Вот! да разве не ви-

дишь ты, что мечут нам чистый баламут; а мы еще понтируем! <...> Поделом, если останемся ГОЛЫ КАК БУБНЫ (А.С. Пушкин П.А. Вяземскому, 5 ноября 1830 г.).

ГОЛ КАК БУБЕН [Словарь русского языка XVIII. Вып., 1994: 152; Палевская 1980: 73]. *ГОЛ, КАК БУБЕН* [Даль. Т. 1, 1994: 329].

Некоторые словарные статьи, содержащие авторские фразеологические обороты, включают в свой состав указание на условия, способствующие появлению авторского варианта.

Структурные, семантические, функциональные характеристики фразеологизмов частной переписки, приводимые в словаре, стали возможны потому, что соответствующие свойства были выявлены в результате анализа их речевого использования. Наличие и особенности проявления названных свойств подтверждаются иллюстративным материалом. При этом словарные статьи содержат разное количество контекстов, число которых зависит от того, встречается ли данная ФЕ в эпистолярном наследии каждого конкретного автора или нет, зафиксированы ли различные структурные варианты фразеологизма в эпистолярных текстах, наблюдаются ли какие-либо особенности в ее употреблении (на особенности функционирования фразеологизма указывают в примечаниях к словарной статье).

Словарь представляет своего рода историческую проекцию, которая выглядит тем убедительнее, чем более полно представлен фразеологизм в словарной статье.

ЛИТЕРАТУРА

Большой академический словарь русского языка / Ин-т лингв. исследований РАН. – М.; СПб.: Наука, 2004 – 2007. – Т. 1–7.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: «Прогресс»: «Универс», 1994.

Мокиенко В.М. Образы русской речи. – СПб.: Фолио-Пресс, 1999.

Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. – М.: Изд-во Московск. Гум-го ин-та им. Е.Р Дашковой, 2001–2006.

Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: в 6 частях. – СПб., 1806–1822.

Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–14. – Л. – СПб.: Наука, 1984–2004.

Фразеологический словарь русского языка / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1987.

Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1991.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А.Н. Тихонова: в 2 т. – М.: Флинта: Наука, 2004.

DRAFT PHRASEOLOGICAL DICTIONARY OF PUSHKIN'S TIME EPISTOLARY FRIENDSHIP DISCOURSE

O.P. Fesenko

The article puts forward the draft phraseological dictionary of epistolary friendship discourse of Pushkin's time. The Dictionary aims at showing dynamic character of phraseological

system during the first thirty years of the 19th century together with illustrations of fixed phrases usage. The paper considers general concept of the dictionary, its structure, gives examples of vocabulary entries.

© 2009

А.В. Петров

«ГИМН ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЙ НА ПРОГНАНИЕ ФРАНЦУЗОВ ИЗ ОТЕЧЕСТВА» (1813) Г.Р. ДЕРЖАВИНА
(материалы к словарной статье «Историческое сознание Державина» для «Державинской энциклопедии»)

В самом общем виде *историческое сознание* можно определить как совокупность всех форм, в которых общество и личность осознают собственную историчность, т.е. становление во времени истории. Основной функцией исторического сознания является самоидентификация субъекта в историческом настоящем как части мировой истории. Содержательно и структурно историческое сознание включает в себя: сумму знаний о прошлом, накопленную человечеством; способы познания прошлого во всём их многообразии; наполнение смыслом собственной деятельности и индивидуального становления.

Говоря об *историческом сознании писателя* (XVIII–XX вв.), опосредованием которого являются созданные им тексты, нужно учитывать следующие моменты. Во-первых, научному постижению доступны лишь *фрагменты* либо *константы* этого сознания, и потому материалом соответствующих штудий должно избирать только репрезентативные произведения. Во-вторых, историческое сознание писателя выражает себя прежде всего в образах, посредством *художественного вымысла*. Это означает, что первичным для художника слова будет не познание прошлого с целью воссоздания объективной его картины и выведения неких «законов истории» (это – мало выполнимая задача науки истории), а ценностное к нему отношение, извлечение из минувшего актуальных для писателя и его эпохи смыслов. В-третьих, с наибольшей очевидностью историческое сознание писателя обнаруживает себя в произведениях о былых и будущих состояниях общества, и, следовательно, первостепенным предметом анализа оказывается созданная автором *художественная историософия*.

Выбранный для рассмотрения текст – «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» [Сочинения Державина 1866: 137-164]* – является крупнейшим и подчеркнуто концептуальным поэтическим произведением позднего Державина, в котором его историческое сознание раскрылось с особой полнотой. Свое внимание я сосредоточу на двух значимых для моей темы

* Далее все цитаты из «Гимна» даются по этому изданию без указания страниц.

аспектах: 1) важнейшие историософемы, представленные в «Гимне»; 2) жанровая форма, избранная поэтом для выражения его историософских идей.

Содержание «Гимна» и авторские к нему комментарии позволяют говорить о многомерности писательского замысла. Так, для Державина вполне очевиден *конкретно исторический* смысл происшедших событий: «прогнание» французских войск и Наполеона из России есть свершившийся факт. Первую половину произведения поэт строит как исторический нарратив – повествование, хронологически охватывающее события с июня по ноябрь 1812 г. Достоверность описанного призваны засвидетельствовать реминисценции в тексте и ссылки в примечаниях на высочайшие манифесты, реляции русского командования, бюллетени Наполеона, на частную переписку, труды историков и слухи в обществе. Кроме того, Державин ссылается на современные ему периодические издания: пять раз – на газету «Северная Почта» и три – на журнал «Сын Отечества». Но историческая конкретика служит всего лишь основанием для особой – *художественно-историософской* – интерпретации поэтом случившегося. Вот показательный пример такой интерпретации: в 21-й строфе бегущего из России Наполеона-убийцу обличают мертвецы – тысячи невинно *«замученных и убиенных, / Им не запечатленных»*. К последнему стиху Державин дает комментарий: *«Да даст им начертание на руце или на челах их (Апок. гл. 13, ст. 16). – Наполеон принятых в свою службу клеймил или печатал своим именем» (см. журнал «Сын Отечества» № 4, с. 168)»*. Клеймение рекрутов истолковывается как исполнение пророчества Иоанна Богослова об имени зверя, или числе имени его; современный журнал и священная книга первых веков от Р.Х. оказываются авторитетными текстами, сосуществуя в историческом сознании Державина. Апокалипсис и в целом библейская эсхатология и становятся источниками историософской концепции «Гимна».

«Эпическая» часть «Гимна», занимающая половину его объема (с 3-й по 27-ю строфу), в основе своей является реминисценцией библейской апокалиптики («Книга Пророка Даниила», «Откровение Иоанна Богослова»). Апокалиптический «код» подчеркнут самим Державиным (напр., в 26-27-й строфах и примечаниях к ним поэт обращается к экзегетике, всерьез рассуждая о значениях цифр 5, 7, 10, 42, 666; насыщая текст именами нечестивых библейских персонажей и демонов). В соответствии с этим кодом и трактуются реально-исторические события и лица: война между Францией и Россией уподобляется битве дьявольских и божественных сил, дню божьего гнева. На реминисценциях Апокалипсиса (21-22-й глав) строится и финал «Гимна» (строфы 46–50). Описывая будущую восставшую из пепла Москву и *прелестный град Петров*, сравнимый с тем, что *снидет* с облаков, Державин, конечно, помнит пророчество *о новом небе и новой земле* – о Новом Иерусалиме: *«Всем чувство в грудь вольется ново, / И Царство снидет к нам Христово»*.

Наполеон предстает в «Гимне» *огромным зверем*, исходящим из открывшейся *двери тайн, из бездн*; его воинство – крылатыми и рогатыми *ехиднами*, изрыгающими *горящу серу*; они, как *смрадны пруги* (саранча), прорвались через Неман; вслед им струились *кровавы моря* и небеса *рдились* пожарами и т.д., и т.п. Примечательно, что Державин не отождествляет Наполеона с каким-либо одним персонажем апокалиптики, например, с Антихристом. Само это обозначение

противника Христа не встречается в «Гимне» ни разу, хотя перифрастические его описания присутствуют (*мнимый гений, злый вождь вождей*). Державин словно затрудняется подобрать для Наполеона истинное его *имя* и использует (почти приём остранения!) двадцать одно *именование* французского императора (и это без учета риторических сравнений, например, с волком, вепрем и пр.). Из них восемь личных имен: четыре – имена демонов (Авадон, Вельфегор, Люцифер, Сатанаил), четыре – легендарных персонажей (Гог, Навуходоносор, Валтасар, Тамерлан). Остальные – демонические существа библейской мифологии (дракон, зверь), противники Бога (диавол, князь тьмы) и обозначения человека, воплотившего в себе зло (Фараон, тиран, разбойник). В целом Наполеон предстает олицетворением демонической силы, многоликим носителем зла, в особенности греха гордыни.

В том же – апокалиптическом – ключе поданы в «Гимне» и «силы добра»: антагонист Наполеона – император Александр I – *агнец белорунный, смиренный, кроткий*, но при этом *челоперунный*; победитель *крокодильных стад* – архангел Михаил (т.е. М.И. Кутузов): *Упала демонская сила / Рукой избранна князя Михаила. / Сей муж лишь Гога мог потрясть, Россию верой спасть.*

В этих строках угадываются еще две концептуальные для «Гимна» историософемы: «Россия – богоизбранная страна, Росс – богоизбранный народ» и «Россия – оплот истинной веры». С ними связана и третья историософема: «Россия – спасительница мира в борьбе с силами зла, пришедшими с Запада». Так, идея богоизбранности проиллюстрирована библейским рассказом о дерзком и гордом фараоне, гнавшем *«Иаковль род, / Избранный искони и ввек хранимый Богом»*, и потонувшем в волнах *Чермна моря* (строфы 11-12). Эта же идея выражена открыто, в полных риторических победных самовосхвалений 35-й и 36-й строфах: *Так, щит нам Бог: мы страшны Им, / Его мы волей торжествуем <...> / Бог посетил нас, – Бог прославил, / Всех выше царств земных поставил.*

О единственном праведном народе говорится в 27-й строфе (*Враги Христовы суть ничтожны. / От них нам вера – щит; / Он праведных хранит*). И, наконец, о спасении Европы и *всей вселенны от новых Тамерлана орд* Державин говорит в 28-й, 39-й и 44-й строфах. И здесь, как писатель, принадлежащий к риторической эпохе в словесной культуре России, он не может не извлечь нравственно-философских уроков из тех всемирного значения катаклизмов, свидетелем которых был сам. Помимо политических назиданий европейским народам (*Не здесь ли им урок в ученье, / Чтоб царств не льститься на хищенье?*); помимо выводов о том, что по смерти увенчан будет истинный патриотизм героев (Багратиона и других русских полководцев), а не лживые клятвы и *похвальбы мнимого гения* (Наполеона), Державин приходит к самому, пожалуй, главному, и историософски ориентированному, «уроку». Он – о божественном предопределении, о том, что *Всевышний управляет царства*, что *судьбы небесныя издревле непреложны*, что на все – Господня воля (см. строфы 13–15, 26–27, 45).

Державин, в сущности, берет на себя миссию пророка: ему (задним уже числом) предназначено объяснить и оправдать божественный замысел – возвышение Наполеона и ужасы войны, или, иными словами, создать поэтическую теодицею: *“Пой!” – мир гласит мне горний, дольний – / “И оправдай судьбы Господни”.* Доказать, что Наполеон заслуживает божьей кары, Державину удается

вполне. Для этого требовалось изобразить реальность конца света и объяснить его причину – Бог отвернулся от нечестивого и гордого царя: *Бегут все смертные смятенны / От князя тмы и крокодильных стад; От пламенных его очей / Багрели горы, рдело море, / И след его был плач, стон, горе!;* Галл *убил народов миллионы, дал страшному Атропу / Не раз ея же кровью пир; Он ветви ссек лилей несчастных; Во храмы запустенье внес, / Святых не пощадил телес, / Пол нежный, посрамленный, / Заставил втайне лить ток слезный; И домы благостыни, / Смердя своими надписьми, / И алтари коньми / Он поругал* <...>. Есть в «Гимне» и *Армагеддон* (Бородинская битва), и *новый Вавилон* – Париж.

Сложнее было объяснить, почему беды обрушились на страну, в которой одной лишь и сохранилась *тепла вера*. Державин этого и не делает. Например, он почти не развивает в «Гимне» комплекс идей, входящих в средневековую историософскую «теорию казней Божиих» (наказание за грехи, испытание усомнившихся, спасение праведных), хотя все они концентрированно представлены в переложении им 65-го псалма – «На преодоление врага» (июль 1811 г.). Единственный раз в «Гимне» появляются покаянные мотивы, в целом, конечно, неуместные в победной песни. В 30-й строфе Державин вскользь отмечает: *Хоть прелестей твоих [Парижа. – А.П.] уставы / Давно уж чли венцом мы славы; / Но, не довольствуясь слепить умом, / Ты мнил попрать нас и мечом*. Объяснения и оправдания подменяются в «Гимне» похвалами, величанием и благодарностью – в адрес Бога, императора, святых покровителей, русских полководцев и народа (ср. *Посвящение* к «Гимну»: *Посвящен во славу всемогущаго Бога, великаго государя, вернаго народа, мудраго вождя и храбраго воинства российскаго*). И здесь, в этой операции идейно-художественного замещения рационального – эмоциональным и иррациональным, поэту помогают, с одной стороны, опыт одописца, обращение к «лирическому», панегирическому началу, которое начинает преобладать во второй половине «Гимна»; а с другой – те самые историософемы (перечисленные выше), которые уже были опробованы в батальных одах 1780–1790-х гг. и, подновленные, внедряются в сознание читателя середины 1810-х гг. К ним добавляются и новые, порожденные современностью, и прежде всего историософема «Русский народ един; он обладает всеми мыслимыми достоинствами, а его противники – недостатками; в час испытаний ему помогают вера в бога и преданность монарху» (см. строфы 9, 10, 31, 37, 38).

Итак, державинский «Гимн» представляет собой рассказ о божественном вмешательстве в русскую и мировую историю и восхваление благой Промыслительной силы. Ни один из современных Державину жанров соответствующими возможностями не обладал. Особым должно было быть в новосоздаваемом жанре и художественное слово, выполняющее, как минимум, три функции. Во-первых, описательную, «эпическую»; во-вторых, публицистическо-агитационную, эмоционально-лирическую; в-третьих, «молитвенную», сакральную, передающую непосредственность переживания божественного присутствия. Все три по отдельности были закреплены за высокими жанрами русского классицизма и усвоены церковнославянским языком. Таким образом, на единой языковой основе средствами «высокого» стиля, воспринимавшимися к тому времени как крайне устарелые, Державин делает попытку синтезировать основные высокие жанры светской и духовной тематики: героическую эпопею, пин-

дарическую оду, переложение псалмов (христианский гимн). Именно эти три жанровых начала представлены в названии, которое поэт дал своему произведению: *Гимн лиро-эпический*. Что касается гимна, то Державин учитывал и опыт античной литературы. В вышедших уже тогда частях трактата «Рассуждение о лирической поэзии, или Об оде» находим определения, вполне применимые к произведению 1813 г.: «Гимнами Евреи в разных случаях воспевали истиннаго Бога и чудеса Его, а язычники – поклоняемых ими богов и человеков, прославившихся знаменитыми подвигами» [Сочинения Державина 1872: 519]. Наконец, в «Гимне» обнаруживаются приметы, во-первых, сугубо церковного, восходящего к тем же псалмам царя Давида, жанра – молитвы; а во-вторых, жанра, только еще входящего в русскую поэзию, – исторической элегии.

И тем не менее, ни одним из перечисленных жанров в русской литературе XVIII – начала XIX в. не были выработаны способы изображать события надысторические, освещать библейскую историю и эсхатологию с позиций современности. Подобными возможностями обладал архаичный средневековый жанр – мистерия, известный русской литературе XVIII в. в облике «школьных драм». Думаю, что, создавая «Гимн», Державин опирался на свой опыт драматурга, весьма существенный к тому времени. Так, в «Гимне» разворачиваются многочисленные сцены из священной истории (включая те, которым еще только предстоит свершиться); представлены драматизированные эпизоды с «участием» «злых» галлов и «праведных» россов; мы слышим «голоса» Бога, ветхозаветных пророков, российских монархов и полководцев (в том числе умерших), самого Державина, примерившего на себя пророческие одежды. Иными словами, я полагаю возможным признать за «Гимном» мистериальное качество.

Если мы захотим извлечь из «Гимна» некое *знание* о войне 1812 г., то его можно будет свести к общему представлению о ходе военных действий и случайным, в общем, сведениям о наполеоновской дипломатии. Научно-познавательный интерес читателя, конечно, в неизмеримо большей степени удовлетворят специальные исследования и пресса тех лет. Гораздо больше ответов читатель «Гимна» получит, если задастся вопросом, *как* дворянская общественность в 1812 году *воспринимала* войну с Наполеоном. И наконец, главная ценность «Гимна» как памятника общественной мысли периода Отечественной войны – в том, как раскрывается в нем *содержание индивидуального исторического сознания* современника и свидетеля тех событий – Г.Р. Державина.

В его сознании непротиворечиво сосуществуют и даже дополняют друг друга весьма архаичная христианская эсхатология, наполненная чудесами и фантастическими существами, и вполне светский взгляд на текущую современность, привычка государственного служащего следить за периодикой и правительственными указами. В этом сознании встретились самое «живое» настоящее и самая настоящая «вечность», и оказалось, что они суть одно и то же. Державин показал реальную возможность если не конца света, то гибели страны; напомнил, что *время* всегда *близко*; увидел воочию многоликость зла. В «Гимне» Державин обратился к истокам национального русского самосознания, актуализировал свойственные ему архетипы и предложил новые. Решить эту задачу писатель смог, использовав поистине мировой художественный и мистический опыт: иудейских и христианских гимнографов; библейских пророков и апосто-

лов; создателей и участников языческих культов; творцов эпоса (от Гомера до Хераскова); авторов средневековых литургических драм и позднейших пьес «школьного театра»; одических поэтов XVII–XVIII вв. (представляет их в «Гимне» Ломоносов), а также военных историков, преподавателей богословия и журналистов.

ЛИТЕРАТУРА

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т.3. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1866.

Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т.7. – СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1872.

G.R. DERZHAVIN'S LYRICAL-EPIC HYMN OF 1813 (MATERIAL OF AN ENTRY "DERZHAVIN'S HISTORICAL AWARENESS" FOR "DERZHAVIN ENCYCLOPEDIA")

A.V. Petrov

The analysis of historical awareness of the writer entails considering the author's artistic historiosophy and peculiarities of its genre embodiment. Important for Derzhavin's historical awareness is the following: prophetic-apocalyptical "code", topical-publicist "word", archaic genre traditions (hymn, epopee, mystery).

© 2009

О.И. Коурова

«СЛОВАРЬ ТРАДИЦИОННО-ПОЭТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ» КАК УНИВЕРСАЛИЙ РУССКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

Мотивом для издания нами «Словаря традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» послужили следующие противоречия и лакуны в исследовании этой системы.

1. Статус традиционно-поэтической лексики и фразеологии ограничен одним фактором – наличием в ряде словарей пометы *трад.-поэт.*

2. Недостаточно дифференцированы пометы *поэтическое, поэтизм, традиционно-поэтическое, высокое*. На наш взгляд, наиболее общей пометой является *поэтическое*, так как она обозначает совокупность таких стилистических систем, как *народно-поэтические, высокие* и *традиционно-поэтические* слова и фразеологизмы.

3. Набор поэтических словарей, где представлены метафоры, эпитеты, сравнения, символы и другие художественные средства, весьма широк, состав же

словарей, которые бы включали так называемые «стилистические сигналы», недостаточен. Подходы к решению этой проблемы мы видим в деятельности курских лингвистов, работающих в аспекте фольклорной лексикографии. В этот список мы включаем и «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» [Коурова 2001].

4. Традиционно-поэтическая лексика и фразеология имеет противоречивые оценки. С одной стороны, она характеризовалась как «украшения», «цветы поэзии», «язык богов», с другой – как «трафареты», «поэтические штампы», «общие места».

5. Определение традиционно-поэтической лексики и фразеологии в справочной лингвистической литературе не представлено.

Традиционно-поэтической лексикой и фразеологией [далее ТПЛФ] мы называем устойчивый набор слов и выражений, регулярно воспроизводимый в лирических жанрах преимущественно сентиментальной и романтической литературы конца XVIII – первой трети XIX в., напр.: *богиня красоты, возжечься, время золотое, гореть любовью, дневное светило, жар сердца, зефир, младость, странник земной, утро дней.*

Формирование состава ТПЛФ начинается с рождения в XVIII в. лирического рода русской литературы, переводов античных авторов, следования в конце XVIII в. традициям французской «легкой поэзии».

В конце XVIII – первой трети XIX в. складываются наиболее благоприятные условия для формирования устойчивого состава ТПЛФ, так как основными направлениями этой эпохи становятся сентиментализм и романтизм. Новый эстетический идеал – глубокое внимание к внутреннему миру человека, «жизни сердца» – требует создания особых «формул поэзии чувств». Такой лексикон был найден и получил регулярную воспроизводимость благодаря романтическому направлению и деятельности талантливейших лириков «золотого века русской поэзии»: А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского, Д.В. Веневитинова, П.А. Вяземского, М.Ю. Лермонтова, А.И. Одоевского, А.И. Полежаева, Ф.И. Тютчева и др., каждый из которых внес существенный вклад в формирование и развитие устойчивого словаря лирической поэзии.

Как показывает анализ ТПЛФ, эта система есть универсалий романтической языковой картины мира.

Термин «картина мира» впервые появляется в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. Его идея языкового мировидения нашла отражение в исследованиях зарубежных лингвистов: Л. Вайсгербера, М. Блэка, А. Вежбицкой, Г. Гердера, Я. Гримма, Э. Сепира, Б. Уорфа, Ф. Шлегеля и др.

В России в первой половине XX в. идея «язык есть дом бытия» получила развитие в работах О.М. Фрейденберг (на материале мифа и фольклора), А.М. Золотарева (на этнографическом материале), в трудах Ю.М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, В.Н. Топорова (в рамках семиотики). В настоящее время исследованием проблем языковой картины мира занимаются Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, И.В. Кобозева, Г.В. Колшанский, В.И. Постовалова, Б.А. Серебренников, Т.В. Цивьян, А.П. Чудинов, А.Д. Шмелев, Е.С. Яковлева и др.

Важной проблемой современной лингвистики является исследование способов хранения культурной информации; в единицах языка, по мнению лингвистов, она может быть представлена через культурные концепты, культурные коды, культурные коннотации, культурные семы и фон.

Ведущими концептами, манифестируемыми традиционно-поэтической лексикой и фразеологией, как показало исследование, являются «Жизнь», «Смерть», «Любовь», «Творчество», «Природа». Вербальную основу этих концептов составили соответствующие ключевые слова, которые соотносятся с основными темами романтической лирики исследуемого исторического периода. Наибольшей частотностью отличаются метафорический и перифрастический способы экспликации концептов.

Единицами репрезентации концепта признаются концептуальное поле, его фрагменты, модели и коды. Важной задачей концептуального анализа в лингвокультурологии является выявление культурной значимости языковых единиц через соотнесение их с известными «кодами» культуры. Код, по определению В.В. Красных [2002], – это своего рода «сетка», с помощью которой культура членит, структурирует и оценивает окружающий мир. Выделяются духовный, аксиональный, пространственный, временной, предметный, природный и другие культурные коды. Духовный код составляют эстетические, нравственные ценности; аксиональный – оценочные понятия; пространственный код связан с членением пространства; временной код культуры отражает движение человека по временной оси; предметный код относится к действительному миру, связан с предметами, заполняющими пространство; природный отражает представления человека о растительном и животном мире, о природных явлениях.

Рассмотрим ТПЛФ как средство репрезентации концепта «Жизнь» в лирике конца XVIII – первой трети XIX в.

Размышления о жизни, ее быстротечности, неизбежности ее конца – одна из ведущих тем, к которой обращались поэты-романтики, особенно в жанре элегии. Концептуальное поле «*Жизнь*» представляет собой структуру, которая включает такие позиции, как образ жизни, временные параметры жизни, субъект, место пребывания, и реализуется в следующих фрагментах: «Жизненное бытие», «Человек в его земном бытии», «Периоды человеческой жизни», «Мир земной».

Фрагмент «Жизненное бытие» представлен следующими моделями:

– жизнь как странствие: *(путь, путь жизненный, путь жизни, путь земной, путь тернистый, путь терновый, стезя, стезя жизненная, стезя жизни, тропа, тропа жизненная, блуждать в море суеты, блуждать в пучине земныя суеты, брести неведомой стезей, брести жизненной тропой, брести тропинкой жизни, идти тропинкою своей, свершать путь жизни);*

– жизнь как течение: *(дни льются, дни (годы) текут, годы льются, жизнь льется, жизнь течет, поток дней, ток жизни);*

– жизнь как пространство бытия: *(долина жизненная, долина жизни, поле жизни, поле жизненное, пустыня бытия, пустыня жизненная, пустыня мира, пустыня тернистая, степь бытия, степь мирская);*

– жизнь как участь, доля: *(судьба, судьбина, рок, удел, жребий, Фортуна, колесо Фортуны);*

– жизнь как пиршество, праздник: *(пир жизненный, пир земной, пир унылый, праздник мирской, кубок жизни, праздничный фиал, чаша жизни, сладость жизни, вкушать земной рай, вкушать радость, вкушать сладость бытия, вкушать сладость жизни, играть жизнью, испить фиал утех, пить жизни сладость, пить радость, пить радость полной чашей);*

– жизнь как невзгоды, страдания: *(бури жизни, бури рока, бури судьбы, буря роковая, отрава бытия, узы бренные, узы жизни, хлад бытия, холод (хлад -) жизни, влачить век (- дни,- жизнь), пить из чаши бытия);*

– жизнь как свет: *(пламенник, пламенник жизни, светильник, светильник дней, солнце жизни, факел дней, луч).*

Фрагмент «Жизненное бытие» репрезентирован духовным кодом, связанным с христианской религией (представлением жизненного бытия как процесса *пития чаши до дна)*, с античными мифами *о Парке, о Фортуне, о Вакхе;* пространственным кодом (*поле, степь, долина, пустыня, море, океан*), аксиональным, содержащим противоречия: с одной стороны, жизнь – это *пир, праздник, свет*, с другой – *странствие, буря, холод, узы, отрава.*

Фрагмент *«Периоды человеческой жизни»* представлен моделями:

– юность – это *весна, весна дней, весна златая, время златое (золотое), век золотой, век младой, года весны, годы весенние, годы младые, годы златые, дни весны, дни младые, дни юные, заря весны, заря дней (- лет), заря юности, лета златые, лета юные, младость, праздник жизни, праздник молодой, рассвет, утро, утро дней, утро золотое, цвет жизни, расцвести;*

– середина жизни – это *полдень, поворот дней, лето;*

– старость – это *вечер, дни поздние, закат, закат дней, закат печальный, осень дней, зима жизни, час поздний, увядание, вянуть, увядать, отцветать, гаснуть.*

Культурными кодами этого фрагмента являются временной *(весна, лето, зима, осень; утро, полдень, вечер)*, биоморфный *(цвет, расцветать, вянуть)* и природный *(заря, рассвет, закат).* Ярко выражен аксиональный код: радостное восприятие юности *(время золотое, лета златые, праздник жизни*) и печальные размышления о старости *(закат печальный).*

Фрагмент «Человек в его земном бытии» реализуется двумя моделями:

– это гость, посетитель земли *(гость земной, гость минутный, гость мира, гость на жизненном пиру, гость на земном пиру, посетитель мира);*

– это странник мира *(путник, странник жизни, странник земной, странник мира, странник минутный).*

Ведущим кодом фрагмента является временной, постоянно подчеркивается такая особенность человеческой жизни, как временность пребывания его на жизненном пути *(гость, посетитель, странник)*, нередко определяемом как *минутный*, то есть недолгий.

Фрагмент «Мир земной» включает модели:

– берег *(брег земной, брег жизни);*

– мир недолгий *(земля бренная, мир дольний, мир земной, мир печальный, мир подлунный, мир роковой, мир юдольный).*

Ведущим является духовный код, связанный с христианским представлением о земном мире как временном, полном страданий пребывании человека на

земле перед его уходом в мир иной, мир лучший и вечный. Культурными кодами представленного фрагмента являются также пространственный *(брег, земля, край, мир),* временной *(бренный),* аксиональный *(печальный, роковой, юдольный).*

Итак, жизнь человеческая, по представлениям поэтов-романтиков конца XVIII – первой трети XIX в., противоречива: она печальна, но светла, она – время расцвета и увядания, она – ожидание лучшего в мире ином.

Не менее сложными структурами обладают концептуальные поля: «Смерть», «Любовь», «Творчество» и «Природа». В целом через названные концепты, через культурные коды ТПЛФ представляет романтическую картину мира.

Ментальность русского романтизма отражена и в особенностях коннотации традиционно-поэтической лексики и фразеологии, которая включает следующие компоненты:

– культурный компонент, так как традиционно-поэтическая лексика и фразеология соотносимы с мифологемами, стереотипами, архетипами и связаны с художественным направлением – романтизмом;

– стилевой компонент, указывающий на традицию употребления соответствующей лексики и фразеологии в сфере лирической поэзии конца XVIII – первой трети XIX в., представляющий устойчивый набор регулярно воспроизводимых единиц особого стиля, именуемого «поэтическим», «украшенным», «элегическим»;

– образный компонент, который определяется тем, что абсолютное большинство состава ТПЛФ – это единицы, выступающие в переносных значениях, напр.: *гроза, буря* – ‘жизненные невзгоды’, *дорога, путь* – ‘жизнь’, *весна, заря* – ‘юность’, *погаснуть* – ‘умереть’ и др.;

– эмоционально-экспрессивный компонент. ТПЛФ манифестирует особого рода оценочность, силу проявления чувств и переживаний, напр.: *агнец* – ‘о кротком, безропотном человеке’, *ангел мой* – ‘ласковое обращение к любимой’, *время золотое* – ‘юность’, *расцвести душой* – ‘стать радостным, оживленным’ и др. В основном, ТПЛФ позитивно оценочна и содержит экспрессивные (лирический и элегический) компоненты, связанные с представлениями о «сладостности, нежности, пластичности, музыкальности» [Винокур 1991].

Итак, «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» представляет романтическую языковую картину мира в лирике конца XVIII – первой трети XIX в., мир противоречивый, но наполненный романтическими устремлениями поэтов к красоте и гармонии.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. О языке художественной литературы / сост. Т.Г. Винокур. – М.: Высш. шк., 1991.

Коурова О.И. Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи. – Шадринск: Изд-во Шадринск. дома печати, 2001.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. – М.: ИТДГК Гносис, 2002.

THE DICTIONARY OF TRADITIONAL POETIC WORDS AND PHRASES OF PUSHKIN EPOCH AS A UNIVERSAL OF RUSSIAN ROMANTIC WORLD IMAGE

O.I. Kourova

The analysis of dictionary material shows, that the leading lyric concepts of the Pushkin epoch correlate with the basic themes of romanticism. The detailed analysis of concept "Life" and connotation peculiarities leads to the conclusion that the traditional poetic words and phrases constitute a principal fund of Russian romantic world image.

© 2009

М.Р. Шумарина

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ» СЛОВА: МЕТАЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ АВТОРА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В последние годы наблюдается активизация исследовательского интереса к явлению метаязыковой рефлексии, под которой обычно понимается «тип языкового поведения, предполагающий осмысленное использование языка, т.е. наблюдение, анализ его различных фактов, оценку их, соотнесение своих оценок с другими, нормой, узусом» [Шмелева 1999: 108]. Особого внимания заслуживают метаязыковые комментарии, содержащиеся в текстах художественной литературы. Лингвистами рассматривались так называемые художественные дефиниции (см.: [Ханпира 1984], [Грузберг 2004]) – различного рода толкования слов, встречающиеся в художественных произведениях, а также в других эстетически организованных текстах. Исследователи выделяют особый речевой акт – дефинитив, реализуемый как «высказывания, включающие межъязыковой, а также внутриязыковой перевод» [Булыгина, Шмелев 1999: 147]. Истолкования слов и выражений в художественном тексте может представлять собой не только объяснение значения, но и выявление деривационных и этимологических связей слова, различного рода семантические сближения и др. (см. [Николина 1983: 74]).

Помимо установления типологии художественных дефиниций, их эстетических функций и т.д., важной представляется задача сплошной выборки и каталогизации подобных контекстов, а также их лексикографическое описание в рамках словаря особого типа.

Основным объектом метаязыкового комментирования рядового («наивного») носителя языка является слово; в конкретных актах рефлексии могут актуализироваться различные свойства слова – семантические, стилистические, грамматические, лингвокультурные и т.д. Таким образом, с л о в н и к словаря

составят выявленные исследователем слова и выражения, подвергшиеся метаязыковой рефлексии в художественных текстах. Содержание лексикографического описания этих единиц – весь спектр толкований и оценок соответствующих языковых единиц.

Источником материала для словаря являются произведения русской художественной литературы (проза, поэзия, драматургия) XIX, XX и начала XXI в. Функцию формальных показателей контекстов-дефиниций выполняют метаоператоры: *слово, выражение, имя, означать, называться, по-русски говоря* и тому подобные: *... пока содержат комнаты в опрятности. Теперь это* ***называется*** *жилой площадью...* (Б. Пастернак. Доктор Живаго). Признаком дефинитива также является определенная синтаксическая модель, напр., форма биноминативного предложения: N_1 *это* N_1; N_1 *не что иное как* N_1 (*... честолюбие есть не что иное, как жажда власти.* М. Лермонтов. Княжна Мери) или вопросо-ответное единство (*А что такое счастие? Насыщенная гордость.* Там же).

Метаязыковой комментарий к слову (выражению) может содержать различные типы информации о языковой единице. Перечислим наиболее типичные виды лингвистических оценок (характеристик), встречающихся в художественных текстах:

– объяснение значения слова: *А все улицы, говорит, были ОСФАЛЬТОМ покрыты. Это будто бы такая мазь была, твердая, черная, ступишь – не провалишься* (Т. Толстая. Кысь);

– установление эквивалентности между словами русского и других языков: *... только что она открыла глаза, начала звать Печорина. «Я здесь, подле тебя, моя* ***джанечка*** *(то есть,* ***по-нашему, душенька)****», – отвечал он, взяв ее за руку* (М. Лермонтов. Бэла);

– разъяснение концептуального содержания слова: *...* ***искусство*** *не название разряда или области, обнимающей необозримое множество понятий и разветвляющихся явлений, но, наоборот, нечто узкое и сосредоточенное, обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название примененной в нем силы или разработанной истины. И мне искусство никогда не казалось предметом или стороною формы, но скорее таинственной и скрытой частью содержания...* (Б. Пастернак. Доктор Живаго);

– выявление оттенков значения, периферийных семантических компонентов: *Из-за полуопущенных ресниц они* [глаза Печорина] *сияли каким-то* ***фосфорическим*** *блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был* ***блеск, подобный блеску холодной стали, ослепительный, но холодный*** (М. Лермонтов. Максим Максимыч);

– ассоциативные связи слов и выражений: *Анна Ивановна не любила гардероба. Видом и размерами он походил на катафалк или царскую усыпальницу. Он внушал ей суеверный ужас. Она дала гардеробу прозвище «****Аскольдова могила****». Под этим названием Анна Ивановна разумела* ***Олегова коня****, вещь, приносящую смерть своему хозяину. Как женщина беспорядочно начитанная, Анна Ивановна путала смежные понятия* (Б. Пастернак. Доктор Живаго);

– деривационные или этимологические характеристики слова, выражения: *– Водоплясов! Ты знаешь, какая у тебя фамилия?* ***Водоплясов****! То есть «****пляшущий по воде****», понимаешь? То есть легкий, воздушный. А ты что пишешь мне*

здесь ежедневно? Слово «шинель» через две буквы «е»?! Ты чего, Водоплясов?! (А. Покровский. Мироощущение);

– стилевая и социолингвистическая характеристика единицы: *Я понял его: бедный старик, в первый раз отроду, может быть, бросил дела службы для собственной надобности,* ***говоря языком бумажным****, – и как же он был награжден* (М. Лермонтов. Максим Максимыч); *Спустясь в один из таких оврагов, называемых* ***на здешнем наречии балками****, я остановился, чтоб напоить лошадь* (М. Лермонтов. Княжна Мери);

– описание типичной сочетаемости слова: *С* ***березонькой*** *навеки срослись живописующие эпитеты:* ***белая, кудрявая*** (А. Югов);

– оценка уместности / неуместности употребления слова в определенной ситуации: ***Брошена! Придуманное*** *слово / Разве я цветок или письмо?* (А. Ахматова);

– оценка эстетических свойств слова, выражения: *– Но почему в Смоленск? – спросила она, глядя на меня недоумевающими глазами. / – Потом в Витебск... в Полоцк... / – Зачем? / – Не знаю. Прежде всего – очень* ***нравятся слова****: Смоленск, Витебск, Полоцк... <...> Разве вы не знаете,* ***как хороши некоторые слова****?* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева);

– комментирование национально-культурного своеобразия языковой единицы: *Англия – родина европейской демократии, Шекспира и фунта стерлингов. Стерлинг в переводе означает серебро. Перевод помогает понять разницу между Англией и Россией, где исторически привыкли фунтами мерить лихо* (М. Веллер. Легенды Невского проспекта);

– указание на авторство слова или выражения: *Как дивно звучат они для меня и до сих пор, с детства войдя в меня без возврата, тоже оказавшись в числе того самого важного, из чего образовался мой,* ***как выражался Гоголь****, «жизненный состав»* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

Реже в художественных текстах встречаются и иные виды лингвистических характеристик. При этом высказываемые поэтами, писателями, персонажами оценки могут по-разному соотноситься с научно-лингвистическим знанием: они могут быть точными и вполне корректными, но могут представлять собой искреннее заблуждение и даже намеренно сконструированный лингвистический миф. Для художественной речи важной оказывается чаще всего не научная правильность метаязыкового комментария, а его эстетическая мотивированность.

Словарь, который объединит художественные метаязыковые комментарии к различным словам и выражениям, будет представлять собой конкорданс, демонстрирующий все без исключения обнаруженные исследователем релевантные контексты. В этом отличие, например, от толкового словаря, задача которого – описать инвариантные свойства характеризуемой единицы, выявить наиболее общие элементы семантики слова и дать типичную иллюстрацию. В нашем случае интересно установить не только общие элементы языкового сознания «наивного» носителя, но индивидуальные смыслы, которые приобретает словарная единица в частном тезаурусе языковой личности.

Немногочисленные пометы, которые включаются в словарную статью, указывают не на свойства описываемой языковой единицы, а на параметры

этой единицы, являющиеся объектом комментирования. Например, *СЛ* – социолингвистическая характеристика, *ЭСТ* – эстетические свойства, *Э* – этимология слова и т.д.

Определенную трудность представляет выбор н а з в а н и я для словаря обсуждаемого типа, поскольку нет специального терминологического обозначения для словарных единиц, которые в художественном тексте снабжаются комментарием. Мы используем условное рабочее название, которое, на наш взгляд, отражает специфику метаязыковой рефлексии именно в художественном тексте, – «Литературный портрет слова».

Как известно, жанр литературного портрета отличается от нехудожественного словесного портрета (напр., в официально-деловой речи) целеустановкой. Литературный портрет стремится не столько к точности описания, сколько к художественному изображению наиболее ярких, индивидуальных черт объекта. При этом выбор как изображаемого предмета, так и актуализируемых признаков обусловлен эстетической задачей автора. Таким образом, литературный портрет никогда не является фотографически точным изображением, но «штрихи» этого портрета всегда эстетически мотивированы.

«Литературный портрет» слова (или любой другой языковой единицы) также не является исчерпывающим лингвистическим описанием; его нельзя соотнести со словарной статьей, включающей всестороннюю характеристику семантики слова. Как правило, автор художественного произведения обращает внимание на отдельные свойства языковой единицы, но это именно те свойства, которые соотносятся с текущей художественной задачей автора и актуальны для образной системы данного произведения. Таким образом, «литературный портрет» слова (выражения) представляет собой «выборочное» описание языковой единицы, осуществленное в одном или нескольких художественных текстах.

Можно с уверенностью утверждать, что создание словаря, о котором идет речь в данной статье, станет шагом к решению целого ряда исследовательских задач. Как известно, литература является формой общественного сознания (наряду с другими формами – моралью, правом, религией, политикой, идеологией, наукой, обыденным сознанием, конечно же, языком и т.д.) и отражает основные содержательные и оценочные элементы этого общественного сознания. Языковая рефлексия писателя выступает «как часть культурного самосознания, компонент национального самосознания» [Вепрева 2005: 17].

Изучение достаточно большого количества примеров, систематизированных в рамках словаря, позволит сделать выводы о некоторых чертах общественного метаязыкового сознания, проявившегося в художественном дискурсе. В частности, к таким выводам могут относиться: а) состав языковых единиц, ставших предметом писательской рефлексии; б) наиболее типичные оценки языковых единиц и относительная частотность различного рода оценок; в) однородность / неоднородность оценок одних и тех же единиц; г) совпадение / несовпадение оценок одних и тех же единиц разными авторами; д) общность метаязыковых оценок и их объектов для определенного временнóго периода; е) совпадение / несовпадение научных и «наивных» оценок фактов языка и речи и многие другие.

ЛИТЕРАТУРА

Булыгина Т.В. Человек о языке (метаязыковая рефлексия в нелингвистических текстах) // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Наука, 1999. – С.146–161.

Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху: моногр. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Грузберг Л. Художественная дефиниция // Филолог. – Пермь. – 2004. – Вып. 4. – С.78–80.

Николина Н.А. Семантизация слов и ее функции в художественном тексте // Язык и композиция художественного текста / под ред. Л.Ю. Максимова. – М.: Изд-во МГПИ им. В.И.Ленина, 1983. – С.64–75.

Ханпира Э.И. О художественной дефиниции / Э.И. Ханпира // Проблемы структурной лингвистики – 1982. – М.: Наука, 1984. – С.225–236.

Шмелева Т.В. Языковая рефлексия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – Красноярск, 1999. – Вып. 1 (8). – С. 108–110.

"LITERARY PORTRAIT" OF WORDS: WRITER'S METALINGUISTIC AWARENESS AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

M.R. Shumarina

The article considerers the dictionary containing author's comments on words and expressions used in literary texts (meaning interpretation, stylistic, socio-linguistic, expressive and aesthetic evaluation, etymological reference, etc.).

© 2009

А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко

ОПЫТ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Последние десятилетия ознаменованы становлением и активным развитием поэтической лексикографии (словарной разработкой языка поэзии). Среди словарей поэзии особо выделились сводные словари, фиксирующие слова во множестве употреблений в творчестве ряда поэтов [СЯРП; Шестакова 2006: 321-327]. При этом имеются лишь отдельные словари, в которых единицами описания служат фразеологизмы, паремии, крылатые выражения. Это словари, описывающие фразеологию в творчестве отдельных поэтов ([Крылов 2004], [Мокиенко, Сидоренко 2005], [Ничик, Ронгинский 1991]).

Словарь «Фразеология в русской поэзии» (ФРП) явится первым сводным фразеологическим конкордансом, представляющим не только контексты употреблений фразеологических единиц (ФЕ), но и их разностороннюю интерпре-

тацию. ФРП может быть квалифицирован как сводный толковый фразеологический словарь поэзии. Его основная цель – зафиксировать употребления ФЕ в составе контекстов (фразеологических конфигураций) и объяснить их. Разработка в Словаре употреблений ФЕ в поэзии отражает специфику их функционирования в поэтическом тексте. Фиксируемые в словарных статьях употребления ФЕ в поэзии нуждаются в специальной интерпретации, которая основывается на сформулированных авторами принципах лексикографической разработки употреблениий ФЕ в поэтических жанрах [Мелерович, Мокиенко 2006: 67-79].

Особенности функционирования ФЕ в поэзии обусловлены рядом отличительных признаков поэтического текста как уникальной функционально-эстетической системы, выделяемых в лингвистике поэтического текста (ПТ). В ПТ функцию смысловыражения выполняют одновременно разноуровневые единицы языка. При этом доминанта в ПТ может быть лексической, фразеологической, словообразовательной, фоносемантической и т.п. [Казарин 2001]. Основная единица языковой номинации – слово в поэзии приобретает особую смысловую и экспрессивную значимость. В поэтическом контексте актуализируются потенциальные ассоциативные смыслы слов. Слова в поэтическом контексте (в том числе и словные компоненты ФЕ) стремятся к автономности, которая достигается посредством выделения их такими характерными или специфическими для стиха средствами, как ритм, рифма, повторение слова, неожиданные звуковые ассоциации, поэтический синтаксис, трансформация ФЕ.

Ведущим приемом трансформации ФЕ в ПТ является двойная актуализация смысла, создающаяся посредством семантического и звукового сопоставления компонента ФЕ со словом (словосочетанием) в свободном употреблении: *Целый вечер в доме гости / **Моют, моют, моют кости**. / Чьи? Зачем? Кому и как? / **Моют кости** не руками, / **Моют кости** языками. / А зачем? Да просто так* (С. Баруздин. Мойка).

ФЕ в поэтическом произведении создают своеобразный замкнутый контекст (фразеологическую конфигурацию), в пределах которого возникают особые окказиональные значения слов и сочетаний слов – компонентов ФЕ. Наиболее полное, глубокое осмысление ФЕ и их словных компонентов сопряжено с выходом в контекст стихотворения, поэтического цикла, творчества поэта в целом.

Лексикографическая систематизация материалов типического для поэзии и индивидуально-авторского употребления ФЕ служит выявлению своеобразия поэтических идиостилей в их сложном взаимодействии. Словарная разработка ФЕ в поэзии поможет выделению ключевых образов в творчестве разных поэтов, обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира (см., напр., высокочастотные в поэзии ФЕ *земной шар, белый свет, запретный плод, смертный час, час пробил, кануть в лету, порасти быльем, нести крест, испить чашу (до дна), сходить с ума, на авось, оставить след, парить в облаках, витать в эмпиреях, строить воздушные замки)*.

Важно с помощью лексикографических приемов фиксировать и системати-

зировать характерные для поэзии способы преобразования значения и формы ФЕ.

Иллюстрации употреблений ФЕ в поэтическом тексте в Словаре представлены фразеологическими конфигурациями, образуемыми строфами, рядами строф, текстами стихотворений, в которых реализуется то или иное употребление фразеологизма. Фиксируемые таким образом формы употребления ФЕ сопровождаются семантическими определениями (в случаях существенных смысловых новаций), стилистическими пометами, указаниями особенностей связей с различными элементами языка в системе ПТ, видов и способов индивидуально-авторских преобразований значения и формы ФЕ. Определение смыслового содержания ФЕ в составе фразеологических конфигураций (ФК) в ПТ часто достигается посредством авторских дефиниций ФЕ и отдельных компонентов ФЕ, слов и сочетаний слов, которые раскрывают, уточняют, детализируют элементы индивидуального концептуального смысла ФЕ в тексте. Подобные употребления ФЕ в Словаре снабжены комментариями, включающими вкрапления, цитацию тех элементов контекстуального окружения, которые передают наиболее существенные элементы смыслового содержания анализируемого употребления ФЕ. См. дефиницию трансформированного употребления ФЕ *бред сивой кобылы:*

КОБЫЛА СИВАЯ С ЕЁ ТЯЖЕЛЫМ БРЕДОМ. Шутл.-ирон. Не только вздорные речи, «пасущиеся в нашем языке» вопреки здравому смыслу, но и фольклор с его необузданной фантазией, народным юмором, питавшими в прошлом творчество прекрасных сатириков и фантастов и остающимися невостребованными современностью. См.: «*Она бы Гоголю понравилась такая: Упрямство жуткое и дикое враньё...*».

В основе развернутой метафоры.

***Кобыла сивая** с ее тяжелым бредом*
Пасется в нашем языке.
Происхождения ее секрет неведом.
Пришла понурая, стоит невдалеке.
Она бы Гоголю понравилась такая:
Упрямство жуткое и дикое вранье,
Копытом здравый смысл лягая.
У Даля нет еще ни слова про нее.

А. С. Кушнер. Кобыла сивая с ее тяжелым бредом...

Дефиниции часто относятся к фразеологическим конфигурациям в целом, характеризуя доминантные черты их художественной формы, их концептуальный смысл. См., напр., следующую характеристику ФК, образуемой авторским употреблением ФЕ ***смотреть со своей колокольни** на что* в стихотворении Ю. Визбора «Цена жизни»: *СО СВОИХ НА МИР ГЛЯДИТ КОЛОКОЛЕН.*

*– в основе развернутой метонимии, в которой слово **колокольни** служит обозначением храмов, церквей. Олицетворённый образ старинного русского города («Словно старец, он велик и спокоен») служит способом выражения представления о преисполненном мудрым, величавым спокойствием взгляде на мир.*

Этот город называется Полоцк...
Он расколот на две части рекою,
Полной тихого лесного покоя,
Словно старец, он велик и спокоен,
Со своих на мир глядит колоколен.

Поскольку художественный текст представляет собой сложный симбиоз общеязыкового и индивидуально-авторского восприятия Слова, далеко не всегда можно полностью отразить все «обертоны смысла» (Б.А. Ларин) фразеологизма, гармонизированные творческой фантазией писателя. Особенно сложна такая задача для семантизации поэтических употреблений ФЕ, семантика компонентов которых многозначна, ассоциативно полифонична. Понятно, что полного «расклада по словарным полочкам» в таких сложных случаях добиться нельзя, и потому следует стремиться к выявлению доминантных вариаций формы и значения ФЕ в авторском употреблении, отказавшись от некоторых периферийных. Особая роль здесь принадлежит самим контекстным иллюстрациям, ибо в них читатель и найдет стилистические смещения толкуемого фразеологизма.

При цитировании ПТ в Словаре соблюдается графическая форма стиха (печатание стихов в колонку, по строфам, с выделением коротких и длинных строк и т.п.), которая придаёт тексту зрительную выразительность, помогающую процессу восприятия. По возможности воспроизводится авторская графическая форма поэтических произведений.

Иллюстративная часть многих употреблений ФЕ в ПТ в составе словарных статей представляет собой своеобразный интертекст, отражающий преемственность в использовании стилистических приемов окказионального преобразования ФЕ, в интуитивном привлечении аналогичных фразеологических образов, обусловленном идейно-тематической общностью произведений, воздействием идиостиля поэта на формирование стилистических систем других авторов, литературных направлений. Разностороннее сопоставление однотипных употреблений ФЕ поможет устанавливать прототипические употребления, даст возможность проследить эволюцию ряда фразеологических образов. Напр., в словарной статье ФЕ ***глаголом жечь сердца людей*,** восходящей к стихотворению «Пророк» А.С. Пушкина, представлены трансформированные употребления данного оборота, сопровождаемые в ряде случаев словарными дефинициями и комментариями лингвостилистического характера:

Вот Пушкина свободный стих.
Он угрожающе свободен.
Он оттого и неугоден царям и раздражает их...
Но вы смотрите, как он ***жжет***
Сердца глаголами своими!
Как он свободно правит ими!
И не лукавит! И не лжет! (Ю. Левитанский. О свободном стихе).

ГРЕТЬ СЕРДЦА ЛЮДЕЙ. Словом, силой словесного творчества поддерживать веру в добро, приносить радость людям — в сопоставлении, в контексте развернутой метафоры: глаголы ***жечь*** *и* ***греть*** *здесь образно передают характер воздействия поэтического творчества.*

Я прожил жизнь в скитаниях без сроку,
Но и теперь еще сквозь грохот дней
Я слышу глас, я слышу глас пророка
«Восстань! Исполнись волею моей!»
И я встаю, бреду, слепой от вьюги,
Дрожу в просторах Родины моей,
Еще пытаясь в творческой потуге
Уже не жечь, а ***греть сердца людей*** (А. Вертинский. Отчизна)

Формулировка концептуального содержания ФЕ в словарных дефинициях предполагает и вербализацию их коннотативного ореола, включая культурные, социально, исторически маркированные компоненты коннотации. Семантизация, толкование разнообразных авторских употреблений ФЕ может производиться посредством синонимических рядов и развернутых описательных дефиниций, репрезентирующих системные связи определяемых единиц в языке и в тексте, формулирующих концептуальное содержание ФЕ в системе поэтического текста, в контексте поэтического цикла, творчества поэта, литературного направления.

Такая разносторонняя интерпретация поэтического текста в Словаре ведет к выявлению своеобразия преломления различных фрагментов картины мира этноса, социума, индивида в семантическом пространстве поэзии. Таким образом в сводном фразеологическом словаре поэзии может быть обобщен опыт анализа употреблений ФЕ в русской поэзии, способов преобразования значения и формы ФЕ. При этом каждое употребление ФЕ рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества автора, его идиостиля. Такой анализ ориентирован на перспективу сопоставления фразеологии поэтических идиолектов, конструируемых ею тропов и фигур, выявление характерных для разных поэтических идиостилей особенностей употребления ФЕ.

ЛИТЕРАТУРА

Казарин Ю.В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система. – М.: Академический проект «Деловая книга», 2004.

Текст. Структура и семантика: доклады VIII международной конференции. Т.1. – М.: Изд-во Моск. гос. обл. пед. ун-та, 2001.

Крылов А.А. Материалы к «Словарю цитат и крылатых выражений Булата Окуджавы» // Голос Надежды: Новое о Булате Окуджаве. – М.: Альманах. – №1. – 2004. – С.338–368.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Теоретическая концепция школьного словаря «Жизнь русской фразеологии в художественной речи» // Жизнь русской фразеологии в художественной речи: проспект школьного фразеологического словаря. – Кострома: Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2006. – С.9–90.

Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2005.

Ничик Н.Н., Ронгинский В.М. Словарь фразоупотреблений в поэтической речи В.В. Маяковского (на материале поэм). – Симферополь: Изд-во Симф. гос. ун-та, 1991.

СЯРП: Словарь языка русской поэзии XX века /сост. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова, В.В. Бакеркина, А.В. Гик, Л.И. Колодяжная, Т.Е. Реугг, Н.А. Фатеева. – Т. I. А–В. – М.: Яз. слав. культуры, 2001; Т. II. Г – Ж. – М.: Яз. слав. культуры, 2003.

Шестакова Л.Л. Формы представления слова в современной поэтической лексикографии // Художественный текст как динамическая система: мат. Международ. науч. конф., посвященной 80-летию В.П. Григорьева / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Управление технологиями: Азбуковник, 2006. – С.319–327.

PHRASEOGRAPIC EXPERIENCE OF SYSTEMATIZING FIXED PHRASE USAGE IN RUSSIAN POETRY

A.M. Melerovich, V.M. Mokienko

The dictionary of Phraseology in Russian Poetry will be the first comprehensive explanatory phraseological dictionary of poetry. The prime object of the dictionary is to register fixed phrase usage in phraseological configurations and to explain them. The dictionary is also bound to summarize results of the analysis of fixed phrase usage in Russian poetry. The units under study elaborated in the dictionary display peculiarities of their functioning in poetic text.

© 2009

Н.В. Гончарова

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЕДИНИЦ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ О. МАНДЕЛЬШТАМА

Современные лексикография и фразеография представлена значительным количеством словарей, несущих разнообразную информацию. Интерес к теории и практике создания словарей как традиционных, так и экспериментальных не угасает. Целые коллективы исследователей направляют свои усилия на создание специализированных словарей, отвечающих разным запросам.

Чаще всего словари характеризуют разные уровни языковой системы. Но в последнее время исследователи все чаще обращаются к изучению речи, в связи с чем активно развиваются такие направления, как авторская лексикография и фразеография. Это выражается в организации новых словарных проектов, в появлении и оформлении оригинальных методик лексикографической и фразеографической интерпретации авторского языка. Новые словари чаще всего содержат лексические, реже – лексико-фразеологические и фразеологические единицы (ФЕ). Существуют экспериментальные частные словари языка одного поэта или писателя.

Авторские словари отражают языковое сознание, языковую картину мира отдельной личности. Эти словари являются одновременно и толковыми, и справочно-лингвистическими, и историческими, так как они построены на ма-

териале языка представителей определенной эпохи. «Словарь одного автора, по специфике своей, отражает элементы всех типов неличностных словарей: энциклопедических, исторических, толковых, этимологических, фразеологических, орфографических, орфоэпических и многих других, даже двуязычных. Кроме того, словарь одной творческой личности должен помечать или комментировать всё индивидуально-творческое, то есть он должен быть исчерпывающим поэтическим идиолектом автора <...> любая языковая единица, любой языковой элемент, даже простое их наличие в языке автора – это факт творческий, в конечном счете поэтический» [Тимофеев 2004: 30].

Как материал для авторского словаря, несомненный интерес представляют собой поэтические произведения О. Мандельштама, индивидуальные и творческие особенности личности которого отражаются в лексике и фразеологии, воплощаются в языковых единицах, приобретающих новый смысл в поэтических текстах. Одной из составных частей индивидуальной картины мира поэта является система фразеологических единиц со значением лица. Данные фразеологизмы характеризуют человека как производителя того или иного вида деятельности, вступающего в разнообразные отношения или испытывающего определенные состояния. Фразеологические единицы со значением лица обладают номинативностью, идиоматичностью, целостностью значения, раздельнооформленностью, коннотативностью, то есть признаками, совпадающими с традиционно выделяемыми признаками общеязыковых фразеологизмов. Кроме того, их характеризуют воспроизводимость, устойчивость, то есть признаки, сближающие поэтические и узуальные фразеологизмы, но специфичные по содержанию. Однако у ФЕ со значением лица есть признаки, позволяющие выявить их специфику как сверхсловных единиц, ограниченных сферой поэтических текстов и имеющих ярко выраженный окказиональный характер [Гончарова, Усачева 2006: 8-11].

Фразеологические единицы, обозначающие наименования людей, носят субъективный характер, подчеркивают своеобразие поэтического мира автора и выражают его эмоциональное восприятие. Автор содержательно и сугубо индивидуально именует своего героя, поэтически осмысливает его профессиональные и человеческие качества. Так, Мандельштам создает новые, только ему свойственные наименования людей, которые позволяют осмыслить его своеобразный поэтический мир.

Словарь «Поэтические фразеологизмы со значением лица в произведениях О. Мандельштама» отличается от прежних большими ограничениями в выборе объекта словарного описания.

Цель словаря – осмыслить мир индивидуальных наименований человека, показать всю совокупность авторских единиц, характеризующих лицо, определить их роль в индивидуальной картине мира поэта.

Для достижения поставленной цели необходимо было выявить корпус поэтических фразеологизмов со значением лица в лирике О. Мандельштама, отобрать иллюстративный материал, взятый из стихотворных произведений О. Мандельштама, с указанием сведений об источниках текста; дать структурно-грамматическую характеристику поэтических фразеологизмов, обозначающих человека; описать семантическую структуру исследуемых единиц; дать не-

обходимый культурологический и литературоведческий комментарий, раскрывающий образную основу поэтических фразеологизмов.

Характер поставленных задач предопределил структуру словарной статьи. Она состоит из шести компонентов.

I. Заголовочная единица в начальной форме, с учетом того, что начальная форма ФЕ в поэтическом тексте употребляется не всегда и выносится в заголовок лишь в исследовательских целях.

II. Иллюстративный материал, необходимый для характеристики семантических и текстовых потенций поэтического фразеологизма. Контекст является основным условием, в котором фразеологическая номинация обнаруживает свое значение, поэтому в словарной статье приводится обычно синтаксически цельное высказывание, но достаточно часто для полного понимания и выявления специфики образа необходимо обращение ко всему стихотворению.

III. Сведения об источниках текста, включающие в себя названия сборника и стихотворения, год его написания. Материалом исследования являются фразеологические единицы из сборников О. Мандельштама «Камень», «Tristia», «Стихи 1921-1925 годов», «Новые стихи», «Воронежские тетради». Картотека для анализа поэтических фразеологизмов, обозначающих человека, была создана при помощи компьютерной выборки и насчитывает 330 единиц.

IV. Структурно-грамматическая характеристика фразеологизма.

1. Количество компонентов. Варьируется от 2 до 9; наиболее частотны в текстах Мандельштама синтаксические модели двухкомпонентных фразеологизмов – 230 единиц. При обозначении человека фразеологическими средствами типичной является именно двухкомпонентная структура наименований, преобладание которой объясняется тем, что двучленным единицам свойствен лаконизм, не исключающий точности, выразительности и также семантической емкости.

2. Синтаксическая модель; тип синтаксической связи. Материалы нашего словаря показывают, что 96% поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях Мандельштама организованы по моделям словосочетаний с подчинительной связью. Первый тип связи – согласование – имеют 218 ФЕ с моделью атрибутивного словосочетания, в котором грамматически главным является компонент-существительное, а подчиненным – согласуемое слово, чаще всего прилагательное или причастие. Второй тип, по которому построено 89 фразеологизмов, – это генитивные конструкции, реализующие модель субстантивного словосочетания с синтаксической связью управление. Третий тип синтаксической связи – аппозитивный – объединяет 23 фразеологические единицы, организованные по модели субстантивного словосочетания, компоненты-существительные которого согласуются в падеже.

3. Грамматические категории (род, число, падеж; значение данных категорий). Напр., по характеру проявления категории числа фразеологизмы со значением лица в поэтических текстах Мандельштама делятся на две группы: единицы, употребляющиеся в форме ед. числа и обозначающие одно лицо (212 ФЕ), и единицы, имеющие форму мн. числа и обозначающие совокупность лиц, в том числе раздельное множество (94 ФЕ) и собирательное единство (24 ФЕ).

4. Структурная схема. Наиболее распространенной является структурная схема «согл. компонент (прил.) + сущ. в им. п.» (217 ФЕ); схемы («согл. компонент (прич.) + сущ. в им. п.», «сущ. в им. п. + сущ. в форме род. п.», «сущ. в им. п. + сущ. в им. п.» и др.) представлены меньшим количеством единиц.

5. Особенности расположения компонентов. Специфика порядка следования компонентов словосочетаний заключается в возможности функционирования поэтических фразеологизмов в четырех вариантах: а) прямое контактное (219 ФЕ); б) инверсивное контактное (90 ФЕ); в) прямое дистантное (18 ФЕ); г) инверсивное дистантное (3 ФЕ) расположение компонентов. Все эти варианты следования компонентов фразеологических единиц присутствуют в поэзии О. Мандельштама и обладают различными выразительными возможностями.

6. Синтаксическая функция. Поэтические фразеологизмы со значением лица, по данным словаря, могут выполнять функцию, напр., подлежащего (178 ФЕ), косвенного (43 ФЕ) и прямого (21 ФЕ) дополнений, обращения (40 ФЕ) и др.

V. Семантическая характеристика фразеологической единицы.

Поэтические фразеологизмы со значением лица являются единицами поэтической речи, имеют специфическую семантическую структуру, состоящую из сем, среди которых различают: 1) подсубкатегориальные семы; 2) групповые семы; 3) подгрупповые семы; 4) семантические типы; 5) индивидуальные семы. Исследования ученых Челябинской фразеологической школы показали, что семантическая структура фразеологической единицы соотносительна с семантической структурой слова и представляет собой совокупность иерархически организованных сем разного уровня абстракции [ЧФШ 2002]. Мы рассматриваем семантическую структуру в соответствии со взглядами Челябинской фразеологической школы, в связи с чем многоуровневая семантическая классификация поэтических фразеологизмов со значением лица в стихотворениях О. Мандельштама основана на учете категориальных, субкатегориальных, подсубкатегориальных, групповых, подгрупповых и индивидуальных сем.

Особенности семантики поэтических фразеологизмов, сложная семантическая структура потребовали поиска и разработки таких способов толкования, которые позволили бы отразить все формально-семантическое своеобразие данного типа единиц. Толкование значения фразеологических единиц, функционирующих в поэтическом тексте, предполагает использование разных способов фразеографического описания, наиболее важными из которых являются синонимический и описательный.

VI. Комментарий, позволяющий воссоздать ассоциативный ряд, приведший к возникновению индивидуально-авторского фразеологизма. Для поэтического творчества О. Мандельштама данный компонент словарной статьи особенно важен, так как, по общему мнению исследователей, его стихотворные тексты достаточно сложны в семантическом плане и нуждаются в разъяснительных примечаниях.

Подобная структура словарной статьи позволяет охарактеризовать структурно-грамматические и семантические свойства исследуемых фразеологизмов, оценить их роль в поэтической речи.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова Н.В., Усачева Н.Б. Содержание понятия «поэтический фразеологизм» // Фразеологические чтения памяти проф. В.А. Лебединской / отв. ред. Н.Б. Усачева. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. – Вып. 3. – С.8–11.

Тимофеев В.П. Наш опыт поэтической лексикографии // Тимофеев В.П. Избранные статьи / сост. и отв. ред. С.Б. Борисов. – Шадринск: Изд-во Шадрин. гос. пед. ин-та, 2004.

ЧФШ: Челябинская фразеологическая школа: научно-исторический очерк / И.Г. Казачук [и др.]; науч. ред. А.М. Чепасова; отв. за выпуск Л.П. Гашева. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2002.

PHRASEOGRAPHIC DESCRIPTION OF PERSONAL-MEANING UNITS IN O. MANDELSHTAM'S POETIC WORKS

N.V. Goncharova

The author considers the necessity to compile a dictionary of poetic fixed personal-meaning units in O. Mandelshtam's works. She describes the structure of a vocabulary entry, which makes it possible to characterize grammatical structure, semantic features of the units under study, and their functioning in poetic speech.

© 2009

Ю.Г. Бобкова

СРАВНИТЕЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В.П. АСТАФЬЕВА И ПРОБЛЕМА ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Создатель словаря языка писателя сталкивается с рядом сопутствующих лексикографическому описанию проблем, к числу которых относятся определение формальных и смысловых границ лингвистической единицы, выбор основной стратегии словарной фиксации и способа толкования этой единицы, учет нескольких либо всех контекстов словоупотребления, опора на узуальное или контекстуально мотивированное значение и т.д. Эти проблемы обусловлены не только методологической сложностью и практической скрупулезностью работы лексикографа, но и тем, что создатель словаря становится интерпретатором авторского текста.

Проблемы интерпретации художественного текста непосредственно связаны с процессом перевода и последующим существованием исходного текста в других семиотических системах [Бразговская 2001: 96]. Одной из таких семиотиче-

ских систем становится «Словарь языка писателя», в котором метаязыковое перекодирование отражает интерпретирующее описание-понимание текстов, созданных писателем.

Лексикографическая интерпретация исходного текста имеет два аспекта, обусловленные способностью художественного текста к генерации смыслов и к конденсации культурной памяти [Лотман 2000: 162].

Первый аспект заключается в том, что выделение любой дискретной единицы из текстового континуума ведет к разрушению формальных и смысловых связей, существующих в авторском внутритекстовом (и межтекстовом) пространстве и обеспечивающих генерацию смыслов.

Художественный текст может рассматриваться либо как лингвистический текст, либо как текст культуры, существующий в пространстве культуры. В первом случае семантический объем лингвистической единицы может описываться традиционно – как система лексико-семантических вариантов. Во втором случае определение семантического объема слова затрудняется тем фактом, что «культурная информация <...> существует в языке большей частью в латентном, непроявленном состоянии» [Вендина 2002: 62] и зачастую не ограничивается пространством одного слова, поскольку важнейшая для культуры информация получает детальную разработанность в языковом плане ([Вендина 2004: 353–354], [Березович, Леонтьева, 2004]). В этом мы видим второй аспект интерпретативного процесса, когда создание «Словаря...» неизбежно влечет за собой утрату внетекстовых, культурно детерминированных значений авторского текста в целом и его дискретной единицы в частности.

Анализ внутритекстовых связей одной развернутой метафоры В.П. Астафьева, выявление заложенной в ней и в сопряженных словах культурной информации становятся предметом нашего исследования, поскольку любая интерпретация, в том числе лексикографическая, требует предварительного анализа внутритекстовых и внетекстовых значений слова.

В тексте «Деревенское приключение» [Астафьев 2003: 207–214] представлена одна из версий астафьевской идеи половодья как опасной для человека стихии. В отличие от других текстов В.П. Астафьева, «Деревенское приключение» показывает поворот в авторском осмыслении половодья-хаоса – половодья как *опасной необходимости для человека*.

Половодье как высвобождение хаосной энергии воплощается В.П. Астафьевым через развернутую антропокосмическую метафору (сравнительно-метафорический комплекс) с зыбкими границами перехода от метафоры к прямой номинации:

«Сонная, летом зарастающая водяной чумой и всякой другой водорослью ***похмельного цвета****, речка Валавуриха в короткую весеннюю водополицу* ***дурела*** *и* ***делалась похожа*** *на колхозного овощевода Парасковьина, который зиму и лето до одурения копался в земле. Но раз в месяц, а то и в два он* ***напивался****, пластал на себе рубаху и с осиновым колом гонялся за своей бабой. Баба эта, Парасковья, заслонившая в мужике все, вплоть до фамилии, была злая и хитрая. Она поколачивала мужа в день Восьмого марта и по другим новым праздникам. Но* ***в дни запоя*** *мужа она сопротивления не оказывала, а пряталась: зимой в подпол, летом западала на огороде в жалицу и пересиживала* ***смутное время****.*

Овощевод Парасковьин для порядка и куражу бил колом по окну, выносил полрамы и ложился спать, совершенно удовлетворенный этими действиями».

Инверсия в авторском сравнении *Валавуриха <...> делалась похожа на колхозного овощевода Парасковьина* позволяет говорить о том, что писатель обращается к традиционному для русской культуры представлению *о пьяной речке*. В частности, на Урале известны народно-этимологические версии номинации *пьяная речка: У нас нонче тут* ***пьяная речка течет****, дочиста спился народ-от* (см. [Подюков 1996]). Стихийная сила течения реки осмысляется писателем сквозь призму представления о пьянстве как проявлении стихии. Более того, *пьяная речка* позволяет писателю осмыслить онтологический статус жизни вообще (и жизни человека, и жизни в природе). Жизнь, по В.П. Астафьеву, – это чередование порядка и хаоса. При этом хаос есть временный «выход» из состояния порядка, имеющий в своей основе иррациональную природу. Это такой хаос, который не подлежит внешнему контролю и который преодолевается лишь по мере своей внутренней исчерпанности. Важно, что стихийная природа воды и человека не получает у В.П. Астафьева отрицательной оценки: это необходимый период для установления раз и навсегда порядка – *Овощевод Парасковьин* ***для порядка*** *и куражу бил колом по окну, выносил полрамы и* ***ложился спать, совершенно удовлетворенный*** *этими действиями*. Именно на фоне кратковременного хаоса (***короткая*** *весенняя водополица*) повышается значимость порядка.

При анализе словоупотреблений в тексте В.П. Астафьева мы сталкиваемся с тавтологичным дублированием культурной информации. Семантику половодья, кроме указанной выше развернутой метафоры в абсолютном начале текста, имеют слова в прямом значении, при метафорических сдвигах, а также фразеологические единицы: ***водополица****; речка* ***дурела****; Валавуриха* ***стала полнеть*** *и* ***пучиться****, вода* ***затопила*** *низинные покосы и лес по берегу, после* ***добралась до огородов и бань****; Паром пустили* ***по большой воде****; служба его не может ждать,* ***когда вода спадет; мутные воды*** *Валавурихи*. Избыточность номинаций на единицу смысла, кульминационное стяжение номинаций половодья в текстовом пространстве, актуализация идеи гибельной сущности половодья – это свидетельство как доминирования данного смысла в тексте, так и поворота в смысловом развертывании текста.

По-видимому, для В.П. Астафьева одной из важнейших является идея *избирательной* разрушительной символики воды: *С парома* ***спаслась лишь Шура.*** *Как только паром начал тонуть, она прижала к себе ребеночка и, зажмурившись, бросилась в воду. Остальных накрыло паромом, побило телегой и мешками*. Вода предстает такой стихией, которой под силу определить не только жизнь и смерть конкретного человека, но и «сформировать» этические нормы, в том числе в рамках «деревенского приключения». Соотношение идеи воды, несущей гибель или дарующей спасение, и заглавия текста – «Деревенское приключение» – порождает представление о пьяной речке *как опасной необходимости* для человека. Само заглавие исключает возможность осмысления гибели в воде как трагедии: приключение – это всего лишь ‘неожиданный случай, происшествие’ [МАС 1984: III: 415]. Более того, в тексте обнаруживаются этимологические связи номинаций *пьяная речка* и *приключение,* которые также «снимают» трагичность кульминации сюжета, но «воссоздают» сюжетную

линию *деревенского приключения*. Так, слово *приключение* имеет этимологически обусловленные значения ‘подходить, приходиться кстати’, родственно словам со значениями ‘присоединяться, подходить’,‘соединять, связывать’ [Фасмер 2003, III: 364]. Слово *приключение* восходит к слову *клюка* с семантической и этимологической сферой ‘кривая палка’, ‘предмет кривой формы’, ‘цепляться’, ‘препятствие’, ‘довериться’, ‘вина’, ‘обман’, ‘коварство’, ‘уловка’, ‘увертка’ [Фасмер 2003, II: 257]. Ассоциации с кривизной имеет и метафора *пьяная речка,* которая соответствует распространенным русским гидронимам *Пьяная речка*, получившим название по признаку извилистости русла [Фасмер 2003, III: 422]. И действительно, что такое деревенское приключение? Деревенское приключение – это *кривой, извилистый* путь людей к своему счастью. На этом пути необходимо пройти следующие «стадии»: стадию женского *доверия,* мужского *обмана и коварства,* способов *увернуться* от ответственности, ощущения *вины,* преодоления *препятствий, случившихся кстати,* и *цепляния* за жизнь – для того, чтобы *связаться, соединиться*. Таким образом, известный сюжет о том, как парень воспользовался доверием девушки, не хотел признавать себя отцом ее ребенка, но одумался, позволяет говорить о том, что гибель парома в половодье и спасение Шурки с ребенком были необходимы для того, чтобы понять, *что* является самым важным в жизни Кирьки Степанидина. Именно водный хаос (*пьяная речка*) становится «регулятором» экзистенциальных, социальных и этических отношений в деревне.

Возвращаясь к двум аспектам лексикографической интерпретации, о которых мы говорили выше, отметим, что любая попытка лексикографической фиксации проанализированного выше сравнительно-метафорического комплекса будет «неудачной». И эта «неудача» имеет объективную природу, поскольку эквивалентность между текстом-оригиналом и его переводом, в том числе на лексикографический метаязык, носит асимметричный характер.

Во-первых, в практике создания «Словаря языка В.П. Астафьева» неизбежным образом будет нарушена формально-смысловая целостность сравнительно-метафорического комплекса с обобщенным смыслом ‘пьяная речка’. Целостность комплекса оформляется в двух абзацах авторского текста, при этом взаимопритяжение между отдельными элементами комплекса резко возрастает: смысловая целостность осуществляется не в слове, а посредством слов, посредством композиции смыслов.

Во-вторых, словарная фиксация не сохранит внутритекстовых связей данного комплекса с другими номинациями половодья. Вслед за этим не сохранится и символика воды в целом и половодья в частности, а символ «как семиотизированный знак универсума» [Ziomek 1994: 174] принадлежит не конкретному тексту, не конкретной лингвистической единице, а культурному пространству в целом. Символ существует до конкретного текста, входит в текст, внося в него универсум культурных значений.

В-третьих, не будет очевидной семиотическая природа дублирования культурно значимой информации, на соотношении с которой выявляется астафьевский семантический нюанс, заключенный в контаминации двух символических значений номинаций с семантикой половодья – ‘опасность’ и ‘необходимость’. Этот смысловой обертон подтверждается дважды: путем ассоциативного сбли-

жения единиц, находящихся в сильных текстовых позициях (заглавия и абсолютного начала текста) и в позиции семантической аномалии (избыточность номинаций на единицу смысла), и путем соотнесения этимологических сфер сравнительно-метафорического комплекса с семантикой ‘пьяная речка’ и слова *приключение*.

Таким образом, если описательно-интерпретативные возможности у астафьевского слова велики, то лексикографическая интерпретация авторского словоупотребления, направленная на культурное дефинирование слова с учетом осмысления художественного текста как текста культуры, может привести к нежесткой структурированности и размыванию границ словарной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В.П. Затеси. – Красноярск: Вся Сибирь: Красноярское книжное изд-во, 2003.

Березович Е.Л, Леонтьева Т.В. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект // Язык культуры: Семантика и грамматика. – М.: Индрик, 2004. – С.368–383.

Бразговская Е.Е. Текст в пространстве культуры («Sny. Ogrody. Sérénité» Ярослава Ивашкевича): моногр. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2001.

Вендина Т.И. Истина, Добро, Красота в языке русской традиционной духовной культуры // Язык культуры: Семантика и грамматика. – М.: Индрик, 2004. – С.352–367.

Вендина Т.И. Признак и его культурно-историческая мотивация в старославянском языке (субъектные номинации) // Признаковое пространство культуры. – М.: Индрик, 2002. – С.61–70.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Подюков И.А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Пермь, 1996.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – М.: Астрель: АСТ, 2003.

Ziomek J. Prase ostatnie. – Warszawa : PWN, 1994.

V.P. ASTAFYEV’S METAPHORIC COMPARISON COMPLEX AND ITS LEXICOGRAPHIC PRESENTATION

Yu.G. Bobkova

The paper is devoted to lexicographic treatment of the author’s coinages. The study is concerned with a complex text construction, namely V.P. Astafyev’s metaphorical comparison complex characterized by integrity, textual and cultural-semiotic meaning.

© 2009

М.Н. Лебединская

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ К. БАЛЬМОНТА

Активно развивается лексикографическое и фразеографическое изучение поэтического языка многих поэтов «Серебряного века»: А. Блока [Минц 1965, 1969, 1975], А. Белого [Тарумова, Шумарина 2001], М. Цветаевой ([Ревзина 1996–2004], [Ковалева 2002]); ведется работа над составлением авторских словарей поэтической фразеологии О. Мандельштама [Гончарова 2004], В. Ходасевича [Коршкова 2004] и др. Поэтическая фразеология К. Бальмонта в словарном аспекте не подвергалась научному рассмотрению.

При изучении фразеологического состава произведений К. Бальмонта было выявлено достаточно большое количество компаративных фразеологизмов. В связи с тем, что большая часть фразеологических сравнений К. Бальмонта в словарях не зафиксирована, считаем необходимым фразеографическое описание единиц компаративной семантики, четко отражающих особенности поэтического видения мира поэта.

Компаративные фразеологизмы являются очень важным поэтическим средством, во фразеологической картине мира К. Бальмонта они занимают значительное место и являются частью индивидуальной картины мира поэта. Особенности личности поэта, принадлежность его к определенному поэтическому течению, черты его индивидуального стиля проявляются в употреблении компаративных фразеологических единиц.

Под компаративной фразеологической единицей мы понимаем фразеологизм качественно-обстоятельственной семантики, имеющий в своем составе сравнительный союз. Неотъемлемой частью компаративного фразеологизма является сопровождение, то есть слово или предложение, к которому относится фразеологическое сравнение.

Компаративные фразеологизмы поэтической речи имеют специфические особенности, связанные с многозначностью символа, с возможностью различных трактовок образной системы поэта, поэтому при толковании значения компаративных фразеологических единиц, функционирующих в поэзии К. Бальмонта, мы опираемся на принцип отражения всех компонентов структуры компаратива.

Компаративная фразеологическая единица в своем составе обязательно имеет компонент-союз **как, точно, словно** или **как будто**, который участвует в образовании индивидуального фразеологического значения. Поэтическая речь накладывает отпечаток на эти фразеологизмы: замена того или иного компонента в составе фразеологизма невозможна.

Материалом для словаря послужила картотека, составленная по текстам шести сборников («Тишина», «В безбрежности», «Под северным небом», «Горящие здания», «Будем как солнце», «Только любовь») и насчитывающая более 400 компаративных фразеологических единиц (*как гробница, как нектар, как звезда, как серебро, как саранча, как червь, как ангел неземной, как злой вампир,*

как черный грех, как вещий сон, как вольные птицы, как легкий сон, как мертвая сталь, как шелест камышей, как ключ в пустыне, как враг обычной красоты, как груда темной пыли, как хрустальные немые города, точно вор, точно годы, точно песни забытой отчизны, точно призрак умирающий, словно грусть о жизни дольней, словно в детстве, как будто дух больной и др.). Они разнообразны по структурным, семантическим и функциональным свойствам, характеризуют отношения, которые устанавливает К. Бальмонт в процессе поэтического отражения реальной действительности. Спецификой компаративных фразеологизмов является то, что сравнение обязательно должно иметь три части: предмет (то, что сравнивают), объект (то, с чем сравнивают) и признак, на основании которого происходит сравнение.

Большинство фразеологических сравнений К. Бальмонта носит окказиональный характер, это говорит о субъективности, индивидуальности поэзии Бальмонта, где любое явление действительности проходит через призму мироощущения поэта. В связи с этим встает проблема поэтического фразеографирования в условиях неоднозначности поэтического текста.

Для корректного толкования индивидуального фразеологического значения необходим не только анализ компаративного фразеологизма, но и исследование его ближайшего окружения. Для формирования индивидуального значения компаративного фразеологизма важна не только внешняя форма самой единицы, но и ее синтаксические связи, способы включения в предложение, поэтому большое влияние оказывает слово-сопроводитель, к которому примыкает компаративный фразеологизм. Таким образом, сопроводитель при компаративной фразеологической единице является связующим звеном между предметом и объектом сравнения, устанавливает семантические связи между ними, а также актуализирует те или иные семы, которые участвуют в создании целостного фразеологического значения.

Словарная статья должна иметь структуру, четко отражающую всю специфику и сложность компаративного фразеологизма, наиболее полно характеризующую данную единицу. Нами был выбран следующий алгоритм рассмотрения поэтического компаративного фразеологизма.

1. Заголовок словарной статьи.

Компаративная фразеологическая единица приводится вместе с сопроводителем.

2. Иллюстративный материал.

Минимальный контекст со ссылкой на стихотворение, сборник, год опубликования.

3. Компонентный состав, структурная модель.

Описывается структурная организация и компонентный состав исследуемых фразеологизмов.

4. Предмет и объект сравнения.

Называется предмет и объект сравнения, характеризуется способ их выражения.

5. Признак сравнения.

Типы призначных значений компаративных единиц зависят от частеречной принадлежности слова-сопроводителя.

6. Способ включения в поэтический текст.

Сопроводитель компаративного фразеологизма, категориальное, субкатегориальное, групповое значение фразеологизма.

7. Толкование индивидуального фразеологического значения компаративной единицы.

Пример словарной статьи:

Как сон (проходит).

Проходит жизнь как сон,
Рассвет, как прежде, пышен,
Полет седых времен
Над Островом не слышен.

(Тишина, 1898 г. Остров цветов)

Двухкомп., модель «как + сущ.».

Предмет сравнения – **жизнь** (неодуш., абстр., отрезок времени).

Объект сравнения – **сон** (неодуш., абстр., физ. сост.).

Признак сравнения – качество действия – протекание во времени относительно реальной действительности (бытия).

Сопроводитель – **проходит** – глагол; состояние, конечная фаза состояния.

'Неправдоподобно, невероятно, фантастично, призрачно'.

Для облегчения пользования словарем составлен индекс, который включает в себя 4 части по количеству единиц начиная с наибольшего:

1) компаративные фразеологизмы с союзом **как**;
2) компаративные фразеологизмы с союзом **точно**;
3) компаративные фразеологизмы с союзом **словно**;
4) компаративные фразеологизмы с союзом **как будто**.

Список всех компаративных фразеологических единиц в каждой из групп будет приведен в алфавитном порядке по второму компоненту.

Составление словаря компаративной фразеологии К. Бальмонта является началом работы над авторским фразеологическим словарем, в который войдут компаративные фразеологизмы К. Бальмонта. Работа над созданием словаря компаративных фразеологизмов поэзии К. Бальмонта осложняется тем, что в существующих словарях нет сведений о внешней и внутренней формах большей части сравнительных фразеологических единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Гончарова Н.В. О словаре предметной поэтической фразеологии О. Мандельштама // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): мат. междунар. науч. симпозиума. 21-22 мая 2004 г. / отв. ред. В.И. Макаров. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, – 2004. – С.355–358.

Ковалева С.А. Словарь образных слов Марины Цветаевой: общая характеристика // От Словаря В.И. Даля к лексикографии XXI века: мат. междунар. симпозиума, посвященного 200-летию со дня рождения В.И. Даля. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С.208–214.

Коршкова Е.А. К вопросу о создании авторского словаря поэтической фразеологии В. Ходасевича // Словарное наследие В.П. Жукова и пути развития общей лексикогра-

фии (Третьи Жуковские чтения): мат. междунар. науч. симпозиума. 21-22 мая 2004 г. / отв. ред. В.И. Макаров. – Великий Новгород: Изд-во Новгород. гос. ун-та им. Ярослава Мудрого, – 2004. – С.374–377.

Минц З.Г. Лирика Александра Блока. – Тарту, 1965–1975. – Вып. 1–4.

Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина (рук. проекта). – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.

Тарумова Н.Т., Шумарина И.В. Проект словаря А. Белого // Текст. Интертекст. Культура: тез. международ. конф., Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2001. – С.102–107.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF K. BALMONT'S POETIC COMPARATIVE FIXED PHRASES

M.I. Lebedinskaya

The article outlines phraseographic treatment of comparative units occurring in K.Balmont's poetry. The dictionary being developed by the author of the article would comprise over 400 comparative phrases with different structural, semantic and functional properties presented in an originally arranged vocabulary entry.

© 2009

Н.А. Снимщикова

РОЛЬ НОМИНАЦИЙ С ОБЪЕКТИВНО-ПРИЗНАКОВЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В ФОРМИРОВАНИИ КОМПОЗИЦИОННО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

(к проблеме создания словаря языка писателя)

Отбор определенных видов номинаций диктуется идейно-тематическим содержанием текста, образом автора, творческим методом.

Номинации с производными прилагательными могут служить приметами стилистического статуса текста. Собственно относительные прилагательные, составляющие большую часть производных, отличаются способом выражения категориального значения и характером самого называемого признака. Специфические черты лексического значения слов данного разряда прилагательных – наличие оттенка объективной характеризации, статичности, однородности качества, «отсутствие ориентации на познающего субъекта и субъективного представления качества» [Сулименко 2006: 329]. Сущность различий между основными разрядами прилагательных следует видеть прежде всего в их лексиче-

ском значении, согласившись с В.В. Виноградовым в том, что «существо этой разницы лексико-семантическое и экспрессивно-стилистическое» [Современный русский язык 1952: 77]. Лексико-семантические свойства позволяют относительным прилагательным создавать объективно точную определительно-предметную номинацию, используемую обычно в строгих функциональных подсистемах языка.

Горьковский текст в эпопее «Жизнь Клима Самгина» напоминает газетно-публицистический текст, посвященный актуальным вопросам текущей жизни. Лексическую основу публицистического стиля составляет наличие «прежде всего концептуальной, т.е. идеологической, общественно-политической лексики» [Солганик 2003: 313]. Достаточно широко представлена в романе социально и философски ориентированная лексика, в том числе и относительные прилагательные. Наиболее частотны из них следующие: *рабочий* – 84, *политический* – 74, *церковный* – 34, *социальный* – 33, *военный* – 32, *классовый* – 32, *революционный* – 32, *судебный* – 28, *крестьянский* – 28, *купеческий* – 23, *общественный* – 20, *полицейский* – 18, *жандармский* – 15, *религиозный* – 15, *народный* – 14, *студенческий* – 14, *философский* – 14, *национальный* – 13, *тюремный* – 13, *буржуазный* – 12, *гражданский* – 12, *царский* – 11, *солдатский* – 10, *социалистический* – 9, *христианский* – 8, *экономический* – 8, *партийный* – 7.

Функция спецификации позволяет данной лексико-семантической группе (ЛСГ) прилагательных выделять конкретно-исторические признаки предметов, явлений различных сфер жизни общества. Так достигается историческая конкретность и достоверность изображаемого. С помощью словосочетаний с относительными прилагательными воссоздаются приметы времени, сопричастности героя определенной общественно-социальной среде.

«Жизнь Клима Самгина» – роман идеологический, отражающий процесс формирования и развития идейных, общественно-политических течений эпохи. Автор поставил перед собой цель показать духовную историю предреволюционной России. В романе острые противоречия пронизывают все сферы жизни и все слои общества. Обсуждение социально-политических теорий, вопросов идейной, духовной жизни активно ведется сотнями участников горьковского текста. Перед читателем развертывается обширное художественное полотно, на котором запечатлены все важнейшие явления эпохи, все классы, партии, направления, что находит выражение прежде всего в страстных идеологических спорах, *словесных столкновениях, словесных битвах* [Горький т.11 1979: 462; т.12: 97]. Наиболее актуальным в выражении идейно-образного задания является одно из самых употребляемых прилагательных в эпопее – *словесный* (35 употреблений в полемической и аналитической ситуациях). При всей своей прозаичности относительные прилагательные обладают широкими стилистическими возможностями. Нейтральные языковые средства не только участвуют в выражении стиля, но и формируют «макроокраску стиля», актуализируя «специфические функциональные значения, обусловленные единым коммуникативным заданием» [Салимовский 2003: 482].

Номинации, включающие относительные прилагательные с локальным значением, во многом определяют композиционно-стилистическое своеобразие романа. Высокая плотность географического пространства отличает «Жизнь

Клима Самгина», о чем свидетельствует обширная группа локальных прилагательных: *русский* – 97, *городской* – 50, *московский* – 37, *французский* – 34, *деревенский* – 25, *немецкий* – 20, *провинциальный* – 19, *сельский* – 16, *земский* – 15, *английский* – 13, *уездный* – 12, *петербургский* – 10.

Замысел и проблематика романа-эпопеи как летописи сорокалетия общественной жизни России обусловили необычайную его насыщенность реальными событиями истории. Художественное пространство романа энциклопедично по своему размаху. М. Горький, задумав «хронику», ввел большое количество топонимических обозначений, включающих относительные прилагательные. В силу своей разрядной семантики относительные прилагательные способны вычленять частное в более общем, определенный вид из класса однородных предметов, передавая одно расчлененное понятие. Эти объективные свойства позволяют данному разряду прилагательных выступать действенным средством создания предельно точной номинации, воссоздающей пространственно-топонимическую реальность. Эпически широкая картина событий 9 января изображена во всей конкретности и исторической точности реального протекания. Локальное представление ситуации достигается употреблением относительных прилагательных, называющих улицы, площади, мосты Петербурга, которые постепенно охватываются шествием рабочих: *Знаменская площадь, Сампсониевский мост, Литейный мост, Дворянская улица, Троицкая площадь, Биржевый мост, Дворцовая площадь, Невский, Исаакиевская площадь, Гороховая улица, Певческий мост* [Горький 1979, т.12: 508-527]. Имена собственные-прилагательные, сохраняя свою классификационную функцию в топонимических номинациях, являются средством передачи национально-культурного колорита, ассоциаций, связанных с определенной эпохой. Можно говорить о документальном изложении фактов, происходивших во временной и пространственной последовательности. Автор не живописует, он избирает информационно-логический тип повествования. «Нейтрально-линейное изложение» [Одинцов 1980: 122] обеспечивает документально-историческую достоверность изображаемых событий.

Документализм горьковской эпопеи не сводится только к насыщению текста историческими фактами. «Жизнь Клима Самгина» – по существу «документальная фиксация огромного количества явлений русской жизни, где сама форма рассказывания – повествование – становится моментом документализации, словесного закрепления материала русской действительности...» [Гей 1977: 413]. Как отмечает известный исследователь творчества М. Горького Е.Б. Тагер, «переживанием истории» охвачен в романе «любой персонаж» [Тагер 1964: 296]. Сама действительность, перегруженная событиями, настойчиво требовала участия в ее делах, завладевала умами, душами людей, никого не оставляя в стороне, делая каждого невольным свидетелем, а часто и участником происходящего. Персонажи появляются на страницах романа внезапно, приносят новые слухи и факты, чтобы своими впечатлениями, сообщениями об увиденном, услышанном создать более полную картину переломного этапа истории России. Так, разными персонажами передаются разрозненные на первый взгляд сообщения о крестьянских волнениях в различных районах страны. Глобальный характер событий вырисовывается в итоге внутритекстового взаимодействия разных способов выражения пространственного значения, в числе

которых активная роль принадлежит относительным прилагательным в составе имен собственных как идентифицирующих знаков: «Тихим голосом, как бы читая поминанье за упокой родственников, он (Зуев – *Н.С.*) отвечал: “В *Марьиной роще* аресты. В *Нижнем Новгороде*”»; «Шагая по комнате, прищелкивая пальцами, как человек в досаде, он (Гогин) вполголоса отчетливо говорил: “Волнения начались в *деревне Лисичьей* и охватили пять уездов *Харьковской* и *Полтавской губерний*”»; «Обгоняя прохожих, Самгин ловил фразы, звучавшие довольно благоразумно <...> В *Калужской губернии* семнадцать усадьб сожжено»; «Точно разносчик газет, измученный холодом, усталостью и продающий последние номера, Брагин выкрикивал: “Восстали солдаты *Ростовского* полка. Предполагается взорвать мосты на *Николаевской железной дороге*. В Саратове рабочие взорвали Радищевский музей”» [Горький 1979, т. 11: 391; т. 12: 385, 588; т. 13: 38].

Это все не случайные факты, между ними существует тесная внутренняя связь – все они создают ясную панораму положения дел в стране и оказываются в центре внимания на съезде революционеров. «Революционеры собирались недавно на съезд, на котором тоже признали, что в Москве дела стоят очень плохо, но, к сожалению, считают, что в Петербурге – хорошо, а в *Черниговской, Харьковской* и *Киевской губерниях* – очень хорошо, а в остальных посредственно» [Горький 1979, т. 14: 249].

Текст «Жизни Клима Самгина» сближается с газетным текстом, в котором, по мнению Ю.С. Степанова, «без видимой внешней связи, кроме той чрезвычайно сильной связи, что все это имеет отношение к сегодняшнему дню и очень важно сегодня, сопоставлены факты и события разных сфер жизни и даже разных стран» [Степанов 1985: 267]. Освещение вопросов внешней политики России раздвигает рамки эпического пространства: «Мы вот первая страна в Европе по обилию рыбы, а рыбоводство у нас варварское, промышляем рыбу хищно, грабительски <...> *Аральское море, Каспийское море, Азовское, Черное моря,* да северные, да реки» (Иноков); «Был вчера на докладе о причинах будущей войны. Рассказывалось о нашей политике в Персии, на Балканах, на Дарданеллах, *Персидском заливе*, о Монголии» (Дронов); «Россия получит выход в *Средиземное море,* укрепится на Балканах» (Самгин) [Горький 1979, т. 11: 263; т. 14: 328, 353].

Главный герой романа наделен такими качествами, как наблюдательность и подвижность, и это создает дополнительные возможности для реализации авторского замысла – шире охватить изображаемую действительность. По воле писателя и согласно своей сущности Клим Самгин постоянно оказывается в соприкосновении с важнейшими событиями предреволюционных десятилетий. Так, по служебным делам он совершает поездки по разным областям страны: по *Московской области, Калужской, Новгородской губерниям* [Горький 1979, т. 12: 294, 419, 463]. Личные впечатления Самгина, воспоминания-ассоциации, возникающие неоднократно, выделяют эпизоды и фигуры наиболее социально значимые, делают их запоминающимися. «И, конечно, вот на таких, как этот, как мужик, который необыкновенно грыз орехи, и *грузчик Сибирской пристани*, – именно на таких рассчитывают революционеры. И вообще – на людей, которые стали петь печальную “Дубинушку” в новом, задорном темпе» – «...память тотчас воскресила вереницу забытых фигур: печника в деревне, *груз-*

чика Сибирской пристани, казака, который сидел у моря, как за столом, и чудовищную фигуру кочегара у *Троицкого моста* в Петербурге. Самгин сел и, схватясь руками за голову, закрыл уши» [Горький 1979, т. 12: 474, 607-608]. Используемые номинации-повторы приобретают социальную заостренность, превращаются в слова-лейтмотивы, что повышает их роль в организации идейно-тематического единства произведения.

Основной принцип горьковского повествования с позиции очевидца, по определению Ю. Степанова, – «поэтика очевидца» [Степанов 1985: 264], предопределил композиционные особенности романа, самостоятельность многих его эпизодов, появление без какой-либо мотивировки персонажей-рассказчиков, стяжение разнообразных фактов, явлений в пределах огромного пространства «Жизни Клима Самгина». А.М. Горький избирает особый вид отражения динамики, многообразия проявления окружающей действительности. Судьбы народов, ход истории в романе передаются через полилог, в содержательно-смысловой структуре которого «ситуативная связанность, спонтанность, нелинейность получают <...> максимальное отражение» [Винокур 1990: 381]. Многоголосие очевидцев событий позволяет автору добиться эффекта злободневной актуальности повествования. Общественно-политические, локальные и топонимические номинации, включающие относительные прилагательные как коммуникативно необходимый элемент, являются ведущим средством создания хроникально-публицистического текста романа-эпопеи.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Т.Г. Полилог // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов.энциклопедия, 1990.

Гей Н.К. Многоголосие жизни и художественный мир М. Горького // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. – 1977. – №5. – Т.36. – С.406–415.

Горький М. Жизнь Клима Самгина // М. Горький. Собр. соч.: в 16 т. – М.: Правда, 1979. – Т.11–14.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980.

Салимовский В.А. Стилистические средства // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.482–483.

Современный русский язык. Морфология: курс лекций: для высш. учеб. заведений / под ред. В.В. Виноградова. – М.: Изд-во МГУ, 1952.

Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С.312–315.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики философии искусства. – М.: Наука, 1985.

Сулименко Н.Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006.

Тагер Е.Б. Творчество Горького советской эпохи. – М.: Наука, 1964.

OBJECTIVE NAMES IN STYLISTIC AND COMPOSITION TEXT STRUCTURE (ON CONCORDANCE COMPILING)

N.A. Snimshchikova

The article deals with objective names and their role in stylistic and composition text structure. The study is based on the novel "The Life of Klim Samgin" by M. Gorky. The plot and problems touched upon in the novel account for the abundance of ideology-oriented words and local toponyms. Relative adjectives are also of great importance due to their specific lexical and semantic properties, and they are capable of forming precise objective names.

© 2009

О.В. Ломакина

ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОМАТИЗМА «ГЛАЗ» (на материале текстологии Л.Н.Толстого)

Язык писателя – многогранное образование, позволяющее не только воссоздать лингвистические особенности времени, художника, но и проанализировать исторические реалии. Фразеология Л.Н. Толстого нуждается в подробной лексикографической обработке. Создаваемый нами «Фразеологический словарь Л.Н. Толстого» призван представить фразеологию писателя в диахронии с учетом жанрово-стилистического своеобразия, показать особенности индивидуально-авторского использования фразеологических ресурсов языка (в том числе пословиц, поговорок и интертекстем), поскольку фразеология Л.Н. Толстого является значимой частью всего фразеологического фонда русского языка XIX в. и характеризуется многообразием типов, вариантностью форм, наличием окказиональных образований.

При распределении фразеологического материала нами был выбран стержневой принцип, поскольку «стержневая подача позволяет более последовательно отразить семантическую общность целых фразеологических рядов, "нанизанных" на стабильную символику одного компонента» [Мелерович 1997: 16].

При подготовке к изданию «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» используется существующая система фразеографического описания. Структура словарной статьи включает следующие компоненты: заглавие статьи, экспрессивно-стилистическую характеристику, значение фразеологической единицы (ФЕ), иллюстративный материал, варианты употребления, историко-этимологический комментарий.

Значения ФЕ интерпретируются при помощи авторитетных, признанных в русистике словарей: «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А.И. Молоткова (ФСРЯ), «Фразеологического словаря русского литературного языка» в двух томах А.И. Федорова (ФСРЛЯ), «Фразеологического словаря рус-

ского языка» А. Н. Тихонова (рук. авт. кол.), А.Г. Ломова, Л.А. Ломовой (ФСРЯТ), четырехтомного «Словаря русского языка», изданного АН СССР под ред. А.П. Евгеньевой» (МАС), что отражается в словарной статье. Иллюстративный материал включает цитаты из художественных произведений, публицистики, писем, дневников, записных книжек, что позволяет представить использование фразеологизма в узуальной форме или в индивидуально-авторском употреблении. Варианты ФЕ выделяются и графически обозначаются. Анализируя примеры трансформации ФЕ и определяя типы ее вариантов, мы опираемся на классификацию, предложенную А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко в словаре «Фразеологизмы в русской речи». Историко-этимологический комментарий является факультативным элементом словарной статьи и приводится лишь при толковании камерных фразеологизмов (*архитектор виноват*, *анковский пирог, отправиться в большое путешествие, пятый хомут, муаровый жилет, комната под сводами, зеленая палочка* и т.д.).

Среди описываемых фразеологизмов значительное место занимают единицы с соматизмами. Соматизм *глаз*, обозначающий важнейший орган человека, посредством которого человек получает 80% информации об окружающем мире, входит в состав 120 фразеологизмов, что зафиксировано во фразеологических словарях. В.А. Маслова называет мифологемы, связанные с образованием ряда ФЕ: «глаз=божество», «глаз=человек» [Маслова 2001: 132-133]. По наблюдениям Р.Х. Хайруллиной, во фразеологизмах, включающих фразеолексему *глаз*, «характеризуется способность видеть», «оценивается интенсивность, широта обзора зрения, желание или нежелание видеть, возможность или невозможность видеть что-либо» [Хайруллина 1996: 85].

Как показывают наши наблюдения, Л.Н. Толстой употребляет около 60 ФЕ, включающих анализируемую фразеолексему. Так, в текстах Л.Н. Толстого ФЕ с соматизмом *глаз* раскрывают способность человека по-разному воспринимать действительность (*глаз отдыхает, глаза разбегались/разбежались, выплакать глаза, поднимать/поднять глаза, резать глаза, бросать/бросить в глаза, не верить/не поверить своим глазам, своими глазами*), дают пространственно-временные характеристики (*куда глаза глядят, перед глазами, на глазах*), описывают человека и его состояние (*бить в глаза, попадать/попасть на глаза, продирать/продрать глаза*).

В качестве образцов приведем некоторые словарные статьи со стержневым субстантивным компонентом *глаз*.

ГЛАЗА РАЗБЕГАЛИСЬ/РАЗБЕЖАЛИСЬ *у кого*. Разг. Экспрес. ‘Кому-л. трудно сосредоточить взгляд на чем-л. от разнообразия впечатлений’

– *Но к счастью ее, она почувствовала, что* ***глаза*** *ее* ***разбегались****: она ничего не видела ясно, пульс ее забил сто раз в минуту, и кровь стала стучать у ее сердца* («Война и мир», т. 2, ч. 3, гл. 15).

– *Князь Андрей верхом остановился на батарее, глядя на дым орудия, из которого вылетело ядро.* ***Глаза*** *его* ***разбегались*** *по обширному пространству* («Война и мир», т. 1, ч. 2, гл. 17).

– *Здесь столько блеска, что* ***глаза разбежались****, – сказал он и пошел в беседку* («Анна Каренина», ч. 2, гл. 28).

РАЗБЕГАЛИСЬ ГЛАЗА – синтаксическая инверсия.

Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, ***разбегались глаза*** («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. 2).

У Дарьи Александровны ***разбегались глаза*** *на этот элегантный, невиданный ею экипаж, на этих прекрасных лошадей, на эти элегантные блестящие лица, окружавшие ее* («Анна Каренина», ч. 6, гл. 17) ([ФСРЯ: 104], [ФСРЛЯ, т. 1: 138], [ФСРЯТ: 234]).

ВЫЦАРАПАТЬ ГЛАЗА *кому.* Грубо-прост. ‘Причинять физические повреждения, угрожать физическим насилием’.

И долго не хотел судья ее рассудить, а потом и говорит сам себе: я хоть и не боюсь Бога и на людей не смотрю, а чтоб не было мне докуки от этой вдовы, рассужу ее по правде, чтобы она из себя не вышла и мне не ***выцарапала глаза*** («Соединение и перевод четырех Евангелий. Притча о судье и вдове»).

ВЫДРАТЬ БЕЛЬМЫ – синтаксическая инверсия, замена компонента.

Анисья. *Пра, сука, кабы она не ушла, я* ***бельмы-то*** *бы ей* ***повыдрала*** («Власть тьмы», д. 3, явл. 12).

ПОДНИМАТЬ/ПОДНЯТЬ ГЛАЗА. ‘Обращать, устремлять взгляд на кого-л. или что-л’.

– Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла упрекнуть вас, – сказала Анна Павловна, задумчиво ***поднимая глаза*** («Война и мир», т. 1, ч. 1, гл. 5).

– Будете играть? – громким голосом крикнул граф, стукнув рукой по столу так, что бутылка рейнвейна упала и разлилась. – Ведь вы нечисто выиграли? Будете играть? третий раз спрашиваю.

– Нет, я поеду, – сказала больная, ***подняла глаза*** *к небу, сложила руки и стала шептать несвязные слова* («Три смерти», гл. 1).

НЕ ПОДНИМАЯ ГЛАЗ – переход утвердительной формы в отрицательную.

– Ну, так вот, одна изба уж совсем готова. Она десятиаршинная, с сенями, с клетью и совсем уж готова. Я ее, пожалуй, тебе отдам в долг за свою цену; ты когда-нибудь отдашь, – сказал барин с самодовольной улыбкой, которую он не мог удержать при мысли о том, что делает благодеяние. – Ты свою старую сломаешь, – продолжал он, – она на амбар пойдет; двор тоже перенесем. Вода там славная, огороды вырежу из новины, земли твои во всех трех клинах тоже там, под боком, вырежу. Отлично заживешь! Что ж, разве это тебе не нравится? – спросил Нехлюдов <…>.

– Воля вашего сиятельства, – отвечал он, ***не поднимая глаз*** («Утро помещика», гл. 3).

– Я сказал, что нет. Это, право, странно, граф! И вовсе неприлично прийти с ножом к горлу к человеку, – заметил Лухнов, ***не поднимая глаз*** («Два гусара», гл. 7).

– Ты, Дронушка, слушай! – сказал он. – Ты мне пустого не говори. Его сиятельство князь Андрей Николаич сами мне приказали, чтобы весь народ отправить и с неприятелем не оставаться, и царский на то приказ есть. А кто останется, тот царю изменник. Слышишь?

– Слушаю, – отвечал Дрон, ***не поднимая глаз*** («Война и мир», т. 3, ч. 2, гл. 9) [ФСРЛЯ, т. 2: 104].

БРОСАТЬ/БРОСИТЬ В ГЛАЗА *что.* ‘Смело, дерзко показывать свое негативное отношение к чему-либо’.

«Где тут думать о счастливой стороне человеческой жизни, когда, вы видите,

я на бочке сижу в грязном сарае и работаю», – говорило выражение его лица. Главное удовольствие и потребность этих людей состоит в том, чтобы, встретив оживление жизни, ***бросить*** *этому оживлению* ***в глаза*** *свою мрачную, упорную деятельность.* («Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. 5) ([ФСРЯ: 48], [ФСРЛЯ, т. 1: 68]).

ПУСКАТЬ/ПУСТИТЬ ПЫЛЬ В ГЛАЗА *кому.* Разг. Ирон. Создавать ложное впечатление о себе у кого-л., представляя себя, свое положение лучше, чем оно есть в действительности.

Праздные, богатые люди заботятся о том, чтобы своей роскошью ***пускать пыль в глаза*** («Путь жизни»).

ПУСКАТЬ ДРУГ ДРУГУ ПЫЛЬ В ГЛАЗА – расширение компонентного состава ФЕ.

К чему, господин командир, ***пускать друг другу пыль в глаза?*** («Приближение конца») ([ФСРЯ: 370], [ФСРЛЯ, т. 2: 168], [ФСРЯТ: 231]).

ЗА ГЛАЗА[1]. ‘В отсутствие кого-л., заочно (говорить о ком-л., ругать кого-л.)’

Ребенок увидит, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю делать других то, что сам могу сделать, что я потворствую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь, тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю ***за глаза*** *не то, что говорю в глаза* <...> (Письмо неизвестной, 5 марта 1894 г.).

Напомнить китайскую пословицу: кто бранит ***за глаза****, тот боится, а кто хвалит в глаза, тот презирает* («Записные книжки») ([ФСРЯ: 104-105], [ФСРЛЯ т. 1: 139], [ФСРЯТ: 47]).

ЗА ГЛАЗА[2]. ‘Вполне, достаточно, с избытком чего-л’.

Достаточно ***за глаза*** *и того, чтобы сознавать себя хоть на самое короткое время носителем слова одного поколения* («Неделание») ([ФСРЯ: 105], [ФСРЛЯ, т. 1: 139], [ФСРЯТ: 47]).

Л.Н. Толстой использовал больше половины имеющихся в языке фразеологизмов с соматизмом *глаз* как в общепринятом значении и закрепленной форме, так и в трансформированном виде, что нашло отражение в представленных словарных статьях. «Фразеологический словарь Л.Н. Толстого» может стать одним из первых этапов создания словаря языка Л.Н. Толстого. Кроме того, создание «Фразеологического словаря Л.Н. Толстого» позволит рассмотреть динамическое развитие не только всего фразеологического корпуса, но и конкретных фразеологизмов, а также охарактеризовать языковую личность писателя в целом.

ЛИТЕРАТУРА

МАС: Словарь русского языка (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1981–1984.

Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Рус. словари, 1997.

ФСРЯ: Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1978.

ФСРЯТ: Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2003.

ФСРЛЯ: Фразеологический словарь русского литературного языка в 2 т. / сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.

Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии. – М.: Прометей, 1996.

PHRASEOGRAPHIC POTENTIAL OF THE SOMATISM *GLAZ* (EYE) (BASED ON L.N. TOLSTOY'S TEXTS)

O.V. Lomakina

Somatisms play one of the key roles In phrase building and usage. The article shows somatism GLAZ (eye) phraseographic potential on L.N. Tolstoy's texts. The article contains fragments of a vocabulary entry with GLAZ as a core substantive component.

© 2009

А.В. Прокофьева

«РАСТАЩИЛИ МЕНЯ, НО Я СЧАСТЛИВ...» (О «СЛОВАРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВЫСОЦКОГО» И ПЕРСПЕКТИВАХ ФРАЗЕОГРАФИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ДАННОМ НАПРАВЛЕНИИ)

За год до 70-летнего юбилея талантливого барда и актера В. Высоцкого поклонники его поэзии получили настоящий подарок: в 2007 г. увидел свет «Словарь фразеологизмов в творчестве В. Высоцкого», автором которого является новосибирский ученый Н.С. Уваров. Данный Словарь, осторожно названный самим автором «Опытом...», стал одним из первых авторских фразеологических трудов.

Безусловно, создателем Словаря проведена колоссальная работа по отбору и систематизации фразеологического материала.

В соответствии с широким пониманием объема фразеологии Словарь фразеоупотреблений Н. Уварова включает все фразеологические единицы, встречающиеся в песенно-стихотворных и прозаических произведениях двухтомного собрания сочинений В.С. Высоцкого [издание: Екатеринбург: КРОК-Центр, 1995]. Это идиомы, пословицы, поговорки, крылатые выражения, составные наименования, клише, а также цитаты из произведений других писателей.

Словарь состоит из предисловия, традиционной главы о построении словарной статьи, списка лексикографических и фразеографических источников (который автор посчитал целесообразным привести перед основной словарной частью), собственно словаря, теоретической главы об особенностях употребления фразеологизмов в творчестве В. Высоцкого, а также списка литературы, тради-

ционно располагающегося в конце. В словник входят как транслитерированные, так и нетранслитерированные фразеологические единицы (ФЕ).

Впечатляет количество описанных автором ФЕ и их употреблений (около 4500). При этом Н. Уваров включает в свой Словарь инвариантные (общеязыковые) фразеологические единицы (ИФЕ), трансформированные (общеязыковые) фразеологические единицы (ТФЕ), подвергшиеся авторской обработке, и индивидуально-авторские, окказиональные выражения (Окказ.), ставшие крылатыми. Немаловажным является и тот факт, что в качестве иллюстративного материала приводятся не только строки из поэтических, но и цитаты прозаических произведений В. Высоцкого, которые в меньшей степени знакомы массовому читателю. Это повесть «Жизнь без сна» (вариант названия «Дельфины и психи»), киносценарии к фильмам «Где центр?», «Как-то так все вышло» и незаконченный «Роман о девочках». Интересно также и то, что автор в каждой словарной статье цитирует все тексты, в которых употребляется ФЕ.

К сожалению, Н. Уваров не счел нужным включить в общий словник фразеологизмов ссылки на использованные словари. Не хватает, пожалуй, и привычного для многих словарей общего указателя фразеологизмов или хотя бы их опорных слов для упрощения процедуры поиска.

В общем списке лексикографических и фразеографических источников, к нашему удивлению, не обнаружен «Большой словарь крылатых слов русского языка» В.П. Беркова, В.М. Мокиенко, С.Г. Шулежковой (2000), а также Словарь устойчивых сравнений В.М. Огольцева (2001). Отсутствие словарных ссылок при фиксации ФЕ вызвало у нас сомнения относительно принадлежности отдельных оборотов к фразеологизмам или окказиональных выражений самого В. Высоцкого к крылатым фразам. Например, ни в одном из известных словарей нам не встретился фразеологизм *заяц во хмелю* (это, скорее, прецедентный текст), в то же время устойчивый оборот *как заяц (труслив)* общеизвестен, функционирует у В. Высоцкого («Пусть он, *как* тот *трусливый заяц*, не похмеляется, мерзавец»), однако Н. Уваров его не фиксирует. Не отмечает «Большой словарь крылатых слов» (а на сегодня это самое полное собрание крылатых слов и выражений) и того, что афористичные фразы В. Высоцкого «Сибирь, Сибирь – держава бичевая...»; «Не верь, что кто-то там на вид тюлень, – взгляни в глаза – в них может быть касатка»; «То ли буйвол, то ли бык, то ли тур» стали крылатыми» [Высоцкий 1997].

В то же время в Словаре Н.С. Уварова почему-то отсутствуют зафиксированные рядом словарей обороты *Кто не с нами, тот против нас, непорочное зачатие, на краю пропасти (могилы),* вербализированные в строчках: «*И кто не с нами*, те – антипяты!»; «Но *зачат я* был ночью*, порочно...*»; «Вдоль обрыва, *по-над пропастью*, по самому по *краю...* Я куплет допою – Хоть мгновенье еще постою *на краю...*»; крылатые выражения поэта *Идет охота на волков; Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!..*

Кроме того, вызывает недоумение отнесение к фразеологическим единиц, однозначно таковыми не являющихся. Напр., отдельно помещенного наречия *чуть-чуть* (ни в одной из приведенных иллюстративных цитат мы не обнаружили фразеологически связанного значения данного слова). Также представляется спорным считать фразеологизмом перифразу *желтоглазое племя* (волки),

предложно-падежное сочетание *без подтекста* (говорить), сравнительный оборот *будто кур воровать* и некоторые другие языковые факты. Однако эти недочеты отнюдь не умаляют значимости сделанного Н. Уваровым, а лишь в очередной раз подчеркивают сложность проблем фразеографии.

Удачным можно назвать внутреннее и внешнее оформление Словаря: твердый черный глянцевый переплет с небольшой фотографией поэта в правом верхнем углу узкой белой рамки, которая ассоциируется с приоткрытой дверью, едва пропускающей свет. Вызывает уважение и качество бумаги, хороший шрифт, редактура – издание просто приятно держать в руках. Можно смело утверждать, что российский словарный фонд пополнился еще одним ценным приобретением. Безусловно, «Словарь фразеологизмов в творчестве В. Высоцкого» Н. Уварова не только вызовет интерес людей, занимающихся творчеством поэта, но и привлечет внимание ценителей живого русского языка.

Думается, что работа по составлению фразеологических словарей писателей и поэтов не должна ограничиваться только общим описанием фразеологического состава их творческого наследия. Актуальным и перспективным в этом отношении нам видится лингвокультурологическое направление во фразеографии. Так, если Фразеологический словарь Н. Уварова дает полное представление о фразеологическом своеобразии творчества В. Высоцкого, то Идеографический (тематический) словарь, работа над которым ведется нами в последнее время, предполагает расположение материала в соответствии с тематическим принципом. Распределение ФЕ в этом случае происходит по тематическим группам в соответствии с частотностью их употребления поэтом. Подобный антропоцентрический подход к составлению словаря позволит сделать очевидным предпочтение автором тех или иных фразеологических групп, а следовательно, выявить отдельные фрагменты индивидуальной языковой картины мира поэта В. Высоцкого.

В словаре предполагается классификация ФЕ по следующим основаниям: *Эмоции; Виды деятельности* (социальная, материальная); *Характеристика предметов и явлений; Свойства, качества человека* [Яранцев 1981: 4]. В словарную статью входит фразеологизм, его толкование, контекст (в качестве иллюстративного материала берутся имеющиеся варианты песен В. Высоцкого). При необходимости дается разъяснение приемов трансформации. С целью избежать субъективности, толкование фразеологизма приводится в соответствии со словарными источниками, на которые делается ссылка.

В силу многозначности ФЕ, их комплексных трансформаций в песенно-поэтических текстах В. Высоцкого, а также специфики песенно-поэтического текста перед нами возникает проблема определения контекстуальной семантики ФЕ и ее эмоциональной окраски. Напр., стилевые научные штампы *сложное время, простое будущее время* в контексте стихотворения употреблены метафорически и вполне могут быть отнесены в тематическую группу «Верность, преданность»: «Люблю тебя и в *сложных временах* – / И в *будущем*, и в *прошлом настоящем*». Фразеологическая единица *черт побери (возьми)*, активно функционирующая у В. Высоцкого, может выражать целый спектр эмоций – от негодования до восхищения, вследствие чего ее размещение в тематических разделах словаря должно осуществляться строго с учетом контекста.

Судя по материалам нашей картотеки, у В. Высоцкого активно функционируют фразеологизмы-идиомы, выражающие негативные человеческие эмоции: «А он *махнул рукой*»; «*Все равно* ему теперь»; «Нам ваша скотская мораль / *От фонаря – до фонаря!*» ***(безразличие, равнодушие)***; *«Нам бермуторно на сердце /* И *бермутно на душе!*» «*Комом в горле* ей рассказы про Чукотку»; «Даже *мурашки ползут по спине*, / Если представить, что может случиться» (***беспокойство, волнение, переживание, тревога)*** «Слабо стреляться?!: *В пятки,* мол, давно *ушла душа!*»; «А есть такие – *невзвидишь свету*» (***испуг, боязнь, страх, ужас)***.

Следует отметить, что даже коммуникативные ФЕ, выражающие добрые пожелания, ободрение, любезность, вежливость и смягчающие негативную фразеопоэтическую картину мира поэта, нередко употребляется им в ироническом контексте: «Спите, граждане, в теплых квартирках своих – / *Спокойной ночи,* / до будущей субботы!» (пожелание звучит из уст квартирного вора); «Те, кто едят, – ведь это ж делегаты, / А вы, *прошу прощенья,* кто такие?» (извинение работника ресторана, пропускающего «знатных» посетителей вне очереди, выглядит оскорбительно). В связи с этим примеры в соответствующем разделе словаря имеют стилистические пометы: *в контексте ирон.* (в контексте иронично).

В реализации доминирующего мотива поэзии В. Высоцкого – мотива преодоления – в произведениях поэта активно функционирует тематическая группа с общим значением ‘Поведение’, к которой относятся ФЕ, характеризующие различные свойства и качества человека в сложных житейских ситуациях: «целеустремленность», «уверенность», «решительность», «упорство», «способность к риску»: «Но было бы здорово, чтоб Понтекорво / Взял его крепче за шкирку»; «Волна барьера не возьмет, / и рухнет взмыленная лошадь»; «Гните свою линию пунктиром!» и т.д.

В тематической группе «Характеристика явлений и ситуаций» у В. Высоцкого широко представлена подгруппа «Смерть»: «*В гроб вогнали* кое-как»; «Кто *кончил жизнь* трагически – тот истинный поэт»; «Хоть мгновенье еще постою *на краю*» и др.

Образец оформления словарной статьи по тематическому принципу:

Часть I

Эмоции человека

1. Восхищение. Восторг. Радость. Счастье.

Быть [чувствовать себя] / почувствовать себя на седьмом небе – ‘испытывать большую радость, наслаждение, счастье’ [Яранцев: 1].

Они упали вниз вдвоем,
Так и оставшись на седьмом,
На высшем небе счастья
(Песня о двух погибших лебедях, 1975, т. 1, с. 404).

Часть II

Свойства и качества человека

1. Прямота. Искренность. Откровенность.

Раскрывать / раскрыть душу – ‘быть предельно откровенным с кем-л.; откровенно рассказывать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах’ [Яранцев: 115].

Когда в *душе* я *раскрываю* гранки
На тех местах, где искренность сама, –
Тогда мне в долг дают официантки
И женщины ласкают задарма
[«И вкусы и запросы мои – странны...», 1969, т. 1, с. 211].

Часть III

Характеристика явлений и ситуаций

1. Сходство. Подобие. – Разница. Отличие.

Сходство. Подобие.

Как собака – ‘(дрожать от холода), *как собака*’ [Огольцев: 615];

Как мышь – ‘быть мокрым – от пота’ [Огольцев: 383]

Я здесь *как мышь* промокла,
Продрогла *как собака*
[«Песня мыши», 1973, т. 2, с. 283. Наблюдается обновление семантики: плывущая мышь вымокла от воды и [метафорически] от усталости].

Согласимся с Н. Уваровым, который особо подчеркивает необходимость создания словарей подобного рода: «Фразеологические словари писателя должны стать своеобразными справочниками не только творчества писателя, но и <...> справочным материалом фразеупотребления для пополнения фразеологических словарей общеязыкового типа».

ЛИТЕРАТУРА

Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: Изд-во «Рус. словари»: ООО «Изд-во “Астрель”»: ООО «Изд-во “АСТ”», 2000.

Высоцкий В. Собрание сочинений / под ред. А.Е. Крылова: в 2-х т. – Екатеринбург: ТОО «У-Фактория», 1997.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический) – М.: ООО «Рус. словари»: ООО «Изд-во “Астрель”»: ООО «Изд-во “АСТ”», 2001.

Яранцев Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Рус. яз., 1981.

DICTIONARY OF PHRASEOLOGY IN VLADIMIR VYSOTSKY’S POETRY: PROSPECT OF PHRASEOGRAPHIC STUDY

A.V. Prokofjeva

The article discusses N.S. Uvarovs dictionary devoted to fixed phrases in Vladimir Vysotsky’s work that was published in 2007. The author presents the first linguistic phraseological dictionary with about 4500 phrase occurrences in V. Vysotsky’s poetry, analyzes dictionary contents, peculiarities of a vocabulary entry, and usage examples. The author also considers prospects of phraseographic study of V. Vysotsky’s poetry, speaks of the relevance of the lingo-cultural approach to the problem along these lines.

© 2009

Н.Л. Васильев, Д.Н. Жаткин

О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА П.А.ВЯЗЕМСКОГО»

Писательская лексикография является в настоящее время одной из наиболее динамично развивающихся отраслей российской филологии (см., напр., [Шестакова 2007]), формирующей многоаспектную базу для различного рода лингвистических и литературоведческих исследований.

В связи с этим актуальна задача создания серии словарей языка виднейших поэтов пушкинской эпохи, а шире – XIX столетия, призванная системно отразить поэтический язык «золотого века» русской литературы, дать возможность исследователям выявить общее и индивидуальное в лексиконе тех или иных авторов, сравнить их лингвопоэтику, уточнить «авторство» и меру окказионализации редких слов, дополнить и объективировать сведения о словарном составе русского языка XIX в. (см. [Васильев 2003, 2004]).

На этом пути сделано уже немало. Прежде всего это касается «Словаря языка Пушкина» (1956–1961) и «Частотного словаря языка М.Ю. Лермонтова» (1981), заложивших основы разных стратегий в писательской лексикографии – семантической и индексной интерпретации словаря писателей (встречаются и иные модели, напр. конкордансы [Shaw 1975а, б] или справочники, фиксирующие авторские словоформы [Кольцов 1991]). За ними последовали словари языка А.И. Полежаева [Васильев 2003], Ф.И. Тютчева [Атаманова, Голованевский 2007], отдельных произведений И.А. Крылова [Кимягарова 2006], А.С. Грибоедова [Грибоедов 2007] и др.

Указанные словари лишь в некоторой степени отражают системные характеристики общего лексикона поэтов XIX в., тем более не дают отчетливого представления об индивидуальности каждого. Поэтому назрела необходимость последовательного лексикографирования поэтического языка классиков «золотого века».

В данный момент нами ведется работа по созданию «Словаря языка А.А. Дельвига», поддержанная грантом РГНФ (проект № 07-04-00172а). Одновременно намечаются перспективы разработки словаря поэтического языка еще одного представителя «пушкинской плеяды» – П.А. Вяземского (1792–1878), чье творчество, с одной стороны, «ассистировало» пушкинскому, с другой – распространялось на более отдаленное время.

Язык П.А. Вяземского давно привлекает исследователей своей богатой лексической палитрой, яркими новообразованиями, уникальной способностью автора соответствовать эстетическим и интеллектуальным запросам своего времени. А.С. Пушкин обратил внимание на «метафизическую» сторону произведений своего современника и единомышленника, констатировав лидерство последнего в создании нового русского литературного языка: «...образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах <...>» (Пушкин – Вяземскому, 1 сент. 1822 г.); «Любопытно видеть, каким образом опытное и живое

перо кн. Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного» (1830 г.) – о переводе романа Б. Констана «Адольф»; «Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче» (1830); и именно к нему обращался с призывом уделить этому первостепенное внимание: «Ты хорошо сделал, что заступился явно за галлицизмы. Когда-нибудь должно же вслух сказать, что русский метафизический язык находится у нас еще в диком состоянии. Дай бог ему когда-нибудь образоваться наподобие французского (ясного точного языка прозы, т.е. языка мыслей)» (Пушкин – Вяземскому, 13 июля 1825 г.) [Пушкин 1949, т. 7: 97, 125; т. 10: 42, 153]. Об этом не раз писали исследователи истории русского литературного языка, подчеркивая особое творческое содружество А.С. Пушкина и П.А. Вяземского в плане формирования интеллектуального начала в поэзии, художественной прозе, критике, письмах.

Имеются и специальные работы, посвященные языку писателя. В одних из них ставятся теоретические вопросы его изучения (см., напр.: [Алексеев 1992]), в других представлены конкретные результаты соответствующих наблюдений. Так, встречалась попытка лексикографической интерпретации «лирики» поэта путем электронного моделирования спектра словоформ, фиксируемых в произведениях П.А. Вяземского, в частности на буквы А, Б, В ([см.: Любич, Рогожникова, Чернышева 1984: 40–56]). Она позволила исследователям сделать вывод о наличии в поэзии Вяземского не менее 45 слов, отсутствующих в «современных словарях русского языка» (*архистратиг, беззнойный, благовестительный, будитель, вакхов, величественно-мрачный, ворожайка* и др.), но вряд ли удовлетворит квалифицированного филолога ограниченностью выборки (Вяземский П.А. Лирика. М.: Дет. лит. 1979. – 183 с.), – «2153 словоупотребления» (?) и отсутствием методологически точного критерия установления словаря писателя, поскольку наряду с лексемами здесь представлены словоформы и имена собственные, подаваемые к тому же со строчной буквы: *А, авось, автор, адриатический, аист, александровичу, алел, алеют, алкающих, алмаз, алмазной, алмазный, алмазным* и т.д. С.А. Костиной составлен «Словарь новообразований П.А. Вяземского», содержащий 490 единиц, из которых в поэтических произведениях используются 145 (см. [Костина 2002: 211–250]). В словаре учтены, однако, не все окказионализмы писателя; напр., и такие оригинальные, как *амакадамить* (на базе собственного имени Мак-Адам), *телемачничать* (от имени Телемах), ср.: *«Он и топь* ***амакадамит*** */ И проучит наглый дождь»* («Полтава»); *«Арсеньев, нынче ментор строгой, / В сердечных школах сам бывал /* ***И телемачничал*** *немного»* («Итальянские сплетни (Новое издание, исправленное и умноженное)» [Вяземский 1880, т. 4: 340; 1896, т. 12: 423]. Следовательно, можно сделать вывод, что существующие лексикографические интерпретации языка П.А. Вяземского не могут считаться достаточными для исчерпывающих выводов относительно количественного и качественного богатства писательского лексикона.

«Словарь поэтического языка П.А. Вяземского» задуман как алфавитно-частотный, т. е. выстроенный по типу «Частотного словаря языка М.Ю. Лермонтова» и примыкающих к нему по лексикографическим принципам «Словаря языка

А.И. Полежаева» и «Словаря языка А.А. Дельвига». В нем планируется отразить лексику и имена собственные, фигурирующие во всем поэтическом наследии писателя; дать сведения о количественной стороне употребления тех или иных лексем, онимов, учитывая при этом их конкретную частотность; сделать указания на источники, в которых зафиксированы слова и имена собственные, встречающиеся не более 5 раз. В словаре намечены важные приложения – частотный индекс наиболее употребительных лексем, дифференцированные рейтинговые словники лексем и онимов, актуализованных в поэтической практике П.А. Вяземского в ранний и поздний периоды его литературной деятельности. Подчеркнем, что творчество писателя первой половины XIX в. существенно отличается в мировоззренческом и языковом отношении от его произведений 1850–1870-х гг. Напр., лексемы *коммунизм, космос, фотограф*, используемые им в конце жизни, вряд ли входили в сферу его языкового сознания как современника А.С. Пушкина. Усиление религиозных и державнических мотивов в позднем творчестве П.А. Вяземского привело к увеличению частоты употребления словарных единиц *провидение, промысл (промысел), святой, Русь, царь* и др. Одновременно из его языка уходят многие приметы привычного поэтического дискурса 1810–1820-х гг., в частности мифологизмы; а если и встречаются, то в новом контексте: *Свою Аркадию как можно / Преобразить в военный стан* («Здесь, где под синевой небесной...»); *Был хлорал, посол Морфея, / Но и тот мне изменил* (приписка к стихотворению «Моя легенда») [Вяземский 1896, т. 12: 131, 556]. И наоборот, естественное (а не обусловленное романтизмом) появление в творчестве поэта мотивов смерти, бренности земного существования приводит к активизации соответствующей лексики.

Словарь должен разграничивать явления омонимии, давать указания на значения слов, которые по разным причинам отсутствуют в современных толковых словарях, т.е. являются малоупотребительными, архаичными, диалектными, специальными, окказиональными и т.п. Имена собственные будут представлены отдельно от обычных лексем и, по мере необходимости, комментироваться, если их значения малопонятны современному читателю или они используются в нарицательно-расширительном смысле.

Методика составления словаря подобного типа апробирована в процессе создания «Словаря языка А.И. Полежаева». Она основана на сведении всех словоупотреблений, встречающихся в текстах писателя, в инварианты – лексемы и имена собственные – с последующей компьютерной обработкой полученных данных в виде алфавитно-частотного моделирования словника писателя, выстроенного согласно задачам указанного проекта. Это позволяет достаточно экономично (по времени и сумме усилий) и в то же время математически корректно с точки зрения выявления статистической структуры описываемого материала (большой объем поэтической выборки, алфавитно-рейтинговое ранжирование словарных единиц, их техническое позиционирование в словаре, привязка к указаниям на текстовые источники и т.д.) осуществить заявленные исследовательские планы. Информационная экономичность словаря будет обеспечиваться и иной, по сравнению, напр., с «Частотным словарем языка М.Ю. Лермонтова», подачей лексикографического материала – не в столбик, а сплошной строкой.

Текстовая база словаря опирается на «Полное собрание сочинений» П.А. Вяземского [Вяземский 1878–1896]. Указанное издание отражает творчество поэта с максимальной для своего времени полнотой и в несколько раз превышает по объему последующие собрания поэтических произведений П.А. Вяземского. Однако оно содержит цензурные купюры, опечатки; в нем отсутствуют многие произведения писателя, выявленные и опубликованные в последующее время, а также авторские примечания к стихам; встречается произвольный выбор названий некоторых стихотворных сочинений, необоснованная модернизация ряда архаичных слов. В связи с этим нами была проведена значительная работа по уточнению полного корпуса поэтических произведений П.А. Вяземского, их расхождений и т. д.

Пользуясь случаем, выражаем благодарность С.Г. Шулежковой и Словарной лаборатории Магнитогорского государственного университета за предоставление электронной (сканированной) версии «Полного собрания сочинений» П.А. Вяземского.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. Место П.А. Вяземского в истории русского литературного языка // In Honour of Professor Viktor Levin: Russian Philology and History. [W. Moscovich et al., eds.]. – Jerusalem, 1992. – С.145–156.

Атаманова Н.В., Голованевский А.Л. Алфавитно-частотный словник «Словаря языка поэзии Ф.И. Тютчева» // Проблемы авторской и общей лексикографии: мат. междунар. науч. конф. – Брянск, 2007. – С.223–295.

Васильев Н.Л. Словарь языка А.И. Полежаева. Саранск: Изд-во Мордов. гос. ун-та, 2001.

Васильев Н.Л. Словари языка писателей как источник изучения поэтики русской литературы XIX века // Проблемы изучения лирики в школе. Арзамас: Изд-во Арзамас. гос. пед. ин-та, 2003. – С.152–162.

Васильев Н.Л. К методологии изучения (и лексикографической интерпретации) словарного состава русского языка XIX в. // Русский язык XIX века: Проблемы изучения и лексикографического описания: мат. Первой Всероссийской конф. 19–21 октября 2004 г. – СПб.: Наука, 2004. – С.22–26.

Вяземский П.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.

Грибоедов А.С. Горе от ума; Словарь языка комедии «Горе от ума» / сост. Л.М. Баш и др. – М.: Оникс: Мир и образование: Рус. словари, 2007.

Кимягарова Р.С. Словарь языка басен Крылова; Крылов И.А. Избранные басни. – М.: Оникс: Мир и образование: Рус. словари, 2006.

Кольцов А.В.: Указатель слов и форм слов в поэтических произведениях / под ред. Р.К.Кавецкой. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1991.

Костина С.А. Типы и функции новообразований П.А. Вяземского: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002.

Любич Д.В., Рогожникова Р.П., Чернышева Л.В. Получение словоуказателя на ЭВМ // Теория и практика современной лексикографии / отв. ред. Р.П. Рогожникова. – Л.: 1984. – С.38–56.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология / сост.: Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, Л.Л. Шестакова. – М.: Азбуковник, 2003.

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В.В. Виноградов. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. сл., 1956–1961.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А. Мануйлов. – М.: Сов. энциклопедия, 1981. – С.717–774.

Шестакова Л.Л. Русская писательская лексикография: учеб. пособ. – М.: Гос. академия слав. культуры, 2007.

Shaw J.-Th. Baratynskii. A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. – Ann Arbor: Univ. of Wisconsin Press, Madison, Visc., 1975.

Shaw J.-Th. Batiushkov: A Dictionary of the Rhymes and a Concordance to the Poetry. – Ann Arbor: Univ. of Wisconsin Press, Madison, Visc., 1975.

RESEARCH PROJECT ON "GLOSSARY OF P.A. VYAZEMSKY'S POETIC LANGUAGE"

N.L. Vasilyev, D.N. Zhatkin

The glossary of P.A. Vyazemsky's poetic language is an important academic project that is a continuation of a series of 19th century writers' concordances, of A.S. Pushkin's contemporaries in particular. The dictionary aims at giving data on quantitative and qualitative structure of the writer lexicon, which will allow literary critics and linguists to work out different research problems.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ (К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ НОВОГО ТИПА)

© 2009

Т.А. Таянова

КОНЦЕПТ «СВЕТ» В ТВОРЧЕСТВЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ: ОПЫТ ОПИСАНИЯ (К АНТОЛОГИИ РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОНЦЕПТОВ)

Цель любого религиозного писателя – попытка запечатлеть сакральное, то, что в его восприятии является не плодом отвлеченных мечтаний, но предметом веры и убеждения. Верящие в Бога художники моделируют особые и во многом похожие условия для реализации этой задачи. Докажем это на примере творчества писателей, личности которых, как и совокупность созданных ими произведений образуют цельные религиозные феномены.

Чувство благоговения перед Высшим побуждает религиозного художника преображать несовершенное данное в возможное, желательное, художественно совершенное, претворять действительное в идеальное. И далеко не последнюю роль в этом претворении играет концепт «Свет». Это сложное образование, включающее в себя различные характеристики: оценочные, образные, ассоциативные. Однако в религиозно окрашенном творчестве концепт «Свет» приобретает дополнительное философское и символическое звучание: помимо эмоциональных, эстетических возможностей, он демонстрирует еще и мощный этический заряд, становясь одним из символов веры.

Традиционное (*вне*религиозное) ядро концепта «Свет» составляют следующие семы (единицы значения): 1) лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; 2) тот или иной источник освещения; место, откуда исходит освещение, пространство, где светло; 3) освещенность, состояние, когда светло; 4) в некоторых устойчивых выражениях: рассвет, восход солнца; 5) светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-либо участка изображаемого; 6) блеск глаз под влиянием какого-либо чувства; 7) ласкательное, приветливое обращение; 8) символ разума, просвещения или добра, счастья. Верующий же писатель, как правило, вводит в концепт «Свет» религиозно обусловленные компоненты ассоциативного ряда.

Религиозное мышление консервативно по своей сути, потому понимание и воплощение концепта «Свет» в религиозной традиции почти не меняется, он редко обрастает новыми значениями, являясь некой устойчивой (постоянной) величиной в картине мира, и художественная составляющая не исключение. «Свет» связан со многими константами русской и мировой христианской куль-

туры: «Бог», «Правда», «Солнце», «Добро», «Вера», «Любовь», «Надежда», «Святость», «Идеал» и т.п. Вот характерный пример этой связи: *Прошу Тебя, закрой меня / от той страны, где мрак, – / прошу Тебя, раскрой меня / на все, в чем света знак. / Я знаю: есть убежище, / там солнце – нет утрат, / сквозь горизонт прорежется / вглубь устремленный взгляд.* Это фрагмент стихотворения «Прошу Тебя, укрой меня...» из сборника «Крипта» Кароля Войтылы (папы Иоанна Павла II) [Войтыла 2003]. *Света знак, солнце*, взгляд, *прорезающий* горизонт, пронзающий глубину, в данном случае ассоциируется с мощным лучом счета. Все это символы веры в преображение, «светящиеся» указатели пути к Истине (Правде, Идеалу).

Свет в «Житии» и других произведениях протопопа Аввакума очень напоминает тот, что был воссоздан Каролем Войтылой. Это самостоятельная сущность, непосредственно не зависящая от грубой материи, свет внутренний, родственный свету нимба в иконописи. В сознании Аввакума неизменно представление об отвлеченном характере света («божественный свет»), не имеющем ничего общего со светотеневыми рефлексами, эмпирической светотенью, с каким-либо внешним источником.

В первом послании Иоанна утверждается: *Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы.* Система взглядов на взаимоотношение божественного и человеческого во Христе включает понятие света, он определяется как *Свет от Света*. Это свет, исходящий от полностью трансцендентного Света – Бога-Отца. В своем «Житии» Аввакум не раз называет Христа *Свет-Христос* [Житие 1991: 71] и говорит о свете Истины, который исходит от Бога: *Зри на персты: вото истинна сияет...* [Житие 1991: 139].

Важно, что и лица, тела святых людей в религиозной литературе источают свет (причем не только в христианстве, но и в буддизме, мусульманстве и др.): *Когда сходил Моисей с горы Синая <...> видели сыны Израилевы, что сияет лицо Моисеево...* (Исход 34: 29–35). Отсюда такая разновидность «чистого света» в произведениях Аввакума, как свет, исходящий от людей, напр., от «верных», готовых страдать за свои убеждения. В данном случае концепт «Свет» нередко сопрягается с концептом «Огонь», и дело здесь не только в фактах самосожжений. В религиозном сознании эти понятия предполагают друг друга. Для средневекового мышления, напр., было характерно представление, что огненная субстанция души неизреченным образом охватывает тело подобно тому, как огонь охватывает железо. Огонь, пламя, по Аввакуму, символы света любви: *... а в Нижнем преславно бысть: оных еретики пожигают, а инии, распальшеся любовию и плакав о благоверии, не дождався еретического осуждения, сами во огнь дерзнувшее, да цело и непорочно соблюдают правоверие* [Житие 1991: 154].

Немаловажно то, что Аввакум называет верных – *светы мои*, так же, как Христа, – *свет*. Напр., *Повесили в дому моем на Мезени <...> Феодора <...> да Луку Лаврентьевича – рабы Христовы, светы мои были* [Житие 1991: 63]. Одинаковое обращение к Христу и «верным» в какой-то степени преодолевает столь ощутимую в Средневековье оппозицию между «тварным» и «нетварным», божественным и человеческим. Существенно и то, что автор «Жития», изображая себя отнюдь не идеальным, нередко даже нарочно подчеркивая собственную «тварность», указывает: свет, имеющий божественную природу, распространя-

ется и от него. В видении келаря Никодима Аввакум облачен в ризы *светлоблещащиеся* [Житие 1991: 57], что характеризует его как праведника, принявшего муки, беды, страдания ради старого православия.

Картина мира в религиозном типе художественного сознания устойчива, постоянна. Потому персонажей религиозно устремленных писателей отличает некоторая статичность, и проявляется она, прежде всего, в четком разделении на «светлых» и «темных». Напр., «положительно прекрасные» типы Аввакума и Шмелева (как и их герои-грешники) очень напоминают друг друга. Принцип портрета – свет снаружи – свет внутри, полное соответствие наружного и внутреннего. У любимых героев Шмелева – праведников – светлые (чаще голубые, реже светло-серые) глаза, светлые волосы, светлая (голубая, розовая, белая) одежда (Илья Шаронов, Анастасия Ляпунова («Неупиваемая Чаша»), Ваня («Богомолье», «Лето Господне»), Даринька Королева из «Путей небесных». Но главное – чудесная способность источать и созерцать истинный свет. Напр., в «Богомолье» мальчик Ваня может видеть свет и небо, даже закрыв глаза: *Закрываю глаза и вижу: золотой крест стоит над борами, в небе. Розовое я вижу, в золоте, – великую розовую свечу, пасхальную. Стоит над борами, в небе. Солнце на ней горит. Я так ее ясно вижу! Она живая, светит крестом-огнем* [Шмелев 1998: 456]. В приведенном фрагменте явно прочитывается важный для шмелевского творчества мотив – мотив *сверх*реального или *сверх*чувственного видения света.

Если у Аввакума свет – концепт религиозный, нравственный (сродни Правде, Истине), у Шмелева, что видно по данному примеру, появляется еще и дополнительный его оттенок. Свет в его изображении приобретает сходство с эмоциональными концептами («Счастье», «Радость», «Восторг», «Экстаз»). Писатель XX в. более внимателен и чуток к природным нюансам света и изображает его, пользуясь не только преувеличениями и прочими элементами «сказочной фантастики», но и теми же реалистическим механизмами, что и при описании воды, огня, деревьев и т.д. А индивидуальный шмелевский стиль придает концепту «Свет» метафоричность, яркость, импрессионистичность.

Богатство «сказочной» живописи И. Шмелева воссоздает высокое содержание, облекает в живые образы предмет духовного созерцания – свет, нередко, как в приведенном выше примере, окрашивая его в золотой. Золотой (солнечный) обозначает центр божественной жизни. То из окружающего, что уже вошло в божественную жизнь и представляется непосредственно близким, прославится на иконах ассистом, в литературных произведениях – золотым – цветосимволом света, что связано с библейско-византийской традицией уподоблений. Все, что имеет отношение к божественному, в произведениях Аввакума и Шмелева «позлащается». Напр., Аввакум описывает «финикс-птицу», уподобляя ей истинного христианина, с помощью эпитета «созлатна»: *красна и велелепа, перием созлатна и песни поет сладки*... [Житие 1991: 178].

Очень часто концепт «Свет» у Аввакума и Шмелева реализует себя в воссоздании природы, «усложняя» их пейзажи сакральными смыслами. Очень трудно решить вопрос, как называть подобные описания, к какому виду пейзажей отнести. Существующий сегодня литературоведческий аппарат не исчерпывает их сути и значения. Шмелев и Аввакум переступают рамки традиционного пейзажа, функции которого – служить фоном происходящего, предавать чувства и

мысли персонажа или контрастировать с ними. Их пейзажи могут быть охарактеризованы как духовные (мистические), когда делается попытка запечатления видимого «духовными очами». Переживания, которые передаются с помощью подобных пейзажей, исчерпываются одним словом – благодать. Причем это не лирическое переживание, а духовное состояние. «Духовное неподсильно для средств обычного секулярного искусства. Необходимо учиться как бы и не сказать ничего о главном (все равно не удастся), но выявить его в отраженном свете» [Дунаев 2000: 391]. Именно это и является главной задачей создания светящихся «духовных пейзажей», т.е. пейзажей трансцендирующих, выходящих за пределы реального. Преизбыточный свет словно освобождает их от вещественной нагрузки, четких форм, плотности, лишает земного тяготения и земной тяжести. Вещественное формируется «под давлением» некоей иррациональной доминанты и маркировано ею. Это свет как знак присутствия в мире земном мира небесного (взаимоотражения «верха» и «низа»), как ощущение покровительства и защиты (жизнь под покровом), как свидетельство устремленности ввысь, к небу.

У Шмелева небо – источник *чудесного растекания* [Шмелев 1999: 125] света на все, во всех направлениях сразу. Шмелевский свет – *свет живой, кристально чистый – свет радостного детства* [Шмелев 1996: 297], *радость-свет* [Шмелев 1996: 305]. Не случайно писатель часто употребляет выражения типа *меня заливает радостью* [Шмелев 1996: 335]. Его свет не блестит и не светится, а *блеском светится* [Шмелев 1996: 329]. Это *райский свет: ...тополь, и в нем золотисто-зелено. Тополь густой теперь, чуть пропускает солнце, на полу пятна-зайчики, а в тополе такой свет, сквозисто-зеленоватый, живой, – будто бы райский свет* [Шмелев 1996: 357]. Он везде одинаков. Схема-«штамп» шмелевских пейзажей, их устойчивая формула: свет небесный, льющийся на мир земной и наполняющий его неземным свечением. Их устойчивая величина – сияние, имеющее мистическую природу, пронзительное и безусловное, без намеков на тьму, без полутонов.

Свет в произведениях Аввакума нередко исходит от разумно и любовно устроенного Богом «здешнего» мира. Он не является «животным», но истекает от Бога, им задуман и воплощен. Мир сибирской природы Аввакум показывает *богорасленным*, *богоделанным*. Протопоп восклицает: *А все то у Христа наделано для человека ради, чтоб упокояся хвалу Богу воздавал* [Житие 1991: 51–52]. *Богоделанный* свет, исходящий от мира природы, нередко аллегорически противопоставлен Аввакумом тьме грешной человеческой жизни.

Итак, религиозное художественное мышление вырабатывает оригинальные принципы поэтики, выполняющей вполне определенное Задание, устремленной к одному центру – Идеалу, Богу. Потому при характеристике религиозного творчества правомерно пользоваться понятиями *религиозный концепт, религиозно укрупненный символ, канон*, а не *тенденциозность, штамп, схематизм, упрощение, формула*.

С. Булгаков писал о том, что совершенство трудно изобразимо для человеческого искусства, которое располагает лишь относительными средствами. Почти все основополагающие концепты, в том числе «Свет» «Цвет», имеют в произведениях верующих писателей канонический «подтекст». Внутренний духовный

цензор призывает равняться на канон, или на некое церковное видение мира. Изображая свет и тьму мира, верующие художники выбирают один угол зрения. Потому концепт «Свет» сохраняет у них сходный синонимический ряд, богатый сакральными смыслами: Бог – свет – огонь – пламя – золото. Он призван, прежде всего, раскрывать концепцию таинственной связи всего со всем и незримого присутствия везде и во всем Бога. Анализ репрезентаций данного концепта позволяет сделать вывод о том, что неизменным признаком «света» в духовном искусстве является его позитивная, «светлая» стилистическая окраска, каноническое понимание, настойчивое религиозно-философское и этическое звучание, символическая укрупненность.

Главный пафос произведений религиозных авторов – безусловная победа света. Таким образом, выбирая «преувеличение» света, художники религиозного склада проявляют себя как созерцатели невидимого «телесными» глазами Высшего Света, и в их произведениях, даже таких, на первый взгляд, мрачных, как «Житие» Аввакума, путь один – через беды и трагедии именно к Нему: *Прошу Тебя, закрой меня / от той страны, где мрак, – / прошу Тебя, раскрой меня / на все, в чем света знак* [Войтыла 2003].

ЛИТЕРАТУРА

Войтыла К. Стихи из сб. «Крипта» // Журнал Поэтов: альманах. – №5 (16). – 2003 [Электронный ресурс]. / Режим доступа: http://www.nesterova.ru/apif/apif9.shtml.

Дунаев М.М. Православие и русская литература: в 6 ч. – М.: Христ. лит., 2000. – Ч.VI.

Житие Аввакума и другие его соч. – М.: Сов. Россия, 1991.

Шмелев И.С. Лето Господне. – СПб.; М.: ОЮ-92, 1996.

Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. Т.4. – М.: Рус. кн., 1998.

Шмелев И.С. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Рус. кн., 1999. – Т.6 (доп.). История любовная: Романы. Рассказы.

CONCEPT “LIGHT” IN WORKS OF RELIGIOUS WRITERS (ON THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN CREATIVE ART CONCEPTS)

T.A. Tayanova

Concept “light” in religious artworks acquires the following permanent features: positive stylistic coloring, canonical comprehension, religious, philosophical and ethical ring, symbolical enlargement. In their quest to highlight the idea of the invisible pervasive presence of the Almighty religious authors choose one angle of vision: the God - light - fire - flame - gold, and the technique of light hyperbolization.

© 2009

С.В. Рудакова

КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В ЛИРИКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО (материалы к «Антологии художественных концептов русской литературы XIX в.»)

Изучение концептосферы русской литературы XIX в. является одной из наиболее важных проблем современного литературоведения. Наиболее концентрированной формой, позволяющей обобщить опыт исследования основных художественных констант ведущих авторов золотого века, нам представляется «Антология художественных концептов русской литературы XIX в.». Материал нашей статьи можно рассматривать как один из фрагментов будущей антологии.

«Судьба» является одним из важнейших концептов, помогающих осмыслить бытие человека. Этот концепт соотносится с идеей существования некой внеличной контролирующей силы и неподвластности человеку происходящих с ним событий. Концепт не возникает непосредственно из значения слова, скорее его можно рассматривать как «пучок» представлений, понятий, ассоциаций, переживаний [Степанов 1997: 43].

В изображении Е.А. Боратынского* судьба предстает в двойственном освещении, причем ее негативные качества, выделяемые поэтом, оказываются доминирующими. Судьба для Боратынского ассоциируется, прежде всего, с неминуемым приближением человека к смерти. Оттого судьба «страшна», «тягостна», «мучительна», оттого наделяется она в лирическом мире поэта столь мрачными эпитетами: *ожесточенная* [Баратынский 1989: 58]**, *враждующая* [65], *враждебная* [65], *суровая* [91], *насмешливая* [100], *тяжелая* [92], *насильственная* [140]. Именно поэтому довольно часто Боратынский заменяет лексему *судьба* синонимом *рок*. Рок предстает *гневным* [74] и *суровым* [74], *самовластным* [78] и *своенравным* [165], а люди, подобные игрушкам в руках судьбы, мыслятся не иначе как *рабы самовластного рока* [78], *рабы / Земной насмешливой судьбы* [152], *рабы разумные* [164].

Позитивность же в восприятии концепта «Судьба» обусловлена тем, что поэт связывает возможность человека вновь обрести родину с вмешательством в его жизнь сил свыше: *Счастлив, счастлив и тот, кому дано судьбою / От странствий отдохнуть под кровлею родною* [63].

Однако стоит помнить, что в представлении лирического героя Боратынского именно судьба становится виновницей того, что человек утрачивает возможность быть рядом с любимой (*О, куда ведет судьбина Горемыку? / <...> Тошно жить мне: с милой сердцу / Я расстался!* [81]), общаться с друзьями (*О, суждено ли мне увидеть край родной, / Друзей оставленных, друзей всегда любимых* [64]),

* Т.к. последняя книга стихов «Сумерки» и все последующие произведения автор публиковал под своей дворянской фамилией, мы рассматриваем это как выражение его воли, а потому выбираем именно данный вариант написания его фамилии. В цитируемых источниках сохраняем форму оригинала.

** Далее указываются только страницы этого издания.

видеть «родные степи», превращаясь в странника, изгнанника (*Где, отлученный от отчизны / Враждебною судьбой, / Изнемогал без укоризны / Изгнанник молодой* [86], *Судьбина вновь / Мне посох странника вручила* [70]), но, более того, именно судьба, по мнению поэта, обрекает героя стать воином, отказаться от мирной жизни (*О судьбы переворот! / Твой поэт летит геройски / Вместо Пинда – на развод* [59]).

Судьба, по Боратынскому, – это невозможность достичь счастья, но судьба – это и шанс приблизиться к счастью, к дружбе, к любви, к той единственной, что дороже всех на свете. Потому *судьба* несколько раз в поэзии Боратынского получает определения, таящие в себе признание лирическим героем не только ее значимой роли в бытии человека, но и ее охранительной функции: *Судьбы ласкающей улыбкой / Я наслаждаюсь не вполне* [78], *Вам всё дано с щедротою пристрастной / Благоволительной судьбой* [169]. Судьба в поэтическом мире Боратынского разъединяет любящих, но она же и соединяет их жизни. Она может обречь влюбленных на страдания, но она же может способствовать обретению ими долгожданного счастья.

По большому счету, именно осознание того, что у человека есть судьба, дает лирическому герою возможность постичь великую мудрость жизни – человеку все дается по силе его: *Наслаждайтесь: всё проходит! / То благой, то строгий к нам, / Своенравно рок приводит / Нас к утехам и к бедам. / <...> / Не ропщите: всё проходит / И ко счастью иногда / Неожиданно приводит / Нас суровая беда* [165].

Судьба, с одной стороны, антропоморфизируется Боратынским: она может улыбаться, лирический герой может заглянуть ей в глаза (*в глаза судьбе глядели* [92]), она *всевидящая* [110], но при этом *глухая* [114] к человеку, к его мольбам. С другой стороны, судьба – это миропорядок, жесткие природные закономерности, некая внеличная сила, видеть которую людям не дано (*Молись невидимой судьбе* [70]).

В поэтическом мире Е.А. Боратынского концепт «Судьба» реализуется через такие лексемы, как *судьба, судьбина, рок, доля, жребий, удел, участь, фортуна, провиденье, случай* (порядок следования слов соотносится с частотностью использования в произведениях автора). Появляются в лирике Боратынского и предикаты, указывающие на понимание человеком того, что многое происходит с ним не по его воле или желанию: *суждено, назначено, обречен, дано.*

В отличие от античной традиции, судьба для Боратынского не есть что-то заданное раз и навсегда, а значит, не есть что-то статичное. Подобно случаю, судьба оказывается капризной, прихотливой, своевольной, непредсказуемой, что еще раз подчеркивает значимость свободы человека в лирическом мире поэта. Герой поэта убежден, что он может и должен бороться за свой выбор, оказывать противодействие любым внеличным силам. Судьба символизирует некую линию жизни, а случай – своего рода узел на этом пути. Т.е. судьбу можно рассматривать как своего рода жизненную ткань, сплетенную из разных нитей. Потому в русской культуре судьба, с одной стороны, рассматривается как неминуемая, а с другой, утверждается, что «человек – кузнец своего счастья», а значит, он сам творит свою судьбу. Это, бесспорно, учитывается и Боратынским.

Слово *жребий* наделяется в контексте лирики Боратынского несколькими значениями. Во-первых, это случайный расклад судьбы, выпадающий людям в их поисках любви, истины, смысла жизни: *Так некогда обдумывал с роптаньем / Я тяжкий* ***жребий*** *свой* [105]; *Мы не сердца под брачными венцами, / Мы* ***жребии*** *свои соединим* [110]. Во-вторых, это та дорога жизни, которую человеку предстоит пройти, дорога тяжкая мучительная, могущая принести ему только страдания: *Наш тягостный* ***жребий****: положенный срок / Питаться болезненной жизнью, / Любить и лелеять недуг бытия / И смерти отрадной страшиться* [78].

Провиденье, обычно рождающее ощущение чего-то положительного, в лирике Боратынского наделяется двойственной характеристикой. Оно воплощает в себе «благодать», дарующую лирическому герою забвение крутого горя, встречу с возлюбленной и счастье. Но, с другой стороны, провиденье ассоциируется у поэта с неким распутьем, оказавшись на котором, человек должен выбрать последующий путь жизни – волнение или покой: *Дало две доли провидение / На выбор мудрости людской: / Или надежду и волнение, / Иль безнадежность и покой* [100]. Но и та, и другая дорога жизни в чем-то ущербны. А значит, по Боратынскому, провиденье изначально ставит человека в невыигрышное положение: что бы он ни выбрал, это не сделает его счастливым.

Интересно, что у Боратынского оказываются противопоставлены понятия ‘судьба’ и ‘фортуна’ (хотя в них обоих заключена двойственность). Судьба внелична, эта божественная сила наделена даром всеведенья, она может награждать или наказывать человека по своей воле или следуя его мечтам. Фортуна же всегда слепа, прихотлива, случайна: и тогда, когда одаривает человека всевозможными благами жизни, и тогда, когда лишает его жизненных радостей. Следует помнить, что слово *фортуна*, пришедшее из античности, обладало положительной семантикой; но для поэта «счастливая доля», «удача» подчинены случайности, не знают закономерностей, а потому не соотносимы с позитивным миром. Как видим, поэт углубляет и расширяет известные мифологемы.

Концепт «Судьба» в лирике Е.А. Боратынского претерпел определенную эволюцию. Уже в первых произведениях поэта настойчиво проводится мысль о детерминированности личности. Лирической доминантой этого периода становятся строки: *Не властны мы в самих себе* [110]. Однако, ощущая могущество фатума, поэт утверждает значимость человеческой личности, рассматривая ее как высшее мерило всего сущего.

Уже в ранней лирике Боратынского намечены два основных пути разрешения конфликта человека и судьбы: полная покорность и борьба с нею. С первым лирический герой поэта согласиться не может: *Увы! судьбины гнева / Покорством бедный не смягчил* [99]. Только в непрестанной борьбе, по мнению Боратынского, человек может как-то отстоять себя и одновременно приблизиться к пониманию высших истин: *В борьбе с тяжелою судьбой / Познал он меру высших сил* [134].

В «Финляндии», проводя мысль о сокрушительной власти над человеком роковых буден (*О, все своей чредой исчезнет в бездне лет! / Для всех один закон – закон уничтоженья* [73]), признавая бессилие человека перед разрушающим действием судьбы, поэт показывает, что все это рождает протест в душе лирического героя, и, хотя он на открытое столкновение с судьбой не идет, тем не менее,

пытается ее игнорировать, что и становится своеобразным решением конфликта: *Вострепещу ль перед судьбой? / Не вечный для времен, я вечен для себя...* [73].

Иной формой противостояния судьбе Боратынский считает уход в себя, погружение в свой внутренний мир, который начинает признаваться единственной реальностью, где действуют подлинные, справедливые законы, что доказывается введением мотива внутренней самоценности личности и подчиненности внешних обстоятельств ее бытию: *Для дружбы, для любви, для памяти – умру: / И все умрет со мной!* [64–65].

И хотя на внешнем уровне человек остается «рабом самовластного рока», в сфере духовного он, опираясь на нравственно значимые для себя проявления жизни – дружбу, творчество, готов бороться с судьбой: *Забытые фортуною слепой, / Мы ей назло друг в друге всё имели / И, дружества твердя обет святой, / Бестрепетно в глаза судьбе глядели* [92]; *Наперекор судьбе, / Не изменил питомец Феба / Ни Музам, ни себе* [87]. Человек, осознавший свое величие, мощь своей свободы, оказывается способен бестрепетно в глаза судьбе глядеть, отстаивая важнейшие для себя нравственные ценности.

Значимость концепта «Судьба» уже в раннем творчестве Боратынского обусловлена, прежде всего, причинами личного плана: столкновение поэта с судьбой, в котором последняя показала весь свой крутой нрав, произошло еще в юности (позорное изгнание из Пажеского корпуса и последовавшее лишение дворянских и гражданских прав, служба в Финляндии). Однако, как и в жизни, так и в творчестве в юные годы поэт надеется на избавление от тягот, верит, что судьба сменит свой гнев на милость. Потому в «Дороге жизни», говоря о Человеке, о Жизни, о Судьбе, Боратынский загодя выражает надежду (звучащую здесь как уверенность) на проявление охранительной миссии судьбы: *В дорогу жизни снаряжая / Своих сынов, безумцев нас, / Снов золотых судьба благая / Дает известный нам запас* [128]. Такая настроенность определяет в стихах этого времени интонации оптимистической приподнятости.

В позднем творчестве Боратынский несколько по-иному смотрит на судьбу: нарастает трагедийность его произведений, усиливается ощущение подвластности человека внешней враждебной силе. Раньше человек представал зависимым лишь от внешних обстоятельств; не властный распоряжаться своею жизнью по собственному усмотрению, он оставался свободен душою. Это и было основой для уверенного противостояния судьбе: *Еще я бытия владею лучшей долей, / Я мыслю, чувствую: для духа нет оков* [103]. Теперь же оказывается, что человек лишен как внешней, так и внутренней свободы: *Знать, самым духом мы рабы / Земной насмешливой судьбы* [152].

Человек тщетно тешит себя призраком свободы, над ним довлеет «невидимая сила», удел его – покориться, смириться с судьбой: *Уделу своему и мы покорны будем, / Мятежные мечты смирим иль позабудем; / Рабы разумные, послушно согласим / Свои желания со жребием своим – / И будет счастлива, спокойна наша доля* [164]. Однако трагедия человека в том и состоит, что вынужденное смирение не ведет к отказу от активной жизни, стремления, от которого невозможно избавиться, нельзя втиснуть в рамки уготованной свыше судьбы: *О, тягостна для нас / Жизнь, в сердце бьющая могучею волною / И в грани узкие втесненная судьбою* [164].

Не случайно исследователи указывают на то, что в поздней лирике, напр., в стихотворении «К чему невольнику мечтания свободы», утверждается право личности на протест против того жребия, который ей выпал, право на «сомнение и вселенский мятеж» [Альми 1968: 101], но и здесь есть обратная сторона: сам протест («страсти») внушены человеку свыше.

Столкновение с судьбой заставляет человека в поэтическом мире Боратынского понять, что для него важнее всего; и таким самым ценным в аксиологии поэта становится ДРУЖБА. Ради нее лирический герой автора готов принять на себя самые страшные удары судьбы, лишь бы друзей жизненные беды обошли стороной: *От вас отвлечь судьбы суровой / Удары грозные хочу* [179]. Это убеждение соотносится с юношеским открытием: дружба – это единственное, что неподвластно разрушительной власти судьбы: «*Но для чего грустить? Мой друг еще со мной! / Я не всего лишен судьбой ожесточенной! / О дружба нежная! останься неизменной! / Пусть будет прочее мечтой!*» [78].

Таким образом, в понимании концепта «Судьба» Боратынский идет от принятия позиции, включающей в себя признание предопределенности человеческой жизни, к трагическому осознанию, что внеличные обстоятельства изменяют не только внешнее бытие человека, но и властно вторгаются в его внутренний мир. Негативность в понимании факта, что *Наш тягостный жребий: положенный срок / Питаться болезненной жизнью* [78], сменяется позицией, близкой к нейтральной по степени выраженности чувств. Герой от осуждения себя за прежнее недовольство выпавшей судьбой (*Так некогда обдумывал с роптаньем / Я тяжкий жребий свой* [105]), приходит, пусть и в некоторой мере трагически-ироническому, признанию того, что *На высоте земных судьбин / И в незаметной, низкой доле / Всех благ возможных тот достиг, / Кто дух судьбы своей постиг* [114]. Судьба – роковая предопределенность, и единственное, что остается человеку, – смириться перед нею. Но судьба – это то, что позволяет лирическому герою осознать силу и мощь человеческой свободы, а значит, именно мысли о судьбе заставляют лирического героя Боратынского бороться с нею; даже понимая невозможность выйти из этого поединка победителем, человек оказывается способен почувствовать в этом противостоянии свое величие. Это во многом предвосхищает позицию лирического героя Ф.И. Тютчева (отразившуюся, напр., в стихотворении «Два голоса»), осознающего, что погибнет, но мужественно идущего к своей высокой жизненной цели, оттого и вызывающего восхищение самих олимпийских богов.

ЛИТЕРАТУРА

Альми И.Л. Метод и стиль лирики Баратынского // Рус. лит. – 1968. – №1. – С.96–106.

Баратынский Е.А. Полное собр. стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1989.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998.

CONCEPT "DESTINY" IN E.A. BORATYNSKY'S LYRICS
(ON "THE 19th c. RUSSIAN LITERATURE ANTHOLOGY OF ARTISTIC CONCEPTS")

S.V. Rudakova

The article deals with the analysis of Boratynsky's singular interpretation of the concept "destiny" with particular emphasis on the dual presentation of the concept. It establishes that the poet goes from recognizing predestined life to tragic awareness that the outer world affects not only one's material existence but also unceremoniously interferes in his inner world.

© 2009

Т.Б. Зайцева

КОНЦЕПТ «СТРАХ» В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА (К АНТОЛОГИИ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНСТАНТЫ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»)

В творчестве Чехова мы найдем немало рассказов с концептуальным названием: «Горе», «Счастье», «Скука жизни», «Тоска» и т.п. В 1886 г. появляется рассказ «Страхи», а в 1892 г. рассказ «Страх». «Страх» в качестве одного из ключевых базовых концептов русской культуры неоднократно становился объектом исследования отечественных и зарубежных ученых. Этимология слова, внутренняя форма концепта, важнейшие вехи его истории и культурный фон прослеживаются, напр., в авторском словаре Ю.С. Степанова «Константы» [Степанов 1997: 872–890], который станет для нас теоретической и методологической основой для анализа художественного концепта «Страх» в рассказах А.П. Чехова в сопоставлении с философским понятием страха, глубоко исследованным с психологической и философской точек зрения Сёреном Кьеркегором, европейским предтечей экзистенциализма.

Удивительно, что чеховские рассказы с такими знаменательными названиями – «Страхи», «Страх» – не попали в поле зрения Ю.С. Степанова. Между тем в творчестве Чехова концепт «Страх», очевидно, близок немецкому понятию «Angst» или датскому «Angest», также обозначающему беспредметный страх-тревогу. Немецкое слово «Angst» называет не просто боязнь перед конкретными обстоятельствами, или страх ситуативный, но обозначает состояние депрессии, тревоги, неприкрытости, незащищенности, неуверенности [Бутенко 2006: 11].

В рассказе «Страхи», на первый взгляд, показаны только боязни, связанные с эмпирической опасностью, с конкретными ситуациями (*ничтожными обстоятельствами* [Чехов 1976: 188]): загадочный огонек на колокольне там, где он не мог появиться; оторвавшийся от поезда стремительно мчавшийся товарный вагон; странная черная собака, преследующая рассказчика. Два последних случая

быстро получают рациональное объяснение, после чего исчезает фантастичность происходящего, и страхи пропадают под натиском здравого смысла. В первом случае рассказчик тоже пытается уверить себя, что *явление страшно только потому, что непонятно <...> Всё непонятное таинственно и потому страшно* [Чехов 1976: 188]. Однако в каждом из трех случаев за простой боязнью обнаруживается нечто большее: необъяснимый страх, больше похожий на экзистенциальную тревогу. *Меня охватило чувство одиночества, тоски и ужаса* [Чехов 1976: 187], – признается рассказчик. Страх рождает у него ощущение беспомощности (*я <...> путался в догадках, как муха в паутине*) и вызывает стремление убежать, скрыться: *Я вдруг почувствовал, что я одинок, один как перст на всем громадном пространстве, что ночь, которая казалась уже нелюдимой, засматривает мне в лицо и сторожит мои шаги; все звуки, крики птиц и шепот деревьев казались уже зловещими, существующими только для того, чтобы пугать мое воображение. Я как сумасшедший рванулся с места и, не отдавая себе отчета, побежал, стараясь бежать быстрей и быстрей* [Чехов 1976: 189]. Непонятный страх быстро передается и другим людям: *Пашка, заметив мое беспокойство, устремил свои большие глаза на огонек, поглядел еще раз на меня, потом опять на огонек <...> – Мне страшно! – прошептал он* [Чехов 1976: 188].

Если самые *ничтожные*, как говорит рассказчик, *обстоятельства* мгновенно пробуждают всепоглощающий страх, ужас перед бытием, значит, экзистенциальный страх всегда подспудно присутствует в любом человеке. В своей обыденной жизни человек старается заслониться от экзистенциального страха суетой, повседневными делами, прозой жизни, поэтому, наверное, три истории о трех страхах расположены именно в таком «убывающем» порядке: от почти чудесного происшествия к почти прозаическому, от самого острого ощущения ужаса к почти комическому переживанию, которое, впрочем, тоже не вызывает особого смеха. По-видимому, сам автор еще пытается снять переживание страха с помощью комического, но в авторской иронии уже явственно слышатся интонации позднего, «послесахалинского», экзистенциально-трагического Чехова, неслучайно фраза *страшно только потому, что непонятно* соединяет рассказы «Страхи» и «Страх», предвещая последний, где герой тоже предполагает: *Страшно то, что непонятно* [Чехов 1977: 130]. Неслучайно и то, что рассказ «Страхи» фактически остается без конца, как будто автор сохраняет за собой право рассказывать о будущих страхах героя, которые каждый раз будут напоминать, что в жизни человека скрывается неожиданная глубина, «второе дно», предупреждение о чем-то ужасном или какая-то угроза существованию.

Именно неопределенный страх (страх-тоска, страх-ужас, страх-отчаяние) становится, на наш взгляд, ведущим переживанием, которое испытывают герои рассказов Чехова, особенно в девяностые годы, когда экзистенциальная проблематика постепенно становится ведущей в его творчестве. Доктору Рагину открывается, что палата №6 – это не просто тюрьма, но экзистенциальная ловушка, мир, в котором человек обречен на экзистенциальное одиночество (см.: [Собенников 2006: 86–95]) и, сделаем важное добавление, безотчетный страх: *Вот она действительность! – подумал Андрей Ефимыч, и ему стало страшно. Были страшны и луна, и тюрьма, и гвозди на заборе, и далекий пламень в костопальном заводе* [Чехов 1977: 121].

Рассказ «Страх» был опубликован сразу после «Палаты №6». Его герой страдает от страха-ужаса, отчаянного страха жизни: *Когда я лежу на траве и долго смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимает, то мне кажется, что ее жизнь состоит из сплошного ужаса, и в ней я вижу самого себя.* Отвечая на вопрос рассказчика о конкретной причине страхов, герой подчеркивает тотальность и беспредметность своего переживания: *Мне все страшно* [Чехов 1977: 131]. В девяностые годы чеховское представление страха углубляется и окончательно оформляется в экзистенциальном ключе: более всего Дмитрия Петровича Силина страшат уже не сверхъестественные явления, а обыденщина и житейские ситуации. И это естественно: рано или поздно экзистенциальный страх потрясает человека во всех столь хорошо знакомых ему жизненных отношениях (см.: [Больнов 1999: 93]). Всеобъемлющий страх захватывает не только Дмитрия Петровича, в финале рассказа необъяснимым страхом заражается рассказчик: *Страх Дмитрия Петровича, который не выходил у меня из головы, сообщился и мне. Я думал о том, что случилось, и ничего не понимал. Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают* [Чехов 1977: 138].

Состояние страха переживают и другие герои Чехова. Магистр Коврин («Черный монах»), лишившись галлюцинаций, испытывает *душевную пустоту, скуку, одиночество и недовольство жизнью* [Чехов 1977: 254], которые выливаются в переживание экзистенциального одиночества, о чувстве которого дважды упоминает автор: *За ширмами спала Варвара Николаевна, и слышно было, как она дышала; из нижнего этажа доносились женские голоса и смех, но у него было такое чувство, как будто во всей гостинице кроме него не было ни одной живой души* [Чехов 1977: 255]. И, в конце концов, *беспокойство, похожее на страх* [Чехов 1977: 255, 256] овладевает героем. Это ощущение также дважды подчеркнуто самим Чеховым, что, несомненно, свидетельствует о его концептуальной значимости.

Ближайшими понятиями для концепта «Страх» в творчестве Чехова оказываются одиночество, чувство незащищенности, скука, пустота жизни, отвращение, недовольство. Эти чувства часто сплетаются со страхом в единый клубок представлений и ощущений, как, напр., в рассказе «Скука жизни», написанном еще в 1886 г., но заметно выделяющемся по тематике и настроению среди юмористических рассказов и сценок конца восьмидесятых. Писатель изображает двух стариков, напуганных *посещением Бога* – смертью единственной дочери. Лебедевы переживают не просто страх смерти, но страх существования (Аркадий Петрович кончает жизнь самоубийством). Старый генерал жалуется, *что со смертью единственной дочери он потерял последнее, что привязывало его к жизни, что он стар, болен и жаждет смерти, которой в то же время боится <...> что все ему надоело и опротивело, что он перестал ладить с людьми* [Чехов 1976: 166]. Сравнивая себя с мужиками, Лебедев восклицает: *У них есть цель жизни... вера, а у нас одни вопросы... вопросы и ужас!* [Чехов 1976: 175]. Непонятная и бестолковая жизнь, куда по чьей-то неизвестной воле и с неведомой целью заброшен человек, страшит и ужасает чеховских героев. Персонаж рассказа «Страх» тоже признается: *я иногда в тоскливые минуты рисовал себе свой смертный час, моя фантазия изобретала тысячи самых мрачных видений, и мне удавалось доводить*

себя до мучительной экзальтации, до кошмара, и это, уверяю вас, мне не казалось страшнее действительности [Чехов 1977: 130–131].

Название рассказа «Скука жизни» коррелирует с названием «Страх». С одной стороны, писатель подчеркивает заурядность происходящего: страх (во всех своих значениях) – обычное состояние человека, скучная история. С другой стороны, скука в жизни чеховских героев нередко становится предвестием или знаком страха-отчаяния. Скуку, напр., остро ощущает героиня рассказа «Володя большой и Володя маленький». Черные фигуры монахинь в монастыре пугают Софью Львовну: *ей показалось тут темно, холодно, скучно, – скучнее, чем на кладбище. Она с чувством скуки поглядела на неподвижные, застывшие фигуры* [Чехов 1977: 218]. Дома героине делается *жутко от мысли, что эти фигуры будут стоять неподвижно все время, пока она будет спать*; неприятные воспоминания наталкивают на мысли о Боге, смерти, *о душе, о вечной жизни*, о спасении, от которых Софье Львовне становится *немножко страшно* [Чехов 1977: 221]. В финале рассказа мы узнаем, что героине все чаще становится *жутко*, что все чаще она жалуется на невыносимые страдания, плохо понятные окружающим.

Ощущение тоски, тревоги, незащищенности и бессмысленности рождается от чувства пустоты существования. Реальность словно ускользает от чеховских героев. Рассказчик («Страх») подчеркивает: *Я то и дело подводил ее к окну, чтобы посмотреть на ее лицо при лунном свете, и она казалась мне прекрасным сном, и я торопился крепко обнять ее, чтобы поверить в действительность* [Чехов 1977: 137]. Реальность распадается, поскольку в окружающем мире, погруженном в бытовую суету, человек забывает о собственной подлинности.

С. Кьеркегор писал о том, что страх-ужас – сущностная особенность человека, отличающая его от животных: «У животного невозможно обнаружить страх именно потому, что оно в своей природности не определено как дух» [Кьеркегор 1993: 144]. Страх тяготит, но он необходим как первый этап для того, чтобы вернуть человека к подлинному существованию. Страх помогает учиться быть людьми. Для этого требуется мужество погрузиться в собственный страх, а не бежать от него, как обычно и поступают чеховские герои. В рассказе «Страх» появляется символическое сравнение: *Руки у него дрожали, он торопился и оглядывался на дом; вероятно, ему было страшно. Затем он сел в тарантас и со странным выражением, точно боясь погони, ударил по лошадям* [Чехов 1977: 138]. Обстоятельства, природные или социальные, чаще всего подавляют истинно человеческое в чеховских героях: *Легко сказать: надо! Надо, чтоб и боли не было, да вот не слушается природа нашего «надо»!* [Чехов 1976: 170], – брюзжит старик Лебедев («Скука жизни»), не особенно стараясь сдерживать злобу и раздражение по отношению к окружающим.

Судорожно стараясь избавиться от тягостного страха, чеховские герои пытаются найти убежище в *иллюзиях* (выражение самого писателя) разного рода. Старики Лебедевы («Скука жизни»), напр., ищут спасения в любительской медицинской помощи крестьянам, в увлечении религией, богословскими вопросами, в посещении церкви, в благотворительности, в изощренных вкусовых ощущениях. Брезгливая и чувствительная Анна Михайловна почти с извращенным удовольствием копается в гнойных зловонных ранах мужиков, заглушая

свой безотчетный страх. Иллюзией, помогающей отвлечься на время от страха, может также стать подходящая по случаю философия («Палата №6»), тяжелая работа («Страх»), интрижка («Страх», «Володя большой и Володя маленький»). Так, Силин в рассказе «Страх» делится со своим другом: *Чтоб не думать, я развлекаю себя работой и стараюсь утомиться, чтоб крепко спать ночью* [Чехов 1977: 132]. Рассказчик же, чувствуя непонятный и жуткий страх внутри *своего блаженного состояния*, решает, что если *жизнь страшна,* нужно взять *все, что можно урвать от нее* [Чехов 1977: 137] и доводит до апогея роман с женой приятеля. Софья Львовна («Володя большой и Володя маленький») свой страх-страдание, в котором конкретные боязни сливаются с социально и экзистенциально детерминированной безысходностью существования, заглушает пошлыми любовными свиданиями, бесцельным катанием на тройке и надоедливыми жалобами знакомой монашенке. Однако, замечает повествователь, *раз в сознании человека, в какой бы то ни было форме, поднимается запрос о целях существования и является живая потребность заглянуть по ту сторону гроба, то уж тут не удовлетворят ни жертва, ни пост, ни мыканье с места на место* [Чехов 1976: 164], а также ни абстрактная философия, ни какая бы то ни было работа, ни чувственные наслаждения <...> Страх догоняет и захватывает. Но страх – не слабость, а неизбежность и необходимость. «Слабость выражается скорее в том, что человек бежит от страха, поворачивает назад в шумную суету повседневной жизни, пытаясь заглушить этот предостерегающий голос различного рода рассеянием <...> Страх вообще не для слабых натур. «Страх не для слабых», говорит Киркегор. Поэтому экзистенциальная философия требует отказаться от бегства в рассеяние и одурманивание и предоставить себя страху» [Больнов 1999: 96], пишет современный философ. Пожалуй, в чеховском мире никто, кроме самого Чехова, не оказывается на это способным.

Концепт «Страх» является одним из ключевых базовых концептов художественного мира А.П. Чехова. Помимо него, в антологию «Художественные константы русской литературы» могут войти статьи, посвященные чеховским концептам «Скука», «Отчаяние», «Смерть», «Сад», «Одиночество» и др.

ЛИТЕРАТУРА

Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма. – СПб.: Изд-во «Лань», 1999.

Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2006.

Исаева Н.В., Исаев С.А. Комментарии: понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993. – С. 361–377.

Кьеркегор С. Страх и трепет. – М.: Республика, 1993.

Собенников А.С. «Палата №6» А. П. Чехова: герой и его идея // Чеховские чтения в Оттаве: сб. науч. тр. – Тверь; Оттава: Лилия Принт, 2006. – С.86–95.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1997.

Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т.5. [Рассказы, юморески].

Чехов А.П. Полное собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1982. – Т.8. [Рассказы. Повести].

CONCEPT "FEAR" IN A.P. CHEKHOV'S STORIES
(FOR THE ANTHOLOGY OF RUSSIAN LITERATURE CONSTANTS)

T.B. Zaytseva

The article, based on the notion of fear in Kierkegaard philosophy, is concerned with "fear" as a key concept in A.P. Chekhov's mature prose. The characters of his stories ("Fear", "Ward # 6", "A Black Monk", etc.) experience existential fear similar to melancholy, horror, and despair. Real life demands courage to plunge into one's own fear, instead of running away from it as Chekhov's characters would do.

© 2009

А.Н. Михин

КОНЦЕПТ «ВРЕМЯ» В РОМАНЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «АЛЕКСАНДР I»
(наброски к авторскому словарю художественных концептов)

Художественное время романа Д.С. Мережковского включает в себя черты двух типов времени – исторического романа-хроники и психологического романа. Однако эта по видимости историческая хроникальность и реалистический психологизм замкнуты в рамках необычного сюжета, в котором объединены политическая, религиозная, историософская и любовно-семейная проблематика. Действие романа начинается накануне 11 марта 1824 г. и завершается в конце ноября 1825 г., т.е. изображает Мережковский последние полтора года (точнее, 1 год и 8 месяцев) царствования императора Александра I. Из этих 20 месяцев календарного, реально-исторического времени Д.С. Мережковский, в соответствии со своими художническими задачами, «выбирает» отдельные даты и временные промежутки, довольно неравномерно «распределяя» их по частям и главам, т. е. делая временем *художественным*.

1. Время **1 части** романа охватывает около двух суток – с 10–11 марта до ночи с 11 на 12 марта 1824 г. Несмотря на темпоральную ее краткость, эта часть насыщена событиями и действующими лицами, и решает в ней автор сложные задачи. В плане сюжетно-тематическом Мережковский прежде всего развивает линию Александра, представляя читателю внутреннюю драму императора и объясняя ее причины. Сразу же рисуется и ближайшее окружение Александра: А.Н. Голицын, А.А. Аракчеев, Фотий, М.А. Нарышкина, Софья Нарышкина. Однако первым в романе появляется Валериан Голицын, и, таким образом, намечается линия «заговорщики – Александр I». Важно отметить, что императрицы Елизаветы Алексеевны среди главных действующих лиц 1 части нет, ее сюжетная роль обозначится только во второй половине книги.

Воссоздавая атмосферу последних лет александровского правления (салоны, литературная жизнь, характеристики высших чинов, бюрократии), Мережковский вводит массу действующих лиц, в основном реально-исторических (по нашим подсчетам, во 2 главе 1 части, напр., свыше 90 персонажей). Здесь же возникает и образ *исторического прошлого*, прежде всего Екатерининской эпохи: Д.Л. Нарышкин «с игривой улыбкой прошлого века», «девяностолетняя бабушка Архарова» с моськой на коленях, дряхлый сенатор с «почечуем» и «вертижцами». В центре трех заключительных глав – фигура императора и (в интересующем нас аспекте) *переживание им времени*. Характеризуется оно рядом особенностей. Во-первых, Мережковский рисует здесь модель застывшего, или «*остановленного*» [Кофман 1997: 91], времени. Иногда на императора нападала странная апатия, желание сидеть «*целыми часами, не двигаясь, уставив глаза в одну точку, ничего не делая, ни о чем не думая, только чувствуя, что душа затекает, немеет, как отсиженная нога <...> Часы опять пробили. "Который час? – Вечность. – Кто это сказал? Да, сумасшедший поэт Батюшков, – намедни Жуковский рассказывал... Час на час, вечность на вечность, рана на рану – 11 марта, 11 марта... Нет, не надо, не надо..."*» [Мережковский 1990: 97–98]. Последние слова, об 11 марта, выявляют другие особенности *субъективного времени* Александра: над государем довлеет «груз прошлого» – воспоминание о цареубийстве 1801 г. Этот мотив – *власти прошлого* – распространен в европейской литературе и, как правило, «базируется на категории "совести", – отмечает А.Ф. Кофман, – и имеет отчетливо выраженную этическую направленность» [Кофман 1997: 102]. В сознании Александра I есть некий темпоральный фокус, *сакральная дата*, к которой стягиваются все его воспоминания; о которой напоминают предметы (письма, доносы), бой часов, цвет неба; которая приходит к нему в снах. Это – 11 марта, самый «святой и страшный» для Александра день. Власть прошлого настолько велика над императором, что заставляет его воспринимать настоящее не только как несуществующее, «остановленное», но как движущееся назад, в прошлое. Бездонно-ясное, бездонно-грустное, бледно-зеленое небо напомнило Александру взгляд отца, Павла Петровича, когда тот посмотрел на сына в последний раз, на прощание, накануне страшной ночи. Перед читателем возникает довольно редкая в литературе модель *«обратимого времени»* [Кофман 1997: 96–97]: «*И кажется, тот миг и этот – один; между ними нет времени, как будто* ***время шло не вперед, а назад: наступало прошлое, наступило, пришло – и уже никогда не уйдет****. И двадцать три года жизни – Наполеон, пожар Москвы, взятие Парижа, победы, слава, величие – все исчезло как сон – ничего не было, а было, есть и будет одно – вот этот вечный миг*» [Мережковский 1990: 103].

2. События **2 части** охватывают середину апреля – начало мая 1824 г., хотя реально Мережковский изображает всего 5–7 дней этих весенних месяцев. Всё действие происходит в основном на квартире К.Ф. Рылеева – месте собраний заговорщиков. Только в 4 главе действие перемещается за город, на дачу Нарышкиных, в комнату Софьи. «Сюжет Александра» здесь почти останавливается; в центре части – заговорщики, увиденные глазами В. Голицына, т.е. включенные в его «сюжет». Он через Софью, случайную встречу с императором у нее в комнате и через перемещения в пространстве (из приемных А.Н. Голицына и А.А. Аракчеева в Зимнем дворце и из дома Нарышкиных на Фонтанке – в квар-

тиру Рылеева, на Мойке) связывает две части. Эта часть романа контрастна по отношению к 1 части. Если мысли Александра I – *в прошлом*, то все помыслы заговорщиков – *о будущем: А вот ужо революцию сделаем – и всё будет по-новому...* и т.п. Символически и психологически осмысляет Мережковский и время года, а соответственно – антитезу «Александр I – декабристы». Главы об Александре (Ч.1, гл.5–7) начинаются с чтения государем сентиментальной повести XVIII в., героиня которой, Юлия, бродит, *«бледная, унылая, с поникшей головой, в мрачной пустоте березовой рощи, где осенний Борей осыпает землю пожелтевшими листьями; картина осени вливает в состав растерзанного существа ее нечто мрачнейшее, нежели самая мрачная меланхолия...»*. Шуршание пожелтевших страниц кажется Александру I шелестом пожелтевших листьев осени, а запах от них – «*сладостно-унылым запахом прошлого*». «*Двадцать пять лет, а как будто два с половиной столетия – так все изменилось, так постарело все – постарел он сам*» [Мережковский 1990: 96–97]. Часть о заговорщиках – «*весенняя*»; «весеннее и веселое» чудится кн. В. Голицыну в словах заговорщиков, и сами они – «*все молодые, тоже весенние, веселые*» [Мережковский 1990: 118].

Символом связи прошлого и будущего становится во 2 части Медный Всадник (сакральная точка в петербургском пространстве романа), о котором разговаривают П.И. Пестель и В.М. Голицын.

3. В **3 части** изображены май – конец июня 1824 г. Композиция этой части романа наиболее сложна и прихотлива. Д.С. Мережковский ведет здесь сразу несколько линий сюжета: Александр – Фотий – А. Голицын, Александр – Софья, Александр – А. Аракчеев, В. Голицын – Софья, В. Голицын – тайное общество. Начинается часть с глав (и сцен) гротесковых (Фотий спит в гробу; противопоставление А. Голицына и Фотия – «рыси» и «хорька»; сцена «таинства внутренней церкви вселенской» и пр.). Глава 3, по видимости «проходная», «вставная», состоящая из разговоров В. Голицына с А. Одоевским, высвечивает, однако, основную проблематику всей 3 части, – религиозно-политическую. Символически-пророческое значение имеет сон А. Одоевского, в котором происходит своего рода «прорыв» из времени *реально-исторического* во время *сверхисторическое*, сакральное. 4 глава имеет трагическое звучание: в ней описывается смерть Софьи Нарышкиной. Для государя ее смерть означает разрыв «последней связи с жизнью», для В. Голицына – начало духовного кризиса, который будет описан в 6 главе, в дневнике князя. Прежде чем предстать перед читателем в роли художника-психолога, Мережковский предстает в роли блестящего сатирика. В 5 главе, где описываются военные поселения, возникают многочисленные аллюзии на Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Д.С. Мережковский рисует идеал государственного устройства, который Александр I и А.А. Аракчеев хотели распространить на всю Россию. 6 глава – дневник князя В.М. Голицына – буквально занимает центральное место в композиции романа и имеет собственный, весьма разнообразный, хронотоп. Хронологически в дневнике как бы восполняется общероманное время, в нем охвачены события 4 месяцев – со 2 июля по 5 ноября 1824 г. В целом же хронотоп 3 части является самым сложным и интересным в романе, особенно любопытна здесь смена пространств, вообще доминирующих в хронотопе «Александра I».

4. Последняя запись в дневнике В. Голицына датирована 5 ноября; с описа-

ния следующего дня во дворце начинается **4 часть**. Впервые в романе целая глава (1-я) «отдана» императрице Елизавете Алексеевне. С этого момента начинается «движение» супругов – Александра-Амура и Елизаветы-Психеи – друг к другу и... навстречу последней разлуке – смерти. Именно здесь, не в силах противостоять стихии (наводнению), Александр I осознает свое властное бессилие, гибельность самодержавной власти и неизбежность и близость своей смерти. По своему временному охвату (ноябрь 1824 г. – первые числа сентября 1825 г.) эта часть самая большая в романе, однако далеко не самая насыщенная событиями. Пожалуй, среди всех частей она наиболее музыкальна и лирична, в том смысле, что строится на нескольких лейтмотивах и соответствующих им, минорных, интонациях: конца света, ужаса, смерти, одиночества, сумасшествия. Мережковский даже позволяет себе публицистический прием, придавая ему форму пророчества и связывая, таким образом, прошлое и будущее: В. Голицын, глядя в лицо Медного Всадника, возвышающегося «над белеющей во мраке пеной», вдруг услышал «в шуме волн и в вое бури клики восстания народного» [Мережковский 1990: 237]. В 4 часть включен еще один дневник – императрицы Елизаветы Алексеевны (гл.4). Его хронология как бы дублирует общую хронологию романа: первая датированная запись в дневнике – от 11 марта 1801 г., последние приходятся на лето 1825 г. В записках императрицы есть свои, священные для нее даты – дни смерти дорогих ей людей. В последней главе 4 части также находим две важные, теперь уже для императора, даты: а) 1 сентября 1825 г. – день отъезда Александра I в Таганрог – прощание с Петербургом, властью и, как станет ясно позднее, с жизнью; б) 1812 год. Однажды, уже в пути, Александр увидел комету, напомнившую ему о комете 1812 г.: «*Как та казалась – гибели, а была спасения вестницей, – так, может быть, и эта?*» – думает он [Мережковский 1990: 269]. Надо отметить, что эта дата – 1812 г. – иногда возникает в романе, хотя и не часто, и, явно будучи символической, имеет и другое значение. В разговоре Елизаветы Алексеевны с генералом Киселевым она осмысляется как историческая дата рождения в России свободомыслия, идеи освобождения крестьян; «революционным» называет 1812 г. и П.И. Пестель.

5. Формально 5 часть продолжает художественную хронологию 4 части, поскольку описаны в ней конец лета – начало сентября 1825 г. Однако действие ее перенесено в иное пространство – в провинцию, в киевские губернии, куда с целью соединения Северного и Южного обществ приезжает князь В. Голицын. В хронологии его «сюжета» Мережковский делает почти годовой перерыв, ничем его не «заполняя» и никак не мотивируя. Сюжетно-тематически эта часть, построенная во многом на хронотопе «встречи» и «дороги» (в терминологии М.М. Бахтина), в романе необходима, однако именно она наиболее механистически вставлена в общую структуру книги. В целом в 5 части сохранена точка зрения В. Голицына, сближенная с авторской. Лейтмотивом части становится *предощущение* героями *неизбежности восстания*. Важную роль в 5 части играет образ Иисуса Христа. Мережковский предлагает разные точки зрения на фигуру Богочеловека: иудейскую, католическую и православную. Словами библейского пророка: «Да будет один Царь на земле и на небе – Иисус Христос» – 5 часть заканчивается.

Безусловно символическое значение имеет следующая особенность структуры книги: начиная с 3 части романа, все они (3–6-я) завершаются *именем Бога*: процитированной фразой – 3 часть; молитвой императора Александра – 4-я; словами уезжающего в Петербург В. Голицына *«С Богом! С Богом!»* – 6-я.

6. События последней, **6-й, части** романа приходятся на 2-ю половину сентября – ноябрь 1825 г. Посвящена она идиллической, но чреватой трагедией, как в мифе об Амуре и Психее, жизни Александра с вновь обретенной супругой в Таганроге, «в отставке». Драма *властителя* завершается драмой *просто человека*, мучающегося от боли и бессильного противостоять *смерти*. Лейтмотив части – *смерть/воскресение*. В сюжетостроении 6 части подчеркнуто хроникальное начало; особенно подробно освещены последние две недели жизни императора Александра, с 5 по 19 ноября. С этой точки зрения заключительный этап «сюжета Александра» выглядит таким образом: *движение* императора *к смерти* (гл.1–3) – *смерть* (конец гл.3). Совершенно необычно показано «существование» Александра I *после смерти* (гл.4). *Здесь* (в реальности, во дворце в Таганроге) – с натуралистическими деталями показано бальзамирование и разложение физического тела императора, «плоти»; *там* – Мережковским не показано, но *оно есть* – в словах умирающей Софьи о скорой встрече с отцом; в сне Александра по выезде его из Петербурга в Таганрог; в словах молитвы, которую читает священник над телом самодержца; в уповании Елизаветы Алексеевны на встречу с любимым после воскресения мертвых. Пока же Александр I начинает свой «путь» *в вечность*, воплощаясь в «двойника» – странника Федора Кузьмича, в *слово* народа об императоре-праведнике, в *легенду* – в «дух». «Сюжет Александра», таким образом, оказывается разомкнутым в *иную* реальность; открытым является и «сюжет В. Голицына», а, следовательно, и структура всей книги. Со *смертью* императора *воскресает* свобода – мечты будущих декабристов о свободе *политической* и их вера в наступление царства *вечной* свободы: «*“А все-таки радость будет, будет радость!” – говорит Пестель Голицыну. – “Да, Пестель, будет радость!” – ответил Голицын*» [Мережковский 1990: 381].

Итак, автор романа, художественная хронология которого основана на реально-историческом времени и очень часто «расписана» по дням, а действие происходит в столь же реальном – петербургском и провинциальном – пространстве, постоянно стремится придать событиям (фактам, «вещам», датам) символический смысл, указывает на *иное* – сверхисторическое – пространство и время.

Выбор Д.С. Мережковским изображаемого им исторического времени также имеет символический смысл. Можно сказать, что в аспекте *временно́м* автор трилогии «Царство Зверя» исследует сложную связь между двумя историческими событиями, собственно же между двумя датами – **11 марта 1801 г. и 14 декабря 1825 г.** Первому событию посвящена драма «Павел I», действие которой происходит с 9 по 12 марта 1801 г. Второе событие вынесено в заглавие третьей части трилогии – романа «14 декабря». Сама же связь, как она видится Мережковскому и его героям, становится предметом рассмотрения в срединной части – «Александре I». Можно, правда, сказать, что главным событием романа, к которому движутся «сюжеты» Александра и В. Голицына, является **19 ноября 1825 г.**

ЛИТЕРАТУРА

Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. – М.: Наследие, 1997.

Мережковский Д.С. Александр I // Д.С. Мережковский. Собр. соч.: в 4 т. – М.: Правда, 1990. – Т.3. – С.91–556.

CONCEPT "TIME" IN D.S. MEREZHKOVSKY'S NOVEL "ALEXANDER I" (A SKETCH OF ART CONCEPTS GLOSSARY OF THE WRITER)

A.N. Mikhin

There article deals with the concept "time" in D.S. Merezhkovsky's novel "Alexander I". Literary time of the novel comprises features of two types, i.e. of a historical novel and of the chronicles and a psychological novel. An unusual plot incorporates apparent chronological presentation of history and psychological reality.

© 2009

С.Л. Андреева

О ПРОБЛЕМАХ И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Действительность преломляется в сознании человека посредством концептов – базовых когнитивных сущностей, позволяющих связывать смысл с употребляемым словом [Ришар 1998: 15]. Исследование концептосферы конкретного индивида есть выявление своеобразных «световых фильтров», сквозь которые человек отражает и познает реальную действительность. Результаты этого отражения остаются в ментальном мире человека в виде «пучка» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово, поскольку «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 1997: 41]. Лексемы (или другие средства языка) первоначально «припечатывают», обозначают, маркируют и впоследствии «активируют» концепт в сознании человека, устанавливая связь между миром реальным и виртуальным. Для пользования словом необходима его актуализация в памяти, благодаря чему становятся доступными связанные с этим словом языковые и энциклопедические знания [Залевская 1999: 99].

Исследование концептов предполагает обязательный лексикографический этап, поскольку взаимосвязь концептов в концептосфере отдельного художественного произведения, отдельного литературного жанра или концептосферы,

отраженной в творчестве отдельного поэта или писателя, предполагает обращение к словарям как форме фиксации общенародной картины мира. Это необходимо также для верификации выдвигаемых научных версий, для определения доли индивидуального, группового и национального в обнаруженных связях, смыслах, формах вербализации концептов.

В области когнитивной лингвистики на материале различного языкового материала осуществляются попытки репрезентации ментальных моделей сознания народа, группы людей или отдельного индивида. Лексикография значительно продвинулась в области описания ментальных миров в связи с открывшимися возможностями компьютерной техники. Проекты новых словарей пытаются решить задачу совместимости разных планов представления человеческого сознания. Так, Н.Л. Чулкина, исследовавшая концептосферу русской повседневности в лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах, предложила проекты трех лингвокультурологических словарей нового типа: «Словарь элементарных единиц русской речи», представляющий решение некоторых теоретических вопросов, связанных с комбинаторикой языковых единиц, ограничениями на синтаксическую и лексическую сочетаемость; «Словарь фреймов типичных ситуаций русской повседневности», содержащий формы представления знаний и их лексикографическую интерпретацию; «Словарь культурно-маркированных единиц русской речи», представляющий описание таких прагматически нагруженных единиц, как прецедентные тексты русской культуры, пословицы и поговорки, зоонимы. Компьютерная программа должна обеспечить вход в каждый словарь из описанной серии словарей, а также общий вход во все три словаря, позволяющий представить характеристику каждого концепта русской повседневности по всем трем параметрам, соответствующим трем уровням структуры языковой личности [Чулкина 2005].

Вопрос о формах репрезентации значений в памяти человека (к их числу относят признаки, концепты, образы, прототипы, пропозиции, фреймы, события, ментальные модели и т.д.) остается открытым. Описание значений в современной лингвистике обычно предваряется попытками разграничить языковой и концептуальный уровни значения, развести между собой языковые и энциклопедические знания. Описание одного концепта или целой концептосферы выходит за рамки языкового знания на уровень структур знания о мире (энциклопедического знания). И зесь оказывается очень трудным разграничить, где кончается языковое и где начинается энциклопедическое знание. Более того, через такое сочетание языковых и энциклопедических знаний предусматривается выход на индивидуальную картину мира как обязательное условие успешности взаимопонимания при общении.

Концептосфера, полученная в результате анализа содержания и связи концептов, «активированных» в произведении, представляет собой **ментальную модель.** П. Джонсон-Лэрд утверждает, что ментальная модель может быть определена как некоторое знание в долговременной или кратковременной памяти, структура которого соответствует структуре репрезентируемой ситуации; наши модели должны интегрировать информацию от всех сенсорных систем и от общего знания о том, что возможно в окружающем нас мире; при этом ментальные модели являются внутренними символами, особый вид моделей представ-

ляют собой образы [Johnson-Laird 1983]. Построение концептосферы именно художественного произведения в этом смысле представляется интересным, особенно, если писатель работает с антижанром. Антиутопия в этом смысле представляет собой не простое отражение фрагмента действительности – это отражение модели сознания, а точнее – отражение конфликта двух типов сознания. Это всегда минимум две концептосферы, наложенные друг на друга и совпадающие в целой серии концептуальных узлов. Эти концептуальные узлы формируют жанр утопии/антиутопии и, как правило, являются одновременно ключевыми концептами культуры.

Нужный ракурс исследования отношений между словами или концептами мы находим у Дж. Андерсона. Представляется возможным рассматривать эти отношения в плане автоматической/контролируемой, или бессознательной/осознаваемой, переработки разных типов информации. Отмечаются существенные различия между декларативным и процедурным знаниями, в которых сохраняется человеческий опыт. Декларативное знание трактуется как пропозициональная сеть, то есть концепты в долговременной памяти репрезентируются как узлы сети, соединенные друг с другом ассоциативными связями. Извлечение из декларативной памяти осуществляется посредством процесса распространяющейся активации: активация одного концепта распространяется на другие концепты, связанные с ним в цепи. Этот тип активации быстро затухает. Кроме того, поскольку объем рабочей памяти ограничен, только некоторое количество узлов может быть активным в определенный момент. Процедурное знание репрезентируется и активируется иначе. Продукты знания этого типа не являются узлами, которые соединены в сеть ассоциативными связями. Скорее, это пары, состоящие из условий и действий; они выбираются и возбуждаются, когда условия некоторых действий согласуются с внешним окружением или с внутренним окружением (рабочей памятью) [Anderson 1983].

Поскольку ни язык, ни мышление не даны нам в непосредственном наблюдении, то тексты остаются верным источником формирования наших знаний и о языке, и о ментальных структурах, а также о соотношении языковых и энциклопедических знаний. В исследовании ментального мира авторские тексты в качестве материала имеют, с нашей точки зрения, преимущество по сравнению со словарным материалом. Если для анализа выбран текст, находящийся на значительной временной дистанции от эпохи исследователя, то среди прочих текстов художественные тексты более удобны в том плане, что публичность автора позволяет собрать энциклопедические знания о нем и его взгляде на мир. Именно эти знания составят ментальный контекст (или гипертекст), т.е. позволят реконструировать эпоху, ту реальную действительность, которая «преломляется» в сознании писателя в виде сети концептов.

Сетевая модель концептосферы с подвижной активацией концептуальных узлов соответствует результатам нашего исследования. Концептосфера романа Е. Замятина «Мы» имеет, как нам представляется, сетевую структуру. Узлы этой сети – релевантные концепты. Способы их представления в тексте антиутопии тоже связаны сетевыми отношениями. Если частотность и характер вербальных репрезентаций концепта позволяют сделать вывод о наборе концептов, то сама текстовая ткань без максимально точной реконструкции затекста

не позволит понять меру и степень активации концептуальных узлов. Связь между концептами может не иметь в тексте языковых воплощений, поскольку она легко угадывалась современниками и не нуждалась в экспликации. Для читателей или исследователей более поздних эпох связь концептов могла разрываться, образуя семантический вакуум, и приводить к неточной интерпретации ментальных структур. Вертикальный конфликт культур усиливается, если текст не рассматривается во временном контексте.

В качестве одного из наиболее важных современных подходов к трактовке значения представляется необходимым выделить ситуационный (событийный) подход, акцентирующий внимание на том, что для пользователя языком значение слова реализуется через включение его в некоторую более объемную единицу – пропозицию, фрейм, схему, сцену, сценарий, событие, ментальную модель и т.п. Описание концептосферы отдельного произведения, таким образом, оказывается лишь отчасти лингвистическим. Чтобы реконструировать затекстную информацию к роману-антиутопии Е. Замятина «Мы», нам пришлось обратиться к историческим фактам, текстам различных авторов (творческих личностей, известных общественных деятелей) из области филологии, истории, социологии, математики, физики, экономики, менеджмента, политологии, психологии, а также психоанализа, философии, религии и проч. Эти тексты составили интертекстуальное поле романа. Они безошибочно угадывались современниками писателя и почти не узнавались читателями конца XX в.

Лексикографическое описание, которое зафиксирует языковые и энциклопедические знания, формирующие концептосферу романа «Мы», войдет, скорее всего, в группу словарей языка писателей, соединив в себе функции идеографического словаря, словаря языка писателя, словаря одного произведения, словаря-справочника, историко-литературного комментария и конкорданса (расположенного в алфавитном порядке переченя встречающихся в книге слов (или сходных по содержанию мест) с минимальным контекстом (в несколько слов) [Словарь иностранных слов: 2006]. Представим в общем виде идею такого словаря.

В **левую часть** словаря войдут в качестве **заголовочных статей** названия концептов, расположенных для удобства поиска в алфавитном порядке. **Правая часть** будет представлена сгруппированными и иерархически расположенными данными: первый столбец (или уровень) составит используемая в романе «Мы» **базовая номинация** (языковая презентация) концепта, включающая словообразовательные производные. Нам представляется рациональным для ее фиксации воспользоваться формой конкорданса: его материалы предоставляют возможность проследить парадигматические связи в тексте, увидеть и количественно оценить нюансы словоупотребления, сопроводить необходимой ссылкой на фрагмент текста. Следующий столбец займут **дополнительные способы языковой актуализации** концепта, также представленные в форме конкорданса. Третий уровень сформируют **интертекстуальные элементы текста**. В этом случае форма конкорданса должна содержать не только минимальный контекст, указание на место в тексте (ссылку на запись), но и указание на прецедентный текст (с цитированием/пересказом «чужого» текстового фрагмента), с которым мы обнаружили интертекстовую связь. Этот последний уровень словаря выполнит

функции историко-филологического или энциклопедического комментария. Система индексов позволит установить сетевые связи на уровне языкового и когнитивного значения.

Описания концептов, выполненные в результате анализа отдельного текста либо на основе обобщенного анализа творчества одного писателя/поэта, а также сопоставления способов репрезентации концептов/концептосфер разных творческих индивидуальностей и/или той же творческой индивидуальности в разные временные периоды, – все они являются ценным материалом для совершенствования уже имеющихся типов словарей (их словарных дефиниций, системы помет, иллюстративного материала и проч.), а также открывают возможности появления новых комплексных словарей.

ЛИТЕРАТУРА

Залевская, А.А. Введение в психолингвистику: учеб. для вузов по филол. специальностям – М.: РГГУ, 1999.

Ришар Ж.П. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М.: Изд-во «Ин-т психологии РАН», 1998.

Комлев Н.Г.Словарь иностранных слов – М.: ЭКСМО, 2006.

Степанов Ю.А. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Яз. рус. культуры, 1997.

Чулкина Н.Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.

Anderson J.R. The architecture of cognition (Cognitive science series, N 5). – Cambridge (Mass.), London: Harvard Univ. Press, 1983.

Johnson-Laird P.N. Mental models: Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness // Cognitive Science Series. – Vol. 6 – Cambridge, 1983.

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF LITERARY WORK CONCEPTUAL SPHERE: PROBLEMS AND POSSIBILITIES

S.L. Andreyeva

The article puts forward the idea of a conceptual sphere glossary (based on Ye. Zamyatin's conceptual sphere of the novel "We") capable of combining ideographic dictionary functions with writer's idiolect, glossary of one literary work, reference book, historical and literary commentary, and concordance.

© 2009

Е.В. Туктангулова

К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ДИНАМИКИ ВЕРБАЛИЗАТОРОВ В ПРАКТИКЕ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ Н.А. ЗАБОЛОЦКОГО

Н.А. Заболоцкий – поэт сложного мировосприятия, а потому система единиц, вербализующих концепты идиостиля поэта, представляется тоже весьма непростой.

Одной из важных составляющих идиостиля Н.А. Заболоцкого является особая репрезентация художественного концепта «Жизнь», включенного в словообраз ПРИРОДА. В представленном словообразе конкретные, противопоставленные, на первый взгляд, ключевые слова *день* – *ночь* вступают в символические отношения с абстрактными, также противопоставленными, на первый взгляд, художественными концептами «Жизнь» – «Смерть». Концепты «Жизнь» – «Смерть» относятся к универсальным и подвергались анализу в работах ряда исследователей (Л.О. Чернейко и Хо Сон Тэ, Т.Ю. Хатунцевой, И.А. Тарасовой, А.Г. Грек, Е.Г. Малышевой, О.С. Чумак), однако воспринимались, как правило, резко противопоставленными и никогда, в отличие от творчества Н. Заболоцкого, не включенными содержательно в словообраз ПРИРОДА, не проявляющими в этой связи единства.

Непринятие такой, искалеченной идеологией, родины приводит к манифестации художественного концепта «Жизнь» в раннем творчестве ключевым словом *ночь* (а не *день*), художественного концепта «Смерть» – ключевым словом *день* (а не *ночь*). Рождается сложный авторский образ мира в раннем творчестве, а затем переосмысляется в позднем, когда поэт «вернулся в жизнь» после тяжелых лет ссылки и молчания.

Содержательной основой ключа «ночь» является лексема *ночь*, лексикографическая интерпретация данной лексемы сводится к следующим определениям:

– ‘часть суток от захода до восхода солнца, от вечера до утра’ [МАС: 431];

– ‘невежество, незнание истин и добра, мрак духовный’ [Даль 1978–1980: 557].

Они расходятся с индивидуально-авторской интерпретацией этой лексемы. *Ночь* становится ключевым словом уже в раннем творчестве поэта. Его вычленение в тексте мотивировано такими критериями, как частотность употребления, образная информативность, эстетически моделируемая смысловая структура, способность обобщать смысловой объем текста, способность формировать микрообраз и микротему.

В сборнике «Столбцы», насчитывающем 46 стихотворений и 3 поэмы, лексема *ночь* употребляется 67 раз. «Превращаясь в художественной сфере в многоаспектную единицу, образно воспроизводящую действительность, способную обнаружить новые смысловые импульсы» [Донецких 1982: 13], ключевое слово *ночь* в индивидуально-авторском пространстве текстов может определяться как ‘небытие’ («На даче», 1929, «Футбол», 1926; «Игра в снежки», 1928; «Искуше-

ние», 1929), ‘первоначало’ («Лицо коня», 1926; «Часовой», 1927; «Фокстрот», 1928; «Пекарня», 1928; «На лестницах», 1928; «Народный дом», 1928; «Меркнут знаки Зодиака», 1929; «Отдых», 1930; «Звезды, розы и квадраты», 1930; «Торжество земледелия», 1929–1930; «Деревья», 1933), ‘духовное, высшее начало’ («Новый Быт», 1927; «Белая ночь», 1926; «Вечерний бар», 1926; «Свадьба», 1928; «Бродячие музыканты», 1928; «Самовар», 1929; «Царица мух», 1930; «Битва слонов», 1931).

Художественный концепт «Жизнь» трактуется исходя из эстетических значений его репрезентанта – ключевого слова *ночь* – как нечто нереальное в перевернутом, подчеркнуто вещном мире «Столбцов». Именно этим объясняется тот факт, что его репрезентантом является не слово, именующее концепт, максимально точно отражающее ядро как смысловой центр, а контекстуальный синоним – *ночь* ‘скрытое, темное’. Подлинная жизнь еще только собирается появиться на свет, ее нет и не может быть в «доисторическое» время «Столбцов». Художественный концепт «Жизнь», понимаемый поэтом как *‘высшее начало, лишенное места в подобной реальности’*, является важной составляющей словообраза ПРИРОДА, представленного как соединение человеческого и вещного начала, лишенного гармоничной цельности и привычной красоты: всё подменено приземленными чувствами, даже любовь – страстью (стихотворение «Белая ночь», 1926; «На рынке», 1927; «Свадьба», 1928; «На лестницах», 1928).

Вербализатором художественного концепта «Жизнь» в позднем творчестве Н.А. Заболоцкого становится ключевое слово *день*. Вступающие, на первый взгляд, в антонимические отношения, ключевые слова *ночь* и *день* оказываются составляющими одного художественного концепта «Жизнь». И не контраст, а мнимая синонимия характеризует отношения художественного концепта и ключевого слова *день*.

Содержательной основой ключа «день» является лексема *день*, лексикографическая интерпретация которой сводится к следующим определениям:

– ‘часть суток от восхода до захода солнца, от утра до вечера’;
– ‘сутки, промежуток времени в 24 часа’;
– ‘календарная дата, число месяца’;
– ‘время, период’ [МАС: 387].

Ключевое слово *день*, образно отражая действительность, обнаруживает новые смысловые импульсы в эмоционально-содержательной сфере стихотворений, реализуясь как ‘разумное начало’ («Я не ищу гармонии в природе», 1947; «Весна в лесу», 1935; «Вчера, о смерти размышляя», «Творцы дорог», 1947); ‘чистота’ («Утренняя песня», 1932; «Утро», 1946), ‘новая жизнь, пробуждение’ («Начало зимы», 1935; «Слепой», 1946; «Венчание плодами», 1932–[1948]; «Еще заря не встала над селом», 1946; «Урал», 1947; «Я воспитан природой суровой...», 1953).

Отмеченные эстетические значимости ключевого слова *день* позволяют расширить смысловое содержание относящегося к базовым для идиостиля Н.А. Заболоцкого художественного концепта «Жизнь» до ‘разумного высшего начала, свойственного современному мыслящему миру’.

«Другой язык» позднего Заболоцкого и изменившийся мир его позднего творчества, «вставший на ноги», позволяет появиться такому фундаментально-

му для поэта понятию, как жизнь. В связи с этим художественный концепт «Жизнь» в позднем творчестве репрезентирован сложнее, а именно, не только ключевым словом *день*, но и ключевым словом *жизнь*. Лексикографическая характеристика слова *жизнь* заключается в следующем:

– ‘особая форма движения материи, возникающая на определенном этапе ее развития’;

– ‘физиологическое состояние человека, животного, растения от зарождения до смерти’;

– ‘полнота проявления физических и духовных сил’;

– ‘период существования кого-либо’;

– ‘образ существования кого-либо’;

– ‘деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях, в различных областях, сферах’;

– ‘окружающая нас реальная действительность, бытие’;

– ‘оживление, возбуждение, вызываемое деятельностью живых существ’ [МАС: 485].

Авторская интерпретация семантически многопланова и эмоциональна. На основе словарного значения ‘образ существования кого-либо’, ключевое слово *жизнь* обогащается эстетическим значением ‘музыка’ («В этой роще березовой» 1946), ‘упорядоченность’ («Венчание плодами» 1932–1948, «Горийская симфония» 1936, «Дождь» 1953), ‘перерождение’ («Воспоминание» 1952, «Метаморфозы» 1937).

Слово, именующее концепт, максимально точно отражает его смысловой центр, а именно: сочетаемость лексемы *жизнь*, репрезентирующей художественный концепт «Жизнь», позволяет говорить о новых пластах значения художественного концепта: от ‘разумного высшего начала, свойственного современному состоянию мыслящего мира’ до ‘гармонии и упорядоченности’ в словообразе ПРИРОДА, порождаемом данным концептом.

Таким образом, определяя лексемы *день, ночь, жизнь* как составляющие словаря языка Н.А. Заболоцкого, необходимо учитывать их принципиально новые, в сравнении со словарными, значения. Они вступают в антонимические и синонимические отношения друг с другом в разные периоды творчества поэта, но их постоянным связующим компонентом всегда является Природа, понимаемая автором как все сущее, космос: материя, малые и большие частицы, из которых строится плоть звезд, планет, предметов, организмов, – все, что заполняет космос. Именно это понимание включается в индивидуально-авторское созначение каждой из рассмотренных лексем. Фундаментальная идея преобразования мироздания делает словообраз ПРИРОДА динамичным. И жизнь здесь является связующим звеном.

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1978–1980.

Донецких Л.И. Эстетические функции слова. – Кишинев: Штиинца, 1982.

Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. – М.: Яз. слав. культуры, 2005.

Квятковский А. Поэтический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1966.
Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / сост. В.И. Чернышов [и др.]. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965.

CONCEPT VERBALIZATOR DYNAMICS IN N.A. ZABOLOTSKY'S VOCABULARY

E.V. Tuktangulova

The article is devoted to the analysis of a complex system of basic constituents of N.A. Zabolotsky's idiolect that are viewed from the standpoint of the word-image NATURE extended by the poet to the world of human ideas and feelings.

© 2009

В.Н. Гончарова

СЛОВАРНОЕ ОПИСАНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА
(на примере концепта «Стланик» в творчестве В. Шаламова)

Среди многообразия русских словарей, особое место занимают словари языка писателей. Немногим более ста лет отделяет нас от «времени зарождения писательской лексикографии как нового направления в русской словарной науке» (о периодизации истории русской писательской лексикографии см., напр., в программе спецкурса «Русская писательская лексикография», составленной Л.Л. Шестаковой). За данный период накоплен «богатый опыт лексикографической интерпретации языка выдающихся личностей современности и прошлого. С этой целью созданы как полные словари ко всем произведениям авторов или отдельным текстам, так и словари "однопараметровые", отражающие отдельные показатели словоупотребления – частоту встречаемости лексических единиц, тропы, синонимы, фразеологизмы, эпитеты, неологизмы, экспрессемы, имена собственные и перифразы, редкие и устаревшие слова, рифмы в поэтических текстах, конкордансы и т.п.» [Караулов, Гинзбург 2001: 10]. Однако и в настоящее время разработка теоретических основ авторской лексикографии и составление словарей языка отдельных авторов ставят перед исследователями сложные вопросы, поиск ответов на которые связан с определением концептуальных установок. Коллектив создателей «Словаря языка Достоевского», работающий под руководством Ю.Н. Караулова, видит свою задачу в «комплексном представлении языка и мысли Достоевского» [Караулов, Гинзбург 2001: 22]. Решить эту задачу можно путем составления серии словарей. В одном из словарей серии должны быть представлены идеоглоссы, т.е. ключевые слова, «лексические средства выражения того, что является актуальным в

создаваемой в тексте картине мира»; «идеоглосса – единица когнитивного уровня в структуре языковой личности» [Караулов, Гинзбург 2001: 35]. Термин *идеоглосса* содержательно сближается с термином *концепт* в том понимании, какое вкладывают в него представители когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и др. близких лингвистических направлений. Следовательно, «комплексное представление языка и мысли» какого-либо автора невозможно без включения в серию словарей его языка словаря концептов.

Задачей данной статьи является описание одного из возможных способов подготовки материалов для словаря индивидуально-авторских концептов. В качестве примера мы используем один из концептов растительного мира, представленных в «Колымских тетрадях», «Стихотворениях 1957–1981 годов» и «Колымских рассказах» В. Шаламова – концепт «Стланик», исследуемый нами с помощью методики лингвокультурологического анализа.

Подготовка материалов для словарной статьи об индивидуально-авторском концепте может включать в себя следующие этапы: 1) выбор имени концепта; 2) лингвистическая характеристика имени концепта; 3) описание универсальных смыслов концепта; 4) составление текста-концепта; 5) выделение ядерной и периферийной частей текста-концепта; 6) статистическая обработка текста-концепта с целью определения количественных характеристик использования имени концепта, интерпретация ее результатов; 7) описание индивидуально-авторских смыслов концепта; 8) описание структуры концепта; 9) установление места данного концепта в индивидуально-авторской концептосфере; 10) сравнительный анализ универсальных и индивидуально-авторских смыслов концепта, интерпретация его результатов; 11) составление культурологического комментария к тексту-концепту.

Остановимся подробнее на некоторых из этапов.

Выбор имени концепта связан с поиском ключевого слова. В учебном пособии Н.А. Николиной «Филологический анализ текста» обобщены признаки ключевых слов, выделяемые разными исследователями. Среди таких существенных признаков, как высокая степень повторяемости в тексте, способность конденсировать информацию, выраженную целым текстом, особое место отводится признаку, заключающемуся в соотнесении двух содержательных уровней текста: собственно фактологического и концептуального. «Только слова (словосочетания), «сопрягающие» два уровня, два «слоя» текстовой информации, раскрывающие неодномерные, эстетически организованные смыслы, могут быть ключевыми единицами текста. Отсюда такие важнейшие признаки ключевых слов, как их обязательная многозначность, семантическая осложненность, реализация в тексте их парадигматических, синтагматических, словообразовательных связей <...> Ключевые слова нередко концентрируются в начале произведения, а также относительно часто функционируют как заглавия» [Николина 2003: 186]. В качестве имени концепта растительного мира мы используем название растения (возможен и другой подход: напр., Н.Л. Лейдерман и М.Н. Липовецкий в числе концептов «Колымских рассказов» называют концепт *Северного Дерева*, включающий в себя «образ стланика, лиственницы, лиственничной ветки» [Лейдерман, Липовецкий 2003: 323]). Если в произведении

представлено несколько синонимичных наименований растения, мы отдаем предпочтение тому, которое обладает наибольшей частотой употребления, имеет однокоренные (производные) слова и/или используется в сильной позиции текста – заглавии. В рассматриваемых произведениях В. Шаламов использует два синонимичных наименования интересующего нас растения: *стланик* и *кедрач*. Однако первое из них употребляется 66 раз, в том числе 2 раза в функции заглавия, имеет производное слово *стланиковый*, употребленное 6 раз, а второе употреблено 5 раз, имеет только одно родственное слово (производящее – *кедр*) и ни разу не употреблено в роли заглавия. На этом основании в качестве имени концепта нами будет использоваться слово *стланик*. Понимая необходимость различения слова и концепта (см. об этом, напр., [Попова, Стернин 2002: 36], [Степанов 2007: 100], исследователи ищут особый способ обозначения имени концепта. Общепринятого способа на данный момент не существует.

Текстом-концептом мы называем вторичный текст, создаваемый на основе исследуемых авторских текстов. Текст-концепт состоит из целых произведений и фрагментов, вербализующих индивидуально-авторский концепт. В лексический состав таких произведений и фрагментов могут входить имя концепта, его синонимы и однокоренные с именем лексемы. Текст-концепт должен быть структурирован, он должен иметь свою композицию, созданную исследователем, явившуюся результатом проведенного им анализа. Цель анализа – установление отношений между входящими в текст-концепт произведениями и фрагментами. Можно использовать полевую модель. Тексты, содержащие разработанные смыслы концепта (один или несколько), составляют ядро. Тексты, содержащие имя концепта без разработки его смыслов, составляют периферию. В ядро текста, воплощающего концепт «Стланик», входят следующие произведения: стихотворения «Стланик» и «Я не лекарственные травы...»; рассказы «Кант», «Стланик», «Надгробное слово»*, «Перчатка»* (звездочкой отмечены произведения, входящие в текст-концепт фрагментарно). Периферия представлена фрагментами таких произведений, как рассказы «Васька Денисов, похититель свиней», «Домино», «Медведи», «По лендлизу», «Припадок», «РУР», «Май», «Зеленый прокурор», «Погоня за паровозным дымом», «Тропа», «Рябоконь», «Город на горе», «Воскрешение лиственницы», «Доктор Ямпольский», «Уроки любви». Требует решения вопрос о включении текста-концепта в словарную статью. На наш взгляд, читатель словаря концептов должен иметь возможность знакомства с тем художественным материалом, результаты анализа и интерпретации которого являются содержанием словарной статьи. Это обусловлено прежде всего природой индивидуально-авторских (в другой терминологии – художественных, поэтических, текстовых) концептов, предопределяющей существование границ их познания. Приведем некоторые свидетельства: «Здесь потенция иногда ценнее того, что мы в силах в ней раскрыть. Потенция здесь иногда как бы упирается в невозможность в смысле раскрытия. Ценность этого невозможного особенно ясна в концептах художественно-эмотивных, т.е. заключающих не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразно волнующих чувств и настроений» [Аскольдов 1997: 275–276]; «мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается» [Степанов

2001: 83]; «слова-концепты художественного мира вряд ли могут быть четко и безоговорочно определены и описаны, в их концептосфере согласно законам порождения и восприятия текста может быть множество личностных смыслов» [Бабенко 2004: 108]. Включение текста-концепта в состав словарной статьи позволило бы читателю попытаться самостоятельно извлечь из текста смыслы концепта, сравнить собственное понимание концепта с пониманием составителя, воспринять не только рациональную, но и эмоциональную часть содержания концепта. Причиной, препятствующей включению текста-концепта в состав словарной статьи, может стать большой объем этого текста. В этом случае составителю будет необходимо сопровождать описание выявленных им смыслов концепта развернутыми цитатами-иллюстрациями (о важной функции цитат, о роли иллюстративной зоны см., напр., [Караулов, Гинзбург 2001: 14–16]).

Результаты статистической обработки текста-концепта с целью определения количественных характеристик использования имени концепта (с учетом употребления производного от лексемы *стланик* прилагательного *стланиковый*) могут быть представлены в словаре таким образом: СТЛАНИК (72: 4 <3, 1 – 1>; 68 <36, 2, 12, 0, 7, 11 – 1>), где первая цифра в круглых скобках (72) – общее количество употреблений имени концепта в стихотворных и прозаических текстах; вторая цифра после двоеточия (4) – общее количество употреблений имени концепта в стихотворных текстах (шести циклах «Колымских тетрадей» и «Стихотворениях 1957–1981 годов»); первая цифра в угловых скобках (3) обозначает количество употреблений в «Колымских тетрадях» (1937–1956), вторая (1) – в «Стихотворениях 1957–1981 годов», цифра после тире (1) – количество употреблений в позиции заглавия; цифра после первых угловых скобок (68) обозначает общее количество употреблений имени концепта в прозаических текстах (шести циклах «Колымских рассказов»), цифры во вторых угловых скобках последовательно указывают на количество употреблений в циклах «Колымских рассказов»: «Колымские рассказы» (36); «Левый берег» (2); «Артист лопаты» (12); «Очерки преступного мира» (0); «Воскрешение лиственницы» (7); «Перчатка, или КР-2» (11), цифра после тире (1) обозначает количество употреблений в позиции заглавия. Такое подробное отражение в словаре результатов статистической обработки обусловлено необходимостью их интерпретации, которая предполагает поиск возможных причин именно такой представленности концепта в творчестве автора. Эти причины могут быть связаны с особенностями композиции произведений (напр., композиция сборника рассказов, композиция циклов у В. Шаламова), с их идейно-тематическим содержанием (напр., в одном из циклов «Колымских рассказов» – «Очерках преступного мира» – не представлен ни один концепт растительного мира, что объясняется, вероятно, чуждостью мира природы преступному миру).

Таким образом, развитие писательской лексикографии ставит перед исследователями задачу словарного описания не только собственно языковых средств, использованных автором, но и индивидуально-авторских концептов. А это обусловливает актуальность работ, направленных на изучение теоретических и практических аспектов словарного представления индивидуально-авторских концептов.

ЛИТЕРАТУРА

Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С.267–279.

Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004.

Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2001. – С.9–64.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. – М.: Академия, 2003. – Т.1. 1953–1968.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие. – М.: Академия, 2003.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – 2-е изд., стер. – Воронеж: Истоки, 2002.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2001.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Яз. слав. культур, 2007.

Шестакова Л.Л. Программа спецкурса «Русская писательская лексикография» [Электронный-ресурс]. Режим доступа: http://www.curator.ru/pedagog/pro_shest.html.

DICTIONARY REPRESENTATION OF THE AUTHOR'S CONCEPT (BASED ON THE CONCEPT "STLANIK" IN V. SHALAMOV'S WORK)

V.N. Goncharova

The author comes out with a version of the plan for preparing material of the author's concept vocabulary entry, dwelling upon the choice of a concept name, making up the concept text, statistical processing of the concept text, interpretation of the results.

© 2009

М.Л. Бедрикова

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» В ПРОЗЕ В. РАСПУТИНА: ОПЫТ СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНОГО АНАЛИЗА

Тема жизни и смерти – важнейшая в русской классической литературе. Развивая традиции отечественной классики, современная литература проявляет интерес к теме ухода человека из мира, теме смерти, особенно обостренно в переходное время, когда возникает потребность «напомнить о главном, о верховных критериях жизни» [Лейдерман, Липовецкий 2001: 53]. В разные десятилетия XX в. к теме смерти обращались В. Белов («Привычное дело»), В. Шукшин («Осенью», «Как умирал старик»), А. Вампилов («Утиная охота»), Ю. Трифонов («Обмен»), В. Распутин («Последний срок», «Прощание с Матерой»). В конце XX в. свидетельством интереса к теме стали новые произведения В. Распутина («В ту же землю», «Изба»), В. Астафьева («Кончина»), А. Солженицына («Поминовение усопших», «Крохотки» 1990-х гг.), Б. Екимова («Похороны»).

И. Золотусский связывает появление произведений на вечную тему с изменениями в общественном сознании: «Свобода, сорвавшая печать с запретных тем, сорвала печать и с темы смерти <...> мы не только отталкиваемся от предков наших, с которыми наскоро расставались навсегда, но и сеем ложь и ханжество в отношении понимания жизни. Даже гоголевский Чичиков возил с собою в шкатулке похоронный билет – это memento mori, напоминание о смерти...» [Золотусский 1989: 108]. Новые аспекты в теме обусловлены драматизмом, все более усложняющимся, противоречивым общественным бытием. Семантика заглавий выявляет новые «акценты». Напр., насквозь иронично звучит заглавие «крохотки» А. Солженицына «Мы-то не умрем» (1958–1960). Мысли, конспективно заявленные в указанной «крохотке» и позднее в «Поминовении усопших» (конец 1990-х гг.), в полной мере разворачиваются в художественной прозе В. Распутина. Беспамятство рядового человека и утрата исторической памяти целой нации – вот что тревожит автора «Прощания с Матерой». Семантика заглавия рассказа «В ту же землю» (1995) включает напоминание-предостережение «загордившемуся» человеку.

Кажется, главное было уже сказано В. Распутиным в «Прощании с Матерой» (1976): *Смерть кажется страшной, но она же, смерть, засевает в души живых щедрый и полезный урожай, и из семени тайны и тлена созревает семя жизни и понимания* [Распутин 2007, IV: 121]. Своим любимым героиням (старухе Анне, Дарье Пинигиной) автор передоверяет сокровенные раздумья о вечном: *Что должен чувствовать человек, ради которого жили многие поколения? Ничего он не чувствует. Ничего не понимает. И ведет он себя так, будто с него с первого и началась жизнь и им она навсегда закончится* [Распутин 2007, IV: 187].

Примечательно, что художественные удачи писателя связаны с воссозданием народных характеров. Чаще всего это женские образы. Пожилые героини

В. Распутина являются носительницами переживаний, представлений, размышлений о смерти. Слово *смерть* непосредственно звучит в речи персонажей (старой тофаларки из раннего очерка «И десять могил в тайге», тетки Натальи в первой повести 1967 г. «Деньги для Марии»), в авторских комментариях. Для характеристики концепта «Смерть» в прозе В. Распутина важна жанровая дифференциация. Так, в рассказах и повестях с народным характером в центре повествования признаки концепта «Смерть» проявляются особенным образом. У персонажей, связанных с народной жизнью, представления о смерти ярки, образны. Напр., тетка Наталья («Деньги для Марии») говорит: *Я уж ей согласие дала*. Далее автор пишет: *Смерть всегда, каждую минуту, стоит против человека, но перед теткой Натальей, как перед святой, она отошла чуть в сторонку, пустив ее на порог, который разделяет тот и этот свет* [Распутин 2007, I: 96]. А вот изображение старухи Анны в ожидании смерти: *Старуха лежала в кровати и ждала, когда затихнет изба, потому что знала: смерть у нее боязливая и на шум не пойдет* [Распутин 2007, II: 171]. При всей необычности (персонификация смерти), представления персонажей В. Распутина остаются в пределах смысла («смерть», «кончина»), запечатленного в народном сознании. Аргументом могут стать народные пословицы и поговорки, заключающие представления о жизни и смерти: *Бойся Бога: смерть у порога* [Даль 1993: 548]; *От смерти не посторонишься* [Даль 1993: 548] и др. Мудрое, «спокойное» отношение к смерти у распутинских старух, видимо, и порождает необычные характеристики смерти, что объясняет возникновение трансформаций признаков в активном слое концепта «Смерть». Так, в восприятии Анны смерть – такая же простая старуха, ее «двойник», смерть-старуха может внимать словам Анны. Появляется признак «боязливая». Вряд ли мы встретим «боязливую смерть» в русских пословицах. Напротив, в них подчеркивается слепая жестокость смерти: *Смерть берет расплохом. Смерть нахрапом берет* [Даль 1993: 544]; *Смерть не свой брат – разговаривать не станешь* [Даль 1993: 548]; *Смерть ни на что не глядит. Смерть сослепу лютует* [Даль 1993: 545]. В пожилых женщинах В. Распутин подчеркивает «готовность» к смерти, «решимость» (не обреченность!) подвести последнюю черту. При всей индивидуальности восприятия жизни и смерти у распутинских героинь, характеристики смерти как явления являются общими и для В. Распутина, и для русских пословиц. Общие закономерности запечатлевает и семантика заглавий. Как уже отмечалось, заглавие рассказа «В ту же землю» актуализирует ряд признаков, которые мы встречаем в пословицах. Напр., *Царь и народ – все в землю пойдет* [Даль 1993: 550]; *Смерть всех поравняет* [Даль 1993: 551].

Для изучения трансформаций признаков концепта «Смерть» в произведениях различных жанровых модификаций у В. Распутина важен опыт исследования указанного концепта в русских паремиях. Напрямую проецируются на повести и рассказы («Деньги для Марии», «Последний срок», «Прощание с Матерой», «В ту же землю») отмеченные лингвистами в паремиях признаки на уровне активного слоя концепта «Смерть». Н.А. Юр перечисляет признаки по степени их важности: «... неизбежность (*От смерти ни крестом, ни пестом*; *От смерти и под камнем не укроешься* – 20 единиц); внезапность, неожиданность, непредсказуемость (*Смерть расплохом / нахрапом берет* – 8 единиц); необрати-

мость (*Хорош был человек, да после смерти часу не жил* – 1 единица); непознаваемость (*На смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь*; *Никто не увидит, как душа выйдет* – 2 единицы)» [Юр 2003: 266]. Как видно из предложенной выборки, в народном сознании доминирует признак «неизбежность». Не случайно в прозе В. Распутина чаще репрезентируется признак «неизбежность», отсюда «готовность», «спокойствие» персонажей «у последней черты».

Иначе осуществляется репрезентация признаков концепта «Смерть» в рассказах В. Распутина с автобиографическим героем-повествователем, напр., «Что передать вороне?», «Наташа» (начало 1980-х), «Видение» (1997), «В непогоду» (2003). В центре этих рассказов – концепт «Я», непосредственно связанный с важнейшими для автора концептами: «Жизнь» и «Смерть», «Бессмертие», «Творчество», «Цель», «Путь (дорога)», «Мир» и некоторыми др. Как правило, в силу внешних и внутренних обстоятельств автобиографический герой оказывается в «пограничной ситуации», осуществляет самопознание и самоанализ.

В рассказе «Видение» слово «смерть» не звучит открыто. Уже в начале изображается сон героя, таким образом, актуализируется древнейшее значение слова «сон» – отрыв от всего земного, приобщение к божественному. Ассоциативно возникает: «смерть» – «сон» (вспомним пословицу «Сон смерти брат»). Любопытно, что «сон/смерть» в рассказе «Видение» сопровождает звукообраз – «звон»: *Стал я по ночам слышать звон.* «Я» автобиографического героя *обращается в слух, в один затаившейся комок <...> Страха при этом нет, а то, что повергает меня в оцепенение, есть одно только ожидание: что дальше?* [Распутин 2007, III: 429]. У В. Распутина в образе ночного звона воплощено божественное начало: *Будто бросают длинную, протянутую через небо струну и она откликается томным, чистым, заунывным звуком* [Распутин 2007, III: 429]. Мифологическое значение «ночь как время торжества тайных скрытых сил» соединяется с авторским – ночная бессонница, напряженные раздумья, тревога. В отличие от мифологического значения, «утро» не несет избавления от морока ночи, а, напротив, вызывает печаль, побуждает к мыслям о быстротечности жизни. В ночном звоне герою чудится некий «зов»: *Вызванивающийся, невесть откуда берущийся, невесть что говорящий сигнал завораживает меня <...> Что это? – или меня уже зовут. В момент пробуждения, когда возникает и удаляется стонущий призыв, я ко всему готов. И кажется мне, что это мое имя вызванивается, уносимое для какой-то примерки. Ничего не поделаешь: должно быть подходит и мой черед* [Распутин 2007, III: 430]. Таким образом В. Распутин репрезентирует признак «неизбежность» смерти, интерпретирует логему, образовавшуюся в народном сознании: «К смерти нужно быть готовым».

Для рассказов с автобиографическим героем характерна структура хронотопа, в которой традиционные пространственно-временные образы становятся обобщенно-символическими, хронотоп «измеряет» психологическое состояние героя. В минуты утреннего пробуждения, освобождения от «сна/смерти», или в минуты вечернего созерцания не случайно возникают некие константы на «оси координат» – окно и дорога. Для рефлексирующего героя важно состояние абсолютного покоя, он занимает определенное положение в пространстве: дверь – окно – дорога. «Я» автобиографического героя преодолевает физиче-

скую оболочку и устремляется в беспредельный мир: *...продолговатая, суженная обитель для одного переходит в суженный, вытянутый вперед мир, окружающий уходящую дорогу. Но нельзя наглядеться на этот мир. Точно тут-то и есть твои вечные отчие пределы* [Распутин 2007, III: 434]. В приведенном отрывке из рассказа «Видение» выстраивается ряд: дверь – окно – дорога/путь – мир.

Как отмечалось выше, в повестях В. Распутина концепт «Смерть» репрезентируется во внутренней речи персонажей, в авторских комментариях. Часто смерть наделяется «антропоцентрическими поведенческими характеристиками», напр., смерть-старуха в представлении Анны («Последний срок»). В рассказах с автобиографическим героем субъект В. Распутина – писатель, творческое «я» которого содержит основные черты концепта «Я» в русском культурном пространстве. В рассказе «Видение» смерть есть «неназываемое» (*отмеренная мне черта*). Концепт «Смерть» реализуется в соответствующем «круге мыслей».

Мы уже отмечали родственные связи между представлениями распутинских персонажей о смерти и представлениями, запечатленными в паремиях с лексемой «смерть» в русском языке. Это не удивительно, ведь концептосфера прозы В. Распутина сориентирована на национальную концептосферу. В рассказе «Видение» мы наблюдаем признаки, которые актуализируются на уровне активного слоя концепта «Смерть»:

1) непознаваемость (*невесть откуда берущийся, невесть что говорящий, сигнал завораживает меня*);

2) непредсказуемость (*Я не знаю, он ли* (звук струны – *М.Б.*) *будит меня, или я просыпаюсь чуть раньше, чтобы слышать его от начала до конца* [Распутин 2007, III: 429]);

3) неизвестность (*Ничего не поделаешь, должно быть, подходит и мой черед*; *Но теперь-то я знаю, что обман в бесконечность кончился...* [Распутин 2007, III: 430]);

4) необратимость (*...но что же лукавить: свежими силами возобновляться неоткуда, и все, что предстоит впереди, – это жизнь на сухарях* [Распутин 2007, III: 430]).

Анализ репрезентируемых признаков концепта «Смерть» в автобиографическом рассказе «Видение» показал, что в прозе В. Распутина наблюдается отличная от других произведений степень главенства признаков. Если в большинстве рассказов, повестей с персонажем в центре фиксируется «неизбежность смерти» (закрепленное значение в русских паремиях), то для автобиографического героя-писателя на первом месте «непознаваемость» смерти. Это объяснимо. Народные представления (в русских пословицах) запечатлевают, прежде всего, «данность смерти» (*Никто не увидит, как душа выйдет* и др.), рефлексирующий же герой пытается познать непознаваемое. Представляется, что в процессе семантико-когнитивного анализа репрезентации признаков концепта «Смерть» в прозе В. Распутина необходимо учитывать и жанровый аспект.

ЛИТЕРАТУРА

Золотусский И.П. Крушение абстракций. – М.: Современник, 1989.

Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: в 3 кн.: учеб.

пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – Кн.3. В конце века (1986–1990-е гг.).

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. – М.: Рус. кн., 1993. – Т.1.

Распутин В.Г. Деньги для Марии // В.Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. – Иркутск: Изд-во «Сапронов», 2007. – Т.1. Век живи – век люби: повести, рассказы.

Распутин В.Г. Последний срок // В.Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. – Иркутск : Изд-во «Сапронов», 2007. – Т.2. Последний срок: повести, рассказы.

Распутин В.Г. Видение // В.Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. – Иркутск: Изд-во «Сапронов», 2007. – Т.3. Живи и помни: повести, рассказы.

Распутин В.Г. Прощание с Матерой // В.Г. Распутин. Собр. соч.: в 4 т. – Иркутск: Изд-во «Сапронов», 2007. – Т.4. В ту же землю: повести, рассказы.

Юр Н.А. Паремии с лексемой «смерть» в русском языке // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: материалы междунар. симпозиума: в 2 ч. – Волгоград: Перемена, 2003. – Ч.1. Науч. ст. – С.264–267.

GENRE-BASED PECULIARITIES OF CONCEPT “DEATH” REALIZATION IN V. RASPUTIN’S PROSE: EXPERIENCE OF SEMANTIC-COGNITIVE ANALYSIS

M.L. Bedrikova

The article examines transformation characteristics of the concept “Death” in V. Rasputin’s autobiographical stories. An argument in support of semantic-cognitive analysis of the concept is based on the experience of Russian paremia study.

© 2009

Е.Г. Озерова

ПОЭТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК КОНЦЕПТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ФРАЗЕОГРАФИРОВАНИЯ

Под поэтическим фразеологизмом (ПФ) понимается сложное дискурсивно обусловленное индивидуально-авторское сочетание, образованное по узуальной модели, в рамках которого метафорическое слово находится в асимметричных парадигматических и синтагматических отношениях.

В образных устойчивых сочетаниях активизируется и обогащается символический потенциал узуальных лексем, который позволяет дополнять их коннотативные значения индивидуально-авторскими смыслами, проецирующими образы духовной культуры. Такие метаморфозы возникают в процессе рождения новых поэтических концептов, играющих конструктивную роль в создании целостности художественного дискурса поэтической прозы. Под поэтической прозой нами понимается лаконичный прозаический текст с преобладающим чувственно-авторским Я и повышенно-эмоциональным (лирическим) стилем

речи. Не случайно такие произведения называют еще лирической прозой. Индивидуально-авторские ПФ эксплицируют субъективные смысловые оттенки, наполняя образные сочетания окказиональными коннотативами, которые активизируют семантическое восприятие текста, а «сам процесс номинации обусловливается той мыслительной информацией, которая является продуктом когнитивной деятельности. Такого рода информация составляет внеязыковое содержание, или денотативный макрокомпонент, значения языкового знака» [Алефиренко 2002: 43].

Описание пейзажа в поэтической прозе связывается с духовным восприятием действительности. По мнению В.В. Колесова, в таком мировосприятии нет «разделения на природу и культуру, эта культура – природна, она *при роде*, что определяет и важность воспитания» [Колесов 2004: 59]. Издавна на Руси существовала традиция на Благовещение отпускать на волю птиц. «Родной обычай старины», – так писал о нем А.С. Пушкин. Этот русский обычай символизирует стремление человеческой души освободиться от пут греха и соединиться с небом. Традиция выпускать именно голубей на праздник Благовещения появилась вследствие того, что на иконах ангел, спустившийся к Марии, изображается в виде голубя. Ср.: *...замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый* ***голубь*** *<...> Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом два белых* ***голубя*** (Тургенев. Голуби).

Белый голубь в духовной культуре является олицетворением духовной чистоты, выступает символом Святого Духа: *И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как* ***голубя****, и пребывающего на Нем* (Иоан. 1: 32); *И крестившись Иисус тотчас вышел из воды, – и се, отверзлись Ему небеса, и увидел Иоанн Духа Божия, Который сходил, как* ***голубь****, и ниспускался на Него* (Мф., 3: 16); *Когда же крестился весь народ, и Иисус крестившись молился, – отверзлось небо, И Дух Святый нисшел на Него в телесном виде, как* ***голубь****, и был глас с небес, глаголющий: Ты Сын Мой возлюбленный; в Тебе Мое благоволение!* (Лук. 3: 21–22). Святой Дух представлен «в телесном виде» в образе голубя, т.к. символизирует чистоту и невинность: *Во Иордане крещающуся Тебе, Троическое явися поклонение: Родителев бо глас свидетельствоваше Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя, и Дух, в виде* ***голубине****, извествоваше словесе утверждение. Являйся, Христе Боже, и мир просвещай, слава Тебе* (Крещение Господне. Богоявление. Тропарь, глас 1-й).

Голубь и голубка являются символами супружеской верности и чистой любви: Ср.: у В. Даля: *Как* ***голубь*** *без* ***голубки*** *гнезда не вьет, так новобрачный князь без княгини на место не садится.*

Голубь является также символом мира в изображении Пабло Пикассо.

Духовная культура репрезентируется в лирической прозе рассказа «Антоновские яблоки», который имеет ярко выраженный субъективный характер, т.к. интенции автора рефлексивно обращены к личностным переживаниям. Для поэтической прозы доминирующей является субъективная ассоциация, эксплицирующая религиозные и культурные коды, активизирующиеся в конкретной действительности. И.А. Бунин активно использует технику «скользящий поток» не только вербальных, но и вкусовых, зрительных, звуковых ассоциа-

ций. М. Пришвин употребляет оборот «антоновское яблоко» в качестве сравнения для описания морозной зари: *Со вчера начались морозы после сиротской зимы, морозная заря похожа цветом на* ***антоновское яблоко*** *в холодной сентябрьской росе* (Пришвин. Дневники).

Дискурсивные процессы поэтической прозы зиждутся на этнокультурных ассоциациях, кодах: *Ядреная* ***антоновка*** *– к веселому году; Деревенские дела хороши, если* ***антоновка*** *уродилась: значит, и хлеб уродился...* (И. Бунин. Антоновские яблоки). Символом любви является яблоня в цвету, поэтому цветок яблони издавна использовался как украшение для невесты. Подарить яблоко – признаться в любви. Яблоко олицетворяет совершенство, добро и зло, красоту: *Когда приближались к ним эти блестящие молодые люди, цветочницы <...> подбрасывали перед ними квитовое* ***яблоко****, служившее символом любви* (Лесков. Гора). «Ментальные состояния играют каузальную роль, которая и позволяет функционально идентифицировать эти состояния, отличать одни состояния от других по функциям» [КСКТ 1997: 100]. Ср.: *Пришел Спас –* ***яблочко*** *припас*. Яблоня также символизирует знание и мудрость, поэтому этот образ встречается не только в русских народных сказках (Сказка о молодильных яблоках и живой воде, Серебряное блюдечко и наливное яблочко), но и в пословицах, поговорках, приметах: ***Яблоко*** *от* ***яблони*** *недалеко падает* (в нем. яз.: *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm); Какова* ***яблоня*** *– таковы и* ***яблоки****; Не тряси яблоко, покуда зелено: созреет – само упадет.*

Яблоко включается в пословицы: 1) *The rotten apple injures its neighbors* (‘Гнилое яблоко портит соседние яблоки’) (английская); 2) *Не выманишь и золотым* ***яблоком*** (литовская); 3) *От яблони –* ***яблоко****, от ели – шишка* (мордовская); 4) *Яблоня родит только* ***яблоко*** (чеченская); 5) *Хорошо* ***яблоко****, пока в соку* (бурятская); 6) *Одно* ***яблоко*** *в день – и доктор за дверь* (итальянская).

А.С. Пушкин использует этот образ в «Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях»: *... глядела / всё на* ***яблоко****. Оно / Соку спелого полно, / Так свежо и так душисто, / Так румяно-золотисто, / Будто медом налилось!»*. Ср.: *Мужик, насыпающий* ***яблоки****, ест их с сочным треском одно за другим...* (Бунин. Антоновские яблоки).

Концепты «Белые голуби» и «Антоновские яблоки» проходят этап поэтической активизации, под которой авторы Краткого словаря когнитивных терминов понимают «возбуждение определенных участков мозга в актах поступающих сигналов или стимулов, приведение в готовность для дальнейшего использования ментальных репрезентаций концептуальной системы; выведение в осознаваемую часть текущего сознания образов, определенных структур знания и/или репрезентаций» [КСКТ 1997: 11]. Именно эти образы активизируют создание номинаций вторичного семиозиса, «в которых культурно значимая информация воплощается в денотативном аспекте значения (это слова, обозначающие реалии материальной культуры или же концепты духовной культуры), и единицы, в которых культурно значимая информация выражается в коннотативном аспекте значения» [Телия 1996: 235].

Выявленные свойства ПФ требуют разработки особых принципов их фразеографирования, в частности для создания словаря ПФ лирической прозы. Фразеографическая репрезентация концептов духовной культуры предполагает

структурирование психологических, религиозных, ментальных и апперцептивно-субъективных кластеров представления ПФ. Объект словаря – образные устойчивые сочетания лирической прозы, коннотативные значения которых обогащены символическими индивидуально-авторскими смыслами и концептами духовной культуры. Фразеографированию ПФ лирической прозы предшествовал ассоциативный эксперимент, в результате которого были выделены как элитарные употребления, так и обыденные речевые константы. Реципиентами являлись 100 студентов (18–22 лет) филологического факультета и факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета. Материал обработанных анкет служит эмпирической базой для составления словарных статей, каждая из которых должна содержать: 1) слово-стимул, 2) сам ПФ, 3) его лексикографическую дефиницию, 4) примеры контекстуального употребления ПФ, 5) ассоциативно-смысловое поле концепта духовной культуры. Причем слова, создающие это поле, должны выстраиваться по убыванию частотности их появления в активной зоне русского языкового сознания. Напр.,

① ГОЛУБИ; ② Белые голуби – ③ чистота, любовь, гармония.

④ 1) *Приятна ему доброта в жене – глядит на нее, ажно весь гордостию сияет, и все жену по головке гладит, как голубь* (Лесков. Запечатленный ангел). 2) *Замелькало что-то ровно и плавно; ни дать ни взять белый платочек или снежный комок. То летел со стороны деревни белый голубь <...> Но глядь! Уже два платка мелькают, два комочка несутся назад: то летят домой ровным полетом два белых голубя* (Тургенев. «Голуби»).

⑥ Белые голуби – свадьба (29), любовь (15), чистота (12), радость (5), верность (3), нежность (3), свобода (3), счастье (3), легкость (2), небо (2), невинность (2), свобода (2), белая летящая фата, белое платье, взаимность, воздушность, голубое небо, добро, звон, зеленая трава, искренность чувств, искренность, кольца, красота, мир, невесомость, новые идеи, пара – семья, пара голубей, пара, Пикассо, полет души, полет, праздник, примирение, птицы, символ невинности, символ чистоты и невинности, сказка, спокойствие, улыбка, утро, чувства, шорох.

① ЯБЛОКИ. ② Антоновские яблоки – ③ благополучие, достаток, здоровье.

④ *Помню раннее, свежее, тихое утро... Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести... Войдешь в дом и прежде всего услышишь запах яблок, а потом уже другие: старой мебели красного дерева, сушеного липового цвета, который с осени лежит на окнах* (Бунин. Антоновские яблоки).

⑥ Антоновские яблоки – Бунин (17), запах (7), осень (7), кислые (6), аромат (5), кислый вкус (5), рассказ (5), деревня (3), желтый цвет (3), август (2), желтые (2), литература (2), солнце (2), ароматные, бунинские рассказы, дети, детство, запах меда, И.А. Бунин, изморозь, корзина, крест, лето, мир, моченые яблоки, наливные, насыщенность, первые заморозки, повозки, природа, произведение Бунина, сад, сады, символ дома, сладость, солнечный, сочные, Спас, яблоки.

Таким образом, словарь ПФ лирической прозы представляет концепты ду-

ховной культуры как вербализованные фраземами образования, отражающие в языковом сознании носителей русского языка достаточно глубокий философско-психологический смысл. Концепты духовной культуры и лирическая дискурсивная среда создают когнитивно-прагматические условия порождения необходимых для поэтической прозы знаков вторичного образования, коннотативные значения которых представляют культурно маркированные доминанты русского языкового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. Н.Ф. Алефиренко. – М.: Academia, 2002.

Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2004.

КСКТ: Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во: ИПО «Лев Толстой», 1996.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Яз. рус. культуры, 1996.

POETIC FIXED PHRASES AS SPIRITUAL CULTURE CONCEPTS AND THEIR PHRASEOGRAPHIC TREATMENT

E.G. Ozerova

The article considers poetic fixed phrases as spiritual culture concepts. Lyrical discourse provides cognitive-pragmatic conditions for creating poetically relevant secondary signs whose connotations reflect culturally marked dominants of the Russian linguistic consciousness.

© 2009

А.А. Осипова

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ СЛОВАРЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ В.П. АСТАФЬЕВА

Словарь концептосферы писателя может быть построен по принципу, опробованному в книге Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» [Степанов 2001]. Как и традиционный словарь языка писателя, словарь концептосферы художника слова нацелен на изучение его идиостиля. Главное отличие словаря концептосферы писателя от словаря языка писателя состоит в том, что последний содержит описание слов, употребленных в сочинениях определенного автора. При этом делается полная выборка лексем из всех его произведений, включая тексты вариантов, а также из писем, заметок и официальных бумаг. В словаре концептосферы рассматриваются лишь наиболее ярко вы-

раженные в творчестве автора концепты и, соответственно, делается выборка не всех слов и выражений, а только тех, которые репрезентируют данные концепты. Таким образом, читателю представляется анализ отдельных элементов индивидуально-авторской картины мира писателя, которые, как правило, манифестируют главные темы его творчества.

Задача составителя словаря концептосферы писателя – на фоне вербализаторов, отражающих коллективные представления о том или ином концепте как элементе языковой картины мира носителей современного русского языка, установить индивидуально-авторские особенности концепта, выявляемые у наиболее выдающихся членов общества (в данном случае – в творчестве общепризнанного писателя).

Источник исследования в проектируемом словаре – творчество В.П. Астафьева, – по общепринятому мнению, виднейшего представителя той прозы, которую долгое время условно именовали «деревенской». В его «высокохудожественных произведениях, органично сочетающих философичность, социальный пафос, углубленный психологизм, рассматриваются наиболее важные слагаемые современного народно-национального бытия» [Большев 1986: 10].

В сочинениях В.П. Астафьева можно выделить круг устойчивых концептов-констант, вербализованных множеством единиц и отражающих особенности астафьевской индивидуально-авторской картины мира. Это «Вода», «Война», «Дело», «Детство», «Жизнь», «Природа», «Рыбалка», «Смерть».

На примере концепта «Смерть» представим структуру словарной статьи словаря концептосферы В.П. Астафьева.

В первой части словарной статьи внимание должно уделяться этимологии слова *смерть*, выражающего данный концепт, т.к. этимология – это предыстория, дописьменная судьба концепта. По данным «Этимологического словаря славянских языков» (ЭССЯ) прасл. *merti связывается с русск. *мерть* ‘умирать’ [ЭССЯ 1993, 18: 101]. К форме инфинитива, по своему происхождению являющегося отглагольным именем, позже присоединяется приставка *с*-, которая, вероятно, связана с др.-инд. su- «хороший, благой», первоначально «благая смерть» и далее со *svo- (см. *свой*). Следовательно, слав. *sъ-mьrtь означает ‘своя, естественная’. Ср. русск.: *умереть своей смертью* [Фасмер 1971, 3: 685–686]. Опираясь на данные этимологических словарей, считаем возможным включить глаголы *умирать/умереть* в ядро анализируемого концепта.

Соименами концепта «Смерть» являются синонимы *конец* и *кончина* (они даются словарями синонимов в одном синонимическом ряду с лексемой *смерть*). В целом синонимические парадигмы выделяют тройную культурную доминанту *смерть – кончина – конец*, которая в обыденном сознании составляет ядро концепта «Смерть». Однако «Новый объяснительный словарь синонимов» фиксирует некоторые различия культурных смыслов, свойственные этим словам.

Далее в словарной статье необходимо представить эволюцию концепта «Смерть» в коллективном сознании носителей русского языка через лексический анализ слова *смерть* по данным словарей русского языка различных веков с целью определения инвариантного значения (содержательного ядра) и признаков самого концепта. Наше исследование проводится на уровне лексико-се-

мантических вариантов (ЛСВ) многозначного имени концепта.

В ходе анализа имени (ключевого слова) концепта «Смерть» по данным русских словарей периода до XIX в. и XIX–XX вв. [Срезневский 1989, т.3, ч.1: стлб. 760–761], [СлРЯ XI–XVII, 25: 172–173], [БАС 1962, 13: стлб. 1355–1357], [Даль 1991, 4: 233], [Ушаков 1940, 4: стлб. 298], [СОШ 2002: 735], [БТС 2000: 1216–1217], [МАС 1988, 4: 152] и по данным других (нелингвистических) словарей ([ФЭС 1983: 617], [Этика 2001: 440]) мы несколько расширили словарные толкования, скорректировали их, и постепенно вокруг ядра концепта сфокусировались новые концептуальные признаки, увеличившие его объем.

Отметим все ЛСВ слова *смерть* с учетом корректировки главного значения:

1) ‘прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия’ (минимальное содержательное ядро или инвариант концепта);

2) ‘смертная казнь’;

3) ‘конец, полное прекращение какой-нибудь деятельности; гибель, уничтожение чего-л.’;

4) ‘очень, в высшей степени, чрезвычайно’;

5) ‘плохо, нехорошо; горе, беда’;

6) ‘мор, моровая язва’;

7) ‘погибель’;

8) ‘умирание’;

9) ‘разлучение души с телом’.

Лексическое значение ключевого слова не выявляет всех составляющих концепта *смерть*, поэтому, чтобы расширить его границы, можно обратиться к анализу лексического и фразеологического окружения лексемы *смерть* в языковой системе (объем статьи не позволяет представить эти данные, см. об этом [Осипова 2005: 34–50]).

Анализ сочетаемости слова *смерть* позволит раскрыть его синтактико-семантические возможности, помогающие определить содержательные признаки, входящие в структуру концепта (напр., смерть предполагает объект, отношение объекта к данному процессу, наблюдение процесса и т.д.). По данным сочетаемости слова *смерть* вырисовываются и субъекты действия (хотя они в силу специфики самого анализируемого концепта являются нечеткими) (см. [Осипова 2005: 50–53]).

Анализ ассоциативных связей лексемы *смерть* выявляет естественную системность лексикона, а также «культурную» специфику словарной единицы – «те побочные, и, казалось бы, нерелевантные семантические связи (семантические «обертоны»), которыми характеризуется то или иное слово» [РАС 1994, кн.1, ч.1: 7]. Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных признаков исследуемого концепта (см. [Осипова 2005: 54–62]).

В последней части словарной статьи должен быть представлен концепт «Смерть» в индивидуально-авторской картине мира В.П. Астафьева.

В ходе исследования используется метод моделирования семантического поля, позволяющий рассмотреть максимальное количество единиц, репрезентирующих концепт, выявить семантические отношения между ними, их связи с вербализаторами смежных концептов и, тем самым, получить наиболее полное

представление о концепте «Смерть» в творчестве В.П. Астафьева.

В зависимости от дополнительных сем, которые входят в структуру значения единиц с ядерной семой '*прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия*', многочисленные вербализаторы концепта «Смерть» можно распределить по 6 зонам:

1) ядерная зона поля вербализаторов (ПВ), включающая единицы со стержневой семой 'прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия';

2) зона ПВ, охватывающая единицы с дополнительной семой, подчеркивающей естественный характер смерти;

3) зона ПВ, состоящая из единиц с дополнительной семой, указывающей на неестественный характер смерти;

4) зона ПВ, включающая единицы с дополнительной семой, указывающей на следствия смерти;

5) зона ближней периферии, содержащая единицы, семантика которых связана с представлением о состоянии умирающего/умершего и о бытии души после смерти;

6) зона дальней периферии, в состав которой входят единицы, не содержащие в значении ядерную сему ('*прекращение жизнедеятельности и переход из состояния бытия в состояние небытия*'), но контекстуально призванные дополнить и расширить рамки фрейма *смерть*.

Данная классификация основана не на частотности входящих в каждую группу единиц, а на логической иерархии (первые две зоны нейтральные, далее идут зоны, связанные друг с другом цепочечной или радиальной связью) и подсказана составом языковых единиц.

Единицы внутри зон образуют группы, те, в свою очередь, распадаются на подгруппы и разряды с учетом грамматического значения.

В словарной статье каждая зона ПВ должна снабжаться списком всех вербализаторов, входящих в нее. Напр., состав зоны ПВ, охватывающей единицы с дополнительной семой, подчеркивающей естественный характер смерти таков:

– лексемы *землеумирание, кончиться, околеть, отойти* 'умереть', *отплыть* 'умереть (образно)', *павший* 'о животных: умерший, сдохший', *покидать/покинуть, покидающий, помирать/помереть (17), поумирать, примереть, угасание* 'умирание', *угасающий, умирающий (1), уходить, уходящий*;

– фразеологизмы *испустить дух (2), стереться с земли*;

– устойчивые словесные комплексы *не стать* 'умереть', *нет на свете* 'что-л. прекратило свое существование', *помереть своей смертью* 'перестать жить из-за зрелого возраста (старости)', *умереть своей смертью* 'перестать жить из-за зрелого возраста (старости)';

– предложно-именное сочетание *без жизни* 'лишенный признаков жизни, мертвый' – всего 16 лексем и 7 сверхсловных образований. Все причастия, фразеологические единицы (ФЕ) и прочие сверхсловные образования располагаются ближе к периферии анализируемого ПВ.

При обращении к единицам данной области необходимо всегда учитывать их контекстуальные употребления, т.к. они могут обозначать как естественную, так и неестественную смерть (поэтому с учетом контекста некоторые из них бу-

дут входить и во 2-ю, и в 3-ю зоны; в скобках после таких слов дается количество употреблений в данной зоне.

Далее необходимо предложить в словарной статье анализ особенностей функционирования тех или иных единиц в творчестве В.П. Астафьева и тем самым определить особенности авторского миропонимания. Приведем краткий анализ вербализаторов зоны, представленной в качестве примера выше.

В произведениях В.П. Астафьева отглагольные существительные описываемой зоны ПВ содержат в своей семантической структуре сему абстрактности и используются писателем с целью придания торжественности тону повествования: *Божьим светом из края в край, и совсем почти неслышный стеклянный шелест, невнятный звон землеумирания звучал над полем прощальным молитвенным стоном* («Прокляты и убиты»); *Угасание дня, угасание жизни. / Приближение к тайне на крошечный шаг. / Между ночью и днем, между словом и мыслью – / Опускаются сумерки в мир не спеша* («Веселый солдат»). Ту же цель преследует и глагол *кончиться: Вместе со мной ведь и вправду кончится мир. Мой. Никто не поймает моих рыб, никто не порадуется моей радостью* («Светопреставление»).

Контекстуальное окружение некоторых единиц данной зоны свидетельствует о смерти как вообще о естественном конце любого человека: *Сысолятин-старик зимусь помер* («Жизнь прожить»); *За пятнадцать лет произошло столько событий, столько родилось и столько умерло своей смертью людей, столько погибло от злодейских рук, спилось, отравилось...* («Людочка»); *... Дезертир, паря, там в избушке-то оказался <...> И вот ведь: за буханку хлеба, за горсть колосьев бабу иль фэзэушника, бывало, законопатят, а этот дожил до амнистии, помер своей смертью* («Жизнь прожить»). В последних двух примерах местоимение *своей* подчеркивает закономерный финал чьей-либо жизни.

Традиции крестьянской жизни, труд крестьянина, вообще сама деревня рассматриваются В.П. Астафьевым как фактор, во многом предопределивший национальные черты русского народа, национальное его бытие. Почти в каждом произведении героями В.П. Астафьева являются деревенские люди, и писатель поднимает важную для России проблему – противостояние города и деревни и как результат этого противостояния – вырождение деревни. Слова *поумирать* и *примереть*, имеющие общее значение ‘перестать жить’, но содержащие и дополнительную сему ‘друг за другом, по очереди’, ярко иллюстрируют вышеизложенное: *Крестьянский народ поумирал или покинул деревню...* («Голубое поле под голубыми небесами»); *Примерли бабы в деревне Вычуган, овдовевшие по причине войны и всенародных побед...* («Людочка»). Эту же мысль подтверждает и употребление причастия *умирающий* (*И однажды ночью живая ветка яблони <...> обломилась. Голый, плоский ствол остался за расступившимися домами, словно крест <...> на погосте. Памятник умирающей русской деревеньке. Еще одной* – (Там же), и ФЕ *стереться с земли (Хоронить в родной деревне Вычуган Людочку не решились, там, как избудется последнее жилье, сотрется с земли пристанище людей, объединенный колхоз перепашет все под одно поле и кладбище запашет...* (Там же).

К исследуемой зоне вербализаторов примыкает нейтральная лексема с предметной семантикой – субстантиват *смертный*, реализующая общее значение ‘тот, кто закономерно прекращает свое существование и переходит из состояния бытия в состояние небытия’. Это слово в значениях ‘живущий не вечно, та-

кой, которого ждет смерть' и 'относящийся к смерти', подобно ядерным глаголам *умирать/умереть*, представляет всеобщую смерть в конечном итоге, либо перефразирует саму лексему *смерть* (ср. *смертный день*), поэтому на нее контекст не оказывает влияния: *Смертные, старые люди должны вести себя спокойно, умиротворенно, должны приуготавливать себя к вечному сну* («Из тихого света»). В произведениях В.П. Астафьева иногда происходит дифференцирование смертных – на простых и не простых, но это связано с самой личностью человека (обыкновенный/необыкновенный) и никак не влияет на исходное значение лексемы 'живущий не вечно': *В полковой столовой появился еще один генерал, но совсем не похожий на того красавца, гарцевавшего на коне, пришельца из какого-то простым смертным неведомого сословия* («Прокляты и убиты»).

Естественную смерть животных характеризуют лексемы *дохлый, околеть, павший*: *Поднатужившись, я вспомнил слова из песни великого акына, которые он якобы пропел богатому и наглому баю, у коего околела любимая собака...* («Веселый солдат»); *... как-то умудрились некоторые уходить из лагеря <...> в степях раскапывали могильники павшего скота, обрезали с него мясо* («Прокляты и убиты»).

Метафорическое переосмысление слов *отойти, отплыть, покидать/покинуть, покидающий, угасающий, уходить, уходящий* позволяет, во-первых, несколько завуалировать саму тему смерти (т.к. у русского человека не принято говорить о ней прямо) и, во-вторых, делает повествование более образным и даже поэтическим: *По заказу местной хайловской промартели старушки плели кружева, и возьми да и скажи <...> прилюдно та старуха, которая в войну овдовела: теперь, мол, у нее душа на месте, на кружевах заработала копейку – на смертный день и отойдет когда, так не в тягость людям и казне будет* («Печальный детектив»); *А родители, Донат Аркадьевич и Татьяна Илларионовна, меж тем покинули сей неспокойный свет, один за другим отплыли к тихим берегам лучшего мира* («Прокляты и убиты»); *Уходят бойцы фронта боевого и трудового. Покидают земные пределы последние их колонны* («Жизнь прожить»). Контекстные сопроводители выделенных лексем (*сей неспокойный свет, к тихим берегам лучшего мира, земные пределы*) имплицитно указывают на то, что после смерти тоже есть некое бытие. Это максимально сближает данные слова со словами и сверхсловными образованиями, выделенными нами в зону единиц, семантика которых связана с представлением о бытии после смерти. Непрямое называние смерти наблюдается и в сверхсловных единицах *без жизни, не стать, нет на свете: ... море было не только беззвучно, оно было пустое, без зерен, без жизни...* («Прокляты и убиты»); *– А милой Веры Афанасьевны, вашей классной руководительницы, не стало <...> сообщила она, завязывая разговор* («Веселый солдат»). Словосочетание *нет на свете* употребляется по отношению к неодушевленному предмету: *Я вздрогнул и обернулся, уверенный, что макаронины давно уж нет на свете, что унес ее, нежную, сладкую, этот серый, молчаливый, нет, не человек, а волк...* (Там же: 58). В этом примере чувствуется доля горькой иронии автора, он изображает ситуацию, когда голодные солдаты, деля один котелок на двоих, вынуждены были при этом сохранять определенное достоинство в поведении. Данное словосочетание репрезентирует естественную смерть макаронины: ведь она предназначена для еды.

Часто в творчестве В.П. Астафьева встречается ФЕ *испустить дух*. В зону выделенных единиц вошло два ее употребления: *На всем, на всем, что было и не было вокруг, царило беспросветное отчуждение, неземная пустынность, в которой царапалась слабеющей лапой, источившимся когтем неведомая, дух испускающая тварь...* («Прокляты и убиты»); *Из грязной канавы и пены торчали и гудели горлами бутылки разных мастей <...> иногда проносило аж до самой реки, в которую резво втекал зловонный поток канавы, какую-нибудь диковину: испустившего резиновый дух крокодила Гену; красный круг из больницы...* («Людочка»). Первый пример метафорически символизирует ту обстановку, в которую попали, выйдя из поезда, солдаты запасного полка. Оригинально использование этой ФЕ во втором примере. В рассказе «Людочка» буквальное значение ФЕ ‘выпустить из какого-л. вместилища воздух’ контаминирует с переносным ‘выйти из употребления’ (что и означает смерть для неодушевленного предмета). Внешняя морфологическая трансформация компонента *испустить* в обоих примерах привносит во ФЕ экспрессивно-квантитативный показатель (*испускающая, испустившая*), определяющий стадии самого процесса.

Итак, представления о естественной смерти в творчестве В.П. Астафьева, вербализованные небольшим числом единиц, в основном, связаны с пониманием явления смерти как закономерного финала кого-, чего-л. Естественной считается смерть вследствие зрелого возраста, что традиционно вообще для русского миропонимания. Некоторые единицы отнесены в данную зону условно, т.к. ни их значение, ни контекстное употребление не указывают ни на характер, ни на причину смерти.

Анализируемая зона отличается неравномерным соотношением нейтральных единиц и единиц, стилистически окрашенных, с окказиональным и переносным значением (явно преобладают последние). Для дериватов, объединенных в данной группе, характерны словообразовательные значения ограничительного (префиксы *по-, при-: помирать/помереть, поумирать, примереть*) и длительно-интенсивного (префикс *у-: угасание, уходить, уходящий*) способов действия.

Таким образом, утверждая, что исследование концептосфер, характерных для идиостиля того или иного автора, является одним из актуальных направлений в современной когнитивистике и лингвоанализе художественного текста, мы попытались представить возможную структуру словарной статьи в словаре концептосферы В.П. Астафьева на примере одного из наиболее ярких концептов его творчества – концепта-константы «Смерть».

ЛИТЕРАТУРА

Астафьев В.П. Произведения 1980-х годов. Печальный детектив: роман. Рассказы // В.П. Астафьев. Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т.9. – С.7–438.

Астафьев В.П. Прокляты и убиты: роман // В.П. Астафьев. Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. – Т.10. – С.5–744.

Астафьев В.П. Веселый солдат: повесть // Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. – Т.13. – С.5–242.

Астафьев В.П. Из тихого света: попытка исповеди // В.П. Астафьев. Собр. соч.: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1998. – Т.13. – С.707–728.

Большев А.О. Проблема народного характера в творчестве В. Белова, В. Астафьева, В. Распутина: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1986.

БТС: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. яз., 1991. – Т.4. Р–V.

СОШ: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2002.

Осипова А.А. Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 2005.

РАС: Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов [и др.] – М.: Помовский и партнеры, 1994. – Кн.1. Прямой словарь: от стимула к реакции.

МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1988. – Т.4. С–Я.

СлРЯ XI–XVII: Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 2000. – Вып.25.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т.13.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, по изд. 1893 г. – Т.3. Ч.1.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2001.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. – М.: Гос. изд-во нац. и иностр. словарей, 1940. – Т.4. С–Я.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1971. – Т.3.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М.: Сов. энцикл., 1983.

Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001.

ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1993. – Вып.18.

DICTIONARY OF V.P. ASTAFJEV'S CONCEPTUAL SPHERE: COMPILING PRINCIPLES

A.A. Osipova

The article deals with problems and principles of compiling a dictionary of V.P. Astafjev's conceptual sphere with a major focus of interest for his key concept multiple verbalizations, which reflect peculiarities of his individual linguistic world-image. The concept "Death" serves as an illustration for the vocabulary entry structure.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово С.Г. Шулежковой 3

ФИЛОЛОГИЯ

РУССКАЯ ПАРЕМИОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ СЛАВИСТИКИ

Мокиенко В.М. (Санкт-Петербург) — Большой словарь русских пословиц (опыт составления) 5
Калита И.В. (Усти-на-Лабе) — Национально-ценностная стратификация в новейших литературных паремиях 19
Семененко Н.Н. (Старый Оскол) — Тематический принцип паремиографии в свете современной лингвокогнитивистики 23
Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург) — Паремиологическое пространство в практике составления словарей 28
Szutkowski T. (Szczecin) — Jednostki paremiologiczne z komponentem 33
Бочина Т.Г. (Казань) — Паремика в словаре мотивов русского фольклора 37
Панина Л.С. (Оренбург) — Паремии как фразеографический потенциал многонационального региона (Опыт словаря пословиц народов, живущих в Оренбургском крае) 42
Соловьева Н.С. (Магнитогорск) — Отражение гендерных стереотипов в словаре антипословиц русского народа 45
Баскакова Н.Н. (Кострома) — Фразеографическое описание паремиологического состава повествовательной прозы русских писателей-народников XIX в. 49
Кацюба Л.Б. (Челябинск) — Отражение религиозности русского человека в паремиях по данным словаря В.И. Даля. 51
Гневэк О.В. (Магнитогорск) — Изменение семантики лексемы *бог* (по материалам современных фразеологических словарей, а также собраний русских пословиц и антипословиц) 56

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ. ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ КРЫЛАТЫХ СЛОВ И КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ, ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИХ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Шулежкова С.Г. (Магнитогорск) — Лексикографическое описание крылатых единиц: проблемы и перспективы 62
Вальтер Х. (Грайфсвальд) — Лексикографическое описание библейской фразеологии (из опыта немецко-русского словаря библеизмов) 73
Дядечко Л.П., Петренко О.В. (Киев), *Прадед Ю.Ф.* (Симферополь) — Концептуальные основы русско-украинского и украинско-русского словаря крылатых имен и выражений Н.В. Гоголя 79
Степанова Л.И. (Оломоуц) — К проблеме перевода крылатых выражений 83
Иванов Е.Е. (Могилев) — Критерии систематизации афористического материала как объекта лексикографического описания. 88
Сидоренко К.П. (Санкт-Петербург) — «Горе от ума» как объект словаря интертекстовых единиц 92
Зыкова Е.И. (Санкт-Петербург) — Принципы построения и лексикографического описания «школьного словаря крылатых слов русского языка» 96

Григораш А.М. (Киев) — Комплексные приемы интерпретации крылатых выражений – названий художественных произведений в специальном словаре (на материале русскоязычной прессы Украины) 102
Дудко Е.С. (Санкт-Петербург) — Интертекстуальность детской литературы XX века: прецедентные феномены в восприятии современного носителя языка и пути их словарного комментирования 106
Бабарика Н.А. (Киев) — Заимствованные крылатые слова и выражения в славянской и западноевропейской лексикографической традиции 111
Каменев К.В. (Магнитогорск) — Фиксация в современных словарях крылатых единиц, восходящих к синтетическим жанрам искусства 115

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Алефиренко Н.Ф. (Белгород) — Методологические векторы когнитивно-синергетической фразеографии 120
Радзиховская В.К. (Москва) — Лексикография поля взаимности в свете синергетики 128
Анохина С.А. (Магнитогорск) — Лексикографические источники как материал исследования семантических связей вербализаторов концепта «Чудо» 136
Меркулова Н.В. (Магнитогорск) — Концепт «Заговор» в русской языковой картине мира (материалы к антологии русских национальных концептов) 140
Лунцова О.М. (Магнитогорск) — Языковое воплощение градиент-концепта «Дружба-Мир-Вражда» (на материале лексикографических и фразеографических источников) 147
Сибирева М.В. (Москва) — Концепт «Вера» в русской языковой картине мира: лексикографический аспект 150
Бугаева И.В. (Москва) — Концепт «Праздник» в религиозном дискурсе: лексикографический аспект 155
Голованов И.А. (Челябинск) — «Справедливость» как концепт-универсалия в региональном словаре духовной культуры 159
Морозова И.А. (Борисоглебск) — Объективация концепта «Женщина» во фразеологических словарях русского языка 163
Голованева М.А. (Астрахань) — Фразеологическая единица в когнитивном пространстве драматического дискурса 168
Черепова И.С. (Санкт-Петербург) — Словарная репрезентация концепта «Книга»: его лингвокультурологическая значимость 171
Плотникова А.М. (Екатеринбург) — Когнитивные сценарии поведения человека и их репрезентация в словарях (на материале глаголов и глагольных фразеологизмов) 175
Паршина И.Г. (Белгород) — Моделирование в словаре когнитивно-дискурсивного контекста устойчивых сравнений (на материале словесного творчества поэтов Белгородчины) 179

ИСТОРИЧЕСКИЙ, ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ТРУДАХ

Байрамова Л.К. (Казань) — О проекте славянского фразеологического словаря: универсально-уникальный, историко-этимологический, аксиологический параметры 184
Гочанин М., Лазић-Коњик И. (Белград) — Прилог лексикографској обради неких глагола у српском језику 188
Бајић Р. (Белград) — Лексикографска обрада неких лексема из области православне духовности у једнојезичним речницима српског језика 192
Мишина Л.Н. (Магнитогорск) — О толковании значений слов в словарях древних славянских языков 197
Липатов А.Т. (Йошкар-Ола) — Историко-этимологический анализ русской поговорки «На́ тебе, боже, что нам (мне) не гоже» 202

Костючук Л.Я. (Псков) — Лексикографическая база в помощь лингвистическим исследованиям . . . 209
Полякова Е.Н. (Пермь) — Этимологический комментарий в русском региональном словаре отпрозвищных фамилий. . . . 214
Лопутько О.П. (Новосибирск) — Устойчивая формула в структуре лексикографического описания древнерусского слова . . . 219
Клинкова И.С. (Магнитогорск) — О словарях русских фамилий (историко-этимологические заметки) . . . 223
Мароевич Р.Н. (Белград) — Малый старославянский словарь в кругу древнеславянских словарей . . . 229
Франчук О.В. (Магнитогорск) — О проекте создания историко-этимологического словаря, отражающего историю колоколов, колокольных звонов и колокололитейного искусства на русской земле . . . 233
Попова М.Н. (Новомосковск) — Особенности концептуализации слова *воровство* при сопоставлении компонентов значения на разных этапах развития языка (по материалам словарей XVI–XX вв.). . . . 240
Николенкова Н.В. (Москва) — Служебные части речи в грамматиках церковнославянского языка XVI–XVIII вв. и в современных исторических словарях. . . . 244
Табаченко Л.В. (Ростов-на-Дону) — Приставочные позиционные глаголы в историко-этимологических словарях: проблемы и решения . . . 247
Гараева Л.А. (Магнитогорск) — Устойчивые словесные комплексы, обозначающие начало и конец военных действий, как материал для лексикографирования (по текстам воинских повестей XII–XVII веков) . . . 252
Коротенко М.А. (Магнитогорск) — Устойчивые словесные комплексы-наименования видов преступлений как материал для словаря языка расколоучителей второй половины XVII в.) . . . 256
Петрова И.В. (Магнитогорск) — Устойчивые словесные комплексы с компонентом *время* в Пустозерской прозе (материалы к «Словарю языка писателей раскола») . . . 261
Арапов О.А. (Магнитогорск) — Библеизмы в языке духовного фольклора и их лексикографическое описание . . . 267
Кислова Е.И. (Москва) — Печатные проповеди середины XVIII века как лексикографический источник . . . 270
Кокорина Ю.Г. (Москва) — Первый опыт создания археологического словаря на русском языке (о выступлении В.А. Городцова на XI Археологическом съезде в 1901 году). . . . 274
Гилазетдинова Г.Х. (Казань) — Принципы организации словаря тюркских заимствований в языке старорусского периода . . . 279

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ В ДВУЯЗЫЧНЫХ И МНОГОЯЗЫЧНЫХ СЛОВАРЯХ

Хлебда В. (Ополе) — Может ли двуязычный словарь быть источником этнолингвистической информации? . . . 284
Горбачевский А.А. (Челябинск), *Шушарина И.А.* (Курган) — Русский и польский: о словаре ложных друзей переводчика . . . 288
Дьёрке З. (Сегед) — Явление межъязыковой русско-венгерской фразеологической омонимии и его отражение в двуязычной фразеографии . . . 293
Финк Ж. (Загреб) — Сравнительные фразеологизмы романских и германских языков в сопоставлении с хорватскими (опыт составления словаря) . . . 302
Георгиева С.И. (Пловдив) — О фразеологических инновациях и способах их представления в словарях . . . 306
Родзевич Б. (Щецин) — Фразеологизмы в ассоциативных словарях (на материале польского и русского языков). . . . 310

Алексеева М.Л. (Екатеринбург) — Русские реалии в словарях: диахронический русско-немецкий словарь реалий . . . 314
Авдеева О.И. (Майкоп) — К проблеме составления идеографического русско-адыгейского и адыгейско-русского словаря фразеологических аналогов . . . 319
Каллибекова Г.А. (Нукус) — Проблемы перевода в русско-каракалпакских словарях синонимов . . . 322
Маркова Е.М. (Москва) — О проекте нового словаря русско-чешских межъязыковых омонимов . . . 326
Кончаревић К. (Белград) — Дидактички руско-српски теолошки речник у систему средстава наставе руског језика за теолошки образовни профил . . . 331
Тимофеева С.Б. (Челябинск) — Специфика военного термина и ее отражение в двуязычном учебном словаре . . . 335
Юсупова А.Ш. (Казань) — Татарско-русские и русско-татарские словари XIX века . . . 338
Кутьева М.В. (Москва) — Переносные значения русских и испанских орнитонимов по данным словарей . . . 343
Лебедева Л.А. (Краснодар) — Принципы построения русско-славянского словаря устойчивых сравнений . . . 347
Савельева О.С. (Челябинск) — Отражение форм рода имен существительных в словарях славянских языков . . . 351
Жунусова Ж.Н. (Астана) — Аспекты межкультурной коммуникации в лексикографическом дискурсе . . . 355
Андрианова Д.В. (Санкт-Петербург) — Парные словосочетания в славянских языках (как потенциальный материал лексикографирования) . . . 359
Кощанов К.М. (Нукус) — О современных русско-интернациональных заимствованиях в каракалпакском языке как материале для лексикографирования . . . 365
Суровцева С.И. (Челябинск) — Описание предлогов временной семантики в русских и французских словарях . . . 367

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ

Савченко Л.В. (Киев) — Фрагмент духовної культури родинних традицій українців у векторі фразеології . . . 371
Чурилина Л.Н. (Магнитогорск) — Современный православный дискурс: проблемы лексикографического представления . . . 377
Бобровская Г.В. (Волгоград) — Лексикографическое и фразеографическое отображение национально-ценностной специфики коннотации . . . 384
Радченко Е.В. (Челябинск) — Национальное своеобразие фразеологической картины мира (этюды к идеографическому словарю) . . . 388
Абрамзон Т.Е. (Магнитогорск) — «О происхождении слова Царь» А.П. Сумарокова как факт мифологии власти (материалы к статье «Царь» культурологического словаря) . . . 392
Крыга Т.И. (Киев) — Лексика с семантикой времени в разных лингвокультурах и ее отражение в ассоциативных словарях . . . 399
Токарева И.Ю. (Тула) — Лингвокультурологическая информация в словаре . . . 403
Будейко В.Э. (Челябинск) — Русские алфавитные фразеологизмы: лингвокультурный аспект фразеографии . . . 407
Андреева Е.А. (Казань) — О структуре «аксиологического русско-немецкого фразеологического словаря» . . . 411
Алещенко Е.И. (Волгоград) — Принципы составления лингвокультурологического словаря русских фольклорных концептов . . . 414

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СКВОЗЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКУЮ ПРИЗМУ

Харченко Е.В. (Челябинск) — Ассоциативный словарь как инструмент изучения языковой личности студентов уральского региона 419
Голованова Е.И. (Челябинск) — Лексикографическое описание языковой личности ученого как лингвистическая проблема 423
Нефедова Л.А. (Челябинск), *Полякова Л.С.* (Магнитогорск) — К созданию словаря языковой личности: формирование языковой личности политика средствами гендерных стратегий 428
Рогожникова Т.М., Гарипова Р.Н. (Уфа) — Словарь языковой личности: ассоциативные портреты и лингвокультурные типажи 433
Соловьева А.Д. (Челябинск) — Отражение языковой личности В.М. Шукшина в фразеологическом словаре писателя 437
Соловьева О.И. (Магнитогорск) — К вопросу о создании словаря языковой личности писателя: идиостиль А. Аверченко через фразеологическую призму 441
Бушев А.Б. (Тверь) — Словарь языковой личности современного менеджера: ключевые концепты и прецедентность 445
Кудрина Н.В. (Курган) — Принципы отбора материала при составлении фразеологического словаря языка Анны Ахматовой 449
Гусейнова Т.В. (Уфа) — Опыт изучения лексико-фразеологического состава художественной речи С.Т. Аксакова (к словарю языковой личности) 454
Анохина С.В. (Курган) — К проблеме создания словаря языка прозы И.А. Бунина (на материале лексико-фразеологических антропономинантов) 458

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА

Фельде О.В. (Борхвальдт) (Красноярск) — Диалектная лексикография Приенисейской Сибири в свете лингвистической историографии 463
Власкина Т.Ю., Архипенко Н.А., Власкина Н.А. (Ростов-на-Дону) — Этнолингвистический словарь Дона: разработка концепции и создание базы данных 467
Хохлова Н.В., Цапенко С.А. (Северодвинск) — Теоретические основы лексикографического описания динамики диалектного сознания 471
Ерофеева Т.И., Грузберг Л.А. (Пермь) — Социолингвистический глоссарий пермских локализмов как словарь нового типа 476
Михайлова Л.П. (Петрозаводск) — Состав и принципы построения словаря экстенциальных лексико-фонетических вариантов в русских говорах 482
Гусева Е.Р. (Петрозаводск) — Проблемы описания служебной лексики в диалектных словарях (по данным севернорусских говоров) 486
Подюков И.А. (Пермь) — К проблеме разработки словаря традиционных промыслов русского Прикамья 491
Богачева М.В. (Пермь) — Тематический диалектный фразеологический словарь «Говорение» 494
Зверева Ю.В. (Пермь) — Тематический диалектный словарь «Человек» (на материале пермских говоров) 498
Саввина Ю.Ю. (Елец) — Попытка создания словаря фитонимической лексики Ельца и елецкой округи 502
Русинова И.И. (Пермь) — Магическая лексика Пермского края в лексикографическом аспекте 506
Проничева И.А. (Тула) — Репрезентация в лингвокультурологических словарях культурных коннотаций, основанных на толкованиях сновидений 510
Тимофеева О.В. (Шадринск) — Диалектный словарь личности 514
Пюльзю Е.А. (Петрозаводск) — Диалектная метафора как объект лексикографии 517

ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Саляев В.А. (Орел) — Лексикографирование русского сленга: проблемы и решения 522
Анищенко О.А. (Кокшетау) — О проекте «Словаря жаргона школьников и беспризорников послереволюционной России. 1920–1930-е гг.» 526
Грачев М.А. (Нижний Новгород) — К проблеме создания словаря криминальных кличек .. 531
Хайдаров Ш. (Кунгур) — Русские и интернациональные лексемы в составе прозвищ таджиков (на материале Словаря прозвищ жителей Аштского района Согдийской области Республики Таджикистан) 536
Хайдарова В.Ф. (Магнитогорск) — Фразеологизмы интернет-языка: к содержанию словарной статьи 542
Халиуллова Н.Ф. (Казань) — О словаре русской лексики и фразеологии языка наркоманов . 546
Халитова Н.Р. (Магнитогорск) — Фрагмент словаря языка «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова 550

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СЛОВАРЯХ РАЗЛИЧНОГО ТИПА. АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ ПОИСКОВЫЕ СИСТЕМЫ И СЛОВАРИ

Глинкина Л.А. (Челябинск) — Дифференциация и интеграция признаков в современных словарях как путь к энциклопедизму языка 556
Квашнина Е.Н. (Челябинск) — Словарная помета – одна из главных метаязыковых категорий лексикографии 562
Дудорова М.В. (Екатеринбург) — Лексикографическое представление прототипического значения (на материале синонимических рядов, называющих части тела) 566
Песина С.А. (Магнитогорск) — Прототипический подход к осмыслению структуры словаря 570
Огольцева Е.В. (Москва) — Приемы лексикографического толкования образно-компаративных значений (на материале МАС) 575
Воронина Т.М. (Екатеринбург) — «Насмешка» и «шутка» в лексикографическом представлении (на материале словарей синонимов) 579
Егорова Е.Н. (Мичуринск) — Девербативы в лексикографическом аспекте 584
Мухина И.К. (Екатеринбург) — Прилагательные сферы «спорт»: проблемы идеографического описания 588
Байбулатова Е.Н. (Магнитогорск) — Актуализация фрагментов словаря как лексикографическая проблема 593
Юздова Л.П. (Челябинск) — Толково-синонимический словарь как комплексная форма представления русских наречий и фразеологизмов квалитативной семантики 600
Шляхова С.С. (Пермь) — «Гул языка»: о проекте русского фоносемантического словаря ... 603
Юхмина Е.А. (Челябинск) — Функционирование компьютерных терминов в современном ассоциативном тезаурусе (на основе лингвистического эксперимента) 609
Ермакова Е.Н. (Тобольск) — Разноуровневое гнездо как один из способов организации лексем, образованных на базе фразеологизма 614
Гаева Е.В. (Курган) — Насколько корректны толковые словари русского языка? 618
Лесников С.В. (Сыктывкар) — Автоматизированная информационно-справочная система поиска лексико-семантических вариантов вокабул русского языка 622
Венцов А.В. (Санкт-Петербург), *Грудева Е.В.* (Череповец) — Акцентно размеченный корпус русского литературного языка как источник новых словарей («Словарь омографов русского языка» и «Частотный словарь словоформ русского языка») 631
Галиуллин К.Р. (Казань) — Интернет-лингвография: русские текстоописывающие словари. 635

ФРАЗЕОГРАФИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Чепасова А.М. (Челябинск) — Теоретические составляющие фразеографии 640
Бондаренко В.Т. (Тула) — Ответные фразеологические реплики русской речи как объект лексикографического описания 644
Ратушная Е.Р. (Курган) — Грамматическая характеристика фразеологизмов-антропономинантов и ее отражение в словарях 649
Павлова Н.А. (Омск) — Фразеологизмы терминологического происхождения во фразеографическом описании 654
Гриднева Т.В. (Волгоград) — Фразеографическая интерпретация оценочного элемента концепта 661
Воронцова Т.А. (Ижевск) — Фразеологизм в словаре и в речи 666
Усачева Н.Б. (Курган) — О словаре фразеологических связок 670
Шиганова Г.А. (Челябинск) — К вопросу о создании словаря фразеологических предлогов современного русского языка 674
Чепуренко А.А. (Челябинск) — Обстоятельственные фразеологизмы русского языка и их отражение в словарях 677
Ко Чун Ин (Тайвань) — Фразеологизмы с компонентом *дух* в словарях и текстах национального корпуса русского языка 681
Шведова Н.В. (Курган) — Создание частного словаря фразеологизмов с компонентом *черт* 688
Кабыш В.И. (Курган) — Словарь процессуальных фразеологизмов с компонентами *давать/дать* 693
Лапшина О.Г. (Омск) — Многозначные фразеологические единицы, обозначающие человека по социальным признакам, как объект фразеографии 697
Шевелева Т.Н. (Омск) — Противоречия в описаниях внутрифразеологических омонимов в словарях 704
Варлакова Т.В. (Омск) — Многочленные фразеологические омонимы как объект лексикографии и фразеографии 709
Николаева Е.К. (Санкт-Петербург) — Вариантность устойчивых сравнений в теории и лексикографической практике 713
Бабушкина О.Н. (Челябинск) — Проблема отражения в словаре особенностей функционирования оценочных фразеологизмов 718
Швыдкая Л.И. (Магнитогорск) — К вопросу о новых возможностях во фразеографической практике 722
Карамалак О.А. (Магнитогорск) — Роль системного значения при интерпретации фразеологизмов в современных словарях 726
Сафонова Т.В. (Киреевск) — Количественное измерение устойчивых фраз (дискурс и фразеография) 729

СЛОВАРИ НА СЛУЖБЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УЧЕБНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Черняк В.Д. (Санкт-Петербург) — Словари культурной грамотности: проблемы соотношения универсального и локального 734
Шкатова Л.А. (Челябинск) — Словарь лингвокультурной грамотности как компонент контрольно-измерительных материалов 738
Петренко Е.Е. (Омск) — Лексикографическая концепция учебных словарей для младших школьников 742
Пономарева Л.Д. (Магнитогорск) — Лексикографическое сопровождение художественной речетворческой деятельности учащихся 746
Озерова И.Н. (Омск) — Роль учебных словарей в становлении языковой личности младшего школьника (на примере анализа значения слова *личность*) 750
Антонякова Д. (Прешов) — Роль фразеологических словарей и словарей-справочников в повышении уровня языковой компетенции иностранной аудитории 755

Старикова И.Л. (Москва) — Школьный толковый словарь как средство формирования аксиологической картины мира учащегося 759
Лисовская Я. (Джексонвилль) — Речь русских эмигрантов в США начала XXI века сквозь лексикографическую призму 763
Андрюшина Н.П. (Москва) — Лексические минимумы в российской системе тестирования по русскому языку как иностранному 767
Сулейманова Д.З. (Магнитогорск) — Использование лексикографических источников при изучении морфемной структуры слова в процессе подготовки студентов-филологов . . . 772

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И СЛОВАРНОЕ ДЕЛО

Власкин А.П. (Магнитогорск) — Проект «Энциклопедия Ф.М. Достоевского» в контексте развития лексикографии 780
Слободнюк С.Л. (Магнитогорск) — К вопросу о возможности словаря архетипов кризисного сознания: «Свобода», «Право», «Закон» 786
Фесенко О.П. (Омск) — О проекте фразеологического словаря дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры 792
Петров А.В. (Магнитогорск) — «Гимн лиро-эпический на прогнание французов из отечества» (1813) Г.Р. Державина (материалы к словарной статье «Историческое сознание Державина» для «Державинской энциклопедии»). 796
Коурова О.И. (Шадринск) — «Словарь традиционно-поэтической лексики и фразеологии пушкинской эпохи» как универсалий русской романтической картины мира. 801
Шумарина М.Р. (Саратов) — «Литературный портрет» слова: метаязыковое сознание автора как предмет лексикографического описания 806
Мелерович А.М. (Кострома), *Мокиенко В.М.* (Санкт-Петербург) — Опыт фразеографической систематизации употреблений фразеологизмов в русской поэзии 810
Гончарова Н.В. (Курган) — Фразеографическое описание единиц со значением лица в поэтических текстах О. Мандельштама. 815
Бобкова Ю.Г. (Пермь) — Сравнительно-метафорический комплекс В.П. Астафьева и проблема его лексикографирования. 819
Лебединская М.Н. (Курган) — Словарное описание поэтических компаративных фразеологизмов К. Бальмонта 824
Снимщикова Н.А. (Магнитогорск) — Роль номинаций с объективно-признаковым значением в формировании композиционно-стилистической структуры текста (к проблеме создания словаря языка писателя) 827
Ломакина О.В. (Тула) — Фразеографический потенциал соматизма «Глаз» (на материале текстологии Л.Н.Толстого) 832
Прокофьева А.В. (Магнитогорск) — «Растащили меня, но я счастлив...» (о «Словаре фразеологизмов в творчестве В. Высоцкого» и перспективах фразеографической работы в данном направлении) 836
Васильев Н.Л. (Саранск), *Жаткин Д.Н.* (Пенза) — О проекте «Словаря поэтического языка П.А.Вяземского» 841

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ (К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ АНТОЛОГИЙ НОВОГО ТИПА)

Таянова Т.А. (Магнитогорск) — Концепт «Свет» в творчестве религиозных писателей: опыт описания (к антологии русских художественных концептов) 846
Рудакова С.В. (Магнитогорск) — Концепт «Судьба» в лирике Е.А. Боратынского (материалы к «Антологии художественных концептов русской литературы XIX в.») 851
Зайцева Т.Б. (Магнитогорск) — Концепт «Страх» в рассказах А.П. Чехова (к антологии «Художественные константы русской литературы»). 856

Михин А.Н. (Магнитогорск) — Концепт «Время» в романе Д.С. Мережковского «Александр I» (наброски к авторскому словарю художественных концептов) 861
Андреева С.Л. (Магнитогорск) — О проблемах и возможностях лексикографического описания концептосферы художественного произведения. 866
Туктангулова Е.В. (Ижевск) — К проблеме описания динамики вербализаторов в практике создания словаря концептосферы Н.А. Заболоцкого 871
Гончарова В.Н. (Челябинск) — Словарное описание индивидуально-авторского концепта (на примере концепта «Стланик» в творчестве В. Шаламова) 874
Бедрикова М.Л. (Магнитогорск) — К вопросу о жанровой обусловленности в репрезентации признаков концепта «Смерть» в прозе В. Распутина: опыт семантико-когнитивного анализа 879
Озерова Е.Г. (Белгород) — Поэтические фразеологизмы как концепты духовной культуры и проблемы их фразеографирования 883
Осипова А.А. (Магнитогорск) — Принципы создания словаря концептосферы В.П. Астафьева 887

CONTENTS

Shulezhkova S.G (Magnitogorsk) — Opening Address. 3

PHILOLOGY

RUSSIAN PAREMIOGRAPHY IN THE CONTEXT OF SLAVIC STUDIES

Mokienko V.M. (St.-Petersburg) — The Big Dictionary of Russian proverbs (compiling experience) . 5
Kalita I.V. (Ústí nad Labem) — National Value Stratification in Contemporary Literary Paremias. 19
Semenenko N.N. (Staryi Oskol) — Thematic Principle of Paremiography in the Light of Modern Cognitive Linguistics 23
Seliverstova E.I. (St.-Petersburg) — Paremiological Space in Dictionariy Compiling 28
Shutkovski T. (Szczecin) — Paremias with Proper Name Component in Lexicography (current status and prospects) 33
Bochina T.G. (Kazan) — Paremias in the Dictionary of Russian Folk Tunes 37
Panina L.S. (Orenburg) — Proverbs as Phrasegraphic Potential of Multiethnic Territory (based on Proverbs Dictionary of Orenburg Territory Ethnic Groups) 42
Solovyova N.S. (Magnitogorsk) — Gender Stereotypes in the Dictionary of Antiproverbs of Russian People 45
Baskakova N.N. (Kostroma) — Phraseographic Description of Paremia in the Prose of Russian Narodnik (Populist) Writers of the 19th century 49
Katsyuba L.B. (Chelyabinsk) — Russian Religiosity through Paremias (based on V.I. Dal's Dictionary) 51
Gnevek O.V. (Magnitogorsk) — Semantic Change of the Lexeme – Bog (the God) (based on Modern Phraseological Dictionaries and Collections of Russian Proverbs and Anti-proverbs) 56

FOUNDATIONS OF POPULAR-PHRASE LEXICOGRAPHIC THEORY. PRINCIPLES OF SLAVIC WINGED WORDS AND POPULAR PHRASES DESCRIPTION IN LINGUISTIC, ENCYCLOPEDIC, AND COMPARATIVE DICTIONARIES

Shulezhkova S.G. (Magnitogorsk) — Lexicographic Description of Popular Phrases (Winged Words): Problems and Prospects. 62
Valter H. (Greifswald) — Lexicographic Description of Biblical Phraseology (based on the German-Russian Dictionary of Biblical Expressions) 73
Dyadechko L.P., Petrenko O.V. (Kiev), *Praded U.F.* (Simpheropol) — Conceptual Basis of the Russian-Ukrainian and Ukrainian-Russian Dictionary of N.V. Gogol's Winged Words and Expressions 79
Stepanova L.I. (Olomoutz) — Translating Popular Expressions (Winged Words) 83
Ivanov E.E. (Mogilev) — Aphorism as the Object of Lexicographic Description: Criteria of Systematization 88
Sidorenko K.P. (St.-Petersburg) — “Gorye ot Uma” (“Sorrow comes from Mind”) as an Object of Inter-Textual Units Dictionary 92
Zykova E.I. (St.-Petersburg) — School Dictionary of Russian Popular Phrases (Winged Words): Principles of Modeling and Lexicographic Description 96

Grigorash A.P. (Kiev) — Comprehensive Treatment of Popular Book-Title Expressions (Winged Words) in a Specialized Dictionary (based on Ukrainian Periodicals Published in Russian) . . . 102
Dudko E.S. (St.-Petersburg) — Children's Literature of the 20th c. and Intertextuality: Precedent Phenomena in Modern Native Speaker's Perception and Dictionary Comment Means 106
Babarika N.A. (Kiev) — Loan Winged Words in Slavic and West-European Traditional Lexicography 111
Kamenev K.V. (Magnitogorsk) — Synthetic-art-genre-based Popular Phrases (Winged Units) in Present-day Dictionaries. 115

COGNITIVE ASPECTS OF LEXICOGRAPHY

Alefirenko N.F. (Belgorod) — Methodological Vectors of Cognitive-Synergetic Phraseography. . . . 120
Radzikhovskaya V.K. (Moscow) — Lexicographic Aspect of Reciprocity Field within the Framework of Synergy 128
Anohina S.A. (Magnitogorsk) — Lexicographic Sources as the Research Basis of semantic Links of the Concept "Chudo" (Miracle) Verbalizators 136
Merkulova N.V. (Magnitogorsk) — Concept "Conspiracy" in Russian Linguistic World-image (for the Anthology of Russian National Concepts) 140
Luntsova O.M. (Magnitogorsk) — Linguistic Embodiment of the Gradient-concept "Friendship-Peace-Enmity" (based on Lexicographic and Phraseographic Sources) 147
Sibiryova M.V. (Moscow) — Concept "Faith" in Russian Linguistic World Image (Lexicographic Aspect) 150
Bugayeva I.V. (Moscow) — Concept "Festival" in Religious Discourse: Lexicographic Aspect 155
Golovanov I.A. (Chelyabinsk) — "Justice" as a Universal Concept In the Regional Dictionary of Spiritual Culture 159
Morozova I.A. (Borisoglebsk) — Objectification of Concept "Woman" in Russian Phraseological Dictionaries 163
Golovanyova M.A. (Astrakhan) — Phraseological Unit in Cognitive Space of Theatrical Discourse. 168
Cherepova I.S. (St.-Petersburg) — Dictionary Representation of Concept "Book": Linguo-cultural Significance 171
Plotnikova A.M. (Ekaterinburg) — Cognitive Action Script and Its Dictionary Presentation (based on Verbs and Verbal Fixed Phrases) 175
Parshina I.G. (Belgorod) — Dictionary Representation of Fixed-comparisons Cognitive-discourse Context (based on Belgorod Poets Creations) 179

HISTORICAL, ETYMOLOGICAL, AND DIACHRONIC ASPECTS OF LINGUISTIC UNITS IN LEXICOGRAPHIC STUDIES

Bayramova L.K. (Kazan) — The Slavic Phraseological Dictionary Project: Universal/Unique, Historical-etymological, Axiological Parameters 184
Gochanin M., Lazich-Kon'ik I. (Belgrad) — Addition to Lexicographic Description of Some Serbian Verbs 188
Bajich R. (Belgrad) — Lexicographic Processing of Some Orthodoxy Lexemes in Serbian Monolingual Dictionaries 192
Mishina L.N. (Magnitogorsk) — Word Definitions in Dictionaries of Old Slavic Languages 197
Lipatov A.T. (Yoshkar-Ola) — Historical and Etymological Analysis of the Russian Proverb 202
Kostyuchuk L.Ya. (Pskov) — Lexicographic Basis for the Benefit of Linguistic Studies 209
Polyakova E.N. (Perm) — Etymological Commentary in Russian Regional Dictionary of Surnames of Nickname Origin 214
Loputko O.P. (Novosibirsk) — Fixed Formula in Old Russian Word Lexicographic Description Structure 219
Klinkova I.S. (Magnitogorsk) — Dictionaries of Russian Surnames 223

Maroyevich R. (Belgrad) — Old Church Slavonic Dictionary (based on the Manuscripts from 10th–11th cc.) Among a Number of Old Slavonic Dictionaries 229
Franchuk O.V. (Magnitogorsk) — On the Historico-etymological Dictionary of the Bells and Companology in Russia 233
Popova M.N. (Novomoskovsk) — Comparative Estimate of Semantic Components to Reveal the Word Vorovstvo Conceptualization throughout Linguistic Development (on the basis of the 16th – 20th cc. Dictionaries) 240
Nikolenkova N.V. (Moscow) — Form Words in Old Church Slavonic Grammar Books of the 16th – 18th cc. and in Modern Historical Dictionaries 244
Tabachenko L.V. (Rostov-on-Don) — Prefixed Positional Verbs in Histotic-Etymological Dictionaries: Problems and Solutions 247
Garayeva L.A. (Magnitogorsk) — Fixed Phrases Denoting Start and Cessation of Hostilities as Lexicographic Material (based on 12th – 17th cc. War Stories) 252
Korotenko M.A. (Magnitogorsk) — Collocations Objectifying Crimes (Data on Raskol'niki Vocabulary of the second half of the 17th c.) 256
Petrova I.V. (Magnitogorsk) — Fixed Collocations with Component Time in Pustozyorsk Prose (Material for "The Dictionary of the Russian Schism Writers Language") 261
Arapov O.A. (Magnitogorsk) — Biblical Expressions in Spiritual Folklore and their Lexicographic Description 267
Kislova E.I. (Moscow) — Printed Sermons of the Middle of the 18th century as a Lexicographic Source 270
Kokorina Yu.G. (Moscow) — First Russian Experimental Archeological Dictionary (on V.A. Gorodtsov's Presentation at the 11th Archeological Congress in 1901) 274
Gilazetdinova G.Kh. (Kazan) — Arrangement Principles of the Dictionary of Turkic Loans in Old Russian 279

CROSS-CULTURAL COMMUNICATION, NATIONAL AND INTERNATIONAL ASPECTS IN BILINGUAL AND POLYGLOT DICTIONARIES

Khlebda V. (Opole) — Can a Bilingual Dictionary be a Source of Ethnolinguistic Information? . . . 284
Gorbachevsky A.A. (Chelyabinsk), *Shusharina I.A.* (Kurgan) — Russian and Polish: the Dictionary of Translator's False Friends 288
Dyorke Z. (Seged) — Inter-linguistic Russian-hungarian Phraseological Homonymy and Its Reflection in Bilingual Phraseography 293
Fink Zh. (Zagreb) — Comparative Fixed Phrases of Romance and Germanic Languages in Comparison with Croatian (Dictionary Compiling Experience) 302
Georgieva S.I. (Plovdiv) — On Phraseological Innovations and Methods to Represent Them in Dictionaries 306
Rodzevich B. (Szczecin) — Fixed Phrases in Associative Dictionaries (based on Polish and Russian). 310
Aleksyeeva M.L. (Ekaterinburg) — Russian Realia in Dictionaries: Russian-German Diachronic Dictionary of Realia 314
Avdeyeva O.I. (Maikop) — Ideographic Russian-Adygei and Adygei-Russian Dictionary of Phraseological Analogs 319
Kallibekova G.A. (Nukus) — Translation Issues in Russian-Karakalpak Dictionaries of Synonyms . 322
Markova E.M. (Moscow) — Draft Dictionary of Russian-Czech Inter-linguistic Homonyms 326
Koncharevich K. (Belgrad) — The Theology Learner's Russian-Serbian Dictionary in the System of Teaching Aids for Theology Students Learning Russian 331
Timofeyeva S.B. (Chelyabinsk) — Military Terms in the Learner's Bilingual Dictionary. 335
Yusupova A.S. (Kazan) — Tatar-Russian and Russian-Tatar Dictionaries of the 19th c. 338
Kutyeva M.V. (Moscow) — Russian and Spanish Figurative Ornithonyms (based on Dictionaries) . 343
Lebedeva L.A. (Krasnodar) — Structure Principles of the Russian-Slavonic Dictionary of Fixed Comparative Phrases 347
Savelyeva O.S. (Chelyabinsk) — Noun Gender Characteristics in Dictionaries of Slavic Languages 351
Zhunusova Zh. (Astana) — Intercultural Communication as an Aspect of Lexicographic Discourse 355

Andrianova D.V. (St.-Petersburg) — The origin of Two-Word Fixed Expressions in Slavic Languages (as Material for Lexicography) 359
Koshchanov K.M. (Nukus) — Present-day Russian and Foreign Loans in Karakalpak as Lexicographic Source 365
Surovtseva S.I. (Chelyabinsk) — Lexicographic Description of Temporal Prepositions in Russian and French 367

LINGUOCULTURAL ASPECTS OF LEXICOGRAPHY

Savchenko L.V. (Kiev) — Spiritual Culture of East Slavic Peoples through Phraseology (Etymological Aspect) 371
Churilina L.N. (Magnitogorsk) — Modern Pravoslavny Discourse (Lexicographic Representation Issues) 377
Bobrovskaya G.V. (Volgograd) — Lexicographic and Phraseographic Presentation of Ethnic Value Connotations 384
Radchenko E.V. (Chelyabinsk) — National Peculiarity of Phraseological World-image (Sketches of the Ideographic Dictionary) 388
Abramzon T.E. (Magnitogorsk) — A.P. Sumarokov's Essay on the Origin of the Word "Tsar" as a Myth of Authority (Data for the Vocabulary Entry "Tsar" of the Culturological Dictionary) . . 392
Kryga T.I. (Kiev) — Time Semantics Vocabulary in Associative Dictionaries and Different Linguistic Cultures 399
Tokareva I.Yu. (Tula) — Linguo-cultural Information in Dictionaries 403
Budeiko V.E. (Chelyabinsk) — Russian Alphabetic Phraseological Units: Lingo-cultural Aspect of Phraseography 407
Andreyeva E.A. (Kazan) — Structural Characteristics of the Russian-German Axiological Dictionary of Fixed Phrases 411
Aleshchenko E.I. (Volgograd) — Principles of Compiling Lingo-cultural Dictionary of Russian Folklore Concepts 414

LINGUISTIC PERSONALITY THROUGH WORDS AND PHRASES

Kharchenko E.V. (Chelyabinsk) — Associative Dictionary as a Means of Studying Linguistic Personality of the Ural Region Students 419
Golovanova E.I. (Chelyabinsk) — Lexicographic Description of the Academic Linguistic Personality as a Linguistic Problem 423
Nefyodova L.A. (Chelyabinsk), *Polyakova L.S.* (Magnitogorsk) — Linguistic Personality Vocabulary: Politician's Linguistic Personality Through Gender Strategies 428
Rogozhnikova T.M., Garipova R.N. (Ufa) — Linguistic Personality Glossary: Associative Portraits and Lingo-cultural Types 433
Solovyova A.D. (Chelyabinsk) — V.M. Shukshin's Linguistic Personality in the Phraseological Concordance 437
Solovyova O.I. (Magnitogorsk) — Writer's linguistic Personality Vocabulary: A. Averchenko's Idiolect through Phraseology 441
Bushev A.B. (Tver) — Linguistic Personality: Key Concepts and Precedents 445
Kudrina N.V. (Kurgan) — Unit Selection Principles in compiling Phraseological Concordance of Anna Akhmatova 449
Guseynova T.V. (Ufa) — The Study of Words-and-phrases of S.T. Aksakov's Prose Style (on a Linguistic Personality Concordance) 454
Anokhina S.V. (Kurgan) — On I.A. Bunin's Prose Glossary (based on Words and Phrases naming People) 458

LEXICOGRAPHIC TREATMENT OF DIALECT DATA

Felde O.V. (Borhvaldt) (Krasnoyarsk) — Dialect Lexicography of Priyeniseysk Siberia in the Light of Linguistic Historiography 463
Vlaskina T.Yu., Arkhipenko N.A., Vlaskina N.A. (Rostov-on-Don) — Ethnolinguistic Dictionary of the Don Region: Concept and Database Development 467
Khohlova N.V., Tsapenko S.V. (Severodvinsk) — Theoretical Basis of Lexicographic Description of Dialect Consciousness Dynamics 471
Yerofeyeva T.I., Gruzberg L.A. (Perm) — Socio-linguistic Glossary of Perm Localisms as a New Dictionary Type 476
Mikhaylova L.P. (Petrozavodsk) — Word-stock and Makeup Principles of the "Dictionary of Extential Lexical and Phonetic Variants in Russian Dialects" 482
Guseva E.R. (Petrozavodsk) — Form Word Presentation in Dialect Dictionaries (based on North Russian Dialects) 486
Podyukov I.A. (Perm) — Dictionary of Traditional Crafts of Russian Prikamye 491
Bogachyova M.V. (Perm) — Dialect Thematic Phraseological Dictionary "Talk" 494
Zvereva Yu.V. (Perm) — Thematic Dialect Glossary "Human Being" (based on Perm Dialects) . . . 498
Savvina Yu.Yu. (Yelets) — The Dictionary of the Yel'ts Community Phytonyms 502
Rusinova I.I. (Perm) — Lexicographic Aspect of Witchcraft Vocabulary of the Perm Territory 506
Pronicheva I.A. (Tula) — Dream Interpretation on the Basis of Cultural Connotations registered in Linguo-cultural Dictionaries 510
Timofeyeva O.V. (Shadrinsk) — Dialect Dictionary of Linguistic Personality 514
Pyulzyu E.A. (Petrozavodtzk) — Dialect Metaphor as an Object of Lexicography 517

RUSSIAN SUBCULTURE LEXICOGRAPHIC PRESENTATION

Salyayev V.A. (Orel) — Lexicographic Presentation of Russian Slang: Problems and Solutions 522
Anishchenko O.A. (Kokshetau) — A Research Project on the School and Homeless Children Slanguage Dictionary of Post Revolutionary Russia (1920–1930) 526
Grachev M.A. (Nizhnij Novgorod) — Dictionary of Criminal Nicknames 531
Khaidarov Sh. (Kungur) — Thematic Dictionary compiling Experience (Russian Nicknames of Tadjiks, Residents of Ashtsk District of Sogdiyskaya Oblast, Tadjikistan) 536
Khaydarova V.F. (Magnitogorsk) — The Internet Lingo Fixed Phrases: Contents of a Vocabulary Entry 542
Khaliullova N.F. (Kazan) — Russian Word and Phrase Dictionary of Drug Addict Lingo 546
Khalitova N.R. (Magnitogorsk) — Fragment of the glossary of V.T. Shalamov's "The Kolyma Stories" 550

LINGUISTIC UNIT DESCRIPTION PRINCIPLES IN DIFFERENT TYPE DICTIONARIES. COMPUTER-AIDED SEARCH SYSTEMS AND DICTIONARIES

Glinkina L.A. (Chelyabinsk) — Markers Differentiation and Integration in Modern Dictionaries as a Way to Encyclopedic Presentation of Linguistic Knowledge 556
Kvashnina E.N. (Chelyabinsk) — Dictionary Note as One of the Principal Lexicographic Categories 562
Dudorova M.V. (Ekaterinburg) — Lexicographic Representation of Prototype Meaning (based on Synonymic Rows Naming Parts of Body) 566
Pesina S.A. (Magnitogorsk) — Prototype Approach to understanding Dictionary Structure 570
Ogoltseva E.V. (Moscow) — Lexicographic Interpretation of Figurative-comparative Meanings . . . 575
Voronina T.M. (Ekaterinburg) — "Jest" and "Jibe" in Lexicographic Representation (based on Synonymic Dictionaries) 579
Egorova E.N. (Michurinsk) — Lexicographic Aspect of Deverbatives 584
Mukhina I.K. (Ekaterinburg) — Adjectives of the Concept Sphere "Sports": Ideographic Description Issues 588

Baybulatova E.N. (Magnitogorsk) — Actualization of the Dictionary Fragments as a Lexicographic Problem 593
Yuzdova L.P. (Chelyabinsk) — Explanatory Synonymic Dictionary as a Complex Form of Representation of Russian Adverbs and Qualitative Fixed Phrases 600
Shlyakhova S.S. (Perm) — Russian Phonosemantic Dictionary Project 603
Yukhmina E.A. (Chelyabinsk) — Computer Terms in Modern Associative Thesaurus (based on a Linguistic Experiment) 609
Yermakova E.N. (Tobolsk) — Heterolevel Word Family as a Means of Fixed-unit-based Lexemes Arrangement 614
Gayeva E.V. (Kurgan) — Are Russian Explanatory Dictionaries Accurate? 618
Lesnikov S.V. (Syktykvrar) — Computer-based Russian Word Retrieval Reference System 622
Ventsov A.V. (St.-Peterburg), *Grudeva E.V.* (Cherepovetz) — Accentuated Text Corpus of Literary Russian as a Source of New Dictionaries (The Dictionary of Russian Homographs and the Frequency Word Book of Russian Word Forms) 631
Galiullin K.R. (Kazan) — The Internet Linguography: Russian Text-description Dictionaries 635

PHRASEOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE

Chepasova A.M. (Chelyabinsk) — Theoretical Constituents of Phraseography 640
Bondarenko V.T. (Tula) — Russian Phraseological Replies as Lexicographic Object 644
Ratushnaya E.R. (Kurgan) — Grammatical Characteristics of Fixed Phrases Naming People and Their Dictionary Presentation 649
Pavlova N.A. (Omsk) — Fixed Phrases of Terminological Origin in Phraseography. 654
Gridneva T.V. (Volgograd) — Evaluative Element of Concept: Phraseographic Interpretation. 661
Vorontsova T.A. (Izhevsk) — Phraseology in Dictionary and Speech 666
Usachyova N.B. (Kurgan) — Dictionary of Connective Fixed Phrases 670
Shiganova G.A. (Chelyabinsk) — Dictionary of Russian Lexical and Phraseological Prepositions . . 674
Chepurenko A.A. (Chelyabinsk) — Russian Adverbial Fixed Phrases and their Dictionary Presentation 677
Ko Chun In (Taiwan) — Fixed Phrases with the Component *Dukh* (Spirit) in Dictionaries and Russian Text Corpus 681
Shvedova N.V. (Kurgan) — A restricted Dictionary of Fixed Phrases with the Component *Chyort* (Devil) 688
Kabysh V.I. (Kurgan) — The Glossary of Processual Fixed Phrases with Components *давать/дать* (to give) 693
Lapshina O.G. (Omsk) — Polysemantic Phraseological Social – Status – based Person Names as an Object of Phraseography 697
Shevelyova T.N. (Omsk) — Discrepant Dictionary Presentation of Intraphraseological Homonymy . 704
Varlakova T.V. (Omsk) — Multinomial Phraseological Homonyms as an Object of Lexicography and Phraseography 709
Nikolayeva E.K. (St.-Petersburg) — Theoretical and Lexicographic Aspects of Fixed Comparison Variation 713
Babushkina O.N. (Chelyabinsk) — Evaluative Fixed Phrase Functions as Presented in a Dictionary 718
Shvydkaya L.I. (Magnitogorsk) — A Fresh Approach to Phraseography. 722
Karamalak O.A. (Magnitogorsk) — Fixed Phrases Treatment in Modern Dictionaries in Terms of System Meaning. 726
Safonova T.V. (Kireevsk) — Quantitative Analysis of Fixed Phrases (Discourse and Phraseography) . 729

DICTIONARIES FOR THE BENEFIT TO EDUCATION: LEARNER'S LEXICOGRAPHY ISSUES

Chernyak V.D. (St.-Petersburg) — Culture Literacy Dictionaries: Correlation of the Universal and the Local 734

Shkatova L.A. (Chelyabinsk) — Dictionary of Linguo-cultural Literacy as a Component Part of Test Materials 738
Petrenko E.E. (Omsk) — Lexicographic Conception of Learner's Dictionaries for Junior Students. 742
Ponomaryova L.D. (Magnitogorsk) — Lexicographic Support of Pupils Literary Speech Activity . . 746
Ozerova I.N. (Omsk) — Learner's Dictionaries Role in Developing Junior Schoolchild Linguistic Personality (based on the Analysis of the Meaning of the Word *Personality*) 750
Antonyakova D. (Preshov) — The Role of Phraseological Dictionaries and Reference Books in Honing Linguistic Competence of Foreign Students 755
Starikova I.L. (Moscow) — School Explanatory Dictionary as Means of Creating Pupil Axiological World Image 759
Lisovskaya Ya.N. (Jacksonville) — Present-day Dictionaries in Speech Study of Russian Immigrants to the US at the beginning of the 21st c. 763
Andryushina N.P. (Moscow) — Basic Vocabulary in Russian as a Foreign Language Test System in Russia 767
Suleymanova D.Z. (Magnitogorsk) — Lexicographic Presentation of Morphemic Word Structure and Its Role in Philology Student Training 772

LITERARY STUDIES AND LEXICOGRAPHY

Vlaskin A.P. (Magnitogorsk) — "F.M. Dostoevsky Encyclopedia" Project within the Context of Lexicography Development 780
Slobodnyuk S.L. (Magnitogorsk) — A Feasibility Study on the Archetype Dictionary of Crisis Consciousness: Freedom, Right, Law 786
Fesenko O.P. (Omsk) — Draft Phraseological Dictionary of Pushkin's Time Epistolary Friendship Discourse 792
Petrov A.V. (Magnitogorsk) — G.R. Derzhavin'S Lyrical-epic Hymn of 1813 (material of an entry "Derzhavin's Historical Awareness" for "Derzhavin encyclopedia") 796
Kourova O.I. (Shadrinsk) — The Dictionary of Traditional Poetic Words and Phrases of Pushkin Epoch as a Universal of Russian Romantic World Image 801
Shumarina M.R. (Saratov) — "Literary Portrait" of Words: Writer's Metalinguistic Awareness as an Object of Lexicographic Description 806
Melerovich A.M. (Kostroma), *Mokienko V.M.* (St.-Petersburg) — Phraseograpic Experience of Systematizing Fixed Phrase Usage in Russian Poetry 810
Goncharova N.V. (Kurgan) — Phraseographic Description of Personal-meaning Units in O. Mandelshtam's Poetic Works 815
Bobkova Yu.G. (Perm) — V.P. Astafyev's Metaphoric Comparison Complex and Its Lexicographic Presentation 819
Lebedinskaya M.I. (Kurgan) — Lexicographic Description of K. Balmont's Poetic Comparative Fixed Phrases 824
Snimshchikova N.A. (Magnitogorsk) — Objective Names in Stylistic and Composition Text Structure (On Concordance Compiling) 827
Lomakina O.V. (Tula) — Phraseographic Potential of the Somatism *Glaz* (Eye) (based on L.N. Tolstoy's Texts) 832
Prokofjeva A.V. (Magnitogorsk) — Dictionary of Phraseology in Vladimir Vysotsky's Poetry: Prospect of Phraseographic Study. 836
Vasilyev N.L. (Saransk), *Zhatkin D.N.* (Penza) — Research Project on "Glossary of P.A. Vyazemsky's poetic Language" 841

LITERARY CONCEPTS (SOME ISSUES CONCERNING NEW TYPE LITERARY ANTHOLOGIES)

Tayanova T.A. (Magnitogorsk) — Concept "Light" in Works of Religious Writers (on the Anthology of Russian Creative Art Concepts) 846

Rudakova S.V. (Magnitogorsk) — Concept "Destiny" in E.A. Boratynsky's Lyrics (on "The 19th c. Russian Literature Anthology of Artistic Concepts") 851
Zaytseva T.B. (Magnitogorsk) — Concept "Fear" in A.P. Chekhov's Stories (for the Anthology of Russian Literature Constants) 856
Mikhin A.N. (Magnitogorsk) — Concept "Time" in D.S. Merezhkovsky's Novel "Alexander I" (A Sketch of Art Concepts Glossary of the Writer) 861
Andreyeva S.L. (Magnitogorsk) — Lexicographic Description of Literary Work Conceptual Sphere: Problems and Possibilities 866
Tuktangulova E.V. (Izhevsk) — Concept Verbalizator Dynamics in N.A. Zabolotsky's Vocabulary . 871
Goncharova V.N. (Chelyabinsk) — Dictionary Representation of the Author's Concept (based on the Concept "Stlanik" in V. Shalamov's Work) 874
Bedrikova M.L. (Magnitogorsk) — Genre-based Peculiarities of Concept "Death" Realization in V. Rasputin's Prose: Experience of Semantic-cognitive Analysis 879
Ozerova E.G. (Belgorod) — Poetic Fixed Phrases as Spiritual Culture Concepts and their Phraseographic Treatment 883
Osipova A.A. (Magnitogorsk) — Dictionary of V.P. Astafjev's Conceptual Sphere: Compiling Principles 887

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Проблемы истории, филологии, культуры» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера, материалы полевых исследований, архивные материалы, а также критические статьи и рецензии на новые публикации по тематике издания. Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Рукопись (общим объемом до 1 а.л.) представляется в 1-м экземпляре, набранном на компьютере с соответствующим шрифтом (Times New Roman Cyr., 14-й кегль) и распечатанном на принтере (класса LQ-100 и выше) на белой бумаге с одной стороны листа. К тексту прилагается дискета. Текст должен занимать 29-30 строк на странице (поля стандартные). Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

2. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, примечаний, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

3. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название города (для зарубежных авторов также страны), название статьи. Например:

Е.М. Алексеева (Москва)
Местная среда ранней Горгиппии

4. Сноски (нумерация сквозная) помещаются после основного текста и оформляются по образцу:

Кошеленко Г.А., Гаибов В.А. Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. № 3. С. 221–232.

Псковские летописи. М.; Л., 1941. Т.1. С. 341.

Чернов С.С. Отчет об археологических разведках в бассейне р.Вори в 1977 г. // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 6695.

Пушкин А.С. Стихотворения Баратынского // ПСС. Л., 1948. Т. 11. С. 14.

Пигарев К.В. Баратынский. Предисловие к изд. // *Баратынский Е.А.* Стихотворения и поэмы. М., 1971. С. 7.

Чехов А.П. Драма на охоте // Собр. соч.: в 2 т. М., 1960. Т. 2. С. 356.

Аннинский Л. Беседа о странностях истории // Родина. 2008. № 2. С. 18.

ЦДОООСО. Ф. 42. Оп. 2. Д. 29. Л. 6.

5. Ссылки на оригинальные работы древних авторов, рукописи, памятники письменности, Библейские тексты приводятся в скобках в тексте и в примечания не включаются.

6. В тексте следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журналах РАН. Список сокращений обязателен!

7. К статье помимо списка сокращений необходимо приложить русский текст резюме объемом не более 1 страницы машинописного текста. Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо наиболее специфические термины, географические названия давать или в переводе, или с пояснением, а также имена на языке оригинала. Автор может приложить и свой вариант английского текста резюме в целом.

8. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором.

9. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес редакции: 455038. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 114, ауд. 510.
e-mail: history@masu.ru; c_hist@masu.ru.
Тел. (3519) 34-38-49.

Проблемы истории, филологии, культуры

Выпуск 2 (24)

Сдано в набор 20.05.2009. Подписано в печать ?????.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 74,1. Уч.-изд. л. 72,31.
Бумага тип. №2. Тираж 940 экз. Заказ № ??.

Свидетельство о регистрации ПИ № 0250 от 25.07.2006 г.
в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Учредитель: Абрамзон М.Г.

Издательство: ООО "Аналитик". 455025, г. Магнитогорск, ул. Правды, 79.
Типография МГПК.